

ОСВОБОЖДЕНИЕ
БОЛГАРИИ
ОТ
ТУРЕЦКОГО ИГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

—
ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

—
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
АРХИВ

ИНСТИТУТ ЗА ИСТОРИЯ
ПРИ БЪЛГАРСКАТА
АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ

—
НАРОДНА БИБЛИОТЕКА
«КИРИЛ И МЕТОДИЙ»

ОСВОБОЖДЕНИЕТО
НА БЪЛГАРИЯ
ОТ
ТУРСКО ИГО

ДОКУМЕНТИ
В ТРИ ТОМА

ИЗДАТЕЛСТВО «НАУКА»
МОСКВА • 1967

ОСВОБОЖДЕНИЕ
БОЛГАРИИ
ОТ
ТУРЕЦКОГО ИГА

ДОКУМЕНТЫ
В ТРЕХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1967

ТОМ ТРЕТИ

БОРБАТА НА РУСИЯ
И БЪЛГАРСКИЯ НАРОД
ЗА СЪЗДАВАНЕ
НА БЪЛГАРСКА ДЪРЖАВА

1878—1879

ПОД РЕДАКЦИЯТА НА:

доктора на истор. науки проф.

С. А. Никитин

кандидата на истор. науки

В. Д. Конобеев

профессора доктора

Х. Н. Гандев

кандидата на истор. науки

Г. Д. Тодоров

ИЗДАТЕЛСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1967

ТОМ ТРЕТИЙ

БОРЬБА РОССИИ
И БОЛГАРСКОГО НАРОДА
ЗА СОЗДАНИЕ
БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

1878—1879

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

доктора истор. наук проф.

С. А. Никитина

кандидата истор. наук

В. Д. Конобеева

профессора доктора

Х. Н. Гандева

кандидата истор. наук

Г. Д. Тодорова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1967

ТОМ ПОДГОТОВИЛИ К ПЕЧАТИ

с советской стороны:

П. В. ЗУЕВА, Д. Ф. ПОПЛЫКО,
А. А. УЛУНЯН, В. М. ХЕВРОЛИНА

с болгарской стороны:

Н. ЖЕЧЕВ, Р. СТОЯНОВА,
Г. Д. ТОДОРОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предыдущий (второй) том данного издания содержал документы, относящиеся ко времени войны за освобождение Болгарии. В настоящем, последнем томе публикации собраны материалы, характеризующие борьбу за независимое существование освобожденной Болгарии и формирование ее государственности.

Последний документ систематической подборки второго тома относился к 19 февраля 1878 г.¹ Третий том открывается документом, датированным 20 февраля 1878 г., и завершается документом от 25 апреля 1879 г. В конце третьего тома помещено несколько более поздних документов, дополняющих изложение некоторых наиболее важных вопросов. Последний из этих документов датируется 14 (26) июня 1879 г. Том завершается документами, характеризующими основные события заключительного этапа создания Болгарского государства: Тырновское учредительное собрание, принявшее конституцию, и Великое Народное собрание, избравшее князя.

Публикации по Восточной Румелии завершаются документами об окончании работы Европейской комиссии по выработке Органического устава, назначении генерал-губернатора, ликвидации угрозы введения турецких гарнизонов.

По территориальному охвату документы, помещенные в этом томе, относятся к Болгарскому княжеству и Восточной Румелии — областям, где было введено русское гражданское управление. Кроме того, в третий том включены материалы, относящиеся к Македонии. В них показана национально-освободительная борьба населения этой области против решений Берлинского конгресса. Несколько документов относятся к Южной Фракии, к вопросу о беженцах, об инспирированном Турцией мятеже мусульманского населения в Родобах, об освободительной борьбе болгарского народа.

Россия, несшая тяжелый груз феодальных пережитков, страна, где только осуществлялась внутренняя перестройка, введившая ее в число капиталистических стран, несмотря на свои потенциальные богатства и силы в результате войны оказалась в очень тяжелом положении. Слабость железнодорожной сети сковывала военные перевозки, государственные финансы были распатаны большими расходами военных лет, военное производство не могло обеспечить новую кампанию. Внутреннее положение в стране оставалось неустойчивым вследствие нарастания революционного движения. Все это вынуждало русское правительство искать соглашения с противодействовавшими ему державами. Политическая изоляция России, возникшая в результате войны, и реальная опасность создания враждебной европейской коалиции постоянно тревожили русские военные и политические круги. Англия и Австрия хорошо понимали это и оказывали сильное давление на

¹ Кроме того, во втором томе помещено несколько документов, относящихся к более позднему времени, но тематически тесно связанных с основным содержанием тома.

царское правительство². А оно хотя и составляло планы возможной войны против коалиции, понимало всю трудность такой войны, если бы из угрозы она стала реальностью. Один из наиболее осведомленных о военно-политическом положении страны человек — военный министр Д. А. Милютин — в июне 1879 г. писал: «Наши военные силы так расстроены войной, так разбросаны, что не предвидится никакого вероятия успеха»³.

Этим вызывались как попытки быстрее договориться с Турцией о превращении прелиминарного мирного договора в постоянный, так и систематическое стремление лавированием и уступками смягчить ситуацию. «Нужно искать почву для соглашения», писал Горчаков Новикову. Этим стремлением были продиктованы переговоры Новикова и Игнатьева в Вене и Шувалова в Лондоне. Такая ситуация привела в конце концов к Берлинскому конгрессу.

Хотя Союз трех императоров оказался шатким с самого начала восточного кризиса и из-за глубокого русско-австрийского антагонизма не имел практического значения как политическая комбинация, отвечавшая русским интересам на Балканах, правительство России продолжало поощряемые Бисмарком попытки договориться с Австро-Венгрией. К этому понуждали не только традиционные связи и предшествовавшие (в 1876—1877 гг.) соглашения, но и активное стремление Австрии решить балканские вопросы иначе, чем того хотела Россия. Трещина в русско-австрийских отношениях вызывала охлаждение между Россией и Германией. Русские дипломаты ясно понимали всю двусмысленность и в то же время неизбежность «посредничества» Бисмарка. Но внешнеполитическая изоляция России побуждала их поддерживать отношения с Германией, чтобы не оттолкнуть ее окончательно. Антирусская направленность ее политики впоследствии выразилась в заключении австро-германского союза.

Нельзя поэтому не признать успешным с точки зрения интересов России дипломатический ход Шувалова, который сумел 18 (30) мая 1878 г. заключить предварительное соглашение с Англией, обеспечившее определенную базу для переговоров на конгрессе.

Немалая часть достижений Сан-Стефанского мирного договора была утрачена в процессе всех этих переговоров еще до Берлинского конгресса, закрепившего разделение Сан-Стефанской Болгарии на три части (Болгарское княжество — самоуправляющееся, но признающее сюзеренитет султана и платящее Турции дань; автономную область Восточная Румелия в составе Турции, во главе с генерал-губернатором христианином и оставленную за Турцией Македонию), а также изменение ряда других статей прелиминарного мирного договора.

Публикуемые в этом томе инструкции русским представителям на Берлинском конгрессе показывают, что русское правительство понимало трудность положения и выказало волю к борьбе за его улучшение. Здесь не место говорить о самом Берлинском конгрессе, поскольку материалы его в большей своей части находятся за пределами данного издания. Достаточно упомянуть, что и в Берлине русским дипломатам удалось добиться некоторых успехов: в вопросе о Софийском санджаке, о Варне⁴.

Подписание Берлинского трактата давало возможность активизировать прямые русско-турецкие переговоры для подтверждения не подвергшихся пересмотру условий Сан-Стефанского договора⁵.

Как показывают публикуемые документы, западные державы и в этот период всячески стремились противодействовать русско-турецкому соглаше-

² В некоторых документах отражены попытки Англии заручиться согласием России на получение военно-морской базы за счет Турции.

³ «Дневник Д. А. Милютина», т. III, 1878—1880. М., 1950, стр. 68.

⁴ «П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г.». «Красный архив», 1933, т. IV (59), стр. 103.

⁵ На Берлинском конгрессе пересматривались не все статьи Сан-Стефанского договора, в частности, не менялись те статьи, которые касались только России и Турции.

нию, чтобы возможно более отяготить положение России. Все же оставался ряд вопросов, то или иное решение которых могло улучшить или ухудшить трактат с точки зрения интересов России и южных славян.

Борьба западных держав против действий России и против интересов воссоздавшейся Болгарии отразилась и в событиях последующих месяцев, отраженных в томе. Она велась в Европейской комиссии по организации Восточной Румелии, проявилась в широко известном румелийском финансовом вопросе, в вопросе о возвращении мусульманских беженцев на прежние места жительства, в вопросе о турецких преступниках, в истории так называемого Родопского восстания и во многих других. Вряд ли нужно говорить, что это замедляло и осложняло деятельность русского гражданского управления в Болгарии, отвлекало его силы от решения основных задач.

Содействие государственному формированию двух болгарских политических объединений, образованных по настоянию западных держав вместо Сан-Стефанской Болгарии, основанных на разных статутах, создание, вопреки желанием Запада, предпосылок для последующего их соединения и упрочения их независимости — вот политическая линия, которая последовательно осуществлялась Россией. Помещичье правительство царской России опиралось в своей деятельности на болгарские буржуазные круги и учитывало их стремления и интересы. Никакой другой позиции русское правительство не могло занять, если оно намеревалось сохранить влияние на Балканах — важнейшем направлении своих внешнеполитических устремлений — и в Болгарии в частности. Россия не могла не выполнять условий Берлинского трактата, который она вынуждена была принять; реализуя берлинские решения, она стремилась обеспечить дальнейшее национально-государственное развитие Болгарии. Это проявлялось и в дипломатической борьбе России, и в осуществлявшейся ею при поддержке и участии населения организации управления княжеством Болгарией и Восточной Румелией, и в подготовке как конституции княжества, так и близкого к ней Органического устава Восточной Румелии, заложивших юридическую основу буржуазно-демократического государственного порядка, и в заботе об организации в северной и южной частях Болгарии вооруженных сил, просвещения, здравоохранения и т. д.

Краткий срок русской оккупации и стремление русского правительства избежать крутой ломки традиционных местных институтов привели к тому, что русское гражданское управление при создании болгарской национальной государственности опиралось на сложившийся порядок. Поэтому некоторые административные формы, существовавшие в турецкий период (административные советы и пр.), были частично сохранены с внесением в них необходимых поправок. Так как русско-турецкая война не только уничтожила власть Турции над болгарской территорией, но и ликвидировала господство турецкого феодального класса, подавляющее большинство представителей которого бежало за пределы освобожденной русскими войсками территории, на первое место вышли болгарская буржуазия и буржуазная интеллигенция, сформировавшиеся в условиях турецкого феодального режима. Эти наиболее деятельные и образованные слои активно сотрудничали с русскими властями. Так старые административные формы наполнялись новым социальным содержанием. Различные прослойки болгарской буржуазии поставляли деятелей, овладевавших при помощи русской администрации новыми для них навыками и бравших в свои руки управление страной⁶. Использование некоторых административных форм, заимствованных у турецкого государства, не мешало Болгарии формироваться как буржуазно-демократическому государству с представительным управлением, где власть находилась в руках буржуазии.

⁶ Из более чем 3000 чиновников русских было всего 150 человек (Х. Гандел. Руската помощ за изграждането на българската държава през 1877—1879 г. «Освобождението на България от турско иго (1878—1958)». София, 1958, стр. 333).

Однако в социально-экономической жизни Болгарии сохранились феодальные пережитки: часть болгарских крестьян оказалась вынужденной выкупать свои земли у чифликчиев, вследствие слабого развития капитализма консервировались отсталые формы социально-экономических отношений (испольщина, зеленичарство и др.).

Все болгарское — и шире — все славянское население Балканского полуострова было глубоко взволновано пересмотром Сан-Стефанского мира, произведенным в Берлине. Борьба против условий Берлинского конгресса — такой была самая широкая и общая линия действий, объединявшая болгарское население разьединенных теперь территорий. На страницах данного сборника отражены все формы этой борьбы, с которыми приходилось иметь дело русской администрации, и ее отношение к ним.

Читатель познакомится с попытками использовать Тырновское учредительное собрание для протеста против Берлинского соглашения, с деятельностью тайных комитетов по организации восстания в Македонии, с основными моментами Кресненско-Разложского восстания и т. п. Надежда добиться свободы от многовекового гнета вопреки решениям Берлинского конгресса подняла Македонию, взволновала Фракию. Началась широкая петиционная кампания в областях, оставшихся под властью турок. Однако международная политическая обстановка препятствовала реализации стремлений оставленных в руках Турции областей. Наиболее важной и значительной с точки зрения последующего развития Болгарии была та созидательная работа, которая проводилась русским гражданским управлением и военными властями в княжестве Болгарии и Восточной Румелии, опиравшимися в своей деятельности на широкие круги местного населения.

Выработка либеральной конституции (нельзя не отметить, что Тырновское учредительное собрание, утверждая проект конституции, внесло ряд изменений, усиливавших ее демократические черты: статьи о приобретении свободы всяким несвободным, вступившим на территорию Болгарского княжества, о свободе печати и ассоциаций, об изменениях в составе Народного собрания и некоторые другие), создание центрального государственного аппарата и обеспечение его местными кадрами, образование органов местного самоуправления и необходимой для самозащиты молодого государства военной силы — происходили как в Болгарском княжестве, так и в Восточной Румелии, чтобы облегчить последующее их слияние, которое русское правительство считало только вопросом времени. Эта деятельность обусловила прочность вновь созданного государства, проверенную в момент объединения Болгарского княжества и Восточной Румелии (1885 г.).

Различие в отношениях и стремлениях России и западных государств ощущалось болгарским народом. Он недоверчиво относился к деятельности западных агентов, наиболее ярким примером чего были события в Сливене. В то же время болгары сердечно и дружелюбно относились к русским. Документы свидетельствуют, что в болгарской среде большим авторитетом пользовался А. М. Дондуков-Корсаков, чья деятельность имела, несомненно, положительное значение. Имея в распоряжении русских военных и штатских сотрудников, озабоченных судьбой нового государства, усердно работавших над его организацией, русский комиссар сумел также сплотить немалую группу офицеров, действовавших на местах, и направить их работу к общей цели. Можно было бы назвать немало людей, на разных участках приложивших свой труд к делу государственного строительства Болгарии. Среди них — представители русских военных кругов М. А. Домонтович, Г. И. Шигорин и др.; русские гражданские чиновники С. И. Лукьянов, К. А. Бух и др.; болгары — русские подданные М. С. Дринов, И. С. Иванов и др. Многочисленны положительные оценки этого труда и благодарности за освобождение от иноземного ига со стороны болгарского населения; об этом говорит инициатива местных жителей в наименовании городских улиц фамилиями русских деятелей, устройство по различным поводам празднеств в честь русской армии и т. п.

Изучение всего доступного исследователю документального материала, относящегося к русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и последующему периоду, показывает, что вся эта цепь явлений представляет для Европы событие огромной важности. Прогрессивный смысл его должен быть особо отмечен не только в отношении Болгарии, но и в отношении других балканских народов. Эти события привели к освобождению Болгарии от турецкого гнета, к уничтожению турецкого феодального господства, к созданию болгарского буржуазно-демократического государства. Была признана независимость Сербии, Черногории, Румынии. Но усилиями западных держав на Берлинском конгрессе сохранилось турецкое господство в Македонии, была ограничена территория Черногории.

Боснию и Герцеговину захватила Австро-Венгрия. Англия приобрела морскую базу на турецкой территории. Произошел частичный раздел старой Турции. Этот процесс Ленин справедливо охарактеризовал словами «Грабят («делают») Турцию»⁷.

Таковы главные линии событий, охватываемых настоящим томом.

Подбирая документы для третьего тома, редакция стремилась максимально осветить собственно болгарские события и те факты неболгарской истории, которые определяли их. Поэтому международно-политические отношения, связанные с вопросом о Болгарии, периода, отраженного в томе, даны достаточно подробно. Что же касается фактов истории соседних балканских земель, они представлены меньше, чем в предыдущих томах, так как события в Сербии, Боснии, Черногории и т. д. для развития отношений в Болгарии в это время были менее важными. В третьем томе значительно сокращено число документов, характеризующих русско-болгарские общественные связи. Это объясняется тем, что деятельность славянских комитетов, отраженная подробнее в предыдущих томах, важная для более раннего времени, была сильно ограничена в период войны и позднее, а закрытие Московского славянского комитета в связи с известной речью И. С. Аксакова по поводу Берлинского договора существенно уменьшило их значение и роль. Что же касается других общественных групп и течений в России, то они также мало представлены в томе. Русское общество и революционные круги даже во время восточного кризиса (1875—1876 гг.) в первую очередь волновало решение внутренних проблем. Тем более естественно это сосредоточение на внутриполитических задачах после окончания войны, в условиях кризиса самодержавия, когда нарастало революционное движение, активизировались народники, происходили крестьянские волнения, и правительство, ощущавшее свою слабость, искало опоры в консервативных слоях населения и обращалось к чрезвычайным мерам⁸.

При подготовке третьего тома, как и прежде, составители старались не повторять, а дополнять существующие издания документов, освещая в первую очередь те вопросы истории освобождения Болгарии и воссоздания Болгарского государства, которые слабо представлены в публикациях. В этот том вошли почти исключительно неопубликованные документы (из 390 документов ранее было опубликовано лишь 4; один документ был прежде издан с ошибками).

Редакция не ставила перед собой задачу дать исчерпывающую публикацию документов дипломатического характера; она включила в том лишь материалы, характеризующие борьбу русской дипломатии за независимость Болгарии. Хотя основные факты дипломатической истории данного периода излагались не раз⁹, некоторые вопросы не были освещены в опубликован-

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 28, стр. 668.

⁸ П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, стр. 66—83 и др.

⁹ С. С. Татищев. Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. II, гл. 29, 30. СПб., 1914; В. М. Хвостов. Дипломатия в новое время (1871—1914 гг.). «История дипломатии», т. II. М., 1963; В. Н. Сумнер. Russia and the Balkans, 1870—1880. Hamden—London, 1962.

ных документах. В настоящем томе представлены новые материалы, относящиеся к уже известным фактам, например, о предшествовавших Берлинскому конгрессу переговорах Новикова и Игнатьева в Вене и Шувалова в Лондоне. Материалы тома отчетливее вырисовывают захватнические планы Англии (вопрос о военно-морской базе в Средиземном море). Из документов ясно, что отрицательная позиция Англии и Австрии в отношении Сан-Стефанской Болгарии была продиктована отнюдь не совпадением интересов этих стран. Австрия стремилась обеспечить себе путь в Салоники, и потому настаивала на сохранении турецкого господства в Македонии. Англия хотела удерживать в своих руках господство над проливами и влияние в южной части Турции и в Греции, поэтому она добивалась отдаления Болгарии от Константинополя за линию Балканского хребта. Очень отчетливо выясняется полная изоляция России перед Берлинским конгрессом. В данном томе впервые приводятся инструкции русским уполномоченным на Берлинском конгрессе, дотоле известные в неполной передаче. Они представляют большой интерес, поскольку показывают отношение русского правительства к различным вариантам возможной ситуации. Читатель тома может проследить прежде излагавшиеся в литературе лишь в общих чертах переговоры России и Турции о заключении двустороннего мирного договора и влияние западных держав на эти переговоры.

Значительная часть документов третьего тома посвящена организации государственного аппарата и деятельности русского гражданского управления. В предисловии как к первому, так и ко второму томам этого издания была дана характеристика публикаций Н. Р. Овсяного и Муратова по этим вопросам¹⁰, причем отмечалась их односторонность, вытекающая из однотипности опубликованного материала. Издатели включили главным образом руководящие документы — инструкции, положения и т. д. Гораздо меньше помещено документов, характеризующих конкретную работу по созданию администрации, деятельность местных органов власти. Хотя о русском гражданском управлении существует значительная литература¹¹, многие вопросы его деятельности в ней не освещаются, так как авторы прослеживали основные линии направления политики России в том или ином вопросе, но не воссоздали конкретную картину работы гражданского управления по созданию болгарской государственной и местной администрации. Материал, впервые вводимый в научный оборот в третьем томе, отличается от предшествующих публикаций широтой тематического охвата и наличием документов, характеризующих принципиальные позиции русской власти, а также меры по частным вопросам управления. Последние весьма разнообразны. В томе имеются документы о приглашении врачей и улучшении санитарного состояния населенных пунктов, об организации народного образования, о заведении метрических книг, о введении болгарской административной терминологии и т. д. Впервые в данном издании показана забота русской власти о создании в Болгарии статистики как правильной системы учета, о проведении единовременной переписи населения городов и сел, земельных угодий, скота¹².

¹⁰ «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—1879 гг. под редакцией Н. Р. Овсяного», вып. 1—6. СПб., 1903—1907; Муратов. Документы за дейността на русите по уредбата на гражданското управление в България от 1877—1879 год. София, 1905.

¹¹ Н. Р. Овсяный. Русское управление в Болгарии в 1877—78—1879 гг., т. I—III. СПб., 1906—1907; Х. Н. Гандев. Документи за финансовата политика на княз Дондуков в България (Принос към историята на първия български бюджет). «Списание на българското икономическо дружество», кн. 9. София, 1936; он же. Преселението на тракийски българи и гърци в България през 1878—1879 г. «Архив за поселищни проучвания», кн. 2. София, 1938; он же. Руската помощ за изграждането на българската държава през 1877—1897 г. «Освобождението на България от турско иго»; Г. Д. Тодоров. Временното руско управление в България през 1877—1879. София, 1958 и др.

¹² См. С. А. Никитин. Материалы русской аграрной переписи 1879 г. в Болгарии и их научное значение. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 год». Кишинев, 1966; он же. Данные русской переписи 1879 г. о численности и национальном составе населения болгарского города. «Славянское возрождение». М., 1966.

Важная группа документов — материалы о деятельности городских советов, главным образом протоколы их заседаний. Они знакомят и с выборами в советы так, как они происходили в действительности, и с кругом вопросов, которые они решали, и с взаимоотношениями этого местного административного органа с органами гражданского управления. К сожалению, состояние болгарских архивов не позволило так же отобразить деятельность других органов местного управления.

Хотя по истории создания Тырновской конституции уже опубликованы некоторые источники и в указанных выше публикациях Н. Р. Овсяного, Муратова, и в специально посвященных этому вопросу¹³, в третий том включены материалы по этой проблеме, а также документы, относящиеся к деятельности Учредительного собрания и к обстановке, в которой оно действовало.

В истории Болгарии освещаемого томом периода большую роль играли миграции населения, объясняющиеся, с одной стороны, стремлением болгар из областей, оставшихся за пределами урезанной Берлинским конгрессом Болгарии, переселиться в освобожденные от турецкой власти земли, с другой — желанием турок, бежавших во время войны, возвратиться на прежние места. К этим двум основным потокам добавляется обратное движение болгар, сдвинутых с места военными действиями. В имевшихся ранее изданиях документов публиковались лишь общие итоговые отчетные данные. Материалы третьего тома показывают эти процессы более полно и конкретно.

Сложная международная обстановка, опасность войны с европейской коалицией, угроза введения турецких гарнизонов на Балканы и последующих осложнений придавали особое значение деятельности русских властей по укреплению обороноспособности болгарских земель, в первую очередь по организации войска Болгарского княжества. В томе, который не преследует цели быть военно-историческим изданием, помещены лишь самые важные документы о создании Болгарского ополчения и Земского войска.

Значительное место в томе занимают документы, относящиеся к Восточной Румелии. Здесь достаточно широко освещены организация управления области, деятельность Европейской комиссии, военная подготовка в новых условиях существования этой области к вооруженному отпору возможной турецкой агрессии: обучение населения стрельбе, деятельность гимнастических обществ, создание сельских караулов. В нескольких документах отражена борьба русских властей и дипломатии против намерения турецкого правительства ввести свои гарнизоны на Балканы. Материалы тома касаются и вопроса о смешанной (европейской) оккупации Румелии. Несколько документов посвящены борьбе болгарского населения против отделения этой провинции от Болгарского княжества.

Тема сопротивления решениям Берлинского конгресса занимает в томе большое место. Она звучит не только во многих документах, относящихся к Восточной Румелии, но и едва ли не во всех материалах о Македонии (протесты разных групп населения против оставления Македонии в положении турецкой провинции, документы о Кресненско-Разложском восстании). В этой связи интересны впервые публикуемые в томе протоколы комитетов болгарской буржуазно-национальной организации «Единство», возникшей в Северной Болгарии и Восточной Румелии для поддержки восстания в Македонии и объединения Восточной Румелии с княжеством. Хотя этой теме — Кресненско-Разложскому восстанию — посвящены две публика-

¹³ Э. Г р и м м. История и идейные основы проекта Органического устава, внесенного в Тырновское учредительное собрание 1879 г. «Годишник на Софийския университет, III. Юридически факултет», XVII. 1920—1921. София, 1922; И. В. К о з ь м е н к о. Петербургский проект Тырновской конституции. «Исторический архив», т. IV. М.—Л., 1949; о н а ж е. Первоначальные проекты Тырновской конституции. Сб. «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М., 1953.

ции¹⁴ и несколько работ¹⁵, авторы которых пользовались данными протоколами, полный текст их был доселе неизвестен. В издание включена большая часть протоколов, опущены лишь малосодержательные.

Редакция, подготавливавшая данное трехтомное издание на протяжении нескольких лет, сознает, что еще не исчерпаны имеющиеся в архивах неопубликованные материалы. Пришлось отказаться от освещения некоторых вопросов как ради сокращения объема издания, так и для более детальной характеристики основных проблем.

Издание документов по большинству вопросов истории нового времени не может не быть выборочным, так как делопроизводство любого учреждения или организации всегда наряду с ценными документами содержит менее важные, имеющие значение для каких-то более специальных целей, или вовсе несущественные. Обращение к ним — дело исследователя, занятого разысканиями по той или иной частной теме.

Документы всех трех томов данного издания свидетельствуют о братской помощи русского народа болгарскому не только на поле боя, но и в деле государственного устройства. Редакция надеется, что предлагаемый читателю документальный материал поможет не только при изучении событий 1876—1879 гг., но станет новым вкладом в дело укрепления вековой болгарско-русской дружбы.

Для подготовки третьего тома публикации были обследованы материалы свыше 160 архивных фондов в архивах СССР и 100 фондов в архивах Народной Республики Болгарии.

В работе по выявлению документов участвовали и советские и болгарские историки, обследовавшие архивы своих стран.

Советская группа работала в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР (ЦГАОР), Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА), Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), Центральном государственном архиве военно-морского флота (ЦГАВМФ), Государственном историческом архиве Московской области (ГИАМО), Государственном историческом архиве Ленинградской области (ГИАЛО), Архиве Академии наук СССР в Ленинграде, Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВВС), Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ОРГБЛ), Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБС-Щ), Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР (ОР ИРЛИ), Архиве внешней политики России (АВПР).

Кроме того, при помощи Главного архивного управления были получены выявленные работниками государственных архивов документы из фондов исторических архивов Украинской, Белорусской и Грузинской ССР, из архивов Краснодарского и Ставропольского краев, Одесской, Ростовской, Оренбургской, Крымской, Куйбышевской, Николаевской и Вологодской областей.

Болгарская группа обследовала материалы Архива при Болгарской Академии наук (АБАН), Центрального государственного исторического архива (ЦДИА), Болгарского исторического архива при Народной библиотеке им. Кирилла и Мефодия (НБКМ — БИА), Софийского городского и окружного государственного архива (СГОДА), Окружного государственного

¹⁴ Г. Кацаров, Ив. Кепов. Документи по Кресненското въстание от 1878 год. «Сборник на Българската Академия на науките и изкуствата. Клон историко-филологичен и философско-обществен», кн. XXXVI. София, 1942; Български патриарх Кирил. Съпротивата срещу Берлинския договор. Кресненското въстание. София, 1955.

¹⁵ Н. Левинтов. Кресненское восстание. «Вопросы истории», 1951, № 4; К. Василев. Борбата на българския народ против решенията на Берлинския конгрес (1878—1879 гг.). «Освобождението на България от турско иго».

архива в Варне (ОДА — Варна), Окружного государственного архива во Враце (ОДА — Враца), Окружного государственного архива в Ловече (ОДА — Ловеч), Окружного государственного архива в Михайловграде (ОДА — Михайловград), Окружного государственного архива в Русе (ОДА — Русе), Архива Центрального музея Народной армии в Софии (Архив ЦМНА), Болгарского исторического архива при Народной библиотеке имени Ивана Вазова в Пловдиве (НБИВ — БИА, Пловдив).

Все документы третьего тома публикуются по тем же принципам, что и в двух предшествующих томах¹⁶.

Определение состава тома и редактирование вошедшего в него материала произведено редколлегией в следующем составе: с советской стороны — доктора исторических наук профессора С. А. Никитина (руководитель) и кандидата исторических наук В. Д. Конобеева, с болгарской стороны — профессора доктора Х. Н. Гандева (руководитель) и кандидата исторических наук Г. Д. Тодорова.

Выявление документов в советских архивах выполнено: от Института славяноведения АН СССР — Н. В. Зуевой, М. В. Каргаловой, В. Д. Конобеевым (руководитель), Д. Ф. Поплыко, А. И. Сперанским, А. А. Улуняном, Е. М. Шагохиной; от ЦГВИА — Б. В. Филиповым; от ГАУ — В. М. Хевролиной. Выявление документов в болгарских архивах выполнено: Н. Жечевым, Р. Д. Стояновой, Г. Д. Тодоровым (руководитель) при участии Б. С. Мирчева.

Археографическая обработка документов осуществлена В. М. Хевролиной при участии Л. Я. Саег.

В обработке документов из архивов Болгарии участвовали Н. Жечев и Р. Д. Стоянова.

Комментарии написаны: с советской стороны — Н. В. Зуевой, кандидатом исторических наук И. В. Козьменко, кандидатом исторических наук В. Д. Конобеевым, доктором исторических наук С. А. Никитиным, Д. Ф. Поплыко, кандидатом исторических наук К. Л. Струковой, А. А. Улуняном, В. М. Хевролиной, при участии кандидата исторических наук В. Г. Карасева; с болгарской стороны — профессором доктором Х. Н. Гандевым, Н. Жечевым, Р. Д. Стояновой, кандидатом исторических наук Г. Д. Тодоровым.

Подготовка текстов документов на французском языке к печати и их переводы выполнены Е. М. Заблудовской. Редакция переводов осуществлена И. В. Козьменко.

Редакция выражает искреннюю благодарность за помощь при подготовке данной публикации руководству и сотрудникам Центрального государственного военно-исторического архива, особенно начальнику отдела публикации документальных материалов Е. П. Воронину, сотрудникам — Н. П. Жуковской, Л. Б. Леонидову, К. Н. Лукиной; Архива внешней политики России — В. И. Мазаеву, Э. В. Науменковой, В. И. Потаповой, Г. Б. Шумовой и Е. И. Чекисовой; руководству и сотрудникам Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР; Центрального государственного исторического архива; Государственного исторического архива Ленинградской области; Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина; Отдела рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР; Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; сотрудникам Болгарского исторического архива при Народной библиотеке имени Кирилла и Мефодия; Болгарского исторического архива при Народной библиотеке имени Ивана Вазова в Пловдиве; Архива при Болгарской Академии наук;

¹⁶ См. предисловие к первому тому, стр. 15—16.

Архивного отдела при Комитете по культуре и искусству; Софийского городского и окружного архива; Центрального государственного исторического архива; окружных государственных архивов в Плевене, Враце, Ловече, Русе, Варне, Тырнове, музеев в Карлове, Пазарджике, Плевне и Тырнове, а также отдельным лицам и сотрудникам всех других учреждений, которые содействовали подготовке данного издания.

Редакция выражает благодарность сотрудникам сектора славянского языкознания Института славяноведения АН СССР Е. И. Деминой, Э. И. Зелениной, М. Г. Рожновской и Н. И. Толстому за помощь в обработке документов на болгарском и сербском языках.

ДОКУМЕНТЫ
1878 год

№ 1—244

№ 1

1878 г. февраля 20. — Предписание и. д. филиппопольского губернатора А. А. Шепелева штабс-капитану л.-гв. Вольнского полка Н. С. Косовичу о введении гражданского управления в Татар-Базарджикском округе

№ 5

Филиппополь

Предназначив ваше высокоблагородие на должность начальника Татар-Базарджикского округа вверенного мне санджака, впредь до утверждения вас в оной г. заведующим гражданскими делами при е[го] и[мператорском] в[ысочестве] главнокомандующем Действующею армиею предлагаю вам отправиться к месту вашего назначения и вступить в управление названным округом на основании Временных правил о гражданском управлении в Болгарии («Сборник официальных распоряжений»)*, руководствуясь в развитие этих правил теми указаниями, которые преподаны мною и. д. начальника Хаскейского округа в прилагаемом при сем в копии предписании за № 4 **, насколько эти указания имеют характер общей для администрации всего санджака инструкции.

Границы вверяемого вам округа остаются те же, какие были при турецком владычестве, но не могут быть обозначены здесь с точностью, а потому в отношении определения их на месте вы будете сообразоваться с показаниями самих жителей, которым хорошо известно, к какому округу и санджаку принадлежало каждое селение.

По прибытии в Татар-Базарджик вы предъявите коменданту, поставленному там от военного начальства, прилагаемое при сем для передачи ему предписание командующего войсками Филиппопольского и Софийского военных округов об освобождении его от военно-полицейских обязанностей и, приняв от него все имеющиеся сведения, а также склады и запасы, не переданные в интенданство, немедленно приступите к введению гражданского управления в округе тем порядком, который мною указан в приложенной у сего инструкции поручику Заткаликю ***.

Для поддержания чисто полицейского порядка во вверенном вам округе предоставляется вам требовать от начальников строевых частей войск необходимое число нижних чинов, которые на первое время могут исполнять обязанности местной полицейской стражи впредь до окончательной ее организации. Нижних чинов этих нет надобности брать сразу целою командою для всего округа, а в тех пунктах, где расположены части войск, как, например в Тат[ар]-Базарджике и Ветринове, вы можете просить по мере надобности о назначении в ваше непосредственное распоряжение того числа

* См. «Сборник официальных распоряжений и документов по Болгарскому краю», вып. 2—3. Тырново—Свиство, 1877.

** В деле отсутствует.

*** В деле отсутствует.

нижних чинов, которое вы признаете нужным для распределения их, по соображении с местными условиями, по главнейшим центральным пунктам округа, стараясь по возможности не дробить их на слишком мелкие команды и назначая в каждый пункт одного за старшего, на ответственности которого будет лежать наблюдение за безупречным поведением подчиненных ему людей. Кроме нижних чинов пехотных, в ваше распоряжение назначаются также пять казаков, которые отправляются отсюда вместе с вами. Вся хозяйственная часть, т. е. довольствие откомандированных в ваше распоряжение нижних чинов, остается на попечении военного начальства. Вы же будете только заботиться об их удобном размещении. О том, где именно будут размещены нижние чины из сих частей для исполнения службы по вашим указаниям, я буду ожидать вашего донесения.

Сделав предварительные распоряжения по введению местного общественного устройства, прошу вас как можно скорее установить с помощью конных стражарей правильное почтовое сообщение между соседними округами Софийского санджака и Филиппопольским по крайней мере два раза в неделю, кроме экстренных случаев. Почтовых стражарей вы выставите в Татар-Базарджике и Ветринове, немедленно отпустив находящихся там временно стражарей из Софийского санджака. Для наблюдения за почтой, исполнением поставленными вами почтовыми стражарями их новых обязанностей вы можете назначить на каждую станцию по одному грамотному нижнему чину, который вместе с тем записывал бы время отправления и получения летучей почты и число пакетов. О времени установления вами таких почтовых станций известите соседнего окружного начальника Софийского санджака для донесения об этом софийскому губернатору и немедленно телеграфируйте мне.

До меня дошли сведения, что в находящихся во вверенном вам округе лесах, принадлежавших как турецкому правительству, так и общественных и частных, уступленных в 1871 г. Портою немецкой компании барона Гирша¹, производится усиленная рубка деревьев. Сведения эти подтвердились и полученным мною прошением от жителей с. Белова Татар-Базарджикского округа, при сем прилагаемом*.

Имея в виду, что истребление частной и общественной собственности вследствие произвольного распоряжения турецкого правительства не может быть допускаемо в настоящее время, я прошу вас проверить на месте справедливость показаний, изложенных в прилагаемом прошении беловских жителей, и если действительно истребление лесов как частных, так и казенных подтвердится, то принять меры к немедленному воспреещению рубки деревьев в них впредь до получения мною указаний по сему предмету от заведующего гражданскими делами. При этом вы, конечно, наблюдаете, чтобы самовольное вмешательство в это дело местных жителей, считающих свои права собственности нарушенными турецким правительством, не было отнюдь допускаемо.

Другое прошение, также при сем прилагаемое, заключает в себе жалобу жителей м. Панагюриште на произвольные действия находившегося там офицера Гальперта². Когда будете сами в Панагюриште, прошу вас обратить особенное внимание на содержащуюся в этом прошении жалобу и по тщательном расследовании дела мне донести.

О постепенном ходе введения гражданского управления во вверенном вам округе вы не оставите доставлять мне возможно частые известия.

И. д. губернатора

НБВВ — БИА, Пловдив, ф. 19, д. 4, лл. 4—5. Копия.

* В деле отсутствует.

1. Речь идет об австрийской компании для постройки железной дороги в Европейской Турции (о бароне Гирше см. 72*, стр. 141). Компания Гирша получила концессию на эксплуатацию лесов в определенном районе Родоп. Кроме того, компания захватила леса, принадлежавшие нескольким болгарским селам. В период русского гражданского управления крестьяне начали борьбу за возвращение этих лесов (см. 90, стр. 167). Русские власти выступили в защиту их требований.

2. Об этом факте нет сведений.

№ 2

1878 г. февраля 21 (марта 5). — Донесение Н. П. Игнатъева государственному канцлеру А. М. Горчакову о мерах по ускорению ратификации Сан-Стефанского договора и выполнения некоторых его статей

№ 17

San-Stéfano

Mon prince!

Dès le jour de la signature des préliminaires de paix, j'ai insisté auprès de Savfet-pacha pour faire accélérer la mise à exécution de celles des stipulations au règlement desquelles on pouvait procéder immédiatement. Je lui ai nommé indiqué les points suivants:

1) règlement de la question de l'évacuation des localités qui doivent faire partie de la principauté Bulgare et de leur remise aux autorités qui y seront instituées, conformément à l'art. VII des préliminaires¹;

2) ordre à donner à l'effet de faire évacuer Batoum et fixation du terme auquel cette évacuation sera achevée;

3) reprise par les bateaux de la compagnie russe du service sur la ligne Odessa—Constantinople ainsi que sur les autres lignes desservies par la compagnie avant la guerre, et

4) nomination des commissaires ottomans qui auront à prendre part aux travaux de délimitation de la Serbie et de la Bulgarie. Il est en effet désirable à notre point de vue que les travaux de délimitation de cette dernière principauté commencent un moment plus tôt sur les points les plus contestés, notamment entre Lulé-Bourgas et Andrinople d'une part, près de Cavalla et de Salonique de l'autre où les éléments grec et bulgare étaient le plus mêlés.

Ce qui me prouve que mes instances ont eu quelque effet, c'est que Savfet-pacha m'a spontanément parlé des détails de l'évacuation d'Ada-Kalé et de l'opportunité qu'il y aurait à la faire surveiller par un commissaire russe, afin de prévenir les difficultés qu'elle pourrait occasionner entre la garnison turque et les autorités serbes. Sur ma demande son altesse le commandant en chef a bien voulu charger de cette mission le colonel Bogolioubow, qui est désigné pour prendre part aux travaux de la délimitation turco-serbe. Savfet-pacha m'a aussi entretenu de la nécessité d'établir une entente au sujet de l'exécution de l'art. VIII des préliminaires, concernant le rasement de Schoumla et de Varna, en déterminant la façon dont il serait procédé pour en retirer les canons et le matériel de guerre qui s'y trouvaient.

Le terme de 15 jours fixé pour l'échange des ratifications à St. Pétersbourg a paru trop court aux ministres ottomans qui m'ont fait insinuer qu'on pourrait peut-être le prolonger d'un commun accord. J'ai insisté sur l'urgence d'obtenir le plus tôt possible la sanction souveraine de l'acte qui venait d'être signé car, en vue de l'état d'incertitude qui règne à Constantinople, il est de la plus haute importance que cette question soit résolue sans aucun retard².

Hier, après avoir rendu visite à la Porte, à Ahmed-Véfik-pacha et à Mustafa Assim, ministre intérimaire des affaires étrangères, j'ai été voir à Péra l'ambassadeur d'Allemagne que j'ai chaleureusement remercié pour la protection accordée à nos nationaux pendant la guerre. J'ai profité de la même

* Здесь и далее в примечаниях к документам цифра соответствует порядковому номеру в списке литературы, помещенному в конце тома.

occasion pour voir mes anciens collègues le comte Corti et le comte Zichy. Dans mon entrevue avec ce dernier, j'ai tâché de le ramener à de meilleurs sentiments à notre égard. J'ai fait mon possible pour lui prouver que nous avions ménagé tous les intérêts austro-hongrois tant au Monténégro, en Bosnie et en Herzégovine, que sur le Danube et en Serbie. A en juger par le langage de comte Zichy, c'est la durée de l'occupation de la Bulgarie par les troupes russes qui préoccupe surtout le cabinet de Vienne. Je lui fis observer que tout belligérant victorieux avait le droit d'occuper tout ou une grande partie de pays *conquis* jusqu'à l'exécution complète des conditions stipulées à la conclusion de la paix et que d'ailleurs dans l'état actuel de la Bulgarie les émigrés musulmans ne consentiraient pas à revenir dans leurs foyers, si la sécurité du pays n'était pas garantie par la présence de nos troupes. L'ambassadeur austro-hongrois finit par me donner les meilleurs assurances sur ses bonnes dispositions personnelles, cherchant à justifier son attitude par le manque d'instructions récentes, tandis que ses instructions antérieures étaient empreintes de méfiance à l'égard de nos négociations directes avec les Turcs, qui n'offraient aucune garantie formelle aux intérêts de l'Autriche-Hongrie.

J'ai l'honneur d'être, mon prince, avec le plus profond respect, de votre altesse le très humble et obéissant serviteur

comte N. Ignatiew

Помета о получении: le 2. Mars.

АВПР, ф. с. а., 1878 г., д. 31/32, лл. 23—25 об. Подлинник.

Перевод

Сан-Стефано

Князь!

Со дня подписания прелиминарного мира я настаивал перед Савфет-пашой на необходимости ускорить выполнение тех условий договора, к урегулированию которых можно было бы приступить немедленно.

Я назвал ему следующие пункты:

1) урегулирование вопроса об эвакуации местностей, которые должны войти в состав Болгарского княжества, и передача их властям, которые там будут созданы согласно ст. VII прелиминарного мирного договора ¹;

2) порядок эвакуации Батума и установление срока, в течение которого эта эвакуация должна быть осуществлена:

3) передача судам русской компании обслуживания линии Одесса—Константинополь, равно как и других линий, обслуживавшихся компанией до войны, и

4) назначение оттоманских комиссаров для участия в работах по разграничению Сербии и Болгарии.

С нашей точки зрения нам действительно хотелось бы, чтобы делимитационные работы в этом княжестве начались сначала в наиболее спорных пунктах, а именно между Люле-Бургасом и Адрианополем, с одной стороны, и Каваллой и Салониками — с другой, т. е. там, где греческий и болгарский элементы наиболее перемешаны.

Мои настояния произвели какое-то действие, так как Савфет-паша внезапно заговорил о деталях эвакуации Ада-Кале и о том, что надо своевременно поставить ее под наблюдение русского комиссара, чтобы предупредить возникновение осложнений между турецким гарнизоном и сербскими властями. По моей просьбе его высочество главнокомандующий соблаговолил поручить эту миссию полковнику Боголюбову, выделенному для участия в работах по турецко-сербской делимитации. Савфет-паша также беседовал со мной о необходимости установить соглашение по поводу выполнения ст. VIII прелиминариев, касающейся срытия крепостей Шумды и Варны, и определения способа вывоза пушек и боеприпасов, находящихся там.

Срок в 15 дней, установленный для обмена ратификациями в Петербурге, показался слишком коротким оттоманским министрам, которые намекали мне, что, вероятно, можно его продлить с общего согласия. Я настаивал на необходимости добиться возможно скорее высочайшего утверждения акта, который только что был подписан, так как ввиду царящей в Константинополе неопределенности исключительно важно, чтобы этот вопрос был разрешен незамедлительно ².

Вчера, нанеся в Порте визит Ахмед-Вефик-паше и Мустафе Ассиму, временно исполняющему обязанности министра иностранных дел, я в Пере встретился с германским послом, которого горячо поблагодарил за покровительство, оказанное нашим подданным во время войны. Я воспользовался случаем, чтобы повидать своих прежних коллег графа Корти и графа Зичи. В беседе с последним я постарался внушить ему лучшие чувства по отношению к нам и сделал все возможное, чтобы доказать ему, что мы ценили интересы Австро-Венгрии как в Черногории, Боснии и Герцеговине, так и на Дунае, и в Сербии. Судя по высказываниям графа Зичи, венский кабинет особенно интересуется сроками оккупации Болгарии русскими войсками. Я заметил, что победитель имеет право оккупировать всю или большую часть *завоеванной* страны вплоть до окончательного выполнения условий, предусмотренных при заключении мирного договора, и что, впрочем, при настоящем положении Болгарии эмигранты-мусульмане не согласились бы вернуться домой, если бы безопасность страны не была гарантирована присутствием наших войск. Австро-венгерский посол заверил меня в своих добрых намерениях, стараясь оправдать свою позицию отсутствием новых инструкций, в то время как предшествующие инструкции были отмечены печатью недоверия по отношению к нашим переговорам непосредственно с турками, которые не предоставляли никакой формальной гарантии интересам Австро-Венгрии.

С глубочайшим почтением имею честь быть, князь, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугой

граф Н. Игнатъев

1. По ст. VII в местностях, где болгарское население было перемешано с турецким, греческим, валахским и другим, при выборах органов власти и выработке Органического устава должны были обращать внимание «на права и потребности этих народностей».

Согласно ст. VI Сан-Стефанского договора, границы Болгарии не были точно определены, были намечены лишь их общие контуры (см. 79, № 25, стр. 163—164). Подробнее относительно границ Болгарии по этому договору см. 69, док. 492, стр. 548—551. За демаркационной линией остались часть Южной Фракии и Македония, которые были заняты турецкими войсками.

Тотчас же после подписания договора Н. П. Игнатъев начал дополнительные переговоры с турками о скорейшем разграничении и окончательном определении границ Болгарии, об эвакуации турок с ее территории, о спорных пунктах в районе между Люле-Бургасом и Адрианополем, близ Каваллы и Салоник, а также в районе Ада-Кале. Объясняя свои действия, Игнатъев писал в Петербург: «Совершенно необходимо, чтобы разграничение не затянулось бы на долгое время, потому что всякая проволочка будет лишь способствовать успешному развитию иностранных интриг, которые постараются воспользоваться предубеждениями греков, албанцев и куцовалахов против болгар» (см. 33, стр. 278, 249).

2. Турки пытались затянуть обмен ратификационными грамотами, очевидно, надеясь на помощь западных держав. Н. П. Игнатъев же, с трудом добившись подписания договора, торопил с разменом ратификаций, так как опасался, что вмешательство Англии и Австро-Венгрии, выразивших протест против оснований мира, сорвет претворение договора в жизнь (см. 69, док. 383, 396, 400, 402, 404, 436, 438, 463, 464 и др.). Игнатъев добился того, чтобы 25 февраля (9 марта) 1878 г. в Петербург вместе с ним выехал военный министр Порты Реуф-паша. Здесь 4 (16 марта) 1878 г. состоялся обмен ратификациями. См. «Правительственный вестник» от 9 (21) марта 1878 г.

№ 3

1878 г. февраля 21. — Предписание самоковского окружного начальника Г. И. Шизорина Самоковскому городскому совету о принятии мер к возвращению книг и рукописей в турецкую библиотеку

№ 75

Самоков

Според заповедта на г-на софийский губернатор от 18 сего февруария под № 233, предлагам на съветът да обяви на жителите в г. Самоков, щото всичките ограбени книги и всичко друго ограбено из библиотеката турска, остана от Юсреф паша, да се донесе назад в речената библиотека, като се положи един, колкото е възможно по-малък срок за тази цел¹. Обявете при това, че ако някой укрие някаква книга или ръкопис, или даже малка една част от ръкопис, то подпада под строга отговорност на законът.

Предлагам при това на съветът да ме извести както свършването на срокът частно, който ще бъде назначен, така и за извършването на губернаторската заповед.

Началник на округът майор Шигорин

СТОДА, ф. 41 К, оп. 1, д. 434, л. 6. Подлинник.

1. Русское гражданское управление, заботясь о создании административного, военного, экономического устройства и укреплении нового Болгарского государства, уделяло внимание и культурно-просветительным вопросам. В частности, были приняты меры к охране существующих и созданию новых общественных библиотек (см. док. 185; прим. 1 к док. 224).

№ 4

1878 г. февруля 21. — Из писъма А. Г. Футекова сестре Р. Футековой о празновании в Панагюриште дня освобождения Болгарии

Панагюрище

Драги ми сестри и любезни ми братко, (здравствуйте)! *

Голяма ревност ме накара да зема перото и да ви пиша четвърто писмо, от които едното пратено по руски доктор, другото чрез комендантина, който управляваше нашето селце, във негов плик заедно, трето[то] писмо чрез един полковник, който заминаваше през селото ни и отиваше за Ор[x]ание и като много бързаше то е много кратко и от бързане, че чака на вратията, та отиде и без месец, и без година, а писмото чрез комендантина е много пространно, за сичко съм ви разказал подробно, за сичките зли или добри наши случки и пр. Много ви благодаря за писмото от 16 януария и така се благодариха сичките поздравени от вас, но Николица Белопитова се безпокои как да нема поздравление от нейна Мария и по коя причина е така.

Како, да видите на деветнаесети ден ¹ на февруария каква веселба стана в нашето село за царюв ден ¹, стана на заговяване през ноца, на сяка вратия [имаше] байряк и светилник с по две свещи, по улиците гайди и [x]ора, из пътищата гусли и пияни момчета пушкат и викат: «Ура! Ура! Ура! Да живее самодържец цар Александър Николаевич!» и пушкат, [x]оро, игране, песни, пеяне и големи веселби станаха и пр.[. . .] **.

Како, като известих на бае Тодор кундуржия[та] и той доде по случай кога пишех писмото и той каза каква ли е тая работа та са е сетила и зарад мен да ме поздрави, а той каза, че ще да обърне коритото на опъки за чудото и бае Тодор е член в полицията в испитателната комисия. Той лятоска беше изпратен за избавлението на вторите затворници по политични престъпления ², които беха затворени в Пловдив, 5-мина, в който беше Кръстю Гершанов, Иван Тутев, Георги Нейчов, Илия Хантов и Петко [а]рабаджията в Долна махала, от които само Георги Нейчов е в заточение, а другите те си додох[а], че ги избавиха русите в Пазарджик; след преследването три-месечно баево Тодорово избавиха са от Пловдив и изпратиха ги в Пазарджик; за да си дадат поручител за отпуцането им и доде турците да им наидат поручители русите им станаха поручители, и така са радваме сички още и със удивление, че от нашето село никой са не обеси освен вънкашни [x]ора се бесиха, восмина от захарските села и сега като додоха русите нито един човек не са загуби[. . .] **.

Ваш брат незабравни
Анастас поп Георгиев Футеков

НБКМ—БИА, ф. 94, II В 839. Автограф.

* Так в тексте.

** Опуцен текст личного характера.

1. 19 февраля (3 марта) — день подписания Сан-Стефанского мирного договора. Он был избран для торжественного акта, так как на это число приходилось восшествие Александра II на престол. 19 февраля и тогда, и сейчас отмечается в Болгарии как день освобождения от турецкой зависимости.

2. Речь идет об арестованных турецкими властями болгарам — участниках Апрельского восстания 1876 г. По Сан-Стефанскому мирному договору (ст. XVII) арестованных и высланных по политическим причинам болгар должны были безоговорочно освободить.

№ 5

1878 г. февраля 22. — Из рапорта командира Руцукского отряда А. М. Дондукова-Корсакова главнокомандующему Действующей армией Николаю Николаевичу (Старшему) о введении гражданского управления в Руцукском санджаке ¹

[. . .] По части гражданской

В Руцук местное гражданское управление было при вступлении наших войск в руках каймакама, т. е. уездного турецкого начальника, зависимо от варнского губернатора.

Принимая во внимание, что в занятой нами крепости гражданская власть, очевидно, должна быть в наших же руках и никак не может быть допущено, чтобы гражданская власть и представители ее зависели от турецкого губернатора, находящегося в Варне ², занятой турками, и согласно повеления вашего императорского высочества (сообщенного телеграммою 10 числа на имя губернатора г[енерал]-лейтенантом Анучиным), я предложил назначенному уже высочайшим приказом губернатору Руцукского санджака г[енерал]-м[айору] Золотареву вступить в свои права и обязанности в Руцук, приняв все дела гражданского управления от бывшего турецкого каймакама Ахмед-бея, организовать здесь управление на точном основании существующего для управления гражданскою частью в Болгарии положения и вместе с тем предложил также названному турецкому чиновнику быть старшим членом в городском совете Руцука. Каймакам исполнил мое приказание о сдаче нашему управлению, но затем от участия в этом управлении пожелал уклониться, на что получил от меня разрешение.

Согласно вышеизложенному, в настоящее время в Руцук действует губернское правление, окружное управление (гв. кап[итан] Логвенов), полицеймейстер (майор Плец), городской и судебный советы из выборных местным населением членов; участвовать в этом совете мусульмане, однако, отказались.

Выбранные в городской совет члены были представлены мне г[енерал]-м[айором] Золотаревым 15 февраля; я обратил при этом внимание их на необходимость введения порядка в управлении городским хозяйством и предложил им озаботиться установлением правильного взимания и расходования городских доходов, озаботиться очищением улиц в видах ассенизации города, исправлением мостовых, освещением города и приведением в порядок всех зданий, занимаемых войсками и нашими учреждениями. Все это приводится в исполнение с полною готовностью болгар, с благодарностью подчиняющихся нашему руководству на первых шагах их самостоятельной гражданской жизни.

Мусульманское население, видя власть и силу в наших руках и беспристрастное к ним отношение, по-видимому, вполне подчиняется новым порядкам. Жители деревень, искавшие убежища в Руцук во время войны, выселяются из города для водворения в назначенные им исключительно мусульманские деревни, при этом составляются им списки, и они обязаны сдавать оружие. Все это беспрекословно исполняется; меру обезоружения предполагается применить и ко всему мусульманскому населению.

Местные полицейские (заптие), большая часть коих состояла до сего времени из турок, а меньшая — из христиан, ныне состоят почти исключительно из болгар и отчасти — армян. Что же касается турок, то им предложено было остаться в этих же должностях на положенном жалованьи; часть только осталась, а остальные отказались продолжать свою службу.

Так как они служили при турецком управлении вполне на войсковом положении, то после отказа должны были эвакуироваться из крепости согласно условиям перемирия.

На основаниях, изложенных выше, я приказал также закрыть таможду, которую турки поспешили открыть на дунайской пристани при нашем вступлении в Руцук, и открыл здесь русскую таможду. В воскресенье, 12 февраля, мною был назначен церковный парад на площади у собора св. Троицы, где служил обедню и молебствие епископ Климент, который при этом случае сказал слово, проникнутое глубоким чувством самой теплой благодарности царю-освободителю, избавившему народ болгарский от бывшей вековой тяжкой зависимости; при этом его высокопреосвященство выразил надежду болгарского народа, что высокий повелитель и интеллигенция русская поддержат болгар в их стремлении к просвещению и благополучию страны. Затем торжественно было провозглашено многолетие государю императору, всему царскому дому и христолюбивому воинству нашему.

19-й день февраля, в день восшествия на престол государя императора, было совершено епископом Климентом в соборе св. Троицы торжественное богослужение, затем крестный ход (не допускавшийся прежде турками) из собора к центральной городской площади, где были выстроены войска для церковного парада. Здесь отслужено при огромном стечении народа благодарственное господу богу молебствие с водосвятием, коленопреклонением и провозглашением многолетия государю императору.

Начальники частей, представители гражданского управления и епископ Климент были приглашены мною в этот день на обед. Я провозгласил здесь тост за здравие государя императора — освободителя Болгарии. После обеда на площадях играли три хора музыки и собирались песенники. Вечером город был иллюминирован.

К сожалению, у меня до сих пор еще не установилось прямое сношение с XIV корпусом генерал-лейтенанта Циммермана, и хотя Гусни-паша, будучи здесь 17 февраля, сообщил мне, что турецкий гарнизон Силистрии уже выступил из этой крепости, но я не знаю, занята ли уже Силистрия нашим гарнизоном или еще нет.

Для восстановления связи с названным соседним корпусом, а также для рекогносцировки пространства между Руцуком, Туртукаем и Силистриею я отправил 12 февраля в этом направлении Генерального штаба полковника Троицкого (начальника штаба 33-й пех[отной] дивизии) с эскадронам л.-гв. Атаманского полка.

20 февраля вечером полковник Троицкий вернулся, доложив мне, что Силистрия занята нашими войсками 10 февраля, но что гражданского управления еще не вводится.

Вследствие получения телеграммы генерал-адъютанта Непокойчицкого о том, что генерал Циммерман до сих пор не получил экземпляра условий перемирия, я командировал сегодня ординарца моего поручика Зернца с взводом атаманцев в Силистрию для вручения генерал-лейтенанту Циммерману такового экземпляра условий.

Кроме того, ввиду необходимости согласования наших действий по отношению занятия крепостей Руцука и Силистрии, приема в них казенного турецкого имущества и в особенности по предмету введения здесь русского гражданского управления, тем более что Силистрия находится в Руцукском саиджаке, я сообщил генералу Циммерману с этим же ординарцем все, сделанное нами до сего времени в Руцукке. Кроме того, прошу его возможно скорее открыть телеграфное сообщение Силистрии с Руцуком, для каковой цели 19 февраля отправилась партия телеграфистов с необходимыми материалами восстанавливать по этому направлению телеграфную линию.

Подписал нач[альник] отряда
г[енерал]-а[дъютант] князь Дондуков-Корсаков

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8325, ч. 1, лл. 173—176. Отпуск.

1. Руцук и Силистрию турецкое командование передало русским войскам в феврале 1878 г. согласно перемирию, подписанному 19 (31) января 1878 г. в Адрианополе.

2. Хотя территория вокруг Варны была освобождена русскими войсками, эта крепость оставалась в руках турок. На основании VIII ст. Сан-Стефанского прелиминарного договора турецкие войска должны были передать ее русскому командованию. Подробнее см. об этом прим. 1 и 2 к док. 88.

№ 6

1878 г. февраля 23. — Отношение председателя Софийского городского совета М. Ташова софийскому полицмейстеру штабс-капитану Паулю о раздаче продовольствия беднейшему населению города

№ 6

София

Според предписанието на н[егово] превъсходительство соф[ийския] губернатор под № 175 от 10 февруарий градскийт съвет распореди, щото отпустените от соф[ийските] складове храни: 240 чувала трици, 60 чувала ръжено брашно, 100 чувала кукурузено брашно и 100 чувала овесний круп за бедните жители в града, да се раздат с потребната усмотрителност и [на] най-бедните жени като се възложи това да изпълни един от членовете на градскийт съвет¹. Това съобщаваме вам, за да ви държим в течението на работите.

Председател *

СГОДА, ф. 1 К, оп. 2, д. 99, л. 2. Отпущ.

1. Русское гражданское управление организовало обеспечение беженцев и бедного населения жилищами, средствами к существованию, медикаментами и т. п. Жителям, нуждавшимся в продовольственной помощи, русское гражданское управление и местные болгарские власти выделили продовольствие, собранное посредством натуральной десятины, а также реквизированное с турецких государственных и частных складов, перешедших под контроль русских властей (см. 14, стр. 67, док. 37, 54).

№ 7

*1878 г. февраля 24. — Рапорт временного коменданта Бунар-Гиссара поручика Яснопольского генерал-губернатору Адрианопольского военного округа А. И. Липинскому об обеспечении болгарского населения продовольствием и рабочим скотом ***

№ 18

Доношу вашему превосходительству, что в Бунар-Гассарском участке водворены полное спокойствие и безопасность. Последний турецкий обоз, состоящий из 1200 повозок, сопровождаемый вооруженными турками, в ночь с 22 на 23 февраля вышел из с. Карагач по дороге в Люлебургасский участок. Из 17 сел и 2-х городов, находящихся в участке, только 6 селений обитаемы: остальные брошены, и значительно большая часть домов в этих селениях и городах сожжена. Жители болгарских сел скучились преимущественно в г. Бунар-Гассаре и местечке Ускупе. Положение этих людей бедственное, добывают себе насущный хлеб благодаря помощи зажиточных болгар.

Коренные болгары населенных мест ведут себя добропорядочно и все оружие, какое у них и имелось, отдали мне беспрекословно. Что же касается до греков, составляющих большую часть населения г. Бунар-Гассара и Ускупа, то они ведут себя крайне недобросовестно и даже теперь не упустят случая отнять последнее достояние у несчастных болгар.

Все имущество, которое было брошено болгарам, убежавшими из сел после отступления генерала Гурко, захвачено ими, все имущество, брошен-

* Подпись отсутствует. ...

** См. док. 6 и примечание к нему.

ное турками, оставившими дома после перехода наших войск через Балканы, а также и все, что награбили башибузуки и черкесы при быстром отступлении, было брошено и попало опять-таки в руки тех же греков.

В г. Бунар-Гассаре, местечке Ускупе и с. Йено во время турецкого управления здешним краем были устроены склады, в которых хранилась десятинная подать. По словам жителей этих мест и официальной турецкой ведомости, находящейся у меня, в этих складах хранились десятки тысяч пудов разного зернового хлеба. В настоящее время из этого хлеба мною опечатано и хранится, согласно инструкции, пудов 400 в складе с. Йено, пудов 200 — в Бунар-Гассаре, все остальное разобрано жителями этих двух пунктов и преимущественно греками, уже продавшими нашим войскам значительную часть этого хлеба; за всем тем в настоящее время у каждого грека, за весьма редкими исключениями, зернового хлеба весьма достаточно.

Что же касается до рогатого и мелкого скота, оставленного турками, убежавшими из сел, то он захвачен и греками, и болгарами, и преимущественно последними, но не болгарами-беглецами, побросавшими во время бегства самое необходимое, а теми, которые оставались дома. Признавая, что всему населению без исключения средства прожить целый год может дать только земля, как только были устроены суды, мною было обращено внимание судей разобрать, какой скот принадлежит коренным болгарам и грекам; скот же, приобретенный не посредством купли, собирается в одно стадо, переписывается и сдается на руки полиции для отправления его на пастбища; болгарам, не имеющим скота, разрешено брать этот скот для вспахивания земли, а как поступить с этим скотом по окончании запашки, мною испрошено будет приказание.

В настоящее время прошу ходатайства подполковника Дмитриева хранящийся у меня зерновой хлеб раздать неимущим болгарам для обсеменения полей.

Временный комендант поручик Яснопольский

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 21, лл. 6—7. Подлинник.

№ 8

1878 г. февраля 26. — Телеграмма софийского губернатора П. В. Алабина и. о. заведующего гражданскими делами при главнокомандующем Действующей армией Д. Г. Анучину о торжествах в с. Яблоницы по поводу заключения мира

№ 424

София

Комендант с. Яблоницы полковник Богбаков телеграфирует, что жители известили о заключении мира, сделали угощение войскам квартирующим¹. Прсят передать главнокомандующему искреннейшие чувства благодарности за счастье, им дарованное.

Губернатор Алабин

Помета: Великий князь изволил приказать благодарить его именем. 9 марта 1878 г.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8724, л. 15. Телеграфный бланк.

1. Празднества и угощения в честь русских войск устраивались повсеместно во всех освобожденных районах Болгарии (см. док. 43).

1878 г. февраля 27. — Письмо военного министра Д. А. Милютина Николаю Николаевичу (Старшему) об усилении обороны западных границ России и боевых задачах Балканской армии в случае войны с Англией и Австро-Венгрией *

С.-Петербург
Весьма секретно

Хо́тя мир с Портою и заключен, но до тех пор, пока он не признан Европою, нам не только нельзя ослаблять нашего боевого положения, но следует, напротив того, неупустительно готовиться к встрече всякой случайности.

Исход конгресса или конференции может привести нас к разрыву с Англиею и Австриею, к необходимости быстрого образования новых армий и совершенно новой группировке сил. В особенности нас должно заботить своевременное обеспечение западных наших пределов, представляющихся ныне почти беззащитными ¹.

В этих видах государю императору благоугодно было ныне же указать возвращение в Россию некоторых частей войск как с Кавказа, так и из вверенной вашему высочеству армии.

К частям этим из войск, находящихся на Балканском полуострове, относятся:

а) вся гвардия, т. е. 1-я, 2-я, 3-я гвардейские пехотные дивизии, гвард[ейская] стрелковая бригада и 2-я гвард[ейская] кавалерийская дивизия с их артиллериею;

б) 2-я и 3-я дивизии гренадерского корпуса с их артиллериею;

в) 1-я Донская казачья дивизия и одна из армейских кавал[ерийских] дивизий по усмотрению вашего высочества;

г) 1-я саперная бригада с двумя телеграфными парками; две понтонные роты 4-й (т. е. Варшавской) сапер[ной] бригады и 4-й железнодорожный батальон и

д) те крепостные артиллерийские батальоны и отделения осадного парка, какие ваше высочество признаете возможным отправить с Дуная в Россию.

Возвращение сих войск в отечество не должно подвергаться иному толкованию как мера безусловно мирная, прямо вытекающая из прекращения войны с Турциею. Части сих войск (как, например, 3-я гвард[ейская], 2-я и 3-я гренад[ерские] дивизии) по перевозке их морем могут быть тотчас же направлены в район прежнего их квартирования; если же другие придется задержать на Черноморском побережье, то это может быть объяснено санитарными требованиями.

С отбытием перечисленных выше войск во вверенной вашему высочеству армии останутся: 18 действую[ющих] и 3 рез[ервных] пех[отных] дивизии, 2 стрелковые и 2 саперные бригады, 6 армейских кавал[ерийских] и 2 казачьи дивизии и 9 донских казачьих полков.

С этими силами вашему высочеству может выпасть, в случае неблагоприятного исхода конгресса, многотрудная задача: отстоять занятое нами положение на Балканском полуострове и оградить русские черноморские берега от нападения неприятельского флота.

Ваше высочество, победоносно дойдя до Босфора, лучше, чем кто-либо, изволите оценить те громадные результаты, которые связываются с владением проливами. Утверждение наше на Босфоре делает нас неуязвимыми для Англии и вместе с тем, обеспечив Балканской армии свободный тыл для подвозов морем, устранил и главную опасность покушений со стороны Австрии — отрезал пути сообщения этой армии с Россией.

Эта цель так выдвигается вперед, что на нее прежде всего вызываются как дипломатические, так и военные ваши заботы.

* См. док. 67 и примечания к нему.

В случае разрыва с Англией желательно было бы дипломатически достигнуть, чтобы турки добровольно согласились на временное занятие нами Босфора. При колебаниях же или сопротивлении с их стороны государь император вполне надеется, что ваше высочество водворитесь в Босфоре силою ².

В этих видах, быть может, ваше высочество, признаете возможным теперь же повести дело так, чтоб отправка войск в Россию производилась, хотя бы отчасти, через некоторые пункты Босфора. Эта мера на известный период времени уравнивала бы пребывание английских судов в Дарданеллах и, при согласии Порты, была бы хорошим началом для последующих шагов.

Имея главные силы в готовности для борьбы в Константинополь-Галлиполь-Адрианопольском районе, вашему высочеству может предстоять вместе с тем назначить особый корпус войск в Западную Болгарию на случай необходимости поддержать сербов против Австрии и, наконец, иметь несколько дивизий и на левом берегу Дуная, в Валахии, чтобы противодействовать покушениям австрийцев из Банната или Трансильвании.

Пределами Валахии и мог бы ограничиться на севере театр действий Балканской (или I) армии. Затем Молдавия и Нижний Дунай с Галацом входили бы уже в сферу действий другой армии (IV, или Юго-Западной), которая имела бы назначением охрану черноморского нашего побережья и, в случае надобности, вторжение в Трансильванию со стороны Бессарабии, тогда как еще другая (III, или Западная) армия, собранная в Царстве Польском и на Волыни, произвела бы вторжение в Галицию.

Из очерченного выше положения, предстоящего, в случае осложнения политических обстоятельств, вверенной вашему высочеству армии, явствует, что ей надлежит быть готовой не только стратегически к обширной самостоятельной роли, но отчасти и к самостоятельному существованию, сколь можно менее зависимому от правильных постоянных сообщений с империею.

Даже в случае захвата нами Босфора и ограждения Черного моря от неприятельского транспортного флота нельзя безусловно ручаться, чтоб чрез проливы не прорвались отдельные неприятельские суда. Неприятель может рискнуть на чрезвычайные потери и временно одолеть поставленную ему преграду. Точно так же и с сухого пути, несмотря на энергию действий наших западных армий, неприятель может иметь временный успех в районе тех путей, которые связывают Балканский полуостров с Россиею. Необходимо, следовательно, заранее предвидеть эти неблагоприятные случайности и, по возможности, заранее же ослабить опасные от них последствия.

Собственно для продовольственного содержания войск занятый вашим высочеством край представляет обширные средства. Но обеспечение армии артиллерийским и госпитальным довольствием, а также лошадьми в случае продолжительности перерыва сообщений с империею может вызвать существенные для нас заботы.

В этих видах полагалось бы полезным ныне же при отправлении в Россию некоторых частей армии воспользоваться принадлежащим им имуществом, чтоб пополнить все недостатки в остающихся в составе Балканской армии войсках и вообще принять все меры к обильному снабжению этой армии необходимыми материальными средствами.

Так, относительно полкового и лазаретного обоза полагалось бы возможным отправить с частями войск, возвращающимися в Россию, только самое необходимое число повозок и притом большею частью пустых, с небольшим числом лошадей (примерно по мирной запряжке в 20—24 лошадей, не считая артельных); все же лишние лошади, повозки, а равно и патроны, остались бы в Болгарии. Также из летучих и подвижных артиллерийских парков, соответствующих отправляемым частям, могли бы быть перевезены только самые ящики, патроны же, снаряды и лошади сих парков остались бы в Болгарии. Наконец, и в кавалерии все слабые лошади остались бы на месте. Таким образом, была бы достигнута двойная выгода: облегчилось бы и приведение в надлежащую исправность войск, остающихся на Балканском

полуострове, и перевозка тех частей, которые во всяком случае должны возвратиться в Россию.

Подробности такого распоряжения, конечно, будут зависеть от ближайшего соглашения полевых управлений армии с Главным штабом и главными управлениями Военного министерства, но для своевременности разных заготовлений и распоряжений весьма важно, чтоб ваше императорское высочество благоволило по возможности неотлагательно высказать ваш взгляд на упомянутые предметы, в особенности если будет признано необходимым значительно отступить от изложенных и предварительно одобренных его величеством соображений³.

С глубочайшим высокопочитанием имею честь быть вашего императорского высочества всепокорнейший и преданный слуга

Д. Милютин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7447, лл. 1—6 об. Подлинник.

1. После заключения Сан-Стефанского договора правительство России опасалось новой войны с коалицией Англии, Австро-Венгрии и Турции, что вследствие экономических и финансовых затруднений и из-за ослабления армии в результате войны представляло большую опасность.

Военно-стратегическая обстановка неоднократно обсуждалась на совещаниях при Александре II. Принимались срочные и чрезвычайные меры, «чтобы подготовить новые армии на всем протяжении западной границы нашей от Финского залива до пределов Румынии» (ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 27, л. 1 об.).

После окончания войны вооруженные силы России не только не сократились, а были увеличены на 200 000 человек; сухопутная армия к 31 июля 1878 г. выросла до 1 817 000 человек. Были выработаны «Общие соображения о распределении сил» (там же, ф. ВУА, д. 7447, лл. 6—7). 12 апреля новое распределение вооруженных сил на границах соответственно вероятным театрам военных действий было окончательно утверждено Александром II (см. там же, лл. 68—81). Оно предусматривало активные военные действия на Балканском полуострове против Англии и Турции, на Западе — против Австро-Венгрии, для чего создавались три действующие армии: Балканская, Юго-Западная и Западная (там же, лл. 6—7).

Балканская армия значительно уменьшалась, некоторые корпуса и дивизии были перемещены в Юго-Западную и Западную армии.

В случае войны планировалось произвести демонстративные действия в Средней Азии в сторону Индии, для чего выделялся особый отряд в 14 000 человек (там же, ф. 1, оп. 2, д. 27, л. 12). Для обороны Дальнего Востока увеличивались гарнизоны во Владивостоке, Посьете и Николаевске.

Россия срочно перевооружала армию более совершенным оружием. Были сделаны заказы на вооружение за границей.

Эти меры потребовали огромных чрезвычайных кредитов, которые по Военному министерству (исключая военно-морской флот) составили 391 млн. рублей, против 394 млн. рублей в 1877 г. (там же, л. 131).

Однако к середине 1878 г. военная подготовка еще не была закончена (57, стр. 68).

2. 24 февраля Д. А. Милютин телеграммой передал Николаю Николаевичу (Старшему) распоряжение Александра II, что Балканская армия должна быть готова захватить Босфор, чтобы не впустить английский флот в Черное море (см. 70, вып. II, стр. 36). В письме к А. А. Непокойчицкому от 27 февраля 1878 г. Милютин писал: «Задача, возлагаемая на Балканскую армию, нелегкая. В случае войны с Англией придется нам иметь дело не с одним ее флотом, но и с сильным десантным корпусом, который, по всем вероятностям, будет действовать заодно с турками и употребит самые настойчивые усилия, чтобы вытеснить наши войска с берегов Босфора, дабы открыть флоту вход в Черное море». Отсюда вытекала задача: «Не теряя времени, сделать ныне же все нужные приготовления для твердого занятия позиций на Босфоре» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7447, л. 9 об.).

3. Занять хотя бы европейский берег Босфора, пусть даже только для облегчения перевозки войск в Россию, как признавали в Главной квартире, было очень трудно.

Между тем Александр II настойчиво требовал выполнения этой задачи. Хотя из Главной квартиры в Петербург 9 марта был отправлен план занятия Босфора, Николай Николаевич (Старший), как показывает его переписка с царем, считал его неосуществимым (см. 70, вып. III, стр. 67—70; вып. II, стр. 106—111). В результате этих противоречий он был отстранен от командования Балканской армией (15 апреля 1878 г.) и на его место назначен Э. И. Тотлебен. Начальник штаба действующей армии А. А. Непокойчицкий был заменен А. К. Имеретинским.

1878 г. марта 1. — Прошение жительниц Карлова и Сопота
А. А. Шепелеву о возвращении им отобранного турками имущества

Пловдив

Ваше превъсходительство!

Долеподписаните жени от Карлово и Сопот, идим с настоящето си да общим на ваше превъсходительство как преди няколко дена подадохми прошение на негово превъсходительство военний губернатор генералу Столыпину, в което го помолихми да заповяда да са задържат всичките турски денкове и стоки, които са намираха в павликянската църква, в гръцкото консулато, в г-н Такеловата къща, и в които са съмнявами да има много наши неща ограбени от градовете ни Карлово и Сопот и после пренесени тука в града¹.

Като гледями прочее, че жалбата ни са взе под внимание и всичките тези денкове се намират по настоящем в полицията, то земами дързостта и покорно молим ваше превъсходительство да ни доволите да ги разгледями.

В надежда, че ще земете под нуждното внимание прозбата ни, молим ви да приемете дълбоките почитания и уважения на покорнейшите ви

от Карлово: Анастасия Деянова, Анна П. Божинова, Екатер[ина] Ив. Генчева, Ека К. Попова, Злата М. Тантилова, Мария П. Христева, Хана М. Тантилова, Тана М. Джиджева, Гана Киркова.

От Сопот: Евгения М. Лилова, Съба М. Вазова, Дона х. Геокова, Неда Аврамова, Лала Неткува*, Ана х. Николова, Мария Вълкова, Куна М. Шепекиева, Аница Иванова.

Резолюция А. А. Шепелева: Склад еще не принят новым полицеймейстером; когда он будет окончательно передан в владение гражданского начальства, можно допустить просительниц к осмотру вещей с правом получить те из них, на к[ото]рые представлены будут ясные доказательства о их принадлежности им. Разные вещи из одежды и постельных принадлежностей, не сложенные в сундуки или тюки, можно раздать беднейшим женщинам и детям.

2 марта. А. Ш[епелев]

НБИВ—БИА, Пловдив, ф. 19, д. 4, л. 10. Подлинник.

1. Летом 1877 г. после отступления передового отряда И. В. Гурко из Южной Болгарии турецкие иррегулярные и регулярные войска отобрали имущество у жителей многих болгарских населенных пунктов, в том числе в Карлово и Сопоте. Жители этих сел обратились к представителям русского гражданского управления с просьбой содействовать возвращению их вещей (много подобных заявлений, содержащих жалобы на понесенные убытки, хранятся в том же архиве: ф. 19, д. 5, лл. 5—48, 53—94, 96—117, 120—122 и др.).

2. Пострадавшим вернули их вещи (см. также док. 17).

№ 11

1878 г. марта 1. — Письмо управляющего дипломатической канцелярией при главнокомандующем А. И. Нелидова товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу о необходимости возвращения болгар — уроженцев Сливно из турецкой ссылки

№ 463

Сан-Стефано

Милостивый государь Николай Карлович!

Я имел честь получить отношение вашего превосходительства от 20 февраля № 579 касательно ходатайства студента Степанова об освобождении 24 жителей Сливна, сосланных турецким правительством в Малую Азию**. XVII пункт последних прелиминарий устанавливает полную амнистию всем турецким подданным, сосланным в изгнание по политическим

* В тексте ошибка. Правильно: Недкова.

** См. в т. 2 настоящей публикации док. 409 и 433.

причинам, и немедленное возвращение их на родину. Так как мы намерены твердо следить за неуклонным исполнением Портою принятого на себя по этому пункту обязательства, то я со своей стороны уверен, что лица, о которых ходатайствует г. Степанов, будут возвращены на родину в непродолжительном времени. Ныне же я сделаю распоряжение о внесении означенных 24 уроженцев г. Сливны в составляемый и имеющий быть предъявленным Порте список болгар, сосланных за последнее время в изгнание*.

Сообщая о сем вашему превосходительству, имею честь быть с совершенным почтением и преданностью покорнейший слуга

Нелидов

АВПР, ф. ГА, 1-14, д. 9, л. 6—6 об. Подлинник.

№ 12

1878 г. марта 2. — Обращение болгарского населения Разложского округа к Николаю Николаевичу (Старшему) с просьбой об освобождении из-под власти Турции

Разлог

Ваше величество, слави управителя на Софийската губерния! **

Високо-славната Русия, нашата любезна сестра, като гледаше страданията на народа ни низложений под грубото своеволие на деспотическото турско владичество, жарко желаше за освобождението на тоя народ. Но стодният случай още не беше настанал. Обаче в последно време, когато неприятелската злоба съвсем преодоля, когато кръвта на народа ни немилно се проливаше, когато трагическите сърцеразтреперателни събития напълниха българската земя: тогава съчувствителната Русия се распали с безмерна пламенна съжалителност към своите единоплеменни братя, тогава тя бърже, бърже им [се] притече на помощ. Тя обърса сълзите на хиляди, хиляди плачуци. От Дунава до Пирин и до бреговете на Мала Азия хиляди, хиляди наши братя славят името на Велика Русия. Цела България и Тракия видеха свободен живот, видеха лъскави дни. Като слушахме за това щастие на мизийските и тракийските наши братя, хълцахме от надежди и ожидания да видим и ние блаженния и радостния оня час, часа на освобождението ни от агарянското тиранство. Но надеждите и ожиданията ни още остаят неизпълнени. Еще животът ни вехне и съхне, още въздишките и стенанията мъчат сърцето ни, още сълзите изнуряват очите ни, още плаحوвете и виковете задавуват гласа ни, още вековните вериги дрънкат по тялото ни. За нас още няма бял ден, ние още лежиме в робски пелени, в робски тъмници. Еще зловният отоманин суши имота и живота ни. Обаче ослонени на милостта и щедростта на прелюбезната ни сестра, преславна Русия, която е предприела да извърши спасението на погибающий българский народ, храниме блага надежда, че тя не ще да презре и нашето бедно и страдающе отечество, но ще благоволи да го погледне с милостив поглед. Ние топло желаем да видим ръката, която е обърсала и обърсува сълзите на плачуците, да видим тая благодателна ръка, която е направила и прави безценни благодеяния, да видим тая спасителна ръка, която подава живот на умирающите. Тая свята ръка, като обърше жалните и скръбни сълзи, да я целунем благопочтенно и да пролеем над нея не жални, но радостни сълзи! Затова, прочее молим, ваше височество, да приемете скромната и смирената ни молба, за да съдействувате, щото да се изпратят няколко руски войници и в нашето място за наше освобождение, за наше съживление.

* См. док. 41 и 60 с приложением.

** В документе Николай Николаевич (Старший) ошибочно назван «величеством» и управителем Софийской губернии.

Като молитствуваме слава, величие и дългоденствие на негово императорско величество държавнейшия господар Александър и слава и чест на неговите високи чиновници и на храбрите му войници, с пълна увереност, че покорното ни прошение не ще остане без отзив пред благородното и чувствително ваше сърце, със секо почитание сме ваши покорни ¹.

Разложки села:

Чисто български: Банско, Годлово, Горна Драглища, Долна Драглища, Добрецько *.

Разбъркани с турци: Мехомия, Баня, Якоруда, Белица, Бачево.

НБКМ—БИА, ф. 111, д. 219, лл. 1—2. Подлинник.

1. Хотя по Сан-Стефанскому договору эта часть болгарских земель входила в границы свободной Болгарии, русское командование не ввело туда свои войска и не создало там гражданского управления, поскольку эта территория находилась за пределами демаркационной линии (см. 90, стр. 406—409; 82, стр. 50—59), чем и была вызвана просьба населения этих сел.

№ 13

1878 г. марта 4. — Протокол совместного заседания окружного, городского и судебного советов Врацы с постановлением об открытии городской читальни

Присъствували:

Окружний началник М. Ив. Лукашов

Председател на окружний съвет Ив. Николакев

Членове » » » Кръстю х. Василев

» » » » Николчо Василев

» » » » Костаки Ив. Анков

Председател на градский съвет Ник[олчо] х. Антонов

Членове » » » Костадин х. Николчов

» » » » Захария Н. Печеняк[ов]

» » » » Ангел Д. Йоцов

Председател на съдебний съвет Тодор Димитров

Членове » » » Георги Пенчев

» » » » Симеон Подбалкански

Външни лица Димитър Бошнаков.

Сичките градски свещеници без изключение, сичките градски учители.

Слушали: След разсъжденията и разглежданията на предложеното от окружний началник ¹, относително за учреждение на девическо училище, окружна болница и улучшение состоянието на трите мъжки училища, които се намират в градът ни, негово високоблагородие предложи и това щото гражданите на градът Вратца да се снабдят с какво годе место за сабирание, гдето полезно и приятно да преминуват свободното си от занаятие време. При това той прибави, че най-добре ще бъде в такова място да има обществена библиотека и обща зала, която заедно с прочитание книги и вестници да служи и за удоволство на гражданите, като например вечерни събрания и проч[ие].

Справка. В 1869 г. в град Вратца се основа читалище под названиее «Напредък» ², което има за цел със своите собствени средства да подпомага на местните учебни заведения, но то не можа да осъществи целта си, защото преследвано от тогавашното турско правителство едва можа да съществува. В настояще, като се явяват възможни средства за возобновление бившето читалище, като му се придаде и тая общеобразователна програма, предложена от негово високоблагородие окружний началник, се направи следующето.

* Правильное название села — Добърско.

Постановление. 1. Да се учреди в градът Вратца читалище под названиее «Напредък», в което освен библиотека, да има и особна стая за събиране както [на] членовете читалищни, така и [на] външни лица, да прочитат както вестници и книги, така и други полезно-приятни развлечения на време, когато испосле, би се представила възможност за подобни събирания.

2. Читалищният клуб да се поддържа от собствени свои средства, като редовни парични внасяния на членовете му, заплати за вход от странни посетители, заплати за изнасяние книги, за прочитание по домовете и от щрафове за неиспълнение [на] уставните правила и проч[ие].

3. Да се изработи за назначеното читалище устав.

4. На градският съвет се възлага да избере и назначи един от турските свободни домове, в който дом да се помести читалището, но такъв дом, за който не биха се явили охотни купувачи с наем.

5. Да се устрои при читалището особна стая, наричаема бюфет, за което да се повикат желаещи лица да земат това дело върху си, с условие: като какви питиета и закуски и с каква определена цена ще продават в бюфетът, като се включи в това условие всичко що е необходимо за една европейска гостилница, но ако нема потребните питиета и проч[ие] в градът, то бюфетчикът е длъжен да ги достави от другаде.

6. Да се представят настоящето постановление и изработеният устав на благоусмотрение на окружний началник.

На градският съвет председател Окружний началник полковник*

Николчо Антон[ов]

Членове: Ангел Д. Йоцов • Председател на окружний съвет *

З. Печеняк[ов]

Судебний съвет:

Членове: К. Ив. Анков

Председател *

Членове: Георги Пенчев

Симеон Л. Подбал[кански]

ОДА—Враца, ф. 28 К, д. 253, лл. 10—11. Подлинник.

1. Окружной начальник как представитель русского гражданского управления контролировал деятельность местных административных советов (см. 14, стр. 48—49. Инструкции и правила о деятельности и функциях окружных и городских советов опубликованы: 80, вып. 1, стр. 49—53, 76—83, 179—193).

2. Как во многих болгарских населенных пунктах, во Враце в эпоху болгарского возрождения была создана читальня. Ее основали в 1869 г., а в 1871 г. назвали «Напредък» (см. 94, стр. 3—5). Эта демократическая общественно-культурная организация поставила своей задачей поднять культурный уровень населения. В период революционных событий в Болгарии и последовавших преследований и арестов представителей местной интеллигенции, усиления террора над болгарским населением читальня во Враце прекратила свою деятельность. Одной из первых забот новой болгарской власти было восстановление этой читальни. Она существует и по сей день, ведя активную, разнообразную работу среди населения.

№ 14

1878 г. марта 5 (17). — Донесение русского посла в Вене Е. П. Новикова А. М. Горчакову о стремлении Австро-Венгрии не допустить создания Болгарии в границах, определенных Сан-Стефанским договором

№ 40

Vienne

Mon prince!

Les séances journalières des délégations** absorbent les moments du comte Andrassy et des chefs de section au point de les rendre invisibles au corps diplomatique; j'ai été néanmoins dans le cas de recueillir de la bouche du baron

* Подписи отсутствуют.

** Парламент Австро-Венгрии.

de Schwegel quelques aperçus académiques sur la Bulgarie dont je crois utile de soumettre un résumé à votre altesse parce qu'ils me paraissent refléter les opinions du chef *.

Selon mon interlocuteur, la Bulgarie, mentionnée dans nos arrangements comme ne devant pas s'élever aux dimensions d'un grand Etat compact, — comprenait la nationalité de ce nom au Nord des Balkans avec l'adjonction du pachalik de Sophia. Quant à ses limites récentes projetées par nous, elles créeraient un Etat imaginaire, empiétant sur les races voisines et incompatible avec la domination du sultan à Constantinople.

D'abord, en s'étendant jusqu'à la mer Egée, elles sépareraient cette capitale de toute communication par terre avec le reste des possessions ottomanes et en rendraient l'administration impossible. Elles réuniraient ensuite dans un seul Etat tout ce qu'il y avait de riche, de productif en Turquie d'Europe et ne laisseraient en dehors que les parties montagneuses, arides et, partant, peu susceptibles de progrès matériel. Une Bulgarie taillée exclusivement sur le principe ethnologique représentait, d'ailleurs, une création artificielle en ce qu'elle faisait abstraction du système orographique, des cours d'eau, de l'histoire et des convenances politiques. Mais l'ethnographie même n'en était pas rigoureusement exacte. On se prononçait assez arbitrairement sur le chiffre de la population bulgare en la portant à 6 millions d'âmes, tandis que, disséminée sur un grand espace, elle ne dépassait guère la moitié de ce chiffre ¹. La vallée du Kara-sou (l'ancien Strymon) constituait encore, vers l'ouest, son domaine incontestable, mais celle du Vardar appartenait déjà au système albanais, sinon par la valeur numérique de ses habitants, au moins par toutes les empreintes d'une race dominante.

Je ne cite ces appréciations que pour en constater la divergence notable avec notre propre délimitation étendant, paraît-il, la nouvelle Bulgarie jusqu'au lac d'Ochrida c. à. d. bien au delà du Vardar même. La mention de ce dernier fleuve dans la bouche de Mr. Schwegel comme n'appartenant plus au système bulgare, est significative dans ce sens qu'il longe précisément, sur tout son parcours, le chemin de fer de Salonique — Mitrovitza que le comte Andrassy m'a déclaré précédemment ne pouvoir être englobé dans la Bulgarie sans porter atteinte aux intérêts commerciaux de l'Autriche-Hongrie.

C'est donc, je le répète, au double point de vue politique et commercial que la monarchie des Habsbourg se considère comme lésée par notre création bulgare.

«L'intérêt austro-hongrois», a dit le ministre des affaires étrangères devant les délégations — «consiste à aplanir les voies, dans les Etats de la Turquie, au commerce de l'Autriche et à y empêcher l'introduction d'un système prohibitif». Si je comprends bien, cela veut dire que l'Autriche ne doit pas laisser aliéner entre les mains d'autrui les voies de commerce de la Turquie occidentale, surtout le chemin de fer de Salonique comme le débouché direct des produits de l'Europe centrale au canal de Suez, ni tolérer que la Bulgarie constitue un domaine douanier dont les tarifs élevés laisseraient en souffrance l'exportation austro-hongroise.

Dans cet ordre d'idées la «Nouvelle Presse libre» du 14 Mars contient un premier de Vienne dont les conclusions ne seraient sans doute pas désavouées par la chancellerie d'Etat. Je prends donc la liberté d'appeler sur cet important sujet la haute attention de votre altesse pour le cas où le comte Andrassy s'en ferait l'avocat au sein du congrès ².

J'ai l'honneur d'être avec un profond respect, mon prince, de votre
altesse le très-humble et obéissant serviteur

Novikow

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 111, лл. 186—189. Подлинник.

* Д. Андраши.

Ежедневные заседания делегаций поглощают время графа Андраши и начальников секции до такой степени, что они стали абсолютно неуловимыми для дипломатического корпуса; тем не менее мне удалось получить от барона Швегеля несколько академических обзоров по Болгарии, резюме которых я считаю полезным представить на рассмотрение вашей светлости, так как, мне кажется, они отражают мнение главы министерства. По словам моего собеседника, Болгария, которая по условиям наших соглашений не должна вырастать до размеров единого большого государства, охватывает болгарскую национальность к северу от Балкан с прилегающим Софийским пашалыком. Что касается границ, недавно определенных нами, то государство с такими границами было бы фикцией, так как оно включало бы соседние народности и было бы несовместимым с господством султана в Константинополе.

Прежде всего, протянувшись до Эгейского моря, они отрезали бы эту столицу от всех сухопутных сообщений с оставшимися оттоманскими владениями и сделали бы управление ими невозможным. Затем они собрали бы в одном государстве все самое богатое, производительное в Европейской Турции и оставили бы вне его только гористые, бесплодные и, следовательно, мало подходящие для материального прогресса области. Болгария, сформированная исключительно по этнографическому принципу, представляла бы собой искусственное создание, без учета орографической системы, течения вод, истории и политических условий. Но даже и этнография не была бы в данном случае точно соблюдена. Достаточно произвольно была обозначена численность болгарского населения, возведенная до 6 млн. человек, в то время как, рассеянное по большому пространству, оно не достигает даже половины этой цифры¹. Долина Карасу (древний Стримон) к западу еще составляет его неоспоримую часть, но долина Вардара уже принадлежит албанской системе, если не по численному превосходству жителей, то по всем признакам господствующей национальности.

Я привожу эти высказывания только с тем, чтобы показать заметную разницу с нашей наметкой границ, отводящих новой Болгарии территорию до Охридского озера, т. е. далеко за р. Вардар. Упоминание г-ном Швегелем об этой реке как не принадлежащей больше к болгарской системе знаменательно в том смысле, что она проходит вдоль железнодорожной линии Салоники—Митровица, по поводу которой граф Андраши говорил мне, что она не может быть включена в Болгарию без ущерба для торговых интересов Австро-Венгрии.

Итак, я повторяю, монархия Габсбургов считает себя задетой созданной нами Болгарией с двух сторон—политической и торговой.

«Интересы Австро-Венгрии, — заявил министр иностранных дел делегациям, — состоят в том, чтобы расчистить пути для австрийской торговли в турецких государствах и помешать введению в них запретительной системы». Если я правильно понимаю, это значит, что Австрия не собирается уступать другим торговые пути в Западной Турции, особенно железную дорогу из Салоник, как прямой выход для продукции Центральной Европы по Суэцкому каналу или допустить, чтобы Болгария стала таможенной областью, чьи высокие тарифы затруднили бы австро-венгерский экспорт.

В связи с этим «Nouvelle Presse libre» 14 марта поместила статью из Вены, выводы которой не вызовут возражений со стороны государственной канцелярии. Я беру на себя смелость обратиться высокое внимание вашей светлости на этот важный вопрос в случае, если граф Андраши будет защищать его на конгрессе².

С глубочайшим почтением, князь, имею честь быть вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугой

Новиков

1. Все исследователи признают трудность определения численности населения турецких областей, поэтому расхождения в указаниях численности обычны и колеблются от 2,94 млн. до 5 млн. человек (89, стр. IX, XIX; 58).

2. После заключения Сан-Стефанского договора в Вене продолжались переговоры между Е. П. Новиковым и Д. Андраши, начатые еще в декабре 1877 г., когда русские условия перемирия вызвали резкий протест австро-венгерского двора, особенно в части, касавшейся Болгарии (см. 69, стр. 508—510, 512—514, 535—538, док. 464, 467, 479).

Расхождения еще более обострились после подписания предварительного мира. Андраши решил настаивать перед парламентом об ассигновании 60 млн. флоринов на военные расходы. Отсюда и ежедневные заседания делегаций, упомянутые в начале документа (см. 87, стр. 444).

Высказывания начальника коммерческого отдела австрийского министерства иностранных дел барона Швегеля, в прошлом генерального консула в Константинополе, признанного эксперта по балканским вопросам, очень ярко раскрывают истинные причины столь отрицательного отношения Австро-Венгрии к образованию Болгарского государства. Не судьба греков, албанцев и турок беспокоила правящие круги, а боязнь потерять важные в стратегическом и экономическом отношении районы, особенно в Южной Болгарии, где проходила железная дорога Восточной компании железных дорог. О Швегеле и его высказываниях см. 33, стр. 319—320.

№ 15

1878 г. марта 6. — Письмо А. М. Горчакова русскому послу в Лондоне П. А. Шувалову о возможности срыва конгресса ввиду враждебной позиции Англии по отношению к России и о бесполезности предварительных переговоров представителей великих держав

Votre lettre du 23 Février nous est exactement parvenue. Le tableau qu'elle trace des dispositions prévalant à Londres nous est confirmé par vos télégrammes subséquents¹. L'hostilité à notre égard ne fait que s'envenimer. Ce ne sont plus des intérêts qui sont en jeu mais des questions d'amour-propre et de prestige. Cela peut mener fort loin. Nous continuerons à rester polis et même conciliants dans les formes, mais fermes quant au fond. En 1871 nous avons consenti à donner au cabinet de Londres la satisfaction de sauver son amour-propre en nous infligeant la leçon contenue dans la déclaration placée en tête du protocole². L'essentiel pour nous était d'emporter le fond qui nous assurait sans autre sacrifice qu'une campagne diplomatique, l'abrogation de la clause la plus onéreuse du traité de 1856*. Actuellement après une guerre sanglante et victorieuse, nous ne saurions même pour la forme abaisser la dignité de la Russie devant le prestige de l'Angleterre.

Nous attendrons la décision du cabinet de Londres. Il aura sous les yeux notre traité préliminaire. Il sait par quelle porte nous entendons entrer au Congrès de Berlin.

A notre avis, elle est assez large que tout le monde puisse y passer sans compromission de dignité.

Pour ce qui concerne la conférence préalable proposée par le prince de Bismarck³, nous n'avons pas voulu la décliner par égard pour lui, mais nous ne lui en avons pas dissimulé les inconvénients. Des seconds plénipotentiaires ou des ambassadeurs n'ayant pas l'autorité nécessaire pour transiger et résoudre, ne pourront que constater les divergences. Il est probable que l'idée du prince de Bismarck est de s'assurer des chances d'une issue satisfaisante avant de compromettre l'Allemagne sous sa présidence.

Si toutefois il insiste et que les autres acceptent, le comte Ignatiew qui devait m'accompagner comme second plénipotentiaire, a été désigné par l'empereur pour prendre part à ces conférences préalables.

Les dispositions hargneuses du gouvernement anglais rendent très incertaine la réunion du congrès, elles diminuent d'ailleurs nos regrets de voir se fermer cette chance de pacification. Dans de pareilles conditions une issue favorable serait à peine à espérer.

L'appui qu'a rencontré à Londres l'idée d'une participation de la Grèce est un nouveau témoignage des dispositions que le cabinet anglais apporterait à cette réunion. Prévoyant un isolement possible, il recrute des alliés, mais c'est aux dépens de l'œuvre à accomplir. Les autres petits Etats ayant les mêmes prétentions et plus de droits que la Grèce, le congrès deviendrait une Babel politique⁴. Nous maintenons notre point de vue que les grandes Puissances seules doivent composer le congrès et que les petits Etats intéressés ne peuvent être admis qu'à y envoyer des délégués avec voix consultative.

* Т. е. Парижского трактата 1856 г.

Quant à vos conjectures pour le cas où l'Angleterre refuserait décidément de participer au congrès, nous ne croyons guère les Puissances assez énergiques pour passer outre. L'histoire nous enseigne que ce sont les constantes défaillances du continent qui font l'arrogance de l'Angleterre. Le prince de Bismarck paraît avoir déclaré que sans l'Angleterre il n'y aurait pas de congrès.

Il ne resterait donc que l'entente des trois cours impériales ou bien une correspondance directe entre les cabinets. Quant à la première, les pourparlers entamés à Vienne pour arriver à un accord, n'ont guère avancé et quant à la seconde, elle entraînerait des difficultés et des lenteurs qui prolongeraient indéfiniment une situation trop tendue pour pouvoir durer.

Notre auguste maître se prépare pour toutes les éventualités et je n'ai pas caché au baron de Langenau que parmi ces éventualités nous rangions une guerre possible non seulement avec l'Angleterre mais encore avec l'Autriche-Hongrie. Il a protesté contre cette supposition, mais il a été impressionné par l'avertissement.

Je me réfère aux pièces du dossier ci-joint⁵. Vous y trouverez tous les détails de la situation qui d'ailleurs se sera dessinée plus clairement lorsque cette lettre vous parviendra.

Recevez etc.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, ч. 2, лл. 478—481. Отпуск.

Перевод

Ваше письмо от 23 февраля благополучно получено в срок. Картина превалирующих в Лондоне настроений, нарисованная в нем, подтверждается вашими последующими телеграммами¹. Враждебность по отношению к нам все усиливается. Теперь здесь замешаны уже не интересы, но вопросы самолюбия и престижа, а это может завести очень далеко. Мы будем оставаться вежливыми и даже уступчивыми по форме, но твердыми по существу. В 1871 г. мы согласились удовлетворить лондонский кабинет и пощадить его самолюбие, приняв поучение, содержащееся в декларации, помещенной в начале протокола². Для нас было существенно заложить основу, которая обеспечила бы без каких-либо жертв, кроме дипломатической кампании, отмену самой обременительной статьи договора 1856 г. В настоящее время, после кровавой и победоносной войны, мы не можем даже формально допустить унижения достоинства России перед престижем Англии.

Мы будем ждать решения лондонского кабинета. У него перед глазами наш прелиминарный договор. Он знает, через какую дверь мы намереваемся войти на Берлинский конгресс.

По нашему мнению, она достаточно широка, чтобы все могли пройти в нее, не жертвуя своим достоинством.

Что касается предварительной конференции, предложенной князем Бисмарком³, мы не хотели отклонять ее из уважения к нему, но не скрывали от него неудобств этого предложения. Поскольку второстепенные уполномоченные или послы не имеют достаточных полномочий, чтобы договориться между собой или что-то решать, то они смогли бы только констатировать разногласия. Вероятно, князь Бисмарк намеревается обеспечить себе шансы на удовлетворительный исход, чтобы, взяв на себя председательство на конгрессе, не скомпрометировать Германию.

Если он все же будет настаивать на проведении конференции и другие согласятся на это, то император назначил для участия в этих предварительных конференциях графа Игнатьева, который должен был бы сопровождать меня в качестве второго уполномоченного на конгрессе.

Враждебность английского правительства ставит под сомнение созыв конгресса, но и уменьшает наши сожаления по поводу того, что закрывается этот путь мирного урегулирования. В подобных случаях на благоприятный его исход едва ли можно надеяться.

Поддержка, которую встретила в Лондоне идея участия Греции в конгрессе, является новым свидетельством настроений, с которыми английский кабинет намеревается прийти на это собрание. Предвидя возможную изоляцию, он вербует союзников, но это идет в ущерб делу, которое предстоит выполнить. Поскольку существуют другие малые государства, имеющие те же претензии и побольше прав, чем Греция, конгресс может превратиться в политический Вавилон⁴. Мы придерживаемся той точки зрения, что только

великие державы должны быть участниками конгресса и что заинтересованные малые государства могут быть представлены там только делегатами с совещательным голосом.

Что касается ваших предположений на случай, если Англия решительно откажется участвовать в конгрессе, то мы не верим, что державы будут настолько энергичны и пойдут так далеко. История учит нас, что высокомерие Англии — результат постоянной слабости континентальных держав. Князь Бисмарк, кажется, уже заявил, что без Англии конгресса не будет.

Таким образом, остается только соглашение трех императорских дворов или прямые переговоры между кабинетами. Что касается первого, то переговоры, начатые в Вене для того, чтобы прийти к соглашению, совсем не продвинулись, а второе повлекло бы за собой трудности и проволочки, которые до бесконечности сохраняли бы это положение, и так слишком напряженное, чтобы оставаться неизменным.

Наш августейший повелитель готовится ко всем случайностям, и я не скрыл от барона Лангенау, что к ним мы причисляем и возможность войны не только с Англией, но и с Австро-Венгрией. Он протестовал против такого предположения, но это предупреждение произвело на него впечатление.

Я ссылаюсь на документы прилагаемого здесь досье⁵. Вы найдете там все детали обстановки, которая, впрочем, более четко обрисовывается, когда до вас дойдет это письмо.

Примите и пр.

1. До подписания Сан-Стефанского прелиминарного договора между Россией, Англией, Германией и Австро-Венгрией шли переговоры о конференции великих держав на основе предложений Андраши (см. 69, док. 456, 464, 473 и др., стр. 503, 508—510, 519). Все державы приняли предложение о конференции, но переговоры затянулись. Когда договор в Сан-Стефано был подписан, Берлин и Вена сразу согласились на созыв конгресса в Берлине (см. телеграмму А. М. Горчакова П. А. Шувалову от 21 февраля [5 марта] 1878 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, ч. 2, л. 448). Неясна была лишь позиция Англии. Вскоре П. А. Шувалов в телеграмме от 24 февраля (8 марта) (там же, ч. 1, лл. 84—85об.) сообщил Горчакову: «Англия согласна на конгресс при условии, что все статьи трактата будут представлены на его рассмотрение». Это противоречило русской точке зрения (см. 88, стр. 423). Англия, как сообщил Шувалов, запросила Вену, какова должна быть основа конгресса. Австро-Венгрия ответила более расплывчато, по смысл был тот же: все статьи договора должны стать «предметом дискуссии» (Шувалов Горчакову от 26 февраля [10 марта] 1878 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, ч. 1, л. 86, 86 об.).

Горчаков в телеграмме Шувалову от 5 марта 1878 г. писал: «Мы предоставляем другим полную свободу оценки и действий и будем отстаивать такую же свободу для себя. Не понимаем «да» или «нет» английских требований». Он сообщил, что русское правительство не желает заранее соглашаться на любое решение, принятое конгрессом. «Подобного примера не было на других конгрессах, на которых добивались полюбовного соглашения, но никогда не допускалось решение большинства. Ясно, что английский кабинет, введенный в заблуждение, хочет восстановить свой престиж на обломках нашего, забывая, что мы сделали и кто мы есть» (там же, ч. 2, л. 476). Отношения с Англией осложнились. В Петербурге это очень хорошо понимали. Д. А. Милютин записал в своем дневнике: «Государь и канцлер потеряли уже надежду на мирный исход дела» (57, стр. 28).

2. По-видимому, речь идет о том, что в 1871 г., во время Лондонской конференции по пересмотру статей Парижского трактата 1856 г., по инициативе английского правительства было предложено подписать заявление держав о том, чтобы «каждая держава общалась другим договаривающимся сторонам всякое ходатайство об освобождении от обязательств договора или об изменении его постановлений». Это было направлено против России, и русский посол в Лондоне Ф. И. Бруннов отказался подписать этот протокол, но из Петербурга было дано распоряжение подписать его (см. 20, стр. 204—205).

3. Бисмарк в беседе с П. П. Убри 5 (17) марта предложил созыв предварительной конференции послов в Берлине, чтобы избежать, по его выражению, «телеграфной неразберихи» («confusions télégraphiques»). Конференция определила бы состав конгресса, его задачи. Он считал, что конгресс должен пересмотреть договоры 1856 и 1871 гг. в связи с новым договором (см. телеграмму П. П. Убри А. М. Горчакову от 5 (17) марта 1878 г. из Берлина. — АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 20, лл. 419—420).

4. Сначала Англия добивалась участия в конгрессе представителей Греции, чтобы заставить их говорить о мнимой угрозе, создаваемой образованием Болгарии для греческого населения. А. М. Горчаков возражал, но в конце концов согласился с этим при условии, что на конгресс будут допущены и делегации других балканских стран (см. 87, стр. 549). Но после сделки с Турцией относительно Кипра британская дипломатия перестала настаивать на участии Греции в конгрессе (там же, стр. 550). Представители Греции и Сербии были допущены на конгресс и заслушаны им.

5. Речь идет о копиях документов дипломатической переписки Министерства иностранных дел, которые рассылались послам для ознакомления и ориентации.

1878 г. марта 6. — Циркуляр и. д. сливенского губернатора Л. И. Ильяшевича люле-бургасскому и бунар-гиссарскому окружному начальнику Н. Р. Овсяному о порядке выборов в окружные и городские советы и необходимости преобладания в них болгар

№ 21

Казанлык
Конфиденциально

В дополнение к утвержденным великим князем главнокомандующим 3 июля инструкции для учреждения первоначального военно-полицейского управления («Сбор[ник] оф[ициальных] рас[поряжений] по Болг[арскому] кр[аю]», стр. 16), 8 июля — Главных оснований гражданского управления в санджаках и округах Болгарского края («Сбор[ник]», вып. II, стр. 3), 8 августа — временных правил об управительных советах в округах Болгарии *, в коих были преподаны главные и существеннейшие основания как для образования управительных советов, так и для производства выборов в оные, его сиятельство князь Черкасский считает нужным принять к руководству следующие главные указания, о чем и предписал мне 9 февраля за № 209.

1. Необходимо иметь в виду ту главную цель, чтоб в каждом из управительных советов, окружных и городских, численное преобладание всегда было на стороне не только членов христианских, как то указано в ст. 5 утвержденных великим князем 8 августа временных правил, но еще, собственно, на стороне выборных членов из числа болгар ¹.

2. Председатели советов, городских и окружных, выбираются губернатором порядком, указанным в 6 ст. утвержденных 8 августа с. г. великим князем главнокомандующим правил об управительных советах в Болгарии — из числа жителей болгарской народности.

3. Не могут быть ни избираемыми, ни избирателями: а) иностранные поданные и б) мусульмане, бежавшие во время нашествия наших войск, хотя бы впоследствии они и возвратились, так как постоянное их местопребывание в известной местности не может быть удостоверено надлежащим образом.

4. Для первоначального обеспечения благоприятных для болгарской народности выборов, особенно в Филиппопольском санджаке, надо обратить самое бдительное внимание на то, чтоб первоначальные избирательные участки (как, напр., кварталы, приходы, махалы и проч.), которыми будут, согласно обычаю, избираться выборщики для последующего выбора членов окружных советов, были бы устроены так, чтоб по крайней мере в значительной части из них был обеспечен выбор болгар.

5. В этих первоначальных избирательных участках должно быть решено избирать дальнейших выборщиков не только из своего участка или своего прихода, но и из других приходов или махал, притом городским — из сельских, а сельским — из городских, а равным образом городским жителям не должен быть возбраняем выбор членов управительных советов городских из числа жителей сельских и, наоборот, жителям сельским не должен быть возбраняем выбор членов советов окружных из числа жителей городских.

Сообщаю вам о том для руководства.

Подлинное подписали и. д. сливенского губернатора Генерального штаба полковник Ильяшевич, и. д. правителя канцелярии подполковник Крапухин ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32771, лл. 30—30 об., 34. Заверенная копия.

1. Болгарское население составляло большинство в этой области (см. 89; 56, ч. 2, вып. III, стр. 16—17; вып. IV, стр. 102).

* См. «Сборник официальных распоряжений и документов по Болгарскому краю», вып. 3. Свистов, 1877, стр. 10—11.

1878 г. марта 6. — *Рапорт А. А. Шепелева Д. Г. Анучину о порядке возвращения населению отобранного турецкими властями имущества **

№ 75

Филиппополь

После занятия г. Филиппополя нашими войсками найдено было много вещей, принадлежавших бежавшему турецкому населению, которые по распоряжению военного начальства были свезены в конак и составили особый склад. Последний еще более увеличился, когда по приказанию бывшего военного губернатора городские жители обязаны были выдать все хранившиеся у них вещи, оставленные турками.

В числе этих вещей, преимущественно состоящих из одеял, подушек, ковров, разной одежды и пр., есть также много больших *медных котлов, служащих для выделки розового масла* и отобранных турками у жителей северной части санджака, занимающихся этим промыслом. Кроме того, на многие предметы означенного склада заявляют претензии некоторые из местных жителей, прося о возвращении принадлежащих будто бы им вещей. Проверить справедливость подобных заявлений в настоящее время весьма трудно, тем более, что многие лица, как мне известно, *наживались* незаконно разными вещами от турок и стараются возвратить их себе теперь с корыстными намерениями.

Чтобы очистить склад от хранящихся в нем вещей, представляется два способа.

1. Все предметы, относящиеся к категории орудий земледелия или промышленного производства, как, напр., казганы для гонки розового масла, раздать жителям Карлова, Сопота, Казанлыка и других пунктов, ввиду того что за недостатком у жителей этих казганов производство такого ценного материала, как розовое масло, может сильно пострадать, нанеся ущерб и обработке самих розовых плантаций¹. Часть ковров и некоторых предметов восточной комнатной обстановки может быть употреблена на отделку помещений будущих учреждений центральной администрации, так как европейской мебели достать здесь почти невозможно. Все же прочее имущество склада или распределить посредством особой комиссии между беднейшими семьями, болгарскими и турецкими, преимущественно не имеющими рабочих мужских членов, или же продать с аукциона и вырученные деньги употребить также на пособие бедным.

Такой способ распоряжения имуществом склада может быть допущен, если признать имеющим законную силу изданное бывшим военным губернатором еще в январе месяце объявление, по которому всем бежавшим из края лицам дан был десятидневный срок для возвращения и вступления в обладание своим имуществом. По истечении этого срока имущество считалось конфискованным.

2. Другой способ заключается в образовании из местных жителей комиссии, которой поручить по приведении в известность находящихся в складе вещей производить выдачу их тем лицам, которые представят достаточные доказательства о принадлежности им тех или других предметов склада. Срок для действий этой комиссии можно назначить примерно месячный, после которого все оставшиеся вещи обратить тем или другим способом на пособие нуждающимся.

Покорнейше прошу указаний вашего превосходительства о том, как поступить с имуществом филиппопольского склада.

Подписал и. д. губернатора А. Шепелев

НБИБ—БИА, Пловдив, ф. 19, д. 4, л. 13. Заверенная копия.

* См. док. 10.

1. Предписанием от 10 марта 1878 г. Д. Г. Анучин разрешил раздать болгарскому населению отобранные ранее турецкими властями сельскохозяйственные орудия (см. НБИБ — БИА, Пловдив, ф. 19, д. 4, л. 16).

№ 18

1878 г. марта 7. — Циркуляр Л. И. Ильшевича окружным начальникам Сливенской губернии о недействительности контрактов турецкого правительства с откупщиками и о запрещении взимания сборов по откупам

№ 29

Казанлык

Применяясь к циркулярному предписанию заведывающего гражданскими делами от 14 июля 1877 г. за № 556, прошу вас объявить во всеобщее сведение по вверенному вам округу, что откупщики турецкого правительства, уже заключившие с ним контракты на взимание каких бы то ни было доходов, не имеют права, под страхом личной и имущественной ответственности, их взыскивать, так как эти контракты следует признавать недействительными¹.

Подлинный подписали и. д. сливенского губернатора
Генерального штаба полковник Ильшевич,
и. д. правителя канцелярии Крапухин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32772, л. 16—16 об. Заверенная копия.

1. Инструкция о десятинном налоге, утвержденная главнокомандующим 11 июля 1877 г., предусматривала взимание налога натурой только в 1877 г. в тех местах, где сельскохозяйственные продукты были необходимы для снабжения армии. В других местностях она должна была выплачиваться деньгами. В инструкции, состоящей из 24 пункта, даны подробные указания, как нужно исчислять десятинный налог, какими должны быть источники, из которых берутся сведения о взимании налога в предыдущие годы, какими должны быть способ и сроки выплаты и т. д. Собиране налога производилось соответствующими властями, которые основную заботу об этом возлагали на общины (см. 81, стр. 19—25).

В силу экономических обстоятельств и технических причин (отсутствие точных статистических данных о земельном фонде и его использовании, отсутствие достаточных денежных средств у населения и общее тяжелое экономическое состояние страны) сбор налога производился в натуре и в последующие годы.

№ 19

1878 г. марта 7. — Письмо секретаря Систовского судебного совета В. Божинова И. Д. Шишманову о празднествах в Систове в честь офицеров русских войск и о службе в гражданском управлении

Свищов

Любезний ми Иване!

Аз зная, че ти ще ми се сърдиш за гдето толкози дълго не съм ти писал, нещо което е било против волята ми, и то ето защо: много пъти, когато мама ти ти пише, мене или много работа ми се е случвало, или пък се е случвал някой тържествен празник (който тук често биват), когато разбира се ме е нямало да стоя в къщи. Зная тъй също, колко е мъчно на един млад далеч от своето отечество, ако не получава никакво писмо от своите близки; напротив, опитвал съм колко му е драго, когато той често получава известие, новини и пр. от своите си из славното за него и вечно незабравено отечество. При спичките тия упоменати — става явно каква вина [при]надлежи мене в този случай; но аз зная Иван кой е, и само като го помоля за миналото да ме извини, а за в бъдеще, като му се обещава, че няма да пропускам случай, щом ми падне свободно време да му пиша, както и пространно за всичко, което става и се върши тука, уверен съм, че той ще забрави изведнаж кабахатя ми.

Драги ми Иване! Аз от минаването Дунава на победоносните руски войски, — хиляди пъти благодарение богу — съм бил здрав и читав, което желая и моля бога да е и на тебе същото. Оттогава досега, както ти е известно, аз служа в полицията, в отделението на съдебния съвет и от три месеци насам се назначих за главен писар под име «секретар» в същия съвет, за което получавам 28 рубли сребърни и 33 коп. месечна заплата. Като взема пред вид миналото, особено посл[една]та година, аз съм много благодарен от тази служба, ако, и отвън, чуждите, с малко или много капитал удариха по 100—200 и до 1000—2000 наполеона. Но доколко време ще занимавам тази служба, това не е известно, защото може скоро да се промени временното управление, което засега е уведено в България.

За новините, които са били и които има сега тук, няма нищо да ти пиша, защото зная, че мама ти и Марито няма да забравят никоя от [тях] да ти я не съобщат. Тъй например, за тридневното празнуване и угощението от тукашните граждани, което се даде в чест на руските офицери, както и обратно ще стане, за приемането на радостната вест от [в]уйча ти доктора *, че скоро ще се завърнат в България и пр.

Колкото за работите, относително до България засега вървят много добре. Благодарение на н[егово] и [мператорско] величество руския император — наслаждаваме се със свобода и дишаме вече свободен въздух. Условията на мира, които тук донякъде са известни, ще уздравят бъдещността на България.

Като свършвам напомням ти, че и аз не съм приемал от тебе 5—6 месеци писмо, и ти оставам да решиш сам, имам ли право и аз да се сърдя или не.

Приеми поздравения от нашите, които слава богу са живо и здраво, а най-вече от твоя любезни [в]уйчо, който те прегръща и многократно целува.

Владимир

АБАН, ф. 11, оп. 3, 5д. 1848, лл. 10—11. Автограф.

№ 20

1878 г. март 8. — Предписание Г. И. Шигорина Самоковскому городскому совету о составлении описи турецких земельных владений и сдаче их в аренду болгарскому населению

№ 139

Самоков

Според заповедта на г-на софийский губернатор от 3 март под № 407 **, като приближава пролетта, време, в което става обработването и посеванието на полетата, разработването на бостаните, бахчите-градините, лозята и проч[ие], приглашавам съветът да обърне най-голямо внимание върху земите, принадлежащи както на турското правителство, така и на побегналите турци, които още не са се върнали ¹.

Първо, моля съветът и едните и другите земли да ги приведе в точна известност, по възможност по-скоро, не по-късно от 25 март, като определи действителната нихна цена за наем на една година и стойността на семето, ако има посеяни; и второ да се повикат желаещите да земат с наем тези земли и да им се дадат с продаване (на мезат), като се начне продаването: ако са засеяни — от цифрите на стойността на семето, което е посеяно, заедно с обикновенната плата за наемът на земята за година; а ако не са посеяни, то да се начне продаването от цифрата на платата за наем, която се определи като средня цифра от последните пет, например, години, за която тая земля е отдавана в наем, а ако не е давана, то според сравнението ѝ с онази, която се е давала в същото време до нея що е, или соседня, и приблизително с[ъс] същите нейни качества. Ако се случи щото близо до даваната в наем турска земля има българи до край разорени от настоящата война, и съветът

* Д-р Асен Ставрев Шишманов.

** Документ не наведен.

е лично уверен за действителното крайно нишно състояние, то разрешавам на съвета такива земи да ги предоставя за ползване на тези несчастни за онази наемна плата, която градският съвет в пълният свой състав, под моето председателство, признае безобидна за тези, на които се дава в наем земята и за хазната, в която трябва да влезе приходът от тези земи.

Изообщо моля съветът да приеме най-решителни мерки, щото в идущата пролет да се посеят по възможност всичките ниви, както и всичките бостани, градини и лозя да се разработят.

Моля съветът до 25 март да ми представи ведомост колко земи има в градът от поименованите категории (видове), за каква въобще сума могат они да са дадат в наем и най—повече кому.

Началник на округът майор Шигорин

СГОДА, ф. 41 К, оп. 1, д. 433, лл. 19—20. Подлинник.

1. Русское гражданское управление проводило подобный учет земель на всей подчиненной ему территории. Болгарские города как до освобождения, так и в последующее время владели обрабатываемыми землями, часть их жителей занималась сельским хозяйством. Городской совет должен был заботиться о хозяйственном использовании этих земель. Во время войны болгарское население завладело как землями бежавших турецких землевладельцев, так и частью общинных земель, что расширяло аграрный переворот, выразившийся в замене турецкой феодальной собственности на землю буржуазной собственностью и в ликвидации турецкого чифликского землевладения (см. 69, док. 461, стр. 506—507).

№ 21

1878 г. марта 10. — Циркуляр П. В. Алабина окружным начальникам и софийскому полицмейстеру о наборе слушателей на курсы русского языка в Филиппополе

№ 540

София

Предлагаю немедленно сделать известным по вверенному вам округу: С 1 сего марта открыты в Филиппополе практические курсы русского языка для приготовления на должности переводчиков при вводимом в крае гражданском управлении¹.

Слушателями курсов могут быть молодые болгаре хорошей нравственности и получившие первоначальное образование.

Содержаться во время прохождения этих курсов слушатели обязаны на свой счет, но 40 человек, более достойных и более развитых из них, будут получать на свое содержание стипендии от правительства.

Буде явятся желающие молодые люди воспользоваться этим учреждением, благоволите предложить им отправиться в Филиппополь и выдайте им свидетельство на проезд до этого города. Если же между желающими окажутся молодые люди, вполне способные и соответствующие изложенным условиям, а между тем по бедности не могущие доехать до Филиппополя, то предложите им прийти в Софию и явиться ко мне, снабдив их надлежащей рекомендацией и удостоверением благонадежных людей и городского совета о их бедности с тем, чтобы я мог оказать им пособие для отправки в Филиппополь из имеющих в моем распоряжении средств Славянского комитета.

О тех, кто вами будет отправлен в Филиппополь, или о том, что таковых не окажется, мне донесите.

И. д. губернатора Алабин
Правитель канцелярии Громов

СГОДА, ф. 1 К, оп. 2, д. 530. Подлинник.

1. Курсами руководил капитан Флейшер. К июню 1878 г. 150 молодых болгар, закончив курсы, были взяты на работу в государственный аппарат (см. 16, стр. 318).

1878 г. марта 11. — Письмо А. М. Горчакова Е. П. Новикову о поездке Н. П. Игнатъева в Вену для переговоров с австро-венгерским правительством

L'empereur envoie le comte Ignatiew à Vienne¹ pour tâcher d'éclaircir nos rapports avec le cabinet austro-hongrois. Il est urgent de les faire sortir de l'impasse où ils se sont arrêtés. Le moment est critique. L'hostilité de l'Angleterre menace de remettre en question et la paix préliminaire à peine conclue et le congrès à la veille de se réunir. Il nous semble impossible qu'un tel résultat réponde aux vœux des Puissances et en particulier de l'Autriche-Hongrie. Il est donc de toute nécessité que le cabinet de Vienne abandonne les attitudes équivoques où il s'est renfermé jusqu'à présent. Elles étaient compréhensibles vis-à-vis des délégations, elles seraient inexplicables vis-à-vis de nous dans des circonstances aussi décisives.

Le comte Ignatiew est à même de donner au comte Andrassy tous les éclaircissements nécessaires sur le sens ostensible et la signification réelle de chacun des articles du traité qu'il a négocié et de lui démontrer pièces en mains à quel point nous avons tâché de ménager les intérêts et les susceptibilités de l'Autriche-Hongrie. Il connaît à fond la pensée de l'empereur et sait tout le prix que notre auguste maître attache à trouver des moyens de transaction et de conciliation entre nos vues et celles du cabinet de Vienne. La chose n'est certes pas impossible si de part et d'autre on y met de la bonne volonté. Il nous paraît impossible que l'Autriche songe sérieusement à rompre avec nous et à mettre l'Europe en feu pour des considérations telles que les limites plus ou moins étendues de la Bulgarie qui doit exister et la durée plus ou moins longue d'une occupation dont la nécessité est indiscutable. L'Autriche-Hongrie ne peut pas avoir intérêt à prolonger une situation qui n'est ni la paix ni la guerre, mais qui pèse lourdement sur tout le monde et ne saurait évidemment pas durer. Nous ne saurions admettre qu'elle aspire comme l'Angleterre à nous infliger un échec afin de relever son prestige aux dépens du nôtre. Ce serait entretenir une illusion que notre langage et notre attitude devraient suffire à dissiper.

Il faut donc trouver une issue quelconque.

Tel est le but de la mission du comte Ignatiew.

Nous comptons sur le concours du comte Andrassy et je n'ai pas besoin de réclamer de vous celui que vous serez à même de prêter à cette négociation importante en mettant votre expérience locale à la disposition de l'envoyé de notre auguste maître.

Recevez etc.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 112, лл. 521—522. Отпуск.

Перевод

Император посылает графа Игнатъева в Вену¹, чтобы тот постарался выяснить наши отношения с правительством Австро-Венгрии. Крайне необходимо вывести их из тупика, в который они зашли. Положение критическое. Враждебность Англии грозит поставить под вопрос и только что заключенный прелиминарный мирный договор, и конгресс накануне его созыва. Мы не можем поверить, чтобы подобный результат отвечал желаниям держав, особенно Австро-Венгрии. Поэтому венскому кабинету совершенно необходимо отказаться от двусмысленной политики, которой он придерживался до сих пор. Она была понятна в отношении делегаций и необъяснима по отношению к нам при столь серьезных обстоятельствах.

Граф Игнатъев сможет дать графу Андраши все необходимые разъяснения по поводу подлинного смысла и реального значения каждой из статей договора, который он заключал, и показать с документами в руках, до какой степени мы старались щадить интересы и самолюбие Австро-Венгрии. Он прекрасно осведомлен о соображениях императора и знает, какое значение наш августейший повелитель придает задаче найти пути к соглашению

примирению наших взглядов со взглядами венского кабинета. Это дело вполне осуществимое при наличии доброй воли с той и с другой стороны. Нам кажется невозможным, чтобы Австрия серьезно намеревалась порвать с нами и зажечь в Европе огонь по такому поводу, как большая или меньшая протяженность границ Болгарии, которая имеет право на существование, по поводу большей или меньшей длительности оккупации, необходимость которой неоспорима. Австро-Венгрия не может быть заинтересована в сохранении положения, которое не является ни миром, ни войной, тяжело давит на всех и, очевидно, не продержится долго. Мы не поверим в то, что она стремится, как Англия, нанести нам поражение и за счет этого поднять свой престиж в ущерб нашему. Это означало бы поддерживать иллюзии, которые в достаточной степени рассеивают наш тон и наша позиция.

Таким образом, нужно найти какой-то выход.

Такова цель миссии графа Игнатьева.

Мы рассчитываем на помощь графа Андраши, и мне нет нужды говорить, что вы можете помочь этим важным переговорам, предоставив свое знание местных условий в распоряжение посланца нашего августейшего повелителя.

Примите и пр.

1. Переговоры Е. П. Новикова с Д. Андраши не привели к осязаемым результатам, и поэтому 22 марта 1878 г. в Вену был отправлен Н. П. Игнатьев, чтобы разъяснить возникшие недоразумения и постараться уладить их. Он вез личное письмо Александра II к Францу-Иосифу.

№ 23

1878 г. марта 11. — Телеграмма А. И. Нелидова А. М. Горчакову о стремлении Англии спровоцировать вооруженное столкновение между русскими и турецкими войсками

San-Stefano
Secret

Turcs très désappointés d'issue mission Reouf¹. Sultan irrité et sourdement hostile. Bruit factice fait autour d'incident Buyucdéré² a déterminé Porte envoyer quelques troupes sur hauteurs environnantes. Ai relevé caractère méfiant de cette mesure, si était destinée à empêcher notre embarquement par force, qui n'était guère dans nos intentions, et son hostilité patente, dans le cas où préjugait attitude future de la Turquie dans éventualité de conflit anglo-russe. Layard et quelques énergiques y travaillent de toutes forces tâchant dans ce but d'amener collision entre nous et Turcs que ceux-ci redoutent généralement, tout en se prêtant par faiblesse et désarroi à mauvais conseils contre lesquelles ne pouvons réagir. Mécontentement contre sultan grandit et menace d'éclater.

ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 18, л. 126—126 об. Копия. Литографированный экземпляр.

Перевод
Сан-Стефано
Секретно

Турки очень разочарованы исходом миссии Реуфа¹. Султан раздражен и тайне враждебен. Ложные слухи вокруг инцидента в Буюкдере² побудили Порту отправить войска на близлежащие высоты. Выявляется злонамеренный характер этой меры, имевшей целью силой помешать нашей высадке, которая совершенно не входила в наши намерения, и потенциальная опасность предвзятой позиции Турции в случае англо-русского конфликта при обстоятельствах, когда Лайярд и несколько одержимых прилагают к этому все силы, стремясь привести нас и турок к столкновению, которого последние вообще опасаются, но вследствие слабости и растерянности поддаваясь дурным советам, не могут не реагировать на них. Недовольство против султана все нарастает и грозит взрывом.

1. Турецкий военный министр Реуф-паша, прибывший для размена ратификаций Сан-Стефанского договора, вел в Петербурге переговоры о возвращении турецких плен-ных, в том числе и Османа-паши, взятого в плен под Плевной, о чем стороны и договори-

лись. Русское правительство добивалось от турок согласия на совместную оборону Босфора против англичан, на что Реуф-паша не согласился (см. 57, стр. 27—29; см. также примечание 1 к док. 26). В Турции сохранялась надежда, что Сан-Стефанский договор не будет ратифицирован до решения Берлинского конгресса (см. 59, стр. 67—68).

2. Речь шла о слухах, распространявшихся в связи с просьбой русского главнокомандующего разрешить посадку русских войск на суда в Буюкдере на Босфоре для возвращения их в Россию. Турция ответила отказом, мотивируя его тем, что появление русских в Буюкдере будет воспринято англичанами как занятие Константинополя и повлечет их вступление в Босфор (см. 88, стр. 440; 57, стр. 27—29).

№ 24

*1878 г. марта 12. — Протокол заседания Врачанского городского совета о переименовании улиц и площадей города в честь полков и командиров русской армии*¹

Присъствовали:

Председател: Николчо х. Антонов

Членове: Кос[та]д[ин] х. Николчов

Захария Н. Печеняк[ов]

Ангел Д. Йоцов

Слушали: По предложение на окружний началник за учреждение и наименования нови названия на площ[ад]ите и улиците, които досега носят турски названия, а някои нямат никакво, да се наименоват с такива имена, които след време да показват исторически очерки по събитията на настоящата источна героична война между Русия и Турция в година 1877—1878.

Справка: Като се размисли като с какви наименования да се наричат площ[ад]ите и улиците, и да бъдат те прилични и понятни на жителите, представиха са за такива имената на военачалниците, полковете, генералите и полковниците, които завоюваха² град Враца от турците, затова и постановили.

Постановление: 1. Да се преименуват от старото си название площ[ад]ите и улиците по следующият начин:

а. Площ[ад] *Александровски*, напред Сахат мейдана, в чест на царя освободителя Александр Николаевич.

б. Площ[ад] *Николаевски*, в чест на н[егово] и м[ператорско] височество Николая Николаевича, главнокомандующий на Дунавската армия в источната война с Турция в 1877—1878 гт.

в. Площ[ад] *Черкасский*, напред «Рушидова», в чест на негова светлост княза Черкасского, който беше натоварен с гражданското управление на новоосвободена България, по той не доживя да окончат славното си предприятие, умря на 19 февруари 1878 г.* в околността на Царийград, на св. Стефана.

Улица *Гурковска*, напред «Скаклия». В чест на н[егово] високопревосходителство генерала Гурка.

Улица *Скобелевска*. В чест на негово високопревосходителство генерала Скобелева.

Улица *Леоновска*. В чест на негово превосходителство генерал майор *Леонов*, който пръв начело на войските мина през нея улица, когато да влезе в градът, на превземанието от турците — 21 ноемврий 1877.

Улица *Лукашовска*, напред хаджи Василева, в чест на негово високоблагородие окружний началник на град Враца полковник Михаил Иванович *Лукашов* по причина, че пръв той положи основание на гражданското управление в тоя град.

Улица *Лейб Гусарская*, напред «Домуз чаршия», в чест на гвардейский гусарский на негово величество *полк*.

Улица *Кетхудовска*, напред Кирхана, в чест на негово високоблагородие конно гренадерски полковник Александр Игоревич Кетхудов, който като командантин преживе три месеца в тоя град.

Улица *Вознесенска*. В чест [на] църквата св. Вознесение.

* Дата вписана карандашом.

Улица *Леиб Уланска*, напред «Хан». В чест на гвардейският улански на негово величество полк.

Улица *Болярска*. В чест на църквата св. *Николая*, която от старо време е упазила названиее *Болярска*.

Улица *Берковацка*, напред Игриска. В чест на града Берковица.

Улица *цар Константин*, напреде Занбина. В чест на църквата св. цар *Константин и Елена*.

Улица *Казацка*, напред Циганска, в чест на донските казаци.

Улица *Николаевска*, напред Липованска, в чест на църквата св. *Николая*.

Улица *Лейб Драгунска*, напред Цепи леща. В чест на гвардейският драгунски на негово величество полк.

Улица *Видинска*, напред Хармана, в чест на града Видин.

Улица *Раховска*, напред Кокшарска, в чест на града Рахово.

Улица *Черногорска*, напред Кемер, в чест на храбрата Черна гора.

Улица *Заградска*, напред Зимевица, в спомен на бяганието на *черкезите* от руский меч на 28 октомврия 1877 г.

2. Да се напишат табли за всяка улица по три и заковат на належащото им место.

Председател: *Николчо Антон[ов]*

Членове: *А. Йоцов,*

З. Печеняков

ОДА—Враца, ф. 28 К, д. 253, лл. 11—13. Подлинник.

1. Во многих освобожденных русской армией болгарских городах признательное болгарское население присваивало улицам и площадям имена русских воинских частей и военачальников, отличившихся при освобождении этих городов.

2. Т. е. освободили.

№ 25

1878 г. марта 15. — Обращение жителей Ахи-Челебийского района к Н. П. Игнатьеву с просьбой о включении территории района в состав будущего Болгарского государства¹

Ахи-Челеби

Потрясло наши сердца, встрепнулись от ужаса наши жены и дети, когда пронеслась весть, что черта, определяющая границы свободной Болгарии, разделила нас, несчастных, с своими братьями и, как бы недостойных пользоваться этим благом, отшатнула нас с нашим потомством под власть прежнего кровавого зверства турок. Безотрадное такое положение поглотило в нас все силы и чувства человеческие.

Вашей светлости известно более чем кому-либо, что значит быть во власти безграничного мусульманского тиранства.

Осталась одна и последняя надежда избавиться от угрожающей нам гибели, если только вашему сиятельству угодно будет явить к нам свое милосердие, и мы тогда станем свободны, города и села наши примкнут к ожившей Болгарии, а не останутся по-прежнему под варварским бичом турок.

Смеем надеяться, ваше сиятельство, что выраженная нами надежда увекочит в потомстве нашем память о вашей светлости как единственном ближайшем защитнике болгар.

Жители от села Устово

Жители от Долно Райково

Жители от Горно Райково

Жители от Пашмакля

Жители от Левочево

Жители от Дунево

Жители от Хасевица

Жители от Писаница

Жители от Богутево
Жители от Долне ДЕРЕ-КИЮ
Жители от Арда
Жители от Горне ДЕРЕ-КИЮ
Жители от Петково
Жители от Карлуково
Жители от Аламедеде
Жители от Фатово
Жители от Габруво
Жители от Чокманово
Жители от Пещера
Жители от Туршан
Жители от Дуганово
Жители от Кремене

ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 73, л. 36. Подлинник.

1. Упомянутые в документе села не были включены в пределы Сан-Стефанской Болгарии. Этот район был присоединен к Болгарии только после Балканской войны 1912—1913 гг.

№ 26

1878 г. марта 17 (29). — Денеша П. А. Шувалова А. М. Горчакову об отставке министра иностранных дел Англии Э. Дерби в связи с усилением милитаристских настроений в правительстве и о беседе с ним относительно возможного исхода англо-русских разногласий

№ 43

Londres

Je rentre de chez lord Derby auquel j'étais impatient d'exprimer mes remerciements pour les bonnes relations qui n'avaient cessé d'exister entre nous depuis près de quatre ans¹.

Je le trouvais satisfait de la détermination qu'il a prise et espérant qu'elle faciliterait peut-être à ses collègues l'accomplissement d'une œuvre pacifique. Sa retraite prouverait à bien des Anglais les dangers de la situation, dangers qu'ils ne semblent pas apercevoir dans l'état d'irritation où ils se trouvent. La mobilisation des réserves et de la milice qui touche à tant d'intérêts personnels et locaux ne sera pas bien acceptée du pays, — en déposant son portefeuille sur une mesure que le souverain n'a le droit de décréter que lorsque la patrie est en danger, lord Derby déterminera peut-être une réaction pacifique dont ses collègues pourront profiter. On accusait le cabinet d'avoir été trop pacifique, on craindra dorénavant qu'il ne devienne trop belliqueux.

Je répondis au comte que si tel devait être résultat de sa démission ce serait un service de plus qu'il aurait rendu à la cause de la paix.

Nous eûmes ensuite un entretien si long qu'il me serait impossible au milieu de mes agitations actuelles de le consigner dans toute son étendue. Il a été un examen retrospectif ou plutôt un débat contradictoire entre nous de toute la crise d'Orient. Je me suis borné à vous en télégraphier les conclusions, car elles me paraissent avoir de l'importance. Jamais encore lord Derby ne s'était laissé aller à une exposition plus détaillée et plus franche de ses opinions; trop prudent dans l'accomplissement de ses devoirs de ministre, il était constamment dominé par la peur d'engager ses collègues lorsqu'il ne professait que des opinions personnelles. Aujourd'hui cette crainte ne pouvait plus exister.

Le comte m'a tracé les portraits politiques de Beaconsfield et des autres ministres: il se flattait, disait-il, de les connaître avec leurs qualités et leurs défauts. Beaconsfield se sent trop vieux pour vouloir réellement être un «ministre de guerre». Il aspire au contraire au calme et à la tranquillité. Malheureusement, il est orateur avant tout et ne sait retenir sa langue. Ses écarts de langage

proviennent de ce qu'il cherche toujours à faire impression sur son auditoire et assurer sa popularité, il est le premier à regretter ce qu'il a dit, mais ses regrets viennent toujours trop tard.

Salisbury est antiturc au suprême degré. Malheureusement, — ajouta le comte, vous ne lui avez plus laissé de Turcs à haïr et il est devenu antirusse sous l'influence du département des Indes qu'il administre depuis longtemps et dont tout le personnel est défiant à l'égard de la Russie. En somme la majorité des ministres n'est pas belliqueuse.

Ils font semblant de l'être lorsque cela fait bien devant leur parti; ce sont là les inconvénients de la vie parlementaire.

Lord Derby avoue qu'il a été ces derniers temps le seul dans le cabinet à résister aux mesures violentes mais croyait qu'une fois débarassés de lui et ne rencontrant plus une résistance qui les irritait, ses collègues deviendraient non pas plus belliqueux, comme on pourrait s'y attendre, mais plus pacifiques et surtout plus prudents à l'égard de la Russie. En un mot, lord Derby ne désespérerait pas d'une issue pacifique si de votre côté le cabinet impérial savait résister à l'irritation toujours croissante qui se manifeste en Russie et s'il restait calme et conciliant en présence des mesures que le gouvernement de la reine se proposait de prendre. Il les désapprouvait parce qu'il les trouvait dangereuses et prématurées tant que tout espoir de négociations collectives ou directes n'est pas perdu. La mobilisation des réserves est une de ces mesures, mais elle n'est pas la seule, elle sera suivie d'une autre. Mais il ne se croyait pas autorisé à m'en parler.

«Conseillez à votre gouvernement, — ajouta lord Derby», — et je le dis dans une bonne intention, de rester calme, votre situation militaire le permet et nous arriverons à une solution pacifique. Mais avant tout ne perdons pas le terrain des négociations».

Le congrès n'a plus de chance de se réunir, il faudrait en conséquence en venir au plus vite aux négociations directes. Je crois le gouvernement très disposé à les accepter et vous verrez alors que nous ne pensons pas annuler les résultats de votre guerre. Au congrès nous aurions soutenu les idées autrichiennes²; mais dans l'entente directe, il me semble que l'Angleterre n'a que deux objections sérieuses à votre traité, — la première c'est l'influence prépondérante que vous exercerez dans l'avenir à Constantinople et qui sera substituée à la nôtre; — la seconde c'est l'extension que vous donnez aux frontières de la Bulgarie vers l'Ouest car elle empêche l'organisation régulière des autres groupes chrétiens³; je pense que vous êtes préparés à faire des concessions sur ce point: (j'ai interrompu le comte par un «non») quant au premier nous pourrions nous arranger, si vous nous offriez une compensation, si j'étais resté ministre, je l'aurai refusée parce que je ne crois pas qu'il soit honnête d'occuper et d'annexer ensuite des territoires appartenant à une Puissance à laquelle nous n'avons pas fait la guerre, mais je ne suis plus... et mes collègues accepteraient, je crois, une compensation sous forme d'une station navale dans la mer de Marmara.

Je me récriai en disant que la Russie ne pourrait jamais tolérer de canons anglais entre le Bosphore et les Dardanelles.

«Eh bien, — me répondit le comte, — une station navale même en dehors des Dardanelles. Seulement ne laissez pas se prolonger la situation actuelle et remettez-vous au plus vite sur le terrain des négociations».

J'observai à lord Derby que je ne saurais conseiller à votre altesse des ouvertures de négociations quelconques avant de connaître les idées du marquis de Salisbury; il m'importe avant tout de m'assurer si le nouveau ministre les voulait dans le désir sincère de résoudre la situation et non de la compliquer davantage, et pour ma part je ne recommanderai ce moyen que lorsque je me serai assuré que les négociations directes seront acceptées par le gouvernement de la reine sans «conditions ou réserves» du genre de celles qui ont fait échouer le congrès.

«Je ne pense pas, — dit le comte, — que l'on vous fasse des conditions et des réserves».

Je dois le constater en premier lieu que je trouve les appréciations de lord Derby beaucoup trop optimistes. Notre différend avec l'Angleterre est trop profond pour qu'une légère rectification de frontières de la Bulgarie ou une station navale à Mytilène, par exemple, puisse le résoudre et le vider. Des négociations directes n'auraient pas le caractère anodin que leur attribue le comte et n'offrirait de chance de réussite que si l'entente entre Vienne et Pétersbourg enlevait à l'Angleterre tout espoir de coopération autrichienne. Néanmoins, il est impossible de refuser une certaine importance aux opinions d'un homme d'Etat parfaitement au courant de la pensée de son gouvernement.

Un fait notoire découle des paroles de l'ex-ministre des affaires étrangères, c'est que l'Angleterre, selon lui, n'a que deux objections importantes contre le traité de San-Stéfano. L'une d'un ordre moral et peu saisissable, une question d'influence, l'autre une rectification des frontières de la Bulgarie.

Veillez agréer, etc.

ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 18, лл. 191—193 об. Копия. Литографированный экземпляр.

Перевод
Лондон

Я возвращаюсь от лорда Дерби, которого поспешил поблагодарить за добрые отношения, не прекращавшиеся между нами вот уже почти четыре года¹.

Я нашел его удовлетворенным своим решением. Он надеется, что оно, может быть, облегчит его коллегам задачу установления мира. Его отставка раскроет перед многими англичанами опасность обстановки, опасность, которой они, по-видимому, не замечают, находясь в возбужденном состоянии. Мобилизация резервов и милиции, задевающая личные и местные интересы, не будет хорошо принята в стране. Вот почему, сложив с себя полномочия, в ответ на меру, к которой суверен имеет право прибегнуть только в случае опасности для родины, лорд Дерби, может быть, вызовет мирную реакцию, которой смогут воспользоваться его коллеги. Раньше обвиняли кабинет в том, что он слишком мирно настроен, а теперь боятся, что он становится слишком воинственным.

Я ответил графу, что если его отставка приведет именно к такому результату, то он окажет этим еще одну услугу делу мира.

Затем мы имели столь длительную беседу, что при том возбуждении, в котором я сейчас нахожусь, я не могу изложить ее полностью. Она была ретроспективным обзорением или скорее ожесточенным спором по поводу всего восточного кризиса в целом. Я ограничусь тем, что передам вам по телеграфу только выводы, так как они мне представляются довольно важными. Еще никогда лорд Дерби не позволял себе такого подробного и откровенного изложения своих взглядов; слишком осторожный во всем, что касается выполнения его обязанностей министра, он всегда отличался боязнью возложить ответственность на своих коллег тогда, когда он высказывал только свое личное мнение. Сегодня этих опасений больше не существует.

Граф набросал мне политические портреты Биконсфильда и других министров: он хвастался тем, что знает их со всеми их достоинствами и недостатками. Биконсфильд чувствует себя слишком старым, чтобы действительно стать «министром войны». Наоборот, он стремится к отдыху и покою. К несчастью, он прежде всего оратор, но не умеет держать язык за зубами. Это происходит потому, что он всегда старается произвести впечатление на аудиторию и обеспечить себе популярность. Потом первый же сожалеет о том, что сказал, но эти сожаления приходят всегда слишком поздно.

Солсбери в высшей степени настроен против турок. К сожалению, добавил граф, вы отняли, у него турок, и он стал ненавидеть русских под влиянием департамента Индии, которым он управляет в течение долгого времени и весь персонал которого недоверчиво относится к России. В общем большинство министров не воинственно.

Они принимают воинственный вид перед своими партиями, когда это им выгодно; именно в этом и заключаются неудобства парламентской жизни.

Лорд Дерби уверяет, что в последнее время он был единственным в кабинете, кто возражал против насильственных мер, но считает, что, избавившись от него и не встречая больше сопротивления, раздражавшего их, его коллеги не только не станут более воинственными, как того можно было бы ожидать, а, напротив, сделаются более мирными и, особенно, более осторожными во всем, что касается России. Одним словом, лорд Дерби

надеется на мирный исход, если со своей стороны императорский кабинет сумеет противостоять растущему недовольству, проявляющемуся в России, и останется спокойным и терпимым по отношению к мерам, которые намерено принять правительство королевы. Он не одобряет их, так как находит опасными и преждевременными, поскольку еще не потеряна надежда на коллективные или прямые переговоры. Мобилизация резервов является одной из этих мер, но не единственной, за ней последуют другие. Но он не считает себя вправе говорить об этом со мной.

«Посоветуйте вашему правительству, — добавил лорд Дерби, — и я говорю это из добрых намерений, оставаться спокойным. Ваше военное положение позволяет это, и мы придем к мирному решению. Но прежде всего мы не должны потерять почву для переговоров».

Так как нет шансов на созыв конгресса, следовательно, нужно как можно скорее перейти к прямым переговорам. Я думаю, что правительство склонно согласиться на них, и тогда вы увидите, что мы не намерены уничтожить результаты вашей войны. На конгрессе мы, вероятно, поддержим австрийские предложения², но при прямом соглашении, мне кажется, Англия будет выдвигать только два серьезных возражения против вашего договора: первое — решающее влияние, которым вы будете пользоваться в Константинополе и которое заменит наше, и второе — это то расширение, которое вы даете границам Болгарии к западу, что мешает правильной организации других групп христианского населения³; я думаю, что вы подготовлены к тому, чтобы сделать уступку по этому пункту (я прервал графа: «Нет»); что касается первого, мы сможем договориться, если вы предоставите нам компенсацию. Если бы я оставался министром, я бы отказался от этого, потому что не считаю честным занимать, а затем аннексировать территории, принадлежащие державе, с которой мы не воевали; но я больше не министр. . . а мои коллеги, я думаю, согласятся на компенсацию в виде морской стоянки в Мраморном море».

Я воскликнул, что Россия никогда не допустит присутствия английских пушек между Босфором и Дарданеллами.

«Тогда, — ответил мне граф, — согласитесь хотя бы на морскую стоянку вне Дарданелл. Только не затягивайте создавшееся положение и приступайте как можно скорее к переговорам».

Я заметил лорду Дерби, что не смогу советовать вашей светлости приступить к каким-либо переговорам до того, как узнаю намерения маркиза Солсбери; прежде всего мне важно убедиться, хочет ли новый министр действительно вести переговоры для того, чтобы найти выход из создавшегося положения, а не только для того, чтобы еще больше его усложнить. Со своей стороны порекомендую это лишь тогда, когда буду уверен, что прямые переговоры будут приняты правительством королевы «без условий и оговорок» того типа, что помешали успеху конгресса.

«Я не думаю, — сказал граф, — чтобы от вас требовали выполнения условий и оговорок».

Я должен прежде всего отметить, что считаю суждения лорда Дерби слишком оптимистичными. Наши разногласия с Англией слишком глубоки, чтобы небольшое изменение границ Болгарии или морская стоянка, например в Митилене, могли разрешить их и исчерпать. Прямые переговоры не будут носить успокаивающего характера, который приписывает им граф, и приведут к нужному результату только в том случае, если соглашение между Веной и Петербургом отнимет у Англии всякую надежду на сотрудничество с Австрией. Тем не менее нельзя не отметить определенное значение высказываний государственного деятеля, хорошо осведомленного о намерениях своего правительства.

Общезвестный факт вытекает из слов бывшего министра иностранных дел: что Англия, по его мнению, имеет только два серьезных возражения против Сан-Стефанского договора. Одно из них морального порядка и трудно уловимое — вопрос о влиянии, и второе — пересмотр границ Болгарии.

Соблаговолите принять и пр.

1. Эта встреча произошла в связи с уходом Дерби в отставку в середине марта 1878 г. Все рассуждения Дерби имели целью дезориентировать русскую дипломатию, заставить ее поверить в «миролюбие» нового английского министра иностранных дел Солсбери и мнимое ослабление воинственных настроений английского правительства. А между тем уже 18 (30) марта Н. П. Игнатьев телеграфировал из Вены А. М. Горчакову: «После отставки Дерби войну считают неизбежной. Англия возбуждает румын, сербов, греков и местную прессу против нас. Положение серьезное» (ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 18, л. 200). 27 марта Дерби предложил кабинету призвать резервы и направить индийские войска в район

Суэцкого канала, чтобы контролировать Суэц и Персидский залив. Султан просил Дизраэли возможно скорее сообщить ему, насколько война между Россией и Англией неизбежна, и заявил, что он сможет собрать еще 100 тыс. человек в течение недели для обороны Босфора. 8 апреля, выступая в парламенте, Дизраэли обрушился на Сан-Стефанский договор. В апреле 1878 г. на Мальте высадился английский отряд, состоявший из 7 тыс. индийских солдат. Английская эскадра продолжала оставаться в Мраморном море (см. 86, стр. 637; ср. эти сведения с данными док. 47). Д. А. Милютин в записи от 3 марта приводит утверждение Реуф-паши, что Турция имеет еще до 250 тыс. войска и все средства для защиты проливов (57, стр. 27). Дерби, видимо, зондировал русские позиции и попытался перед уходом в отставку добиться согласия русских на предоставление Англии стоянки в Мраморном море. Очень важно, что заверения Дерби не поколебали недоверия П. А. Шувалова к позиции английского правительства, о чем свидетельствует конец донесения.

2. Существенное заявление о предполагаемых совместных действиях Англии и Австро-Венгрии на конгрессе.

3. Необходимо отметить совпадение австрийской и английской точек зрения, что создание единой Болгарии якобы угрожает другим народам Балканского полуострова (см. док. 14).

№ 27

1878 г. марта 18. — Прошение жителей Пиянецкого округа
М. С. Дринову о введении в округе гражданского управления

Кюстендил

Ваше превосходительство!

На юг от града, [на] няколко часа разстояние, отстои Кюстендилското називаемо Пиянечко окружие, което съдръжава 40 села, турски и български. Средоточие на това окружие е именуемото Царево село, което е на разстояние 9 часа от тук. Като такава има нужда от един какъ в годе управител, който да разглежда дребни някои работи и расправи на окружието и в същото време да бъде пазител на лежащите Кочански и Малешевски граници. Заради това покорно долуподписаните молим ваше превъсходительство благоволете да снабдите казаното ни окружие с подобен управител, за да би се турнало и то в по-добър ред.

С надежда, че не ще отречете покорната ни просба, сме и остаеме с дълбоко почитание

на ваше превъсходительство най-покорните и преданни жители от селата Пиянечки

Пълномощници от	страна на всички:
Ангел Стоянов	от Царево село
Гоце Янчов	от Вирча
Хр[ис]то Гяков	» Град
Тасе Гоцев	» Стевник
Ангел Гоцев	» Треботивица *
Костадин Спасов	от Разловци
Иванчо Николов	» Цървеник
Хамид Мустафов	» Царево село
Мустафа Хюсеинов	» Габрово
Мехмед Сулейманов	» Град
Селим »	» Звегор
Осман Мустафов	» Звегор

НБКМ—БИА, ф. 111, д. 221, л. 1. Подлинник.

* Правильное название села — Тработовище.

1878 г. марта 21. — Обращение Николая Николаевича (Старшего) к болгарскому народу о создании самостоятельного Болгарского государства, его устройстве и о задачах временного русского управления

Сан-Стефано

Болгаре!

Державные слова августейшего государя и брата моего, обращенные к вам в июне прошлого года с берегов Дуная *, сбылись. Российские войска, состоящие под моим предводительством, одержав блестящие победы на Дунае, в Балканах и за Балканами, ценою своей драгоценной крови завоевали вам свободу. По славному миру, подписанному 19 февраля в Сан-Стефано и утвержденному их величествами императором всероссийским и султаном, Болгария образует самоуправляющееся платящее дань княжество с христианским правительством и земским войском. Именитые из среды вашей люди, собранные по распоряжению российского императорского комиссара, вырабатывают уставы будущего управления. Затем вы сами свободно выберете себе князя.

Жители Болгарии! Приветствую вас с восходящею зарею вашего народного возрождения и с теми благами, которые волею провидения ниспосылаются вам и прекрасной стране, вами обитаемой! Велики дары, вами получаемые, но велика и ответственность, ими на вас возлагаемая. Будьте достойны дарованных вам милостей. Помните, что каждый из вас, без различия народности и вероисповедания, имеет одинаковые права на безопасность личную, на полное охранение его имущества, на беспристрастное применение законов. Приглашаю вас ныне, по окончании ужасов войны, предаться мирным занятиям, прерванным смутами военного времени. Забудьте ваши распри и живите в мире, спокойствии и братском согласии, свойственном согражданам одного и того же государства. Те из вас, к какой бы народности и вероисповеданию они ни принадлежали, которые войною вынуждены были покинуть родные пепелища, пусть будут принимаемы при их возвращении как братья и сограждане, с участием к их печальной доле и желанием обеспечить их новое устройство. Ежели бы паче чаяния нашлись между вами ослушники моему настоящему внушению, то знайте, что они немедленно подвергнутся строгому законному взысканию.

До избрания князя и устройства будущего княжества Болгарского вами будут управлять русские власти, поставленные моим августейшим государем и братом. Цель их — обеспечить порядок в крае, собрать силы и средства страны и дать возможность вашим именитым людям и выборным начертать основные законы, избрать князя и, наконец, перейти к новому порядку вещей. Временные власти будут иметь в виду лишь вашу пользу, будут действовать только в видах скорейшего призвания к жизни возрождающегося Болгарского княжества. Охранение же порядка и безопасности впредь до полного образования земского войска поручается отряду российской императорской армии, который временно остается между вами. Повинуйтесь установленным властям, помогайте им усердно всеми вашими силами, всеми зависящими от вас средствами. Поступая так, вы будете служить вашему собственному делу — делу прочного возрождения Болгарского края.

Да поможет вам бог!

Помста Д. Г. Анучина: На подлинном его императорского высочества главнокомандующего рукою подписано «Николай».

Верно: генерал-лейтенант Д. Анучин.

АВПР, ф. ГА, V—A₁, д. 8, лл. 20—21. Заверенная копия.

* См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. I. СПб., 1903, стр. 3—5.

1878 г. марта 22 (апреля 3). — Донесение русского посла в Париже
Н. А. Орлова А. М. Горчакову о намерении Франции сохранять
нейтралитет в Восточном вопросе ¹

№ 4

Paris

Mon prince!

Conformément aux ordres de votre altesse, contenus dans sa gracieuse lettre du 11 (23) Mars, j'ai interpellé Mr. Waddington sur la manière dont le cabinet français envisageait la situation et je lui ai posé les trois questions suivantes:

1. Quelle était l'opinion du cabinet français sur les diverses stipulations du traité de San-Stéfano?

2. Comment envisageait-il la position prise par l'Angleterre dans l'affaire du congrès?

3. Quelle était sa manière de voir relativement au séjour d'une escadre anglaise dans la mer de Marmara contre le gré de la Porte?

Le ministre me demanda quarante huit heures de réflexion.

Pendant ce laps de temps, je vis le maréchal Mac-Mahon qui spontanément me déclara: que le gouvernement français ferait tous ses efforts pour ramener l'entente entre l'Angleterre et nous et qu'au cas d'une rupture la France garderait une neutralité stricte et bienveillante pour nous.

Lorsque je revis Mr. Waddington le 17 (29) Mars il me répéta la même déclaration du maréchal-président et l'accompagna d'un long exposé de sa politique pacifique et favorable à nos intérêts.

Il cita à l'appui une conversation qu'il avait eue avec lord Lyons avant le départ de ce dernier pour Londres.

Le diplomate anglais voulait emporter l'assurance que le cabinet de Versailles allait élever des objections contre nos annexions en Arménie.

Mr. Waddington lui déclara catégoriquement que tel ne serait pas le cas et que l'acquisition d'une meilleure ligne frontière en Asie ne pouvait être contestée à la Puissance dont les armées campaient en vue de Constantinople.

Après le récit de cet incident le ministre sembla vouloir terminer notre entretien. Je lui répétai alors les trois questions précitées.

Mr. Waddington me répondit qu'il devait réserver son opinion sur le traité préliminaire jusqu'au moment où il serait appelé à le discuter en Congrès.

Quant à l'attitude prise par la Grande Bretagne le ministre français déclara qu'il n'était pas appelé à la juger tant que la réunion d'un Congrès était encore possible.

Mr. Waddington ajouta qu'il faisait des démarches à Londres pour amener les Anglais à ne pas assumer la responsabilité d'une nouvelle guerre.

Il ne précisa point la nature de ces démarches.

Quant à ma troisième question, Mr. Waddington déclina d'exprimer son opinion en la réservant de nouveau à l'appréciation du Congrès.

En résumé le ministre français ne fut précis que dans sa déclaration de neutralité éventuelle.

Veillez agréer, mon prince, l'hommage de mon profond respect

Orloff

Помета Александра II: C'est aussi vague que possible.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 92, лл. 16—18. Подлинник.

*Перевод
Париж*

Князь!

Сообразно распоряжениям вашей светлости, содержащимся в вашем любезном письме от 11 (23) марта, я запросил г-на Ваддингтона о том, как французский кабинет оценивает сложившуюся обстановку, и задал ему три следующих вопроса:

1. Каково мнение французского кабинета о различных условиях Сан-Стефанского договора?

2. Как рассматривает он позицию, занятую Англией в вопросе о конгрессе?

3. Каково его отношение к пребыванию английской эскадры в Мраморном море против желания Порты?

Министр попросил у меня 48 часов на размышление.

За это время я повидал маршала Мак-Магона, который тут же заявил мне, что французское правительство приложит все усилия, чтобы привести нас к соглашению с Англией, и что в случае разрыва Франция сохранит строгий и благожелательный по отношению к нам нейтралитет.

Когда я 17 (29) марта снова встретился с г-ном Ваддингтоном, он мне повторил заявление маршала-президента и дополнил его длинным изложением своей мирной и благоприятной для наших интересов политики.

В подтверждение он упомянул о разговоре, который он имел с лордом Лайонсом перед его отъездом в Лондон.

Английский дипломат хотел увезти с собой уверенность в том, что версальский кабинет будет возражать против наших приобретений в Армении.

Г-н Ваддингтон ему категорически заявил, что этого не будет и что приобретение лучшей пограничной линии в Азии нельзя оспаривать у державы, чьи армии расположились вблизи Константинополя.

Рассказав об этом случае, министр, казалось, хотел закончить нашу беседу. Тогда я повторил ему три вышеупомянутых вопроса.

Г-н Ваддингтон ответил, что он должен воздержаться от высказывания своего мнения о прелиминарном договоре до начала дискуссии на конгрессе.

Относительно позиции, занятой Великобританией, французский министр заявил, что он не вправе судить о ней, так как созыв конгресса еще возможен.

Г-н Ваддингтон добавил, что он предпринимает в Лондоне кое-какие шаги, чтобы побудить англичан не брать на себя ответственность за новую войну, но не уточнил, какого рода эти шаги.

Что касается моего третьего вопроса, г-н Ваддингтон отказался высказать свое мнение, оставив его снова на суждение конгресса.

Короче говоря, французский министр был точен только в своем заявлении о постоянном нейтралитете.

Соблаговолите принять, князь, выражение моего глубочайшего уважения

Орлов

Помета Александра II: Более туманно сказать нельзя.

№ 30

1878 г. марта 23. — Протокол заседания Ломского городского совета о предоставлении помощи беднейшему населению города

№ 15

Градский съвет в днешното си заседание разгледа въпроса за «помощ на бедни»*.

Н[егово] високоблагородие окр[ъжний] началник като съглежда бедността измежду населението и заповядва на градский съвет да вземе това в[ъв] внимание и по възможности да се спомага на доказано бедните, — то и гр[адский] съвет като размисли в днешното си заседание върху това

* См. примечание к док. 6.

Решава:

что, как по времето на тур[ското] правит[елство] са имали управителните чиновници длъжността да надзират, а и съкровището е имало на разположение едно количество пари за изпълнение на тая длъжност и спомогание на бедни ¹, — така също да се надзирава и ония бедни, които се докажат, че са в положение, което изисква помощ, да им се дава по възможности и потребната помощ.

Председател А[нгелаки] Йован[чев]

Членове: Н. Попов

Н. Върбанчов

ОДА—Михайловград, ф. 76 К, д. 239, л. 5. Подлинник.

1. В период турецкого господства в местных административных советах были чиновники, которым вменялось в обязанность заботиться о материальной помощи беднейшим гражданам. Однако в действительности болгарское население никакой помощи не получало.

№ 31

1878 г. не ранее марта 25 *. — Письмо Н. К. Гирса русскому генеральному консулу в Рагузе А. С. Ионину с просьбой выяснить позицию Черногории в случае войны России с Австро-Венгрией

Весьма секретно

Милостивый государь Александр Семеонович!

Пользуюсь отъездом отсюда барона Врангеля, отправляющегося для выполнения возложенного на него поручения по покупке хлеба для черногорцев и герцеговинцев ¹, чтобы сообщить вам некоторые доверительные сведения о настоящем положении политических дел и просить вас дать в свою очередь разъяснение по весьма важному вопросу, касающемуся Черногории.

Отношения наши к Англии и Австро-Венгрии усложнились до того, что разрыв с ними может сделаться возможным, если не удастся примирить наши интересы с интересами обеих этих держав. При таких условиях нам следует принять все меры предосторожности и, мне кажется, было бы весьма необходимо ныне же постараться разъяснить то положение, которое примет Черногория в случае войны между нами и Австрией. Как ни малы военные силы Черногории в общем балансе вооруженных сил России и Австрии, но часто маленькая горсточка, брошенная на одну из чашек весов, перевешивает мгновенно другую, так точно и силы Черногории, вовремя и удачно направленные, могут дать нам значительный перевес над неприятелем **.

В последствие сего я покорнейше прошу вас постараться заблаговременно разъяснить этот важный вопрос и при удобном случае переговорить с князем, прося его откровенно высказаться по этому делу. Мы полагаем, что в случае войны с Австрией интересы наши совпадут с интересами Черногории, и князь Николай явится нашим союзником, ибо Австрия, стремясь лишиться нас результатов, добытых войною, без сомнения, не согласится оставить за Черногорией приобретения ее на морском берегу. Если же по каким-либо иным соображениям князь не признал бы возможным выступить в качестве нашего союзника, то для нас весьма важно также знать, можем ли мы рассчитывать на вооруженный нейтралитет Черногории, так как в этом последнем случае черногорские войска, расположившись вдоль австрийской границы, могли бы отвлечь часть сил Австрии, предназначенных против нас. Я буду ожидать ваших сообщений по этому делу, которое должно быть ведено в величайшем секрете.

* Датируется по упоминаемой в письме телеграмме А. С. Ионина от 25 марта 1878 г.

** См. док. 67 и прим. 3 к нему.

При этом случае считаю долгом вас уведомить, что по содержанию телеграммы вашей от 25 марта касательно предлагаемого князем Николаем компромисса с Австрией даны послу нашему в Вене указания в общей инструкции, посылаемой ему ныне с бароном Врангелем ².

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности

Н. Гирс

P. S. La situation est très tendue, mais je me refuse de croire que la guerre est inévitable. Le congrès est toujours possible; préparez-vous aussi à cette éventualité et ne brusquez pas l'Autriche. Des pourparlers directes entre le prince Nicolas et Andrassy ne doivent pas certainement être négligés tant qu'il y a espoir de l'amener à de meilleurs sentiments à l'égard du Monténégro. Nous sommes pénétrés ici de la nécessité d'assurer à ce beau pays la possession d'un port sur l'Adriatique.

Mille amitiés. Que dieu nous vienne en aide.

Giers *.

ЦГАОР СССР, ф. 939, оп. 1, д. 75, лл. 44—45 об. Подлинник.

1. Врангель был послан в Черногорию на смену Рихтеру (см. 69, стр. 24—25, 373) для переселения на родину около 46,5 тыс. человек, бежавших из Герцеговины в Черногорию во время боснийско-герцеговинского восстания 1875—1878 гг. и оказания им материальной помощи. Врангель находился в Черногории с марта по август 1878 г. В результате его деятельности значительная часть беженцев была отправлена на родину, к середине августа их оставалось 28 тыс. человек.

Помощь России вызвала большое чувство благодарности у герцеговинского народа. Врангель писал в своем отчете о командировке: «Никогда еще имя России не пользовалось здесь в среде народа этой части полуострова такою популярностью, как теперь» (см. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 21, д. 360, лл. 1180 об. — 1181).

Осенью 1878 г. Врангель был вторично командирован в Черногорию и пробыл там до февраля 1879 г. В итоге 22 000 герцеговинцев были переданы австрийским властям; в Черногории осталось 6 тыс. человек. О командировках Врангеля см. там же.

2. Австро-Венгрия решительно противодействовала приобретению Черногорией береговой полосы в Адриатике и занятию ею Скутари и района Бояны. В связи с этим еще 25 марта 1878 г. А. С. Ионин в телеграмме сообщал о возможности такого компромисса между Черногорией и Австро-Венгрией: нейтрализация побережья или заключение торгового трактата. «Черногория согласилась бы на всякие компромиссы, только бы удержать берег. Состояние духа таково, что в случае окончательного противодействия Австрии можно ожидать столкновения». Александр II сделал на этой телеграмме Ионина помету: «Это, мне кажется, можно бы предложить» (АВПР, ф. Турецкий стол (старый), 1878 г., д. 1604, л. 2).

№ 32

1878 г. марта 26. — Из рапорта полковника Маркова начальнику штаба XIII корпуса П. Г. Дукмасову о просьбе жителей Шумлы защитить их от насилий турецких войск

Разград

[. . .] Едва от Фазли-паши я возвратился в Шумлу, как начали являться ко мне наиболее влиятельные из болгар с жалобами и просьбой о защите против насилий турок. Они заявили мне, что главная причина, по которой турки медлят очищением Шумлы ¹, заключается в том, что они собирают с болгар дань вперед за 1878 по 1880 год, при этом употребляют страшные насилия. Двое изувеченных были привезены к моим окнам. Один был иско-

* Положение весьма напряженное, но я не считаю войну неизбежной. Созыв конгресса все еще возможен: подготовьтесь также к этому случаю и не будьте резки с Австрией. Разумеется, нельзя пренебрегать прямыми переговорами между князем Николаем и Андраши, пока есть надежда обратить последнего к лучшим чувствам в отношении Черногории. Мы здесь глубоко убеждены в необходимости обеспечить этой прекрасной стране владение портом на побережье Адриатики.

Искренне ваш. Да поможет нам бог.

Гирс (фр.).

лот как решетото, у другото — перерезано горло и множество мелки рани от тонкото оръжие — шпаги или штыка.

С жителите на г. Шумла дань вече собрана сполна, в деревнях взета още само за един год (1879) [. . .].

Подлинният подписан полковник Марков

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8325, ч. 1, л. 179 об. Заверенна копия.

1. Согласно заключенному 19 января 1878 г. перемирию и установленной демаркационной линии, турецкие войска оставались в Шумле и Варне. Русские войска вошли в Шумлу 6 июля 1878 г., а турецкий гарнизон оставил крепость в августе (см. док. 88 и примечания к нему; 73, стр. 127—131).

Турецкие иррегулярные части нападали на болгарские села в районе Котела. Туда были посланы русские части и Болгарское ополчение (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8102, лл. 102—103).

№ 33

1878 г. марта 28. — Обращение населения с. Крушево Демир-Хиссарского округа к М. С. Дринову с протестом против национального угнетения со стороны греческого духовенства и греческой буржуазии

с. Крушево, Демир-Хиссарско

Ваше високоблагородие!

С настоящеото наше смиренно, като нямали време да се простираме на дълго страхъм ради, смеями да поднесем вашему благородию страданията и злоупотребленията, които ежедневно теглим от . . . и които като земете под внимание, да ги представите където вие знаете; нашата каза Демир-Хиссарска заселена е почти от чисти българи, описанието на която са изпратили още лани с прошение до народната ни екзарх[ия], тъй и селото ни състояще [се] от 500 къщи; но серските гръци влиятелни по хюкюматаето все са трудят да на представят пред Европа за гръци, при всичко, че лани първенците са затвориха в катилъта до три месеца, и сега още всичко що е българско са гони; пред[и] три недели църквите ни съблекоха, и що още да казвами? Злоупотребленията са неизказани, теглилките са нестърпими, и [з]ап[т]ото теглим всичките села, и от които наскоро ще се изпрати общо прошение до вас, но и ние сега отчасти молиме в [аше] бл[агородие] като благоизволите да дадете внимание на нашето оплаквание за олекчение на нестърпимите ни теглилки, што и ние по-скоро да са удостоими за покровителството на нег[ово] имп[ераторско] вел[ичество] за дългоденствието на когото ежедневно вдигами умолителни ръци към вишнего.

Проче като се надеями, че нашите оплаквания не ще останат напразно, остаими с пълна надежда и братски поздравления.

Поп Георги
Стата Стојав
Димитър Ангелов
Констант[ин] Стоянов
Георгецков
М. Дамянов
и всички селяни

На полях приписка: В миналий четвъртък дойде в Серес някой си англичанин с един друг еллин учител и тие са трудили заедно с тур[ците] да потвърдят: че Серският мутесарифлък е заселен само от турци и гръци, събирали и печатите от селата¹ *.

НБКМ—БИА, ф. 111, д. 161, лл. 1—2. Копия **.

1. В период возрождения болгарские общины имели право на собственные печати, которыми заверяли просьбы, письма и другие официальные документы.

* См. примечание к док. 12.

** Копия снята М. С. Дриновым.

1878 г. марта 30 (апреля 11). — Инструкция А. М. Горчакова Е. П. Новикову о переговорах с Д. Андраши в связи с возражением Австро-Венгрии против некоторых статей Сан-Стефанского договора

Au retour du comte Ignatiew de Vienne il nous a présenté un mémoire contenant la substance de l'échange d'idées qui a eu lieu entre Mr. le comte Andrassy et lui. J'en joins ci-près la copie ¹. Toutefois, peu de jours après, Mr. le baron de Langenau a eu l'ordre de nous faire savoir que Mr. le comte Andrassy ne croyait pas pouvoir s'approprier ce mémoire parce qu'il n'y trouvait pas une reproduction tout à fait complète des points de vue du gouvernement austro-hongrois et surtout des motifs qui avaient inspiré ses demandes. L'ambassadeur nous a annoncé qu'il allait recevoir une dépêche qui contiendrait des explications détaillées à ce sujet.

Nous avons en conséquence attendu cette pièce pour arrêter notre jugement sur les idées contenues dans le mémoire du comte Ignatiew.

Toutefois, à la réception de son courrier, porteur de la lettre de l'empereur François-Joseph ² à notre auguste maître, Mr. le baron de Langenau nous a informés qu'il n'avait pas reçu de dépêche à nous communiquer, mais une simple instruction détaillée destinée à son information personnelle.

Nous avions espéré, je l'avoue, que ces explications supplémentaires annoncées par Mr. le comte Andrassy, seraient de nature à modifier ou² à atténuer l'impression qu'avait produite sur nous la lecture du mémoire du comte Ignatiew et que le cabinet de Vienne aurait senti lui-même la nécessité de s'écarter de la raideur de ses premières déclarations en vue de faciliter une entente.

Vous verrez qu'il n'en a rien été. Mr. le comte Andrassy n'a fait que répéter et confirmer les points de vue exposés au comte Ignatiew, sans y rien ajouter, rien modifier, rien atténuer et rien éclaircir.

Nous en avons été péniblement surpris.

Néanmoins, nous n'avons pas l'intention de considérer nos pourparlers avec le cabinet de Vienne comme clos par cette communication.

L'empereur m'ordonne en conséquence de consigner ici, pour votre gouverne, le jugement que sa majesté en porte et le sens dans lequel vous aurez à vous énoncer en vue d'une prolongation de ces pourparlers ³.

Prises dans leur ensemble, les propositions du gouvernement austro-hongrois sont excessives. Elles réduiraient les principautés de Serbie et du Monténégro à un état de vasselage et annexeraient de fait à l'Autriche-Hongrie toute la partie occidentale de la péninsule des Balkans.

Dans la réponse que vous aurez à faire à Mr. le comte Andrassy, vous prendrez d'abord acte de sa déclaration que l'Autriche-Hongrie se maintient sur la base des arrangements antérieurs.

Ensuite, sans repousser en principe les prétentions formulées par le cabinet de Vienne, vous tâcherez de les discuter dans le but de les réduire au minimum, afin de laisser la porte ouverte à une entente ultérieure.

Vous ferez observer au comte Andrassy que le traité de San-Stéfano, quoique préliminaire, est néanmoins obligatoire pour les deux parties, c'est-à-dire, qu'il ne peut être modifié qu'à la suite d'un accord entre elles. Il en résulte qu'il ne peut s'agir entre le cabinet de Vienne et nous que d'un échange confidentiel d'idées en vue des modifications à introduire ultérieurement dans le traité soit en congrès, soit par la voie d'une entente directe entre Vienne et St. Pétersbourg.

Vous tâcherez donc avant tout d'avoir une explication à fond avec Mr. le comte Andrassy sur les modifications proposées par lui au sujet du Monténégro. Vous lui ferez observer à quel point elles sont contraires aux arrangements convenus et aux idées échangées antérieurement entre lui et vous ⁴. Un appel direct à sa mémoire et à sa loyauté venant de la part de celui qui a été appelé

à traiter personnellement avec lui, réussira peut-être à le faire renoncer à ses exigences actuelles qui n'ont aucune base avouable.

Vous pourrez lui faire entendre que tout en nous réservant de chercher un accord quant à la frontière orientale de la principauté⁵ du côté du Lim, sur la base du principe des équivalents reconnu par le traité préliminaire, nous ne saurions admettre l'insistance du cabinet de Vienne sur la question des ports de l'Adriatique. Après avoir privé, il y a un demi-siècle, la principauté des Bouches de Cattaro pour les livrer aux Autrichiens, nous ne saurions cette fois encore enlever aux Monténégrins le littoral conquis par eux sur les Turcs pour l'offrir à l'Autriche-Hongrie⁶.

C'est là un des points les plus essentiels. Le comte Andrassy comprendra qu'une entente n'est pas possible sur ces bases et je n'ai pas besoin de vous indiquer les considérations de dignité pour nous, d'équité et d'humanité pour le Monténégro et même celles d'intérêt général se rattachant à l'établissement d'une paix durable dans ces parages, qui rendent les exigences de l'Autriche absolument inadmissibles.

Toutefois, pour ne pas rester sur un non possumus réciproque, il faudra chercher un terrain de transaction. Dans un de ses entretiens précédents avec vous, Mr. le comte Andrassy, abordant cette question délicate qui se posait déjà par suite des événements militaires, vous avait fait pressentir que l'Autriche-Hongrie élèverait des objections contre un accès du Monténégro au littoral, principalement en vue de la contrebande favorisée par la configuration géographique des côtes et qu'en tout cas il ne pourrait y consentir qu'à la condition d'avoir des garanties douanières.

Vous aurez vu d'après un télégramme tout récent de Mr. Ionine que le prince Nicolas ne serait pas éloigné d'entrer dans cette voie afin d'épargner au Monténégro l'intolérable nécessité de se voir coupé du littoral conquis par ses armes.

Nous devons supposer que cette éventualité d'une convention douanière aura déjà fait l'objet d'explications confidentielles entre son altesse et l'agent autrichien.

Il y aurait là les éléments d'une entente à laquelle, pour notre part, nous serions tout disposés à nous prêter.

Vous pourrez vous mettre à ce sujet en relations directes avec Cettigné⁷.

Relativement à la Serbie, de grandes difficultés ne sont pas à prévoir⁸.

Nous avons admis l'occupation d'Ada Kalé par les Autrichiens à la condition que les fortifications en soient rasées. Nous ne nous opposerions pas à des arrangements entre l'Autriche-Hongrie et la Serbie par rapport aux chemins de fer et aux relations de commerce sans préjudice de l'indépendance de la principauté et nous serions même prêts à nous entendre sur les modifications de détail qu'on pourrait introduire dans la délimitation indiquée par les préliminaires.

Il serait très utile de provoquer un moment plus tôt l'entrée des troupes austro-hongroises en Bosnie et en Herzégovine, tout en conservant à cette occupation un caractère provisoire jusqu'à la réunion du congrès, s'il a lieu, et en faisant observer que nous ne saurions donner notre assentiment officiel à une modification des conditions préliminaires sans nous être entendus d'abord avec la Porte, pour ne pas fournir à cette dernière le prétexte de se dégager complètement des engagements contractés. De plus, l'annexion de la Bosnie et de l'Herzégovine jusqu'à Mitrovitza, étant contraire aux arrangements convenus entre nous et l'Autriche-Hongrie, nous ne saurions y consentir*. Dans tous les cas, si les remaniements territoriaux en question exigeaient une nouvelle campagne contre les Turcs, l'Autriche-Hongrie pourrait l'entreprendre en comptant sur notre bon vouloir à son égard, à moins que les nouvel-

* Слова nous ne saurions y consentir *вписаны Александром II вместо зачеркнутого текста*: . . . Offrirait à cette dernière un accroissement de population de près d'un million et demi d'âmes, il serait juste d'obtenir des compensations correspondantes dans la Vieille-Serbie, tant pour la Serbie que surtout pour le Monténégro.

les annexions ainsi que l'entrée des troupes austro-hongroises en Bosnie et en Herzégovine ne soient réglées à l'amiable ⁹.

Quant à la séparation de la partie occidentale de la Bulgarie, il ne faut pas oublier que l'abandon du principe de l'unité bulgare serait un immense sacrifice moral exigé de la Russie vu que les populations slaves détachées de la Bulgarie se dénationaliseraient facilement sous la double pression de l'élément grec et des intérêts matériels ¹⁰.

C'est là sans doute le but caché du cabinet de Vienne.

Vous pourrez au contraire faire valoir à ses yeux que cette séparation constituerait un élément de trouble peu favorable à une paix solide. Toutes les pétitions bulgares adressées tant à son altesse impériale le commandant en chef et au prince Tcherkassky qu'aux plénipotentiaires russes, tendaient à réclamer l'annexion de la partie occidentale et méridionale de la Bulgarie au prix même de l'abandon de certaines formes du régime autonome. La partie occidentale qu'il s'agit d'en séparer (à l'ouest de la Strouma) contient près d'un million d'habitants qui tendraient sans cesse à se réunir à leurs congénères comme la Moldavie et la Valachie ont constamment travaillé à former un seul Etat.

Il serait donc plus conforme aux intérêts de tout le monde et à la stabilité des choses en Orient que le gouvernement autrichien se contentât de modifications dans le tracé de la frontière occidentale de la Bulgarie.

Vous ferez tous vos efforts pour l'y amener. Les modifications en question pourraient être introduites en vertu du deuxième alinéa de l'art. VI du traité préliminaire de San-Stéfano.

Même dans le cas où les propositions de l'Autriche seraient admises, il ne faudrait pas fixer prématurément un tracé quelconque des frontières. Il serait préférable d'abandonner la question à un arrangement ultérieur. De plus, les contrées séparées de la Bulgarie et auxquelles on pourrait adjoindre les districts de la Vieille Serbie (Prizrèn, Pristchina etc.) devraient dans cette éventualité être érigées en principauté autonome jouissant des mêmes droits et des mêmes avantages que la Bulgarie Orientale, car il serait impossible à notre auguste maître de consentir à ce qu'elles fussent replacées sous le régime ottoman, même si ce dernier était modifié dans le sens d'une autonomie administrative qui au fond n'offre pas de garanties suffisantes.

Il faudrait aussi faire valoir à Vienne que du moment où l'on s'annexe la Bosnie et l'Herzégovine et où en même temps on soulève la question grecque, la Turquie ne conserverait en Europe en dehors la province de Constantinople et d'une partie de celle d'Andrinople, que l'Albanie, — ce qui rendrait son existence illusoire. Le traité de San-Stéfano a eu pour but d'éviter cette situation extrême grosse de formidables complications et nous croyons que c'est un intérêt général; si toutefois l'Europe en décide autrement, ce sera une solution nouvelle à débattre en commun. Le cabinet impérial ne s'y refuserait pas, le cas échéant, mais pour le moment, elle sort du cadre de la discussion.

Enfin, quant au terme de l'occupation et au nombre des troupes qui resteraient en Bulgarie, vous pourrez déclarer au cabinet de Vienne que nous n'y attachons absolument pas d'autre valeur que celle d'assurer l'ordre et la paix dans le pays, de protéger les populations contre les vengeances réciproques jusqu'à l'installation et au fonctionnement régulier des institutions. Nous sommes tout prêts à réduire l'un et l'autre aux strictes limites qui seront indispensables pour que l'œuvre qu'il s'agit de créer ne soit pas compromise. Nous ne demandons pas mieux que de nous entendre à ce sujet avec le gouvernement austro-hongrois ¹¹.

Tel est le sens dans lequel vous pourrez répondre à Mr. le comte Andrassy.

Comme les présentes instructions renferment des concessions que nous pourrions faire de suite, d'autres qui sont éventuelles et enfin d'autres qui ne devraient être mentionnées qu'en cas d'absolue nécessité, il sera utile que vous adoptiez la forme d'une discussion verbale dans laquelle vous aborderiez successivement les questions en ne livrant que la partie de nos concessions éven-

tuelles que vous jugerez indispensable et en réservant le reste à une entente ultérieure.

Je dois toutefois insister pour qu'en tout cas ces pourparlers et les accords qui en résulteraient restent strictement réservés à la connaissance des deux gouvernements.

Vous voudrez bien demander à Mr. le comte Andrassy sa parole d'honneur que cet échange d'idées, qu'il aboutisse ou non à une entente, ne sera communiqué à personne. Cette précaution est d'autant plus nécessaire que le consentement que nous avons donné en principe à l'occupation d'Ada-Kalé a été immédiatement transmis par Mr. le comte Andrassy à Constantinople où le comte Zichy en a fait usage auprès de la Porte. J'en ai parlé ici au baron de Langenau qui m'a assuré que nous pouvions compter sur la loyale discrétion du comte Andrassy. Son excellence comprendra qu'il nous serait impossible de consentir à voir transformer en faits accomplis des concessions auxquelles nous ne consentirions qu'en vue d'une entente générale avec le cabinet de Vienne et à charge de réciprocité.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 112, лл. 580—589. Отпуск.

Перевод

По возвращении из Вены граф Игнатъев представил нам записку, содержащую суть обмена мнениями, имевшего место между ним и графом Андраши. Прилагаю при сем ее копию ¹. Однако несколько дней спустя барон Лангенау получил приказ уведомить нас, что граф Андраши не считает возможным признать эту записку, потому что не находит там полного воспроизведения взглядов австро-венгерского правительства и, особенно, мотивов, по которым он выдвинул свои требования. Посол заявил нам, что ожидает получения депеши с детальными объяснениями по этому поводу.

Следовательно, мы ждали этой депеши, чтобы окончательно определить нашу точку зрения на мысли, содержащиеся в записке графа Игнатъева.

Однако по получении почты, содержащей письмо императора Франца-Иосифа ² нашему августейшему повелителю, барон Лангенау информировал нас о том, что он получил не депешу, о которой мог бы сообщить нам, а просто детальную инструкцию, предназначенную для его личной информации.

Признаюсь, мы надеялись, что дополнительные объяснения, о которых говорил граф Андраши, должны были изменить или сгладить впечатление, произведенное на нас чтением записки графа Игнатъева, и что венский кабинет сам почувствует необходимость отойти от категоричности своих первоначальных заявлений, чтобы облегчить заключение соглашения.

Вы увидите, что ничего подобного не произошло. Граф Андраши только повторил и подтвердил взгляды, изложенные графу Игнатъеву, ничего не добавляя к ним, ничего не изменяя, ничего не смягчая и ничего не разъясняя.

Мы были неприятно удивлены.

Тем не менее мы не считали, что переговоры с венским кабинетом прекращены этим сообщением.

Вследствие этого император приказывает мне изложить вам мнение его величества по этому поводу и указать линию, которой вы будете руководствоваться в случае продолжения этих переговоров ³.

Взятые в целом, предложения австро-венгерского правительства являются чрезмерными. Они низводят Сербское и Черногорское княжества до вассального состояния и по сути дела отдают Австро-Венгрии всю западную часть Балканского полуострова.

Отвечая графу Андраши, начните с его декларации о том, что Австро-Венгрия придерживается предшествующих соглашений.

Затем, не отвергая в принципе претензий венского кабинета, попытайтесь в ходе обсуждения сократить их до минимума, чтобы оставить открытым путь к дальнейшему соглашению.

Обратите внимание графа Андраши на то, что Сан-Стефанский договор хотя и является прелиминарным, тем не менее обязателен для обеих сторон, т. е. он может быть

изменен только с их обоюдного согласия. Из этого следует, что между нами и венским кабинетом речь может идти только о конфиденциальном обмене мнениями относительно изменений, которые нужно в будущем внести в договор или на конгрессе, или путем непосредственного соглашения между Веной и С.-Петербургом.

Прежде всего попытайтесь объясниться начистоту с графом Андраши по поводу изменений, предложенных им, в вопросе о Черногории. Вы обратите его внимание на то, насколько они противоречат достигнутому соглашению и мыслям, которыми вы обменялись с ним ранее ⁴, прямым обращением к его памяти и лояльности; тому, кто лично договаривался с ним, может быть, удастся заставить его отказаться от его теперешних требований, **не имеющих никаких справедливых оснований.**

Вы можете дать ему понять, что, стремясь к соглашению по вопросу о восточной границе княжества ⁵ со стороны Лима на основе принципа взаимности, признанного прелиминарным договором, мы не можем признать настойчивые притязания венского кабинета на порты в Адриатическом море. Лишив полвека тому назад княжество Боки Которской и отдав ее австрийцам, мы не сможем опять отнять у черногорцев побережье, отвоеванное ими у турок, и передать его Австро-Венгрии ⁶.

Это один из самых существенных пунктов. Граф Андраши поймет, что соглашение на этой основе невозможно, и мне нет нужды говорить вам о том, что соображения нашего достоинства, а для Черногории—справедливости и гуманности, и также соображения всеобщих интересов, связанные с установлением длительного мира в этих областях, делают требования Австрии абсолютно неприемлемыми.

Однако, чтобы не оставаться на почве взаимного *non possumus* *, нужно искать почву для соглашения. В одной из предшествующих бесед с вами граф Андраши, затрагивая этот деликатный вопрос, уже поставленный событиями войны, дал вам почувствовать, что Австро-Венгрия выдвигает возражения против передачи побережья Черногории главным образом из-за опасности контрабанды, которой благоприятствуют географические условия местности, и что во всяком случае он может согласиться на это только при условии получения таможенных гарантий.

Вы, вероятно, могли понять из недавней телеграммы г-на Ионина, что князь Николай не будет возражать против этого, чтобы избавить Черногорию от тяжелой участи быть отрезанной от побережья, завоеванного ее руками.

Мы должны предположить, что эта возможность заключения таможенной конвенции уже стала предметом конфиденциальных объяснений между его высочеством и австрийским представителем.

В этом могут быть найдены элементы соглашения, к которому мы со своей стороны полностью расположены.

По этому вопросу вы можете связаться прямо с Цетинье ⁷.

Относительно Сербии больших трудностей не предвидится ⁸.

Мы согласились на оккупацию Ада-Кале австрийцами при условии, что укрепления там будут срыты. Мы не будем препятствовать соглашениям между Австро-Венгрией и Сербией по вопросу о железных дорогах и торговых сношениях, не наносящих вреда независимости княжества, и даже готовы договориться о деталях изменений границ, намеченных прелиминарным договором.

Очень полезно было бы как можно скорее добиться ввода австро-венгерских войск в Боснию и Герцеговину, сохранив за этой оккупацией временный характер, до момента созыва конгресса, если он состоится, указав, что мы не дадим официального согласия на изменение условий прелиминарного мира без предварительной договоренности с Портой, чтобы не дать последней повода полностью освободиться от принятых ранее обязательств. Кроме того, аннексия Боснии и Герцеговины до Митровицы противоречит соглашениям, заключенным между нами и Австро-Венгрией, поэтому мы на нее не согласимся **. Во всяком случае, если территориальные изменения, о которых идет речь, требуют новой кампании против турок, Австро-Венгрия могла бы предпринять ее в расчете на наше благоволение по отношению к ней, если новые аннексии, так же как и ввод австро-венгерских войск в Боснию и Герцеговину, не будут урегулированы полюбовно ⁹.

* Мы не можем (лат.).

** Слова мы на нее не согласимся вписаны Александром II вместо зачеркнутого текста: позволила бы последней увеличить население приблизительно на полтора миллиона душ; поэтому справедливо было бы добиться соответствующей компенсации в Старой Сербии для Сербии и особенно для Черногории.

Что касается отделения западной части Болгарии, не нужно забывать, что отступление от принципа болгарского единства было бы огромной моральной жертвой со стороны России, ввиду того что славянское население, отделенное от Болгарии, легко денационализируется под двойным давлением греческого элемента и материальных интересов ¹⁰.

Конечно, именно в этом тайная цель венского кабинета.

Вы можете обратить его внимание на то, что это отделение вызовет волнения, мало-благоприятные для установления прочного мира. Все болгарские петиции, обращенные как к его императорскому высочеству верховному главнокомандующему и к князю Черкасскому, так и к русским уполномоченным, противятся аннексии западной и южной части Болгарии; болгар не останавливает даже отказ от некоторых форм автономного режима. Западная часть, об отделении которой (к западу от Струмы) идет речь, насчитывает около миллиона жителей, которые всегда стремились соединиться со своими соплеменниками, и так же, как Молдавия и Валахия, постоянно тяготели к созданию единого государства.

Таким образом, если бы австрийское правительство согласилось на изменение западной границы Болгарии, это больше бы соответствовало интересам мира и стабильного положения на Востоке.

Направьте все усилия на то, чтобы его к этому побудить. Изменения, о которых идет речь, могли бы быть внесены в соответствии со вторым абзацем ст. VI прелиминарного Сан-Стефанского договора.

Даже в том случае, если предложения Австрии будут приняты, не нужно преждевременно устанавливать границы. Желательно отложить вопрос до дальнейшего урегулирования. Кроме того, области, отделенные от Болгарии, к которым можно присоединить районы Старой Сербии (Призрен, Приштина и т. д.), должны быть в этом случае преобразованы в автономное княжество, пользующееся теми же правами и привилегиями, что и Восточная Болгария, потому что наш августейший повелитель не может согласиться на восстановление там оттоманского режима, даже если он будет изменен в сторону административной автономии, которая по сути дела все же не представляет достаточных гарантий.

Нужно также обратить внимание Вены на то, что после того как будут аннексированы Босния и Герцеговина и в то же время будет поднят греческий вопрос, Турция сохранит в Европе, кроме Константинопольской и части Адрианопольской провинции, только Албанию, что сделает ее существование весьма призрачным. Сан-Стефанский договор имеет целью избежать создания этой чрезвычайно сложной обстановки, и мы считаем, что это в общих интересах; если же Европа решит иначе, новое решение нужно обсудить сообща. Императорский кабинет в случае надобности не отказался бы от этого, но в данный момент этот вопрос выходит за рамки дискуссии.

Наконец, относительно срока оккупации и численности войск, которые останутся в Болгарии, вы можете объявить венскому кабинету, что мы придаем этому значение только с тем, чтобы иметь возможность обеспечить порядок и мир в стране, оградить население от обоедной мести до внедрения и регулярного функционирования учреждений. Мы готовы свести то и другое к минимуму, чтобы дело, о котором идет речь, не было скомпрометировано. Мы лишь стремимся договориться по этому поводу с австро-венгерским правительством ¹¹.

В таком смысле вы можете ответить графу Андраши.

Так как настоящие инструкции говорят, во-первых, об уступках, на которые мы могли бы пойти немедленно, во-вторых, о тех, которые возможны, и, наконец, в-третьих, о тех, о которых можно упомянуть только в случае крайней необходимости, полезно, если бы вы согласились на устные переговоры, в ходе которых можно было бы затронуть последовательно все вопросы, ограничиваясь только частью возможных уступок, которые вы сочтете необходимыми, отложив остальное до дальнейших соглашений.

Кроме того, я должен настаивать на том, чтобы в любом случае эти переговоры и соглашения, из них вытекающие, оставались в строгой тайне от всех правительств, кроме наших двух.

Соблаговолите попросить графа Андраши дать слово, что об этом обмене мнениями, приведет он к соглашению или нет, никому не будет сообщено. Такая предосторожность тем более необходима, что наше принципиальное согласие на оккупацию Ада-Кале было немедленно передано графом Андраши в Константинополь, где граф Зичи использовал его применительно к Порте. Я сказал об этом барону Лангенау, который заверил меня в том, что мы можем рассчитывать на лояльность и скромность графа Андраши. Его высокопревосходительство поймет, что мы не можем согласиться с претворением в жизнь усту-

пок, на которые мы пойдем только ради общего соглашения с венским кабинетом и на условиях взаимности.

1. Н. П. Игнатъев вернулся из Вены 21 марта. Его миссия потерпела неудачу (см. док. 22 и примечания к нему).

Записка Игнатъева от 23 марта 1878 г. содержала резюме бесед его с Андраши (АВПР, ф. с. а., 1878 г., д. 31/32, лл. 67—77 об.). Она почти полностью опубликована в русском переводе в кн.: «После Сан-Стефано. Записки гр. Н. П. Игнатъева». Пг., 1916, стр. 17—38. Игнатъев в конце записки констатировал «провал переговоров», хотя и считал положительным, что «рассеялся туман, существовавший в наших отношениях с венским кабинетом», и императорский кабинет может рассмотреть «серьезность положения с полным пониманием его причин».

2. Письмо Франца-Иосифа к Александру II от 21 марта касалось вопроса о согласии Австро-Венгрии на конгресс. О миссии Н. П. Игнатъева Франц-Иосиф писал, что поскольку последний не имел полномочий для подписания соглашения, то Андраши изложил ему австрийскую точку зрения на те статьи Сан-Стефанского договора, которые противоречат интересам Австрийской империи. Он заверял Александра II, что не собирается умалять значение русских побед, что русская сторона может надеяться на его поддержку (АВПР, ф. с. а., 1878 г., д. 29/30, лл. 84—85).

3. Эти инструкции А. М. Горчакова по поводу «наглых заявлений графа Андраши» (по выражению Д. А. Милютина) обсуждались на совещании Александра II с Горчаковым, Игнатъевым и Милютиным 30 марта 1878 г. Милютин возражал против уступок в отношении аннексии Австро-Венгрией территории до Митровицы. Александр II поддержал Милютину и сам внес карандашные изменения в текст Горчакова (57, стр. 38—39).

4. Т. е. о переговорах между Е. П. Новиковым и Андраши в январе 1877 и январе—марте 1878 г. (см. док. 14, а также 69 — документы с января по март 1878 г.).

5. Речь идет о Черногории.

6. А. М. Горчаков имеет в виду не Россию, а «концерт держав», которые по ст. XIII Главного акта Венского трактата 1815 г. округ Бока ди Каттаро передали Австрии (см. 54, стр. 299).

7. В переговорах с Н. П. Игнатъевым Андраши заявлял, что он возражает против территориальных приобретений Черногории по Сан-Стефанскому договору, по ст. II которого Черногория приобрела Никшич, Гацко, Служ, Подгорицу, Жабляк и Антивари. Андраши заявил, что район Нови-Базарского санджака бесполезен для княжества и очень нужен Австро-Венгрии для прокладки железной дороги от Нови-Базара к Митровице и Салоникам, чтобы обеспечить торговые пути Австро-Венгрии в направлении Эгейского моря (упомянутая выше записка Игнатъева от 23 марта 1878 г.). Это противоречило даже австрийскому варианту Рейхштадтского соглашения, где было записано, что «Черногория округлит свои владения путем присоединения прилегающей части Герцеговины; она получит порт Спицу, равно как и приращение со стороны Лима» (см. 79, № 22, стр. 147). Андраши заявил, что при подписании Будапештской конвенции он действительно «не думал об этой аннексии и о том, что она действительно противоречит заключенным конвенциям», но что теперь это подтверждено «созданием Великой Болгарии, что не было предусмотрено в те времена, тем более что соглашение в Рейхштадте и дополнительная конвенция исключали идею создания «большого славянского государства». Образование большой Болгарии требует компенсации в виде аннексии Австро-Венгрийской территории до Митровицы» (записка Н. П. Игнатъева от 23 марта). Игнатъев в своей записке отмечал, что Андраши хотел бы вклинить в территорию Черногории австрийские владения и завладеть всеми портами.

8. При переговорах с Н. П. Игнатъевым в отношении Сербии Андраши делал вид, что покровительствует сербскому правительству, особенно ввиду его недовольства сербско-болгарской границей, определенной в Сан-Стефано. Это не мешало Андраши одновременно вести интриги против князя Милана в пользу династии Карагеоргиевичей. Андраши хотел также добиться согласия на проведение железной дороги через княжество до Митровицы (записка Игнатъева от 23 марта 1878 г., см. прим. 1). Так уже в эти дни проектировалось экономическое закабаление Сербии, что было осуществлено в 1881 г.

9. Во время переговоров с Н. П. Игнатъевым Андраши выразил недовольство ст. XIV Сан-Стефанского договора о Боснии и Герцеговине. Игнатъев объяснил, что он не имел полномочия делиться с турками содержанием австро-русских секретных соглашений; Андраши заявил, что он не может исходить из статей договора, а стремится получить санкцию конгресса на оккупацию (записка Игнатъева от 23 марта).

10. При переговорах с Н. П. Игнатъевым самые резкие возражения Андраши касались Сан-Стефанской Болгарии. Он требовал отделения Западной Болгарии, ссылаясь на соглашение, по которому Россия отказывалась от образования большого славянского государства на Балканах. Он не принял возражений Игнатъева, что в Рейхштадте шла речь о возможности создания Великой Сербии. Он отверг все, что было принято в отношении Болгарии на Константинопольской конференции. В конце концов Игнатъев заявил, что «ему больше нечего делать в Вене», и он доложит Александру II, что Андраши «хочет всеми мерами уничтожить главные результаты, достигнутые в войне, и воздвигнуть препятствия на пути завершения великого гуманного дела» (записка Игнатъева от 23 марта).

11. Андраши возражал против двухгодичного срока русской оккупации и против доведения численности русских войск в Болгарии до 50 000, предлагая сократить срок оккупации до трех месяцев и ограничить численность оккупационной армии 10 000 человек. В конце концов он согласился на цифру в 20 000 человек.

№ 35

1878 г. апреля 1. — Письмо А. М. Горчакова П. А. Шувалову
об отношении России к претензиям Англии и Австро-Венгрии

Votre expédition confiée au colonel Wellesley¹ nous est parvenue. J'y réponds sans retard en vous envoyant un dossier de pièces diplomatiques que je prie Mr. d'Oubril de vous expédier par messenger spécial.

Il vous mettra au courant de toutes les nuances de la situation.

Vous y trouverez entr'autres notre correspondance complète avec le cabinet de Vienne sur les questions qui nous divisent.

Nous l'avons portée à la connaissance du cabinet de Berlin, en l'invitant à se prononcer sur la manière dont le gouvernement austro-hongrois comprend et pratique l'entente à trois.

Si la démarche actuelle de médiation du prince de Bismarck réussit, elle aurait pour effet une détente pacifique dont l'influence se ferait sentir à Vienne. Le comte Andrassy devrait renoncer aux exigences qu'il n'a mis en avant qu'en s'appuyant sur l'attitude menaçante de l'Angleterre.

Il est possible qu'il en résulte un accord sur la base des concessions que nous lui offrons.

En pareil cas, l'Angleterre perdant son unique allié éventuel, devrait également restreindre ses exigences ou en chercher la satisfaction dans la voie des compensations que le marquis de Salisbury vous a fait entrevoir².

Cette situation, si elle se développe, peut rouvrir les portes du congrès. Nous n'avons pas d'idées arrêtées à ce sujet.

S'il y avait chance à ce qu'on abordât les délibérations avec des dispositions conciliantes et équitables, nous ne voudrions pas nous fermer cette issue pacifique. Mais si nous devons nous trouver devant un tribunal prévenu où nous serions condamnés d'avance, mieux voudrait pour nous maintenir le status quo en recherchant des ententes séparées.

Notre circulaire responsive est entre vos mains³. Elle paraît produire une impression calmante. S'il y avait quelque bonne foi à Londres on devrait reconnaître qu'elle écarte les reproches adressés à notre attitude au sujet du congrès puisque chaque point des objections du marquis de Salisbury s'y trouve discuté. Mais entre discuter ou se soumettre d'avance la distance est grande et nous ne la franchirons pas.

Recevez etc.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, ч. 2, лл. 547—549. Отпуск.

Перевод

Мы получили вашу почту, посланную с полковником Веллеслеем¹. Отвечаю на нее незамедлительно, посылая досье с дипломатическими документами, которые я просил г-на Убри отправить вам со специальным курьером.

Оно введет вас в курс дела и ознакомит со всеми деталями обстановки.

Кроме всего прочего, вы найдете там полностью всю нашу переписку с венским кабинетом по вопросам, вызывающим разногласия.

Мы довели все это до сведения берлинского кабинета, приглашая его высказаться в отношении того, как австро-венгерское правительство понимает и осуществляет на практике союз трех императоров.

Если этот акт посредничества князя Бисмарка удастся, за ним последует разрядка напряженности, что в свою очередь повлияет на Вену. Граф Андраши должен будет от-

казаться от требований, которые он выдвинул, опираясь лишь на угрожающую позицию Англии.

Возможно, за этим последует соглашение на основе уступок, которые мы ему предлагаем.

В подобном случае Англия, теряя своего единственного возможного союзника, тоже будет вынуждена умерить свои требования или искать удовлетворения в компенсациях, на которые маркиз Солсбери вам намекал ².

Такая обстановка, если она будет развиваться и дальше, может вновь открыть двери конгресса, у нас нет еще установившегося мнения по этому вопросу.

Если есть надежда, что к обсуждению приступят с мирными и справедливыми намерениями, мы не хотели бы закрывать для себя этот мирный исход. Но, если мы должны предстать перед предубежденным трибуналом, который заранее осуждает нас, лучше уж поддерживать status quo, добиваясь сепаратных соглашений.

У вас есть наш ответный циркуляр ³. Кажется, он произвел успокаивающее впечатление. И если в Лондоне еще существует справедливость, то там должны признать, что циркуляр отвергает упреки, обращаемые к нам в связи с конгрессом, поскольку в нем есть ответ на каждый пункт возражений маркиза Солсбери. Но существует дистанция большого размера между дискуссией и подчинением, и мы ее не перейдем.

Примите и пр.

1. Веллеслей приехал в Петербург из Лондона 1 (13) апреля 1878 г. и имел беседы с А. М. Горчаковым 3 (15) апреля, а 5 (17) апреля с Александром II и Н. П. Игнатьевым; он дал понять русской стороне, что Англия склонна к двухсторонним переговорам (см. 87, стр. 479—480; 57, стр. 44).

2. П. А. Шувалов сообщил А. М. Горчакову 31 марта (12 апреля) 1878 г., что «английское правительство соглашается вывести флот из Мраморного моря, Дарданелл и Бизики, если мы отведем нашу армию... к Адрианополю», и добавлял: «Об этих переговорах известно в Вене» (АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, ч. 1, л. 128). Кроме того, Англия хотела получить морскую базу в Средиземном море, на что уже не раз намекали английские министры, в том числе и Дерби при уходе его в отставку (см. док. 26; 57, стр. 35). Предложение о взаимном удалении от Константинополя было сделано Бисмарком (см. 57, стр. 36—37; 88, стр. 446). Предложение Бисмарка было принято русским и английским правительствами, но русская сторона не могла согласиться на отход от Адрианополя, так как тогда невозможно было бы в случае войны с Англией предупредить английский флот в Босфоре. Русская сторона выдвигала принцип равенства расстояния по времени пути (см. 57, стр. 39—40 и док. 38).

3. Речь идет о циркуляре А. М. Горчакова от 28 марта 1878 г. послан в Берлине, Париже, Вене и Риме (АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, ч. 2, л. 528) в ответ на циркуляр Солсбери от 20 марта (1 апреля) 1878 г. (см. 88, стр. 434—436).

№ 36

1878 г. апреля 1. — Отношение П. В. Алабина председателю Московского славянского общества И. С. Аксакову с просьбой рекомендовать для работы в Болгарии врачей-болгар, проживающих в России

№ 798

София

Во вверенной мне губернии имеется 11 вакансий окружных врачей, так как я не решаюсь замещать оных лицами, во множестве предлагающими мне свои услуги (преимущественно из греков, армян, итальянцев и евреев), потому что никто из них не знает болгарского или русского языков ¹. Между тем врачи здесь крайне необходимы, особенно в настоящее время, когда здесь все больше и больше развиваются всевозможные болезни — естественное последствие войны и различных бедствий, постигших этот край.

Окружному врачу полагается жалованья 1000 руб. в год (половина золотом). Ему же на разъезды — 300 руб., на медикаменты — 200 руб., на наем фельдшеров — 500 руб.

Имею честь всепокорно просить вас, милостивый государь, прийти на помощь этому важному делу, предложив медикам из болгар, вероятно, известным обществу, проживающим в России, принять должность окружного врача в одном из уездов вверенного мне санджака ² с тем, что изъявившему

такое желание будет выдано на подъем годовое жалованье по месту, им ныне занимаемому, и двойные прогоны до г. Кишинева, право бесплатного проезда до г. Зимницы по железным дорогам и таковые же прогоны от г. Зимницы до г. Софии.

О последующем буду иметь честь ожидать уведомления.

И. д. губернатора Алабин

ЦГАОР СССР, ф. 1750, д. 89, лл. 53—53 об. Подлинник.

1. Истинная причина, заставившая П. В. Алабина воздержаться от назначения вышеупомянутых кандидатур на должность врачей, состояла не столько в том, что они не знали русского или болгарского языка, сколько в отсутствии у них медицинского образования. В болгарской периодической печати их называли «цинцари-бияри», т. е. лекари-практики, среди них часто встречались шарлатаны.

2. На призыв П. В. Алабина отозвалось много болгар, получивших медицинское образование в России, а также русских врачей.

№ 37

1878 г. апреля 3. — Протокол совместного заседания окружного, городского и судебного советов Врацы о предоставлении продовольственного займа возвратившемуся турецкому населению

Присъствовали:

Председатель Павел Хр. Бошнаков

Членове: Николчо х. Антонов, Ангел Д. Йоцов,

Мато Христев

Окружный съвет: председатель, членове — Костаки Ив. Анков, Цено Стоянов, Костадин х. Николчов.

Судебный съвет: председатель Симеон Лазаров, членове — Георги Пенчев, Николчо Първанов.

Разглеждали: Като се зе в[ъв] внимание днешното бедно положение на тукашните турци, които се връщат от бягство, негово високоблагородие окружный начальник * предложи да се земат мерки за снабдяването им с храна¹. Градский съвет в общо заседание разисква тоя предмет, но като се пресметна, че числото на нуждаещите се от храна са много, и те след някое време можат улучши състоянието си, то по-добре ще бъде да им се даде в заем², а не подарок. Затова събранието в общо заседание направи следующето.

Постановление: 1. Да се даде в заем на бедните турци, които се връщат от бягство и се нуждаят от храна по една ока ** кукуруз на човек всякой ден.

2. Като се направи списък на тия фамилии, на които ще се дава в заем храна, да се предаде на един от членовете от градский съвет за ръководство в раздаването, което да се даде еднъж за един месец по 30 оки на човек.

3. Да се даде кошие на утвърждение на окружный начальник.

ОДА—Враца, ф. 28 К, д. 253, л. 18. Подлинник.

1. Русское гражданское управление в этот период внимательно относилось к турецким беженцам. Это были преимущественно турецкие крестьяне, не замешанные в насилиях над болгарами (см. 90, стр. 143).

2. Фактически этот заем был безвозмездным.

* М. И. Лукашов.

** Ока — турецкая мера веса, около 1,2 кг.

1878 г. апреля 3 (15). — Донесение П. А. Шувалова А. М. Горчакову с критикой посреднических действий О. Бисмарка в урегулировании англо-русских разногласий

Londres

Mon prince!

Je stis depuis quelques jours le témoin intéressé, mais passif, des pourparlers qui se poursuivent entre Berlin et Londres et de la «*médiation Bismark*», comme on l'appelle ici*.

Dieu veuille que cette médiation donne de bons résultats, malgré les objections qu'elle soulève de prime abord au point de vue des intérêts russes. Ces négociations, commencées, ainsi que votre télégramme le suppose, à l'instigation du cabinet anglais, sont au contraire attribuées ici à une demande faite par notre auguste maître à l'empereur Guillaume et contenue dans une lettre autographe.

Deux questions se sont posées à mon esprit en examinant la démarche de notre ami de Berlin: 1) Si Bismark veut faciliter, comme il le fait entendre, la réunion du congrès, — en quoi le retrait de la flotte anglaise et l'éloignement de notre armée atteignent-ils ce but? 2) Ce mouvement de retraite une fois consommé en combien écarte-t-il les obstacles qui se présentent à la réunion du congrès et qui découlent du refus de l'Angleterre de se satisfaire du principe que nous avons posé, la liberté d'appréciation et d'action pour tous?

Certes, mon prince, que l'entrée de la flotte dans les Dardanelles a été une violation des traités: mais ceci posé, sa présence dans les eaux de Constantinople n'augmente pas à mon avis les difficultés que présente la réunion du congrès, ni les dangers de la situation. Ce n'est pas l'éloignement de l'escadre à une distance de 24 heures qui diminuera les chances de la guerre. L'influence anglaise s'exercera à Constantinople, aussi bien de Besika que de Marmara, tandis que le recul de notre Quartier Général à Andrinople diminuera nécessairement l'influence que nous avons exercée sur le sultan et la Porte.

Le retrait de la flotte n'est pas un inconvénient matériel pour elle: tout au contraire, c'est un avantage pour ses communications, ses approvisionnements, etc. . . L'éloignement de notre armée semble au contraire devoir nous créer des difficultés sous les mêmes rapports.

Les Turcs n'élèveront pas de nouveaux obstacles sur la ligne de retraite de la flotte; elle pourra toujours reprendre sa position actuelle sans tirer un coup de canon. En sera-t-il de même pour nous? Et pourrions-nous revenir à Tchataldja, à San-Stéfano et à Boulaïr sans coup férir?

Enfin, le retrait des quelques cuirassés peut-il être l'équivalent du mouvement de retraite opéré par une grande armée?

La question jugée ainsi, — je ne saisis pas bien la nature du service que veut nous rendre le prince de Bismark, quand il s'occupe de la situation militaire, au lieu de faciliter la solution diplomatique. Si congrès il y a, il aurait pu se réunir tout aussi bien dans le status quo actuel et sans l'abandon de positions toutes à notre avantage.

Ce que je n'aime pas non plus, c'est que le prince Bismark ait permis à l'Angleterre de fixer la ligne de démarcation derrière laquelle l'armée russe aurait à se retirer. A mon avis, c'était à lui, — «*le médiateur*», à la préciser et à la poser à Pétersbourg et à Londres.

Pourquoi, enfin, le prince de Bismark ne propose-t-il pas en même temps une base nouvelle, sur laquelle le congrès aurait chance de se réunir? ¹ A quoi bon résoudre le problème des positions militaires, si le problème diplomatique reste en suspense? Quelle est l'utilité pratique de ce mouvement de retraite, si facile pour l'Angleterre, si grand de difficulté pour nous, s'il n'assure pas

* См. прим. 2 к док. 35.

la question du lendemain, — le congrès, — et il me semble que ces deux questions ne devraient pas être séparées ².

Veillez agréer, mon prince, l'hommage de mon respect

Schouvaloff

Помета Александра II: Tout ce qu'il dit est très juste.

Помета о получении: le 11 Avril.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, ч. 2, лл. 684—688 об. Подлинник.

Перевод
Лондон

Князь!

Вот уже несколько дней я являюсь заинтересованным, но пассивным свидетелем переговоров, происходящих между Берлином и Лондоном, или, как говорят здесь, посредничества Бисмарка.

Дай бог, чтобы это посредничество дало хорошие результаты, несмотря на то, что с самого начала оно вызывает возражения с точки зрения русских интересов. Эти переговоры, начавшиеся, как предполагается в вашей телеграмме, по инициативе английского кабинета, здесь, напротив, приписываются просьбе нашего августейшего повелителя к императору Вильгельму, содержащейся в его собственноручном письме.

При рассмотрении действий нашего берлинского друга передо мной возникли два вопроса: 1) если Бисмарк желает облегчить, как он дает это понять, созыв конгресса, то каким образом вывод английского флота и удаление нашей армии достигают этой цели? 2) когда это отступательное движение будет завершено, каким образом устранит оно существующие препятствия к созыву конгресса, являющиеся следствием отказа Англии удовлетвориться предложенным нами принципом свободы суждения и действия для всех?

Разумеется, князь, вступление флота в Дарданеллы явилось нарушением договоров, но тем не менее его присутствие в водах Константинополя, мне кажется, не увеличивает трудностей созыва конгресса и опасности создавшегося положения. Удаление эскадры на 24-часовую дистанцию не уменьшит опасности войны. Английское влияние будет распространяться на Константинополь как из Бизики, так и из Мраморного моря, тогда как перенесение нашей Главной квартиры в Адрианополь неизбежно уменьшит наше влияние на султана и Порту.

Вывод флота не представляет какого-либо материального неудобства для самого флота, а, напротив, дает преимущества для коммуникаций, продовольственного снабжения и т. д. Удаление же нашей армии, по-видимому, создаст нам трудности в этом отношении.

Турки не будут чинить новых препятствий на линии отступления флота, который всегда может снова занять прежнюю позицию без единого пушечного выстрела. Так ли будет для нас? И сможем ли мы без сопротивления вернуться в Чаталджу, Сан-Стефано и Булаир?

Наконец, можно ли приравнивать вывод нескольких крейсеров к отступлению большой армии?

Если рассудить таким образом, то я не могу как следует уловить характер услуги, которую желает нам оказать князь Бисмарк, когда он занимается военными проблемами, вместо того чтобы облегчить решение дипломатических проблем. Если конгресс состоится, он может быть создан при нынешнем status quo и без нашего отказа от позиций, дающих нам преимущества.

Мне также не нравится, что Бисмарк позволил Англии определить демаркационную линию, за которую должна отступить русская армия. По моему мнению, это ему, «посреднику», надлежало бы уточнить ее и предложить Петербургу и Лондону.

Почему, наконец, князь Бисмарк не предлагает одновременно с этим новую основу, на которой мог бы быть создан конгресс? ¹ Зачем решать проблему военных позиций, если дипломатическая проблема остается нерешенной? Какова практическая польза этого отступательного движения, столь удобного для Англии и столь трудного для нас, если оно не обеспечивает решение вопроса завтрашнего дня — вопроса о конгрессе? Мне кажется, эти два вопроса не следует разделять ².

Соблаговолите принять, князь, уверение в моем совершенном почтении

Шувалов

Помета Александра II: Все, что он говорит, весьма справедливо.

Помета о получении: 11 апреля.

1. В воспоминаниях Бисмарк не смог полностью скрыть враждебность своей позиции по отношению к России, хотя и старался ее завуалировать. О своей роли на Берлинском конгрессе он предпочел вовсе умолчать. О переговорах его с П. А. Шуваловым см. 6, стр. 200—201.

2. Вопрос об отходе русской армии обсуждался на ряде совещаний с участием Александра II, А. М. Горчакова, Д. А. Милютин, Н. П. Игнатъева (см. 57, стр. 39—44). Мнение П. А. Шувалова было также учтено. В ответ Шувалов получил телеграмму от 5 (17) апреля 1878 г.: «Принимаем в принципе последнее германо-английское предложение, но мы должны прежде договориться с Портой о расширении нейтральной зоны и других мерах, касающихся нашей военной позиции» (АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 443, л. 90). Д. А. Милютин в своем дневнике пишет, что эта телеграмма была составлена им по просьбе А. М. Горчакова. В ее составлении участвовал и Александр II (см. 57, стр. 44).

№ 39

1878 г. апреля 5. — Обращение Ловчинского городского совета к жителям Ловчи с призывом вступить в Болгарское войско *

Ловеч

Драги съотечественици!

С безпримерната помощ на великий всероссийский имп[ератор] Ал[ександър], покровител и избавител на България, заробения и потъпчен български народ вече на дело въскръсна. Българският народ се туря в редът на хората и в кръга на политическия свободен живот. Нашата земя от 5 столетия не бе виждала български войници, които някога си горделиво с оръжието и с песните си вардеха скъпата си свобода. Да, нашата земя беше плувнала от кръвта ни, която проливаха турските тирани — но сега, драги братя българ[ари], светна и над нас човешкото слънце, и ние вече сме дължни да дадеме синовете си в редовете на народните пазители-войници — на които само можем да се надяваме да се заварди от неприятели, сега подарената ни и изново родената ни *свобода*.

Честити се считаме, драги съот[ечественици], като можем днес да видим, че вече нашата самостоятел[ност] ни призовава да влезем в редовете на *българските* войници, радостта е обща. Най-много трябва да са радват младите българ[арски] юнаци, на които отечеството ни *нова свободна България*, подава ръка за подкрепление и защото тям се падна жреблета да бъдат в първата българ[арска] войска, която ще остане най-забележителна в новата българ[арска] история.

Освен това дължни сме да явим, че от днес до свършека на войскосъбиранieto всички млади, които са способни да носят оръжие не трябва да излизат из градът, от което може [да] се съборка редът ¹. В противен случай родителите и онези, които постъпят против това, ще бъдат отговорни пред законът.

От гр[адския] управителен совет
Председ[ател]**
Секрет[ар] Радославов

ОДА—Ловеч, ф. 25 К, оп. 1, д. 10, л. 3. Черновик.

1. Международная обстановка требовала незамедлительной мобилизации сил России и Болгарии (см. док. 9). По планам Полевого штаба Действующей армии болгарские дружины должны были усилить русские войска «в Софии, Филиппополе или в местностях южнее этих пунктов» (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7430, л. 45). 24 марта 1878 г. Д. Г. Анучин разослал губернаторам циркуляр о порядке проведения призыва 9000 человек в Болгарское ополчение, в котором перед административными советами была поставлена задача: «населению следует разъяснить, что оно с полной готовностью должно ответить на призыв и с радостью благословить на службу отечеству первых воинов, набираемых в крае для положения начала будущему земскому войску» (там же, д. 32775, лл. 1—2). Тогда же

* См. док. 50, 66 и примечания к ним.

** Подпись отсутствует.

вводилась одна из ранних форм присяги для ополченцев, которая гласила: «Я. . . клянусь. . . , что, призванный на службу в дружинах Болгарского ополчения, буду служить честно и усердно, исполняя приказания начальства и не покидая знамени до тех пор, пока не получу разрешения возвратиться домой» (см. там же, д. 37772, л. 55). Первый призыв в ополчение прошел успешно; уже к 15 мая 1878 г. 12 дружин ополчения было укомплектовано полностью (см. 67, стр. 55).

№ 40

1878 г. апреля 6 (18). — *Донесение Е. П. Новикова А. М. Горчакову о переговорах с Д. Андрaши относительно некоторых статей Сан-Стефанского договора*

№ 61

Vienne

Mon prince!

Ayant eu l'honneur de recevoir le télégramme de votre altesse du 4 (16) Avril *, me transmettant l'ordre de sa majesté l'empereur de m'en tenir aux instructions ** emportées par le baron de Wrangel, je viens d'avoir une seconde explication avec le comte Andrassy.

Il commença par me demander une répétition exacte des réponses dont j'étais l'interprète. Je me conformai à son désir et comme il notait mes paroles au crayon pour les rapporter à l'empereur François-Joseph, j'ai cru nécessaire, afin d'éviter des malentendus, de lui faciliter la tâche en lui faisant parvenir après notre conversation l'aide-mémoire ci-joint.

Je lui ai demandé sa parole que notre échange d'idées et l'accord qui en résulterait fussent strictement réservés à la connaissance des deux gouvernements. C'était exclusion de la confiance jusqu'au cabinet de Berlin, dont l'ambassadeur avait été renvoyé à Vienne un peu dans la prévision de la reprise de nos pourparlers.

Le comte Andrassy s'enquit du motif du secret voulu. Sur ma réponse signalant l'indiscrétion commise à Constantinople, au sujet de notre consentement de principe à l'occupation d'Ada-Kalé par les Autrichiens, il en fit retomber la responsabilité sur le comte Zichy, tout en ajoutant qu'avant même notre adhésion, les Turcs avaient spontanément entretenu l'ambassadeur d'Autriche-Hongrie de leur intention d'évacuer ce fort.

Et comment ferai-je, — continua-t-il, — si l'on vient me questionner sur nos entretiens dont le fait ne saurait être nié? — «Je me trouve dans la même position, — lui dis-je, — et je ne répons pas aux curieux».

Le comte Andrassy me promit le secret.

Dans la revue de nos concessions éventuelles je le trouvai d'un degré plus raide que précédemment. Il me dit qu'il en ferait son rapport à sa majesté, mais il ne me dissimula pas qu'il les considérait comme insuffisantes éludant des réponses précises et ouvrant à peine la voie à une transaction.

Il glissa sur Ada-Kalé et les arrangements éventuels de tarif de chemin de fer avec la Serbie. La première question n'avait de la valeur pour lui qu'en tant qu'il s'agissait d'en exclure les Serbes; la seconde se trouvait être, en pratique, d'une exécution difficile. Quant au terme de notre occupation de la Bulgarie et au nombre des troupes qui y resteraient, il relevait bien notre promesse de réduire l'un et l'autre aux strictes limites de l'indispensable, mais il ne la voyait pas se traduire en chiffres. On lui écrivait que nous avions l'intention de porter la milice bulgare à 200 mille hommes, dans la prévision d'une guerre avec l'Angleterre. Or, il s'entendait de soi que dans cette dernière éventualité, l'Autriche n'exigerait pas le retrait de notre armée à terme fixe, mais qu'est-ce qui nous empêchait de préciser numériquement les restrictions que nous consentirions à y apporter en temps de paix?

* АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 112, л. 601.

** См. док. 34.

«La nature même de l'œuvre à laquelle nos troupes sont appelées», — lui répondis-je. «On peut circonscrire exactement la présence de troupes étrangères occupant un pays ennemi comme garantie ou comme servitude, mais on ne saurait limiter avec la même rigueur une occupation toute d'humanité et d'intérêt général».

Le comte Andrassy fit ressortir ensuite que dans les questions les plus importantes, celle de l'enclave entre la Serbie et le Monténégro, du littoral d'Antivari et de l'étendue de la Bulgarie, nous ne propositions rien pour nous rapprocher des vues du cabinet de Vienne.

Une discussion renouvelée s'engagea sur la question de l'enclave. Je rectifiai l'assertion du ministre, comme quoi les facilités que nous accordions aux communications austro-hongroises jusqu'à Salonique ne constituaient pas une concession de notre part, attendu qu'elles avaient déjà été stipulées précédemment. «Il résultait, — dis-je, — de ses propres dépêches de l'année dernière, que des arrangements spéciaux pour assurer au commerce autrichien un débouché sur la mer Egée avaient été réclamés par lui «dans l'hypothèse d'une contiguïté de la Serbie et du Monténégro». Aujourd'hui cette contiguïté n'existait plus et, pour élargir la passe de manière à ce que les territoires des deux principautés n'empiètent pas sur le tracé des chemins de fer, nous admettions même le principe d'une modification des frontières monténégrine et serbe. Sur la demande, à qui appartiendrait l'enclave, je nommais les Turcs. «Vous préférez donc, — dit-il, — la céder à la Porte plutôt qu'à l'Autriche-Hongrie?» — Je répliquai que l'expression était impropre: on ne pouvait pas céder à la Turquie ce qu'elle possédait déjà ou encore.

Il est vrai que mes instructions adjugent les districts de la vieille Serbie: Prizren, Prichtina, etc. à la principauté autonome qui serait éventuellement formée des contrées séparées de la Bulgarie à l'Ouest. Mais, conformément aux ordres du cabinet impérial tendant à réserver à une entente ultérieure et à ne produire qu'en cas d'absolue nécessité la question d'une séparation de la partie occidentale de la Bulgarie, je n'y ai pas touché cette fois-ci encore et me suis retranché sur le terrain des modifications partielles de la frontière bulgare. J'ai seulement essayé de pressentir le ministre si des concessions sur la grande Bulgarie le rendraient plus coulant quant au Monténégro, mais je n'ai pas réussi à pénétrer ses intentions.

Continuant à vouloir exclure la Montagne Noire du littoral de l'Adriatique, il déclina le moyen terme d'une convention douanière à conclure avec le prince Nicolas. Celle-ci ne pourrait être basée que sur une «Zollgemeinschaft»; elle nécessiterait, par conséquent, la présence d'employés autrichiens de marine et de douane sur le littoral et provoquerait des froissements et des rixes qu'il était prudent d'éviter. D'autre part le ministre persiste à considérer l'annexion de la côte au Monténégro comme nuisible aux intérêts de la monarchie et se déclare prêt à en laisser la possession aux Turcs, pourvu qu'elle ne tombe pas au pouvoir du prince Nicolas.

«Voulez-vous de cette solution»? — me demanda-t-il. *J'ai vivement protesté* *.

Nous nous séparâmes sur la déclaration réitérée du comte Andrassy qu'il allait prendre les ordres de l'empereur et qu'il m'informerait du résultat; et alors ou je devrais être muni d'instructions modifiées ou il en sortirait une situation nouvelle.

J'ai l'honneur d'être avec un profond respect, mon prince, de votre altesse le très humble et obéissant serviteur
Novikow

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 111, лл. 218—223. Подлинник.

* Подчеркнуто Александром II. На полях его помета: Je l'espère bien!

1878 г. апреля 6 (18). — Памятная записка Е. П. Новикова о возможных уступках России в пользу Австро-Венгрии в вопросе об изменении некоторых статей Сан-Стефанского договора

Concessions éventuelles

1. *L'enclave*. Nous admettrons toutes les facilités possibles pour les communications des chemins de fer austro-hongrois avec Salonique. L'annexion de l'Herzégovine à l'Autriche-Hongrie jusqu'à Mitrovitza étant contraire aux arrangements convenus entre nous, nous ne saurions y consentir. Mais nous nous réservons de chercher un accord quant à la frontière orientale du Monténégro du côté du Lim sur la base du principe des équivalents, reconnu par l'art. 1. du traité préliminaire.

2. *Littoral*. En maintenant pour le Monténégro le droit de possession sur le littoral jusqu'à la Bojana, conquis par ses armes, nous serions disposés à nous prêter à une entente qui assurerait à la principauté la dite possession moyennant garanties douanières stipulées en faveur de l'Autriche-Hongrie, sans préjudice aux droits d'indépendance du Monténégro.

3. *Serbie*. Nous admettons l'occupation autrichienne d'Ada-Kaleh à la condition que les fortifications en soient rasées. Il appartiendra à l'Autriche-Hongrie de faire des arrangements avec la Serbie par rapport aux chemins de fer et aux relations de commerce sans préjudice de l'indépendance de la principauté. Nous serions prêts à nous entendre sur des modifications de détail à introduire dans la délimitation indiquée par les préliminaires.

4. *Bulgarie*. Nous admettons des modifications dans le tracé de la frontière occidentale de la Bulgarie; elles pourraient être introduites en vertu de l'art. 6. du traité préliminaire.

5. *Occupation russe de la Bulgarie*. Quant au terme de l'occupation et au nombre de troupes qui resteraient en Bulgarie, nous n'y attachons absolument pas d'autre valeur que celle d'assurer l'ordre et la paix dans le pays, de protéger les populations contre les vengeances réciproques jusqu'à l'installation et au fonctionnement régulier des institutions. Nous sommes donc prêts à réduire l'un et l'autre aux strictes limites qui seraient indispensables pour que l'œuvre qu'il s'agit de créer ne soit pas compromise. Nous ne demandons pas mieux que de nous entendre à ce sujet avec le gouvernement austro-hongrois.

Les concessions éventuelles ci-dessus ne peuvent être consenties par nous que dans l'ensemble d'une entente générale et à titre de réciprocité.

Il importe encore de faire observer que le traité de San-Stéfano, quoique préliminaire, est néanmoins obligatoire pour les deux parties, c. à. d. qu'il ne peut être modifié qu'à la suite d'un accord entr'elles.

Il en résulte qu'il ne peut s'agir entre le cabinet de Vienne et nous que d'un échange confidentiel d'idées en vue des modifications à introduire ultérieurement dans le traité soit en congrès, soit par la voie d'une entente directe entre Vienne et St.-Pétersbourg.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 111, лл. 224—226. Копия.

Перевод
Вена

Князь!

Получив телеграмму вашей светлости от 4 (16) апреля, передавшую мне приказание его величества императора придерживаться инструкций, привезенных бароном Врангелем, я имел вторичное объяснение с графом Андраши.

Он начал с того, что попросил точно повторить переданные через меня ответы. Я подчинился его желанию, и так как он записывал карандашом мои слова для доклада императору Францу-Иосифу, я счел необходимым во избежание недоразумений облегчить ему эту задачу, прислав после нашей беседы прилагаемую при сем памятную записку.

Я попросил его дать слово, что наш обмен мнениями и соглашение, которое за ним

последует, будут известны только нашим двум правительствам. Это означает тайну для всех, вплоть до берлинского кабинета, чей посол был вновь направлен в Вену в предвидении возобновления наших переговоров.

Граф Андраши осведомился о причине желательной секретности. После моего указания на случай распространения в Константинополе слухов по поводу того, что мы в принципе согласились на оккупацию Ада-Кале австрийцами, он свалил всю ответственность за это на графа Зичи, добавив, что еще до нашего согласия турки неожиданно известили австро-венгерского посла о намерении эвакуировать эту крепость.

«Что я буду делать, — продолжал он, — если меня спросят о переговорах, сам факт которых нельзя отрицать?». «Я нахожусь в таком же положении, — сказал я ему, — я не отвечаю любопытным».

Граф Андраши обещал мне хранить тайну.

При рассмотрении наших возможных уступок я нашел, что он стал более несговорчивым в этом вопросе, чем раньше. Он сказал, что доложит обо всем его величеству, но не скрывает, что считает эти уступки недостаточными, избегая в то же время четких ответов и оставляя минимальную возможность для соглашения.

Он вскользь коснулся вопроса об Ада-Кале и возможных соглашениях о железнодорожном тарифе с Сербией. Первый вопрос имел для него значение лишь постольку, поскольку речь шла об удалении оттуда сербов; второй же практически был довольно трудно выполним. Что касается сроков нашей оккупации Болгарии и численности войск, которые там останутся, он напомнил наше обещание сократить и то и другое до необходимого минимума, но не мог выразить все это в цифрах. Ему стало известно, что мы намерены довести численность болгарской милиции до 200 тыс. человек ввиду возможной войны с Англией. В этом случае само собой разумеется, что Австрия не потребует вывода нашей армии в установленный срок, но что мешает нам в цифрах уточнить сокращения, которые мы согласились бы провести в мирное время?

«Само существо дела, которому призваны служить наши войска, — ответил ему я. — Можно точно определить срок пребывания иностранных войск, оккупирующих вражескую страну в качестве гарантии или для ее закабаления, но нельзя с той же точностью определять срок оккупации, носящей гуманный характер и отвечающей общим интересам».

Граф Андраши подчеркнул затем, что по самым важным вопросам — об анклав^{*} между Сербией и Черногорией, о побережье в районе Антивари и протяженности границ Болгарии — мы не предлагаем ничего для сближения со взглядами венского кабинета.

Снова разгорелась дискуссия по вопросу об анклав. Я опроверг утверждение министра о том, что якобы льготы, предоставляемые австро-венгерским коммуникациям вплоть до Салоник, не являются уступками с нашей стороны, поскольку они были уже ранее предусмотрены. «Из его собственных депеш за прошлый год следует, — сказал я, — что специальное соглашение в целях обеспечения австрийской торговле выхода к Эгейскому морю было потребовано им в предвидении смежности Сербии и Черногории». Но сегодня этой смежности не существует, и для расширения прохода между ними таким образом, чтобы территории этих княжеств не наступали на железнодорожные линии, мы допускаем пересмотр черногорских и сербских границ. На вопрос, кому будет принадлежать этот анклав, я назвал турок. «Итак, вы предпочитаете, — сказал он, — отдать его Порте, а не Австро-Венгрии?». Я заметил, что он неправильно выразился: нельзя отдать Турции то, что ей уже или еще принадлежит.

Правда, по моим инструкциям, районы Старой Сербии — Призрен, Приштина и т. д. — отходят к автономному княжеству, которое, возможно, будет создано из областей, отделенных от Болгарии на западе. Но следуя приказанию императорского кабинета, предписывающим оставить это для дальнейших соглашений и только в случае крайней необходимости затронуть вопрос об отделении западной части Болгарии, я не касался его на этот раз и ограничился вопросом о частичных изменениях болгарской границы. Я только попытался выведать у министра, не сделают ли уступки в отношении Большой Болгарии его более сговорчивым в вопросе о Черногории, но мне не удалось проникнуть в его намерения.

^{*} *Enclave* — обычный в дипломатической документации той поры термин, обозначающий промежуточную территорию. В данном случае имеется в виду территория Нови-Базарского санджака.

Стремясь лишить Черногорию Адриатического побережья, он отклонил компромиссное предложение относительно заключения таможенной конвенции с князем Николаем. Она могла опираться только на Zollgemeinschaft * и, следовательно, потребовала бы присутствия австрийских морских и таможенных чиновников на побережье и вызвала бы столкновения и драки, чего благоразумнее было бы избежать. С другой стороны, министр настаивал на том, чтобы рассматривать аннексию побережья Черногорией как ущемляющую интересы монархии, и заявил, что готов скорее оставить его у турок, только бы оно не попало под власть князя Николая.

«Хотите ли вы такого решения?» — спросил он меня. — *Я горячо протестовал **.*

Мы расстались после повторного заявления графа Андраши о том, что он получит приказания императора и затем информирует меня о результатах; тогда или мои инструкции должны быть изменены или возникнет новая ситуация.

С глубоким почтением имею честь быть, князь, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугой

Новиков

Приложение

Возможные уступки

1. *Анклав.* Мы согласимся на любые льготы для железнодорожных коммуникаций Австро-Венгрии с Салониками. Ввиду того что аннексия Герцеговины Австро-Венгрией вплоть до Митровицы противоречит заключенным между нами соглашениям, мы не сможем пойти на это. Но мы постараемся договориться по вопросу о восточной границе Черногории со стороны Лима, опираясь на принцип взаимовыгодности, признанный ст. I прелиминарного договора.

2. *Побережье.* Поддерживая завоеванное Черногорией право на владение побережьем до Бояны, мы готовы пойти на соглашение, обеспечивающее княжеству владение этой территорией и предусматривающее таможенные гарантии в пользу Австро-Венгрии, но без ущерба для независимости Черногории.

3. *Сербия.* Мы допускаем австрийскую оккупацию Ада-Кале при условии, что укрепления будут скрыты. Австро-Венгрии надлежит договориться с Сербией относительно железных дорог и торговых сношений без ущерба для независимости княжества. Мы готовы вести переговоры о деталях изменений, вносимых в разграничение, предусмотренное прелиминарными.

4. *Болгария.* Мы согласны на изменения в проведении западной границы Болгарии; они могут быть осуществлены в силу ст. VI прелиминарного мира.

5. *Русская оккупация Болгарии.* Что касается срока оккупации и численности войск, которые останутся в Болгарии, то мы придаем этому значение лишь постольку, поскольку это обеспечивает порядок и мир в стране и может защитить население от взаимной мести вплоть до введения и нормального функционирования учреждений. Итак, мы готовы свести то и другое к минимуму, необходимому для того, чтобы дело, о котором идет речь, не было скомпрометировано. Мы не хотим ничего лучшего, как договориться по этому вопросу с правительством Австро-Венгрии.

Мы можем согласиться на указанные выше уступки только при наличии общей договоренности и взаимности.

Важно также отметить, что Сан-Стефанский договор, несмотря на свой прелиминарный характер, является тем не менее обязательным для обеих сторон, т. е. он может быть изменен только с их обоюдного согласия.

Из этого следует, что речь может идти только о конфиденциальном обмене мнениями между венским кабинетом и нами относительно последующих изменений в договоре, либо путем непосредственного соглашения между Веной и Санкт-Петербургом, либо на конгрессе.

* Таможенная уния (нем.).

** Подчеркнуто Александром II, на полях его помета: Надеюсь!

№ 41

1878 г. апреля 6. — Письмо Д. Г. Анучина А. И. Нелидову о пособиях освобождаемым из турецких тюрем политическим заключенным болгарам для возвращения на родину

№ 840

Сан-Стефано

Милостивый государь Александр Иванович!

По имеющимся у меня сведениям, некоторые из болгар, задержанных и сосланных турецким правительством по политическим поводам, освобождаются ныне из тюрем или из-под полицейского надзора * с прекращением производившегося им дотоле пособия. Не имея никаких денежных средств к возвращению на родину, эти несчастные находятся в самом отчаянном положении в местностях, совершенно им чуждых и нередко весьма отдаленных, как, напри[м]ер, Кипр, Родос, Диарбекир и проч.

По докладе о сем великому князю главнокомандующему его высочество, имея в виду, что все вообще болгары, задержанные и сосланные по политическим обстоятельствам, должны быть ныне немедленно освобождены, поручил мне просить ваше превосходительство войти в сношение с Блистательною Портою как о немедленном освобождении упомянутых болгар в силу договора 19 февраля сего года, так и о доставлении их в Константинополь в распоряжение императорского посольства.

Сообщая о сем вашему превосходительству, считаю долгом присовокупить, что если бы Блистательная Порта не согласилась на производство по сему предмету денежных расходов по доставлению ссыльных в Константинополь, то таковые можно бы восполнять ему из средств Болгарского края, на каковой конец я и испрошу повеления его высочества, если вы изволите меня уведомить, что Порта не принимает на себя этих расходов.

Сообщая о всем вышеизложенном вашему превосходительству, честь имею присовокупить, что те из освобожденных турками болгар, которые прибывают в Сан-Стефано, снабжаются по моему распоряжению свидетельствами на бесплатный с их стороны переезд по железным дорогам до станций, ближайших к местам их жительства, и сверх того получают некоторое денежное вспомоществование на путевые расходы. За сим в особо учрежденный при моей канцелярии комитет могут быть направляемы и те лица означенной категории, которые обратятся за помощью в посольство.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности

Дмитрий Анучин

АВВР, ф. ГА, V—A₁, д. 29, лл. 12—13. Подлинник.

№ 42

1878 г. апреля 7. — Обращение представителей болгарской церкви в Македонии к Николаю Николаевичу (Старшему) с просьбой о введении русских войск

Константинополь

Ваше императорское высочество!

Победоносное русское оружие, освобождая так долго угнетаемый под турецким игом до сих пор несчастливый наш болгарский народ, задолжило его навеки быть признательным России и ее помаз[ан]нику, великому освободителю болгар, и искренно молиться за долголетие и благоденствие его императорского величества и всего августейшего дома.

* См. док. 11.

Македонские болгары, лишаясь непосредственной защиты своих освободителей, видят себя, к крайнему их сожалению, в невозможности выразить, подобно своим собратьям, формально в общей подписи чувство своей благодарности своим освободителям, которых со всею преданностью ожидают в своей родине¹, колыбели славянского слова и распространения христианской религии между стомиллионным славянским племенем, но каковая колыбель еще и в настоящее время не может успокоиться от несносных гнетов своих тиранов и заявления против нее своих единоверных соседей.

При сем осмеливаемся доложить вашему императорскому высочеству, что хотя некоторые недоброжелатели болгарского народа, состоящие большей частью из греческих архиереев, стараются в настоящее время насильно собирать подписи и доказывать, что жители Македонии, входящие по Сант-Стефанскому трактату в состав Булгарского княжества, состоят преимущественно из греков и будто не желают войти в состав одного княжества², однако ж неосновательность такого заявления уже была доказана как многими историческими фактами, так и производившеюся статистикою* во время Константинопольской конференции. Притом, зная, мы, македонское народонаселение, утвердительно уверяем, что греческое население в этой части Македонии в этнографическом отношении составляет очень малую часть, не включая, впрочем, в это число мусульманского народонаселения, и поэтому формально против каждого такого рода неосновательного заявления протестуем, основательность какого протеста может быть вполне доказана Европе только одним всеобщим исследованием на месте Европейскою комиссиею**.

Ваше императорское высочество! Будучи уверены в вашем человеколюбивом стремлении, осмеливаемся изъявить желание и покорнейшую просьбу македонского болгарского народа о немедленном занятии Македонии российскими победоносными войсками и тем поставить конец вековых страданий этой провинции.

Представитель Охридской епархии Наум Спространов

Представитель Костурской епархии Димитр Попов

Представитель Могленской епархии Димитрий Попов

Представитель Драмско-Серской епархии архимандрит Теодосий

Представитель Дебрьской епархии Козма арх[имандрит] Пречистянский

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8724, лл. 57—58 об. Подлинник.

1. Тотчас по подписании Сан-Стефанского договора русское гражданское управление предполагало ввести в Македонии управление, аналогичное учрежденному в Северной Болгарии. С этой целью в конце февраля был назначен губернатор для Македонии и 70 офицеров для занятия административных должностей в этой области, а по военному ведомству делались приготовления к занятию Македонии отдельным кавалерийским отрядом и предполагалось сформировать местные дружины ополчения. «Вести об этом, — писал Н. Р. Овсяный, — не могли, конечно, не дойти до македонцев и не возбудить в них радостной надежды на скорое окончание мусульманского ига» (68, т. II, стр. 49; см. также прим. 1 к док. 2).

В качестве кандидата на пост русского губернатора в Македонии был назван М. А. Хитрово (59, стр. 181; 82; 90, стр. 406 и сл.). Но несогласие правительства Англии и Австро-Венгрии с условиями Сан-Стефанского мирного договора помешало осуществлению этих планов.

2. Македония издавна была основной областью проникновения греческого влияния на Балканский полуостров. В ходе греко-болгарской церковной борьбы оно стало здесь постепенно ослабевать. Однако высшее греческое духовенство не хотело добровольно отказаться от ускользавшего из их рук церковного господства. Борьба за македонские епархии, приостановленная русско-турецкой войной 1877—1878 гг., по прекращении военных действий стала снова разгораться. Стремясь любой ценой удержать за собой спорные районы, греческое духовенство не останавливалось ни перед фальсификацией статистических данных, ни перед поддержкой турецкого владычества.

* См. В. Теплов. *Материалы для статистики Болгарии, Фракии и Македонии.* СПб., 1877.

** См. прим. 1 к док. 104.

№ 43

1878 г. априля 13.— Протокол заседания Ломского городского совета об устройстве праздничного обеда для русских солдат

№ 29

Градский съвет в днешното си заседание размисли за угощението на солдатите руски на възкресение.

Градский съвет като има предвид заслугата и пазението на тишината в града от прошедшата руска войска, и като оценява тяхното страдание по пътищата и балканите за избавлението на нашия народ, то намира за благословно да възможности отговори на тая признателност с едно угощение на ротата; за това и

Решава:

чтого в денът на възкресение хр[истово], като най-сгоден за това, да възложи на полицейский уредник извършванието за приготовление потребното ястие и друго що е нужно, и да ги призове в домът на управлението, като и държи смет за изплащание от касата на съвета по списъка, който ще достави.

Председател А[нгелаки] Иованчев
Членове: Н. Попов
Н. Върбанчов

ОДА—Михайловград, ф. 76 К, д. 239, л. 10. Подлинник.

№ 44

1878 г. априля 15.— Записка Н. П. Игнатъева о новых требованиях Австро-Венгрии по изменению некоторых статей Сан-Стефанского договора и о неприемлемости их для России¹

Il ressort de la dernière expédition de notre ambassadeur à Vienne * que le comte Andrassy ne se contente pas des concessions du cabinet impérial et qui sont:

- 1) l'annexion à l'Autriche-Hongrie de la Bosnie et de l'Herzégovine jusqu'à Vichegrad;
- 2) des facilités pour le réglément des questions de commerce et de chemin de fer en Serbie;
- 3) la cession à l'Autriche-Hongrie de l'île avec le fort d'Ada-Kalé;
- 4) l'abandon de la frontière du Monténégro jusqu'au Lim et diminution sensible de ce côté du territoire monténégrin nouvellement concédé;
- 5) la diminution du territoire convoité par les Monténégrins du côté de l'Herzégovine;
- 6) l'acceptation en principe de la révision de la nouvelle frontière méridionale turco-serbe.

Le comte Andrassy exige de plus:

- 1) la formation d'une province de Macédoine, détachée de la Bulgarie, sans nous offrir de garanties qu'elle serait dotée des mêmes droits et privilèges que la Bulgarie Orientale.
- 2) Il ne se contente pas de demander l'annexion à l'Autriche-Hongrie de l'enclave qui se trouve entre la Serbie et le Monténégro, et veut en outre acquérir entre les deux principautés une large bande de territoire allant jusqu'à Novi-Bazar et Mitrovitza;
- 3) il veut enlever au Monténégro la plus grande partie du littoral conquis, et ne consent à laisser que la ville d'Antivari; admettant la possibilité de la concession d'un port, il en entoure la possession de conditions qui la rendent illusoire.

* См. док. 40.

Pour ce qui est de ce point, nous devons insister d'une manière absolue sur l'acquisition du littoral par le Monténégro pour des raisons qui ont été exposées précédemment. Tout au plus pourrait-on abandonner, si le prince Nicolas y consent, le port de Dulcigno.

Quant à l'enclave entre la Serbie et le Monténégro, si elle n'a pas de valeur matérielle sérieuse, — elle a une grande signification morale. Tant que cette bande de terre était entre les mains des Turcs, les deux principautés pouvaient attendre patiemment leur temps sans compromettre leur avenir, étant sûrs de s'emparer un jour de cette langue de terre et de se joindre sur le Lim. Ce territoire, du reste, avait été laissé par le traité de San-Stéfano à la Porte uniquement parce que la Bosnie et l'Herzégovine continuaient à appartenir à la Turquie. Mais du moment où cette enclave passe à l'empire Austro-Hongrois, ce sont les deux principautés qui deviennent des *enclaves* austro-hongroises. Sans préjuger la limite des concessions auxquelles le cabinet impérial pourra arriver pour éviter la guerre, on doit forcément constater que par l'acquisition du territoire en question l'Autriche-Hongrie arrive non seulement à une communication directe avec la mer Egée, — par le chemin de fer qui sera entre ses mains, mais se trouve encore en contact immédiat avec la Macédoine qu'il s'agit de former; ceci équivaut à dire que cette partie de la Bulgarie tombera sous l'influence exclusive et prédominante de l'empire Austro-Hongrois; dont la pression constante viendra sans peine à bout des vellétés d'indépendance de la nouvelle province autonome et hétérogène.

Pour ce qui est enfin du 1 point — division de la Bulgarie en deux principautés, — nous ne saurions passer sous silence les inconvénients et les désavantages d'une pareille mesure. Encore à la conférence de Constantinople nous avons fait valoir l'opportunité de la formation d'une seule province, ce qui est bien plus conforme aux intérêts et aux vœux de la population et aux conditions géographiques et ethnographiques du pays. Or les difficultés d'administration, — manque d'employés, d'administrateurs, etc. — qui surgissaient alors, deviennent encore plus sensibles lorsqu'il s'agit de former deux principautés et non plus deux vilayets. Enfin les derniers événements ont de fait unifié la Bulgarie et une séparation maintenant serait bien plus sensible aux habitants et semerait, dès les premiers jours d'existence de ces pays, des désirs de changement de situation et de fusion, c. à d. un élément de troubles.

Pourtant, si des raisons de force majeure s'opposaient à la formation de la Bulgarie, telle qu'elle a été stipulée par le traité de San-Stéfano, — il y aurait à peser mûrement ce qui serait plus avantageux: l'adoption du projet proposé par le prince de Bismarck à notre ambassadeur à Berlin — une Macédoine restreinte strictement à la vallée du Vardar, — ou le retour aux deux provinces, proposées par la conférence de Constantinople.

Dans la première alternative — une Macédoine restreinte — la population bulgare qui s'y trouverait, quoique dominante comme nombre, serait bientôt subjuguée moralement par l'élément grec qui y fera une agitation continue: de plus, si même on obtenait l'annexion à cette province de la Vieille-Serbie, ceci ne paralyserait pas les menées hellènes, mais ne créerait qu'une propagande serbe qui s'exercerait encore au détriment des Bulgares; l'élément albanais viendrait s'ajouter à tout cela. et le prosélytisme catholique aidant, il serait facile à l'Autriche-Hongrie de se soumettre de fait cette province peuplée de nationalités hétérogènes et hostiles. Ainsi les Bulgares de la Macédoine doivent être considérés comme perdus pour la Bulgarie future.

L'avantage de cette combinaison consisterait en ce que par contre la Bulgarie elle-même se trouverait expurgée de tout élément étranger, la possibilité d'une lutte avec les Grecs disparaîtrait et l'élément hellène dans les sandjaks de Serès et de Philippopolis serait écrasé par l'immense majorité bulgare.

La seconde alternative — partage de la Bulgarie en deux, — offre le grand avantage de ne rien sacrifier de l'avenir: les limites extérieures de la Bulgarie stipulées par le traité de San-Stéfano, seraient maintenues au prix d'une division intérieure qui n'abandonnerait rien de l'élément bulgare. De plus la possibilité d'une union ultérieure des deux principautés resterait ouverte et ne

дépéndrait en définitive que des Bulgares eux-mêmes. Il est vrai que la Bulgarie occidentale devenant plus vaste, le champ de l'action austro-hongroise augmenterait, mais cette action rencontrerait non plus des populations hétérogènes sans bien ni passé historique, mais un puissant élément bulgare, avec Sofia comme centre et avec assez de force matérielle et morale pour s'assimiler les éléments étrangers, ou du moins lutter contre eux avec quelque chance de succès.

Pour le cas où nous nous verrions obligés, cédant devant toute l'Europe, d'adopter la combinaison du partage de la Bulgarie en deux, — les frontières tracées par la conférence de Constantinople devraient être modifiées dans les détails pour s'adapter tant aux limites générales, fixées par le traité de San-Stéfano, qu'aux changements produits pour la Bulgarie par la perte des territoires de Nich, Leskovatz etc. d'un côté, et de la Dobrudja de l'autre.

La principauté orientale aurait pour chef-lieu, selon toutes probabilités, Philippopolis. Sa frontière partirait de la frontière serbe près de St. Nicolas et suivrait les Balkans jusqu'aux environs de Slatitza, où elle rejoindrait la frontière du sandjak de Sofia, qu'elle suivrait jusqu'à la jonction avec la limite du sandjak de Serès; elle suivrait cette dernière jusqu'à la rivière Kara-Sou qu'elle longerait jusqu'à la mer. De cette façon la perte de la Dobroudja serait compensée par l'inclusion des sandjaks de Widdin, de Drama et d'une partie de celui de Serès.

La Bulgarie occidentale aurait Sofia comme capitale et comprendrait tout le reste du pays dans les limites tracées par le traité de San-Stéfano avec l'adjonction de Salonique.

Il y aurait parité de droits, avantages et privilèges entre les deux Etats. Au point de vue des intérêts exclusivement bulgares cette combinaison semble préférable à la création d'une Macédoine. Au point de vue de nos intérêts, elle offre le danger de livrer la principauté occidentale à l'influence austro-hongroise, mais nous fournit aussi les moyens de la contrebalancer. Toutes les deux mécontenteraient incontestablement les Bulgares, qui n'ont cessé de demander la réunion de *tout* le peuple même au prix de certains droits d'indépendance.

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 556, лл. 99—105. Копия. Перевод опубликован (с неточностями и без даты): «После Сан-Стефано. Записки графа Н. П. Игнатъева». Пг., 1916, стр. 88—92.

Перевод

Из последнего донесения нашего посла в Вене следует, что граф Андраши не довольствуется уступками императорского кабинета, каковыми являются:

- 1) аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины вплоть до Вышеграда;
- 2) льготные условия для урегулирования вопросов о торговле и строительстве железной дороги в Сербии;
- 3) уступка Австро-Венгрии острова с фортом Ада-Кале;
- 4) отказ от границы Черногории до Лима и значительное уменьшение с этой стороны вновь уступленной черногорской территории;
- 5) сокращение со стороны Герцеговины территории, на которую претендуют черногорцы;

6) принципиальное согласие на пересмотр новой южной турецко-сербской границы.

Кроме того, граф Андраши требует:

1) образования провинции Македонии, отделенной от Болгарии, не давая нам гарантий в том, что ей будут предоставлены такие же права и привилегии, как Восточной Болгарии;

2) он не довольствуется требованием аннексии Австро-Венгрией лежащего между Сербией и Черногорией анклава и, кроме того, хочет захватить широкую полосу земли между обоими княжествами, идущую до Нови-Базара и Митровицы;

3) он хочет отнять у Черногории большую часть завоеванного побережья и согласен оставить ей только город Антивари; допуская возможность уступки ей и порта, он оговаривает это владение условиями, которые делают его иллюзорным.

Что же касается этого пункта, по изложенным выше причинам мы должны самым категорическим образом настаивать на присоединении побережья к Черногории. В крайнем случае, если князь Николай на это согласится, можно будет уступить порт Дульциньо.

Что касается анклава между Сербией и Черногорией, то, если он не представляет серьезной материальной выгоды, он имеет для них большое моральное значение. Пока эта полоса земли находилась в руках турок, оба княжества могли не в ущерб своему будущему терпеливо выжидать, когда настанет для них время действовать, уверенные в том, что когда-нибудь они завладеют этой полосой земли и соединятся в бассейне Лима. Кстати, эта территория была оставлена Порте Сан-Стефанским трактатом только потому, что Босния и Герцеговина все еще принадлежали Турции. Но с того момента, как этот анклав перейдет к Австро-Венгерской империи, оба княжества становятся австро-венгерскими *анклавами*. Не определяя заранее предела уступок, на которые может пойти императорский кабинет во избежание войны, необходимо отметить, что приобретением этой территории Австро-Венгрия достигает не только прямого сообщения с Эгейским морем — через железную дорогу, которая будет находиться в ее руках, — но также вступает в прямой контакт с Македонией, о создании которой идет речь; это означает, что эта часть Болгарии подпадает под исключительное и преобладающее влияние Австро-Венгерской империи, чье постоянное давление без труда положит конец стремлениям к независимости новой автономной и внутренне неоднородной провинции.

Что же касается, наконец, пункта первого о разделении Болгарии на два княжества, мы не можем умолчать о неудобствах и невыгодах подобной меры. Еще на Константинопольской конференции мы доказали своевременность образования единой провинции, что гораздо более соответствует интересам и стремлениям населения и географическим и этнографическим условиям страны. Но возникшие в то время административные трудности — нехватка служащих, администраторов и пр., становятся еще более ощутимыми, когда речь идет уже об образовании двух княжеств, а не вилайетов. Наконец, последние события на деле объединили Болгарию, и ее разделение было бы теперь особенно болезненным для жителей и с первых же дней существования этих стран вызвало бы стремление к изменению положения и к объединению, т. е. зародыши мятежа.

Впрочем, если бы образованию Болгарии, как она предусматривалась Сан-Стефанским договором, препятствовали непреодолимые обстоятельства, то следовало бы трезво взвесить, что выгоднее: принятие переданного князем Бисмарком нашему послу в Берлине проекта Македонии, строго ограниченной Вардарской долиной, или возвращение к созданию двух провинций, предложенному Константинопольской конференцией.

В первом варианте — урезанной Македонии — живущее там болгарское население, несмотря на свое численное преобладание, вскоре было бы морально поработено греческим элементом, ведущим непрекращающуюся агитацию; кроме того, если бы удалось даже присоединить к этой провинции Старую Сербию, это не парализовало бы эллинские происки, но вызвало бы сербскую пропаганду, которая также действовала бы в ущерб болгарам; ко всему этому добавился бы албанский элемент, и с помощью католического прозелитизма Австро-Венгрии легко было бы фактически подчинить себе эту провинцию, населенную разнородными и враждующими национальностями. В этом случае македонские болгары должны считаться потерянными для будущей Болгарии.

Преимущество этой комбинации состояло бы в том, что Болгария, напротив, оказалась бы очищенной от всякого чужеродного элемента, исчезла бы возможность борьбы с греками, и эллинский элемент в Сересском и Филиппопольском санджаках был бы подавлен огромным болгарским большинством.

Второй вариант — разделение Болгарии на две части — представляет то большое преимущество, что будущее не приносится в жертву: внешние границы Болгарии, предусмотренные Сан-Стефанским договором, были бы сохранены ценой внутреннего деления, при котором болгарский элемент нигде не остался бы вне этих границ. Кроме того, возможность дальнейшего объединения обоих княжеств осталась бы открытой и в конечном счете зависела бы только от самих болгар. Правда, с увеличением Западной Болгарии расширилось бы поле деятельности Австро-Венгрии, но эта деятельность распространилась бы уже не на разнородные национальности, не имеющие исторического достоинства и прошлого, а на могущественный болгарский элемент, с центром в Софии, имеющий достаточно материальных и моральных сил для того, чтобы ассимилировать чуждые элементы или по крайней мере некоторые шансы на успешную борьбу с ними.

Если бы мы были вынуждены, уступая всей Европе, принять вариант раздела Болгарии на две части, следовало бы частично изменить границы, начертанные Константинопольской конференцией, чтобы приспособить их как к общим границам, определенным Сан-Стефанским договором, так и к изменениям для Болгарии, вызванным утратой территорий Ниша, Лесковаца и пр., с одной стороны, и Добруджи — с другой.

Столицей восточного княжества, по всей вероятности, будет Филиппополь. Его граница начнется от сербской границы вблизи горы св. Николая и пройдет по Балканам до окрестностей Златицы, где соединится с границей Софийского санджака, по которой протянется до слияния с границей Сересского санджака; по этой границе пройдет до реки Карасу и по ней далее до моря. Таким образом, утрата Добруджи будет возмещена включением санджаков Видинского, Драмы и части Сересского.

Западная Болгария будет иметь столицей Софию и охватит остальную часть страны в пределах, намеченных Сан-Стефанским трактатом, с присоединением Салоник.

Между обоими государствами будет установлено равенство в правах, преимуществах и привилегиях. С точки зрения исключительно болгарских интересов, эта комбинация представляется предпочтительнее создания Македонии. С точки зрения наших интересов, она рискует предоставить западное княжество австро-венгерскому влиянию, но при этом дает нам средство его уравновесить. Обе комбинации, бесспорно, вызовут недовольство болгар, не перестающих требовать объединения всего народа даже ценой отказа от некоторых прав, которые дает независимость.

1. Эта записка П. П. Игнатьева, как и док. 34, 35, 40, очень важна для понимания австрийской политики и позиции русского правительства, особенно по вопросу о Болгарии.

Она явилась результатом долгих совещаний (15—18 апреля 1878 г.), участниками которых были Александр II, Д. А. Милютин, Н. К. Гирс (вместо заболевшего А. М. Горчакова), великие князья Константин и Михаил и др. Обсуждались уступки, которые можно сделать Австро-Венгрии, чтобы оторвать ее от союза с Англией. Было решено «пожертвовать единством Болгарии и согласиться на разделение ее на две области, лишь бы обе были одинаково самобытны». По настоянию Д. А. Милютина решено было протестовать против стремления присоединить к Австрии части Старой Сербии. Милютин заметил при обсуждении, что совет Бисмарка уступить Австро-Венгрии все, что она желает, — предательский. Записка предназначалась в качестве инструкции Е. П. Новикову и была составлена при участии А. Г. Жомини (57, стр. 46, 48).

№ 45

1878 г. апреля 15.— Протокол заседания Ломского городского совета о создании городской больницы

№ 30

Градский съвет в днешното си заседание разгледа въпроса за една малка «болница» * в градът.

Н[егово] високочелноблагородие окр[ъжний] началник ** като съгледал, че има бедни сиромаси болни, скитающи се по улиците без защита, и като има пред вид и находящите се в града войни, а напротив никакво място за спокойствие на болните няма,— той и заповядва на градский съвет да размисли върху това, като му и назначава за това дело домът на турчина Осман ефенди. Градский съвет в размишленията си, като добре проумява нуждата за таквоя едно място.

Решава:

да се поправи къщата на Осман ефенди, която е разрушена и да бъде «болница», която да се снабди с 10 кривата добри и с потребните им постилки, и да набави за болните потребните бели дрехи от помощ на гражданите и да поддържа разноските на това дело от касата на съвета.

Председател: А[нгелаки] Иован[чев]

Членове: Н. Попов,

Н. Върбанчов

ОДА—Михайловград, ф. 76 К, в. 239, л. 10. Подлинник.

* См. примечание к док. 77.

** Капитан П. Д. Нечаев.

1878 г. апреля 15. — Докладная записка Д. Г. Анучина Николаю Николаевичу (Старшему) о выдаче денежного пособия потерявшим трудоспособность болгарским ополченцам

№ 31

Сан-Стефано

Начальник Полевого штаба Действующей армии передал мне повеление вашего императорского высочества о представлении вам моих соображений относительно мер, какие я полагал бы необходимым принять ныне же для обеспечения увечных охотников-болгар, по медицинскому свидетельству оказавшихся за полученными в минувшую войну ранами неспособными к службе и не могущими снискивать себе пропитание собственным трудом.

Исполняя таковое повеление вашего высочества, я полагал бы:

1. Всем охотникам, служившим в минувшую войну в дружинах Болгарского ополчения и сделавшимся совершенно неспособными к снискиванию себе пропитания собственным трудом вследствие полученных ран и увечий или от постигших их на службе болезней, выдавать на счет болгарских текущих доходов денежное пособие *по десяти копеек* в день или круглым числом по три рубля металлических в месяц.

2. Вышеозначенное десятикопеечное пособие выдавать, во-первых, всем тем бывшим охотникам, которые представят по прила аемой у сего форме свидетельства, выданные Болгарским ополчением, и, во-вторых, тем охотникам, которые уже оставили службу в ополчении и, будучи подвергнуты медицинскому осмотру по их собственной просьбе и по распоряжению губернаторов, окажутся подходящими под условия, определенные выше в ст. 1, и

3. Пособие это выдавать за три месяца вперед с удостоверением подлежащих окружных начальников, что получающие пособие находятся в живых.

Если вашему высочеству благоугодно будет утвердить эти правила, то я немедленно сделаю распоряжение об их повсеместном введении во всех санджаках Болгарии¹.

Подписал генерал-лейтенант Д. Анучин.

Помета Д. Г. Анучина: На подлинном собственной его императорского высочества главнокомандующего рукою написано: Утверждаю. Николай. Верно. И. д. заведывающего гражданскими делами генерал-лейтенант Д. Анучин.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32625, лл. 82—83. Заверенная копия.

1. 6 мая 1878 г. последовал циркуляр Д. Г. Анучина всем губернаторам о выдаче пособия раненым и больным ополченцам. Циркуляр обязывал губернаторов выдать пособие «за все прошедшее время», а в дальнейшем выплачивать его по четвертям года (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32625, л. 81). Как видно из дальнейшей переписки, по округам проводился учет всех ополченцев, пострадавших «в трудностях минувшей кампании» (там же, лл. 86—87).

1878 г. апреля 16 (28). — Донесение П. А. Шувалова А. М. Горчакову о намерении Англии в случае войны с Россией занять проливы и высадить десант на Черноморском побережье Кавказа.

Londres

Mon prince!

Je veux vous transmettre sans retard quelques renseignements sur les projets militaires du cabinet anglais.

Je le fais sous toute réserve. Le gouvernement enveloppe naturellement son plan de campagne du plus profond mystère et je ne suis pas à même de

вѣрifier mes informations qui viennent de personnes sѣrieuses et d'ordinaire bien au courant.

On emploierait les forces rѣunies dans la Mѣditerranѣe (garnison de Malte et troupes amenѣes de l'Inde) à occuper, en cas d'hostilitѣs, la cѣtѣ asiatique des Dardanelles et du Bosphore; comme on ne s'attend pas à une rѣsistance de la part des Turcs, un contingent relativement minime suffirait à cette tâche.

Le gros de l'armѣe, c'est-à-dire, les deux corps formѣs en Angleterre, soit 60 à 70 mille hommes, tenteraient un dѣbarquement à Batoum et à Poti avec l'idѣe de marcher sur Tiflis. On croit trouver un terrain propice dans une rѣgion qui a été un foyer d'insurrection. On croit aussi que la destination du transport militaire composѣ d'une douzaine de steamers qui va quitter l'Inde n'est pas pour Malte. On entend mentionner Port-Saïd et Candie,— mais ce sont là des territoires étrangers?

Le «Daily Telegraph» qui, comme votre altesse le sait, a des attaches officielles, prѣpare depuis quelques jours l'esprit du public à l'idѣe que les intѣrѣts anglais sont plus importants encore en Asie qu'en Europe. En ceci la nouvelle attitude du journal correspond au contenu de ma lettre du 7 (19) Avril*.

Veillez agrѣer, mon prince, l'hommage de mon respect

Schouvaloff

Помета о получении: Reçu le 21 Avril.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, ч. 2, лл. 742—743 об. Подлинник.

Перевод
Лондон

Князь!

Хочу незамедлительно передать вам некоторые сведения о военных планах английского кабинета.

Делаю это совершенно секретно. Правительство, разумеется, окружает план кампании самой глубокой тайной, и я не имею возможности проверить сведения, полученные от лиц серьезных и обычно хорошо осведомленных.

Будут использованы силы, собранные в Средиземном море (гарнизон Мальты и войска, привезенные из Индии) для занятия, в случае открытия враждебных действий, азиатского берега Дарданелл и Босфора; так как со стороны турок не ожидают сопротивления, для этой задачи достаточно незначительного контингента.

Главные силы армии, т. е. два корпуса, сформированные в Англии, от 60 до 70 тыс. человек, попытаются высадиться в Батуме и Потии с намерением идти на Тифлис. Они надеются найти благоприятную почву в районе, который был очагом восстания. Считают также, что местом назначения военного транспорта, состоящего из дюжины пароходов, которые вскоре покинут Индию, не является Мальта. Упоминают Порт-Саид и Кандию, но ведь это иностранные территории.

«Дейли телеграф», который, как известно вашей светлости, имеет связи с правительством, в течение нескольких дней подготавливает общественное мнение к мысли, что английские интересы сосредоточены скорее в Азии, чем в Европе. В этом новая позиция газеты соответствует содержанию моего письма от 7 (19) апреля.

Соблаговолите принять, князь, уверение в моем глубочайшем почтении

Шувалов

Помета: Получено 21 апреля.

* См. то же дело, лл. 708—714 об.

1878 г. апреля 20.— Инструкция Н. К. Гирса Е. П. Новикову
о продолжении переговоров с Д. Андрaши и о позиции России в от-
ношении его требования раздела Болгарии

St.-Petersbourg
Très confidentielle

Monsieur l'ambassadeur!

Vous puiserez dans ma dépêche du jour les considérations à faire valoir vis-à-vis de Mr. le comte Andrassy à l'appui de nos propositions.

Je dois vous mettre confidentiellement au courant des motifs qui nous les ont suggérées.

Sa majesté l'empereur apprécie l'importance pour nous de désintéresser l'Autriche, afin de la détacher de ses liens avec l'Angleterre.

Toutefois, nous devons nous mettre en garde contre la possibilité d'un accord tacite des deux Puissances pour se partager les rôles dans l'œuvre commune de la démolition de notre traité préliminaire; l'Autriche abandonnant l'Asie pour réduire nos conditions de paix en Europe, et l'Angleterre abandonnant l'Europe pour tailler en Asie dans le traité de San-Stéfano.

Avant de nous décider à satisfaire aux exigences du cabinet de Vienne, il nous importe de connaître ce que nous avons à attendre du côté de l'Angleterre.

La solidarité d'intérêts entre les deux pays, à laquelle le comte Andrassy a fait allusion, nous paraît douteuse. Elle pourrait bien se borner à une complicité.

Un échange d'idées a commencé entre nous et le cabinet de Londres par l'intermédiaire officieux du prince de Bismark. Il a abouti à certains accords de principe. Actuellement lord Salisbury semble disposé à le continuer par des explications directes. On assure qu'il est convié par plusieurs cabinets à sortir de la négative où il s'est renfermé jusqu'à présent.

Nous avons accepté ces pourparlers directs et nous devons attendre ce qu'ils produiront avant de nous lier irrévocablement les mains envers l'Autriche¹.

Le programme que nous lui proposons a cela de bon qu'il semble devoir être accueilli à Londres. Le partage longitudinal de la Bulgarie d'après la proposition de la conférence de Constantinople de 1877 est une idée émanant de lord Salisbury. Il lui serait difficile de la répudier aujourd'hui*.

Elle offre le double avantage de conserver un reste d'existence à l'empire Ottoman, et de maintenir intacte la nationalité bulgare dans ses limites naturelles.

Ce mode de solution nous a paru préférable à celui proposé par le cabinet de Vienne.

Une simple séparation de la Macédoine aurait eu pour conséquence de détacher de la Bulgarie une partie considérable mais où la nationalité bulgare n'aurait pas été assez compacte pour résister au dissolvant des éléments albanais, grecs, valaques, catholiques, exploités par l'influence autrichienne. Cette modification aurait notablement affaibli la nationalité bulgare orientale, sans donner une force suffisante à la partie occidentale qui en aurait été détachée, et qui aurait fini par se dénationaliser.

C'est pourquoi il nous a paru préférable de maintenir la séparation en deux moitiés assez compactes pour résister à l'action des éléments hétérogènes, et qui tendront naturellement à se réunir un jour en un seul Etat, comme l'ont fait la Moldavie et la Valachie.

Quant à l'enclave de la Vieille Serbie, nous avons jugé son annexion à l'Autriche trop désavantageuse pour nous. La possession de ce territoire assurerait à l'Autro-Hongrie une position militaire et politique trop prépon-

* См. т. I настоящей публикации, док. 372, стр. 536, 541—542.

dérante. Elle pèserait à tel point d'un côté sur la Serbie, de l'autre sur le Monténégro, qu'au fond ces deux principautés deviendraient de simples enclaves. Non seulement tout développement leur serait interdit pour le présent, mais encore pour l'avenir. Or, leur avenir, c'est celui des races slaves. Nous pouvons consentir à l'ajournement de leur émancipation complète en vue de circonstances majeures, mais nous ne nous reconnaissons pas le droit de compromettre leur existence à venir.

Nous admettons que cette extension de la sphère d'influence de l'Autriche serait plus apparente que réelle. Ce serait une satisfaction d'amour-propre jetée en pâture à l'esprit de parti. Nous reconnaissons que cette extension serait d'une digestion très difficile pour l'Autriche au point de vue tant politique, que financier et économique, et que le jour où nous aurions à régler nos comptes avec elle, elle serait loin d'y puiser un accroissement de forces.

Toutefois, nous ne saurions prendre sur nous de risquer sur cet enjeu la destinée des races slaves, dont la Russie se considère comme la protectrice naturelle.

Le programme que nous proposons suffit pour assurer les intérêts commerciaux de l'Autriche sans mettre entre ses mains des moyens de dénationalisation politique.

Vous ferez tout ce qui peut dépendre de vous pour obtenir l'assentiment du cabinet de Vienne à ce terme moyen.

Afin de vous mettre à même de traiter à fond la question, je vous transmets ci-près une nouvelle notice de Mr. le compte Ignatiew * renfermant des données de fait sur les diverses combinaisons relatives à la délimitation de la Bulgarie.

En tout cas, quelles que soient les décisions du gouvernement austro-hongrois, vous aurez soin de ne point clore les pourparlers sur un ultimatum.

Si les circonstances politiques nous amenaient à la nécessité de déférer aux exigences de l'Autriche **, nous devons nous réserver d'examiner si, à côté de la cession de l'enclave serbo-monténégrine, une Macédoine autonome conviendrait mieux à nos vues, dans le cas où nous pourrions à ce prix conserver à la Bulgarie une unité compacte de nature à garantir son développement national; et si nous ne pourrions pas obtenir pour le Monténégro et la Serbie des extensions territoriales de nature à contrebalancer la prépondérance excessive acquise à l'Autriche; enfin, quel serait dans cette éventualité le tracé auquel nous pourrions souscrire.

Vous remarquerez que, tout en proposant le retour au principe de la séparation longitudinale de la Bulgarie, le tracé que nous proposons diffère un peu de celui qui avait été indiqué par la conférence de Constantinople. Il s'en écarte notamment près du mont Tchatyr, longe la limite du sandjak de Sérès jusqu'au Karassou et suit le cours du Karassou jusqu'à la mer.

Le but de cette modification est d'englober dans la Bulgarie Orientale Névrokop et Melnik qui sont deux centres bulgares où le mouvement religieux a été très accentué et la propagande catholique très active. En outre nous avons voulu répartir également entre les deux Bulgaries les débouchés sur la mer Egée.

Ces considérations sont très importantes et vous devrez défendre ce tracé dans la mesure du possible.

Si cependant, vous rencontriez des obstacles insurmontables, nous pourrions consentir, comme minimum, à une ligne partant du mont Tchatyr jusqu'à Djoltépé, de là le long des montagnes jusqu'à la limite de la conférence. Cette ligne n'engloberait dans la Bulgarie Orientale que Névrokop, en laissant à la Bulgarie Occidentale Melnik, Sérès et Drama, avec tous les débouchés sur la mer Egée, c'est-à-dire, les plus belles parties du pays.

En outre, la frontière que nous proposons diffère également de celle de la conférence du côté du Nord. Elle annexe tout le sandjak de Viddin à la Bulgarie

* См. док. 44 и примечание к нему.

** К этой фразе на полях помета Е. П. Новикова: Lesquelles?

Orientale, par une ligne partant de St. Nicolas et suivant les Balkans jusqu'à sa jonction avec la limite de la conférence.

Le motif de ce changement est qu'après les événements de la guerre et les mesures d'organisation déjà établies, il a été jugé impossible de séparer le sandjak de Viddin de ceux de Sistowo et de Roustchouk.

Nous ne prévoyons pas d'ailleurs que le gouvernement austro-hongrois y trouve à redire, tous ses intérêts étant concentrés dans la partie occidentale de la Bulgarie.

Je n'aborde pas ici l'éventualité des combinaisons territoriales se rattachant à l'annexion de l'Épire et de la Thessalie à la Grèce. Si cette idée était émise et bien qu'elle soit conçue dans le but malveillant d'opposer l'élément grec occidental à l'élément slavo-russe, nous n'y ferions pas d'opposition, mais elle entraînerait un remaniement complet de l'empire Ottoman en Europe qui ne pourrait s'effectuer qu'en congrès, et exigerait de nouvelles conditions d'équilibre. Tout ce que nous pouvons dire quant à présent pour votre gouverne, c'est qu'en pareil cas nous devrions révoquer notre consentement à une séparation de la nationalité bulgare en deux parties et exiger le retour à l'unité.

Recevez, monsieur l'ambassadeur, l'assurance de ma haute considération
Giers ²

АВПР, ф. Посольство в Вене, д. 162, лл. 149—154. Подлинник.

Перевод
С.-Петербург
Весьма секретно

Господин посол!

Вы найдете в моей сегодняшней депеше соображения, которые нужно довести до сведения графа Андраши в поддержку наших предложений.

Я должен ввести вас конфиденциально в курс причин, побудивших нас к этим предложениям.

Его величество император придает большое значение нейтрализации Австрии с тем, чтобы оторвать ее от Англии.

При этом мы должны быть на страже ввиду возможности тайного соглашения обеих держав, имеющего целью распределить между собой роли в общем деле уничтожения нашего прелиминарного договора; Австрия отказывается от Азии, чтобы ограничить наши условия мира в Европе, и Англия отказывается от Европы для изменения условий Сан-Стефанского договора, касающихся Азии.

Прежде чем решиться удовлетворить требования венского кабинета, нам следует знать, чего мы можем ожидать от Англии.

Единство интересов обеих стран, на которое намекал граф Андраши, кажется нам сомнительным. Оно может ограничиться соучастием.

Обмен мнениями начался между нами и лондонским кабинетом благодаря официальному посредничеству князя Бисмарка. Он привел к некоторым принципиальным соглашениям. В настоящее время лорд Солсбери, кажется, расположен продолжить этот обмен мнениями путем прямых переговоров. Уверяют, что многие кабинеты призывают лорда Солсбери оставить ту негативную позицию, в которой он до сих пор замыкался.

Мы согласились на эти прямые переговоры и должны подождать, к чему они приведут, прежде чем бесповоротно связать себе руки по отношению к Австрии ¹.

Программа, которую мы ей предлагаем, хороша тем, что, возможно, она будет принята Лондоном. Меридиональный раздел Болгарии, согласно предложению Константинопольской конференции 1877 г., является идеей, исходящей от лорда Солсбери. Ему было бы трудно отказаться от нее сегодня.

Она представляет двойное преимущество — сохраняет остаток Оттоманской империи и оставляет в неприкосновенности болгарскую нацию в ее естественных границах.

Этот способ решения показался нам предпочтительнее способа, предложенного венским кабинетом.

Простое отделение Македонии имело бы следствием отрыв от Болгарии значительной части, в которой болгарская национальность была бы недостаточно компактной, чтобы сопротивляться разлагающему действию албанских, греческих, валашских и католиче-

ских элементов, находящихся под австрийским влиянием. Это изменение значительно ослабило бы восточную болгарскую национальность, не дав достаточной силы отделенной от нее западной части, которая в конце концов утратила бы свой национальный характер.

Вот почему нам представилось предпочтительным поддерживать разделение на две достаточно компактные половины, чтобы противостоять воздействию различных элементов, которые будут, естественно, стремиться к объединению в единое государство, как это сделали Молдавия и Валахия.

Что касается полосы от Старой Сербии, мы сочли ее присоединение к Австрии слишком невыгодным для нас. Владение этой территорией обеспечило бы Австро-Венгрии военную и политическую позицию, дающую большой перевес. Она оказывала бы столь большое давление на Сербию, с одной стороны, и на Черногорию, с другой, — что по существу оба княжества превратились бы в простые буферные территории. И не только в настоящем, но и в будущем было бы немислимо какое-либо их развитие. Но их будущее — это будущее славянских народов. Мы можем согласиться на острочку дела их полной эмансипации вследствие неодолимых обстоятельств, но мы не признаем за собой права ставить под угрозу их существование в будущем.

Мы допускаем, что это расширение сферы влияния Австрии может быть скорее кажущимся, чем действительным. Возможно, это является подкачкой, брошенной тщеславию партий. Мы признаем, что расширение сферы влияния было бы неудобоваримо для Австрии с точки зрения как политической, так и финансовой и экономической, и что в тот день, когда мы сможем свести с ней счеты, она не сможет в нем почерпнуть силы.

Тем не менее мы не можем рисковать, ставя на карту судьбу славянских народов, естественной защитницей которых считает себя Россия.

Предложенной нами программы достаточно, чтобы обеспечить торговые интересы Австрии, не давая в ее руки средства политической денационализации.

Вы сделаете все, что может от вас зависеть, чтобы получить согласие венского кабинета на это компромиссное решение.

Для того чтобы вы могли основательно изучить этот вопрос, препровождаю при сем последнюю записку графа Игнатьева, содержащую фактические данные о различных комбинациях, касающихся разграничения Болгарии.

Во всяком случае, каковы бы ни были решения австро-венгерского правительства, позаботьтесь о том, чтобы переговоры не закончились предъявлением ультиматума.

Если политические обстоятельства приведут нас к необходимости уступить требованиям Австрии *, то мы должны будем оставить за собою право решить, будет ли создание автономной Македонии, наряду с уступкой сербско-черногорского анклава, более соответствовать нашим видам, сможем ли мы этой ценою сохранить для Болгарии ее единство и гарантировать ее национальное развитие; и, наконец, если мы не сможем добиться для Черногории и Сербии территориальных уступок, способных уравновесить исключительное влияние, приобретаемое Австрией, то какова в этом случае будет граница, на которую мы сможем согласиться.

Добиваясь возвращения к принципу меридионального разделения Болгарии, вы подчеркнете, что предлагаемая нами линия несколько отличается от принятой Константинопольской конференцией. Она значительно от нее отклоняется вблизи горы Чатыр, идет вдоль границы санджака Серес до Карасу и следует по течению Карасу до моря.

Цель этого изменения — присоединение к Восточной Болгарии Неврокопа и Мельника, двух болгарских центров, в которых было очень сильное церковное движение и очень активная католическая пропаганда. Кроме того, мы решили разделить выходы к Эгейскому морю поровну между обеими Болгариями.

Эти соображения очень важны, и вы должны, по мере возможности, защищать предложенную линию.

Если, однако, вы встретите непреодолимые препятствия, мы сможем согласиться, как на минимум, на линию, идущую от горы Чатыр до Джольтепе, и оттуда вдоль гор до границы, предложенной конференцией. Эта линия включила бы в Восточную Болгарию только Неврокоп, оставив Западной Болгарии Мельник, Серес и Драму со всеми выходами к Эгейскому морю, то есть самые лучшие части страны.

* К этой фразе на полях помета Е. П. Новикова: Каким?

Кроме того, предлагаемая нами граница с северной стороны также отличается от предложенной конференцией. Она включает весь Видинский санджак в Восточную Болгарию по линии, исходящей от горы св. Николая и идущей по Балканам до ее слияния с границей, предложенной конференцией.

Причина этих изменений та, что после прошедшей войны и уже произведенной организации было сочтено невозможным отделить Видинский санджак от Систовского и Руссукского санджаков.

Впрочем, мы не предполагаем, что австро-венгерское правительство найдет в этом повод к критике, ввиду того что все его интересы сосредоточены в западной части Болгарии.

Я не касаюсь здесь возможности территориальных комбинаций, относящихся к аннексии Эпира и Фессалии Грецией. Если будет высказана эта идея и даже если она будет иметь враждебную нам цель противопоставить западный греческий элемент славянско-русскому элементу, мы не будем против нее возражать, но она привела бы к полному территориальному устранению Османской империи из Европы, что может произойти только на конгрессе, и потребовала бы новых условий равновесия. Мы можем лишь сказать, для вашего сведения, по поводу настоящего положения, что в подобном случае мы должны взять назад наше согласие на разделение болгарской национальности на две части и потребовать возвращения к их единству.

Примите, господин посол, уверение в моем глубоком почтении

Гирс²

1. Переговоры П. А. Шувалова начались в начале мая, после телеграммы Н. К. Гирса Шувалову о согласии Александра II на прямые переговоры с Англией (см. 87, стр. 482; 57, стр. 49).

2. Это одна из инструкций, посланных Е. П. Новикову в Вену. Д. А. Милютин писал 22 апреля 1878 г.: «В Министерстве иностранных дел с помощью графа Игнатьева заготовлены новые инструкции Новикову; они отправлены в Вену с полковником Боголюбовым с тем, чтобы последний помог послу нашему в вопросах географических и этнографических, затронутых в инструкции» (57, стр. 49; см. док. 44 и примечание к нему).

№ 49

*1878 г. апреля 20. — Циркуляр Л. И. Ильяшевича окружным начальникам Сливенской губернии о предоставлении сведений относительно состояния школ и церквей в связи с намерением славянских обществ принять участие в их восстановлении **

№ 257

Сливен

Вследствие заявленного мне отзывами (№ 781 и 783) главного агента Московского и Петербургского славянских обществ в Болгарии ** о желании названных обществ помочь жителям Сливенского санджака по устройству церквей и школ и заведению таковых там, где они сожжены или где совсем их не было, предлагаю вам поспешить доставлением мне подробнейших сведений по предлагаемому вопросу для сообщения о том агенту.

С подлинным подписали
п. д. сливенского губернатора Ильяшевич,
и. д. правителя канцелярии Овсяный

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32785, л. 1—1 об. Заверенная копия.

* См. док. 185.

** П. В. Алабин.

№ 50

1878 г. апреля 24. — Отношение начальника штаба Действующей армии А. К. Имеретинского начальнику артиллерии Действующей армии Н. Ф. Массальскому об отпуске оружия Болгарскому ополчению

№ 5601

С.-Стефано

К 11 мая сего года предполагается окончить призыв 9 тысяч болгарских новобранцев, по поступлении которых в Болгарское ополчение каждая из 12 дружин оно будет доведена до тысячного состава *.

Имея в виду, что по донесению начальника названного ополчения, в дружинах не имеется полного штатного числа оружия, а то оружие, которое состоит налицо, почти негодно к употреблению, главнокомандующий армиею, озабочиваясь скорейшим приведением молодого болгарского войска в полное во всех отношениях благоустройство, изволил поручить мне просить безотлагательно распоряжения вашего сиятельства отпустить ополчению всего недостающего до штата количества оружия (Крынка), а равно и содействия к приведению в исправность уже состоящего в ополчении оружия ввиду того, что ополчение это по самому составу своему не может иметь тех средств к исправлению негодного оружия, которыми располагают части войск.

Уведомляя о сем ваше сиятельство, долгом считаю присовокупить, что мною с сим вместе предписано начальнику Болгарского ополчения доставить вам подробное сведение как о количестве оружия, недостающего в дружинах до штата, так и того, которое требует серьезных исправлений ¹.

Генерал-адъютант кн. Имеретинский
За помощника начальника штаба полковник **

Помета [Н. Ф. Массальского]: По получении сведений от начальника Болгарского ополчения, необходимых для распоряжений, телеграфировать в Систов, чтобы дополнить недостающие ружья из запаса, а требующие исправления заменить другими, дабы выиграть время.

29 апреля

АВИМАИВВС, ф. 16, оп. 107, д. 155, л. 30—30 об. Подлинник.

1. Предписание начальнику Болгарского ополчения последовало также 24 апреля (см. 8, стр. 531).

17 мая начальник ополчения Ф. В. Давыдов сообщил, что для вооружения ополчения требуется 11 040 ружей Крынка и 2 428 800 патронов к ним. Ружья и патроны были отпущены из складов Действующей армии (см. там же, стр. 547, 556, 573).

№ 51

1878 г. апреля 24 (мая 6). — Памятная записка П. А. Шувалова о беседе с министром иностранных дел Англии Р. Солсбери относительно характера автономии болгарских государств и о принципе свободного обсуждения Сан-Стефанского договора на конгрессе

Il était évident que lord Salisbury avait vu le premier ministre et que celui-ci l'aura trouvé trop coulant dans son dernier entretien avec moi.

Lorsque je lus au marquis le résumé de la dernière séance, il se récria contre l'expression de division de la Bulgarie en deux provinces autonomes dont l'une etc. Il prétendit n'avoir jamais admis une autonomie égale des deux côtés des Balkans.

Je lui rappelai qu'il l'avait admise après que je lui avais dit que dans aucun cas l'empereur ne consentirait à rétablir la domination turque.

* См. док. 39, 66.

** Подпись неразборчива.

Le résultat d'une longue discussion à ce sujet fut que lord Salisbury précisa les choses ainsi:

Une autonomie administrative aussi large que nous la voudrions et qui irait au delà des institutions conférencielles: en posant un pareil principe, la prospérité matérielle des Bulgares était pleinement garantie; mais cette autonomie ne devait pas dégénérer en autonomie politique ou stratégique, autrement dit, ne pas devenir une menace politique ou stratégique pour le sultan *. Il recommença à dépendre ce dernier comme le gardien des détroits et l'Angleterre ne saurait abandonner cette garde à un souverain impuissant. En un mot, lorsqu'on fera appel à lord Salisbury au nom de la prospérité matérielle des Bulgares, on le trouvera disposé à nous seconder; il ne serait pas de même lorsqu'on voudra leur donner une unité politique.

Le marquis voulut se retracter du consentement qu'il avait donné au retrait de l'armée turque. Il mit en doute que le vali futur puisse être suffisamment garanti par des milices indigènes. Il chercha à faire une distinction entre les réguliers et les irréguliers turcs, entre la cavalerie et l'infanterie, cette dernière jouissant d'une bonne réputation¹. Trouvant une opposition décidée de ma part et même le refus de porter de telles conditions à Pétersbourg, il finit par céder sur le point spécial du retrait de l'armée.

Je fis également observer à lord Salisbury qu'il serait impossible d'admettre que le droit de la Porte de faire entrer dans certaines éventualités en Bulgarie l'armée turque lui fut abandonné à elle-même; il faudrait au moins la sanction de l'Europe. Le marquis accepta ce point de vue.

Je demandai ensuite si, pour le cas où une entente s'établirait entre nous au sujet de la Bulgarie, nous pourrions être assurés que la question des annexions en Asie ne serait pas soulevée. Après un long préambule pour me démontrer la gravité de ces annexions et l'attitude menaçante qui en ressortirait pour toute l'Asie Mineure, le marquis ajouta: «Puisque vous m'avez assuré que vous vous battiez pour Kars et Batoum, et que c'est la guerre que nous voulons éviter, il y aurait peut-être un moyen de s'arranger sans que nous vous demandions d'équivalent. Seriez-vous disposés à conclure un acte secret par lequel vous vous engageriez à ne pas pousser vos conquêtes plus loin?» Je me refusais d'émettre même une opinion personnelle à ce sujet.

Je terminai l'entretien par sonder le marquis sur la réunion éventuelle d'un congrès; à savoir s'il était disposé à abandonner la «condition» anglaise et à se déclarer satisfait si par exemple le prince de Bismarck, en qualité de président, garantissait la libre discussion, au congrès, du traité de San-Stéfano.

Lord Salisbury a voulu s'abstenir et réserver cette question à l'avenir. Je lui ai prouvé la nécessité de se prononcer dès à présent: «Eh bien!» m'a-t-il répondu, pour ma part j'en reste satisfait, mais je ne veux pas me prononcer catégoriquement avant de l'avoir soumis à mes collègues, ce que je trouve prématuré. Au reste, je n'attends pas une grande opposition de leur part». En prenant congé de moi, le marquis me reparla de ce même sujet et me dit que, puisque la condition anglaise, mal accueillie en Russie, était un obstacle à la réunion du congrès, il avait réfléchi à mes paroles de la veille, et ne trouvait pas d'objections à ce que le congrès se réunisse sur la seule déclaration de son président que la libre discussion y serait assurée.

Nous sommes convenus enfin qu'il serait désirable qu'une inaction militaire et navale fût strictement observée jusqu'au résultat de mes négociations. Il était prêt à se maintenir dans cette voie et me demanda d'insister auprès du premier ministre sur l'urgence d'une pareille inaction.

Je pris congé du marquis qui m'exprima une fois de plus son sincère désir de paix, si de notre côté nous voulions prendre en considération les demandes de l'Angleterre, aussi modérées que basées sur ses intérêts les plus vitaux².

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, ч. 1, лл. 233—234 об. Копия.

* На полях к концу фразы примечание: Le self government dans les colonies anglaises.

Очевидно, что лорд Солсбери видел премьер-министра и тот нашел его слишком сговорчивым в его последней беседе со мной.

Когда я прочел маркизу резюме последнего заседания, он горячо запротестовал против выражения о разделении Болгарии на две автономные провинции, из которых одна и пр. Он утверждал, что никогда не допускал равной автономии по обе стороны Балкан.

Я напомнил ему, что он согласился на нее после того, как я сказал ему, что император ни в коем случае не согласится на восстановление турецкого господства.

В результате длительной дискуссии по этому поводу лорд Солсбери внес следующие уточнения.

Административная автономия, столь широкая, как мы этого хотим, и которая выходила бы за пределы совещательных органов. На основе этого принципа материальное благосостояние болгар было бы полностью гарантировано; но эта автономия не должна перерасти в политическую или стратегическую автономию, иначе говоря, не должна превращаться в политическую или стратегическую угрозу для султана *. Лорд Солсбери стал изображать султана как хранителя проливов, а Англия не сможет предоставить эту обязанность беспомощному правителю. Одним словом, если к лорду Солсбери обратятся во имя материального благосостояния болгар, он будет готов оказать нам содействие; этого не произойдет, если болгарам захотят дать политическое единство.

Маркиз пожелал отказаться от данного им прежде согласия на вывод турецкой армии. Он сомневается в том, что будущий вали будет достаточно защищен местной милицией. Он пытался провести различие между регулярными и иррегулярными турецкими войсками, между кавалерией и пехотой, так как последняя пользуется хорошей репутацией¹. Встретив решительное противодействие с моей стороны и даже отказ сообщить в Петербург о подобных условиях, он в конце концов уступил в специальном пункте о выводе армии.

Я также заметил лорду Солсбери, что невозможно допустить, чтобы право Порты на ввод при определенных условиях в Болгарию турецкой армии было предоставлено ей самой: требуется по крайней мере санкция Европы. Маркиз принял эту точку зрения.

Я спросил затем, можем ли мы быть уверены, что в том случае, если между нами будет достигнута договоренность по поводу Болгарии, не будет поднят вопрос об аннексиях в Азии. После длительного предисловия, которое должно было подчеркнуть серьезность этих аннексий и угрожающее положение, которое вследствие этого создается для всей Малой Азии, маркиз добавил: «Поскольку вы меня уверили, что вы будете сражаться за Карс и Батум, и поскольку мы хотим избежать войны, может быть, найдется способ прийти к соглашению, не требуя от вас компенсации. Склонны ли вы заключить секретное соглашение, по которому вы обязуетесь не продвигаться далее в ваших завоеваниях?» Я отказался высказать даже личное мнение по этому вопросу.

Я закончил беседу, спросив маркиза о возможном созыве конгресса, чтобы узнать, готов ли он отказаться от английских «условий» и заявить о своем согласии, если, например, князь Бисмарк, в качестве председателя, гарантирует свободное обсуждение Сан-Стефанского договора на конгрессе.

Лорд Солсбери пожелал воздержаться от ответа и отложить обсуждение этого вопроса на будущее. Я убедил его в необходимости высказать свое мнение теперь же. «Ну что же, — ответил он, — с моей стороны я был бы этим удовлетворен, но я не хочу высказываться категорически, прежде чем не передам это на рассмотрение моим коллегам, а это я нахожу преждевременным. Впрочем, я не жду сильного противодействия с их стороны». Прощаясь со мною, маркиз снова заговорил об этом вопросе и сказал мне, что ввиду того, что английские условия плохо приняты в России и являются препятствием к созыву конгресса, он обдумал сказанное мной накануне и не имеет возражений против того, чтобы конгресс был созван по заявлению его председателя о том, что свободное обсуждение будет обеспечено.

Наконец, мы договорились, что было бы желательным, чтобы затишье на суше и на море было строго соблюдаемо до выяснения результата моих переговоров. Он готов придерживаться этого направления и просил меня настаивать перед премьер-министром на необходимости сохранения этого затишья.

* На полях к концу фразы примечание: Самоуправление в английских колониях.

Я попрощался с маркизом, который еще раз заверил меня в своем искреннем желании мира, если с нашей стороны мы сообразовали бы принять во внимание требования Англии, столь же умеренные, сколь продиктованные наиболее жизненными интересами².

1. Солсбери, желая сохранить турецкие войска в Болгарии, расхваливал регулярные войска в отличие от нерегулярных, совершавших карательные экспедиции при разгроме Апрельского восстания 1876 г.

2. По-видимому, эта записка П. А. Шувалова о начальной стадии его переговоров с Солсбери была оглашена на совещании у Александра II 2 мая 1878 г. и, по свидетельству Милютина, произвела довольно благоприятное впечатление, может быть, потому, что «все ожидали от английских министров чего-нибудь очень скверного» (см. 57, стр. 51).

№ 52

1878 г. апреля 27 (мая 9). — Телеграмма Е. П. Новикова А. М. Горчакову о несогласии Д. Андраши с проектом русско-австрийского соглашения и о необходимости удовлетворить требования Австро-Венгрии¹

Chiffres: Andrassy sort de chez moi. N'accepte pas bases du promemoria. Ne considère pas comme concession, au point de vue autrichien, deux Bulgaries substituées à une Bulgarie et une Macédoine et, d'ailleurs, peu viables car tendraient toujours à se réunir. Relève qu'art. 8. proposant partage entre Monténégro et Serbie de la bande intermédiaire, loin d'être une concession, est une aggravation du traité de San-Stéfano qui l'avait ouverte et de nos propositions précédentes qui tendaient à l'élargir. Ne concéderait tout au plus que Spizza au Monténégro. Relève que sur cet intérêt spécialement autrichien restons inflexibles tandis que semblons coulants pour Angleterre dont attitude a été si différente de la leur. Attitude raide et situation critique. N'a pas encore parlé à l'empereur, mais prédit que sa majesté sera du même avis. Vu imminence de délégations, si n'avons pas d'autre proposition à lui faire, devra reprendre sa liberté d'action et l'annoncer. M'a dit: «dans l'attente d'un accord avec vous n'avons pris aucun engagement ailleurs, avons combattu objections de l'Angleterre quant au congrès, écarté sa proposition d'une Bulgarie restreinte aux Balkans, risquons de rester isolés». J'en conclus à l'exactitude des nouvelles secrètes transmises par mon télégramme d'hier². Si différions concessions définitives à Autriche jusqu'à issue de pourparlers directs avec Londres, je n'oserais pas répondre qu'une entente austro-anglaise ne se passe ici derrière notre dos. En communiquant pro-memoria, ai omis exprès, pour ne le communiquer que verbalement, article 12.

АВПР, ф. Посольство в Вене, д. 158, лл. 43—44. Копия.

Перевод

Шифром: Андраши только что был у меня. Он не принимает положений промемории. Не считает уступкой для Австрии создание вместо Болгарии и Македонии двух Болгарий, при этом нежизнеспособных, так как они всегда будут стремиться к объединению. Он подчеркивает, что ст. 8, предлагающая разделить между Черногорией и Сербией промежуточную полосу земли, отнюдь не являясь уступкой, противоречит установившему ее Сан-Стефанскому договору и нашим предшествующим предложениям о ее расширении. Он может согласиться самое большее на уступку Черногории Спицы. Он подчеркивает, что мы остаемся непреклонными по отношению к этому специфически австрийскому вопросу, в то время как проявляем уступчивость в отношении Англии, чья позиция столь отличалась от австрийской. Отношение непреклонное и ситуация критическая. Он еще не говорил с императором, но полагает, что его величество придерживается того же мнения. Имея в виду неизбежность созыва делегаций в том случае, если мы не можем сделать ему другого предложения, он должен снова вернуть себе свободу действий и объявить об этом. Он мне сказал: «В ожидании договоренности с вами мы не взяли на себя никаких других обязательств, мы выступали против возражений Англии, касающихся конгресса, отвергли ее предложение о создании Болгарии в пределах Балкан и теперь рискуем оказаться в изоляции». Из этого я делаю вывод о точности секретных сведений

переданных в моей вчерашней телеграмме ². Если мы будем медлить с предоставлением Австрии окончательных уступок вплоть до исхода прямых переговоров с Лондоном, я не осмелюсь утверждать, что австро-английское соглашение не будет заключено здесь же, за нашей спиной. Передавая промеморию, я нарочно опустил ст. 12, чтобы сообщить ее устно.

1. Об этой телеграмме Е. П. Новикова Д. А. Милютин писал в дневнике от 29 апреля 1878 г.: «Вчера получена телеграмма от Новикова, весьма неутешительная. . . Таким образом, все более и более исчезает надежда на сближение с Австрией» (см. 57, стр. 50).

2. В телеграмме от 26 апреля (8 мая) Е. П. Новиков сообщал о беспокойстве, вызванном в правительственных кругах Австро-Венгрии англо-русскими переговорами. В Вене опасались сговора за счет Австро-Венгрии (АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 112, л. 52).

№ 53

1878 г. апреля не ранее 28.* — *Памятная записка П. А. Шувалова о беседе с О. Бисмарком относительно переговоров России с Англией и Австро-Венгрией и об условиях созыва конгресса*¹

Le prince de Bismarck me fit à Friedrichsruhe l'accueil le plus cordial. Je n'avais que peu d'heures à y passer de sorte que nous commençâmes à traiter d'affaires quelques minutes après mon arrivée.

Ce fût le prince qui prit la parole et, avant même de connaître le but de ma visite, il se mit à m'entretenir de l'urgence qu'il y avait pour nous de nous entendre avec l'Autriche.

«Vous êtes dans la nécessité, — me dit-il, — de faire un compromis. Il vous faut acheter soit l'Angleterre, soit l'Autriche. Achetez cette dernière; elle se vendra meilleur marché. Voici pourquoi. L'Angleterre s'est décidée à vous faire la guerre. Elle fait de grands préparatifs navals et militaires; en vrais commerçants, les Anglais ne voudront pas perdre l'argent qu'ils ont dépensé et, soutenus par quelques membres du gouvernement qui veulent la guerre à tout prix, ils vous la feront.

En Autriche, les circonstances sont tout autres. Personne n'est belliqueux et tout le monde craint des désastres financiers. L'empereur François Joseph est très pacifique. Il préférera avaler un mauvais traité, au point de vue austro-hongrois, plutôt que de risquer une rupture avec vous. Il se souvient des guerres passées et il aura peur de jouer sa couronne dans une lutte avec vous. Il serait perdu si son armée éprouvait des revers. Andrassy a des vellétés belliqueuses, mais des vellétés seulement; tout autre ministre austro-hongrois vous ferait la partie moins belle que lui. De plus, il craint que la question polonaise ne vienne à surgir. Même les Hongrois, quelques fous exceptés, ne sont pas belliqueux; ils crient seulement très fort. Vous avez donc tout intérêt à vous arranger avec l'Autriche et à maintenir l'accord des trois empereurs. Les éléments révolutionnaires gagnent de la force. Vous aurez à compter avec eux: le procès Zassoulitch m'a effrayé comme un symptôme et surtout comme une manifestation de l'opinion de votre société.

Le régime absolu a ses bons et ses mauvais côtés. Si l'on n'emploie pas les bons, c'est-à-dire, le pouvoir discrétionnaire qu'il donne, on ne peut pas en prévenir les mauvais. J'ai télégraphié deux fois à Schweinitz, pour lui demander si ce scandale résterait sans repression. Moi, j'aurais institué, par ordre suprême, un tribunal supérieur, auquel j'aurais déféré le tribunal inférieur et tous ceux qui se sont rendus coupables dans ce procès.

L'Autriche, de son côté, est également travaillée par l'élément révolutionnaire. L'accord des trois empereurs, sans prendre toutefois le caractère d'une sainte alliance, serait donc un rempart contre la révolution».

En un mot, le chancelier allemand me parut très anxieux, d'une part, de prévenir un conflit austro-russe qui placerait l'Allemagne dans une position

* Датируется на основании док. 52.

difficile, et très philosophe de l'autre, à l'endroit d'un conflit anglo-russe qui n'affectait pas directement les intérêts allemands.

Je répondis au prince que toutes mes sympathies personnelles étaient pour le maintien de l'accord à trois et pour la satisfaction des intérêts austro-hongrois de préférence aux intérêts anglais. Mais, comme je devais me placer au point de vue russe, je le combattrais par ses propres arguments. Nous étions, disait-il, dans la nécessité de faire un marché; cela voulait dire que nous devions conclure celui qui nous offrirait le plus d'avantages. Il avait dit que l'Angleterre était prête à nous faire la guerre et que l'Autriche ne l'était pas. C'était donc la première de ces Puissances que nous avions le plus intérêt à ménager. De plus, toutes les deux se prononçaient contre un grand Etat bulgare. Si la Russie faisait cette concession, elle s'entendrait du coup avec l'Angleterre, tandis que l'Autriche lui présentait en outre une nouvelle liste de concessions à faire. Il se pourrait donc que ce soit l'Angleterre qui se vende le meilleur marché.

Je passais ensuite, ainsi que l'avait désiré lord Salisbury, à un exposé détaillé de ce que l'Angleterre nous demandait dans la Turquie d'Europe.

Le prince de Bismarck fut excessivement surpris de la modération des exigences anglaises et particulièrement du consentement de lord Salisbury au retrait de l'armée turque de la Bulgarie du Sud.

«Oui, — me dit-il, — tout cela est bel et bon, en Europe; mais ils vous disputeront l'Asie. Ils vous cèderont à la rigueur Batoum, mais ne livreront jamais Kars».

Je rectifiai ce point de vue et je dois avouer que, dans les premiers moments, les traits du prince de Bismarck ne surent pas déguiser le désappointement que lui causaient des résultats aussi contraires à ses prévisions. Il garda le silence pendant quelques instants, après quoi il répéta à plusieurs reprises: «cela change toute la question!», puis il continua dans ces termes:

— «Eh bien, si vous vous entendez avec l'Angleterre cela ne fera que faciliter vos relations avec l'Autriche. Vous maintiendrez, je l'espère, votre consentement à l'annexion de la Bosnie et de l'Herzégovine et, pour peu que vous lui fassiez des facilités pour le Monténégro, [je dis cela sans approuver ses craintes exagérées à l'endroit de cette principauté] tout pourra s'arranger».

Je demandai au prince de Bismarck de garder mes communications dans le plus strict secret: il suffirait d'une indiscretion de la presse pour tout compromettre car les exigences trop restreintes de l'Angleterre, si elles y étaient connues, soulèveraient les passions du parti turcophile et pèseraient sur l'attitude ultérieure de Salisbury. Si l'entente s'établissait, il serait désirable que nous puissions entrer en congrès avant que les bases de notre accord ne fussent livrées à la publicité.

Nous passâmes ensuite à l'examen de la question du congrès, s'il devait se réunir. Je lui exposai les raisons pour lesquelles il était si désirable que sa réunion ne fût pas précédée de conditions, bases etc, etc, et je lui expliquai mes idées et lui communiquai le consentement éventuel de lord Salisbury de se satisfaire de la simple garantie du président.

Le prince, tout en acceptant la proposition, commença à l'interpréter d'une manière qui me donna des appréhensions pour sa réussite; mais, après une discussion à ce sujet, il me promit de l'accepter purement et simplement, ce qui me fit grand plaisir.

Le chancelier allemand ne me garantissant le secret qu'à condition que, de mon côté, je ne mettrais ni l'empereur Guillaume, ni Mr. de Bulow dans la confidence, je le lui promis et il ajouta que son auguste maître attachait une si grande importance à la réunion du congrès que l'entente seule sur la formule de sa réunion suffirait, aux yeux de l'empereur Guillaume, pour justifier mon voyage.

Je dus subir quelques plaintes sur St. Pétersbourg. Les télégrammes étaient contradictoires; il ne savait souvent pas si c'étaient des réponses ou de nouvelles propositions. Le général de Schweinitz, de son côté, était diffus et faisait mousser des circonstances qui n'en valaient pas la peine; il sacrifiait la lucidité de l'exposition pour faire du beau style; il en résultait que le prince soulignait

des mots que le cabinet impérial n'avait peut-être pas voulu souligner. Dans des négociations avec Vienne on s'était caché de Berlin et l'on avait fait promettre à Andrassy de n'en rien lui dire. Il l'avait cependant appris par la voie de Vienne. On se plaignait à St. Pétersbourg de ce qu'il était un ami trop platonique; il peut répondre à cela qu'il est un ami vrai, mais qu'il a encore d'autres amis avec lesquels il ne veut pas se brouiller.

Le prince de Bismarck interrompit notre entretien, qui avait duré plus de trois heures. Le dernier sujet que nous avons traité a été la question militaire. Je développai longuement au prince mon opinion à ce sujet, lui exprimant tous les désavantages que cette combinaison offrait pour nous autant que nous ne serions pas fixés sur la question politique. Ces longs et inutiles pourparlers n'ont eu qu'un seul bon résultat, celui de me donner l'occasion de provoquer, en me rapprochant de lord Salisbury, les confidences qui avaient motivé mon voyage. Le prince prit d'abord la défense de sa proposition, mais finit par me donner raison et me déclara qu'il avait pris cette initiative dans une intention amicale pour nous.

«Nos militaires, — ajouta-t-il, — nous ont rapporté que votre armée était insuffisante et par là dans une position précaire; j'ai voulu vous offrir un prétexte plausible pour vous concentrer et prendre une meilleure position stratégique. Cela vous était nécessaire en vue de l'état de choses en Roumanie et de vos incertitudes à l'égard de l'Autriche. Je ne tiens du reste pas à ma proposition».

Je fis observer au prince que la retraite de notre armée et de la flotte anglaise pourrait avoir sa raison d'être le jour où la réunion du congrès serait assurée, mais qu'en ce cas l'Angleterre devrait modifier ses conditions. Je proposerais en ce cas que la flotte et l'armée se mettent en marche à la même heure et se dirigent vers les points nouveaux sur la foi de la promesse mutuelle.

Le prince répondit qu'il était prêt à se faire le garant, entre l'Angleterre et nous, de la stricte exécution de notre convention, mais qu'il croyait du reste, comme moi, qu'il valait mieux que l'Angleterre se fie à notre parole à nous.

Je pris congé du prince de Bismarck, qui manifesta le désir de me voir à mon retour. Il espérait être à Berlin, où il compte se rendre ces jours-ci.

Après minuit, j'entendis frapper à ma porte. Le prince venait m'apporter un télégramme de Vienne portant que le comte Andrassy trouvait nos dernières propositions plus mauvaises que toutes les précédentes et inacceptables. La division de la Bulgarie cachait une arrière-pensée d'unification prochaine. La réunion des frontières de la Serbie et du Monténégro, en coupant l'Autriche de la mer Egée, était une proposition agressive contre cette Puissance.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, ч. 2, лл. 222—227 об. Копия.

Перевод

Князь Бисмарк оказал мне в Фридрихсруэ самый сердечный прием. У меня было немного времени, так что мы перешли к делам вскоре после моего прихода.

Князь начал первым, и еще прежде чем ему стала известна цель моего визита, он заговорил о насущной необходимости для нас скорее договориться с Австрией.

«Вам необходимо, — сказал он мне, — пойти на компромисс. Вам нужно купить либо Англию, либо Австрию. Покупайте же эту последнюю, она продаст себя дешевле. И вот почему. Англия намерена воевать с вами. Она проводит большие военные и морские приготовления; англичане, как истинные коммерсанты, не захотят терять затраченные ими деньги и при поддержке нескольких членов правительства, стремящихся к войне любой ценой, объявят вам войну.

В Австрии обстоятельства совершенно иные. Никто не настроен воинственно, и все боится финансовой катастрофы. Император Франц-Иосиф настроен весьма миролюбиво. Он предпочтет «проглотить» невыгодный с австро-венгерской точки зрения договор, чем пойти на разрыв с вами. Он помнит о прошлых войнах и побоится рисковать своей короной в борьбе с вами. Он погибнет, если его армия потерпит неудачу. Авраши проявляет воинственные поползновения, но не больше, чем поползновения; любой другой австро-вен-

герский министр для вас менее выгоден, чем он. Кроме того, он боится, как бы не возник польский вопрос. Даже венгры, за исключением нескольких безумцев, не настроены воинственно; они лишь очень громко кричат. Вы полностью заинтересованы в договоренности с Австрией и поддержке союза трех императоров. Революционные элементы усиливаются. Вам придется считаться с ними: процесс Засулич испугал меня как симптом и особенно как проявление вашего общественного мнения.

Самодержавный режим имеет свои хорошие и свои дурные стороны. Если не использовать его положительные стороны, т. е. неограниченную власть, которую он предоставляет, то нельзя предотвратить проявления его отрицательных сторон. Я дважды телеграфировал Швейницу, чтобы спросить его, не повлечет ли этот скандал репрессий. Что касается меня, я бы учредил, по высочайшему приказу, верховный трибунал, которому передал бы низший трибунал и всех обвиняемых по этому процессу.

В Австрии со своей стороны также действуют революционные элементы. Союз трех императоров, не принимая, однако, характера Священного союза, явился бы оплотом против революции».

Одним словом, германский канцлер, показалось мне, с одной стороны, весьма озабочен необходимостью предупредить австро-русский конфликт, который поставил бы Германию в трудное положение, с другой стороны — настроен философски в отношении англо-русского конфликта, непосредственно не затрагивающего германские интересы.

Я ответил князю, что лично я являюсь сторонником поддержания союза трех и удовлетворения австро-венгерских интересов предпочтительно перед английскими интересами. Но, поскольку я должен отстаивать русскую точку зрения, я буду ее защищать его собственными доводами. «Мы вынуждены, — сказал он, — заключить сделку; это означает, что мы должны заключить такую сделку, которая предоставила бы нам больше преимуществ». Он сказал, что Англия готова воевать с нами, а что Австрия не собирается этого делать. Следовательно, мы более заинтересованы в том, чтобы договориться с первой. Кроме того, обе державы высказываются против создания большого болгарского государства. Если бы Россия пошла на эту уступку, она бы тотчас же договорилась с Англией, тогда как Австрия, кроме того, представила бы ей новый список требуемых уступок. Таким образом, возможно, что именно Англия продаст себя дешевле.

Я перешел затем, как хотел этого лорд Солсбери, к подробному изложению того, что требует от нас Англия в Европейской Турции.

Князь Бисмарк был чрезвычайно удивлен умеренностью английских требований и в особенности согласием лорда Солсбери на вывод турецкой армии из Южной Болгарии.

«Да, — сказал он, — все это прекрасно в отношении Европы, но они будут оспаривать у вас Азию. Они уступят вам в крайнем случае Батум, но никогда не отдадут Карс».

Я стал возражать против этого мнения и должен признаться, что в первые минуты лицо князя Бисмарка не могло скрыть разочарования, вызванного результатами, столь противоречащими его предположениям. Некоторое время он хранил молчание, а затем повторил несколько раз: «Это меняет все дело» — и продолжал в следующих выражениях: «Ну, что же, если вы договоритесь с Англией, это только облегчит ваши отношения с Австрией. Вы подтвердите, я надеюсь, свое согласие на аннексию Боснии и Герцеговины, и если вы согласитесь предоставить ей льготные условия в Черногории (говорю это, не разделяя чрезмерных опасений Австрии в отношении этого княжества), все может устроиться».

Я попросил князя Бисмарка держать мои сообщения в самом строгом секрете; достаточно было бы нескромности печати, чтобы все скомпрометировать, так как, если слишком ограниченные требования Англии стали бы известны, они вызвали бы возмущение туркофильской партии, а это повлияет на дальнейшую позицию Солсбери. Если соглашение будет достигнуто, было бы желательно, чтобы мы могли пойти на конгресс, прежде чем будут обнаружены основания нашего соглашения.

Мы перешли затем к рассмотрению вопроса о возможности созыва конгресса. Я изложил ему причины, по которым было бы весьма желательно, чтобы созыв конгресса не оговаривался условиями, основаниями и пр., высказал ему свои взгляды и сообщил о возможном согласии лорда Солсбери удовлетвориться простой гарантией со стороны председателя.

Князь, соглашаясь на предложение, стал его истолковывать таким образом, что вызвал у меня опасения за его успех, но после дискуссии по этому поводу он обещал мне принять его безоговорочно, что мне было весьма приятно.

Германский канцлер обещал мне сохранение тайны только при условии, что со своей стороны я не сообщу ее ни императору Вильгельму, ни г-ну Бюлову; я ему это обещал, и он добавил, что его августейший повелитель придает столь большое значение созыву конгресса, что в глазах императора Вильгельма одного только соглашения о формуле его созыва было бы достаточно, чтобы оправдать мое путешествие.

Я должен был выслушать несколько жалоб на Санкт-Петербург. Телеграммы оттуда противоречивы; часто он не знает, ответ это или новые предложения. Генерал Швейниц со своей стороны многословен и преувеличивает некоторые обстоятельства, этого не заслуживающие; в угоду красивому стилю он жертвует ясностью изложения, поэтому получалось, что князь подчеркивал выражения, которые, может быть, императорский кабинет не желал подчеркивать. Переговоры с Веной скрывались от Берлина, а Андраши было обещано ничего об этом в Берлине не сообщать. Тем не менее он об этом узнал через Вену. В Санкт-Петербурге жаловались, что князь Бисмарк слишком платонический друг; на это он может ответить, что он — истинный друг, но что он имеет также других друзей, с которыми не хочет ссориться.

Князь Бисмарк прервал нашу беседу, длившуюся более трех часов. Последнее, о чем мы говорили, были военные вопросы. Я долго развивал перед князем мои взгляды по этому поводу, разъясняя ему все невыгоды для нас этой комбинации, до тех пор пока мы не определили вопросы политики. Эти долгие и бесполезные переговоры имели один лишь положительный результат, дав мне случай вызвать Бисмарка на откровенность, благодаря моему сближению с лордом Солсбери, что оправдало мою поездку в Берлин. Князь сначала стал защищать свое предложение, но в конце концов признал мою правоту и заявил мне, что взял на себя эту инициативу, руководствуясь дружескими намерениями.

«Наши военные, — добавил он, — сообщили нам, что ваша армия недостаточно сильна и находится в ненадежном положении; я хотел предоставить вам благовидный предлог, чтобы вы могли сконцентрироваться и занять лучшую стратегическую позицию. Это необходимо для вас из-за ситуации, создавшейся в Румынии, и вашей неуверенности в отношении Австрии. Впрочем, я не настаиваю на своем предложении».

Я заметил князю, что вывод нашей армии и английского флота могут получить разумное основание в день, когда созыв конгресса будет обеспечен, но что в этом случае Англия должна будет изменить свои условия. Я предложил бы в этом случае, чтобы флот и армия начали отступление в один и тот же час и направились к новым пунктам на основании взаимных обязательств.

Князь ответил, что он готов быть гарантом строгого выполнения соглашения между Англией и нами, но что, впрочем, он, как и я, полагает, что было бы лучше, если бы Англия доверилась нашему слову.

Я распрощался с князем Бисмарком, заявившим о своем желании видеть меня по моему возвращении. Он надеялся быть в Берлине, куда рассчитывает отправиться в ближайшие дни.

После полуночи я услышал стук в дверь. Князь принес мне телеграмму из Венy, сообщающую, что граф Андраши находит наши последние предложения худшими, чем все предыдущие, и неприемлемыми. Разделение Болгарии будто бы скрывает тайную мысль о скором воссоединении. Предложение об объединении границ Сербии и Черногории, отрезая Австрию от Эгейского моря, агрессивно в отношении этой державы.

1. П. А. Шувалов после трех совещаний с Солсбери относительно основ будущего конгресса направился в Петербург для личного доклада царю. По дороге он заехал к Бисмарку, чтобы, по просьбе Александра II и Солсбери, информировать его о ходе англо-русских переговоров. 27—28 апреля (9 и 10 мая) он беседовал с Бисмарком в его имении Фридрихсруэ, а 28 апреля (10 мая) с Вильгельмом I в Берлине. 30 апреля (12 мая) он был уже в Петербурге. Записка эта составлена, очевидно, между 28—30 апреля (10—12 мая) 1878 г. Об этой встрече см. 28, стр. 407; 57, стр. 49—50. В воспоминаниях П. А. Шувалова о Берлинском конгрессе 1878 г. дата встречи не указана (см. 95, стр. 96—97).

Бисмарк желал заставить русских уступить всем требованиям Андраши, обыгрывая опасность для царизма революционного движения в России. Бисмарк использовал остроту англо-русских противоречий, чтобы втянуть Россию в новую войну, теперь уже с Англией. Англо-русские переговоры очень беспокоили Бисмарка. Англо-русское соглашение не входило в интересы Германии. Отсюда и разочарование, которое Бисмарк, по словам Шувалова, не мог скрыть при известии об улаживании спорных вопросов между Россией и Англией (см. 87, стр. 485).

№ 54

1878 г. апреля 30. — Предписание Д. Г. Анучина филиппопольскому вице-губернатору И. С. Иванову о выдаче голодающему населению хлеба из интендантских запасов *

№ 1135

Сан-Стефано

Начальник штаба Действующей армии, которому я сообщил депешу вашего превосходительства от 13 текущего апреля о бедственном положении голодающего населения в гг. Филиппополе, Эски-Загре, Казанлыке, Карлово и Татар-Базарджике ¹, ныне, от 25 апреля за № 5572, уведомил меня о разрешении главнокомандующего Действующею армиею выдавать гражданскому управлению в занятом нашими войсками крае из продовольственных запасов, взятых в интендантское ведомство, всякого рода зерновой хлеб для довольствия голодающих жителей заимообразно с первого урожая.

Копию с этого отношения князя Имеретинского имею честь сообщить вашему превосходительству для надлежащих с вашей стороны распоряжений по этому делу.

И. д. заведующего гражданскими делами
генерал-лейтенант Д. Анучин

Правитель канцелярии Генерального штаба полковник Соболев

Резолюция И. С. Иванова: Сообщить окр[ужным] начальникам на тот конец, чтобы они требовали отпуска необходимого количества зерна и выдавали бы бедствующему населению на продовольствие, но имели в виду, что эта ссуда должна быть возвращена с урожая этого года, если этого потребует интендантство. В[есьма] нуж[ное].

НБВВ—БИА, Пловдив, ф. 19, д. 4, л. 82. Подлинник.

1. Бедственное положение населения в перечисленных районах было вызвано разорением и грабежами, совершенными турецкими иррегулярными и регулярными войсками во второй половине 1877 г., а также и ввиду того, что некоторая часть населения этих областей вынуждена была уйти в то время в Северную Болгарию и не имела возможности убрать урожай.

№ 55

1878 г. мая 5 (17). — Инструкция Министерства иностранных дел П. А. Шувалову о согласии России удовлетворить требования Англии относительно изменения Сан-Стефанского договора ¹

Sa majesté l'empereur ayant pris connaissance des rapports de votre excellence sur les négociations confidentielles que vous avez entamées avec les ministres anglais**, et des modifications qu'ils proposent d'introduire dans le traité préliminaire de San-Stéfano, pour le rendre acceptable par le gouvernement de sa majesté britannique, — a jugé que ces propositions n'étaient pas en contradiction avec le but principal de la guerre, qui consistait à assurer la prospérité et la sécurité des populations chrétiennes de la péninsule des Balkans, en leur garantissant des institutions stables et un bon gouvernement, — et qu'en même temps ces propositions ne contestaient pas à la Russie les justes compensations qu'elle s'est réservées en échange des sacrifices de la guerre.

Notre auguste maître trouve en conséquence qu'elles offrent les bases d'une entente qui porterait sur les points suivants.

1. La délimitation de la Bulgarie au Sud serait modifiée de manière à l'éloigner de la mer Egée.

2. Les frontières occidentales seraient rectifiées sur la base du principe de la nationalité de manière à exclure de la Bulgarie les populations non-bulgares.

* См. док. 6.

** См. док. 51.

3. La Bulgarie, replacée dans ces limites, serait partagée en deux provinces de la manière suivante:

S'il était possible d'obtenir la division longitudinale prévue par la conférence de Constantinople, selon le tracé qu'elle avait proposé, notre auguste maître préférerait ce mode et vous charge d'insister autant qu'il vous sera possible afin qu'il soit adopté, en faisant valoir tous les arguments qui avaient déjà à cette époque été pris en considération et qui militent en faveur d'un précédent déjà consacré par une délibération européenne.

En pareil cas, sa majesté impériale ne s'opposerait pas à ce que les deux Bulgariés, Orientale et Occidentale, fussent administrées par deux gouverneurs généraux afin d'éviter les petites principautés que l'Angleterre désapprouve en principe.

Il va sans dire que les rectifications de frontières à l'Ouest et au Sud, mentionnées plus haut, s'appliqueraient également à cette séparation longitudinale.

Si cette combinaison rencontrait des obstacles insurmontables, notre auguste maître autorise votre excellence à exprimer son assentiment à la division de la Bulgarie en deux provinces séparées par les Balkans et dont l'une, celle du Nord, serait dotée d'une autonomie politique, sous le gouvernement d'un prince, et l'autre, celle du Sud, recevrait une large autonomie administrative (calquée par exemple sur celle qui existe dans les colonies anglaises) avec un gouverneur général chrétien nommé du consentement de l'Europe pour cinq à dix ans.

Mais sa majesté pose pour condition absolue, dans les deux cas, le retrait de l'armée turque même de la partie méridionale de la Bulgarie. Le congrès statuerait sur les cas où le sultan pourrait envoyer des troupes, en se guidant sur le principe établi au congrès de 1856² pour le cas d'une intervention militaire ottomane dans les principautés du Danube.

En ce qui concerne les détails relatifs au tracé des frontières de la Bulgarie ainsi qu'à la future organisation des autres provinces chrétiennes restées sous la domination de la Porte, ils peuvent être également réservés au congrès.

Si cependant il en était question dans vos entretiens avec lord Salisbury, vous pourriez déclarer que le cabinet impérial admet le principe de la participation des Puissances par l'intermédiaire de commissions européennes.

Quant à l'Asie, sa majesté l'empereur n'ayant pas l'intention d'étendre ses conquêtes au-delà de Kars, Batoum et des limites posées par le traité de San-Stéfano, sa majesté ne se refuse pas à conclure un engagement secret à l'effet de rassurer le gouvernement anglais à cet égard.

Le marquis de Salisbury n'ayant pas fait mention de la vallée d'Alachkert et de la ville de Bayazid, croyant savoir que nous en avons promis la restitution au sultan, vous ne prendrez pas d'initiative à ce sujet.

Si toutefois cette question venait à être abordée, il importera de faire valoir soit à présent, soit au congrès, que cette vallée est la grande route du transit pour la Perse, et qu'elle a une immense valeur aux yeux des Turcs.

En consentant à la leur restituer, nous avons demandé et obtenu en échange l'abandon à la Perse du petit territoire de Kotour, que les commissions des deux cours médiatrices ont trouvé juste de restituer au shah.

En ce qui concerne le congrès sa majesté l'empereur approuve la formule d'invitation préalablement acceptée par le marquis de Salisbury et par Mr. le prince de Bismarck, c'est-à-dire: que le président du congrès garantirait la libre discussion du traité préliminaire.

Sa majesté vous charge de vous concerter avec Mr. le prince de Bismarck et avec le marquis de Salisbury sur les conditions de la retraite de notre armée et de la flotte anglaise. Ce mouvement devrait être simultané et les deux parties devraient s'en remettre à la bonne foi l'une de l'autre.

Toutefois, je dois vous prévenir, sans qu'il soit nécessaire de la faire savoir au gouvernement anglais, que notre auguste maître a décidé que cette retraite n'aurait lieu pour notre part qu'après la livraison par les Turcs des forteresses de Varna, Schoumla et Batoum.

En vue des fluctuations auxquelles la pression parlementaire assujettit les ministres anglais et dont nous avons eu tant de preuves, il serait désirable que les modifications contenues dans les propositions anglaises et moyennant lesquelles le gouvernement anglais consent à sanctionner le traité de San-Stéfano, fussent consignées par écrit, de manière à servir d'engagement mutuel pendant les délibérations du congrès. Toutefois, comme les ministres anglais semblent répugner à des engagements secrets, incompatibles avec la doctrine constitutionnelle, sa majesté l'empereur vous réserve d'aviser aux moyens que vous jugerez les plus convenables pour les lier au moins d'honneur aux bases convenues de la présente négociation.

Резолюция Александра II: Быть по сему.
АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, ч. 2, лл. 597—601. Отпуск.

Перевод

Его императорское величество, ознакомившись с донесениями вашего высокопревосходительства о конфиденциальных переговорах, к которым вы приступили с английскими министрами, и с теми изменениями, которые они предлагают внести в прелиминарный Сан-Стефанский договор, чтобы сделать его приемлемым для правительства ее британского величества, нашел, что эти предложения не находятся в противоречии с основной целью войны, состоявшей в обеспечении процветания и безопасности христианских народов Балканского полуострова, в гарантии им стабильных учреждений и хорошего управления и что в то же время эти предложения не оспаривают у России справедливых компенсаций, требуемых за жертвы, понесенные ею во время войны.

Наш августейший повелитель находит вследствие этого, что эти предложения представляют основы соглашения, касающегося следующих пунктов:

1. Разграничение Болгарии на юге будет изменено таким образом, что это удалит ее от Эгейского моря.
2. Западные границы будут исправлены на основе принципа национальности таким образом, что неболгарское население будет исключено из пределов Болгарии.
3. Болгария, установленная в этих пределах, будет разделена на две провинции следующим образом:

Если бы было возможно добиться меридионального разделения, предусмотренного Константинопольской конференцией по предложенному ею проекту, то наш августейший повелитель предпочел бы этот способ и поручает вам настаивать по мере возможного на его принятии, выдвигая все те доводы, которые были приняты во внимание еще в то время и которые выступают в защиту прецедента, уже получившего санкцию Европы.

В подобном случае его императорское величество не будет возражать против того, чтобы обе Болгарии, Восточная и Западная, управлялись двумя генерал-губернаторами во избежание создания маленьких княжеств, против чего Англия принципиально возражает.

Само собой разумеется, что вышеупомянутые изменения границ на западе и юге будут применены также и к ее меридиональному делению.

Наш августейший повелитель дозволяет вашему высокопревосходительству в том случае, если эта комбинация встретит непреодолимые препятствия, выразить согласие на разделение Болгарии на две провинции, отделенные Балканами, из которых северная получила бы политическую автономию под управлением князя, а южная—широкую административную автономию (по образцу, например, автономии, существующей в английских колониях) с христианским генерал-губернатором, назначаемым с согласия Европы на 5—10 лет.

Но его величество выдвигает неизменным условием в том и другом случае вывод турецкой армии также и из южной части Болгарии. Конгресс, руководствуясь основным положением, принятым на конгрессе 1856 г.² на случай оттоманской интервенции в Дунайские княжества, выработает решение относительно условий, при которых султан может посылать туда свои войска.

Что касается деталей, относящихся к проекту границ Болгарии, а также к будущей организации других христианских провинций, остающихся под властью Порты, эти вопросы также могут быть отложены до конгресса.

Если, однако, этот вопрос будет поднят в ваших беседах с лордом Солсбери, вы сможете заявить, что императорский кабинет допускает принцип участия великих держав через посредство европейских комиссий.

Что касается Азии, его императорское величество, не имея намерения простирать свои завоевания за Карс, Батум и границы, установленные Сан-Стефанским договором, не отказывается заключить секретное соглашение с целью разуверить в этом отношении английское правительство. Ввиду того что маркиз Солсбери не упомянул долину Алашкерт и город Байазет, думая, что мы обещали возвратить их султану, вы не должны брать на себя инициативу в этом вопросе. Если тем не менее этот вопрос будет поднят, нужно подчеркнуть либо сейчас, либо на конгрессе, что эта долина является большой транзитной дорогой в Персию и что она имеет огромное значение в глазах турок.

Соглашаясь на возвращение этой долины Турции, мы потребовали и получили взамен предоставление Персии небольшой территории Котура, которую комиссия двух посредничающих дворов сочли справедливым возвратить шаху.

В том, что касается конгресса, его императорское величество одобряет формулу приглашения, предварительно принятую маркизом Солсбери и князем Бисмарком, т. е. что председатель конгресса гарантирует свободное обсуждение прелиминарного договора.

Его величество поручает вам договориться с князем Бисмарком и маркизом Солсбери об условиях отступления нашей армии и ухода английского флота. Они должны пропускать одновременно, и обеим сторонам следует всецело полагаться на добрую волю каждой из них.

Но я должен вас предупредить, хотя нет необходимости сообщать это английскому правительству, что наш августейший повелитель считает, что отступление с нашей стороны будет иметь место только после сдачи турками крепостей Варны, Шумлы и Батума.

Ввиду колебаний, на которые парламентское давление обрекает английских министров и в чем мы неоднократно убеждались, было бы желательным, чтобы изменения, содержащиеся в английских предложениях, с помощью которых английское правительство соглашается санкционировать Сан-Стефанский договор, были письменно подтверждены с тем, чтобы служить взаимным обязательством при обсуждении на конгрессе. Однако, поскольку английские министры настроены против секретных обязательств, несовместимых с конституционной доктриной, его императорское величество предоставляет вам решать, какие способы наиболее приемлемы, чтобы связать их по крайней мере принципом чести с основаниями, принятыми при настоящих переговорах.

1. Эта инструкция была выработана 2 и 5 мая 1878 г. на совещаниях Александра II с министрами, с участием П. А. Шувалова, прибывшего из Лондона в Петербург (см. 57, стр. 51—52).

2. Ст. ст. XXVI—XXVII Парижского трактата.

№ 56

1878 г. мая 7. — Письмо А. К. Имеретинского начальнику тыла Действующей армии А. Р. Дрентельну о принятии мер против распространения в армии революционной литературы

Сан-Стефано
Весьма секретно

Милостивый государь Александр Романович!

Из-за границы дошли сведения о стараниях революционно-социалистической партии производить преступную пропаганду среди наших войск, находящихся в пределах Турции и Румынии, и с этой целью посылаются в армию тюки разных воззваний, газет и брошюр¹.

Военный министр, сообщая об этом главнокомандующему армиею, уведомил его высокопревосходительство, что государь император изволил вполне надеяться в том, что будут приняты все меры к тому, чтобы не допустить среди Действующей армии влияния подобных злонамеренных и преступных попыток.

Главнокомандующий поручил мне просить ваше высокопревосходительство принять все зависящие от вас меры к тому, чтобы не допустить

подобные воззвания до войск; в случае же появления их в войсках ближайшим начальникам частей — ротным и эскадронным командирам — тотчас представить эти воззвания по начальству.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.
Князь А. Имеретинский

Помета помощника начальника штаба войск тыла П. Л. Лобко: В настоящее время совершенно безопасно. Сообщать Мерклину и Нико[личу] и циркулярно нач[альникам] дивизий. Надо написать корпусному командиру с добавлением, что для выиграния времени нач[альникам] дивизий сообщено непосредственно 25 м[ая]. П. Л[обко].

ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1878 г., д. 446, л. 80, 80 об. Подлинник.

1. В период войны и после ее окончания русская революционная народническая эмиграция стремилась развить революционную пропаганду в Действующей армии на Балканах. С этой целью туда направлялось большое количество революционной литературы, издаваемой различными эмигрантскими группами. Многие эмигранты отправались на Балканы для работы в войсках: К. Кац, В. Семенов и др. (см. ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1878 г., д. 446, лл. 50—51; ф. 1762, оп. 4, д. 195, лл. 7—8). Активное участие в этой работе принимали русские эмигранты в Румынии — Н. К. Судзиловский, Н. П. Зубку-Кодрану и др. (см. 69, стр. 30, 470; 30, стр. 173—175).

Революционные издания свободно продавались в книжных магазинах Бухареста и других румынских городов (ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1878 г., д. 61, л. 1). По свидетельству очевидца, в Сан-Стефано открыто продавалась революционная литература (23, стр. 255), офицеры и солдаты в изобилии скупали эти издания. Например, в Адрианополе в помещении, где расквартировали солдат, были обнаружены революционные прокламации (см. 69, стр. 469—470), у офицеров 137-го Нежинского полка нашли заграничные издания «Очерков политической экономии» Н. Г. Чернышевского, «На жизнь и смерть» В. Берви и др. (ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1878 г., д. 67, л. 45).

Офицеры и солдаты вывозили революционную литературу в Россию. Так, в сентябре 1878 г. начальник Воронежского губернского жандармского управления сообщал в III отделение, что «в войсках Действующей армии, возвращающихся в пределы России, как у нижних чинов, так в особенности у гг. офицеров имеются в достаточном количестве экземпляры книги запрещенного содержания заграничной печати, которыми они запаслись, быв за Дунаем и в Румынии» (там же, л. 25). Это серьезно беспокоило русское военное командование и Александра II, обращавшего на это обстоятельство внимание Э. И. Тотлебена. Однако решительных мер по пресечению распространения революционных изданий в армии принять было нельзя, так как русское правительство не могло воспрепятствовать открытой продаже их в Румынии. По свидетельству З. К. Ралли, русского народника, жившего в то время в Румынии, А. Р. Дрентельн обратился к Братиану с просьбой запретить продажу этих изданий в Бухаресте, но получил отказ, так как такое запрещение противоречило румынской конституции (там же, ф. 7026, оп. 1, д. 5, л. 24).

№ 57

1878 г. мая 10. — Обращение М. С. Дринова к населению Софии об организации благотворительного общества помощи больным и раненым воинам

Средец

Заедно с появяването на българска войска явява се нужда, за да се составят благотворителни дружества ¹, които да спомогат на болни и ранени войници; да пригледват ония от тях, които войната е направила неспособни да се прехранват с трудът си; да помагат на вдовици и сироти, мъжете и бащите на които са погинали за свобода и защита на отечеството ни.

Няма съмнение, че българский народ, който е в състояние да оценява свободата си не по-малко от другите свободолюбиви народи, на радо сърдце ще изпълнява и светите си длъжности, които има към българските войници, защитниците на българската свобода, и с божия воля след малко време ние ще видим по всичките по-главни български градове отворени вече дружества за удовлетворение на извиканите от военната служба нужди.

Съграждани и съгражданки! Вчера и днес ние бяхме честити да посрещнем в градът си новата, но покрита вече с юнашка слава българска войска ², па имаме в нашия град и до 1500 млади войници събрани от всичките софийски окръжия. Уверени сме, че вие вече сте усетили нуждата за отварянето в старославний град Средец на едно такова дружество и с настоящето си

ви поканваме да наченете незабавно това свето дело. Който обича да стане член на това дружество, нека притече да се запише по-скоро. Член е всеки, който се обвърже да вноси всяка година не по-малко от една руска жълтица. Щом се запишат около 40 души, те щат бъдат призовани в общо събрание, на което ще се обсъди уставът и името на дружеството, ще се избере управителний му съвет и пр.

НБКМ—БИА, ф. 111, д. 21, л. 60—61. Автограф.

1. Такое общество было основано в Софии во второй половине мая 1878 г. Его председателем стал митрополит Мелетий Софийский. Несколько позднее общество преобразовалось в комитет «Единство» (см. примечание к док. 119). В комитет вошли эмигранты из Македонии и представители софийской общественности. Члены комитета принадлежали к болгарской буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции, однако комитет имел непосредственные связи в городских мелкобуржуазных кругах и оказывал на них сильное влияние (42, стр. 39; 90, стр. 412).

2. Имеется в виду 1-я дружина Болгарского ополчения, которая была переименована 10 июля 1878 г. в Софийскую пешую дружину № 1.

№ 58

*1878 г. мая 11. — Циркуляр российского комиссара в Болгарии
А. М. Дондукова-Корсакова губернаторам об учреждении окружных казначейств*

№ 2

Для приема и расходования сумм болгарских доходов я признал необходимым учредить в каждом округе окружное казначейство.

Личный состав каждого казначейства будет состоять из казначея и контролера (он же и бухгалтер).

Казначей должен быть избран соединенным присутствием председателей и всех членов городского и окружного управительных советов, а в тех городах, где есть судебные советы, то председателей и членов и сих советов из местных болгар, известных обществу своею честностью и расторопностью, за которого отвечают своим движимым и недвижимым имуществом председатели и члены упомянутых советов, избравшие его на эту должность.

Контролеры будут по назначению гг. губернаторов, при чем должно иметься в виду, что, так как на контролера возлагается бухгалтерское счетоводство и отчетность по казначейству, а также ежедневная проверка наличности кассы казначейства, а потому на должности эти должны быть избираемы люди честные и, кроме грамотности на болгарском языке, необходимо, чтобы они были практически знакомы со счетным делом.

Для приведения всего изложенного в исполнение предлагаю вашему превосходительству: 1. Поручить окружным начальникам назначить, каждый в своем округе, экстренное соединенное присутствие из председателей и членов управительных советов, а где есть судебные советы, то и сих советов, и предложить сему присутствию избрать на должность казначея трех кандидатов. В выборах этих окружные начальники участвовать не должны. Забота их должна ограничиваться созванием соединенного присутствия и наблюдением за правильностью хода выборов, а председательствовать в собрании должен один из председателей советов, избранный на этот случай большинством голосов собравшихся членов советов. Выбор должен быть заключен журналом соединенного присутствия. В журнале должно быть помещено, что в случае растраты денег которым-либо из лиц, избранных на должность казначея, председатели и члены советов, участвовавшие в выборах, отвечают за них своим движимым и недвижимым имуществом. Затем журнал этот чрез посредство окружного начальника должен быть представлен вам, на основании которого вы одного из избранных лиц утвердите в должности казначея, а остальных двух — кандидатами для замещения ими должности

казначей в случае болезни, смерти и других причин, требующих немедленной замены лица, утвержденного в должности казначея.

2. На должности контролеров в каждое казначейство вверенного вам санджака немедленно пригласить способных для этого дела лиц из числа болгар.

3. Поручите окружным начальникам приспособить в домах, занимаемых управительными советами, одну комнату для кладовой казначейства и одну или две комнаты для занятий казначея и контролера.

4. Об окончательном исполнении вами настоящего поручения прошу вас донести мне.

При этом даю вам знать, что штаты окладам содержания чинов казначейства будут высланы вам вслед за сим, а инструкции, формы книг и отчетности — по отпечатании их в типографии. Одновременно с этим вы получите от меня разрешение открыть действие казначейств *.

Императорский российский комиссар в Болгарии
генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков
Директор канцелярии
генерал-майор Домонтович

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32693, лл. 3, 6. Подлинник.

№ 59

1878 г. мая 14. — Протокол совместного заседания окружного, городского и судебного советов Врацы о мерах по улучшению состояния городского училища **

Присътвували: председатель Павел Хр. Бошнаков, членове Николчо Антонов и Ангел Д. Йоцов. Председател на окружний съвет Димитр Бошнаков, членове Костаки Ив. Анков, Костадин х. Николчов. Председател на судебний съвет Симеон Л. Подбалканский, членове Георги Пенчев и свещеник Н. Илиев.

Слушали: По предложение на н[егово] в[исоко]благородие окружний начальник ***, за да се улучши состоянието на училищата в градът, за което той испрати рапортът на г-да свещеник Н. Илиев, Костаки Анков, Ангел Д. Йоцов, които по предположение представят извори за подържане училищата, като включват в тях и монополът на вощените свещи; негово високблагородие прибави и това: да се избере настоятелство, което да поеме надзорът над училищата и да се съгласи с учителите за заплатите им ¹. Заради това се събра днешното общо заседание.

Справка: Като се земе в[ъв] внимание днешното недобро состояние на училищата, особно в[ъв] финансиално отношение, от което се посрещат големи мъчнотии за уравнение училищните расходи, то за необходимо се представя наложението монопол на вощените свещи, които днес се продават във всякой дюкян без да се ползоват училищата. Освен това, свещите почти в сичките нам околни градове се продават за полза и сметка на църквите и училищата и като се узакони тая ограничена продажба и в наший град, освен че ще принесе достатъчен доход, но няма да докачи и интересите на населението, защото от тая продажба се ползуваха само неколцина в градът, но църквите като са първи в продажбата по вощените свещи и те са един от главните им приходи, то добре ще е да им се отстъпи по някой грош на оката като да могат и те да се ползуват. Заради училищното настоятелство, за което н[егово] в[исоко]благородие предложи, събранието намира за благословно да [се]

* Об истории организации и деятельности казначейств см. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 3. СПб., 1904, стр. 34—35, 201.

** См. док. 100.

*** М. И. Лукашов.

състои от четири членове, и за такива се избраха старейшии[те] свещеник Н. Илиев, Костаки Ив. Анков, Симеон Л. Подбалкански и Ангел Д. Йоцов, на които ще се възложи управлението и надзорът над училищата, управлението на канторат на вощените свещи, събиране на училищните доходи и да се съгласи с учителите за заплатите им.

Постановили: 1. Да се тури в действие монополът на продаване вощените свещи² с определена цена 50 гроша оката, а на църквите да се отстъпи по 10 гр[оша] на всякоя ока.

2. Да се основе фабрика за работение и продаване на свещите, която да я управлява един човек избран от членовете на трите съвета с[ъс] заплата от четири до пет хиляди гроша и в случай на нужда да му се даде и помощник с по-малка заплата. Той ще поеме и събирането на другите училищни приходи и ще държи сметка за них и ще дава биланц за всякой месец на настоятелството, така също и за получената печалба от свещите.

3. *Обязаности* на училищното настоятелство: а) да се съгласи с учителите за заплатите им, за което да направи постановление и да го поднесе на утвърждение на окружний началник; б) да подобри и земе под надзор училищните движими и недвижими имоти; в) да избере с помощта на трите съвета един човек, на когото да възложим управлението на свещарският кантор и събирането на другите училищни доходи и да напише правила, по които ще се ръководи управителя на канторът.

4. Да бди върху вървежът на училището и делата на учителите, за което ще е длъжно често да спхожда училищата в[ъв] време на пре[по]да[ва]ние или да задължи учителите да дават неделен изпит в неделя подир отпущ църква.

(Забележка). За да поиде училището в добър ред настоятелството има право да се разполага с шрафове, които ще налага на учениците или на бащите им за неиспълнение [на] длъжност[ите им] или [за] недохождане редовно в училището, също и на учителите.

5. Копие от настоящето журнално постановление да се даде на утвърждение на окружний началник*.

ОДА—Враца, ф. 28 К, д. 253, л. 26—28. Подлинник.

1. Согласно утвержденному 29 августа 1878 г. А. М. Дондуковым-Корсаковым «Временному уставу народных училищ» (см. 80, вып. 2, стр. 314—346), болгарские училища содержались на средства общин. Главными источниками материальных средств для содержания училищ должны были быть: доходы от имущества училищ, часть церковных доходов, добровольные пожертвования в пользу училищ, обязательный взнос от членов общины (единовременный или постоянный). Устав предвидел и создание училищных настоятельств, какие имелись и до Освобождения. Они осуществляли общественно-контрольные функции и отвечали непосредственно за состояние учебного дела в данном населенном пункте. В сущности относительно обязательств общин и училищных настоятельств Временный устав узаконивал практику и традицию, которые существовали еще до Освобождения.

Кроме того, избирались окружные училищные комитеты, чьи задачи были сходны с задачами училищного настоятельства, но в пределах целого округа (так, например, 3 октября 1878 г. на заседании Филипопольского окружного и городского совета на основании § 36 устава о народных училищах членами окружного училищного комитета большинством голосов были избраны видные общественные и культурные деятели болгарского возрождения).

2. Эта монополия служила до Освобождения для приобретения средств в поддержку болгарских религиозных общин, которые со своей стороны оказывали помощь училищам.

* Подписи отсутствуют.

1878 г. мая 16. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова русскому послу в Константинополе А. Б. Лобанову-Ростовскому с просьбой принять меры к освобождению из турецких тюрем политических заключенных болгар

№ 97

Сан-Стефано

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

К заведывавшему гражданскими делами при главнокомандующем Действующей армией поступили от разных городов и лиц ходатайства об освобождении из заключения или из ссылки их родных и сограждан-болгар, задержанных турецким правительством по политическим обвинениям*.

Препровождая именной список сосланных болгар¹, имею честь просить ваше сиятельство не отказать в вашем сношении с оттоманским правительством об освобождении и возвращении поименованных в сем списке лиц на прежние места жительства в силу XVII ст. Сан-Стефанского прелиминарного договора 19 февраля 1878 г.

Ожидая уведомления вашего сиятельства о результатах настоящего ходатайства, прошу принять уверение в истинном моем уважении и совершенной преданности.

Князь Дондуков-Корсаков

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1878 г., д. 2491, лл. 12—14 об. Подлинник.

Приложение

1878 г. не позднее мая 16. — Список политических заключенных болгар, находящихся в турецких тюрьмах и ссылке²

Имена и фамилии

Примечание

1. Хаджи Илья Златьев
2. Василий Коньяров сундукчи
3. Георгий Козловский
4. Киро Икономов
5. Георгий х. Панайотов
6. Тешо х. Митев
7. Димитраки х. Иванов
8. Дмитрий Браколов
9. Парашкева Бянов
10. Панайот Минков
11. Антон Икономов
12. Захарий Жечков
13. Антон Златанов
14. Стефан х. Стоянов
15. Панайот Панович
16. Кутю Панчев
17. Неделчо Сутирев**
18. Русчо Волков
19. Димитар Милков
20. Стефан Сара Иванов
21. Хаджи Петер Добрев

Прошение 9 женщин из г. Ям-боля подано в январе 1878 г. об освобождении их мужей, сосланных турецкими властями в малоазийский город Боло

Прошение 22 жителей*** из г. Сливны подано в январе 1878 г. об освобождении их мужей, сос-

* См. т. 2 настоящей публикации, док. 409, 429, 433, 481 и 482, а также док. 11 и 41 данного тома.

** Правильно: Сотирев.

*** Так в документе. Следует: женщин.

22. Иванчо Сяббев
23. Годор Добрев
24. Добри Па[на]йотов
25. Доктор Планински
26. Димитраки Боюв
27. Ненко х. Райнов
28. Георги Кара-Малаков
29. Димитар х. Манолов
30. Андрей Христордов
Топракчиев
31. Михалаки х. Панайотов *
32. Николай Секилариев
33. Георгий Кулев
34. Дмитрий Станчев
35. Михаил х. Константинов
36. Петр Теранчиев
37. Вербен Дончев
38. Ганчо Цанев
39. Христо Ганев
40. Край Атанас
41. Никола Банев **
42. Марин Николов
43. Велчо Йетов
44. Фильо поп Петров
45. Иосиф поп Петров
46. Иван Ветюв
47. Вуто Ветюв
48. Поп Георгий Даков ***
49. Вуто Пелов
50. Иван Стоянов
51. Дочо Маринов
52. Иван Липов
53. Василий Цветков
54. Илия Костов
55. Христо Гешов
56. Евстратий Гешов
57. Стефан Гешов
58. Савва Пенев
59. Георгий Карамихалов
60. Янако Кереков
61. Матвей Кереков
62. Гри[гори]о Чернов Кереков
63. Геро Пенчов
64. Димитор Пенчов
65. Учитель Петр Станчев
66. Апостолаки Чомаков
67. Игнат Непов
68. Кирчо Волков
69. Георгий Пастух Чабан

ланных турецкими властями
в малоазиатский город Боло

Все — жители г. Рущука; со-
сланы турецким правительством:
Секилариев, Кулев и Станчев —
в г. *Кастамуни*; Константинов, Те-
ранчиев, Дончев и Атанас — на
остров *Кипр*; Ганчо Цанев
в *Триполи*, Христо и Никола Гане-
вы — в Царьград

Все — жители Орханийского окру-
га, г.г. Орхании и Тетеван и
сел. Вардара; сосланы в Азиат-
скую Турцию, в г. Диарбекир

Три брата, жители г. Филиппо-
поля, сосланы в Константино-
поль
Житель г. Тырнова, сослан в кре-
пость Ахи в Малой Азии
Житель г. Адрианополя, задер-
жан турками в Константинополе
и заключен в тюрьму
Все — жители Адрианопольского
окружия

* Лица, перечисленные в списке под № 1—31, упомянуты также в приложении к док. 409,
т. 2 настоящей публикации, стр. 448.

** Правильно: Ганев.

*** Правильно: Диков.

70. Недо Бозаджи
71. Дмитрий Бояджий
72. Учитель Димо Петков
73. Хаджи Георгий Унджи
74. Хаджи Ганчо Пазарджи
75. Хаджи Георгий, сын Хаджи Ганчо
76. Стефан Пиптиев
77. Евстафий Пиптиев
78. Диамандаки, зять Георгия Пиптиева
79. Учитель Стоян поп Марков
80. Афанасий, земледелец Рабаджи
81. Трифон, зять Петра
82. Петр Столоков *

Из м. Мустафа-паша

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2491, лл. 12—14 об. Заверенная копия.

1. В список включена только часть болгар, арестованных и сосланных по политическим причинам.

2. Ямбольские жители, упомянутые в списке, были арестованы и сосланы в период освободительной войны — в конце октября 1877 г., когда в город вошел Керим-паша. Через Адрианополь и Константинополь они были отправлены в ссылку в Боло (см. 25, стр. 290). Зажиточные болгары — жители Сливно — были арестованы 30 ноября 1877 г. и сосланы (там же, стр. 286). Заключение Руцука были арестованы в период освободительной войны в августе 1877 г. по обвинению в революционной деятельности и оказании помощи русским войскам (там же, стр. 316). Что касается сосланных жителей Орханьского округа (Ботевградский округ), то их арестовали и судили в связи с процессом Васила Левского и Д. Обшти в конце 1872 — начале 1873 г. (см. 11). Крупные болгарские торговцы братья Хр., Ев. и Ст. Гешовы из Филиппополя были арестованы турецкими властями в период освободительной войны и вместе с семьями отправлены как заложники в Константинополь (см. 19, стр. 85 и сл.). Упомянутый под № 58 Сава Пенев был участником четы Христо Ботева в 1876 г. Остальных лиц, перечисленных в списке от № 59 до № 82, — жителей Адрианополя, Адрианопольского округа и города Мустафа-паша (Свилеград) также, вероятно, арестовали и сослали во время освободительной войны.

№ 61

1878 г. мая 16. — Протокол заседания Врачанского городского совета об устройстве городской аптеки

Присъствували:

Председател Павел Бошнаков

Членове: Николчо Антонов
Ангел Д. Йоцов

Слушали: Писмо испратено в градский совет от негово високоблагородие окружний началник **, с дата 9 май 1878 № 266, в което провизор Рогозинский се препоръчва за аптекар в градът, предлагающ да отвори аптека¹ на свой счет, с условие да продава лекарства с 20 на % по-доле от австрийската аптечна такса, а за градската болница и бедните и госпиталя с 35 на % по-доле. Н[егово] в[исоко]благородие като намира горните условия удовлетворителни прибавя и обязанностите на бъдащия аптекар: а) Згоден дом за помещение [на] аптеката, за която да се задължи да я държи три години, б) да приеме на безплатно обучение три малки момчета и в) да състави тарифа за гореозначената такса.

Справка: Градский совет като зема в[ъв] внимание горнето предложение и пресметна, че необходимо е нужна подобна аптека, съгласно с предло-

* Лица, перечисленные в списке под № 59—74, 76—82, упомянуты также в док. 429, т. 2 настоящей публикации, стр. 464.

** Капитан П. Д. Нечеев.

жението на негово високоблагородие намира за удовлетворителни условията на Рогозинский, с когото пристъпя да сключи контракт по долоизложените условия заради това и

Постановили: 1. Да се повика Йосиф Рогозинский и да се сключи с него контракт по следоющите условия: а) Рогозинский е длъжен да устрои аптеката в центърът на градът, да бъде суха и пространна, снабдена с [ъс] зимник [и] чардак за сушение [на] треви; б) да я държи три години; в) да приеме на безплатно обучение три момчета от българска народност с [ъс] срок три години; г) да состави тарифа на лекарствата според гореозначената такса с намаление по 20 на %, от която да остави един екземпляр в градския совет, а други да предаде на негово високоблагородие за представление на губернатора; д) да даде описание на лекарствата, които му са предадени от турското правителство, колко е похарчил от них и за останалите да плати според виенската цена на *дрогиста Раабе* и е) местните лекари са длъжни да купуват лекарства от аптеката на Рогозинский, но не по означената такса, а да се съгласяват, понеже те ще купуват в по-голямо количество.

2. Да се даде обявление, че никак се недозволява продаване лекарства по дюкяните.

3. Да се поднесе настоящето журнално постановление на утвърждение на окружний началник.

Председател
Членове *

ОДА—Враца, ф. 28 К, д. 253, лл. 28—29. Подлинник!

1. «Временные правила по устройству медицинского управления в Болгарии» (от 1 февраля 1879 г.) включали в третьем разделе «Правила по устройству аптек в Болгарии». Все аптеки должны были быть переделаны на европейский лад. Введена была официальная фармакология и установлена аптечная такса. Аптеку мог открыть всякий, но заведовать ею мог только фармацевт. Городская аптека во Враце была создана ранее издания «Временных правил», но соответствовала всем их требованиям (см. 24, стр. 55—62).

№ 62

1878 г. мая 17. — Предписание А. М. Дондукова-Корсакова
Л. И. Ильашевичу о порядке сбора урожая с полей турок

№ 121

Сан-Стефано

Вследствие рапорта вашего от 2 апреля за № 147, коим вы испрашиваете разъяснения об условиях, на которых болгаре могут собирать жатву с турецких земель, засеянных турками прошлою осенью, имею честь сообщить: 1) что по силе повеления его императорского высочества главнокомандующего уборка оставленных турками засеянных полей возложена на болгар с предоставлением им за работу третьей части жатвы и сохранением остальных двух третей в пользу отсутствующих хозяев, если бы таковые возвратились, и 2) что собранный продукт будет обложен поземельным налогом, правила которого вам будут сообщены в непродолжительном времени¹.

Подлинный подписал императорский российский комиссар генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32772, л. 152, 152 об. Заверенная копия.

1. Поземельный налог должен был взиматься и с части урожая, принадлежащего турецким землевладельцам, большинство которых еще не вернулось. Земли их сдавались в аренду, а доходы с них отходили к государству и зачислялись в особый параграф «условного поступления». Такая арендная система формально существовала и во время турецкого господства. Русское гражданское управление использовало ее до составления специального распоряжения по этому вопросу, утвержденного в журнале постановлений Совета российского императорского комиссара в Болгарии от 2 августа 1878 г. (см. 80, вып. 5, стр. 317—318 и док. 74).

* Подписи отсутствуют.

1878 г. мая 20.—Обращение представителей 21 церковно-школьной болгарской общины Македонии к А. М. Горчакову с просьбой не отделять их от Фракии и Мизии и с протестом против действительного греческого духовенства, направленных к сохранению status quo ¹

Salonique

Солун

Excellence!

Chacun connaît les dures souffrances auxquelles les populations chrétiennes ont été en butte pendant plusieurs siècles sous la domination fanatique des Turcs.

On connaît également les cruautés inouïes que les paisibles populations bulgares de la Mésie, de la Thrace et de la Macédoine ont eu à endurer dans les derniers temps de la barbarie musulmane, cruautés, qui ont soulevé l'indignation de tout le monde civilisé, et qui ont provoqué la guerre russo-turque, laquelle a pris fin par le traité de San-Stéfano.

Le peuple bulgare s'est vivement réjoui en voyant ses vœux réalisés et ses besoins satisfaits, et nous tous Bulgares de la Macédoine, nous nous attendions avec anxiété à nous voir soustraits en vertu du dit traité, au joug insupportable qui pèse encore sur nous. Mais au lieu de cela, nous voyons avec un grand regret, que les autorités locales, aidées du clergé grec, travaillent systématiquement contre notre émancipation, en employant tous les moyens dont elles disposent, par lesquelles elles ont réussi à arracher les signatures de quelques Bulgares pour en abuser ensuite, en déclarant devant les grandes Puissances que notre province est grecque, et que nous ne désirions qu'un statu quo amélioré de notre situation, répudiant toute idée d'union avec la principauté Bulgare ².

Nous sommes profondément affligés de voir qu'en abusant de nos signatures on s'est joué de notre sentiment national d'autant plus que nous avons sujet de croire qu'une pareille fausse déclaration a été remise à votre excellence.

En conséquence nous soussignés, délégués de plusieurs districts de la Macédoine ³, prenons la liberté de vous soumettre la présente, par laquelle nous protestons de la manière

Ваше високопревосходителство!

Познати са вече на цял свят вековните страдания и мъки, на които беззащитно бяха изложени християните под турското фанатическо господство. Познато е също, че адските изтезания, които особено претръпе в последно време миролюбивия българският народ от турското безпримерно варварство по всеопространство на бащиното му огнище в Мизия, Тракия и Македония подигнаха общо негодование в образованите европейски свят, и най-после извика руско-турската война, която недавно престана по последствие на сключений в С.-Стефано по между двете воюющии страни мирний договор.

Всичкий българският народ се зарадва като видя, че желанията му се изпълниха и нуждите му се удовлетвориха и ний всите българе в Македония съ[с] силата на Св.-Стефанский договор чекахме с големо нетръпение освобождението си от беснующето още над нас турско варварство. Но на място това за голяма жал виждаме, че местните власти от една страна, и гръцкото духовенство от друга с различни средства изнудиха от някои наши невинни братия подписа да ги злоупотрепят като уверят великите поручителни сили, че уж ний сме били гръци и сме желаели само улучшенно status quo, а не присоединението си с новоучреждаемото Българско княжество ².

Това безнаказано подигравание с народното ни име и чувство дълбоко наскърби всички ни, особито при предположението, че тажво едно лъжливо изявление от името уж на македонските българе, може да се е вече подало и на ваше високопревосходителство.

Поради това покорноподписаните пре [д] ставители от разни общини в Македония ³ осмеляваме се днес

la plus catégorique, contre l'acte ayant pour but d'abuser de nos signatures, et nous vous supplions en même temps au nom de l'humanité et de la justice de vouloir bien agir auprès le gouvernement de sa majesté l'empereur de toutes les Russies, afin qu'une commission internationale soit envoyée pour constater sur les lieux que nous sommes Bulgares et que nos vœux et nos besoins sont identiques à ceux de nos frères d'au delà et de deçà des Balkans.

Ce serait le moyen le plus efficace pour faire cesser les cris absurdes de l'insignifiant élément grec en Macédoine, lequel cependant s'efforce d'inquiéter l'Europe par ses prétentions mal fondées.

Dans l'espoir que votre excellence voudra bien prendre en considération notre supplice, nous avons l'honneur d'être de votre excellence les très-humbles et très-obéissants serviteurs*.

Suivent les sceaux des communautés bulgares des districts et les signatures des délégués des cazas: de Serres, Velless, Scopia, Strumitza, Salonique, Tikveche, Ghevghili, Demir-Hissar, Drama, Radovitche, Koukouche, Vodena, Chtipp, Tetovo, Koumanovo, Petritchê, Nevrocopp, Bitolia, Okhrida et Perlérép.

най-смирено да ви поднесем настоящето прошение, с което, като протестуваме против всякий злоупотребител на нашите подписи, същевременно умоляваме ваше високопревосходителство в името на правдата и човеколюбието, да благоволите да подействувате пред честното правителство на негово величество императорът всеросийски за да се определи, ако би било нужно една комисия, която ще може най-безпристрастно и най-здраво да испита на местото и да се увери, че нашите желаня и нужди са общи и неразлучни с тия на нашите братия българе, които населяват Мизия и Тракия и с такъв начин да престанат онъж за всякога без срамните викове на незначителний по между на гърцки елемент, който не престанува от да безпокои човеколюбива Европа в[ъв] възвишените ѝ чувства и намерения към страдающите. В твърда увереност, че милостиво ще погледнете на тая ни смирена просба зимаме чест с най-дълбоко почитание да се наричаме на ваше високопревосходителство

покорнейши слуги
македонски българе,
пре[д]ставители от разни
общини от Македония

[Текст печатей]:

«Българ[ска] чер[ковна]
община в Серес»

[на турецком языке]:

«Община болгарской народности
в Сересе»

«Вел[е]шко ч[е]рк[о]вно
настоятелс[т]в[о], 1818.»

«Скопское болгарское
общество, 1870.»

«Българска община
в Струмица, 1870.»

[на турецком языке]: «Бол-
гарская община в Струмице.

Пре[д]ставители серески:

Илия Иванов Коларов
Иван Братанов

» велешки:

Саздо Петрушов Шулеи
Андреу Георгов

» скопски:

Тодор Стевков
Иован Карагеоров

» струмички:

Ставрит Тимов
Костандин Русович
1870.»

* См. док. 42.

«Мелничко-Драмско-Неврокопско и Серско учителско дружество»

«Българска църковна община в Солун»

«Българска община в Неготин, 1871»

«Българска община в Гевгелия, 1874»

«Казалиски совет в Демир Хисар»

«Казалиска [бъ]лгар[ска] община . . .» *

«Българ[ска] съединена община, 1868. Кукошко. *Communanta Bulgara unie*».

«Българска църковна община в Щиб. Костендилск[a] епархия»

«Ватоска община, 1870»

«Българска община в Тетово, 1869»

«Българска община Куманово, 1870»

«Казалиски совет в Петрич»

«Невр[окопска] община, 1876»
[на турецком языке]:
«Болгарская народность»

«Българска община в Прилеп»
[на турецком языке]:
«Болгарская община в Прилепе»

Настоятели училищни:

Стефан Шаманджиев
Георги Людаховский

Преставители солунски:

Паунчов Никола
Насто Стоянов

» неготински (Тиквеш):

х. Арсо
Христо Николов

» гевгелски:

Георги Баялцали
Ичо Доганов

» демир хисарски:

Поп Димитри Кириевски
[Ив]ан Гологанов

» драмски:

Печо х. Оглу
Алекси Чанов

» радовишки:

Христофор Константинов
Христо Икономов

» кукушки:

Андон х. Стойков
Михал х. Динов

» воденски:

Трайча Стоянов
Иован Безо

» щипски:

Мано Панайотов
Лазо х. Димитриов

» ватос[ки]:

Мите Ризов
Ризо Добрев

» тетовски:

Иконом поп Серафим
Зафир Николов

» кумановски:

Поп Рожин
Димо Иванов

» петрички:

Стоян Георгиев
Георги Урумов

» неврокопски:

Георги Иванов
Атанас Грозданов

» прилепски:

Христо х. Лилив.
Христо Фукара

* Одно слово неразборчиво.

Преставители битолски:

«Българска община
в Битоля»

Хаджи Петко
Димко Ацев

[на турецком языке]: «Бол-
гарская община в Манастире,
1872»

»

охридски: *

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 31, ч. 1, лл. 208—211 об. Подлинник.

1. Публикуемый документ не является единичным. Схожие заявления, содержавшие протесты против решений Берлинского конгресса о сохранении турецкой власти в Македонии, были представлены как русскому посланнику в Константинополе, так и английскому генеральному консулу в Салониках. Датированное октябрём 1878 г. обращение «des esnafs bulgares macédoniens de Cons[tantino]ple» и подписанное «d'autres Bulgares de Macédoine» к русскому представителю в Константинополе (АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, ч. II, лл. 53—55об.) было подписано цеховыми старостами, приказчиками, старшинами болгарского населения отдельных районов Константинополя и лицами, для характеристики которых нет никаких данных (прилагается список расшифрованных надписей на печатях). Называя себя македонцами (les Macédoniens), они говорят о надеждах на окончание своих страданий, вызванных заключением Сан-Стефанского мирного договора, и разочарованием решениями Берлинского конгресса, которые оказались хуже постановлений Константинопольской конференции. Та обещала административную автономию, тогда как решения конгресса восстанавливали режим, вызвавший события в Батаке, и др. В силу невыносимого положения населения Македонии (de la population de Macédoine) подписавшиеся присоединяются к протесту своих братьев из Болгарии и Фракии (de ses frères de la Bulgarie et de la Thrace) против несправедливого Берлинского трактата, который будет вызывать новые взрывы (conflagrations), и просят об изменении Берлинского договора.

К документу приложены 33 печати, надписи на которых даются в переводе с турецкого языка:

1. Тахсилдар ** с огородов в Лекфе-и кебир
2. Тахсилдар с огородов [далее неразборчиво]
3. Тахсилдар с продавцов югурта и каймака ***
4. Тахсилдар с продавцов каймака Ускюдара
5. Тахсилдар с продавцов югурта и каймака
6. Старший мастер [далее неразборчиво] в Бююк[дере]
7. Мухтар **** болгарского населения в Фенере, 12 [две цифры неразборчивы]
8. Мухтар болгарского населения в Орта-киой, 1287 г.
9. Кристо Митро, 12 [две цифры неразборчивы]
10. Тахсилдар с огородов в Булаткулу
11. Стефан
12. Наум, 1282 г.
13. Мухтар болгарского населения в Бейоглу, 1292 г.
14. Димитри Илия
15. Митро, сын Стана [или Стояна]
16. Кален, сын Стояна
17. Иван, [сын] Илияна
18. Мухтар болгарского населения в Айвин-сарая, 1286 г.
19. Иставри [или Ставри] Трайче
20. Тотко, сын Ивана
21. Иван, сын Андона
22. Яни Наум
23. Митро Йорги, Митри, сын Георгия
24. Трайчо Ефким
25. Митуш Тимончо [фамилия читается предположительно]
26. Танас Иван [дата неразборчива] г.
27. [Имя неразборчиво], сын Джурми
28. Йорги Андон, 128 [цифра неразборчива] г.

Надписи на пяти печатях прочесть не удалось.

Далее следуют 50 подписей.

2. Очевидно, практика вымогания у населения подписей под заявлениями о желании остаться под турецким владычеством и петициями, отвечающими интересам греческого духовенства, была довольно широко распространена в Македонии. Жалобы на подобные насильственные действия содержатся и в других документах (см. док. 42).

3. Болгарские церковные городские общины в эпоху Возрождения в ряде случаев охватывали и население прилегающего района.

* Подписи отсутствуют.

** Сборщик налогов.

*** Кислое молоко, сливки.

**** Староста.

ПЕЧАТИ БОЛГАРСКИХ ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНЫХ ОБЩИН В МАКЕДОНИИ
И ПОДПИСИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

de nos pères d'au delà et de deçà les Alpes
Balcanes

Ce serait le moyen le plus efficace pour faire cesser les erreurs absurdes de l'insignifiant élément grec en Macédoine, lequel cependant s'efforce d'insinuer l'Europe par ses prétentions mal fondées.

Dans l'espoir que votre Excellence voudra bien prendre en considération notre supplique nous avons l'honneur d'être de votre Excellence les très-humbles et très-obéissants serviteurs.

Salonique
le 20 Mai 1878.

мы не имаме на май не имаме
проста, јунаци не сме со најголемо
нормално да се наричаме на Бугар
Католическиот елемент
некорисен елемент
Македонскиот елемент
Претставител на одржаните објединети од
Македонија.
Салони, 20 Мај 1878.

Претставител на Црквата
Миса Младка Караџа
Никола Браќанов
" " Велики
Саздо Томевиќ Шувев
Димитар Караџа

Мѣстобитности Скопско
и др. мѣстности
и вѣнъ Купреско

Suivent les noms
des communautés
bulgares des districts
et les signatures des
délégués des Casas:

"Сръбски
"Сараевски
"Келменски

Каменица
Кривопаланка
и др. мѣстности

Мѣстобитности
Скопско
и др. мѣстности

de Terres
Villes
Scopia
Kumitza
Salonique
Tirveche
Gheorgheli
Oemia-Hysar
Drama
Radovitchi
Koukouche
Vodena
Ohtipje
Tetovo Koumanovo
Pohitchi, Kirovopoli
Bitolia Ohtrida,
et Pélipé

и др. мѣстности
и др. мѣстности

"Сербски
"Сараевски
и др. мѣстности

и др. мѣстности
и др. мѣстности

и др. мѣстности
и др. мѣстности

Раговицки
Лезини фотзи хорумантисан
Хрнесто и Попанови

Преставителски Ватан
ниче рјуче
Руче Софери

Нуркички
Анур и Анурови
Мухамед Х Анурови

Метовички
"Коломе пака осадина
ДАФИРА НИКОЛОВА

Богевички
"Фрнз селозови
ГОРОНЪ РОДО

Кушановички
"Полъ докити
ДИМО ИВАНОВИ

Петрички
"Сатисне Георгиеви
Георге Фрукичи

Шенички
"Мило Стадјимови
1850 Х. Анри трпиво

Кобронички
"Георге Ивкови
АНТОАНЕ ПРОЗАНОВИ

Применски
"Хрнесто и Мило
Хрнесто Фудари

Сметански
"Кадри Степки
Димко Оцеви

Орнучки

Каменица
1875 г. 21

№ 64

1878 г. мая 20.—Письмо А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Дондукову-Корсакову о намерении Министерства иностранных дел восстановить деятельность русских консульств в Болгарии *

№ 79

Милостивый государь князь Александр Михайлович!

По случаю назначения вашего сиятельства императорским российским комиссаром в Болгарии Министерство иностранных дел предположило восстановить деятельность наших консульств и агентств в Болгарии. Мера эта, по мнению министерства, имела бы ту выгоду, что присутствие наших консулов в таких местностях, как Руцук, где уже случались столкновения временных гражданских властей Болгарии с агентами иностранных держав, могло бы устранять подобные столкновения и регулировать отношения этих властей к помянутым агентам.

Предварительно приведения в исполнение этого предположения министерство просило меня сообщить ему, считаю ли я предположенную меру своевременною, и в каких местностях Болгарии было бы более удобным восстановить наши консульства. С своей стороны, прежде представления министерству какого-либо заключения по сему предмету считаю долгом покорнейше просить ваше сиятельство сообщить мне мнение ваше касательно возбужденного ныне вопроса. Лично я полагаю, что до тех пор, пока управление Болгарии будет находиться в руках русского комиссара, можно было бы воздержаться от назначения консулов, а прикомандировать их к императорскому комиссару, равно как и к губернаторам в важнейших городах, где находятся иностранные консульства, под именем дипломатических чиновников, которые пользовались бы положением, присвоенным агентам министерства в Варшаве, в Тифлисе и в Одессе.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Кн. Лобанов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8768, лл. 1—2. Подлинник.

№ 65

1878 г. мая 22. — Отношение А. К. Имеретинского А. М. Дондукову-Корсакову о предании военному суду виновных в нарушении общественного порядка

№ 1428

С.-Стефано

Главнокомандующий приказал передать вашему сиятельству, что он находит необходимым, чтобы все местные жители, предающиеся бесчинствам, не исключая греков и болгар, предавались бы военному суду и судились бы по законам военного времени¹. Сообщая об этом вашему сиятельству, приговаривая, что его высокопревосходительство находит полезным, чтобы об этой мере было объявлено всему местному населению; впрочем, главнокомандующий предоставляет это совершенно вашему усмотрению.

Подлин[ная] подп[ись] н[ачальника] ш[таба]: г[енерал]-ад[ъютант] Имеретинский

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7501, л. 11. Заверенная копия.

1. Русское командование строго следило за порядком в освобожденных районах Болгарии. Наказывая виновных, оно не допускало несправедливых репрессивных мер по отношению к мирным жителям, христианам или мусульманам.

* См. док. 115, 131, 137.

В прокламации главнокомандующего от 1 июня 1877 г. и обращении Александра II от 10 июня 1877 г. к населению Болгарии официально было сказано, что оно обязано подчиняться законным требованиям властей, которые будут установлены на освобожденной территории Болгарии. Лица, виновные в нарушении порядка, будут предаваться полемому военному суду (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7563, лл. 161—162; д. 7675, л. 8—8 об.; д. 7481, л. 11; 80, вып. 1, стр. 3—7).

№ 66

1878 г. мая 22. — Телеграмма А. М. Дондукова-Корсакова Д. А. Милютину о смотре болгарских дружин в Филиппополе и об успешном завершении призыва в Болгарское ополчение*

№ 226

Филиппополь

Вчера прибыл в Филиппополь, принят жителями восторженно. Сегодня произвел смотр расположенным здесь болгарским дружинам, нашел их в прекрасном состоянии¹. Набор в новые болгарские дружины окончен быстро и весьма успешно, при сем множество заявило желание поступать в охотники, что дает надежду на успешное формирование Земского войска², к которому приступлю немедленно.

Князь Дондуков

Помета Д. А. Милютина: Доложено его величеству 22 мая.
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7900, л. 109. Телеграфный бланк.

1. Одновременно с призывом в ополчение 9000 молодых болгар изменилась и дислокация болгарских дружин: восемь из двенадцати дружин размещались на юг от Балкан, чтобы в случае военной опасности поддержать там русские войска (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7430, л. 45).

2. Вопрос об организации Болгарского земского войска обсуждался 7 апреля 1878 г. на специальном совещании при Д. А. Милютине, с участием А. М. Дондукова-Корсакова и генерала Н. Н. Обручева (там же, д. 7900, лл. 5—6). Тогда были приняты «Временные правила для образования Земского войска княжества Болгарского» и «Инструкция для обучения ратников Земского войска», утвержденные Александром II 25 апреля 1878 г. (см. 80, вып. 2, стр. 3—13). Эти документы определяли ближайшие задачи русского гражданского управления в области военного строительства Болгарии. Болгарское ополчение преобразовывалось в Земское войска. На совещании при военном министре были установлены состав и общая численность Земского войска общим числом 84 750 человек: 59 пеших дружин (тысячного состава), 13 конных дружин, 17 артиллерийских батарей. Однако в секретной инструкции (от 15 апреля 1878 г.) А. М. Дондукову-Корсакову разрешалось на месте определить численность Земского войска, сообразуясь «с внутренними потребностями страны и с соображениями политическими» (см. 80, вып. 3, стр. 280). Для быстрого формирования и обучения Земского войска было решено выделить из состава русской Действующей армии 1 генерала, 32 штаб-офицера, 429 обер-офицеров и 4358 инструкторов из нижних чинов (см. там же, д. 7900, лл. 38—50; ЦГИАЛ, ф. 932, д. 59, лл. 101—107).

Хотя на совещании и была принята милиционная система формирования болгарской армии, но практически она стала переходной формой к созданию кадровой армии.

№ 67

1878 г. мая 27. — Письмо Д. А. Милютина главнокомандующему Действующей армией Э. И. Тотлебену о плане действий русской армии на Балканах в случае войны с Англией, Австро-Венгрией и Турцией**

№ 112

Весьма секретно

Милостивый государь Эдуард Иванович!

Телеграмма ваша от 21 мая***, на которую вам уже передан краткий ответ по телеграфу****, вызывает самое серьезное обсуждение того общего

* См. док. 39, 46, 50 и примечания к ним.

** См. док. 9 и примечания к нему.

*** См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7447, л. 98, 98 об.

**** Там же, л. 99, 99 об.

плана действий, на который мы должны решиться в случае разрыва с Турцией, Англией и Австрией.

Взвешивая относительные силы ваши и турок, ваше высокопревосходительство приходите к заключению, что даже отойдя на линию Адрианополя вы будете слабы и что выделение из Балканской армии XII и XIV корпусов, хотя бы с заменой их резервами, поставит ее в опасное положение¹.

Государь император признает справедливость вашего вывода. Но тем более его озабочивает мысль, как изменить это невыгодное положение армии и, в особенности, как противостоять опасности, которая в случае новой коалиционной войны будет грозить всей империи?

По зрелом обсуждении есть одно основание, безусловно определяющее наше решение, это то, что в случае коалиционной войны мы прежде всего должны разделиться с Австрией и что только сокрушив австрийскую армию, мы можем рассчитывать на упрочение успехов и положения нашего в Болгарии.

Чтобы разбить австрийцев, необходимо, однако, собрать достаточное число войск, а для этого при ограниченности сил, находящихся в России, остается одно средство: привлечь к совокупному наступлению против австрийцев часть войск Балканской армии.

Пока можно было надеяться овладеть Босфором, перед нею была определенная наступательная цель². Теперь, когда ваше высокопревосходительство пришли к убеждению о необходимости отойти к Адрианополю, роль Балканской армии выходит чисто оборонительная, и обречь на эту роль сполна 300 батальонов, составляющих ныне Задунайскую армию, едва ли было бы сообразно. Вместо отборных войск для этой цели, где только можно, должны быть употребляемы войска резервные или наскоро, по примеру турок, формируемые дружины. Те же полевые части, которые не требуются, безусловно, для поддержки обороны, должны получить более активное назначение и принять участие в достижении главной цели — поражения Австрии.

Употребление войск Балканской армии для указанной цели может вылиться в различные формы, но главнейшими и наиболее противоположными представляются следующие две: 1) Балканская армия, оградив себя с востока и сосредоточив сильный отряд (в несколько корпусов) на западе, может самостоятельно участвовать в наступлении, вторгаясь этим отрядом в австрийские пределы через Сербию или Малую Валахию, и 2) не предпринимая самостоятельного наступления, Балканская армия может сконцентрировать свои силы преимущественно в Восточной и Северной Болгарии и передать возможно больше войск на левый берег Дуная, где они вольются в общую массу наших сил, вторгающихся в Трансильванию.

Между этими крайними могут быть еще средние способы, и ожидаемые от вашего высокопревосходительства соображения, вероятно, уяснят это дело. Тем не менее, кажется, что все планы, склоняющиеся к первому из указанных способов, представляя известные выгоды, будут сопряжены с большими затруднениями.

Если Балканская армия настолько обеспечена местными средствами и заготовленными запасами, что может, не дорожа постоянными сообщениями с империею, передвинуть весь центр своей тяжести к западу и безбоязненно ожидать развития действий неприятеля со стороны Мраморного и Черного морей, тогда самостоятельное наступление сильного ее отряда против Австрии действительно может дать хорошие результаты. Оно поднимет и подкрепит все силы Сербии, Черногории и Боснии, заставит австрийцев считаться с лишними 50—60-тысячами союзного нам войска и при успехе может увлечь в движение даже всех южных австрийских славян. Но как будет существовать эта армия, как будет пополняться, куда будет сдавать своих больных, как обойдется она без сношений с империею, на что и на кого обопрется, если потерпит неудачу? Настоящий крайне слабый строевой состав Балканской армии, о котором вы доносите, не достаточно ли свидетельствует, как трудно

поддерживать силу войск, когда при неблагоприятной обстановке они находятся вдали от отечества?

При втором способе, стягивающем силы Балканской армии к северо-востоку, мы можем уже гораздо менее рассчитывать на содействие Сербии, Черногории и вообще южных славян. Но взамен их помощи положение наших собственных войск будет несравненно более надежно. Те силы, которые разделит Балканская армия на левый берег Дуная, вольются прямо в общую массу, совокупно наступающую против австрийцев. Сама Балканская армия, не разбросанная далеко на запад, будет ближе к источникам всех своих снабжений, будет легче поддерживаема в боевом своем устройстве, а на случай крайности всегда сохранит возможность присоединиться к войскам, действующим в Румынии, или отступить в отечество. Если при этом болгары будут менее обеспечены, зато в собственных наших действиях будет более единства и связи, менее риска понести отдельные поражения и более надежды успеть в главной цели, от которой по преимуществу будет зависеть историческая судьба как наша, так и Балканского полуострова³.

Постоянно склоняясь к этому второму способу действий как наиболее обеспечивающему связь и сообщения наших армий, государь император в общем распределении сил (сообщенном вашему высокопревосходительству) предначертал отделение от Балканской армии XI, XII и XIV корпусов. И если ныне ваше высокопревосходительство признаете подобное отделение опасным, то его величество полагает, что улучшение вашего положения должно быть достигнуто никак не нарушением основного его решения, которое, напротив, может получить по обстоятельствам еще большее развитие, а единственно сокращением той задачи, которая в случае большой войны может быть возложена на Балканскую армию.

В сих видах государю императору благоугодно, чтоб ваше высокопревосходительство представили соображение, какое положение и какой способ действий наиболее отвечали бы составу Балканской армии, убавленному не только на три выше указанные корпуса, но в случае надобности еще и на XIII с заменой оного одною резервною дивизиею. Может ли в сем случае быть сохранен Адрианополь и защищена долина до р. Марицы или, напротив, следует ограничиться Балканами или даже только известною их частью? В состоянии ли вы будете отделить сколько-нибудь значительный отряд для поддержания и ограждения с юга Сербии или только мелкие, подвижные отряды, скорее лишь для нравственной поддержки тех сил, которые выставит местное население? Как велики могут быть эти силы, какие меры полагали бы принять для успешнейшего их развития? Как полагаете воспользоваться Виддином или приходите к окончательному заключению скрыть его? Где думаете расположить ваши резервы в том смысле, чтоб в случае надобности они могли быть обращены не только к Балканам, но и на Дунай или даже в Валахию?

Все эти соображения определяют более тесный круг действий Балканской армии. Но он неизбежен в случае большой войны, и лучше систематически, обдуманно к нему подготовиться, чем быть вынужденными внезапно изменить свое широкое положение и второпях покидать свои позиции.

Государь император вполне уверен, что насколько ваше высокопревосходительство твердо стоите в том положении, которое требуется нынешними обстоятельствами, настолько же последовательно и искусно вы перейдете к тому новому положению, которое может создать нам большая война. Имея же в виду необходимую связь в ведении всех предположенных государем императором операций, наиболее зависящую от точных сведений о размещении и передвижении войск, ваше высокопревосходительство, не преминете возложить на вверенный вам Полевой штаб обязанность еженедельно доставлять для доклада его величеству подробные и отчетливые ведомости о местах, занимаемых войсками Балканской армии, о маршах, ими производимых, в особенности тех частей, которые предназначены для Юго-Западной

армии, а также о всех подготовительных мерах, клонящихся к постепенному выполнению предначертанного его величеством общего плана ⁴.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности

Д. Милютин

Р. С. Сейчас получил вашу телеграмму № 8164 касательно 5-й и 6-й резервных дивизий. Недостаточная готовность их к боевым назначениям не может изменить общего расчета наших сил и соображений. К сожалению, и другие резервные дивизии должны быть не в лучшем состоянии, а между тем из резервных дивизий будет состоять большая часть наших сил, имеющих действовать против Австрии. При таком положении остается только желать и стараться, чтобы, насколько возможно, отдалить разрыв, чтобы дать время вновь сформированным войскам хотя сколько-нибудь окрепнуть.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7447, лл. 100—104 об. Подлинник.

1. Э. И. Тотлебен, приняв 15 апреля 1878 г. главное командование, 27 апреля донес Александру II о невозможности занятия Босфора; он считал желательным, «чтобы отступление. . . от Константинополя было бы не вынужденным, но добровольное» (см. 70, вып. III, стр. 88).

Э. И. Тотлебен в телеграмме от 21 мая, указывая на опасность вывода корпусов из Балканской армии, мотивировал это тем, что с выделением их Действующая армия будет насчитывать южнее Балкан всего около 100 тыс. человек. Против них, как ожидали, могут быть брошены турецкие войска численностью 140 тыс. человек, а всего на юге от Балкан они могли выставить 160 тыс. человек. К турецким силам на юге от Балкан могли, по предположению Э. И. Тотлебена, присоединиться до 70 тыс. англичан и при наличии мощного флота высадить в Бургасе десант, перерезав пути сообщения русской армии. Кроме того, турки не вывели еще свои войска из Шумлы и Варны, где они располагали 37 тыс. человек (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7447, лл. 98, 112—114).

2. В письме от 27 апреля Э. И. Тотлебен предложил план действия Балканской армии, согласно которому большая часть ее сосредоточивалась около Адрианополя, отсюда выдвигались сильные отряды к Бургасу, к Софии и Филиппополю, чтобы отстоять Болгарию (см. 70, вып. III, стр. 87).

В Петербурге согласились с выводами Э. И. Тотлебена (см. там же, стр. 99). Как видно из комментируемого письма Д. А. Милютин, планы действия Балканской армии претерпели значительные изменения. Но пересмотреть ранее утвержденное распределение войск Александр II отказался.

3. Телеграммой от 25 мая Д. А. Милютин запросил главнокомандующего, в какой мере можно рассчитывать на поддержку балканских народов (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7447, л. 99). 1 июня 1878 г. Э. И. Тотлебен представил Александру II записку: «Соображения об общем плане действий Действующей армии и о кооперации Сербии» (см. 70, вып. III, стр. 111—119). Относительно позиции Черногории А. С. Ионин телеграфировал 16 (28) мая: «Думаю, Австрия без Англии воевать не будет, а в случае войны с Англией Черногории придется драться еще с турками, и никаких сил против Австрии не останется. При обеспеченном же мире с турками черногорцы, вероятно, могут выставить против Австрии до 12 тыс.» (АВПР, ф. ГА, V—A₁, д. 9, л. 11). Силы болгар в случае новой войны оценивались равными одной пехотной дивизии (ЦГВИА, ф. 430, д. 51, л. 1).

4. Э. И. Тотлебен 8 июня представил план действия Балканской армии: «Дополнительная записка относительно предстоящих действий в случае разрыва с Турцией, Австрией и Англией» (см. 70, вып. III, стр. 125—129). В связи с отказом Александра II оставить в составе Балканской армии XI, XII и XIV стрелковые корпуса Э. И. Тотлебен предложил при наступлении превосходящих сил противника перенести оборону на линию главного Балканского хребта.

12 июня от русских представителей на Берлинском конгрессе было получено сообщение о признании конгрессом самостоятельности Болгарского княжества, об очищении турками Шумлы и Варны и об оставлении в обеих частях Болгарии русских войск в течение годичного срока.

Эти решения дали России «благовидный предлог, чтобы ускорить отвод нашей Забалканской армии из-под стен Константинополя» (57, стр. 69). В тот же день Д. А. Милютин отправил Э. И. Тотлебену секретную телеграмму: «Оставление нашей армии под Константинополем, перестав быть грозой для турок, может в случае общей войны сделаться опасным для нас самих. Государь император предлагает воспользоваться первым благовидным предлогом, чтобы отвести войска от Константинополя, даже не выждав очищения турками крепостей» (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7447, л. 148).

1878 г. мая 27. — Инструкция особого совещания при Александре II русским уполномоченным на Берлинском конгрессе ¹

En prenant pour base les mémoires anglais ², il est utile de chercher à nous rendre compte des difficultés qui nous attendent au congrès et de nous fixer un maximum et un minimum de concessions.

1. Outre les demandes anglaises, il faut prévoir les exigences de l'Autriche. En combien sont-elles conciliables ou contraires? Devrons-nous satisfaire aux unes et aux autres?

C'est ce qui importe d'examiner.

a) *Bosnie et Herzégovine*

Avec l'Autriche nous nous sommes engagés à appuyer ces annexions, mais dans certaines éventualités. A Reichstadt c'était en cas de dissolution de l'empire Ottoman*. D'après notre convention politique, c'était, de plus, en cas de remaniements territoriaux résultant de la guerre**.

C'est cette dernière éventualité qui s'est réalisée. Dans nos conditions de paix nous avons, il est vrai, laissé la Bulgarie vassale de la Porte. Les bases anglaises auxquelles nous adhérons réduisent encore plus les conditions politiques et territoriales stipulées en faveur de la Bulgarie***. Néanmoins l'indépendance et les extensions de limites accordées à la Serbie, à la Roumanie et au Monténégro, la restitution à la Russie de la partie cédée de la Bessarabie et enfin nos acquisitions en Asie, ont été jugées constituer des remaniements autorisant les annexions autrichiennes.

Toutefois le consentement que nous y avons donné, supposait en retour une Bulgarie toute autre que celle des bases anglaises. Le comte Andrassy admettait une Bulgarie compacte, dépassant les Balkans et complètement autonome. Il n'objectait pas absolument à son extension jusqu'à la mer Egée. Il se bornait à en retrancher la partie occidentale formant une province de Macédoine. Dans le cours de nos discussions avec lui, il a maintes fois menacé d'en revenir à la lettre de nos arrangements de Reichstadt, c'est-à-dire à borner sa solidarité avec nous aux annexions prévues de la Bosnie et de l'Herzégovine à l'Autriche et de la partie cédée de la Bessarabie à la Russie. Pour le reste, chacun reprendrait sa liberté d'action et le comte Andrassy se réservait de soutenir en congrès l'idée anglaise d'une Bulgarie au Nord des Balkans.

La solution contenue dans les bases anglaises équivaut à peu près à ce résultat, car elle conteste même son nom à la Bulgarie du Sud et ne lui accorde qu'une autonomie administrative restreinte****.

Dans ces conditions, l'Autriche doit-elle être considérée comme fondée à réclamer la Bosnie et l'Herzégovine comme nécessaires au rétablissement de l'équilibre en sa faveur?

Il paraît certain que le cabinet de Vienne n'entend tenir cette annexion que des mains de l'Europe. Or, nous savons que l'Angleterre n'admet qu'une occupation éventuelle et temporaire, limitée à la durée du séjour de nos troupes en Bulgarie. Elle refuse l'annexion définitive. D'autres oppositions sont à prévoir.

Si l'on conteste à l'Autriche ces acquisitions et qu'elle soit obligée d'y renoncer malgré notre vote en sa faveur, que deviendra sa solidarité avec nous dans la question de la Bessarabie? Les deux annexions étaient dépendantes l'une de l'autre aux termes de nos arrangements.

En bonne justice, du moment où nous votons pour l'Autriche en Bosnie, elle est tenue à voter pour nous en Bessarabie. Mais comprendra-t-elle nos en-

* См. «Сборник договоров России с другими государствами (1856—1917)». М., 1952, № 22, стр. 146—148.

** См. ст. IX основной австро-русской конвенции от 3 (15) января 1877 г., подписанной в Будапеште, и ст. III дополнительной конвенции (там же, № 23, стр. 153—155).

*** См. меморандум № 2 англо-русского соглашения от 18 (30) мая 1878 г.

**** См. там же.

gagements sous le point de vue de la solidarité du *vote* ou de la solidarité du *fait*. Ne prétendra-t-elle pas que du moment où elle devrait renoncer à ses acquisitions nous devrions renoncer aux nôtres? Son opposition éventuelle ne deviendrait-elle pas un noyau autour duquel viendraient se grouper d'autres protestations? En pareil cas comment procéderions nous pour les écarter?

Il semble que la marche à suivre serait celle-ci: 1) ne pas prendre d'initiative sur l'annexion de la Bosnie et de l'Herzégovine; 2) si l'Autriche ou toute autre Puissance prend cette initiative, déclarer que nous n'y faisons pas d'objection; 3) insister pour qu'en retour l'Autriche ne s'oppose pas aux stipulations de San-Stéfano en faveur du Monténégro et de la Serbie; 4) si l'Autriche renonce à ces annexions spontanément ou en vue des oppositions qu'elle rencontrerait et qu'elle objectait en conséquence à la rétrocession de la Bessarabie, maintenir fermement notre réclamation sur ce territoire au point de vue du droit, de l'opportunité et des convenances générales et faire entendre au besoin que nous le défendrons.

b) *Monténégro*

Les bases anglaises admettent les stipulations de San-Stéfano pour l'extension des limites de cette principauté. Lord Salisbury trouve juste qu'elle ait un port. L'Autriche ne lui accorde que Spizza. Elle lui conteste Antivari et la frontière du Lim. L'Italie nous a fait savoir qu'elle ne fait pas opposition à ce que le Monténégro ait accès au littoral.

Quelle sera la décision du congrès si l'Autriche seule refuse de reconnaître à la principauté la possession d'Antivari, le principe des majorités n'étant pas admis dans ces réunions européennes?

La question se complique par le fait que les Monténégrins possèdent Antivari et ont déclaré qu'ils ne l'abandonneraient que contraints par la force.

Qui les contraindra? La Porte, liée envers nous par le traité de San-Stéfano, ne le pourrait pas sans provoquer la guerre. Pourrions nous tolérer que l'Autriche exerçât cette contrainte soit par l'emploi de la force, soit en bloquant et affamant le Monténégro?

Si après l'emploi de tous les arguments pour convaincre l'Autriche et les Puissances de la justice et de l'opportunité, pour la tranquillité générale, de la cession du littoral au Monténégro, après qu'on aura réservé à l'Autriche la faculté de se garantir par des conventions de commerce et de douanes, le cabinet de Vienne maintient son opposition au nom de ses intérêts, la marche à suivre serait celle-ci:

1) ne pas nous associer à une pression quelconque sur le prince Nicolas pour l'engager à abandonner les territoires conquis;

2) interdire à la Porte, en vertu du traité de San-Stéfano, de les reprendre par la force;

3) ne pas consentir à ce que l'Autriche emploie une action ou pression hostile pour obliger les Monténégrins à la retraite;

4) faire appel à l'autorité du congrès pour empêcher que de pareilles mesures soit de la Turquie, soit de l'Autriche, provoquent un renouvellement de la guerre, tandis que l'Europe s'est réunie pour rétablir et consolider la paix.

c) La question de la livraison de Batoum, quoique elle ne semble devoir rencontrer l'opposition d'aucune Puissance, n'est pas sans laisser entrevoir certaines difficultés. Aux termes du traité de San-Stéfano, la Porte ne pourrait pas s'y refuser. Mais considérera-t-elle le traité de San-Stéfano comme en vigueur une fois le congrès réuni? Elle a montré une répugnance invincible à se dessaisir de ce territoire, dans l'espoir évident d'obtenir de l'Europe l'invalidation de cette clause. Lors même que les Puissances ne l'annuleraient pas, elles n'iront certainement pas jusqu'à contraindre la Porte si celle-ci proteste et si le sultan poussé par le parti fanatique déclare qu'il ne cèdera qu'à la force? Devrons-nous recourir à cette extrémité?

Le congrès y consentira-t-il? Quelles en seront les conséquences? Pourrions nous exécuter les autres clauses de la paix et évacuer la Turquie, tant que ce point ne serait pas réglé? Ne pourrait-il pas s'en suivre un renouvellement général des hostilités?

Il semble que, en vue de ces éventualités, avant de recourir à la force, nous pourrions déclarer que nous n'exécuterons les clauses de la paix sanctionnée par le congrès, que si la clause relative à la livraison de Batoum est exécutée par le sultan.

2. Ceci conduit à examiner quelle sera la valeur du traité de San-Stéfano à la suite du congrès. L'Europe a prétendu le soumettre à son examen, à sa discussion et à sa sanction. Nous y avons implicitement consenti en nous présentant au congrès formellement convoqué dans ce but.

D'autre part ce traité, quoique préliminaire et sujet à modifications, a été ratifié. Il est obligatoire pour les deux parties, et stipule sa transformation ultérieure en traité définitif.

Quelque soit le point de vue du congrès sur ce sujet, il semble que nous devrions maintenir fermement le nôtre.

La paix qui sortira du congrès sera une paix incomplète, peu en rapports avec ce que la guerre nous aura coûté. Néanmoins elle réalisera un progrès notable au profit de populations chrétiennes de l'Orient. Telle a été l'issue de toutes nos guerres précédentes avec la Turquie. La Russie quoique victorieuse, n'a jamais pu achever son œuvre; elle a toujours dû s'arrêter devant les obstacles suscités par l'Europe. Mais chacune de ses guerres a marqué un pas de plus vers l'affranchissement des chrétiens et chacun de ces pas a été un point de départ pour les développements ultérieurs qui ont successivement abouti à l'émancipation complète d'une grande partie de la péninsule des Balkans.

Nous avons incontestablement le droit d'exiger qu'il en soit ainsi cette fois-ci. Plus nous avons montré de modération en nous arrêtant dans notre marche victorieuse, plus nous avons fait preuve de conciliation en réduisant nos conditions de paix, par égard pour les intérêts et les scrupules des grandes Puissances et pour le maintien de l'entente européenne, plus aussi nous sommes fondés à exiger que du moins les résultats acquis et acceptés par l'Europe soient définitifs, qu'ils soient mis à l'abri de toute atteinte, et qu'ainsi ils soient le point de départ d'une paix durable et d'un développement prospère de l'Orient chrétien. C'est au fond la seule compensation réelle que nous obtiendrons pour nos sacrifices et pour notre modération.

Nous ne saurions y renoncer à aucun prix.

Mais si les résultats acquis par nos guerres précédentes ont été solides et féconds, cela provenait de ce qu'alors la Russie traitait seule avec la Turquie et que, armée des transactions conclues et des droits qu'elles lui conféraient, elle pouvait elle-même veiller sur son œuvre, la défendre et lui faire porter des fruits. Plus d'une fois elle a dû la protéger soit contre les agressions des Turcs, soit contre les impatiences des chrétiens et elle a toujours rempli ce devoir loyalement.

Depuis 25 ans les choses ont changé. L'Europe nous a contesté par la guerre de Crimée le droit de veiller seuls au status quo de l'Orient fondé sur nos traités isolés. Par le traité de 1856 elle s'est attribué ce droit et l'a exercé collectivement.

Qu'en est-il advenu? La surveillance collective s'est montrée beaucoup moins efficace que la surveillance isolée, tantvis-à-vis des Turcs que vis-à-vis des chrétiens. La nécessité de l'unanimité a paralysé le contrôle européen et la conséquence a été un système de laisser-aller qui a conduit à la crise actuelle. Lorsqu'elle a éclaté par des agitations partielles, qu'il eût été facile d'apaiser, tous les efforts de la diplomatie européenne ont échoué pendant deux années par le seul fait du manque de sanction obligatoire. A défaut de cette sanction, les chrétiens soulevés ont refusé de se fier aux promesses du gouvernement turc, et la Porte de son côté, sachant bien que l'Europe s'était lié les mains par la clause du respect de l'indépendance intérieure de l'empire Ottoman, a constamment rejeté les conseils, les décisions et les injonctions des grandes Puissances. Le cabinet impérial a vainement multiplié ses efforts pour amener l'Europe à sortir de ce cercle vicieux afin de prévenir les terribles conséquences qu'il prévoyait; en vain il a proposé de donner à l'action coercitive qu'il demandait, la force de démonstrations maritimes collectives qui eussent

suffi à rassurer les chrétiens et à imposer aux Turcs, tout en offrant à l'Europe les garanties désirables de sécurité. Ses propositions ont été repoussées au nom du traité de 1856 et la Russie a dû s'imposer l'obligation de faire la guerre pour mettre fin à une situation qui menaçait d'aboutir à un écrasement systématique et permanent des populations chrétiennes, ou à une lutte d'extermination.

Il serait évidemment impossible à la Russie de consentir à ce que tel fut encore le sort réservé à la solution, quelle qu'elle soit, qui sortira du congrès. Il lui importe avant tout qu'elle soit garantie par la sanction obligatoire qui a manqué jusqu'à présent aux décisions européennes.

Tel a été le but principal du traité de San-Stéfano. Il n'a nullement eu en vue de régler l'Orient, puisqu'il est préliminaire, ni de trancher les questions en dehors de l'Europe, puisque toutes celles d'un intérêt européen ont été réservées à la décision des Puissances convoquées en congrès. Son but a été de poser des bases et d'y lier irrévocablement le gouvernement turc. C'est pourquoi il a été ratifié bien que préliminaire et rendu obligatoire pour les deux parties.

Une fois qu'il aura été modifié dans sa teneur, d'accord avec les Puissances, il devrait être converti en traité définitif et conserver son caractère, c'est-à-dire celui d'un engagement spécial liant les deux parties au respect et à l'exécution de ses stipulations, en dehors de l'engagement général européen, de même qu'en 1856, l'Angleterre, la France et l'Autriche se sont liées par l'engagement spécial du traité du 15 Avril, à la garantie de l'intégrité de la Turquie en dehors de l'engagement général résultant du traité du 18(30) Mars qu'elles venaient de signer.

La Russie serait alors assurée que la Porte ottomane ne pourra ni éluder, ni enfreindre, ni dénaturer la transaction destinée à consacrer les résultats de la dernière guerre sans encourir les conséquences de toute violation d'engagements positifs entre deux Etats.

Si l'Europe refusait de reconnaître à la Russie le droit de s'attribuer cette sanction isolée, qui rentrerait dans l'état de choses antérieur à la guerre de Crimée, elle devrait être sommée de prendre sur elle par des engagements positifs et pratiques la garantie des mesures d'exécution et de coercition éventuelle nécessaires pour assurer à ses décisions collectives la sanction qui leur a fait défaut dans le passé.

Ce n'est qu'à cette condition absolue que la Russie pourrait consentir à confondre les engagements spéciaux du traité de San-Stéfano avec les engagements généraux résultant du congrès; et sa sanction spéciale avec la sanction collective de l'Europe*.

Quant aux points de détail mentionnés par les mémoires anglais, il semble qu'il faut s'en tenir au principe général; de veiller à ce que ni la rédaction des articles, ni l'introduction de nouvelles clauses ou réserves n'affaiblissent les résultats acquis ou les garanties dont ils seraient entourés et n'ouvrent la voie à des empiètements futurs destinés à ramener l'état des choses antérieur.

Dans cet ordre d'idées on peut présenter les observations suivantes.

a) Délimitation de la Bulgarie au Sud et à l'Ouest.

Il semble que tout en admettant en principe l'éloignement de la mer Egée, les frontières de la conférence et la ligne de Novi-Bazar à Kourshan Balkan,

* На полях помета П. А. Шувалова: Dans la dernière audience que l'empereur m'a donnée j'ai soumis à sa majesté les objections sérieuses que rencontre à mes yeux la question de la sanction obligatoire, soit que nous l'exigions de l'Europe, soit que nous la lui demandions pour nous mêmes. Une pareille condition loin d'assurer le résultat que nous attendons, atteindrait un but contraire et mettrait à la dernière heure en danger la réussite même du congrès. Cette question étant naturellement réservée à la fin du congrès, j'ai proposé à l'empereur de ne point prendre de décision définitive à cet égard, mais d'attendre un rapport à ce sujet. Si nous trouvions le prince Bismark disposé à nous soutenir sur ce terrain nous aurions quelque chance de réussir; sinon il serait plus sage de ne point exiger que l'Europe sanctionne isolément pour nous un droit que nous possédons de fait, celui de déclarer la guerre à une autre Puissance. Si l'Europe ne le sanctionnait pas, le congrès échouerait et nous nous trouverions en présence d'une nouvelle guerre.

il faudrait maintenir fermement le principe général de la majorité de la population. Ce principe est tellement clair, juste et pratique qu'il est difficile d'y contredire. S'il est admis par le congrès, la tâche de le vérifier sur les lieux appartiendrait à la commission internationale, et si dans l'exécution il y avait lieu de dévier de ce principe dans certains cas par des convenances politiques ou locales, cela pourrait être l'objet de discussions ultérieures.

b) Division de la Bulgarie, organisation des deux parties, participation de l'Europe, nomination des commandants de la milice par la Porte avec l'assentiment de l'Europe, nom à donner à la partie méridionale.

Comme nous nous sommes réservés la faculté de réclamer la division longitudinale, il semble nécessaire de la défendre à l'aide de tous les arguments puisés dans le précédent de la conférence de Constantinople, dans les vœux et les intérêts de la nationalité bulgare et en vue de créer une solution équitable et durable pour l'avenir.

Quant à l'organisation, les bases posées par notre commission et fondées sur la loi existante des vilayets sont si modérées et si rationnelles, qu'on ne peut guère y objecter. La participation de l'Europe, inévitable en principe, offrira de grands inconvénients en pratique. Les commissions européennes ont toujours été des foyers de rivalité et d'intrigues. Pour les éviter, comme une occupation temporaire par nos troupes devra nécessairement être admise, peut-être pourrait-on confier à la conférence des représentants à Constantinople l'élaboration des principes que les assemblées de notables seraient appelées à développer sous le contrôle du commissaire russe pendant la durée de notre occupation. Plus tard ce contrôle serait remplacé par celui d'une commission consulaire. On éviterait ainsi des intrigues locales d'agents subalternes, et la conférence des ambassadeurs offrirait plus de garanties d'une entente.

La nomination des commandants de la milice par la Porte tend évidemment à rétablir l'autorité directe du sultan dans les deux provinces. L'assentiment de l'Europe y offre un contre-poids en nous permettant d'opposer notre «veto» à des choix suspects. Peut-être pourrait-on, en développant cette clause, demander qu'elle soit limitée à la partie méridionale qui ne reçoit qu'une autonomie administrative et non étendue à la Bulgarie du Nord qui doit être dotée d'une autonomie politique.

En outre on pourrait demander que la nomination par la Porte ne soit pas directe, mais qu'elle ait bien sur une liste de candidats présentés soit par l'assemblée, soit par l'élection et qui devraient être tous Bulgares.

Quant à fixer le nom de la province méridionale, cette prétention indique la pensée de dénationaliser la Bulgarie au Sud des Balkans. C'est évidemment le but essentiel de tout le plan anglais.

On pourra objecter que du moment que la délimitation de la province est réglée de manière à n'y pas comprendre des populations non bulgares, il n'y a pas de raison pour la dépouiller de son nom de Bulgarie du Sud. En tous cas le nom qui serait choisi devrait autant que possible se rapprocher de cette dénomination.

c) Retraite des troupes turques du Sud, détermination des cas où le gouvernement turc pourrait les y faire rentrer (insurrection ou invasion à l'état de fait ou de menace), droit de faire cantonner des troupes sur la frontière de la province du Sud.

Ces articles indiquent la pensée dominante de nous fermer la route vers Constantinople. Toutefois il ne faudrait pas que ces précautions de défense ouvrent la voie aux agressions turques en Bulgarie.

Pour le cas d'insurrection, le principe du traité de 1856 n'admettant l'intervention de la Turquie dans les principautés vassales qu'avec le consentement unanime des Puissances garantes, devrait être absolument maintenu à l'égard des deux parties de la Bulgarie.

Quant au cas d'invasion, il suppose l'état de guerre qui annule les traités et rend toute liberté d'action. Mais admettre cette liberté en cas de menace d'invasion ce serait ouvrir la porte à tous les abus. Ce point devra être clairement précisé.

Quant au droit du sultan de faire cantonner des troupes sur les frontières de la province du Sud, c'est un droit inhérent à la souveraineté.

Il ne faudrait pas cependant que, sous prétexte de précaution, on provoquât les collisions que l'on veut éviter.

Il serait bon que les Puissances se réservent à cet égard un droit de surveillance et de représentations.

d) Occupation russe, sa durée, sa nature, droit de passage par la Roumanie.

Le principe posé dans nos propositions au cabinet de Vienne pourrait être mis en avant au congrès. Il fixe la durée du séjour de nos troupes d'occupation jusqu'au moment où les assemblées des notables auront pu se réunir et fixer les institutions du pays. Ce terme ainsi que le mode de l'évacuation pourront être réservés à une entente entre les cabinets.

Quant au droit de passage par la Roumanie, il offre deux questions distinctes; les conventions existantes ne s'appliquent pas seulement à la durée de la guerre, mais aussi à sa liquidation, c'est-à-dire au repatriement des troupes, du matériel, des blessés, des hopitaux, des approvisionnements, etc. etc. Quoique la convention n'en parle pas, c'est une conséquence logique, comme droit; l'exécution pourrait être réglée par des arrangements spéciaux.

Une autre question est le passage pendant l'occupation temporaire et lors de l'évacuation définitive. Ces éventualités n'ont pas été prévues par la convention. Elles peuvent faire l'objet d'une convention additionnelle de gré à gré. Si le gouvernement roumain prétendait s'y soustraire, il semble que du moment où le congrès admettrait notre occupation temporaire comme une nécessité, dans l'intérêt général, il devrait imposer à la Roumanie l'obligation de s'y prêter comme une servitude pour cause d'utilité publique. Du reste, si nous disposons de la voie de mer et si la partie cédée de la Bessarabie nous est restituée, cette servitude pourra ne pas peser beaucoup sur la Roumanie.

Mais il se peut aussi que le droit de discuter cette question, revendiqué par les Anglais, ait une portée plus étendue et qu'il ait en vue de nous contester pour l'avenir la faculté de passage par le territoire roumain, en dotant ce pays d'une espèce de neutralisation. Cela équivaldrait à nous fermer à tout jamais l'accès par terre de la presqu'île des Balkans.

C'était déjà la pensée du traité de 1856. C'est le vœu des Roumains. Nous devons nous attendre à voir cette idée mise en avant.

Nous sommes libres de ne pas consentir pour notre part à la neutralisation de la Roumanie, qui rencontrera probablement d'autres oppositions.

Devenue indépendante, la Roumanie sera comme tout Etat soumise aux éventualités de guerre. Si nous sommes un jour en hostilité avec la Turquie, elle devra choisir entre notre alliance et celle de la Porte et en subir les conséquences.

Comme le traité de San-Stéfano nous réserve la faculté d'échanger la Dobroudja contre la partie cédée de la Bessarabie, peut-être pourrions nous subordonner cette compensation à un engagement éventuel stipulant un droit de passage conventionnel par la Dobroudja.

Toutefois un pareil arrangement sera peut-être difficile en présence du congrès et vu les dispositions des Roumains.

En pareil cas, il ne nous restera qu'à réserver expressément notre pleine liberté d'action et de relations vis-à-vis de la Roumanie comme Etat indépendant.

e) Droit de discuter la question de la navigation du Danube et de ses bouches en dehors des questions territoriales.

Si cette clause a en vue les garanties existantes ou à ajouter pour la liberté de la navigation du Danube, le cabinet impérial n'aura rien à objecter.

Mais il se peut aussi que cette discussion ait en vue d'élever une nouvelle barrière entre nous et la Turquie, en nous plaçant devant des stipulations internationales qui rendraient désormais impossible le passage de ce fleuve par nos armées. Cette question devra être traitée avec une extrême circonspection, car il y aurait de l'inconvénient à réserver expressément nos droits éventuels en vue de guerres futures.

Il faudrait se borner à éviter tout engagement européen qui ne pourrait pas être annulé par l'état de guerre entre nous et la Turquie et donnerait à l'Europe le droit de restreindre nos droits éventuels de belligérants.

АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 453, лл. 98—115 об. Копия. Литографированный экземпляр.

Перевод

Принимая за основу английские меморандумы², полезно попытаться отдать себе отчет в трудностях, ожидающих нас на конгрессе, и определить для себя максимум и минимум уступок с нашей стороны.

1. Кроме английских требований, следует предвидеть требования со стороны Австрии. В чем они совпадают и в чем противоречат друг другу? Должны ли мы удовлетворять те и другие? Вот что следует рассмотреть.

а) Босния и Герцеговина.

Мы обязались перед Австрией поддержать ее аннексию этих областей, но при известных обстоятельствах. В Рейхштадте имелась в виду возможность распада Оттоманской империи. А по нашему политическому соглашению, кроме того, случай территориальных изменений в результате войны.

Осуществилась именно последняя возможность. В наших условиях мирного договора мы, действительно, оставили Болгарию вассалом Порты. Английские основы, к которым мы присоединяемся, еще более ограничивают политические и территориальные условия, оговоренные в пользу Болгарии. Тем не менее независимость и расширение границ, предоставляемые Сербии, Румынии и Черногории, возвращение России уступленной части Бессарабии и, наконец, наши приобретения в Азии были рассмотрены как территориальные изменения, допускающие аннексию со стороны Австрии.

Однако данное нами согласие имело в свою очередь в виду создание совсем иной Болгарии, чем та, которую предлагает английский проект. Граф Андраши допускал создание целостной Болгарии, выходящей за пределы Балкан и совершенно автономной. Он не возражал категорически против ее распространения до Эгейского моря. Он ограничивался лишь отделением от нее западной части, образующей провинцию Македония. Во время наших с ним споров он неоднократно грозил вернуться к букве наших Рейхштадтских соглашений, т. е. ограничить свою солидарность с нами предусмотренной аннексией Боснии и Герцеговины Австрией и части Бессарабии — Россией. Что касается остального, каждому будет принадлежать свобода действий, и на конгрессе граф Андраши воздержится от поддержки проекта Англии о создании одной только Северной Болгарии.

Решение, содержащееся в английском проекте, почти сводится к этому результату, так как оно оспаривает даже самое название Южной Болгарии и предоставляет ей лишь ограниченную административную автономию.

В этих условиях должно ли считать, что Австрия имеет основания требовать аннексии Боснии и Герцеговины, будто бы необходимой для восстановления равновесия в ее пользу?

Представляется очевидным, что венский кабинет собирается осуществить эту аннексию руками Европы. Но мы знаем, что Англия допускает оккупацию лишь временную и при определенных обстоятельствах, ограниченную сроком пребывания наших войск в Болгарии. Она отвергает окончательную аннексию. Следует предвидеть также и другие возражения.

Если у Австрии будут оспаривать эти приобретения и если она будет вынуждена от них отказаться, несмотря на наше голосование в ее пользу, что станет с ее солидарностью с нами в вопросе о Бессарабии? Обе аннексии зависят друг от друга по условиям наших соглашений. По справедливости, если мы будем голосовать за интересы Австрии в Боснии, она должна голосовать за наши интересы в Бессарабии. Но понимает ли она наши соглашения с точки зрения солидарности *голосования* или взаимности *действий*? Не станет ли она утверждать, что, если она должна будет отказаться от своих приобретений, мы должны будем отказаться от наших? Не станет ли ее возможное противодействие ядром, вокруг которого начнут группироваться протесты других держав? В подобном случае как мы будем действовать, чтобы их устранить?

По-видимому, наша линия поведения должна быть следующей: 1) не брать на себя инициативы по вопросу об аннексии Боснии и Герцеговины; 2) если Австрия или какая-либо другая держава возьмет на себя эту инициативу, следует заявить о том, что мы не

имеем возражений; 3) настаивать на том, чтобы Австрия в свою очередь не противодействовала условиям Сан-Стефанского договора в отношении Черногории и Сербии; 4) если Австрия откажется от аннексий добровольно или ввиду противодействия, которое ей будет оказано, и если вследствие этого она будет возражать против возвращения Бессарабии, следует твердо поддерживать наше требование на эту территорию с точки зрения права, своевременности и общих соображений и при необходимости дать понять, что мы будем его защищать.

б) Черногория.

Английский проект признает условия Сан-Стефанского договора, касающиеся расширения границ этого княжества. Лорд Солсбери находит справедливым, чтобы оно владело портом. Австрия соглашается предоставить ему только Сплицу и оспаривает у него Антивари и бассейн Лима. Италия уведомила нас, что она не возражает против того, чтобы Черногория имела доступ к побережью.

Каково будет решение конгресса, если одна только Австрия откажется признать за княжеством право владения Антивари, ведь принцип большинства не принят в этих европейских собраниях?

Вопрос усложняется тем фактом, что черногорцы владеют Антивари и заявили о том, что они освободят его лишь будучи вынужденными к тому силой.

Кто их к этому принудит? Порта, связанная с нами Сан-Стефанским договором, не сможет этого сделать, не вызвав войны. Сможем ли мы допустить, чтобы Австрия оказала нажим либо применением силы, либо подвергнув Черногорию голодной блокаде?

Если и после использования всех доводов, имеющих целью убедить Австрию и державы в справедливости и своевременности, для всеобщего спокойствия, уступки побережья Черногории, и после того, как Австрии будет предоставлена возможность обеспечить себе торговые и таможенные соглашения, венский кабинет будет сохранять свою позицию во имя своих интересов, линия поведения должна быть следующей:

1) не присоединяться к какому-либо давлению на князя Николая, имеющему целью заставить его отказаться от завоеванных территорий;

2) запретить Порте, в силу Сан-Стефанского договора, пытаться вернуть их себе силой;

3) не соглашаться на то, чтобы Австрия предприняла какие-либо действия или враждебное давление с целью заставить черногорцев отступить;

4) обратиться к авторитету конгресса, чтобы воспрепятствовать подобным мерам со стороны либо Турции, либо Австрии, могущим вызвать возобновление войны, в то время как Европа объединилась для установления и упрочения мира.

в) Хотя вопрос о сдаче Батума, как кажется, и не должен вызвать возражений какой-либо державы, тем не менее можно предвидеть некоторые трудности. По условиям Сан-Стефанского договора Порта не может отказаться от сдачи Батума. Но будет ли она считать Сан-Стефанский договор остающимся в силе с момента созыва конгресса? Она выказала непреодолимое нежелание отказаться от этой территории в очевидной надежде добиться от Европы признания недействительности этого условия. Если даже державы его не аннулируют, они, конечно, не будут принуждать Порту, если она будет протестовать и если султан под давлением фанатической партии заявит, что он уступит только вооруженной силе. Будем ли мы должны прибегнуть к этому крайнему средству? Согласится ли на него конгресс? Каковы будут его последствия? Сможем ли мы выполнить другие условия мира и эвакуировать Турцию, не урегулировав этот вопрос? Не может ли за этим последовать всеобщее возобновление военных действий?

По-видимому, ввиду подобной возможности, прежде чем прибегнуть к силе, мы можем заявить, что мы выполним условия мира, санкционированные конгрессом, если условие, касающееся сдачи Батума, будет выполнено султаном.

2. Поэтому следует рассмотреть, каково будет значение Сан-Стефанского договора после конгресса. Европа претендует на его рассмотрение и утверждение. Мы дали на это наше молчаливое согласие, присутствуя на конгрессе, формально созданном с этой целью.

С другой стороны, этот договор, хотя и предварительный и подлежащий изменениям, был ратифицирован. Он обязателен для двух сторон и предусматривает его дальнейшее превращение в окончательный договор.

Какова бы ни была позиция конгресса по этому вопросу, мы, по-видимому, должны твердо придерживаться нашей точки зрения.

Мир, который будет результатом конгресса, будет неполноценным, мало соответствующим тому, во что нам обошлась война. Тем не менее он явится значительным про-

грессом для христианских народов Востока. Таков был результат всех наших предшествующих войн с Турцией. Хотя Россия и побеждала, она никогда не могла завершить свое дело; она всегда была вынуждена останавливаться перед препятствиями, воздвигаемыми Европой. Но каждая из наших войн означала еще один шаг к освобождению христиан, и каждый этот шаг был отправным пунктом для дальнейшего развития, которое последовательно привело к полному освобождению большей части Балканского полуострова.

Мы имеем неоспоримое право требовать, чтобы так было и на этот раз. Чем больше мы проявили умеренности, остановившись в нашем победном продвижении, чем больше мы шли на уступки, сокращая наши условия мира из уважения к интересам и самолюбию великих держав и для поддержания европейского согласия, тем большее право мы имеем требовать, чтобы по крайней мере достигнутые и принятые Европой результаты были окончательными, чтобы они были ограждены от каких-либо посягательств и чтобы таким образом они стали отправным пунктом для длительного мира и благополучного развития христианского Востока. По существу это единственная реальная компенсация, которую мы получим за наши жертвы и за нашу умеренность.

Мы не сможем отказаться от этого ни за какую цену.

Но если результаты, завоеванные нашими предшествующими войнами, были надежными и плодотворными, это происходило оттого, что Россия вела тогда переговоры с Турцией один на один, будучи вооруженной заключенными соглашениями и предоставляемыми ими ей правами, она могла сама заботиться о своем деле, защищать его и добиваться его плодотворности. Неоднократно она должна была защищать его либо против агрессии со стороны турок, либо против проявлений нетерпеливости со стороны христиан, но она всегда честно выполняла свой долг.

За 25 лет обстановка изменилась. В Крымской войне Европа оспаривала у нас право, основанное на наших договорах непосредственно с Портой, самим следить за сохранением *status quo* на Востоке. Трактатом 1856 г. она присвоила себе это право и использовала его коллективно.

Что за этим последовало? Коллективный контроль оказался значительно менее действенным, чем единоличный, как по отношению к туркам, так и по отношению к христианам. Необходимость единогласия парализовала европейский контроль, следствием этого стала бездеятельность, которая привела к нынешнему кризису. И когда этот кризис разразился в виде отдельных волнений, которые было легко подавить, все усилия европейской дипломатии, предпринятые в течение двух лет, потерпели неудачу по единственной причине — из-за отсутствия принудительных санкций. Вследствие отсутствия этой санкции восставшие христиане отказывались верить обещаниям турецкого правительства, а Порта со своей стороны, зная, что Европа связала себе руки положением о внутренней независимости Османской империи, постоянно отклоняла советы, решения и повеления великих держав. Императорский кабинет напрасно множил свои усилия, чтобы вывести Европу из этого порочного круга, для того чтобы предотвратить ужасные последствия, которые он предвидел; напрасно он предлагал придать требуемым им принудительным действиям силу коллективных морских демонстраций, которых было бы достаточно, чтобы успокоить христиан и утратить турок, предоставляя Европе желательные гарантии безопасности. Эти предложения были отвергнуты во имя трактата 1856 г., и Россия была вынуждена взять на себя обязательство вести войну, чтобы положить конец ситуации, грозящей привести к постоянному и систематическому уничтожению христианских народов или к истребительной борьбе.

Очевидно, Россия не может согласиться, чтобы судьба этого вопроса зависела от решения, которое будет принято конгрессом, каково бы оно ни было. Для нее важно прежде всего, чтобы это решение опиралось на принудительные санкции, которых до сих пор не доставало Европе при осуществлении ее решений.

Такова была главная цель Сан-Стефанского договора. Он совершенно не имел в виду урегулировать Восточный вопрос, поскольку это предварительный договор, или решать вопросы без участия Европы, так как все проблемы, имеющие общеевропейский интерес, были отложены до решения держав, участвующих в конгрессе. Его целью было заложить основы и бесповоротно связать турецкое правительство. Вот почему договор был ратифицирован, несмотря на свой предварительный характер, и признан обязательным для обеих сторон.

Как только он будет изменен с согласия держав, он должен превратиться в окончательный и сохранить свой характер, т. е. характер специального обязательства, связываю-

щего обе стороны уважемис к его решениям и к их выполнению вне общего европейского обязательства, так же как в 1856 г. Англия, Франция и Австрия специальным обязательством по договору от 15 апреля³ связали себя гарантией целостности Турции вне общего обязательства, вытекающего из договора от 18 (30) марта, который они подписали.

Россия была бы тогда уверена в том, что Оттоманская Порта не сможет ни уклониться от соглашения, ни нарушить или извратить это соглашение, имеющее целью закрепить результаты последней войны, не беря на себя ответственность за любое нарушение позитивных соглашений между обоими государствами.

Если Европа откажется признать за Россией право присваивать себе эту особую санкцию, которая бы возродила порядок вещей, существовавший до Крымской войны, надо у нее потребовать, чтобы она взяла на себя позитивные и практические обязательства, гарантирующие выполнение и возможное понуждение, необходимое для обеспечения коллективных решений той санкции, которой им недоставало в прошлом.

Только при этом непрременном условии Россия может согласиться смешивать специальные обязательства Сан-Стефанского договора с общими обязательствами, принятыми на конгрессе, и свою специальную санкцию с коллективной санкцией Европы*.

Что касается деталей, упомянутых в английских записках, то, по-видимому, следует придерживаться общего принципа: следить за тем, чтобы ни редакция статей, ни включение новых условий или оговорок не ослабили достигнутые результаты или гарантии, их сопровождающие, и чтобы они открыли дорогу возможному в будущем вмешательству, имеющему целью вернуть прежний порядок вещей.

В связи с этим кругом вопросов можно представить следующие замечания.

а. Разграничение Болгарии на юге и западе.

Принимая принцип удаления от Эгейского моря границ, предложенных конференцией, и линии от Нови-Базара до Куршан-Балкан, по-видимому, следует твердо придерживаться общего принципа большинства населения. Этот принцип настолько ясен, справедлив и практичен, что трудно его оспаривать. Если он будет принят конгрессом, задача контроля за его осуществлением на местах будет возложена на международную комиссию, и если в некоторых случаях будут иметь место попытки отклонения от этого принципа, исходящие из политических или местных соображений, это может вызвать дальнейшие дискуссии.

б. Разделение Болгарии, организация обеих ее частей, участие Европы, назначение Портой с согласия Европы командующих милицией, название, которое будет дано южной части.

Поскольку мы оставили за собой право требовать меридионального разделения, видимо, необходимо защищать его всеми доводами, черпаемыми в прецеденте Константинопольской конференции, в духе пожеланий и интересов болгарского населения и в целях выработки решения, справедливого и могущего надолго сохраниться в будущем.

Что касается организации, то основы, заложенные нашей комиссией и опирающиеся на существующий закон о вилайетах, настолько умеренны и рациональны, что против них нельзя что-либо возразить. Участие Европы, в принципе неизбежное, представит на практике большие неудобства. Европейские комиссии всегда были очагом соперничества и интриг. Чтобы их избежать, так как временная оккупация нашими войсками должна по необходимости быть принята, может быть, можно доверить конференции представителей в Константинополе выработку принципов, которые должны быть развиты ассамблеей именитых граждан под контролем русского комиссара в течение нашей оккупации. Позднее этот контроль будет заменен контролем консульской комиссии. Таким образом, будет

* На полях помета П. А. Шувалова: На последней аудиенции у императора я сообщил его величеству о серьезных возражениях, которые у меня вызывает вопрос об обязательной санкции, будем ли мы ее требовать от Европы или будем просить ее для нас самих? Подобное условие, далеко не обеспечивая ожидаемого нами результата, достигло бы противоположной цели и поставило бы в последнюю минуту под угрозу самый успех конгресса. Так как этот вопрос, естественно, откладывается до конца конгресса, я предложил императору не принимать по нему окончательного решения, а подождать донесения о нем. Если мы увидим, что князь Бисмарк готов поддерживать нас в этом отношении, у нас будут некоторые шансы на успех; в противном случае было бы благоразумнее не требовать отдельной для нас санкции Европы на право, которое мы фактически имеем, — право объявления войны другой державе. Если Европа не согласится на это, конгресс потерпит неудачу, и мы окажемся перед лицом новой войны.

устранены местные интриги второстепенных агентов, и конференция послов представит большие гарантии для соглашения.

Назначение Портой командующих милицией, очевидно, означает восстановление прямой власти султана в обеих провинциях. Согласие Европы представляет противовес этому, позволяя нам наложить вето в случае сомнительного выбора. Быть может, можно, развивая это положение, потребовать, чтобы оно ограничивалось южной частью, которая получает только административную автономию, и не распространялось на Северную Болгарию, которая должна быть наделена политической автономией.

Кроме того, можно потребовать, чтобы назначение Портой не было прямым, чтобы оно происходило по списку кандидатов, либо выдвигаемых ассамблеей, либо избираемых, и чтобы все кандидаты были болгарами.

Что касается определения названия южной провинции, то это требование указывает на стремление к денационализации южной части Болгарии. Это, очевидно, основная цель всего английского плана.

Можно возразить, что с того момента, когда разграничение провинции будет определено таким образом, что она не включит неболгарское население, нет оснований лишать ее названия Южной Болгарии. Во всяком случае название, которое будет выбрано, должно, насколько возможно, приближаться к этому наименованию.

в. Вывод турецких войск с юга, определение случаев, при которых турецкое правительство может их ввести (восстание или вторжение фактическое или угрожающее), право размещать войска на границе южной провинции.

Эти статьи указывают на то, что преобладает намерение закрыть нам дорогу к Константинополю. Однако не следует, чтобы эти меры обороны открыли путь турецкой агрессии в Болгарии.

В случае восстания принцип трактата 1856 г., допускающий военную интервенцию Турции в вассальные княжества только с единодушного согласия держав-поручительниц, должен быть строго соблюден по отношению к обеим частям Болгарии.

Что касается случая вторжения, он предполагает состояние войны, аннулирующее договоры и предоставляющее полную свободу действий. Но допустить эту свободу в случае угрозы вторжения значило бы открыть дорогу злоупотреблениям. Эта точка зрения должна быть ясно выражена.

Что касается права султана размещать войска на границах южной провинции, это неотъемлемое право верховной власти.

Впрочем, нельзя допускать, чтобы под предлогом принятия мер предосторожности были спровоцированы столкновения, которых желательно избежать.

Было бы хорошо, чтобы державы оставили за собой в этом отношении право контроля и представительства.

г. Русская оккупация, ее продолжительность, ее характер, право прохода через Румынию.

Принцип, лежащий в основе наших предложений венскому кабинету, может быть выдвинут на конгрессе. Он устанавливает продолжительность пребывания наших оккупационных войск до того времени, когда ассамблеи нотаблей смогут быть созданы и определят институты страны. Уточнение этого срока, а также способа эвакуации может быть отложено до соглашения между кабинетами.

Что касается права прохода через Румынию, то возникают два различных вопроса: существующие соглашения не распространяются не только на продолжительность войны, но также на ее ликвидацию, т. е. на репатриацию войск, боеприпасов, раненых, госпиталей, провианта и т. д. Хотя соглашение об этом ничего не говорит, это право является его логическим следствием; выполнение должно регулироваться специальными соглашениями.

Другой вопрос о проходе при временной оккупации и окончательной эвакуации. Эти обстоятельства не предусмотрены соглашением. Они могут стать предметом дополнительного полубовного соглашения. Если румынское правительство намерено этого избежать, то, по-видимому, когда конгресс примет нашу временную оккупацию как необходимость, а он в общих интересах должен добиться от Румынии обязательства на это согласиться. Впрочем, если мы будем владеть морским путем и если уступленная часть Бессарабии будет нам возвращена, эта повинность может быть не столь обременительной для Румынии.

Но возможно также, что право обсуждения этого вопроса, требуемое англичанами, получит более широкое толкование и будет иметь целью оспаривать у нас в будущем право прохода по румынской территории при объявлении этой страны нейтральной. Это было бы

равнословно закрытию для нас навсегда сухопутных подступов к Балканскому полуострову.

Такова была уже идея трактата 1856 г. Это пожелание румын. Мы должны ожидать того, что эта идея будет выдвинута.

Мы свободны не соглашаться с нашей стороны на нейтрализацию Румынии, которая, вероятно, вызовет также противодействие других стран.

Став независимой, Румыния будет, как всякое государство, подвержена случайностям войны. Если мы когда-нибудь окажемся во враждебных отношениях с Турцией, она должна будет выбирать между союзом с нами и союзом с Портой и терпеть последствия своего выбора.

Так как Сан-Стефанский договор оставляет за нами право обменять Добруджу на уступленную часть Бессарабии, может быть, мы могли бы поставить эту компенсацию в зависимость от соглашения, оговаривающего право прохода через Добруджу.

Однако, возможно, будет трудно достигнуть подобного соглашения на конгрессе и ввиду настроения румын.

В подобном случае нам останется лишь совершенно определенно оставить за собой полную свободу действий и отношений с Румынией как с независимым государством.

д. Право обсуждать вопрос о судоходстве по Дунаю и его устьям вне территориальных вопросов.

Если это положение имеет в виду существующие гарантии или же гарантии, которые должны быть добавлены для свободы судоходства по Дунаю, императорский кабинет ничего не имеет возразить.

Но возможно также, что эта дискуссия имеет в виду воздвигнуть новую преграду между нами и Турцией, ставя нас перед международными соглашениями, которые сделали бы невозможным для русской армии переправу через эту реку. К этому вопросу нужно подойти с крайней осмотрительностью, так как может быть неудобно сохранять наши временные привилегии в случае будущих войн.

Следовало бы избегать всякого европейского обязательства, которое не могло бы быть аннулировано состоянием войны между нами и Турцией и давало бы в этом случае Европе право ограничить наши права как воюющей стороны.

1. Эту инструкцию приняло особое совещание, происходившее 27 мая 1878 г. в Царском Селе (см. 88, стр. 452—453; 57, стр. 63—64; 87, стр. 500).

2. Имеется в виду англо-русское соглашение от 18 (30) мая 1878 г., меморандумы 1—3 (см. 87, стр. 646—649).

3. 3 (15) апреля 1856 г. в Париже представители Австрии, Англии и Франции подписали особую конвенцию о независимости и целостности Османской империи. В ст. 2 этой конвенции говорилось, что нарушение Парижского договора от 18 (30) марта 1856 г. будет рассматриваться как повод к войне (см. 20, стр. 121).

№ 69

1878 г. мая 28. — Дополнения к инструкции особого совещания при Александре II русским уполномоченным на Берлинском конгрессе с учетом замечаний П. А. Шувалова¹

Le comte Schouvalow a posé quelques questions supplémentaires sur lesquelles il prévoit que les discussions se porteront dans le congrès.

1. Faut-il défendre la division longitudinale de la Bulgarie?

Résolutions adoptées en conseil

Il a été convenu que si la frontière occidentale était fixée d'après la proposition anglaise, (de Novi Bazar à Kourcha Balkan) comme elle ne laisserait en dehors de la frontière longitudinale de la conférence qu'une bande de territoire trop insignifiante pour constituer un Etat viable, il vaut mieux en pareil cas s'en tenir à la division par les Balkans.

2. Faudra-t-il maintenir la frontière sud du traité de San-Stéfano jusqu'à la mer Noire?

Il a été convenu que la discussion reste ouverte sur ce point et que nous devons insister sur les stipulations de San-Stéfano.

3. Quelles seront les institutions autonomes à proposer pour la Bulgarie Sud?

Un projet sera rédigé d'après les rapports du prince Tcherkassky et les instructions données au prince Dondoukoff-Korsakoff. Il sera communiqué au congrès.

4. Question du cantonnement des troupes turques dans les Balkans.

Il a été convenu que cette proposition doit être combattue comme incompatible avec le principe de l'éloignement des troupes turques qui est la meilleure garantie de l'autonomie bulgare.

Si l'on insistait au congrès sur la nécessité de garantir la Porte contre la tendance inévitable de la Bulgarie du Nord à absorber celle du Sud, on pourra proposer de déléguer cette garantie à l'Europe qui s'engagerait à empêcher ces tentatives de fusion.

Si néanmoins elles se produisaient par des faits, la Porte aurait le droit de faire entrer ses troupes dans la Bulgarie du Sud du consentement des Puissances. Une fois l'ordre légal rétabli, elle devrait retirer ses troupes et ne pourrait établir des cantonnements permanents que si les Puissances en reconnaissent la nécessité absolue et y donnaient leur assentiment.

En pareil cas, on devrait convenir de l'emplacement de ces cantonnements, de leur nombre, du chiffre des troupes qui les occuperaient et des conditions de cette occupation qui ne devrait porter aucun préjudice à l'autonomie administrative de la province.

Si ces combinaisons étaient absolument rejetées, en référer aux décisions de sa majesté l'empereur avant de consentir aux cantonnements proposés.

5. Comment traiter la demande de participation de l'Europe dans l'organisation administrative des deux Bulgaries?

Dans la première notice * il a été décidé de suggérer la remise de cette tâche à la conférence des ambassadeurs à Constantinople qui poserait les principes à suivre. Le commissaire russe veillerait à leur application. Plus tard, le contrôle serait remis à une commission consulaire.

Si cette combinaison n'était décidément pas admise, on pourrait consentir à établir la commission consulaire aussitôt après la paix, mais seulement pour la Bulgarie du Sud. Celle du Nord devant avoir sa pleine autonomie, l'organisation restera confiée à l'assemblée des notables **.

6. Quel est le minimum des concessions à faire dans la durée et la nature de l'occupation?

Le terme moyen d'une année pourra être proposé comme juste milieu entre les six mois suggérés par l'Autriche et les deux ans demandés par nous. Le chiffre de 50 mille hommes devra être maintenu comme minimum. Du reste le principe d'une entente par l'intermédiaire des représentants à Constantinople demeurera acquis quant à l'opportunité d'une réduction du temps et du chiffre selon la marche progressive des choses.

7. L'Angleterre ne consentira pas aux deux premières lignes de l'art. XXIV du traité de San-Stéfano, stipulant que la navigation dans les détroits restera libre, en temps de paix comme en temps de guerre, pour les navires marchands neutres venant des ports russes de la mer Noire ou s'y rendant. Elle revendiquera probablement le droit auquel elle n'a jamais renoncé de bloquer les ports ennemis.

L'Angleterre ne pourrait bloquer nos ports du midi qu'en entrant dans la mer Noire, ou bien en établissant le blocus à l'entrée des détroits. Le premier cas, si la Turquie n'était pas en guerre avec nous, serait une violation manifeste du principe de la fermeture des détroits. Le second serait un retour au blocus fictif proscrit par la déclaration de Paris et qui ne saurait être admis même si la Turquie participait à la guerre contre la Russie ***.

* *См. док. 68.*

** *На полях помета П. А. Шувалова:* Il a été décidé que l'organisation de la province du Nord serait soumise au contrôle de la conférence des ambassadeurs.

*** *На полях помета П. А. Шувалова:* Mr. de Giers fera étudier cette question et nous enverra un memorandum supplémentaire.

8. Comment traiter la question des frontières du Monténégro, de l'enclave et d'Antivari si l'Autriche élève des difficultés qui menaceraient de rompre le congrès.

La frontière du Nord (Lim) stipulée par le traité de San-Stéfano a été abandonnée en vue d'autres arrangements avec l'Autriche. Le prince Nicolas paraissant prêt à renoncer au besoin à tous les autres avantages qui lui sont réservés pourvu qu'il conserve Antivari, la frontière du Lim, de même que l'élargissement de l'enclave pourront être des moyens de négociation dans ce but. Il faudra avant tout chercher à s'entendre préalablement avec le comte Andrassy sur ces questions, en consultant néanmoins le délégué monténégrin. Toutes les garanties possibles pourront lui être offertes au sujet d'Antivari, on pourra lui proposer de garder le port de Spitzza, consentir aux rectifications qu'il réclamerait sur la frontière du Nord et sur celle de l'enclave; si l'annexion de la Bosnie et de l'Herzégovine, qui lui sera probablement contestée, devenait une condition sine qua non, nous devons l'appuyer de notre vote, mais en tout cas — nous devons insister sur Antivari.

Si, malgré tout, le comte Andrassy persistait dans son opposition, ou s'il exigeait absolument la cession de l'enclave, la question devra être référée à sa majesté l'empereur.

9. Si, comme il est à prévoir, les plénipotentiaires anglais insistent dès le début du congrès sur la retraite simultanée immédiate, quelle sera l'attitude à prendre?

Les Anglais objectant que la proposition de la retraite simultanée suggérée par le prince de Bismarck a été acceptée en principe par sa majesté l'empereur, que la condition de la livraison préalable des forteresses n'en faisait pas partie, qu'elle a été ajoutée depuis et que le gouvernement anglais ne reconnaissant pas le traité de San-Stéfano ne saurait se soumettre à cette condition ni l'appuyer, il faudra avant tout expliquer au marquis de Salisbury les raisons qui ne nous permettent pas de nous en départir en vue de nos nécessités militaires, et l'engager à ne pas poser la question de la retraite simultanée immédiate, du moins pas dans des termes absolus qui risqueraient de faire échouer le congrès avant même qu'il ne soit ouvert.

Si néanmoins lord Beaconsfield insiste, nous devons défendre notre point de vue et y chercher des appuis en congrès.

Si la majorité des représentants s'associe au point de vue anglais, nous pourrions faire, comme tentative extrême, la proposition suivante:

*Dans le cas où le congrès adopterait le principe de l'autonomie de la Bulgarie ou des deux Bulgaries, avec éloignement des troupes turques et rasement des forteresses, et que l'Europe prît sous sa garantie l'exécution de ces clauses par la Porte *, nous consentirions à ne pas insister sur la livraison des forteresses préalablement à la retraite simultanée, qui pourrait s'effectuer immédiatement dans les conditions exposées dans le projet lu en conseil par le comte Schouvalow. Mais les Puissances devraient en même temps nous reconnaître le droit de prendre ces forteresses par la force des armes, si la Porte n'exécutait pas ces engagements **.*

Si ces propositions n'étaient pas admises, la question devra être référée à sa majesté l'empereur.

10. Si dans le cours du congrès des propositions étaient faites en vue d'élargir la solution des difficultés orientales en étendant à toutes les provinces chrétiennes de la Turquie les conditions d'autonomie que nous stipulons pour la Bulgarie, en les unissant par un lien fédéral, même sous la suzeraineté du sultan, quelle serait l'attitude à prendre?

Le cabinet impérial a toujours tâché d'agrandir et d'élever la mission de l'Europe en Orient en se plaçant au point de vue humain et chrétien. Par con-

* *Помета П. А. Шувалова:* A la séance sous la présidence de sa majesté il n'a pas été question que l'Europe nous donne cette garantie.

** *Помета П. А. Шувалова:* A cette même séance il a été posé que nous ferions la déclaration «ad hoc» mais sans exiger la reconnaissance de l'Europe; de plus l'empereur a permis de mitiger la forme et de substituer aux mots: «prendre ces forteresses par la force des armes», les mots: «la Russie insistera par les moyens les plus propres, etc, etc».

séquent nous ne demanderions pas mieux que de voir les Puissances entrer dans cette voie.

Mais nous sommes payés pour nous défier et nous garder des illusions.

Si même les cabinets se plaçaient sur un pareil terrain, ce ne serait qu'en vue de miner notre influence en Orient, d'y substituer la leur et de favoriser les éléments hostiles aux Slaves.

Néanmoins nous ne pourrions pas nous opposer aux avantages qu'on pourrait vouloir obtenir au profit des populations grecques. Les nuances qui séparent le self-gouvernement stipulé en leur faveur de l'autonomie réclamée pour la Bulgarie sont peu importantes; l'essentiel reste toujours les garanties d'exécution, c'est-à-dire l'éloignement des troupes et des fonctionnaires turcs. Il est douteux que l'Angleterre le propose et que la Porte y consente. Ce serait la fin de l'empire Ottoman en Europe.

Ce dont il faut se garder ce sont les mirages de réformes spontanées, libérales, constitutionnelles etc., etc. que les Turcs chercheront comme toujours à opposer à nos solutions plus restreintes mais plus efficaces.

Si les Puissances veulent en accepter l'épreuve dans les autres provinces de la Turquie, nous pouvons ne pas nous y opposer, tout en préférant les institutions pratiques dont le règlement de Crète ou du Liban offre le type. Mais quant à la Bulgarie nous devons maintenir notre programme d'autonomie basé: 1) sur l'éloignement des troupes et des fonctionnaires turcs et sur la destruction des forteresses et 2) sur une sanction matérielle qui force le gouvernement turc au respect de ces obligations s'il venait à les enfreindre*.

Cette sanction matérielle obligatoire peut être déferée à l'Europe si elle veut en contracter l'engagement formel. En pareil cas elle pourrait rentrer dans les propositions que nous avons faites à diverses reprises; soit des démonstrations maritimes collectives dans les eaux du Levant, soit, simultanément, des mesures d'exécution militaire des Puissances limitrophes.

Mais à défaut d'un pareil engagement, ou à défaut de son exécution, la Russie doit conserver le droit de prendre sur elle, si elle le juge indispensable, la sanction matérielle nécessaire pour faire respecter l'ordre des choses créé par le congrès s'il venait à être violé.

Bien entendu qu'elle ne recourrait à des mesures d'exécution qu'après en avoir prévenu les Puissances et les avoir invitées à s'y associer, comme elle l'a fait pendant les deux années de négociations qui ont précédé la guerre actuelle.

Si dans le congrès l'annexion de la Crète, de l'Épire et de la Thessalie à la Grèce était proposée, nous n'y ferions pas d'opposition.

Mais en pareil cas nous devrions exiger, pour le maintien de l'équilibre des races, que la Bulgarie soit dotée d'une unité et d'une autonomie complète dans ses limites naturelles**.

* * *

Le comte Schouvalow a posé la question: dans quels cas devons nous admettre la participation de l'Europe en dehors de ceux stipulés par le traité de San-Stéfano:

1. Dans l'art. II, il est stipulé que dans les arrangements à conclure entre le Monténégro et la Turquie pour rétablir leurs relations actuellement et dans l'avenir, la Russie et l'Autriche serviront d'arbitres.

Cette clause indique que le cabinet impérial n'a nullement la prétention d'exercer une action exclusive en Orient. Il a pensé que cette action devait

* *На полях помета П. А. Шувалова*: Ceci ne me paraît pas exact: pour le cas peu probable où la combinaison confédérative serait acceptée, le ministre de la guerre a proposé de ne point insister sur des exceptions pour la Bulgarie méridionale et d'y admettre des garnisons turques sur des points à préciser au même degré que dans les autres provinces chrétiennes, de plus il ne pourrait pas être question des forteresses car je crois que la Bulgarie méridionale n'en possède pas.

** *Помета П. А. Шувалова*: Cette condition est toute nouvelle pour moi, elle n'a pas été discutée.

plus naturellement appartenir aux Puissances limitrophes. Mais si l'Europe insiste absolument sur sa participation, malgré les inconvénients des interventions collectives, nous ne devrions pas nous y opposer.

2. De même pour l'art. IV du traité de San-Stéfano relatif à l'assistance d'un commissaire russe à la commission turco-serbe qui serait instituée pour la liquidation des propriétés des musulmans qui voudraient quitter le territoire serbe.

Si les congrès le demande absolument, on pourra supprimer le commissaire russe ou déléguer la surveillance aux consuls de Russie et d'Autriche ou à tous les consuls.

3. Quant à l'art. VI., stipulant que les frontières de la Bulgarie seront tracées par une commission russo-turque, il a été convenu que l'étude de cette question sera confiée à une commission internationale.

Participation de l'Europe dans l'organisation de la Bulgarie (Art. VII) et liquidation des propriétés musulmanes (art. XI).

Cette question a été décidée ailleurs et sera réglée au congrès.

4. Question de la milice indigène à Philippopoli où la majorité est grecque.

La milice étant une institution purement locale, la question est tranchée de fait. Elle sera basée sur la majorité de la population.

5. Accord entre l'Autriche et la Russie au sujet de l'organisation de la Bosnie et de l'Herzégovine, et de la fixation des sommes afférentes au gouvernement central sur les revenus de ces provinces (art. XIV).

Si le congrès décide que cet accord doit être européen, nous ne devons pas nous y opposer.

6. Voix consultative de la Russie dans l'application du règlement crétois à l'Epire et à la Thessalie (art. XV). Il est convenu que toutes les Puissances auront la même voix consultative.

АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 453, лл. 116—127 об. Копия. Литографированный экземпляр.

Перевод

Граф Шувалов поставил некоторые дополнительные вопросы, по которым он предвидит дискуссию на конгрессе.

1. Следует ли защищать меридиональное разделение Болгарии?

Резолюции, принятые на совещании.

Было решено, что если западная граница будет определена согласно английскому предложению (от Нови-Базара до Курша-Балкан), то поскольку она оставит вне предложенной конференцией меридиональной границы полосу территории, слишком незначительную для того, чтобы составить жизнеспособное государство, в этом случае лучше придерживаться разделения по линии Балкан.

2. Следует ли настаивать на южной границе до Черного моря в соответствии с Сан-Стефанским договором?

Было решено, что дискуссия по этому пункту остается открытой и что мы должны настаивать на условиях Сан-Стефанского договора.

3. Какие автономные учреждения будут предложены для Южной Болгарии?

Будет выработан проект по донесениям кн. Черкасского и инструкциям, данным кн. Дондукову-Корсакову. Проект будет передан конгрессу.

4. Вопрос о размещении турецких войск на Балканах.

Было решено, что предложение должно быть отвергнуто как несовместимое с принципом удаления турецких войск, являющимся лучшей гарантией болгарской автономии.

Если на конгрессе будут настаивать на необходимости дать гарантию Порте против неизбежной тенденции Северной Болгарии к поглощению Южной, можно предложить передать эту гарантию Европе, которая обязалась бы воспрепятствовать этим попыткам к слиянию.

Если тем не менее подобные попытки будут иметь место, Порта будет иметь право ввести войска в Южную Болгарию с согласия держав. Как только будет восстановлен законный порядок, Порта должна будет вывести свои войска и сможет установить постоян-

ное размещение войск только в том случае, если державы признают абсолютную необходимость этого и дадут на это свое согласие.

В подобном случае надо договориться о размещении военных квартир, их числе, численности оккупационных войск и условиях этой оккупации, которая не должна наносить какой-либо ущерб административной автономии провинции.

Если эти комбинации будут категорически отвергнуты, следует обратиться к решениям его величества императора, прежде чем согласиться на предложенные размещения войск.

5. Как отнестись к требованию участия Европы в административной организации обеих Болгарий?

В первой записке было решено предложить передать это дело конференции послов в Константинополе, которая должна выработать принципы, коими должно будет руководствоваться. Русский комиссар будет наблюдать и за их осуществлением. Позже контроль будет передан консульской комиссии.

Если эта комбинация решительно не будет принята, можно согласиться на создание консульской комиссии тотчас же по заключении мира, но только для Южной Болгарии. Ввиду того что Северная Болгария должна иметь полную автономию, организация останется доверенной собранию нотаблей *.

6. Каков минимум возможных уступок в вопросе о продолжительности и характере оккупации?

Срок в один год может быть предложен как компромиссный между шестью месяцами, предлагаемыми Австрией, и двумя годами, требуемыми нами. Следует настаивать как минимум на численности в 50 000 человек. Впрочем, принцип соглашения при посредничестве представителей в Константинополе останется в силе в том, что касается своевременности сокращения срока и численности войск в соответствии с ходом событий.

7. Англия не согласится на два первых абзаца ст. XXIV Сан-Стефанского договора, постановляющие, что судоходство в проливах останется свободным как в мирное, так и в военное время для нейтральных торговых судов, идущих из русских портов Черного моря, либо туда направляющихся. Она, по-видимому, будет отстаивать свое право блокировать вражеские порты, от которого она никогда не отказывалась.

Англия сможет заблокировать наши южные порты только войдя в Черное море либо установив блокаду при входе в проливы. Первый случай, если Турция не была бы в состоянии войны с нами, являлся бы явным нарушением принципа закрытия проливов. Второй — означал бы возвращение к фиктивной блокаде, осужденной Парижской декларацией, и которая бы не могла быть допущена, даже если бы Турция участвовала в войне против России **.

8. Каким образом следует обсуждать вопрос о границах Черногории, об анклав и об Антивари, если Австрия будет чинить затруднения, грозящие провалом конгресса?

Северная граница (Лим), утвержденная Сан-Стефанским договором, была оставлена ввиду возможности заключения других соглашений с Австрией. Так как князь Николай казался готовым при необходимости отказаться от всех прочих преимуществ, которые ему предоставлялись, ради сохранения Антивари, граница по Лиму, так же как и расширение анклава, могут быть объектом переговоров в этих целях. Следует прежде всего попытаться предварительно договориться с графом Андраши по этим вопросам, консультируясь при этом с черногорским делегатом. Все возможные гарантии могут быть ему предоставлены относительно Антивари; можно предложить ему сохранить порт Спицу, согласиться на требуемую им ректификацию северной границы и границы анклава; если аннексия Боснии и Герцеговины, которая, по-видимому, будет оспариваться, станет условием *sine qua non* ***, мы должны поддержать ее при голосовании, но в любом случае мы должны настаивать на Антивари.

Если, несмотря ни на что, граф Андраши будет упорствовать в своем сопротивлении либо если он категорически потребует передачи анклава Австрии, вопрос должен быть передан на рассмотрение его императорского величества.

* На полях помета П. А. Шувалова: Было решено, что организация Северного княжества будет подчинена контролю конференции послов.

** На полях помета П. А. Шувалова: Г-н Гирс изучит этот вопрос и пришлет нам дополнительный меморандум.

*** Непременное условие (лат.).

9. Какую следует занять позицию, если, как можно предвидеть, английские уполномоченные будут настаивать с начала конгресса на немедленном одновременном отступлении?

Ввиду того что англичане возражают против этого, мотивируя тем, что предложение князя Бисмарка об одновременном выводе армии и флота получило принципиальное согласие его императорского величества, что в нем не было упомянуто условие о предварительной сдаче крепостей, которое было добавлено позже, и что английское правительство, не признающее Сан-Стефанский договор, не сможет ни подчиниться этому условию, ни поддержать его, то следует прежде всего объяснить маркизу Солсбери причины, не позволяющие нам от него отказаться из-за наших военных нужд, и обязать его не ставить вопрос о немедленном одновременном выводе армии и флота, по крайней мере в тех категорических выражениях, которые грозят провалом конгресса еще до его открытия.

Если тем не менее лорд Биконсфилд будет настаивать, мы должны защищать нашу точку зрения и искать ей поддержку на конгрессе.

Если большинство представителей присоединится к английской точке зрения, мы сможем сделать, как крайнюю попытку, следующее предложение.

*В том случае, если конгресс примет принцип автономии Болгарии или обеих Болгарий, с удалением турецких войск и срытием крепостей, и если Европа возьмет на себя гарантию выполнения Портой этих условий *, то мы согласимся не настаивать на сдаче крепостей до одновременного вывода армии и флота, который может начаться немедленно в условиях, изложенных в проекте, прочитанном в совете графом Шуваловым. Но державы должны в то же время признать за нами право взять крепости силой оружия, если Порта не выполнит свои обязательства **.* Если эти предложения не будут приняты, вопрос должен быть передан на рассмотрение его величества императора.

10. Если в ходе конгресса будут внесены предложения с целью расширить решение трудностей на Востоке, предоставляя всем христианским провинциям Турции условия автономии, которые мы выговариваем для Болгарии, объединив их федеральными связями даже при вассальном подчинении султану, то какую в этом случае следует занимать позицию?

Императорский кабинет, придерживаясь человеколюбивой и христианской точки зрения, всегда стремился расширить и поднять роль Европы на Востоке. Следовательно, самое большее, чего мы хотим, это видеть державы вступившими на этот путь.

Даже если бы кабинеты встали на ту же позицию, то это имело бы целью подорвать наше влияние на Востоке, вытеснить его своим и поддерживать враждебные славянам элементы.

Тем не менее мы не должны противодействовать возможным с их стороны попыткам добиться преимуществ для греческого населения. Различия между самоуправлением, выговоренным в его пользу, и автономией, требуемой для Болгарии, незначительны; существенными продолжают оставаться гарантии их выполнения, т. е. удаление турецких войск и турецких чиновников. Сомнительно, чтобы Англия внесла подобное предложение и чтобы Порта на это согласилась. Это означало бы конец Османской империи в Европе.

Следует остерегаться иллюзий скороспелых, либеральных, конституционных и прочих реформ, которыми турки попытаются, как всегда, противодействовать нашим решениям, более ограниченным, но более действенным.

Если державы пожелают применить этот опыт в других провинциях Турции, мы можем не возражать против этого, предпочитая практические учреждения такого типа, как уставы Крита или Ливана. Но в том, что касается Болгарии, мы должны придерживаться нашей программы автономии, основанной: 1) на удалении турецких войск и чиновников и на разрушении крепостей; 2) на применении материальной санкции, которая

* *Помета П. А. Шувалова:* На заседании под председательством его величества не было вопроса о том, что Европа даст нам эту гарантию.

** *Помета П. А. Шувалова:* На этом же заседании было решено, что мы делаем заявление «ad hoc», не требуя признания Европы; кроме того, император позволил смягчить форму и заменить слова «взять крепости силой оружия» словами «Россия будет настаивать самыми действенными средствами и т. д.».

принудила бы турецкое правительство к выполнению его обязательств, если бы оно их нарушило*.

Эта обязательная материальная санкция может быть передана Европе, если она согласится принять соответствующее формальное обязательство. В подобном случае она может вернуться к предложениям, неоднократно выдвигаемым нами: либо к коллективным демонстрациям морского флота в водах Леванта, либо, одновременно с этим, к мерам военного воздействия со стороны пограничных держав. Но при отсутствии подобного соглашения или при его невыполнении Россия должна сохранить право применить, если она сочтет нужным, необходимую материальную санкцию, чтобы заставить уважать порядок вещей, созданный конгрессом, если он будет нарушен.

Разумеется, она прибегнет к мерам наказания, только предупредив державы и пригласив их присоединиться, как она это делала в течение двух лет переговоров, предшествовавших настоящей войне.

Если на конгрессе будет предложена аннексия Крита, Эпира и Фессалии Грецией мы не будем этому противодействовать.

Но в этом случае мы должны потребовать для поддержания равновесия национальностей, чтобы Болгарии было предоставлено единство и полная автономия в ее естественных границах**.

Граф Шувалов поднял вопрос: в каких случаях мы должны допускать участие Европы, кроме случаев, оговоренных Сан-Стефанским договором.

1. В ст. II постановлено, что при заключении соглашений между Черногорией и Турцией для восстановления отношений между ними в настоящем и в будущем Россия и Австрия явятся арбитрами.

Это положение означает, что императорский кабинет нисколько не претендует на исключительную роль на Востоке. Он считает, что эта роль должна с большим правом принадлежать пограничным державам. Но если Европа будет категорически настаивать на своем участии, несмотря на трудности, представляемые коллективным вмешательством, мы не будем этому противодействовать.

2. То же относительно ст. IV Сан-Стефанского договора, касающейся присутствия русского комиссара в турецко-сербской комиссии, которая будет учреждена для ликвидации имущества мусульман, желающих покинуть сербскую территорию.

Если конгресс категорически этого потребует, можно отказаться от присутствия русского комиссара или передать контроль русским и австрийским консулам или всем консулам.

3. Что касается ст. VI, предусматривающей, что границы Болгарии будут определены русско-турецкой комиссией, было решено, что изучение этого вопроса будет доверено международной комиссии.

Участие Европы в организации Болгарии (ст. VII) и ликвидации имущества мусульман (ст. XI).

Этот вопрос уже решен и будет окончательно урегулирован на конгрессе.

4. Вопрос о местной милиции в Филиппополе, где преобладает греческое население.

Ввиду того что милиция является чисто местным учреждением, вопрос тем самым фактически разрешается. Милиция будет основана на принципе большинства населения.

5. Соглашение между Австрией и Россией по поводу организации Боснии и Герцеговины и определения сумм, причитающихся центральному правительству с доходов этих провинций (ст. XIV).

Если конгресс решит, что это соглашение должно быть общеевропейским, мы не должны этому противиться.

6. Советательный голос России в применении Критского устава к Эпиру и Фессалии (ст. XV).

* На полях помета П. А. Шувалова: Это мне кажется неточным: на тот маловероятный случай, если будет принята комбинация создания конфедерации, военный министр предложил не настаивать на исключениях для Южной Болгарии и допустить турецкие гарнизоны на условиях, которые должны быть уточнены, так же как и для других христианских провинций; кроме того, не может быть вопроса о крепостях, потому что, я полагаю, в Южной Болгарии их нет.

** На полях помета П. А. Шувалова: Это условие для меня совсем ново, его не обсуждал.

Решено, что все державы будут одинаково иметь право совещательного голоса.

1. Эта дополнительная инструкция была выработана на совещании у царя 28 мая (см. 57, стр. 63—64; 88, стр. 453—455).

№ 70

*1878 г. мая 30. — Записка Министерства иностранных дел
о принципах автономии Болгарии и ее будущем государственном
устройстве *1*

En présence des discussions qui vont s'élever au sein du congrès relativement à l'organisation future de la Bulgarie et des différentes provinces chrétiennes destinées à être dotées d'institutions plus ou moins autonomes, il n'est pas inutile de définir ce qu'il faut entendre par le mot l'autonomie. Ce terme peut comprendre différents états de choses, depuis l'indépendance politique complète jusqu'à une organisation analogue à celle de quelques-unes des colonies anglaises qui dépendent de la métropole, mais se régissent d'une manière autonome à l'intérieur. Un pays peut être rattaché à un pouvoir souverain étranger par les devoirs de la vassalité ou d'autres liens plus intimes et plus directs sans cesser pour cela de jouir d'institutions autonomiques.

L'essence de l'autonomie consiste dans l'éloignement de tout élément non-indigène de l'administration intérieure d'une province ou d'une principauté vassale. C'est le gouvernement des populations au moyen d'elles-mêmes, quelques soient d'ailleurs les obligations qui leur sont imposées au dehors.

Quant aux provinces chrétiennes de la Turquie, les germes de l'autonomie locale qu'il s'agit de leur garantir se trouvaient déjà déposés dans la loi des vilayets élaborée sous le régime turc et dont le seul défaut était de n'avoir jamais été appliquée sérieusement. Elle confère aux communes, aux cantons (nakhiés), aux cercles (casas) et aux districts (sandjaks) des provinces des privilèges étendus, un contrôle efficace de leurs propres affaires, grâce à une représentation locale et une indépendance suffisante du pouvoir central. La mauvaise administration de la Turquie en faisait une lettre morte. Il s'agit aujourd'hui de réaliser les bienfaits qu'elle promettait depuis longtemps.

La même considération s'applique à l'organisation de la justice. Il suffirait de laisser librement fonctionner, sans y intervenir d'une manière arbitraire, ainsi que cela se pratiquait sous le régime de la Porte, les institutions judiciaires déjà établies.

L'instruction publique et la satisfaction des besoins religieux des populations n'ont jamais été l'objet des soins particuliers du gouvernement ottoman. Ces matières ont été de tout temps abandonnées à la libre initiative des communautés. Elles rentrent par conséquent dans le domaine naturel de l'autonomie locale.

L'administration proprement dite, la justice, l'instruction publique et les cultes doivent nécessairement être représentés auprès du pouvoir central de la province ou de la principauté par des sections correspondantes des bureaux destinés à les surveiller. Cela s'applique également aux finances. Non que le système des impôts qui existait sous le régime turc doive être entièrement remanié. Mais les abus criants auxquels il donnait lieu en pratique et qui ont été la cause principale du mécontentement des populations et des désordres que ce mécontentement provoquait, ne pourraient s'évanouir que sous la main d'une administration indigène, intéressée à les faire disparaître pour se consolider elle-même.

Enfin, le maintien de l'ordre au sein de tout pays doté d'institutions autonomiques est dévolu naturellement à une milice composée d'éléments locaux.

Quelque soit la constitution du pouvoir central d'un pays autonome, que ce pouvoir soit représenté par un prince vassal ou un gouverneur, — une assemblée élective, composée des représentants des populations, doit nécessairement

* См. док. 68, 69.

se trouver placée à ses côtés, comme un contre-poids et un frein indispensable. Elle devrait être investie d'un pouvoir législatif plus ou moins étendu et de celui du vote des impôts.

Ces principes sont ceux que l'administration provisoire introduite dans les provinces bulgares de la Turquie occupées par les armées russes avait en vue quant à l'organisation future de ces contrées et qu'elle a déjà appliqués en partie autant que les circonstances l'ont permis.

Il a été formé jusqu'ici 8 sandjaks (districts): ceux de Sistowo, Rustchuk, Toultscha, Tyrnowo, Rachowo (Widdin), Sophia, Philippopol et de Slivna. Ces sandjaks sont divisés en 56 cercles (casas). Les limites des divisions administratives qui existaient sous le régime turc ont été partout maintenues. On a procédé autant que possible à l'élection des conseils administratifs et des conseils judiciaires dans les communes, les cercles et les villes d'après la loi ottomane des vilayets. Les anciens impôts ont été perçus par les autorités locales en tant que les circonstances l'admettaient, à l'exception de la dîme, qui selon une disposition spéciale était destinée à être remplacée par l'impôt foncier. Le système du fermage des taxes a été entièrement aboli.

D'après les projets d'organisation intérieure élaborés par le prince Tcherkassky, les représentants de tous les cultes, les présidents des conseils administratifs et des conseils de justice ainsi que d'autres personnages influents devaient se réunir en assemblée de notables, après l'organisation provisoire du pays, pour élaborer une loi électorale. Cette loi devait porter, selon les projets susmentionnés: que tout citoyen âgé de plus de 25 ans, propriétaire ou payant une taxe quelconque était électeur; que tout propriétaire au-dessus d'un certain cens (différent selon les localités), tout ecclésiastique ou maître d'école était éligible. Après la promulgation de la loi électorale l'assemblée des représentants devait être formée aussitôt pour procéder à la confection des lois indispensables au gouvernement régulier de la principauté.

L'élection du prince devait avoir lieu à l'expiration d'une année ou de 18 mois.

АВПР, ф. Политархив, 1877 г., д. 2131, лл. 49—52. Копия. Литографированный экземпляр.

Перевод

Предвидя дискуссию на конгрессе относительно будущей организации Болгарии и различных христианских провинций, которые должны быть наделены более или менее автономными учреждениями, бесполезно определить, что следует понимать под словом «автономия». Это понятие может означать различный порядок вещей, начиная с полной политической независимости до организации, аналогичной существующей в некоторых английских колониях, зависящих от метрополии, но сохраняющих внутреннее самоуправление. Страна может находиться в зависимости от иностранной суверенной власти по обязательствам вассалитета или вследствие других более тесных и непосредственных связей, не переставая пользоваться автономными учреждениями.

Сущность автономии заключается в устранении всякого иностранного элемента из внутренней администрации провинции или вассального княжества. Это самоуправление населения, каковы бы ни были, впрочем, обязательства, навязанные ему извне.

Что касается христианских провинций Турции, зачатки местной автономии, которые должны быть им гарантированы, были уже изложены в законе о вилайетах, выработанном при турецком режиме, единственным недостатком которого было то, что он никогда не применялся серьезно. Он предоставлял общинам, кантонам (нахиям), округам (казам) и губерниям (санджакам) провинций широкие привилегии, действенный контроль за их внутренними делами путем местного представительства и достаточной независимости от центральной власти. Дурная администрация Турции превратила все это в мертвую букву. Сегодня речь идет о том, чтобы осуществить на деле давно обещанные ею блага.

То же соображение относится к организации правосудия. Было бы достаточно позволить уже существующим судебным учреждениям свободно функционировать, не вмешиваясь в них произвольным образом, как это было при турецком режиме.

Народное образование и удовлетворение религиозных потребностей населения никогда не были предметом особых забот оттоманского правительства. Эти вопросы всегда были предоставлены свободной инициативе общин. Следовательно, они естественно входят в область местной автономии.

Собственно администрация, юстиция, народное образование и культы должны по необходимости быть представлены при центральной власти провинции или княжества соответствующими секциями, отделами, которые должны их контролировать. Это также относится и к финансам. Дело не в том, что налоговая система, существовавшая при турецком режиме, должна быть полностью изменена. Но те вопиющие злоупотребления, которым на самом деле она давала повод и которые стали основной причиной недовольства населения и беспорядков, вызванных этим недовольством, могут исчезнуть только под действием местной администрации, заинтересованной в их ликвидации для упрочения своего собственного положения.

Наконец, поддержание порядка в стране, наделенной автономными учреждениями, возлагается естественным образом на милицию, состоящую из местных жителей.

Какова бы ни была структура центральной власти автономного края, представлена ли эта власть вассальным князем или губернатором, выборная ассамблея, составленная из представителей населения, должна непременно существовать рядом с ней как противовес и необходимый тормоз. Она должна быть наделена более или менее широкой законодательной властью и правом голосования по вопросу о налогах.

Таковы те принципы, которые временная администрация, введенная в болгарских провинциях Турции, оккупированных русскими войсками, имела в виду в вопросе о будущей организации этих стран и которые она частично уже применила, насколько позволили обстоятельства.

До сих пор было образовано 8 санджаков (губерний): Систовский, Рущукский, Тульчический, Тырновский, Раховский (Видинский), Софийский, Филиппопольский и Сливенский. Эти санджаки разделены на 56 округов (каз). Границы административного деления, существовавшего при турецком режиме, были повсюду сохранены. Приступили, насколько это было возможно, к избранию административных и судебных советов в общинах, округах и городах в соответствии с оттоманским законом о вилайетах. Прежние налоги взимались местными властями, насколько это позволяли обстоятельства, за исключением десятины, которая по специальному распоряжению должна быть заменена поземельным налогом. Система откупа налогов была совершенно ликвидирована.

По проектам внутренней организации, разработанным князем Черкасским, представители всех культов, председатели административных и судебных советов, так же как прочие влиятельные лица, должны собраться на ассамблею нотаблей после осуществления предварительной организации страны для выработки избирательного закона. Этот закон должен гласить, по упомянутым выше проектам, что каждый гражданин старше 25 лет, имеющий собственность или платящий налоги, является избирателем; что каждый владеющий собственностью свыше определенного ценза (различного в зависимости от местности), каждый священник или школьный учитель могут быть избраны. После обнародования избирательного закона ассамблея представителей должна быть сформирована немедленно, чтобы приступить к разработке законов, необходимых для постоянного управления княжеством.

Избрание князя должно иметь место по истечении года или 18 месяцев.

1. Хотя контуры решений Берлинского конгресса были намечены в англо-русском соглашении от 18 (30) мая 1878 г., однако некоторые проблемы автономии княжества Болгарии и Южной Болгарии были определены только в общих чертах (например, объем прав султана в южной части Болгарии), по части вопросов не было достигнуто общей договоренности (о статуте турецких войск в Южной Болгарии, о наименовании этой провинции, об устройстве милиции и т. д.). Кроме того, английское правительство оставляло за собой право потребовать на конгрессе участия Европы в административном устройстве обеих болгарских провинций (см. 79, стр. 176—180). В предвидении дискуссии на Берлинском конгрессе об устройстве княжества Болгарии, особенно Восточной Румелии, Министерство иностранных дел России и составило комментируемую записку для ориентации русских делегатов.

№ 71

1878 г. мая 30. — Сообщение и. д. руцукского губернатора А. А. Тимофеева доростоло-червенскому митрополиту Григорию о получении денег, собранных населением Руцука для русского добровольного флота

№ 1081

Руцук

С особым удовольствием спешу известить ваше высокопреосвященство о получении мною письма вашего от 29 мая за № 11 и доставленной при оном по добровольной подписке собранной в г. Руцуке суммы для отсылки в Россию на устройство русского добровольного флота ¹.

Полученная сумма вместе с списком жертвователей, а также и письмом вашего высокопреосвященства мною будут безотлагательно препровождены по назначению для скорого доведения до сведения государя наследника цесаревича о пожертвовании, столь ясно доказывающем искренность дружественных уз, соединяющих народ болгарский с Россией.

И. д. руцукского губернатора
свиты его высочества ген[ерал]-майор Тимофеев

Правитель канцелярии граф Кутузов

ОДА—Русе, ф. 43 К, оп. 1, д. 27, л. 49. Подлинник.

1. Ввиду обострения отношений с Англией по вопросу о Сан-Стефанском мирном договоре было решено создать на добровольные пожертвования флот для вспомогательных операций на случай войны (см. 75, стр. 148; НБКМ—БИА, ф. 2, д. 38, л. 1).

№ 72

1878 г. июня 2. — Рапорт хаскёйского окружного начальника поручика Заткалика А. К. Имеретинскому со сведениями об отрядах башибузуков в Родопских горах ¹

№ 241

Хаскёй

Согласно предписанию г. филиппопольского гражданского губернатора представлять через каждые пять дней сведения о действиях взбунтовавшихся в Родопских горах турок, так и регулярных турецких войск, расположенных в разных местах за р. Ардою, честь имею довести до сведения вашего превосходительства следующее: на пространстве от дер. Кирджали до дер. Небылкёй расположено от 3-х до 4-х тыс. башибузуков, которыми командуют 2 иностранных офицера (по словам лазутчиков — английские). Один из этих офицеров живет в дер. Карааляр (Хаскёйского округа), при нем в качестве адъютанта состоит один юз-баши именем Топал-Юсуф; при них в виде стражи находится отряд в 400 человек. Под начальством этого офицера состоят еще два других отряда: первым из них командует Джоноварлы-Смаил, отряд этот расположен в Димотикском округе, в дер. Кызыл-делла. В битве этот отряд до сих пор не участвовал. Второй отряд — до 1000 человек — находится под командою Джири-оглу Юссин-ага. Отряд этот преимущественно сформирован из жителей округов Султанери и Демотики, после чего отведен был в окрестности деревень Мангов и Кочаш (Демотикского округа). Этот отряд участвовал в сражении с русскими войсками Андрианопольского отряда, в котором был совершенно разбит и уничтожен, и если верить донесениям, то в этом бою пало около 200 турок, очень много раненых было перевезено за р. Арду, много попало в плен русским. Второй английский офицер хорошо говорит по-болгарски и квартирует в дер. Юглюк (Султан-ери округа), и под его начальством находится оставшая часть войск, расположенных в этой части округа. Этот офицер между болгарами дер. Юглюк на-

зывает себя Иваном, между турками известен под именем Юссин-паши *. Когда болгаре, живущие за Ардою, жаловались этому офицеру на насилия и притеснения его башибузуков, он отвечал им: «Это так и нужно, вас следовало бы повесить, но я этого не делаю, так как, убивши вас, я потеряю всю свою армию, которая наверно разбежится, если не будет видеть перед своими глазами такого лакомого кусочка». Башибузуки в этих отрядах служат не постоянно, а сменяются через несколько дней, одни уходят домой, а на их место из той же деревни приходят другие.

Большинство башибузуков в этих отрядах вооружены ружьями, заряжающимися с казенной части, преимущественно систем Пибоди и Снейдера, хотя встречаются и ружья систем Шаспо и Дрейхе, только старики вооружены капсюльными и кремневыми ружьями. Здесь орудий турки не имеют, не имеют также и укреплений. Дорога из дер. Кирджали до Небылкёй, хотя все время идет по горам, но все-таки годится для перевозки орудий и повозок.

В юго-западной части округа на пространстве от Кирджали до Букова расположено от 6 до 8 тыс. вооруженных турок, ими командуют: Мулла Мурад, Юсеин Чауш (раненный в руку и ногу в последнем сражении у дер. Габрово), Ковас Мехмед и Дели Эмер-ага (помак из дер. Гёрен). Мулла Мурад и Юсеин Чауш живут в дер. Мулла Мусаллар, хотя резервы этого отряда расположены в ущельи около дер. Мусаллар. Дели Эмер-ага живет [в] Кепрлю и Кавоз Мехмед — в дер. Ахялий. Организация и вооружение такие же, как и в восточном отряде. Орудий и укреплений на всем этом протяжении не имеется. Дорога от Мандры на Бейкёй в Кепрлю удобна для движения артиллерии, то же самое и дорога из Кирджали в Кованлык и оттуда в Габрово и Кушелар, хотя в некоторых местах орудия придется перевозить на руках, в чем я имел возможность лично убедиться во время поездки по этим местам с майором турецкой службы Мустафа-беем. Вообще турки обоих отрядов ведут обширную корреспонденцию с Константинополем и турецкими чиновниками соседних округов, от которых они получают нравственную и материальную поддержку, напр. 17 мая — 15 ящиков с патронами. Кроме того, они надеются на помощь Англии, ожидают английских и египетских войск через Кавалла. Слух, что англичане дадут им орудия, весьма распространен в горах; и когда один из английских кораблей подплывал к Гюмюрджину ², то жители приготовились для принятия с этого корабля пушек, но корабль ушел обратно в открытое море, сделав лишь только несколько холостых выстрелов. Вообще в горах чувствуется сильный недостаток в хлебе, так что много людей мрет с голоду, вследствие чего многие из беженцев желали бы обратно вернуться на родину, но их не пускают предводители и их помощники, распускают самые нелепые слухи о болгарских зверствах и скорой помощи со стороны Англии и падишаха. Сведения эти добыты мною от лазутчиков, подтверждаются и болгарскими, находившимися в плену у башибузуков.

Начальник округа поручик Заткалик
Секретарь Н. Марков

Помета К. В. Левицкого: Полк[овнику] Марковому. Для прочтения. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7468, ч. 3, лл. 438—439 об. Подлинник.

1. Так называемое Родопское восстание имело место вне пределов занятой русскими войсками территории с начала 1878 г. до весны 1879 г. Оно началось со взаимных столкновений между болгарским и турецким населением, нападений башибузуков и турок-беженцев из Филиппопольского, Татар-Базарджикского и других районов на болгарские села. Помаки (болгары-магометане) Ахи-Челебийского округа, первоначально вместе с болгарскими христианами заявлявшие о желании установления русской власти, вскоре в результате мусульманской пропаганды присоединились к башибузукам и дезертирам из турецкой армии. Активную роль в движении играли местные беи (некоторые из них участвовали в подавлении Апрельского восстания 1876 г.), а также турки-землевладельцы, бежавшие из Болгарии. Ахи-Челеби и Кирджали стали центрами мятежа. Вооруженные

* Вероятно, Д. Б. Сенклер.

отряды турок, черкесов, цыган, помаков начали переходить р. Арду и грабить болгарское население. После заключения Сан-Стефанского мирного договора русские власти обращались к турецкому правительству с просьбой помочь умиротворению, однако в районе брожения появились эмиссары из Константинополя, агенты турецких властей Гюмюрджини и Каваллы и английские эмиссары. Они вели агитацию за расширение восстания на территорию, оккупированную русскими войсками. Так, прибывший из Константинополя провождник Мукаид-оглу призывал к всеобщему восстанию мусульман, изблению болгар и борьбе против русских. Таким образом, со второй половины февраля 1878 г. родопским волнениям, стараниями турецкого правительства, при материальной поддержке Англии и при участии английских эмиссаров был придан характер борьбы местного турецкого и помакского населения против русского управления и за оставление Родоп и прилегающей части Фракии в составе Оттоманской империи. Видную роль в руководстве движением играл бывший английский вице-консул в Бургасе и владеец имения под Бургасом Д. Б. Сепклер; в шайках мятежников участвовали англичане. Английские корабли доставляли мятежникам оружие и припасы. Печать Англии вела шумную кампанию против России и русской армии, будто бы совершавшей жестокости в Родопах, хотя в действительности русская армия только принимала меры для охраны болгарского населения и стремилась помешать развитию мятежа (см. АВПР. ф. ГА, V—A₁, 1878 г., д. 43, лл. 1—2 об.; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7908, лл. 6—11; док. 132). На Берлинском конгрессе английский представитель поднял вопрос о событиях в Родопах, и было решено отправить туда для расследования европейскую комиссию.

Международная родопская комиссия побывала в Филиппополе, где имела встречу с Дондуковым-Корсаковым, затем выехала в Ксанти. Это место было избрано по совету английского представителя — английская агентура здесь обрабатывала и инструктировала турецких беженцев. Здесь до середины августа 1878 г. комиссия и проводила свои заседания. Несмотря на двукратный протест русского представителя (Базили, затем Лишин) и вопреки инструкции, данной комиссии, она занялась не изучением положения беженцев и вопроса об их возвращении на места прежнего проживания, а заслушиванием жалоб на русские войска. Их подавали турки, известные зверствами против болгар после Апрельского восстания. Итоговый рапорт этой комиссии оказался настолько не похожим на объективное расследование, что не только германский представитель, и ранее поддержавший русского, но и австрийский отказались подписать его, а итальянский, подписав, отказался от своей подписи. Рапорт за подписями английского, французского и турецкого представителей был передан послан в Константинополе, которые его отвергли. Попытка международного вмешательства на этом завершилась. Русское командование для проверки показаний, данных перед Родопской комиссией, провело расследование, которое подтвердило вымышленный характер турецко-английских обвинений.

Родопское восстание с осени 1878 г. все более превращалось в борьбу отдельных турецких шаек и их предводителей за власть и добычу (см. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1878 г., д. 2491, лл. 159—160 об; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1346; 59, стр. 240; 46; газета «Марица», № 5 от 11.VII 1878; № 16 от 19.IX 1878 г. и др.; 74, а также док. 90).

2. Сведения о приближении английского корабля к городу Гюмюрджина вызваны недоразумением, так как этот город находится далеко от Эгейского моря. Речь идет о портовом городе Деде-Агач.

№ 73

*1878 г. июня 7 (19). — Письмо Н. К. Гирса А. М. Горчакову
о позиции русского правительства в вопросе о возмещении России
военных убытков **

St.-Petersbourg

Monsieur le chancelier!

Par mon télégramme secret du 6 de ce mois **, j'ai eu l'honneur d'informer votre altesse que notre auguste maître se réservait de soumettre à un mûr examen l'idée émise par le marquis de Salisbury dans son entretien avec le comte Schouvalow, quant à la reconnaissance de l'indépendance complète de la Bulgarie du Nord en échange de notre indemnité de guerre ¹.

La première pensée de sa majesté en prenant connaissance de cette proposition a été d'en écarter tout ce qui aurait pu faire planer sur notre politique le soupçon de vouloir rejeter sur les populations bulgares les charges qu'une guerre glorieuse nous permettait d'imposer à la Turquie. L'intention de leur faire payer le prix de leur délivrance ne saurait en effet répondre au but élevé que notre auguste maître s'était proposé en prenant les armes pour l'émanci-

* См. док. 103, 197, 227.

** Документ не найден.

пацию des chrétiens d'Orient. Le prélèvement du tribut de la Bulgarie du Nord en notre faveur pourrait en outre nous placer dans une position désagréable vis-à-vis des populations dont nous avons été toujours les protecteurs naturels et aboutir tôt ou tard à l'abandon de ce paiement qu'on nous offre comme équivalent de notre indemnité de guerre.

Ce calcul n'est peut-être pas tout à fait étranger aux vues secrètes du cabinet anglais.

Sa majesté néanmoins n'est pas insensible aux avantages que la reconnaissance éventuelle de l'indépendance de la Bulgarie Septentrionale par le congrès assurerait à cet Etat, créé sous nos auspices. Ce serait un nouveau gage dans la voie que nous avons toujours suivie — celle de l'affranchissement des chrétiens de la péninsule Balcanique du joug qui pèse sur eux sous des formes si diverses. A ce titre une solution pareille semble se recommander à la haute attention de notre auguste maître.

En présence de cet état de choses sa majesté pense que la question de l'indemnité qui nous est dûe par la Porte ne devrait être traitée qu'après que les difficultés qui s'élèvent relativement à la délimitation des deux Bulgaries, à leur organisation intérieure et les questions qui s'y rattachent seront résolues en congrès.

Ce n'est qu'alors que notre auguste maître pourra juger si les arrangements convenus seraient de nature à se prêter aux vues dont le marquis de Salisbury s'est rendu l'organe.

J'ai l'honneur d'être, avec le plus profond respect,
monsieur le chancelier, de votre altesse
le très humble et très obéissant serviteur

Giers

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 23, лл. 28—29 об. Подлинник.

Перевод
С.-Петербург

Господин канцлер!

Моей секретной телеграммой от 6 сего месяца я имел честь сообщить вашей светлости, что наш августейший повелитель воздерживается от рассмотрения идеи, высказанной маркизом Солсбери в его беседе с графом Шуваловым относительно признания полной независимости Северной Болгарии взамен требуемого нами возмещения военных издержек.¹

Первой мыслью его величества при ознакомлении с этим предложением было устранить все то, что могло навлечь на нашу политику подозрение в желании переложить на болгарское население расходы, возмещение которых победоносная война позволяет нам возложить на Турцию. В действительности намерение заставить их платить за свое освобождение не могло бы отвечать той возвышенной цели, которую наш августейший повелитель ставил перед собой, берясь за оружие для освобождения христиан Востока. Кроме того, обложение Северной Болгарии данью в нашу пользу могло бы поставить нас в неприятное положение по отношению к народам, естественными защитниками которых мы всегда были, и привести рано или поздно к отказу от этой уплаты, которую нам предлагают как равноценное возмещение наших военных издержек.

Этот расчет, возможно, не совсем чужд тайным намерениям английского кабинета.

Его величество тем не менее не безразличен к тем преимуществам, которые возможное признание конгрессом независимости Северной Болгарии обеспечило бы этому государству, созданному под нашим покровительством. Это явилось бы новым залогом на пути, по которому мы всегда следовали, — пути освобождения христиан Балканского полуострова от гнета, проявляющегося в столь различных формах. В этом отношении подобное решение может быть предложено высокому вниманию нашего августейшего повелителя.

При таком положении вещей его величество считает, что вопрос о возмещении военных издержек, причитающихся с Порты, должен быть рассмотрен только после того, как трудности, возникающие в связи с разграничением обеих Болгарий, их внутренней организацией, и вопросы, к этому относящиеся, будут разрешены на конгрессе.

И только тогда наш августейший повелитель сможет судить, согласуется ли характер заключенных соглашений со взглядами, выразителем которых является маркиз Солсбери.

С глубоким уважением имею честь быть, господин канцлер, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугой

Гирс

1. Один из участников русской делегации на Берлинском конгрессе вспоминает: «Солисбюри третьего дня, 3 (15) июня вечером, говорил Шувалову: «Мы вам обещали поддержку по всем вопросам, но вопрос о военном вознаграждении сильно занимает Англию; у нас много акционеров турецких бумаг, и они желают иметь какое-либо обеспечение. Для их успокоения мы должны протестовать против вашего права на индемнизацию или обставить вопрос этот крайними затруднениями. Не возьмете ли вы на себя отказаться от вознаграждения и взамен его получить полную независимость Северной Болгарии с выплатою ею нам контрибуции на счет дани, которую она платила бы Турции?». Шувалов сослался на неимение полномочий, но в сущности готов был согласиться на уступку не всего вознаграждения, а половины» (см. 4, стр. 35).

Док. 227 данного тома — записка Министерства иностранных дел от 18 декабря 1878 г. — показывает, что если в июне петербургский кабинет еще не высказал своего в общем отрицательного отношения к подобной комбинации, то когда стало ясно, что полной независимости даже для Северной Болгарии не удалось добиться, возможность такого решения этого вопроса совершенно отпала.

№ 74

1878 г. июня 8. — Прошение крестьян с. Узунджова Хаскойского округа Т. Вылканова и Д. Иванова А. А. Шепелеву о равномерном распределении земель бежавших турок между жителями села

Пловдив

Ваше превъсходительство!

В селото ни Узунджово (Хаскойско окръжие) има още 90 турски къщи. притежателите на които и още не са се завърнали. Тяхното сято, старейшинский ни съвет и двама-трима други наши чорбаджии, съдружени с двама хаскойци: Тодьо Георгаков и х. Ставре Маймунов * вместо на всичките ни съселани по равно до го распределят, присвояват го само за себе си, а пък нам го дават да го работим и с условие, щото на 100-те части ний да земем 25, а тия 75.

Ний се отнесохми за това до окръжния ни началник в Хаской, но не знаем защо окръжний там съвет ни казва ¹, че на [турската] стока ний не сме имали никакво право и, че ако сме говорили повече можел и да ни накаже.

Заради това като нашето село не малко е пострадало през миналите приключения, долуподписаните от страна на цялото си село до вас, решихме да се отправим и вас най-покорно да помолим, за да направите щото да не остане само на неколцина всичкото турско сято, ами на сичките ни по равно да се разпредели.

Остаями на ваше превъсходительство

покорнейший

Тяню Вълканов

Димитър Иванов **

Резолюция А. А. Шепелева: Препроводить начальнику Хаскойского округа с просьбою расследовать дело, и если жалоба окажется основательною, то удовлетворить просителей, имея в виду, что турецкие посевы должны быть отдаваемы сельчанам, а отнюдь не эксплуататорам.

9 июня

Шепелев

Препроводительная канцелярии филиппопольского губернатора: По поручению губернатора канцелярия, препровождая настоящие прошения жителей деревни Узунд-

* В тексте ошибка. Следует: Маймунков.

** Прошение Т. Вылканова и Д. Иванова сопровождалось кратким подтвердительным письмом за подписью 90 жителей с. Узунджово (см. НБИБ—БИА, Пловдив, ф. 19, в. 4).

жово начальнику Хаскейского округа, имеет честь просить рассмотреть дело, согласно резолюции управляющего губерниею, и о сделанных распоряжениях уведомить надписью по сем же.

10 июня 1878 г.

г. Филиппополь

За правителя канцелярии Тугорский

Резолюция хаскейского окружного начальника Заткалика: Передать на рассмотрение в административный совет,* о последующем мне доложить. Поручик Заткалик.

НБИБ—БИА, Пловдив, ф. 19, д. 4, лл. 122—123. Подлинник.

1. Как указано в примечании к док. 62, земли бежавших турок сдавались местными советами в аренду, а получаемые суммы зачислялись в отдельный параграф «условные поступления». Этим распоряжением руководствовался и Хаскейский окружной совет в данном случае. Упомянутые в документе лица, которым была дана земля в аренду на полях, принадлежащих с. Узунджово, пострадали от турецких властей из-за участия в национально-освободительном движении. Дав им землю в аренду, местные болгарские власти стремились помочь их семьям. Крестьяне Узунджова также нуждались в земле, но они намеревались полностью завладеть вышеуказанным турецким имуществом (90, стр. 136—137).

№ 75

*1878 г. июня 9. — Телеграмма Д. А. Милютин А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости ускорить формирование Болгарского ополчения ***

№ 2087

С.-Петербург
Секретно

Благоволите уведомить, как идет формирование Болгарского ополчения¹. Крайне важно подвинуть это дело сколько можно скорее, не рассчитывая на продолжительное оставление его в наших руках.

Милютин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8775, л. 116. Заверенная копия. Дешифрованный текст.

1. Несколько причин лежало в основе особого внимания правительства России к скорейшему формированию и организации болгарской армии:

1) Россия стремилась оградить Болгарию от нападения извне после окончания оккупации и вывода русской армии. См. секретную инструкцию А. М. Дондукову-Корсакову от 10 апреля 1878 г. (80, вып. 3, стр. 271).

2) образование армии и полиции было одним из главных мероприятий по упрочению буржуазной власти в Болгарии. Д. А. Милютин писал А. М. Дондукову-Корсакову, что «без хорошей полиции, хорошей жандармерии и хорошего Земского войска ребенок погибнет, и мы сами можем быть поставлены в безвыходное положение» (там же, вып. 5, стр. 3—5).

№ 76

1878 г. июня 9 (21). — Телеграмма Н. К. Гирса представителям России на Берлинском конгрессе П. А. Шувалову и П. П. Убри об определении условий пребывания турецких войск в Южной Болгарии и о согласии Александра II на исключение из ее территории бассейнов рек Карасу и Струмы

Tsarskoe Selo
Secret

Clair: Reçu télégramme du 8 Juin.

Chiffres: Après avoir entendu Bogolubow¹ l'empereur consent à l'exclusion de la Bulgarie du Sud des bassins de Karassou et de Strouma moyennant annexion du sandjak de Sofia à la principauté de Bulgarie Nord. Sa majesté pense qu'il faut absolument déterminer points et forces des cantonnements turcs dans Balkans et sur littoral et définir en congrès mode et cas où le gouverneur de la

* Представление Хаскейского окружного совета см. док. 81.

** См. док. 80, 82 и примечания к ним.

Bulgarie méridionale pourrait appeler troupes turques, sans quoi engagements anglais de consentir à retraite des troupes turques de la Bulgarie serait éludé et annulé.

АВПР, ф. Посольство в Берлине, д. 3348, л. 5, 5 об. Копия.

Перевод
Царское Село
Секретно

Открытым текстом: Получил телеграмму от 8 июня.

Шифром: Выслушав Боголюбова¹, император согласился на исключение из Южной Болгарии бассейнов Карасы и Струмы за счет присоединения Софийского санджака к Северной Болгарии. Его величество думает, что следует непременно определить пункты и численность турецких гарнизонов на Балканах и побережья и определить на конгрессе образ действий и случаи, когда губернатор Южной Болгарии может призвать турецкие войска, без чего английское согласие на вывод турецких войск из Болгарии было бы обойдено и аннулировано.

1. Полковник Боголюбов по поручению П. А. Шувалова приехал 8 (20) июня в Петербург для личного доклада Александру II по вопросу о разграничении Северной и Южной Болгарии (см. 57, стр. 67—68) и уступке районов рек Карасы и Струмы с тем, чтобы Софийский санджак и Варна вошли в состав княжества Болгарии. Этот вопрос обсуждался на четвертом заседании конгресса 10 (22) июня 1878 г., решение его было отложено до получения дополнительных инструкций из Петербурга. На том же заседании шла речь о турецких войсках и о местной милиции (см. 51, стр. 12—16). После долгих споров с англичанами победила русская делегация. Софийский санджак и Варна вошли в состав княжества.

№ 77

1878 г. июня 11. — Циркуляр заведующего отделом внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии В. Г. Золотарева губернаторам об организации медицинской помощи болгарскому населению¹

№ 579

Знакомясь с взглядами бывшего турецкого правительства на нужды местного населения в Болгарии, а также с деятельностью общества в отношении его собственных потребностей, оказывается, между прочим, что заботы как бывшего правительства, так и самого общества о жизни и здоровье населения стояли на весьма низкой степени и что сельское и городское небогатое население было лишено всяких средств к излечению болезней и поддержанию здоровья. Врачей, больниц и аптек почти не существовало за весьма малыми исключениями; если же в санджаковых городах и некоторых округах и были кое-какие учреждения подобного рода, то они отличались крайним неустройством и беспомощностью в отношении помощи заболевшим жителям.

С переходом наших войск за Дунай и последовательным введением гражданского управления в освобожденных от турецкого правительства местностях Болгарии его высочество главнокомандующий изволил обратить свое внимание и на эту отрасль управления, следствием чего в утвержденных 7 июня 1877 г. его высочеством штатах учреждены должности санджаковых и окружных врачей с отпуском им значительных сумм на наем фельдшеров, медикаменты и прочие расходы.

Но такое положение медицинской части в Болгарии без существования больниц и аптек является недостаточным, почему императорский комиссар изволил приказать: обратить внимание на этот вопрос и просить гг. губернаторов доставить свои соображения об устройстве в крае медицинской части, в отношении врачей, больниц и аптек, с привлечением в самой широкой степени участия местного общества к заботам нравственным и материальным об устройстве и дальнейшем поддержании больниц, аптек и пр.

О таком приказании императорского комиссара, по поручению его сиятельства, имею честь сообщить вашему превосходительству и просить

не отказать доставить свои соображения по означенному вопросу в возможно непродолжительном времени для доклада его сиятельству.

Подлинное подписали: заведующий отделом генерал майор Золотарев и начальник отделения Ценин.

ЦГИА, ф. ВУА, д. 32639, л. 85. Копия. Литографированный экземпляр.

1. Помощь русского гражданского управления Болгарскому государству была разно-сторонней. При содействии России была начата организация медицинского обслуживания в Болгарии, которое в период турецкого господства было слабо развито. Организация медицинской помощи началась со времени перехода русской армии через Дунай. В составе ее имелось 1600 врачей и до 2000 медицинских сестер. В освобожденных от турецкого владычества областях (санджаках) открывались больницы, первоначально посившие характер временных военных госпиталей. Так были созданы областные (первостепенные) больницы в Софии, Филиппополе, Рушуке, Варне, Ловче, Тырнове, Силистрии, Разграде, Систове, Кюстендиле, Ломе, Оряхове и др. Назначены были областные и районные врачи с обслуживающим медицинским персоналом. Открылись аптеки. 1 февраля 1879 г. были утверждены «Временные правила по устройству медицинского управления в Болгарии», составленные по русскому образцу, но придававшие организации сравнительно более демократический характер (см. 24, стр. 49—83; 69, док. 270, примечание 1, стр. 304).

Положение о функциях отделов Управления российского комиссара в Болгарии см. ЦГИА, ф. 932, оп. 1, д. 224, лл. 437—444.

№ 78

*1878 г. не позднее июня 11 *. — Инструкция начальника штаба войск, состоящих в распоряжении российского комиссара в Болгарии, Л. А. Юнакова начальникам передовых линий о принятии мер для охраны населения от нападений башибузуков*

Цель отрядов, расположенных на передовой линии, чисто оборонительная — воспрепятствовать шайкам башибузуков вторгаться в район расположения наших войск и грабить мирных турок, помаков-болгар и греков, избегая всяких наступательных действий, которые могут только усложнить наши отношения в Турции, пока не решен еще окончательно вопрос о границах ¹.

Ввиду изложенного начальники передовых линий обязаны:

1. Никаких экспедиций в горы не предпринимать и избегать всяких поводов к вооруженному столкновению.
2. Для освещения впереди лежащей местности ограничиваться посылкою небольших патрулей или разездов в два-три человека.
3. Для получения сведений об инсургентах или шайках башибузуков стараться войти в сношение с мухтарами покорившихся деревень.
4. Если жители некоторых деревень по примеру жителей с. Даушкиной, Долагилар и других изъявят покорность, то принимать их за мирных только в том случае, когда они выдадут оружие.
5. Следить, чтобы вооруженные болгары не нападали на мирных мусульман. Получив известие о появлении подобных шаек, оказывать возможное содействие чинам гражданского управления для их обезоружения и заарестования.
6. Сделать распоряжение о непропуске через нашу линию вооруженных людей со стороны инсургентов или пробирающихся в ту сторону без особого на этот предмет разрешения военного или гражданского начальства.
7. Для быстрого предупреждения частей передовой линии о появлении неприятеля устроить маяки как на самой линии, так и в тех направлениях, откуда должны прибыть поддержки.
8. Озаботиться исправлением дорог как между пунктами расположения войск передовой линии, так и тех частей, по которым удобнее всего следовать войскам 2-й линии. Исправление дорог возлагается на войска, так как жители заняты уборкою полей.

* Датируется на основании препроводительного документа.

9. Кроме освещения впереди лежащей местности, необходимо поддерживать связь между пунктами передовой линии ежедневной посылкою небольших патрулей или разъездов.

10. Устроить конную почту по всей передовой линии и между ею и частями войск 2-й линии.

11. Для содержания конной почты между Филиппополем и Дермендер, а также Филиппополем и Станимаком будут служить казацки почты, помещенные в названных трех пунктах.

12. Собранные о неприятеле сведения доставлять в штаб императорского комиссара не менее 3-х раз в неделю, в случаях же особенно важных и экстренных — немедленно по получении донесения от передовых войск.

Подлинную подписали: начальник штаба войск,
состоящих в распоряжении императорского комиссара,
полковник *

И. д. старшего адъютанта гв. капитан Фрейман
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8300, ч. 1, лл. 473—474. Заверенная копия.

1. Командование Балканской армии после заключения мира принимало все меры к тому, чтобы русские части не вступали в бой с турецкими вооруженными жителями, и стремилось через переводчиков, чорбаджиев и мулл объяснить необходимость сдать оружие. Однако отдельные шайки иррегулярных войск и даже разрозненные группы регулярных частей, переходя демаркационную линию, продолжали бесчинствовать, грабить мирных жителей (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7162, лл. 76—77). 30 мая 1878 г. и. д. сливенского губернатора И. С. Иванов был вынужден обратиться к начальнику штаба войск, подчиненных российскому комиссару, с просьбой «расположить хотя небольшие части войск» у демаркационной линии для охраны мирного населения (там же, д. 8620, л. 50—50 об.). Такие части были выделены, для них была разработана комментируемая инструкция. Относительно состава оккупационного отряда русских войск в Болгарии см. доклад Ф. Л. Гейдена Александру II 27 июня 1878 г. в ЦГВИА, ф. 400, оп. 32/628, 3 отд., 3 ст., 1878 г. д. 64, лл. 2—6; «Расписание частей войск, предназначенных для оккупации Болгарии» см. там же, оп. 60/663, 4 отд., ст. 5, 1878 г., д. 46, лл. 103—104. Отчет о состоянии и деятельности штаба и всех управлений оккупационных войск опубликован (80, вып. 4, стр. 6—434).

№ 79

1878 г. июня 15. — Сообщение Н. К. Гирса П. А. Шувалову и П. П. Убри о позиции правительства России в отношении возможных результатов Берлинского конгресса ¹

Tsarskoe Selo

J'ai eu l'honneur de recevoir l'expédition de vos excellences, en date du 11 (23) Juin **.

Elle a été placée sous les yeux de sa majesté l'empereur.

La dépêche dans laquelle vous exposez les résultats probables du congrès, tels qu'ils vous semblent se présenter dans l'avenir, a particulièrement attiré l'attention de notre auguste maître.

Elle résume ainsi qu'il suit ce que nous pourrions obtenir pour les populations chrétiennes d'Orient:

- 1) l'indépendance de la Roumanie et de la Serbie;
- 2) un agrandissement du Monténégro et de la Serbie;
- 3) la formation d'une principauté Bulgare autonome; et pour nous-même:
 - 1) la rétrocession de la Bessarabie;
 - 2) des acquisitions territoriales en Asie.

Si nous ajoutons le sort de la Bulgarie méridionale sérieusement garanti et notre indemnité de guerre, qu'aucune Puissance ne nous dispute jusqu'à présent — ce résumé offrira en effet un tableau assez juste des avantages qui paraissent devoir nous être acquis à la suite du congrès.

* Подпись отсутствует.

** См. АВПР, ф. Посольство в Берлине, д. 3348, лл. 9—12 об.

Sa majesté juge ces résultats bien au-dessous de la hauteur de ses vues quant à l'émancipation des chrétiens d'Orient et de la grandeur des sacrifices que la lutte avec la Porte nous a imposés. Elle est disposée toutefois à s'en contenter, pour éviter une nouvelle guerre, à la condition expresse qu'ils représentent une réalité.

Cela ne saurait arriver que si l'Europe s'associait à nous pour imposer à la Turquie l'exécution fidèle des décisions prises en congrès.

Si tel était le cas nous pourrions espérer que la Bulgarie du Nord deviendrait le noyau autour duquel les populations consanguines restées au dehors d'elle viendraient peu à peu se grouper; que les Bulgares du midi ne seraient plus comme par le passé victimes de leurs oppresseurs ottomans.

Notre auguste maître attache une importance toute spéciale à cette dernière considération, dont notre occupation, — selon votre télégramme secret du 12 de ce mois déjà réglée en congrès, — reste le seul gage pour le moment *.

Quant aux pertes que vous mettez en regard des bénéfiques qui résulteraient pour nous du congrès, — elles touchent principalement à des questions qui n'ont pas encore été soulevées.

Ces sacrifices nous seraient pénibles en vue de l'avenir des populations slaves qui serait compromis par des cessions comme celle de l'enclave à l'Autriche-Hongrie, — territoire qui domine les relations directes entre la Serbie et le Monténégro **.

Notre auguste maître n'a pas encore à se prononcer sur ces intérêts, dont la discussion en congrès doit venir plus tard. Il se réserve à leur égard toute la plénitude de sa liberté.

Comprenant les difficultés de votre position devant les obstacles innombrables qu'une véritable coalition morale de l'Europe soulève à chaque pas, sa majesté n'en apprécie que plus le zèle que vous apportez à défendre les résultats de la guerre qui a tant coûté à la Russie. Les termes dans lesquels, en relevant à la 3-me séance du congrès un passage du discours de lord Salisbury, vous avez repoussé toute idée de pouvoir anéantir ces résultats, — ont complètement répondu aux sentiments de notre auguste maître ².

Recevez, etc.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 28, лл. 467—470. Отпуск.

Перевод

Царское Село

Я имел честь получить донесение ваших превосходительств от 11 (23) июня.

Они были переданы его величеству императору.

Депеша, в которой вы излагаете возможные результаты конгресса в том виде, как они вам представляются, особенно привлекла внимание нашего августейшего повелителя.

В ней резюмировано все, чего мы можем добиться для христианского населения на Востоке.

- 1) независимости Румынии и Сербии;
- 2) расширения Черногории и Сербии;
- 3) образования автономного Болгарского княжества;

для нас самих:

- 1) возвращения Бессарабии;
- 2) территориальных приобретений в Азии.

Если к этому добавить серьезные гарантии для Южной Болгарии и возмещение наших военных издержек, которые ни одна держава до сих пор не решилась оспаривать, то резюме даст довольно верную картину тех выгод, которыми мы могли бы воспользоваться после конгресса.

Его величество считает эти результаты незначительными по сравнению со своими планами освобождения христиан Востока и величием жертв, понесенных нами в борьбе

* Документ не найден.

** Т. е. территории до Митровиц.

с Портой. Но он склонен все же удовольствоваться этим во избежание новой войны при неизменном условии, что эти результаты будут действительными.

Это может произойти только в том случае, если Европа присоединится к нам, чтобы заставить Турцию точно выполнять решения, принятые конгрессом.

Если дело будет обстоять именно так, то можно надеяться, что Северная Болгария станет ядром, вокруг которого постепенно сгруппируется единокровное население, оставшееся вне ее пределов; что южные болгары не станут, как они были прежде, жертвами османских угнетателей.

Наш августейший повелитель придает особое значение последнему положению, единственной гарантией которого в настоящий момент является наша оккупация; вопрос о ней, судя по вашей секретной телеграмме от 12 числа текущего месяца, уже обсуждался на конгрессе.

Вы сравниваете потери с приобретениями, которые мы могли бы получить в результате конгресса, но они касаются главным образом вопросов, еще не поднятых.

Эти жертвы будут тяжелы для нас, если иметь в виду будущее славянского населения, стоящее под угрозой в связи с уступкой, подобной передаче Австро-Венгрии анклава—территории, через которую осуществляется прямое сообщение между Сербией и Черногорией.

Наш августейший повелитель еще не высказался по этим вопросам, их обсуждение на конгрессе должно состояться позднее. Он оставляет за собой в этом отношении свободу действий.

Учитывая трудности вашего положения перед бесчисленными препятствиями, выдвигаемыми настоящей моральной коалицией Европы на каждом шагу, его величество высоко ценит старания, прилагаемые вами для защиты результатов войны, стоивших России так дорого.

Формулировки, которыми вы на третьем заседании конгресса, отвечая на речь лорда Солсбери, отвели любое намерение уничтожить эти результаты, полностью отвечают чувствам нашего августейшего повелителя².

1. Этот документ интересен тем, что отражает позицию царского правительства, которое сожалело об уступках, сделанных им в отношении славянских стран, чтобы избежать новой войны. Содержащийся в документе прогноз о характере отношений между Северной Болгарией и Южной оправдался в 1885 г. Он, видимо, сформулирован Д. А. Милютиным, так как он почти дословно совпадает с его записью в дневнике от 14 июня (см. 57, стр. 70).

2. В тексте ошибка относительно третьего заседания конгресса. Речь идет о втором заседании 5 (17) июня, когда Солсбери в своей речи заявил, что цель статей Сан-Стефанского договора о Болгарии — «низвести Турцию до полной зависимости от державы, наложившей на нее этот трактат». Задача Англии, по его словам, если нельзя поставить Турцию «на почву прежней ее независимости, так как невозможно полностью уничтожить результаты войны (*car on ne saurait entièrement anéantir les résultats de la guerre*)», то предоставить ей относительную независимость, которая поможет ей достаточно защитить ее стратегические, политические и экономические интересы, которых Турция по-прежнему остается охранительницей» (51, стр. 7).

Это заявление Солсбери вызвало возражение П. А. Шувалова, который заметил, что от имени своего правительства он не может допустить выражение «*anéantir entièrement les résultats de la guerre*». «Россия явилась на конгресс для *согласования* (подчеркнуто. — *Ред.*) предварительного Сан-Стефанского договора с общими интересами Европы, но не для того, чтобы уничтожить (*anéantir*) результаты войны, в которой она понесла столько жертв» (там же; см. также 4, стр. 48—49).

№ 80

1878 г. июня 16 *. — Телеграмма А. М. Дондукова-Корсакова
Д. А. Милютину об успешном формировании Болгарского ополчения **

До сего времени сформировано 12 дружин ополчения: 8 — за Балканами и 4 — в Северной Болгарии численностью 10 тысяч.

Дальнейшим формированием приостановился ввиду неопределенности будущих границ.

* Датируется на основании док. 82.

** См. док. 75, 82 и примечания к ним.

Благоволите уведомить, можно ли теперь же формировать новые дружины и на их пополнение призвать 20 тыс. рекрут, в том числе Софийской, Филиппопольской, Сливенской, а равно Тульчинской губерний¹.

Только сегодня возвратился из Адрианополя, где смотрел войска, поэтому замедлил ответом. Болгары охотно идут на службу и скоро ее усваивают.

Помета Д. А. Милютина: В копии сообщить в военный отдел, как равно и телеграммой в военное училище.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8775, л. 118. Отпуск. Дешифрованный текст.

1. С 1 июля 1878 г. началось преобразование Болгарского ополчения в Земское войско. Приказом по военному отделу Управления российского комиссара разрешалось увольнять ополченцев, желающих уйти в отставку. 8 июля 1878 г. на основе «Временных правил» был объявлен призыв в Земское войско 20 400 человек, из коих 3000 человек шли на укомплектование уже существовавших двенадцати дружин до тысячного состава, а 17 400 человек — на формирование новых пятнадцати дружин, шести конных сотен, шести батарей полевой артиллерии и одной горной батареи. Формирование армии проводилось по Болгарскому княжеству и по Восточной Румелии. Вводилась всеобщая воинская повинность с двухгодичным сроком службы (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32775, лл. 18—19, 21 об.—22; д. 7900, лл. 188—191).

О дислокации частей Земского войска см. 80, вып. 2, стр. 111—112; 7, стр. 240—241.

№ 81

1878 г. юния 17. — Представление председателя Хаскойского окружного совета Б. Запрянова поручику Заткаliku об аренде земель бежавших турок в с. Узунджове

№ 993

Хасково

Ваше високоблагородие!

В отговор на запитванието относительно прошение подадено от узунджовските селяни * за дадените под аренда ниви на отсъстващите турци в село Узунджово, имаме чест да представим на ваше високоблагородие, че 1-во съвета като отговоря за сеидбите на отсъстващите турци, се старая на основание на губернаторските приказания, да ги дава с време под аренда, за да може и с време да става и приготвянето за събирането на посевите. Селяните узунджовци, както всички други селяни, мислеха и надяваха се, че това, дето съветът дава под аренда турските ниви, не е по приказанието на висшето началство, а е само работа на съвета и че тия посеви ще бъдат оставени съвършено на селяните, които да правят с тях, каквото те щат, както искаха да правят и с турските курии и други угодия, и не дохождаха да заяват желание да земат речените ниви. На основание на това съветът реши и ги даде на желаещите да ги земат — хаджи Ст. Маймунков и Тоде Георгиева. А при това човеците, на които са дадени под аренда споменатите ниви, заслужават да им се дадат, защото едина от тях, хаджи Ст. Маймунков наедно с брата си е бил в заточение по българските работи¹. И тоя му брат е умрял в заточение, като е оставил две деца и жена съвременно ограбени от турците, които остават сега на грижата на хаджи Ст. Маймунков. Също бащата на Тоде Георгиев ** е и умрял в заточението, като оставя няколко деца съвременно бедни. Съветът се е старал да дава под аренда засеяните турски ниви само на такива човеци, които са заслужили със своите добри дела и са пострадали от последните събития². При това узунджовци не са от бедните селяни и това дето те искат тез ниви, не произходи от бедност, но от жадност. Дай бог, щото всичките села да имат това положение, отно-

* См. док. 74 и примечание к нему.

** В тексте ошибка. Следует: Георгиев.

сително богатството; тогава нямало би по-богати от нашите селяни. Това като е тъй молим ваше високоблагородие, да представите настоящето гдето трябва.

Председател административного совета Запрянов
Член-секретар Мирчо П. Попов

Резолюция А. А. Шепелева: Оставить без последствий.

А. Шепелев.

НБИБ—БИА, Пловдив, ф. 19, д. 4, л. 124. Подлинник.

1. За участие в болгарском национально-освободительном движении.
2. Имеются в виду грабежи турок во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

№ 82

*1878 г. июня 18. — Телеграмма Д. А. Милютина А. М. Дондукову-Корсакову об ускорении формирования Болгарского ополчения в Северной и Южной Болгарии **

№ 3282

Секретно

Ответ на телеграмму 16 июня **: государь император признает необходимым самое деятельное формирование ополчений в обеих Болгариях, за исключением Тульчинской губернии. Князь Лобанов сообщит вам решение конгресса. Занятие обеих Болгарий ограничено годичным сроком. Надобно торопиться ¹.

Милютин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8775, л. 117. Заверенная копия. Дешифрованный текст.

1. Отстаивая на Берлинском конгрессе двухгодичный срок оккупации Болгарии русскими войсками, делегация России ссылалась на то, что годичного срока мало для создания болгарской армии, которая могла бы обеспечить оборону страны. Тогда Д. Андрапи предложил дальнейшую оккупацию Болгарии проводить смешанными силами всех европейских держав. Английский делегат Биконсфилд поддержал главу австро-венгерской делегации и тут же заявил, что «Англия уже готова поставить свою часть контингента» (см. 51, стр. 19—20). П. А. Шувалов возразил против этого предложения, так как ввод новых иностранных контингентов, незнакомых с обстановкой, вызвал бы дополнительные затруднения. Бисмарк согласился с Шуваловым. В дальнейшем эта мысль не получила развития. Вопрос о продолжительности русской оккупации стал главной темой дискуссии (там же, стр. 20—22).

Так как русское правительство не могло допустить вмешательства западных держав в строительство болгарской армии, Д. А. Милютин торопил А. М. Дондукова-Корсакова с организацией Земского войска. О срочных мерах, предпринятых для формирования Земского войска, А. М. Дондуков-Корсаков сообщил уже 13 июля 1878 г. в отчете (см. 80, вып. 3, стр. 39—51), а о первых итогах — в отчете от 18 сентября (см. там же, стр. 67—85). Болгарскому Земскому войску было отпущено из запасов Действующей армии все необходимое стрелковое вооружение (см. ЦГВИА, ф. 504, оп. 7. д. 209, лл. 13—14, 53 и др.).

№ 83

1878 г. июня 22. — Отношение и. о. заведующего отделом внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии М. С. Дринова ¹ адрианопольскому губернатору А. И. Липинскому о порядке возвращения в Болгарию беженцев-мусульман

№ 733

Филиппополь

По поручению императорского комиссара имею честь препроводить вашему превосходительству для руководства нижеследующие правила

* См. док. 75, 80 и примечания к ним.

** См. док. 80.

по водворению на прежних местах жительства тех из мусульман, кои в настоящее время находятся в Адрианополе и заявляют о том свои просьбы².

1. Составить всем находящимся в Адрианополе беженцам-мусульманам подробный именной список с обозначением мест прежнего жительства, т. е. губерний и округов, в которые они желают возвратиться.

2. Составленные таким образом списки сообщить губернаторам, прося их доставить сведения о том, не совершено ли означенными в списках лицами каких-либо преступлений, препятствующих их водворению в местах прежнего жительства и могущих повлечь за собою мщение и репрессалии со стороны жителей тех деревень, в которые беженцы желают возвратиться³.

3. По получении от губернаторов одобрительных сведений о мусульманах-беженцах, желающих возвратиться, собирать в партии, снабдить провиантом по расчету дней следования на места назначения и отправлять при конвое и списках к окружному начальнику той местности, в которой они должны водвориться. Губернаторов уведомлять о сделанном распоряжении, сообщая им число и имена отправленных беженцев.

По железным дорогам партии отправлять по предложениям, а по грунтовым наряжать для их перевозки самое необходимое количество подвод с платою по пяти франков в день за каждую подводу.

4. Болгар-беженцев всех без исключения препровождать при обыкновенных пропускных билетах, уведомляя о том начальников тех губерний, в которые они будут направляемы.

Заведующий отделом Дринов
Начальник отделения Ценин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 24, лл. 61, 61 об. Подлинник.

1. Профессор М. С. Дринов заведывал отделом народного просвещения и духовных дел и временно исполнял обязанности заведующего отделом внутренних дел.

2. В связи с Берлинским договором перед русским гражданским управлением со всей остротой встал вопрос о возвращении и размещении турецких беженцев. До Берлинского конгресса русские власти внимательно относились к возвращающимся турецким беженцам, и после установления соответствующими властями прав на собственность им возвращались земли. А. М. Дондуков-Корсаков официально распорядился, чтобы советы проводили разъяснительную работу среди болгар относительно встречи турецких беженцев как «братьев и сограждан». Такое поведение русского гражданского управления объясняется двумя обстоятельствами:

1) в период от Сан-Стефанского договора до Берлинского конгресса международные отношения были крайне обострены и существовала опасность войны России против Англии и Турции, ввиду этого русское гражданское управление стремилось не давать повода для осложнений; 2) в Болгарию начали возвращаться первые турецкие беженцы, главным образом бедные крестьяне. Однако новая обстановка, созданная Берлинским конгрессом, заставила русское гражданское управление принять специальные меры по вопросу о беженцах. Непосредственно после Берлинского конгресса Турция начала отправлять большие массы турецких беженцев в основном в Южную Болгарию (даже и тех, которые прежде не жили в этой области), чтобы усилить там мусульманский элемент и таким образом повлиять на выработку Органического устава Восточной Румелии, а с другой стороны, для того, чтобы создать опору для превращения Южной Болгарии (Восточной Румелии) в обыкновенный турецкий вилайет. В течение двух месяцев вернулись 30 000 беженцев (главным образом в Южную Болгарию), не имевших на это не только разрешения русско-турецкой комиссии, но и средств к существованию (см. 90, стр. 143—144 и перечисленные там документы; 93, стр. 240—261; ср. док. 112).

3. Имеется в виду желание болгарских крестьян, выраженное в многочисленных прошениях, не разрешать возвращаться беженцам, которые были замешаны в преступлениях и злодеяниях над болгарским населением, что относилось прежде всего к крупным турецким землевладельцам (см. 90, стр. 145—146).

1878 г. июня 23. — Журнал заседания Совета российского комиссара в Болгарии с постановлением об определении поземельной подати на 1878 г.*

Совету императорского российского комиссара в Болгарии ** в составе управляющего делами совета генерал-майора Домонтовича и членов: генерал-майора Грессера и профессора Дринова, а также приглашенного в совет для участия в суждениях и. д. филиппопольского губернатора полковника Шепелева доложен труд комиссии¹, образованной под председательством члена совета профессора Дринова для изыскания способа определения в настоящем году поземельной подати, следуемой с населения Болгарии взамен отмененного взимания десятины (ошур) с произведений земли, причем постановили.

Принимая во внимание потрясенное действиями войны экономическое состояние как Северной, так и Южной Болгарии, лишившее народонаселение возможности воспользоваться всеми землями, причисленными к каждому сельскому обществу, обложить народонаселение в настоящем году поземельною податью не с количества земли, принадлежащей обществам, городам и отдельным владельцам, а лишь только собираемые ими произведения земли, причем относительно губерний Филиппопольской и Сливенской сохранить способ взимания десятинного налога, существовавший при турецком правительстве, а в Северной Болгарии и Южной, в Софийской губернии установить следующий порядок.

1. Для определения количества произведений, подлежащих обложению, поручить губернаторам возложить на окружных начальников и полицеймейстеров чрез посредство мухтаров и старейшин собрать сведения о количестве собранных населением в настоящем 1878 г. всех произведений земли, причем хлебные посевы должны сосчитываться крестцами, сено — возами, виноградники — дюлюмами, а кукуруза — существующим в народонаселении обычаем.

2. По приведении в известность всех произведений окружные начальники и полицеймейстеры обязаны проверить полученные ими сведения на месте по количеству обработанных полей и затем одну десятую долю каждого произведения определить в деньгах по ценам, какие будут существовать на эти произведения 15 августа 1878 г., и на эту сумму составить раскладки, которые передать от городских жителей городским управительным советам, а от сельских — окружным управительным советам для взыскания посредством мухтаров показанных в раскладках денег, и

3. Предварить мухтаров и старейшин, чтобы счет произведениям был составлен ими правильно, что для проверки показаний их будут посланы доверенные лица и что в тех городских и сельских обществах, где окажутся злоупотребления, мухтары и старейшины подвергнутся строгому взысканию, а с лиц, утаивших произведения, будет взыскан налог вдвойне.

М. Домонтович, Грессер, М. Дринов, А. Шепелев

Резолюция А. М. Дондукова-Корсакова: Утверждаю. 29 июня 1878 г. Императорский комиссар князь Дондуков-Корсаков.

АВПР, ф. Управления российского комиссара в Болгарии, д. 13, лл. 3—4. Подлинник. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32639, лл. 71—72. Копия.

1. Комиссия была образована по распоряжению А. М. Дондукова-Корсакова 13 июня 1878 г. Ее предложения легли в основу этого постановления (92, стр. 63; см. также док. 62).

* См. док. 87.

** Положение о Совете российского комиссара в Болгарии см. ЦГИА, ф. 932, оп. 1, д. 224, лл. 434—436.

1878 г. июня 25. — Письмо И. С. Аксакова члену Одесского болгарского настоятельства Н. Х. Палаузову об отношении к решениям Берлинского конгресса

Москва

Милостивый государь
Николай Христофорович!

Простите, что так долго не отвечал вам. Не доставало и духу ни отвечать, ни вообще писать. Хлопочите о кресте,¹ если придаете этому значение, по моему же мнению, нечего и затевать всю эту дорогостоящую игрушку. Время ли теперь этим заниматься, когда от болгар отходят лучшие земли с болгарским населением², и уже можете быть благонадежны, отойдут навсегда. Англия, взяв что-либо в свои руки, поступит не так, как Россия. Следует надеть траур, а не игрушками заниматься. До войны или, точнее, до конгресса как ни позорно было турецкое иго, оно не посягало на вашу национальность и оставляло за вами надежду на будущее, на Россию. А теперь никаких надежд более не остается, и задача Европы в том и состоит, чтобы вытравить из Забалканья всякий след болгарской народности. Создается Болгария в самой неудобной, нездоровой форме маленького княжества с туземным князем. Это сделано с макиавеллистическим расчетом.

По моему мнению, нечего теперь думать и о болгарской депутации. Она задумана была при иных условиях. Она не может теперь состояться от имени всего болгарского народа, а только — от жителей княжества. Да к тому же все еще вопрос, ничто не носит на себе печати чего-нибудь окончательно и прочно установленного. Пусть икона останется памятником великой светлой исторической минуты, а подносить ее государю императору — это только понапрасну конфузить его величество.

22 июня я произнес в публичном заседании Слав[янского] общества речь, которая едва ли появится в печати³. Экземпляр ее письменный я послал в Одессу к моему зятю, члену судебной палаты Е. А. Томашевскому, женатому на моей родной сестре. Потрудитесь побывать у него и прочесть. Я бы очень желал, чтобы она была известна всем болгарам одесским, чтобы список ее хранился в Болгарском настоятельстве и многие копии посланы в Болгарию. Пошлите экземпляр вашему сыну*. Речь произнесена публично и в узаконенном собрании, следовательно, это не контрабанда, не запрещенный товар.

Передайте мой поклон В. Н. Рашееву и примите уверение в моем искреннем уважении и преданности

Ив. Аксаков

НБКМ—БИА, ф. 113, II А, 6153. Автограф.

1. Речь идет о поднесении Александру II креста и иконы от имени болгарского народа в память освобождения Болгарии (см. 69, стр. 569).

2. Согласно Берлинскому договору, Северная Болгария с Софийским санджаком образовывали Болгарское княжество, платящее дань Турции, Центральная (Средняя) Фракия становилась автономной областью под верховной властью султана под названием Восточной Румелии, а Македония и Южная Фракия оставались полностью под властью Турции (см. ст. I, II, XIII и XIV Берлинского трактата; 79, стр. 181—190).

3. Речь И. С. Аксакова была опубликована в приложении к еженедельнику «Гражданин», № 23—24 за 1878 г., за что издание было приостановлено на три месяца (речь И. С. Аксакова вошла в его сочинения, т. 2, стр. 297—308). Подробные сведения о ее распространении в России и за границей, а также об откликах на нее см. 1, стр. 125—139. Речь эта послужила предлогом для закрытия в августе 1878 г. Московского славянского благотворительного общества.

* В. Н. Палаузов.

1878 г. июня 28. — *Рапорт и. д. мустафапашийского окружного начальника капитана Стахиева А. А. Шепелеву об отдаче в аренду чифлика бежавшего турка.*

№ 27

Мустафа-Паша

По произведенному мною расследованию вследствие предписания вашего превосходительства от 23 сего месяца за № 833 относительно прошения грека Кириака Валасидиса о взятии им в аренду чифлика при Ахыркиой от адрианопольского жителя Рашид-бея имею честь донести вашему превосходительству следующее:

1. Земли, поименованные в условии, заключенном между Рашид-беем и Валасидисом, действительно составляют неоспоримую собственность Рашид-бея.

2. Рашид-бей принадлежит к числу бежавших при наступлении наших войск мусульман, оставил место постоянного своего жительства и переехал в Константинополь, где и находится по настоящее время; в Адрианополь же приезжал только на несколько дней для заключения контракта.

3. По показанию жителей, Рашид-бей запятнал себя важными злодеяниями против христиан, именно во время отступления наших войск от Эски-Загры был в Эски-Загре, где повесил несколько болгар и, кроме того, принуждал жителей на насильственную работу и т. д.; одним словом, его поведение и поступки жители не одобряют*.

Так как поля вышеупомянутого Рашид-бея не отданы еще в аренду, то я отдал их в пользование греку Валасидису на объявленных условиях, т. е. половину с урожая отдать в казну и половину арендатору. Если же Рашид-бей возвратится к прежнему месту своего жительства, ему предоставлено право взять правительственную половину за вычетом из нее десятины со всего количества.

И. д. начальника округа капитан Стахиев
Секретарь Н. А. Начов

Резолюция А. А. Шепелева: Написать кап[итану] Стахиеву, что если Рашид-бей возвратится, то ввиду его прежних злодейств ему не только нельзя возвратить имущество, но он должен быть немедленно арестован и предан суду. А. Шепелев. 29 июня.

НБВВ—БИА, Пловдив, ф. 19, д. 4, л. 133. Подлинник.

№ 87

1878 г. июня 30. — *Циркуляр и. д. сливенского губернатора И. С. Иванова окружным начальникам о сборе сведений для определения поземельной подати на 1878 г.*

№ 1015

В числе вопросов, интересующих в настоящее время болгарское население, стоит, между прочим, и вопрос о порядке сбора посевов как с турецких, так и со своих собственных полей.

Этот вопрос, как вам известно из моего циркулярного предписания от 30 же сего июня**, Советом императорского комиссара решен тем, чтобы обложить в этом 1878 году население поземельною податью не с количества земли, а лишь только с собственных произведений с землей, а относительно Филиппопольской и Сливенской губерний сохранить способ взимания десятинного налога, существовавшего при турецком правительстве***. С полей

* *См. док. 83.*

** *См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 125, л. 1—1 об.*

*** *См. док. 84.*

болгарских, засеянных турками осенью прошлого 1877 года, равно как и с турецких полей, засеянных болгарами, должна быть взята десятина. Турецкие сенокосы тоже должны быть отданы на покос с половины. За сим прошу гг. начальников округов собрать и доставить мне сведения:

1) о числе селений, состоящих в каждом округе, с показанием числа семейств, числа душ муж[ского] и женского пола отдельно и пр. по разосланным формам, если только сведения эти еще не были доставлены;

2) о сенокосах, имеющих в округах, отдельно турецких и болгарских, и о том, какие поля уже скошены и кем и какие еще остаются нескошенными;

3) о числе церквей, училищ и домов, разоренных турками, по каждому городу и селению;

4) о количестве хлеба, который будет собран [по] каждому селению, каждым хозяином отдельно с турецких полей и отдельно с собственных;

5) собрать сведения о складах, имеющих в селениях и опечатанных интендантским ведомством.

Вместе с сим установить и ввести по каждому решительно селению строгую отчетность, подводную и дорожную, и очередь, т. е. иметь сведения о числе подвод в каждом селении и о числе рабочих рук с тем, чтобы подводы и рабочих отпускать с соблюдением строгой очереди и при том подводы отпускать не иначе, как за плату, установленную положением, утвержденным его императорским высочеством главнокомандующим.

Наблюдать, чтобы не истреблялись леса, а где есть войска, встречающие надобность в дровах на варку пищи, хлебопечение, отпускать им дрова по положению или же отвести участок и дозволить им рубить дрова за плату с воза или от сажени, по определению окружных советов, применяясь более или менее к установленным справочным ценам.

Строго преследовать всякое насилие и нарушение порядка, спокойствия и благочиния в селениях, а там, где они обнаружатся, принимать усиленные меры посредством сельской стражи и караулов к преследованиям.

Иметь в виду, что личное объяснение с мухтарами и разъяснение им обязанностей больше пользы принесет делу, чем переписка с ними.

Подлинное подписал и. д. губернатора Иванов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32 798, лл. 3—3 об., 12. Заверенная копия.

№ 88

1878 г. июля 3. — Донесение полномочного представителя русских войск по переговорам с турками о сдаче крепостей Варны и Шумлы А. Д. Столыпина Э. И. Тотлебену о начале переговоров¹

Пароход «Константин»

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь Эдуард Иванович!

Прилагаю при сем дневник моих первых действий и переговоров с турецкими комиссарами *. Так как по ним ваше высокопревосходительство может судить о дальнейшем успехе дела, то я счел полезным отправить мое донесение с «Константином», потому что, не имея ни русской почты, ни русского телеграфа под рукой, это оказалось единственным верным средством сообщения; к тому же капитан Макаров, личный свидетель всего происходившего, может передать на словах много интересных подробностей.

Мои впечатления после первых переговоров следующие: с Шумлой турки не будут делать проволок, потому что с гарнизоном 8 тыс. человек они понимают, что не в силах удержать этой крепости, но усилив гарнизон Варны этими 8-ю тысячами и прибавив к варненскому боевому материалу

* См. то же дело, лл. 57—62.

вывезенный материал из Шумлы, они могут на этом пункте медлить и будут медлить до окончательного решения, которое примет Порта в ответ на решение конгресса. Я, например, пустил как *ballon d'essai* * следующее предложение: «для выигрыша времени позволить мне осмотреть варненские форты для выбора того, который займется нашими войсками». Комиссары на это не согласились, упираясь на то, что Варна должна быть очищена после Шумлы!

Изо всего этого я делаю заключение, что князь Лобанов сделал ошибку, не потребовавши одновременного очищения крепостей или даже очищения Варны прежде Шумлы, что даже в материальном отношении, не принимая в расчет политики, было бы для турецкого правительства выгоднее, так как в Варне не произошло бы чрезмерного накопления военного груза, что неминуемо произойдет теперь. Вторая ошибка кн. Лобанова — это фраза во втором пункте его письма **² «. . . après quoi tout le matériel de guerre ottoman sera dirigé sur Varna. . .» ***

Комиссары, упирая на эту фразу, начали настаивать, что войска должны остаться, пока *весь материал* не будет вывезен, ибо *военный материал* может только быть вывезен войсками и простым рабочим не может быть поручен, когда же может быть вывезен весь материал — срока они не могут назначить. Мне стоило немало труда заставить их написать в протоколе первых наших переговоров, что *срок будет назначен по приезде на место*, но это в отношении к Шумле, посмотрим, что будет в отношении к Варне.

С чувством глубокого уважения и совершенной преданности честь имею быть вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Аркадий Столыпин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7546, ч. 1, лл. 55—55 об., 63—63 об. Автограф.

1. Турция всячески стремилась затянуть сдачу крепостей Шумлы и Варны. Турецкие гарнизоны крепостей использовались как средство давления на Россию перед Берлинским конгрессом, так как они угрожали коммуникациям русской армии (см. примечание 1 к док. 67). Турецкое правительство пыталось создать неустойчивое положение в Болгарии, используя Шумлу и Варну как базы для организации мятежей мусульманского населения, в чем неблагоприятную роль играла и английская дипломатия (см. 45, стр. 96—98).

Турецкие власти пытались через Варну вернуть в Болгарию иррегулярные черкесские войска (см. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1878 г., д. 2491, л. 56—56 об.).

Еще 23 апреля 1878 г. Э. И. Тотлебен договорился с турецкими министрами о занятии главных укреплений крепостей русскими войсками (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7546, ч. 1, л. 29), но турецкое правительство до середины июня медлило с назначением комиссаров для передачи крепостей (там же, л. 51).

Упомянутый в доведении дневник А. Д. Столыпина содержит описание встречи с турецкими комиссарами, которые прибыли, не имея даже инструкции на ведение переговоров, а затем всячески откладывали поездку в Шумлу якобы по состоянию здоровья (там же, лл. 57—62).

2. Письмо А. Б. Лобанова-Ростовского Савфет-паше написано в связи с просьбой Э. И. Тотлебена 5 июля 1878 г. «принять дипломатические меры», чтобы турецкие комиссары получили инструкции о немедленной сдаче крепостей (там же, лл. 65—66 об.). Россия была вынуждена приостановить отвод своих войск из-под Константинополя и потребовать от Турции полного очищения Шумлы и Варны (см. док. 91). Только 6 июля русские части вступили в крепость Шумлу (там же, лл. 75, 83). Ввиду затягивания турецкими властями сдачи крепости Варна Э. И. Тотлебен 19 июля отдал приказ придвинуть к Варне части XIII корпуса, «дабы повлиять на ход переговоров по сдаче этой последней крепости» (там же, л. 97). 24 июля первые русские части заняли внешние укрепления Варны и были восторженно встречены болгарским населением (там же, лл. 134, 139). 29 июля Д. А. Милютин телеграфировал Э. И. Тотлебену, что теперь, с вступлением войск в Варну, «предстоит немедленно приступить к отправлению войск из-под Константинополя одновременно с удалением английской эскадры» (там же, л. 149). Окончательно Варна была очищена турками 1 ноября 1878 г. (там же, л. 284).

* Пробный шар (фр.).

** Письмо А. Б. Лобанова-Ростовского Савфет-паше от 23 июня (5 июля) 1878 г. см. в том же деле, л. 52—53 об.

*** После чего вся материальная часть турецкой армии будет вывезена в Варну (фр.).

№ 89

1878 г. июля 11. — Циркуляр директора канцелярии российского комиссара в Болгарии М. А. Домонтовича губернаторам о сборе сведений относительно имущества мусульманских духовных учреждений и о распределении доходов с них *

№ 1022

Филиппополь

По распоряжению императорского комиссара вакуфы, сданные в аренду или находящиеся в заведывании надлежащих советов, не могут быть впредь до разрешения общего о вакуфах вопроса вновь отдаваемы во владение мусульманскому духовенству, покинувшему свое местожительство при вступлении наших войск и ныне вновь возвращающемуся; арендная же плата, получаемая с вакуфов, может быть раздаваема означенному духовенству в виде пособия, размер коего предоставляется вашему усмотрению.

Сообщая о сем вашему превосходительству, имею честь просить, чтобы все имущества по вашему санджаку, принадлежащие вакуфам и другого рода общественным учреждениям, были бы приведены в известность и сведения об оных сообщены канцелярии императорского комиссара.

С положением вакуфов находятся в тесной связи опекунские учреждения, так называемые сиротские кассы, бывшие в заведывании мусульманского духовенства ¹. В этих кассах хранились деньги всех опекаемых малолетних и отдавались в заем разным лицам и учреждениям. Почему имею честь просить о доставлении сведений о сих кассах, а равно и устава оных.

Директор канцелярии генерал-майор Домонтович

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32 677, л. 83. Подлинник.

1. В Турции опека над малолетними устанавливалась судом, а средства их сохранялись на особом счету (сиротская касса) в соответствующих вакуфных кассах.

№ 90

1878 г. июля 12. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова А. Б. Лобанову-Ростовскому о действительных целях международной комиссии по расследованию положения в Родопских горах и об условиях возвращения в Восточную Румелию турецких беженцев

№ 1075

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Как вашему сиятельству известно, третьего дня прибыл в Филиппополь оттоманский комиссар вместе с комиссиею для расследования положения дел в Родопских горах **. Мною сделан был самый внимательный прием членам комиссии, отданы приказания войсковым и гражданским властям для оказания в пределах нашего управления и расположения войск возможного содействия для осуществления предполагаемой ими цели. Комиссия выехала на Адрианополь, полагая отправиться в Деде-Агач, откуда морем в Логос и затем, осмотрев Родопские горы, проехать вниз по долине Арды. Насколько исполнятся эти предположения, мне неизвестно, и я сомневаюсь, по трудности сообщений и вообще безначалия в Родопских горах, чтобы им удалось осуществить предполагаемый ими осмотр Родопских гор в подобных размерах. Считаю нужным передать вашему сиятельству вынесенные мною

* См. док. 134 и примечание к нему.

** См. док. 72 и примечание 1 к нему.

впечатления из бесед моих с членами названной комиссии, а также высказать вам мои предположения относительно возвращения бежавших в горы турок.

Нет сомнения, что цель комиссии — собрание как можно более обвинительных фактов против действий наших войск, предпринятых для умирения восстания после заключения Сан-Стефанского договора. Все действия эти происходили до прибытия моего в Филиппополь, и сведения о них должны находиться в полевом штабе. Я не касался этого предмета в разговорах с комиссией, а засвидетельствовал только, что со времени прибытия моего в Филиппополь никаких враждебных действий по всей линии не происходило, что строго предписано нашим аванпостам держаться оборонительного положения и что мною постоянно было отказываемо турецким депутациям, являющимся из Родопских гор, в просьбе прислать им войска для ограждения их от разбоя башибузуков впереди нашей линии по долине Арды; что, наконец, в последнее время даже установились торговые сношения с жителями Родопа.

При этом на карте мною было указано настоящее расположение наших войск, линия коих проходит далеко позади как границы, определенной Сан-Стефанским договором, так и предположенной Константинопольскою конференциею, равно и демаркационной линии, назначенной при перемирии.

Как я уже имел честь сообщать вашему сиятельству, все пространство на юг от расположения наших войск до самого Эгейского моря находится в полной анархии вследствие отсутствия там какой-либо власти, и потому я считал полезным назначение в эту местность турецкого каймакама для установления там какого-либо порядка и для сношений моих с какой-нибудь властью в этом крае.

Сколько можно судить, на нас хотят возложить ответственность за всю неурядицу в Родопских горах, где сосредоточиваются беженцы с разных мест, остатки разбитой армии Сулейман-паши и башибузуки, производящие между этим населением всевозможные грабежи и насилия.

Из прилагаемой при сем карты, ваше сиятельство усмотреть изволите линию расположения наших войск и то пространство, которое никогда нами не было занято и где производятся беспорядки, так преувеличенно озаглавленные умышленно «Родопским восстанием».

По-видимому, члены комиссии сами не знали, что все пространство несколько нам не подчинено и никогда фактически нами не было занято, несмотря на условие Сан-Стефанского договора.

Вторая цель комиссии, о которой, не стесняясь, она мне высказывалась, — это наибольшее возвращение в Румелию турецких беглецов из Родопских гор для усиления, по возможности, в крае значительно ослабевшего турецкого элемента.

При этом я высказал членам, что, вполне сочувствуя гуманной цели возвращения несчастных жертв войны в прежние места их жительства, готов принять все зависящие от меня к тому меры, но при этом считал бы необходимым установить какой-либо порядок возвращения беженцев с целью полного ограждения их личности и имущества*.

В этих видах полагал бы: по установлении в Родопских горах какого-либо управления доставить мне подробный список лиц, желающих возвратиться, с указанием мест, из которых бежали и в которые хотят возвратиться. Весьма естественно, что турки из других местностей и провинций не должны иметь права поселяться в местностях, в которых они прежде не жили. По получении означенных списков я полагал бы исключить из них тех предводителей шаек башибузуков и тех известных лиц, которые своими прежними зверствами над болгарами и опустошением сел несколько не могли бы быть ограждены от весьма естественного мщения оставшихся еще в живых болгар от произведенной турками резни. Я указал на селения Батак, Карлово, Калофер,

* См. док. 83 и примечание 2 к нему.

Эски-Загру и Ени-Загру как на театр самых изуверских действий турок и где возвращение их, по-моему, подало бы повод к репрессалиям, которых не в силах была бы остановить наша администрация. Комиссия, по-видимому, склонилась к моим доводам, но английский консул Фауссет высказал мысль об общей амнистии, на что я ему возразил, что ежели бы таковая и была дарована нами и прочими державами, то трудно предположить, чтобы к ней спокойно отнеслось болгарское население. При виде убийц их близких родных, безнаказанно возвращающихся в их села, болгары, наверное, станут искать повода к мщению. Вашему сиятельству я должен еще заметить, что подобные лица по духу и смыслу прокламации государя императора, обращенной к болгарам 10 июня 1877 г., подлежат преданию суду.

На высказанное мною не последовало никакого возражения со стороны г-на Фауссета. Затем я настаивал на необходимости, чтобы все возвращающиеся турки были обезоружены; также чтобы беженцы, по соглашению с русскими властями, собирались партиями на известных пунктах нашей передовой линии, где бы они подвергались медицинскому осмотру ввиду заразных болезней, господствующих в Родопских горах. С означенных пунктов переселенцы после проверки списков нашими гражданскими властями могли бы быть препровождаемы на водворение их в места прежнего жительства. На это также возражений от членов комиссии не было заявлено. Я счел долгом обратить внимание комиссии еще на одно обстоятельство, которое было подтверждено г-ном Фауссетом как хорошо знающим местность долины Тунджи. Такие города, как Карлово, Калофер и проч., заселенные исключительно болгарами и имевшие до войны от 5 до 10 тыс. жителей в каждом, а равно и другие значительные селения, соседние с названными городами, которые я имел случай лично осмотреть, разорены и сожжены до основания. Как известно, уцелевшие от избиения тамошние болгары бежали за Балканы, в Тырнов и другие места.

Ныне, возвратившись на южный склон Балкан для уборки своих полей и виноградников, беженцы эти помещены в оставленных турками и вполне уцелевших турецких деревнях, окружающих эти местности. При возвращении турок казалось бы совершенно справедливым не изгонять оставшихся без приюта разоренных болгар до тех пор, пока турецкое правительство в той или другой форме не даст средств к возобновлению разрушенных турками болгарских городов и селений.

Относительно имущества бежавших турок я сообщил комиссии о принятых мною мерах: все засеянные поля бежавших турок отданы для уборки урожая болгарам и другим лицам с половины или за деньги. Собранная половина или деньги за половину хранятся в гражданском управлении до возвращения настоящих хозяев; срок этот мною назначен до 1 сентября. Если к этому времени турки не возвратятся, то хлеб, собранный на их полях, будет продан, а вырученные деньги в депозитах будут храниться до дальнейшего распоряжения. По возвращении же беглецов предполагается выдавать им половину хлеба с удержанием законной 10-й части в пользу казны. Мера эта, не известная комиссии, по-видимому, вызвала полное их одобрение.

Я счел нужным так подробно распространяться обо всех этих обстоятельствах, дабы дать возможность вашему сиятельству в случае надобности опровергать все те умышленные клеветы, которые так усердно распространяются врагами нашими относительно действий гражданской администрации края и мнимых притеснений турок. Но вместе с тем полагал бы настоятельно требовать:

1. Чтобы возвращение переселенцев было обставлено предположенными мною правилами для избежания несомненных беспорядков при неограниченном разрешении всем туркам возвращаться в край, причем никак не допускать переселения жителей, не имевших прежде оседлости в болгарских пределах; в противном случае предвидятся самые серьезные беспорядки, разбой и волнения, которые только послужат к обвинению нашего управления и, может быть, составляют затаенную цель наших врагов.

2. Я просил бы ваше сиятельство твердо настаивать, чтобы при возвращении турок в долину Тунджи не лишать последнего крова возвратившихся и поселенных в турецких домах болгар, покуда не будут даны турецким правительством средства к возобновлению разоренных домов этих беженцев.

В заключение позволяю себе высказать мое мнение относительно практических результатов исследования комиссии в Родопских горах.

При той анархии и безначалии, которые существуют в этой местности, весьма сомнительно, чтобы комиссия могла не только исследовать, но и осмотреть всю эту местность. Еще менее возможно составление списков беженцам; вероятно, все ограничится общими местами относительно положения турецких выходцев, описанием их лишений, а главное, обвинениями наших войск в их действиях к прекращению родопских беспорядков. Можно предполагать, что стремление комиссии будет направлено на ходатайство о возможно большем возвращении турок в Румелию, дабы посредством этих новых элементов беспорядка и беспокойства в крае найти предлог к новым обвинениям как болгар, так и нашего управления. Вот почему считаю так важным установление твердых и положительных правил при переселении турок на прежние места их жительства.

По миновании надобности или снятии с оной копии просил бы ваше сиятельство возвратить мне прилагаемую карту*.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Князь Дондуков-Корсаков

Резолюция А. Б. Лобанова-Ростовского: Надо приготовить копию с этого письма, которая пойдет в понедельник приложением к одной депеше**.

Помета: Карта возвращена в канцелярию комиссара 25 июля 1878 г. через курьера Гвоздинского***.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2491, лл. 65—72. Подлинник.

№ 91

1878 г. июля 12. — Телеграмма А. М. Горчакова Э. И. Тотлебену о форсировании переговоров по сдаче крепостей Варны и Шумлы

Петербург
Секретно

Au clair: De la part du ministre de la guerre au général [To]tleben****.

Шифром: Государь император изволил находить весьма желательным при первой возможности приступить к перевозке наших войск из портов Мраморного моря в Одессу, Николаев и Севастополь, начиная с гвардии; но чтобы на это решиться, необходимо прежде заручиться вполне [на] счет мирных намерений Порты и во всяком случае не прежде полного очищения турками Шумлы и Варны*****. Высочайше поручается вам совместно с послом князем Лобановым войти в соглашение с турецкими министрами как по этому предмету, так и относительно порядка выдачи пленных, которая также может начаться не прежде полного очищения обих названных крепостей*****.

ОР ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 325, оп. 1, д. 164, л. 1. Копия.

* На полях помета А. Б. Лобанова-Ростовского: Возвратить.

** Копия письма была направлена Н. К. Гирсу.

*** Карта не обнаружена.

**** Открытым текстом: От военного министра — генералу Тотлебену (фр.).

***** См. док. 88 и примечания к нему.

***** Подробный план эвакуации войск Действующей армии с Балканского полуострова см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8144, лл. 58—60.

№ 92

1878 г. июля 12. — Телеграмма И. С. Иванова М. А. Домонтовичу с рекомендацией о назначении окружными начальниками Сливенской губернии лиц болгарской национальности

№ 251

Соблаговолите иметь в виду на первые открывающиеся вакансии окружных начальников вверенной мне губернии близко известных мне способных образованных болгар: Петко Славейкова, Хранова, Ианова, Начлевича *, Федорсушво **, Атанаса Илева ***, Стефана Стефанова, Коларова, Михайла Икономова, Михалки Гюльмезова, Ненчо Крестова, Ташева, Димитрия Иванова, Павла Калянджи, Петра Станчова, Ивана Петрова.

Подписал губернатор Иванов

ЦГВИА, ф. 430, д. 120, л. 121—121 об. Копия.

№ 93

1878 г. июля 14. — Инструкция А. М. Горчакова А. Б. Лобанову-Ростовскому о переговорах с Турцией по заключению окончательного мирного договора и выполнению подтвержденных Берлинским трактатом условий Сан-Стефанского договора ¹

Je transmets ci-près à votre excellence un exemplaire du traité et des protocoles de Berlin. Je n'ai pas à porter ici un jugement sur cette transaction.

La lecture des pièces vous indiquera ce qui reste à faire en pratique pour tirer le meilleur parti possible de cette œuvre rendue incomplète et défectueuse par le mauvais vouloir ou l'indifférence de l'Europe.

Tout réside en effet dans la manière dont les décisions du congrès seront observées et appliquées.

Le premier point est d'assurer l'exécution des clauses sans lesquelles le rétablissement de la paix serait matériellement impossible. Le second point sera une fois l'état de paix rétabli, de veiller à ce que l'œuvre du congrès ne soit pas éludée, dénaturée et annulée.

Ce sera la tâche essentielle de l'ambassade impériale à Constantinople. Je n'ai pas besoin de vous dire tout le prix que sa majesté l'empereur y attache, car de là dépend que le sang et les forces consacrées par la Russie à cette œuvre d'abnégation n'aient pas été stérilement gaspillées mais soient le germe fécond d'un développement progressif qui réalisera avec l'aide du temps, ce que les circonstances ne nous ont pas permis d'achever.

A cet effet, nous avons cru nécessaire de faire immédiatement suivre le traité de Berlin par un traité direct et séparé entre nous et la Porte, qui remplace le traité préliminaire de San-Stéfano.

Les motifs qui nous y engagent ne vous échapperont pas.

D'abord, le traité préliminaire de San-Stéfano a prévu cette éventualité. L'une de ses clauses (art. XIX) porte expressément qu'il sera transformé en traité de paix définitif ².

Cet acte ayant été revêtu de la ratification impériale, il ne serait pas convenable que cette sanction suprême demeurât lettre morte. Il vous sera facile de démontrer au sultan qu'il est également intéressé à ce que sa signature ne demeure pas nulle et non avenue.

En second lieu, vous verrez dans les protocoles l'accueil fait par le congrès à notre demande d'une garantie de la part de l'Europe qui assure l'exécution de ses décrets. Les artifices de langage à l'aide desquels on a rejeté cette demande sous prétexte qu'on ne pouvait pas même supposer l'éventualité d'une

* В тексте ошибка. Следует: Начович.

** Так в тексте. Расшифровать фамилию не удалось.

*** В тексте ошибка. Следует: Илиев.

inexécution de décisions rendues d'une manière aussi solennelle, ne dissimuleront guère aux yeux du gouvernement turc la résolution des Puissances de persévérer dans le système d'inertie qui a paralysé précédemment l'action collective de l'Europe en Orient. La Porte y puisera un encouragement à continuer de son côté le même système d'inertie qui lui a permis jusqu'à présent d'éluder ses obligations.

Les assurances précises et solennelles données à cet égard par les plénipotentiaires ottomans et qui figurent aux protocoles, sont une faible garantie. On sait ce que valent les promesses des agents du gouvernement turc³.

Il nous importe donc d'avoir en mains un engagement direct qui lie la Turquie à la Russie indépendamment de ses obligations envers l'Europe et qui nous permette, en cas de nécessité, de revendiquer comme un droit ce qui nous avait été contesté jusqu'à présent en vertu du principe de non-intervention isolée dans les affaires d'Orient.

D'ordre de sa majesté l'empereur je vous envoie ci-près le projet du traité de paix définitif. La volonté de notre auguste maître est qu'il soit négocié et signé à Constantinople.

Vous êtes invité à y procéder sans délai.

En même temps vous presserez énergiquement la Porte d'accélérer l'exécution des clauses du traité de San-Stéfano actuellement confirmées par le traité de Berlin, et qu'il nous serait impossible de laisser éluder plus longtemps, sous aucun prétexte.

La conduite du gouvernement turc à cet égard sera pour nous la pierre de touche de ses intentions et par conséquent celle de notre attitude envers lui.

A son départ pour Constantinople votre excellence a été invitée à représenter aux ministres du sultan que du moment où les griefs légitimes des populations chrétiennes auraient reçu satisfaction, la Turquie n'aurait pas de meilleure et de plus sûre alliée que la Russie.

Nous avons déploré l'obstination de la Porte à méconnaître cette vérité et à nous contraindre aussi à une guerre qui n'était ni dans nos intentions, ni dans nos intérêts.

Nous regrettons de voir qu'aujourd'hui encore, le gouvernement turc préfère chercher dans des transactions onéreuses avec d'autres Puissances des gages de sécurité qu'il aurait trouvés à meilleur compte dans une bonne entente avec la Russie.

Nous ne pouvons que régler notre attitude sur la sienne.

Veut-il faire sortir du congrès de Berlin l'ère d'une paix solide et durable et d'un développement prospère de l'Orient musulman et chrétien? Ou bien préfère-t-il courir le risque de nouvelles complications dans l'espoir de ressaisir par des combinaisons politiques aventureuses ce que la guerre et le traité de Berlin lui ont fait perdre?

Telle est la question que vous aurez à poser aux ministres turcs et je n'ai pas besoin de vous indiquer ce que vous aurez à leur dire au sujet des vues de notre auguste maître. Elles vous sont suffisamment connues.

La seule réponse pratique que nous attendons d'eux c'est la livraison immédiate des forteresses ou, du moins, la fixation catégorique d'un mode et d'un terme avec des garanties sérieuses d'exécution.

Vous leur déclarerez que la retraite de nos troupes des points qu'elles occupent sur le territoire ottoman, de même que la restitution des prisonniers de guerre restent subordonnées à l'exécution des engagements pris par la Porte. Aujourd'hui qu'ils ont été confirmés par le congrès de Berlin, le gouvernement turc n'a plus même le prétexte à l'aide duquel il en avait différé l'accomplissement, c'est-à-dire d'attendre les décisions de l'Europe. Toute tentative qu'il ferait pour ajourner la livraison des forteresses serait à nos yeux un indice certain de son intention d'éluder ses obligations. Nous devrions agir en conséquence en lui laissant la responsabilité des complications qu'il aurait provoquées.

D'après les dernières nouvelles qui nous sont parvenues de Mr. le général Totleben, il y a encore des difficultés, des retards et des chicanes pour la remise des forteresses de Varna et de Schoumla.

Celle de Batoum est encore plus incertaine. Vous déclarerez nettement aux ministres turcs que nous n'admettrons à cet égard aucune tergiversation, et que nous ne serons dupes d'aucun prétexte, tels que les protestations des Lazes et autres expédients inventés à dessein⁴. Soit que la Porte n'ait pas l'intention de livrer Batoum, soit qu'elle n'ait pas la force de se faire obéir sur les lieux, nous serons obligés de recourir à des mesures coercitives dont la première sera la suspension de l'évacuation d'Erzérout et de Bayazid.

Les ministres turcs se rendront certainement compte des suites d'un pareil état de choses.

Nous avons lieu de croire que personnellement le sultan ne se fait pas d'illusion à cet égard et que si cela ne dépendait que de lui, il ne demanderait pas mieux que de rentrer dans une situation de paix qui lui permettrait de rétablir l'ordre chez lui et de raffermir son autorité.

C'est à vous d'apprécier si l'état des esprits à Constantinople lui laisse assez de pouvoir pour faire prévaloir sa volonté.

Il est possible que le parti de la résistance parmi ceux qui l'entourent puise quelque encouragement dans le traité d'alliance défensive conclu avec l'Angleterre et peut-être dans une convention analogue qui se négocierait avec l'Autriche.

Vous tâcherez de dissiper les illusions que les ministres turcs pourraient se faire à ce sujet. Dans le cours des entretiens confidentiels que j'ai eu avec lord Beaconsfield à Berlin, il m'a donné l'assurance positive que la convention d'alliance avec la Porte, loin d'être dirigée dans un sentiment d'hostilité envers nous, était dans sa pensée un gage de plus donné au maintien de la paix; que le gouvernement turc avait été mis en garde contre toute fausse interprétation à cet égard et catégoriquement prévenu que s'il se livrait à des actes agressifs contre la Russie, ce serait à ces risques et périls.

Nous n'attachons pas à ces assurances une valeur exagérée. Mais nous croyons qu'elles ont pour garantie l'intérêt actuel du gouvernement anglais. Lord Beaconsfield a pour le moment atteint son but et profite de l'impression de ce succès de sa politique pour retremper dans les élections la majorité qui le soutient et pour consolider son pouvoir. Il ne peut réussir qu'à la condition du maintien de la paix qui seule réduirait au silence l'opposition de ses adversaires.

Il y a donc lieu d'espérer que son langage à Constantinople sera net et ferme. Vous serez à même de le contrôler sur place et de constater si Mr. Layard ne le contrecarre pas par son influence personnelle comme lui et sir H. Elliott l'ont constamment fait à l'égard de lord Derby.

J'ai parlé très catégoriquement au sujet de Batoum à l'ambassadeur de Turquie. Il a abondé dans ce sens et m'a promis d'écrire à son gouvernement pour l'engager à accélérer l'exécution de ses engagements sans attendre la ratification du traité de Berlin, en ajoutant que sa majesté l'empereur apprécierait ce témoignage des intentions loyales et pacifiques du sultan. J'en aigaiement entretenu lord Loftus qui m'a promis d'en écrire à Londres.

Vous êtes invité à agir de votre côté avec toute l'énergie nécessaire pour élucider sans délai ce point délicat qui est, je le répète, le nœud de la situation de paix ou de guerre qui doit sortir du congrès de Berlin.

Notre consul général à Raguse* nous a signalé le désir pressant du prince Nicolas d'en finir avec les difficultés et les lenteurs que le gouvernement turc apporte à l'évacuation des territoires accordés au Monténégro et notamment de Podgoritza. En traitant avec les ministres turcs de l'évacuation des forteresses qui nous reviennent, vous ne négligerez pas d'insister en même temps afin qu'il soit fait droit aux justes réclamations des Monténégrins.

Indépendamment de ces questions il y en a beaucoup d'autres qui exigeront votre participation active et peut-être votre initiative.

Le congrès de Berlin a apporté dans ses délibérations une hâte excessive. Son président avait avant tout le désir de mener son œuvre à bonne et prompt fin. C'est ainsi qu'une masse de questions de détails ont été reléguées à des en-

* A. C. Ионин.

тентes locales ultérieures dont le siège ne peut évidemment être qu'à Constantinople. C'est la conférence des représentants qui y résident qui sera naturellement appelée à y pourvoir.

Nous voyons déjà que des difficultés sérieuses ont surgi au sujet de la rectification des frontières entre la Grèce et la Turquie décrétée par le congrès et que cette situation menaçante a motivé une offre de médiation de la part de l'Italie. Sa majesté l'empereur vous autorise à vous y associer, sur la base des protocoles de Berlin.

Il y aura ensuite de nombreuses commissions à nommer tant en Roumélie Orientale que dans les provinces où des réformes doivent être introduites sous la surveillance de l'Europe et pour les diverses délimitations dont le principe a été décrété par le congrès. Nous ignorons encore si les cabinets y procéderont avant l'échange des ratifications du traité.

Pour notre part nous nous occupons du choix de nos commissaires et de la rédaction des instructions dont ils devront être munis. Vous serez informés des décisions de notre auguste maître aussitôt qu'elles auront été arrêtées.

De votre côté, mon prince, veuillez-vous pénétrer du prix que sa majesté impériale attache avant tout à sortir de l'incertitude que la question des forteresses, surtout celle de Batoum, laisse planer sur toute notre situation politique et militaire, et ensuite à accélérer autant que possible la mise en œuvre des décisions du congrès de Berlin afin de rétablir la paix et de la rendre sérieuse et durable.

Tout ce que vous ferez dans ce but répondra à la pensée de notre auguste maître.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 34, лл. 175—188 об. Отпуск.

Перевод

Препровождаю при сем вашему высокопревосходительству один экземпляр Берлинского трактата и протоколов. Я не буду высказывать здесь свое мнение об этом соглашении.

Чтение документов покажет вам, что остается сделать практически, чтобы извлечь наибольшую пользу из этого акта, ставшего неполным и недостаточным из-за недоброжелательства или безразличия Европы.

Действительно, все зависит от способа, которым решения конгресса будут соблюдаться и применяться.

Прежде всего нужно обеспечить выполнение статей, без чего реальное восстановление мира было бы невозможно. Во-вторых, как только будет установлен мир, нужно следить за тем, чтобы решения конгресса не были обойдены, искажены или аннулированы.

Такова будет основная задача императорского посольства в Константинополе. Мне нет необходимости говорить вам о той важности, которую его величество император придает ей, потому что от этого зависит, чтобы кровь и силы, самоотверженно отданные Россией, не были растрачены бесплодно, но явились бы плодотворным источником прогрессивного развития, которое осуществит со временем то, чего не позволили нам завершить обстоятельства.

С этой целью мы сочли необходимым тотчас же после заключения Берлинского трактата заключить договор непосредственно между нами и Портой, заменяющий прелиминарный Сан-Стефанский договор.

Вам будут понятны побуждающие нас к этому причины.

Прежде всего прелиминарный Сан-Стефанский договор предусматривал эту возможность. Одна из его статей (ст. XIX) специально оговаривает, что он будет превращен в окончательный мирный договор².

Ввиду того что этот акт ратифицирован императором, было бы недопустимо, чтобы эта взымая санкция стала мертвой буквой. Вам будет легко доказать султану, что он также заинтересован в том, чтобы его подпись не стала недействительной.

Во-вторых, вы увидите из протоколов, как была воспринята конгрессом наша просьба о гарантии со стороны Европы, которая обеспечивала бы выполнение ее постановлений. Словесные ухищрения, с помощью которых была отклонена эта просьба под предлогом,

что будто бы нельзя даже и предполагать возможности невыполнения решений, принятых столь торжественным образом, не смогут скрыть от турецкого правительства намерения держав пребывать в постоянной инертности, которая прежде парализовала коллективное действие Европы на Востоке. Порта в этом усмотрит поощрение к тому, чтобы со своей стороны продолжать ту же систему бездеятельности, которая позволяла ей до настоящего времени уклоняться от выполнения своих обязательств.

Определенные и торжественные заверения оттоманских уполномоченных, фигурирующие в протоколах, представляют собой слабую гарантию. Известно, чего стоят обещания представителей турецкого правительства³.

Нам важно иметь в руках обязательство, непосредственно связывающее Турцию с Россией независимо от ее обязательств по отношению к Европе, и которое бы нам позволило, в случае необходимости, потребовать права на то, что у нас оспаривалось до настоящего времени в силу принципа невмешательства в дела Востока.

По приказу его императорского величества посылаю при сем проект окончательного мирного договора. Воля нашего августейшего повелителя такова, чтобы он был заключен и подписан в Константинополе.

Вы приглашаетесь без промедления к сему приступить.

Одновременно с этим вы будете энергично побуждать Порту ускорить выполнение условий Сан-Стефанского договора, ныне подтвержденных Берлинским трактатом, уклонение от коих нельзя более допускать ни под каким предлогом.

Поведение турецкого правительства в этом отношении будет для нас проверкой его намерений и, следовательно, пробным камнем нашей позиции по отношению к нему.

Когда вы уезжали в Константинополь, вашему высокопревосходительству было предложено объяснить министрам султана, что, когда законные жалобы христианского населения будут удовлетворены, у Турции не будет лучшего и более надежного союзника, чем Россия.

Мы сожалеем об упорном непризнании Портой этой истины, могущем приупдсть нас к войне, не входящей ни в наши намерения, ни в наши интересы.

Мы с сожалением видим, что и сегодня турецкое правительство предпочитает искать в кабальных соглашениях с другими державами залог безопасности, которой она легче добилась бы в добром согласии с Россией.

Мы можем лишь сообразовывать наш образ действий с ее поведением.

Желает ли турецкое правительство, чтобы после Берлинского конгресса наступила эра прочного и длительного мира и благополучного развития мусульманского и христианского населения Востока, или же оно предпочитает подвергнуться риску новых осложнений в надежде захватить путем авантюристических политических комбинаций то, что война и Берлинский трактат заставили его потерять?

Таков вопрос, который вы должны поставить перед турецкими министрами, и мне нет нужды указывать вам, что вы должны им сказать по поводу взглядов нашего августейшего повелителя. Они вам достаточно хорошо известны.

Единственный практический ответ, который мы от них ждем, — это немедленная сдача крепостей или по крайней мере решительное определение способов и сроков с серьезными гарантиями выполнения.

Вы им заявите, что вывод наших войск с занимаемых ими пунктов на оттоманской территории, равно как и возвращение турецких военнопленных, остается в зависимости от выполнения Портой ее обязательств. Сегодня, когда они были подтверждены Берлинским конгрессом, турецкое правительство не имеет более предлога, с помощью которого оно могло бы отложить его выполнение, т. е. ждать решения Европы. Любая его попытка отложить сдачу крепостей явилась бы в наших глазах очевидным свидетельством его намерения уклониться от своих обязанностей. В этом случае мы были бы вынуждены действовать соответствующим образом, возложив на него вину за вызванные им осложнения.

Согласно последним сведениям, сообщенным нам генералом Тотлебенем, еще существуют трудности, задержки и крючкотворство в вопросе о передаче крепостей Варны и Шумлы.

Вопрос о Батумской крепости еще более неопределен. Вы решительно заявите турецким министрам, что мы не допустим в этом отношении никакого увеливания, что нас не введут в заблуждение никакие отговорки, как, например, протест лазов или прочие умышленно придуманные уловки⁴. Намерена ли Порта не сдавать Батум или у нее нет

сил заставить подчиняться себе на местах; так или иначе, мы будем вынуждены прибегнуть к принудительным мерам, из коих первой будет прекращение эвакуации Эрзерума и Баязета.

Турецкие министры, песомненно, отдадут себе отчет в последствиях подобного положения вещей.

Мы имеем основания думать, что сам султан не питает иллюзий в этом отношении и что, если бы это зависело только от него, он не требовал бы ничего большего, как возвращения к мирному положению, которое позволило бы ему восстановить у себя порядок и упрочить свою власть.

Вам падлежит оценить по умонастроениям в Константинополе, достаточна ли его власть, чтобы его воля одержала верх.

Возможно, что партия сопротивления из числа окружающих его людей черпает некоторое поощрение в договоре об оборонительном союзе, заключенном с Англией, и, может быть, в аналогичном соглашении с Австрией, переговоры о котором, по-видимому, ведутся в настоящее время.

Вы попытаетесь рассеять иллюзии, которые могут быть у турецких министров по этому вопросу. В конфиденциальных беседах моих с Виконсфильдом в Берлине он положительно заверил меня в том, что союзное соглашение с Портой не было продиктовано враждебными чувствами по отношению к нам, а было задумано как залог поддержания мира, и что турецкому правительству было дано предостережение против всякого ложного истолкования в этом отношении и категорическое предупреждение, что если оно допустит агрессивные действия против России, то вся вина падет на него.

Мы не преувеличиваем значения этих уверений. Но мы думаем, что гарантией является подлинная заинтересованность в этом английского правительства. Лорд Биконсфильд теперь достиг своих целей и стремится воспользоваться впечатлением, вызванным успехом его политики, чтобы обеспечить себе на выборах большинство и укрепить свою власть. Он может добиться этого только при условии сохранения мира, только это может заставить замолчать его противников.

Таким образом, есть основание надеяться, что его выступления в Константинополе будут четкими и твердыми. Вы сможете проверить это на месте и установить, не противодействует ли ему г-н Лайярд своим личным влиянием, как он это постоянно делал вместе с сэром Эллиотом по отношению к лорду Дерби.

Я говорил очень решительно по вопросу о Батуме с турецким послом. Он согласился со мной и обещал мне написать своему правительству, чтобы побудить его ускорить выполнение своих обязательств, не ожидая ратификации Берлинского трактата, и добавил, что его императорское величество оценит это свидетельство лояльных и миролюбивых намерений султана. Я также беседовал об этом с лордом Лофтусом, который обещал мне написать об этом в Лондон.

Призываем вас действовать со всей необходимой энергией, чтобы безотлагательно выяснить этот деликатный пункт, являющийся, повторяю, узлом мирной или военной ситуации, которая должна последовать в результате Берлинского конгресса.

Наш генеральный консул в Рагузе обратил наше внимание на настойчивое желание князя Николая покончить с трудностями и медлительностью, которые турецкое правительство чинит в деле эвакуации территорий, отданных Черногории и особенно Подгорицы. Договариваясь с турецкими министрами об эвакуации крепостей, которые должны быть нам возвращены, вы не преминете одновременно настоять, чтобы были удовлетворены справедливые требования черногорцев.

Кроме этих вопросов, существует много других, которые потребуют вашего активного участия и, может быть, вашей инициативы.

Берлинский конгресс привнес в эти обсуждения излишнюю спешку. Его председатель желал прежде всего привести дело конгресса к благополучному и скорому концу. Таким образом, многие частные вопросы были отложены до дальнейших локальных соглашений, которые, видимо, могут быть заключены только в Константинополе. Именно конференция представителей, находящихся в Константинополе, должна будет принять меры в этом отношении.

Мы видим уже, что серьезные трудности возникли в связи с уточнением границ между Грецией и Турцией, установленных конгрессом, и что эта угрожающая ситуация вызвала просьбу о посредничестве со стороны Италии. Его величество император позволяет вам присоединиться к этому на основе берлинских протоколов.

Затем надо будет назначить многочисленные комиссии как в Восточной Румелии, так и в провинциях, в которых должны быть введены реформы под наблюдением Европы, и для различных разграничений, принцип которых был установлен конгрессом. Мы еще не знаем, приступят ли к этому кабинеты до обмена ратификациями трактата.

Что касается нас, мы занимаемся выбором наших комиссаров и редакцией инструкций, которыми надо их снабдить. Вам будет сообщено о решениях нашего августейшего повелителя, как только они будут приняты.

С вашей стороны, князь, соблаговолите проникнуться тем значением, которое его императорское величество придает прежде всего необходимости выйти из неопределенной политической и военной ситуации, создаваемой вопросом о крепостях, в особенности о Батуме, и затем ускорить, насколько это возможно, осуществление решений Берлинского конгресса для установления прочного и длительного мира.

Все, что вы предпримете с этой целью, будет соответствовать намерениям нашего августейшего повелителя.

1. Этот документ важен тем, что объясняет причины, по которым русское правительство торопилось с заключением окончательного мирного договора с Турцией. Кроме того, необходимо было внести некоторые уточнения в статьи Сан-Стефанского договора по территориальным вопросам, так как после Берлинского конгресса Россия отказалась от ряда территорий, а следовательно, менялись и статьи, определяющие размеры контрибуции с Турцией (см. док. 197, 263).

2. Речь идет о ст. XXIX Сан-Стефанского прелиминарного договора.

3. В заседании Берлинского конгресса 26 июня (8 июля) 1878 г. А. М. Горчаков заявил о надежде русских уполномоченных, что завершенная конгрессом работа обеспечит «прочный и длительный мир». Русским уполномоченным было поручено запросить конгресс, каковы принципы и меры, которыми он намерен обеспечить выполнение его «важных (hautes) решений» (см. 51, стр. 82—83). Бисмарк поспешил, как всегда, когда дело касалось русских предложений, отложить рассмотрение вопроса до следующего заседания. В заседании от 27 июня (9 июля) турецкий уполномоченный заверил конгресс, что решения его будут выполнены в «самый кратчайший срок» (см. там же, стр. 84). А. М. Горчаков предложил просить державы — участницы конгресса коллективно гарантировать выполнение решений конгресса. Бисмарк высказался против формулирования каких-либо гарантий (там же, стр. 84—85). В заседании 28 июня (10 июля) П. А. Шувалов, по предложению Бисмарка, дал следующую формулировку: державы-участницы «взирают на совокупность статей настоящего акта как на свод постановлений, исполнение которых они обязуются проверять и наблюдать» (там же, стр. 89). Рассмотрение его снова было отложено. В заседании 29 июня (11 июля) после долгой дискуссии русская формулировка не была принята в качестве отдельной статьи трактата, было решено лишь занести ее в протокол и этим ограничиться (там же, стр. 94).

4. Англия на конгрессе провокационно выступила в защиту лавов — горцев, живших около Батума. В конце концов после долгих препирательств между русской и английской делегациями было решено оставить за Россией местности Артвин и Ольти. Лазистан оставался за Турцией (см. 87, карта на стр. 540; стр. 542—545).

№ 94

1878 г. июля 24. — Письмо охридского митрополита Нафанаила И. С. Аксакову о политическом положении Македонии после Берлинского конгресса

Благороднейшему милостивому государю
Ивану Сергеевичу Аксакову

Сербская война с Турцией весь болгарский народ от Дуная до вершины гор над Охридским озером и от сербских пределов до ворот Царьграда и Фессалоника привела в мечтание об избавлении своем от пятивекового порабощения их; манифест русского православного царя возбудил в сие избавление веру их; переход чрез Дунай русского воинства, личное присутствие при них самого царя-венценосца и его царское слово — «вы, болгаре, уже свободны» — этою верою наполнили и ум, и сердце их. Переход чрез Балканы победоносных воинов, остановка их у ворот Царьграда, протяжение их от Софии до Кюстендила и подпись Сант-Стефанского мирного договора ни у одного болгарина не оставили ни малейшего следа сомнения об их освобож-

дении и соединении в одно целое и по роду, и по языку, и по вере, и по духу. Все радовались, все благодарили своего человеколюбивейшего освободителя и вседушевные молитвы воссылали богу-промыслителю об его дорогом здравии и об укреплении святой Руси. Словом, до начатия конгресса все болгаре от мала до велика и от нищего просяка до самого великого богача ликовали в благодарности сердца к России и российскому престолу. Конгресс начался, и сумнение упало на душе каждого их, и не даром, ибо сумнение их осталось ли пустою мечтою? О, нет! Сердце человека, хотя и загадочно, но предвещает ему или о добре, или о зле. Конгресс от половины болгар дал часть княжеству Болгарскому, часть — автономии турецкой и часть — сербской и румынской независимостям. Где же другая половина? Где же болгаре Македонии, эти страдальцы старой заветной Болгарии? О македонских болгарях, которые ежедневно, ежеминутно терпели в продолжение пяти веков более всех убийства, насилия, темничные затворы, насильственные смерти, грабежи, отнятие собственности и совершенное порабощение, нег и помицу, тогда как они в надежде и своего избавления с оружием в руках спешили на помощь грекам и сербам как прежде, так и в последнем деле сербском и, наконец, в надежде на свое присоединение к придунайским и фракийским своим братьям тысячи их, покинув дом и родителей, жену и детей, братьев и сестер, поспешили противу общего их поработителя; эти болгаре при всей удалости своих юнаков в деле Сербии и при взятии и защите Шипкинского прохода, которые с отчаянною отважностью бросались на все опасности, только бы скорее достигнуть своих мрачных жилищ и оттереть слезы рабства у своих близких и родных, эти болгаре, говорю, теперь лишаются всего и оставляются в худшем еще положении и порабощении у своих пятивековых кровопийц. Сант-Стефанский договор остановил оккупационную линию на Кюстендиле, а конгресс лишил македонских болгар права и на именование себя болгарями, с ними же вместе он изгладил уже и имя Македонии. Итак, старая колыбель славянской письменности стонет уже под новым, еще более тягостным гнетом не только от туземных жителей башибозуков, но и от собравшихся из Боснии, из Болгарии и из Фракии беженцев-турок. Итак, новые убийства, грабежи, насилие обоюго пола и опустошения безнаказанны: каждый христианин думает, доживет ли до вечера, если он дожид до утра, и доживет ли до утра, если он дожид до вечера. Дети оплакивают своего убитого отца, супруга рыдает по своему супруге, родители неутешно проливают горькие слезы по убитом и кровью облитом своем сыне, который, быть может, был единственною их утехою в их старости и бедствиях. Такое теперь положение несчастных македонских болгар, когда вся Европа и европейский конгресс диктует улучшение их участи. Вот и улучшение их! Теперь именно пришло время для них, которое сказано спасителем об Иудее и Иерусалиме: «Сущие в Иудее да бежат на горы, и иже есть на крове, да не слазит в дом, ни да внидет взяти чего от дому своего и иже на селе сый, да не возвратится вспять взяти ризу свою». Это и делают македонские болгаре! Они то десятками, то сотнями покидывают дом, фамилию, детей и родных и уходят чрез Кюстендиль и Софию, куда глаза смотрят. На эту сцену будет ли смотреть равнодушно обожаемая сими страдальцами святая Русь и матушка русской славы и хвалы Москва? Мы уверены, что нет. Но как им помочь, когда вся Европа и европейское полчище напротив? Нечего делать! Ареопаг неправды и нечестивого человеколюбия осудил христиан-македонцев и снова ввинул их в оковах грецизма, исламизма, протестантизма и папизма.

Иерархическим болгарским вопросом¹ мы привели сих несчастных болгар в сознание нужды иметь свою болгарскую иерархию, своих родных архиереев и священство-болгар и по роду, и по духу, своих народных учителей и училища. Усвоив это сознание, они для сего терпели темничные затворы, денежные выкупы, ссылки, тайные и явные убийства, ограбление и изгнание из построенных их трудами храмов божиих. Словом, пренебрегали и жизнью, и всем своим в надежде на лучшую будущность оставшегося в живых своего потомства. А теперь, теперь куда им деваться? Турки убивают, силою и лестью турчат, грабят, сожигают, бесчестят и сквернят фамилии без различия

пола и возраста; греки-архие[ре]и со всеми своими силогосами * и обольщенцами огречивают их, клеветят их перед правительством, предают их, чтобы только достигнуть своих корыстных целей; протестанты и паписты льстят и обещают свои защиты. Спрашиваем же, куда прибегнуть им, несчастным? Что делать? Отказаться от веры? Совесть мучит. Терпеть постоянно убийства, насилия, темницы и бесчестия своей верной супруги и милой дочери? Нестерпимо. Передаться грецизму и отказаться от имени болгарина и от своего рода? Бесхарактерно, стыдно и совестно. Прибегнуть к защите протестантизма и папизма? Значит, быть разобщенным, отцепленным уже от своего народа и убить единство духа его. После всего этого опять повторяем: что делать сим несчастным? Прибегнуть к обороне себя с оружием в руках, которым они владеют лучше всякого болгарина, или к отважности, засвидетельствованной в делах Сербии и при взятии и защите Шипки? Но ведь произойдет то, что случилось с прибалканскими фракийскими болгарскими, и притом еще без помощи ничего не сделают. Спрашиваем же с слезами на глазах, что делать сим несчастным? Припомни, о Москва, о святая Русь, сострадательница угнетенных и поработенных своих братий, припомни Кирилла и Мефодия, Климента и Наума, Горазда, Савву и Ангелария, тружеников на поприще веры и письменности славянской в сих странах, и скажи нам, и мы повинемся твоему гласу, послушаем твое веление и на живот, и на смерть, только бы не потерять приснопамятного векового названия Старой Болгарии: пусть только эта старая, обветшавшая и полуомертвевшая от насилия мусульман и от ласкательства и предательства греков Болгария обновится в новую цветущую отрасль славянского дерева. Скажи нам, потому что в отчаянном недоумении и с слезами на глазах твоего ответа ожидаем ².

Митр[ополит] охрид[ский] Нафанаил

ОР ГПБС—Щ, ф. 14, д. 236, лл. 1—2 об. Автограф.

1. Иерархический, или церковный, вопрос получил свое название потому, что в борьбе с греческой патриархией болгарскими выдвигалось требование об установлении национальной иерархии и самостоятельной церкви, но канонические основы православия при этом не затрагивались. Митрополит охридский Нафанаил был видной фигурой в борьбе за церковную и национальную независимость. Его отозвали из епархии в 1877 г. вследствие трений с местными турецкими властями (см. 40).

2. Митрополит Нафанаил охридский писал это письмо из Филиппополя, где вместе с другими болгарскими общественными деятелями из Македонии он начал уже обдумывать и организовывать восстание македонских болгар для борьбы против решений Берлинского конгресса относительно Македонии. В сентябре месяце он возглавил руководство восстанием в Македонии (подробнее см. 42, стр. 26—28 и др.; 90, стр. 412 и сл.).

Письмом к И. С. Аксакову Нафанаил, вероятно, хотел обосновать неизбежность вооруженной борьбы болгар в Македонии и вызвать симпатии русских славянофильских кругов, хотя влияние их на официальную русскую политику было тогда незначительным.

В то же время депутации от видных болгарских общественных и церковных деятелей Македонии посетили князя А. М. Дондукова-Корсакова и обратились с просьбой, чтобы Россия содействовала освобождению Македонии и довела до сведения других великих держав требования болгарского населения Македонии (см. АВГР, ф. Посольство в Константинополе, 1878 г., д. 2491, лл. 32—33 об.).

О бедственном положении Македонии еще накануне Берлинского конгресса, о мусульманской пропаганде и фанатизме говорится и в письме А. М. Дондукова-Корсакова А. Б. Лобанову-Ростовскому от 11 июня 1878 г. (см. там же), а также в заявлении, поданном 10 июня 1878 г. Дондукову-Корсакову, которое подписали дебарский архимандрит Кузьма, протоиерей П. Федор, протоиерей Петр Солунский, К. Мишайков, К. Шулев, Х. И. Весов, М. Манчев, Н. Ганчев, К. Шапкарев, Стоян Костов, П. А. Ковачев (там же, лл. 34—35 об.).

* *Süllogos* (συλλογος) (греч.) — собрание.

Председательствовал императорский российский комиссар генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков.

Присутствовали члены: Генерал-майор Домонтович,
Генерал-майор Золотарев,
Действительный статский советник Лукьянов,
Профессор Дринов

Слушали: I. Доклад члена Совета по делам народного просвещения и духовных дел профессора Дринова следующего содержания.

В Болгарии существуют два вида училищ: *начальные* и так называемые *главные*. Первые из них, т. е. начальные училища, находятся почти в каждом селении, за исключением губерний Софийской и Видинской, где их сравнительно менее. Главные же училища находятся почти во всех городах и местечках придунайской Болгарии. В главных училищах дается общее образование, и они обыкновенно состоят из четырех классов, кроме габровского, в котором имеется уже семь классов. К разряду же главных следует отнести духовные училища в Лесковце (Герновской губернии) и в Самокове (Софийской губернии). До сего времени все вообще училища в Болгарии носили название народных и устраивались и содержались исключительно населением, с живым интересом относившимся к народному образованию. Ввиду этого профессор Дринов полагает оставить и на будущее время материальную сторону школьного дела в руках населения, предоставив ему постройку и содержание как существующих, так и могущих открыться вновь начальных и главных училищ. Что же касается попечения болгарского правительства о народном образовании, то, по мнению г. Дринова, важнейшие заботы его должны преимущественно сосредоточиться на нравственной стороне этого дела и лишь в исключительных случаях, и то одновременно, оно может назначить материальные пособия из средств болгарской казны.

По заявлению г. Дринова, в круг обязанностей центрального управления по народному образованию в Болгарии должны входить нижеследующие мероприятия: 1) поощрение населения к открытию новых народных школ и к увеличению средств, доставляемых им на народное просвещение; 2) устройство учебной части в народных училищах, в особенности же в так называемых главных городских училищах, в коих преподавание доселе страдало отсутствием системы и определенного учебного плана; 3) заботы о замещении учительских мест людьми, достойными своего назначения, и об ограждении учителей от произвола влиятельных, но невежественных членов общины; 4) приготовление учителей для народных школ; 5) стремление к тому, чтобы народное образование в возможно кратчайший срок сделать *общеобязательным* как для мужского, так и для женского населения Болгарии. Для осуществления указанных в первых трех пунктах целей необходимо, по мнению г. Дринова, назначить от правительства окружных инспекторов, по одному в каждой губернии, с отнесением расходов по содержанию их на счет доходов Болгарского края. Таких инспекторов на первое время, по мнению г. Дринова, потребуется до пяти. Имея в виду, что на должности эти будут назначаемы лица, получившие высшее образование, и что эти лица сверх указанных выше обязанностей должны будут участвовать в педагогических съездах, создаваемых по мере надобности для рассмотрения и одобрения учебных руководств и пособий и вообще для изыскания средств к внешнему и внутреннему благоустройству училищ, г. Дринов полагал бы назначить каждому инспектору жалованье 6 тыс. фр. и на разъезды и канцелярские расходы — 2 тыс. фр., всего 8 тыс. фр. в год. Таким образом, на жалованье всем инспекторам потребуется сумма 40 тыс. фр., или 10 тыс. руб. золотом.

Что касается приготовления учителей, то относительно этого предмета г. Дринов представил следующие соображения: 1. Учителей для начальных училищ было бы более практичным и впредь готовить в главных (городских) училищах, как это было доселе. Училища эти, несмотря на их прежнюю плохую организацию, снабжали начальные школы прекрасными учителями; теперь же, при предполагаемом их улучшении, они могут совершенно устранить необходимость учреждения учительских семинарий, в особенности если при них будут учреждены учительские стипендии. Таких стипендий можно было бы назначить в достаточном количестве, если ассигновать на сей предмет хотя половину той суммы, которая потребовалась бы на содержание учительских семинарий. Таких стипендий, по словам г. Дринова, необходимо открыть 200, на что потребуется сумма около 10 тыс. руб. золотом. 2. Учителей для главных (городских) училищ можно будет готовить в гимназиях, духовных семинариях и реальных школах.

Далее г. Дринов представил совету свои соображения относительно открытия в Болгарии гимназий, духовных семинарий и реальных училищ. По заявлению г. Дринова, подобных средних учебных заведений в Болгарии доселе не было, и в них чувствуется крайняя необходимость. Общественные средства, имеющиеся в виду на учреждение их, недостаточны, вследствие чего пособие из болгарской казны оказывается неизбежным. Такое пособие тем уместнее, что эти заведения будут готовить не только учителей, но и других деятелей по всем отраслям общественной и государственной жизни Болгарии. По мнению г. Дринова, в нынешнем году необходимо открыть две классических гимназии — одну в Габрове, другую в Софии, два средних духовных училища — одно в Лесковце, другое в Самокове и две или три реальных школы. Учреждение и содержание в нынешнем году габровской гимназии не потребует пособия от казны, так как здание для нее уже имеется, а содержание ее обеспечено довольно значительными суммами, пожертвованными частными лицами. Относительно гимназии в г. Софии имеется в виду, что здание для нее будет приготовлено местными жителями, располагающими некоторыми суммами на содержание ее, так что казенного пособия в настоящем году для софийской гимназии потребуется до 3 тыс. руб. золотом. Духовным училищам в Лесковце и Самокове положено основание несколько лет тому назад, но как то, так и другое нуждается в улучшении, на что необходимо ассигновать для лесковского 3 тыс. руб., а для самоковского — 4 тыс. руб. золотом.

Относительно реальных училищ имеется в виду, что некоторые города сами возьмут на себя учреждение и содержание их; со стороны правительства потребуется только единовременное пособие на приобретение естественно-исторических и технических коллекций, физического кабинета и химических лабораторий. Денежное пособие на этот предмет, по мнению г. Дринова, можно ограничить в нынешнем году 5 тыс. руб. золотом. Кроме ассигнования означенных сумм выше, необходимо еще, по мнению г. Дринова, назначить по несколько стипендий на приготовление учителей для главных (городских) училищ, на что потребуется до 5 тыс. руб. золотом.

Таким образом, общий итог казенного пособия, необходимого для приведения в исполнение вышеизложенных соображений относительно надлежащей постановки училищного дела в Болгарском княжестве, по заявлению г. Дринова, составит в нынешнем году сумму в 40 тыс. руб. золотом, а именно:

На окружных инспекторов	10 000 руб.
» учит[ельские] стипендии в главн[ых] училищах	10 000 »
» Софийскую гимназию	3000 »
» Лесков[ское] дух[овное] училище	3000 »
» Самоков[ское] дух[овное] училище	4000 »
» учит[ельские] стипендии в средн[их]	
учеб[ных] завед[ениях]	5000 »
» пособие реальным училищам	5000 »

И т о г о 40 000 руб.

II. Доклад, представленный членом совета действительным статским советником Лукьяновым о предстоящих расходах на содержание вновь открываемых губернских судов.

По выслушании сих докладов совет постановил: 1) все предполагаемые г. Дриновым меры привести в исполнение при первой же к тому возможности; 2) просить г. Дринова представить на утверждение императорского российского комиссара штатную ведомость денежного содержания окружным инспекторам училищ; 3) испрашиваемые членом совета Дриновым расходы в количестве (40 000) сорока тысяч рублей разрешить; 4) предложить г. Дринову передать в канцелярию императорского российского комиссара указание, кому именно и в какие сроки должны быть выданы испрашиваемые им единовременные пособия для софийской гимназии и духовных училищ — лесковского и самоковского; 5) составить и передать в ту же канцелярию распределение по главным (городским) училищам разрешенной советом суммы 10 тыс. руб. на стипендии для приготовления учителей в народные школы, а равно 5 тыс. руб. на стипендии в гимназиях для приготовления в них учителей для главных училищ; 6) указать, кому и сколько должно быть выдано из 5 тыс. руб., ассигнованных на приобретение для реальных училищ упомянутых в его докладе учебных пособий; 7) по назначении инспекторов народных училищ сообщить канцелярии звания и фамилии инспекторов, а также с которого времени и в каком городе каждый из них будет получать содержание для ассигнования всех поименованных расходов к отпуску из надлежащих казначейств и 8) утвердить нижеследующую штатную ведомость для чинов губернских судов ¹:

Наименование должностей	Число долж- ностных лиц	Оклады годового содержания, во франках	
		Одному	Всем
Председатель	1	7000	7000
Членов от правительства	2	4800	9600
Членов выборных	6	—	—
Секретарь	1	2800	2800
Помощник секретаря	1	1500	1500
Писец	1	800	800
Рассыльных	2	600	1200
Итого	14	—	22 900
На канцелярские расходы	—	—	1000
На выдачу прогонов и суточных де- нег должностным лицам, команди- рованным по делам службы	—	—	1000
На выдачу прогонов на две ло- пади каждому, а также суточ- ных денег выборным членам губернских судов, по их за- явлениям, каждому по 4 фр. в день	—	—	4000
Всего на один губернский суд	14	—	28 900

Примечание:

1. Выборные члены, имеющие постоянное местожительство в том городе, где находится суд, получают суточные деньги лишь за действительное присутствие их в заседаниях.

2. Вся вышеозначенная сумма на содержание личного состава, на канцелярские расходы и другие расходы в губернских судах в Болгарии производится из местных доходов Болгарского края. Остатки от штатных сумм поступают в казначейство.

Князь А. Дондуков-Корсаков
В. Золотарев
М. Домонтович
С. Лукьянов
М. Дринов

АВПР, ф. Управление российского комиссара в Болгарии, д. 13, лл. 8—12 об. Подлинник.

1. В качестве заведующего отделом народного просвещения и духовных дел М. С. Дринов приложил большие усилия, чтобы дать такую организацию и такое направление народному образованию, которые отвечали бы требованиям новой жизни и достижениям науки. Мероприятия Дринова были всесторонне продуманы и свидетельствовали о глубоком знании условий и традиций Болгарии и использовании опыта других стран, особенно России. Основы введенной профессором М. Дриновым системы народного образования, которая имела прогрессивный буржуазно-демократический характер, сохранились и после Освобождения (см. 92, стр. 58 и сл.).

№ 96

*1878 г. июля 27. — Отношение В. Г. Золотарева А. И. Липинскому о запрещении переселения болгарам — жителям Адрианопольской губернии в пределы Восточной Румелии и княжества Болгарии **

№ 1353

Филиппополь

По докладе императорскому комиссару донесения вашего превосходительства за № 468 его сиятельство изволил приказать: «Болгарам-беженцам разрешить переселяться на прежние места жительства в пространстве, занятом нашими войсками; что же касается до оседлых жителей Адрианопольского губернаторства, то переселение их во внутрь Болгарии разрешено быть не может»¹.

О чем, по приказанию императорского комиссара, имею честь сообщить вашему превосходительству

Заведующий отделом генерал-майор Золотарев

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 24, л. 78. Подлинник.

1. Соображения А. М. Дондукова-Корсакова, вызвавшие это решение, состояли в том, чтобы сохранить болгарское население в Восточной Фракии. Но позднее из-за репрессий со стороны турецких властей было разрешено болгарскому населению переселяться в пределы освобожденной Болгарии.

№ 97

1878 г. июля 27. — Записка И. С. Иванова А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости упрочения положения болгарского населения в Южной Болгарии

Сливно

Участь Южной Болгарии, по-видимому, Берлинским конгрессом уже решена.

Эта часть Болгарии, наиболее страдавшая и в последнее время совершенно почти истерзанная турками, которая и вызвала эту ужаснейшую кровавую войну, под чуждым для нее именем Румелии осуждена представителями Западной Европы на отделение от своих братьев. Вместо лучшего будущего, которого прежде всего заслужила эта Болгария, она ныне лишена даже и того, чем она пользовалась при турецком правительстве, именно связи со своими братьями. Этой несчастной, совершенно разоренной стране, где ныне тысячи жертв почти без крова, предстоят еще новые испытания под будущим разнородным управлением.

Имея свою задачу подавление славянского направления в этой Болгарии, новое управление, без сомнения, будет придумывать различные способы для достижения этой цели. Вероятно, и программа для будущих его действий уже составлена в Англии.

* См. док. 140, 165.

Думая, что ныне славянские комитеты уже избрали эту Болгарию для своих будущих действий, западная пропаганда не будет пренебрегать никакими средствами для подавления славянского и усиления антиславянского направления.

Если, к несчастью, нам придется уже оставить эту благодатную страну, то нужно теперь же, пользуясь своим настоящим положением, усилить в ней элементы для предстоящей борьбы *.

Следующие меры были бы не лишними для упрочения положения болгарского населения в Южной Болгарии.

1. Прежде всего необходимо до выхода нашего из этой части заместить весь персонал в администрациях и самих окружных начальников местными уроженцами **. Этим смешанная комиссия будет лишена всяких оснований к замещению этих должностей неместными уроженцами, иначе она может поставить на эти места и неболгарских уроженцев и будет иметь оправданием своим то положение, которое она застала ¹.

2. Открыть в селениях и городах, где только окажутся какие-либо помещения, училища мужские и женские, относя содержание главных из них на счет общих доходов ***.

3. Учредить в Филиппополе или в Сливне банк под названием Болгарского национального банка ****, с каким бы ни было фондом, лишь бы только подобное учреждение получило свое основание за время нашего управления этим краем, поставив целью его по уставу выдачу ссуды пострадавшим болгарам в Южной Болгарии без различия званий и состояний. Если этот банк будет открыт в Филиппополе, во всех остальных главных городах Южной Болгарии он должен иметь свои отделения, которые могут собою заменить земледельческие кассы ².

Директор и члены банка должны быть непременно по выбору населения с той целью, чтобы этим можно было бы удержать в нем болгарский элемент и охранять его национальные цели. Только посредством такого именно чисто национального банка представляется возможность помочь разоренному болгарскому населению, как, например, Ямболя, Ени-Загры, Ески-Загры, Казанлыка, Калофера, Шибки, Карлова, Сопота и проч. материальными средствами к новому обзаведению и к занятиям своими обычными делами. Этот банк может иметь и права домовладельческого банка. Ссуда должна даваться на более или менее продолжительное время и с процентами не более 6 в год на сто.

4. Из многих мест, в особенности же из остающихся в Турции, болгаре под влиянием грозной вести о печальном решении их участи замышляют выселиться в Северную Болгарию, но этому не следовало бы содействовать ****, потому что этим выселением совершенно будет ослаблен болгарский элемент в этих местах, которые в таком случае сделаются потерянными для болгар, а для турок они станут прочным достоянием, может быть, еще на сотни лет. В этих видах Западная Европа, без сомнения, будет содействовать выселению болгар из всех частей Южной Болгарии и Македонии. В интересах болгар следует способствовать не только к удержанию нынешнего болгарского населения на своих местах, но даже нужно всеми мерами содействовать к усилению болгарского элемента в этих местах, в особенности же молодую интеллигенцию, для борьбы с другими враждебными славянству элементами *****.

* *Помета П. А. Грессера*: О прикомандировании лучших офицеров к управлению. . . (далее два слова неразобраны) частью будут готовы занять должности окружных начальников и облегчить работы по управлению. П. Грессер.

** *Помета П. А. Грессера*: Приказано иметь в виду непограничные округа и те, где не будет приход войск. П. Грессер.

*** *Помета П. А. Грессера*: Приказано оставить без последствий. П. Грессер.

**** *Помета П. А. Грессера*: То же. П. Грессер.

***** *Помета П. А. Грессера*: Общий вопрос. Приказано составить особое дело. П. Грессер.

***** *См. док. 140, 149, 216, 279, 315 и примечания к ним.*

Снабдив Южную Болгарию такого рода средствами, можно этим усилить в ней нравственные силы, которыми можно преодолеть и даже до такой степени ослабить все другие в ней элементы, что они сделаются совершенно безопасными.

Без сомнения, и Северная Болгария не менее того будет нуждаться в молодых силах, но, находясь в наших руках, она постепенно будет снабжаема ими. Главное — Южная Болгария, и на нее должно быть обращено все внимание, потому что иначе она может оказаться не в далеком будущем совершенно потерянною для нас.

Статский советник Иванов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1341, лл. 9—14. Подлинник.

1. Это предложение И. С. Иванова шло в русле основной линии русского гражданского управления в вопросах административного устройства Болгарии, ориентации его на развитие самоуправления и постепенную замену русского аппарата местными кадрами. В связи с изменением условий в результате решений Берлинского конгресса (сокращение срока оккупации с двух лет до девяти месяцев и необходимость согласования своих действий со взглядами европейских держав) приобрел особое значение вопрос о замене русских кадров административного аппарата местными уроженцами (см. 80, вып. 3, стр. 138—139, 142, 233—234, 269; 61, стр. 266; 68, т. III, стр. 105—108; док. 279, 315, 353 и примечания к ним).

2. Банк не был создан, так как финансы Восточной Румелии по решению Берлинского трактата (ст. XIX) были переданы в руки Европейской комиссии по организации Восточной Румелии. Предложение Европейской комиссии о предоставлении Румелии займа константинопольскими банками с привлечением болгарских земледельческих касс вызвало резкий отпор со стороны русских властей ввиду опасности закабаления страны иностранным капиталом и не было осуществлено (см. 80, вып. 3, стр. 246—247).

№ 98

1878 г. июля 28. — Письмо командира Гренадерского корпуса И. С. Ганецкого А. К. Имеретинскому со сведениями об отряде болгарского воеводы Петко Кирьякова¹

№ 275

Милостивый государь светлейший князь
Александр Константинович!

Получив от вас весьма секретное письмо за № *, я распорядился тотчас же послать состоящего по особым поручениям при штабе Генерального штаба капитана Волкова собрать на месте сведения о Петко и, если можно, то войти с ним в личное сношение и предложить ему удалиться из Родопских гор; офицер этот с успехом исполнил возложенное на него поручение и лично передаст вашей светлости все, касающееся значения личности Петко и его действий. Петко дал слово отправиться в Болгарию в г. Тырново чрез несколько дней; небольшая отсрочка ему нужна для устройства домашних дел. Он просит о денежной помощи на проезд, которая, согласно вашего письма, будет ему дана². Петке, который до настоящего времени свободно посещал места, занятые нашими войсками, тем не менее объявлено, что если он не исполнит слова в кратчайший срок, то будет арестован.

Собственно говоря, Петко, по собранным сведениям, не есть разбойник по профессии, а только — политический враг Турции.

По его словам, шайка его состоит из таких же преданных делу освобождения болгар от турецкого ига. Он исключает из своей шайки всех тех, кто начинает заниматься грабежом, и недавно сам поймал 6 человек таких лиц и представил их русским властям.

При этом считаю не лишним присовокупить, что по заключении мира враждебные действия Петко против турок прекратил, и Петко не агитировал все это время, так что турецкому правительству и иностранным консулам не

* Пропуск в документе.

было бы повода жаловаться на особое будто покровительство русских Петко, если бы не действия дедеагачского окружного начальника поручика графа Стенбока-Фермора, который позволил себе взять в свой конвой лиц из шайки Петко и даже при посредстве его собирать подати с населения. Такое бестактное поведение Стенбока-Фермора вынудило меня предложить адрианопольскому губернатору удалить этого офицера от занимаемой им должности.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть.

Подлинный подписал генерал от инфантерии Ганецкий

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7223, лл. 65—66 об. Заверенная копия.

1. Партизанский отряд Петко Кирьякова во время русско-турецкой войны действовал во Фракии, где встретил русскую армию и продолжил вместе с ней боевые действия против турок. В одном из боев Петко был ранен и отправлен в русский полевой госпиталь (см. 74, стр. 27—90; 45, стр. 79). Комментируемый документ дает новые сведения о боевой деятельности отряда Петко. В июне 1878 г., когда обострилась обстановка в Родопах, отряд Петко провел разведку в расположении мятежников, доставив в штаб Гренадерского корпуса ценные данные о размещении турецких отрядов, их вооружении, действиях английских офицеров-эmissаров среди мятежников (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7223, лл. 67—70 об.).

Упомянутое в документе обстоятельство вызвало протесты турецкого правительства и английского консула, побудившие А. К. Имеретинского, действуя по поручению главнокомандующего, просить И. С. Ганецкого «тем или другим способом. . . предложить Петко удалиться из Деде-Агача и его ближайшего района». Учитывая военные заслуги Петко и его финансовые затруднения, было решено «снабдить его некоторою суммою» (там же, л. 70 об.).

2. Как сообщал 11 августа 1878 г. И. С. Ганецкий, он «выдал в пособие Петке четыреста полумпериалов. . . от Петко я получил расписку в получении и честное слово, выраженное письменно, что он с сего 11 августа удалится из мест расположения наших войск и более показываться не будет» (там же, л. 75).

№ 99

1878 г. июля 28. — Предписание Г. И. Шигорина Самоковскому городскому совету о ремонте дорог и мостов

№ 1011

Самоков

Императорский комисар [е] забележил, че в течението на войната съобщението на пътищата в България [са] стигнали до крайна несгодност: пътищата между селата не са поправени, тъй също и мостовете, канавите израсипани; шосейните пътища развалени, на които се образували дупки; а на някои места всичката повърхност представлява непроходимо място от испревърнати камъци. Такъво состояние на пътищата после войната и после освобождението на населението от разни [ан]гарии от войната не може да се търпи за напред; това состояние на пътищата сега прештатствува за движение, а у есен и зимас заплашува, ако не совсем да прекрати съобщенията, то да ги воспре на малко или на повече время, което скоро може да произведе лоши последствия на цялата страна.

По тая причина императорский комисар заповяда сега за благовременно да се обърне особно внимание, тъй щото по свършванието на полските работи, без да се губи время да се захване коренното поправление на пътищата.

За което и трябва:

1) всичките пътища да се разделят на части, като се припишат към близките до них села, които да ги поправят;

2) откак се припишат селата към известните части на пътищата, да се покаже на населението, кое от пътът и как е длъжно да поправи, да се задължат подлежащи[те] и селските и полицейските власти да наглеждат за поправянието на пътищата под тяхната отговорност;

3) да се вмести за безусловна длъжност на г-да окружните началници постоянно от тяхна страна наглеждане за исправното состояние на пътищата, при което: както между селските пътища и малките по них направи,

така и шосейните да се държат в исправност с[ъс] средствата на местното население.

Като съобщавам настоящата заповед на негово сиятелство, за потребното изпълнение предизвеждавам совету, че на исправността на всичките пътища е обрнато особено внимание от императорският комисар и за това моля совету да приеме всякакви мерки, щото всичките пътища да се исправни, мостовете и саваците * да са поправени **.

Освен това не считам за излишно да предупреда совету, че членът от совету на комисарът, управляющий отделението на вътрешните дела, вече е излязнал за ревизия на Видинският санджак, от гдето ще дойде за ревизия на Софийският; следователно, потребно е да се земе грижа, щото при неговото дохождане пътищата да са поправени.

Майор Шигорин

СГОДА, ф. 41 К, оп. 1, д. 434, лл. 80—82. Подлинник.

№ 100

1878 г. юлия 29. — Протокол заседания Софийского городского совета по выборам членов училищного комитета ***

София

Заседание колегиално на градският управителен съвет, придружено от присъствието на кварталните кметове и други граждани.

Присъствуваха: Председател Д. Н. Коцев, членове: Ив. Андонов, Ст. Цветков, М. К. Буботинов, Д. Михайлов, Д. Д. Македонски, Тодор Пешов, Д. Х. Манов, Д. Петров, Никола Георгиев, иконом поп Тодор, С. А. Тумпаров, Кръсто М. Нешев, Божил Кръстов, Божил Манолов, Исаия Геошев, Таки П. Митов, Йордан Стоянов, Хр. Димитров, Манол Георгиев, Стоян Тодоров, Стоичко Йотов, Исаия Сотиров, Вучко Лазаров, Ленко Станов, Косто Андонов, Петър Стоянов и Петър Илиев.

Разгледваха: Въпросът по избирането на училищен комитет ****.

Справка: Прочете се предписанието от г-на губернатора чрез полицмейстерът под № 738 юлий 16 и като се взе пред вид належащата нужда за отварянието на училищата: написаха се за кандидати следующите лица: Михал Веселинов, Никола Георгиев, Д. Михайлов, Д. Х. Янков, Косто Андонов, Д. Х. Манов, иконом п[оп] Тодор, Васил Андонов, Георгий Величков, Симо Георгиев, Никола Спириков, Атанас Петров, Атанас Филипов, Симеон Андонов и Манол Митов. После чрез тайно гласоподаване се избраха от тия кандидати за членове на комитетът: иконом п[оп] Тодор, Д. Х. Манов, Д. Михайлов, Никола Георгиев и Михал Веселинов.

Постановили: Избраните с тайно гласоподаване 5 лица, именно г-да Д. Х. Манов, иконом поп Тодор, Д. Михайлов, Никола Георгиев и Михал Веселинов, да съставляват училищният комитет и незабавно да се занимаят с делото на комитетът, като започнат за сега от финансовата негова част.

Председател

Членове: Д. Н. Коцев

Д. Димов

С. Цветков

Член секретар М. К. Буботинов

СГОДА, ф. 1 К, оп. 1 д. 21, лл. 20—21. Подлинник.

* Сооружения для регулирования уровня воды.

** О деятельности русского гражданского управления в этом направлении см. М у р а т о в. Документи за дейността на русите по уредбата на гражданското управление в България от 1877—1879 год. София, 1905, стр. 139—208; М. И. М а д ж а р о в. Источна Румелия. София, 1925, стр. 40—41.

*** Протоколы заседаний и решения Софийского городского совета по различным вопросам см. СГОДА, ф. 1 К, оп. 1, д. 21, лл. 16—17.

**** См. примечание 1 к док. 59.

№ 101

1878 г. июля 30. — Предписание М. А. Домонтовича губернаторам
об учете доходов с земель бежавших турок *

В дополнение предложения от 14 июля за № 1106, при котором препровождена к вам для исполнения копия журнального постановления совета от 30 минувшего июня **, канцелярия императорского российского комиссара, по приказанию его сиятельства князя Дондукова-Корсакова, имеет честь просить ваше превосходительство вести поименный счет половине произведений земли, собранных с земельных участков всех бежавших мусульман, а также деньгам, вырученным от продажи сих произведений, на тот конец, чтобы при возврате мусульманам упомянутых денег не были встречены недоразумения, и затем по истечении каждого месяца доставлять в канцелярию именные ведомости по прилагаемой форме ***.

При этом канцелярия считает необходимым обратить внимание ваше на 5-й пункт упомянутого журнального постановления, по смыслу которого при возврате мусульманам половины урожая как натурою, так и деньгами должна быть удерживаема с этой половины десятая доля в поземельный налог; постановление это должно быть исполнено вами во всей точности.

Директор канцелярии генерал-майор Домонтович
Начальник отделения Ярецкий

Помета И. В. Белоцерковца: К исполнению ежемесячно ****.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32639, л. 63—63 об. Подлинник.

№ 102

1878 г. июля 31. — Письмо Д. А. Милютина Н. К. Гирсу о мерах
по организации в Восточной Румелии полиции и жандармерии *****

№ 373

Секретно

Милостивый государь Николай Карлович!

Имея в виду необходимость принятия безотлагательных мер к устройству в Восточной Румелии полицейской части и корпуса жандармов, которые ко времени выхода наших войск явились бы уже совершенно организованною силою, способною обеспечить внутреннее спокойствие страны, государь император высочайше повелеть соизволил командировать специально для этой цели в распоряжение генерал-адъютанта князя Дондукова-Корсакова корпуса жандармов полковника Янковского. Вместе с сим с князем Дондуковым-Корсаковым сделано сношение о созвании особой комиссии из высших представителей временной болгарской администрации, в которой полковник Янковский был бы членом и делопроизводителем, для обсуждения и выработки проекта устройства полиции и жандармов на основаниях, общих для княжества Болгарии и для Восточной Румелии. На последний пункт обращено особенное внимание, так как тождественность если не всех, то по крайней мере некоторых важнейших учреждений в обеих Болгариях, Северной и Южной, может иметь со временем политическое значение.

Как только комиссия выработает проект, то для выигрыша времени он тотчас же будет утвержден князем Дондуковым-Корсаковым и немедленно

* См. док. 74, 81, 86.

** См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 5. СПб., 1906, стр. 307—310.

*** См. то же дело, л. 64.

**** Публикуемый экземпляр предписания был направлен тульчинскому губернатору И. В. Белоцерковцу.

***** См. док. 187.

приведен в исполнение, дабы поскорее заявить перед Европейскою организационною комиссией полную способность Восточной Румелии к самоуправлению и автономному существованию.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Д. Милютин

АВПР, ф. Политархив, 1877 г., д. 2131, лл. 63—64. Подлинник.

№ 103

*1878 г. августа 5. — Дешеша Министерства иностранных дел А. Б. Лобанову-Ростовскому о приостановлении переговоров по заключению окончательного мирного договора с Турцией до разрешения вопросов о сдаче крепостей и возмещении военных убытков **

Les deux dernières expéditions de votre excellence, en date du 20 et du 24 Juillet dernier ¹, ont été placées sous les yeux de l'empereur. Sa majesté en a pris connaissance et a daigné approuver entièrement les considérations qui vous ont engagé à remettre les négociations d'un traité définitif de paix avec la Porte, jusqu'au règlement préalable de la question des forteresses.

Il est certain que dans les négociations que vous aurez à conduire, la question de l'indemnité de guerre présentera les plus sérieuses difficultés, mais, si d'un côté, en vue des embarras financiers de la Porte, notre auguste maître est disposé à lui accorder toutes les facilités possibles, quant au terme et aux conditions du paiement et des obligations pécuniaires vis-à-vis de nous, — sa majesté ne voudrait pas, d'un autre côté, admettre l'abandon complet de cette indemnité de guerre vu que le maintien en principe de nos droits sous ce rapport pourrait toujours nous offrir une arme utile et un moyen de pression que nous ne saurions négliger.

En laissant entrevoir à Savfet-pacha les dispositions magnanimes de sa majesté l'empereur, votre excellence offrira au grand vizir le moyen d'indiquer lui-même le mode et les facilités de paiement qui conviendraient le mieux à la Porte. Vous voudrez bien alors nous informer des ouvertures que vous serez faites et le cabinet impérial y répondra par le meilleur vouloir sans renoncer toutefois aux principes et aux droits que le traité de Berlin a solennellement confirmés.

Recevez, etc.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 34, лл. 249—250. Отпуск.

Перевод

Два последних донесения вашего превосходительства, от 20 и 24 июля с.г.¹, были представлены императору. Его величество ознакомился с ними и благоволил полностью одобрить соображения, побудившие вас отложить переговоры об окончательном мирном договоре с Портой до предварительного урегулирования вопроса о крепостях.

Очевидно, что в предстоящих вам переговорах вопрос о возмещении военных издержек вызовет серьезнейшие трудности; но если, с одной стороны, наш августейший государь, учитывая финансовые затруднения Порты, расположен предоставить ей все возможные льготы, касающиеся срока и условий выплаты и ее денежных обязательств по отношению к нам, то, с другой стороны, его величество не желал бы допустить полный отказ от этого возмещения, принимая во внимание, что принципиальная поддержка наших прав в этом отношении всегда сможет доставить нам полезное орудие и средство давления, которым мы не станем пренебрегать.

Позволив Савфет-паше предугадать великодушные расположения его императорского величества, ваше превосходительство даст великому визирю средство самому указать спо-

* См. док. 73, 197, 227.

соб и все необходимые условия выплаты, которые бы наиболее устраивали Порту. Сблаговолите затем сообщить нам о предложениях, которые будут вам сделаны, и императорский кабинет ответит на них наилучшим образом, не отказываясь, впрочем, от принципов и прав, торжественно подтвержденных Берлинским трактатом.

Примите и пр.

1. Донесения А. Б. Лобанова-Ростовского от 20 июля (1 августа) 1878 г. за № 55—57 касаются позиции австрийского посла в Константинополе Зичи в Родопской комиссии (№ 55), вопроса об эвакуации Варны, Шумлы и Батума (№ 56), донесений из Бейрута о водворении английской администрации на Кипре (№ 57) — АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 31, ч. 2, лл. 83—99.

Из донесений А. Б. Лобанова-Ростовского от 24 июля (5 августа) за № 58—63 к данному вопросу относятся донесения за № 59 о переговорах в связи с эвакуацией Батума и № 60 о заключении окончательного мирного договора с Портой (АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 31, ч. 2, лл. 156—161).

№ 104

1878 г. августа 6. — Письмо М. С. Дринова А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости присоединения к Болгарской экзархии епархий с болгарским населением

Милостивый государь
князь Алексей Борисович!

В числе вопросов, более всего затрагивающих интересы болгар, которых сильно волнует будущность положения, созданного им Берлинским конгрессом, один из главных есть вопрос церковный. Статья 62-я Берлинского трактата, касающаяся в общих чертах церковно-религиозных отношений в Турции, гласит: «*Богослужение и обряды всех исповеданий будут совершенно свободны, и никакие стеснения не могут быть делаемы в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в их отношениях к их религиозным начальникам*». Вероятно, подробности и практическое применение этих постановлений конгресса будут составлять предмет весьма сложных и враждебных интересам болгарской церкви прений на предстоящей в Константинополе конференции. В этих видах, по тщательному изучению этого вопроса и по совещанию с главными лицами болгарского духовенства и компетентными по этому предмету личностями, составлена по поручению моему прилагаемая при сем записка * с историческим изложением дела и с выражением, с одной стороны, весьма оправдываемых предшествующими действиями греческого духовенства опасений болгар, а с другой — их надежд и желаний об упрочении самостоятельности болгарской церкви, на что, по мнению моему, они имеют как историческое право, так и, по султанскому фирману и постановлению Берлинского конгресса, совершенно законные основания.

Считая полезным препроводить вашему сиятельству для ваших соображений настоящую записку, я, отстранив из нее все то, что может считаться преувеличенными *ria desideria* ** болгар, позволю себе высказать вам откровенно мои убеждения и взгляд по этому вопросу.

1. Что касается епархий, вошедших уже в состав экзархата на основании султанского фирмана, то об оных не может быть и речи. Полагаю, что никаких не может встретиться затруднений присоединить к экзархату и епархии Дебрскую, Полянскую и Струмицкую, где приготовительные работы для этого присоединения были уже сделаны турецким правительством и только завершение дела было приостановлено. Присоединение этих епархий составляет, по моему мнению, для нашего правительства нравственную и политическую обязанность.

* Черновик записки на русском языке см. в том же деле, лл. 128—135. Опубликовано на болгарском языке у М. С. Дринова (Съчинения, т. 3. София, 1915, стр. 59—65). Об истории составления ее см. там же, стр. 168—169.

** *Благие пожелания* (лат.).

2. Вопрос относительно остальных девяти епархий, на которые претендуют болгаре, я полагал бы разделить на две части:

а. Относительно епархий Мельникской, Могленской, Воденской и Битольской, в которых нет ни одного греческого селения, может быть, и представится необходимость проверки населения, но положительное преобладание в них болгарского населения и отсутствие греческого может только служить подтверждением законности желания жителей и прав их на присоединение к болгарской церкви.

б. Что касается до епархий Сересской, Костурской, Драмской, Солунской и Адрианопольской, в которых встречаются и греческие селения, то вопрос этот в глазах моих представляет большое затруднение к разрешению его в смысле, желаемом болгарами. Вашему сиятельству по ходу конференции и отношению к этому вопросу представителей других держав ближе возможно будет судить, может ли это дело получить теперь же на конференции удовлетворительное разрешение или же должно быть предоставлено времени и будущему. Позволю себе только высказать, что, по мнению моему, присоединение Адрианопольской епархии к экзархии необходимо: значительное количество болгарского населения, находящегося в Адрианопольском санджаке, который в силу трактата отходит к Турции, отказалось, как я убедился на месте, от подчинения константинопольскому патриарху и признает только болгарского экзарха. Оставление болгар без духовного управления и опоры в таком центре, как Адрианополь, может только подать повод к значительным осложнениям и беспорядкам, которые неминуемо потребуют вмешательства нашего посольства и правительства.

В заключение считаю не менее важным высказать свой взгляд пред вашим сиятельством и на политическую сторону этого дела, особенно по отношению к Македонии. Оставив болгарское население этого края без духовной православной опоры и связи с их единоплеменниками, мы их положительно подвергаем всем козням греков и, что всего опаснее, Австрии, влиянию которой будет теперь гораздо легче распространяться из Боснии к Эгейскому морю, а несомненное стремление Австрии к окатоличению болгар и попытки, которые она уже делала в этом смысле, хорошо известны вашему сиятельству ¹.

НБКМ—БИА, ф. 111, д. 22, лл. 124—127. Копия.

1. Епархии, находящиеся под управлением Константинопольской патриархии, автоматически переходили к введению греческого языка в богослужении и в народных училищах, в то время как церковное управление экзархии обеспечивало болгарскому населению использование церковнославянского и болгарского языков в церквях и народных училищах, а точно так же и избрание болгарских настоятельств для них. Это было и преградой против денационализаторских стремлений греческой патриархии и греческой буржуазии по отношению к болгарскому населению в спорных епархиях. Подробнее см. 66; 69; примечание 1 к док. 288, стр. 322; 89.

№ 105

1878 г. августа 6. — Предписание Г. И. Шигорина Самоковскому городскому совету о привлечении к ответственности возвращающихся турок, совершавших в прошлом насилия над болгарами

№ 1094

Самоков

По заповедта на г-на софийский губернатор от 4 сего августа под № 2860 ¹ предлагаю совету, че ако му се заяви някакво оплаквание от страна на някого от българското население против някого от возвращающите се на предшното си жителство турци за някакви насилия, зверства и преступления извършени над христианите до и во время бягството на турците, то неза-

бавно да ми се известява за подобно нещо, като се направи потребното испытание за представяние на оплакванието г-ну софийскому губернатору, който от своя старна ще предава виноватите на военный полевой съд.

Майор Шигорин

СГОДА, ф. 41 К, оп. 1, д. 433, л. 56. Подлинник.

1. Распоряжение губернатора было издано согласно § 2 постановления Совета российского комиссара в Болгарии от 2 августа 1878 г. (см. 80, вып. 5, стр. 311).

№ 106

1878 г. августа 10. — Циркулярное письмо Ф. Л. Гейдена об организации саперных частей Болгарского земского войска *

№ 806

Имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что государь император в 3-й день сего августа высочайше повелеть соизволил привести в исполнение нижеследующие меры для организации саперных частей в составе Болгарского земского войска, для обучения дружин сего войска саперному делу, в изменение прежнего предположения о сем, изложенного в высочайше утвержденной инструкции для обучения ратников Болгарского войска ¹.

1. Для образования кадров офицеров и нижних чинов двух болгарских саперных рот назначить из инженерных частей Действующей армии 6 офицеров, 32 унтер-офицера и 48 ефрейторов.

2. Для окончательного сформирования этих рот укомплектовать их до штатного состава ратниками, уже прослужившими в Болгарском ополчении и вполне соответствующими такому назначению.

3. Для практических занятий болгарских саперных рот устроить учебный полигон, например в Тырнове или в другом пункте, который признан будет наиболее удобным для этой цели.

4. Для обучения саперным работам и для распространения сведений по саперной части в дружинах болгарских прикомандировать на определенный срок к саперным ротам и к учебному полигону от каждых трех дружин по 1 офицеру из болгар и от каждой дружины по 16 ратников, по возвращении коих в свои части заменять другими в том же числе **.

Начальник Главного штаба генерал-адъютант Гейден

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7900, лл. 166—167. Подлинник.

1. По первоначальным планам организации болгарской армии специальные военно-инженерные части не создавались. Для инженерной подготовки ратников Земского войска из состава оккупационной армии предполагалось выделить 216 унтер-офицеров из инженерных частей (по 8 человек на пешую дружину), что привело бы к ослаблению саперного батальона оккупационной армии.

22 июля 1878 г. Э. И. Тотлебен просил разрешения сформировать в составе Земского войска две болгарские саперные роты, которые стали центром подготовки сапер для болгарской армии (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7900, лл. 151—152). 3 августа, как видно из комментируемого документа, было разрешено формирование саперных рот. В сентябре 1878 г. были сформированы две роты — строевая и учебная, в которых числилось 484 нижних чина из болгар и 80 унтер-офицеров и ефрейторов-инструкторов из русской армии.

Земское войско получило от русской армии большие запасы военно-инженерного имущества: 27 900 саперных лопат, телеграфный парк с инструментами, запасы взрывчатки, инструменты для военно-топографических работ (подробно см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7900, лл. 270—271).

* Направлено товарищу генерал-фельдцейхмейстера, главному интенданту, начальнику канцелярии Военного министерства, начальнику Главного управления иррегулярных войск, главному военно-медицинскому инспектору, и. д. товарища генерал-инспектора по инженерной части.

** См. док. 66, 75, 82 и примечания к ним.

1878 г. августа 12. — Предписание И. С. Иванова люле-бургас-баба-эскийскому окружному начальнику Н. Р. Овсяному о подготовке к открытию училищ и создании училищного настоятельства

№ 1629

Сливно
Циркулярно

Ввиду необходимости в скорейшем открытии училищ в городах и селениях, где только представится возможность, и что попечения и забота об них относится к главным обязанностям управительных советов, я прошу вас, милостивый государь, обратить на этот предмет серьезное внимание управительных советов, которые должны немедленно приступить к обсуждению вопроса об открытии училищ и о составлении бюджета на содержание их, указав и источники на содержание их.

Впредь до издания правил управления училищами составить училищное настоятельство для управления училищами и попечения об них *.

Училищное настоятельство должно быть составлено из членов, более или менее знакомых с учебным делом, но не иначе, как по выбору их управительными советами и с представлением их мне на утверждение.

И. д. губернатора Иванов

Помета: Сообщить копии советам и предложить к исполнению.

ЦГВИА, ф. ВУА, 32785, лл. 9—10. Подлинник.

№ 108

1878 г. августа 13 (25). — Донесение русского генерального консула в Белграде А. И. Персиани Н. К. Гирсу о провозглашении независимости Сербии и о наметившемся австро-сербском сближении

№ 32

Belgrade

Monsieur le sénateur!

Après que le consul général d'Allemagne eût officiellement communiqué au gouvernement serbe l'instrument du traité de Berlin, la solennité de la proclamation de l'indépendance a été fixée au 10 (22) Août.

Durant toute cette journée, où plus d'une fois l'occasion s'était présentée de faire preuve de reconnaissance envers la Russie, je n'ai pu constater l'expression de ce sentiment que dans un paragraphe de la proclamation du prince de Serbie à son peuple, — document que j'ai l'honneur de joindre ci-près en original et en traduction.**

A mes yeux c'était faire parade d'ingratitude et j'ai cru devoir relever ce fait.

Si le gouvernement serbe n'avait en vue que d'éviter toute démonstration officielle pouvant froisser les susceptibilités des Puissances signataires du traité de Berlin et spécialement celle de l'Autriche-Hongrie, il aurait eu la faculté de rendre à la Russie par voie détournée les hommages qui lui étaient dûs.

Mais tel ne paraît pas avoir été le cas. Ainsi, par exemple, le métropolitain, dans son sermon à la cathédrale, — sermon qui n'était autre chose qu'un panegyrique du prince, de son gouvernement et de son armée, — n'a pas même jugé opportun d'y faire mention du nom de la Russie.

* См. примечания к док. 59.

** См. то же дело, лл. 223—224 об.

C'est sous cette impression que m'étant rendu au dîner de gala qui se donnait ce jour au palais, j'ai tenu à exprimer le sentiment de mécontentement que j'éprouvais, et m'adressant au métropolitain je lui ai dit publiquement que «j'avais été très étonné que dans son sermon du matin il ne se fut pas trouvé de place pour le nom auguste de sa majesté l'empereur».

Je fis cette même observation à Mr. Ristitch et au prince Milan.

Heureux de pouvoir échapper à la responsabilité qui lui incombait, le ministre des affaires étrangères l'a laissé retomber sans scrupule sur le prélat, qui de fait n'est qu'un instrument docile entre ses mains.

Le prince à son tour, tenant à atténuer l'impression que ce manque de convenance avait produit sur moi, a redoublé, depuis lors, de prévenances personnelles à mon égard, dans l'espoir peut être que les preuves d'amitié dont il m'honore, me feront envisager d'un œil plus optimiste la politique que le gouvernement serbe me paraît inaugurer.

Je ne puis en effet me dissimuler, monsieur le sénateur, le fait d'un rapprochement qui se manifeste ostensiblement entre les gouvernements de Serbie et d'Autriche ¹.

Le prince lui-même, dans un excès de zèle, fournit à Mr. de Wrede les renseignements qui lui parviennent sur la situation des insurgés bosniaques.

Si son altesse est aussi communicative envers le représentant de l'Autriche, qu'elle a de tout temps tenu à l'écart et contre lequel elle est particulièrement prévenue, c'est que dans les circonstances actuelles, les considérations politiques priment dans son esprit les répugnances personnelles, — et pour ceux qui connaissent le caractère obstiné du prince ce revirement est un symptôme des plus significatifs.

Ce revirement est-il feint ou sincère, — telle est la question qu'il reste à élucider.

Les explications, que Mr. Ristitch m'a donné a ce sujet avant son départ sont des plus rassurantes: «Je suis Serbe avant tout, m'a-t-il dit, et vous serez content de moi».

La situation me paraît trop grave pour que je puisse m'en remettre aveuglément à cette promesse et j'ose solliciter le contrôle de l'action de Mr. Ristitch à Vienne par notre ambassade.

Si je prends la liberté d'attacher de l'importance à cette question, — ce n'est pas au point de vue de l'influence morale que l'Autriche pourrait acquérir dans ce pays, où son nom même est abhorré, mais à celui des liens matériels, indissolubles qui, — sous la forme d'un traité de commerce onéreux ou d'une convention de chemin de fer privilégiée créeraient à la Serbie. Ce serait une situation voisine de celle de la vassalité ².

J'ai eu si souvent l'occasion de signaler ces dangers au prince Milan et à Mr. Ristitch qu'en aucun cas ils ne pourront se retrancher derrière le prétexte de ne pas en avoir été prévenus à temps.

Ce qui m'inspire le plus de crainte dans l'état actuel de choses c'est l'absence d'honorabilité qui, en dehors de très rares exceptions, est le trait distinctif des hommes politiques de ce pays. Ils sont accessibles à la concussion et je ne saurais me porter garant du desintéressement de Mr. Ristitch en face des offres brillantes qui pourraient lui être faites par une riche compagnie de chemin de fer.

J'ai l'honneur d'être, avec le plus profond respect, monsieur le sénateur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

Persiani

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 17, лл. 215—220. Подлинник.

*Перевод
Белград*

Господин сенатор!

После того как германский генеральный консул официально сообщил сербскому правительству текст Берлинского трактата, торжество провозглашения независимости было назначено на 10 (22) августа.

В течение всего этого дня не раз представлялась возможность проявить признательность России, но я смог заметить выражение этого чувства лишь в одном параграфе обращения сербского князя к народу — документа, который я имею честь препроводить при сем в оригинале и в переводе.

На мой взгляд, это афиширование неблагодарности, и я счел долгом обратить внимание на этот факт.

Если бы сербское правительство стремилось лишь избежать официальной демонстрации, могущей задеть самолюбие держав, подписавших Берлинский трактат, и особенно Австро-Венгрии, оно могло бы найти способ воздать России заслуженные ею почести.

Но, очевидно, не в этом дело. Так, например, митрополит в своей проповеди в соборе, явившейся ничем иным, как панегириком князю, его правительству и его армии, не счел уместным даже упомянуть имя России.

Под этим впечатлением я отправился на парадный обед, который в тот день давали во дворце, и был вынужден выразить чувство неудовольствия, которое я испытывал: обратившись к митрополиту, я сказал ему во всеуслышание, что «был очень удивлен, не услышав в его утренней проповеди упоминания августейшего имени его императорского величества».

Это же замечание я сделал Ристичу и князю Милану.

Радуюсь, что он может избежать возлагаемой на него ответственности, министр иностранных дел без стеснения свалил ее на представителя церкви, являющегося в действительности лишь послушным орудием в руках министра.

Князь в свою очередь, стремясь смягчить впечатление, произведенное на меня этой невежливостью, с недавнего времени удвоил свою ко мне предупредительность в надежде, может быть, на то, что эти доказательства дружбы заставят меня смотреть более оптимистически на политику сербского правительства.

Действительно, я не могу скрыть, господин сенатор, факта сближения, заметно проявляющегося в отношениях между правительствами Сербии и Австрии¹.

Сам князь в избытке рвения доставил г-ну де Вреде полученные им сведения о положении боснийских повстанцев.

Если его высочество столь откровенен с представителем Австрии, которого он до сих пор держал в отдалении и против которого был особенно предубежден, то это значит, что при теперешних обстоятельствах политические соображения превосходят его личные антипатии, и для тех, кто знает упрямый характер князя, эта перемена является весьма знаменательным симптомом.

Притворен этот поворот или искренен — вот вопрос, который надлежит выяснить.

Объяснения, данные мне Ристичем по этому поводу перед его отъездом, весьма успокаивающие: «Я прежде всего серб, — сказал он мне, — и вы будете мною довольны».

Положение мне кажется слишком серьезным, чтобы я мог слепо доверять этому обещанию, и я осмеливаюсь хлопотать об установлении контроля нашего посольства над действиями Ристича в Вене.

Если я позволяю себе придавать значение этому вопросу, то не с точки зрения возможности завоевания Австрией морального влияния в этой стране, где ненавистно само ее имя, а с точки зрения неразрывных материальных связей, которые она могла бы установить с Сербией в форме обременительного торгового договора или льготной конвенции о железных дорогах. В этом случае ее положение будет похоже на вассалитет².

Я часто указывал на эту опасность князю Милану и Ристичу, так что они не смогут отделаться той отговоркой, что будто бы не были об этом вовремя предупреждены.

Наибольшие опасения при нынешнем положении вещей вызывает во мне отсутствие честности, являющееся, за очень редкими исключениями, отличительной чертой политических деятелей этой страны. Они падают до взяток, и я не гарантирую, что Ристич устоит перед заманчивыми предложениями, которые ему могут быть сделаны богатой компанией железных дорог.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин сенатор, вашего превосходительства нижайшим и покорнейшим слугой.

Персиани

1. Сближение это началось задолго до торжественного провозглашения независимости Сербии, имевшего место 10 (22) августа 1878 г.

2. Сразу после подписания Сан-Стефанского мирного договора, вызвавшего резкое недовольство правящих кругов Сербии, между Ристичем и австро-венгерским консулом

Вреде начались секретные переговоры в Белграде, которые затем были продолжены в конце мая Андраши и Ристичем в Вене. В личном письме князя Милана на имя Андраши недвусмысленно формулировался австрофильский курс внешней политики Сербии (36, стр. 208).

За поддержку Сербии в получении Пирота и Вране Андраши потребовал компенсации: 1) Сербия должна была отказаться от расширения границ в Нови-Базарском санджаке, предусмотренных Сан-Стефанским договором; 2) заключить торговую и железнодорожную конвенцию с Австрией.

Начатые в Вене переговоры были продолжены в Берлине во время заседаний Берлинского конгресса.

26 июня 1878 г. Ристич и Андраши подписали австро-сербское экономическое соглашение, предусматривавшее: 1) обязательство Сербии в течении трех лет построить железную дорогу Белград—Ниш с последующим продолжением до Пирота и Вране; 2) Сербия обязывалась заключить торговый договор или таможенный союз с Австрией сразу после подписания Берлинского трактата; 3) Австро-Венгрия получила исключительное право на производство работ в Джердапе (Железные ворота).

За увеличение территории Сербии по решению Берлинского конгресса (по Сан-Стефанскому договору территория Сербии увеличивалась на 150 кв. миль, а по Берлинскому трактату — на 200 кв. миль), она заплатила дорогой ценой — усилением экономической и политической зависимости от Австро-Венгрии.

2. 13 (25) июля 1878 г. Е. П. Новиков доносил А. М. Горчакову, что сербский агент в Вене Цукич конфиденциально сообщил ему копию австро-сербской конвенции от 26 июня (8 июля) 1878 г., подписанную в Вене Андраши и Ристичем. Она касалась постройки австро-сербских железных дорог и учреждения в Вене смешанной комиссии. Эта комиссия должна была выработать дальнейшие соглашения о железных дорогах и о торговле между двумя странами (АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 111, лл. 530—533).

№ 109

1878 г. августа 19. — Письмо Д. А. Милютина А. М. Дондукову-Корсакову о средствах на содержание Болгарского земского войска

Милостивый государь
князь Александр Михайлович!

Вследствие рапорта вашего сиятельства от 12 сего августа за № 1677 * имею честь уведомить, что относительно испрашиваемого вами производства всякого рода довольствия на содержание Болгарского земского войска последовало уже высочайшее разрешение ¹, сообщенное сего же числа по телеграфу главнокомандующему Действующей армиею **, который извещен мною, что государь император соизволяет на снабжение означенного войска всем нужным для приведения его в надлежащее устройство на счет будущих доходов края. При этом я обратил внимание генерал-адъютанта Тотлебена на то обстоятельство, что для сей цели могли бы быть употреблены огромные запасы, остающиеся в тылу армии; для снабжения же Болгарского войска оружием и артиллериею следует преимущественно употребить все взятое от турок.

Что же касается до производства русским субалтерн-офицерам в кадрах Болгарского войска содержания ротных командиров и утверждения прав на получение содержания по разрядам должностей в предполагаемом к открытию военном болгарском училище, то ходатайство это было мною доложено государю императору при докладе его величеству отчета вашего сиятельства от 13 июля, и высочайшее по сему предмету разрешение вы получите установленным порядком.

К сему имею честь присовокупить, что высочайше разрешенные права на усиленное содержание русских субалтерн-офицеров, служащих в болгарских дружинах, распространяются и на офицеров артиллерии.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал Д. Милютин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7900, л. 239—239 об. Заверенная копия.

* См. то же дело, лл. 235—236 об.

** См. то же дело, лл. 237—238 об.

1. Согласно «Временным правилам для образования Земского войска княжества Болгарского», ратники обязаны были являться на службу в собственной своей одежде, а конные ратники — со своей лошастью и конским снаряжением. Далее снабжение армии должно было производиться «на казенный или общинный счет Болгарии» (см. 80, вып. 2, стр. 11). В силу экономических и финансовых трудностей Болгарии А. М. Дондуков-Корсаков 12 августа 1878 г. просил «о разрешении производить всякого рода довольствие на содержание Болгарского земского войска на счет русской казны хотя бы с возвратом впоследствии из доходов Болгарского края» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7900, л. 236). Только некоторые расходы возлагались на органы местных властей и общины (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 40, лл. 28—30 и др.; ОДА—Ловеч, ф. 25 К, оп. 1, д. 10, лл. 10—11).

№ 110

*1878 г. августа 19. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова
М. А. Домонтовичу о задачах гражданского управления в княжестве
Болгарии и Восточной Румелии¹*

Филиппополь

Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Получив письмо ваше из Одессы, я с удовольствием узнал из него, что пребывание ваше в Ялте совпадет с приездом в Ливадию военного министра и, следовательно, будете иметь случай ему представиться и словесно доложить о том, что у нас сделано и делается. Вы, конечно, поймете, как сильно я интересуюсь свиданием вашим с Дмитрием Алексеевичем, с которым можете разъяснить многое, что не всегда удобно излагать в письмах, особенно официальных.

Новая инструкция, составленная для меня Министерством иностранных дел вследствие решений Берлинского конгресса, мною, наконец, получена *. При том страдательном положении, в котором я теперь нахожусь, считаю, что инструкция эта разрешает еще в относительно благоприятном смысле вопрос об отношениях императорского комиссара к консулам, предназначенным для наблюдения за нашими действиями. Но, к сожалению, вопрос о заведывании финансами Восточной Румелии остается в том же виде, в каком он постановлен 19-й статье Берлинского договора, что, по моему мнению, представляется крайне неудобным на практике. В самом деле, если Международная комиссия в силу означенной статьи должна будет вступить еще до выработки и введения в действие нового устройства управления Восточной Румелии финансами этой страны, то спрашивается, каким образом совместимо с таким порядком вещей существование в Румелии нашего временного управления и пребывание в ней части оккупационных [войск] и Земского войска, содержание которых должно относиться на средства страны? Неужели же возможно допустить, чтобы командующий в Румелии нашими войсками и наша гражданская администрация обращались за необходимыми денежными средствами каждый раз к Международной комиссии? Полагаю, что, пока существует в каком-либо крае известная администрация, на обязанности которой лежит работа по взиманию доходов и правительственному функционированию ее органов, ей же должно принадлежать и заведывание финансами страны до окончательной передачи управления в другие руки. Вот почему я признаю решительно невозможным отделение финансовой части в Румелии от администрации этой провинции, о чем и высказал свое мнение в замечаниях на статьи Берлинского договора, представленных военному министру **. В такой же мере, если еще не более, желательно установление определенных и, разумеется, согласных с достоинством нашего

* См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 3, стр. 288—297.

** Там же, вып. 5, стр. 16—17, стр. 280—293.

государства отношений оккупационных войск и Земского болгарского войска к будущей администрации Восточной Румелии.

Прошу вас очень, Михаил Алексеевич, при свидании с военным министром обратить особенное внимание его на эти весьма важные для нас вопросы и испросить указания для возможно благоприятного их разрешения*.

Я два дня тому назад как вернулся из С.-Стефано и Буюкдере, где пробыл семь дней. С главнокомандующим мне удалось покончить все, касающееся устройства Болгарского войска, и я не могу не отнестись с полной благодарностью к Тотлебену за его готовность дать все средства для прочного формирования и снаряжения этого юного Земского войска. Оттого и дело это идет поразительно успешно: болгарские дружины, собранные в учебный лагерь под Филиппополем и которым намерен произвести смотр 30 августа² с тем, чтобы после того отправить их в соответствующие округа, представляют уже теперь стройную и организованную силу. Успехи, делаемые болгарами в усвоении военного дела, следует приписать не только врожденной способности их к военной службе, но и тому возбужденному настроению, которое побуждает их стремиться к скорейшему формированию собственного народного войска. Весь призыв новобранцев окончен на этой неделе почти безнедоимочно, и новые дружины дней через десять будут уже сформированы и снаряжены всем необходимым.

Я переговорил также с Тотлебеном и об оккупационном корпусе и просил ходатайства его у военного министра об усилении состава корпуса по крайней мере на 15%. Нынешний мирный состав оккупационных войск, по 100 человек в роте, решительно не отвечает условиям нашего здесь положения. Вследствие болезней и разных расходов людей нельзя будет выводить в строй более 60 человек. Обстоятельство это чрезвычайно серьезно и положительно возбуждает во мне опасения ввиду беспорядков, несомненно возникающих при удалении нашей Действующей армии.

Известно ли вам о назначении генерала Столыпина командиром IX армейского корпуса с предоставлением ему управления Восточною Румелиею впредь до передачи ее новому правительству? На этом назначении сильно настаивал главнокомандующий, и я не мог не согласиться на его желание. Столыпин, бесспорно, человек хороший и умный; но вам известны его недостатки, особенно чувствительные в той роли, которая ему предстоит. Я теперь занят составлением для него подробной инструкции относительно способа и порядка передачи управления в Южной Болгарии; надеюсь кончить это к половине сентября**.

Несказанно был обрадован я назначением Шепелева в Международную комиссию по организации управления Румелии. Прибыв в Буюкдере, я подал в этом смысле записку князю Лобанову, а на следующий день он уж сам получил из министерства бумагу, извещавшую о назначении Шепелева. Многие обстоятельства края, которые могли бы остаться чуждыми для членов комиссии, выяснятся благодаря присутствию в ней Шепелева. Желательно только, чтобы положение его было оставлено некоторою самостоятельностью и он нашел бы необходимую поддержку в предстоящей ему трудной роли***.

* На полях помета М. А. Домонтовича: Было указано на необходимость собрать в стране все возможные подати и поскорее продать десятину до прибытия на место Восточно-румелийской комиссии. Добытые этим путем деньги должны были оставаться в распоряжении русской администрации и служить фондом на тот случай, если бы Международная комиссия вздумала бы прекратить платежи из средств края на содержание Земского войска и русских чиновников, служивших по управлению этою провинциею. 31 ав[густа] [18] 78 г.

** К этому абзацу на полях помета М. А. Домонтовича: До получения этого письма Д. А. Милютин, который, кстати сказать, узнал о назначении Столыпина из «Рус[ского] Инвалида», мною ему прочитанного 22 августа, был того мнения, что Столыпин на это место попал по настоянию князя Дондукова.

*** Помета М. А. Домонтовича: Этот выбор был сделан Н. К. Гирсом, вероятно, по указанию Д. А. Милютина.

Вообще я должен заметить, что вопрос о будущей организации Восточной Румелии гораздо серьезнее и сложнее, чем, может быть, думают. Брожение в крае весьма сильно и сдерживается в границах законности лишь благодаря нашему здесь влиянию. Разочарованные конгрессом, болгары не могут верить обеспечению их будущности при новых порядках и явной поддержке, оказываемой туркам иностранными державами. Больно, действительно, видеть, как всеильно влияние англичан в Константинополе и как ослабевает с каждым днем наше там обаяние. Клевета, ложь, постоянные ноты о небывалых поступках нашей славной армии, которую хотят забросать грязью, и нашей администрации возмущают меня тем более, что на все это приходится отписываться и тем терять дорогое время, столь нужное на более важное и существенное дело. Думаю, что это первый пример в истории, чтобы победоносная армия у стен неприятельской столицы находилась постоянно как бы на скамье подсудимых перед недобросовестными представителями иностранных держав.

Я частно узнал, что в Восточной Румелии население готовит протест против решений конгресса и раздробления Болгарии, который намерено подать представителям великих держав в Константинополе. Конечно, из этого протеста ничего не выйдет, но останавливать подобное движение считаю неудобным и излишним, ввиду известного вам стремления наших братьев к адресам. В Македонии господствует сильная неурядица, и неистовства мусульман, никем не сдерживаемые, продолжают обычным порядком. Получил сейчас сведения, что там же действует сильная пропаганда в пользу присоединения православного населения к унии, причем болгарам обещается в перспективе покровительство и поддержка католических держав. Не могу отрицать, что ввиду положения, в которое поставлена теперь Македония, значительный процент ее населения легко может соблазниться предлагаемой ему приманкою и поступиться верою своих предков. Для противодействия этому крайне желательно было осуществление мер, высказанных в письме моем к военному министру и приложенной к ней записке по болгарскому церковному вопросу *. Пожалуйста, обратите на последнюю внимание Дмитрия Алексеевича; такую же записку я передал и князю Лобанову. Если, как ходят слухи, оттоманским губернатором Восточной Румелии назначен будет католик (Рустем-паша), то можно предвидеть еще более интриг в смысле католической пропаганды в этой провинции.

Вообще мне до сих пор непонятно, как может устроиться будущее управление этой несчастной части Болгарии при семи няньках, которым поручается создать основу ее судьбы. Но вопрос, сдадут ли так легко свою голову этим нянькам болгары, вкусившие в течение десяти месяцев свободы и столь возбужденные надеждами С.-Стефанского договора. Да, будущее представляется мне в весьма мрачных красках. Вся ответственность ложится на меня. Вам хорошо известно, что я не скрываю от себя всех затруднений и неблагоприятной моей роли, но вы знаете также, что я ставлю себе вопросом долга и чести исполнить до конца возложенное на меня поручение как по долгу солдата и гражданина, так и по личной, вечной моей благодарности государю, так человечно и добро принявшему участие в моем горе в одно из самых тяжелых семейных испытаний моей жизни. В военное время военному человеку всегда есть случай выйти честным образом из невыносимого положения, когда страдает чувство народного самолюбия и личного достоинства. . . В гражданской же моей деятельности один тиф может только дать подходящий исход, но не желаю такого терапевтического средства и благодарю бога, что несмотря на все нравственные испытания и непомерный труд при ежедневной работе по 10—12 часов, здоровье мое до сих пор еще так хорошо. Надеюсь, бог не откажет мне в силах выдержать до конца и принести в этом тяжком

* См. «Сб. материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 5, стр. 33—41.

положении хотя бы малую пользу порученному мне делу, сохранив вместе с тем честь и достоинство правительства и России*.

Вам известно, что мне разрешено перевести центральное управление мое в Софию с соблюдением некоторых ограничительных условий, имеющих целью не придавать нашему пребыванию в этом пункте постоянного характера. Ввиду этого я решил перенести в Софию лишь те учреждения, которые имеют временное значение и тесно связаны с настоящим исключительным положением нашим здесь, обусловливаемым неустановившимися отношениями к Сербии, брожением в Македонии и оккупацией нашими войсками Восточной Румелии. Другие же учреждения, как, напр., военный отдел и штаб Болгарского земского войска со всеми отраслями его управления, полагаю поместить в Тырнове, тем более что все артиллерийские заведения и две трети дружин находятся и теперь в Северной Болгарии. О месте пребывания элзархата еще не решено окончательно. Со временным перенесением центрального управления в Софию, разумеется, несколько не предпринимается вопрос о будущей столице Болгарского княжества, решить который предоставляю собранию нотаблей, которое открою лично в Тырнове. Теперь мы подготовляем проект будущего Органического статута княжества, и надеюсь окончить его к половине сентября**.

Ревизионная поездка Грессера по Северной Болгарии чрезвычайно обстоятельно выяснила многие вопросы и принесла много пользы; он замечательно дельно и добросовестно исполнил свое поручение. Теперь составляются по отделам подробные инструкции губернаторам, которые должны заменить существовавший доселе хаотический строй управления. Готовлю также отчет военному министру, который намерен отправить 1 сентября. Решительно нет свободной минуты, а необходимо было бы самому поехать по краю; но что будешь делать, когда бумажное дело приковывает к письменному столу, ежедневно возникают со всех сторон новые вопросы, требующие скорого и притом личного моего разрешения, а тут еще отвечай на разные гнусные клеветы и нелепости, взваливаемые на нас.

Вы знаете, Михаил Алексеевич, как трудно давать срочные ежемесячные отчеты по управлению. И я душевно признателен Дмитрию Алексеевичу, что он своими частными письмами дает мне возможность отвечать ему тем же и знакомить его постепенно со всем происходящим здесь, а также за доброе внимание ко мне и те неофициальные отношения, которые ему угодно было установить между нами.

В половине сентября, если только представится малейшая к тому возможность, намерен просить разрешения приехать на 2—3 дня в Крым, чтобы

* К этому абзацу на полях помета М. А. Домонтовича: И в Ливадии ровно ничего об этом не знали. На мои настояния высказать что-либо определенное по этому предмету, мне повторяли туманные фразы о необходимости стоять твердо на статьях Берлинского договора и ни в чем не уступать Англии и Австрии, однако же так, чтобы ничем их не раздражать и даже не огорчать.

Однажды я решил заметить Д. А. Милютину, что противодействие всегда сопряжено с огорчениями и раздражениями, что поэтому без столкновений нам трудно будет обойтись.

— Это уже ваше дело; и я только передаю вам волю государя.

В другой раз, при подобных же объяснениях, пред самым моим отъездом из Ливадии (3 сентября 1878 г.), я не стерпел и сказал: «Из всего, что я здесь слышал, прихожу к заключению, что все хорошее, что успеет сделать князь Дондуков, будет отнесено к указаниям, исходящим отсюда, а все наши вольные и невольные ошибки будут поставлены в вину.

— Отчасти вы близки к истине, — ответил безучастным тоном Д. А. Милютин.

— Благодарю хотя за эти указания; все же какая-нибудь программа, я ее и передам князю.

— Но вы помните, что, быв его ближайшим помощником, вам придется нести и ближайшую ответственность при исполнении этой программы.

Замечу, кстати, что об этой ответственности мне было сказано и государем, когда в ноябре 1878 г. я был в Крыму вместе с князем Дондуковым.

** К последней фразе этого абзаца помета М. А. Домонтовича: Никто не подготовлял этого проекта до моего возвращения из Ливадии, если не считать перевода из сборника Аристархи-бея конституций Сербии, Румынии и Греции, что было сделано еще до моего отъезда в Крым и мною там доложено Милютину и Гирсу.

лично объясниться, представить на одобрение проект Органического статута княжества и переговорить о кандидате на княжеский престол. К тому времени, вероятно, многое выяснится, и притом я буду иметь возможность сообразоваться с теми сведениями, которые вы мне привезете*.

Сообщите, что сочтете достойным внимания и нужным из этого письма военному министру**, и возвращайтесь, пожалуйста, скорее, так как работы масса, и всякий день возбуждаются новые, непредвиденные осложнения. К сожалению, я нахожусь в ожидании еще более серьезных затруднений в этом крае, которые считаю неминуемыми. Дай бог, чтобы я ошибся, но все-таки лучше быть готовым на худшее.

Злобой дня продолжают быть переселенцы-мусульмане. Я уже писал военному министру в общих чертах о мерах, принятых мною для облегчения действительно незавидной участи возвращающихся мусульман, но, конечно, они немного принесут им пользы ввиду близящейся осени и зимы. Поэтому я подал новую записку кн. Лобанову****, в которой убедительно просил его настоять об ассигновании Портою денежных средств хотя на первое устройство пострадавших жителей в каких-нибудь укрытиях на зиму. Вместе с тем предлагаю уговорить Порту приостановить дальнейшее направление сюда бежавших турок, оставив их временно там, где они находятся и где ввиду более теплого климата они легче перенесут зиму в ожидании восстановления своих жилищ в Румелии.

Передача Шумлинского и Варненского районов идет вяло, и турки заявили даже намерение не выходить оттуда до продажи ими десятин на откуп. О такой нелегкой претензии я уже сообщил послу, равно как и о том, что сербы не очищают до сих пор местностей, ими занятых, но включенных по договору в пределы Болгарии. Недоразумения с сербами постараюсь уладить и сам. Весьма интересно будет получить указания в[оенного] министра по моим заметкам на Берлин[ский] договор; часть вопросов разрешена инструкцией, но часть требует еще разъяснений.

Посылаю вместе с сим военному министру наградные списки и представление мое. Как бы хорошо, ежели бы удалось скорее получить утверждение. Попросите о том Дмитрия Алексеевича, это так бы поощрило и поддержало бы дух служащих, которые так же благодарят бога, как и я, чувствуют тяжесть положения нашего и твердо подчиняют личные свои чувства исполнению долга перед правительством и Россией****.

Остаюсь весь ваш князь Дондуков-Корсаков

ЦГВИА, ф. 430, д. 110, лл. 4—9 об. Подлинник.

1. Письмо А. М. Дондукова-Корсакова заключает в себе доклад о деятельности гражданского управления в Болгарии правительству России, с которым М. А. Домонтович был послан в Ливадию. Доклад М. А. Домонтовича произвел благоприятное впечатление о ходе дел в Болгарии и Восточной Румелии (см. 57, стр. 90).

2. Смотр дружинам, проведенный 30 августа 1878 г. в Филиппополе, дал хорошие результаты. А. М. Дондуков-Корсаков писал Д. А. Милютину: «Не сомневаюсь, что ко времени окончания срока нашей оккупации мы оставим в стране вполне организованное, обученное и дисциплинированное народное войско» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7900, л. 243).

* К этому абзацу помета М. А. Домонтовича: Составление так называемого Органического статута поручено было Лукьянову и жандармскому пол[ковнику] Янковскому только в половине сентября, а окончено только 31 октября, т. е. в самый день нашего отъезда в Крым с кн. Дондуковым, который только в Константинополе мог прочесть этот проект.

** Помета М. А. Домонтовича: Письмо было прочитано Милютину целиком.

*** См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.» вып. 5, стр. 27—30.

**** Помета М. А. Домонтовича: Дело шло об отдании старшинства в чине г[енерал]-м[айору] Грессеру, что очень удивило Милютину.

1878 г. августа 21. — Предписание А. М. Дондукова-Корсакова П. В. Алабину о необходимости приостановить массовое переселение болгар из районов, отходящих к Турции *

№ 1974

Получив донесение вашего превосходительства о движении, происходящем в Джумайском округе **, и одобряя старания ваши к успокоению населения оного, считаю нужным относительно возбужденных вами по сему случаю вопросов дать вам следующие указания.

Желание джумайцев переселиться в соседние округа княжества Болгарского после очищения нами Джумайского округа ¹ есть явление не единичное, а повторяющееся и в других местностях, нами теперь занятых, но должествующих отойти к Турции. Поэтому вопрос этот может подлежать разрешению лишь в смысле общей меры относительно всех местностей, находящихся в тождественном с Джумайским округом положении.

Ввиду сего впредь до окончательного разъяснения условий переселения жителей, остающихся под непосредственным управлением Порты, в другие, ей прямо не подведомственные части Болгарии, и до проведения новой границы Болгарского княжества ² я признаю необходимым удержать в силе распоряжение джумайского окружного начальника о недозволении жителям вверенного ему округа переселяться массами в соседние округа Софийской губернии. Признаю это тем более уместным, что в случае перехода в пределы княжества значительного числа переселенцев администрация наша может быть поставлена в крайнее затруднение при невозможности предоставить всем переселенцам достаточное количество свободных земель для водворения на оных.

Что касается упоминаемых в рапорте вашем частных случаев выселения из Джумайского в Дубницкий и Софийский округа, то на таковые следует смотреть снисходительно, объявляя, однако, переселяющимся, что они ни в каком случае не могут рассчитывать на безусловный отвод им домов в новых местах водворения или на какую-либо материальную поддержку со стороны нашей администрации впредь до окончательного решения вопроса о переселениях.

К удовлетворению поданных вам джумайцами двух прошений: одного — о возврате им части арендных взносов, причитающихся за то время, которое они окажутся не в состоянии додержать взятые ими турецкие арендные статьи ввиду ограждения своей личной безопасности от возвращающихся мусульман, и другого — об освобождении их временно от немедленной уплаты вывозного акциза с 15 тыс. пудов табаку, которые они желают перевести в Дубницкий округ, я не встречаю препятствий с тем, чтобы возврат частей арендных взносов производился под строгим контролем вашим и лишь тем из арендаторов, которые действительно принуждены будут против воли покинуть арендуемые ими статьи, и чтобы вывозной акциз с упомянутого количества табаку был взыскан при постепенной его продаже.

В случае отправления вашего в Джумайский округ предлагаю вашему превосходительству действовать сообразно вышеизложенному и в том же успокоительном смысле, в каком вами дан был ответ джумайской депутации.

Наконец, ввиду того, что обстоятельства могут все-таки заставить жителей отходящих к Турции местностей бросить свои родные поля и искать убежища в пределах Болгарского княжества, прошу вас ныне же озаботиться скорейшим собранием сведений о количестве свободных земель в вверенной

* См. док. 96.

** См. то же дело, лл. 23—25.

вам губернии, которое могло бы быть в случае необходимости предоставлено в пользование переселенцам, и сведения эти по каждому округу отдельно представить мне.

Подписал императорский комиссар
генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков

ЦГВИА, ф. 430, д. 90, лл. 26—27. Заверенная копия.

1. Горная Джумая (Благовград) и окрестные деревни были освобождены в феврале 1878 г. (см. 69, стр. 454, примечание 1 к док. 417). Однако в силу Берлинского договора от 1 (13) июля 1878 г. Горноджумайский округ был возвращен Турции. Вследствие этого из него, как и из других частей Македонии, тысячи болгар переселились в Восточную Румелию и Болгарское княжество. Одним из таких семейств была и семья выдающегося сына болгарского народа Георгия Димитрова.

2. Новые границы Болгарского княжества после Берлинского конгресса должна была установить Международная пограничная комиссия. Ее работа затянулась до лета 1879 г. До завершения ее деятельности действовала временная демаркационная линия, включавшая и районы, которые должны были отойти в будущем к Турции. Демаркационная линия между Болгарским княжеством и Македонией проходила южнее города Джумая (см. 42, стр. 74—75).

№ 112

1878 г. августа 22. — Докладная записка председателя комиссии по возвращению в Болгарию беженцев-мусульман М. А. Хитрово Э. И. Тотлебену о деятельности комиссии и о необходимости ее реорганизации

№ 1011

С.-Стефано

Комиссия по водворению мусульман, бежавших из Европейской Турции и пребывающих в Константинополе, на места их прежнего жительства, была учреждена по повелению его императорского высочества главнокомандующего вследствие ходатайства турецкого правительства.

Комиссия эта состояла под председательством драгомана при главнокомандующем, действительного] ст[атского] сов[етника] Макеева, из двух русских членов, а именно — одного от военного ведомства и одного от гражданского управления, и из трех членов со стороны оттоманского правительства. Председатель, действительный] ст[атский] сов[етник] Макеев, назначался со стороны дипломатической канцелярии. Такой состав комиссии определялся инструкцией, одобренной великим князем главнокомандующим 10 апреля 1878 г.

Круг деятельности комиссии ограничивался в силу означенной инструкции попечением о водворении переселенцев в местности, занятые нашими войсками *лишь вне пределов Болгарии*. Кроме сего, комиссии предоставлялось право выдавать срочные, не более как на один месяц, свидетельства оттоманским подданным, не принадлежащим к разряду переселенцев, отправляющихся по своим делам в места, занятые нашими войсками.

Как та, так и другая функции комиссии обуславливаются подробными указаниями означенной инструкции.

На этих основаниях и в вышеозначенном составе комиссия существовала до конца мая месяца, когда она приостановила свои действия вследствие отъезда действительного] ст[атского] сов[етника] Макеева и члена со стороны военного ведомства штаб-ротмистра Вонлярлярского.

Вследствие нового ходатайства турецкого правительства вашему высокопревосходительству благоугодно было возобновить действия комиссии, назначив меня с 7 июня председателем оной, а вместо выбывшего штаб-ротмистра Вонлярлярского членом со стороны военного ведомства — лейб-гвардии 4-го стрелкового императорской фамилии батальона штабс-капитана Зернца. Таким образом, из прежних членов комиссии должен был оставаться лишь гражданский чиновник Ценин, который вместе с тем был и делопроизводи-

телем комиссии, но и он был вслед за сим отозван императорским комиссаром и, отъезжая в Филиппополь, увез с собой протоколы заседаний и дело-производство прежней комиссии. Вследствие моего представления г. начальник штаба сносился по сему предмету с императорским комиссаром, и генерал Домонтович телеграммой от 20 июня уведомил, что чиновник Ценин не может быть командирован в Константинополь. На место же его в комиссию прибыл со стороны императорского комиссара чиновник Каченовский. Он пробыл в комиссии самое короткое время, принимал участие лишь в одном или двух заседаниях и, объявив, что и он отъезжает в Филиппополь, представил на свое место назначенного императорским комиссаром болгарина г. Герова, который в свою очередь вслед за сим был замещен г-ном . . . *

Таким образом, участие управления Болгарией в комиссии по водворению мусульман чрез члена со стороны одного во все время находилось в весьма неопределенном и неудовлетворительном положении. Впрочем, надо заметить, что инструкция имела в виду существовавшее еще тогда гражданское управление при главнокомандующем и что с назначением императорского комиссара дело несколько изменилось.

Между тем еще с июня месяца, то есть со времени учреждения комиссии в новом составе, был поднят турецким правительством вопрос об обратном водворении мусульман не только в местностях, нами занятых вне пределов Болгарии, но и в самой Болгарии. По этому предмету была представлена особая записка императорским комиссаром, которая по обсуждении между вашим высокопревосходительством и императорским послом, сколько мне известно, была с замечаниями вашего высокопревосходительства возвращена князю Дондукову-Корсакову. Сложный и трудный вопрос о водворении мусульман составил предмет деятельных переговоров между императорским посольством и Портою и возбудил значительную переписку.

Вследствие сего и имея в виду отзывы императорского комиссара о неудобствах и затруднениях, происходящих от возвращения эмигрантов массами, я со времени назначения меня председателем комиссии вовсе прекратил выдачу свидетельств партиям переселенцев и ограничился выдачей таковых лишь отдельными личностям по особым ходатайствам членом со стороны турецкого правительства и под их ответственностью. В этом отношении было допущено лишь одно исключение, а именно в пользу 300 душ эмигрантов из г. Адрианополя, о возвращении которых особенно ходатайствовала Порта, о чем я имел честь докладывать вашему высокопревосходительству. Всего с 7 июня по настоящее число выдано 367 свидетельств.

Турецким членам комиссии я объявил, что так как в настоящее время идут между Портою и посольством переговоры о выработке общих правил, на основании которых может быть совершаемо постепенное обратное водворение бежавших мусульман на места прежнего жительства, то впредь до соглашения по сему предмету отправление партий должно быть приостановлено. При этом я им объяснял, что эти общие правила трудно выработать без предварительных сведений о всей численности беглецов, подлежащих возвращению, и просил их доставить хотя приблизительные списки эмигрантам, имеющимся в виду по водворению, с возможно подробным обозначением тех местностей, откуда они вышли и где они в настоящее время находятся, так как теперь идет речь о возвращении не только эмигрантов, находящихся в Константинополе, но и в Родопе, и в других местностях. Ввиду этого значительного предстоящего в будущем постепенного передвижения целого народонаселения, для избежания беспорядков и несчастий необходим заранее обдуманый общий план и общие правила в интересах самих переселенцев. Турецкие коллеги мои по комиссии, как кажется, поняли основательность сих соображений и обещали мне доставить списки эмигрантов, но до сих пор таковых не представили.

В нынешнем положении дела ввиду вышеизложенных обстоятельств, ввиду эвакуации Действующей армии и вследствие соглашения по сему

* Пропуск в документе.

предмету вашего высокопревосходительства с императорским послом учрежденная на основании прежней инструкции и состоящая под моим председательством комиссия оказывается более не соответствующей цели, а потому не изволите ли, ваше высокопревосходительство, одобрить ниже следующие меры.

1. Ныне существующую комиссию по водворению мусульман закрыть и считать ее деятельность оконченной.

2. Предложить г-ну императорскому послу взамен этой комиссии по соглашению с Портой учредить новую под председательством лица по его назначению, из членов от управления императорского комиссара в Болгарии и от Действующей армии, впредь до ее расформирования, и из определенного числа лиц от турецкого правительства. Комиссия эта должна быть снабжена новой инструкцией с подробными и положительными общими правилами, выработанными по предварительном соглашении посольства с Портою и с императорским комиссаром в Болгарии

и 3. О принятии сих мер уведомить г-на императорского комиссара ¹.

Действительный статский советник Хитрово

АВПР, ф. ГА, V—A₁, д. 21, лл. 17—21. Подлинник.

1. По вопросу о возвращении турецких беженцев в Болгарию см. 14, стр. 69 и сл.; 90, стр. 141 и сл.; см. также док. 83 и примечания 2, 3 к нему.

№ 113

*1878 г. августа 22. — Обращение жителей Карлова, Калофера и Сопота к А. М. Дондукову-Корсакову с одобрением осуждения участников репрессий над болгарским населением Хаджи Арифа и Хаджи Шабана **

Карлово

Ваше сиятельство!

Известни вече за правосъдното осъждане на Х. Арифа, Х. Шабана, пловдивски жители ¹, които заедно с карловските първенци турци са главните виновници за 814 души изклани и избесени. Карловци, за 460 старци, бабички и деца немилостиво изклани в Калофер и 1200 къщи с [ъс] 7 черкови и 3 мѣнастиря съвършено обрани и изгорени, за 485 души изклани в Сопот и 506 къщи с [ъс] 2 черкови и 2 мѣнастиря ограбени и изгорени, долоподписаните бързаве с настоящето си да изразим на ваше сиятельство дълбоката ни признателност за произнесеното вече наказание, връз помянутите пловдивски турци, за което се почувствува общо удовлетворение от населението на Карлово, Калофер и Сопот ².

С пълно уверение и надежда, че благородната на ваше сиятельство душа не ще престани да дава правда и правосъдие на злоупотребената и опустошена стърна, остаеме с високопочитание най-нижайшите на ваше сиятельство слуги ³.

Жители карловски **

ЦГВИА, ф. ВУА, 8802, л. 92—92 об. Подлинник.

1. В августе 1878 г. в Филиппополе были арестованы Хаджи Ариф-ага и Шабан-ага — крупные землевладельцы Филиппопольского округа. Во время подавления Апрельского восстания Хаджи Ариф был главным подстрекателем убийств жителей Карлова, Калофера, Перуштицы и др. Надеясь на покровительство английских властей, Хаджи Ариф и Шабан-ага вернулись после войны в Филиппополь и потребовали возвращения им земель-

* См. док. 117.

** Далее следует 47 подписей жителей Карлова, Калофера и Сопота.

ных владений. По требованию пострадавших жителей они были арестованы и преданы военному суду, который приговорил их к смертной казни (см. 80, вып. 5, стр. 101—102). Об этом судебном процессе см. также 90, стр. 150—152.

2. Имеются в виду насилия и зверства, совершенные над болгарским населением в этих селах летом 1877 г. после отхода Передового отряда генерала Гурко из Южной Болгарии (см. 69, стр. 160, док. 128 и стр. 457, примечания 1 и 2 к док. 421).

3. Русское гражданское управление приняло меры, чтобы наказать турок, виновных в кровавых преступлениях и насилиях над мирным болгарским населением во время освободительной войны.

№ 114

*1878 г. августа 23. — Отношение А. М. Дондукова-Корсакова
А. К. Имеретинскому о необходимости снабжения артиллерии
Болгарского земского войска орудиями большого калибра*

№ 1995

Филиппополь

Независимо от снабжения болгарских земских войск орудиями полевой артиллерии я нахожу необходимым, в предвидение всякого рода случайностей, обеспечить новое княжество хотя небольшим количеством артиллерии большого калибра, к чему, разумеется, не скоро представится другой более удобный случай, как оставление подобных громоздких и дорогостоящих орудий при вывозе наших запасов в Россию.

Покорнейше прошу поэтому вашу светлость исходатайствовать разрешение главнокомандующего армиею на оставление Болгарии следующего количества орудий и снарядов к ним осадной артиллерии: 8 нарезных 24-фунт[овых] длинных пушек, 4 нарезных 24-фунт[овых] коротких пушек и 8 нарезных 6-дюймовых мортир.

К ним: снарядов по 1000 на орудие, полагая для пушек наполовину картечных бомб, а для мортир все бомбы удлиненные; пороху для 8 тыс. зарядов, по расчету 4 фунта на каждый заряд, и для 12 тыс. зарядов, по расчету 6 фунтов на заряд с небольшим, кроме того, количество его в запас; трубок дистанционных двухярусных 8 тыс., одноярусных 4 тыс. и ударных 12 тыс.

Сверх того, не признаете ли, ваша светлость, возможным испросить разрешение главнокомандующего армиею на передачу Болгарии гладких и различных калибров турецких мортир в числе, если не ошибаюсь, 11, взятых нашими войсками у турок на Шибке, со сферическими к ним снарядами и с запасом пороха как для них, так и для других подобных орудий в количестве до 1000 пудов и к нему ткани на 8 тыс. 5-фунтовых зарядов.

Все эти орудия, как и прочие артиллерийские запасы Болгарии, желательно было бы сосредоточить в Разграде, а если для артиллерийского ведомства окажется удобнее, то часть их может быть направлена в Плевну.

Так как действию при орудиях большого калибра необходимо обучить болгар, для чего я предполагаю сформировать особую команду, то покорнейше прошу также ходатайства вашей светлости о назначении в кадр этой команды 2-х офицеров и 16 фейерверкеров (в том числе 4-х, действовавших при мортирах) из наших осадных артиллерийских рот¹.

Подлин[ный] подписал императорский российский комиссар,
в Болгарии генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков
Скрепил управляющий военным отделом
генерал-майор Золотарев.

АВИМАИВВС, ф. 16, оп. 107, д. 155, лл. 179—180. Заверенная копия.

1. Русское правительство придавало исключительное значение созданию артиллерии в составе болгарской армии. Артиллерия болгарской армии вооружалась с таким расчетом, чтобы по качеству полевой и другой артиллерии болгарская армия приближалась к артиллерии сопредельных государств Балканского полуострова (АВИМАИВВС, ф. 16, оп. 107, д. 155, л. 111). Болгарии в общей сложности было передано из складов Действующей

пей армии 48 девятифунтовых орудий, 45 четырехфунтовых, 9 трехфунтовых горных, 16 скорострельных и 20 осадных.

Из трофеев, взятых у турецкой армии, было передано Болгарии: недалекобойных орудий 33; далекобойных 29; турецких мортир 18. В составе болгарской армии было сформировано восемь батарей, личный состав которых обучали русские инструкторы. Созданы были необходимые артиллерийско-технические учреждения (склады, мастерские артиллерийские парки), обучены технические кадры для артиллерии (там же, л. 260).

№ 115

*1878 г. августа 26. — Инструкция Министерства иностранных дел русскому генеральному консулу в Филиппополе А. Н. Церетелеву о необходимости содействовать упрочению связей между Северной и Южной Болгарией **

Ливадия
Секретно

Государю императору благоугодно было назначить вас генеральным консулом в Филиппополе.

Вам предстоит, таким образом, деятельность на том поприще, с которым вы уже близко ознакомились, до войны ** и на котором, вследствие постановлений Берлинского трактата, должны ныне произойти существенные изменения в политическом отношении.

Ввиду сего Министерство иностранных дел считает необходимым указать вам в общих чертах те главные политические задачи, выполнение которых возлагается на вас высочайшим доверием в сфере предстоящей вам деятельности.

Отделение Берлинским конгрессом Южной Болгарии от Северной и образование из нее особой области под названием Восточной Румелии представляет такое ненормальное положение вещей, при котором нельзя ожидать, чтобы связи, существовавшие между обеими частями Болгарии, могли порваться, несмотря даже на то, что со стороны Порты и ее сторонников будут, конечно, употребляться все старания к возможно большему разъединению этих частей.

Вам необходимо будет употреблять все старания к поддержанию этих связей между обеими половинами Болгарии и к противодействию всем влияниям, направленным к разъединению их. Из этих влияний самым главным, после правительственного, будет, конечно, влияние греческого населения Южной Болгарии, которое будет стремиться занять преобладающее значение над болгарами и, без сомнения, для достижения этой цели будет искать опоры и в среде мусульманского населения области. Противодействуя такому влиянию и не допуская порабощения болгарского элемента греческим, вы тем не менее будете стараться сближать обе враждующие христианские национальности, указывая им на необходимость сближения в видах достижения общих целей, направленных к окончательному уничтожению господства мусульман.

Вы будете затем тщательно следить за всеми действиями турок в Балканах. Так как с этой же целью будет учреждено вице-консульство в Бургасе, то вы будете приглашать его сообщать вам регулярно все необходимые для вас в этом случае сведения.

Находясь в зависимости от посольства нашего в Константинополе и руководствуясь его указаниями во всех отдельных случаях, когда они для вас будут необходимы, вы будете поддерживать также сношение с дипломатическим агентством нашим в Северной Болгарии.

Подробную инструкцию о порядке открытия генерального консульства и об отношениях, в которых вы должны будете находиться к император-

* См. док. 124 и 131.

** См. т. 1 настоящей публикации док. 114, 116, 118, стр. 231—240.

скому комиссару в Болгарии, вы получите от посольства нашего в Константинополе ¹.

Резолюция Александра II: Быть по сему.
АВПР, ф. ГА, I-1, д. 54, лл. 95—96 об. Отпущк.

1. 31 августа 1878 г. Министерство иностранных дел уведомило А. Б. Лобанова-Ростовского о характере деятельности генерального консульства в Филиппополе: «Во время пребывания наших гражданских властей в Южной Болгарии генеральное консульство, оказывая, конечно, всякое содействие им, не будет вмешиваться во внутренние дела и служить лишь посредником для сношений наших властей с иностранными местными агентами. Филиппопольское генеральное консульство должно поддерживать также постоянные сношения с нашим дипломатическим агентом в княжестве Болгарском; весьма желательно установить для этого правильные сообщения курьерами между Тырновым или Софией, Филиппополем и Константинополем. О политических делах генеральное консульство будет доносить вверенному вашему сиятельству посольству и императорскому министерству. По водворении же оттоманского генерал-губернатора наше генеральное консульство вступит, согласно капитуляциям, во все свои права и обязанности касательно русскоподданных» (ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 23, л. 333—333 об.).

№ 116

1878 г. августа 26. — Прошение жителей Эски-Загры эски-загринскому окружному начальнику [Наботкову] не допустить возвращения беженцам-мусульманам их домов, занятых болгарами

Ваше высокоблагородие!

При всичките нещастия, които тукашното население е търпяло ¹, и сега търпи в най-възвишена степен на бедността; при всичките бедствия, които безпомощните вдовици са търпели и търпят от глада, приближава вече зима и тогаз — като се приложи при всичките други мъчнотии още и студа, състоянието на бедните става толкова щото не може да са повярва, че те ще могат посрепна пролет.

В това именно време наченаха да са завръщат побегналите тукашни турци. Ний не знаем на pewno, ще ли са завърнат сичките или не. Но, ако би че са завърнат и занемат и малката част останали здрави техни къщя, то бедното население ще остане да гледа разорителите на домовете си и убийците на най-драгото им, да са располагат под покрив, а те — само под откритото небе!

Да предположим, че някои от по-заможничките тукашни граждани ще могат да си струпат какви да е къщици; но где да отиде една бедна вдовица с няколко сирака, като тя няма от нийде никого, и от нийде никаква помощ?

За това, долуподписаните, смеем да ви попитами чрез настоящето си: къде ще може бедното население да са подслони, като са дозволи на турците, които изгориха нашите къщя, да занемат сега и останалите малко техни къщя?

От страна на цялото население, ний молим най-покорно ваше высокоблагородие да благоволите да действувате пред висшата власт, за да си земат, по какъвто начин е възможно, нуждните предварителни мерки, за да са избегне належащото зло.

Ний сми уверени, че молбата на населението ще намери истинно съчувствие в сърдцето ви ² и оставами

На ваше высокоблагородие най-покорните
за цялото градско население *

НБИВ—БИА, Пловдив, ф. 19, д. 5, лл. 198—199. Подлинник.

* Следует 176 подписей жителей Эски-Загры. На полях краткое изложение содержания прошения на русском языке.

1. Болгарское население Эски-Загры очень сильно пострадало во время русско-турецкой войны, когда город был razoren. После окончания войны болгары поселились в уцелевших турецких домах.

2. Русское гражданское управление внимательно относилось к таким жалобам (см. док. 128, 130 и примечание к нему; 90, стр. 146).

№ 117

1878 г. августа 27. — Денеша Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому о невозможности амнистировать мусульман — участников репрессий над болгарским населением

Livadia

Sa majesté l'empereur a pris connaissance avec intérêt de vos expéditions jusqu'au 21 Août (2 Septembre).

Le télégramme que j'ai eu l'honneur d'adresser à votre excellence le 26 Août vous a fait connaître la haute approbation de notre auguste maître à l'égard de l'attitude que vous avez observé dans la question de la commission du Rhodope. Vous avez parfaitement saisi, mon prince, que le congrès de Berlin dans sa 18-me séance, en acceptant la proposition de l'envoi d'une commission européenne dans les montagnes du Rhodope, n'avait en vue qu'un but purement humanitaire. Ce qui fit prendre à la commission une fausse voie, c'était l'interprétation erronée du sens et de l'esprit qui avait dicté la décision de Berlin. Vous avez su annuler les conséquences fâcheuses de ce malentendu.

Dans votre dépêche № 81, vous nous rendez compte des réclamations de la Porte au sujet de l'affaire de Hadji Aga et de la correspondance qui s'en est suivie. Interprétant l'art. 17 du traité de San-Stéfano dans le sens le plus large, le grand vézir demande que l'individu en question soit amnistié. Nous ne pouvons admettre cette interprétation, parce qu'elle couvrirait de l'impunité non seulement les individus compromis dans la guerre pour avoir servi d'une manière quelconque l'ennemi, mais les fauteurs des massacres des chrétiens. Hadji Aga est dans cette dernière catégorie*.

En écartant ainsi la question personnelle de Hadji Aga, nous sommes prêts à reconnaître avec vous l'utilité d'une entente avec la Porte afin que les règles établies par notre administration militaire relativement au rapatriement des réfugiés musulmans soient obligatoires pour les autorités turques**.

Veillez agréer, etc.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 34, лл. 299—300 об. Отпуск.

Перевод

Ливадия

Его императорское величество с интересом ознакомился с вашими донесениями от 21 августа (2 сентября).

Телеграмма, которую я имел честь направить вашему высокопревосходительству 26 августа, сообщила вам о высочайшем одобрении нашим августейшим повелителем занимаемой вами позиции в вопросе о Родопской комиссии. Вы совершенно верно поняли, князь, что Берлинский конгресс, принимая на своем 18-ом заседании предложение об отправлении Европейской комиссии в Родопские горы, ставил перед собой лишь чисто гуманную цель. Именно ошибочная интерпретация духа и смысла решения, принятого Берлинским конгрессом, направила комиссию по ложному пути. Вы сумели устранить досадные последствия этого недоразумения.

* См. док. 113.

** См. док. 112.

В вашей депеше за № 81 вы сообщаете нам о требованиях Порты по поводу дела Хаджи-аги и возникшей в связи с ним корреспонденции. Интерпретируя в самом широком смысле ст. 17 Сан-Стефанского договора, великий визирь требует, чтобы лицо, о котором идет речь, было амнистировано. Мы не можем согласиться на подобное толкование, так как оно означало бы оправдание не только лиц, скомпрометированных в войне из-за оказываемой ими помощи врагу, но также лиц, виновных в массовых убийствах христиан. Хаджи-ага принадлежит к последней категории.

Отклоняя таким образом личный вопрос о Хаджи-аге, мы готовы вместе с вами признать пользу достижения договоренности с Портой с тем, чтобы правила, постановленные нашей военной администрацией относительно репатриации мусульманских беженцев, были обязательны для турецких властей.

Соблаговолите принять и пр.

№ 118

1878 г. августа 29. — Предписание И. С. Иванова бунар-гиссарскому окружному начальнику А. Цурикову о порядке ведения метрических книг

№ 1928

Сливно
Циркулярно

Прошу вас, милостивый государь, пригласить приходских священников вести всем вновь родившимся детям метрические книги по прилагаемой форме *. Само собою, следует пригласить для этой цели и духовенство других вероисповеданий, изменив, в чем следует, форму. Книги эти по окончании каждого года должны сдаваться в советы. Применяясь к этой форме, следует их вести и для умерших ¹.

И. д. губернатора И. С. Иванов

И. д. правителя канцелярии **

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32772, лл. 321. Подлинник.

1. До освобождения Болгарии в церквях велись только списки вступающих в брак; настоящих метрических книг не имелось.

№ 119

1878 г. августа 29. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о создании комитета и его задачах

№ 1

Търново

Днес, година 1878, августа 29, ние отдолуподписаните събрахме са с цел да са размислиме, като как можеме да помагаме на нашите братя в Тракия и Македония, които занаяпред са отделят от придунавска България, чрез решението на Берлинский конгрес ***. Като са зе пред вид нещастното положение на нашия народ и особено на нашите братя оставени под турското владичество, ние решихме, че е наша свята длъжност, като българе и деца на едно и същото отечество да употребиме сичките от нас зависящи средства за подобрието на това положение, като спомагаме на сънародниците си, които би са нуждаели от нашата братска помощ. За да има успех нашето дело, ние намерихме за нужно да оставиме един комитет в града Търново, под названиее «Единство», който да земне отгоре си грижката да работи постоянно за разпространението на своите идеи навред из нашето отечество:

* Сж. то же дело, лл. 321 об.—322.

** Подпись неразборчива.

*** Сж. примечание 2 к док. 85.

чрез съставянieto на подобни комитети, с които да бъде в сношение, и сичките тие комитети да имат една цел, за постигането на която совместно (согласно) да работят, и която да бъде: *Единството на сичките българи и улучението на тяхното днешно положение*. За това ние избрахме в това свое първо събрание ¹, в г. Търново, за членове на този народен комитет «Единство» следующите лица, които са свързани помежду си чрез единството на мислите: архимандрит Стефан, Стат Антонов, Ангел Попов, Стефан Стамболов, Джорджо Момчев, Георги Живков, Д. П. Иванов, Н. Икономов, Хр. Караминков, Пандили Аврамов, Петър Цоков, Петър поп Димов, Ат. Андреев, Сава Ничев, Георги поп Иванов, Любен Каравелов, д-р М. Калпаклов, Сава Илиев, Калчо Пасков, Н. х. Георчев, А. Златарски, К. Арабаджиев, Н. Смилов, Ат. Бобев, Сарафов, Дж. Златарски *, Г. Кисалов, Хр. Попов, Хр. х. Ангелов, Юрд. х. Пенчев, Коста Коев, Хр. Иванов, д-р Д. Сарафов, Ив. Кавалджиев, Тод. Василев, Н. Лазаров, Н. Момчев, Панайот х. Радков.

Ние горните членове на този комитет избрахме помежду си едногласно следующите лица, които да ръководят делата на комитета: архим[андрит] Стефан за почетен председател, Стат Антонова за председател, Цани Гинчев за подпредседател, Н. Икономов за касиер, Петра поп Димова за бухгалтер, С. Стамболова, Д. П. Иванова и Н. Лазарова за секретари. Заседанието са затвори **.

НБКМ—БИА, ф. 298, п. 1. Подлинник.

1. Инициаторами создания комитета были бывшие деятели национально-освободительного движения, происходившие из среды мелкой и средней буржуазии. В него вошли и представители крупной буржуазии, так как все слои болгарского народа были заинтересованы в полном национальном освобождении и объединении. Между Търновским комитетом «Единство» и образованным в Филиппополе Фракийским комитетом «Единство» существовали связи и согласованность, как видно и из помещенных в томе последующих протоколов комитета «Единство». Для выполнения своих целей он стремился привлечь всех болгар. Усилия Търновского комитета «Единство» и его отделов в княжестве Болгарии были направлены к освобождению Македонии, а усилия фракийских комитетов — главным образом на сохранение свободы Центральной Фракии, названной Восточной Румелией (47, стр. 83—108; 90, стр. 411). О дальнейшей деятельности комитетов «Единство» см. публикуемые в томе протоколы: док. 120, 123, 133, 148, 152, 154, 163, 170, 176, 178, 192, 204, 212.

№ 120

1878 г. августа 30. — Протокол заседания Търновского благотворительного комитета «Единство» о посылке представителя комитета в Македонию для сбора сведений о нуждах повстанцев

№ 2

Търново

На 30 август 1878 год. стана второто събрание на членовете на ком[итет] «Единство». В това заседание членовете на комитета едногласно решиха да изпратят в Македония при възстаниците ¹ български нарочен куриер, който на местото да се запознае със силите, средствата и нуждите на възстаниците. За такъв са предложили и одобри г. Михаил Сарафов, комуто са определили от събранието да са даде 20 полимперияла за пътни разноски и да са купи един кон. Касиерът г. Н. Икономов даде на М. Сарафов горната сума под разписка, а г. Д. Момчев му купи един кон за десет полимперияла. На Михалю Сарафова се назначи да замине без друго на 31 август. Заседанието са затвори ***.

НБКМ—БИА, ф. 298, п. 1. Подлинник.

* Георги Златарски.

** Следует 21 подпись членов комитета.

*** Следует 20 подписей членов комитета.

1. Имеются в виду действия чет воевод Стояна Карастоилова, Георгия Чолака и др. (см. док. 121). Однако только в октябре 1878 г. в северо-восточной части Македонии (Кресненско-Разложский район) вспыхнуло организованное вооруженное восстание. Этим путем болгарские крестьяне стремились освободиться от гнета турецких землевладельцев и присоединиться к освобожденным частям Болгарии. Восстание закончилось поражением. Главные причины этого крылись в ограниченной сфере действия восставших и в усложнившейся международной обстановке. Кроме того, буржуазные деятели, стоявшие во главе Софийского и Горноджумайского комитетов, допустили серьезные тактические ошибки. Они неосновательно рассчитывали главным образом на благоприятный отклик на восстание в России и в Европе. Софийский комитет поставил во главе восстания болгарских реакционеров, австрийских агентов и авантюристов, которые подло расстреляли руководителей восстания: Стояна воеводу, Георгия Чолака, Ивана Трендафилова и нескольких четников. Этим восстанию был нанесен непоправимый удар (см. 50, стр. 74—87; 42; 90, стр. 406 и сл.).

№ 121

1878 г. августа 30. — Донесение П. В. Алабина А. М. Дондукову-Корсакову о вооруженных столкновениях в Джумайском и Кюстендильском округах

№ 3313

София

Из полученного мною донесения костендильского окружного начальника от 25 августа за № 169 видно, что бой между болгарами и турками происходил 1 августа. Скопище в несколько тысяч человек, состоящее из македонских и пьяницких беглецов, а также оставших ополченцев и четников, ударило на турок со стороны Джумайского округа. Регулярные турецкие войска встретили болгар у с. Истевник, в двух часах расстояния от Царева Села. Здесь бой длился целый день. Ночью болгары отступили, потеряв до 20 человек убитых.

В то же время производилась демонстрация и со стороны Костендильского округа от так называемой Черной Скалы. Здесь принимало участие в нападении от 100 до 150 человек. Так как турецкий кордон занимает здесь сильные, искусственно укрепленные позиции на высотах, то нападавшие не осмелились атаковать турок, и все дело ограничилось перестрелкой издала, причем ни убитых, ни раненых не было. Затем, потерпев неудачу, болгары снова рассеялись по горам и селам Костендильского, Дубницкого и Джумайского округов¹.

Целью нападения была месть туркам за жестокое обращение с немногими оставшимися в пограничных селениях болгарскими семействами. Болгары были вооружены ружьями разных систем — от кремневки до Пибоди. В Костендильском округе на всем протяжении границы от Джумай до Деве-Багар (на Эгри-Паланском шоссе) нет ни одного русского пикета; стражу высылают сами болгары, но и то весьма небрежно.

Имею часть донести о вышеизложенном в дополнение к телеграмме моей от 26 августа * в ответ на телеграмму генерала Шепелева № 883 **.

Исправляющий должность губернатора Алабин
Правитель канцелярии Громов

Пожета [М. А. Домонтовича]: Его сиятельство изволил приказать сообщить об этом князю Лобанову.

ЦГВИА, ф. 430, д. 90, л. 19—19 об. Подлинник.

1. Четническое движение как стихийный протест христианского населения против тяжелого социального и политического гнета издавна существовало в Македонии. После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. четы появились в юго-западных, центральных и восточных районах Македонии. Летом 1878 г. они стали стягиваться к Кюстендильскому и Джумайскому округам. В некоторых местах, в частности по обеим берегам Струмы, имели место стычки четников с турецкими войсками (42, стр. 23—25; см. также примечание к док. 120).

* См. то же дело, л. 18.

** См. то же дело, л. 17.

№ 122

1878 г. августа 30. — Донесение П. В. Алабина А. М. Дондукову-³ Корсакову о нападении башибузуков на дер. Сушицу Джумайского округа

№ 3314

София

Джумайский окружной начальник донес мне, что 18 августа около 7 час. утра около 500 башибузуков напали на дер. Сушицу, на нашей стороне демаркационной линии, и грабили ее до 5 час. вечера. Сожжено три хаты, 15 холодных построек; угнано около 70 голов крупного рогатого скота, один осел, один конь, до 250 овец, около 5 хат ограблено, около 12 душ пропали без вести.

Накануне происшествия турецкие регулярные войска подошли к дер. Сушице и расположились на своей стороне демаркационной линии в расстоянии часов трех пути от дер. Сушицы, где и стоят до сего времени. Полагают очевидцы, что численность регулярного отряда доходила до 200 человек. Отряд участия в деле не принимал. Насколько было известно по регулярному отряду об изложенном нападении башибузуков, определить нет возможности.

Исправляющий должность губернатора Алабин
Правитель канцелярии Громов

Помета [М. А. Домонтовича]: Его сиятельство изволил приказать сообщить об этом князю Лобанову.

ЦГВИА, ф. 430, д. 90, л. 20. Подлинник.

№ 123

1878 г. августа 31. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о подготовке устава и принятии мер к созданию благотворительных комитетов в других городах Болгарии *

№ 3

Тырново

В събранието на ком[итета] «Единство» на 31 августа 1878 г. подигна са вопроса за изработването на един устав на комитета. След дълги разсъждения по тоя въпрос, натовари са една комисия да изработи един устав¹, за да го подложи на одобрението и разглежданieto на членовете на комитета. В тая комисия бяха избрани следующите лица: Стат Антонов, Г. Живков, Д. П. Иванов, С. Стамболов и Н. Лазаров.

В това събрание присъствува и г. Бурмов от Габрово. Събранието реши да са напишат писма за Габрово, Елена, Русчук и Варна, в които да се поканят тамошните патриоти да си направят комитети, подобни на нашия. Писмата за Русчук и Варна са дадоха да ги занесе саморучно г. Ив. Кавалджиев, писмото за Габрово на г. Бурмова и писмото за Елена на г. Д. Златарски.

В това заседание са отвори и подписа на волни помощи от членовете на комитета. Присъстващите членове са подписаха и листата на волните помощи са даде на хранение г. П. Димову, бухгалтер на комитета. Заседанието са затвори **.

НБКМ—БИА, ф. 298, п. 1. Подлинник.

* См. док. 133 и примечание 1 к нему, док. 152.

** Следует 20 подписей членов комитета.

1. Устав опубликован в приложении к 47, стр. 103—105. Он содержит 5 разделов и 34 статьи. Раздел I озаглавлен «Цель комитета»; II — «Состав и средства комитета»; III — «Правление комитета»; IV — «Права и обязанности членов и настоятельства» и V — «Собрания комитета».

Ввиду того что комитет имел официальный статут благотворительного общества, его основная задача не была открыто и ясно выражена в уставе, где сказано, что «цель комитета помочь облегчению несчастного положения болгар, оставшихся вне пределов свободной Болгарии». Эта цель должна быть достигнута «открытием училищ для наших братьев, оставленных вне свободной Болгарии, поддержкой их сирот и всяческой помощью в облегчении несчастного положения тамошнего болгарского населения». Члены комитета разделялись соответственно своему участию в его деятельности и с учетом размера членских взносов и материальной помощи, которую они предоставляли для осуществления целей комитета, на «основных», «почетных» и «вспомогательных». Комитетами «Единство», создававшимися во всех населенных пунктах, руководили настоятельства, избравшиеся из основных членов. Заседания комитета были регулярные и чрезвычайные. Вопросы решались большинством голосов. Раз в год должно было проводиться годовое собрание, которое принимало отчет о деятельности соответствующего комитета (сельского, окружного, губернского или центрального) и избирало новое настоятельство.

№ 124

1878 г. августа 31. — Денеша Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому о задачах русских представителей в Европейской комиссии по Восточной Румелии *

Livadia

Par mon télégramme du 15 courant ** j'avais informé votre excellence que sa majesté l'empereur avait daigné nommer le prince Tzérételew 2-ième commissaire au sein de la Commission européenne pour l'organisation de la Roumélie Orientale. Sa connaissance parfaite du terrain sur lequel il aura à agir et les preuves qu'il en a données dans l'enquête dont il avait été chargé en 1876, font espérer qu'il justifiera la confiance témoignée par notre auguste maître ***. Vous aurez probablement informé vos collègues, sur la base du télégramme susmentionné, de la nomination du prince Tzérételew et fait les démarches nécessaires pour le faire reconnaître en son caractère de commissaire. Vous voudrez bien aussi lui communiquer les instructions dont vous avez muni le colonel Schepelew et dont vous m'avez transmis le projet de votre dépêche du 21 courant.

Le projet en question a été placé sous les yeux de sa majesté l'empereur. Notre auguste maître daigna l'approuver entièrement ¹.

Vous avez parfaitement saisi les vues du gouvernement impérial quant à la tâche qui incombe à nos commissaires; tout en s'appliquant à créer dans la Bulgarie du Sud un état de choses qui mette les populations à l'abri des vexations du régime turc et qui donne à l'élément chrétien la possibilité de se développer et de se raffermir, ils ne doivent pas perdre de vue que le but ultérieur de notre politique est la réunion de cette province à la principauté Bulgare. Il est évident que le gouvernement impérial ne pourrait jamais consentir à une organisation qui serait moins avantageuse pour les chrétiens que celle dont le projet a été élaboré avant la guerre par la conférence de Constantinople.

En traçant le programme des travaux de nos commissaires, vous n'aurez pas perdu de vue, mon prince, l'art. 23 du traité de Berlin qui charge la Commission européenne instituée pour la Roumélie-Orientale de donner son avis sur les travaux des commissions ottomanes dans les provinces qui n'ont pas reçu d'organisation spéciale. Sa majesté l'empereur juge désirable que la Porte exécute sans délai les stipulations contenues dans cet article en se hâtant de faire sortir ces malheureux pays de l'état d'anarchie actuel. — Cet engagement ne saurait être plus longtemps étudié. Dans ce but vous trouverez peut-être opportun soit de vous entendre avec vos collègues en vue d'une démarche iden-

* Далее — Европейская комиссия.

** В деле отсутствует.

*** См. примечание к док. 115.

tique, soit de faire soulever cette question au sein de la Commission européenne. Appelée à donner son avis, cette commission est par cela même tenue de réunir des données exactes, à l'aide de rapports consulaires, ou de sous-commissions, sur l'état des choses dans les provinces que vise l'art. 23 du traité de Berlin. Notre auguste maître pense qu'il serait opportun de profiter de la réunion des commissaires à Constantinople pour aborder cette question et tâcher de rendre *effectives* les réformes auxquelles la Porte s'est engagée.

C'est surtout le sort de la Macédoine qui nous semble digne d'attention. Privée par le traité de Berlin du règlement dont la dotait la conférence de Constantinople, cette province doit recevoir au plus tôt une organisation viable. Aussi sa majesté l'empereur a jugé nécessaire de créer sans retard un consulat général pour la Macédoine; le titulaire de ce poste résiderait soit à Salonique, soit à Bitoli et aurait pour mission spéciale de surveiller et d'activer les travaux des commissions ottomanes mentionnées dans l'art. 23.

La question de la présidence des différentes commissions aura probablement mérité votre attention. Il nous paraît tout à fait nécessaire d'en écarter les commissaires turcs et peut-être serait-il préférable que la présidence, sans être permanente, passe à tour de rôle aux commissaires de chaque Puissance ainsi que cela avait été entendu à la conférence de Constantinople, pour les commissions de contrôle.

Quant au lieu où siègera la commission, il me semble que Philippopoli est tout indiqué. C'est là qu'elle devra se transporter après quelques séances consacrées à s'entendre sur les questions de forme et de procédure.

Recevez, etc.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 34, лл. 312—314. Отпуск.

*Перевод
Ливадия*

Моей телеграммой от 15 текущего месяца я известил ваше высокопревосходительство о том, что его императорское величество соизволил назначить князя Церетелева вторым комиссаром в Европейскую комиссию по организации Восточной Румелии. Его превосходное знание обстановки, в которой ему предстоит действовать, доказательством чего является расследование, проведенное им в 1876 г., позволяет надеяться, что он оправдает доверие нашего августейшего повелителя. Вы, наверное, известите своих коллег на основании вышеупомянутой телеграммы о назначении князя Церетелева и примете необходимые меры для признания его в качестве комиссара. Соизвольте также передать ему инструкции, которыми вы снабдили полковника Шепелева и о проекте которых вы мне сообщали в вашей депеше от 21 текущего месяца.

Проект, о котором идет речь, был представлен его величеству императору. Наш августейший повелитель соизволил его полностью одобрить¹.

Вы совершенно верно поняли цели императорского правительства относительно задачи, возлагаемой на наших комиссаров; стремясь к созданию в Южной Болгарии такого порядка вещей, который бы оградил население от притеснений турецкого режима и дал бы христианскому элементу возможность крепнуть и развиваться, они не должны терять из виду, что конечной целью нашей политики является объединение этой провинции с Болгарским княжеством. Очевидно, что императорское правительство никогда не сможет согласиться на организацию, менее выгодную для христиан, чем организация, проект которой был выработан до войны Константинопольской конференцией.

Намечая программу работ наших комиссаров, вы, наверное, не упустили из виду, князь, ст. 23 Берлинского трактата, обязывающую Европейскую комиссию, учрежденную для Восточной Румелии, высказать свое мнение о работе османских комиссий в провинциях, организация которых не была предусмотрена специально. Его императорское величество считает желательным, чтобы Порта безотлагательно выполнила условия, содержащиеся в этой статье, дабы скорее вывести эти несчастные страны из их теперешнего анархического состояния. Этим обязательством нельзя более пренебрегать. В этих целях вы найдете, может быть, уместным либо договориться с вашими коллегами с тем, чтобы ими были предприняты такие же шаги, либо поднять этот вопрос в Европейской

комиссии. Эта комиссия призвана высказать свое мнение и должна собрать точные данные при помощи донесений консулов или подкомиссий по вопросу о положении дел в провинциях, что предусмотрено ст. 23 Берлинского трактата. Наш августейший повелитель считает, что было бы уместно воспользоваться собранием комиссаров в Константинополе, чтобы приступить к этому вопросу и попытаться провести реформы, обещанные Портой.

Судьба Македонии особенно кажется нам заслуживающей внимания. Лишенная Берлинским трактатом устава, предоставленного ей Константинопольской конференцией, эта провинция должна получить как можно скорее жизнеспособную организацию. Его императорское величество счел также необходимым немедленно создать генеральное консульство в Македонии; чиновник, занимающий этот пост, будет находиться либо в Салониках, либо в Битоли, и на него возложена специальная миссия контролировать и активизировать работу оттоманских комиссий, упомянутых в ст. 23.

Вопрос о председательстве в различных комиссиях, вероятно, заслуживает вашего внимания. Нам кажется совершенно необходимым устранить из них турецких комиссаров, возможно, было бы предпочтительно, чтобы председательство, не будучи постоянным, переходило по очереди к комиссарам каждой державы, как это постановлено Константинопольской конференцией для контрольных комиссий.

Что касается места заседания комиссии, мне кажется, Филиппополь наиболее подходит для этого. Именно сюда она должна переехать после нескольких заседаний, посвященных обсуждению процедурных и формальных вопросов.

Примите и пр.

1. Инструкция, утвержденная Александром II, была сообщена А. Б. Лобановым-Ростовским 11 сентября 1878 г. обоим русским делегатам в Европейской комиссии по Восточной Румелии: А. А. Шепелеву и А. Н. Церетелеву (см. 68, т. III, стр. 272—274).

№ 125

1878 г. сентября 1. — Циркуляр филиппопольского губернатора О. К. Гибша фон Гросталья окружным начальникам об изъятии турецких печатей и замене их болгарскими

№ 1596

Циркуляром от 24 августа сего года за № 1485 я предложил окружным начальникам распорядиться, чтобы мухтарские печати болгарских селений носили болгарские надписи¹. Подтверждая ныне сей циркуляр, я считаю нужным добавить, что окружные начальники должны, выдавая болгарские печати селениям, позаботиться об отобрании у них турецких, чтобы ни в одном селении не было двойных печатей. Распоряжение это относится и к мухтарским печатям махал в городах.

Подп[исал] губер[натор] Гибш Гросталь

НБИВ—БИА, Пловдив, ф. 19, д. 5, л. 206. Отпуск.

1. О печатях см. примечание к док. 33. После установления гражданской власти в освобожденной Болгарии городские и сельские советы обязаны были иметь печати с болгарским текстом.

№ 126

1878 г. сентября 4. — Циркуляр А. М. Дондукова-Корсакова губернаторам об употреблении в делопроизводстве болгарской терминологии

№ 2461

Филиппополь

С образованием Болгарского княжества господствующим и официальным языком его населения должен быть язык болгарский.

Между тем как в официальных сношениях, так и в среде местного населения до сих пор сохранилось в употреблении много неболгарских назва-

ний, установленных турецким правительством и взятых по преимуществу с турецкого языка.

Принимая во внимание, что в настоящее время при составлении для Болгарии новых уставов и положений по различным отраслям управления представляется настоятельно необходимым установить для этих предметов взамен существовавших доселе турецких и других названий по возможности болгарские, прошу ваше превосходительство во всех официальных ваших сношениях ввести в употребление следующие названия:

санджак'	— губерния
мюте-сариф	— губернатор
кааза	— окружие
каймакам	— окружен начальник
нахия	— околия
мюдир	— околел начальник
мухтар	— кмет
старейшина	— старей
таможня	— мытница
таможенная	
пошлина	— мыто
гамрюк, сборы	
с питей и	
табака	— акциз

Вместе с тем прошу вас о настоящем распоряжении распубликовать по вверенной вам губернии для всеобщего сведения.

Подлинный подписал императорский комиссар
князь Дондуков-Корсаков

Управляющий отделом внутренних дел генерал-майор Грессер
СГОДА, ф. 1 К, оп. 2, д. 113, л. 2. Типографский экземпляр.

№ 127

1878 г. сентября 4. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова
Д. А. Милютину о невозможности закрытия кредита
в 500 тыс. рублей на содержание гражданского управления в Болга-
рии и формирование Земского войска

№ 2309

Филиппополь

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич!

На письмо от 31 минувшего июля за № 770 *, в котором ваше высокопревосходительство изволите спрашивать, не признаю ли я возможным закрыть открытый в мое распоряжение кредит в 500 тыс. руб., имею честь уведомить, что так как поступление главных видов податных сборов в управляемом мною крае начнется не ранее октября месяца, то лишь к концу года я буду в состоянии определить, насколько окажется возможным обойтись местными поступлениями на покрытие расходов по гражданскому управлению Болгарии и по сформированию ее Земского войска, не прибегая к испрошенному мною кредиту в 500 тыс. руб. К тому же времени определятся и средства пополнения на счет местных доходов, позаимствованных покойным князем Черкасским из сумм империи 404 736 руб. 45 коп ¹.

В настоящее же время, предвидя, что Главное полевое казначейство, по счетам которого открыт в мое распоряжение упомянутый сверхсметный кредит, может быть в непродолжительном времени переведено в Россию и что в таком случае мне было бы затруднительно воспользоваться сим кредитом в случае недостаточности поступления местных доходов, я распоря-

* См. то же дело, лл. 25—26.

дился, по соглашению с главным, полевым казначеем, перевести упомянутую сумму в 500 тыс. руб. наполовину звонкою монетою и кредитными билетами в руцукское санджаковое казначейство. Таким образом, долг Болгарии в сумме империи составляет в настоящее время 904 736 руб. 45 коп.

Доволя об этом до сведения вашего высокопревосходительства, считаю, долгом присовокупить, что в генваре месяце будущего 1879 г., когда сделается в точности известна сумма поступивших с края доходов, я буду иметь честь представить вам мои соображения о возможности приступить к пополнению лежащего на Болгарии долга в 904 736 руб. 45 коп *.

С чувством глубокого уважения и совершенной преданности имею честь быть вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

князь Дондуков-Корсаков

Помета [канцелярии Военного министерства]: Вследствие изложенных в секретном письме главнокомандующего Действующей армией к военному министру от 5 сентября за № 3304 предложений об оставлении войск Действующей армии в Турции и оставлении Главного полевого казначейства в Адрианополе, необходимо подождать дополнительного отзыва императорского российского комиссара о способе уплаты долга.

ЦГВИА, ф. 1, д. 34158, лл. 27—28. Подлинник.

1. На расходы по гражданскому управлению Болгарии и на формирование Земского войска до сентября 1878 г. всего было ассигновано 1200 тыс. рублей: 200 тыс. рублей — 20 июня 1877 г. и 500 тыс. рублей — в октября 1877 г. (оба ассигнования поступили в распоряжение В. А. Черкасского), и, наконец, по ходатайству А. М. Дондукова-Корсакова 21 апреля 1878 г. был открыт кредит еще на 500 тыс. рублей. В погашение первого кредита было возвращено из доходов Болгарии 100 тыс. рублей, а из кредита, отпущенного в октября 1877 г., было израсходовано только 304 736 рублей 65 копеек.

Таким образом, в период заведования гражданским управлением В. А. Черкасским, долг Болгарии составил 404 736 рублей 65 копеек.

К середине 1878 г. сумма собранного налога и других сборов в Болгарии, поступившая в кассу Полевого казначейства, составила 414 332 рубля 24 копейки. В связи с этим Д. А. Милютин и запросил А. М. Дондукова-Корсакова (в письме от 31 июля за № 770), не найдет ли он возможным последний кредит в 500 тыс. рублей «зачислить неподлежащим к выполнению» (ЦГВИА, ф. 1, д. 34158, лл. 23—25).

№ 128

1878 г. сентября 4. — Письмо А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу о возможности спорного толкования ст. VI Берлинского договора и о пособиях болгарскому населению на восстановление жилищ

№ 147

Буюкдере
Конфиденциально

Сообщенные мне в [ашим] высокопрев[осходительств]ом при отношении от 27 августа замечания Азиатского д[епартамен]та на записку князя Дондукова-Корсакова ** были мною внимательно рассмотрены.

Не подлежит сомнению, что неопределительность редакции ст. VI Берлинского трактата и даже заключающиеся в ней противоречия подадут повод на первых же порах к недоразумениям. Понятие о *содействии* (assistier) несравненно шире понятия о *наблюдении* (contrôler). Опираясь на первое из этих выражений, турецкий комиссар и иностранные консулы будут с тем большею настойчивостью домогаться прямого вмешательства в действия нашего комиссара, что в той же статье предполагается возможность разногласия между этим последним и консулами и перенесение этого разногласия в Конст[антиноп]оль на окончательное разрешение. Да и самое наблюдение может быть производимо не иначе, как по обозрении официальных документов и истребовании объяснений, а не на основании каких-либо слухов.

* См. док. 215.

** См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 5, стр. 16—17, 280—296.

Назначение русского генер[ального] консула, который принимал бы участие в суждениях консульской комиссии и был бы естественным посредником между нею и имп[ераторским] комиссаром, представляется ныне же настоятельно необходимым. Выбор этого лица требует особенного внимания, так как теперь уже до меня доходят сведения, что Порта и некоторые из здешних посольств толкуют ст. VI Берлинского трактата в широком ее смысле, и следует ожидать, что она возбудит сильные споры.

Что же касается до вопроса выдать пособия болгарам для возобновления их жилищ *, то, как в[аше] высокопр[евосходительств]во весьма справедливо изволите замечать, было бы совершенно бесполезно рассчитывать на какое-либо вспомоществование от турецкого правительства. С другой стороны, позаимствование потребной на этот предмет суммы из военной контрибуции не представляется возможным, так как самый вопрос о контрибуции, о сроках и условиях ее уплаты еще далеко не разрешен; казалось бы самым правильным обратить все расходы по возобновлению болгарских жилищ, равно как и по водворению возвращающихся мусульман, на остатки, которые предвидятся от собираемых нашими властями общих доходов края за удовлетворением расходов по управлению. На этот источник я уже указывал кн. Дондукову, как в[аше] высокопр[евосходительств]во изволите усмотреть из прилагаемого у сего в копии письма моего **.

Долгом считаю возвратить у сего приложенный к отношению в[ашего] высокопр[евосходительства] экземпляр турецкого бюджета.

Примите и пр.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8778, л. 32—32 об. Копия.

№ 129

1878 г. сентября 5 (17). — Нота А. Б. Лобанова-Ростовского великому визирю Турции Савфету-паше о невозможности предложить амнистию мусульманам—участникам репрессий над болгарским населением и о пожизненной высылке Хаджи Ариффа из Восточной Румелии ***

№ 503

Buyukdéré

Je n'ai pas manqué de soumettre à l'appréciation du gouvernement impérial la note que votre altesse m'a fait l'honneur de m'adresser en date du 28 Août à l'occasion de l'affaire de Hadji Arif Aga, condamné à la peine capitale pour une série de crimes commis par lui du mois de Juillet 1876 au 2 Janvier de l'année courante ¹.

Sans s'arrêter à la nature de ces crimes, la Sublime Porte, se basant sur l'amnistie pleine et entière qu'elle s'est engagée par l'article XVII du traité de San-Stéfano d'accorder aux sujets ottomans compromis dans les derniers événements, demande dans cette note que le gouvernement impérial, de son côté, reconnaisse et maintienne le principe de cette amnistie pour tous les crimes et délits commis antérieurement à la conclusion de ce traité.

Le gouvernement impérial n'a pas trouvé possible d'accéder à cette demande. Elle tendrait à garantir une complète impunité à un certain nombre d'individus notoirement connus pour avoir été les auteurs des massacres qui ont, dans le temps, ensanglanté la Bulgarie et que la Sublime Porte elle-même a hautement réprochés. La réapparition et l'impunité de ces individus, lorsque le souvenir de leurs méfaits n'est pas encore effacé et que les passions sont loin d'être calmées, auraient pour conséquence inévitable de pousser la population à se rendre justice elle-même et provoqueraient les plus regrettables désordres. En administrant les pays qui sont encore occupés par les troupes rus-

* См. док. 116.

** См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8721, л. 8—13.

*** См. док. 113. и примечание к нему, док. 117.

ses, le gouvernement impérial n'a pas d'autre but que celui d'arriver progressivement à l'apaisement des esprits, et au rétablissement de la tranquillité si profondément troublée par les événements de ces dernières années. L'extension que la Sublime Porte voudrait donner à l'article XVII du traité de San-Stéfano ne contribuerait guère à procurer ce résultat.

Sa majesté l'empereur cédant toutefois aux sentiments de générosité qui l'animent à bien voulu, conformément à l'avis de monsieur le commandant en chef, autoriser qu'il fut fait grâce de la vie à Hadji Arif Aga, mais à la condition que la peine capitale fut commuée en une expulsion à perpétuité du territoire de la Roumélie Orientale.

Cette grâce ne saurait cependant constituer un précédent pour l'avenir et tout individu qui sera convaincu d'avoir été un de fauteurs de massacres et qui se trouvera au pouvoir des autorités russes, sera traduit devant une cour martiale et subira sa condamnation.

Il est sans doute préférable que les individus de cette catégorie ne retournent pas du tout dans leur pays, leur présence ne pouvant y réveiller que de fâcheux souvenirs et des sentiments de vengeance. Aussi le gouvernement impérial d'accord en cela avec l'opinion exprimée par votre altesse dans la note précitée, a-t-il reconnu nécessaire de tenir ces individus éloignés de leur pays. Les gouverneurs de la Bulgarie et de la Roumélie Orientale ont été invités à présenter à l'ambassade impériale la liste des individus qui sont notoirement connus pour avoir été les instigateurs et les fauteurs des meurtres qui ont eu lieu en Bulgarie. Ceux des émigrés, non encore rentrés dans leur pays, qui seraient portés sur cette liste, ne devront pas être admis à y retourner.

Je me fais un devoir de porter ce qui précède à la connaissance de votre altesse, et je saisis cette occasion, etc.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, ч. I, лл. 159—161. Копия.

*Перевод
Буюкдере*

Я не преминул передать на рассмотрение императорского правительства ноту от 28 августа, которую ваше сиятельство изволили мне направить по делу Хаджи Ариф-аги, осужденного на смертную казнь за ряд преступлений, совершенных им с июля месяца 1876 г. по 2 января текущего года¹.

Не останавливаясь на характере этих преступлений, Блистательная Порта, ссылаясь на полную и окончательную амнистию, которую она статьей XVII Сан-Стефанского договора обязалась предоставить оттоманским подданным, скомпрометированным в последних событиях, требует в этой ноте, чтобы императорское правительство, со своей стороны, признало и поддержало принцип этой амнистии за все преступления и проступки, совершенные до заключения этого договора.

Императорское правительство не нашло возможным согласиться на эту просьбу, поскольку она гарантировала бы полную безнаказанность определенным лицам, явно известным как зачинщики массовых убийств, в свое время заливших Болгарию кровью и официально осужденных самой Блистательной Портой. Появление этих лиц и их безнаказанность, в то время как их злодеяния еще не изгладились в памяти, а страсти далеко не утихли, могут неизбежно толкнуть население на самосуд и вызвать самые пагубные беспорядки. Управляя областями, еще занятыми русскими войсками, императорское правительство не имеет иной цели, как постепенно добиться умиротворения умов и восстановления спокойствия, столь глубоко поколебленного событиями последних лет. Расширенное толкование, которое Блистательная Порта хотела дать ст. XVII Сан-Стефанского договора, не способствовало бы достижению этого результата.

Тем не менее его императорское величество, уступая чувству великодушия, соблаговолил, в соответствии с мнением главнокомандующего, разрешить, чтобы Хаджи Ариф-аге была дарована жизнь, но при условии, что смертная казнь будет заменена пожизненным изгнанием с территории Восточной Румелии.

Это помилование не сможет стать прецедентом в будущем, и каждый изблеченный как виновник резни и оказавшийся во власти русских властей будет предан военному суду и понесет суровое наказание.

Без сомнения, предпочтительно, чтобы лица этой категории вовсе не возвращались в страну, так как их присутствие может лишь вызвать неприятные воспоминания и пробудить чувство мести. Таким образом, императорское правительство, в соответствии с мнением, высказанным вашим сиятельством в вышеупомянутой ноте, признало необходимым удалить этих лиц из страны. Правителям Болгарии и Восточной Румелии предлагается представить в императорское посольство список лиц, заведомо известных как зачинщики и виновники убийств, имевших место в Болгарии. Эмигрантам, еще не вернувшимся в страну и внесенным в этот список, возвращение не должно быть дозволено.

Считаю своим долгом довести вышеизложенное до сведения вашего сиятельства и пользуюсь этим случаем, чтобы и пр.

1. В связи с протестом Порты и Англии против смертного приговора Хаджи Арифу, основанном на том, что эти преступления были совершены до заключения Сан-Стефанского договора, А. Б. Лобанов-Ростовский запросил мнение Э. И. Тотлебена и Министерства иностранных дел. Тотлебен решил не утверждать смертный приговор, чтобы не обострить отношений с Портой, а «извлечь наибольшие для нас выгоды», т. е. передать военных преступников турецкому правительству, а от него потребовать «возвратить всех до единого болгар, все еще находящихся в заточении и ссылке» (см. 80, вып. 5, письмо Тотлебена Дондукову от 28 августа 1878 г., стр. 103—106). 28 августа 1878 г. Министерство иностранных дел сообщило А. Б. Лобанову, что Александр II согласился с мнением Тотлебена об изгнании Хаджи Арифа навечно из пределов Болгарии (expulsion à perpétuité) (АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 34. л. 305). 28 августа Порта направила А. Б. Лобанову ноту за подписью Савфета с просьбой о помпловании Хаджи Арифа (см. 80, вып. 5, стр. 106—109). Данное письмо Лобанова является ответом на турецкую ноту. А. М. Дондуков был против отмены смертного приговора, так как «возбуждение против этих злодеев в народе сильное, и помилование их при всем известном заступничестве англичан может сильно подорвать наше влияние в стране» (там же, стр. 110). Но, подчиняясь решению Петербурга и Тотлебена, он, однако, препроводил преступников в Софию и не выпускал их, пока турецкое правительство не освободило болгар, находившихся в ссылке (там же, стр. 112—114; 90, стр. 151).

№ 130

1878 г. сентября 5. — Отношение ловчинского окружного начальника М. К. Стабровского председателю Ловчинского городского совета И. Колеву о порядке устройства возвращающегося турецкого населения

№ 1258

Ловча

В ответ на мой вопрос его превосходительство терновский губернатор телеграммой от сегодняшнего числа предписал мне водворять возвращающихся беженцев-мусульман в их собственных домах только в том случае, если дома их никем не заняты и если они свидетельством болгар-односельцев формально удостоверят в принадлежности домов¹.

Окружной начальник
майор Стабровский

И. д. секретаря И. Луканов

ОДА—Ловеч, ф. 25 К, оп. 1, д. 318, л. 8. Подлинник.

1. Согласно § 4 постановления Совета российского комиссара в Болгарии от 2 августа 1878 г. (см. 80, вып. 5, стр. 312).

№ 131

1878 г. сентября 7. — Инструкция Министерства иностранных дел русскому дипломатическому агенту и генеральному консулу в Болгарии А. П. Давыдову о задачах его деятельности

Ливадия

Его императорскому величеству благоугодно было, по особому доверию к вам, избрать вас для занятия вновь образуемого поста дипломатического агента и генерального консула в Болгарском княжестве. Вследствие сего

Министерство иностранных дел считает необходимым преподать в[ашему] пр[евосходительст]ву по этому случаю некоторые общие указания, касающиеся предстоящей вам деятельности.

Пока княжество будет заниматься нашими войсками и находиться под верховным управлением императорского комиссара до избрания князя, деятельность ваша будет по преимуществу наблюдательная. Не вмешиваясь в дела внутреннего управления княжества и находясь вне сферы деятельности комиссара и вне всякой зависимости и подчинения ему, вы тем не менее не будете отказывать ему в вашем содействии в тех случаях, когда он этого потребует, в особенности при столкновениях его с иностранными консулами или с комиссаром Порты. Вы будете стараться наблюдать за действиями иностранных коллег ваших, не допускать их до вмешательства в дела внутреннего управления княжества во время занятия его нами и вообще устранять всякие притязания их на какую-либо активную роль в деле предпринятой нами организации Болгарского княжества. С избранием князя и введением в действие местной болгарской администрации деятельность в[ашего] пр[евосходительст]ва должна главным образом быть направлена к утверждению нашего влияния в княжестве, которое вызвано к жизни только при нашем содействии и в котором, по всем правам, господствующим влиянием должно быть наше. Весьма важно, чтобы в народе, только что призываемом к самостоятельной политической жизни, правительство его при влиянии вашем сумело поддержать и укрепить те симпатии, которые до сего времени он питал к России. Вам предстоит, таким образом, положить первое основание нашего влияния в этом новом славянском княжестве и поставить его на такую прочную почву, на которой не могли бы поколебать его другие, враждебные нам влияния.

Затем вам необходимо будет обратить особенное внимание на поддержание единения и связи между Болгарским княжеством и тою частью Болгарии, которая на основании Берлинского трактата должна отойти под власть турецкого правительства под именем Восточной Румелии. В этом случае вы войдете в соглашение с генеральным консулом нашим в Филиппополе и условитесь с ним насчет тех мероприятий, которые более всего могли бы содействовать к установлению прочной связи между обеими частями Болгарии. Для сведения вашего при сем препровождается копия с инструкции, данной министерством надворному советнику князю Церетелеву, назначенному генеральным консулом нашим в Филиппополе *. Нет сомнения, что в этом деле вы найдете сильную поддержку и содействие и со стороны княжеского правительства.

Наконец, вы будете стараться влиянием вашим на княжеское правительство склонять его к установлению более дружественных отношений к сопредельному Болгарии Сербскому княжеству. При тех неудовлетворительных и даже неприязненных отношениях, которые в последнее время возникли между болгарскою и сербскою национальностями, весьма легко может случиться, что пограничные дела могут дать повод к усилению неприязни между этими славянскими народностями. Не в интересе нашей политики поддерживать такие отношения между единоплеменниками нашими, и потому одною из главных задач вашей деятельности будет составлять забота об установлении дружественных отношений между болгарами и сербами. Для сего, ввиду установления единства действий, вам необходимо будет войти по этому вопросу в соглашение с министром — резидентом нашим в Белграде.

В заключение считаю долгом просить вас представлять непосредственно Министерству иностранных дел все донесения ваши о ходе политических дел в Болгарском княжестве, а копии с них сообщать посольству нашему в Константинополе.

*Революция Александра II: Быть по сему.
АВПР, ф. ГА, I-1, д. 54, лл. 93—97. Отпуск.
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8767, лл. 10—12 об. Копия.*

* См. док. 115.

1878 г. сентября 8. — Донесение командира IV армейского корпуса М. Д. Скобелева А. К. Имеретинскому о гуманных действиях русских войск по отношению к мирному турецкому населению

№ 3648

Сан-Георгио

Международная родопская комиссия вместо исследования положения выходцев, сбежавшихся во время минувшей кампании с разных мест в Родопские горы, вышла из пределов предоставленных ей полномочий и произвела одностороннее уголовное следствие в предвзятом направлении с целью собрании сведений не к выяснению положения выходцев, а к обвинению русской армии, дабы вооружить против нас Европу и ободрить упорство и сопротивление выходцев в надежде возврата ими утраченного.

Если все действия наши клонились до сей поры к ограждению мирного населения, если мы и теперь содействуем успешному водворению выходцев на места их оседлости, то, естественно, не можем быть обвиняемы в стремлении уменьшить население, разорять край и вообще совершать приписываемые нам злодеяния и жестокости. Если и были во время минувшей кампании случаи насилия против частного или общего права, то они никогда не переходили пределов, составляющих неизбежное последствие войны, и должно признать, что, несмотря на сильное возбуждение, русская армия до конца выдержала роль умиротворительницы.

Нельзя отрицать того, что в последний период кампании, когда вооруженное население примыкало к войскам и делало это вследствие давления своего правительства, армия наша была в некоторых исключительных случаях поставлена в необходимость действовать оружием против населения и войск, совместно сражавшихся, но всякий раз при первой к тому возможности действие оружия с нашей стороны прекращалось, даже часто в ущерб прямым боевым выгодам. Так было, например, в Казанлыке, где мы приостановили враждебные действия для охранения турецких госпиталей и для тушения пожара, произведенного турками при оставлении города. Еще более резко человеколюбие наше выразилось под Хаскиоем, где не был допущен мною лично артиллерийский огонь и остановлена кавалерия, назначенная для преследования отступавших масс, в числе коих выдавались иррегулярные турецкие войска, и такое распоряжение с моей стороны подсказывалось желанием отвратить грозный удар наших войск против вооруженного населения, увлеченного неприязненными против нас действиями с оружием в руках.

Не отвергаю, что могли быть отдельные случаи сожигания построек, в которых устроены были против нас засады, или когда оказывалась безуспешной попытка обезоружить население и прекратить их сопротивление, но все подобные меры вызывались требованиями войны в тесном, ограниченном смысле этого слова, и смело могу засвидетельствовать, что ранее той минуты, когда оканчивались против нас враждебные действия, проявлениям великодушия со стороны солдат и офицеров наших не было конца: делились последним сухарем, раздавали деньги и теплые вещи, подобранные дети отдавались на попечение местных жителей, а некоторые и до настоящего времени призываются в среде солдат.

По сознании турецких генералов, война приняла в январе м[еся]це ужасающий характер вследствие распоряжений Сулеймана-паши, желавшего действовать по примерам 1812 г. и поднявшего совместно с регулярными войсками и под вооруженным прикрытием их все мусульманское население долины Марицы в самую суровую пору года, не обеспечив его ни продовольствием, ни теплой одеждой. Очевидно, что последствия были ужасные, но ответственность за них не может падать на русскую армию, а кроется исключительно в распоряжении турецкого правительства, что и справедливо ставится теперь Сулейману-паше одним из главных упреков его вины.

Что же касается до вверенных мне войск в этот период войны, то могу по совести засвидетельствовать перед государем императором, что в эти грозные и навсегда печальные для мусульманского населения Восточной Румелии минуты войска наши высказали то великодушие и ту любовь к ближним, которая исстари присуща доблестной русской армии, и солдаты наши не омрачили своей доблестной славы теми позорными действиями, которые приписываются нам нашими недоброжелателями.

По вышеизложенным соображениям достоинство наше не позволяет относиться серьезно к клеветам, возведенным на нашу армию Международною родопскою комиссиею.

¶ Приложение: документы за № 3451, 3768 *
Командующий корпусом генерал-адъютант
Начальник штаба генерал-майор

На обороте документа приписка: Напр[имер], относительно сожжения Ени-Загры, Ески-Загры и окрестностей Сулеман-паша в 12-м заседании суда 8 августа 1878 г. говорит: «Car il n'existait plus de villages à Jeni-Sagra et à Jeski-Sagra, les musulmans ayant brûlé ceux des chrétiens, et les chrétiens — ceux des musulmans» («Turquie», Mercredi, 18 Septembre 1878, № 215) **

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7874, ч. 2, лл. 717—719 об. Отпуск.

№ 133

1878 г. сентября 9. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» с представителями населения губернии о задачах комитета и его деятельности ***

№ 7

Търново

Днес, 9 септември, членове на комитета «Единство» събраха са в извънредно заседание. В това събрание присъствуваха и долните представители от цялата губерния¹, както от Севлиево: господа Хр. Спиридонов, Ц. Спиридонов, Сава Яковов, Кр. Сухищонский, Спиридон Петев, Георги Драгошинов и Хр. Владимиров. От Ловеч: Д. Пъшков, Ив. Колев, Д. х. Дойчинов, Анг. Кунчов, М. Радославов, Начо Начев, В. Йонков, Илия Дочев, Н. П. Михалев и Драсов. От Осман Пазар: Киро Стоянов, Ст. Попов, Денчо х. Пулев и Боню Харозанов. От Габрово: Цончо Пенчов и Н. Христов. От Елена: Йордан п. Тодоров и Милан Радивоев. От Беброво: Ив. Молов. От Трявна: П. Икономов. От Дряново: Теофил Икономов и Хр. х. Ангелов. Заседанието се намери за пълно и са отвори от почетния председател отца архимандрита Стефана, който обясни на присъстващите представители от губернията целта на комитета и неговите досегашни действия и ги покани да земат и те участие в това свято дело, — като съставят сякой в своето място подобни комитети. По желанието на събранието прочете са първия дневник на комитета и негова устав ****. След това г. г. Д. П. Иванов и С. Стамболов взеха думата и описаха в кратце причините, които са предизвикали съставянието на комитета в Търново, длъжността на цялото население да е в поддръжка, ползата която са очаква от тях и заключиха като изказаха надежда, че тази благородна инициатива взета [от] търновци, ще срещне навсякъде прилично съчувствие, и че губернките представители

* В деле отсутствуют.

** Не существовало более деревень у Ени-Загры и Эски-Загры, так как мусульмане сожгли христианские деревни, а христиане — мусульманские («Turquie», среда, 18 сентября 1878 г., № 215). (фр.).

*** См. док. 123, 152.

**** См. примечание к док. 123.

ще бъдат първи, да ни подадат ръката си, за да дадем пример на единство и съгласие на другите губернии. Сичките представители удобриха началата и целта на комитета, признаха нуждата за работене и са задължиха като са върнат сякој на местата си, да съставят подобни комитети, като са водят от устава на Търновския комитет, от когото взеха и препис.

Предложиха се за нови членове: г-н Ив. Касабов, д-р Ст. Пенчов и А. Ташикманов, които са приеха по вишегласие и са реши да са призоват в идущето събрание на комитета.

При затварянието на заседанието господа Д. Момчев, Ст. Антонов и Г. Жйвков взеха сбогом от сичките и заминаха като организатори из Българско², както беше са решило в по-първото заседание*.

НБКМ—БИА, ф. 298, п. 1. Подлинник.

1. Эти лица были созваны по инициативе Търновского комитета для создания комитетов «Единство» в других пунктах. Такие комитеты были затем основаны во многих городах и селах Придунайской Болгарии. Следует отметить, что многие из них возникли по местной инициативе, первоначально как благотворительные общества для помощи македонским беженцам. Кроме Търнова, комитеты «Единство» были основаны и в следующих пунктах княжества Болгарии: София, Руцук, Видин, Севлиево, Враца, Берковица, Ловча, Осман-Пазар (Омуртаг), Габрово, Елена, Беброво, Трявна, Дряново, Горна Оряховица, Шумла, Плевна, Систов, Оряхово, Разград, Варна, Лясковец, Долна Оряховица, Драгижево, Златарица, Джулюница, Минде, Ново село, Кесарево, Полски Трамбеш и др. (см. публикуемые в томе протоколы комитета «Единство»; 12, стр. 123; 42, стр. 36—39; 90, стр. 412).

2. Речь идет о Северной Болгарии (Мизия).

№ 134

1878 г. септември 9 (21). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу о неверном толковании турецким правительством ст. XXI Сан-Стефанского договора о недвижимых государствах

Buyukdéré

Monsieur le sénateur!

Ayant reçu simultanément la lettre que votre excellence m'a fait l'honneur de m'adresser d'Odessa et un télégramme de monseigneur le grand duc Michel, concernant les difficultés que rencontrait l'interprétation de l'expression: «biens immeubles appartenant à l'Etat», employée dans la seconde partie de l'article XXI du traité de San-Stéfano, je n'ai pas manqué d'appeler sur cet objet l'attention du grand vésir, et je lui ai adressé la lettre ci-jointe en copie**, en le priant de donner aux commissaires turcs des instructions conformes au sens qui, selon nous, devait être attribué à cette expression.

Bientôt après, le commissaire impérial en Bulgarie m'informait que les mêmes difficultés s'étaient élevées à propos de l'article XII du traité de Berlin: les commissaires turcs à Varna insistaient sur la vente des bâtiments et des domaines de la couronne, ainsi que des terres des Circassiens.

Lorsqu' au bout de quelque temps je rappelai à Savfet pacha que j'attendais de lui une réponse à ma lettre, il me dit que la question soulevée par moi était encore à l'étude, et qu'il ne tarderait pas à me faire connaître l'opinion de la Porte.

Cette réponse vient de me parvenir, et votre excellence en trouvera sous ce pli une copie***. La Porte reconnaît qu'en principe et, à défaut de toute stipulation spéciale, les immeubles appartenant à l'Etat passent, de plein droit,

* Следует 14 подписей членов комитета.

** См. приложение I.

*** См. приложение II.

en cas de cession de territoire, au nouveau maître qui en devient propriétaire. Mais elle soutient que, dans le cas actuel, il a été dérogé à cette règle par une clause conçue dans les termes les plus généraux et qui comprennent *l'intégralité* des possessions immobilières de l'Etat. Toute ligne de démarcation entre les domaines que l'Etat conserverait, et ceux dont il perdrait la propriété, serait, à son avis, arbitraire, attendu que les termes précis et absolus de l'article XXI n'admettent ni distinction, ni exception.

Une telle interprétation est non seulement contraire aux principes universellement observés dans les cas de cession territoriale, mais elle présenterait encore, dans son application pratique, de grandes difficultés, et je ne manquerai pas d'employer tous mes efforts pour combattre l'opinion exprimée par le grand vésir. Je prévois, cependant qu'il ne sera pas facile de la lui faire abandonner à moins de lui faire sentir que notre position de détenteurs de l'objet en litige nous permet d'attendre sans impatience le règlement de cette question¹.

Veillez agréer, monsieur le sénateur, l'assurance de ma haute considération.

Lobanow

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, ч. 1. лл. 170—171 об. Подлинник.

Приложение I

1878 г. августа 23 (сентября 4). — Письмо А. Б. Лобанова-Ростовского Савфету-паше о русской интерпретации ст. XXI Сан-Стефанского договора относительно недвижимых государственных имуществ

Constantinople

D'après les nouvelles que je reçois de monseigneur le grand duc Michel. l'évacuation du territoire de Batoum marche activement et de la manière la plus satisfaisante. Les habitants eux-mêmes, loin de témoigner quelque hostilité, expriment la ferme résolution de devenir de fidèles sujets de leur nouveau maître. Je sais que ces heureux résultats sont dûs à l'attitude loyale et décidée que votre altesse a prise dans cette affaire.

Mais une difficulté a surgi entre les commissaires russes et ceux de la Porte relativement au sens plus ou moins étendu qu'il faut accorder à l'expression: «biens immeubles appartenant à l'Etat», employé dans le second paragraphe de l'art. XXI du traité de San-Stéfano. Nous pensons que l'on ne peut, sans déroger à un principe de droit international généralement admis, entendre par là tous les biens immeubles de l'Etat, mais uniquement ceux qui sont une destination déterminée comme servant au culte, à l'entretien des écoles, des fondations pieuses etc. En Turquie surtout, les biens de l'Etat (dans le sens étendu de ce mot) forment la majeure partie du territoire, et, d'après ce qui a toujours lieu dans les cas de cession territoriale, les droits de propriété de l'ancien Etat passent à l'Etat nouveau, dont ces biens doivent faire partie. Les commissaires ottomans ne se croient pas autorisés à admettre cette interprétation, et je viens prier votre altesse de vouloir bien leur donner, s'il est possible, par télégraphe, des instructions à ce sujet et de m'en faire connaître la teneur.

Son altesse impériale me prie également de m'employer auprès de la Sublime Porte pour hâter le départ des deux commissions de délimitation en Asie.

Veillez, etc. . .

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, ч. 1, л. 172—172 об. Копия.

1878 г. сентября 5 (17). — Нота Савфета-паши
А. Б. Лобанову-Ростовскому о целостности недвижимых
имуществ турецкого государства

J'ai donné toute mon attention au contenu de la lettre particulière que votre excellence a bien voulu m'adresser, le 23 Août (4 Septembre), au sujet de l'interprétation du second paragraphe de l'article XXI de San-Stéfano, et j'ai l'honneur de lui soumettre en toute confiance les considérations qu'a fait naître dans mon esprit l'examen scrupuleux de cette question.

En principe et à défaut de toute stipulation spéciale, les immeubles appartenant à l'Etat passent de plein droit, en cas de cession de territoire, au nouveau maître qui en devient propriétaire. Mais dans le cas actuel et en raison même de la nature et de la cause de la cession, il a été dérogé à cette règle par une clause conçue dans les termes les plus généraux et qui comprennent l'intégralité des possessions immobilières de l'Etat.

Je me demande, d'ailleurs, quelle pourrait être la ligne de démarcation à établir entre les domaines de l'Etat ottoman, qu'il conserverait et les domaines dont il perdrait la propriété.

En effet, une ferme, une forêt, une prairie, une mine constituent des biens immeubles dans le sens propre du mot au même titre qu'un édifice destiné au culte ou à l'instruction publique. Je dirai même que si l'on devait établir une distinction qui ne fut pas absolument arbitraire, il semblerait plutôt que le nouveau maître dût prendre possession des édifices consacrés à un service public et respecter au contraire les biens que l'ancien maître possédait à titre particulier.

Je crois inutile de pousser plus loin cette démonstration qui peut être considérée comme superflue, en présence des termes précis et absolus de l'article XXI qui n'admettent ni distinction, ni exception.

Je prie votre excellence de vouloir bien apprécier la valeur de ces considérations et reconnaître qu'en limitant arbitrairement l'étendue des réserves stipulées au profit de l'Etat, je m'exposerais au reproche mérité d'avoir sacrifié les droits que j'avais le devoir de sauvegarder.

Veuillez, etc.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, ч. 1, лл. 173—174. Копия.

Перевод
Буюкдере

Господин сенатор!

Получив одновременно письмо, которое ваше высокопревосходительство соблаговолили направить мне из Одессы, и телеграмму его высочества великого князя Михаила, касающуюся трудностей, которые может встретить интерпретация выражения «недвижимые имущества, принадлежащие государству», употребленного во второй части ст. XXI Сан-Стефанского договора, я не преминул обратить на это внимание великого визиря и направил ему письмо, коего копия при сем прилагается, прося его дать турецким комиссарам инструкции, соответствующие тому смыслу, который, по нашему мнению, должен подразумеваться под этим выражением.

Вскоре после этого императорский комиссар в Болгарии сообщил мне, что подобные трудности возникли в связи со ст. XII Берлинского трактата: турецкие комиссары в Варне настаивали на продаже зданий и имуществ короны, равно как и черкесских земель.

Когда спустя некоторое время я напомнил Сафвету-паше, что жду его ответа на мое письмо, он мне сказал, что поднятый мною вопрос еще изучается и что он не замедлит сообщить мне мнение Порты.

Я только что получил этот ответ, и ваше высокопревосходительство найдет его копию при этом письме. Порты признает, что в принципе и за отсутствием специального постановления недвижимые имущества, принадлежащие государству, в случае уступки этой территории перейдут с полным правом к новому хозяину, который становится их владельцем.

Но она утверждает, что в настоящем случае это правило было нарушено положением, изложенным в самых общих выражениях, означающих *целостность* недвижимой государственной собственности. Всякая линия разграничения между владениями, которые государство сохраняет, и теми, которые оно теряет, была бы, по его мнению, произвольной, ввиду того что точные и категорические формулировки статьи XXI не допускают ни различий, ни исключения.

Подобная интерпретация не только противоречит повсеместно соблюдаемым принципам в случаях территориальной уступки, но может также при практическом применении представить большие трудности, и я не премину употребить все свои усилия, чтобы опровергнуть высказанное великим визирем мнение. Однако я предвижу, что нелегко будет заставить его от нее отказаться, разве только дав ему понять, что наше положение владельцев предмета тяжбы позволяет нам незамедлительно приступить к урегулированию этого вопроса ¹.

Соблаговолите принять, господин сенатор, уверение в моем глубоком почтении
Лобанов

Приложение I

Перевод

Константинополь

По сообщениям, полученным мною от его высочества великого князя Михаила, эвакуация Батума происходит активно и самым удовлетворительным образом. Сами жители, совершенно не проявляющие какой-либо враждебности, заявляют о своей твердой решимости стать верноподданными своего нового повелителя. Я знаю, что эти счастливые результаты обязаны той честной и решительной позиции, которую ваше сиятельство заняли в этом деле.

Но между русскими комиссарами и комиссарами Порты возникла трудность относительно более или менее широкого толкования, которое следует придать выражению «недвижимые имущества, принадлежащие государству», употребленному во втором параграфе ст. XXI Сан-Стефанского договора. Мы считаем, что нельзя, не нарушая общепринятой принцип международного права, подразумевать под этим все недвижимые государственные имущества, но только те, которые имеют определенное назначение как принадлежащие храму, содержанию школ, благотворительным заведениям и т. д. В Турции, особенно государственные имущества (в широком смысле этого слова), образуют большую часть территории, и потому, по примеру того, что всегда имело место в случаях территориальной уступки, имущественные права прежнего государства переходят к новому государству, частью которого становятся эти имущества. Оттоманские комиссары не считают себя уполномоченными согласиться на эту интерпретацию, и я прошу вашу светлость соблаговолить сообщить им, если возможно, телеграфом, инструкции по этому поводу и передать мне их содержание.

Его императорское высочество просит меня также похлопотать перед Блистательной Портой об ускорении отъезда двух делимитационных комиссий в Азию.

Соблаговолите и пр.

Приложение II

Перевод

Я отнесся со всем вниманием к содержанию личного письма, которое ваше высокопревосходительство соблаговолители направить мне от 23 августа (4 сентября), по поводу интерпретации второго параграфа ст. XXI Сан-Стефанского договора, и имею честь передать совершенно доверительно соображения, вызванные во мне тщательным рассмотрением этого вопроса.

В принципе и за отсутствием какого-либо специального условия недвижимое имущество, принадлежащее государству, с полным правом переходит, в случае территориальной уступки, к новому хозяину, который становится его собственником. Но в настоящем случае и также в силу самого характера и причины уступки это правило нарушено положением, изложенным в самых общих выражениях, означающих целостность недвижимого государственного имущества.

Впрочем, я спрашиваю себя, какая разграничительная линия может быть установлена между владениями Оттоманского государства, которые оно сохранит, и владениями, которые оно теряет.

Действительно, ферма, лес, луг, шахта составляют недвижимое имущество в собственном смысле слова на том же основании, что и здания, предназначенные для храма или народного образования. Я даже сказал бы, что если нужно установить различие, которое не было бы абсолютно произвольным, то представляется скорее, что новый хозяин должен вступить во владение зданиями, предназначенными для общественной службы, и, напротив, уважать недвижимую собственность, которой прежний хозяин владел на правах частной собственности.

Я считаю бесполезным далее выдвигать доказательства, которые могут счесть излишними, перед точностью и категоричностью выражений ст. XXI, не допускающей ни различения, ни исключения.

Прошу, ваше сиятельство, соблагovolите оценить значение этих соображений и признать, что, произвольно ограничивая права, предоставляемые государству, я подвергся бы заслуженному упреку за то, что пожертвовал правами, которые обязан был защищать.

Примите и пр.

1. Русское гражданское управление закрепило на практике принцип перехода бывшей турецкой государственной собственности (казарменные постройки, правительственные здания, фабрики, портовое оборудование и др.), в том числе и государственных земель, в собственность Болгарского государства. Более сложным был вопрос о турецких вакуфных (церковных) земельных владениях в пределах освобожденных болгарских земель. Он был разрешен позднее компромиссным путем. Вакуфные земельные владения, паходившиеся в эксплуатации, перешли в собственность их арендаторов с обязательством выплаты в течение многих лет путем взносов заранее определенной рыночной стоимости земли в пользу центрального вакуфного управления в Константинополе. На практике, однако, эти платежи почти не были осуществлены, а долг Болгарского княжества Порте по этой статье был погашен вместе с его общим долгом Порте за счет военной контрибуции России после 1908 г. Иначе стоял вопрос о недвижимых застроенных и незастроенных вакуфных владениях в черте населенных пунктов. Они оставались собственностью мусульманских религиозных общин в течение всего периода существования болгарского буржуазного государства (см. 39, стр. 29—33).

№ 135

1878 г. сентября 9. — Циркуляр тырновского вице-губернатора Д. Цанкова городским, окружным и судебным советам с сообщением правил работы судебных советов

№ 2911

Търново

Заведывающия на отделението на вътрешните дела при Управлението на г. императорския комисарин генерал Гресер, като представил доклада за резултата на обикалянието си по губерниите на Северна България обърнал вниманието на негово сиятелство върху деятелността на съществуващите сега съдебни съвети, защото в последните са намерват някои недостатъци и пропускания, които в някои случаи са доста големи, и които произлизат от това, че разните съвети не знаят още точното нареждане на своите длъжности и рода на занятията си, а тъй също и от неопределителния ред на изпълнението на съдебните решения, заради това съдебното отделение при Управлението на г. императорския комисар, по заповедта на негово сиятелство по настоящему за ръководство в деятелността на съдебните учреждения, предлага следующите правила, до дето са преострой съдебната част в България¹ и додето са обнародва новото положение на този предмет.

1. Разглежданието на криминалните и тъжебните дела, биле те граждански или търговски, може да се извършва само в съдебните съвети. Ако би такива дела са отнесат в градските или окръжните управителни съвети, то тези съвети са длъжни да ги проводят там, дето трябва и последните съвсем не трябва да разглеждат тези дела.

2. Понеже съдебният съвет по съществуото си е колегиално учреждение, а колегиата не може да има по-малко от три члена, то заради това решенията, които са поставени от двама или от един член на съвета не могат да имат законна сила.

3. Членовете на съвета, които не са явят в заседанията по небрежие могат да бъдат подвергнати на дисциплинарно взискание.

4. Председателя и постоянните членове, безусловно трябва да знаят писменния български език.

5. Съдебните съвети, трябва да имат книга, в която да записват протоколите на съдебните заседания. В тези протоколи са забелязва: времето и мястото на заседанието, лицата които са присъствovali в заседанието и разглежданите дела в това заседание, дето трябва да са записват редовно. Протокола са съчинява от секретаря и са подписва от съдниците. Не са позволява, да са отлага съчиняванието на протокола, тъй също и подписите на съдиите, за идущия ден.

6. Извършеното отсъждане на някое дело, трябва да са изложи от председателя, или пак той да поръча на някой член от съда, в писменна форма, подписано от председателя и от членовете на съда и потвърдено от секретаря. За сяко дело отсъжданията или решенията са съставят отделно. За словесните жалби тоже са съставят писменни отсъждания. Строго са запретиава да са излагат отсъжданията или решенията на самите просби или жалби. Ако би в случай противните страни са примирят, то за това съда съставя особен протокол, който са подписва от тѣжителя и има значението на съдебно решение, което е влязло в законна сила.

7. За да са извършат отсъжданията по криминалните дела, които излизат от кръга на непосредствените съдебни действия, отнасят са към длѣжността на полицеймейстера или на окръжният началник, който съвета е длѣжен да снабди с копие от протокол за сяко обвинително отсъждане, което е влязло в законна сила.

8. Решенията на съвета по граждански дела са изпълняват тъй също от полицеймейстера или от окръжният началник, но не иначе освен ако не са представи копие от съдебното решение, и свидетелството от съдебният съвет, за това, че решението е влязло в законна сила. Копие от решението и свидетелството за влизанието му в законна сила, са дава от съдебният съвет на противните страни, ако те го поискат. Когато са даде копие от решението и свидетелство трябва да са забележи на подлинното решение. Нито на съдебните съвети, а особено нито на противните страни са позволява да изпълнят съдебните решения във от гореизложенния ред.

9. Съдебните, гербовите, канцеларските и др. пошлини ще са земат от съдебните съвети на първите основания, които са съществували при турското правителство. На същите основания ще са земат и др[уги] сборове при изпълнението на съдебните решения.

10. Всичките парични суми, които постѣпват в съдебните съвети, трябва да са записват в особени за това книги; тези книги са приготвят от съда и са представят на губернатора, за да ги засвидетелствува и да приложи печата. Книгите трябва да имат номер на всяка страница и да бъдат прошнорувани. Книгите ще са държат по общите за това правила. Който е внесъл някоя сума, своеръчно записва в книгата количеството на внесената сума, името и фамилията си.

11. Реда на сметките за паричните суми, които са постѣпиле в съдебните съвети тоже и разглежданието им, са определява по съществуващите за този предмет правила, както и за другите правителствени учреждения.

12. Съдебните съвети ще държат особени книги (актови), в които буквално и редовно ще са вносят всякакъв род актове, които са са извършили в тях.

13. Актове и документи, които са представят в съдебните съвети, за да са потвърдят, записват са в особени за това книги (книги за актовете, които са явят на потвърдение) краткото им съдържание и реда на номерите, като са поставят и на подлинните актове. Целия текст на тези актове може да не са внесе в книгата.

14. Както при изпълнението на актовете, тъй също и при появяванието им за потвърдение ще са земат парични сборове на първите основания, които са съществували при турското правителство.

Всичкото гореизложено предлагам на градските, окръжните и съдебните съвети строго и точно да го изпълняват.

За болестта на губернатора
вице губернатор Д. Цанков
И. д. правителя канцел[ярии]
М. Ростиславов

ОДА—Ловеч, ф. 25 К, оп. 1, д. 319, л. 3. Подлинник. Типографски екземпляр.

1. В септември 1878 г. были опубликованы и введены в действие «Временные правила для устройства судебной части в Болгарии», которые регламентировали все судостроительство и судопроизводство (см. 80, вып. 1, стр. 193—361). В судах был введен выборный элемент, но в ограниченном размере. Суды были независимы от административной власти, которая выполняла судебные решения. Судостроительство и судопроизводство, введенные Временными правилами, имели буржуазный характер как по форме, так и по содержанию и соответствовали общественно-экономическому развитию болгарского народа того времени. Однако Временные правила не содержали законов, относившихся к тем или иным областям отношений. Как и прежде, судьи должны были руководствоваться местными обычаями и турецкими законами (см. 90, стр. 101—104).

№ 136

1878 г. септември 11 (23). — Писмо члена Търновского благотворительного комитета Д. Златарского С. Миларову о создании и деятельности комитета *

Търново

Приятелю Святославе!

Сарафова нема тука, проведен е на работа до Кюстендил и по-нататък през границите в Македония. В Търново основахме български благотворителен комитет «Единство», който има за цел да работи за уединението на сички българи. Този комитет проводил е агенти и по другите градове да се основат подобни комитети с един устав, с едно име, те да бъдат помежду си свързани и да съставляват едно цяло. Сарафова изпратихме в Македония при въстаниците да се споразумей с тях и да види от какво се нуждаят, за да им помагаме **. Ако е въстанието слабо, то ще гледаме да го ояк[чим]. Сарафов ни телеграфира от София, че в[ъв] Видин е вече основан подобен комитет. Ние ще подканим и от татък Балкана българите на такова свято дело. Уставът е вече свършен и поднесен на губернатора за подвърдение и ако сполучим потвърдението му то ще го без забава печатами. В събота испратихми и пратеници до въстаниците, те са упълномощени още да отворят подобни комитети дето и минат. Тези господа са: д-р Стат Антонов, Георги Живков и Джоряду Момчев. Както видиш делото е свято, а и времето е такова, за да покажем, че Берлинският трактат е нула за нас. Работи следователно и ти там и ако видиш, че работата ще успей, то бържи изяви на комитетът в Търново като адресираш писмото си до Петра п. Димов в Търново.

Като упълномощен от Сарафова отворих твоето писмо и видях за нуждите ти. Працам ти Index-а и Matura-та ¹.

Сарафов ще се върни за 10-тина дена и тогава заминаваме за Загреб дето се надяваме да намериме братята ти.

Други новини нямат от тука, моля те само тайничко да се пази за комитетът. Явих на тебе за сичко, защото те познавам от каква полза си за това наше предприятие.

Лазарова направихме учител в Търново.

Поздравление нарочно от
Дж. Златарский

НБКМ—БИА, ф. 112, д. 58, л. 108. Автограф.

1. Документы, связанные с обучением С. Миларова в Загребском университете.

* См. док. 119, 123, 133.

** Ср. док. 120.

1878 г. не ранее сентября 12 *. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова А. Б. Лобанову-Ростовскому об учреждении русских консульств в княжестве Болгарии и в Македонии **

№ 2564

Филиппополь

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Из дошедших до меня частных сведений оказывается, что наше Министерство иностранных дел занялось новым распределением консульских постов в Турции на основании изменившегося вследствие военных событий положения дел.

Хотя от меня не было затребовано мнения касательно распространения консульств наших в Болгарском княжестве, на основании изменяющихся центров администрации, но тем не менее я полагаю, что эти посты будут установлены не ранее окончания нашей оккупации в крае.

Насколько нецелесообразно было бы открытие ныне консульств наших в Болгарском княжестве, настолько, согласно и мнению вашего сиятельства, необходимо немедленное осуществление их в Македонии ***, страдающей от разбоев, насилий католической пропаганды, день от дня усиливающихся, и о чем мною постоянно получают самые безотрадные известия.

Между прочим, узнал я, что на должность дипломатического при мне чиновника предназначалось из Петербурга новое лицо. Имея в виду, что находящийся ныне в моем распоряжении бывший консул в Салониках надворный советник Юзефович, знакомый с краем, обычаями и местными языками, а также с нашей администрацией с самого ее зарождения, успешно исполняет все возложенные на него поручения по политическим делам и приобрел мое полное доверие, убедительнейше прошу ваше сиятельство оказать ваше благосклонное содействие к окончательному назначению г. Юзефовича на должность дипломатического при мне чиновника с сохранением за ним прав и преимуществ службы чинов Министерства иностранных дел и определив ему из сумм того же министерского ведомства оклада содержания. При этом считаю долгом присовокупить, что действительный тайный советник Гирс в разговоре с директором моей канцелярии генералом Домонтовичем, которого я посылал на днях в Ялту, изъявил уже на это свое предварительное согласие, и вместе с тем я возразил, что лицу, предназначаемому на эту должность, будет дано другое назначение, в случае даже, если б этот чиновник и прибыл уже в Константинополь.

Поспешая сообщить об этом вашему сиятельству и повторяя мою просьбу, покорнейше прошу принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Помета М. А. Домонтовича: Переписать к завтрашнему утру. 12 се[птября] 1878 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8805, лл. 13—14 об. Отпуск.

* Датируется по помете М. А. Домонтовича.

** См. док. 64, 131, 220 и примечания к нему.

*** И. Г. Секевич. Из истории освободительной борьбы в Западной Македонии и Косове в 1878—1881 гг. «Славянское источниковедение». М., 1965, стр. 84—85.

№ 138

1878 г. сентября 14. — Журнал заседания Совета российского комиссара в Болгарии об организации народного просвещения в Восточной Румелии

№ 13

Председательствовал императорский российский комиссар генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков.

Присутствовали члены: Генерал-майор Золотарев,
Генерал-майор Домонтович,
Генерал-майор Грессер,
Действительный статский советник
Лукьянов,
Профессор Дринов

Слушали: доклад члена совета, заведывающего отделом народного просвещения и духовных дел профессора Дринова, о том, что жители Восточной Румелии чрез своих представителей обратились к нему с просьбою об исходатайствовании им разрешения устроить учебную часть и в этой части Болгарии на тех же самых основаниях, какие приняты для будущего Болгарского княжества.

Постановили: разрешить жителям Восточной Румелии устроить учебную часть на тех же началах, кои положены в основу этого дела в княжестве Болгарском *, и просить г. профессора Дринова теперь же озаботиться принятием надлежащих мер к немедленному введению в действие в школах Восточной Румелии выработанного отделом народного просвещения устава об училищах **.

Князь Дондуков-Корсаков
Золотарев
Домонтович
Грессер
С. Лукьянов
Профессор Дринов

АВПР, ф. Управление российского комиссара в Болгарии, д. 13, л. 33—33 об. Подлинник.

№ 139

1878 г. сентября 16. — Предписание заведующего отделом внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии П. А. Грессера И. С. Иванову о порядке ликвидации дел русского гражданского управления в округах Сливенской губернии, отходящих к Турции

№ 2640

Филиппополь
Экстренное

Императорский комиссар изволил приказать: по мере отступления наших войск из округов, отходящих от вверенной вам губернии в управление турок, окружные начальники обязаны возвратиться в Сливно с последним эшелонном войск, удовлетворив содержанием служащих по 1 октября или по первое число следующего месяца. Приходо-расходные книги, также вся пере-

* См. Список временных правил и положений, вводимых в действие в Восточной Румелии по отделу народного просвещения (Н. Р. О в с я н ы й. Русское управление в Болгарии в 1877—78—79 гг., т. III. СПб., 1907, стр. 112).

** См. Временный устав для народных училищ и программы народных училищ княжества Болгарии («Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 2, СПб., 1903, стр. 314—340).

писка и журналы канцелярии начальников округов должны быть взяты и представлены вам. Приходо-расходные книги советов и делопроизводство оных оставить советам под квитанцию. Остаток сумм городских советов сдать под квитанцию председателей городских советов.

Все без исключения суммы, составляющие доходы казны, должны быть сданы полностью в сливенское казначейство. По прибытии окружных начальников ваше превосходительство не откажите немедленно поверить все счета и об оказавшемся донесете императорскому комиссару с представлением списка офицерам, оставшимся без назначения. О чем имею честь уведомить ваше превосходительство.

Подлинное подписал управляющий отделом генерал-майор
Грессер

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32895, л. 76—76 об. Заверенная копия.

№ 140

*1878 г. сентября 17. — Телеграмма М. Д. Скобелева А. К. Имеретинскому о мерах по предотвращению массового переселения болгар из Адрианопольского округа **

№ 17

Адрианополь

Совершенные убийства носят характер частный, нельзя сказать, чтобы в них было замечено турецкое правительство. Тем не менее христианское население крайне возбуждено тем, убеждения их не остановить, но употреблю все усилия, чтобы остановить выселение болгар¹. Греки же не думают выселяться. Слух об убийстве двух гусар в Орманлы доказал несправедливость возводимых на мусульман обвинений, но в окружности вообще заметно, что преднамеренно распространяются ложные слухи. Мне кажется необходимым, чтобы турецкие войска и гражданские власти занимали населенные пункты до ухода нашего и чтобы даже после этого ухода там оставались наши офицеры, как бы наблюдающие за тем, что делает на первых порах турецкая администрация. Этим путем удалось остановить выселение жителей при очищении французскими войсками Сирии². Подобная система тем более исполнима, что ничего враждебного не замечено со стороны турецких войск. Вместе с тем она наглядно показала бы населению, что между нашим и турецким правительствами существует полное согласие. Немедленно отправляюсь в Буюк-Дере. Прошу указания завтра к утру в посольство, тогда все через посредство посла может быть решено к вечеру, а 19-го приступлено к исполнению.

Г[енерал]-ад[ъютант] Скобелев

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7872, лл. 309 об—310. Копия.

1. Во исполнение Берлинского договора и соглашения с Турцией русские войска начали уходить из Адрианопольского округа в сентябре 1878 г. Опасаясь насилия со стороны турецких властей и крупных турецких землевладельцев, болгарское население стало переселяться главным образом в Восточную Румелию. Русские власти стремились остановить или ограничить это переселение, с одной стороны, для того, чтобы не ослабить болгарский элемент в этом округе и, с другой стороны, чтобы избежать трудностей при размещении беженцев (см. док. 96). Все же значительные массы болгарского населения (около 30 тыс. человек) из Адрианопольского района Фракии переселились в Северную и Южную Болгарию. Русское гражданское управление заботилось об их размещении, снабжая их землей, скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Обычно беженцев поселяли в оставленных турецких селах и снабжали наделом земли, принадлежавшей преимущественно бежавшим турецким землевладельцам, а также и из государственного земельного фонда. Это способствовало расширению аграрного переворота, т. е. переходу земли чифликчей в руки болгарских крестьян (см. НБИВ—БИА, Пловдив, ф. 19, д. 1186, 1978,

* См. док. 96.

1989; 15, стр. 3—15; 90, стр. 159—165; док. 20). О причинах переселения болгар из Адрианопольского округа М. Д. Скобелев сообщил подробно в письме к А. Б. Лобанову-Ростовскому от 20 сентября 1878 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7551, лл. 124—125 об.).

2. Имеется в виду вывод французских войск из Сирии в 1861 г.

№ 141

1878 г. сентября 17. — Письмо русского представителя в Европейской комиссии А. А. Шепелева А. М. Дондукову-Корсакову о стремлении членов комиссии расширить ее права по контролю за управлением Восточной Румелией

Буюкдере
Доверительно

Милостивый государь
князь Александр Михайлович!

С будущей недели, вероятно с понедельника, откроются предварительные заседания комиссии здесь, в Константинополе, и потому я позволяю себе несколько ознакомить ваше сиятельство с воззрениями наших иностранных сочленов насчет характера действий комиссии. Большая часть членов получила свои инструкции непосредственно от своих правительств и поставлена, таким образом, в независимое от подлежащих послов положение. Все иностранные комиссары получили вместе с тем указания в смысле возможно скорейшего окончания трудов комиссии, что, разумеется, расходится с нашими видами, да и на практике окажется не так легко осуществимым. Но главный вопрос — в пределах компетентности комиссии, которые толкуются некоторыми членами крайне своеобразно; так, например, в частных разговорах с ними я был удивлен услышать мнение о передаче теперь же всей администрации Румелии в ведение Порты с тем, чтобы до разработки и утверждения новой организации этой провинции комиссия имела контроль над действиями местных чиновников. Я возразил, что сомневаюсь в праве комиссии возбуждать подобные вопросы, так как характер ее есть чисто организаторский, и что из Берлинского трактата не видно, чтобы ей было присвоено право вмешательства в текущие административные дела. Что же касается передачи управления Румелии теперь же в ведение Порты, то об этом может хлопотать одна только Порта и то путем дипломатическим, так как С.-Стефанским договором установлено, что управление в занятых нами местностях остается до конца оккупации в том виде, в каком оно нами введено *. Подобное мнение, выраженное хотя и в частной форме, показывает, что некоторые из гг. комиссаров намерены произвольно расширить свои права не в нашу пользу. Я имею основание думать, что главным источником этого *ballon d'essai* ** служит Друммонд-Вульф, за спиной которого стоит Лайард, принявший на себя побудить Порту к скорейшему созыву нашей комиссии. Вопрос о председательстве в комиссии по инициативе того же Друммонда был подготовлен в пользу турок, т. е. в смысле назначения постоянным председателем турецкого комиссара Ассима-паши; с этим было согласились почти все иностранные делегаты. Видя невозможность безусловно отвергнуть турецкое представительство и не желая выказывать упорство в этом вопросе дипломатической вежливости, мы все-таки со своей стороны предложили своим сотоварищам остановиться на очередном председательстве в комиссии каждого из делегатов в течение определенного времени, положим, двух или трех недель; для того же, чтобы исполнить *acte de courtoisie* *** по отношению к Порте, мы не прочь согласиться, чтобы первая очередь председательства была предоставлена Ассиму-паше. Надеюсь, что это предложение встретит поддержку большинства членов.

* См. ст. XXVI Сан-Стефанского договора («Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917 г». М., 1952, стр. 173).

** Пробный шар (фр.).

*** Акт любезности (фр.).

Относительно заведывания финансами Румелии у нас также был обмен мыслей, и комиссия, в особенности англичанин, будет, вероятно, настаивать на исполнении XIX ст. Берлинск[ого] договора. Отказаться от нее после того, как договор ратификован государем, нам невозможно, а потому я полагаю, что наша роль будет заключаться лишь в том, чтобы отвергать те предложения комиссии, которые она будет выдумывать для совмещения факта заведывания ею финансами страны с оставлением общей администрации в других руках. Без сомнения, этот вопрос будет самым щекотливым, и мне кажется, что комиссия может, оставив до времени управление финансами в руках наших властей, потребовать для себя право наблюдения за производимыми нами расходами. Поэтому желательно было бы ускорить продажу десятины не только с убранных уже произведений земли, но и с тех, которых уборка теперь лишь начинается, как например, кукурузы и риса, и всем поступившим в казначейства суммам дать заранее определенное предназначение, для того чтобы комиссия не имела права касаться их ¹.

Программа занятий комиссии еще не определена. Не полезно ли было бы все выработанные недавно положения для городских и окружных управлений, судебного устройства, полиции, Земского войска и др. приказать теперь же перевести на француз[ский] язык и передать их в комиссию как материал, на котором она может основать свои работы. Полагаю, что при этом способе комиссия составит проект организации, более отвечающий желаниям населения, чем в том случае, если бы она сочинила его, руководствуясь исключительно законом о вилайетах и предложениями, сделанными на Константинопольской конференции.

Представляю при сем копию с данной мне и Церетелеву общей инструкции *, которая, как ваше сиятельство убедитесь, никакого значения для нас иметь не может, так как представляет собою только свод общих фраз. Судя по оригиналу инструкции, она предназначалась сперва для меня одного, а потом уже вписано имя Церетелева. Таким образом, у нас являются два равноправных комиссара, чего у других нет. Не сомневаюсь, что по некоторым вопросам я буду расходиться в мнениях с Церетелевым и мне придется перед каждым заседанием или склонять его на мою сторону, или уступать ему, чтобы не вышло разногласия. Завтра на рассвете возвращается из Ливадии кн. Лобанов, и я намерен объяснить с ним по поводу взаимных отношений между мною и Церетелевым как делегатов в комиссии.

В Константинополе, вероятно, будет два или, самое большее, три заседания комиссии, после чего она переберется в Филиппополь. Я тоже прихожу к заключению, что чем скорее это состоится, тем лучше, во-первых, чтобы удалить некоторых комиссаров от заметного влияния английского посольства, а во-вторых, потому, что я сам не надеюсь найти нужной поддержки и, в случае надобности, определенных указаний в нашем посольстве. Выезд мой отсюда в Филиппополь, вероятно, последует в будущее воскресенье.

Прошу ваше сиятельство принять уверение в чувствах глубокого уважения и душевной преданности

вашего покорного слуги

А. Шепелева ²

Настоящее письмо представит вашему сиятельству М. П. Гаккель. Ввиду того что с отъездом моим в Филиппополь придется назначить третьего члена в комиссию по возвращению эмигрантов, мне пришло на мысль, не может ли пригодиться для этого Гаккель как человек ловкий, знающий французский язык и даже знакомый с некоторыми турецкими сановниками?

Вчера я слышал, будто бы на место Юзефовича дипломатическим чиновником при вашем сиятельстве назначен некто Сорокин, говорят, способный молодой человек.

ЦГИА СССР, ф. 932, оп. 1, д. 224, лл. 322—323 об. Автограф.

* Сж. Н. Р. О в с я н ы й. Русское управление в Болгарии в 1877—78—79 гг., т. III. СПб., 1907, стр. 272—274.

1. Очевидно, учитывая эту рекомендацию А. А. Шепелева, русская администрация запротестовала десятину французскому Марешалю, который внес 3 млн. франков (см. док. 143); при переезде русского комиссара из Филиппополя в Софию деньги были переведены туда. Этой мерой русское гражданское управление хотело помешать переходу финансовых средств Восточной Румелии в руки Европейской комиссии и обеспечить содержание нового государственного аппарата, состоящего преимущественно из болгар (90, стр. 343—345). Полученная сумма стала основным фондом созданного Болгарского народного банка.

2. Донесение подобного содержания было направлено А. Б. Лобанову-Ростовскому вторым русским делегатом в Европейской комиссии А. Н. Церетелевым 7 (19) сентября 1878 г. (см. АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 556, лл. 231—232).

№ 142

*1878 г. сентября 19. — Решение А. М. Дондукова-Корсакова о неподсудности Петко Кирьякова суду русских властей и о высылке его из княжества Болгарии и Восточной Румелии **

Филиппополь

Принимая во внимание, что никаких жалоб на арестованного на наших аванпостах Петко не поступало от жителей Румелии, что все действия его происходили в пределах Турции, где под предводительством его собранные им шайки защищали христианское население от насилия и грабежей таких же шаек башибузуков под предводительством Сен-Клера и других атаманов в Родопских горах, что при анархическом состоянии тех местностей, где действовал Петко, забота охранения спокойствия и порядка лежит всецело на турецком правительстве, а не на администрации императорского комиссара, признаю Петко не подлежащим суду русских властей и предписываю препроводить его под конвоем за черту наших аванпостов с воспрещением ему являться и иметь пребывание в пределах Румелии и Болгарии ¹.

Подписал императорский комиссар Болгарии князь Дондуков-Корсаков
АВПР, ф. Турецкий стол, д. 1621, л. 21. Копия.

1. Петко Кирьяков был освобожден в Филиппополе А. М. Дондуковым-Корсаковым, после чего он снова перешел в Родопы за пределы демаркационной линии Румелии и расширил свою четническую деятельность в защиту болгарского населения до весны 1879 г. (подробнее см. 74, стр. 71 и след.).

№ 143

*1878 г. сентября 20. — Журнал Совета российского комиссара в Болгарии о продаже десятинного зерна, поступившего от населения Филиппопольской и Сливенской губерний ***

№ 16

Председательствовал императорский российский комиссар, генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков

Присутствовали члены:

Генерал-майор Золотарев,
Генерал-майор Домонтович,
Генерал-майор Грессер,
Действительный статский советник Лукьянов,
Профессор Дринов

В заседание был приглашен полковник Носович.

Слушали: доклад полковника Носовича по делу о продаже десятинного зерна, собранного в налог с населения Филиппопольской и Сливенской губерний в нынешнем 1878 году, а также письменные заявления, поступив-

* См. док. 98 и примечания к нему.

** См. док. 141 и прим. 1 к нему.

шие от семи лиц, представивших свои условия для покупки от казны десятинного зерна.

По рассмотрении представленных условий, имея в виду, что письменные заявления, поступившие от г. Маршала, представляют самые выгодные, верные и обеспечивающие интересы казны условия,

Постановили: уполномочить директора канцелярии императорского русского комиссара генерал-майора Домонтовича подписать контракт, заключаемый с г. Маршалем от имени Управления императорского русского комиссара.

Буквальное содержание контракта нижеследующее:

«Мы, нижеподписавшиеся, с одной стороны, директор канцелярии императорского русского комиссара генерал-майор Домонтович, проживающий в Филиппополе, по уполномочию, данному ему императорским российским комиссаром Болгарии и Восточной Румелии и согласно поставления совета управления от 20-го числа сего месяца сентября, с другой стороны, г. Маршал, французский подданный, негодант, пребывающий в настоящее время в г. Филиппополе, заключили сей контракт в нижеследующих статьях.

§ 1

Генерал-майор Домонтович, на основании вышеуказанного уполномочия, от имени Управления императорского русского комиссара, обязывается продать г. Маршалю, а сей последний обязывается купить всякого рода зерновой хлеб, собранный в десятинный налог в губерниях Филиппопольской и Сливенской в нынешнем 1878 году.

Сдача этого зерна имеет быть произведена на разных станциях императорской турецкой железной дороги и Бургасском порте. Г. Маршал обязывается по требованию русской администрации доставить в назначенные ему места должное количество мешков, необходимых для ссыпки зерна. Все зерно, всыпанное в мешки, имеет быть сдано г. Маршалю в срок до 1/13 ноября 1878 г.

§ 2

Г. Маршал обязан иметь своих агентов в различных назначенных ему станциях железной дороги, а также Бургасском порте к срокам, определенным администрациею. Агенты эти должны свешивать совместно с лицами, назначенными для сего от русской администрации, привозимые мешки с зерном немедленно; квитанции, подписанные агентами г. Маршала, будут служить для учета при производстве расчета денег, о котором сказано ниже. После вывеса и сдачи зерна вышеуказанным агентам г. Маршала ответственность за сохранность товаров совершенно прекращается для русской администрации.

§ 3

Зерновой хлеб покупается г. Маршалем на вес, а не на меру емкости. Единицы веса считаются 80 ок, или 100 кг (что известно во Франции под названием кинтал, соответствующего 244,21 русским фунтам, т. е. 6 пудам 4 фунтам и 0,21 фунта).

§ 4

Г. Маршал платит за каждый кинтал, т. е. за каждую единицу веса, нижеследующие цены:

Пшеница, без различия ее сорта и качества,	одиннадцать фр. (11 фр.)
Ячмень » » » » »	пять фр. (5 фр.)
Рожь » » » » »	пять фр. десять сант. (5 фр. 10 сант.)
Овес » » » » »	три фр. девяносто сант. (3 фр. 90 сант.).

Денежный расчет делается на франки и сантимы. Уплата денег производится золотом по курсу, ниже изложенному:

Французский 20-франковый золотой принимается *al pari*
Русский полуимпериал — 20 фр. 50 сант.
Турецкий лиар — 23 фр.

§ 5

Г. Маршалль обязан внести в г. Филиппополь в казначейство *три миллиона фр. золотом*, что должно быть сделано в возможно скорый срок, необходимый для привоза денег из Константинополя в Филиппополь. Если этот задаток не будет внесен в продолжении 10 дней, считая со дня подписания сего контракта, последний теряет всякую силу, а г. Маршалль обязан уплатить Управлению императорского русского комиссара неустойку золотом в *двадцать пять тысяч фр.* (25 000 фр.). Вышеуказанные 3 миллиона франков служат задатком в счет того количества зерна, которое имеет получить от русской администрации. Остальные по расчету деньги будут уплачены г. Маршаллем наличностью после того, как совершится поставка всего зерна и по учету представленных квитанций.

§ 6

Кроме сего, г. Маршалль обязывается купить все остальное десятинное зерно, непоименованное в контракте, а именно: кукуруза, просо, бобы, чечевица и проч., после того как определится количество и качество этих продуктов. Цена, по которой совершена будет покупка этих продуктов, будет составлять предмет последующего договора, который с соблюдением всех главных условий сего контракта составит приложение к нему.

§ 7

Все могущие произойти между договаривающимися сторонами споры относительно толкования и исполнения сего контракта будут разрешаться по совести третейским судом, без апелляции, двумя арбитрами, назначенными по одному от каждой стороны, т. е. один — от Управления императорского русского комиссара, а другой — от г. Маршалля. В случае несогласия между собой арбитров они избирают суперарбитра, который решает дело окончательно».

Князь Дондуков-Корсаков
В. Золотарев
М. Домонтович
П. Грессер
С. Лукьянов
М. Дринов

АВПР, ф. Управление русского комиссара в Болгарии, д. 13, лл. 37—40. Подлинник.

№ 144

1878 г. сентября 21. — Циркуляр отдела внутренних дел Управления русского комиссара в Болгарии губернаторам с сообщением положения о выборах в городские и окружные советы

№ 2755

Филиппополь

Императорский русский комиссар, утвердив 19 сего сентября временные положения о городских и окружных советах *, изволил приказать. не ожидая отпечатания и опубликования этих положений, теперь же безот-

* См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 1. СПб., 1903, стр. 179—193.

лагательно приступить к подготовительным работам для введения их в действие и к выборам членов в эти советы.

На основании этих положений:

1. Городские советы состоят из председателя, 3-х постоянных и от 4-х до 12-ти почетных членов; окружные же советы состоят из председателя, 4-х постоянных и 4-х почетных членов, причем один из постоянных членов несет все обязанности секретаря.

2. Члены городского совета избираются без различия вероисповедания из местных жителей города; члены же окружного совета — из числа жителей как округа, так и состоящих в его районе городов.

3. Как одни, так и другие избираются сроком на два года.

4. В каждом городском совете должны постоянно находиться в полной исправности подробные списки всех жителей города, владеющих на каком бы то ни было основании недвижимым имуществом в городе, а также лицам, занимающимся самостоятельною торговлею, ремеслом или промыслом.

5. Такие же списки жителей округа должны постоянно находиться в полной исправности у окружных начальников.

6. Из этих списков к 15 октября избирательного года городские советы и окружные начальники обязаны составить списки первоначальных избирателей, а также лиц, имеющих право быть избранными.

7. В списки первоначальных избирателей вносится каждый житель города или округа, если он:

- 1) не опорочен по суду;
- 2) болгарский подданный;
- 3) достиг 20-тилетнего возраста;
- 4) владеет лично или в лице родителей недвижимым в городе или округе имуществом;

5) или же если он хотя и не имеет собственности, но принадлежит к числу народных учителей или к числу лиц, получивших высшее или среднее образование, а также если он занимается самостоятельною торговлею, ремеслом или промыслом.

8. В списки лиц, имеющих право быть избранными в гласные, вносятся все жители города или округа, которые, удовлетворяя вышеизложенным условиям, вместе с тем грамотны и достигли 30-летнего возраста.

9. Общества, компании, товарищества, а равно монастыри и церкви, владеющие недвижимым имуществом, в том случае, если они не освобождены от налогов, пользуются правом голоса чрез своих представителей.

10. Если несколько частных лиц имеют недвижимую собственность в общем владении, то каждый из его участников пользуется правом голоса.

11. Никто из жителей не может иметь на выборах более одного голоса.

12. Избирательные списки доводятся до общего сведения не позже 15 октября, причем они выставляются также все это время в присутственной комнате и канцелярии городского или окружного совета.

13. Жалобы или заявления на неправильное исключение или внесение в списки подаются через городской совет или окружного начальника, по принадлежности, губернатору не позже двух недель со дня опубликования списков.

14. Городской совет или окружной начальник не далее 7 дней со дня получения жалобы представляют ее с своим объяснением губернатору, который передает таковую в губернский управительный совет, решения которого признаются окончательными.

15. Лица, внесенные в избирательные списки, выбирают по участкам и по большинству голосов подлежащее число гласных по такому расчету, чтобы на каждые 50 дворов приходилось по одному гласному.

16. Чифтлики приписываются для выборов к ближайшим селениям, отдельные же колибы * соединяются, по возможности, в группы, по 50 дворов каждая.

* Хутор (болг.).

17. Расчет числа гласных, подлежащих избранию для каждой местности, а также распределение дворов и колиб по участкам и группам изготовляются городскими и окружными советами заблаговременно тоже к 15 октября.

18. В городах, не превышающих 500 домов, допускается, чтобы один гласный был избран не на 50, а на каждые 25 дворов.

19. Выборы гласных производятся 1 декабря.

20. Избранные таким порядком гласные созываются прежним составом городского или окружного совета на 15 декабря.

21. Собравшиеся к этому времени наличные гласные, если число их вдвое превышает число подлежащих избранию членов, избирают из своей среды 4-х постоянных, от 4-х до 12-ти почетных членов и секретаря для городского совета, а также 5 постоянных и 4-х почетных членов для окружного совета, причем в числе постоянных членов считается также председатель и секретарь.

22. Делом этих выборов руководит председатель прежнего состава.

23. Из числа вновь избранных постоянных членов губернатор по своему выбору утверждает председателя городского и, особо того, председателя окружного совета; секретарь же окружного совета выбирается полным составом постоянных и почетных членов совета из их среды.

24. Никто из выбранных не может отказаться от исполнения возлагаемых на него обязанностей по общественному управлению, если только он не занимает уже какой-либо выборной должности в другом городском, окружном, губернском или судебном совете, так как одновременное занятие одним и тем же лицом двух или более подобного рода должностей ни в каком случае допущено быть не может.

25. Выборы производятся, по принятому порядку, закрытою подачею голосов.

26. Собрание городских гласных вместе с тем определяет на двухлетний срок размер содержания председателю, постоянным членам и секретарю городского совета, а также избирает особую ревизионную комиссию из 4-х членов для проверки счетов и расходов городских сумм за каждый истекший год.

27. По окончании своих занятий избирательное собрание о всех своих постановлениях составляет протоколы, которые вместе со всем выборным производством представляет губернатору, после чего собрание считается закрытым.

28. По утверждении губернатором председателя новый состав членов совета вступает в отправление своих обязанностей.

29. Если бы губернатор усмотрел в выборном производстве какие-либо неправильности или упущения, то обстоятельство это он передает на обсуждение губернского управительного совета.

Все назначенные в этих положениях сроки установлены для нормального времени и в текущем году соблюдены быть не могут, а потому, сообщая вашему превосходительству вышеприведенные главные основания для производства выборов в городские и окружные советы, а также для выполнения необходимых для этой цели подготовительных работ по приказанию императорского комиссара, прошу ваше превосходительство по получении сего немедленно же принять следующие меры.

Безотлагательно распорядиться о составлении подлежащими лицами и учреждениями подробных списков всем лицам, указанным в 4 и 5 п. настоящей инструкции.

По изготовлении этих списков приказать немедленно же составить из них списки первоначальных избирателей (п. 6 и 7 настоящей инструкции), из этих последних составить списки имеющих право быть избранными (п. 8, 9 и 10 той же инструкции), а также расчет (п. 16 и 17) подлежащего избранию числа гласных и распределение по группам дворов.

Все избирательные списки опубликовать порядком, указанным в п. 12 и 13 инструкции, назначив вместе с тем, по вашему усмотрению, и применяясь к местным обстоятельствам, возможно краткий срок для их обжалования.

По окончании всех этих подготовительных работ назначить, также по вашему усмотрению, день для выборов гласных в городские и окружные

советы, применяясь в этом случае, по возможности, к тем срокам, которые будут назначены для выбора членов в судебные советы.

Таким же порядком вы не оставите назначить также возможно краткие сроки для производства выборов гласными членами совета, определив вместе с тем, какое именно число почетных членов (п. 20), сообразно с местными условиями, должно быть избрано для каждого города вверенной вам губернии, причем необходимо иметь в виду, что избрание более 4-х почетных членов может быть допущено только в городах с обширным населением, где число избранных гласных будет не менее 40.

Все подготовительные работы и самые выборы членов как в городские, так и в окружные советы в текущем году во всяком случае непременно должны быть произведены никак не позже 1 декабря, так, чтобы к 1 января наступающего 1879 г. вновь организованные городские и окружные советы могли окончательно приступить к открытию своих действий.

О всех встреченных вами затруднениях и неудобствах прошу ваше превосходительство своевременно сообщать отделу внутренних дел, испрашивая в нужных случаях разъяснений и указаний. Об открытии же действий вновь учреждаемых советов вы не замедлите донести императорскому комиссару.

Печатные экземпляры положений о городских, окружных и губернских управительных советах на русском и болгарском языках будут высланы вашему превосходительству немедленно по их отпечатании, по всей вероятности, еще до наступления 1 декабря сего года.

Управляющий отделом генерал-майор Грессер
Начальник отделения Рони

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32895, лл. 112—117 об. Копия. Литографированный экземпляр.

№ 145

*1878 г. сентября 21. — Циркуляр И. С. Иванова окружным начальникам о порядке деятельности городских и окружных советов по благоустройству городов **

№ 2274

Сливно

Усматривая по многим делам, что городские и окружные советы не вполне руководствуются инструкцією, определяющею порядок действий и предметы ведомства их (помещ[енной] в «Сбор[нике] оф[ициальных] распоряжений», вып. IV), я предлагаю вам, милостивый государь, ближе и обстоятельнее ознакомить председателей и членов сих советов с этою инструкцією, в которой весьма подробно изложены обязанности их. Имея на своей обязанности надзор за строительною частью, управительные советы, городской и окружной, должны принимать все зависящие от них меры к благоустройству в городах, в особенности там, где представляется к тому и возможность. В видах содействия благоустройству городов и селений городские и окружные управительные советы должны, руководствуясь выше указанною инструкцією, иметь наблюдения:

1. Чтобы увеличить, по возможности, улицы при новых постройках в городах, что возможно без затруднений сделать в тех городах, где дома сожжены и разрушены турками. То же самое можно сделать и в селениях, разрушенных при новых постройках.

2. С этою целью озаботиться прежде всего снятием городов на плане, что в свободное время могли бы сделать гг. окружные начальники и полицеймейстеры.

3. Постановить правило, чтобы никто из граждан не начинал никакого строения, не получив письменного на то разрешения городского или окруж-

* О благоустройстве городов Филиппопольской губернии см. НБВВ—БИА, Пловдив, ф. 19, д. 5, л. 257.

ного управительного совета по принадлежности. Так, например, желающий возвести какие-либо строения на своей земле и даже обыкновенный забор должен предварительно заявить о том письменно городскому или окружному совету, по принадлежности, который, т. е. совет, рассматривает сначала место, где подавший заявление желает сделать постройку, если нет препятствия, разрешает ему с отделением, конечно, необходимого места для расширения улицы, если это необходимо, и обязывает его обратиться к городскому инженеру, где есть, за исходатайствованием себе чертежа или плана для постройки. В настоящее время при мне есть инженер.

4. Всякий, начавший постройку без разрешения или управительного по принадлежности *, должен быть подвергнут штрафу, и постройка его должна быть остановлена впредь до рассмотрения его места и до получения письменного разрешения. Если начатая постройка окажется не на месте и не по плану, то она должна быть сломана и снесена на счет виновного владельца, начавшего ее без дозволения.

5. При новых постройках нужно иметь в виду необходимые условия предосторожности от пожаров, поэтому на видных местах здания должны быть из материала несгораемого.

6. Украшение городов также лежит на обязанности городских советов, для чего он должен изыскивать доходные статьи, как: построить городские лавки и прочие заведения и отдавать внаймы.

7. Постройки в селениях также должны производиться по плану так, чтобы по возможности улицы были расширены и исправлены.

8. Видные места в городах, из которых можно образовать площади и развести городские сады, и такие, на которых могут быть со временем возведены строения, не следует ныне застраивать частными лицами.

И. д. губернатора Иванов
И. д. правителя канцелярии **

*Революция кирк-килисского окружного начальника А. Ц. Узунова: Для руководства *** ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32895, лл. 75—75 об., 78—78 об. Подлинник.*

№ 146

1878 г. сентября 25. — Предписание И. С. Иванова ахиоло-месем-врийскому окружному начальнику штабс-капитану Чаплину о подборе болгар для работы на телеграфных станциях

№ 2325

Сливно
Циркулярно

Ввиду предстоящей по окончании оккупации передачи телеграфов и телеграфных сообщений из военного в гражданское ведомство¹ и, следовательно, ввиду необходимости постепенного замещения наличного состава чинов телеграфных сообщений болгарами предлагаю вам, милостивый государь, собрать немедленно сведения о болгарях, служивших при турецком правительстве по сему делу, а равно и желающих практически изучить телеграфное дело на существующих станциях, и списки сим лицам представить мне в возможно скором времени².

И. д. губернатора Иванов
И. д. правителя канцелярии З. П. Коньяров

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 45, л. 44—44 об. Подлинник.

* Так в тексте. Вероятно, правильный текст: без разрешения городского или окружного управительного совета по принадлежности.

** Подпись неразборчива.

*** Настоящий экземпляр циркуляра направлен в Кирк-Килисский округ.

1. Так как почтовые и телеграфные сообщения находились в ведении военных властей, то деятельность русского гражданского управления в этом направлении выражалась главным образом в составлении проектов организации почтовых учреждений при переходе их в ведение гражданских властей и в подготовке кадров для этой службы из болгарского населения. Некоторые предложения по организации почтового дела в Болгарии были своевременно осуществлены (см. 61, стр. 207—208; 68, т. I, стр. 83—87, 117).

2. В связи с этим предписанием было найдено около 20 человек почтово-телеграфных служащих, которые были назначены на службу. Кроме того, около 60 человек пожелали изучать эту специальность и поступить на работу в почтовое ведомство. Некоторые из них проходили стажировку на Софийской телеграфно-почтовой станции (см. 16, стр. 328; 61, стр. 202).

№ 147

1878 г. сентября 27. — Предписание Г. И. Шигорина Самоковскому городскому совету о проведении выборов в старейшинские советы и окружные суды

№ 1365

Самоков

На основание на новите правила за устройството на судебната част в България, потвърдени вече от императорския комисар и които скоро ще бъдат обнародвани¹, судебните учреждения в окръзите съставляват:

- 1) старейшински совет в селата, во вид на полюбовни судове;
- 2) окружен суд в окръгът, во вид на 1-степени на общия суд, на място [на] сегашния судебен совет.

Императорския комисар признал за необходимо да се пристъпи сега согласно по новите правила за откритието на старейшински совети и окружни судове.

Заради това като се земе во внимание, че личния состав на такъв совет трябва да се състои из лица избрани, че избраните членове в число 12 трябва да влизат в состав и на всякой от окружните судове; предлагам совету, незабавно да пристъпи към производството на избиранията в горепоименованите судебни учреждения.

Избиранията в двете горепоименовани учреждения трябва да бъдат произведени на точните основания, по прилагаемата инструкция и в[ъв] времето, което е назначено в правилата.

При това прибавлявам:

- а) службата по избиранията съставлява общественна длъжност, от която никой не может да се отрече;
- б) лица, които занимават постоянни длъжности по администрацията, в същото время не могат да занимават судебни длъжности.

За това избора на такива лица ще бъде действителен само в такъв случай, ако избраните са отречат от занятите от них длъжности в администрацията;

- в) лица, които занимават почетни длъжности по администрацията в същото время могат да занемат и судебни длъжности.

Майор Шигорин

СГОДА, ф. 41 К, д. 726, лл. 2—3. Подлинник.

1. Правила эти были утверждены А. М. Дондуковым-Корсаковым 24 августа 1878 г. и введены в действие постановлением от 20 сентября 1878 г. (см. газета «Марица», № 20, 3.Х 1878 г.).

№ 148

1878 г. сентября 27. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о сборе оружия, вещей и денег *

№ 13

Тырново

Днес, 27 септември, членовете на комитета «Единство» имаха редовно заседание в присъствието на 20 члена. Г-н Д. П. Иванов са избра за привременен председател. Той извести на събранието, че са дошли 100 пушки събрани

* См. также протокол комитета от 29 октября 1878 г. (НБКМ—БИА, ф. 298, п. 1).

от окръга от пратениците г. г. Калчо Паскова и Бендерева. Г-н Петър п. Димов обеща да им намери място в градския съвет и прие грижата да наглежда склада. Като са е телеграфирало на софийския губернатор Алабина да предаде 1000 франка на соф[ийския] митрополит *, събранието реши да са издаде заповед на касиера, за да изпроводи речените пари час по-скоро. Според както са беше решило в първото заседание, купени са вещи за 217 рубли и 27 копейки, за които комисията ще даде подробна сметка. Г-ну Кировичу, който заминава в Русия се е писало, за да извести на славянофилите в Русия за съставението на комитета «Единство» **. Г-н Цанков изявил, че ще подари 3 денка дрехи. За своето отиване в Лясковиц и Ряховица с отца архимандрита Стефана, г-н Иванов каза, че в Лясковиц направили протокол за основанието на комитет, а в Ряховица избрали и настоятелство и събрали в тяхно присъствие 6800 гроша волна помощ. Нов член основател са удобри г-н Ив. Филчев. Прочете са писмото за преславския митрополит Симеона. За нови членове основатели са предложиха и удобриха следующите лица, които и ще са повикат в следующото заседание:

Паскал Георгиев, Колю Тотев, Никсела Николов, Ангел Ниворков, Георги Манчов, Димитър Янулов, Нано Аврамов, Михаил Иванов, х. Костадин Терзията, Панайот Антонов, Панайот Станчев, Никола Кънчев, Стефан Минчев, Андрей Медникаров, Боню Кундурадгията, Илия Симеонов, Сава Фичов, Давид х. Петров, Тодор х. Георгиев, х. Михал х. Димов, Панайот х. Колев, Костадин х. Колев, Христо Кундурадгия, братия Дивитакови, братия Севриеви, братия Дюлгероци ***.

НБКМ—БИА, ф. 298, п. 1. Подлинник.

№ 149

1878 г. септември 28. — Телеграма А. Б. Лобанова-Ростовского Э. И. Тотлебену о мерах для предотвращения эмиграции населения из оставляемых русскими войсками районов

Константинополь
Секретно

En chiffres: Я полагаю бы требовать от Порты сохранения нашего административного устройства с турецкими чиновниками во главе впредь до самого введения реформ, обещанных ст. 23 Берлинского трактата ¹. О предположении вашем, изложенном в отношении от 5 сентября № 3295 ****, мною тогда же ей было сообщено, но, по-видимому, нигде не приведено в исполнение. Думаете ли вы, что подобное обязательство было бы достаточно для успокоения христианского населения?

(Подп[исал]) Лобанов

Резолюция А. К. Имеретинского:

1. Передать Столыпину, чтобы войти в переговоры с Мазахар-пашою.
2. Сообщить г[енерал]-л[ейтенанту] Столыпину: посол наш в Константинополе сообщил, что для устройства оставляемого нами края и для соглашения с нашими военными властями о мерах для того, чтоб остановить эмиграцию населения, назначен Портою Мутир-Мазахар-паша. Главнокомандующий поручает вашему превосходительству сделать распоряжение о том, чтобы войти с этим пашою в соглашение. При этом нужно иметь в виду, что посол наш имеет в виду потребовать от Порты, чтобы для управления краем, который мы полагаем оставить, в нем был бы оставлен тот административный порядок, который заведен нами, с турецкими чиновниками во главе, впредь до самого введения реформ, обещанных ст. 23 Берлинского трактата.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7451, л. 167—167 об. Копия.

1. Ст. 23 касалась введения Органического устава на Крите и в других турецких областях.

* Мелетий Софийский.

** См. док. 94 и прим. 2 к нему.

*** Следует 13 подписей членов комитета.

**** Документ не найден.

1878 г. сентября 29. — Циркуляр отдела внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии губернаторам об организации медицинского дела в болгарской армии

№ 2956

Филиппополь
Циркулярно

Для устройства медицинской части в болгарских войсках ¹ предположено:

1. Открыть в губернских городах губернские военные лазареты, на 50 кроватей каждый, и во всех остальных пунктах расположения пеших дружин — дружинные военные лазареты, на 28 кроватей каждый.

2. В губернских лазаретах иметь медиков из числа бывших в дружинах Болгарского ополчения и в помощь им, а также в дружинные лазареты пригласить для исполнения обязанности медиков, состоящих на службе по гражданскому ведомству, или, если таких не имеется, вольнопрактикующих врачей с добавочным жалованьем от 200 до 250 фр. в месяц.

3. Снабжение лазаретов мягкими, деревянными, жестяными и медными предметами, полагающимися по табелям и каталогам лазаретов, возложить на попечение населения тех городов и округов, где будут устраиваемы военные лазареты для пеших дружин.

4. В тех губернских и окружных городах, где уже устроены или устраиваются гражданские больницы, особых военных лазаретов не заводить, но увеличить гражданские больницы особым отделением для каждой дружины на 28 кроватей для нижних чинов, и в этом случае военные и гражданские больницы должны быть обеспечены теми предметами, которые поименованы в прилагаемых ведомостях *. Военные отделения при гражданских больницах в медицинском отношении подчиняются тому из гражданских врачей, который заведует гражданской больницей. Медик этот пользуется добавочным содержанием от 200 до 250 фр. и обязан исполнять должность дружинного врача.

Означенные предположения утверждены уже императорским комиссаром, а потому имею честь просить ваше превосходительство теперь же поручить окружным начальникам тех округов, где расположены по прилагаемому расписанию дружины **, по соглашению с дружинными командирами пригласить состоящих на службе по гражданскому ведомству, а если таких нет, то вольнопрактикующих медиков принять на себя обязанности дружинных врачей с вознаграждением в 200 до 250 фр. в месяц, причем предварить их, что к исполнению своих обязанностей они должны приступить немедленно и что об отпуске им с этого времени содержания будет сделано распоряжение по получению от вашего превосходительства списка.

Предложить теперь же всем городским общественным учреждениям тех городов, в которых располагаются дружины, приступить к отводу помещений для лазаретов в губернских городах на 50, а в окружных — на 28 кроватей, устройству их и снабжению всеми мягкими, деревянными, жестяными и медными предметами, означенными в прилагаемых при сем ведомостях. Права и обязанности дружинных медиков и отношения их к командирам дружин и губернским воинским врачам будут разъяснены особыми правилами.

Подписал управляющий отделом генерал-майор Грессер.

Скрепил начальник отделения Рони

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32772, лл. 367—368 об. Заверенная копия.

1. Одновременно с организацией гражданского здравоохранения военный отдел Управления российского комиссара в сентябре 1878 г. приступил к устройству медицинской части и в болгарской армии. Во всех губернских городах были открыты военные

* См. то же дело, лл. 370—373.

** Там же, л. 369—369 об.

лазареты на 50 мест, а в остальных пунктах—военные лазареты на 28 мест. В губернских и окружных городах, где уже имелись гражданские больницы, военных больниц не открывали, а в существующие гражданские больницы добавляли по 28 коек для военных.

Болгарская армия была снабжена из резервов русской армии запасом санитарного снаряжения и медикаментов на два года (см. 24, стр. 62).

№ 151

1878 г. сентября 30. — Циркуляр И. С. Иванова окружным начальникам о создании окружных земледельческих касс *

№ 2395

Сливен

Препровождая при сем к вам три экземпляра утвержденного его сиятельством положения о земледельческих кассах в Болгарии **1, прошу вас, милостивый государь, сделать следующее:

1. Из посылаемых трех экземпляров один назначен для окружного совета, другой — для земледельческой кассы, а третий — для вас.

2. Объявить народонаселению вверенного вам округа, что, согласно 11 ст. сего положения, земледельческая касса должна быть создана в округе и местопребывание ее будет в окружном городе.

3. На основании ст. 6 положения назначить до 1 января 1879 г. кассиров на условиях, изложенных в сем пункте, на основании ст. 7 назначить писарей и затем объявить кассу открытой.

4. В тех городах, где земледельческие кассы существовали при турецком правительстве, передать книги, счета и долговые обязательства сих касс (буде таковые имеются) вновь открываемым кассам.

5. Разрешить вновь открываемым кассам, на основании ст. 19 положения, приступить немедленно к взысканию долгов прежних касс с лиц, не принадлежащих к земледельческому сословию, и, согласно ст. 33, к пополнению части долгов или перемене векселей лицами земледельческого сословия, *обратив при этом особенное внимание на возвращающихся мусульман, чтобы при передаче ими имущества в другие руки были пополнены следующие от них долги кассе.*

6. Буде имеются наличные деньги, принадлежащие земледельческим кассам, существовавшим при турецком правительстве, то немедленно передать таковые надлежащим порядком во вновь открываемые земледельческие кассы тех округов, населению которых деньги те принадлежат.

7. В тех округах, где не существовало касс при турецком правительстве или хотя и существовали, но ни наличных денег, ни долговых обязательств не окажется, разрешаю вам приступить к образованию капитала кассы, на основании пункта «а» ст. 3 положения, порядком, указанным в ст. ст. 48, 49 и 59.

8. На основании ст. 14 положения назначить выборы кассиров на будущий 1879 г. на 8-ое число декабря сего года, вменив при этом в обязанность окружных начальников наблюдать, чтобы выборы шли совершенно свободно, а ни в каком случае не допускать давления на избирателей — людей, известных в округе зажиточностью и отсутствием доверия к их благонадежности *** со стороны местного населения, и

9. О времени приведения в исполнение п. 3 настоящего предписания уведомить меня.

И. д. губернатора Иванов

И. д. советника по делам казенного управления Д. В. Хранов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32895, лл. 104 об., 119. Подлинник.

* Настоящий экземпляр циркуляра направлен в Кирк-Килисский округ.

** См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 3, стр. 86—87.

*** Так в тексте.

1. Так называемые земледельческие кассы были созданы турецким правительством в 60-е годы XIX в. Они были лучше всего организованы в Дунайском, Адрианопольском и Салоникском вилайетах. Задача их была помочь сельским хозяйствам, предоставляя им кредиты для приобретения земли, скота и сельскохозяйственного инвентаря, чтобы облегчить их положение во время неурожая и в случае затруднений при сдаче десятины. Фонды касс собирались из добровольных натуральных взносов сельских хозяев после уборки урожая, а позднее и из продукции со специально отведенных сельских земель, обработанных бесплатным трудом крестьян. Натуральные взносы продавались, а деньги поступали в кассы на счет данного населенного пункта, который таким образом приобретал право получать кредиты. Кредит давался под индивидуальную личную ответственность и материальную гарантию двух имущих крестьян, во многих случаях в качестве гарантии выплаты кредита служили владельческие документы крестьян на землю. Однако управление касс, сосредоточенных в центрах каз и санджаков, находилось в руках местных влиятельных турок. Они почти бесконтрольно раздавали кредиты, покровительствуя турецким сельским хозяйствам и предоставляя кредиты лицам, которые не имели права их получать, — турецким ремесленникам и торговцам в городах и даже чиновникам, по приятельской и родственной линии. После вывода турецких войск с освобожденных болгарских земель капитал земледельческих касс был в значительной степени расхищен турецкими чиновниками (см. НБКМ—БИА, ф. 19, д. 78, лл. 40—49; 57—64; 66—75; 78—81; 104—121; 126—136; см. и материалы, опубликованные в 34). Несмотря на это, русское гражданское управление восстановило функционирование земледельческих касс, исправив и дополнив их устав и отпустив им значительные суммы для первоначальных операций (см. 80, вып. 3, стр. 86—87; газета «Марица», № 136, 12.IX 1878 г.; газета «Българин», № 17, 1.XII 1879 г.).

№ 152

1878 г. октябрия 1. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о создании благотворительных комитетов в княжестве Болгарии и их деятельности по оказанию помощи Кресненскому восстанию

№ 15

Тырново

Днес, 1 октомври, членове на комитета «Единство» имаха редовно заседание в присъствието на 50 члена и под председателството на д-ра Ангонова, който и описа пътуванието, което са направили ведно с г-да Д. Момчева и Г. Живкова с цел да устрояват комитети подобни на нашия. Първият град, в който са се спрели е Севлиево, дето вече бил устроен комитет. Тука преди съставянието на комитета имало е ж[енско] дружество с цел да спомага македонските бежанци, което от после станало клон на комитета «Единство» и приело общата цел на комитета. В Плевен, ако и да е имало подобна сполука, при всичко това са събрали няколко граждане, одобрили идеята да са работи за в Македония и тамошния архимандрит Константин поел грижата сам да образува в града и околността комитети. Във Враца пратениците били приети с въсторг. В същата вечер имало събрание, в което участвували повече от 50 души от най-влиятелните и интеллигентните. В същото време съставили комитет и са натоварили да изпратят хора по околните села със същата цел и да събират разни помощи. В този град имало даже съставено благотворително дружество* да спомага бедните македонци, което приело нашия устав и са преобърнали на комитет. В Берковица хората били повечето на гроздобер и нямало с кого да са срещнат; намерили само секретарина на началника на окръга г-на Юрдана Наумова, който са обещал да работи за съставене комитет в града си съгласно с устава, който му дали. В София намерили местното население много хладнокривно към подобни идеи; но на против в София имало вече един център от интеллигентни българи събрани от разни места. Тука вече имало благот[ворителен] комитет, който и приготвил няколко възстанници под предводачеството на капитан Калмукова. Преди пристигането на пратениците Калмуков е искал да мине границите, но властта го била спряла и разпръснала хората; наскоро обаче той е бил освободен и ведно с комитета работел за организованието на въстанието¹. Главният деец в това предприятие бил охридският митрополит Натанаил, който отсъствувал него време по работите в Пловдив и не са можели прате-

* См. док. 123, 133 и примечания к ним.

ниците да го видят. В София приели почти нашия устав; благотворителното дружество са преобърнало в комитет и си избрали настоятелство, на което председател бил митрополит Мелетий. Около 100 души имало малко много възстанници, повече стари опълченци, и Калмуков с една част вече щял да минува границите. Много други хора имало, които чакали средства и оръжия, за да [се] въоружат и постоянно възстанници от вред са стичали. Необходимо, за да са поддържа почнатото дело, е да са изпратят за напред оръжия и припаси. Самото население в Македония било според слуховите, които са раздавали, готово да поддържа и земе участие във въстанието и на много места е снабдено с оръжие. Ако прочее са изпратят по-скоро оръжия и влязат повече хора в Македония въстанието ще земе по-голям размер, толкоз повече като и самото население ще участвува. Софийската губерния са организовала и биле изпратени хора по околността за съставение на комитети и да събират оръжия. На връщане из пътя постоянно са срещали групи млади българи, които отивали за Македония, и на нашите пратеници било тъжно, че нашите помощи, особено в оръжие ще стигнат много късно и си мислели какво може да направи този разпален народ, [ако] да има сега оръжия и припаси. Г-н Антонов свърши, като каза, че сичкото дело вече зависи от по-скорошното изпращане на оръжие и припаси.

След г-на Антонова пое думата г-н Бендерев, който заедно с г-на К. Паскова беше ходил по селата на окръга с цел да съставят комитет и събират оръжия. Населението ги посрещнало навред по селата съчувствено и те вече съставили комитети, в следующите 13 села: В Долня Ряховица записани 13 членове основатели, в Лясковец — 24 членове основатели, в Драгижево — 10, в Мердана — 15, в Миндя — 21, в Ново село — 5, в Кесарево — 12, в Джулюница — 20, в Кара Кюю — 17, в Крал Бунар — 10, в Сушица — 13, в Драгижево — 21, от Златарица списъка ще са достави от г. Радославов. В Церовата курия са натоварил г-н П. Радков да състави комитет. В Кара Хасан Кюю са задължил да състави комитет Христо, старий жандарм от Сушица. За в Тръмбеш са натоварил поч[етният] член на окръжния съвет г. Ст. . . * от Драганово село и учителя. Пушки събрали в 11 села, които приблизително може да излязат до 1000, но патрони почти никак нямат. Тия 11 села са: Драгижево, Мердана, Миндя, Златарица, Ново село, Джулюница, Кесарево, Кара Кюю, Крал Бунар, Юруклери и Кълъглари.** В селата, дето са съставили комитети обещали наскоро да пратят списъци на членовете си, в които и ще явят колко помощи има събрани. В селата членовете ще могат да плащат ежемесечно 2—3 франка. Но за да може да са организуват добре селата нужно е да има един нарочно за това човек, който постоянно да ги обикаля, подканя, насърчва да работят и да отваря комитет там, дето още няма. Без такъв човек нищо не може стана, а от него може много да са очаква, особено ако той бъде и способен.

След това събранието реши: 1. Г-да Антонов, Д. Момчев и Живков да търсят нуждните патрони за пушките, за да са изпрати час по-напред нашия транспорт. 2. Настоятелството да намери човек, който да обикаля постоянно селата в окръга ни, да ги организува и подканя да внесат помощите си в Търново, на който да са плаща 600 гроша месечно. 3. Настоятелството да намери и друго още лице, което да бъде куриерин на комитета, да носи навред нашата кореспонденция. 4. Като се увеличава постоянно работата на комитета намери се за необходимо да се избере един деловодител, който да води делата на комитета. За такъв са избра едногласно г-н Д. П. Иванов, комуто са назначи месечно 500 гроша. Събранието призна, че тая заплата за такъв труд е малка, но сам г-н Иванов не рачи по-голяма. В същото събрание г-да К. Паница и Т. х. Неделков отстъпиха на комитета 4700 раници, които бяха купили от тръга само за 82 рубли, за което събранието им изяви своята благодарност.

* Фамилия неразборчива.

** В тексте ошибка. Следует: Кълъглари.

Освен това г-н К. Паница подари на комитета разни потреби от военни припаси.

Г-н Петър п. Димов, който завежда комитетския склад, са натовари да приеме горните неща.

В това събрание са записаха и нови членове на комитета *.

НБКМ—БИА, ф. 298, п. 1. Подлинник.

1. Чета А. И. Калмыкова состояла в основном из болгар-ополченцев родом из Македонии. В начале октября 1878 г. она перешла границу и приняла участие в Кресненско-Разложском восстании (42, стр. 77—78).

№ 153

1878 г. октябрия 3. — Предписание П. А. Грессера О. К. Гибшу фон Гросталю о раздаче оружия болгарскому населению для защиты от нападения башибузуков

№ 3057

Филиппополь

Вследствие неоднократных заявлений приграничных жителей вверенной вам губернии на грабежи и насилия, которым они подвергаются со стороны вооруженных шаек разбойников¹, приходящих в пределы Румелии из-за линии, занятой нашими войсками, его сиятельство приказал, применяясь к положению о вооруженных караулах, утвержденному е[го] в[ысочеством] главнокомандующим 8 августа 1877 г.**, ныне же отпустить в распоряжение вашего превосходительства 1246 ружей с тем, чтобы не образовывать особой вооруженной стражи, а предоставить вашему превосходительству раздать оружие в те селения, которые действительно нуждаются в защите себя от вооруженных шаек. Оружие это должно быть передано на полную ответственность кметов как за сохранение его в целости, так и за употребление его в дело в тех только случаях, когда обстоятельства того потребуют.

Ружья эти ваше превосходительство получите из следующих складов чрез доверенного приемщика:

	пистонных	кремневых
Из Филиппопольского	562	332
Из Казанлыкского склада	352	—
	914 пистонных	332 кремневых
К ним из Софийского склада боевых патронов		— 15 тыс.
капсюлей		— 350 тыс.

Об отпуске оружия доверенному вами лицу сообщено филиппопольскому воинскому начальнику.

О препровождении упомянутых выше патронов и капсюлей из Софийского склада сообщено софийскому губернатору.

Сливенская губерния снабжается ружьями из склада Казанлыкского — 309 руж[ей].

Ваше превосходительство не откажете оказать содействие сливенскому губернатору к перевозу этого оружия в г. Сливно или куда оный найдет нужным.

Софийскому губернатору предложено по принятии из Софийского арт[иллерийского] склада $\frac{1}{2}$ миллиона капсюлей и 25 тыс. боевых патронов немедленно препроводить их в Филиппополь на имя вашего превосходительства.

* Следует 14 подписей членов комитета.

** См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 1, стр. 54—58.

Из числа общего количества капсюлей и патронов не откажете удержать только то, которое определено Филиппопольской губернии, затем остальные патроны и капсюли отправить в Сливно при особом конвое жандармов.

О том, какое угодно будет вам сделать распределение оружия, а равно и полученных ружей, пороха и капсюлей, прошу своевременно меня уведомить для доклада его сиятельству императорскому комиссару.

Управляющий отделом генерал-майор Грессер
Начальник отделения. . .*

НБИВ—БИА, Пловдив, ф. 19, д. 6, лл. 6—7. Подлинник.

1. Имеются в виду турецкие иррегулярные войска (башибузуки), которые нападали на болгарские села в Родопах.

№ 154

1878 г. октября 4. — Протокол заседания Търновского благотворительного комитета «Единство» о помощи Кресненскому восстанию¹

№ 16

Търново

Днес, 4 октомврий, членове на комитета «Единство» имаха редовно заседание в присъствието на 22 члена. Според решението на първото заседание г-н Корфунозов са назначил за организатор, а г-н Стат Христов за куриер в окръга. Каза са съдържанието на една депеша от София, според която въстанието вече почнало, хора имало много, но нямало средства. Събранieto реши да са испрати транспорта и на сметка на комитета, ако в случай са не сполучи при губернатора. Прочете са после писмото от Севлиево, донесено от г. Стамболова, в което са явява за събраните до сега там помощи. Като са прочете и отговора на писмото, породило са въпрос как да са изпровождат оръжието и парите, които имат събрани и по вишегласие са реши сами да ги изпровождат в София, а не чрез Търново. За своята мисия в Габрово г-н Стамболов каза, че след пристигането си в Габрово намерил са с там[о]шните учители и с д-ра Алексия **, последния са извинявал за досегашното бавение с многото си работа. Като са събрали гражданите съставили комитет и избрали настоятелство². Основатели членове имат 48, а волна помощ събрали 100 рубли; основателите им членове ще плащат 1 рубли месечно. Обещали са още да съберат 1000—1500 пушки.

Понеже в писмото до окръжните комитети са говори за испровождане на оръжие и пари, реши са да са чака отговора на губернатора и могат ли реквизиционим образом да са испроводат и тогаз да са забележи в писмата и са испроводът ***.

НБКМ—БИА, ф. 298, п. 1. Подлинник.

1. Живой интерес к событиям в Македонии был проявлен также в ряде населенных пунктов Болгарского княжества. Так, например, в письме из Систова от 27 сентября 1878 г. известный болгарский художник и общественный деятель периода возрождения Николай Павлович (чьим именем ныне назван Высший институт изобразительного искусства в Софии), обратился от имени своих сограждан к профессору М. С. Дринову с просьбой содействовать им в получении более точной информации о восстании в Кресненском районе, чтобы, как он выразился, «и им вступить в действие» (НБКМ—БИА, ф. 111, д. 223, лл. 3—4).

2. В Габрове комитетом «Единство» руководили Тодор С. Бурмов, д-р Алекси Христов, Петр Гинчев, Сава Илиев Сирманов (председатель) (см. 47, стр. 83—108).

* Подпись неразборчива.

** Д-р Алекси Христов.

*** Следует 14 подписей членов комитета.

1878 г. октября 5. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова Н. К. Гирсу о необходимости разрешения вопроса относительно турецких государственных и вакуфных имуществ и права Болгарии заключать договоры с другими государствами

№ 3148

Милостивый государь Николай Карлович!

Занимаясь в настоящее время, согласно данной мне инструкции, составлением для княжества Болгарского проекта Органического устава, который имеет быть представлен на обсуждение предварительно министерства, а затем нотаблей в Тырнове, я остановился на редакции необходимых для сего устава статей, касающихся имуществ государственных и вакуфных, и нахожусь в тяжелом затруднении. Вашему высокопревосходительству известно, что по получении текста Берлинского трактата я возбудил вопрос о смысле и пространстве действия ст. 12, определяющей права турецкого правительства на имущества государственные и вакуфные, но окончательного по нем разъяснения и до настоящего времени не последовало *. По моему мнению, без точного определения в том или другом смысле столь важного вопроса, составляющего краеугольный камень прочного государственного существования народа, трудно будет представить на утверждение нотаблей и самый проект Органического устава. Таковой пробел едва ли останется незамеченным, он может подать повод к возбуждению вопроса в самом собрании, к неуместным требованиям и толкованиям, не согласным, быть может, с видами нашего правительства. А коль скоро мне не будет дано точных и определительных по сему предмету указаний и вопрос останется открытым, то и мое положение и положение лиц, мною уполномоченных руководить собранием нотаблей, может сделаться крайне затруднительным и не соответствующим тому авторитету, который представители нашего правительства должны иметь в глазах населения.

Равным образом в проекте Органического устава является и вопрос, будет ли иметь право владетельный князь и в каких пределах заключать договоры с иностранными правительствами от имени Болгарии. Хотя Порта и оспаривала это право у Румынии и Сербии во время их вассальной зависимости, тем не менее эти княжества заключали торговые договоры и конвенции прямо от себя с иностранными государствами, а посему мне было бы желательно ознакомиться со взглядом вашего высокопревосходительства по сему предмету. Имея в виду важность дела, необходимость скорейшего представления Органического устава на рассмотрение министерства и крайнего срока собрания нотаблей в Тырнове к концу настоящего года, имею честь просить скорейшего по возможности разъяснения возбуждаемых мною в настоящем отношении вопросов, останавливающих окончательную редакцию разрабатываемого мною Органического устава для будущего княжества Болгарского.

Примите уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности

Князь Дондуков-Корсаков

АВПР, ф. ГА, Политотдел, в. 2, лл. 23—24. Подлинник.

* См. док. 134 и примечание к нему.

1878 г. октября 5. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова А. Б. Лобанову-Ростовскому об отклонении предложения Л. Фарлея относительно установления англо-болгарских экономических связей

№ 3150

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

В ответ на отношение ваше от 29 сентября № 582 по поводу препровожденного к вашему сиятельству управляющим Министерством иностранных дел предложения известного англичанина Фарлея¹ имею честь сообщить, что имя это здесь известно по сочувствию, которое г. Фарлей всегда оказывал вообще христианскому населению в Турции; в бытность его в Москве довольно известности приобрели его сношения со Славянским комитетом, но как в этом, так и в том случае к несомненному сочувствию его к славянскому делу присоединялись и торговые цели. Он желает в настоящем заявлении своим быть посредником между образуемым княжеством Болгарским и Англией по вопросам, касающимся сооружения железных дорог, эксплуатации минеральных богатств страны и развития промышленности и земледелия, для сбыта из Англии всех потребных материалов, машин и проч. в страну.

С своей стороны полагаю, что подобное посредничество и агентство совершенно преждевременны, так как до полного образования княжества Болгарского и избрания князя я полагаю, что временному нашему управлению неудобно входить в какие-либо распоряжения, заказы или концессии с компаниями и частными лицами, могущие связать новое княжество какими-либо долговременными обязательствами. При этом затрудняюсь, какой другой можно дать характер г. Фарлею по отношению к будущему княжеству Болгарскому, так как дипломатических или торговых представителей Болгарии в иностранных краях не полагается. Ввиду этих соображений полагал бы отклонить ныне сие предложение Фарлея, предоставив ему в этом, по-моему, совершенно частном деле войти впоследствии в соглашение с установившимся болгарским правительством.

Примите уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Князь Дондуков-Корсаков

Помета А. Б. Лобанова-Ростовского: Н. К. Гирсу.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2491, л. 195—195 об. Подлинник.

1. Льюис Фарлей, бывший в 60-х годах рыцарем-защитником Турции, в 70-х годах XIX в. перешел на сторону той части английской буржуазии, которая считала невыгодным вкладывать свои капиталы в Турцию, так как ее положение было слишком шатким. Он писал, что после покупки Англией акций Суэцкого канала ей нет смысла более поддерживать Турцию. Фарлей присоединился к кампании, ведшейся в Англии Гладстоном, и стал ратовать за освобождение балканских народов. В 1875 г. он организовал Комитет друзей страдающих христиан Боснии и Герцеговины. Но благотворительность Фарлея и его сторонников прикрывала стремление английской буржуазии к экономическому проникновению на Балканский полуостров, что нашло отражение в упоминаемом письме Л. Фарлея Н. К. Гирсу от 26 июля (7 августа) 1878 г. (см. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2491, лл. 387—388 об.).

1878 г. октября 5. — Денева Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому с одобрением действий русских представителей в Европейской комиссии

Livadia

En vous accusant par mon télégramme d'hier l'exacte réception de votre expédition du 1 (13) Octobre *, j'ai eu l'honneur de transmettre à votre excellence l'approbation de notre auguste maître à l'égard de son attitude au milieu des graves difficultés du moment.

Les dangers de la situation que créent l'aveuglement et l'inertie de la Porte ne nous échappent guère, mais le meilleur moyen d'y faire face est de rester ferme sur le terrain du traité de Berlin qui confirme les stipulations non-modifiées des préliminaires de San-Stéfano. Nous en voyons une nouvelle preuve dans l'impression produite sur plusieurs Puissances par la circulaire, dont l'existence nous a été révélée par une source indirecte, et au moyen de laquelle la Porte a tenté de nous accuser devant l'Europe de n'invoquer que le traité de San-Stéfano et de vouloir passer sous silence celui de Berlin dans nos rapports avec le gouvernement ottoman.

Sa majesté l'empereur a daigné approuver également la ligne de conduite suivie par nos délégués à la commission d'organisation de la Roumélie Orientale. Leur langage et les principes qu'ils défendent sont parfaitement conformes à l'esprit de l'art. XVIII du ¹ traité de Berlin sur lequel nous pouvons hardiment nous appuyer. Il est certain, qu'en dehors de la gestion des finances réservée à la commission, toute l'administration doit rester entre les mains de nos autorités jusqu'à la détermination des pouvoirs et des attributions du gouverneur général qui ne pourra entrer dans l'exercice de ses fonctions que lorsque le régime administratif, judiciaire et financier de la province, élaboré par la commission, aura été fixé et promulgué.

Nous voyons avec satisfaction que nos délégués n'ont pas perdu de vue ces considérations. Plus ils sauront se maintenir sur les bases posées par le congrès de Berlin et mieux ils réussiront dans l'accomplissement de la tâche importante qui leur est confiée.

Je profite de cette occasion pour vous faire parvenir les copies des dernières pièces dont les lithographies n'ont pu encore être faites et qui vous mettront au courant de tous les détails de la situation politique, jusqu'à ce jour.

Veillez agréer, etc.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 34, лл. 364—366. Отпуск.

Перевод
Ливадия

Уведомляя вас моей вчерашней телеграммой о получении вашего донесения от 1 (13) октября, я имел честь сообщить вашему высокопревосходительству, что наш августейший повелитель одобряет позицию, занятую нами в настоящий момент, в обстановке серьезных затруднений.

Опасность положения, создаваемого близорукостью и инертностью Порты, для нас очевидна, но лучшее средство ей противодействовать — это твердо стоять на почве Берлинского трактата, подтверждающего неизменные положения Сан-Стефанского премилярного договора. Новое доказательство этому мы увидели в том, какое впечатление на некоторые державы произвел циркуляр Порты (о его существовании мы узнали стороной), в котором она пыталась обвинить нас перед Европой в том, что в наших сношениях с оттоманским правительством мы придерживаемся только Сан-Стефанского договора и обходим молчанием Берлинский трактат.

Его императорское величество благоволил также одобрить поведение наших делегатов в комиссии по организации Восточной Румелии. Их выступления и принципы, ими

* Сж. АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, ч. 1, лл. 238—247 об.

защищаемые, совершенно соответствуют духу ст. XVIII Берлинского трактата ¹, на которую мы смело можем опираться. Очевидно, что вне финансового управления, предоставляемого комиссии, всякая администрация должна временно оставаться в руках наших властей до определения прав и компетенции генерал-губернатора, который сможет приступить к исполнению своих обязанностей только после того, как административный, судебный и финансовый режим провинции, выработанный комиссией, будет принят и обнародован.

Мы с удовлетворением видим, что наши делегаты не упускают из виду эти соображения. Чем более будут они придерживаться основ Берлинского конгресса, тем успешнее они будут продвигаться в выполнении доверенной им важной задачи.

Пользуюсь случаем, чтобы передать вам копии последних документов, литографии с которых еще не сделаны и которые вас введут в курс всех подробностей политической обстановки вплоть до настоящего дня.

Соблаговолите принять и пр.

1. Ст. XVIII Берлинского договора посвящена функциям Европейской комиссии по Восточной Румелии.

№ 158

1878 г. октября 6. — Отношение А. К. Имеретинского А. М. Дондукову-Корсакову о подготовке Софийского округа к возможным военным осложнениям

№ 3772

Главная квартира
Адрианополь

Софийский округ, занимаемый войсками, состоящими под начальством вашего сиятельства, может, в случае усложнения политических обстоятельств, получить особое значение, так как силы, собираемые турками против австрийской боснийской армии, могут, при известных политических условиях, обратиться против Болгарии к стороне Софии.

Обращая ваше внимание на это, главнокомандующий приказал просить вас сообщить ему, если возможно теперь же, ваши соображения как относительно способов действий в случае открытия военных действий, так и относительно тех главных направлений, по которым с большею вероятностью можно предположить производство военных операций, причем не следует задаваться только оборонительными задачами, но необходимо составить соображения на случай движения вперед по направлению на Вранью или другие пункты.

При выработке указанных соображений следует иметь в виду содействие со стороны Сербии, почему полезно иметь в штабе содействия отряда постоянные сведения о составе и расположении сербских войск.

Сообщая вашему сиятельству об этом, присовокуплю, что все соображения и предположения, которые будут, согласно изложенного, выработаны в штабе содействия отряда, главнокомандующий просит сообщить ему в возможно непродолжительном времени для соображений на случай разрыва ¹.

Подл[инный] подп[исал] н[ачальник] ш[таба] г[енерал]-ад[ъютант]
к[нязь] Имеретинский

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7483, лл. 1—2. Отпуск.

1. 28 октября 1878 г. А. М. Дондуков-Корсаков сообщил в штаб Действующей армии о предварительных мерах на случай открытия военных действий. В середине октября офицеру генерального штаба было поручено произвести рекогносцировку путей, ведущих в Македонию, собрать сведения о турецких войсках, о настроении жителей и т. д. (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7483, л. 4). В конце октября все части района Софии были сведены в особый передовой отряд и приведены в боевую готовность.

«Цель передового отряда, — говорилось в инструкции начальнику отряда, — чисто оборонительная: воспрепятствовать шайкам башибузук, а равно и турецким регулярным войскам, вторгаться в пределы княжества Болгарского и район расположения наших войск, грабить мирных помаков, болгар и турок и вообще производить беспорядки». Отряд должен был регулярно посылать к границе разведки, но не переходить «через границу без особого на то приказанья штаба» (там же, лл. 7—8).

1878 г. октября 6 (18). — Донесение А. А. Шепелева и А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о соглашении по финансовому устройству Восточной Румелии

№ 16

Буюкдере

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Мы имели честь получить отношения вашего сиятельства от вчерашнего числа за № 595 и 596 ¹. Спешим выразить, сколь мы были осчастливлены переданным нам высочайшим одобрением наших действий; оно будет нам бесценным поощрением при исполнении нашей трудной задачи.

Дополнительная инструкция, которой вашему сиятельству было угодно снабдить нас, послужит нам руководством при дальнейших прениях по финансовому вопросу.

Во вчерашнем заседании было единогласно принято прилагаемое при сем в копии соглашение *, выработанное первоначально французским и австрийским комиссарами, измененное совместно с нами и принятое затем без изменений остальными нашими товарищами, т. е. итальянским, английским и турецким. Германский же участвовал с нами в выработке.

Мы не сочли себя вправе противиться *одни* принятию этого соглашения, вытекающего из XIX ст. трактата, и доводить дело до разрыва по вопросу об общих правах комиссии, предоставленных ей Берлинским трактатом. На практике мы не считаем его противным русским интересам, применение этих положений может произойти лишь при соглашении с нашими властями.

По 1-му параграфу комиссия устанавливает бюджет, она распределяет и взимает налоги, но «по существующим положениям». По 2-му параграфу она обязуется производить уплаты, лежащие на провинции, начиная с издержек по оккупации; по 3-му параграфу она устанавливает оклады содержания чинам гражданским, милиции и жандармерии, но все эти действия она производит лишь по *единогласному* решению, следовательно, для всяких изменений необходимо наше согласие.

4-й и 5-й параграфы определяют назначение директора и комитета финансов большинством голосов. Мы должны были сделать эту уступку, так как наши товарищи замечали, что иначе может никогда не состояться ни одно из этих назначений. При выборах в члены финансового комитета большинство пало на вторых комиссаров Англии, Франции и Турции. Такой состав, казалось бы, нам враждебный, представляет ту выгоду, что мы можем критиковать решения комитета и противиться им, так как сами в нем не участвуем.

Впрочем, деятельность комитета, означенная в 6-м параграфе, очень не обширна.

7-й и 8-й параграфы определяют лишь правила подсудности финансовых чиновников.

Наконец, 9-й параграф обязует наши власти оказывать содействие агентам комиссии, но под условием, чтобы требования их были в *установленной* форме. Установление же ее зависит опять от комиссии.

В заключение мы смеем надеяться, что ваше сиятельство и императорское министерство одобрят вышеизложенный нами образ действий.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имеем честь быть вашего сиятельства покорнейшими слугами

А. Шепелев
князь Церетелев

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3289, лл. 28—29 об. Подлинник.
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8792, лл. 36—37 об. Копия.

* См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8792, лл. 38—39 об.; АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3290, лл. 32—33 об.

1. В письме к А. Н. Церетелеву и А. А. Щепелеву от 5 октября 1878 г. за № 595 А. Б. Лобанов-Ростовский сообщал, что им только что получена депеша Н. К. Гирса, где одобрялись действия русских делегатов в Европейской комиссии по Восточной Румелии (см. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1878 г., д. 3289, л. 302). За № 596 он послал дополнительную инструкцию о разграничении функций комиссии и временной русской администрации (см. 68, т. III, стр. 275—276).

№ 160

1878 г. октября 8 (20). — Донесение А. А. Щепелева Д. А. Милютину о работе Европейской комиссии *

Константинополь
Конфиденциально

Милостивый государь граф Дмитрий Алексеевич!

Из официальных донесений наших и частных сообщений князя Церетелева г. управляющему Министерством иностранных дел ваше сиятельство изволили, конечно, ознакомиться с ходом занятий комиссии для организации Восточной Румелии в первых ее предварительных заседаниях в Константинополе. Полагая, однако, что вашему сиятельству, быть может, не безынтересно знать некоторые подробности, касающиеся упомянутой комиссии, и которые во многом могут служить дополнением и объяснением протоколов ее заседаний, я беру на себя смелость представить их в настоящем письме на ваше благоусмотрение.

Со времени первого собрания комиссии ¹ прошло почти три недели, но до сих пор она еще не приступала вовсе к главному предмету ее задачи — обсуждению будущей организации Восточной Румелии, и лишь третьего дня в последнем своем заседании в Константинополе установила общие начала для временного заведывания ею финансами этой провинции, согласно XIX ст. Берлинского трактата **. Такая медленность в действиях комиссии объясняется тем, что много времени потрачено на пререкания по вопросам о принципах, случайно возникавшим во время прений, отчасти же и личностью нашего первого председателя Ассима-паши, человека весьма робкого и вовсе не умеющего руководить ходом прений собрания.

Первою заботою нашею до созвания комиссии было установить с нашими иностранными сочленами возможно выгодное для нас соглашение по вопросу о председательстве. На первых же порах мы должны были убедиться, что прочие комиссары, ссылаясь на дипломатические традиции, желали предложить *постоянное* председательство в комиссии первому турецкому делегату, безразлично, где бы комиссия ни заседала. Разумеется, мы не могли разделить этого взгляда, в особенности потому, что, как известно было, комиссия должна была переехать в Филиппополь, где администрация находится исключительно в руках наших властей и где местное население, при господствующем в нем возбуждении, отнеслось бы весьма недоверчиво к комиссии, имеющей своим постоянным председателем турецкого пашу. После долгих предварительных переговоров с австрийским и французским комиссарами нам удалось склонить их принять для председательства очередной порядок, который они и обещали поддержать при обсуждении этого предмета. При открытии первого заседания я внес предложение в упомянутом смысле, но вместе с тем из вежливости к оттоманским делегатам предложил, чтобы очередное председательство началось в Турции. Несмотря, однако, на предварительное соглашение и обещание французского комиссара барона Ринга, что британский делегат не будет противиться нашему предложению, последнее вызвало сильную оппозицию со стороны как сэра Друммонда Вульфа, так и турок. Они настаивали, что не только в Константинополе, но и в пределах Восточной Румелии, составляющей неотъемлемую часть владений

* Ответное письмо Д. А. Милютину от 19 октября 1878 г. см. в том же деле, лл. 269—273.

** См. док. 159 и примечание к нему.

султана, председательство в комиссии должно по праву принадлежать представителю Порты. Турецкие комиссары заявили даже, что всякую другую комбинацию они сочтут за «*manque de courtoisie envers le sultan*» *. Завязались жаркие прения, занявшие большую часть заседания, но не вошедшие в протокол; была минута, где можно было думать, что комиссия разойдется на этом первом вопросе ее суждений. Слабо или почти вовсе не поддержанные нашими товарищами от Австрии и Франции, мы тем не менее решительно настаивали на принятии нашего предложения и, наконец, покончили вопрос в смысле, изложенном в первом протоколе, т. е. предоставили председательство турецкому комиссару на время настоящего пребывания в Константинополе и постановили начать очередное председательство по алфавитному списку государств со дня открытия заседаний в Филиппополе **.

На этом первом дебате мы уже до некоторой степени узнали в какой мере можно будет рассчитывать на поддержку наших коллег в более существенных вопросах.

В том же заседании, как ваше сиятельство изволите усмотреть из протокола, французский комиссар, внося предложение относительно финансового управления, заявил, между прочим, что на комиссию возложен Берлинским трактатом контроль над существующею ныне администрациею в Восточной Румелии до введения в действие новой организации этой провинции. Так как перед чтением предложения французского комиссара решено было отложить прения о нем на следующее заседание, то я не счел удобным возражать немедленно против высказанного бар[оном] Рингом толкования прав нашей комиссии и ограничился лишь заявлением, относившемся исключительно до финансового вопроса, составлявшего главную тему речи нашего французского сотоварища.

В следующем собрании ***, когда очередь дошла до обсуждения внесенной бароном Рингом резолюции, я обратил внимание комиссии на вышеприведенное толкование трактата и, желая с самого же начала наших занятий устранить всякие поводы к недоразумениям, объявил, что мы не допускаем самовольного расширения комиссиею своих обязанностей, точно определенных трактатом, и не признаем за нею никакого права вмешательства в дела ныне существующей в Восточной Румелии администрации.

Обстоятельство это, возникшее совершенно случайно, подало повод к продолжительным прениям, занявшим значительную часть двух заседаний, и сущность которых изложена в протоколах 2-м и 3-м ****. Французский комиссар ограничился лишь заявлением, что сохраняет за комиссиею право обсуждать ее собственную компетентность в толковании статей Берлинского трактата хотя бы для того, чтобы побудить подлежащие правительства высказать свой взгляд на этот счет. Британский же делегат представил в третьем заседании подробные, хотя и не совсем удачные возражения на мою декларацию, основанные преимущественно на синтаксическом разборе статей Берлинского договора. Замечательно, что во все время продолжительных прений об этом вопросе турецкие делегаты оставались совершенно безучастными, так что сэр Друммонд Вульф, сознавая неловкость положения, при котором он выступал единственным защитником попираемых будто бы прав султана, довольно резко обратился к своим оттоманским сотоварищам, потребовав от них высказаться — признают ли они в силе обязательство, заключающееся в XXVI ст. Сан-Стефанского договора ², намерена ли Порта назначить теперь же румелийского генерал-губернатора и офицеров в местную милицию и жандармерию. Так сказать, прикатые к стене турецкие комиссары после немалого колебания решились заявить, что они считают Берлинский трактат вполне заменившим С.-Стефанский договор, который ни в чем не отно-

* *Невежливость по отношению к султану (фр.)*.

** *См. протокол № 1 от 18 (30) сентября 1878 г. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3290, л. 3.*

*** *Протокол № 2 от 21 сентября (3 октября) (см. там же, лл. 8—14).*

**** *Заседание от 25 сентября (7 октября) 1878 г. См. там же, лл. 15—21 об.*

сится до вновь созданной провинции Восточной Румелии, и что в непродолжительном времени Порта намерена назначить туда своих чиновников.

Нам казалось неуместным после сделанной мною категорической декларации входить в пререкания как с Друммондом Вульфом, так и с турками, почему мы ограничились заявлением, что вопрос о временной администрации Румелии выходит из пределов компетентности комиссии и может быть в случае надобности обсуждаем только между Россией и Турциею, а также приняли к сведению ответ оттоманских комиссаров насчет скорого назначения турецкого генерал-губернатора в Румелию, ответ, который мы не замедлили довести до сведения императорского посла в Константинополе.

Хотя британский делегат объявил, что ввиду моей декларации он требует инструкций от своего кабинета, а в конфиденциальном сообщении одному из наших иностранных товарищей сказал даже, что в случае нашего упорства в отстаивании принятой нами точки зрения он выйдет из состава комиссии, я тем не менее имею основание полагать весь этот incident поконченным, так как Вульф в переданном мне частном разговоре его с германским послом сознался последнему, что он, Вульф, может быть, не совсем так взглянул на этот вопрос, и выразил притом намерение действовать впредь в более примирительном духе. В последующих заседаниях это отчасти подтвердилось.

В числе вопросов, занимавших комиссию в двух последних заседаниях *, протоколы которых еще не отпечатаны, один только имеет для нас важное значение, именно — финансовый. Предположение, высказанное первоначально французским делегатом и по которому временное заведывание румелийскими финансами под надзором комиссии вверялось бы Оттоманскому банку, было почти единогласно отстранено, как скоро выяснились условия, на которых это учреждение изъявляло готовность взять в свои руки финансовое управление краем. Так как этот исход можно было предвидеть заранее, то австро-венгерский и французский комиссары, г. Каллай и бар[он] Ринг, составили сообща проект общих финансово-управления и предложили на наше рассмотрение, предварительно внесения его в комиссию. При этом бар[он] Ринг убедительно уговаривал нас согласиться на их проект, подкрепляя свои доводы тем, что в случае принятия его нами Друммонд Вульф не будет более возбуждать щекотливого вопроса о праве контролировать нашу администрацию или оспаривать законность ее пребывания в Румелии. Мы отвечали, что против вторичного возбуждения этого вопроса, если комиссия признает желательным возобновление предшествовавших о нем пререканий, мы, со своей стороны, ничего не имеем, так как считаем нашу точку зрения на этот предмет совершенно законною и правильною и от нее не отступим, но готовы войти в соглашение насчет способа заведывания комиссиею финансами, чтобы облегчить разрешение этого дела.

Приступив к рассмотрению выработанного гг. Каллаем и Рингом проекта, мы сейчас же натолкнулись на странные претензии этих господ, требовавших, чтобы все расходы, произведенные нашею администрациею на счет доходов Румелии с 1 сентября (дня, первоначально назначенного для собрания комиссии в Константинополе), подлежали проверке и ратификации комиссии. Другими словами, они требовали контроля над действиями русской администрации даже за период времени, когда фактически комиссией еще не существовало. Мы, конечно, отвергли подобные притязания, несоместные с нашим достоинством, и после долгих препирательств согласились признать за комиссиею право вступить в заведывание финансами Румелии со дня установления какого-либо способа временного управления этою отраслью администрации, причем наши власти продолжают в этом отношении действовать на прежнем основании до тех пор, пока не будет составлен новый бюджет провинции. Результатом наших переговоров, в которых принимал участие и германский комиссар г-н фон Брауншвейг, был видоизме-

* Протокол № 4 заседания от 30 сентября (12 октября) 1878 г. См. то же дело, лл. 28—31; протокол № 5 заседания от 5 (17) октября 1878 г. См. там же, лл. 32—38.

ненный проект главных начал финансового управления комиссии, существенные положения которого следующие.

Комиссия вступает со дня принятия проекта в заведывание румелийскими финансами; она составляет бюджет, распределяет и взимает подати по существующему порядку и посредством органов и лиц, ныне ведающих это дело, но предоставляет себе в случаях признанной необходимости назначать и собственных агентов. Для ближайшего заведывания финансами она назначает одного главного директора, который будет действовать под контролем особого финансового комитета из трех лиц, избранных посредством тайного голосования из среды членов самой комиссии. Она обязуется уплачивать издержки на содержание оккупационных войск и производить всякие другие денежные выдачи, которые признает подлежащими отнесению на доходы страны. Наконец, комиссия определяет оклады содержания всем чинам гражданской администрации, а также офицерам, унтер-офицерам и прочим чинам милиции и жандармерии; содержание всякой вновь созданной административной должности может быть отнесено на местные доходы лишь с согласия комиссии.

В таком виде проект этот был принят комиссией в последнем ее заседании в Константинополе 5 (17) октября, и тогда же членами в финансовый комитет избраны вторые делегаты Англии, Турции и Франции.

Ваше сиятельство, быть может, найдете, что проект финансового управления не вполне отвечает нашим целям и как бы связывает администрацию³. С первого взгляда оно действительно кажется так, и нам, не скрою, пришлось поступиться несколькими требованиями ввиду уступок, сделанных авторами проекта, и с целью окончательно не разойтись с ними, которые более других желали установить полюбовное с нами соглашение. Позволю себе по этому поводу обратить ваше внимание на следующее: статья Берлинского трактата, возлагающая на комиссию совместно с Портою временное управление финансами Румелии, совершенно ясна и не поддается никакому иному толкованию, поэтому оспаривать права комиссии, основанные на 19-й ст., мы не могли. Нам оставалось только добиться принятия такого порядка, который, давая, по-видимому, полную власть комиссии распоряжаться финансами, не лишал бы, однако, нас возможности устранять на практике такие решения, которые покажутся нам неудобными. В этом отношении, хотя и после сильной борьбы, мы, кажется, достаточно оградили свободу своих действий. Статьи бюджета и оклады содержания будут обсуждаемы в комиссии, решения которой имеют силу лишь при единогласии членов; следовательно, хотя бы наш один голос может не допустить принятия невыгодной для нас меры. Если бы кто-нибудь из нас двух был выбран в состав финансового комитета, положение его и самого дела было бы хуже, так как один русский делегат в комитете имел бы постоянно большинство голосов против себя; а между тем он, хотя бы и невольно, нес бы на себе ответственность за действия комитета. Оставаясь же вне его, в самой комиссии, и лишь наблюдая за распоряжениями финансового комитета, мы предоставляем ему самому ведаваться с теми практическими затруднениями, которые он неизбежно должен встретить на деле и которые, надеемся, не замедлят убедить комиссию в необходимости идти в финансовом управлении рука об руку с нашею администрацией. Прибавлю к этому еще то соображение, не упускавшееся нами из виду при рассмотрении проекта гг. Каллая и Ринга, что полный разрыв с нашими коллегами по вопросу о правах комиссии в финансовом управлении был бы с нашей стороны делом бестактным, которое дало бы повод упрекать русских в преследовании исключительно своих собственных денежных интересов даже в ущерб финансовым средствам страны.

Не беру на себя судить, насколько правилен был в данном случае наш образ действий, но полагаю, что, сделав некоторые неизбежные уступки в принципах финансового управления комиссии, которые мы предлагали установить лишь по прибытии на место в Филиппополь, мы уже затем слагаем с себя всякую ответственность перед комиссией в случае практической неприменимости принятого ею способа заведывания финансами края.

Я имел честь изложить выше вашему сиятельству главнейшие вопросы, затронутые до сих пор комиссиею; кроме того, в последних двух заседаниях происходили еще прения: 1) по предложению, внесенному кн[язем] Церетелевым в форме запроса турецким делегатам, в каком положении находится разработка органических уставов для других провинций Евр[опейской] Турции и по которым нашей комиссии придется высказать свое заключение, и 2) по предложению оттоманских комиссаров, требовавших от комиссии принятия мер к скорейшему водворению на прежние места беженцев из Восточной Румелии. Предложение это имело, очевидно, тенденциозную цель — поскорее водворить в Румелии побольше турецкого элемента, чтобы комиссия приняла его во внимание при составлении проекта организации этой провинции. Запрос Церетелева остался без последствий, так как турецкие делегаты отказались отвечать на него, признав себя некомпетентными касаться этого предмета. Предложение же оттоманских комиссаров о переселенцах после бесплодных прений отсрочено и, надо надеяться, падет совершенно, так как в сущности вопрос о переселенцах не касается нашей комиссии и для этого существует особая русско-турецкая комиссия. Вообще оба эти предложения послужили лишь темой для некоторых препирательств и не могли обещать практического результата.

На будущей неделе комиссия проезжает, наконец, в Филиппополь, куда все члены должны собраться к 14 октября и приступить к разработке нового административного устройства Румелии. К тому времени по приказанию князя Дондукова будут переведены на французский язык все действующие ныне в крае положения, которые послужат материалом и, надеюсь, основанием для работ комиссии.

Один из вопросов, который, по моему мнению, обещает более всего усложнений, это организация милиции и жандармерии. На деле та и другая уже существуют, и оставалось бы только желать, чтобы они не подверглись исключению со стороны комиссии. Но поручиться за это едва ли возможно. Комиссия почти наверное захочет уменьшить состав по крайней мере милиции, применяясь к постановлениям Константинопольской конференции, по которым численность милиции для Восточной Румелии определена была в 5 тыс. человек; между тем численный состав Земского войска этой провинции доходит ныне до 9 тыс. человек. Как поступать нам в этом случае? Должны ли мы безусловно настаивать на сохранении нынешней численности милиции? Собственно говоря, в ст. XVIII Берл[инского] трактата, определяющей обязанности комиссии по организации Румелии, вовсе не упоминается ни о милиции, ни о жандармерии, о которых говорится особенно в ст. 15. Означает ли это, что организация этих частей не относится к задаче комиссии, а предоставлена самой Порте, и в таком случае не может ли этот вопрос быть разрешен в желательном для нас смысле непосредственными сношениями между нашим правительством и оттоманским? Далее, в каком положении будут находиться наши кадры, служащие в Земском войске Румелии, после того, как организация провинции будет выработана и Порта издаст фирман о введении ее в действие? Если это случится во время нашей оккупации, то милиция, по праву, все-таки должна считаться подчиненною султану, но для наших кадров это немислимо; заменить же их, в особенности офицеров, пока нечем. Правда, султан может назначить своих офицеров, т. е. греков, турок, армян, но милиция, наверное, их выгонит, если не поступит с ними еще круче.

Я забыл доложить вашему сиятельству, что при переговорах о порядке заведывания финансами австрийский и французский комиссары возбудили вопрос о цифре расхода на содержание оккупационных войск, назначенных для занятия Восточной Румелии. По их мнению, так как цифра 50 тыс. человек назначена для оккупации Болгарии и Румелии вместе, то расходы на содержание этого корпуса должны быть исчислены не по числу войск, расположенных в той или другой стране, а пропорционально населению или доходам каждой из них; иначе мы, т. е. русские, могли бы почти весь оккупационный корпус сосредоточить в Румелии и требовать на него содер-

жание исключительно из доходов этой области, не обременяя средств Болгарии. Хотя мы и доказывали, что определение числа войск, потребных по военным и политическим соображениям для той или иной местности, зависит от высшего военного начальства и не подлежит обсуждению комиссии, которая обязана уплачивать расходы содержания по числу действительно находившихся налицо войск, тем не менее было бы весьма желательно получить на этот счет более точные указания.

Если я осмелился утруждать ваше сиятельство настоящим и притом чрезмерно длинным письмом, не получив на то предварительно вашего разрешения, то единственно в уверенности, что заключающиеся в нем сведения могут быть нелишними, хотя бы для объяснения нашего образа действий, и что по вопросам, касающимся будущего военного устройства Румелии, если оно должно войти в задачу комиссии, я могу получить необходимые указания и разъяснения лишь от вашего сиятельства¹.

Имею честь приложить при сем печатные экземпляры трех первых протоколов наших заседаний; если ваше сиятельство изволите приказать, я буду постепенно представлять вам и все последующие протоколы одновременно с отсылкою их управляющему Министерством иностранных дел.

С глубочайшим уважением и искреннейшею преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою

А. Шепелев

ЦГВИА, ф. 430, д. 59, лл. 261—268 об. Подлинник.

1. Первое заседание состоялось 18 (30) сентября 1878 г. в Канлидже (см. АВПР. ф. Посольство в Константинополе, д. 3290, лл. 2—7).

2. Статья XXVI Сан-Стефанского договора говорит об отстранении Порты от управления местностями, занятыми русскими войсками.

3. Положение о финансовом управлении Восточной Румелии, принятое Европейской комиссией 5 октября 1878 г., и ход его обсуждения вызывали опасения русской администрации в том, что комиссия будет стремиться поставить под свой контроль ее действия. В связи с этим А. Б. Лобанов-Ростовский направил русским представителям в комиссии специальную инструкцию от 5 октября 1878 г., где указывалось, что деятельность комиссии в Восточной Румелии должна быть ограничена только финансами, да и то при условии соглашения с русской администрацией, а сама комиссия должна рассматриваться как часть общей администрации области (см. 68, т. III, стр. 275—276).

4. В ответном письме от 19 октября 1878 г. Д. А. Милютин одобрил деятельность А. А. Шепелева в комиссии по Восточной Румелии и писал: «Несомненно, вы встретите на каждом шагу упорное сопротивление вашим усилиям придать будущему устройству Южной Болгарии сколь можно более прочную самостоятельность. Противники ваши будут по-прежнему искать опоры в натянутых толкованиях по букве Берлинского трактата; но на вашей стороне будут здравый смысл и практические нужды самой страны, для которой сочиняется статут. . . Во время самых переговоров на Берлинском конгрессе, в протоколах его и в самом трактате выражено согласие Европы на предоставление Восточной Румелии полной автономии, с оставлением за Портою только политической власти. Наконец, ни в каком случае нельзя допустить, чтобы область эта получила менее того, что было уже присуждено ей Константинопольскою конференциею именем целой Европы».

В этом же письме Д. А. Милютин отвечает на вопросы А. А. Шепелева о количественном составе Земского войска и отношении к этому вопросу русского военного начальства (ЦГВИА, ф. 430, д. 59, лл. 269—273).

№ 161

1878 г. октября 8 (20). — Донесение Е. П. Новикова Н. К. Гурцу о переговорах с Министерством иностранных дел Австро-Венгрии относительно поддержки позиции России в вопросе об организации управления Восточной Румелией

№ 132

Vienne

Monsieur le sénateur!

Par sa dépêche du 29 Septembre votre excellence a bien voulu me signaler l'opportunité d'une entente des deux cours impériales de St. Pétersbourg et de Vienne comme moyen de résoudre pratiquement les difficultés que la Turquie oppose à l'exécution de ses engagements du traité de Berlin.

Je me félicite d'avoir pressenti les vues du cabinet impérial en relevant dans mes lettres confidentielles du 27 Septembre ¹ et du 2 Octobre l'analogie des situations que l'attitude de la Porte et de ses sujets musulmans créait à la Russie et à l'Autriche et en faisant ressortir à la chancellerie d'Etat, combien cette similitude des procédés turcs devait engager le cabinet de Vienne à une marche identique à la nôtre.

A la réception de votre dépêche j'y suis revenu avec d'autant plus d'autorité dans mes entretiens avec les deux chefs de section au ministère des affaires étrangères.

Je leur ai dit que nous ne voulions pas de nouvelles complications et que tous nos efforts tendaient à assurer l'exécution prompte et stricte des stipulations du traité de Berlin, mais qu'il fallait nous faciliter l'accomplissement de cette tâche. On n'ignorait pas à Vienne que notre sentiment public n'était guère enthousiaste de cet acte et que *le moins* qu'on pût faire pour nous réconcilier avec ses résultats insuffisants était d'en obtenir l'exécution intégrale et prompte.

Le comte Andrassy me l'avait dit: après comme avant le traité de Berlin restait le champion convaincu de l'entente des trois empires ². Depuis lors la force des choses avait puissamment secondé ces vues en établissant entre l'Autriche et nous une identité de rôles et, partant, l'à propos d'une marche politique commune vis-à-vis des Turcs. Mais il fallait que cette communauté d'action ne demeurât pas à l'état d'une conception purement théorique.

Or, un des terrains les plus propices où elle pouvait se manifester serait sans contredit la commission européenne qui allait fonctionner dans la Roumélie Orientale. C'est là que le vote du délégué austro-hongrois, s'associant au nôtre et à celui de l'Allemagne au lieu d'aller s'égarer dans la direction des occidentaux, affirmerait d'une manière pratique l'accord des trois empires et, si des instructions lui étaient données dans ce sens, je ne doutais pas que le cabinet impérial ne l'appréciât comme un procédé amical à notre égard.

Le baron Calice m'ayant répondu que les commissions avaient à traiter des détails techniques et financiers et que les points de vue divergents auxquels viendraient par hasard se placer nos délégués respectifs dans cette catégorie de questions ne sauraient affecter le caractère de différends politiques, — je lui répliquai qu'il serait cependant regrettable que ce hasard se répêât souvent.

J'ajoutai qu'avant que les Anglais n'eussent réduit les dimensions de notre Bulgarie à un minimum, le comte Andrassy avait été tout disposé à conserver à cette principauté des limites beaucoup plus considérables englobant la Roumélie Orientale actuelle et allant même jusqu'à la mer Egée ³. Nous avons donc le droit de nous attendre à ce qu'il voulût bien, en nous appuyant dans la commission, nous dédommager jusqu'à un certain point de ce que le congrès nous avait fait perdre contrairement à ses intentions.

Mon interlocuteur parut frappé de cet argument et me promit de le faire valoir auprès de son chef.

Veillez, monsieur le sénateur, agréer l'assurance de ma haute considération

Novikov

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 111, лл. 676—679. Подлинник.

Перевод
Вена

Господин сенатор!

В депеше от 29 сентября ваше высокопревосходительство сооблаговостили указать мне на своевременность заключения соглашения между двумя императорскими дворами — с.-петербургским и венским — как на средство практического разрешения трудностей, которые Турция противопоставляет выполнению своих обязательств по Берлинскому трактату.

Я счастлив, что смог предугадать взгляды императорского кабинета, обратив внимание в своих конфиденциальных письмах от 27 сентября ¹ и от 2 октября на аналогичность ситуаций, которую позиция Порты и ее мусульманских подданных создает как для России, так и для Австрии, и подчеркивая перед государственной канцелярией, насколько это сходство в действиях турок должно побудить венский кабинет к поведению, тождественному нашему.

По получении вашей депеши я в своих беседах с обоими начальниками отделения в Министерстве иностранных дел с тем большим основанием вернулся к этому вопросу.

Я сказал им, что мы не хотим новых осложнений и что все наши усилия направлены к тому, чтобы обеспечить быстрое и строгое выполнение условий Берлинского трактата, но что следует облегчить нам осуществление этой задачи. В Вене известно, что наше общественное мнение отнюдь не было в восторге от этого акта и что *наименьшее*, что можно было бы сделать, чтобы примирить нас с этими неудовлетворительными результатами, это добиться его полного и скорого выполнения.

Граф Андраши когда-то говорил мне: как до Берлинского трактата, так и после него он остается убежденным сторонником соглашения трех императоров ². С того времени развитие событий значительно укрепило эти взгляды, поставив нас с Австрией в одинаковое положение, вытекающее из общей политической линии в отношении турок. Но нужно, чтобы эта общность действий не оставалась на стадии чисто теоретической концепции.

Европейская комиссия, которая скоро начнет функционировать в Восточной Румелии, явилась бы, бесспорно, одним из наиболее благоприятных участков для проявления этой общности действий. Именно здесь голос австро-венгерского делегата, присоединенный к нашему и к германскому, вместо того чтобы идти в одном направлении с западными делегатами, поддержал бы практическим образом согласие трех императоров и, если ему будут даны инструкции в этом смысле, я не сомневаюсь, что императорский кабинет оценит их как дружественный нам шаг.

Барон Каличе сказал мне, что комиссии предстоит разработать технические и финансовые детали и что различные точки зрения, которые случайно могут проявиться у наших делегатов по этой категории вопросов, не могут иметь характера политических расхождений; я ответил ему, что было бы тем не менее прискорбно, если подобная случайность будет часто повторяться.

Я добавил, что прежде чем английские делегаты не сократили размеры нашей Болгарии до минимума, граф Андраши был расположен оставить за этим княжеством границы гораздо более значительные, включающие нынешнюю Восточную Румелию и доходящие вплоть до Эгейского моря ³. Мы таким образом имели право ожидать, что, поддерживая нас в комиссии, он захочет в какой-то степени компенсировать нам то, что конгресс заставил нас утратить, вопреки его намерениям.

Мой собеседник, по-видимому, был поражен этим аргументом и обещал мне обратиться на него внимание своего шефа.

Соблаговолите, господин сенатор, принять уверение в моем глубоком почтении

Новиков

1. В донесении от 27 сентября (9 октября) 1878 г. из Вены Е. П. Новиков сообщал о расхождении по вопросу об оккупации Боснии и Герцеговины между австрийскими и венгерскими политическими группировками, о стремлении венгерских кругов вступить в контакт с мусульманами Боснии, о недовольстве австрийских славян оккупацией Герцеговины, о всеобщем возбуждении в связи с вступлением австрийских войск в Боснию и Герцеговину (АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 111, лл. 646—651 об.).

2. Это заявление Андраши совершенно противоречило всему его поведению в отношении Сан-Стефанского договора.

3. Е. П. Новиков дает понять, что он знает о сговоре между Австро-Венгрией и Англией относительно границ Болгарии накануне Берлинского конгресса и о действиях в Европейской комиссии, таким образом не давая обмануть себя лицемерными заверениями в дружбе.

Английский делегат в Европейской комиссии Г. Друммонд Вольф имел беседу с Андраши, и тот ему сказал, что австрийский и английский делегаты в этой комиссии должны стремиться к единой цели — «установлению сильной политической и военной власти султана наряду с конституционными свободами народа» (см. 90, стр. 249—250).

1878 г. октябрия 9. — Письмо Джумайского благотворительного комитета Софийскому благотворительному комитету об успешном ходе Кресненского восстания

№ 22

Джумая
Циркулярно

Днес спешим да ви съобщим за вестите които ни пристигнаха от бойното поле в Кресна.

Най-забележителното и най-важното е, че нашите въстаници работят деятелно и всичките им дела са в съвършен порядък и устройство. Според едно писмо с дата от 8-ий того испратено от с. Влахи съобщава за учреждението на Главний щаб на македонските въстаници, които едногласно прогласили: Адам Иванович * за атаман в щабът на бъл[гарските] въстаници, Д. П. Георгиев за началник на щаба, Георгий Михалов помощник, касиер и деловодител на щабът.

Всичките въстаници са разделени на 4 чети:

1-та носи името на губернатора Тухолка,

2-та » Каравелова,

3-та » Алабинова ** и

4-та » Домонтовича ¹.

Същото писмо съобщава за една битка в с. Влахи на 7-ий того, която траяла до 13 часа и която се свършила с блескава победа над турците, в тази битка се зели участие до 500 д[уши] турци, между които е имало и два беляка регулярна войска! Нашите са били до 150 души; жертвите са 4 д[уши] умрели тур[ците] с юзбашията; от нашите нито един.

Днес също пристигна и скороходецът ни, който ни извести за нападнването на с. Брезница от въстаниците, сполуката им е увенчана с победа.

Победоносните оружия на въстаниците, напреднуват успешно към средата на Македония. Разлогът е развълнуван, но се изисква помощ поне до двесте момци ².

В този случай има нужда от вещи предводители, особено за Разлога.

Постарайте се да ни испратите малко тефтик за ранените.

Войводата дедо Ильо отиде на бойното поле в Кресна.

Минутата е критическа, помощите трябва да пристигнат на време; следователно постарайте се и употребите всичките си сили да ни доставите нужните потреби от оружия, човеци и патрони.

Понеже се намират на расположението ни пленници, които от ден на ден се умножават, а нашите скромни капитали заложихме в оружия и припаси, то нужда надлежача е да ни се доставят час по-скоро и пари.

Пак повторяме, че пленниците не могат да стоят там, гдето са явете ни как да постъпим с тех.

Добре би било един от действующите членове на губернский комитет да присъствува по-близо до театра на войната.

Умоляваме да испратите препис от настоящето до другите клонове на комитет и да им явете да побързат да ни доставят помощ в оружия, човеци и пари.

Колкото за пощи и други подробности ви явихме по-напред.

Председател на Джумайский благотворителний комитет

К. П. Босилков. Касиер Сотир Стоименов.

Действующий член Г. Ников. Секретар Ив. М. Козаров

ЦГВИА, ф. 430, д. 90, л. 58—58 об., 61. Подлинник.

1. Присвоение отдельным четам имен видных чинов русского гражданского управления в Болгарии было выражением веры в русскую помощь и средством привлечения новых повстанцев.

* А. И. Калмыков.

** П. В. Алабин.

2. Решения Берлинского конгресса, злоупотребления местных властей, произвол турецких землевладельцев создали напряженную обстановку в Македонии. Волна возмущения прокатилась и по всей Болгарии. Возникшие здесь комитеты «Единство» (см. примечания к док. 57, 133, 154, 171, 223, 237, 343, 356) под маской благотворительности тайно подготавливали восстание в Македонии. Сигналом к восстанию послужило прибытие в первые числа октября в Джумаю отряда под командой А. И. Калмыкова. Объединенные силы восставших крестьян, прибывших добровольцев и подошедших местных чет 5 октября 1878 г., после упорного боя заняли с. Кресну (50, стр. 78). Было взято в плен 115 турецких солдат и 4 офицера (см. док. 166). Благодаря активному участию крестьянства восстание приняло массовый характер. 6 октября восставшие без сопротивления заняли с. Оштава. Село Влахи было взято 7 октября после упорного боя. До 10 октября были взяты еще несколько сел (см. док. 164). Вскоре весь Мелникский округ, кроме окружного центра, оказался в руках восставших. 8 ноября 1878 г. началось восстание в Разлоге (см. 42, стр. 87).

№ 163

1878 г. октября 11. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о создании комиссии для сбора оружия

№ 19

Търново

Днес, 11 октомври, членове на комитета «Единство» имаха редовно заседание в присъствието на следуюците членове: архимандрит Стефан, Ц. Гинчев, С. Стамболов, Икономов, И. Н. Гюзелев, П. н. Димов, П. П. Аврамов, Н. Лазаров, И. Пенчов, К. А. Паница, Ст. Антонов, Д. П. Иванов, Ил. Петров, Ив. Фичев, Е. Маргинов, Ат. Бобев, Тодор А. Кисимов, Георги Н. Бабев, Иван Костадинов. В туй заседание присъствува и председателя на Габров[ския] комитет г. Сава Илиев. Прочете са писмото от Ловеч, в което между друго се одобряват г. Стамболова за представител в Кюстендил¹; а после и едно писмо от Севлиево, в което известяват за заминуването на транспорта. Прочете са писмото за Пловдив и село Драгижево. Напомни са на събранието решението на по-миналото заседание, да се намерят две лица за организатори. За по-успешното и по-скорошното обаче работене да се поканят някои от основателите членове на извънредно заседание в събота, за да отидат като организатори в окръга. Реши са да са отговори на ловченци, че може да държат митинги, според както питаха в писмото си². За тука събранието реши да бъде в неделя моноклисия^{*}, да са говори слово на събравшите са и после да са поканят в училището на св. богородица да са запишат като спомогателни членове на комитета. Г-н Т. А. Кисимов подарява на комитета два товара патрони от разни системи. Приеха се нови членове основатели Ст. Кемиля и Т. А. Кисимов. Като в Осман Пазар и Котел имало патрони, събранието реши да им се пише чрез куриер да ги съберат и изпроводят тука. Председателя на Габр[овския] комитет г. Сава Илиев извести, че от Габрово ще са изпроводи наскоро транспорт³, — дадох му са нуждите за това инструкции. Като са вижда секи ден нужда от едно момче, да свиква някога членовете и събира оръжията, събранието реши да са търси [такова момче] като му назначи 200 гр. месечно заплата. Предложението, да се даде представление за в полза на комитета, са прие и са назначи следующата комисия да работи по тази част: К. Паница, Сава Ничев, Н. Станчев, Юр. х. Петков и Н. х. Петков.

Предложиха са и одобриха за нови членови основатели: Лазар Ахтарджия, Сарънедялков, Димитър Ангелов, Стат Статев и Машелов. Понеже г. Димитър Стоенчов не са приел в едно от по-първите заседания, а в протокола не било записано, реши са да са забележи, че не бил приет. Не се приеха и гг. Нико Белалията и П. Боядж[и]олу^{**}.

НБКМ—БИА, ф. 298, п. 1. Подлинник.

^{*} Моноклисия — богослужение в одной церкви с участием священников всех остальных церквей города.

^{**} Следует 6 подписей членов комитета.

1. Ст. Стамболову было поручено комитетом отправиться в Кюстендил и принять непосредственное участие в руководстве Крестнецко-Разложским восстанием (см. 42, стр. 80, 100).

2. Имется в виду организация митингов в поддержку борьбы против Берлинского договора и за освобождение Македонии.

3. В помощь восстанию в Македонии.

№ 164

*1878 г. октября 11. — Письмо Джумайского благотворительного комитета Софийскому благотворительному комитету со сведениями о ходе Кресненского восстания **

Письмо ваше от 8 октября за № 32 получили вместе с наставлениями, как поступить с пленными **. При сем сообщаем вам, что вести, которые доходят до нас от бойных полей, таковы: наши вперед идут, в глубь Македонии. Турецкие деревни Брезница, Моравска, Будилца и Сливница в Мелничком округе уже заняты инсургентами ¹. Впрочем, без помощи от людей, оружия и денег дело трудно может продолжаться.

Просим, поспешите пособиями.

Помета А. М. Дондукова-Корсакова: Сейчас прислана мне эта записка от митрополита. ЦГВИА, ф. 430, д. 90, л. 62. Копия. Перевод с болгарского, современный подлиннику.

1. Брезница была взята повстанцами 9 октября. Сдались и остальные села, упоминаемые в документе (см. док. 203; 42, стр. 84. В книге транскрипция названий сел: Бресник, Мораска).

№ 165

*1878 г. октября 11. — Ведомость численности болгарских переселенцев, отправленных из Адрианополя в княжество Болгарию и Восточную Румелию с 28 сентября по 11 октября 1878 г.****

Адрианополь

Какого числа отправлены	Из какого округа бежали	Сколько человек бежало	Сколько отправлено на своих подводах	На сколько человек выд[ано] предложений по железной дороге	В какую местность идут	До какой станции выданы предлож[ения]
1878 г. 28 сент[ября]	Силиври, Чорлу	2057	1505	552	Тат[ар]-Базар[джик]	Ст. Базардж[ик]
29 сент[ября]	Чаталджа	559	370	189	Ени-Загру	Ени-Загра
	Демотика	743	124	619	Филип[пополь]	Филиппол[оль]
30 сент[ября]	Феря,	210	»	210	Ени-Загру	Ени-Загра
	Демотика	732	200	532	Филип[пополь]	Филип[пополь]
	Малгара	340	170	170	Филип[пополь]	Филип[пополь]
1 октяб[ря]	Демотика	1370	180	1190	Филип[пополь]	Филип[пополь]
	Чорлу	1905	1828	77	Ески-Загру	Ени-Загра

* См. док. 162, 203.

** См. док. 166.

*** Составлена поручиком Римским-Корсаковым, русским представителем в комиссии по возвращению в Болгарию беженцев-мусульман.

Какого числа отправлены	Из какого округа бежали	Сколько человек бежало	Сколько отправлено на своих подводах	На сколько человек выд[ано] предложений по железной дороге	В какую местность идут	До какой станции выданы предлож[ения]
3 октяб[ря]	Шаркиной, Визы, Деде-Агач, Демотика, Феря	1103	338	765	Тат[ар]-Баз[арджик], Ямболь, Филип[пополь], Ени-Загру	Тат[ар]-Баз[арджик], Ямболь, Филип[пополь], Ени-Загра
4 октяб[ря]	Демотика, Феря					
5 октября	Уаун-Кепри, Из Кемана, Демотики, Малгары, Ижаны	1236	370	866	Ени-Загру, Филиппоп[оль]	Ени-Загра, Филиппоп[оль]
6 октяб[ря]	Демотики	1175	276	899	Тат[ар]-Баз[арджик], Сливно	Тат[ар]-Баз[арджик], Сливно
9 октября	Уаун-Кепри	2551	1291	1260	Ени-Загру	Ени-Загра
10 октября	Демотики, Феря, Деде-Агач	1551	485	1066	Ени-Загру	Ени-Загра
		1104	147	957	Ени-Загру, Чирпан	Ени-Загра, Ени-Махала
Итого		16636	Всего 9444 человек * 7192 человека *			

А всего выходит из числа бежавших из всех округов 16 636 беженцев-болгар отправлено: по предложениям — 9444 человек, на своих подводах — 7192 человека.

Итого 16 636 человек по 11 октября отправлено болгар из Адрианополя **.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 24, лл. 153—154 об. Подлинник.

№ 166

1878 г. октября 12. — Прошение пленных турецких офицеров и солдат джумайскому окружному начальнику о разрешении перейти в болгарское подданство и поселиться в Болгарии

Кресна

Мы, покорнейшие воины 2-й ордии (корпус), 6-го алая (полк), 1-го чорун табура (батальон) регулярного войска е[го] и[мператорского] в[еличества] султана Гамида, охраняли проходы Кресна. Болгарское местное население совокушно с многими болгарами из Македонии, угнетенное башибузуками, взялось за оружие и 5 октября напало на нас; после упорной битвы, длившейся 38 часов, мы были принуждены сложить оружие и сдаться им

* В документе ошибочно. Должно быть: 9352 и 7284.

** См. док. 96, примечание 1 к док. 140.

безусловно в плен. После сдачи великодушным повстанцам мы находимся под стражей в сел. Кресна (Мельничского округа), где мы проживаем в достатке и спокойствии. Ныне по великодушному чувству и благородному желанию названных повстанцев воевода оных объявил нам, что мы свободны от плена и позволяется каждому из нас отправиться на родину. Мы же, зная хорошо правосудие турецкого правительства, не желаем более вернуться назад в Турецкую империю и просим позволить нам провести последние дни жизни в княжестве Болгарии, где теперь царит закон и правда для всех, без различия народности и вероисповедания.

По-сему и покорнейше просим ваше высокоблагородие принять нас в число подданных Болгарии и выдать нам по проходному билету на проезд в Болгарию, где мы надеемся трудом достать себе средства к существованию¹.

За 115 душ солдат подписали офицеры (следуют 4 подписи)

ЦГВИА, ф. 430, д. 90, лл. 83—84. Копия. Перевод с болгарского, современный подлиннику.*

1. Турция упорно требовала выдачи турецких солдат, искавших убежища в Болгарии. 28 января 1879 г. турецкий полковник Бедри сделал соответствующий запрос русскому командованию. Порта направила русскому послу в Константинополе две ноты (вторая — от 6 марта 1879 г.). Бедри ответили, что пленным туркам, пользующимся полной свободой, было предложено возвратиться на родину, но они не воспользовались этим предложением, а пожелали остаться в Болгарии. Относительно последней ноты Порты А. Б. Лобанов-Ростовский сообщил А. М. Дондукову-Корсакову, что всякие новые попытки со стороны турецкого правительства о выдаче 115 солдат останутся без последствий (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7483, лл. 42—43; ф. 430, д. 90, л. 302—302 об.).

№ 167

1878 г. октября 12. — Письмо Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости ускорить делимитацию границ Восточной Румелии

Livadia

J'ai peu de choses à ajouter à ma dépêche de ce jour qui répond à votre expédition du 8 de ce mois **. La commission pour l'élaboration d'un Règlement organique pour la Roumélie Orientale marche décidément mieux que l'on n'aurait pu le supposer à en juger d'après les dispositions dont est animé à notre égard la majorité de ses membres. On ne peut assez s'en féliciter car l'organisation de la Roumélie Orientale est la clef de voûte de l'édifice que nous devons établir dans la presqu'île des Balkans. Si cette province acquiert assez de consistance pour pouvoir voler de ses propres aîles tout est sauvé et l'avenir est aux Bulgares, si non, notre œuvre sera positivement compromise car les Turcs ne tarderaient pas à y enlever tout vestige d'autonomie et s'y établiront en maîtres. A ce point de vue il est essentiel que la délimitation des frontières de cette province se fasse aussitôt que possible. On prétend que les Turcs comprenant la grande importance de cette question veulent à tout prix empêcher cette délimitation. Combattez, de grâce, cette tendance soutenue, dit-on, par l'Angleterre et l'Autriche.

АВПР, ф. Канцелярия; 1878 г., д. 34, л. 374—374 об. Копия.

*Перевод
Ливадия*

Я немного могу добавить к моей сегодняшней депеше, отвечающей на ваше донесение от 8-го текущего месяца. Дела в комиссии по выработке Органического устава для Вос-

* Подлинник на болгарском языке см. в том же деле, л. 82—82 об.

** См. АВПР. ф. ГА, V—A₂, д. 556, лл. 262—266 об.

точной Румелии идут гораздо лучше, чем это можно было бы предполагать, судя по отношению к нам большинства ее членов. Этому можно только радоваться, так как организация Восточной Румелии является опорой свода того здания, которое мы должны воздвигнуть на Балканском полуострове. Если эта провинция получит достаточно устойчивости, чтобы стоять на своих собственных ногах, все будет спасено, и будущее принадлежит болгарам, если нет — наше дело будет окончательно скомпрометировано, ибо турки не преминут уничтожить малейшие следы автономии и слова станут хозяевами. С этой точки зрения главное в том, чтобы определение границ этой провинции произошло возможно быстрее. Утверждают, будто бы турки, понимающие большую важность этого вопроса, желают во что бы то ни стало воспрепятствовать такому разграничению. Вы должны бороться с подобной тенденцией, поддерживаемой, как говорят, Англией и Австрией.

№ 168

*1878 г. октября 13. — Телеграмма Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому о запрещении формирования на территории княжества Болгарии и Восточной Румелии вооруженных отрядов в помощь Кресненскому восстанию **

Livadia

Reçu télégramme d'aujourd'hui.

Au clair: Le traité de Berlin accordant à la Bulgarie le droit d'avoir une force armée et à la Roumélie Orientale une gendarmerie assistée d'une milice locale, — c'est à leur organisation que s'appliquent nos autorités militaires. Leur but est le maintien de l'ordre intérieur. Mais nos autorités ne toléreraient pas que des bandes armées se forment dans ces pays en vue d'envahir la Macédoine ¹. Pouvez donner cette assurance à la Porte qui aura été, sans doute, mal informée.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 34, л. 383—383 об. Отпуск.

*Перевод
Ливадия*

Получена сегодняшняя телеграмма.

Открытым текстом: Ввиду того, что Берлинский трактат предоставляет Болгарии право иметь вооруженные силы, а Восточной Румелии иметь жандармерию и помогающую ей местную милицию, именно их организацией занимаются наши военные власти. Их целью является поддержание внутреннего порядка. Но наши власти не потерпят, чтобы в этих странах формировались вооруженные отряды для вторжения в Македонию ¹. Можете в этом заверить Порту, которая была, без сомнения, плохо информирована.

1. Известия о начавшемся в Македонии восстании вызвали серьезную тревогу турецкого правительства. Во всяком волнении христианского населения подвластных ей территорий Турция всегда видела руку России. И на этот раз ногой от 12 (24) октября 1878 г. Порты возлагала на Россию ответственность за «мятежные нападения, только что совершенные болгарскими шайками в некоторых македонских округах» (см. 80, вып. 5, стр. 207). Встревожены были и в Петербурге, чем и вызвана публикуемая телеграмма.

Восстание в Македонии не было ни организовано, ни инспирировано русским правительством. Оно явилось результатом народного негодования против решений Берлинского конгресса. Русские оккупационные власти стояли в стороне от повстанческого движения, но и не принимали мер против поддержки его населением (ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 30, лл. 218—219; ф. 430, д. 59, лл. 309—312 об.).

* См. док. 162, 171.

1878 г. октября 14 (26). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу о прошении болгар Джумайского округа включить территорию округа в состав княжества Болгарии и об отрицательном отношении представителей европейских держав к петиции населения Фракии, Македонии и Восточной Румелии с протестом против решений Берлинского конгресса

№ 122

Buyukdéré

Monsieur le sénateur!

Les délégués bulgares, Dm. Grékow et G. D. Natchowitch dont j'ai eu l'honneur de parler à votre excellence dans ma dépêche du 7 (19) Octobre № 119 *, sont revenus chez moi et m'ont remis une requête des habitants du district de Djoumaïa ¹ (au sud de Sofia) demandant à ne pas être séparés de la Bulgarie.

A cette occasion ils m'ont raconté comment se sont passées les visites qu'ils ont faites aux différents représentants pour leur remettre la pétition ** jointe à ma dépêche du 7 (19) Octobre № 119.

L'ambassadeur d'Angleterre leur fit dire qu'il était occupé et chargea le premier secrétaire de l'ambassade de recevoir leur pétition. L'ambassadeur de France fit de même. L'ambassadeur d'Autriche les reçut et accepta leur pétition en leur promettant de l'envoyer à Vienne. Le chargé d'affaires d'Italie les accueillit avec sympathie et leur dit qu'il comprenait parfaitement les vœux que manifestaient les populations bulgarés laissées sous l'autorité de la Porte, mais que malheureusement le congrès avait prononcé et qu'il n'y avait pas à y revenir. Quant à l'ambassadeur d'Allemagne, il reçut les délégués seulement pour leur dire qu'il ne pouvait accepter leur pétition sans s'être concerté avec ses collègues, au surplus il leur conseilla de l'envoyer plutôt directement à Berlin, et les délégués après avoir quitté le comte de Hatzfeld, suivirent ce conseil.

Veillez agréer, monsieur le sénateur, l'assurance de ma haute considération

Lobanow

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, ч. 1, лл. 325—326. Подлинник.

Перевод
Буюкдере

Господин сенатор!

Болгарские делегаты Дм. Греков и Г. Д. Начович, о коих я имел честь сообщать, вашему высокопревосходительству в моей депеше от 7 (19) октября за № 119, снова пришли ко мне и передали письменное ходатайство жителей Джумайского округа ¹ (находящегося к югу от Софии), содержащее просьбу не отделять их от Болгарии.

В связи с этим они рассказали мне, как прошли их визиты к различным представителям для передачи петиции, прилагаемой при моей депеше от 7 (19) октября № 119.

Английский посол велел сказать им, что он занят, и поручил первому секретарю посольства принять их петицию. Французский посол поступил так же. Австрийский посол принял их и взял петицию, обещав отправить ее в Вену. Итальянский поверенный в делах встретил их сочувственно и сказал им, что он прекрасно понимает чаяния болгарского населения, оставленного под властью Порты, но что, к сожалению, конгресс уже высказался по этому вопросу и не будет к нему возвращаться. Что касается германского посла, он принял делегатов лишь для того, чтобы сказать им, что не может принять их

* Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу № 119, датированное 8 (20) октября 1878 г., см. то же дело, лл. 303—304 об.

** Подлинный текст петиции см. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3252, лл. 2—230 об.

петицию, не переговорив с коллегами; кроме того, он им посоветовал направить ее прямо в Берлин, и делегаты, покинув графа Хатцфельда, последовали этому совету.

Соблаговолите принять, господин сенатор, уверения в моем глубоком почтении.

Лобанов

1. В обращении жителей Джумайского округа подчеркивалась тесная и давняя связь Джумайского района с Софийским, от которого Джумайский округ отделялся решением Берлинского конгресса. Округ был населен преимущественно болгарами: из 29 тыс. жителей турки составляли всего 4,5 тыс. человек. В обращении указывалось, что возвращение округа под власть Турции будет особенно тяжелым, так как население уже испытало свободу в период русской оккупации. Ходатаи выражали недоверие к обещаниям турецкого правительства улучшить управление, которые никогда не исполнялись. Жители просили не возвращать их округ Турции (см. АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, ч. 1, лл. 327—331).

№ 170

1878 г. октября 14. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о создании благотворительных комитетов в Плевне, Елене и других городах Болгарии

№ 20

Търново

Днес, 14 октомврий, членове на комитета «Единство» имаха извънредно заседание в присъствието на следующите членове: архимандрит Стефан, капитан Райчо Николов, Ангел Попов, Г. А. Живков, П. п. Димов, Васил Петков, Христо Цанев, А. Медникаров, Стамболов, Хр. Ив[анов] Книговеца, Ст. Антонов, А. П. Златарски, Ат. Бобев, Д. П. Иванов, Сава Д. Ничов, Христо Петров, Н. Лазаров, К. Паница, Н. Витанов. В туй събрание присъствува и г. Нестор Марков¹. Той представи на събранието състоянието на работите в Тракия, от които са видя, че и там работят за себе си. В заключение той помоли комитета да [се] притече на помощ на своите трак[ийски] братя с хора и оръжия. Щом са почне работата по-сериозно събранието обеща да съдействува и там, за сега обаче главната цел да е в Македония². Г-н Георги Славов, който тоже присъствува изяви на събранието, че може да намери момчета и желай да отиде с тях в Македония; реши са да му са даде писмо, [за] да може да събира подобни хора. Прочете са и писмото от Плевен, в което изявяват за съставяние на комитет и обещават за бързото събиране на помощи. Четоха са и две телеграми от София: първата от 11 октомврий, (на която са чете и отговора), и втората от 12 октомврий, а после и писмата от Елена под № 1, 2, 3, в които известяват за съставяние на комитет и между другото искат да им се пишат длъжностите и правата на представителя. Чете са и една телеграма от Рахово за устав. Показа са пак нуждата за печатан устав, а като г. Каравелов отива в Русчук, дето вече бил напечатан, г. Г. Живков са задължи да каже г-ну Каравелову да земе 200 екземпляра. Четоха са после и писмата за Казанлък, Ловеч и София. Според решението на миналото заседание днес би трябвало някои от членовете да приемат доброволно да отидат като организатори в окръга, но като събранието не беше многочислено, отложи са за сутря. Услови са момче за комитет, г. Пантелей Аврамов, на което да са плаща 200 гроша месечно. Предложи са кандидат за организатор по селата г. Васил Победителя, и остана за сутре да са реши. За нов член основател са прие г. М. Добринов. Прочете са прокламацията към австрийските народи³, проведена от Пловдив. Направи са телеграма за Плевен да проведат митрополиту Мелетию пари и вещи. Реши са да са издаде заповед още за 200 фр. за поправяние на пушките.

Архимандрит Стефан
Д. П. Иванов
Ст. Антонов
Джорджу Момчев
... *

НБКМ—БИА, ф. 298, п. 1. Подлинник.

* Подпись неразборчива.

1. Нестор Марков участвовал в заседании в качестве представителя основанных во Фракии комитетов «Единство» (см. 90, стр. 322—323).

2. Имеется в виду вооруженная борьба за освобождение Македонии.

3. Составленная Филиппопольским комитетом «Единство» прокламация призывала славянские народы Австро-Венгрии оказать поддержку болгарам в деле полного национального освобождения и объединения. Она была опубликована в качестве приложения к газ. «Марица» (№ 22 от 10 октября 1878 г.; см. 19, стр. 95).

№ 171

*1878 г. октября 17. — Телеграмма Александра II Э. И. Тотлебену о запрещении формирования вооруженных отрядов и сбора средств среди русских служащих на территории княжества Болгарии и Восточной Румелии в поддержку восстания в Македонии **

Письмо твое от 13 октября получил вчера, равно и донесения Лобанова от 15-го.

Шифром: Из них узнал с удивлением и неудовольствием о формировании в занятых нами частях края шаек для вторжения в Македонию и подписке, собираемой между русскими служащими. Не могу понять, как подобные действия, совершенно противные моим видам и повелениям, могли быть неизвестны местному начальству и самому князю Дондукову, а если совершались с его ведома, то как могли быть допускаемы и почему до сих пор не было о них доносимо? Требую, чтобы немедленно приняты были строжайшие меры к прекращению всяких подобных самовольных действий под предлогом объединения болгарской народности, приносящих более вреда делу, чем пользы¹. Об исполнении донести мне, равно о том, не было [ли] подстрекательств из России.

Александр

*ЦГВИА, ф. 430, д. 59, л. 185—185 об. Отпуск **.*

1. После известий о событиях в Македония (см. док. 168 и примечание к нему) Александр II потребовал от русских представителей в Болгарии и Турции объяснений (ЦГВИА, ф. 430, д. 90, л. 41). На основании публикуемой телеграммы, посланной им 20 октября 1878 г., по Действующей армии было отдано официальное распоряжение, запрещающее сбор средств для формирования болгарских вооруженных отрядов (там же, ф. ВУА, д. 8144, л. 290). В декабре 1878 г. начальник Земского войска доносил: «Нигде в частях вверенного мне войска никаких подписок для составления вооруженных отрядов с целью объединения всей Болгарии не существовало» (там же, д. 7552, л. 37).

№ 172

1878 г. октября 18 (30). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о протестах населения Восточной Румелии против решений Берлинского конгресса

№ 3

Philippopolis

Arrivé depuis une semaine seulement à Philippopolis, je suis loin encore d'avoir recueilli toutes les données et informations qui me sont nécessaires. Je crois devoir pourtant rendre compte à votre excellence de mes premières impressions basées sur de nombreux entretiens avec les notabilités de la ville dont la plupart sont d'anciennes connaissances à moi.

Les Bulgares de différentes classes et nuances d'opinion, — car il n'existe pas de partis bien distincts, — tiennent un langage presque identique. «Nous ne sommes pas seulement indignés contre les stipulations du traité de Berlin, — disent-ils, — mais nous ne croyons pas à la possibilité de leur exécution en ce qui touche la Bulgarie du Sud. Nous avons énormément souffert pendant ces dernières années et au moment où les glorieuses victoires de l'armée russe nous

* См. док. 168.

** Отпуск телеграммы написан Д. А. Милютиным.

ont donné la liberté, — on veut nous replacer sous le régime turc. Cela ne sera pas. Nous nous y opposerons de toutes nos forces, par tous les moyens. On nous divise, on nous sépare violemment de * par le traité de Berlin. Mais nous voyons que ce traité ne s'exécute pas: en Bosnie, en Epire, en Thessalie il est lettre morte; en Macédoine les Turcs ne songent pas aux réformes promises; pourquoi devons-nous donc être seuls à subir les cruels arrêts de cet acte? Comment nous les imposera-t-on? Et si nous devons lutter pour notre indépendance, il vaut mieux le faire de suite que d'attendre que les Turcs nous aient écrasés».

C'est dans ce sens qu'on m'a parlé de tous côtés. En faisant une certaine part à l'exagération, il me semble parfaitement acquis, mon prince, que les Bulgares du Sud opposeront une vive et tenace résistance à leur séparation de la principauté. A l'heure qu'il est cette séparation n'existe pas; depuis plus de neuf mois la Bulgarie en deçà et au-delà des Balkans vit d'une vie commune, jouit des mêmes institutions. L'idée d'un séparatisme artificiel et anormal créé par le traité de Berlin ne trouve de base dans aucune classe de la population. Le villageois tend instinctivement au centre bulgare — au futur prince de Bulgarie; tout retour vers un état de choses qui lui donne des employés et des officiers turcs est pour lui un retour vers les horreurs de 1876 et 1877¹; il ne comprend et ne croit pas à un régime turc sans chaînes, tortures, pendaisons, pillages et massacres et ce régime il l'a vu se briser et s'écrouler sur les hauteurs de Schipka, dans les plaines de Philippopolis. La jeunesse intelligente et éclairée voit dans la séparation un grand malheur national; les gens actifs et influents ne pourront ou n'oseront rester dans cette province; nombre d'entre eux ont échappé avec peine à la prison ou au gibet et n'ont aucun désir de mettre à l'épreuve la bonne foi du gouvernement ottoman. Ils sont convaincus que le jour où nos troupes auront évacué la Bulgarie du Sud et que les garnisons turques auront formé leur cercle de fer autour de la province, la Porte ne songera même pas à s'en tenir à l'autonomie, mais se hâtera de susciter des désordres et sous prétexte de les réprimer recommencera les massacres des deux dernières années. Enfin les gens riches, les commerçants, tout en étant moins pessimistes, déclarent que la province ne peut pas supporter les frais d'une autonomie et que son développement économique sera arrêté par sa séparation de la Bulgarie.

Ainsi le patriotisme, les raisons économiques, la haine et la crainte du régime turc, le désir de garder la liberté acquise, — tout pousse les Bulgares du Sud à s'opposer à la création d'une Roumélie Orientale. Votre excellence a reçu la protestation signée par quelques dizaines de milliers de personnes**, un mémoire analogue va être présenté à la Commission européenne d'organisation².

Il est fort difficile de dire jusqu'à quel point pourra aller l'opposition des Bulgares; mais je dois avouer que je ne crains nullement des excès de la part de la populace; le Bulgare est trop calme et trop obéissant de nature pour agir sans ses chefs, surtout lorsque ces derniers savent lui inspirer de la confiance. Il me paraît que la partie intelligente et éclairée de la population a bien assez de prise sur le peuple pour guider le mouvement national tout en attisant le feu patriotique.

Interrogé par différentes personnes influentes sur l'attitude à prendre, je leur ai invariablement donné les conseils suivants: «abstenez-vous d'abord de tout désordre, de tout acte illégal; tâchez d'agir toujours en commun et dans la même direction et de vous concilier autant que possible les Grecs et les Turcs du pays; n'abusez pas des protestations et des démonstrations pour ne pas déconsidérer le mouvement; évitez les coups d'épée dans l'eau mais tenez vos forces toujours prêtes pour le moment où un résultat *pratique* pourra être atteint; enfin ne vous mettez pas en opposition avec la Commission européenne; ne montrez ni haine ni méfiance aux délégués mais, en vous partageant les rôles, appliquez-vous à leur montrer l'état *réel* de la Bulgarie du Sud et

* Так в тексте. Вероятно, пропущено «la principauté de Bulgarie».

** См. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3252, лл. 2—230 об.

à les convaincre qu'il est impossible d'en faire un vilayet et fort difficile d'en faire une province autonome». J'ose espérer que ce langage trouvera l'approbation de votre excellence.

J'ai l'honneur d'être, etc.

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 992, лл. 76—78 об. Копия.

№ 3

Перевод
Филиппополь

Находясь в Филиппополе всего лишь неделю, я собрал далеко еще не все необходимые мне сведения. Тем не менее я считаю долгом дать отчет вашему высокопревосходительству о моих первых впечатлениях, основанных на многочисленных беседах с именитыми людьми города, большая часть которых — мои давние знакомые.

Болгары всех сословий и оттенков возрений — ибо не существует значительного различия между партиями — единодушны в своем мнении по данному вопросу. «Мы не только возмущены условиями Берлинского трактата, — говорят они, — но и не верим в возможность их выполнения в отношении Южной Болгарии. Мы безмерно страдали последние годы, и в тот момент, когда доблестные победы русской армии даровали нам свободу, нас вновь хотят вернуть под власть турецкого режима. Этому не бывать! Мы воспротивимся всеми силами нашими, всеми средствами. Берлинским трактатом нас насильственно отделяют от Болгарского княжества. Однако мы видим, что трактат не выполняется: в Боснии, Эпире, Фессалии он стал мертвой буквой; в Македонии турки и не помышляют об обещанных реформах. Почему же только мы одни должны нести на себе всю тяжесть приговора этого акта? Как нас могут к этому принудить? И если мы должны бороться за свою независимость, то лучше действовать незамедлительно, а не ждать, пока турки нас раздавят».

Повсюду ко мне обращались с подобными словами. Делая некоторую скидку на преувеличения, мне кажется, князь, вполне возможным, что южные болгары окажут упорное и ожесточенное сопротивление своему отделению от княжества. Пока этого разделения не существует; уже более девяти месяцев Болгария по ту и по эту сторону от Балкан живет одной жизнью, пользуется одними и теми же учреждениями. Идея искусственного и ненормального разделения, принятая Берлинским трактатом, не находит опоры ни в одном сословии населения. Деревенский житель инстинктивно тяготеет к болгарскому центру, к будущему князю Болгарии; всякое возвращение к положению вещей, при котором ему навязывают турецких чиновников и офицеров, означает для него возобновление ужасов 1876 и 1877 гг. ¹; он не понимает и не верит в возможность турецкого режима без цепей, пыток, виселиц, грабежей и резни, а он видел этот режим разбитым и поверженным на высотах Шипки, на равнинах Филиппополя. Интеллигентная и просвещенная молодежь видит в этом отделении великое национальное бедствие; деятельные и влиятельные люди не смогут или не осмелятся остаться в этой провинции; многие из них с трудом избежали тюрем или виселиц и не имеют никакого желания подвергаться испытанию честности намерений оттоманского правительства. Они убеждены, что в тот день, когда наши войска эвакуируют Южную Болгарию и турецкие гарнизоны железным поясом окружат провинцию, Порта и не подумает о соблюдении автономии, а поспешит вызвать беспорядки и под предлогом их подавления возобновит массовые убийства двух последних лет. Наконец, богатые люди, коммерсанты, будучи меньшими пессимистами, заявляют, что провинция не сможет вынести расходов, связанных с автономией, и что ее отделение от Болгарии задержит ее экономическое развитие.

Патриотизм, экономические причины, ненависть к турецкому режиму и страх перед ним, стремление сохранить приобретенную свободу — все побуждает южных болгар воспротивиться созданию Восточной Румелии. Ваше высокопревосходительство получили протест, подписанный десятками тысяч лиц; аналогичный мемуар вскоре будет представлен Европейской комиссии по организации Восточной Румелии ².

Весьма трудно сказать, до какой степени может дойти сопротивление болгар, но я должен признаться, что несколько не опасаясь каких-либо эксцессов со стороны простого народа; болгарин слишком спокоен и слишком послушен по своей природе, чтобы действовать без своих вождей, особенно если последние сумеют внушить ему доверие. Мне кажется, что интеллигенция и просвещенная часть населения имеет достаточно влия-

ния на народ, чтобы, разжигая патриотический пыл, руководить национальным движением.

На вопросы различных влиятельных лиц о позиции, которую следует занять, я им неизменно советовал следующее: «Прежде всего воздерживайтесь от каких-либо беспорядков, от каких-либо незаконных действий; старайтесь действовать всегда сообща и в одном и том же направлении и примириться, насколько это возможно, с местными греками и турками; не злоупотребляйте протестами и демонстрациями, чтобы не скомпрометировать движение; избегайте безрезультатных действий, но держите свои силы всегда наготове в ожидании того момента, когда сможет быть достигнут *практический* результат; не становитесь, наконец, в оппозицию к Европейской комиссии; не проявляйте ни ненависти, ни недоверия к делегатам, но попытайтесь, распределив между собой роли, показать им *действительное* положение Южной Болгарии и убедить их в том, что невозможно превратить ее в вилайет и очень трудно — в автономную провинцию». Смее надеяться, что подобный язык встретит одобрение вашего высокопревосходительства.

Имею честь быть и пр.

1. Речь идет о расправе турок над болгарами во время подавления Апрельского восстания 1876 г., а также после отхода Передового отряда И. В. Гурко из Южной Болгарии в июле 1877 г. (см. 69, стр. 247—248, 457).

2. Мемуар от населения Южной Болгарии был подан членам Европейской комиссии по Восточной Румелии, кроме Турции, болгарской депутацией, состоящей из К. Величкова, Ив. Ев. Гешова, И. Груева, Т. К. Кесякова и др. (текст на французском языке опубликован: «Turquie», № 9, 1879 г., на болгарском — в «Марице», № 24, от 17. X 1878 г.). В нем содержались более умеренные требования, чем в вышеназванном протесте, поскольку в составлении его принимали участие в основном представители умеренного течения, а кроме того, русские представители объяснили болгарам, что великие державы не допустят отмены Берлинского договора (см. 19, стр. 97, 121—122; 90, стр. 326—327; примеч. 1 к док. 207).

№ 173

1878 г. октября 19. — Письмо А. Филиппова Д. Георгиеву о деятельности благотворительных комитетов по отправке добровольцев и оружия в помощь Кресненскому восстанию

Дупница

Г-на Димитрий п. Георгиев
в с. Влахи

Като излезох в петък на 13 окто[м]ври от при вас, на другия ден стигнах в града Джумая; от тук отидох на с. Рила, гдето събрахме малко тютюн и изпроводихме от тука 4 момчета от рилци и 5 ополченци с някого си Стерио, за коит[о] [не] зная дали са стигнали при вазе. По това аз тръгнах за София и в заминуването ми през Радомир ви изпроводих 18 пушки и 10 желтици чрез помежду т[ех]ните комитети за Джумаята, които на 18 того са стигнали в г. Джумая както что се научих. От София изпратих 3 коли патрони и 3 пушки. Идат ви на помощ 70 човека от Орханието и Тетевени, които на 16-й того са излезли от София, според както ме е уведомил за това софийският комитет; от тях 39 са въоръжени, а другите са без оръжие. Аз като мислех във връщанието си да ги намеря в Дупница, гдето съм сега, те били пристигнали до с. Крепец на 6 часа разстояние от Дупница къде София. И като е така работата останах нарочно в Дупница и изпратих им известие по-скоро да ме намерят в Дупница, защото според както са те тръгнали за Джумаята- може би да направят 10 и повече дни.

И щом тези 70 души стигнат в Дупница аз незабавно с тях ще тръгна за Джумаята. Причината на тяхното толко[ва дълго] замаяване, както что са научавам, че старейният им обичал много да пие, та затова и аз остаям в Дупница, за да ги забера по-скоро да се стигне тамо. И надея се с добро отношение към тях скоро ще ви дойдем тамо.

При това явявам ви, че 38 души от Пловдивското заминаха през Дупница за Джумаята, според уведомяването ми [от] Дупничкият комитет.

Във вторник на 17 того софийският комитет прие телеграма от търновския комитет, в която му явява, че 60 коли оръжие били изпратили заедно с други припаси, за което имах чест да се науча като прочетох сам тази телеграма, и надявам се, че след два три дена тези припаси ще бъдат в ръцете ми, за които софийският комитет ме е уведомил. Цариградските вестници «*Fare дю Босфор*» пише, че тур[ският] вестник «*Вахът*» и гръцкият вестник «*Неолоγος*» (Неологос) наместо да яви, че станали някои сблъсквания на Кресна, те явяват, че това станало в *Карахасан*, като прибавят, че на тяхно място имало до 7—8 хиляди въстаници. Те прибавят още, че на 2½ часа разстояние от Серес имало доволно въстаници, които завзели много места, което и ви явяват за новините от вестниците.

Кога на посрещанieto на княз Дондуков-Корсаков в г. София имало множество народ н[егово] с[иятелство] казал, че той не желае да се нарече освободител само на България, но дай бог и на цяла Македония и Тракия¹. И като му явили, че въстаниците в Кресна били напредвали, изявил особена радост и всякак думал, да се усилива това особено похвално дело на българския народ.

Бившият солунски руски консул н[егово] в[исоко] пр[евъзходителство] г-н Юсубович *, главният писар на княза, с когото имах чест да съм знаком от много време, ме уведоми, че в голямо очудване паднали всички европейски агенти в Цариград, как тъй въстаниците да могат да уловят роби. Като не е възможно всичко подробно да ви явя, за какво е мнението на цяла Европа, затова желая по-скоро да се видим и устно да се разговорим за всичко. Софийският комитет намери един хирург и тези два три [дни] може да пристигне тамо. Надея се от Дупница да мога да събера няколко оръжия. И аз от София съм купил *тин[к]тура опиум, сулфато — де хинин* 10 драма, които ще ни бъдат потребни, и които са с мене.

Поздравете г-на Адамова, Ив. Комакова, г-на Георгия и всичките подвижници за богоугодното дело, особено поздравление на г-на Стояна войвода и на всички².

Ваш сподвижник Александър Филипов

П. П. Забележвам ви, че понеже дясната ми ръка е болна от настинка, затова на мое място е друг писал това писмо.

Ив. Каранов

ЦМНА, ф. Д. п. Георгиев, № 30/1959. Подлинник.

№ 174

1878 г. октябрия 20. — Инструкция Министерства иностранных дел П. А. Шувалову о переговорах с Д. Андраши относительно укрепления союза трех императоров и о причинах временного приостановления эвакуации русских войск с территории Европейской Турции¹

Livadia

Les grandes difficultés qui entravent l'exécution du traité de Berlin et en retardent indéfiniment la mise en pratique menacent l'Europe du retour de complications sérieuses qu'il est de notre devoir de prévenir. Notre auguste maître pense qu'on ne saurait, dans ce but, choisir un moyen plus efficace,

* Т. П. Юзефович.

que celui d'établir l'entente des trois cours impériales en vue d'une action commune qui offre en même temps tous les éléments de la force et les plus puissantes garanties de pacification. Cette entente semblerait toute indiquée sur le terrain de l'acte international qu'en commun nous avons signé à Berlin et dont nous avons également le devoir de faire respecter les stipulations. Le prince de Bismarck partage cette manière de voir et nous a fait récemment à ce sujet les ouvertures les plus explicites en nous conviant à provoquer surtout un accord solide avec le gouvernement austro-hongrois. C'est en vue de cet accord qu'il serait si important d'établir que sa majesté l'empereur voudrait vous voir profiter de votre passage par Vienne et des entretiens que votre excellence pourrait avoir avec le comte Andrassy, afin de faire ressortir aux yeux du cabinet impérial et royal combien il serait utile de nous unir pour atteindre un but qui est dans ses intérêts autant que dans les nôtres. La part active que vous avez prise aux négociations les plus importantes durant cette crise et l'expérience toute spéciale que vous possédez dans les questions qui découlent du congrès de Berlin vous désignent naturellement pour la mission délicate que la confiance de notre auguste maître vous appelle à remplir.

Vos entretiens avec le comte Andrassy porteront principalement sur les points suivants:

Vous ferez comprendre tout d'abord au ministre austro-hongrois les motifs qui, bien malgré nous, nous ont obligés à suspendre provisoirement la retraite de notre armée, en vue des désordres qui menaçaient la sécurité des chrétiens dans les localités que nous devons abandonner et les faisaient fuir en masses pour échapper à de nouveaux désastres.

Vous ferez également ressortir aux yeux du comte combien il est dans nos intérêts de restituer le plus tôt possible au sultan la zone du territoire qui reste en dehors des limites de la Roumélie Orientale; mais en même temps, vous lui ferez observer les obstacles sérieux qui s'opposent à cette restitution.

Malgré toutes nos instances auprès de la Porte, l'acte supplémentaire du traité de Berlin que celui-ci nous a reconnu le droit de conclure directement avec la Turquie afin de régler les questions financières et autres qui nous concernent exclusivement, n'est pas encore signé. Nos forces militaires ne peuvent être réduites au corps d'occupation déterminé par le traité de Berlin, tant que cet acte n'est pas conclu.

Sa majesté l'empereur se tiendra fermement et strictement à l'exécution du traité de Berlin, mais cette exécution ne peut être unilatérale lorsqu'il s'agit de stipulations également obligatoires pour toutes les parties contractantes et cependant, malgré le long espace de temps écoulé, nous constatons avec regret, que ni la Grèce, ni la Serbie, ni surtout le Monténégro ne sont encore entrés en possession de ce qui leur a été adjugé par l'Europe.

Nous ne voulons pas attribuer ces résistances et ces lenteurs à l'effet exclusif du mauvais vouloir de la Porte sans faire la part des embarras qu'elle rencontre, mais nous espérons, que de son côté, le comte Andrassy saura apprécier les difficultés de notre situation et que le cabinet de Vienne ne nous refusera pas son appui moral toutes les fois où des considérations impérieuses et indépendantes de notre volonté, dont nous ne manquerions pas d'ailleurs d'informer le gouvernement austro-hongrois, venaient à enrayer ou à suspendre la retraite de notre armée.

En résumé, le cabinet impérial espère que la Porte saura prévenir les retours des graves désordres qui ont éclatés aussitôt après le départ de nos troupes et qu'elle avisera aux mesures à prendre pour assurer la sécurité des chrétiens et rétablir leur confiance en sa protection. De notre côté, nous y contribuerons par tous les moyens en notre pouvoir et ne négligerons pas de prémunir la population chrétienne contre les désastres d'une fuite dont le gouvernement austro-hongrois a pu apprécier toute l'importance lors de l'insurrection en Bosnie et en Herzégovine.

Du moment où ce but sera atteint, nous verrons disparaître le principal empêchement au départ de nos troupes. Resteraient à combattre les dangers sérieux que présentent les visés de la Ligue albanaise², tendant à s'opposer

par la violence et les excès d'une force brutale à l'application de certains articles du traité de Berlin. Nous ne saurions aussi passer sous silence le mouvement insurrectionnel qui se produit en Bulgarie et semble vouloir envahir la Macédoine, — en attendant, nous avons pris les mesures les plus énergiques pour empêcher ce mouvement de s'alimenter et de se manifester dans les localités occupées par nous.

Toutes ces questions rendent indispensable un échange d'idée entre les cabinets de Vienne, de Berlin et le nôtre. Une communauté de vues et peut-être d'action, si elle pouvait s'établir, nous semblerait plus que jamais désirable pour le moment; elle prouverait une fois de plus la bonne entente qui unit les trois cours impériales et sans laquelle, chacun des trois empires ainsi que l'Europe entière se verraient privés longtemps encore des bienfaits d'une pacification à laquelle tout le monde aspire à tant de titres.

Si, comme nous avons tout lieu de l'espérer, vos efforts étaient couronnées de succès, sa majesté l'empereur trouverait utile que vous en communiquiez le résultat au prince de Bismarck et que vous vous entendiez avec lui sur les moyens les plus pratiques de donner suite à l'accord des trois cours impériales en vue du but commun qu'elles auraient à poursuivre. Notre auguste maître abandonne d'ailleurs à votre excellence de juger elle-même de l'opportunité de cette dernière démarche.

Recevez, etc.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 84, ч. 2, лл. 718—723 об. Отпуск.

*Перевод
Ливадия*

Большие трудности, препятствующие выполнению Берлинского трактата и задерживающие на неопределенное время его исполнение, угрожают Европе возобновлением серьезных осложнений, предупредить которые — наш долг. Наш августейший повелитель считает, что нельзя найти для этого более эффективное средство, чем достижение соглашения трех императорских дворов относительно совместных действий, что даст материальные силы и наиболее действенные гарантии умиротворения. Это соглашение должно базироваться на международном акте, совместно подписанном нами в Берлине, постановления которого мы равным образом должны заставить уважать. Князь Бисмарк разделяет эту точку зрения и недавно сделал нам по этому поводу совершенно определенные предложения, приглашая нас заключить прочное соглашение с австро-венгерским правительством. Ввиду того что очень важно установить это согласие, его императорское величество желает, чтобы вы воспользовались своим проездом через Вену и беседами, которые ваше высокопревосходительство сможете иметь с графом Андраши, для того чтобы подчеркнуть перед императорским и королевским кабинетом, насколько было бы полезно объединиться, чтобы достичь цели, в которой они заинтересованы так же, как и мы. Активное участие, которое вы принимали в наиболее важных переговорах во время этого кризиса, и особый опыт, которым вы обладаете в вопросах, связанных с Берлинским конгрессом, естественным образом выдвигают вас для осуществления этой деликатной миссии, выполнить которую призывает вас доверие нашего августейшего повелителя.

Ваши беседы с графом Андраши будут касаться главным образом следующих пунктов.

Прежде всего вы разъясните австро-венгерскому министру причины, которые, вопреки нашей воле, заставили нас временно приостановить отступление нашей армии вследствие беспорядков, угрожавших безопасности христиан в оставляемых нами местностях и вынуждавших их к массовому бегству из страха перед новыми бедствиями.

Вы укажете графу, насколько в наших интересах возможно скорее вернуть султану зону, оставшуюся вне пределов Восточной Румелии, но в то же время вы должны обратить его внимание на серьезные препятствия, мешающие этому возвращению.

Несмотря на все наши настояния перед Портой, еще не подписан дополнительный акт, на заключение которого непосредственно с Турцией для урегулирования финансовых и прочих вопросов, касающихся исключительно нас обоих, Берлинский трактат признал за нами право. Наши военные силы не могут быть сведены до уровня окку-

пационного корпуса, установленного Берлинским трактатом, пока не заключен этот акт.

Его императорское величество будет твердо стремиться к строгому выполнению Берлинского трактата, но это стремление не может быть односторонним, поскольку речь идет об условиях, в равной мере обязательных для всех договаривающихся сторон, и, однако, несмотря на то, что прошло много времени, мы с сожалением отмечаем, что ни Греция, ни Сербия, ни, в особенности, Черногория еще не вступили во владение тем, что было им присуждено Европою.

Мы не хотим приписывать это сопротивление и эту медлительность исключительно недоброжелательности Порты, мы учитываем стоящие перед ней трудности, но надеемся, что, со своей стороны, граф Андраши сумеет оценить трудность нашего положения и что венский кабинет не откажет нам в моральной поддержке в том случае, если крайние и независимые от нашей воли обстоятельства, о коих мы, впрочем, не преминем сообщить австро-венгерскому правительству, затормозят или приостановят отступление нашей армии.

Короче говоря, императорский кабинет надеется, что Порте удастся предотвратить новую вспышку эксцессов, имевших место сразу же после ухода наших войск, и что она примет меры к обеспечению безопасности христиан и восстановлению их доверия к ее покровительству. С нашей стороны, мы будем содействовать этому всеми доступными нам средствами и оградим христианское население от пагубных последствий их бегства; всю серьезность подобной ситуации австро-венгерское правительство могло оценить во время восстания в Боснии и Герцеговине.

Когда эта цель будет достигнута, исчезнет главное препятствие для ухода наших войск. Останется лишь принять меры против той серьезной опасности, которую представляют планы Албанской лиги², стремящейся путем грубого насилия и эксцессов противодействовать применению некоторых статей Берлинского трактата. Мы не можем обойти молчанием также повстанческое движение, происходящее в Болгарии и готовое перебраться в Македонию; в ожидании мы приняли самые энергичные меры, чтобы помешать этому движению распространяться в оккупированных нами местностях.

Все эти вопросы делают необходимым обмен мнениями между венским, берлинским и нашим кабинетами.

Общность взглядов и, возможно, действий нам представляется более чем когда-либо желательной в настоящий момент; она явилась бы свидетельством доброго согласия, объединяющего три императорских двора, без которого каждая из трех империй, равно как и вся Европа, были бы надолго лишены благ умиротворения, к которому по праву стремится весь мир.

Если, как мы имеем основание надеяться, ваши усилия увенчаются успехом, его императорское величество счел бы полезным, чтобы вы сообщили о результатах князю Бисмарку и договорились с ним о наиболее практических способах проведения в жизнь совместных планов участников союза трех императоров. Наш августейший повелитель, впрочем, предоставляет вашему высокопревосходительству самому судить о своевременности этого шага.

Примите и пр.

1. П. А. Шувалов в конце октября 1878 г. предпринял поездку в Вену и в Берлин. Публикуемая инструкция была обсуждена у Александра II 20 октября. Д. А. Милютин писал в своем дневнике 20 октября: «Главной целью предстоящих свиданий гр. Шувалова с обоими канцлерами (т. е. с Бисмарком и Андраши. — *Ред.*) поставлено ощущать настроение австро-венгерского кабинета, чтобы убедиться в том, есть ли в самом деле возможность восстановить желаемое кн. Бисмарком прежнее единство в действиях трех империй в отношении Турции» (см. 57, стр. 100).

2. Турецкое правительство использовало в своих целях Албанскую лигу, созданную в Призрене 10 июня 1878 г., сумев на некоторое время при помощи призрака «славянской опасности» придать ее деятельности чисто мусульманский характер. По замыслу турецкого правительства лига должна была сыграть роль защитницы Турции от территориальных претензий балканских государств и экспансионистских планов Австро-Венгрии (АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 111, лл. 649 об.—650, а также см. 57, стр. 97).

Искусственно раздуваемый турецкими властями мусульманский фанатизм на время заслонил антитурецкие освободительные тенденции албанского национального движения. Однако уже в ноябре 1878 г. наиболее прогрессивные члены лиги, опираясь на народное антитурецкое движение, добились принятия программы, требовавшей автономии Албании (см. 82, стр. 102—105, 113—116).

1878 г. октября 20. — Предписание софийского полицмейстера Софийскому городскому совету о составлении избирательных списков и организации выборов в городскую и окружную советы *

№ 1405

София

Императорский российский комиссар в Болгарии, утвердив 19 минувшего сентября временные положения о городских и окружных советах **, изволил приказать, не ожидая отпечатания и опубликования этих положений, теперь же, безотлагательно, приступить к подготовительным работам для введения их в действие и к выборам членов в эти советы.

Препровождая при сем в отрывке циркулярного предписания управляющего отделом внутренних дел управления его сиятельства от 21 минувшего сентября за № 2755 извлечение из означенных положений, заключающее в себе главные основания как о составе упомянутых советов, так и о производстве выборов в них членов и о необходимых для того подготовительных работах, и принимая во внимание, что все назначенные в положениях сроки установлены для нормальной времени и в текущем году соблюдены быть не могут, предлагаю городскому совету:

1. Немедленно по получении сего предлагаю городскому совету в самый кратчайший срок составить подробный список всем жителям города, указанным в п. 4 извлечения; потом, по изготовлении этого списка, составить из него список первоначальных избирателей (п. 6 и 7 извлечения), а из этого последнего списка составить список имеющих право быть избранными (п. 8, 9 и 10 извлечения), а также расчет подлежащего избранию числа гласных и распределение по группам дворов (п. 17 извлечения).

2. Безотлагательно составить такие же списки жителям округа, первоначальных из них избирателей и избираемых, а также расчет числа гласных и распределение дворов и колиб по участкам и по группам.

3. Все избирательные списки опубликовать порядком, указанным в п. 12 извлечения, назначив для их обжалования конечный срок 10 будущего ноября.

4. По окончании всех этих подготовительных работ назначить выборы гласных в городскую и окружную советы 20 ноября, т. е. в срок, назначенный предписанием 21 минувшего сентября за № 3678 для выборов гласных в окружной суд.

5. По выборе гласных назначить 1 декабря собрание их для выбора ими членов городского и окружного советов, причем число почетных членов в городской совет ограничить четырьмя. Впрочем, если бы по составленному расчету о числе надлежащих избранию городских гласных оказалось, что число таковых будет превышать 40, то на каждом излишних сверх этой цифры 10 гласных нужно будет прибавить по одному почетному члену, но чтобы общее число их ни в каком случае не превышало 12.

6. Кроме того, собранию городских гласных, на основании п. 26 извлечения, поручить определить на двухлетний срок размер содержания председателя, постоянным членом и секретарю городского совета, а также избрать особую ревизионную комиссию из 4-х членов для проверки счетов и расходов городских сумм за каждый истекший год.

7. Все составленные избирательным собранием о постановлениях своих протоколы вместе со всем выборным производством тотчас по закрытии собрания представить мне.

Печатные экземпляры положений о городских и окружных советах на русском и болгарском языках будут высланы городскому совету немедленно

* См. док. 144.

** См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 1, стр. 179—193.

по получении их из управления императорского комиссара, по всей вероятности, еще до наступления 1 декабря сего года.

И. д. полициймейстера гвардии поручик Н. Волков *
СГОДА, ф. 1 К, оп. 2, д. 1738, лл. 1—2. Подлинник.

№ 176

1878 г. октября 21. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о сборе и отправке оружия для участников Кресненского восстания

№ 23

Тырново

Днес, 21 октомврий, членове на комитета «Единство» имаха редовно заседание в присъствието на следующите членове: архимандрит Стефан, Ст. Антонов, Д. Цанков, П. П. Михайлов, Е. Мартинов, Ст. Сарафиди, П. п. Димов, П. П. Аврамов, Н. Икономов, К. Коев, С. Д. Ничов, К. А. Паница, Г. Иванов, С. Стамболов, Д. П. Иванов, Н. Лазаров, Хр. Книговецца **, Арабаджиев, Д. Момчев, Райчо Николов. След прочитанието на миналия протокол г-н Райчо Николов изяви желание да са работи и нему за допуст ***, за да може да отиде в Македония. Прочетоха са две телеграми от Русчук, от Вазова ¹ и от Свищов, от Анева. Прочете се и едно писмо от село Драгижево; на питанието им за платната, реши се да ги испроводят тука. Прочетоха се писмата от Лясковец, Ряховица **** и Д[олна] Ряховица, от село Иванча, от Севлиево и от Плевен, в което явяват за изпровожданието на транспорт. Чете са после едно писмо от София, в което се описват подробно движенията на македонските възстаници до сега. Прочете са и писмото на г-на Кабакчиева за игумена ***** на Троянския манастир и писмото за Ловеч. Присъествува[т] в туй събрание и представители от Лясковец и Ряховица, те са задължиха да испроводят по 30 пушки с втория транспорт на Т[ырновския] комитет и по 150 патрона за сяка; пари имали събрани в Лясковиц 150 пола, а в Ряховица 100 пола; като обещаха да испратят с особен человек през тука за София. Прочете се едно писмо от Русчук от 18 окто[м]в[рий]. В отговора на някои писма из округа, реши са да им са пише да си направят печати. Прочете са едно прошение от затворниците ² и г-н Цанков са задължи да им разгледа обвиненията. Комисията, която работи за допуст на офицерите поиска да може да ѝ са отпуснат в нужда 200—300 фр. и по явно вишегласие им са дозволи.

Председател Ст. Антонов
Секретар Н. Лазаров

НБКМ—БИА, ф. 298, п. 1. Подлинник.

1. В связи с основанием комитета в Русчуке Иван Вазов писал 16 октября 1878 г. своему другу Спасу Вацову: «Здесь, в Русе в настоящее время организован благотворительный комитет для помощи (в освобождении) братьям македонцам, которые уже восстали. Этот комитет, председателем которого я имею честь быть, будет иметь отделы по всем окружающим городам Русчукской губернии и будет располагать большими средствами. Подобные комитеты созданы в Кюстендиле, Тырнове и др.» (см. 10, стр. 286).

2. Имеется в виду прошение группы болгар, осужденных за акты мести, совершенные во время войны над турками, которые участвовали в подавлении Апрельского восстания 1876 г. Текст прошения неизвестен.

* Подпись неразборчива и читается предположительно.

** Христо Иванов Големия (Книговецца, Къркенеца).

*** В смысле разрешения военных властей.

**** Горна Оряховица.

***** Хаджи Макарий.

1878 г. октябрия 22. — Обращение Търновского благотворительного комитета «Единство» к митрополиту Панарету о поддержке борьбы против разделения болгарского народа и о помощи Кресненскому восстанию со стороны болгарской эмиграции в Румынии

№ 56

Търново

Положението, което ни създаде Берлинския конгрес е такъв, щото нашия народ за напред остава без никакво значение. Распокъсани на части *, нам на чака вътрешна бедност и конечно разорение. Без средства ние нещемо можем поддържа много войска и ще сме слаби да защитим отечеството си против чуждите нападения. Турците винаги ще могат да ни нападнат и отнемат от ръцете ни малката част земя, която за днес се нарича «Свободна България». България разпокъсана, значи, че не съществува и нашето положение за напред е по-нешастно, от колкото е било до сега. Соединени поне имаме надежда на числеността си, сега бедстоваме разделени, може би да изгубим и народността си и са притопим или изгубим в народностите, които зеха по една част от земята ни.

Кой ще пречи на румъните да населят Добруджа с румъни и удавят нашия там елемент? Сърбите вече явно приследоват около Ниш и Пирот секиго, който би са казал българин и сърби учители и учителки заменяват навред в училищата българските; в Тракия, след оттегляването на русите, английски комитети работят още от сега да наводнят страната: с гърци, турци, ерменци и евреи. По-интелигентна [та] част от народа ни ще бъде принудена да остави огнищата си и да са присели в други страни, така щото българския елемент бедствова и тука; в Македония турските зверства от сега още принуждават населението да бяга от бащините си стрехи и да са изселява. Тая земя, която е била някога люлката на славенщината, днес представлява едно ужасно зрелище. Турците колят, бесят, обират населението и горят селата. Гръцкото духовенство намеря случай да пропагандира еленизма и сърбите мамят бедните българи да са приселяват в земята им. Такава е картината, която представлява за днес нашето отечество. Пита са пред такова едно положение на работите, ние българите трябва ли да сгърнем ръце и са отчайме, или сме длъжни като народ да се заловим за работа и употребим сичките си сили, за да си спомогнем? Грешката, която направихме по времето на Берлинския конгрес ¹, не треба и сега да я повторим. Когато великите държави решаваха нашата съдбина и на дяляха на части — ние малчухме; когато сякой един от нашите близки народи заявяваше правата си и някой из между тях (както сърбите), искаха даже нашите земи да показват за сръбски. Следствието на всичко това ви е познато. Сега поне нека положението на извади от обикновенната ни апатия и са заловим за работа. Ние трябва доде са тука нашите освободители да заявим своите права и ги подържим с дела. Нужно е да докажем на Европа, че ще употребим сичките възможни средства, за да добием единството на нашето отечество, и че нема да препознайме и нито приемим решенията, които тъй несправедно са издадоха в Берлин против нас.

С тая цел ние на 29 август т. г. составихме в града си комитет, който ще работи за единството на нашия народ. По наша инициатива или едновременно са составиха подобни комитети в [ъв] Видин, София, Русе, в цялата наша губерния, в Плевен, Враца, Берковица и пр. Сичките тия комитети ще бъдат свързани по между си и ще работят по един път, согласно с устава, когото тук ви претваряме **. Първо дело на тия комитети за сега е възстанието в Македония, и по после и в другите места оставени вън от границите на свободна България. Ние мислим, че този е пътя, който може да ни спаси, и като хора трябва да изпълним длъжността си и са борим, и ние на реда си, както едно

* См. прим. 2 к док. 85.

** См. ЦДИА, ф. 700, оп. 1, д. 49, лл. 4—5.

време и италианците ² — за своето «единство». Но за да са постигне една такава обширна цел, изискват са големи средства и соединените сили на синца ни. За това ние ва молим, сякой в своето място да состави подобни комитети, согласно с нашия устав, и ако действително сполучим да са даде една обширна организация на нашите комитети, само тогава ще можем помисли да направим нещо, или по крайна мяра да подържим духа на своите братя и идеята на народността в земите, отделени от свободна България. Наедно с нашето организиране за сега са изискват непременно и вашите помощи: в оръжия, военни припаси, дрехи и пари. Сичко това е нужно, за да подържим в началото възстанието в Македония и да му се даде по-голям размер. Ние вече от тука испратихме 30 кола с оръжия и припаси. Други транспорти са испратиха и от други места, както и парични помощи и постепенно ще следоват да са испращат, кога колкото са събират. За сега защото софийския комитет е по-близо до театра на военните действия, там отправяме нашите помощи, а по-късно, като си организираат добре сичките губернии, тогава ще са состави централния комитет, в когото ще са представени сичките губернии, които участват в това дело — и той ще вземе в ръцете си управлението на сичките дела.

Молим ви прочее час напред, каквото соберете незабавно да го отправате до председателя на софийския комитет митрополита Мелетия, защото от скоростта и количеството на нашите помощи за сега зависи успеха на възстанието в Македония. Делата този път ще бъдат мерило на нашия патриотизъм и ние ще покажем на света, ако сме достойни, да са дадат правдини и свобода и на другите българи, които за днес са изключени чрез Берлинския конгрес.

Пословицата казва: «Работи и бог ще ти помогне».

Писмата си отправяйте: до г-на Петра п. Димова в Търново.

Председател Ст. Антонов
Секретар Д. П. Иванов

ЦДИА, ф. 700, оп. 1, д. 49, лл. 1—3. Подлинник. Печатъ: Българск[и] благотворителен комитет «Единство». 1878.

1. Имеется в виду неосуществившееся намерение болгар во главе с Методием Кусевичем послать болгарскую делегацию на Берлинский конгресс, чтобы информировать представителей великих держав о требованиях болгарского народа сохранить Сан-Стефанский договор (см. 78, стр. 5—8).

2. Имеется в виду борьба итальянского народа против австрийского владычества и за объединение Италии.

№ 178

1878 г. октябрия 23. — Протокол заседания Търновского благотворительного комитета «Единство» о расходах по отправке добровольцев и оръжия для Кресненского восстания

№ 24

Търново

Днес, 23 октомврий, членовете на комитета «Единство» имаха извънредно заседание в присъствието на следующите членове: Ст. Антонов, К. А. Паница, Фичев, Хр. Книговезеца, Ц. Гинчев, С. Стамболов, Н. Лазаров, Хр. Цанев, М. Заяков, П. П. Аврамов, Г. А. Живков, Д. П. Иванов, Д. Момчев. Додоха в събранието следующите лица с желание да отидат като въстанници в Македония: Марин Петков от Плевен от м[ахалата] Варуш, Върбан Алексев от ц[иганската] махла от Търново, Георги Пенчов от ц[иганската] махла от Търново, Георги Петков от Сухин дол, Дончо Николов от Джумая, Байко Христов от Скопие, Янко Петков от Ряховица и Д. Млякото от Търново. Събранието реши да са даде секому по 20 фр. за пътни разноски, а на куриера да се дадат 450 фр. за разноски на транспорта. Прочете са и една телеграма от София, в която искат 10 хиляди пушки. За по-бързото

събирание на пушките събранието реши да са пише в окръга за таз телеграма, а тука са задължи да събира пушки г. Паница. От друга страна да са работи за допуст на г. Паница да може да събира пушки в окръга и да са кредитира, [за] да може за ефтина цена и да купува. Реши са да са пише на другите губернии, да си испроводят представител близо до възстанието, а в нашия окръг да са напомни да ни отговорят по-скоро, в противен случай ще са счита от нас избрания представител за законен. Реши са да са пише на женс[кото] дружество тука да събира помощи в пари, оръжия и пр. в полза на комитета.

Председател Ст. Автонов
Секретар Н. Лазаров

НБКМ—БИА, ф. 298, п. 1. Подлинник.

№ 179

1878 г. октябрия 23. — Циркуляр М. А. Домонтовича губернаторам о представлении сведений относительно благотворительных комитетов и о принятии мер к прекращению их деятельности

№ 3410

По дошедшим сведениям, в различных городах и местностях Болгарии под предлогом благотворительных целей образовались комитеты для организации и поддержания восстания в Македонии.

Ввиду этого порядка вещей, не соответствующего целям императорского правительства *, по приказанию импер[аторского] комиссара покорнейше прошу ваше превосходительство сообщить немедленно о числе, организации и целях существующих во вверенной вам губернии вышеозначенных комитетов, проследить под рукою, не имеют ли они сношений с Россией по делу македонского восстания, и при появлении с этой целью каких-либо лиц из России немедленно отправлять их обратно, с сообщением императорскому комиссару о таковых случаях.

Равно вам необходимо теперь же принять все меры о недопущении развития и действий так называемых комитетов «Единства» и вообще всех тайных обществ, имеющих политический характер ¹.

Директор канцелярии генерал-майор
Заведующий дипломат[ическими] делами Юзефович

ЦГВИА, ф. 430, д. 90, л. 79—79 об. Отпуск.

1. Настоящее распоряжение имело формальный характер. Комитеты «Единство» продолжали свою деятельность, и русское гражданское управление было осведомлено об этом руководителями комитетов. Подозрение русского управления о прямой помощи восстанию со стороны славянских комитетов или каких-либо других русских общественных организаций было неосновательным.

№ 180

1878 г. октябрия 24. — Предписание Э. И. Тотлебена генерал-губернатору Восточной Румелии А. Д. Столыпину об устройстве болгарских переселенцев

№ 4070

Адрианополь

К концу октября из мест, оставленных нашими войсками при отходе от Константинополя и Галлиполи, прошло через Адрианополь около 20 тыс. болгарских переселенцев, которые направлены частью на Филиппополь, а частью — на Ени-Загру и Ямболи.

* См. док. 168, 171.

При общей остановке отходного движения наших войск переселение болгар несколько приостановилось, но по всем имевшимся сведениям надо было думать, что в случае продолжения отступательного движения наших войск к границам Румелии начнется общее переселение не только болгар, но отчасти и христианского населения других национальностей, причем число переселенцев не ограничится десятками тысяч, а дойдет до 100 и более тысяч.

Дабы уменьшить бедствия переселенцев, если им придется покинуть свои жилища в суровое время года, а с другой стороны, чтобы не стеснять войск при отходе назад массою следующих с ними беглецов и ввиду неуклонного решения болгар, несмотря ни на какие убеждения, не оставаться под властью турецкого правительства, я считаю вполне необходимым ныне же принять меры к постепенному переселению тех христианских жителей, которые решили оставить свои поселения вместе с отходом наших войск из занимаемого ими временно района. Ввиду этого я предложил императорскому комиссару, не найдет ли он полезным составить безотлагательно из наиболее деятельных лиц особую комиссию, на которую возложено бы было направление переселенцев и вообще вся работа по водворению их, согласно указаний, даваемых князем Дондуковым-Корсаковым, на новых местах жительства. Местопребыванием комиссии я полагал бы удобнее всего назначить Филиппополь с отделением в Адрианополе как пункт, через который будут преимущественно направляться переселенцы¹.

Для того, чтобы комиссии приступить к исполнению возложенной на нее задачи возможно скорее, не тратя время на собрание необходимых данных, я прошу ваше превосходительство доставить императорскому комиссару ваше мнение относительно того, в каких местностях Восточной Румелии удобнее всего могут быть поселяемы переселенцы, а также ваши соображения о порядке направления беглецов на новые места жительства.

Вместе с тем я прошу ваше превосходительство доставить мне общую цифру всех христиан, переселившихся до настоящего времени в Восточную Румелию как через Адрианополь, так и через другие пункты, а также сведения о местах, где поселены эти переселенцы.

Генерал-адъютант

За отсутствием начальника штаба свиты его величества
генерал-майор Левицкий

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7482, лл. 36—37. Отпуск.

1. Такая комиссия была образована в Филиппополе под председательством П. Неклюдова. Она с большим вниманием отнеслась к возложенной на нее задаче и много сделала для облегчения положения болгарских беженцев и для более быстрого размещения их в свободных частях Болгарии (см. 90, стр. 160—161).

№ 181

1878 г. октября 24 (ноября 5). — Донесение Е. П. Новикова
Н. К. Гирсу о беспокойстве турецких и австро-венгерских пра-
вительственных кругов в связи с Кресненским восстанием *

№ 136

Vienne

Monsieur le sénateur!

L'insurrection bulgare qui vient d'éclater en Macédoine, forme depuis une dizaine de jours le thème inépuisable des causeries politiques à Vienne.

D'après les rapports de l'ambassadeur d'Autriche à Constantinople, elle y avait répandu une consternation générale. Le gouverneur de Sérès ayant demandé l'autorisation de distribuer des armes à la population musulmane pour tenir tête aux insurgés, le grand vésir ne s'était pas décidé à y donner

* См. док. 168, 171, 179.

son consentement en alléguant comme motif que l'Europe ferait de nouveau retomber sur la Porte la responsabilité des conséquences qui pourraient résulter de l'adoption d'une pareille mesure. Savfet-pacha avait dit au comte Zichy que le mouvement actuel lui semblait être l'entrée en matière d'une insurrection bulgare plus redoutable que la précédente. «C'est le commencement de la fin», avait-il ajouté.

L'ambassadeur d'Autriche signalait en même temps à son gouvernement l'existence d'une circulaire que la Porte aurait l'intention d'adresser aux Puissances pour leur exposer l'origine et les tendances de l'insurrection. Cette pièce devait contenir entre autres des allusions sinon à une connivence au moins à une tolérance des autorités russes sous les yeux desquelles auraient fonctionné les comités bulgares, organisateurs du mouvement.

Jusqu'ici aucune circulaire de ce genre n'a été transmise au cabinet de Vienne. Annoncé à plusieurs reprises, l'envoi en aura été soit entièrement révoqué, soit retardé, on le croit à la chancellerie d'Etat, par suite des explications déjà données à la Porte par notre ambassadeur à Constantinople *1.

Quoiqu'il en soit, les journaux de toutes les nuances se sont emparés du fait pour lancer contre nous des accusations renouvelées de mauvaise foi. Ils nous imputent d'avoir fourni des armes aux insurgés et préparé de longue main le mouvement actuel au nom du «panbulgarisme».

Je constate qu'à la chancellerie d'Etat on ne m'a fait aucune allusion à nos soi-disant «agitations». Officiellement on m'a toujours dit qu'on ne croyait pas aux suggestions turques, que l'impression de surprise que la Porte prétend en avoir ressentie impliquerait même une contradiction avec ses propres données renfermant de nombreux détails sur le chiffre, le point de départ et les mouvements des insurgés; enfin, que l'origine de l'insurrection devait être ramenée en grande partie aux actes de violence des bachibouzouks et Circasiens dévastant les chemins sur leur voie de retraite vers Sérès.

Mais à côté de cela des feuilles auxquelles on ne saurait refuser des attaches gouvernementales, telles que la «Politische Correspondenz», ne se sont pas fait faute de publier des lettres portant que le comité central de l'insurrection siégeant à Köstendil ** recevrait des comités slaves de la Russie de l'argent ou des armes 2 et que d'après les rapports des consuls de plusieurs grandes Puissances, dans les districts et localités où le nouveau mouvement a été organisé, l'état de choses actuel aurait été préparé au sù des autorités russes et avec le concours de nombreux agents de cette même nationalité. Et la «Wiener Abendpost», organe officieux par excellence, ajoutait qu'on «ne pouvait méconnaître que l'insurrection bulgare en Macédoine ne tendît à réaliser la Bulgarie du traité de San-Stéfano allant jusqu'à la mer Egée et qu'à ce titre elle dépassait les limites d'une crise purement locale et touchait à des questions d'un caractère européen».

Je partage l'opinion de ceux qui inclinent à croire que de pareils versions ont trouvé place dans la presse officieuse de Vienne pour servir la cause du gouvernement vis-à-vis de l'opposition intérieure. On invoquerait volontiers ici le fait du mouvement bulgare à titre d'excuse et de justification pour la politique de l'occupation et l'on ferait comprendre aux délégués qui vont se réunir à Pest combien le gouvernement avait prévu de loin le danger d'une extension slave du côté de la Macédoine et comme il avait été bien inspiré d'avoir pris d'avance ses garanties en Bosnie et Herzégovine.

Néanmoins, je dois constater que plusieurs de mes collègues ont recueilli à la chancellerie d'Etat les indices d'une inquiétude réelle qu'y causeraient le mouvement actuel et sa direction. On s'y demanderait comment nos autorités avaient pu rester étrangères aux origines de l'insurrection du moment que son point de départ était signalé à Köstendil, c'est-à-dire à proximité du territoire occupé par nous, et que les insurgés formaient non de simples bandes mais de petits corps qui semblaient régulièrement armés. On y craindrait de

* См. примечание к док. 171.

** См. прим. 1 к док. 204.

plus l'extension du mouvement, à un double point de vue: celui des complications générales qui pourraient en surgir et entraîner une attitude plus délicate de l'Angleterre à notre égard, et celui de sa propagation vers des parages qui se rapprochent déjà de la sphère des intérêts austro-hongrois.

Je n'ai pas cru devoir laisser ignorer à votre excellence ces impressions que je tiens de bonne source diplomatique.

Veillez, monsieur le sénateur, agréer l'assurance de ma haute considération

Novikow

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 111, лл. 697—701. Подлинник.

Перевод
Вена

Господин сенатор!

Недавно разразившееся в Македонии болгарское восстание последние десять дней служит неистощимой темой политических разговоров в Вене.

По донесениям австрийского посла в Константинополе, оно там вызвало всеобщий ужас. Сересский губернатор просил позволения раздать мусульманскому населению оружие для сопротивления повстанцам, но великий визирь не решился дать на это свое согласие, приводя тот довод, что Европа сможет снова возложить на Порту ответственность за последствия, которые могут явиться результатом принятия подобной меры. Савфет-паша сказал графу Зичи, что нынешнее движение представляется ему лишь вступлением к болгарскому восстанию, еще более страшному, чем предшествующее. «Это начало конца», — добавил он.

Австрийский посол сообщал в то же время своему правительству о существовании циркуляра, который Порта будто бы намеревается направить державам, чтобы изложить им причины и задачи восстания. Этот документ должен был содержать в числе прочего намеки если не на потворство, то по крайней мере на терпимость русских властей, на глазах у которых действовали болгарские комитеты, явившиеся организаторами движения.

До сих пор никакой циркуляр подобного рода не был передан венскому кабинету. Хотя неоднократно об этом объявляли, его отправление было либо полностью отменено, либо задержано, по-видимому, государственной канцелярией вследствие объяснений, уже данных Порте нашим послом в Константинополе¹.

Как бы то ни было, газеты всех оттенков воспользовались этим, чтобы снова возвести на нас обвинения в недобросовестности. Они обвиняют нас в том, что мы дали повстанцам оружие и издавна подготовили нынешнее движение под названием «панболгаризма».

Я утверждаю, что в государственной канцелярии мне не делали никакого намека на нашу так называемую агитацию. Официально мне всегда говорили, что не верят турецким инсинуациям, что та внезапность, которая, по словам Порты, ее поразила, противоречит ее собственным информациям, содержащим многочисленные подробности о численности, исходных пунктах и продвижениях инсургентов; наконец, что причины восстания следует в основном свести к актам насилия со стороны башибузуков и черкесов, производивших опустошения на своем отступательном пути к Сересу.

Но наряду с этим газеты, чью связь с правительством нельзя отрицать, такие как «Politische Correspondenz», не преминули опубликовать письма, утверждающие, что «центральный повстанческий комитет, находящийся в Кюстендиле, получает от славянских комитетов России деньги или оружие² и что, по донесениям консулов многих великих держав, в районах и местностях, в которых было организовано новое движение, нынешнее положение вещей, по-видимому, было подготовлено с ведома русских властей и при содействии многих агентов русской национальности». А «Wiener Abendpost», официальный по преимуществу орган, добавлял: «Нельзя не признать, что болгарское восстание в Македонии стремится к созданию Болгарии, доходящей, в соответствии с Сан-Стефанским договором, до Эгейского моря, и что на основании этого оно переходит границы чисто местного кризиса и затрагивает вопросы европейского значения».

Я разделяю мнение тех, кто склонен считать, что подобные версии нашли отражение в официальной венской прессе для того, чтобы служить интересам правительства перед лицом внутренней оппозиции. Здесь охотно ссылаются на сам факт болгарского движения.

чтобы извинить и оправдать политику оккупации, а делегатам, которые должны собраться в Пеште, дадут понять, насколько заблаговременно правительство предусмотрело опасность славянского распространения со стороны Македонии и насколько своевременно были приняты меры в Боснии и Герцеговине.

Тем не менее я должен отметить, что многие из моих коллег заметили в государственной канцелярии признаки действительного беспокойства в связи с нынешним движением и его направлением. Спрашивают себя, каким образом наши власти могли оставаться не причастными к восстанию в то время, как его исходным пунктом был Кюстендиль, находящийся вблизи оккупированной нами территории, и тогда как повстанцы составляли не просто шайки, а небольшие военные отряды, которые, по-видимому, регулярно вооружались. Больше всего боится расширения движения с двух точек зрения: с точки зрения общих осложнений, могущих возникнуть в результате его и привести к более решительной позиции Англии по отношению к нам, и с точки зрения его распространения в странах, уже близких к сфере австро-венгерских интересов.

Я счел своим долгом сообщить вашему высокопревосходительству впечатления, полученные мною из надежного дипломатического источника.

Соблаговолите, господин сенатор, принять уверение в моем глубоком почтении
Новиков

1. А. Б. Лобанов-Ростовский постарался внушить Савфет-паше, что страхи Порты очень преувеличены, ибо, согласно сведениям, полученным русским послом, происшедшие в Македонии события — просто результат царящей там полной анархии. Поэтому было бы нелогично заключить, что восстала вся Македония, а тем более обвинять русские власти, гражданские или военные. Но так как Александр II распорядился не допускать формирования вооруженных отрядов на территории, занятой русскими оккупационными войсками, то А. Б. Лобанов просил великого визиря сообщать ему о всех подобных нарушениях и пр. (АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, т. II, л. 6 об.).

2. Сообщаемые австрийскими газетами сведения о помощи русских славянских комитетов повстанцам Македонии неверны. Еще в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. роль и деятельность славянских комитетов в России существенно изменились. Эти комитеты в значительной мере лишились своей прежней независимости и в известной степени превратились во вспомогательные органы официальных учреждений, что привело к спаду комитетской деятельности, особенно после окончания войны, в результате закрытия (в августе 1878 г.) наиболее политически активного Московского комитета (см. 65, стр. 341; 63, стр. 33).

№ 182

1878 г. октября 27. — Письмо А. А. Шепелева Д. А. Милютину о работе Европейской комиссии и о стремлении населения Восточной Румелии не допустить восстановления турецкой администрации и гарнизонов

Филиппополь
Секретно

Милостивый государь граф Дмитрий Алексеевич!

Я имел честь получить благосклонное письмо от 19 октября *, которым ваше сиятельство изволили почтить меня. Закрывающиеся в нем указания по возбужденным мною вопросам имеют для нас тем более важное значение, что мы находимся накануне обсуждения комиссией некоторых из них; благодаря именно этим указаниям мы получаем теперь возможность яснее определить предстоящий нам образ действий.

Князь Лобанов известил нас еще в Константинополе о всемилостивейшем одобрении государем императором принятого нами в комиссии положения. Мы глубоко счастливы, что первые шаги наши при исполнении возложенного на нас поручения удостоились столь высокого и милостивого внимания нашего государя. В нем мы почерпаем необходимую нравственную поддержку для преодоления тех трудностей, которыми обставлена наша задача, и с божиею помощью надеемся, насколько у нас достанет умения, оправдать ожидания его величества.

* См. ЦГВИА, ф. 430, д. 59, лл. 269—273 и прим. 4 к док. 160.

Заседания комиссии теперь участились. Мы приняли в последнем заседании главные принципы будущей организации Восточной Румелии¹ и программу занятий, предложенную австро-венгерским делегатом для разработки Органического устава. Экземпляр этой программы при сем представляю*.

В последнем же заседании турецкие комиссары внесли проект мер к ускорению возвращения мусульманских эмигрантов в пределы Восточной Румелии. Друммонд Вульф поддержал этот проект и потребовал его обсуждения, упомянув при этом, что даже находящиеся в Филиппополе и окрестностях мусульмане терпят жестокое обращение от местной болгарской полиции. Он предложил также комиссии постановить, чтобы каждый из комиссаров обратился к своему правительству с убедительной просьбой содействовать, со своей стороны, дипломатическим путем к скорейшему возвращению на места турецких беженцев и улучшению их участи.

Я формально протестовал против обвинения, возведенного английским комиссаром на местную полицию, хорошо зная, что обвинение ложно, и далее заявил, что комиссия не вправе указывать своим членам тот или другой образ действий по известным вопросам, так как каждый комиссар вполне свободен поступать, как признает он нужным. Предвидя, что прения по турецкому проекту могут принять характер взаимных неприятных и притом бесцельных препирательств, а при случае даже перейти как бы в следствие над действиями нашей администрации, я с Церетелевым объявили, что мы отказываемся входить в рассмотрение турецкого проекта не только вследствие его непрактичности, но, главное, потому, что вопрос о турецких беженцах составляет предмет особых переговоров между нашим послом в Константинополе и Портою и не входит в круг действий комиссии.

Таким образом, проект оттоманских комиссаров рассматривался без нашего участия остальными делегатами, которые приняли некоторые из его статей в виде формулированных желаний (vœux) комиссии, другие же статьи отвергли. В общем, весь проект, как не получивший требуемого единогласия, признан не принятым комиссиею.

Исход этот был заранее известен прочим комиссарам, поэтому французский делегат предложил своим турецким сотоварищам посоветовать Порте обратиться с нотою ко всем великим державам с просьбою подействовать в пользу скорейшего возвращения беженцев.

Я, к сожалению, не могу еще представить протокола этого заседания, но счел нужным поспешить довести до сведения вашего сиятельства об этом эпизоде ввиду того, что, быть может, со стороны какой-либо из держав последует попытка к возбуждению дипломатическим путем вопроса о возвращении турецких беженцев. Замечательно также, что турецкие комиссары заявили, что внесли свой проект в комиссию по особому приказанию Порты, несмотря на то, что в Константинополе уже действует смешанная русско-турецкая комиссия по возвращению переселенцев**.

Брожение в здешнем населении по поводу работ комиссии растет постоянно. Депутации за депутациями осаждают комиссаров, объясняя, что народ не допустит введения турецкого управления и турецких гарнизонов на границах. Вчера пришло ко мне до 500 крестьян Филиппопольского и Тат[ар]-Базарджикского округов, прося довести до сведения русского правительства о твердой решимости их не подчиняться добровольно будущему управлению Румелии, как бы хорошо оно ни казалось организованным на бумаге. Они благодарили государя и Россию за ту свободу и самостоятельность, которые им дарованы были Сан-Стефанским договором, и не хотели слышать об исполнении Берлинского трактата. Некоторые из них заявляли даже, что не желают, чтобы комиссия управляла финансами страны. «Пусть русские, — заметил один из крестьян, — берут с нас деньги и бросают их

* См. то же дело, лл. 283—284 об.

** См. протокол № 8 от 25 октября 1878 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1878 г., д. 3290, лл. 66 об. — 73 об.

хотя бы в Марицу — мы ни слова не скажем. Но не хотим, чтобы иностранцы распоряжались нашим достоянием». Мне с трудом удалось успокоить толпу и несколько рассеять ее опасения. Но с каждым днем я все более убеждаюсь, что как только начнется в начале будущей весны практическое исполнение Берлинского договора в отношении к Восточной Румелии, вся страна подвергнется величайшим потрясениям.

Эта толпа-депутация была у других комиссаров, от которых требовала ответа. Некоторые из наших сотоварищей, чтобы отделаться, сказали, что будут телеграфировать своим правительствам и, по получении указаний, дадут депутации ответ в воскресенье, 29 октября.

Представляя при сем экземпляры протоколов № 4-го и 5-го *, имею честь быть с глубочайшим уважением и искреннейшею преданностью вашего сиятельства покорнейшим слугою

Александр Шепелев

Помета Д. А. Милютина: Доложено его величеству. 9 ноября 1878 г.

ЦГВИА, ф. 430, д. 59, лл. 281—282 об. Подлинник.

1. В заседании Европейской комиссии по Восточной Румелии от 25 октября (6 ноября) 1878 г. (протокол № 8) была принята «Программа для выработки Органического статута» («Programme pour servir à l'élaboration de la Loi organique»), состоявшая из двух частей — общие принципы, которыми должны были руководствоваться, и перечень разделов будущего статута (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1878 г., д. 3290, лл. 64 об. — 66 об.).

№ 183

1878 г. октября 28. — Отношение Н. К. Гирса А. М. Дондукову-Корсакову о позиции России в болгарском церковном [вопросе в связи с решением Берлинского конгресса]

В Министерстве иностранных дел была рассмотрена составленная во вверенном вашему сиятельству управлении Болгарского княжества записка под заглавием: «Болгарский церковный вопрос в связи с Берлинским трактатом».

По поводу содержания этой записки, а также и ввиду сообщенных вами в отчетах г-ну военному министру сведений о том, что болгары всех трех частей Болгарии неоднократно уже обращались к вашему сиятельству с ходатайством об оказании им содействия к церковному объединению, я считаю необходимым сообщить вам, милостивый государь, для сведения и руководства некоторые соображения Министерства иностранных дел по этому вопросу, удостоившиеся высочайшего одобрения его императорского величества.

Основная мысль вышеупомянутой записки есть та, что Берлинский трактат, выговорив в пользу всех вероисповеданий в Турции полную свободу, этим самым устранил будто бы все доселе существовавшие препятствия к установлению церковной самостоятельности болгар и к освобождению их от зависимости греческой патриархии без нарушения канонического права.

Министерство иностранных дел не может согласиться с подобным толкованием 62-й статьи Берлинского трактата. Если статьей этой обеспечивается свобода богослужения и внешних обрядов всех вероисповеданий в Турции, а равно устраниются все стеснения в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в отношениях их к их духовным начальникам, то подобное постановление, с точки зрения вселенской православной церкви, может относиться только к тем общинам, самостоятельность коих была уже признана канонически. Между тем болгарская церковь до сего времени еще не была признана канонически самостоятельной и, очевидно, к ней

* См. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1878 г., д. 3290, лл. 22—38 об.

не может быть применена означенная статья трактата без нарушения канонического права.

Вашему сиятельству, без сомнения, известны подробности греко-болгарской церковной распри, перешедшей из сферы духовной в сферу политическую и окончившейся под влиянием возбужденных политических страстей открытым разрывом между греками и болгарскими и объявлением на Константинопольском соборе болгарских схизматиков.

С самого возникновения этой распри до настоящего времени императорское правительство, озабочиваясь поддержанием мира и единения в среде восточной церкви, употребляло все усилия к примирению и соглашению враждовавших сторон, хотя усилия эти не привели доселе ни к какому благоприятному результату, но тем не менее образ действий императорского правительства в этом вопросе должен по-прежнему оставаться примирительным и, по мнению Министерства иностранных дел, мы сделали бы большую ошибку, если бы уклонились от такого образа действия и стали бы в ущерб единству вселенской церкви потворствовать нынешним стремлениям болгар образовывать самостоятельную церковь без соглашения с патриархией. В этих видах было бы неудобно поддерживать с нашей стороны в болгарских мыслях, что они могут установить независимость своей церкви без соглашения с патриархией. Напротив, мы должны стараться убеждать их в неотложной необходимости подобного соглашения, без которого немислимо признание болгарской иерархии канонической. Если же в среде болгар будет распространяться мнение, что в силу Берлинского трактата они вправе во всех трех частях Болгарии разорвать всякую связь с патриархией, то это может повести к самым печальным для восточной церкви последствиям. Вместо единения церквей рознь и вражда будут усиливаться и расширяться, и страсти могут увлечь стороны к самым крайним решениям. Особенно мы должны избегать подавать греческой патриархии повод к предположению, что болгары действуют по нашим указаниям.

На основании всего вышеизложенного я имею честь покорнейше просить ваше сиятельство стараться вести это дело в том примирительном духе, в каком оно было до сего времени ведено императорским посольством в Константинополе, и не допускать во время нашего военного занятия Болгарии со стороны болгар никаких действий, которые клонились бы к возбуждению новых осложнений с греческой патриархией. Действуя в примирительном духе чрез ваше посредство на болгар, а чрез посредство императорского посольства в Константинополе на патриархию, мы, может быть, достигнем какого-либо соглашения между сторонами, которое могло бы иметь весьма большое значение и в политическом отношении. Буде же все старания ваши и посла нашего в Константинополе не увенчаются успехом, то для нас было бы удобнее, чтобы окончательное объявление болгарскими независимости их церкви от патриархии последовало бы уже после выхода нашего из Болгарии¹.

Что касается до выраженного вами в отчете г. военному министру опасения относительно вредных последствий католической пропаганды, стремящейся в некоторых частях Македонии обратить православное население в католичество, то Министерство иностранных дел сделало уже распоряжение о командировании в Македонию секретаря тамошнего генерального консульства нашего, которому посол наш в Константинополе дал, вероятно, инструкцию для противодействия проискам и стремлениям этой пропаганды в среде местного православного населения*.

Резолюция Александра II: Быть по сему. Так как к[нязь] Дондуков полагает выехать из Константинополя сюда в эту субботу, то вручить ему эту инструкцию здесь.

АВПР, ф. ГА, I-1, д. 54, лл. 118—122 об. Отпуск.

* См. «История на България», т. I, София, 1961, стр. 384—386; К и р и л, патриарх Български. Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX век., т. I (1859—1865). София, 1962.

1. Документ отражает точку зрения русского правительства, которой оно последовательно придерживалось. Отношение болгарской общественности к этому вопросу см. док. 104 и примечания к нему.

№ 184

1878 г. октября 28. — *Отношение М. А. Домонтовича в штаб Действующей армии об аресте А. И. Калмыкова и препровождении его в Софию*

№ 3465

София

Высочайше повелено отставного сотника Войска Донского Калмыкова выслать немедленно на Дон.

Так как, по слухам, сотник Калмыков ныне находится в Македонии, где он участвует в происходящих там волнениях, то императорский российский комиссар изволил приказать ныне же предписать военным начальникам частей войск, расположенных на македонской границе, дабы, в случае появления Калмыкова в наших пределах, он был немедленно арестован и препровожден в г. Софию к его сиятельству*.

О таком приказании императорского комиссара канцелярия имеет честь сообщить штабу оккупационных войск для надлежащего распоряжения с просьбою о последующем уведомить.

Директор канцелярии генерал-майор Домонтович
Начальник отделения подполковник Кюхельбекер

ЦГВИА, ф. 430, д. 60, л. 23—23 об. Копия.

№ 185

1878 г. октября 28. — *Доклад главного агента славянских благотворительных обществ П. В. Алабина Петербургскому славянскому обществу о своей деятельности в Болгарии***

С.-Петербург

В октябре прошлого года я имел честь получить предложение славянских благотворительных обществ—Московского и Петербургского—принять обязанность главного агента обществ этих в Болгарии при Действующей армии, за отказом от дальнейшего исполнения этой обязанности г. Нарышкина.

Едва я, освободившись от обязанностей, на мне лежавших по званию уполномоченного Красного Креста в г. Зимнице в Румынии, явился в Богот к князю Черкасскому за получением от него надлежащих инструкций, как все были поражены внезапным взятием турками г. Елены¹, что, весьма естественно, произвело панику в населении города и его окрестностей, спешившем, несмотря на крайне суровое время года, искать спасения в бегстве, презирая все лишения, которые ему предстояло преодолеть.

Само собою, что я немедленно отправился в г. Тырново для подания помощи пострадавшим жителям г. Елены и его ближайших окрестностей и для принятия сумм от г. Нарышкина, принадлежавших славянским обществам.

Едва я успел принять от г. Нарышкина суммы и учрежденные им приюты для детей болгарских беженцев, лишившихся родителей или ими покинутых, и выдать 1000 фр. еленинскому окружному начальнику гвардии поручику Рудановскому для вспомоществования еленинским беженцам, как получено было известие о падении Плевны², куда я поспешил немедленно для подания помощи пострадавшим от долговременной осады жителям.

* См. док. 236 и прим. 1 к нему.

** См. док. 224 и 288.

Имея в виду, с одной стороны, крайнее затруднение при определении истинно нуждающихся в пособии, по малому знакомству с местным населением и действительным положением отдельных личностей, с другой стороны, необходимость привлекать местных жителей на помощь своим наиболее пострадавшим соотечественникам, без чего никаких бы средств славянских обществ не достало для уврачевания ран, уже открывшихся и еще имевшихся открыться, я именем славянских обществ предложил плевенским жителям образовать из среды своей комитет вспомоществования пострадавшим жителям г. Плевны и его окрестностей. Предложение мое было принято. В члены комитета записалось более 60 человек почетнейших граждан и гражданок, причем избрана особая комиссия для управления делами общества из семи членов, в том числе две женщины.

Этому комитету мною было отпущено для удовлетворения главнейших нужд наиболее пострадавших жителей 2000 фр. (пополам от обществ Петербургского и Московского). Впоследствии названный комитет дал мне подробный отчет в произведенных им расходах.

Возвратясь в Тырново, все мое внимание было обращено, совместно с находившимся еще там г. Нарышкиным, на возможно лучшую организацию управления детскими приютами, которыми заведовали образованные им комитеты из почетнейших лиц названных городов. При этом, так как князь Черкасский отпустил значительную сумму денег в распоряжение местного губернатора в помощь болгарским беженцам, то признано было возможным сократить число призываемых в тырновском приюте собственно на счет славянских обществ, образовав другой приют собственно на счет правительственных сумм, приняв на счет таковых же устроенные в Тырнове г-м Нарышкиным родильный дом и приют для бездомных стариков и старух.

На содержание приютов в Тырнове и Ловче во все время их существования по июль сего года отпущено мною 39 464 фр. 74 сант. и уплачено за выданные из аптеки медикаменты как для призываемых детей, так и нуждавшимся в медицинской помощи беженцам-болгарам 2000 фр.

Кстати заметить, что во время моего пребывания в Тырнове я нашел необходимым сделать первый шаг от имени славянских обществ к воскрешению древнейшей святыни этого старинного города, а именно храма во имя 40 мучеников, при завоевании Болгарии турками обращенного в мечеть³. Для приведения этой святыни в несколько благообразный вид мною было отпущено местному вице-губернатору г. Цанкову 760 фр. К этому первоначальному взносу присоединили свои жертвы местные жители, и ныне здание это, хотя и требующее еще новых, довольно значительных затрат для полной его реставрации, настолько очищено и исправлено, что в нем после торжественного освящения совершается богослужение к общей радости православных жителей Тырнова.

Следуя за тем в январе для исполнения особого на меня возложенного поручения великим князем главнокомандующим по пятам наступающих за Балканами наших войск до Филиппополя, я имел случай оказать именем славянских обществ некоторую денежную помощь нескольким осиротевшим болгарским семействам и в самом Филиппополе пригласил болгар организовать комиссию под председательством архимандрита Синесия, стоявшего тогда во главе местного духовенства, для подания первоначальной помощи наиболее нуждавшимся вдовам и сиротам болгар, для чего и отпустил комитету 350 фр. на начало дела.

Водворившись после того в г. Софии для отправления вновь возложенной на меня должности⁴ и обехав вверенную мне Софийскую губернию, я нашел местные церкви в самом жалком положении: частью разрушенными или сожженными, частью ограбленными. Имея точные сведения, что православные храмы подверглись такой же участи и в других местностях Болгарии, я счел необходимым предварительно привести в известность размер нужды в этом отношении всего края и тогда только прийти на помощь наиболее пострадавшим обществам, лишившимся средств сделать необходимые затраты для восстановления своих храмов. В этих видах я обратился с просьбой

ко всем болгарским губернаторам доставить мне сведения о положении церквей, числе их прихожан и степени их благосостояния с показанием, какому именно церковь подверглась ущербу от турок, если подверглась *. В ответ мною получились цифры, своими размерами заставившие меня при распределении пособий поступать с величайшей осмотрительностью ввиду скудности имевшихся в моем распоряжении средств для покрытия всех представлявшихся нужд. Довольно будет для примера сказать, что в одной Филиппопольской губернии, правда, пострадавшей от турок более, чем какая-либо другая местность Болгарии, оказалось убытка, понесенного ограбленными, сожженными или разрушенными церквями и училищами, на 25 миллионов фр. Если затем принять во внимание, что в остальных 4-х губерниях Болгарии и Румелии также пострадали в большей или меньшей степени и церкви, и училища, то безошибочно можно определить общий ущерб края в этом отношении суммой в 50 миллионов фр.

Сопоставление такой громадной потребности в помощи скудостью имевшихся в моих руках средств ее удовлетворения не остановило моего участия в подании хотя некоторой помощи делу от имени славянских обществ. Я решился помочь тем, собственно, церквям, прихожане которых заявят намерение восстановить их немедленно и не будут иметь полной возможности осуществить своего намерения. При этом преимущественное внимание мое было обращено на церкви тех местностей, которые по Берлинскому трактату не вошли в состав Болгарского княжества. Таким образом, я нашел возможным оказать помощь 46 церквям, на что израсходовал из сумм Московского общества 4281 фр. 40 сент. и Петербургского — 2595 фр. 40 сент., всего 7806 фр. 80 сент., не считая помощи, поданной тырновской церкви во имя 40 мучеников, как упомянуто выше. Кроме того, я отпустил на содержание Адрианопольской епархии архимандрита Евфимия 103 фр.

Независимо этого, отпущено мною образованному по моей просьбе в Филиппополе Обществу вспомоществования церквям, наиболее пострадавшим в этой губернии, председательство над которым принял на себя экзарх болгарский Игнатий **, от Петербургского общества — 400⁴ фр. и от Московского — 3057 фр.

Таким образом, всего в помощь болгарским церквям отпущено мною из сумм славянских обществ 15 430 фр.

Но, кроме этих денежных вспомоществований, я имел возможность от имени славянских обществ оказать помощь многим болгарским церквям раздачей им присылавшихся ко мне из разных местностей России, наиболее из Москвы, Самары, Харькова, Казани, от частных благотворителей и от Московского славянского общества — церковных книг, облачений, утвари, священнических одежд, напрестольных крестов и евангелий. Наконец, мною заказано было 8 больших икон наиболее чтимых в Болгарии святых для иконостасов, на что израсходовано из сумм Московского общества 314 фр. Шесть из этих икон от имени славянских обществ розданы в храмы, готовившиеся к освящению, одна икона передана в часовню, воздвигнутую в г. Радомире для 3-й дружины Болгарского земского войска, и одна икона — в часовенную комнату открывающегося в г. Софии юнкерского училища для молодых болгар. Надлежит заметить, что участие мое в восстановлении болгарских церквей не ограничивалось одной простой выдачей денежных вспомоществований, в сущности незначительных. Выдавая таковые от имени славянских обществ, я объяснял прихожанам, что всех нужд болгарских церквей славянские общества покрыть не могут, что они только кладут начало святому делу восстановления церквей, что продолжать и развивать таковое должны сами прихожане. Поэтому церквям, которым я производил денежное вспомоществование, я выдавал книгу для сбора приношений в видах образования необходимой на церковные нужды суммы и организовал, по крайней мере в Софийской губернии, попечительства при каждой церкви,

* См. док. 49.

** В документе ошибка. Следует читать: Иосиф.

которым я предоставил производить дальнейший сбор приношений на восстанавливаемую церковь, пригласив эти попечительства расходовать собираемые суммы на восстановление церквей при участии местного окружного начальника.

Дело народного образования в Болгарии также требовало помощи извне, особенно в первое смутное после военных событий время.

Школы, особенно за Балканами, все закрылись сами собой; учителя или погибли, или вынуждены были взяться за другие профессии из-за куса насущного хлеба; уцелевшие от погрома здания школ были заняты под госпитали и лазареты, училищное имущество большей частью или расхищено, или уничтожено. Болгарские училища фондов не имели, существуя преимущественно на церковные средства. Лишившись таковых средств вследствие военных смут, разорения жителей, отсутствия из епархий высших представителей духовенства, училища с тем вместе лишились всякой возможности существования. Чтобы открыть школы, в которых с умиротворением края почувствовалась настоятельная необходимость, требовалось всю школьную организацию и обстановку начинать сначала, а на это нужны были деньги в значительном количестве, которых взять было неоткуда. Небольшими средствами удовлетворить этой нужды было невозможно. Приходилось подавать некоторую только помощь там, где потребность была слишком вопиющая. Так, я выдал охридскому митрополиту из сумм Московского общества для восстановления училищ в Фессалонике 2040 фр.; дал 185 фр. юноше из г. Самокова Танджерову, желавшему поступить в открытое нами в Филиппополе училище для приготовления русских переводчиков и не имевшему к тому возможности, потому что ему не с чем было оставить свою семью в г. Самокове; дал на продовольствие также отправлявшимся учиться в названную школу болгарам Стоилову и Пигову по 41 фр. 20 сант. каждому; отпустил на восстановление разрушенных турками училищ в Бебровской нахии Тырновской губернии 360 фр.; купил книг для открывавшегося в г. Софии училища на 140 фр.; роздал ученикам сельских училищ книг на 21 фр.

Таким образом, израсходовано в помощь собственно первоначальным школам 2828 фр.

Были и еще потребности, к которым невозможно было относиться равнодушно. Например, когда дружины Болгарского ополчения, с такою честью послужившие своему воскресавшему отечеству в многочисленных боях за Балканами, на Балканах и Шибке, были распущены по домам, как состоявшие исключительно из добровольцев, оказалось, что многим из них не с чем добраться до родины. Наиболее нуждавшимся в пособиях явились македонцы, не имевшие возможности воротиться к домашним очагам, так как страна их доселе занята турками. Между тем известно, что македонцы были лучшими людьми в дружинах, своей отвагой и мужеством в бою удивлявшими даже наших старых солдат. Мною роздано таким македонцам на пропитание в ожидании возможности возвращения на родину 894 фр., затем в последнее время особенно нуждавшимся семействам болгар, последовавшим за нашими войсками при отступлении их от линии Сан-Стефано и кочевавшим в степи около Люле-Бургаса, роздано мною 235 фр.

Чтобы хотя несколько способствовать поднятию у болгар народного духа, я нашел необходимым принять участие от имени славянских обществ в некоторых патриотических предприятиях.

В Болгарии особенно чтится память двух патриотов, всю свою жизнь посвятивших делу освобождения отечества и запечатлевших это служение своею кровью — Левского и Бентковского.

Иеродиакон Левский — уроженец Сопота, более 6 лет скитался по Болгарии, проповедуя необходимость поголовного восстания против вековых врагов болгарского народа — турок, и, наконец, в 1867 г. был ими пойман и повешен в Софии⁵.

Георгий Бентковский, также после долголетних усилий успев возбудить открытое восстание против турок в 1875 г. в Филиппопольском санджаке, в Панагюрище и его окрестностях, стал во главе образованных им болгар-

ских чет и после неоднократных битв с турками убит ими в апреле 1876 г. в бою на Черном Воде, близ г. Тетевень. Голова Бентковского, отрубленная турками, привезена к папе в Софию, но по просьбе влиятельных болгар выдана им для погребения, причем отдан местному митрополиту и большой серебряный напрестольный крест, взятый Бентковским из церкви св. Поибрени Филиппопольской губернии и служивший повстанцам вместо знамени.

Крест этот, сделавшийся народной болгарской святыней, ныне возвращается в Поибренскую церковь, где он поставится на престоле на особом пьедестале, сделанном на счет славянских обществ. На серебряной доске, к этому пьедесталу прикрепленной, написана история участия этого креста в народном восстании 1876 г. для освобождения родины ⁶.

Левскому и Бентковскому предположено соорудить в Софии памятник по прилагаемому плану. Ныне памятник этот близится к окончанию. Он сооружается на том самом месте, где был повешен Левский, при въезде в город по Орханейскому шоссе. Под этим памятником из белого камня и гранита будут положены останки Левского, которые перенесут с позорного кладбища, где он зарыт. Голова Бентковского, преданная земле болгарами на православном кладбище, будет перенесена под тот же памятник.

Первую лепту на сооружение этого народного памятника я принес от имени славянских обществ в размере 567 фр., в том числе от Петербургского — 78 фр.

Наконец, принимая во внимание, что с освобождением Болгарии от турецкого ига молодое поколение страны при его любознательности, трудолюбии и жажде к учению должно сделать в самое короткое время после открытия в крае проектированных учебных заведений весьма быстрые успехи на пути цивилизации, лишь бы ему были даны средства образования, мы пришли к заключению о необходимости немедленного устройства в главном городе края, в Софии, публичной библиотеки с бесплатной при оной читальней из книг на языках преимущественно болгарском и русском.

В этих видах образовано в Софии особое общество публичной библиотеки для устройства, развития и управления названных учреждений.

Библиотеку эту и читальню предполагается содержать: а) на счет добровольных приношений; б) на ежегодные взносы членов общества; в) на абонентную плату за право брать для чтения книги на дому.

При этом для увеличения средств библиотеки предположено открыть при ней книжный магазин и магазин церковных книг, утвари, одежды и облачений.

В этих магазинах, существование которых крайне необходимо, потому что во всей Болгарии негде купить русской учебной либо церковной книги или капитального литературного произведения, также негде приобретать предметов, которые будут продаваться в магазине церковных вещей, продажа будет совершаться по самым умеренным ценам. При этом некоторый процент барыша, что будет доставлять такая продажа, предположено отчислять для образования капитала для вспомоществования желающим продолжать свое образование в высших русских учебных заведениях.

Инициатива образования публичной библиотеки и читальни в Софии шла от имени славянских обществ, причем на отделку отведенного для библиотеки дома, на сделание в нем необходимых приспособлений и заведение мебели употреблено из славянских сумм 1147 фр.

Перечислив главнейшие факты своей годичной деятельности по званию агента общества в Болгарии, деятельности, ныне прекращающейся за израсходованием всех мне порученных сумм, в чем мною представляется краткий отчет за последнее время, в дополнение к прежде представленным таковым же, позволяю себе обратиться к обществу с просьбой оказать возможную помощь и поддержку Софийской публичной библиотеке ⁷, снабдив ее своими изданиями и другими книгами, имеющимися в распоряжении общества.

К изложенному могу только прибавить, что болгары вполне и высоко ценят то участие, какое принимали и принимают славянские общества в их судьбе. В доказательство я укажу на следующий только факт. В Бол-

гари, в особенности на Балканах и за ними, нет деревни, где бы не знали о существовании в России благодетельных для их отечества славянских обществ. Затем в тех восторженных излияниях народного чувства, которых я имел счастье быть неоднократно свидетелем по случаю Сан-Стефанского мира, по случаю объявления Болгарии свободной и тому подобным, излияниях, о которых можно составить себе понятие только видя их воочию, вслед за благословениями, призывавшимися народом на императора Александра II, боготворимого болгарами царя-освободителя, вслед за благословениями русскому народу и воинству, своей кровью давшим новую жизнь Болгарии, всегда слышались восторженные клики в честь русских славянских комитетов, как болгары доселе продолжают по старой памяти называть наши общества.

П. Алабин

Помета П. В. Алабина: Читано в общем собрании 29 октября 1878 г.

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 242, лл. 29—35. Автограф.

1. 22 ноября (4 декабря) 1877 г. двадцатитысячная армия Сулеймана-паши начала наступление на 5 тыс. русских войск, защищавших город Елену. Он находился на стыке Восточного и Южного фронтов Дунайской армии, которыми командовали генералы Ф. Ф. Радецкий и Э. К. Деллинггаузен. Хотя они и знали о подготовке турецкого наступления, но не приняли необходимых мер. Малочисленные русские войска вынуждены были отступить с большими потерями.
2. Плевна капитулировала 27 ноября (9 декабря) 1878 г.
3. Церковь 40 мучеников построена в 1230 г. по случаю победы над византийскими войсками в битве при Клокотнице.
4. Должности губернатора Софийской губернии.
5. П. В. Алабин приводит неверные сведения. В. Левский являлся уроженцем Карлова и казнен в 1873 г.
6. В настоящее время крест этот хранится в музее в Панагюриште.
7. Основой для Софийской библиотеки послужили книги, подаренные болгарским торговцем И. Денкоглу. П. В. Алабин и М. С. Дринов в сентябре 1878 г. составили устав публичной библиотеки. За отсутствием средств основатели библиотеки просили русское гражданское управление принять ее в свое ведение. Решением комиссара А. М. Дондукова-Корсакова от 5 июня 1879 г. библиотека была сделана государственным учреждением и получила наименование Болгарской народной библиотеки. В настоящее время носит имя Кирилла и Мефодия (см. 60, стр. 279).

№ 186

1878 г. октября 30. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова А. Б. Лобанову-Ростовскому с просьбой ходатайствовать перед турецким правительством о направлении врачей-болгар на службу в Восточную Румелию

№ 3591

М[илостивый] г[осударь] князь Алексей Борисович!

По дошедшим до меня сведениям, в оттоманской службе находится некоторое число образованных и сведущих болгар, преимущественно военных медиков и фармацевтов, национальность которых послужила поводом к тому, что турецкое правительство в эпоху последней войны отправило их на службу по разным отдаленным местностям азиатских своих владений. Отказаться от службы личности эти не могли как из опасения подозрений в неблагонадежности, так и по тому поводу, что воспитанные в казенных заведениях, преимущественно в медицинской школе, они обязаны прослужить в действительной турецкой службе известное число лет. Находя, с одной стороны, что такая, хотя и благовидная ссылка тяжело отзывается на этих лицах болгарского происхождения, с другой же стороны, лишает их возможности с большею пользой приложить свои познания в краю, более им близком, как, например, в Восточной Румелии, я просил бы ваше сиятельство, буде возможно, снести с Портою по этому предмету и склонить ее к назначению

таковых лиц в край, находящийся в большей зависимости от нее, нежели самое княжество Болгарское.

Примите уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8775, л. 50—50 об. Отпуск.

№ 187

1878 г. октября 31. — Из письма жандармского полковника
Е. О. Янковского Д. А. Милютину об организации полиции
в княжестве Болгарии и Восточной Румелии *

Филиппополь

Милостивый государь граф Дмитрий Алексеевич!

При отправлении моем в распоряжение императорского комиссара в Болгарии ваше сиятельство изволили разрешить мне утруждать вас письмами в случаях, заслуживающих особенного внимания. Поэтому я решаю позволить себе обратиться к вашему сиятельству с настоящим письмом, которое включает краткое описание положения дела устройства полиции и взгляд на политическое состояние здешнего края.

Я проехал Болгарию из Рушук через Белу, Терново, Габрову, Шибку, Казанлык и до Филиппополя, где остановился, как в центре Восточной Румелии, откуда мне наиболее удобно делать объезды для приведения в исполнение правил об устройстве полиции.

Когда я прибыл в Филиппополь, то были уже составлены общее положение и инструкции нижним чинам ¹. Просмотрев их, я предложил некоторые статьи исключить, другие добавить и затем составил подробные штаты и положение о приставах, которые будут ближайшими начальниками и руководителями нижних полицейских чинов. Работы эти были утверждены почти без всяких изменений.

В общих чертах полиция в Болгарии ² устроена на следующих основаниях.

В каждом губернском городе и в каждом округе (уезде) учреждена должность пристава, который есть помощник полициймейстера в губернском городе и начальника округа в округе и ближайший начальник жандармов. Города разделяются на участки с числом жителей около 5 тыс.; участки в округе заключают около 10 тыс. душ.

В каждом участке один старший и несколько (около 10) младших жандармов. Одна треть жандармов — конные, две трети — пешие. Жалованье пристава — 2400 фр. Жандармы получают от 600 до 1200 фр. и казенное вооружение и обмундирование, кроме белья и сапог. Конные имеют собственных лошадей, которых кормят на свой счет. Вооружение конных жандармов — сабля, револьвер и карабин; пеших — сабля, револьвер и ружье ³.

Кроме того, генерал-губернатором Восточной Румелии генерал-лейтенантом Столыпиным утверждены правила о сельских вооруженных караулах в местностях, подверженных нападению шаек разбойников, составляющих, по большей части, остатки разбитой армии Сулеймана-паши. Оружие предполагается раздать только тем из жителей, за благонадежность которых будут ручаться мухтары и старейшины. Стрелять разрешается только по приказанию всякий раз жандарма или, в его отсутствии, — мухтара. За злоупотребление оружием виновные будут предаваться военному суду. Сельские караулы составляют лишь дополнение к полиции и подчинены ее начальникам [. . .] **

Евгений Янковский

Пожета Д. А. Милютину: Доложено его величеству. 9 ноября 1878 г.

ЦГВИА, ф. 430, д. 59, лл. 301—302 об. Автограф.

* См. док. 102.

** Опуцен текст о стремлении населения Восточной Румелии бороться за воссоединение с Болгарским княжеством и об отношении его к деятельности Европейской комиссии, аналогичный док. 172, 182, 201, 207 и др.

1. Временные правила устройства полиции в княжестве Болгарии и другие инструкции подобного рода были утверждены А. М. Дондуковым-Корсаковым 5 и 21 сентября 1878 г. и опубликованы в газете «Марица» № 17 от 22. IX 1878 г.; № 18 от 26. IX; № 19 от 29. IX и № 20 от 3. X 1878 г.; 80, вып. 2, стр. 190—224.

2. Структура полицейского аппарата до этого времени была общей для княжества и Восточной Румелии.

3. Обмундирование и вооружение жандармских команд в Болгарии по распоряжению Александра II проводилось из запасов Действующей армии (см. ЦГВИА, ф. 970, оп. 5, д. 493, л. 9—9 об.).

№ 188

1878 г. ноября 1. — Предписание и. д. балчикского окружного начальника подполковника Рончевского Балчикскому окружному совету о принятии мер к упорядочению хлебной торговли

№ 1044

Балчик

В Балчике существует общество комиссионеров, состоящее из 16 человек, которые служат посредниками между жителями, доставляющими сюда на продажу хлеб, с балчикскими купцами. За всякую проданную при их посредстве подводу зерна они получают от купца от 5 пиастров и выше.

До сведения моего дошло, что эти комиссионеры, пользуясь незнанием жителей, стараются понижать цену на привозимый хлеб с целью получить за это большее вознаграждение от купцов, а также, что они побуждают жителей продавать зерно преимущественно нескольким оптовым купцам, от которых они получают большую плату за комиссию в ущерб интересам как остальных купцов, так равно и жителей.

Признавая подобный порядок вредным и несправедливым как относительно жителей-продавцов, так и купцов, я признаю необходимым обратить на этот предмет самое серьезное внимание.

Поэтому прошу окружной управительный совет обсудить вопрос, в какой мере происходит вред от существования общества комиссионеров, действительно ли страдают от этого жители-продавцы и купцы, находящиеся будто бы в полной зависимости от комиссионеров. Если существование этого общества будет признано вредным для торговли, в таком случае прошу выработать правила и установить другие порядки для свободной торговли хлебом, при которых не страдали как городские интересы, так равно и интересы жителей. Для подробного обсуждения этого вопроса прошу пригласить представителей от хлебных торговцев, а также несколько человек — от сельского населения.

Журнальное по этому вопросу поставление прошу мне представить.

При сем препровождаю на рассмотрение совета поданную мне здешними купцами жалобу на неправильные действия комиссионеров.

И. д. начальника округа подполковник Рончевский

ОДА—Варна, Отдельные поступления, № 71. Автограф.

№ 189

*1878 г. ноября 2. — Циркуляр финансового отдела Управления российского комиссара в Болгарии губернаторам о сдаче в аренду полей бежавших турок болгарскому населению и освобождении арендаторов от уплаты поземельного налога **

№ 3692

София

Его сиятельство императорский российский комиссар изволил приказать покинутые мусульманами поля отдать на 1879 год в аренду болгарам на нижеследующих условиях:

* См. док. 101.

1) все покинутые мусульманами поля отдаются в аренду с торгов за деньги;

2) таковые арендаторы освобождаются от уплаты поземельного налога за эти арендуемые ими мусульманские поля;

3) поземельный налог за такие поля исключительно падает на мусульман-владельцев и исчисляется с арендной платы, удерживая из оной 10%; остающаяся затем за вычетом сих процентов в поземельный налог арендная плата передается мусульманину-владельцу в случае его возвращения.

Сообщая о сем вашему превосходительству для надлежащего исполнения, имею честь просить о своевременном препровождении копий протокола каждых состоявшихся торгов на вышесказанную аренду в финансовый отдел.

Подлинное подписал за управляющего финансовым отделом
подполковник Кюхельбекер

ОДА—Ловеч, ф. 25 К, оп. 1, д. 14, л. 34-а. Заверенная копия.

№ 190

1878 г. ноября 4. — Письмо Д. А. Милютина А. Д. Блудовой
о принятии мер к охране развалин древней столицы Болгарского
царства — Преслава

№ 311

Ливадия

Милостивая государыня
графиня Антонина Дмитриевна!

Государь император изволил передать мне полученную его величеством собственноручную вашу записку относительно находящихся недалеко от Шумлы, около нынешнего Эски-Стамбула, развалин древней столицы Болгарского царства Преславы¹. Записка эта была препровождена мною к императорскому российскому комиссару в Болгарии для распоряжения его о проверке сообщенных вашим сиятельством сведений. Ныне князь Дондуков-Корсаков уведомили меня, что по его поручению командированный на место шумлинский окружной начальник представил подробную записку о том, что осталось от древней столицы и что можно было собрать между местными жителями.

Препровождая при сем к вашему сиятельству копию с означенной записки, имею честь присовокупить, что местному начальству предписано князем Дондуковым принять меры к сохранению найденных весьма немногих остатков древности.

Примите, милостивая государыня, уверение в истинном моем почтении и преданности

Подписал граф Д. Милютин

ЦГВИА, ф. 970, оп. 5, д. 483, л. 27—27 об. Заверенная копия.

1. Преслав — славянский город, который был второй столицей Болгарского государства со времени царствования Симеона (893—927 гг.) до византийского владычества (972 г.). В этот период Преслав возвысился как центр болгарской культуры. Во время турецкого господства город был подвергнут систематическому разрушению. Турки называли его Эски-Стамбул («старая столица»). Археологические раскопки разрушенного Преслава начались в 1897 г. и с несколькими продолжительными перерывами ведутся до сих пор. Вскрыты ценные памятники болгарской архитектуры той эпохи, они пополнили наши сведения об истории славяно-болгарского государства.

1878 г. ноября 8. — Донесение И. С. Иванова А. Д. Столыпину с просьбой об утверждении устава Сливенского общества Красного Креста¹

№ 1890

Сливно

Его высокопреосвященство сливенский митрополит Серафим при отношении от 25 прошлого октября за № 3 представил мне проект устава сформировавшегося в г. Сливне Общества Красного Креста, подписанный членами временного настоятельства сего общества, причем ходатайствует об утверждении оногo.

Находя с своей стороны весьма необходимым и полезным учреждение подобного общепользoного общества в среде вообще болгарского народа, вызванного последними событиями к новой жизни, и представляя при сем проект его, имею честь просить ваше превосходительство об утверждении этого проекта Красного Креста в г. Сливне.

Приложение: копия проекта устава в русском переводе*.

Губернатор Иванов

И. д. правителя канцелярии З. П. Коньяров

Резолюция А. Д. Столыпина: Утверждаю с изменениями в 9-й статье.

Столыпин²

НБИВ—БИА, Пловдив, ф. 2, д. 275, л. 2. Подлинник.

1. Инициатива создания болгарского Общества Красного Креста исходила от д-ра Д. Моллова, д-ра Савы Миркова и др. в 1883 г., но фактически это общество было учреждено и начало функционировать в сентябре 1885 г. (см. 21, стр. 61—62). Настоящий документ, однако, показывает, что попытки создания Общества Красного Креста в Болгарии были сделаны сразу после освобождения от турецкого господства.

2. Текст 9-й ст. проекта устава гласил: «Члены комитета, исполняя свои обязанности, имеют право на ношение Красного Креста; тем же правом пользуются и женщины, занимающиеся добровольно в пользу Красного Креста, и все те, которые пожелают ухаживать за больными и примут название сестер милосердия». Поправка А. Д. Столыпина уточняла, что для звания сестры милосердия необходимо иметь определенное медицинское образование.

№ 192

1878 г. ноября 8. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о необходимости развертывания в Восточной Румелии деятельности в помощь Кресненскому восстанию

№ 30

Търново

Днес, 8 ноемврий, членoвете на комитета «Единство» имаха редовно заседание в присъствието на следуюците членoве: Ст. Антонов, П. п. Димов, Д. П. Иванов, С. Стамболов, Райчо Николов, П. Аврамов, Н. Икономов, Ю. Ненчов, Коев, Н. Момчев, С. Сарафиди, Ц. Гинчев.

Представи са един опълченец със желание да отиде в Македония и са реши да чака някой ден и ще са изпрати с 3-ти транспорт, който са готви. Понеже са узна, че в Тракия нищо са не работи относительно за Македония¹ и имало много волници желаючи да отидат за мястото, на възстанието, а нямало кой да са грижи за препащанието им, реши са да са узнай де са намира са сега архимандрит Кусевич, за да са споразумей комитета с него по този въпрос. Г-н Корфунозов, който беше са завърнал от селата, представи списък за новосъставените комитети и поиска да му са даде отпуск по домашни дела за 4—5 дена, за което събранието даде своето съгласие. Г-н Кор-

* См. там же, лл. 3, 6.

фунозов се оплака, че в селото Паскалевец срещнал пречки от кмета и жандармина. Председателят Антонов зе под забележаване имената им — за да говори за това на началника на округа. Състави са комисия от господа Коева, Н. Момчева и Ю. Пенчев, за да разгледа сметките на касиера. Относително за избирането на представител са реши вторично да са телеграфира в Габрово да предложът своя кандидат [и] да са даде вече край на този въпрос.

Председател Ст. Антонов

Секретар Н. Лазаров

НБКМ—БИА, ф. 298, п. 1. Подлинник.

1. Фракийские комитеты «Единство» направили свою деятельность главным образом на подготовку вооруженной борьбы за сохранение национально-болгарского характера государственности Восточной Румелии и укрепление ее автономии, ввиду чего они не могли оказать более действительную помощь повстанческому движению в Македонии, хотя и послали туда добровольцев и оружие. В центре внимания деятельности комитетов «Единство» в Болгарском княжестве стоял вопрос об освобождении Македонии (см. 90, стр. 411).

№ 193

1878 г. ноември 9 (21). — Донесение А. Н. Церетелева Н. К. Гирсу об обсуждении проекта Органического устава Восточной Румелии в Европейской комиссии

№ 30

Philippopolis

Monsieur le sénateur!

La Commission européenne, conformément à la motion que j'avais faite à la cinquième séance a commencé l'élaboration du Règlement organique de la Roumélie Orientale dans sa septième séance le 23 Octobre (4 Novembre)*.

Le délégué d'Autriche-Hongrie avait été chargé par l'Assemblée de préparer le programme des travaux relatifs à ce règlement. Mr. de Kallay qui joint à l'habitude des occupations législatives une érudition peu commune, s'est appliqué à faire une œuvre complète qui servira de guide aux débats, en ne constituant toutefois qu'une division systématique des matières. Votre excellence trouvera ce programme dans le protocole № 8**. Chacun des commissaires s'est chargé ensuite de préparer, comme base de discussion, un chapitre séparé de la future organisation. Le colonel Schepelew et moi avons jugé utile de nous abstenir pour le moment de ces travaux préparatoires.

Le délégué de la Grande Bretagne avait entrepris de préparer un projet du premier chapitre: «droit public et privilèges de la province». Ce projet présenté à la commission ne fut pas jugé suffisant car il ne constituait qu'une compilation des différents articles du traité de Berlin qui définissent la situation de la nouvelle province. Une sous-commission spéciale composée de sir H. Drummond Wolff et de Mr. de Ring et Braunschweig fut chargée de compléter ce travail et la commission aborda directement le second chapitre: «droits des citoyens» préparé par Mr. de Ring.

La discussion de ce projet a commencé dans la séance du 4 (16) Novembre***; elle n'a pu avancer que fort lentement car tout en reconnaissant la valeur des principes dont s'était inspiré l'auteur, nous nous sommes vus obligés, le colonel Schepelew et moi, d'élever quelques objections au point de vue des conditions spéciales du pays et de ses intérêts nationaux. Notre critique amena la modification de plusieurs détails. J'ai l'honneur de soumettre ci-joint à votre excellence copie de ceux des articles qui ont été définitivement adoptés****.

Au cours des débats nous avons cru devoir insister d'une manière énergique sur une rédaction claire et définie de l'article qui établit la nationalité des fon-

* Протокол № 7 заседания от 23 октябрия (4 ноября) 1878 г. см. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3290, лл. 49—60.

** См. примечание к док. 182.

*** Протокол № 12, см. там же, лл. 97—105.

**** См. там же, лл. 78—80.

ctionnaires de la future province. Notre amendement a été accepté par tous les commissaires ceux de la Turquie exceptés. L'article ayant été laissé ouvert les délégués ottomans ont adhéré dans la séance suivante à une nouvelle rédaction de Mr. de Ring qui reproduisait exactement notre idée. Le principe a été posé en conséquence que tous les fonctionnaires seront pris parmi les indigènes de la province sauf les cas spéciaux établis ultérieurement par un règlement d'administration publique.

L'article le plus important, selon moi, du projet du baron de Ring, celui qui a trait à l'emploi des différentes langues, n'a pas encore été discuté. Nous avons cherché à nous entendre avec les commissaires en dehors des séances afin de faire accepter une rédaction de ce chapitre qui serait favorable à la province et pratiquement admissible. J'aurai l'honneur de rendre compte à votre excellence du résultat de nos efforts.

Considéré dans son ensemble, le projet du baron de Ring est une œuvre théoriquement bonne et qui témoigne du désir de l'auteur de lui donner toutes les perfections qu'il a pu glaner dans une vingtaine de constitutions existantes. Ce projet donne une juste idée de la manière dont les commissaires étrangers ont compris la tâche qui leur est dévolue. Faire un règlement complet, parfait au point de vue de la science, assurer à la province un régime autonome solidement constitué et prévenir ainsi toute tendance vers une fusion avec la principauté, — voici le but de la majorité des délégués. Ils laissent complètement de côté la question de l'applicabilité du futur statut et mettent une espèce d'amour-propre à soumettre à l'Europe un règlement qui puisse servir de modèle en son genre. Aussi avons nous pu, le colonel Schepelew et moi, ne pas nous séparer jusqu'ici des délégués des grandes Puissances dans les questions de Règlement organique; notre critique au point de vue des conditions spéciales du pays et de la nécessité de prendre en considération l'ordre des choses actuel ne nous vaudra probablement pas une opposition sérieuse et nous pouvons même espérer que nous aurons moins de difficultés à vaincre de la part des commissaires anglais et français qu'on aurait pu supposer.

Mais c'est du côté de la Turquie que vient la résistance la plus opiniâtre à toute tentative de doter la future province d'une organisation viable. Les délégués ottomans ont l'air de ne pas se rendre compte de la véritable situation qui leur est faite et continuent à s'en tenir à des idées qui ont été jugées par l'Europe encore à la conférence de Constantinople; aussi commencent-ils à se trouver de plus en plus isolés car tous les commissaires, sans en excepter celui de la Grande Bretagne, refusent de se placer à ce point de vue. J'ai déjà eu l'honneur de soumettre à votre excellence un échantillon de leurs prétentions exagérées: leur projet de règlement a été relégué parmi les différents matériaux dont la commission peut se servir pour ses travaux et les idées qui y sont formulées n'ont pas la moindre chance de prévaloir. On m'assure que personnellement Assim-pacha, qui a une supériorité incontestable sur son collègue Abro-Efendi, ne se fait que peu d'illusions sur la probabilité de faire accepter ces idées à la commission, mais qu'il est lié par des ordres formels de la Porte et par la crainte d'être desservi auprès du sultan.

Je considère comme fort possible que les commissaires ottomans refusent d'accepter les principaux articles d'un Règlement organique sur lequel les délégués des grandes Puissances seraient tombés d'accord. J'ose croire que cette éventualité serait loin de nous être désavantageuse. Elle rendrait la Porte responsable de l'inexécution de cette partie du traité de Berlin et prouverait encore une fois à l'Europe qu'on ne peut rien obtenir de la Turquie sinon par la force.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect,

monsieur le sénateur, de votre excellence

le très humble et très obéissant serviteur
prince Tzeretelew

Господин сенатор!

Европейская комиссия, в соответствии с внесенным мной на пятом заседании предложением, приступила к разработке Органического устава Восточной Румелии на своем седьмом заседании 23 октября (4 ноября).

Австро-венгерскому делегату было поручено собранием подготовить программу работ, относящихся к этому уставу. Г-н Каллай, соединяющий с привычкой к законодательным делам незаурядную эрудицию, постарался создать законченный труд, который послужит руководством к дебатам, представляя собой, однако, лишь систематизацию материала. Ваше высокопревосходительство найдете эту программу в протоколе № 8. Каждый из комиссаров обязался затем подготовить как основу для дискуссии отдельную главу будущей организации. Полковник Шепелев и я сочли полезным воздержаться в настоящий момент от этих подготовительных работ.

Делегат Великобритании взял на себя подготовку проекта первой главы: «Публичное право и привилегии провинции». Этот проект, представленный в комиссию, был сочтен недостаточным, так как он является компиляцией разных статей Берлинского трактата, определяющих положение новой провинции. Специальная подкомиссия в составе сэра Г. Друммонда Вольфа, гг. Ринга и Брауншвейга должна была завершить эту работу, и комиссия прямо приступила к второй главе «Права граждан», подготовленной г-ном Рингом.

Обсуждение этого проекта началось на заседании 4 (16) ноября: оно смогло лишь весьма медленно продвинуться вперед, так как, признавая значение принципов, коими руководствовался автор, полковник Шепелев и я сочли себя обязанными выдвинуть некоторые возражения с точки зрения специфических условий страны и ее национальных интересов. Наша критика привела к изменению многих деталей. Имею честь препроводить при сем вашему высокопревосходительству копию окончательно принятых статей.

Во время дебатов мы сочли необходимым энергично настаивать на ясной и окончательной редакции статьи, определяющей национальность чиновников будущей провинции. Наша поправка была принята всеми комиссарами, за исключением турецких. Так как вопрос об этой статье был оставлен открытым, оттоманские делегаты примкнули на следующем заседании к новой редакции г-на Ринга, точно воспроизводящей нашу идею. В результате этого в основу был положен принцип, по которому все чиновники будут избираться среди коренного населения провинции, кроме особых случаев, которые будут далее определены уставом народной администрации.

Еще не обсуждалась наиболее важная, по моему мнению, статья проекта барона Ринга, трактующая об употреблении различных языков. Мы пытались договориться с комиссарами вне заседаний, чтобы заставить припять ту редакцию этой статьи, которая была бы благоприятной для провинции и практически приемлемой. Я буду иметь честь дать отчет вашему высокопревосходительству о результате наших усилий.

Рассматриваемый в целом проект барона Ринга является хорошим трудом в теоретическом отношении и свидетельствует о желании автора придать ему все достоинства, которые он смог почерпнуть из двух десятков существующих конституций. Этот проект дает правильное представление о том, как иностранные комиссары поняли возложенную на них задачу. Создать устав, совершенный с точки зрения науки, обеспечить провинции прочно установленный автономный режим и предотвратить таким образом всякое стремление к слиянию с княжеством — вот цель большинства делегатов. Они оставляют совершенно в стороне вопрос о применимости будущего статута и самолюбиво стремятся представить Европе устав, который может служить своего рода образцом. Таким образом, полковник Шепелев и я смогли не отделяться до настоящего времени от делегатов великих держав по вопросам об Органическом уставе; наша критика с точки зрения специфических условий страны и необходимости принять во внимание существующее положение вещей, вероятно, не вызовет серьезной оппозиции, и мы можем даже надеяться, что нам будет легче убедить английских и французских комиссаров, чем можно было предполагать.

Именно со стороны Турции исходит наиболее упорное сопротивление любой попытке снабдить будущую провинцию жизнеспособной организацией. Оттоманские делегаты делают вид, будто не отдают себе отчета в своем истинном положении и продолжают придерживаться идей, осужденных Европой еще на Константинопольской конференции; таким образом, они оказываются все более и более изолированными, так как все комиссары, не исключая и великобританского, отказываются поддержать их точку зрения.

Я уже имел честь представить вашему высокопревосходительству образец их чрезмерных претензий: их проект устава был помещен среди различных материалов, которыми комиссия может пользоваться для своих работ, и сформулированные там идеи не имеют ни малейшего шанса получить перевес. Меня уверяют в том, что лично Ассим-паша, бесспорно превосходящий своего коллегу Абро-эффенди, мало верит в возможность заставить комиссию принять эти идеи, но что он связан официальными приказами Порты и боязнью впасть в немилость у султана.

Я считаю вполне возможным, что оттоманские комиссары откажутся принять основные статьи Органического устава, по которым великие державы придут к соглашению. Смеею полагать, что подобная возможность далеко не была бы нам неблагоприятна. Она возложила бы на Порту ответственность за невыполнение этой части Берлинского трактата и еще раз доказала бы Европе, что от Турции ничего нельзя добиться иначе, как силой.

С глубочайшим почтением имею честь быть, г-н сенатор, вашего высокопревосходительства нижайшим и покорнейшим слугой.

Князь Церетелев

№ 194

1878 г. ноября 9. — Приказ А. Д. Столыпина о порядке взаимоотношений военной и гражданской администрации в занимаемом Филиппопольском отрядом районе

№ 171

Филиппополь

Согласно приказа по корпусу, вся местность, занимаемая войсками Филиппопольского отряда, в который входят 2-я и 5-я пехот[ные] дивизии с их артиллерией и 1-я горная батарея, бригада 9-й кавалерийской дивизии и 1-й Уральский казачий полк, состоящий при 2-й пехотной дивизии, подразделена на участки или районы: три района — Мустафа-Пашинский, Небылкиой-Керенский и Хаскиойский — находятся в общем ведении начальника 2-й пех[отной] дивизии генерал-лейтенанта Белокопытова; три участка — Станимакский, Дермендерский и Филиппопольский — находятся в общем ведении начальника 5-й пехотной дивизии и Татар-Базарджикский участок — в ведении начальника 9-й кавалерийской дивизии.

В каждом районе назначены непосредственные начальники районов.

1. Мустафа-Пашинский район, по нижней Арде примерно от дер. Яйнаджика до Небылкиоя с резервом у Мустафа-Паши. Районный начальник — командир 1-й бригады 2-й пехотной дивизии.

2. Того же района Небылкиой-Керенский участок — в ведении командира полка, штаб коего находится в Иениджикое, близ Керена. Передовая линия района проходит от Небылкиоя на Коаткиой, Кадыкиой до Аляляра.

3. Хаскиойский район, передовая линия коего простирается от Хабсы на Мандру, Каванлык, Сарныдж и Баево, — в непосредственном ведении начальника 2-й пехотной дивизии.

4. Станимакский район, передовая линия от Караджалара на Новосело, Крестовую Гору и Ольхова (между Бачково и Нареченем) до Станимакского ущелья, — в ведении командира 2-й бригады 5-й пех[отной] дивизии генерал-майора Богацевича.

5. Дермендерский район, от Станимакского ущелья, от с. Павлишко на Малково, Рахово, Каяличали до долины р. Кризма-Дереси, — в ведении командира 19-го Костромского полка полковника Беневского.

6. Татар-Базарджикский район, от долины р. Кризма-Дереси через Пештере до р. Елидере с занятыми передовыми пунктами в Батаке и Банье, — в ведении начальника 9-й кавалерийской дивизии.

7. Филиппопольский район — в непосредственном ведении начальника 5-й пех[отной] дивизии. Войска в Филиппополе и окрестных селениях составляют общий резерв предыдущих трех участков.

Ближайшая поддержка войск в первых трех районах, где расположена 2-я пех[отная] дивизия, находится в Германлы, в окрестностях коей расположена 35-я пех[отная] дивизия. Но дивизия эта мне не подчинена и состоит в распоряжении главнокомандующего.

Так как на пространстве вышесказанных районов введена наша гражданская администрация, то, подтверждая ниже обязанности районных начальников, я указываю и на отношения, какие должны существовать между военными властями и местной администрацией занятых войсками местностей.

1. Военные начальники районов должны сделать точные распоряжения о поддержании связи между соседними районами по всей передовой линии и с резервами посредством разъездов или подвижных пехотных колонн. В передовых линиях даже не разбивать части на мелкие посты, а занять ряд самостоятельных пунктов, посылая между ними, как сказано, подвижные колонны, наблюдая не только за исполнением вверенными им частями и чинами порядка службы, но наблюдая также в местности района за нижними чинами, являющимися от других частей для закупки фуража, скота и пр., требуя, чтобы те нижние чины имели билеты от своих частей и покупали бы все на наличные деньги и брали в уплате оных квитанции от чурбаджей или местных властей. Для лучшего наблюдения за этим районным начальником по их усмотрению разрешается в некоторых более важных пунктах, особенно в турецкие селения, находящиеся сзади нашей передовой линии, поставить хотя небольшие команды с целью, собственно, не допускать нижних чинов до беспорядков и своеволия.

Затем, собственно, в дела гражданского порядка — сбор податей, выбор и смена лиц управления, разбирательство жалоб между жителями и т. п. — районные начальники не должны вмешиваться. Только в тех случаях, когда при возникновении где-либо беспорядков между жителями окружной начальник будет просить содействия военной власти, то давать нужную, по соображениям военного начальника, часть, которая по исполнении экзекуции возвращается к своему месту.

Нижних чинов, замеченных в неправильном заборе от жителей скота, фуража и пр., арестовывать и препровождать к районным начальникам для поступления по закону.

2. Районным начальникам озаботиться удобным размещением войск на зиму, расположив их в землянках или пустых домах, приспособленных для жилья полковыми мастерами; по квартирам же ставить в крайнем случае, без стеснения жителей и располагая районы рот сгруппированно. Офицерам в городах отводить квартиры непременно в расположении своих рот. В этом отношении выбор пунктов расположения частей, как и порядок отвода квартир, подчиняется указанию начальника района, и окружные начальники, а в городах полицеймейстеры и, где есть, квартирные комиссии обязаны выполнять требования районного военного начальника.

3. Вообще по всем предметам, касающимся интересов войск, как-то: отвод помещений и квартир, требования об отводе лесных участков для вывоза лесу для отопления и варки, взятие, в указанных в законе случаях, подвод или выючных мулов за установленное вознаграждение, также по исправлению между нужными пунктами позиций, дорог, установлению сигнальных знаков для тревог, указание жителей, кои могли бы быть надежными лазутчиками, окружные начальники и их помощники, а в городах полиция, исполняют приказание районных начальников, оказывая полное возможное содействие.

4. Подтверждается начальникам районов не допускать никаких сношений с предводителями шаек, находящихся южнее нашей передовой линии, к какой бы национальности и религии они ни принадлежали. Можно допустить сношение только с регулярными турецкими войсками и с мирными жителями. Но во всяком случае подобные сношения делаются не иначе, как с разрешения районных начальников. Окружные же начальники как лица гражданской администрации без разрешения районных начальников ни в каком случае не могут входить в сношения и с мирными жителями, находящимися южнее

нашей передовой линии, а тем менее могут давать им разрешения переходить нашу линию, хотя бы даже с целью коммерческой, ибо вместе с мирными жителями могут подсылаться шпионы. Но если бы последовало разрешение районного начальника пропустить турок из гор за нашу линию с целью продажи и купли, то таковых нужно пропускать через определенные пункты нашей передовой линии и давать хотя небольшой конвой, причем пропускаемые, безусловно, должны быть обезоружены.

Такая тесная связь между военными и гражданскими властями в местах расположения наших войск определяет, что окружные начальники, отъезжая из места расположения своего, должны докладывать об этом районному начальнику и оставлять вместо себя своего помощника. Во всяком случае поддержание наружного порядка в местности, занятой нашими войсками, лежит на ответственности районных начальников, чем облегчается и труд окружных начальников. В этом отношении особенно обращая внимание районных начальников на необходимость составления, в случае убийства или насилия, актов с присутствием судей и понятых оными же офицерами, кои производят дознание в тех пунктах, где расположены части войск. В акты вносится: в каком положении усмотрен труп или находится лицо, пострадавшее от насилия, и все, что может быть при этом обнаружено. Несоблюдение этого ведет нередко к потере следов преступления тем более, что окружные начальники и их помощники не могут иногда своевременно поспеть на место происшествия, отвлекаемые другими делами подобного рода.

Подлинный подписал командир корпуса генерал-лейтенант
Столыпин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8022, лл. 133—136. Заверенная копия. Литографированный экземпляр

№ 195

*1878 г. ноября 9. — Циркуляр отдела внутренних дел Управления
российского комиссара в Болгарии губернаторам об увековечении
памяти русских воинов, павших во время русско-турецкой войны
1877—1878 гг.**

№ 3872

София

Его императорскому величеству государю императору благоугодно было повелеть, чтобы на могилах воинов, убитых и умерших в минувшую (1877—1878 гг.) войну, оставшимися в живых их товарищами поставлены были бы памятники. В исполнение высочайшей воли были выработаны составленною для этого под председательством генерал-адъютанта графа Шувалова комиссиею особые правила, а по предложению главнокомандующего Действующей армиею — указаны места для постановки памятников. Это места бывших сражений: Систово, Никополь, Джуранли, Ловча, Плевно, Церковна, Мечка, Араб-Конак, Шибка, Филиппополь и Хаджи-Оглу-Базарджик. Кроме этого, предположено также устроить и привести в приличный вид кладбища в местах бывшего расположения больших военно-временных госпиталей и лазаретов: в Систове, Горном Студне, Болгарени, Боготе, Торнове, Габрове, Беле, Софии, Филиппополе, Адрианополе. Начальник штаба Действующей армии сообщил императорскому комиссару (в отношении от 2 сентября за № 16770), что заботу о кладбищах его императорское величество государь император повелеть соизволил возложить на нынешнее временное управление Болгарии и Восточной Румелии, вследствие чего просит, чтобы предварительно было приведено в точную известность, какие именно участки земли должны быть отведены под означенные кладбища, какие из этих участ-

* Настоящий экземпляр циркуляра направлен И. С. Иванову.

ков могут быть заняты безвозмездно и за какие необходимо будет выдать вознаграждение и в каком размере; наконец, какие расходы потребуются на приведение кладбищ в приличный вид. Эти сведения нужно будет доставить военному министру.

Сообщая об всем изложенном вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, озаботиться составлением и скорейшим доставлением в отдел внутренних дел требуемых сведений¹.

Подписал управляющий отделом генерал-майор Грессер

Начальник отделения П. Рони

Препроводительная И. С. Иванова окружным начальникам: Препровождаю настоящий циркуляр Управления императорского русского комиссара в Болгарии от 9 сего ноября за № 3872, предлагаю вам, милостивый государь, принять его к руководству и точному исполнению.

Губернатор Иванов

И. д. правителя канцелярии З. П. Копьяров

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 40, лл. 74—75 об. Заверенная копия. Литографированный экземпляр.

1. На протяжении десятков лет в Болгарии как болгарами, так и русскими однополчанами было воздвигнуто около 450 памятников погибшим за освобождение Болгарии в знак памяти и признательности героям-освободителям. По своему характеру они могут быть сгруппированы: 1) памятники на братских могилах и отдельные памятники погибшим в боях воинам; 2) памятники воинам, умершим от ран и болезней; 3) памятники прославившимся подразделениям, частям и соединениям, сражавшимся в данном районе; 4) памятники свободы, победы, воздвигнутые в селениях и отдельных местностях; 5) братские могилы-мавзолеи и храмы-памятники, воздвигнутые в честь всех воинов, проливших кровь на полях битвы в Болгарии (см. 17, стр. 603—637).

№ 196

*1878 г. ноября 10. — Денеша Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому об отрицательном отношении Австро-Венгрии к заключению окончательного мирного договора между Россией и Турцией и о необходимости скорейшего его подписания**

Livadia

Par ma dépêche du 3 Novembre, j'ai eu l'honneur de prévenir votre excellence que pour régler notre attitude vis-à-vis de la Porte, nous attendrions les nouvelles que le comte Schouvalow nous ferait parvenir sur les résultats de sa mission.

Depuis lors, nous avons reçu l'expédition annoncée de Vienne par courrier, ainsi que la vôtre, en date du 5 (17) Novembre¹, qui ne signale aucun changement notable sur le terrain de Constantinople.

Il ressort des communications du comte Schouvalow que le cabinet de Vienne prétend résumer, comme nous, sa politique entière dans la stricte observation du traité de Berlin, mais son point de vue sur cette observation diffère essentiellement du nôtre. Ainsi, le comte Andrassy ne considère la Turquie comme en rupture du traité que dans la question monténégrine. La rectification des frontières grecques n'est à ses yeux, «qu'un vœu européen» et la signature de notre convention spéciale, «une obligation douteuse et mal définie». Il taxe les violences exercées contre les chrétiens et leur émigration en masse «d'accidents» qui n'ont rien de commun avec l'application du traité et prétend qu'en elles-mêmes toutes ces questions ne devraient pas priver l'Europe de la tranquillité et du repos auxquels elle aspire et qui ne peuvent lui être acquis sans la prompte retraite de notre armée. Le ministre austro-hongrois insiste particulièrement sur ce point, car à son avis, tout en prenant possession de la Bessarabie, des forteresses du Danube, de Schoumla, Varna, Kars et Batoum, nous n'avons rien fait encore dans le sens du traité de Berlin².

* См. док. 197.

D'ailleurs, reconnaissant toutes les difficultés de notre situation, le comte Andrassy indique les moyens suivants pour les écarter.

La sécurité des populations chrétiennes, en dehors de la Bulgarie, ne se trouvant pas vouée exclusivement à notre sollicitude, il voudrait la voir placée sous la protection d'une action commune des grandes Puissances et relève l'empressement avec lequel le gouvernement austro-hongrois est toujours prêt à se joindre à une démarche collective auprès de la Porte, en faveur des chrétiens. Pour ce qui concerne les émigrants, nous n'avons, à son avis, de choix qu'entre trois mesures: 1) celle de les abandonner; 2) celle de les emmener avec nous; ou enfin. 3) celle de confier à la Commission européenne de la Roumélie Orientale le soin d'arrêter l'émigration.

Le comte Andrassy ne partage pas notre manière de voir sur l'utilité de conclure un traité définitif afin de régler les questions pendantes entre nous et la Porte, car selon lui, le congrès de Berlin n'a point invalidé les articles des préliminaires de San-Stéfano qui sont restées en dehors de ses discussions et ces articles conservent toute leur force obligatoire. Le ministre austro-hongrois reconnaît d'ailleurs, que cette question ne concerne directement que les belligérants seuls, mais il constate que si même certains protocoles du congrès indiquent clairement la nécessité d'une convention spéciale pour régler nos rapports directs avec la Porte, les inscriptions aux protocoles ne peuvent avoir la valeur des articles du traité et que dès lors nous ne pouvons les invoquer comme infraction aux décisions prises à Berlin, si la Porte refusait de signer un acte séparé. En vue de ces considérations nous devrions nous contenter, selon lui, d'une déclaration dans laquelle la Porte se reconnaîtrait liée par les articles non-modifiés des préliminaires de San-Stéfano.

Quant à la question du Monténégro, se montrant animé des meilleurs sentiments à son égard, le gouvernement austro-hongrois voudrait voir l'Europe épuiser en sa faveur tous les moyens de pression sur la Porte; mais à nous, il nous propose d'assigner au gouvernement turc un terme pour la reddition des territoires adjugés au Monténégro, en le prévenant que nous consentons à évacuer simultanément la zone au sud de la Roumélie Orientale.

L'exposé ci-dessus vous prouvera, mon prince, que nous sommes loin d'avoir obtenu une entente sérieuse et que ne pouvant compter sur un concours efficace il ne nous reste qu'à rechercher les moyens de trancher par une action directe sur la Porte les graves difficultés du moment.

Nous devons en conséquence employer tous nos efforts pour parvenir le plus tôt possible à la conclusion du traité définitif et l'exécution des dispositions du traité de Berlin à l'égard du Monténégro. C'est au règlement de ces deux questions urgentes que nous subordonnons la retraite de notre armée dans les limites de la Roumélie Orientale. Si contrairement à ses intérêts bien-entendus la Porte s'obstinait néanmoins à ne pas signer un acte séparé qui pourrait peut-être lui procurer quelque adoucissement, notre auguste maître pense que nous pourrions à la rigueur nous contenter d'une déclaration au moyen de laquelle le gouvernement turc se reconnaîtrait formellement lié par les stipulations non-modifiées des préliminaires de San-Stéfano. Sa majesté trouve aussi que nous pourrions assigner un terme approximatif de 3 à 4 semaines à la Porte pour la remise au Monténégro des territoires qui lui ont été adjugés.

Quant à la sécurité des populations chrétiennes dans les localités qui seraient évacuées par nos troupes, nous ne saurions assez insister sur les mesures propres à l'assurer. L'alternative posée par le comte Andrassy d'abandonner les émigrants à leur sort, de les emmener avec nous ou de les vouer à la protection de la Commission européenne nous semble impraticable sur tous les points. Nous ne saurions en effet, après tant de sacrifices et d'efforts mis au service de leur cause, nous détourner des chrétiens de Turquie et compromettre l'œuvre magnanime et libératrice de notre auguste maître. En conséquence, vous auriez soin de prévenir le gouvernement turc, que si des mesures efficaces n'étaient pas prises pour rassurer les populations chrétiennes et que la retraite de notre armée servait de signal à leur émigration en masses, afin de pouvoir les recueillir

et les caser, nous nous verrions obligés à nous opposer au retour des émigrés musulmans tant dans la Roumélie Orientale qu'en Bulgarie.

Toutefois, avant de prendre un parti décisif, sa majesté l'empereur voudrait connaître l'avis de votre excellence ainsi que celui du commandant en chef sur la portée pratique des résolutions auxquelles nous croyons devoir nous arrêter. Vous voudrez bien, mon prince, vous mettre le plus tôt possible en rapport avec le général Todleben afin de nous communiquer par télégraphe les conclusions auxquelles vous serez arrivés. Si cependant l'application des moyens sus-indiqués vous semblait difficile, vu les conditions locales, vous voudrez bien nous en informer en hâtant l'expédition du prochain bateau.

Veillez agréer. . .

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 34, лл. 424—430 об. Отпуск.

*Перевод
Ливадия*

Моей депешей от 3 ноября я имел честь предупредить ваше высокопревосходительство о том, что для определения нашей позиции в отношении Порты мы должны ждать известий от графа Шувалова о результатах его миссии.

С тех пор мы получили почту, прибывшую с курьером из Вены, так же как и вашу от 5 (17) ноября¹, которые не говорят о каких-либо значительных изменениях в Константинополе.

Из сообщений графа Шувалова следует, что венский кабинет, как и мы, стремится сосредоточить свою политику на строгом соблюдении Берлинского трактата, но его точка зрения на это выполнение значительно отличается от нашей. Граф Андраши считает, что Турция нарушает трактат только в черногорском вопросе. Исправление греческих границ является в его глазах лишь «пожеланием Европы», а подписание нашего специального соглашения — «обязательством сомнительным и неопределенным». Он рассматривает жестокости, совершенные против христиан, и их массовую эмиграцию как «пагубные случайности», не имеющие ничего общего с осуществлением трактата, и утверждает, что сами по себе эти вопросы не должны лишать Европу спокойствия, к которому она стремится и которое не может быть достигнуто без скорого вывода нашей армии. Австро-венгерский министр особенно настаивает именно на этом пункте, так как, по его мнению, овладев Бессарабией, крепостями на Дунае, Шумлой, Варной, Карсом и Батуми, мы еще ничего не сделали в смысле выполнения Берлинского трактата².

Впрочем, признавая все трудности нашего положения, граф Андраши указывает на следующие способы их устранения.

Так как безопасность христианских народов за пределами Болгарии вверена не только нашим заботам, он желал бы, чтобы она находилась под совместным покровительством великих держав и подчеркивает готовность австро-венгерского правительства присоединиться к коллективному демаршу перед Портой в защиту христиан. Что же касается эмигрантов, мы имеем, по его мнению, на выбор три меры: 1) предоставить их самим себе; 2) увести их с собой или, наконец, 3) доверить Европейской комиссии по Восточной Румелии задачу приостановки эмиграции.

Граф Андраши не разделяет нашей точки зрения о полезности заключения окончательного договора для урегулирования между нами и Портой нерешенных вопросов, так как, по его мнению, Берлинский конгресс не аннулировал статьи прелиминарного Сан-Стефанского договора, оставшиеся вне обсуждения, и эти статьи сохраняют всю свою обязательную силу. Австро-венгерский министр, впрочем, признает, что этот вопрос непосредственно касается только воюющих сторон, но утверждает, что, если даже некоторые протоколы конгресса ясно указывают на необходимость особого соглашения для урегулирования наших прямых отношений с Портой, примечания к протоколам не могут иметь значения статей договора, и что поэтому, если Порта откажется подписать отдельный акт, мы не сможем на них сослаться, как на нарушение решений, принятых в Берлине. В связи с этими соображениями мы должны, по его мнению, удовлетвориться заявлением, которым Порта признает себя связанной неизменными статьями Сан-Стефанского прелиминарного договора.

Что касается вопроса о Черногории, то, делая вид, будто оно воодушевлено самыми лучшими к ней чувствами, австро-венгерское правительство хотело бы, чтобы в ее пользу Европа исчерпала все средства давления на Порту, но нам оно предлагает назначить турецкому правительству срок для возвращения территорий, присужденных Черногории, предупредив его, что мы согласны одновременно эвакуировать зону к югу от Восточной Румелии.

Вышеизложенное убедит вас, князь, в том, что мы далеко не получили серьезного согласия и что, поскольку мы не можем рассчитывать на действительную помощь, нам остается лишь искать способов прямого воздействия на Порту для разрешения серьезных трудностей настоящего момента.

Мы, следовательно, должны употребить все наши усилия к тому, чтобы как можно скорее добиться заключения окончательного договора и выполнения постановлений Берлинского трактата, касающихся Черногории. Урегулированию этих двух неотложных вопросов мы должны подчинить отступление нашей армии из пределов Восточной Румелии. Если, вопреки своим собственным очевидным интересам, Порты тем не менее будет упорно отказываться от подписания отдельного акта, что, возможно, смогло бы улучшить ее положение, наш августейший повелитель считает, что мы сможем в крайнем случае удовлетвориться заявлением, которым турецкое правительство признало бы себя формально связанным неизменными условиями Сан-Стефанского прелиминарного договора. Его величество находит также, что мы могли бы назначить Порте приблизительный срок от трех до четырех недель для передачи Черногории присужденных ей территорий.

Что касается безопасности христианского населения в местностях, которые будут эвакуированы нашими войсками, то мы не сможем слишком настаивать на принятии мер по ее обеспечению. Альтернатива, предложенная графом Андраши, — либо оставить эмигрантов на произвол судьбы, либо увести их с собой или же поручить их заботам Европейской комиссии — нам кажется неосуществимой во всех ее пунктах. Действительно, мы не сможем после стольких жертв и усилий, затраченных на служение их делу, вернуться от христиан Турции и скомпрометировать благородную освободительную миссию нашего августейшего повелителя. Посему возьмите на себя труд предупредить турецкое правительство, что если не будут приняты действительные меры для успокоения христианского населения и если отступление нашей армии послужит сигналом к их массовой эмиграции, то для того чтобы принять их и устроить, мы будем вынуждены воспротивиться возвращению мусульманских эмигрантов как в Восточную Румелию, так и в Болгарию.

Тем не менее, прежде чем принять окончательное решение, его императорское величество желал бы знать мнение как вашего высокопревосходительства, так и главнокомандующего о практическом значении решений, на которых мы считаем должным остановиться. Соболаговолите, князь, свестись как можно скорее с генералом Тотлебенем, чтобы сообщить нам по телеграфу выводы, к которым вы пришли. Если же исполнение вышеуказанных мер вам покажется по причине местных условий затруднительным, соболаговолите нам об этом сообщить, послав донесение с ближайшим парходом.

Соболаговолите принять. . .

1. Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского от 5 (17) ноября говорит о враждебном отношении Совета министров Турции к условиям окончательного мирного договора. За его подписание выступили только трое: Савфет-паша, его адъютант Сава-паша и Сервер-паша. В беседе с Савфет-пашой А. Б. Лобанов настаивал на скорейшем подписании договора. Савфет, соглашаясь, просил смягчить условия относительно военного вознаграждения, оспаривая сумму в 300 млн. рублей, и просил передать Александру II просьбу о смягчении этого условия (см. АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, ч. 2, лл. 65—66 об.).

В донесении от 30 октября (11 ноября) А. Б. Лобанов-Ростовский сообщал, что позиция турецкого правительства объясняется давлением на него английского и французского послов, выступавших против заключения особого договора между Россией и Турцией (см. там же, лл. 44—46).

2. Делегация Н. К. Гирса имела значение для информации А. Б. Лобанова-Ростовского, который 23 октября (4 ноября) 1878 г. в донесении сообщал о заверениях Зичи (см. там же, лл. 17—20) о якобы прорусских симпатиях Андраши и его стремлении к «искреннему и лояльному союзу с Россией». Эти заверения, разумеется, были лишь отвлекающим маневром. На самом деле австрийская политика была в это время особенно враждебна России, а с англичанами в Европейской комиссии по Восточной Румелии австрийцы действовали заодно (см. 27, стр. 37—62, особенно стр. 46—51).

Андраши писал Каллау в феврале 1879 г.: «Наш главный интерес состоит в том, чтобы русская оккупационная армия скорее ушла сначала из Восточной Румелии, а потом и из Болгарии». С этой целью он всячески торопил работу комиссии (там же, стр. 50—51).

1878 г. ноября 10. — Денева Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости настаивать на заключении окончательного мирного договора с Турцией и о сумме военных убытков России

Livadia

Comme complément à ma dépêche de ce jour * je crois devoir informer votre excellence que la Porte vient d'adresser à ses représentants une circulaire les invitant à recueillir l'avis des grandes Puissances sur le traité définitif dont nous lui demandons la conclusion.

Votre excellence connaît la manière de voir du cabinet impérial à ce sujet.

Le congrès de Berlin a réservé à une entente strictement bilatérale entre les deux parties belligérantes le règlement des questions, qui, n'offrant aucun intérêt général européen, ne concernent directement que nous et la Turquie. Conformément à cette décision du congrès, nous demandons à spécifier et à régler les dites questions par un acte résumant les dispositions des préliminaires de San-Stéfano qui n'ont été ni abrogées, ni modifiées par le traité de Berlin.

En cherchant à revêtir ces dispositions d'une forme définitive, nous désirons principalement écarter l'incertitude que leur imprime le caractère provisoire de l'arrangement dont elles découlent; nous y voyons aussi le meilleur moyen de prévenir tout prétexte à des malentendus contraires aux intentions pacifiques et conciliantes du cabinet impérial.

C'est donc en vertu d'un principe établi par le congrès de Berlin que nous insistons sur la nécessité de conclure un traité définitif avec la Porte et nous avons relevé avec satisfaction dans votre expédition du 5 (17) **, qu'elle ne protestait plus, du moins en principe, contre la conclusion de cet arrangement.

Cet acte réserve à une entente spéciale entre les deux gouvernements la question de l'indemnité de guerre stipulée par les préliminaires de San-Stéfano. C'est bien à tort que Savfet-pacha la croit exagérée. La somme de 750 millions marquée dans le compte-rendu du ministère des finances est loin de représenter la totalité des dépenses occasionnées par la guerre, mais si l'on prend en considération tous les frais jusqu'à ce jour auxquels nous entraîne l'inexécution des stipulations du traité de Berlin par la Porte, on arrive à un chiffre bien autrement élevé. Quant à la différence que Savfet-pacha tend à établir entre une indemnité et une contribution de guerre, elle se trouve basée sur des raisonnements si subtils que nous ne saurions vraiment nous y arrêter.

Veillez agréer, etc.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 34, лл. 437—439. Отпуск.

*Перевод
Ливадия*

В дополнение к моей сегодняшней депеше считаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству, что Порта только что направила своим представителям циркуляр, приглашающий их узнать мнение великих держав об окончательном договоре, на заключении которого мы настаиваем.

Вашему высокопревосходительству известны взгляды императорского кабинета по этому поводу.

Урегулирование вопросов, которые, не представляя общеевропейского интереса, непосредственно затрагивают только нас и Турцию, Берлинский конгресс отложил до заключения строго двустороннего соглашения между обеими воюющими сторонами. В соответствии с этим решением конгресса мы требуем уточнить и урегулировать эти во-

* См. док. 196.

** См. примечания к док. 196.

просы актом, резюмирующим положения Сан-Стефанского прелиминарного договора, которые не были ни аннулированы, ни изменены Берлинским трактатом.

Стремясь облечь эти положения в окончательную форму, мы желаем главным образом устранить неопределенность, которую придает им временный характер соглашения, из которого они вытекают; мы видим в этом также лучший способ предотвратить какую-либо возможность недоразумений, противоречащих миролюбивым намерениям императорского кабинета.

Именно в силу принципа, принятого Берлинским конгрессом, мы настаиваем на необходимости заключения окончательного договора с Портой и с удовлетворением отметили в вашем донесении от 5 (17), что Порта более не возражает, по крайней мере принципиально против заключения этого соглашения.

Согласно этому акту, решение вопроса о возмещении военных издержек, оговоренного в Сан-Стефанском прелиминарном договоре, откладывается до специального соглашения между обоими правительствами. Савфет-паша несправедливо считает их преувеличенными. Сумма в 750 млн., указанная в отчете Министерства финансов, далеко не представляет собой всей совокупности расходов, причиненных войной, но если принять во внимание все затраты по сей день, к которым нас вынуждает невыполнение Портой условий Берлинского трактата, то мы получим еще более высокую цифру.

Что касается различия, которое Савфет-паша пытается провести между возмещением военных издержек и военной контрибуцией, оно основано на столь тонких рассуждениях, что мы действительно можем не принимать его во внимание.

Соблаговолите принять и пр.

№ 198

1878 г. ноября 12 (24). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о толковании ст. VI Берлинского трактата относительно контроля представителей европейских держав за деятельностью русского комиссара в Болгарии

№ 2

Sofia

Les entretiens que j'ai eus depuis mon arrivée à Sofia avec quelques-uns de nos fonctionnaires m'ont mis à même de constater que l'article VI du traité de Berlin¹, par lequel l'Europe s'est réservée un certain contrôle sur le régime provisoire en Bulgarie les préoccupait vivement. On ne se rend un compte exact ni de la signification des mots « assister à l'effet de contrôler » ni de la position des consuls délégués ad hoc vis-à-vis du commissaire impérial, ni surtout de celle du commissaire ottoman qui porte le même titre que le chef du gouvernement bulgare actuel. On semble craindre que l'administration ne soit entièrement soumise aux consuls étrangers et que la dignité du commissaire impérial ne soit compromise par cet état de dépendance.

Je me suis appliqué à dissiper ces inquiétudes. A mon avis, ai-je dit à ces messieurs, le vague des mots « assister à l'effet de contrôler » nous donne la latitude de les interpréter à notre guise comme ne manqueront pas de le faire de leur côté les consuls délégués ad hoc, chacun selon les vues que poursuit le gouvernement qu'il représente. Les moyens dont ils disposent pour faire prévaloir leur interprétation étant nuls, ce sera la nôtre, pour peu qu'elle soit équitable, qui l'emportera. L'Europe ne prétend pas à une coopération active à l'œuvre de l'organisation de la principauté de Bulgarie, mais à un certain contrôle du fonctionnement du régime provisoire. La lenteur que mettent les Puissances à envoyer leurs délégués semble prouver qu'elles ne tiennent pas à gêner notre action et qu'elles ne sont pas pressées d'en contrôler les effets. D'ailleurs l'article six du traité de Berlin n'accorde aucun pouvoir aux consuls isolément, ne traite que de leur action collective et admet le cas d'une divergence entre eux aussi bien que celui du dissentiment entre la majorité et le commissaire impérial russe. Tant que les consuls ne sont pas ici au grand complet chaque réclamation isolée peut être repoussée sur la base même du traité qui n'a pas accordé à telle ou telle Puissance le droit de contrôler notre gouvernement

provisoire en Bulgarie, mais a réservé une espèce de contrôle à l'ensemble des Puissances signataires. Ce à quoi les consuls auront le droit de prétendre, à mon avis, c'est à être mis au courant de l'organisation que nous avons déjà donnée à la principauté, ainsi que des mesures de quelque importance qu'on jugerait utile de prendre à l'avenir. Le gouvernement impérial agit au grand jour et n'a pas à s'entourer de mystère dans l'œuvre de régénération d'un peuple qu'il a arraché à la servitude et qu'il tient à placer dans des conditions d'existence qui lui permettent de se développer et d'occuper une place honorable dans la grande famille des nations civilisées. Le secret d'ailleurs ne serait guère possible, et il me semble qu'en facilitant aux consuls étrangers la tâche de se renseigner sur le nouvel ordre de choses en Bulgarie, nous préviendrons les fausses interprétations et les insinuations malveillantes. Ils pourront en outre insister lorsqu'il s'agira de l'élaboration du Statut organique et de l'élection du prince sur la stricte observation des conditions établies d'un commun accord par le traité de Berlin. Enfin il est probable que toute mesure qui tendrait même indirectement à prolonger l'occupation au delà du terme convenu rencontrerait une opposition énergique de la part des consuls.

Il est difficile de prévoir dès à présent de quelle manière les consuls comprendront le rôle qui leur est dévolu, mais il me paraît qu'en ne s'écartant pas des stipulations du traité de Berlin notre administration en Bulgarie n'a pas à se préoccuper des prétentions que pourraient élever les délégués des Puissances signataires et aura facilement raison des embarras que ceux-ci chercheraient à lui susciter.

Pour ce qui est du titre de commissaire dont est revêtu le représentant ottoman, il me semble qu'il lui a été décerné non pas pour le mettre sur le pied d'égalité avec le commissaire impérial russe, ce qui est hors de question, mais simplement parce que le gouvernement turc ne pouvait envoyer de consul dans une province destinée à devenir un Etat tributaire. Ce titre ne peut lui donner aucun droit à une immixtion directe dans l'administration provisoire de la Bulgarie; elle serait incompatible d'ailleurs avec le but hautement avoué de l'œuvre organisatrice qui est de soustraire la province non seulement à la domination turque, mais encore à toute ingérence du gouvernement ottoman dans les affaires intérieures de la principauté.

En résumé l'article 6 du traité de Berlin a donné aux Puissances signataires la possibilité de se renseigner sur l'organisation qui sera donnée à la principauté et de veiller à l'exécution des stipulations du traité de Berlin y relatives, telle que la libre élection du prince et l'élaboration du Statut organique dans les conditions établies. Quant à la position du commissaire impérial elle ne saurait être amoindrie par la présence de représentants étrangers revêtus du droit de l'assister à l'effet de contrôler le fonctionnement du régime provisoire, — droit dont il nous appartient de définir la portée.

J'ai cru devoir soumettre ces considérations à votre excellence et la prie de vouloir bien rectifier mon jugement s'il lui semble erroné.

J'ai l'honneur etc.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2492, лл. 6—10 об. Копия.

*Перевод
София*

Беседы, которые по прибытии своем в Софию я имел с некоторыми из наших чиновников, позволяют мне отметить, что они весьма обеспокоены статьей VI Берлинского трактата¹, по которой Европа оставляет за собой право на известный контроль над временным режимом в Болгарии. Они не могут точно понять ни значения слов «присутствовать с целью контроля», ни положения консулов, приставленных для этого к императорскому комиссару, а особенно положения оттоманского комиссара, носящего тот же титул, что и глава нынешнего болгарского управления. Они, по-видимому, опасаются, чтобы администрация не была полностью подчинена иностранным консулам и чтобы достоинство императорского комиссара не было скомпрометировано этим состоянием зависимости.

Я попытался рассеять эти сомнения. По моему мнению, сказал я этим господам, сама неопределенность выражения «присутствовать с целью контроля» дает нам право толковать его как нам заблагорассудится, так же как со своей стороны не преминут это сделать консулы, отправленные сюда для этого, каждый сообразно целям, преследуемым правительством, которое он представляет. Так как средства, которыми они располагают, чтобы их мнение взяло верх, ничтожны, то победит наша интерпретация, если только она будет справедливой. Европа стремится не к активному сотрудничеству в деле организации Болгарского княжества, а к определенному контролю над деятельностью временного режима. Медлительность, с которой державы посылают своих делегатов, по-видимому, доказывает, что они не стремятся мешать нашей деятельности и не спешат контролировать ее результаты. Впрочем, ст. VI Берлинского трактата не предоставляет никаких полномочий консулам в отдельности, а трактует лишь об их коллективных действиях и допускает возможность как расхождений между ними самими, так и разногласий между большинством и русским императорским комиссаром. Пока консулы не находятся здесь в полном составе, каждое отдельное требование может быть отвергнуто на основании самого трактата, который не предоставляет той или другой державе право контроля над нашим временным управлением в Болгарии, но предоставляет своего рода совместный контроль державам, подписавшим трактат. По моему мнению, консулы будут иметь право претендовать на то, чтобы их познакомили с организацией, уже данной нами княжеству, равно как и с весьма важными мерами, которые будет сочтено полезным принять в будущем. Императорское правительство действует открыто и не нуждается в том, чтобы окружать тайной дело возрождения народа, исторгнутого им из рабства, и которому оно стремится обеспечить условия существования, позволяющие ему развиваться и занять почетное место в большой семье цивилизованных наций. Впрочем, никакая секретность и не возможна, и мне кажется, что, помогая иностранным консулам знакомиться с новым порядком в Болгарии, мы предотвратим ложные истолкования и враждебные инсинуации. Они, впрочем, смогут настаивать, когда пойдет речь о выработке Органического устава и избрании князя, на строгом выполнении условий, постановленных с общего согласия Берлинским конгрессом. Наконец, вероятно, что всякая мера, которая даже косвенно способствовала бы продлению оккупации, встретит энергичное противодействие со стороны консулов.

Трудно в настоящее время предвидеть, как поймут консулы возложенную на них задачу, но мне кажется, что, поскольку наша администрация в Болгарии не уклоняется от условий Берлинского трактата, ее не должны заботить требования, которые могут быть выдвинуты делегатами держав, подписавших трактат, и она легко преодолет затруднения, которые делегаты попытаются ей создать.

Что касается титула комиссара, которым облечен также оттоманский представитель, мне кажется, что он был ему присужден не для того, чтобы поставить его на равную ногу с российским императорским комиссаром, о чем не может быть речи, но просто потому, что турецкое правительство не могло направить консула в провинцию, предназначенную стать государством, платящим дань Турции. Этот титул не может дать ему никакого права на прямое вмешательство во временное управление Болгарией, что было бы и несовместимо с открыто провозглашенной целью этой организации освободить провинцию не только от турецкого владычества, но также от всякого вмешательства оттоманского правительства во внутренние дела княжества.

Наконец, ст. VI Берлинского трактата дала державам, подписавшим трактат, возможность получать сведения об организации, которая будет дана княжеству, и наблюдать за выполнением соответствующих условий Берлинского трактата, таких, как свободное избрание князя и выработка Органического устава в установленных условиях. Что касается положения императорского комиссара, его не сможет умалить присутствие иностранных представителей, облеченных правом контроля над функционированием временного режима, — правом, определить смысл которого надлежит нам.

Я счел долгом передать эти соображения на рассмотрение вашего высокопревосходительства и прошу вас, сообразованно внести исправления в мои рассуждения, если они покажутся вам ошибочными.

Имею честь и пр.

1. Ст. VI Берлинского трактата говорит о наблюдении за действиями российского комиссара со стороны оттоманского комиссара и консулов других держав (см. 79, стр. 185).

1878 г. ноября 12 (24). — Доклад А. Б. Лобанова-Ростовского
Н. К. Гирсу об укреплении Турцией проливов и о переговорах ее
с Англией относительно предоставления займа

Monsieur le sénateur!

Votre excellence aura vu par ma précédente dépêche, № 139¹, que la Porte reste dans une inconcevable inaction, au point de vue administratif, en présence de ce qui se passe en Macédoine. Il n'en est pas ainsi pour les dispositions qu'elle prend sur d'autres points de l'empire; mais on ne peut apprécier le véritable mobile qui la fait agir qu'en rappelant quels sont les points que l'Angleterre a toujours considérés comme se rattachant intimement aux intérêts britanniques: ce sont le Bosphore, les Dardanelles et l'Égypte.

J'indiquerai plus loin les visées de l'Angleterre sur l'Égypte, mais pour le moment il est intéressant de connaître ce qui se fait à l'égard du Bosphore et des Dardanelles.

Afin de déterminer les Turcs à fortifier les détroits, l'ambassadeur d'Angleterre leur a persuadé que Constantinople était menacé par nous; que nous recevions journellement des renforts de troupes; que le général Tottleben fortifiait les positions d'Andrinople; que notre armée faisait tous les jours quelque mouvement en avant, etc., etc. Mr. Fournier qui n'est que l'instrument docile et aveugle de Mr. Layard, croyait faire preuve d'initiative personnelle en exagérant encore les idées qu'il empruntait à son collègue d'Angleterre et en lui reprochant sa trop grande modération. A eux deux ils cherchaient à agir non seulement sur les ministres turcs, mais aussi sur le sultan lui-même, dont l'esprit timoré n'est que trop accessible à toutes les insinuations de ce genre. Elles furent d'ailleurs accompagnées d'offres pressantes de service, en hommes et en argent, et il semblerait difficile de ne pas croire à la parfaite sincérité d'amis aussi désintéressés.

A l'heure qu'il est, le sultan et son entourage sont convaincus que nous méditons la perte de son empire, et ce serait peine perdue que de vouloir leur enlever cette idée. Aussi, d'après les conseils des ambassadeurs d'Angleterre et de France, s'est-on mis, avec une espèce de rage et sans épargner aucune dépense, à compléter les fortifications de Tchataldja et de Boulaïr.

Un ingénieur français, Mr. Dresset, a été envoyé ici de Paris, sur les instances de Mr. Fournier. Il a visité la ligne de Tchataldja, et, l'ayant trouvé dans un état déplorable, a fait son rapport personnellement au sultan. Aussitôt l'ordre a été donné de remettre tous les forts en état de les armer et de les réunir par un chemin de fer, afin d'en faire une ceinture qui protège la capitale et le Bosphore, à l'instar des fortifications de Paris. Les travaux ont été confiés à Mr. Dresset sous la surveillance de Baker pacha (Anglais), et se poursuivent avec énergie. Baker pacha en rend compte toutes les semaines directement au sultan.

Les mêmes dispositions ont été prises à l'égard de Boulaïr et de la presqu'île de Gallipoli.

Pour l'armement des forts, on utilise une partie du matériel de guerre des forteresses évacuées par les Turcs (Schoumla, Varna, Batoum); mais, en outre, on fait également venir de nouveau canons Crupp, par l'entremise du gouvernement anglais qui s'est chargé des paiements.

On me dit que quelques officiers anglais viennent d'arriver ici pour entrer dans l'armée turque.

La flotte anglaise qui mouille à Artaki vient d'être renforcé d'un nouveau bâtiment cuirassé, «Thunderer», et l'on en attend encore d'autres.

Un emprunt d'une vingtaine de millions de livres sterling est sur le point d'être conclu à Londres. La négociation se poursuit directement au palais entre le sultan et Mr. Layard. Le gouvernement anglais se fait fort de faire réussir

цette opération, et c'est ici que s'accroissent ses projets sur l'Egypte et la Syrie. Le tribut de l'Egypte et les revenus de la Syrie et de Chypre, doivent servir de garantie à l'emprunt; or, *comme cet emprunt n'est pas amortissable*, il s'en suit que les ressources de l'Egypte et de Syrie resteront à *perpétuité* entre les mains de l'Angleterre qui de plus acquiert par là un droit d'ingérence directe dans l'administration de ces pays. En Egypte, c'est déjà fait; quant à la Syrie, c'est uniquement à elle que seront appliquées les réformes que Mr. Layard a eu tant de peine à obtenir pour les provinces asiatiques de la Turquie, et c'est un partisan dévoué de l'Angleterre, Midhat pacha, qui vient d'être nommé au poste de gouverneur général de cette province.

Je dois ajouter un détail caractéristique. Bien que l'emprunt ne soit pas encore conclue, le gouvernement anglais fait déjà des avances considérables, partie en acquittant les commandes du ministère de la guerre turc à Londres, partie en expédiant ici des groupes en or. Un hasard singulier a mis entre mes mains la *preuve matérielle* de ce que j'avance.

S'il était nécessaire de tirer une conclusion des faits qui précèdent, on pourrait, sans se tromper, affirmer que l'Angleterre, prévoyant l'effondrement de la Turquie, cherche à s'assurer, dès à présent, de tous les points qui l'intéressent directement, et fait assez bon marché du reste.

Il est curieux que la position prise par l'Angleterre à l'égard de la Turquie dans ces derniers temps, a éveillé les craintes du schah de Perse, au point de l'engager à faire une démarche du sultan pour lui signaler les dangers qui le menacent. Je dois à la confiance de l'ambassadeur de Perse la connaissance du fait suivant. Le schah a dernièrement fait chercher l'ambassadeur de Turquie, Fahri-bey, et l'a prié de faire parvenir au sultan que, en sa qualité de musulman, il prenait un vif intérêt à tout ce qui concernait l'empire Ottoman. «Au fond nous sommes», dit-il, «avec le sultan des deux souverains de la vraie croyance, qui survivent à la destruction des Etats musulmans. En outre, comme Puissance limitrophe, la Perse a le devoir de s'intéresser spécialement à ce qui se passe dans les provinces asiatiques de la Turquie. C'est à ce titre que je déplore la politique adoptée par le sultan, vis-à-vis de l'Angleterre, qui n'a d'autre but que de faire des Etats de sa majesté une principauté vassale des Indes. Il est vrai que, moi aussi, je subis l'ascendant de mon puissant voisin l'empereur de Russie. Mais tout le monde conviendra que la Russie m'a fait un sort meilleur. Je reste un souverain indépendant, respecté, — personne ne se mêle de mes affaires intérieures. Je regrette que le sultan n'ait pas suivi mon exemple».

D'après Mohsin khan, Fahri bey s'est fidèlement acquitté de ce message.

Veillez agréer, monsieur le sénateur, l'assurance de ma haute considération

Lobanow

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, ч. 2, лл. 111—114 об. Подлинник.

Перевод
Цера

Господин сенатор!

Ваше высокопревосходительство видели из моей предыдущей депеши за № 139¹, что Порта пребывает в непонятном бездействии в административном отношении в связи с происходящими в Македонии событиями. Совершенно иначе обстоит дело с принимаемыми ею мерами в других местах империи; истинные же мотивы, побуждающие ее к действию, можно оценить, только вспомнив, какие местности Англия всегда считала близко затрагивающими британские интересы; это Босфор, Дарданеллы и Египет.

Далее я коснусь целей, преследуемых Англией в Египте, но в настоящий момент интересно знать, что делается в отношении Босфора и Дарданелл.

Для того чтобы побудить турок к укреплению проливов, английский посол внушил им, что мы угрожаем Константинополю, что мы ежедневно получаем войсковые подкрепления, что генерал Тотлебен укрепляет адрианопольские позиции, что наша армия с каждым днем неуклонно продвигается вперед и пр. Г-н Фурнье, являющийся всего лишь послушным и слепым орудием г-на Лайярда, попытался проявить личную инициативу, еще более

преувеличив идеи, заимствованные им у английского коллеги, и упрекая его в излишней умеренности. Оба они стремятся влиять не только на турецких министров, но также и на самого султана, чей боязливый ум слишком восприимчив к такого рода инсинуациям. Последние, кстати, сопровождались настойчивыми предложениями помощи людьми и деньгами, и трудно было бы не поверить в совершенную искренность столь бескорыстных друзей.

В настоящее время султан и его окружение убеждены в том, что мы замыслием погубить его империю, и было бы напрасным трудом попытаться их в этом разуверить. По советам английского и французского послов они принялись с яростью, и не останавливаясь ни перед какими расходами, завершать укрепления Чатаджи и Булаира.

По настояниям г-на Фурнье сюда из Парижа был направлен французский инженер г-н Дрессе. Он посетил линию Чатаджи и, найдя ее в плачевном состоянии, написал донесение лично султану. Тотчас же был отдан приказ привести все крепости в исправность, вооружить их и объединить железной дорогой, чтобы создать из них пояс, защищающий столицу и Босфор, по образцу парижских укреплений. Работы были доверены господину Дрессе под наблюдением Бейкера-паши (англичанина) и энергично продолжаются. Бейкер-паша еженедельно отчитывается о них перед султаном.

Подобные же меры были приняты в отношении Булаира и Галлипольского полуострова.

Для вооружения укреплений используется часть военного снаряжения эвакуированных турками крепостей (Шумлы, Варны, Батума), но, кроме того, прибывают также новые крупновские пушки при посредничестве английского правительства, взявшего на себя их оплату.

Мне сказали, что только что сюда прибыло несколько английских офицеров для вступления в турецкую армию.

Английский флот, стоящий в Артаки, недавно был усилен новым крейсером «Тандерер», и ожидают еще новые крейсера.

Заем в двадцать миллионов фунтов стерлингов скоро будет заключен в Лондоне. Переговоры между султаном и Лайярдом происходят прямо во дворце. Английское правительство ручается за успех этой операции, и именно здесь уточняются его планы, касающиеся Египта и Сирии. Дань с Египта и доходы с Сирии и Кипра должны послужить гарантией займа, но *поскольку заем непогашаемый*, из этого следует, что ресурсы Египта и Сирии останутся *навечно* в руках Англии, которая сверх того тем самым получит право прямого вмешательства в управление страной. В Египте это уже произошло, что же касается Сирии, то именно в ней будут осуществлены реформы, которых г-н Лайярд с таким трудом добился для азиатских провинций Турции, а на пост генерал-губернатора этой провинции недавно был назначен открытый сторонник Англии Мидхат-паша.

Я должен добавить характерную подробность. Несмотря на то, что заем еще не заключен, английское правительство дает уже значительные ссуды, частью оплачивая заказы турецкого военного министерства в Лондоне, частью посылая сюда золотые слитки. Странный случай дал в мои руки *вещественное доказательство* того, что я утверждаю.

Если сделать заключение из предшествующих фактов, можно было бы, не ошибаясь, утверждать, что Англия, предвидя крах Турции, стремится теперь же закрепить за собой все особо интересующие ее пункты и, кроме того, очень дешево приобрести все остальное.

Любопытно, что позиция, в последнее время занятая Англией по отношению к Турции, настолько вызвала опасения персидского шаха, что побудила его обратиться к султану, чтобы указать ему на грозящие ему опасности. Я обязан откровенности персидского посла знанием следующего факта. Шах недавно послал за турецким послом Фахри-беем и попросил его передать султану, что как мусульманин он горячо интересуется всем, что касается Османской империи. «По существу, — сказал он, — мы с султаном являемся государями истинной веры, пережившими разрушение мусульманских государств. Кроме того, как пограничная держава Персия должна особенно интересоваться тем, что происходит в азиатских провинциях Турции. Поэтому я по праву сожалею о политике, проводимой султаном в отношении Англии, которая не имеет иной цели, как превратить государство его величества в княжество, вассальное Индии. Правда, и я также нахожусь под влиянием моего могущественного соседа, российского императора. Но все согласятся, что Россия уготовила мне лучшую судьбу. Я остаюсь независимым и уважаемым государем, никто не вмешивается в мои внутренние дела. Я сожалею, что султан не последовал моему примеру».

По словам Мохсин-хана, Фахри-бей в точности передал это послание.
Соблаговолите принять, господин сенатор, уверение в моем глубоком почтении

Лобанов

1. В донесении от 12 ноября 1878 г. А. Б. Лобанов-Ростовский сообщал о положении в Македонии на основании сведений, полученных от М. К. Ульянова. Речь шла о сосредоточении в окрестностях Мелника турецких войск на случай восстания населения (см. АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, ч. 2, лл. 87—89 об.).

№ 200

*1878 г. ноября 15. — Предписание систовского окружного начальника Систовскому городскому совету предоставить сведения о возможности размещения переселенцев из Македонии и о количестве зерна, собранного с полей, оставленных турками **

№ 3631

Систов

Вследствие телеграммы его превосходительства рущукского губернатора предлагаю совету немедленно донести мне:

- 1) сколько семейств болгар-переселенцев из Македонии возможно поселить в г. Систове ¹;
- 2) сколько предполагается собрать зерна, собранного болгарами в пользу казны, с полей, оставленных магометанским населением;
- 3) сколько и какого имеется турецкого зерна, оставшегося от прошлого года, по настоящее время еще не проданным ².

Начальник округа
полковник **

ОДА—Велико Търново, ф. 661 К, д. 162, л. 107. Подлинник.

1. О массе беженцев, направлявшихся из Македонии в княжество Болгарию в результате турецких репрессий во время подавления Кресненского восстания, о размещении их в ряде деревень Кюстендильского, Джумайского и Душницкого округов, о необходимости оказания им немедленной помощи говорится также в рапорте А. М. Дондукова-Корсакова Э. И. Тотлебену от 3 декабря 1878 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7483, лл. 26—27 об.).

2. Ответное донесение Систовского городского совета от 17 ноября 1878 г. за № 839 указывало, что в городе можно разместить 100—150 семей переселенцев, но что количество собранного с турецких полей зерна очень незначительно, а непроданного турецкого зерна с прошлого года нет совсем (ОДА—Велико Търново, ф. 661 К, д. 162, л. 108).

№ 201

*1878 г. не ранее ноября 16 ***. — Записка Министерства иностранных дел, составленная по донесениям А. Н. Церетелева, об отношении населения Восточной Румелии к деятельности Европейской комиссии и об организации восточнорумелийской милиции*

Население Восточной Румелии все еще не может примириться с положением, созданным для этой провинции Берлинским договором. Европейская комиссия, заседающая в Филиппополе с 21 октября текущего года, не внушает болгарам никакого доверия, так как за исполнение ее решений турецким правительством поручиться нельзя. Первая мера комиссии — передача финансового управления провинции ее уполномоченному г. Шмиту **** — вызвала демонстрацию со стороны филиппопольских жителей. 30 октября они одновременно закрыли магазины и заявили генерал-губернатору генерал-лейтенанту Столышину, что не будут подчиняться требованиям новой финансовой администрации, составленной из людей, им неизвестных. После

* См. док. 216.

** Подпись неразборчива.

*** Записка составлена по донесениям А. Н. Церетелева от 1, 9 и 16 ноября 1878 г.

**** См. док. 160 и прим. 3 нему, док. 213 и примечания к нему.

долгих уговоров и увещаний генерал-губернатору удалось, однако, их успокоить; в тот же день торговля возобновилась.

Этот случай, по-видимому, убедил иностранных делегатов комиссии, что русские власти в крае, занятом нашими войсками, действуют вполне беспристрастно и без всяких затаенных мыслей и что поэтому нет основания приписывать брожение умов в Восточной Румелии «русским интригам». Тем не менее они не желают признать настоящей причины недовольства болгар, а именно опасения возвратиться к прежним турецким порядкам, а ищут объяснения этого явления в социалистической и революционной пропаганде, распространенной будто бы между болгарами. Предположение это совершенно ошибочно; революционных стремлений у болгар никогда не замечалось, а было и есть видимое желание национального объединения в пределах, намеченных С.-Стефанским договором.

Стараниями русских властей организация Земского болгарского войска (милиции) подвигается весьма успешно. На смотре, происходившем в Филиппополе 8 сего октября в присутствии генерал-адъютанта Тотлебена, болгарские дружины обратили на себя всеобщее внимание своей выправкой и молодецким видом. Военная школа, учрежденная около двух месяцев тому назад в Филиппополе, переполнена учениками, занимающимися с большим усердием и успехом. Школа эта находится в заведывании гвардии капитана Флейшера и имеет быть вскоре переведена в Софию.

По мнению князя Церетелева, не лишним было бы ввести обучение воинским приемам и в гражданские школы, а также способствовать образованию в Болгарии обществ для стрельбы, подобных германским и швейцарским (Turnfereine).

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 992, лл. 257—259. Копия.

№ 202

*1878 г. ноября 16. — Обращение жителей г. Панагюриште к правительству России и русскому народу с благодарностью за освобождение Болгарии*¹

Панагюрище

Долуподписаните жители на градеца *Панагюрище*, както и всичкий многострадалний българский народ, не можем да изразим с думи признателните чувства на сърдцата си към великия наш благодетел и освободител императора Александра II и към всичкия великодушен русский народ, който предприе една тежка война, в която проля кръвта на много свои храбри синове и направи огромни жертви, за да ни извлече от тежкото и несносното мюсюлманско иго. Когато стеняхме под това иго, когато нашите тирани извършиха в голем размер свирепствата си над нашия злощастен народ, които свирепства са правили в продължение на пет века, всичките европейски народи гледат с хладнокръвие нашите неизказани мъки и страдания, а само великодушний нам единоплеменен и едноверен русский народ са смили за нас и не пожали нищо за освобождението ни. От това ний сме напълно уверени, че никой не ни съжелява и никой не желае доброто ни, освен нашите братя русите, които не се спряха с огромните жертви, които направиха за освобождението на народа ни, но не престават да ни благодетелствуват, като иждивяват огромни количества за поддържане и възпитание на много наши бедни деца, които като свършат учението си и са върнат в отечеството ни ще помогнат много за по-скорошното развитие и просвещение на народа ни.

Каго считаме за свята длъжност да изразим благодарността и признателността си за тези големи благодеяния, които ни прават нашите благодетели, които ний лично не познаваме, молим ваше високопреподобие да принесете настоящето ни гдето трябва благодарително, за които ний денонощно приносиме топли молитви пред мъздовъздателя бога нашего да въздаде вся-

кому небесно вознаграждение тысячнократно, на този свят и будущий душевно спасение.

Жителите на градеца Панагюрище *.

НБКМ—БИА, ф. 94, II. В. 799. Подлинник. Печати: Печат на панагюрската църква м. бо. 1818; Старешинский съвет г. Панагюрище. Пазарджикското окръжие.

1. Письмо, вероятно, было послано М. С. Дринову, который должен был представить его соответствующим властям. По каким причинам это не было сделано, неизвестно.

№ 203

1878 г. ноября 17. — Рапорт А. М. Дондукова-Корсакова Э. И. Готлебену о ходе Кресненского восстания и об укреплении демаркационной линии

№ 2542

София

Представляю вашему высокопревосходительству сжатый очерк положения дел на наших границах.

8 октября македонские инсургенты заняли с. Грнчар, а 9-го — Брезницу, покинутые турками. Того же 9 октября инсургенты имели стычку с отрядом турецких регулярных войск из 200 человек близ дер. Моравска, причем они принудили последних отступить и заняли как дер. Моравска, так и близлежащие села Сливницу, Будильницу и Каменицу.

Следуя далее во внутрь Македонии, инсургенты заняли до 26 сел (Любница, Крепицево, Добрий Лак и др.), жители которых, воодушевленные успехом, также вооружились и пристали к инсургентам, занявшим линию между Новым Селом и Перин-Паланкой, по направлению в с. Грнчар.

26 октября инсургенты произвели наступление на дер. Градашину под предводительством Попа Костандина, но наткнулись на турецкий отряд при трех горных орудиях и принуждены были отступить; по-видимому, инсургенты совершенно разбежались, так как более 100 человек пришло в наши пограничные деревни, где они продали свое оружие и, пропив деньги, неизвестно куда скрылись.

Из Македонии доходят слухи, что 23 октября турки сожгли с. Орман, жители которого бежали, а в первых числах текущего месяца один табор низама с башибузуками и черкесами напал на с. Черешницу (в 2,5 часах от Мельника) и вырезал всех жителей, за исключением 5—6 человек, успевших бежать; селение сожжено.

Это последнее известие подтверждено английским генеральным консулом г. Жиффар Пальгрев.

4 ноября на рассвете партия турок численностью в 200—300 человек низама и башибузуков перешла нашу границу в Пианицкой околии и после легкой перестрелки с болгарской стражей из дер. Церверицы** (причем убит болгарин Д. Петрев) вторглась в это селение. Часть жителей в ужасе бежала, другая же отстреливалась из-за заборов. Захватив с собою весь скот, который нашли, турки удалились.

Начальник передового отряда, о сформировании которого донесено 30 октября за № 2362, генерал-майор Головин, узнав о вышеизложенном, немедленно отправил разъезд от Донского казачьего № 9 полка при офицере. Когда 8 ноября разъезд стал подходить к демаркационной линии, он был встречен со стороны турецких пикетов ружейными выстрелами, сначала одиночными, а потом залпами; ни те, ни другие не сделали никакого вреда. Разъезд ночевал в с. Церверице.

* Следует 106 подписей.

** С. Цервериди находится возле конечного пути из г. Кюстендила в с. Царево Село (рядом с горою св. Ильи) в расстоянии 30—35 верст от Кюстендила, в черте нашей демаркационной линии (примечание документа).

13 ноября житель с. Баньско (Разлогского округа в Македонии) Иван Тодоров, временно проживающий в Самокове, представил софийскому губернатору письмо, в котором он, Тодоров, уведомляется, что с. Баньско верстах в 10-ти от нашей границы окружено отрядом из 300 человек низама и 1000 человек башибузуков. Жители молят о помощи, гибель села тем более вероятна, что в нем скрылось до 200 инсургентов. Гибель угрожает не только упомянутому селу, но и всему Разлогскому округу, имеющему до 11 сел, так как число черкесов и башибузуков возрастает с каждым днем. Нарочный, доставивший письмо Тодорову, рассказывал, что около 8 ноября пастухи с. Якуруты слышали в горах южнее Разлога орудийные выстрелы.

Затем, по слухам из других источников, турками выжжено в Северной Македонии 12 сел, а именно Вранче, Влахи, Ощавы, Палат, Любница, Крестищи, Игралитце, Цепарево, Велиош, Саделац, Мохале и Рейково¹.

Для лучшего освещения границ в состав передового отряда назначены четыре сотни Донского казачьего № 9 полка, две из которых находятся в г. Кюстендиле и две — в г. Джумае. Ввиду возможности беспорядков близ г. Джумаи двумя ротами Воронежского полка приказано занять дер. Невестино (между Джумаей и Кюстендилем), где переправа через р. Струму; один батальон Тамбовского полка двинут на г. Дубницу и дер. Бабашево для поддержки батальона, расположенного в г. Джумае, куда направлена Донская казачья № 2 батарея.

Турецкую деревню Осеново (в наших пределах, в 20 верстах западнее г. Джумаи) предписано занять ротой, так как дошло до моего сведения, что македонские инсургенты намерены выжечь ее в наказание жителям, призвавшим будто бы башибузуков. С другой стороны, рота поставлена также с целью прекратить возможность сношений жителей этой деревни с турецкими войсками и башибузуками.

По собранным в передовом отряде сведениям, мне известно, что турецкие войска расположены в следующих пунктах: к западу от Кюстендила в г. Егри-Паланке в [числе] 4 тыс. пехоты, 2-х горных орудий и 50 человек кавалерии, передовая часть от этих войск в числе 300 человек занимает позицию на границе по шоссе из Кюстендила в Егри-Паланку в 20 верстах от Кюстендила.

К юго-западу от Кюстендила в селах Габрово и Царево Село до 2 тыс. человек всех родов оружия, передовая часть от них в 300 человек при одном орудии занимает позицию на границе близ с. Церверицы, в 8 часов расстояния от Кюстендила.

К югу от Джумаи, в 8 часах расстояния от с. Крупилка, в г. Мельник находится до 8 тыс., которые, по донесениям от 10 ноября, двигаются к границе двумя колоннами по шоссе на Березницу, а другая — на с. Шустницу; с. Березница и ближайшие к нему замирены турками.

Сведения из передового отряда получаются ежедневно. Я буду представлять вашему высокопревосходительству сводку из них еженедельно, исключая случаи особой важности, которые будут представляться немедленно по получении.

Подлинный подписал императорский российский комиссар генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2491, лл. 241—242. Заверенная копия.

1. Турецкие войска, с конца октября 1878 г. перешедшие в наступление, к середине ноября в основном подавили сопротивление повстанцев на левом берегу Струмы в районе Кресна—Разлог—Банско. Однако восставшие продолжали сохранять свои позиции в Каршияке по правобережью Струмы (см. 42, стр. 88—89). Интересные дополнительные данные о Кресненском восстании, о численности повстанцев, о сочувственном отношении всей Македонии к названному движению, об ожидании освобождения от турецкой власти и тому подобные факты содержатся в донесении управляющего российским генеральным консульством в Салониках М. К. Ульянова от 28 октября 1878 г. (см. АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, ч. 2, лл. 75—77).

1878 г. ноеврия 22. — Протокол заседания Търновского благотворительного комитета «Единство» об отправке собранных средств в Софийский благотворительный комитет и о составлении обращения к населению с призывом помочь Кресненскому восстанию

№ 34

Търново

Днес, 22 ноевври 1878 год., са отвори заседанието на Търновския благотворителен комитет «Единство» под председателството на доктора Стата Антонова, в присъствието на следующите членове: Д. П. Иванов, К. А. Паница, Н. Лазаров, Ст. Стамболов, Хр. Иванов, А. М. Ташикманов, Н. Икономов, Е. Мартинов, Мих. Мянков, П. п. Димов, Н. Д. Станчев, Ив. Фичев, М. Ив. Заяков и Сава Д. Ничов.

В начало са зададе въпрос: може ли да се проведат в София 5-тиях хиляди фр., които са вече готови, според казванието на касиерина Н. Икономова, като са е решило в заседанието от 19-й того да са испроводят само 2000 фр.? Събранието, като зе предвид безполезността от задържанието на допълнителната до 5 хиляди фр. сума, внов събрана, единогласно реши да са испроводят и 5-тиях хиляди фр. с губернкския представител в Централния комитет¹, г-на Стамболова, за което са и издаде потребната заповед на г-на касиерина.

Изяви са, че женското дружество² благоволило да поднесе своята помощ на комитета от . . . * франка, за което и същевременно са реши да са получат и да са даде насрешу тях надлежащата квитанция.

В това време са представи в комитета някои си Петър Иванов (габровец), който изяви желание да отиде в Македония заедно с други двама свои другари, на които имената сам не знаеше. Комитетът, като зе във внимание малочислеността им, а и за по-голямо уведомление в истинността на желанието им, отложи испровожданието им до в неделя — 26 того. После това комитетът реши да са испроводи един циркуляр³ на онези села, които земат участие в подпомаганието му, в който циркуляр да им изрази явна благодарност за старанията им да принесат и те своята помощ и да са насърчат за напред към по-усърдно деяние. След туй г-н Икономов, касиерина на комитета, предаде един вече свършен шнуриран кочан от 200 квитанции, който са и даде г-ну Иванову на охранение в архивите.

Юрдан Юрданов, организаторът на селските комитети, понеже щеше пак да заминава по селата, реши са да му са отпуснат 120 фр. — определената му месечна плата за настоящия месец. След това заседанието са затвори.

Председател на Търновския благотворителен комитет
«Единство» Ст. Антонов
Секретар А. М. Ташикманов

НБКМ—БИА, ф. 298, п. 1. Подлинник.

1. В действительности избранный Центральный комитет не существовал. Фактически в то время Софийский комитет исполнял роль ЦК. Позднее, в декабре 1878 г., и в дальнейшем Нафанаил Охридский совместно с представителями Търновского и Русучкского губернкских комитетов Ст. Стамболовым и Н. Обрегеновым действовали в качестве ЦК (см. 42, стр. 95—97).

2. Женское общество «Милосердие» в Търнове.

3. В архивах комитета этот циркуляр не сохранился.

* Пропуск в тексте.

1878 г. ноември 24. — Обращение населения района Малешевско к генералному английскому консулу в Салониках с протестом против решений Берлинского конгресса

Ваше високопревосходителство!

Слухът за пристигването в Джумая на ваше високопревосходителство, даде добри надежди и на нас македонците, жители в окръжието Малешово, които постоянно и най-зло страдат до ден денешний. На тия страдания причините и турското тиранство са известни на просветената и човеколюбива Европа, а най-повече на благодетелката Англия посредством телеграмите наши в 1874 год. до нейния посланик в Цариград.

Постоянните убийства, затваряния, неправедни оглобвания, тъпкване на религиозната ни совест, обезчестяване жените, щерките и сестрите ни, беше като обичай в удоволствие на турчинът! Ний не можехме никому да поверим тая тайна и совестна болка, освен на английският консул в Солун; неговите човеколюбиви совети бяха последната надежда и дързост с безбройни прошения и протести да пълним хукюматите, но удовлетворението наше всякога беше отмъщение като на не благодарни гяури и най-сетне в 1876 год. 8 майя принудихме се с оръжие в ръка да протестираме пред целия свят, дано обърнем вниманието на турското правителство да попътва, кое зло е нас отчаяло да принесем на европейският олтар в жертва и последната си капка кръв!!!. . . Това наше протесто не обърна вниманието на турското правителство да ни удовлетвори, но испрати 12 хиляди души регулярна войска и повече башибозуци да извършват и това, което не позволява човеческата совест да го изрече относително и за мъжеският пол! Кланята бяха обични. Останалите тогава неизколени, преди един месец, в новото сегашно востание, нападнаха турските войски и башибозуци и избиха от беззащитните жители 58—петдесет и осеммина мъжие, жени и деца (имената на които се включват в особна списка) и около 500 — пет стотин фамилии можеха само с живота си да прибегнат в Джумайското и Кюстендилско окръжие — там да страдаят пред вратите на собратията си.

Ваше високопревосходителство! Нашата македонска кръв, с която сме решени по неволя да кръвавим тая от преди две хиляди години немилостиво осъдена и презрена Македония, при сегашните европейски господствующи народи щели да даде край да се вече не отмъщява на великата и някогашна слава!!!. . . Азиятските народи може по техни стари предания да искат заличването в света името Македония! А просветена Европа има ли причини, и още ли не е родила спасител да ни избави от праотеческият ни грях? О, Исусе, спасителю християнски! Не можеме вече да проклиняме себе си, но ти, всемогъщият боже, накажи тая европейска държава, която иска още да ни държи в пъкълът на турчинът-антихрист, дано я не мимо иде нашата участ.

В нашите чувства сякога е хранена надежда и доверие към английското правителство, с [ъс] същата симпатия и сега се препоръчваме и най-покорно просим ваше високопревосходителство, имайте ни пред християнската совест на човеколюбивия английски народ.

От малешевските востаници на ваше високопревосходителство
покорни роби.

Помета: Подписват се 15-мината главатарите в Малешово и е приключен списък от избениите 58-мина беззащитни мъжие, жени и деца.

ЦГВИА, ф. 430, д. 90, лл. 188—189. Заверенная копия.

1878 г. ноября 28. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова А. Б. Лобанову-Ростовскому о принятых мерах для обсуждения проекта Органического устава Болгарии представителями населения¹

№ 4256

София

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Вашему сиятельству угодно было при письме от 20 ноября препроводить ко мне копию и донесение нашего генерального консула в Филиппополе от 9 (21) ноября*.

К сожалению, и на сей раз мне приходится убедиться, что князь Церетелев в своих так называемых донесениях упускает из виду необходимые условия каждого сколько-нибудь серьезного заявления, долженствующего иметь официальный характер. Как в прежнем моем донесении, отправленном им к г. Гирсу, так и в настоящем князь Церетелев не дал себе труда хотя бы поверхностно ознакомиться с истинным положением тех вопросов, о которых он решается подавать свое мнение и указывать наилучший способ их разрешения.

Вам, князь, весьма хорошо известно, что еще 24 минувшего июля была высочайше одобрена инструкция, на основании коей мне поручалось, для выиграния времени, предварительную выработку Органического устава для Болгарского княжества возложить на кого-либо из состоящих при мне лиц, без участия болгарских представителей**.

Несмотря, однако, на столь категорически указанный мне способ действий в этом важном деле, я тем не менее для устранения предвиденных мною сетований со стороны местного населения признал полезным разослать еще в сентябре месяце более чем 40 почетным и просвещенным болгарам приглашение высказать их мнения о главнейших началах, на коих желательно было бы основать проектируемый Устав для Болгарского княжества, и о наилучшей форме государственного его устройства. Затем в бытность мою в Ливадии я испросил разрешение пригласить для обсуждения и утверждения устава, кроме духовенства и высших гражданских должностных лиц, еще известное число выборных от всех губерний и округов Северной Болгарии. Полагаю, что эта мера придаст весьма веское значение утверждению устава Народным собранием и совершенно устранил повод к тем обвинениям и нареканиям, коих так, по-видимому, опасается князь Церетелев.

Благоразумные и просвещенные туземцы, число коих, к сожалению, весьма еще незначительно в Болгарии, прекрасно понимают истинные побуждения и образ действий здешних властей; и они, конечно, сумеют и не стеснятся при окончательном обсуждении в Тернове Органического устава высказать свободно свое мнение против всего, что могло бы противоречить пользам и нуждам их родины.

Такого рода возражения и замечания с их стороны представляются тем более удобными, что подробное обсуждение Органического устава, как это везде принято, будет происходить по частям в отдельных комиссиях и подкомиссиях, председателями коих, конечно, будут избраны люди вполне честные и компетентные. Если бы князь Церетелев в проезд мой через Филиппополь нашел нужным переговорить со мной по возбуждаемому им ныне вопросу, то, конечно, ему бы не представилась надобность подавать свои советы в том, что уже было сделано. Что же касается до заявления князя Церетелева г-ну главнокомандующему, то оно, по моему мнению, по меньшей мере, опрометчиво, если, конечно, при этом не имелась в виду какая-либо другая побочная цель.

Сколько могу судить, донесение князя Церетелева от 9 (21) ноября не что иное, как отголосок нескольких румелийских болгар, пользующихся нашим

* ЦГВИА, ф. 430, д. 63, лл. 1-а—1-а об., 5.

** См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 3. СПб., 1904, стр. 288—297.

генеральным консулом в Филиппополе для осуществления своих личных интересов *.

Прошу вас, князь, принять уверение в совершенном моем уважении и истинной преданности

Князь Дондуков-Корсаков

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2491, лл. 244—247. Подлинник.

1. А. Н. Церетелев, будучи плохо осведомлен о ходе выработки проекта Тырновской конституции, в письме А. Б. Лобанову-Ростовскому выразил пожелание о предварительном обсуждении проекта среди «наиболее образованных и способных болгар» (см. ЦГВИА, ф. 430, д. 63, л. 1-а—1-а об., 5). Еще в октябре 1878 г. А. М. Дондуков-Корсаков выяснил мнения представителей болгарского общества путем специального к ним обращения (см. его циркулярное письмо к болгарскому духовенству и другим лицам от 8 октября 1878 г. — 80, вып. 6, стр. 133—134, 136—170, 198—221).

№ 207

*1878 г. ноября 28 (декабря 10) **.* — *Обращение представителей населения Восточной Румелии к Европейской комиссии с протестом против решений Берлинского трактата о введении турецкой администрации и гарнизонов в области*

Philippopolis

Excellence!

Nous avons eu l'honneur de recevoir la réponse que l'honorable Commission européenne a bien voulu faire au mémoire que nous lui avons présenté¹ de la part de la population bulgare *** et nous avons remarqué avec reconnaissance les sentiments de bienveillance qui y sont exprimés à l'égard des populations de la Bulgarie méridionale.

Fidèles au mandat qui nous a été confié par la population bulgare, nous nous sommes empressés de communiquer immédiatement la réponse de l'honorable commission à nos mandats et nous sommes obligés de constater que cette réponse n'a pas eu pour effet d'apaiser les esprits et de faire renaître la confiance dans l'avenir qui animait la population bulgare avant la réunion du congrès de Berlin.

Les Bulgares remarquèrent avec regret dans cette réponse que les honorables membres de la Commission européenne se bercent de l'espoir que le personnel qui sera chargé de mettre en vigueur le Règlement organique, sera animé des mêmes sentiments de progrès et de civilisation que ceux qui ont présidé à l'élaboration de ce Règlement.

La commission énumère dans onze articles les réformes qu'elle s'est engagée vis-à-vis d'elle-même d'introduire dans notre patrie. Ce n'est pas la première fois que les chrétiens de l'Orient entendent une telle énumération de promesses. L'année 1839 est restée célèbre dans les annales de leurs illusions², et l'année 1856 a suffisamment contribué à l'accroissement du nombre de leurs déceptions³.

Malgré les promesses les plus solennelles, «l'état de choses, dont l'expérience, d'après votre juste remarque, a démontré les inconvénients et les dangers» n'a cessé un seul instant de subsister; il est allé même en s'aggravant de jour en jour d'avantage, jusqu'au commencement de l'année présente.

Ces faits indubitables prouvent jusqu'à l'évidence que l'élaboration d'un règlement n'est pas tout, et que l'essentiel, c'est le personnel qui met le règlement en pratique.

* *На полях помета:* Имеет в виду Герова (быв[ший] консул) и доктора Чумакова.

** *Датируется по кн. Ив. Ев. Гешев. Спомени из години на борби и победи. София, 1916, стр. 101.*

*** *См. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3289, лл. 57—60.*

Or, le personnel auquel vous confierez l'exécution de votre œuvre sera malheureusement, selon les bases posées par le traité de Berlin, à peu près le même que celui qui devait mettre en vigueur les nombreux hatts des sultans. Ce personnel sera nommé par le sultan, il sera sous la dépendance de la Porte, qui tiendra entre ses mains le sort et l'avancement de chacun des fonctionnaires. Quelle garantie peut alors avoir la population de la Bulgarie méridionale que les sentiments qui animeront le gouvernement turc seront à l'avenir autres que ceux qui l'animaient après les dates mémorables de 1839, de 1856 et encore au temps de la conférence de Constantinople?

Ces sentiments, si l'Europe ne les connaît pas, il lui suffit, pour les apprendre, d'envoyer ses représentants parcourir précisément la province que l'on a baptisé du nom de Roumélie Orientale; ces sentiments y ont laissé des traces terribles, qu'un siècle entier d'ordre et de paix pourra à peine effacer.

Ajoutez au danger créé par ces tendances, qui n'ont fait que s'accroître depuis la dernière guerre, la circonstance aggravante des garnisons turques qui entoureront notre province d'un cercle de baïonnettes, et vous aurez un état de choses très grave, très menaçant pour la sécurité des habitants de la Bulgarie méridionale, et que les populations ne peuvent considérer sans de graves appréhensions.

Le fait que ces garnisons ne seront formées que de troupes régulières n'atténue aucunement le danger réel que nous aurons à craindre. Il est notoire que ni Souleïman, ni Chekhet, ni Adil, ni Hafiz pachas n'étaient des bachibouzouks, et pourtant n'est-ce pas eux qui ont transformé cette belle province de la Thrace en un tas de ruines et de cendres?

En Europe où l'Orient est fort peu connu, on semble croire que les bachibouzouks sont quelque tribu particulière, à l'instar des Circassiens et des Kurdes, que la Porte lance sur les populations chrétiennes toutes les fois qu'elle veut terroriser quelque partie de son territoire. Il n'en est cependant rien. Les bachibouzouks sont la population turque elle-même, celle qui aujourd'hui, en costume civil, commet toutes les horreurs inimaginables, demain, accoutrée d'un uniforme, prend le nom d'armée régulière pour le quitter et reprendre la domination de bachibouzouk aussitôt que le régiment sera dissout. Par conséquent, les bachibouzouks sont en fait au milieu de nous; il n'est pas nécessaire de les faire venir du dehors, et pour qu'il fût possible de les empêcher à recommencer les horreurs qu'ils ont commises durant les deux dernières années, il faut que le gouvernement de la province ne fût pas nommé par le sultan, qu'il ne dépendît pas des bonnes grâces de la Porte.

Vous n'ignorez pas, excellence, que les plénipotentiaires des grandes Puissances dans le congrès de Berlin n'ont pas voulu engager la responsabilité de leurs gouvernements respectifs pour la stricte exécution du traité de Berlin, et qu'ils ont laissé chaque parti intéressé se tirer d'affaire comme il pourra. Cette résolution du congrès met notre faible province à la discrétion de l'empire Ottoman, elle nous abandonne, nous aussi, à nous débattre sous l'étreinte de la Porte. Personne ne nous garantit que ce que vous aurez élaboré sera réellement mis en vigueur dans son esprit comme dans sa lettre. Nous n'avons pas le moindre doute que le gouvernement turc emploiera tous les moyens possibles à faire avorter le règlement que vous aurez fait s'il n'est pas dirigé contre les populations chrétiennes, s'il donne à ces populations des droits; et privilèges, si petits qu'ils soient.

N'ayant pas la prétention d'être initiés à «la politique générale de l'Europe», nous ne contesterons pas votre remarque que les Bulgares se sont fait «une idée fautive» de cette politique; mais il n'est pas de même de «la portée du traité de Berlin». Nous ne pouvons pas admettre que ce traité puisse avoir une portée bien grande, parce qu'il est incontestable que tout ce qui est injuste, que tout ce qui est basé sur des fondements condamnés par la raison et en violation des droits les plus sacrés, ne peut pas durer longtemps. Et en effet, ce traité confisque la liberté d'une province, dont les souffrances ont amené la réunion de la conférence de Constantinople, et dont l'indépendance a été reconnue par le sultan, et la remet sous l'autorité directe d'un pouvoir universellement con-

damné en l'exposant à subir de nouveau les mêmes cruautés que celles qui ont excité l'horreur du monde entier l'année passée. Sous ce rapport il suffit d'ouvrir les organes de la publicité en Europe pour se convaincre, que tous les gens de cœur partagent pleinement nos sentiments à cet égard.

Votre menace de la colère de l'Europe contre «les peuples qui ne veulent pas se soumettre aux décisions prises par les grandes Puissances» nous a profondément étonnés. Les peuples européens sont trop humains et trop civilisés pour permettre que l'on écrasât une nation, dont on ne peut pas contester le droit de vivre sous le soleil au même titre que tous les autres peuples de la terre et de ne pas vouloir, après s'être vue délivrée, courber la tête sous un joug abrutissant et dégradant. Mais nous fussions-nous trompés dans nos appréciations, l'Europe est impuissante à nous faire plus de mal que celui qui nous est réservé par le traité de Berlin.

Vous ajoutez en outre, que vous ne voulez pas rechercher les données sur lesquelles a germé l'idée que le peuple bulgare s'est faite du traité de Berlin. Cette résolution est regrettable, et nous désirons ardemment que vous vous éclairiez bien sur ce point: l'histoire et l'aspect des ruines qui couvrent notre patrie, les maladies et la misère qui règnent partout, vous apprendront que nous n'avons pas besoin de suggestions étrangères, comme vous semblez le croire, pour savoir mieux que personne ce que nous devons penser du régime turc et ce que nous devons attendre de l'autorité directe de sultan.

Les raisons que nous venons d'exposer à l'honorable commission nous obligent à revenir de nouveau sur le mémoire que nous avons eu l'honneur de remettre à messieurs les membres de cette commission, et dans lequel les vœux et les aspirations légitimes de la population étaient exposés et expliqués. En terminant, nous prenons la liberté de prier instamment, messieurs les commissaires, de vouloir bien informer les cabinets de grandes Puissances que les malheurs de la population bulgare ont été trop grands, que ses souffrances ont été trop aigües et que ses appréhensions sont trop fondées pour qu'elle puisse de nouveau se soumettre à l'autorité directe du gouvernement turc.

Nous avons l'honneur d'être de votre excellence
les très humbles et très obéissants serviteurs.

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 992, лл. 338—339. Типографский экземпляр.

*Перевод
Филиппополь*

Ваше высокопревосходительство!

Мы имели честь получить ответ уважаемой Европейской комиссии на мемуар, представленный ей нами от имени болгарского населения¹, и с благодарностью отметили выраженные в нем благожелательные чувства к населению Южной Болгарии.

В соответствии с мандатом, врученным нам болгарским населением, мы поспешили немедленно сообщить нашим доверителям ответ почтенной комиссии и вынуждены констатировать, что этот ответ не привел к успокоению умов и возрождению той веры в будущее, которая воодушевляла болгарский народ перед созывом Берлинского конгресса.

Болгары с сожалением увидели из этого ответа, что уважаемые члены Европейской комиссии тешат себя надеждой, что лица, коим будет поручено ввести в силу Органический устав, будут руководствоваться теми же стремлениями к прогрессу и цивилизации, как и те, кто возглавлял выработку этого устава.

Комиссия в одиннадцати статьях перечисляет реформы, которые она обязалась провести на нашей родине. Не впервые христиане Востока слышат столько обещаний. 1839 год остался памятным их иллюзиями², а 1856 год в достаточной мере способствовал усилению их разочарований³.

Несмотря на самые торжественные обещания, «положение вещей», которое, как вы справедливо заметили, «обнаружило на опыте много трудностей и опасностей», ни на минуту не переставало существовать; оно даже день ото дня все более ухудшалось до начала нынешнего года.

Эти несомненные факты доказывают со всей очевидностью, что выработка устава еще не все, и что главное это люди, проводящие устав в жизнь.

Но тот состав чиновников, которому вы доверите выполнение задуманного вами дела будет, к несчастью, согласно основам, заложенным Берлинским трактатом, почти тем же самым, как и тот, который должен был ввести в действие многочисленные султанские хатты. Этот состав будет назначен султаном, он будет зависим от Порты, которая будет распоряжаться судьбой и дальнейшей карьерой каждого чиновника. Какую гарантию может иметь население Южной Болгарии в том, что чувства турецкого правительства в будущем станут иными, чем чувства, проявленные им после памятных дней 1839 г., 1856 г., а также во время Константинопольской конференции?

Если Европа не знает об этих чувствах, то чтобы их понять, достаточно отправить представителей именно в ту провинцию, которую окрестили Восточной Румелией; эти чувства оставили там ужасные следы, которые целое столетие порядка и мира едва ли смогут стереть.

Прибавьте к опасности, создаваемой этими тенденциями, лишь усилившимися со времени последней войны, такое отягчающее вину обстоятельство, как турецкие гарнизоны, окружающие нашу провинцию штыками, и выявится весьма серьезное положение вещей, угрожающее безопасности жителей Южной Болгарии, на что население не может смотреть без ужасных предчувствий.

Тот факт, что эти гарнизоны будут сформированы только из регулярных войск, насколько не уменьшит реальной опасности. Всем известно, что ни Сулейман, ни Шевкет, ни Адил, ни Хафиз паша не были башибузуками, и тем не менее разве не они превратили эту прекрасную провинцию Фракии в груду развалин и пепла?

В Европе, где мало знают о Востоке, по-видимому, думают, что башибузуки это некое особое племя, вроде черкесов или курдов, которое Порта натравливает на христианские народы всякий раз, когда она хочет терроризировать какую-нибудь местность. На самом же деле ничего подобного. Башибузуки — это само турецкое население, то, которое сегодня в гражданской одежде совершает все невообразимые злодеяния; завтра, наряженное в мундиры, оно получает название регулярной армии, чтобы его отбросить и снова принять название «башибузуки» сразу же, как только полк будет распущен. Следовательно, башибузуки на самом деле находятся среди нас; нет необходимости призывать их извне; чтобы можно было помешать им снова начать ужасные злодеяния, совершенные ими за последние два года, нужно, чтобы правительство провинции не назначалось султаном, чтобы оно не зависело от милостей Порты.

Вашему высокопревосходительству небызвестно, что уполномоченные великих держав на Берлинском конгрессе не пожелали возложить на свои правительства ответственность за строгое выполнение Берлинского трактата и что они предоставили каждой из заинтересованных сторон выйти из положения так, как она сумеет. Это решение конгресса ставит нашу слабую провинцию в зависимость от Оттоманской империи и предоставляет нам бороться, будучи зажатыми тисками Порты. Никто не гарантирует нам, что то, что было выработано вами, будет проведено в жизнь согласно духу и букве решений. Мы насколько не сомневаемся, что турецкое правительство использует все возможные средства, чтобы провалить устав, который вы выработаете, если он не будет направлен против христианских народов, а даст им хоть какие-нибудь права и привилегии, даже самые незначительные.

Не имея намерения примкнуть к «общей политике Европы», мы не будем оспаривать ваше замечание, что болгары составили себе «ложную идею» об этой политике, но иначе обстоит дело с вопросом о «значении Берлинского трактата». Мы не можем признать, что этот трактат имеет большое значение, ибо неоспоримо, что все, что несправедливо, все, что зиждется на основах, осуждаемых разумом, и нарушает самые священные права, не может долго существовать. И в самом деле, этот трактат лишает свободы провинцию, чьи страдания и привели к созыву Константинопольской конференции, независимость которой была признана султаном, и отдает ее во власть режима, всеми осужденного, снова подвергая ее тем же жестокостям, которые в прошлом году вызвали ужас во всем мире. Достаточно открыть любой печатный орган Европы, чтобы убедиться в том, что все честные люди полностью разделяют эти чувства.

Ваша угроза гневом Европы в отношении «народов, не желающих подчиняться решениям, принятым великими державами», нас глубоко удивила. Европейские народы слишком гуманны и цивилизованы, чтобы позволить раздавить нацию, чье право жить под солн-

цем, как и право других народов земли, так же неоспоримо, как и их право, после того как их освободили, не гнуть более голову под бесчеловечным и унижительным турецким игом. Но как бы ни ошибались мы в своих оценках, Европа не может причинить нам большее зло, чем зло, уготованное нам Берлинским трактатом.

Вы добавляете, кроме того, что не хотите искать причин, породивших мнение болгарского народа о Берлинском трактате. Это решение достойно сожаления, и мы горячо желаем, чтобы вы заинтересовались этим вопросом: история нашей страны и вид развалин, покрывающих ее, повсюду царящие болезнь и нищета убедят вас в том, что мы не нуждаемся во внушениях иностранцев, как, по-видимому, вы считаете, так как мы знаем лучше, чем кто-либо другой, что следует думать о турецком режиме и чего мы должны ждать от власти султана.

Доводы, нами здесь изложенные уважаемой комиссией, вынуждают нас снова вернуться к мемуару, который мы имели честь передать гг. членам этой комиссии и в котором были изложены и объяснены законные стремления населения. Заканчивая, мы берем на себя смелость настоятельно просить, господа комиссары, передать кабинетам великих держав, что несчастья болгарского народа были слишком велики, его страдания — слишком тяжелы и его опасения — слишком основательны, чтобы он мог снова подчиниться непосредственной власти турецкого правительства.

Честь имеем быть вашего высокопревосходительства нижайшими и покорнейшими слугами.

1. Представители жителей Южной Болгарии 17 октября 1878 г. вручили комиссии мемуар от имени почти 2300 человек. Он был оглашен в заседании комиссии от 28 октября (9 ноября) 1878 г. (см. протокол № 9. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3290, лл. 80 об.—82). В заседании от 1 (13) ноября австрийский делегат Каллай выступил с характеристикой мемуара и предложил ответить на «петицию № 1», как назвали обращение южных болгар в комиссии. По мнению Каллая, ответ был необходим для того, чтобы убедить болгар в целесообразности постановлений Берлинского конгресса (см. протокол № 10 заседания от 1 (13) ноября 1878 г. — там же, лл. 89—91).

В чрезвычайном заседании комиссии от 3 (15) ноября 1878 г. (протокол № 11 — там же, лл. 92—95) Каллай прочел составленный им проект ответа. Текст был принят единогласно. Кроме того, комиссия постановила: 1) передать ответ болгарским делегатам; 2) опубликовать его в «Марице» и 3) если «Марица» откажется, найти пути к опубликованию. См. протокол № 11 чрезвычайного заседания от 3 (15) ноября 1878 г. — там же, лл. 94 об.—96 об. Ответ этот был опубликован в газете «Марица» № 32 от 14. XI 1878 г. Кроме того, западные делегаты сочли нужным переговорить с болгарскими делегатами и обещали, что южные болгары получат «широкое самоуправление».

Публикуемый документ был вторым мемуаром, поданным в комиссию. Об истории подачи мемуаров см. 90, стр. 256—259.

2. В 1839 г. вследствие участвовавших крестьянских восстаний и тяжелого положения Турецкой империи в связи с египетским кризисом султанское правительство по рекомендации западных держав издало хатти-шериф, провозглашавший свободу вероисповедания, преобразования в области административного и судебного устройства. Но эти обещания не были выполнены (см. 38, стр. 340—342; текст см. 96, стр. 171—175).

3. 15 февраля 1856 г. турецкий султан издал хатти-хумаюн, который был включен в ст. IX Парижского трактата. В нем снова содержались обещания реформ, ни одна из которых не была выполнена (см. 38, стр. 388—389; текст см. 96).

№ 208

*1878 г. ноября 29. — Докладная записка А. Д. Столыпина Э. И. Тотлебену о нецелесообразности создания складов оружия в Восточной Румелии **

№ 273

Адрианополь

Для складов Румелии назначено большое количество наших старых ружей системы Кринка, именно до 50 тыс. ружей, и определено образовать три главных склада — в Ени-Загре, Филиппополе и Ямболе — и малые при дружинах, с назначением в эти склады наших чиновников и достаточного числа чинов от болгарских дружин, к коим и должны перейти эти склады впоследствии ¹.

* См. док. 255.

Цель образования этих складов, несомненно, была та, чтобы в случае надобности болгарский народ Румелии мог вооружиться. А чтобы уметь употреблять оружие, необходимо развить между болгарам охоту к обучению стрельбе, причем полагалось, что каждый болгарин сознательно и охотно пойдет обучаться стрельбе.

Образование складов оружия в Румелии вскоре должно приводиться в исполнение, но сбор большого количества оружия, и особенно обучение народа стрельбе, привлечет, несомненно, внимание Международной комиссии и возбудит бесцельную, но довольно опасную дипломатическую переписку.

Притом же я сильно сомневаюсь, чтобы болгаре добровольно шли обучаться стрельбе, ибо обучающиеся стрельбе будут бояться попасть в кандидаты на рекрута, что для них составляет самую тяжелую повинность. Болгаре вообще тяготеют военной службой, к которой непривычны и к которой не могут чувствовать влечения, особенно теперь, ввиду определенного положения дел, что мы поддерживаем условия Берлинского трактата и, следовательно, какие ни были бы улучшения в положении Румелии, она во всяком случае останется провинцией Оттоманской империи.

Я полагаю поэтому, что условия, при коих возникла мысль об образовании запасов оружия с целью вооружить болгарский народ Румелии, миновали после твердо определенного решения государя императора поддерживать вполне Берлинский трактат.

Международная комиссия, с своей стороны, составила уже постановление о том, что гражданин Румелии, отсутствующий без разрешения местной румелийской власти вне Румелии более года, лишается прав подданного Оттоманской империи. Мера эта, введенная лишь в проекте организации управления Румелии, имеет влияние на непоступление болгар в русские юнкерские училища, в коих предоставлено болгарам значительное число вакансий. Несмотря на то, что вызов к поступлению болгар в юнкерские училища сделан был через митрополита и через местные власти (состоящие из болгар), до сих пор в Восточной Румелии не нашлось охотника до поступления в означенные училища.

При таком положении дел запасы оружия, оставляемые нами для Румелии при эвакуации наших войск, перейдут, несомненно, в руки турок или вообще в руки румелийской администрации. Если же мы захотели бы склады эти перевести при эвакуации наших войск, то встретили бы непреодолимые затруднения в перевозочных средствах. Рассчитывать же, что оружие из этих складов будет перевезено нами в Россию впоследствии, едва ли возможно, и если возможно, то при условии, чтобы склады эти считались складами русскими, а не румелийскими или болгарскими. А для сего весь персонал складов должен быть наш, без всякого участия болгар. Но в таком случае склады теряют то значение и цель, для которой учреждались.

Подлинную подписал генерал-лейтенант Столыпин

*ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8817, лл. 57—58 об. Заверенная копия *.*

1. А. М. Дондуков-Корсаков 18 мая 1879 г. писал, что он «относился крайне осторожно к системе поголовного вооружения жителей», ибо считал это «status in statu мечом обоюдоострым». Русское временное управление в Болгарии, по его выражению, предпочло бы «дать вооружению жителей характер чисто правительственного учреждения» (ЦГВИА, ф. 430, оп. 1, д. 132, лл. 1 об.—2).

Э. И. Тотлебен, отвечая на данную записку А. Д. Столыпина, 1 декабря 1878 г. приказал, чтобы склады оружия «находились в исключительном ведении начальника артиллерии Действующей армии как собственно русские войсковые склады» (там же, ф. ВУА, д. 8817, л. 59). Склады были созданы в Филиппополе, Казанлыке, Сливно, где было сосредоточено 60 005 ружей Крынка и 1423 трофейных винтовки разных систем (АВИМАИВВС, ф. 6, д. 590, л. 19).

Что касается стихийного народного движения обороны, русское гражданское управление направляло его в форму сельских караулов (см. док. 221). Непосредственное наблюдение за учреждением этих караулов было поручено Е. О. Янковскому (ЦГВИА, ф. ВУА,

* Черновик докладной записки хранится в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 107, лл. 3—4.

д. 7482, лл. 46—46 об.). При складах оружия, при дружинах милиции, при русских частях было организовано также обучение добровольцев-допризывников из молодежи (там же, д. 7430, л. 103).

В системе сельских караулов и допризывников обучалось военному делу в Восточной Румелии до 28 тыс. человек (АВИМАЙВВС, ф. 16, оп. 107, д. 307, лл. 242—248). Наибольшее число обучающихся приходилось на пограничные районы (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7430, лл. 143—152).

В Южной Болгарии возникшие по инициативе широких народных масс стрелково-гимнастические общества в конечном итоге объединили всех и стали всеобъемлющей военной организацией (см. док. 317).

Для военного обучения населения княжества Болгарии использовались две формы: 1) допризывная подготовка, когда обучались все желающие изучать военное дело (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7430, лл. 70—71; 68, стр. 172—179); 2) сельские караулы, которые предназначались не только для полицейской службы, но и как резерв для обороны и охраны границ княжества (там же, ф. 430, д. 132, лл. 1—3 об.). Через систему сельских караулов в княжестве было подготовлено 11 800 человек (см. ЦГИА, ф. 932, оп. 1, д. 63-в, л. 53). На территории княжества Болгарии было создано также пять складов оружия: в Софии, Шумле, Тырнове, Плевне, Разграде, где находилось 60 тыс. ружей, и небольшие склады в Систове (1600 ружей) и в Видине (2400 ружей) (см. АВИМАЙВВС, ф. 16, оп. 107, д. 307, л. 81).

№ 209

1878 г. ноября 29.— Докладная записка А. Д. Столыпина Э. И. Тотлебену о необходимости замены русских кадров в болгарских дружинах болгарскими в связи с эвакуацией русских войск из Восточной Румелии

№ 274

Кадры дружин и все офицеры в них наши. При отходе наших войск, естественно, должны быть взяты и все наши кадры и офицеры. При таком положении дел дружинники разойдутся по домам, что, без сомнения, может повести к некоторым частным беспорядкам и грабежам; большинство же дружинников возвратится, вероятно, к мирным занятиям.

Прежде чем предлагать, как избежать такого хода дела, необходимо решить два вопроса: 1) в видах ли нашего правительства поддержать порядок в Восточной Румелии по отходе наших войск, а, следовательно, необходимость поддержать дружины в положении вполне организованного войска и 2) решена ли эвакуация наших войск безусловно, согласно решения Берлинского трактата?

Если оба вопроса эти разрешатся положительно, то необходимо принять меры к сохранению дружин в виде войска, и для этого необходимо теперь же озаботиться производством в унтер-офицеры наиболее деятельных болгарских уроженцев, пригласить наших офицеров — уроженцев Болгарии к поступлению в войска и разрешить принимать в дружины иностранных офицеров, ибо и теперь есть несколько человек желающих¹.

Это может повести к поддержанию порядка в дружинах и во всей Румелии по отходе наших войск и сделает невозможным присылку в дружины турецких офицеров, а поддержанием порядка в стране избавит Румелию от призыва турецких войск.

Европейская международная комиссия со своей стороны убедилась, по-видимому, в невозможности принятия в болгарские дружины турецких офицеров, и многие члены оной гласно заявляют о намерении своим предложением своим правительствам, чтобы во избежание беспорядков по отходе наших войск Румелия была занята смешанною оккупациею.

Подлинный подписал г[енерал]-л[ейтенант] Столыпин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 107, лл. 5—6. Заверенная копия.

1. На подбор офицерских кадров, оставшихся в Земском войске и румелийской милиции после эвакуации русской армии, обращалось особое внимание. Д. А. Милютин в секретном письме от 20 мая 1879 г. требовал от А. М. Дондукова-Корсакова «тщательно

избегать оставления в Восточной Румелии и Болгарии офицеров неблагонадежного поведения и в особенности таких, которые под званием русских могли бы проводить в населении совершенно не русские взгляды» (ЦГВИА, ф. 970, оп. 2, 1879, д. 2284, лл. 8—9). В письме от 30 ноября 1879 г. Д. А. Милютин прямо писал, что «было бы желательно в войсках болгарских устранить иностранцев, кроме русских» (там же, ф. ВУА, д. 7900, л. 599).

Для укрепления национальной болгарской прослойки среди офицеров румелийской милиции из Действующей русской армии и из военных округов России переводились в нее офицеры болгарского происхождения (см. док. 246, 277), из старшего класса Софийского военного училища было выпущено 67 офицеров с назначением в Румелию. Все это дало возможность до минимума ограничить поступление офицеров нерусского и неболгарского происхождения (в 1880 г. их в милиции было только 11 человек).

№ 210

1878 г. декабря 2. — Рапорт А. М. Дондукова-Корсакова Э. И. Тотлебену о распределении частей Болгарского земского войска по отрядам на случай военной опасности

№ 4433

София

Согласно отданных мне лично вашим высокопревосходительством приказаний, изложенных в заключение рапорта моего от 19 ноября № 4020, имею честь представить соображения мои относительно распределения частей Болгарского земского войска по отрядам на случай содействия, которое от них потребовалось бы при открытии военных действий весною будущего года.

К этому имею честь присовокупить, что, за необходимостью для дружин оставить часть людей в пунктах их постоянного расположения как для присмотра за имуществом их, так и для содержания караулов, число штыков в каждой из них надо рассчитывать около 700—800.

1. Румелийский отряд

Сводная болгарская дивизия, пешие дружины № 9, 10, 11, 12, 13, 16, 20, 21, 22, 23, 24 и 25	12 бат[альонов]
Конные сотни № 3 и 5	2 сотни
Полевые 4-х-фунт[овые] батар[ей] № 3 и 5	2 батареи
Скорострельная батарея	1 батар[ея]
Саперная рота	1 рота

Всего: 12 бат[альонов], 2 конн[ые] сотни, 1 саперн[ая] рота, 16 полевых и 8 скор[острельных] орудий силою:

8500—9500 человек	пехоты
200	» кавалер[ии]
700	» артил[лерии]
200	» сапер

2. Бургасский отряд

Пешие дружины № 26, 27 и 28	3 бат[альона]
Конная сотня № 6	1 сотня
Полевая 4-фунт[овая] батарея	1 батар[ея]

Всего: 3 бат[альона], 1 кон[ная] сотня и 8 орудий силою:

2000—2500 человек	пехоты
100	» кавалер[ии]
200	» артил[лерии]

3. Софийский отряд

Пешие дружины № 1, 2, 3, 4 и 5	5 батал[ьонов]
Конная сотня № 1	1 сотня
Полевая 4-фунт[овая] батарея	1 батар[ея]
Горная батарея	1 батар[ея]

Всего: 5 бат[альонов], 1 кон[ная] сот[ня], 8 пол[евых] и 6 гор[ных] орудий силою:

3500—4000 человек	пехоты
100	» кавалер[ии]
400	» артил[лерии]

4. Берковецкий отряд

Пешие дружины № 6, 7, 8 и 15	4 батал[ьона]
Конная сотня № 2	1 сотня
Полевая 4-фунт[овая] батарея	1 батар[ея]

Всего: 4 батал[ьона], 1 конная сотня и 8 орудий силою:
около 3000 человек пехоты
100 » кавалер[ии]
200 » артил[лерии]

5. Варненский отряд

Пешие дружины № 14, 17, 18, 19 и 29	5 батал[ьонов]
Конная сотня № 4	1 сотня
Полевая 4-фунт[овая] батарея	1 батар[ея]

Всего: 5 батал[ьонов], 1 кон[ная] сот[ня], и 8 орудий силою:
3500—4000 человек пехоты
100 » кавал[ерии]
200 » артил[лерии]

Таким образом, всего в 5-ти отдельных отрядах будет находиться: 29 пеших дружин, 6 конных сотен и 8 батарей (48 полевых 4-х-фунтовых орудий, 6 горных и 8 скорострельных орудий) числительностью от 20 500—23 тыс. человек пехоты, 600 всадников, 1700 артиллеристов и 200 человек сапер.

Начальником Румелийского отряда я полагаю назначить начальника Болгарского земского войска, при коем, по званию отрядного начальника, сформировать отрядный штаб из настоящего штаба Болгарского земского войска. Сводную болгарскую дивизию¹ я полагал бы разделить, подобно нашим дивизиям, на бригады и полки, составив:

1-ю бригаду под командованием тырновского губернского воинского начальника:

из 1-го полка — дружины № 9, 12 и 13
» 2-го полка — дружины 10, 11 и 16

2-ю бригаду под командою филиппопольского губернского воинского начальника:

из 3-го полка — дружины № 20, 21 и 22
» 4-го полка — дружины № 23, 24 и 25

Полки должны быть под командою старшего из дружинских командиров. Батареи Румелийского отряда будут находиться под начальством командира 2-й артиллерийской бригады.

Начальник артиллерии Болгарского земского войска и командир 1-й артиллерийской бригады того же войска будут находиться при батареях Софийского отряда, с которым впоследствии может соединиться отряд Берковецкий.

Начальниками отрядов Бургасского, Софийского, Берковецкого и Варненского полагаю назначить соответствующих губернских воинских начальников — сливненского, софийского, влотинского и рущукского.

Что касается до обеспечения частей Болгарского войска перевозочными средствами, то я полагал бы выдать им из доходов Болгарского края необходимые суммы для заведения обоза, преимущественно вьючного, смотря по местности, где им придется действовать и заводить этот обоз.

Императорский российский комиссар
генерал-адъютант кн. Дондуков-Корсаков

Управляющий военным отделом
генерал-майор Золотарев

1. 11 декабря 1878 г. главнокомандующий одобрил распределение Земского войска по отрядам для присоединения к русским войскам «в случае, если политические обстоятельства так сложатся, что открытие военных действий сделается возможным». Вместе с тем Э. И. Тотлебен считал, что формирование отдельной болгарской дивизии не принесет существенной пользы, потому что «едва ли возможно будет такую крупную совокушность дружин, не имеющих до настоящего времени никакой общей сплоченности, а также никакой боевой опытности, предназначать для каких бы то ни было самостоятельных действий». Он предложил создавать, как правило, отряды, смешанные с русскими частями, и только из дружин, предназначавшихся для обороны в долине р. Марицы, сформировать отдельные бригады. Э. И. Тотлебен предлагал в случае войны сосредоточить наибольшее число болгарских дружин на границе с Родопами, так как здесь будут, по-видимому, действовать иррегулярные турецкие войска. Это позволило бы большую часть русских войск перебросить на более важные пункты театра войны, а именно к Адрианополю и в сторону Македонии (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7430, л. 100).

№ 211

*1878 г. декабря 3. — Предписание командира 5-й пехотной дивизии В. А. Полторацкого начальнику Держмендерийского отряда А. С. Беневскому о посылке отряда для освобождения занятых турецкими войсками румелийских деревень *¹*

№ 5933

Филиппополь

Начальник Филиппопольского округа получил несколько донесений от болгар — жителей деревень Широка-Лыка и других, находившихся в пределах Восточной Румелии, но не занятых нашими войсками, что в села Беден, Брези и Мугла пришли регулярные турецкие войска, начальник которых Бимбаши-Али письмом к жителям дер. Широка-Лыка приглашает жителей покориться власти султана, для чего прислать уполномоченных с целью переговоров, с угрозой, что если не подчинятся, то подвергнутся печальной участи.

Имея в виду, что местность впереди нашей линии до границы Восточной Румелии, не занятая нашими войсками, принадлежит Румелии и не должна заниматься турецкими войсками, командир IX корпуса и генерал-губернатор Восточной Румелии предписанием от 2 декабря сего года за № 5024 ** предложил мне отправить подвижную колонну с окружным начальником по направлению к с. Широка-Лыка и предложить начальнику турецких войск Бимбаши-Али очистить от турецких войск села, принадлежащие Восточной Румелии, и отодвинуться за границу оной, если же начальником турецких регулярных войск это не будет исполнено, то, не приступая к военным действиям, составить о том акт за подписью офицеров, начальника округа и сельских чурбаджей, предложив подписать этот акт также и Бимбаши-Али.

Вследствие изложенного предлагаю вашему высокоблагородию немедленно по явке к вам филиппопольского окружного начальника, которому об этом предписано мною, предоставить в его распоряжение роту вверенного вам полка, расположенную в с. Паласке, или другую, расположенную в с. Рахово, смотря по тому, которую признаете более удобным по личном соглашении с окружным начальником, предписав ей двинуться под начальством упомянутого же окружного начальника к с. Широка-Лыка и далее, если признается необходимым, но во всяком случае отнюдь не переходить за границу Восточной Румелии. К роте этой придать несколько кавалеристов и на всякий случай обеспечить ее патронами, по 90 на человека, и чаем, провиантом, крупю и солью и, если возможно, то и водкой на 8 дней, для чего снабдить роту достаточным количеством вьючных мулов посредством найма их, а также сделать распоряжение, чтобы она не имела недостатка в теплой одежде и обуви.

* См. док. 255.

** В деле отсутствует.

Вместе с выступлением этой роты и впредь до ее возвращения я предлагаю двинуть на ее место другую роту из ближайших окрестностей, дабы не оставлять незапятой передовую линию и в то же время иметь на всякий случай ближайший резерв подвижной колонны, с которою во время движения по возможности поддерживать связь через кавалеристов или сельскую стражу, как это признается более удобным, дабы не оставить подвижную колонну в совершенно изолированном положении.

Об отправлении подвижной колонны и возвращении ее прошу мне донести.

Подлинное подписал командующий дивизиею генерал-майор
Полторацкий

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8029, лл. 645—646 об. Заверенная копия.

1. В связи с приближением срока вывода русских войск с территории Восточной Румелии Турция создавала напряженное положение на границах области, чтобы получить предлог для ввода туда своих войск. Во внутренних районах Восточной Румелии готовилось выступление мусульманского населения, для руководства которым в Константинополе был создан особый комитет. В Южную Болгарию переходили турецкие офицерские кадры, уголовные элементы, бывшие душители Апрельского восстания 1876 г. В подготовке мятежа активную роль играл английский консул в Бургасе Брофи (см. АВПР, ф. ГА, Политархив, 1878 г., д. 2131, лл. 228, 233, 356; ЦГВИА, ф. 430, д. 154, л. 12—12 об.; АВПР, ф. ГА, V—A₂, 1879 г., д. 204, лл. 68—69). Ряд публикуемых документов (249, 255 и др.) отражает меры, предпринятые русским гражданским управлением для обеспечения безопасности Восточной Румелии.

№ 212

1878 г. декабря 3.— Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о расходовании средств комитета

№ 36

Търново

Днес, 3 декември, членове на комитета «Единство» имаха редовно заседание в присъствието на следующите членове: Ст. Антонов, Горбанов, П. Аврамов, Н. Лазаров, М. Мянков, М. Заяков, Д. П. Иванов, Г. Попов, Н. Д. Станчев, П. п. Димов, С. Д. Ничов, Н. х. Георчев, Е. Мартинов, Ив. Фичев. Прочете са отговора на пловдивското писмо, а после писмото на Габрово и телеграмата от г. Стамболова от София. Чете са и едно писмо от губернатора до негово преподобие архимандрита Стефана, в което иска списък на членовете, книгата за пожертвование и пита къде има комитети. Реши се да му се яви за членовете и пожертвованията, а за комитетите да му се каже, че не знаем точно. Стана дума за представлението и са предложи след изважданието на разноските половината от печал[б]ата да останат за комитета, а половината за полза на училището. Предложението са прие. Г-н П. Аврамов са задължи да говори на полицмейстера, ако е възможно да се отстъпи долния кат на полицията за представлението. Реши са да са пише до редакцията на в[естник] «Българин»¹ да проважда две г[одишни] течения от вестника си за комитета, а съ[ще]временно да му са забележи за дописката на г. Правдолюба от Русчук с дата от 26 ноември². Прочете се писмото на г. Стамболова от Ловеч, задължиха се някои от членовете да размислят върху предложените въпроси от [него] в писмото му. Г-н П. Аврамов замоли събранието да му са дадат парите под разписка, до като получи отговор от Русчук, за това са издаде нуждната заповед на г. Горбанов да му ги брой. Предложеният в миналото заседание свещеник Петър Драгнев са прие за член основател³.

Председател Ст. Антонов
Секретар Н. Лазаров

НБКМ—БИА, ф. 298, п. 1. Подлинник.

1. «Българин» — болгарская газета либерального направления, впоследствии перешла на консервативные позиции. Издавалась в Бухаресте, в дальнейшем — в Журжево, выходила два раза в неделю (8 октября 1877 г.—3 июня 1879 г.). Редакторы и издатели — Христо Г. Бычваров, Д. К. Попов, в дальнейшем — Д. Ц. Коцов. После Освобождения продолжала выходить в Рущуке (10 июня 1879 г.—2 сентября 1887 г.).

2. «Новости из Рущука, 26 ноября 1878 г.» — газета «Българин» Журжево, г. П, № 111, от 30 ноября 1878 г.

3. После 10 декабря комитет перестал существовать как организация.

№ 213

1878 г. декабря 4. — Циркуляр А. Д. Столыпина окружным начальникам о содействии введению нового финансового управления в Восточной Румелии

№ 254

Ввиду бывших в некоторых местах беспорядков и недоразумений при сдаче касс Финансовому комитету ¹ прошу ваше превосходительство принять самые энергические меры не только к подавлению, но, главное, к предупреждению повторения подобного рода беспорядков.

Для сего вы имеете немедленно по получении настоящего моего циркулярного предложения разослать с нарочными предписания окружным начальникам о принятии ими мер к своевременной и беспрепятственной сдаче финансов представителям новой финансовой администрации страны.

Гг. окружным начальникам должно быть известно, что г-н Шмидт назначен директором финансов Восточной Румелии не по распоряжению Порты Оттоманской, а по единогласному постановлению Европейской комиссии, в состав коей входят и русские делегаты — полковник Шепелев и князь Церетелев, а потому назначение это состоялось с ведома и согласия русского правительства, и всякое противодействие законным распоряжениям г. Шмидта и нового финансового управления будет почитаемо как сопротивление русской власти; виновники же беспорядков будут строго наказаны.

О вышеозначенном окружные начальники должны объявить по округу и разъяснить болгарскому населению страны, что новое финансовое управление отнюдь не имеет никакой связи с возвращением в стране прежнего порядка вещей; это лишь мера административная, принятая для пользы края.

Не в противодействии финансовому управлению явят болгаре истинную любовь к своему отечеству, не в беспорядках будет польза для края, а, наоборот, в полном подчинении властям.

Из патриотизма чиновники-болгаре должны оставаться на службе по новому финансовому управлению и явить тем пример своей покорности России и желания блага страны.

В заключение прошу ваше превосходительство предписать окружным начальникам, чтобы во избежание повторения беспорядков были воспрещены всякие сборища народа на местах сдачи касс и чтобы на этих местах было всегда достаточное число полицейских для разгона толпы и ограждения чиновников финансового управления.

Зная болгарский народ, его покорность властям и послушание, я отныне всякие беспорядки буду считать виною окружных начальников и привлекать их за оныя к самой строгой ответственности ².

Подлинное подписал г[енерал]-л[ейтенант] Столыпин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8817, лл. 62—63. Заверенная копия.

1. Финансовый комитет Восточной Румелии был создан на основании положения о финансовом управлении областью, принятого Европейской комиссией 5 октября 1878 г. (см. док. 160). Директором его был назначен чиновник Оттоманского банка в Константинополе А. Шмидт, ярый туркофил. С начала декабря 1878 г. Шмидт начал проводить ревизию окружных казначейств с целью проверки касс. В Ени-Загре (Новой Загоре) —

первом городе, куда он прибыл в сопровождении комиссаров, членов Финансового комитета Каллая (австрийского) и Донугмора (английского) 3 декабря 1878 г., население, предположив, что он собирается увести кассу, враждебно встретило его. Жители города ворвались в помещение казначейства и не разрешили Шмидту принять кассу (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8817, лл. 60—61; 68, т. III, стр. 123—125; 90, стр. 339—354; 52, стр. 62—74).

2. Стремясь избежать столкновений по этому поводу с Европейской комиссией, А. Д. Столыпин издал публикуемый циркуляр, а также наложил взыскания на окружного начальника. Однако, несмотря на принятые меры, аналогичные выступления против Шмидта повторялись и в других городах (Хаскиое, Ямболе, Чирпане, Сливно и др.). См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7482, лл. 82—89; д. 8106, л. 118; д. 8792, лл. 123—123 об.; АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 141—144; д. 3289, лл. 158—159 об.; 90, стр. 355—367.

№ 214

1878 г. декабря 8 (20). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о намерении населения Восточной Румелии отправить депутацию к правительствам великих держав с ходатайством о воссоединении с княжеством Болгарией

№ 33

Филиппополь

В последнее время в среде здешних болгар обсуждается мысль об отправлении двух или трех депутатов по европейским столицам * для изложения перед правительствами великих держав тягостного положения Румелии. Вместе с тем эти посланные должны стараться обратить внимание главных органов печати на законность желаний и стремлений болгар Восточной Румелии и всячески заботиться о том, чтобы направить общественное мнение в их пользу. Сегодня были у меня лица, предназначающиеся для этого путешествия, а именно д-р Вулкович, известный хорошо императорскому посольству, и Иован Гешов, один из наиболее образованных и деятельных болгар. Они просили меня обратиться к вашему сиятельству, дабы узнать взгляд на их намерение, так как они решатся на эту поездку лишь в том случае, когда императорское правительство им это не возбранит. Я спешу исполнить просьбу помянутых болгар и просить для них указаний вашего сиятельства. Вместе с тем осмеливаюсь изложить мое скромное мнение по этому вопросу, высказанное мною и болгарам как совершенно личное.

Я предостерег моих собеседников от самообольщения: столь горячо желаемое всеми болгарами единство едва ли может быть достигнуто в настоящую минуту ходатайством какой-либо депутации или демонстрациями Народного собрания в княжестве, на которые здесь тоже рассчитывают. По выраженному мною убеждению, депутацию ожидает приблизительно тот же прием, который был сделан в Константинополе иностранными послами гг. Грекову и Начевичу. Большинство министров не пожелает и входить с ними в сношения, особенно пока в Восточной Румелии находятся комиссары, которым специально поручено устройство страны **. Что же касается печати и вообще общественного мнения, то, мне кажется, настоящая минута не совсем удобна для направления его в пользу болгар. Об восточном вопросе так много писалось последнее время, что он утомил читающую публику. Если даже видные органы печати и приняли бы статьи о Южной Болгарии, то статьи эти прошли бы незамеченными и были бы вскоре совершенно забыты. Я высказался в том смысле, что вся эта агитация может в некоторой степени быть полезна лишь в том случае, если она будет произведена своевременно, т. е. за месяц или за два до выступления наших войск, перед самым кризисом, через который предстоит пройти Южной Болгарии. Тогда депутаты могут произвести некоторое давление на решение судьбы их отечества, указывая, напр., на пробелы выработанного нами Устава, на труд-

* См. док. 297, 318 и примечание к нему.

** См. док. 169, подробнее о поездке см. док. 318, 354 и примечания к ним.

ности при осуществлении его, на необходимость смягчить постановления Берлинского трактата о гарнизонах и назначении султаном офицеров жандармерии и милиции.

С глубочайшим и проч.

ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 33, л. 138—138 об. Копия. Литографированный экземпляр.

№ 215

1878 г. декабря 8 (20).— Письмо А. М. Дондукова-Корсакова Д. А. Милютину о возвращении гражданским управлением в Болгарии долга государственному казначейству

№ 4672

София

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич!

Наличность поступивших болгарских доходов позволила возвратить в суммы империи 904 736 руб. 65 коп., позаимствованные на расходы по гражданскому управлению в Болгарии, в том числе заведовавшим гражданскими делами при главнокомандующем Действующей армией 404 736 руб. 65 коп. и мною, на основании уведомления вашего сиятельства от 30 апреля за № 441 *, 500 тыс. руб.

Поручив сего числа рушукскому губернатору внести в местное полевое казначейство Действующей армии, квартирующее в г. Рушуке, упомянутые 904 736 руб. 65 коп., в том числе звонкой монетой — 512 227 руб. 25 коп., кредитными билетами — 392 509 руб. и разменным серебром — 40 коп., имею честь уведомить о том ваше сиятельство в дополнение к письму моему от 4 сентября за № 2309 **.

С чувством глубокого уважения и совершенной преданности имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою.

Князь А. Дондуков-Корсаков

ЦГВИА, ф. 1, д. 34158, л. 29—29 об. Подлинник.

№ 216

1878 г. декабря 9.— Журнал заседания Совета российского комиссара в Болгарии об устройстве и обеспечении продовольствием болгар-переселенцев из Турции

№ 28

Председательствовал императорский российский комиссар генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков.

Присутствовали члены:

Генерал-майор Домонтович,
Генерал-майор Грессер,
Действительный статский советник Бух,
Действительный статский советник Лукьянов,
Профессор Дринов

В заседание был приглашен виддинский губернатор статский советник Тухолка.

Слушали: доклад члена совета, управляющего отделом внутренних дел генерал-майора Грессера об обеспечении беженцев-болгар, прибывающих

* См. то же дело, л. 17—17 об.

** См. док. 127 и примечание к нему.

в Филиппопольскую, Сливенскую и Софийскую губернии из пределов Турции.

С самого начала отхода наших войск к Адрианополу * значительное число болгарских семейств тех местностей, которые отходят по Берлинскому трактату к Турции, из страха мести мусульман и грабежей начали прибывать в Восточную Румелию, прося защиты и водворения на постоянное жительство в этой провинции. Первые переселенцы явились в Филиппопольскую губернию 25 сентября в числе 150 семейств, а 4 октября насчитывалось по Сливенской и Филиппопольской губерниям до 8 тыс. душ **. По распоряжению и указанию его сиятельства императорского комиссара в то же время были приняты всевозможные меры к оказанию пособия деньгами, хлебом и к водворению переселенцев в брошенных турками селениях Сливенской и Филиппопольской губерний ¹ (журнал Совета 3 октября 1878 г.) ***.

4 октября его сиятельством был возбужден вопрос о прекращении возвращения в Сливенскую и Филиппопольскую губернии бежавших турок, дабы дать возможность в брошенных ими и уцелевших домах пристроить хотя на зимнее время переселенцев-болгар и этим способствовать хотя сколько-нибудь удовлетворительному разрешению до крайности сложного вопроса о переселенцах, принимающих с каждым днем все большие размеры.

Тогда же были образованы специальные для этого дела комиссии: в Филиппополе — с субкомиссиями в Адрианополе и Сливно и в Софии — с вспомогательными комитетами в Кюстендиле, Джумае, Самокове и Радомире ****, а для вспомоществования наиболее нуждающимся отпущено в распоряжение комитетов 105 150 руб.

От гг. губернаторов затребованы сведения, в какие округа и местности могли бы быть поселены прибывающие болгаре, о количестве зерна, собранного с брошенных турками полей, и нет ли каких-либо складов провианта, брошенных турецкою армиею *****.

По сведениям, имеемым в отделе внутренних дел, до настоящего времени прибыло и водворено болгар-беженцев в Филиппопольскую и Сливенскую губернии до 30 тыс. и в Софийскую — до 20 тыс. душ *****.

Между тем главнокомандующий в предложении своем 24 октября № 4069 ***** уведомил, что, по имеемым сведениям, следует еще ожидать переселенцев болгар «100 и более тысяч»; генерал же Дукмасов телеграммою сообщил, что в Восточной Румелии оказывается мало места для расселения беженцев-болгар, которые намерены бросить свои жилища при очищении нашими войсками района, не вошедшего в Румелию.

По донесениям гг. губернаторов, следующее число переселенцев может быть водворено по округам, причем указано и количество собранного зерна с турецких полей, которое еще не продано:

по Тырновской губернии:

	Сколько может быть водворено семейств	Сколько запасов разного хлеба
Тырновский округ	1000	38 151 крын
Ловчинский	3085	210 289 »
Елевинский	100	6741 коф
Осман-Базарский	30	522 кофы
Сельвиевский	500	» 20 679 крын
	4715	269 119 крын 7263 кофы

* См. док. 140 и прим. 1 к нему.

** Ср. док. 165, 180.

*** См. то же дело, лл. 47—48.

**** См. док. 180 и примечание к нему.

***** См. док. 200.

***** Все данные документа повторяются в кн.: «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 3, стр. 180—181.

***** По содержанию аналогично док. 180.

При этом тырновский губернатор считает необходимым ходатайствовать о заселении весною почти совершенно брошенной турками местности Тузлук Осман-Базарского округа, которая, занимая обширное пространство, может свободно вместить 1500 семейств.

по Русцукской губернии:

Систовский округ	600	79 000 килл *
Плевенский . . .	1800	34 962 кофы
Русцукский . . .	500	1417 килл
Тургукайский . .	500	1112 »
Шумлинский . . .	14	60 »
Эски-Джумский .	400	600 »
Разградский . . .	850	7873 »
	4664	90 062 килл 34 962 кофы

Виддинский губернатор представляет ведомость имеемым запасам и числа турецких домов, не окончательно опустошенных, в которых могут быть водворены переселенцы:

Виддинский округ	70 домов	1813 980 ок и 44 342 снопа
Лом-Паланский	712 »	2264 ок
Белградчикский	1260 »	15 058 »
Берковацкий . .	840 »	99 400 »
Врачанский . . .	528 »	849 549 »
Всего . .	3410 домов	2 780 251 ок, или 69 506 пудов, в том числе 421 пуд сухарей и 44 342 снопа.

Кроме того, по Виддинской губернии:

а) продано разного рода хлеба из турецких запасов на 1 492 703 гроша, или 298 546 фр.;

б) выдано заимообразно жителям с возвратом хлеба из урожая 1878 г. 137 995 ок;

в) состоит в наличности турецкого запасного хлеба (брошенного турецкой армией):

Ржи	118 635 ок
Кукурузы	1 424 477 »
Ячменя	294 249 »
Пшеницы	870 545 »
Овса	22 352 »
Проса	27 247 »
Крупы	16 845 »
Соломы	22 613 »
	3 296 963 ока **

по Варненской губернии:

Варненский округ	400 семейств	— зерна нет
Праводийский . . .	635	12 432 килл
Бальчикский . . .	625	зерна нет
Базарджикский . .	18	зерна нет

1678

* 1. В килло 40 ок, или 3 пуда. В кофе 10 ок, или 30 фунтов.

2. По приблизительному исчислению, на каждое семейство на 1 месяц требуется 1½ килло (примечание документа).

** Цифра ошибочна. Следует: 2 796 963 ока.

Варненский губернатор при этом делает расчет, что на каждое семейство на 8 месяцев следует положить 12 местных, или 48 цареградских килл хлеба, и полагает, что по числу оставленного турками непроданного десятинного зерна в Праводийском округе могут быть вполне обеспечены от 800 до 1000 семейств переселенцев на 8 месяцев.

Всего же в 4-х губерниях может быть поселено 14 467 семейств, или 72 335 душ.

Сливенский губернатор доносит, что во вверенной ему губернии водворены уже 2524 семейства, затем может быть еще поселено 5700 семейств, или 28 500 душ, которые найдут себе готовое помещение. В Сливенской губернии имеется наличного запаса с турецких полей 42 259 килл ².

Софийский губернатор не доставил еще сведений о свободных турецких домах и количестве собранного зерна, но в представлении своем 28 ноября ходатайствует, чтобы собранный хлеб с турецких полей в Джумайском, Кюстендильском, Дубницком и Самоковском округах был назначен для вспомоществования беженцев-болгар из Македонии, которых до сих пор расселено по означенным округам до 20 тыс., частью — в брошенных турецких домах, частью — по болгарским селениям.

Управляющий отделом внутренних дел считает долгом представить все вышеизложенные данные для указания дальнейших распоряжений по переселению болгар и вместе с тем испрашивает разрешения:

1. Просить генерал-губернатора Восточной Румелии, вследствие телеграммы генерала Дукмасова о неимении мест для расселения беженцев-болгар, противоречащей сведениям, доставленным сливенским губернатором, теперь же предписать комиссии в Филиппополе командировать своих членов для собрания самых положительных данных о свободных турецких селениях и домах, в которых в настоящую зимнюю пору могли бы быть расселены прибывающие болгары, а также соображения о распределении беженцев, в случае недостатка уцелевших турецких домов, по болгарским селам. Эту же работу возложить и на софийскую комиссию.

2. Во избежание излишнего движения переселенцев для розыскания себе жилищ необходимо бы было иметь на главных трактах, по которым следуют эмигранты, агентов и стражу для направления беженцев ближайшим путем на заблаговременно назначенные места. Агенты должны иметь самые подробные сведения о местах, пригодных к водворению, и о количестве помещений, дабы направлять в известные места только то число переселенцев, которое может себе найти приют.

3. По приведении в положительную известность запасов хлеба, собранного с турецких полей, и денег, вырученных уже с продажи хлеба (губернаторам не было разрешаемо продавать собранный хлеб), разрешить употребить как запасы зерна, так и деньги на обеспечение продовольствия прибывающим переселенцам, тем более что бежавшие турки в настоящее время вряд ли вернутся, да и справедливо бы было обеспечить этими средствами христиан, которые оставляют свое постоянное жилье лишь вследствие отсутствия всякого обеспечения их жизни и имущества. Раздачу хлеба и денег возложить на филиппопольскую и софийскую комиссии с самым подробным отчетом в расходе того и другого.

4. Просить финансовый отдел сделать общее распоряжение, чтобы деньги, вырученные с продажи собранного с турецких полей хлеба (где таковая продажа состоялась), а также с продажи особых хлеб[ных] турецких запасов, как, например, в Виддинской губернии, показывать особыми §§ в статье денег, условно поступивших.

5. Просить генерал-губернатора Восточной Румелии весь хлеб, собранный с турецких полей в Филиппопольской и Сливенской губерниях, обратиться, по распоряжению учрежденной в Филиппополе комиссии, на продовольствие тех беженцев-болгар, которые действительно нуждаются в этом, причем вести самую строгую отчетность расходу хлеба.

6. Предложить варненскому, софийскому, рущукскому и тырновскому губернаторам, чтобы хлеб, собранный с турецких полей, хранился в целости

до особого распоряжения, причем просить их указать местным сельским властям меры к охранению хлеба от порчи.

7. Так как в Виддинской губернии, кроме зерна, собранного в 1878 г. с турецких полей (2 780 251 око), есть еще огромные запасы, оставшиеся после удаления турецкой армии (3 296 963 ока), между тем, по отдаленности в Виддинскую губернию невозможно ожидать переселенцев-болгар, разрешить теперь же назначить в установленном порядке продажу того и другого хлеба, и сумму, вырученную с продажи, обратить в запасный капитал для вспомоществования переселенцам, куда присоединить сумму, вырученную уже от продажи (298 546 фр.).

8. На случай, если бы указанного выше количества хлеба по губерниям (исключая Виддинской) было недостаточно для обеспечения беженцев-болгар, составить соображение о покупке хлеба на запасный капитал, о котором сказано в § 7, а также собрать сведения, во что обойдется перевоз хлеба из запасов княжества Болгарии для составления складов в Восточной Румелии.

Постановили:

Изложенные соображения управляющего внутренним отделом утвердить и привести в исполнение.

Князь Дондуков-Корсаков, М. Домонтович,
генерал Грессер, К. Бух, Лукьянов, Дринов

АВПР, ф. Управление российского комиссара в Болгарии, д. 13, лл. 57—62. Подлинник.

1. Русское гражданское управление большое внимание уделяло обеспечению болгарских беженцев, которые прибывали в Северную и Южную Болгарию из оставляемых русской армией местностей, а также помощи пострадавшим от войны болгарам. Это составляло одну из самых трудных и важных задач русской администрации (см. док. 111, 140 и примечания к ним; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7451, лл. 74 об.—75 об.). В октябре 1878 г. было ассигновано 160 тыс. франков на пособие беженцам и 200 тыс. франков — на пособие жителям наиболее пострадавших городов: Эски-Загры, Ени-Загры, Карлова, Калофера и др. (см. 80, вып. 3, стр. 245). В Филиппополе была образована специальная комиссия по раздаче пособий беженцам (см. док. 180 и примечание к нему). Жителям Эски-Загрского и Ени-Загрского округов, кроме того, было выдано А. М. Дондуковым-Корсаковым 35 тыс. рублей (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7532, л. 55). Беженцам, поселившимся в Татар-Пазарджикском округе, было выдано пособие в 1150 франков и на покупку скота — 4960 франков (НБИБ—БИА, Пловдив, ф. 19, д. 1978, 1994). Кроме того, А. Д. Столыгин циркуляром от 27 декабря 1878 г. предписал сливенскому губернатору для обеспечения продовольствием края «воспрепятствовать вывоз разного рода хлеба как зерном, так и мукой за пределы Восточной Румелии» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 122, лл. 27—28).

2. А. М. Дондуков-Корсаков считал сведения сливенского губернатора о недостаточности хлебных запасов в крае преувеличенными (см. 68, т. III, стр. 137).

№ 217

1878 г. декабря 9(21). — Письмо А. А. Шепелева Д. А. Милютину о необходимости отделения восточнорумелийской милиции от Болгарского земского войска и о формировании ее командных кадров

№ 724

Филиппополь
В[есьма] секретно

Милостивый государь граф Дмитрий Алексеевич!

Имею честь представить при сем вашему сиятельству десять печатных протоколов заседаний Восточнорумелийской организационной комиссии, с № 9 по № 18 включительно, служащих дополнением прежде представленных мною нумеров.

Пользуюсь этим случаем, чтобы обратить внимание вашего сиятельства на некоторые вопросы, касающиеся нынешнего и будущего положения милиции Восточной Румелии.

В настоящее время части Земского войска Румелии входят в состав единого Болгарского земского войска, имеют общую с частями оногo нумерацию и подчиняются одному общему начальнику, пребывающему в г. Тырнове, в княжестве Болгарском. Такой порядок вещей не вызывал до сих пор никаких затруднений, но как только от комиссии потребуется ассигнование денег на содержание частей Румелийского земского войска, можно наверное предсказать, что нам, русским комиссарам, поставлен будет запрос: в чем ведении находится это войско, почему дружины носят несоответствующие числу их номера и т. п. Если мы ответим, что румелийские дружины входят в состав Болгарского земского войска, иностранные комиссары, несомненно, заявят, что комиссии незачем в таком случае уплачивать из доходов Румелии содержание войска, лишь расположенного в этой области, но принадлежащего к составу вооруженных сил соседнего княжества. Правда, мы в крайнем случае могли бы отделаться ответом, что Комиссии дела нет до того, кому подчиняются румелийские дружины, и что этот вопрос чисто внутреннего военного управления, но подобный ответ привел бы лишь к тому, что комиссары не замедлили бы сообщить его своим правительствам, указали бы на политическую тенденциозность, с которою Россия стремится поддерживать единение Румелии с Болгарией, и, таким образом, вопрос о румелийской милиции, получив характер политического «incident», мог бы вызвать нежелательные для нас объяснения с кабинетами ¹.

Обстоятельство это было уже представлено на усмотрение министра иностранных дел, и князь Лобанов сообщил нам, что, по мнению действительного тайного советника Гирса, милицию Восточной Румелии следовало бы теперь же совершенно выделить из состава Болгарского земского войска и подчинить непосредственно генерал-губернатору. Но так как, сколько мне известно, ни императорский комиссар, ни генерал Столыпин не получили по этому предмету особых указаний от вашего сиятельства, то все остается по-прежнему ².

Если мне позволено сказать в этом деле свое слово, то ввиду того, что в скором времени Земское войско Румелии придется отделить от болгарского, я полагал бы удобным совершить это отделение теперь же, хотя номинально, то есть назвать существующие в Румелии части «восточнорумелийскую милицию», дать им особую нумерацию и подчинить их генерал-губернатору провинции, оставив высшее управление этою милициею за императорским комиссаром, которому подведомствен генерал-губернатор Румелии в военном и гражданском отношении. При этом возникла бы также необходимость призвать в ряды милиции, согласно Берлинскому договору, соответственное число греков и турок и заменить нынешний головной убор милиционеров с крестом на шапке другим, одинаковым для христиан и мусульман. Последнее условие представляется, однако, довольно щекотливым в применении его на деле.

Имея в виду, что правительство наше намерено в точности выполнять Берлинский трактат и не желает, вероятно, оставлять на этот счет никаких иллюзий в населении Восточной Румелии, предлагаемая выше мера могла бы служить вместе с тем наглядным доказательством такого намерения России и заблаговременно подготовила бы умы южных болгар к неизбежной перемене в их участи, перемене, которой они до сих пор не желают верить.

Другой вопрос, о котором я уже имел честь докладывать вашему сиятельству в первом моем письме, — это вопрос об офицерах для румелийской милиции. Я продолжаю думать, что к сроку нашей эвакуации необходимо снабдить милицию достаточным числом офицеров, могущих заменить русский офицерский кадр и не допустить распада дружин. Судя по ходу занятий нашей комиссии, я сомневаюсь, чтобы мы могли окончить нашу письменную организационную задачу ранее будущего апреля или, вернее, мая; следовательно, водворение новой администрации в Восточной Румелии совершится, по всем вероятностям, после выхода наших войск. Заменит ли Европа русскую оккупацию смешанной иностранною или нет — необхо-

димо, мне кажется, чтобы милиция оставалась прочно организованным войском, способным поддерживать порядок в стране, но это возможно лишь с помощью хорошего корпуса офицеров, внушающего доверие своим подчиненным. К сожалению, за уходом русских кадров в Восточной Румелии найдется, быть может, не более 6—8 офицеров-болгар на 9-тысячную милицию. Обстоятельство это, как ваше сиятельство изволит видеть, слишком серьезно, чтобы не озабочиваться заблаговременным принятием мер к устранению вредных его последствий.

Я слышал мнение некоторых лиц о пользе привлечения теперь же на службу в румелийскую милицию иностранных офицеров, и это мнение разделяется, по-видимому, князем Лобановым. Мне кажется, однако, что осуществление этой мысли встретилось бы на практике с большими неудобствами. Не говоря о том, что таким случаем постараются воспользоваться разные европейские проходимцы, которые под предлогом службы в милиции явятся сюда ради устройства своих собственных делишек, иностранные офицеры никогда не в состоянии будут установить между собою и командуемыми ими частями той нравственной связи и общности интересов, которые составляют силу всякого войска. Принадлежа большею частью к неславянской народности, офицеры эти никогда не усвоят себе языка своих подчиненных, и последние будут смотреть на них враждебно, как на чуждых, непрошенных пришельцев. Я согласен с тем, что во главе румелийской милиции выгоднее было бы иметь несколько порядочных штаб-офицеров из иностранцев, чем турецких бимбашей, но полагаю, что масса офицеров должна принадлежать непременно и исключительно к национальности большинства населения.

В данную минуту я бы затруднился категорически указать на наивыгоднейшее практическое решение этого вопроса. Но сознавая, как важно обеспечить милицию подходящими офицерами, в особенности ввиду переходного периода между выходом наших войск и установлением новой администрации в Румелии, я позволяю себе высказать, только в виде предположения, следующую мысль: нельзя ли предложить офицерам-болгарам, уроженцам Вост[очной] Румелии и состоящим на службе в русских войсках в империи, перейти в румелийскую милицию хотя бы на первое, непродолжительное время; быть может, многие из них согласятся на это из патриотизма *. Эти офицеры могли бы заменить, с повышением чинов, нынешних русских дружинных и сотенных командиров. Затем для замещения мест частью ротных командиров, частью субалтерн-офицеров можно было бы произвести усиленный выпуск в офицеры из Софийского юнкерского училища **, где, как мне известно, немало молодых людей с весьма порядочным общим образованием и усердно изучавших военное дело еще с июля нынешнего года в существовавшей прежде учебной команде. Конечно, эти молодые люди не будут удовлетворять всем условиям, требуемым от хорошего офицера регулярной армии, но я уверен, что они окажутся полезными для милиции и во всяком случае будут вселять большее доверие в своих подчиненных, а также благотворнее влиять на них, чем офицеры-иностранцы. Если бы эта мысль была достойна обсуждения и могла быть признана до известной степени практической, то осуществление ее, мне кажется, не должно быть откладываемо позднее марта, чтобы дать этим новым офицерам время в течение двух последующих месяцев освоиться со своими обязанностями под руководством русских офицеров до ухода последних с нашими войсками. Новая же администрация Румелии, застав в рядах милиции достаточный процент офицеров местного происхождения, не захочет, вероятно, в собственных своих интересах сменять их и утвердит их в должностях.

Наконец, третий вопрос касается милиционной артиллерии. Теперь в составе Земского войска Румелии находятся две батареи, материальная часть

* На полях помета Д. А. Милютина: Таких офицеров, вероятно, очень мало. Какие были — большей частью уже пошли в болгарские дружины.

** См. док. 209 и примечание к нему.

которых пожалована государем императором. Будущее устройство милиции еще не обсуждалось комиссией, и потому неизвестно, войдет ли в состав ее артиллерия и в каком размере. Если милиции захотят придать боевой характер, то, конечно, ей придадут артиллерию. Но тут возникает вопрос: выгодно ли это? Говоря откровенно, тот устав, который мы теперь вырабатываем для Румелии, как бы он хорош ни был на бумаге, едва ли имеет много шансов быть примененным Портою на деле. В Берлине иностранные уполномоченные отказались связать себя какими-либо обязательствами, обеспечивающими точное исполнение условий подписанного ими трактата; тем менее можно ожидать существенных гарантий со стороны Европы в пользу справедливого применения Органического статута Румелии. Если это верно, то весьма правдоподобно, что Порта в сообществе с таким генерал-губернатором, каков Рустан-паша, воспользуется малейшим брожением в Румелии, чтобы ввести туда свои таборы и обезоружить, хотя бы после сопротивления, местную милицию, захватив, конечно, при этом и артиллерию, уступленную Россией. Таким образом, русские орудия при известных, легко возможных обстоятельствах могут послужить даже туркам, которые с удовольствием употребят их в дело против того самого населения, которому государю благоугодно было подарить их для самозащиты.

Представляя изложенные здесь мысли благосклонному вниманию вашего сиятельства, я позволяю себе покорнейше испрашивать по ним ваших указаний для личного моего руководства на случай возникновения по упомянутым вопросам прений в среде комиссии.

С глубочайшим уважением и искреннейшею преданностью
имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою

Александр Шепелев

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7913, лл. 3—6 об. Автограф.

1. На Берлинском конгрессе турецкий делегат предложил создать в Восточной Румелии небольшую милицию, придав ее многочисленной жандармерии, в которую могли допускаться болгары. Представители западных держав поддержали это предложение. Конгресс принял предложение Бисмарка о том, что в военное время милиция области должна входить в состав турецкой армии (71, стр. 14—15). Россия не могла допустить этого. Поэтому после Берлинского конгресса русское гражданское управление продолжало формировать и обучать дружины милиции в составе Земского войска, чтобы поставить губернатора Восточной Румелии перед совершившимся фактом существования многочисленной и хорошо обученной милиции.

Наличие общей организации милиции Восточной Румелии и Земского войска княжества Болгарского встревожило английское правительство. 12 декабря 1878 г. английский делегат в Европейской комиссии Друмонд Вольф высказал главнокомандующему русской армии недовольство по этому поводу (ЦГВИА, ф. 485, д. 45, л. 279).

В западной печати появилось сообщение, что правительство Англии дало указание своему послу в Константинополе принять меры, «чтобы связь между обеими милициями по возможности прекратилась», чтобы военная власть султана ничем не ущемлялась, чтобы офицеры в милицию назначались султаном, а милиция была бы численно сокращена (там же, ф. ВУА, д. 8792, лл. 140—146 об.). Таким образом, Англия прилагала усилия, чтобы ослабить силы болгарского народа в Южной Болгарии, подчинив ее полностью военной власти султана.

Чтобы не допустить этого, А. А. Шепелев, А. Н. Церетелев (там же, оп. 1, д. 33, лл. 59—60), А. Б. Лобанов-Ростовский (см. там же, ф. 430, д. 60, лл. 37—48 об.; ф. ВУА, д. 8792, л. 131—131 об.) предложили немедленно отделить милицию от Земского войска и укрепить ее до вступления в должность губернатора Восточной Румелии.

2. Д. А. Милютин, прочитав письмо А. А. Шепелева, 22 декабря 1878 г. писал: «Разделяю вполне мнение, выраженное полковником Шепелевым» (там же, д. 7913, л. 2). И уже 26 декабря 1878 г. было дано указание главнокомандующему о выделении из состава Болгарского земского войска румелийских дружин, которые должны «получить самостоятельную организацию» (АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 37, л. 317). 6 февраля 1879 г. румелийская милиция была отделена от Земского войска княжества.

№ 218

1878 г. декабря 11. — Отношение А. К. Имеретинского А. М. Дондукову-Корсакову о порядке замены русских воинских частей Болгарским земским войском

№ 4565

Главная квартира
Адрианополь

В отзыве за № 4542 Полевой штаб сообщал вашему сиятельству предположения главнокомандующего о движении армии в Россию, если на то последует высочайшее повеление.

Из этого отзыва ваше сиятельство изволите усмотреть, что части 2-й резервной дивизии должны быть заменены земскою стражею или Болгарским земским войском.

Имея в виду, что части этой дивизии должны будут начать свое движение не позже как недели через четыре после дня отдачи приказа об эвакуации армии, я, по приказанию главнокомандующего, прошу ваше сиятельство уведомить меня в возможной скорости: 1) все ли пункты, занятые в настоящее время частями 1-й и 2-й резервной дивизии, предполагаете занять вооруженными командами Болгарского земского войска или от оккупационных войск, и если не все, то из каких именно мест части резервных войск в состоянии будут выступить, не дожидаясь смены; 2) в каком порядке и в промежуток какого времени полагаете возможным произвести смену наших резервных частей в тех пунктах, где на место их должны будут стать болгарские дружины или их части; 3) какие пункты вы признаете необходимым занимать войсками, но которые вследствие недостаточности болгарских вооруженных сил должны будут быть заняты частями оккупационного отряда.

Кроме сего, главнокомандующий поручил мне просить ваше сиятельство доставить соображение о том, в каком порядке предполагаете расположить оккупационные войска в том случае, если на временное оставление XII корпуса не последует высочайшего соизволения. Сведение об этом последнем необходимо для составления предварительных соображений о движении XII корпуса.

Начальник штаба генерал-адъютант кн. Имеретинский
И. д. старшего адъютанта Генерального штаба подполковник Сахаров
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7526, лл. 9—9 об. Подлинник.

№ 219

1878 г. декабря 11 (23). — Донесение П. А. Шувалова А. М. Горчакову о намерении Англии осуществить смешанную оккупацию Восточной Румелии в случае сопротивления населению выполнению решения Берлинского конгресса *

Londres

Mon prince!

J'ai reçu votre expédition du 3 Décembre ** apportée par le courrier Berg. Je ne vois plus le marquis de Salisbury ni lord Beaconsfield car ils passent les vacances de Noël à la campagne, et ne viendront pas de si tôt à Londres.

Je profite du départ d'un feldjäger allemand pour vous expédier par l'entremise de mon collègue de Berlin, la copie des lettres que nous avons échangées avec le principal secrétaire d'Etat.

* См. док. 312, 327 и приложение к нему.

** АВПР, ф. Канцелярия. 1878 г., д. 81, ч. 2, лл. 774—786.

Il a été question ces derniers temps d'une démarche que le cabinet anglais aurait faite à Vienne, en vue de l'occupation mixte de la Roumélie Orientale, et même d'autres territoires habités par les Bulgares.

Je ne pense pas que rien de semblable ait été proposé *pour le moment actuel*; mais d'autre part, je sais que les ministres anglais se montrent très préoccupés de l'avenir. Ils cherchent à s'entendre avec les autres gouvernements sur la conduite à tenir dans le cas où les Bulgares ne se soumettraient pas en 1879 au nouvel ordre de choses établi à Berlin.

Lord Salisbury me fait de fréquentes allusions à ce sujet. L'occasion d'en parler lui est suggérée par les récriminations ordinaires contre le commissaire impérial en Bulgarie et les autorités russes.

Malheureusement je dois constater que tous les membres de la commission d'organisation en Roumélie sans exception, entretiennent leurs gouvernements respectifs dans une continuelle méfiance de nos agissements et accusent nos fonctionnaires d'encourager sous main les Bulgares à résister aux stipulations du traité de Berlin. Je l'ai vu aux rapports de ces messieurs, que mes collègues à Londres me donnent à lire confidentiellement.

Le marquis de Salisbury se souvient que les plénipotentiaires russes au congrès ont vivement combattu l'idée de l'occupation mixte. Il sait qu'elle est contraire aux vues du cabinet impérial; aussi cherche-t-il toujours à la tenir suspendue sur ma tête, comme une sorte d'épée de Damoclès.

Je réplique invariablement en signalant au principal secrétaire d'Etat le danger qu'il y aurait à mettre en présence plusieurs armées de nationalité différente: que cette combinaison ne serait pas de nature à consolider la paix de l'Europe.

La réponse ordinaire que lord Salisbury me donne consiste à dire que la Russie seule peut écarter ces inconvénients, car il n'y a qu'elle qui exerce assez d'influence sur les Bulgares pour leur faire accepter ou rejeter les décisions de l'Europe.

Il y a quelque jours encore, je réfutais ce point de vue en disant que si les Bulgares ne se soumettaient pas à la séparation de la Roumélie, *la faute n'en serait pas à la Russie* *, mais à ceux qui avaient cru pouvoir couper une nationalité en deux, — comme on coupe une feuille de papier avec des ciseaux — et que l'unité bulgare est une éventualité irrésistible que l'Europe chercherait en vain à combattre.

Le marquis a répondu par des paroles qui m'ont surpris et que je signale à votre attention. Il m'a dit:

«Nous n'avons pas l'intention de nous opposer *une fois pour toutes* à la formation d'une grande Bulgarie. *C'est une question de temps***. Ce que nous voulons, c'est que le traité de Berlin soit exécuté et que *la Roumélie Orientale puisse durer quelques années****. Pour obtenir ce résultat, il faut que les Bulgares sachent que s'ils se révoltaient après la sortie de nos troupes, ils s'exposeraient infailliblement à l'occupation mixte».

Nul doute, mon prince, que le problème futur de la diplomatie européenne consistera à empêcher que l'unité bulgare devienne la cause d'un conflit général. En ce qui concerne l'Angleterre, ce danger aurait été évité avec un gouvernement whig.

Veillez agréer, mon prince, l'hommage de mon respectueux dévouement

Schouvalow

Помета о получении: 17 Децембре.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, ч. 1, лл. 234—238 об. Подлинник.

* Подчеркнуто Александром II. На полях его помета: Non certes.

** Подчеркнуто Александром II. На полях его помета: Pourquoi ce résultat soit dû à l'Europe et non pas à nous.

*** Подчеркнуто Александром II. На полях его помета: C'est là-dedans que gît l'absurdité.

Князь!

Я получил ваше донесение от 3 декабря, доставленное курьером Бергом.

Я не встречаюсь больше ни с маркизом Солсбери, ни с лордом Биконсфилдом, так как они проводят рождественские каникулы в деревне и не скоро приедут в Лондон.

Я воспользовался отъездом немецкого фельдъегеря, чтобы послать вам через моего берлинского коллегу копии писем, которыми мы обменялись с главным государственным секретарем.

В последнее время был поднят вопрос о демарше, будто бы предпринятом английским кабинетом в Вене в предвидении смешанной оккупации Восточной Румелии, а также других территорий, населенных болгарами.

Я не думаю, чтобы что-либо подобное было предложено в *настоящий момент*; по другой стороне, я знаю, что английские министры проявляют озабоченность в отношении будущего. Они пытаются договориться с другими правительствами о позиции на случай, если болгары в 1879 г. не подчинятся новому порядку вещей, установленному в Берлине.

Лорд Солсбери часто делает мне намеки по этому поводу. Постоянные обвинения против императорского правительства и русских властей дают ему обычно повод об этом говорить.

К несчастью, я должен отметить, что все без исключения члены комиссии по организации Восточной Румелии поддерживают в своих правительствах постоянное недоверие к нашим действиям и обвиняют наших чиновников в тайном поощрении болгар к сопротивлению решениям Берлинского трактата. Я узнал это из донесений этих господ, которые мои лондонские коллеги мне конфиденциальным образом дают читать.

Маркиз Солсбери вспоминает, что русские уполномоченные на конгрессе горячо возражали против идеи смешанной оккупации. Он знает, что она противна взглядам императорского кабинета, и поэтому всегда пытается держать ее над моей головой подобно Дамоклову мечу.

Я неизменно возражаю, обращая внимание государственного секретаря главным образом на опасность присутствия нескольких армий разной национальности, и что эта комбинация по своему характеру не сможет упрочить мир в Европе.

Обычный ответ лорда Солсбери заключается в том, что только одна Россия может устранить все эти затруднения, ибо именно она имеет достаточно влияния на болгар, чтобы заставить их принять или отбросить решения Европы.

Еще несколько дней назад я отвергал эту точку зрения, говоря, что если болгары не подчинятся отделению Румелии, то в том будет вина не России*, но тех, кто счел возможным разрезать нацию на две части, как разрезают ножницами лист бумаги, и что болгарское единство закономерно и неизбежно, и Европа тщетно пытается против него бороться.

Маркиз ответил мне словами, меня удивившими, на которые я обращаю ваше внимание.

Он мне сказал: «Мы не имеем намерения *раз и навсегда* воспротивиться образованию Великой Болгарии. Это вопрос времени**. Мы хотим, чтобы Берлинский трактат был выполнен и чтобы Восточная Румелия могла просуществовать несколько лет***. Для достижения этого результата нужно, чтобы болгары знали, что, если они взбунтуются после ухода ваших войск, они неминуемо подвергнут себя смешанной оккупации».

Нет никакого сомнения, князь, что будущая задача европейской дипломатии будет состоять в том, чтобы помешать болгарскому единству стать причиной всеобщего конфликта. Что же касается Англии, эта опасность, возможно, была бы устранена при правительстве вигов.

Соблаговолите принять, князь, уверение в моем глубоком почтении и совершенной преданности

Шувафов

Помета о получении: 17 декабря.

* Подчеркнуто Александром II. На полях его помета: Разумеется, нет.

** Подчеркнуто Александром II. На полях его помета: Почему этим результатом обязаны Европе, а не нам?

*** Подчеркнуто Александром II. На полях его помета: Именно в этом и заключается нелепость.

1878 г. декабря 11(23). — Письмо А. П. Давыдова А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости определения взаимоотношений между гражданской администрацией Болгарии и иностранными консулами

№ 11

София

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

По приезде моем в Софию я узнал из разговоров с лицами, стоящими во главе временного управления краем, что уже неоднократно возникали недоразумения между администрацией и иностранными консулами. Хотя мне и не сообщали переписки по этим делам, но легко было усмотреть из рассказов о случившихся столкновениях, что главным образом они вызваны, с одной стороны, весьма естественным у местных чиновников незнанием капитуляций¹, с другой же — обычными со стороны консулов при их сношениях с турецким правительством приемами: так, напр., они пользовались тем обстоятельством, что новые порядки не были им официально сообщены.

Когда императорский комиссар вернулся из Ливадии, вопрос об отношениях к иностранным консулам и подданным был поднят в совете², и князь Дондуков-Корсаков в письме, копию с которого имею честь при сем приложить, обратился ко мне с вопросом о том, в какой мере возможно ограничение прав иностранцев³. Так как в то же время мне было заявлено желание его сиятельства, чтобы я отвечал на другой же день вследствие имевшегося в виду собрания совета, то я не мог войти в подробное рассмотрение вопроса и ограничился изложением тех мер, которые, по моему мнению, могли бы установить нормальные отношения местных властей к иностранным подданным.

Из прилагаемой при сем копии с ответа моего на письмо князя Дондукова * ваше сиятельство изволите усмотреть, что такими мерами я считал бы составление точной инструкции, в которой определялись бы права и обязанности судебных, административных и полицейских властей относительно иностранцев и оповещение консулов о тех правительственных распоряжениях, которым должны подчиняться иностранные подданные. Мне казалось бы чрезвычайно важным разрешить этот вопрос теперь же и установить на законной почве правильные отношения между различными органами правительства и иностранцами, так как если оставить этот вопрос открытым, то княжескому правительству Болгарии будет очень трудно впоследствии дать отпор чрезмерным требованиям консулов.

Я присовокупил в своем письме, что до применения инструкции я считал бы необходимым представить оную вашему сиятельству, так как весьма вероятно, что не раз придется императорскому посольству входить в разбирательство жалоб, доводимых иностранными консулами в Болгарии до сведения своих представителей в Константинополе.

По прочтении моего письма в совете было решено учредить комиссию для разработки этого вопроса. Она составлена из и. д. губернатора Софии полковника Лукашева и г-д Юзефовича и Каченовского. Секретарь дипломатического агентства г. Лишин также был приглашен принять участие в трудах комиссии в качестве члена оной⁴.

Комиссия эта занята в настоящее время проектом ограничения притязаний иностранцев и их консулов, так как притязания эти основываются более на обычаях, нежели на букве и смысле писанных капитуляций, заключенных в разное время иностранными державами с Турцией.

* С. м. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2492, лл. 36—39об.

С своей стороны я не премину сообщить вашему сиятельству окончательный результат работ означенной комиссии *.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга

А. Давыдов

Резолюция А. Б. Лобанова-Ростовского: Mr. Onou. Il serait intéressant d'indiquer ne fût-ce que les cas principaux où les étrangers jouissent de certains privilèges—jurisdiction consulaire, assistance du drogman, inviolabilité du domicile, sécurité personnelle, etc.**

Помета М. К. Ону: En théorie les capitulations accordent aux étrangers bien moins de privilèges que la pratique consacrée par un usage ab antiquo. Naturellement, en Bulgarie nous pouvons oublier la pratique en Turquie pour ne nous souvenir que des clauses précises des capitulations. Ces clauses donnent aux consuls le droit d'exterritorialité, on n'a le droit ni de les arrêter, ni de sceller leur maison ou d'y entrer. 2. Le domicile de tout sujet étranger (non pas sa boutique ou son établissement commercial) est inviolable; une visite domiciliaire ne pourrait être pratiquée qu'avec l'assistance du délégué du consul. 3. La présence du drogman ou délégué du consul est indispensable pour tout jugement par-devant les tribunaux du pays. Enfin le consul a droit de jurisdiction sur les sujets étrangers, quand un indigène n'est pas mêlé à l'affaire. L'étranger ne pourrait pas, par exemple, se mettre sous la protection des autorités locales pour échapper aux effets de la poursuite consulaire contre lui.

Ону ***

Помета: Давыдову. 12 января 1879, № 55.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2492, лл. 32—35об. Подлинник.

1. Капитуляциям отведены специальные разделы в неравноправных торговых и политических договорах, заключенных в XVIII и XIX вв. между Турцией и европейскими государствами. Капитуляции устанавливали односторонне, в пользу иностранных держав, специальный экстерриториальный режим для их подданных, предприятий и хозяйственной деятельности в Турции. Режим выражался в экстерриториальности иностранных граждан, которые были неподсудны турецким судам. Для них создавались специальные торговые суды смешанного состава и специальное законодательство, позволяющее иностранцам поданным под прямой защитой своих консулов решать дела всегда в свою пользу. Существовало право экстерриториальности имущества и предприятий иностранцев, которые были освобождены от местных налогов. Одновременно был создан ряд экономических и гражданских привилегий для них, которые ставили их по положению выше турецких подданных. Привилегии иностранцев, согласно капитуляциям, умерно и систематически защищались послами и консулами соответствующих государств в Турции и на практике произвольно ими расширялись благодаря уступчивости турецких властей. Это давало возможность иностранцам совершать безнаказанно преступления и махинации. По Берлинскому договору капитуляции сохраняли свою силу и для княжества Болгарии, и для Восточной Румелии. Из-за этого русское гражданское управление столкнулось с трудностями, возникшими в связи с урегулированием прав и взаимоотношений иностранных консульств и подданных с местными властями в княжестве Болгарии и Восточной Румелии (см. 29).

2. Имеется в виду заседание Совета российского комиссара в Болгарии от 19 ноября 1878 г., где рассматривалась записка Т. П. Юзефовича «Об отношениях местных властей к иностранцам и консульствам в княжестве Болгарии» (см. АВПР, ф. Политархив, д. 2131, лл. 443—450об.; протокол заседания совета см. там же, ф. Управление российского комиссара в Болгарии, д. 13, л. 49—49об.).

* См. док 337 и примечания к нему.

** Г-н Ону. Было бы интересно указать хотя бы только наиболее значительные случаи, когда иностранцы пользуются некоторыми привилегиями — консульской юрисдикцией, помощью драгоманов, правом неприкосновенности жилища, личной безопасностью и т. д. (фр.).

*** Теоретически капитуляции предоставляют иностранцам значительно меньшие привилегии, чем практика, освященная обычаями, существующим с древних времен. Разумеется, в Болгарии мы можем забыть турецкую практику, чтобы помнить только о точных условиях капитуляций. Эти условия предоставляют консулам право экстерриториальности, запрещается их арестовывать, запечатывать их дома или входить в них. 2. Жилище каждого иностранца (но не его лавка или торговое заведение) неприкосновенно, посещение его дома может быть осуществлено только в присутствии представителя консула. 3. Присутствие драгомана или представителя консула необходимо для любого судебного решения судов страны. Наконец, консул имеет право юрисдикции в отношении иностранных подданных, если к делу не причастен кто-либо из граждан страны. Иностранец не мог бы, например, поставить себя под защиту местных властей, чтобы избежать консульского преследования. Ону (фр.).

3. А. М. Дондуков-Корсаков запросил мнение А. П. Давыдова согласно решению Совета российского комиссара в Болгарии от 19 ноября 1878 г. (см. там же, ф. Посольство в Константинополе, д. 2492, л. 40—40об.).

4. Комиссия была создана на заседании Совета российского комиссара в Болгарии от 25 ноября 1878 г. (см. там же, ф. Управление российского комиссара в Болгарии, д. 13, л. 50—50об.).

№ 221

*1878 г. декабря 12. — Докладная записка А. Д. Столыпина
А. М. Дондукову-Корсакову о порядке обучения военному делу
населения Восточной Румелии **

№ 5212

Филиппополь

В дополнение представления моего от 10 декабря за № 301 имею честь доложить следующее:

1. По словесному докладу главнокомандующему относительно обучения стрельбе жителей Румелии при общих складах и при дружинах, ввиду могущего произойти от этого протеста Международной комиссии главнокомандующий решил, согласно с моим мнением, чтобы пока ограничиться обучением желающих при сельских караулах, каковым караулам можно дать возможно широкие размеры.

Мера эта не может вызвать протеста, ибо вооружение сельских караулов совершенно легально и, как караулы эти должны постоянно менять людей, обновляться, то, естественно, должны приучить к обращению с оружием всех, могущих попасть в сельские караулы.

В случае же необходимости принять решительные меры главнокомандующий предоставляет мне распорядиться по возможности.

Ввиду этого обучение стрельбе жителей при дружинах не должно производиться в Румелии без моего указания и в размерах, кои могут быть допущены без возбуждения протестов, и во всяком случае без вознаграждения инструкторов, ибо обращаться к румелийской кассе невозможно.

2. Общие склады в Румелии, согласно решения главнокомандующего, должны состоять в ведении артиллерийского ведомства, а дружинные склады — в ведении дружинного начальства; в эти последние склады определяется дать, кроме 500 запасных ружей, еще по 300 ружей на случай обучения жителей Румелии стрельбе¹.

Подлинную подписал генерал-лейтенант Столыпин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7430, л. 108—108об. Заверенная копия.

1. Решение Э. И. Тотлебена было оформлено 24 декабря 1878 г. в разосланном военным и гражданским русским властям в Болгарии специальном распоряжении (см. ЦГВИА; ф. ВУА, д. 7430, лл. 64—65).

№ 222

*1878 г. декабря 14(26). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского
А. М. Горчакову о назначении Турцией генерал-губернатора Вос-
точной Румелии **.*

№ 166

Péra

Monsieur le chancelier!

Carathéodory pacha m'a dernièrement annoncé que la Porte, pour se conformer aux stipulations du traité de Berlin, avait désigné un gouverneur-général pour la Roumélie Orientale, que le choix du sultan s'était arrêté sur Rustem

* См. док. 208 и примечание к нему.

** См. док. 234.

pacha, et que ce choix avait obtenu l'assentiment de toutes les Puissances, y compris la Russie ¹.

Je ne pus m'empêcher de faire observer au ministre que, tant que le Règlement organique de cette province n'était pas élaboré et promulgué, Rustem pacha serait condamné à n'être qu'un gouverneur général in partibus, et que, par conséquent, la Porte aurait pu, sans préjudice pour les intérêts de la Roumélie, mettre plus d'empressement à exécuter d'autres clauses du traité de Berlin que celle à laquelle il faisait allusion.

Le ministre me répondit que la Porte avait voulu ne pas tarder à faire cette nomination, afin de donner à Rustem pacha le temps de se familiariser avec les affaires, dont il aurait à s'occuper.

L'idée de nommer dès à présent un gouverneur général de la Roumélie a été suggérée, il y a déjà quelque temps à la Porte par l'ambassadeur d'Angleterre, dans l'espoir qu'il y aurait peut-être moyen de faire passer entre ses mains l'administration de la province avant l'achèvement des travaux de la Commission européenne. Ce calcul rentre dans l'ordre d'idées que le gouvernement britannique, ainsi que ses représentants à Constantinople et à Philadelphie, cherche à faire prévaloir en toute occasion.

Dans mon entretien avec Carathéodory pacha j'ai tenu à lui faire comprendre que le gouvernement impérial n'entendait nullement retirer l'administration russe avant l'époque où l'administration prévue par le traité de Berlin serait prête à la remplacer.

J'ai l'honneur d'être, avec le plus profond respect,
monsieur le chancelier, de votre altesse, le très humble et très
obéissant serviteur
Lobanow

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, ч. 2, лл. 237—238. Подлинник.

Перевод
Пера

Господин канцлер!

Каратеодори-паша объявил мне недавно о том, что Порта в соответствии с постановлениями Берлинского трактата назначила генерал-губернатора для Восточной Румелии, что выбор султана остановился на Рустем-паше и был одобрен всеми державами, в том числе Россией ¹.

Я не преминул заметить министру, что до тех пор пока Органический устав этой провинции не разработан и не обнародован, Рустем-паша вынужден быть лишь генерал-губернатором in partibus *, и что поэтому Порта могла бы, без ущерба для интересов Румелии, прилагать больше усердия к выполнению других положений Берлинского трактата, чем того, которое он упоминал.

Министр ответил мне, что Порта пожелала не медлить с этим назначением, чтобы дать Рустем-паше время ознакомиться с делами, которыми ему предстоит заниматься.

Мысль о немедленном назначении генерал-губернатора Румелии была недавно подсказана Порте английским послом в надежде, что это даст ему возможность захватить в свои руки администрацию провинции до завершения работ Европейской комиссии. Этот расчет входит в планы, которые британское правительство, как и его представители в Константинополе и Филиппополе, стремится любой ценой осуществить.

В моей беседе с Каратеодори-пашой я пытался заставить его понять, что императорское правительство не собирается удалять русскую администрацию до тех пор, пока администрация, предусмотренная Берлинским трактатом, не будет готова ее заменить.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин канцлер, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугой

Лобанов

1. Поспешное определение Рустема-паши на должность генерал-губернатора Восточной Румелии, с согласия прежде всего английского правительства, имело целью обеспечить турецкое господство в управлении этой провинцией, господство турецкого мев-

* Отчасти (лат.).

шинства в ней и превращение ее в обыкновенный турецкий вилайет. Однако русское правительство, поддержанное самым активным образом болгарским общественным мнением в Восточной Румелии, смогло помешать осуществлению этого замысла. Кандидатура Рустема-паши была отведена, и начались поиски нового кандидата на пост генерал-губернатора, который по своей национальной принадлежности и политическим взглядам был бы более приемлем для болгарского населения Восточной Румелии и для русского правительства. Позднее по общему согласию генерал-губернатором Восточной Румелии был назначен Алеко Богориди, один из высших турецких государственных сановников, болгарин по происхождению. О перипетиях этой кампании см. газету «Марица», № 47 от 9.I 1879 г.; № 53 от 30. I 1879 г.; № 71, от 6.IV 1879 г.; № 72, от 10.IV 1879 г.; № 76 от 24.IV 1879 г.; № 78 от 1.V 1879 г. и др., а также док. 373 и примечание 3 к нему.

№ 223

1878 г. декабря 15. — Обращение Филиппопольского благотворительного комитета «Единство» к старейшинам с. Големо Конаре Овчехолмского округа с призывом организовать благотворительный комитет и оказать помощь Кресненскому восстанию

№ 37

Пловдив

Вам са известни движенията на цял български народ и усилията му, за да ся избави от онова страшило за бъдността му, което се казва: решение на Берлинский трактат. Известно ви е също, че както на всякаде из България, тъй също и тука в Пловдив съществува комитет под име «Единство»¹, който свързан с четирите пловдивски околии: Овчехълмска, Стремска, Сърнегорска и Конушка, работи за осъществлението на тая свята цел и за обединението на всички части на българский народ, гдето те и да се намират по всичкий Балканский полуостров. Вашето село не е вече просто едно селце, а центр на една голяма околия с толкова много села. Нам е чудно защо ви[й] до днес оставате тъй хладнокръвни и не земите участие в това дело? Да не би да ви се ще, де се повърне пак башибозушката власт над нас? В името и в интереса на народа и като българе патриоти ний ви поканваме, да се завземете ви[й], да си съставите в селото «Дружество»² също както навсякъде; да наредите хора, които да отиват по всичката ваша околия и да надгледват дали [се]върши точно всичко; да си внесете ви[й] най-напред помощта според селото ви, а че да подканяте и други да си я внесат; да опишите в селото си колко души има, които щът да могът да постъпят да ся обучават на оръжие и колко момчета щът се найде, които самоволно да искат, щото, днес за днес да са готови за където ги поискаме — колко души имат оръжия и колко немаат и за всичко това да ни пратите списък. Да пригответе час по-скоро няколко ката зимни дрехи като: шинели, обуца, завивки на краката и ръцете, полушубки (кожуси) и др. Да пригответе писмет и да гледате да дойде по 10 или 15 оки на къща, като го разметните праведно, секиму според състоянието му. Всичките тия неща, ще да настоявате щото, в[ъв] всичката ваша околия да се извършат час по-скоро. Като си внесете помощта час по-скоро да ни донесете и писмо-отговор на казаното ви. Ний се храним с надеждата, че тойзи отговор ще да бъде задоволителен. Уверени сме в[ъв] ваший патриотизъм.

За председателът
Д. Н. Матевски

НБКМ—БИА, II А 6688. Автограф. Печать: Българско дружество «Единство». 1878.

1. Бывшие деятели национально-освободительного движения периода до освобождения страны Д. Матевский, Д. Стамболов, Ив. Андонов, Л. Свештаров и Г. Крумов основали 16 августа 1878 г. в Филиппополе комитет «Единство», который позднее исполнил функции Центрального фракийского комитета. Цель его была возглавить борьбу болгар Фракии против решений Берлинского конгресса. Комитет поддерживал связи с комитетом «Единство» в княжестве Болгарии. Во время работы Учредительного собрания в Тыр-

нове (февраль—апрель 1879 г.) Д. Цанков в качестве его представителя работал в тесной связи с Тырновским комитетом «Единство» (см. 3, стр. 6—7; 90, стр. 321—322 и публикуемые в томе документы 356, 360, 365, 370, 373, 374, 376—378, 381, 383).

2. Имеется в виду гимнастическое общество как отделение комитета «Единство».

№ 224

1878 г. декабря 15. — Предписание М. А. Домонтовича Софийскому санджаковому казначейству о выдаче средств на переустройство здания для публичной библиотеки в Софии *¹

№ 4858

Предлагаю Софийскому санджаковому казначейству ассигнованные в мое распоряжение расходным расписанием за № 4801 на приспособление здания для помещения публичной библиотеки в г. Софии 2 тыс. фр., составляющих на российскую звонкую монету 500 руб., выдать помощнику начальника отделения титулярному советнику Крыжановскому для доставления старшему чиновнику особых поручений при его сиятельстве князе комиссару камер-юнкеру Полякову.

Директор канцелярии генерал-майор Домонтович
Бухгалтер Ещенко

Расписка Крыжановского: 1878 г. декабря 16 дня пятьсот руб., в том числе: 88 турецких лир на 498 руб. 96 коп., банковым серебром 1 руб., размен[ными] — 4 коп. получил. П[омощник] п[ачальника] о[тделения]. Крыжановский.

ЦГВИА, ф. 430, д. 81, л. 438. Подлинник. Печать канцелярии российского комиссара в Болгарии.

1. Народная библиотека имени Кирилла и Мефодия в Софии — самая большая национальная библиотека Болгарии. Основана 10 декабря 1878 г. при содействии софийского губернатора П. В. Алабина и профессора М. С. Дринова. Первоначально книжный фонд комплектовался из книг, подаренных болгарами и русскими (см. док. 185 и прим. 7 к нему).

№ 225

1878 г. декабря 17. — Отношение А. Д. Столыпина А. Б. Лобанову-Ростовскому о стремлении английского комиссара в Восточной Румелии Г. Друммонда Вольфа обвинить русскую администрацию в притеснениях турецкого населения

№ 332

Не получая до сих пор никакого официального уведомления относительно соглашения, состоявшегося будто бы между маркизом Салисбюри и графом Шуваловым **, известие о коем мне было сообщено британским комиссаром, я тем не менее уже начинаю сильно ощущать невыгодные для русской администрации последствия этого соглашения.

Сэр Генри Друммонд Вольф, более 10 дней как получивший по сему предмету точные инструкции, изощряется изыскиванием всяких фактов, говорящих в пользу притеснения турецкого населения страны, настойчиво обращает на эти факты мое особое внимание и письменно протестует против оных именем своего правительства ¹.

К счастью для меня, благодаря случайности, первые два упорные протеста сэра Г. Друммонда Вольфа более невыгодны для него, чем для русской администрации, так как факты, им сообщаемые в письме от 14 (26) декабря ***, оказались совершенно ложными, а прошение, препровожденное

* С.м. док. 185, 288.

** С.м. док. 219.

*** С.м. то же дело, л. 331—331об.

при письме от 10 декабря *, не было подтверждено просителями при допросе их мною. Факт этот мне показался до того существенным, что я немедленно отправил просителей к британскому комиссару в сопровождении моего правителя канцелярии и поручил ему последнему, изложив с[эр]у Г. Друммонду Вольфу обстоятельства дела, протестовать энергично против такого рода лишенных основания жалоб и частого беспокойства ими представителей русской власти.

Как в моем присутствии, так и в присутствии британского комиссара допрошенные турки показали, что они никогда не жаловались на разрушение их домов и мечети русскими солдатами, а обратились лишь в Европейскую комиссию с просьбою о пособии на восстановление мечети и постройку школы.

С[эр] Г. Друммонд Вольф был, как мне доложили, видимо, озадачен этим совершенно для него неожиданным обстоятельством, рассылался в извинениях и обещал впредь быть более осторожным в выборе предметов своего заступничества и своих протестов именем королевы и императрицы.

Сожаление свое о случившемся с [эр] Г. Друммонд Вольф обещал изложить в письме на мое имя.

Доводя о вышеизложенном случае до сведения вашего сиятельства, я вместе с тем считаю долгом вновь настоятельно просить вас благоволить не отказать мне в надлежащих указаниях по поводу упомянутого сообщенного мне стороною соглашения нашего правительства с английским, так как протесты британского комиссара могут ежечасно повториться, и я положительно не знаю, как и чем на них отвечать.

Пользуюсь сим случаем и т. д.

ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 33, лл. 333—334об. Копия. Литографированный экземпляр.

1. О попытках Друммонда Вольфа отыскать какие-либо факты притеснения турок в Восточной Румелии и установить наблюдение за деятельностью русской администрации см. записку А. Д. Столыпина Э. И. Тотлебену от 12 декабря 1878 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8792, лл. 116—117).

№ 226

1878 г. декабря 17 (29). — *Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о стремлении некоторой части депутатов Учредительного собрания ограничить власть князя ***

№ 13

Sofia

Monsieur le sénateur!

J'ai eu l'occasion de m'entretenir en dernier lieu avec quelques Bulgares qui se trouveront au nombre des notables dans la prochaine réunion à Tyrnovo. Je les ai trouvés très préoccupés de l'avenir du pays et se rendant compte de l'importance des résolutions qui seront prises dans cette assemblée.

C'est avec angoisse qu'ils voient approcher le moment où nos troupes quitteront la principauté et où le régime provisoire sera remplacé par un gouvernement indigène; le nombre de Bulgares capables de remplir des fonctions administratives, judiciaires et autres est fort restreint et ceux même qui ont fait des études sérieuses en Russie, en Autriche ou en France n'ayant pas habité le pays, ne connaissent ni ses besoins, ni ses aspirations; il est à craindre qu'ils se laissent entraîner par des théories, applicables peut-être à des nations qui ont déjà atteint un certain degré de développement intellectuel, mais inadmissibles et même dangereuses ici.

Parmi les Bulgares des villes qui ont reçu de l'instruction dans les écoles indigènes il y en a plusieurs qui ont été admis sous le régime turc aux fon-

* В деле отсутствует.

** См. док. 206.

ctions publiques et ont acquis une certaine expérience dans le maniement des affaires. Quelques-uns d'entre eux se sont assimilés les procédés turcs et ne comprendraient guère les exigences d'une administration impartiale et intégrale, les autres ont su résister à la corruption générale et sont restés honnêtes et bons patriotes, mais tous sont pour le moment également impopulaires et leurs noms ne sortiraient certainement pas des urnes électorales.

Malgré les inconvénients qu'offre cet état de choses et le peu d'espoir qu'ont les Bulgares eux-mêmes de pouvoir constituer une chambre capable d'exercer un contrôle intelligent sur les actes du gouvernement, le désir général, en tant du moins que j'ai pu le constater, est que le pouvoir du prince soit limité. Ce désir me semble légitime en présence de l'incertitude planant sur la personne qui sera appelée à régner en Bulgarie. Les candidats dont les noms se trouvent dans toutes les bouches sont ceux du général comte Ignatiew et du prince Dondoukoff-Korsakoff. Ces deux noms sont également populaires à divers titres, et la nation remettrait ses destinées avec confiance entre les mains de l'un de ces hauts dignitaires. Du moment que, par la force des circonstances, ces candidatures sont écartées, les Bulgares se disent que ce seront des considérations politiques qui devront présider à l'élection, et tiennent à se prémunir contre l'arbitraire d'un prince dont les qualités personnelles leur seront inconnues.

Outre les difficultés que je viens d'exposer, les Bulgares en trouvent d'autres encore dans les limites assignées à la principauté par le traité de Berlin, ils envisagent la situation actuelle comme essentiellement transitoire et espèrent que d'une manière ou de l'autre la question politique sera réglée dans le sens de leurs aspirations nationales; alors seulement ils se préoccuperaient de leur organisation intérieure. Ce qu'ils désiraient actuellement, ce serait la prolongation du statu quo et le maintien de l'occupation russe au moins pour un an.

Pour ma part je ne saurais me rallier à cette opinion. Il me semble qu'en remettant à un an l'organisation définitive de la principauté on ne gagnerait rien; le développement intellectuel de la nation ne s'améliorerait pas d'une manière sensible et les inconvénients d'un ordre de choses provisoire se feraient sentir de plus en plus. Il faut que la nation apprenne à se gouverner elle-même, et cette science ne s'acquiert que par la pratique. Je crois qu'en prolongeant notre tutelle nous ne rendrions pas un service réel à la Bulgarie. Ce qu'il importerait, ce serait, en abandonnant la nation à elle-même, de lui tracer la voie qu'elle doit suivre pour arriver sans secousses ni agitations intérieures à son organisation définitive; il serait peut-être dangereux de la lier d'avance par des institutions gouvernementales peu en harmonie avec ses besoins actuels, et il faudrait laisser le champ libre à son initiative personnelle dans un avenir plus ou moins rapproché.

Le prince Dondoukoff a eu la bonté de me faire communiquer confidentiellement le projet de Statut organique élaboré par son ordre et qui se trouve depuis quelque temps déjà entre les mains de votre excellence.

N'ayant pas à en faire l'analyse, je me permettrai cependant une seule observation. Il me semble que ce projet a précisément l'inconvénient que je signalais, celui de lier d'avance la nation qui pourrait un jour, si le fonctionnement des nouvelles institutions était défectueux, nous faire le reproche de l'avoir lancée dans une fausse voie. Ne serait-il pas préférable de donner à ce pays une organisation moins compliquée, capable d'un développement ultérieur et qui y serait établie pour un temps limité, par exemple, pour cinq ans.

L'impression que j'ai retirée de mes entretiens avec quelques-uns des notables est que, tout en désirant la limitation de l'autorité du prince, ils comprennent la nécessité d'avoir dans les circonstances actuelles un pouvoir fort et d'éviter au pays, pour quelques années du moins, les agitations et les intrigues d'élections périodiques. Il me semble qu'ils se contenteraient d'institutions qui, sans être revêtues de formes constitutionnelles dans le sens classique du mot, auraient pour base le système du gouvernement représentatif et pourraient facilement être développées au fur et à mesure que croitraient les exigences de la nation.

J'ose espérer que votre excellence voudra bien me pardonner de l'avoir entretenue si longuement de cette question; j'ai cru devoir le faire vu l'influence qu'exerceront sur l'avenir de la Bulgarie les décisions qui seront prises à Tournovo.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect,

monsieur le sénateur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur
A. Davydov

Помета Александра II: Il me semble que son point de vue est juste et j'espère qu'il en aura fait part au pr. Dondoukoff.

Помета о получении: Reçu le 12 Janvier.

АВПР, ф. ГА, V — А₂, д. 911, лл. 51—56. Подлинник.

Перевод
София

Господин сенатор!

Я имел случай беседовать недавно с несколькими болгарами, которые будут находиться в числе нотаблей на предстоящем вскоре в Тырнове собрании. Я увидел, что они весьма озабочены будущим страны и сознают всю серьезность решений, которые будут приняты в этом собрании.

С тревогой ждут они приближения момента, когда наши войска покинут княжество, и временный режим будет заменен местным управлением; число болгар, способных выполнять административные, судебные и прочие функции, весьма ограничено; даже те, которые получили серьезное образование в России, Австрии или Франции оттого, что они не жили в своей стране, не понимают ее нужд и стремлений, и следует опасаться, что они дадут себя увлечь теориями, возможно, применимыми к нациям, уже достигшим известной степени интеллектуального развития, но недопустимыми и даже опасными здесь.

Некоторые из городских болгар, получивших образование в местных школах, при турецком режиме были допущены к общественным должностям и приобрели известный опыт в ведении дел. Одни из них усвоили турецкие методы и совершенно не поняли бы требований, предъявляемых к честной и беспристрастной администрации, другие стали бы сопротивляться всеобщей коррупции и остались бы честными патриотами, но в настоящий момент и те и другие одинаково непопулярны, и их имена, конечно, не выйдут за пределы избирательных урн.

Несмотря на неудобства, создаваемые таким положением вещей и слабой надеждой болгар на создание парламента, способного осуществлять разумный контроль над действиями правительства, все желают, насколько я смог это отметить, чтобы власть князя была ограниченной. Это желание мне кажется законным при существующей неопределенности относительно лица, которое будет призвано царствовать в Болгарии. Кандидаты, чьи имена у всех на устах, — генерал граф Игнатев и князь Дондуков-Корсаков. Оба эти имени одинаково популярны по разным причинам, и население готово доверчиво отдать свою судьбу в руки одного из этих высоких сановников. Но, поскольку силою обстоятельств эти кандидатуры отстранены, болгары говорят себе, что при выборах будут иметь решающее значение политические соображения, и стремятся оградить себя от произвола князя, чьи личные качества им неизвестны.

Помимо этих вышеупомянутых трудностей, болгары также видят трудности в вопросе о границах, установленных для княжества Берлинским трактатом; они рассматривают настоящую ситуацию как переходную по своему существу и надеются, что так или иначе политический вопрос будет урегулирован в духе их национальных стремлений; и только тогда они будут заниматься своей внутренней организацией. В настоящий момент они хотя бы продления *status quo* и сохранения русской оккупации по крайней мере на год.

Что касается меня, я не могу присоединиться к этому мнению. Мне кажется, что ничего не выигрывают, откладывая на год окончательную организацию княжества; интеллектуальное развитие нации не улучшилось бы заметным образом, а неудобства временного положения стали бы еще более ощутимыми. Нужно, чтобы нация научилась управлять собой, а эта наука дается только практикой. Я думаю, что, продлив нашу опеку,

мы не оказали бы этим действительной услуги Болгарии. Следовало бы, предоставив нацию самой себе, указать ей путь, которым она должна следовать, чтобы прийти без внутренних потрясений к окончательной организации; возможно, было бы опасно заранее связывать ее правительственными учреждениями, мало соответствующими ее нынешним нуждам, и следовало бы в более или менее скором будущем дать место ее собственной инициативе.

Князь Дондуков имел любезность конфиденциально сообщить мне проект Органического статута, выработанный по его приказу и находящийся уже в руках вашего высокопревосходительства.

Не собираясь его анализировать, я позволю себе лишь одно замечание. Мне кажется, что этот проект неудобен тем, что, как я отмечал, заранее связывает нацию и если действительность новых учреждений окажется неудачной, она сможет упрекнуть нас в том, что мы толкнули ее на ложный путь. Не предпочтительнее ли было бы дать этой стране менее сложную и способную к дальнейшему развитию организацию, которая была бы там установлена на ограниченный срок, например на пять лет.

Я вынес из разговоров с некоторыми из нотаблей впечатление, что, желая ограничения власти князя, они сознают необходимость при нынешних обстоятельствах иметь сильную власть и избавить страну, по крайней мере на несколько лет, от волнений и интриг, сопутствующих периодическим выборам. Мне кажется, они удовлетволялись бы учреждениями, которые, не будучи облечены в конституционные формы в классическом смысле слова, имели бы основой представительную систему управления и легко могли бы развиваться по мере роста потребностей нации.

Смею надеяться, что ваше высокопревосходительство соблаговолите простить мне столь пространное изложение вопроса; я нашел это нужным, принимая во внимание влияние, которое окажут на будущее Болгарии принятые в Тырнове решения.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин сенатор,
вашего высокопревосходительства нижайшим и покорнейшим слугой

А. Давыдов

Помета Александра II: Мне кажется, его точка зрения справедлива, и надеюсь, что он выскажет ее князю Дондукову.

Помета: Получено 12 января.

№ 227

*1878 г. декабря 18. — Записка Министерства иностранных дел о намерении Турции предоставить России в возмещение военных убытков право взимания подати с Болгарии и о неприемлемости этого предложения для России **

Il nous est revenu que Kara-Theodory-pacha a fait demander au cabinet anglais s'il consentirait à ce que la Porte proposât à la Russie de prendre le tribut bulgare au lieu de l'indemnité de guerre ¹.

La proposition ne nous a pas été faite et nous ne connaissons pas l'opinion émise par le gouvernement anglais sur cette combinaison.

Il serait donc prématuré de la discuter. Néanmoins il peut être utile de l'étudier pour le cas où elle serait mise en avant.

Il en avait été question à Berlin au moment où s'ouvrait la discussion sur le sort de la Bulgarie. Lord Salisbury avait suggéré au comte Schouvalow de reconnaître l'indépendance complète de la Bulgarie au nord des Balkans à condition que la Russie renoncerait à exiger de la Porte l'indemnité de guerre stipulée par le traité de San-Stéfano. Il eut été réservé à la Russie de prélever elle-même le tribut de la Bulgarie jusqu'à extinction de la somme totale de cette indemnité.

En soumettant cette idée au cabinet impérial, le comte Schouvalow l'avait jugée digne d'un mûr examen. D'un côté l'indépendance complète de la Bulgarie semblait de nature à satisfaire l'opinion publique russe. D'autre part, notre ministre des finances n'attachait aucune valeur à l'indemnité de guerre qu'il ne croyait pas la Turquie en état de jamais payer.

* См. док. 197.

Ce serait l'Angleterre elle-même qui aurait érigé la Bulgarie en état tributaire de la Russie. Enfin nous pourrions toujours marchander afin d'obtenir que cet échange ne se fit que pour une partie de l'indemnité.

La décision de sa majesté l'empereur sur cette combinaison fut portée à la connaissance du chancelier de l'empire. Notre auguste maître avait jugé que toute idée de nous faire payer par les Bulgares le prix de leur délivrance devait être exclue comme indigne de nous. Elle nous placerait vis-à-vis de ces populations dans une position fautive qui tôt ou tard nous obligerait à leur faire abandon de toute indemnité. Toutefois la reconnaissance de l'indépendance complète de la Bulgarie offrait des avantages qui méritaient d'être pris en sérieuse considération. Mais on ne pourrait se prononcer que quand les discussions au sujet de la délimitation des deux Bulgaries, de leur organisation et de toutes les questions qui s'y rattachaient auraient permis d'apprécier en combien les arrangements pris pourraient se concilier avec l'idée de lord Salisbury.

La proposition dont il s'agit actuellement diffère essentiellement de celle mentionnée ci-dessus.

Il n'est plus question de l'indépendance complète de la Bulgarie sur laquelle on ne pourrait pas revenir sans enfreindre le traité de Berlin. Par conséquent, le principal avantage qu'offrait la combinaison précédente n'existe plus. Ce n'est plus qu'un simple échange de l'indemnité de guerre contre le tribut bulgare.

En outre, il faut remarquer qu'en vertu d'une clause expresse du traité de Berlin: «la Bulgarie devant supporter une part de la dette publique de l'empire, lorsque les Puissances détermineront le tribut, elles prendront en considération la partie de cette dette qui pourrait être attribuée à la principauté sur la base d'une équitable proportion».

D'après cela la part afférente à la principauté dans la dette de l'empire turc resterait séparée du tribut et il n'est pas probable que les Puissances avides de rentrer dans leurs fonds consentent à y renoncer.

La question à résoudre se borne donc à une simple opération financière consistant à prélever annuellement une partie de l'indemnité de guerre due par la Turquie, sous la forme de l'encaissement du tribut bulgare. Or, ce tribut réduit de la part de la dette turque afférente à la principauté, ne pourrait atteindre le chiffre des 300 millions de l'indemnité qu'au bout d'un laps de temps très considérable.

Ce serait un bail à long terme qui aurait des inconvénients qu'il semble inutile de développer.

Prélevée sur la Bulgarie, l'indemnité serait irrévocablement perdue, car selon le jugement de notre auguste maître, il serait peu digne de la Russie de faire payer aux Bulgares le prix de nos services.

En maintenant le paiement de cette indemnité par la Turquie, lors même que nous aurions peu de chances de la recouvrer, elle resterait pour nous un moyen de peser sur la Porte et peut-être d'en obtenir quelques concessions.

ЦГИА СССР, ф. 1614, оп. 1, д. 76, лл. 1—5. Копия. Литографированный экземпляр.

Перевод

Нам стало известно, что Каратеодори-паша запросил английский кабинет, согласится ли он с тем, чтобы Порты предложила России взимать с Болгарии дань взамен уплаты военных издержек¹.

Это предложение нам не было сделано, и мы не знаем, каково мнение английского правительства об этой комбинации.

Поэтому было бы преждевременным обсуждать это предложение; тем не менее изучение его может быть полезно на тот случай, если оно будет выдвинуто.

Вопрос об этом был поднят в Берлине в то время, когда открывалась дискуссия о судьбе Болгарии. Лорд Солсбери предложил графу Шувалову признать полную неза-

зависимость Болгарии на севере Балкан при условии, что Россия откажется от возмещения Портой военных издержек, оговоренного Сан-Стефанским договором. *России было бы предоставлено право взимать дань с Болгарии до погашения полной суммы возмещения военных издержек.*

Представляя этот план императорскому кабинету, граф Шувалов счел его достойным пристального изучения. С одной стороны, полная независимость Болгарии удовлетворяет русское общественное мнение. С другой стороны, наш министр финансов не придает никакого значения возмещению военных издержек, которое выплатить, по его мнению, Турция никогда не сможет.

Таким образом, *сама Англия поставила бы Болгарию в состояние трибутарной зависимости от России.* Наконец, мы могли бы продолжать торговаться и добиться, чтобы этот обмен был произведен только за часть возмещения издержек.

Решение его величества императора по вопросу об этой комбинации было доведено до сведения имперского канцлера. Наш августейший повелитель решил, что любая идея заставить болгар заплатить нам за свое освобождение должна быть отвергнута как недостойная нас. Она поставила бы нас по отношению к этим народам в ложное положение, которое рано или поздно вынудило бы нас отказаться от всякого возмещения военных издержек. Тем не менее признание полной независимости Болгарии предоставило бы преимущества, которые следовало бы серьезно рассмотреть. Но свое мнение можно будет высказать только тогда, когда дискуссии по поводу разграничения обеих Болгарий, их организации и по всем вопросам, относящимся к этому, позволят оценить, насколько принятые соглашения могут согласоваться с мыслью лорда Солсбери.

Предложение, о котором идет речь в настоящее время, существенно отличается от вышеупомянутого предложения.

Нет более ни одного вопроса, связанного с полной независимостью Болгарии, который можно было бы вновь обсуждать, не посягая на Берлинский трактат. Следовательно, основное преимущество, предоставляемое вышеупомянутой комбинацией, уже более не существует. Это всего лишь простая замена возмещения военных издержек болгарской данью.

Кроме того, следует заметить, что в силу особой статьи Берлинского трактата: «Так как Болгария обязана нести часть государственного долга империи, державы при определении дани примут в расчет ту часть долга, которая должна будет пасть на долю княжества по справедливому распределению».

В этом случае часть долга турецкой империи, приходящаяся на княжество, осталась бы отделенной от дани и несомненно, что державы, жаждущие получить то, что им причитается, не согласятся от этого отказаться. Итак, вопрос, который следует решить, ограничивается простой финансовой операцией, состоящей в ежегодном взимании части возмещения военных издержек, возлагаемых на Турцию, в форме инкассации болгарской дани. Но так как эта дань частью сокращена турецким долгом, приходящимся на княжество, она сможет достичь цифры в 300 млн. возмещения военных издержек только по истечении весьма долгого времени.

Это явилось бы долгосрочным арендным договором, имеющим неудобства, излагать которые нет надобности.

Возмещение военных издержек, возложенное на Болгарию, было бы бесповоротно потеряно, так как, *по мнению нашего августейшего государя, было бы недостойно России заставлять болгар платить за услуги, оказанные им нами.*

Настаивая на выплате этого возмещения Турцией, хотя у нас мало шансов его получить, мы сохраняем тем самым способ оказания давления на Порту и, может быть, получим от нее некоторые уступки.

1. Эта идея уже выдвигалась англичанами на Берлинском конгрессе, а позднее — турками. Д. А. Милютин заметил по этому поводу в своем дневнике от 20 декабря 1878 г.: «Возникает опять мысль о том, чтобы уплата наложенной на Турцию 300-миллионной контрибуции была обращена в зачет дани с княжества Болгарского. Мысль эта была высказываема еще во время Берлинского конгресса, но мы устранили ее, понимая вполне затаенную цель наших врагов — поставить Россию в неловкие отношения к созданному ею княжеству. Вероятно, и теперь предположение это будет отклонено» (см. 57, стр. 107. Об этом же см. док. 73 и примечание к нему).

1878 г. декември 19. — Протокол заседания Софийского городского совета с представителями населения города о праздновании годовщины освобождения Софии русскими войсками

№ 50

Колегиялно заседание на градският управителен съвет с почетни някои си от гражданите, 19 декември 1878 г.

Присъствували: председател Д. Димов, действителни членове: Иван Андонов, Стоянчо Цветков и член секретар М. К. Буботинов.

Разглеждали: Въпросът по ознаменованиято денът 23 декември от миналата година, в който с влизанието си победоносните руски войски в градът уведоха в нов живот с политическа свобода жителите на старият Средец.

Справка

Понеже се удобри да стане ознаменованиято на тоя ден за памет на потомството с всенародно празнувание тая година и по тоя начин да се следва подобно тържество ката година на 23 декември, който да остане народен празник за софийците.

Постановиха:

- 1) избирането на една комисия която да се распореди за приготвянето на тоя празник по особно предписана програма;
- 2) следното обявление да са публикува на жителите, за да се справят по каква програма да празнуват денът.

Обявление

Градският съвет, като предлага на софийските граждани празнуваниято достопамятний ден на освобождението на София в събота на 23 того, обявява:

- а) в 8 $\frac{1}{2}$ часът заранта в съборната църква ще стане парастас за изгиналите в Софийското поле храбри руски войници;
- б) в 9 часът тоже в съборната црква ще се започне божествената служба;
- в) подир службата с литгия ще се отиде на Гурковата площад (Куру чешма), гдето ще се и испее благодарствен молебен;
- г) вечерта ще стане в целий град пълна илюминация; 1878 декември 20, София;
- з) да се определи депутация, която подир отслужванието на църковната процесия да се представи пред негово сиятелство императорский росийский комисар княз Дондуков Корсаков, за да му изрази в тоя сгоден час чувства от дълбока признателност за голямата милост към българский народ на цар освободител ни, с молба при това негово сиятелство да благоизволи да преведе тия чувства на софийските българе и пред престолът на негово величество всеросийский император ¹.

Председател Д. Димов
С. Цветков

СГОДА, ф. 1 К, оп. 1, д. 1, л. 36. Подлинник.

1. Традиция торжественного празднования годовщины освобождения Софии от турецкого ига сохранилась и до настоящего времени.

1878 г. декабря 21. — Письмо А. М. Горчакова П. А. Шувалову
о необходимости гарантий автономии Восточной Румелии со сто-
роны европейских держав после вывода русских войск

Confidentielle

Mon cher comte!

Dans son dernier entretien avec vous, lord Salisbury vous a dit que le gouvernement anglais n'avait pas l'intention de s'opposer, une fois pour toutes, à la formation d'une grande Bulgarie, que c'était une question de temps, — mais qu'il était indispensable d'exécuter le traité de Berlin afin que la Roumélie pût durer quelques années et qu'il fallait, par conséquent, que les Bulgares fussent informés que s'ils s'insurgeaient après la sortie de nos troupes, ils s'exposeraient infailliblement à l'occupation mixte*.

Ce n'est pas la première fois que le principal secrétaire d'Etat de sa majesté britannique émet cette idée. A Berlin déjà il vous avait dit que les deux Bulgaries devaient nécessairement se réunir avec le temps.

En présence de cette conviction, on se demande comment des hommes d'Etat aussi pratiques que les Anglais, ont pu se mettre obstinément en travers d'une solution voulue par la force des choses, pourquoi ils ont tenu à prolonger gratuitement les souffrances d'une population déjà si fort éprouvée et lui faire acheter encore, par des flots de sang, un résultat jugé inévitable dans l'avenir, un résultat déjà réalisé de fait par les victoires de nos armées et que l'Europe n'avait plus qu'à sanctionner afin de rendre à ces malheureuses contrées une prospérité dont elles n'ont jamais joui.

Faut-il penser que le gouvernement anglais n'a pas voulu accorder ce bienfait aux Bulgares parce qu'ils en auraient été redevables aux armes russes et auraient été obligés à la reconnaissance envers nous? A-t-il préféré les faire attendre afin qu'ils reçoivent plus tard ce bienfait des mains de l'Europe et puissent être détachés des liens d'affection et de gratitude qui les unissent à la Russie? Ou bien le gouvernement anglais a-t-il simplement ajourné cette solution finale jusqu'au moment où il aurait complété les mesures de précaution qu'il juge nécessaires afin de la rendre inoffensive en vue des intérêts anglais?

Voilà des questions que nous serions en droit de nous poser afin d'expliquer dans quel but on joue ainsi avec la vie des peuples et avec les intérêts de la paix et de l'humanité,

Nous aimons mieux nous placer pratiquement au même point de vue que le marquis de Salisbury, c'est-à-dire la nécessité d'assurer la scrupuleuse exécution du traité de Berlin afin de laisser le temps faire son œuvre et préparer les matériaux des solutions prévues.

Mais, à ce point de vue, il nous semble que le marquis de Salisbury se trompe en croyant qu'il suffit pour cela d'une injonction aux Bulgares de ne point s'insurger, sous peine d'encourir une occupation mixte.

A notre avis, ce résultat ne peut être atteint que si, de leur côté, les Puissances se mettent d'accord pour assurer la stricte exécution des promesses faites aux Bulgares de la Roumélie Orientale, c'est-à-dire une administration autonome efficacement garantie contre le retour des abus du régime turc.

Ce n'est qu'alors, selon nous, qu'on pourra leur demander une sagesse bien difficile à attendre de la part de populations encore primitives, dont les passions sont surexcitées à la fois par les ressentiments du passé et les craintes de l'avenir.

Ce n'est pas seulement le désir de la vengeance ou l'ardeur des aspirations nationales qui peuvent porter les Bulgares de la Roumélie à protester contre les décisions du congrès de Berlin. Ils savent que le traité les replace, de fait,

* С.м. док. 219.

sous l'autorité turque; que celle-ci ressaisira son pouvoir effectif grâce au droit qui lui est réservé de nommer le gouverneur, le commandant et les officiers de la milice, et d'entretenir des troupes turques dans les Balkans; ils sont convaincus par une triste expérience, que la Porte usera et abusera de ses droits, en vue de rétablir l'ancienne oppression, rendue plus cruelle encore par le désir des représailles, et qu'elle y trouvera une grande facilité grâce au retour des émigrés musulmans rentrant chez eux avec des sentiments de vengeance et pouvant à tout moment provoquer des désordres en vue desquels le gouverneur a le droit de faire entrer des troupes turques.

Ils se demandent avec effroi qui les garantira contre de nouvelles persécutions et de nouveaux massacres le jour où les troupes russes auront quitté le pays et il est naturel qu'ils cherchent, dès à présent, à apitoyer l'Europe afin de prévenir le triste sort qui les attend.

Le seul moyen de les calmer, c'est de leur montrer les grandes Puissances fermement unies dans l'intention de faire respecter leurs décisions, non seulement par les Bulgares, mais aussi par les Turcs; c'est de procéder à l'organisation du pays de manière à entourer les institutions autonomes de la Roumélie Orientale de garanties propres à inspirer aux populations une entière confiance dans leur efficacité et dans la résolution des Puissances de les protéger.

Il faudrait, en un mot, que nous fussions à même de dire aux Bulgares: «La Russie a fait tout son possible pour vous délivrer et vous rendre une existence nationale indépendante; les intérêts de la paix générale ne lui ont pas permis de réaliser complètement son œuvre, mais l'Europe, qui s'y est opposée, a pris sur elle de vous doter d'une existence autonome qui constitue un progrès considérable vers un meilleur avenir. Elle en a assumé la garantie et la remplira. Ayez confiance en elle et, de votre côté, montrez par votre patience et votre déférence aux vœux des Puissances, que vous méritez leur bienveillance et que vous êtes suffisamment mûrs pour que les avantages qui vous sont accordés soient une garantie, et non une menace pour la paix générale».

Nous demandons au marquis de Salisbury si la situation présente comporte, de notre part, une semblable assurance.

La cause de cette situation réside principalement dans les défiances réciproques qui séparent les gouvernements et qui, s'étendant à leurs agents secondaires, acquièrent sur place le caractère d'un véritable antagonisme.

Le cabinet anglais nous a soupçonnés et accusés de vouloir faire de la Bulgarie une province russe et c'est pourquoi il l'a réduite au minimum sans aucun égard pour les vœux et les droits des populations. Il nous a soupçonnés et accusés de vouloir y éterniser notre occupation, et c'est pourquoi il y a fixé un terme absolu et rapproché, sans aucun égard pour les circonstances qui peuvent se produire à l'échéance de ce terme.

Il nous soupçonne encore aujourd'hui de vouloir implanter en Bulgarie et en Roumélie l'influence exclusive de la Russie et d'encourager, d'exciter ces deux fractions de la nation bulgare à protester, même par l'insurrection, contre les décisions de l'Europe qui les ont séparées, afin de défaire, par le jeu des intrigues politiques, l'œuvre du congrès de Berlin.

De notre côté, nous avons pu, non sans raison, soupçonner l'Angleterre d'avoir voulu dépouiller la Russie des fruits de ses sacrifices et de ses victoires, défaire par la diplomatie l'œuvre de délivrance accomplie par ses armes, rendre à la Turquie réduite tout son pouvoir oppressif au sud des Balkans, grâce à des institutions autonomiques *illusoires* et éliminer les éléments chrétiens de la Roumélie par l'extermination, l'expulsion et la persécution.

Ces suspicions (mutuelles) ont malheureusement été envénimées par la conduite des fonctionnaires des deux gouvernements. Quelques propos inconsidérées de nos agents ont pu confirmer les défiances dont nous sommes l'objet. Les procédés des agents britanniques, la légèreté avec laquelle ils accueillent et propagent des accusations sans preuves contre nos chefs militaires et contre les Bulgares, leur préoccupation visible de contrecarrer en tout l'action de nos autorités sous prétexte d'assistance et de contrôle et de prendre en mains l'administration des pays occupés sous prétexte de

les organiser, tout cela n'est pas fait pour inspirer ni à nous, ni aux Bulgares la confiance réquise dans l'efficacité de la protection européenne le jour où nos troupes auront évacué ces contrées.

Veillez, mon cher comte, faire appel à l'équité de lord Salisbury.

L'Angleterre vient de célébrer les solennités chrétiennes de Noël. Le marquis lui-même est animé de sentiments profondément chrétiens. Veillez lui rappeler les flots de sang et l'abîme de misères et de calamités qui sont résultés des défiances et des malentendus passés entre nos deux gouvernements et lui demander si le moment n'est pas venu d'y mettre un terme et si ce ne serait pas encourir une terrible responsabilité que d'en provoquer le renouvellement.

La guerre a eu ses excitations; elles ont pesé sur le congrès de Berlin qui a du faire une œuvre transactionnelle, c'est-à-dire imparfaite, en vue de préserver, avant tout, la paix générale.

Actuellement tout cela est passé.

Il s'agit de savoir si les Puissances ont à cœur de faire sortir de cette œuvre imparfaite un apaisement réel, ou si elles ne la considèrent que comme une trêve à la faveur de laquelle elles se préparent à de nouvelles complications en développant, chacune dans la sphère de ses intérêts particuliers, les positions acquises durant cette lutte diplomatique de trois ans.

Pour notre part, nous avons une plus haute idée de la mission des gouvernements et des devoirs de leur diplomatie.

Les malheurs qu'ont déjà produits leurs rivalités passionnées et dont tous portent le poids malgré l'orgueil de succès apparents, sont loin d'être épuisés.

La situation menaçante pour l'avenir en Roumélie, — celle qui se produit déjà en Macédoine et enfin l'état précaire des choses dans la capitale même de l'empire Ottoman, ne font que trop prévoir des complications nouvelles et incalculables, si les grandes Puissances ne rentrent pas dans les voies de la conciliation et de l'équité mutuelle.

Vous pouvez assurer au marquis de Salisbury que nous sommes tout disposés à le rencontrer sur ce terrain, s'il veut bien s'y placer.

Recevez, mon cher comte, l'assurance de tous mes sentiments

Gortchakow

АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 457, лл. 234—241. Подлинник.

Первоѣд

Конфиденциально

Дорогой граф!

В последней беседе с вами лорд Солсбери сказал вам, что английское правительство не имеет намерения раз и навсегда воспротивиться образованию Великой Болгарии, что это вопрос времени, но что необходимо выполнить Берлинский трактат для того, чтобы Румелия могла просуществовать несколько лет, и что поэтому нужно, чтобы болгары были предупреждены о том, что, если они восстанут после ухода наших войск, они неминуемо подвергнутся смешанной оккупации.

Не впервые главный государственный секретарь ее британского величества высказывает эту идею. Уже в Берлине он говорил вам, что рано или поздно обе Болгарии обязательно должны объединиться.

Перед лицом подобного утверждения спрашиваешь себя, как столь практичны английские государственные деятели могли упорно противодействовать решению, требуемому силой вещей, почему они настаивали на бесполезном продлении страданий населения, уже подвергнутого стольким испытаниям, чтобы заставить его купить кровавой ценой результат, рассматриваемый как неизбежный в будущем, результат, фактически уже осуществленный благодаря победам наших армий, и который Европе оставалось лишь санкционировать, чтобы дать этим несчастным областям процветание, которого они никогда не имели.

Следует ли думать, что английское правительство не пожелало оказать это благодеяние болгарам, потому что они были бы обязаны этим русскому оружию и преисполнены благодарности к нам? Предпочло ли оно заставить их ждать для того, чтобы они позже получили эту милость из рук Европы и могли быть освобождены от уз любви и благодарности, связывающих их с Россией? Или же английское правительство просто отложило окончательное решение до того момента, когда оно будет дополнено мерами предосторожности, которые оно считает необходимыми, чтобы сделать его безвредным для английских интересов?

Вот те вопросы, которые мы вправе себе задать для того, чтобы объяснить, с какой целью так играют жизнью народов и интересами мира и человечества.

Мы бы предпочли практически стать на ту же точку зрения, что и маркиз Солсбери, т. е. на точку зрения необходимости обеспечить добросовестное выполнение Берлинского трактата, чтобы дать времени сделать свое дело и подготовить почву для предусматриваемых решений.

Но с этой точки зрения нам кажется, что маркиз Солсбери ошибается, считая, что для этого достаточно приказать болгарам не поднимать восстания под угрозой смешанной оккупации.

По нашему мнению, этот результат может быть достигнут только в том случае, если со своей стороны, державы смогут договориться об обеспечении строгого выполнения обещаний, данных болгарам Восточной Румелии, т. е. автономной администрации с гарантией против возвращения к злоупотреблениям турецкого режима.

И только тогда, по нашему мнению, можно потребовать от них благоразумия, которого трудно ожидать от еще неискушенного народа, чьи страсти в крайней степени возбуждены как обидами прошлого, так и страхом перед будущим.

И не только жажда мести или пыл национальных устремлений могут побудить болгар Румелии протестовать против решений Берлинского конгресса. Они знают, что трактат фактически снова ставит их под власть Турции, что Турция вскоре снова обретет реальную власть благодаря предоставленному ей праву назначать генерал-губернатора, командующего и офицеров милиции и содержать турецкие войска на Балканах; они убедились на печальном опыте, что Порты будет не только пользоваться своими правами, но и злоупотреблять ими для восстановления прежнего угнетения, ставшего еще более жестоким из-за стремления к мщению, которое она сможет легко удовлетворить благодаря возвращению мусульманских эмигрантов, преисполненных мести и способных в любой момент вызвать беспорядки, при которых губернатор имеет право ввести турецкие войска.

Они со страхом спрашивают себя, кто защитит их от новых преследований и новых убийств в тот день, когда русские войска оставят страну, и естественно, что они пытаются уже сейчас вызвать сочувствие Европы, чтобы предотвратить ожидающую их печальную участь.

Единственное средство их успокоить — это показать им, что великие державы тверды и едины в намерении заставить уважать свои решения не только болгар, но также и турок, это приступить к организации страны таким образом, чтобы поддержать автономные учреждения Восточной Румелии гарантиями, способными внушить народам полное доверие к их эффективности и к намерениям держав их защищать.

Одним словом, чтобы мы могли сказать болгарам: «Россия сделала все возможное, чтобы освободить вас и дать вам независимое национальное существование; интересы общего мира не позволили ей полностью осуществить свое дело, но Европа, воспротивившаяся этому, взяла на себя обязанность предоставить вам автономию, являющуюся значительным прогрессом на пути к лучшему будущему. Она взяла на себя гарантию этого и выполнит ее. Верьте ей и со своей стороны докажите своим терпением и уважением к желаниям держав, что вы заслуживаете их благосклонность и что вы достаточно зрелы, чтобы предоставляемые вам преимущества явились гарантией, а не угрозой для всеобщего мира».

Мы спросим маркиза Солсбери, требует ли настоящая ситуация подобных гарантий с нашей стороны.

Причина, породившая такое положение, состоит главным образом во взаимном недоверии, разделяющем правительства, которое распространяется и на второстепенных представителей, а на местах приобретает характер настоящего антагонизма.

Английский кабинет нас подозревал и обвинял в стремлении превратить Болгарию в русскую провинцию, и поэтому свел Болгарию к минимуму, совершенно не принимая

во внимание желаний и права населения. Он подозревал и обвинял нас в стремлении увековечить нашу оккупацию Болгарии и поэтому определил категорический и короткий срок, не принимая в расчет событий, могущих произойти по истечении этого срока.

Он еще сегодня подозревает нас в стремлении насадить в Болгарии и Румелии исключительное влияние России, поддерживать и поощрять обе части болгарской нации к протесту вплоть до восстания против решений Европы, которая их разделила, для того чтобы игрой политических интриг разрушить дело Берлинского конгресса.

С нашей стороны мы не без оснований могли подозревать Англию в желании лишить Россию результатов ее побед и жертв, своей дипломатией погубить дело освобождения, совершенное русским оружием, вернуть урезанной Турции полную власть на юге Балкан путем насаждения *иллюзорных* автономных учреждений и устранить христианский элемент из Румелии уничтожением, изгнанием и преследованием.

Эти взаимные подозрения, к несчастью, были раздуты поведением чиновников обоих правительств. Некоторые необдуманные выражения наших представителей могли укрепить недоверие, предметом которого мы являемся. Образ действий британских представителей, легкость, с которой они принимают и распространяют бездоказательные обвинения против наших военачальников и против болгар, их явное стремление во всем препятствовать действиям наших властей под предлогом помощи и контроля и забрать в свои руки управление оккупированной страной под предлогом его организации, все это не может ни нам, ни болгарам внушить доверие к эффективности европейского покровительства после того как наши войска эвакуируются из этой страны.

Соблаговолите, мой дорогой граф, воззвать к чувству справедливости лорда Солсбери.

Англия только что отпраздновала рождественские праздники. Сам маркиз воодушевлен глубоко христианскими чувствами. Соблаговолите напомнить ему о потоках крови и глубине несчастий и бедствий, явившихся результатом недоверия в прошлом и недоразумений между нашими обоими правительствами, и спросить его, не настал ли момент положить этому конец и не берем ли мы на себя ужасную ответственность, провоцируя повторение всего этого.

Война имела свои крайности, что оказало влияние на Берлинский конгресс, которому пришлось прийти к компромиссным, т. е. весьма несовершенным результатам, чтобы прежде всего сохранить всеобщий мир.

Теперь все это уже позади.

Речь идет о том, чтобы знать, считают ли державы своим долгом добиваться, чтобы это несовершенное дело привело к действительному умиротворению или же они рассматривают его лишь как передышку, под прикрытием которой они готовят новые осложнения, укрепляя каждая в сфере своих частных интересов позиции, завоеванные во время этой трехлетней дипломатической войны.

Что касается нас, мы имеем самое высокое мнение о миссии правительств и долге дипломатии.

Несчастья, к которым привело уже их ожесточенное соперничество и тяжесть которых несут все, несмотря на гордость за кажущиеся успехи, далеко не исчерпаны.

Угрожающая для будущего Румелии ситуация — такая, которая уже сложилась в Македонии, и наконец, шаткое положение дел в самой столице Оттоманской империи дают слишком много оснований предвидеть новые неисчислимы осложнения, если великие державы не встанут на путь примирения и взаимной справедливости.

Вы можете уверить маркиза Солсбери, что мы готовы встретиться с ним на этой основе, если он соблаговолит согласиться на нее.

Примите, дорогой граф, уверения в моих самых искренних чувствах.

Горчаков

1878 г. декабря 23. — Журнал заседания Совета российского комиссара в Болгарии с постановлением о сложении недоимок по податям и отмене взимания налога на свиней с населения Болгарии

№ 29

Председательствовал императорский российский комиссар генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков

Присутствовали члены:

Генерал-майор Домонтович,
Генерал-майор Грессер,
Действительный статский советник Лукьянов,
Действительный статский советник Бух,
Профессор Дринов и
Начальник таможенного управления действительный статский советник Тухолка

Слушали: Докладные записки члена совета действительного статского советника Буха: 1. О сложении со счетов недоимок по податям и иным налогам, числящимся на жителей княжества Болгарского за прежнее время, и 2. Об отмене прямого налога «серчим», до настоящего времени собираемого только с христианского населения в княжестве Болгарском.

Постановили: 1. Имея в виду бедствия минувшей войны и озабочиваясь о восстановлении благосостояния жителей княжества Болгарского, в значительной степени расстроивших свои хозяйственные дела чрезмерными натуральными повинностями и другими тягостями, неизбежными в военное время, сложить со счетов все недоимки по податям и иным налогам, числящимся за все время до 1877 г. на жителей всех округов губерний: Виддинской, Терновской и Руцукской, за исключением Шумлинского округа; в сем же последнем, равно как и во всех округах Софийской и во вновь образованных в нынешнем году частях Варненской губернии, вышеназванные недоимки сложить со счетов за все время до 1878 г.

2. Принимая во внимание, что налог со свиней под именем «серчим-перчим» собирался при бывшем турецком правительстве с одного только христианского населения, что крайне было несправедливо и неблагоприятно, отменить повсеместно в пределах княжества Болгарского ненавистный и унижительный для христианского населения налог «серчим-перчим», начав эту отмену с будущего финансового года 1879 г.,

и 3. О двух вышеуказанных мерах объявить во всеобщее сведение и привести оные в исполнение чрез губернаторов¹.

Князь Дондуков-Корсаков
М. Домонтович
Грессер
Лукьянов
К. Бух
Дринов

АВПР, ф. Управление российского комиссара в Болгарии, д. 13, лл. 63—64. Подлинник.

1. Русский комиссар в Болгарии заботился о том, чтобы облегчить положение истощенного войной населения княжества, дать населению возможность укрепить свое хозяйство и поднять платежеспособность. Осуществление этой финансовой политики было возможно двумя способами: первое — отменив некоторые налоги, и второе — не собирая те из них, которые особенно тяжело сказывались на налогоплательщиках, т. е. прямые налоги. Еще в 1878 г. А. М. Дондуков-Корсаков понизил пошлину на ввозимую из-за границы соль с 37 до 8%, что было ощутимым облегчением сельским хозяевам. И финансовые органы, вероятно, по распоряжению А. М. Дондукова-Корсакова, не очень тща-

тельно собирали прямые налоги, предоставляя населению добровольно платить или не платить их. В период русского гражданского управления население привыкло к большой снисходительности со стороны финансовых властей при сборе десятины. Поэтому и первым болгарским кабинетам (1879—1880 гг.) удавалось собирать лишь небольшую часть доходов, определенных бюджетом. Это была политика пассивной помощи населению путем отказа от сбора прямых налогов (см. 13, стр. 516—526 и указанную там документацию; см. также газету «Марица», № 45 от 2.I 1879 г.).

№ 231

*1878 г. декабря 23. — Журнал заседания Совета российского комиссара в Болгарии с постановлением о выплате возвращающимся беженцам-мусульманам половины доходов с их имуществ **

№ 31

Председательствовал императорский российский комиссар генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков

Присутствовали члены:

Генерал-майор Домонтович,
Генерал-майор Грессер,
Действительный статский советник Лукьянов,
Действительный статский советник Бух,
Профессор Дринов,
Начальник таможенного управления действительный статский советник Тухолка

Слушали: Доклад члена совета управляющего отделом внутренних дел генерал-майора Грессера по возбужденным софийским губернатором ходатайствам: 1) о том, не будет ли признано возможным тем из возвращающихся мусульман-беженцев, земли которых окажутся сданными в аренду не из половины произведений, а за деньги, или за земли коих полученная в виде аренды половина произведений — проданною, разрешить выдачу вырученных денег, за вычетом из них одной десятой части в казну в виде десятины, а также и причитающихся с этих земель повинностей, и 2) относительно применения к возвращающимся ныне беженцам-болгарам и грекам 9-го пункта журнального постановления совета от 2 августа сего года **, по которому все доходы с принадлежащих беженцам-мусульманам мельниц, садов, лавок и т. п. имуществ, поступившие до признания за ними судебным порядком прав на таковые имущества, остаются принадлежностью казны.

Постановили: 1. Ввиду незначительности числа возвращающихся мусульман-беженцев и постоянного с каждым месяцем уменьшения этого числа и согласно с заключением управляющего отделом внутренних дел разрешить выдачу означенным беженцам в тех случаях, когда земли их были отданы в аренду за деньги, половину вырученных сумм, за исключением десятины, применяясь к 7-му пункту журнального постановления совета 2 августа ***.

2. С доходами, вырученными с имуществ бежавших, но ныне возвращающихся лиц, не принадлежавших к числу мусульман, поступать по правилам, изложенным в 9-м пункте помянутого журнала от 2 августа сего года.

Князь Дондуков-Корсаков
М. Домонтович
Грессер
Лукьянов
К. Бух
Дринов

АВПР, ф. Управление российского комиссара в Болгарии, д. 13, лл. 66—67. Подлинник.

* См. док. 101, 189.

** См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 5, стр. 315.

*** См. там же, стр. 313—314.

№ 232

1878 г. декабря 25 (1879 г. января 6). — Телеграмма А. Н. Церетелева Н. К. Гирсу об обнаружении составителя подложных жалоб на действия русских войск в Родонах

Филиппополь

Корреспондент «Times» Mackenzie Wallase открыл в Родоне одного из составителей подложных жалоб на наше войско. Это чиновник Порты, представивший в родопскую комиссию более ста фальшивых прошений*.

ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 33, л. 308. Копия. Литографированный экземпляр.

№ 233

1878 г. декабря 25 (1879 г. января 6). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову о стремлении Константинопольской патриархии не допустить совместных богослужений русских и болгарских священников

№ 176

Péra

Par ma dépêche du 7(19)Août № 76 j'ai eu l'honneur de transmettre à Mr. de Giers, en original grec et en traduction, une lettre du vicaire du patriarcat de Constantinople à notre Saint Synode au sujet des rapports spirituels des aumoniers de l'armée impériale avec les prêtres de l'exarcat bulgare.

Les difficultés inhérentes à la question religieuse greco-bulgare m'ont imposé le devoir de m'appliquer constamment à calmer, autant que possible, les susceptibilités grecques surexcitées par une foule d'incidents locaux aussi difficiles à prévoir qu'à empêcher. Depuis l'élection du patriarche actuel la situation s'est aggravée par suite du séjour que l'exarque vient de faire à Constantinople pour obtenir de la Porte l'autorisation d'installer des évêques bulgares en Macédoine à l'instar de ce qui a eu lieu dernièrement à Andrinople avec l'assentiment du commissaire impérial.

Ainsi qu'il était facile de le prévenir, les démarches de l'exarque n'ont pas rencontré à la Porte un accueil favorable; mais elles n'en ont pas moins jeté l'inquiétude dans le camp grec et réveiller des animosités mal assoupies. Le patriarcat a vu de fort mauvais œil la pointe poussée par l'exarcat au cœur de la Thrace et en Macédoine, et il en est résulté une récrudescence de mauvaise humeur à notre égard.

Ce sentiment vient de se manifester dans la lettre, ci-jointe en traduction, que m'a adressée le patriarche pour se plaindre des rapports spirituels de nos aumoniers militaires avec les prêtres bulgares qu'il qualifie de schismatiques. Cette pièce contient une espèce de menace éventuelle à notre égard et quoique Mgr. Joachim ait évité de se prononcer à ce sujet avec plus de précision, — j'ai su qu'il s'agissait d'interdire aux prêtres relevant du patriarcat d'officier avec ceux de nos aumôniers militaires qui communieraient avec les prêtres de l'exarcat bulgare¹.

Comme la lettre du patriarche ne contenait que des récriminations assez vagues, j'ai chargé notre premier drogman de s'en expliquer avec sa sainteté et de lui demander de sortir des généralités en commun quant [aux] liens que ce genre de questions est susceptible de s'aggraver par le contact journalier et inévitable des intérêts en jeu. Il s'agit avant tout de chercher à ménager les susceptibilités des deux parties et à user de «l'economia» qui est la suprême sagesse des peuples d'Orient.

J'ai l'honneur d'être. . .

ОР ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 325, д. 41, лл. 7—8. Копия. Литографированный экземпляр.

* См. примеч. 1 к док. 72.

В моей депеше от 7 (19) августа я имел честь передать г-ну Гирсу в греческом оригинале и в переводе письмо викария Константинопольской патриархии нашему святейшему Синоду по поводу церковного общения войсковых священников императорской армии со священниками Болгарской экзархии.

Сложность греко-болгарского религиозного вопроса возложила на меня постоянную обязанность успокаивать, насколько это возможно, самолюбие греков, раздраженное множеством местных инцидентов, которые столь же трудно предвидеть, сколь и предотвратить. Со времени избрания нынешнего патриарха положение ухудшилось вследствие недавней поездки экзарха в Константинополь, имевшей целью получение от Порты разрешения назначить болгарских епископов в Македонию по образцу того, что имело место в последнее время в Адрианополе с согласия императорского комиссара.

Как легко было предвидеть, предпринятые экзархом шаги не встретили со стороны Порты благоприятного приема, но тем не менее вызвали беспокойство в греческом лагере и пробудили неутраченную враждебность. Патриархия весьма неодобрительно отнеслась к неуклонно проводимой экзархией деятельности в центре Фракии и Македонии, в результате чего враждебное отношение к нам усилилось.

Это чувство обнаруживается и в письме, к сему прилагаемом в переводе, которое направил мне патриарх, с жалобами на церковное общение наших военных священников с болгарскими священниками, которых он считает раскольниками. Этот документ содержит скрытую угрозу против нас, и хотя его высокопреосвященство Иоаким уклонился от более ясных высказываний по этому поводу, я узнал, что речь шла о том, чтобы запретить священникам, подведомственным патриархии, совершать богослужение совместно с теми нашими войсковыми священниками, которые общаются со священниками болгарской экзархии¹.

Так как письмо патриарха содержало лишь весьма неопределенные обвинения, я поручил нашему первому драгоману объяснить с его святейшеством и попросить его выйти за пределы общих рассуждений в отношении связей, которые могут ухудшиться вследствие постоянного и неизбежного столкновения интересов. Речь идет прежде всего о том, чтобы постараться пощадить самолюбие обеих партий и воспользоваться «экономией», являющейся высшей мудростью народов Востока.

Имею честь быть. . .

1. В 1872 г. собор, созданный константинопольским патриархом, провозгласил болгар схизматиками, в результате чего связи и взаимоотношения между патриархией и болгарской церковью были окончательно разрушены.

Русский Синод хотя и был вынужден считаться с этим решением собора, однако всегда считал, что оно было продиктовано национальной борьбой, и не рассматривал его как законный акт. Этим объясняется то обстоятельство, что, несмотря на признание болгар схизматиками со стороны греков, русское духовенство продолжало поддерживать отношения с болгарским духовенством.

№ 234

1878 г. декабря 26. — Письмо А. М. Горчакова А. Б. Лобанову-Ростовскому о неприемлемости кандидатуры Рустем-паши на пост генерал-губернатора Восточной Румелии и о выводе русских войск из Болгарии при условии передачи Черногории Подгорицы и Спужа.*

Je vous accuse réception de vos dépêches du 18(30) Décembre **.

Elles ont été aussitôt placées sous les yeux de sa majesté l'empereur.

Notre auguste maître a particulièrement goûté et apprécié les réflexions contenues dans votre № 168.

*См. док. 222 и примечание к нему.

** См. АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, ч. 2, лл. 243—246.

Vous vous êtes dit à Constantinople précisément ce que nous nous étions dit à Pétersbourg. Je n'ai donc rien à ajouter aux arguments que vous développez contre la nomination de Roustem pacha ¹.

Malheureusement les Puissances ont agi dans cette occurrence avec autant de précipitation, que de légèreté. Vous verrez que le gouvernement français, en approuvant le choix de Roustem, a été guidé par le seul désir de s'en débarrasser au Liban, sans s'arrêter un seul instant à la pensée, que si ce fonctionnaire y avait été nuisible, il le serait bien d'avantage en Roumélie Orientale où les conditions politiques et locales sont bien autrement difficiles et dangereuses. Vous verrez aussi qu'à Berlin on a tranché la question avec une indifférence dédaigneuse aussi peu d'accord avec les égards que nous aurions pu espérer, qu'avec l'intérêt même de l'œuvre accomplie sous les auspices de l'Allemagne.

Vous aurez vu enfin, d'après ma lettre aujourd'hui entre vos mains, et d'après les rapports de Chakir que nous ne nous sommes nullement prononcés de manière à autoriser la créance que nous adhérons au choix de Roustem.

Comme vous le remarquez, la Porte elle-même, si elle comprend ses intérêts, doit désirer qu'au début de la situation si épineuse qui doit se développer en Roumélie Orientale, on évite d'y introduire un élément aussi dangereux de complication que la nomination d'un catholique avec des antécédents si peu rassurants.

Tâchez d'en convaincre le grand vézir et de vous entendre avec lui sur une autre combinaison.

Sa majesté l'empereur pencherait pour celle indiquée par le prince Tzéré-télew, à condition que le choix tombât non sur un catholique, mais sur un protestant et j'ajouterais, non sur un des coryphées du radicalisme révolutionnaire, mais sur un homme modéré, offrant des garanties d'impartialité et d'honorabilité. Il doit y en avoir parmi les citoyens éminents de la République Helvétique. Il s'agira de la trouver.

Avant de chercher à faire admettre cette idée par la Porte, veuillez en causer avec vos collègues, afin de préparer le terrain.

Le fil électrique vous a déjà transmis les décisions de notre auguste maître au sujet de vos télégrammes successifs concernant la négociation du traité définitif. Je n'y reviendrai pas ici.

L'affaire semble marcher vers sa solution. Nous sommes moins rassurés sur celle de Podgoritza. Le langage de la Porte est bon, mais les dispositions locales le sont moins et il reste encore à vérifier jusqu'à quel point la Porte aura la volonté et le pouvoir de faire prévaloir ses résolutions.

En tout cas, il doit rester entendu que nous ne retirerons nos troupes que lorsque, indépendamment de la signature de notre traité, Podgoritza et Spouj auront été remis aux Monténégrins.

Un certain Alexandre sa béatitude Exarque ² vient de m'adresser la lettre dont copie ci-jointe * datée de Paris et renfermant une pétition à sa majesté l'empereur.

Veuillez nous renseigner sur cet individu, sa position et ses antécédents.

Recevez, etc.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 34, лл. 489—492об. Отпуск.

9

Перевод

Уведомляю вас о получении ваших денеш от 18 (30) декабря.

Они были тотчас же представлены его императорскому величеству.

Наш августейший повелитель особо одобрил и оценил соображения, содержащиеся в вашем донесении за № 168.

* В деле отсутствует.

Вы в Константинополе придерживаетесь таких же взглядов по этому поводу, что и мы в Петербурге. И я ничего не могу добавить к доводам, которые вы приводите против назначения Рустема-паши¹.

К несчастью, державы действовали в этом случае столь же поспешно, сколь и легкомысленно. Вы увидите, что французское правительство, одобряя выбор Рустема, руководствовалось единственным желанием освободиться от него в Ливане, не останавливаясь ни минуты на мысли, что если этот чиновник был вреден там, то тем более он будет вреден в Восточной Румелии, где политические и местные условия еще более трудны и опасны. Вы увидите также, что в Берлине этот вопрос решали с презрительным безразличием, столь мало согласующимся с тем уважением, на которое можно было бы надеяться, и с интересом к делу, совершенному под покровительством Германии.

Наконец, из моего сегодняшнего письма и из донесения Шакира вы увидите, что мы совершенно не высказывали ничего такого, что могло бы создать впечатление, будто мы присоединяемся к выбору Рустема.

Как вы заметили, сама Порта, если ей дороги ее интересы, должна бы желать, чтобы с самого начала, когда в Восточной Румелии будут развиваться столь сложные события, там бы не появлялся столь все серьезно осложняющий фактор, как назначение ею католика, чье прошлое внушает мало доверия.

Попытайтесь убедить в этом великого визиря и договориться с ним о другой комбинации.

Его императорское величество склоняется к комбинации, подсказанной князем Церетелевым, при том условии, что выбор падет не на католика, а на протестанта, и, я бы добавил, не на одного из корифеев революционного радикализма, а на человека умеренного, за чью честность и беспристрастность можно было бы ручаться. Такого человека можно найти среди выдающихся граждан Гельветической республики. Речь идет о том, чтобы его найти.

Прежде чем попытаться заставить Порту принять эту идею, соблаговолите побеседовать об этом с вашими коллегами, чтобы подготовить почву.

По телеграфу вам уже было передано решение нашего августейшего повелителя по поводу ваших телеграмм, касающихся переговоров о заключении окончательного договора. Не буду возвращаться к этому.

Дело, кажется, продвигается к своему разрешению. Мы не спокойны в отношении Подгорицы. По словам Порты, все хорошо, но настроение на местах вызывает беспокойство, и остается также выяснить, до какой степени Порта проявит волю и власть, чтобы заставить подчиниться своим решениям.

Во всяком случае, остается в силе наше решение вывести наши войска только после того, как, независимо от подписания нашего договора, Подгорица и Служ будут переданы черногорцам.

Некто его блаженство² Экзарх Александр только что направил мне письмо из Парижа, копия которого при сем прилагается, содержащее петицию к его императорскому величеству.

Соблаговолите сообщить нам сведения об этой личности, его положении и его прошлом

Примите и пр.

1. В донесении от 18 (30) декабря за № 168 А. Б. Лобанов-Ростовский сообщал А. М. Горчакову свои возражения против кандидатуры Рустема-паши, итальянца по происхождению (графа Марини), католика, бывшего губернатора Ливана, на пост генерал-губернатора Восточной Румелии. Лобанов считал, что назначение католика в страну с православным населением будет воспринято болгарами враждебно. Он полагал, что генерал-губернатором должен быть православный, лучше всего местный уроженец. Кроме того, Рустем-паша в Ливане отличался большой жестокостью в отношении местного населения и не пользовался его доверием. Лобанов сообщал мнение А. Н. Церетелева, что лучше выдвинуть представителя Швейцарии, поскольку швейцарцы имеют навык управления при многонациональном населении (АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 556, лл. 368—371 об. Об этом же см. 52, стр. 127—128).

2. А. М. Горчаков заблуждался, прилагая к имени Александра экзарха титул духовного лица.

1878 г. декабря 26. — Денеша Н. К. Гирса А. В. Лобанову-Ростовскому о приостановлении возвращения беженцев-мусульман в Восточную Румелию ввиду массового переселения болгар из Адрианополя и Родоп

St.-Pétersbourg

Sur la dépêche de votre excellence № 171,¹ sa majesté l'empereur a daigné annoter: «Il faut absolument s'en tenir à ce qui avait été convenu à Livadia»².

A cette époque vous avez été invité, par ma dépêche du 10 Novembre*, à déclarer à la Porte, qu'en vue de l'émigration considérable des chrétiens, qui s'annonçait déjà à la suite du mouvement en arrière de nos troupes**, l'administration impériale de la Roumélie Orientale serait obligée d'aviser à établir ces émigrés sur les habitations abandonnées par les musulmans et qu'en conséquence, elle ne pourrait pas admettre la rentrée en Roumelie Orientale des émigrés musulmans désirant se repatrier jusqu'à ce qu'il eût été pourvu à l'installation des émigrés chrétiens.

Cette résolution était indiquée par la force des choses afin d'éviter l'encombrement, les misères et les conflits pouvant résulter de cette double immigration.

L'affluence sans cesse croissante des émigrés chrétiens fuyant les excès des Turcs tant du côté d'Andrinople, que du Rhodope, ne fait que confirmer l'indispensable nécessité de cette mesure de précaution***.

Sa majesté l'empereur approuve en conséquence l'intention exprimée par Mr. l'aide-de-camp général Todleben**** d'arrêter le repatriement des musulmans dans la Roumélie Orientale en réservant à la Porte de les installer dans les villages, abandonnés par les chrétiens qui s'exilent du territoire destiné à revenir à la Turquie.

Recevez, etc.

АВПР, ф. ГА, V — А₂, д. 559, лл. 847—848. Копия.

Перевод

С.-Петербург

На денеше вашего превосходительства за № 171¹ его императорское величество со-благоволит написать: «Нужно категорически придерживаться того, о чем было условлено в Ливади»².

В то время моей денешей от 10 ноября вам предлагалось заявить Порте, что в связи со значительной эмиграцией христиан, которая уже начиналась вслед за отступлением наших войск, императорская администрация Восточной Румелии должна была подумать о расселении этих эмигрантов в местностях, оставленных мусульманами, и что вследствие этого она не сможет допустить возвращения в Восточную Румелию желающих репатрироваться мусульманских эмигрантов до того, как будут приняты меры к устройству эмигрантов-христиан.

Это решение было вызвано существующим положением и имело целью предотвратить скопление людей, бедствия и конфликты, могущие произойти в результате этой двойной иммиграции.

Непрерывно увеличивающийся приток эмигрантов из христиан, спасающихся от злодеяний турок, как со стороны Адрианополя, так и с Родоп, только подтверждает крайнюю необходимость принятия этой меры предосторожности.

Вследствие этого его императорское величество одобряет высказанное] генерал-адъютантом Тотлебенем намерение приостановить репатриацию мусульман в Восточную Румелию, предоставив Порте возможность устроить их в деревнях, оставленных христианами, переселяющимися с территорий, которые должны быть возвращены Турции.

Примите и пр.

* См. док. 196.

** См. док. 216 и примечания к нему.

*** См. док. 83 и прим. 2 к нему; док. 90 и 112.

**** См. «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», вып. III. СПб., 1899, стр. 182, 216.

1. В своем донесении от 18 (30) декабря 1878 г. А. Б. Лобанов-Ростовский сообщает о массовом переселении христианского населения Македонии (20 тыс. человек) в Болгарию в связи с расправами турецких войск при подавлении восстания, а также о переселении из районов, оставляемых русской армией. По предварительным подсчетам Главной квартиры, с 10 ноября 1878 г. 21 198 христиан уже прошли через Адрианополь и около 80 тыс. человек готовы были эмигрировать после отхода русских войск (АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, ч. 2, л. 261—261 об.).

2. На совещании в Ливадии 9 ноября 1878 г., где обсуждались болгарские дела и вопрос о дальнейших действиях в отношении Порты для обеспечения участи христианского населения, остающегося под ее властью, по предложению Д. А. Милютина было решено «не ставить этого сложного вопроса в число условий, от которых зависит отвод нашей армии от занимаемых ныне позиций, и не настаивать на каких-либо по этому предмету взаимных соглашениях, но просто объявить Порте, что если она ничего не делает для действительного успокоения христианского населения и тем побудит его к переселению вместе с нашей армией в пределы Болгарии, то мы вынуждены будем озаботиться исключительно водворением этой массы переселенцев и воспротивимся возвращению в Болгарию (северную и южную) мусульманских беженцев» (57, стр. 103).

№ 236

1878 г. декабря 27. — Отношение управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба Н. Н. Обручева Главному управлению иррегулярных войск с сообщением о предстоящей высылке А. И. Калмыкова в Область Войска Донского и установлении за ним полицейского надзора

Отставной хорунжий или сотник Войска Донского Колмаков, служивший в 1876—1877 гг. добровольцем в сербских войсках, самовольно принял на себя, по заключении Берлинского трактата, роль агитатора в пользу независимости македонских болгар и, несмотря на замечания наших властей, сделался осенью сего года главным участником вторжений, предпринятых болгарскими войсками из Софийского санджака в долину Сереса.

Вследствие сего по высочайшему повелению императорскому комиссару в Болгарии было предписано арестовать Колмакова и препроводить его на Дон¹.

Ныне генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков телеграфирует, что Колмаков добровольно явился в Софию, где до выздоровления остается под присмотром полиции, а затем, согласно высочайшему повелению, будет выслан на Дон.

Главный штаб по приказанию военного министра, сообщая о сем Главному управлению иррегулярных войск для зависящего сношения с наказным атаманом Войска Донского, имеет честь присовокупить:

1) что из переписки по сему предмету с князем Дондуковым-Корсаковым оказалось, что Колмаков — личность совершенно невежественная и ничтожная и 2) что, по мнению военного министра, следовало бы по водворении Колмакова на месте первоначального его жительства на Дону сохранить над ним и впредь полицейский надзор.

Подписали: управляющий делами Военно-ученого комитета генерал-адъютант Обручев и делопроизводитель подполковник Щербаков-Нефедович

ГА Ростовской обл., ф. 46, оп. 1, д. 2446, лл. 6—7. Засеренная копия.

1. В Софию Калмыков прибыл 14 декабря 1878 г. из с. Мечкуль Мелникского округа. 16 декабря он был арестован (ЦГВИА, ф. 430, д. 90, лл. 193—193 об.). В ночь с 10 на 11 августа 1879 г. Калмыков, воспользовавшись суматохой во время неожиданно возникшего пожара, бежал из софийской тюрьмы (ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1879 г., д. 480, л. 4). В сентябре 1879 г. он уже находился в Белграде (ОРГПБС—Щ, ф. 14, д. 161, л. 1).

1878 г. декември 28. — Писмо К. Стоилова М. С. Дринову о делегатах от Восточной Румелии в Учредительном собрании и о недовольстве населения Европейской комиссией

Пловдив

Многоуважаемый г-не Дринов!

С голямо възхищение проче[то]х драгото ми ваше писмо от 22-ий того, защото то падна като една надеждоносна слънечна заря, всред неизвестността, в която се намираме. Аз, както и приятелите, ви благодарим сърдечно. Касателно до Народното събрание ние си начертахме следующата програма ¹: всеки округ ще да си избере по един представител и ще да го снабди с едно широко опълномоощително: по този начин от Румелия ще да има около 15 души. Тези представители ще да се намерят при отварянето на събранията и ще да се стараят да се приемат и те като членове: стане ли това, тогава събранията представлява цяла Сан-Стефанска България (мерки са се зели, за да има представители и от Македония), и като суверенно тяло, може да распололага съ[с] съдбата и бъдещето на народа: решенията, които ще се вземат в едно подобно събрание можете лесно да си представите. Не приемат ли се нашите представители, за да участвуват в събранията, тогава те ще подадът едно прошение на отвъдните депутати, в което ще ги молят да обърнат особено внимание на бъдещето на народа ни, и ще да се стараят по всеки начин щото събранията да си разиде без да стори нещо повече освен един протест против разделението. Аз съм избран за представител на Пловдивския окръг: преди да тръгнем за Търново, ние румелийските представители имаме намерение да се съберем тука, за да определим точно линията на поведението си: тоже, мислим да идем в Търново няколко дена по-рано, за да се съгласим папълно и с отвъдните.

Комисията ², става от ден на ден по-безобразна, и захваща даже да се меси в администрацията; тази вечер ще да имаме едно събрание ³, за да решим, какви силни и решителни мерки трябва да вземем против комисията. Като гледам как систематически и неуморимо тя работи, за да ни зачерни и да ни лиши от правата ни, идеми понякога, като че най-доброто средство би било, да я изгоним из градът ни. Народът по въвн е раздражен: упражняват се на оръжие, и са готови да се възпротивят на турците с оръжие; и действително че тука е наше спасение. Само касите на Пловдивския и Т[атар] Пазардж[икский] окръг са предадени: другите още не са, и вероятно е, че народа няма да позволи да се предадът в ръцете на комисията ⁴.

Приключевам ви едно писмо от Иреч[е]ка до мене, за да видите неговото Gemütsstimmung*.

Желая ви Новата година здрава, весела и благополучна: дано тя да бъде по-щастлива за народът ни.

За сега с най-сърдечното си поздравление оставям.

Ваш усърдни приятел К. Стоилов

НБКМ—БИА, ф. 111, д. 290, лл. 3—5. Автограф.

1. Комитеты «Единство» стремились, чтобы намеченное в Тырнове Учредительное собрание в противоречие с Берлинским договором было общebolгарским, а не только представляющим Болгарское княжество, и выработало бы конституцию для всей Болгарии, определенной Сан-Стефанским договором. В связи с этим в Тырново были посланы представители от комитетов Фракии и от болгарских общин Македонии, которые вместе с депутатами от Болгарского княжества должны были решить этот вопрос (см. 78, стр. 17, 27).

2. Речь идет о Европейской комиссии по Восточной Румелии (см. 90, стр. 245; док. 124, 141, 157, 160, 220 и др.).

3. Собрание членов комитета «Единство».

* Расположение духа, состояние (нем.).

4. Болгарское население Фракии под руководством комитетов «Единство» горячо протестовало против попыток Европейской комиссии по Восточной Румелии взять финансы страны в свои руки. В связи с этим в области состоялись бурные протесты и демонстрации (см. 90, стр. 352—358).

№ 238

1878 г. декабря 28. — Телеграмма А. М. Горчакова А. Б. Лобанову-Ростовскому о согласии России продлить мандат Европейской комиссии на три месяца

La Porte demande que le mandat de la Commission européenne pour Roumélie soit prolongé de trois mois. N'y objectons pas si les autres Puissances y adhèrent, bien entendu que notre administration durera tant que le nouveau statut n'aura pas été promulgué¹.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 34, л. 505. Отпуск.

Перевод

Порта требует, чтобы мандат Европейской комиссии для Восточной Румелии был продлен на три месяца. Не возражаем, если другие державы согласятся; разумеется, наша администрация будет существовать до тех пор, пока не будет обнародован новый статут¹.

1. Мандат Европейской комиссии был продлен с учетом введения Органического устава в апреле—мае 1879 г., до момента созыва областного собрания.

№ 239

1878 г. декабря 28 (1879 г. января 9). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о невыполнении Турцией решений Берлинского конгресса относительно Македонии

№40

Филиппополь

Болгарский экзарх * вернулся недавно из Константинополя сюда. Привезенные им из столицы вести произвели здесь тяжелое впечатление, доказав еще раз полную невозможность достигнуть мирным путем исполнения Портою самых торжественных ее обязательств.

Его блаженство имел честь лично сообщить вашему сиятельству о неуспехе своих ходатайств касательно отправления в Македонию епископов в вдовствующие епархии; здешние болгаре видят в этом отказ Порты исполнить постановления фирмана об экзархате и ст. 62 Берлинского трактата о свободе вероисповеданий, намерение окончательно предоставить несчастное болгарское население Македонии на произвол турок и греков. В указаниях же, данных французским и английским послами экзарху, на помощь, которую Македония должна ожидать от Европейской комиссии, болгаре усматривают только насмешку. Вашему сиятельству известно, что с времени ратификации Берлинского договора Порта не сделала ни малейшего шага к исполнению ст. 23, обязывающей ее выработать посредством комиссий, составленных преимущественно из местных жителей, новые учреждения как для Македонии, так и для других провинций, и что в 16-м заседании нашей комиссии турецкие делегаты отклонили мой запрос по этому предмету.

В таком явном и безнаказанном нарушении Портою относительно Македонии прежних и новых обязательств болгаре Восточной Румелии видят пример того, что ожидает их по выходе русских войск¹.

С глубочайшим почтением и т. д.

ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 33, л. 391—391 об. Копия. Литографированный экземпляр.

* Иосиф.

1. Только в апреле—мае 1880 г. комиссия приняла (согласно ст. XXIII Берлинского договора) статут о реформах в Македонии и Южной Фракии, который, однако, не был выполнен (см. 84, стр. 7—13).

№ 240

1878 г. декабря 29. — Полномочие представителя Татар-Пазарджикского округа А. Д. Людсканова на участие в Учредительном собрании в Тырново *

Т[атар]-Пазарджик

Населението на Т[атар]-Пазарджи[к]ский округ, като неотделна част от българский народ всякога е споделяло съдбата му и в най-мрачните и грозните ѝ фази, участвувало е в[ъв] всяко народно стремление и в тези стремления са е излагало в крайни бедствия. Непокколебимо в своята преданност на идеята за народното единство и в съчувствието си към всяко народно дело, като предстои сега след последните достопамятни събития да стане Великий събор¹ от народните представители в старата българска столица, за да размишляват и решават върху съдбата на България, населението на Т[атар]-Пазарджи[к]ский округ в едно редовно събрание избра г-н Александър К. Людсканов за в реченото Народно събрание с права и длъжности на негов представител.

Г-н Александр К. Людсканов се опълномощава, като представител да действа в името на целий Т[атар]-Пазарджи[к]ский округ за интересите на общето отечество и на округа частно, да прави писмени и уст[н]и заявления в наше имя и да върше всичко, което счита за нужно и полезно за достигването на общенародните желаня.

За това му се дава настоящето пълномощно снабдено с печатите на града и селата².

Успенский квартал	св. Костадиновский квартал
кмет М. Стефанов	кмет М. Цветков
Варушкий квартал	св. Петковский квартал
кмет Стефан Д. Гике	кмет Т. Дашков

НБКМ—БИА, ф. 12, д. 32, л. 1. Подлинник. Печати кварталных кметов Татар-Пазарджика.

1. Учредительное собрание было открыто в Великом Тырнове 10 (22) февраля 1879 г.

2. Такие полномочия давались представителям всех округов (см., например, НБКМ—БИА, ф. 12, д. 32, лл. 7—8 и др.).

№ 241

1878 г. декабря 31. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова А. Б. Лобанову-Ростовскому о переносе срока созыва Учредительного собрания на конец января 1879 г. и о намерении турецкого и австрийского комиссаров протестовать против принципа наследования болгарского княжеского престола

№ 5457

М[илостивый] г[осударь] князь
Алексей Борисович!

Вчера получил телеграмму Гирса, что Белоцерковец везет давно ожидаемый, пересмотренный и утвержденный в Петербурге представленный мною проект Органического устава княжества Болгарского **. Убедительнейше

* См. док. 237, 261.

** См. об этом проекте И. В. Козьменко. Первоначальные проекты Тырновской конституции. «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М., 1953, стр. 222—261.

просил бы я ваше сиятельство о скорейшем доставлении этого документа для принятия мер к созванию собрания в Тернове.

При всей спешности, которую намерен я дать настоящему делу, уже невозможно будет собрать депутатов, как предполагалось, к 6 января. По крайней мере нужно 3 недели или месяц, чтобы дать время съехаться депутатам, перевести на болгарский язык и отлитографировать Органический устав и прочее. Так что раньше конца января немислимо открыть собрание. Прискорбное замедление это, как известно вам, не зависит от меня. Иностранные представители, по-видимому, желают присутствовать в Тернове при собрании, на что мною предоставляется им все средства. Хотя депешею действительного [тайного] [советника] Гирса мне указано, что я вправе не сообщить этот устав для собрания, не имеющим, по Берлинскому трактату, никакого права вмешиваться в это дело, но я полагаю из вежливости совершенно частным образом передать к их сведению проект устава, тем более что они всегда будут иметь возможность достать отлитографированные экземпляры и другим путем. По этому поводу считаю нужным сообщить вам, как мне известно из частных разговоров, что турецкий комиссар и австрийский делегат намерены протестовать против принципа наследственности, полагая, что каждый раз по смерти князя должен быть избираем народом его преемник. Против этого взгляда сильно восстает Пальгрев, высказываясь, что это будет не упрочение порядка, а периодическая агитация в крае. Не знаю, как будут действовать в этом случае делегаты, но с своей стороны намерен объявить им о некомпетентности моей разрешить этот вопрос, вследствие чего они и обратятся, вероятно, в свои посольства в Конс[тантино]поль¹.

От вашего сиятельства будет зависеть задержать решение до окончания трудов Терновского собрания, где принятие оным Органического устава уже будет совершившимся фактом.

Примите уверение. . .

ЦГВИА, ф. 430, д. 90, лл. 231 об.—232. Отпуск.

1. Вопрос о наследственности княжеского престола был решен положительно (см. 68, т. II, стр. 245, столб. 2, текст Тырновской конституции, гл. V, ст. 24).

№ 242

1878 г. [декабрь] *. — Справка канцелярии российского комиссара в Болгарии о численности мужского населения в округах Болгарского княжества и числе депутатов от каждого округа **1

Наименование губерний и округов	Число жителей мужского пола	Число депутатов от округов	Наименование губерний и округов	Число жителей мужского пола	Число депутатов от округов
<i>Софийская губерния</i>			8. Джумайский (отходит к Турции)	10 000	—
1. Софийский округ	53 000	5			
2. Орханский	26 000	3			
3. Златицкий	6 000	1			
4. Самоновский	26 000	3			
5. Радомировский	16 000	2			
6. Дубницкий	15 000	1			
7. Кюстендильский	26 000	3	<i>Тырновская губерния</i>		
			Итого	178 000	18
			1. Тырновский округ	51 490	5

* Документ не датирован. Дата установлена приблизительно по документам дела.

** Сведения составлены на основании данных, полученных от губернаторов (примечание документа).

Наименование губерний и округов	Число жителей мужского пола	Число депутатов от округов	Наименование губерний и округов	Число жителей мужского пола	Число депутатов от округов
2. СевлиеВСкий	27 547	3	<i>Видинская губерния</i>		
3. Габровский	14 391	1	1. Видинский округ	30 643	3
4. Ловчанский	46 457	5	2. Ломский	38 593	4
5. Еленинский	18 021	2	3. Раховский	52 489	5
6. Осман-Базарский	10 800	1	4. Врачанский	61 758	6
Итого	168 706	17	5. Берковский	52 820	5
<i>Руссукская губерния</i>			6. Белградчикский	14 421	1
1. Руссукский округ	83 000	8	7. Кульский	19 000	2
2. Свищовский	15 602	2	Итого	269 724	26
3. Никопольский	23 494	2	<i>Варненская губерния</i>		
4. Силистрийский	34 410	3	1. Варненский округ	18 100	2
5. Туртукайский	15 900	2	2. Провадийский	25 036	3
6. Разградский	26 731	3	3. Маггальский	6 498	1
7. Эски-Джумайский	[2]4 889	1	4. Бальчикский	10 000	1
8. Плевненский	27 810	3	5. Базарджикский	9500	1
9. Шумненский	67 330	7	Итого	69 134	8
Итого	318 896	31			

Общее число депутатов от округов выходит ровно *сто*. Но по сличении со всеми прежними данными вышепоказанных чисел населения округов Раховского, Врачанского и Ломского следует предполагать, что сии числа заключают в себе и число душ женского пола. По сему, согласно принятому правилу о числе депутатов, от Раховского округа должно быть три, от Вра[ча]нского — *три*, от Берковского — *три*.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8765, л. 79—79 об. Подлинник.

№ 243

*1878 г. декабрь. — Записка чиновника Управления российского комиссара в Болгарии В. Рогге с проектом сбора и обработки статистических сведений о социально-экономическом положении Болгарии **

София

При организации гражданского управления в Болгарии на каждом шагу ощущается крайне настоятельная необходимость иметь возможно более верные данные о настоящем положении края и экономических условиях его населения.

При дальнейшем развитии гражданского устройства Болгарии потребность в этих данных будет, конечно, становиться с каждым днем все более и более ощутительной.

* См. док. 313.

Между тем те немногие статистические сведения, которые были наскоро собраны во время начала военных действий и вообще в течение последней войны, далеко не имеют характера достоверности и могут быть признаны только приблизительно верными, допускающими самые широкие отклонения.

Собрание статистических данных непосредственно вслед за окончанием военных действий также представляло непреодолимые затруднения, так как при отсутствии правильно и вполне единообразно устроенных административных учреждений не было необходимых для этого органов, и потому собранные при таких условиях статистические сведения неизбежно страдали бы отсутствием единообразия и по-прежнему не могли бы считаться вполне достоверными.

Для устранения этих затруднений необходимо было прежде всего установить в княжестве ряд административных учреждений, в которых бы сосредоточивалось все управление округов, городов и губерний и которые могли бы вместе с тем служить органами, вполне пригодными для собирания и доставления различного рода статистических сведений.

В настоящее время со введением в действие временных положений, изданных для полиции и управительных советов, эти учреждения могут значительно облегчить эту задачу, и потому именно теперь более, чем когда-нибудь, своевременно безотлагательно приступить к собиранию и обработке различных статистических данных относительно Болгарского княжества, а также различных общественных и экономических условий его населения.

Обращаясь затем к тому порядку, который следовало бы установить при собирании и обработке статистических материалов, необходимо заметить, что в этом отношении, ввиду необширности территории княжества, относительной малочисленности ее населения, отсутствия необходимого числа достаточно подготовленных людей, а также ввиду ограниченности материальных средств края следовало бы положить в основание всего дела два следующие принципа: 1) собрание статистических данных должно быть производимо на месте существующими уже местными учреждениями, причем эти данные должны быть доставляемы в центральное статистическое учреждение в сыром, необработанном виде, и 2) разработка всех статистических данных должна быть сосредоточена исключительно в центральном статистическом учреждении.

Этот порядок имеет за себя еще нижеследующие основания:

а) организовать необходимый для центрального учреждения личный состав, хотя бы даже и в несколько усиленном объеме, еще возможно, тогда как приискать надлежащее число подготовленных лиц для статистических учреждений во всех пяти губерниях положительно немислимо;

б) необходимые на содержание всего личного состава центрального статистического учреждения, как бы ни был усилен этот личный состав *, будет все-таки стоить значительно менее содержания 5 отдельных губернских статистических учреждений;

в) разработка в центральном учреждении всех собираемых данных при малочисленности населения Болгарии не может быть особенно затруднительна, конечно, под условием соответственного увеличения его личного состава;

г) собрание большей части статистических данных посредством существующих уже местных учреждений также вполне достижимо и даже, как это видно из последующего, представляет довольно серьезные гарантии своей достоверности.

Самая мелкая административная единица в Болгарии есть община.

Каждая община имеет от 20 до 50 дворов и управляется ближайшим образом общинным советом.

Само собою разумеется, что как бы ни были малообразованы и развиты члены этого совета, они всегда будут в состоянии проставить в подлежащих

* В тексте, вероятно, пропуск слова «средства» или «затраты».

графах бланка таблицы простые цифры требуемых сведений. Вместе с тем при микроскопическом составе общин (от 20 до 50 дворов) общинный совет всегда будет иметь полную возможность доставлять самые верные и точные сведения обо всем, что заключается в его районе.

Почти то же самое можно сказать и относительно городских управительных советов.

Ведаая главным образом все городское хозяйство и благоустройство, городские советы имеют полную возможность в то же время собрать верные, точные статистические данные обо всем, что не выходит из круга их ведения и пределов территории их города.

Прежде всего необходимо составить самые подробные списки населенных мест и затем, при самой переписи, возможно будет собрать самые разнообразные сведения не только о личном составе населения, но также о его инвентарном имуществе, о принадлежащей ему недвижимой собственности, о количестве и характере принадлежащей ему земли и т. п., вследствие чего такого рода перепись дает возможность сравнительно весьма быстро получить все самые необходимые сведения о положении края в данную минуту.

В настоящем случае однодневная перепись населения Болгарии необходима тем более, что при полном отсутствии сколько-нибудь достоверных статистических сведений за прежнее время собранные переписью данные могли бы послужить краеугольным камнем для будущих статистических работ и вместе с тем дали бы возможность применить к этому краю принятый уже во многих передовых в этом отношении государствах Европы сокращенный способ ежегодного собирания различных статистических данных.

В силу всех этих соображений наиболее целесообразным представляется организовать собрание и разработку статистических данных о Болгарии следующим порядком.

На общинные советы следует возложить собрание и доставление:

- 1) всех сведений о числе жителей по вероисповеданиям и по занятиям, а также о родившихся, умерших и бракосочетавшихся лицах нехристианского исповедания, проживающих в пределах общины;
- 2) о посевах и урожае хлебов, а также всех прочих произведений земли;
- 3) о скотоводстве со всеми его подразделениями;
- 4) о фабриках, заводах и вообще всякого рода промышленных заведениях в районе общины;
- 5) о числе домов и различного рода зданий, а также все прочие подобного рода сведения, собрание которых будет доступно для общинного совета и получение которых будет признано необходимым.

Для доставления всех этих сведений общинным советам должны быть высланы специально для этого составленные возможно упрощенные бланки — формы, в которых они могли бы только проставлять в подлежащих графах собранные цифры.

Собственно, порядок собирания статистических данных в своем районе было бы полезно предоставить усмотрению общинного совета, который при этом мог бы применить издавна установившийся для подобных случаев порядок повального опроса на общей сходке, причем собранные таким образом сведения, в случае сомнения, могли бы поверяться особо собственно для этого приглашаемыми агентами, которые за свой труд получают определенную задельную плату по уговору.

Собрание всех вышеупомянутых сведений относительно городов должно быть возложено на городские управительные советы.

Доставление сведений о родившихся, бракосочетавшихся и умерших лицах христианского исповедания должно быть возложено на духовных лиц подлежащего исповедания, на обязанности которых вообще лежит ведение установленных метрических книг.

Все сведения о происшествиях, как-то: о пожарах, о совершенных преступлениях, о насильственных и случайных смертях, — а также сведения

о состоянии пожарной части, о тюрьмах, арестантах, бродягах, эпидемиях и эпизоотиях должны быть доставляемы подлежащими окружными начальниками.

Все собираемые таким образом как общинными, так [и] управительными городскими советами и прочими лицами сведения должны быть доставляемы непосредственно губернатору той губернии, в районе которой они находятся.

К обязанности последнего должно относиться исключительно только наблюдение, чтобы собираемые сведения были совершенно достоверны и чтобы они были доставляемы непременно в установленные сроки. Вместе с тем к обязанности губернатора должно относиться также ближайшее руководство делом собирания требуемых статистических данных, выработка тех приемов, посредством которых возможно удобнее и легче достигнуть верности этих данных, и, наконец, ближайшее разрешение могущих возникнуть при собирании статистических сведений недоумений и недоразумений.

Для выполнения этой задачи все поступающие к нему статистические данные губернатор передает в губернские управительные советы, которые, убедившись в их достоверности и составив из всех полученных сведений общие таблицы за всю губернию, представляют таковые вместе с всеми подлинными материалами в центральное статистическое учреждение.

В случае же заведомой или очевидной неверности некоторых из доставленных данных губернатор и совет обязаны восстановить нарушенную истину, после чего полученные данные вместе с подлинниками первых сведений доставляются в центральное статистическое учреждение.

Если бы, по мнению губернатора или губернского совета, для пользы дела было бы необходимо видоизменить некоторые из принятых при собирании сведений приемов, им представляется довести об этом до сведения центрального статистического учреждения, от которого зависит вообще установление всех подобного рода приемов.

Что касается статистических данных по различным специальным отраслям управления общественной жизни, как, например учебной, таможенной, железнодорожной и т. п., то таковые должны быть доставляемы этими учреждениями непосредственно в центральное статистическое учреждение.

К обязанности последнего прежде всего относится систематическая и научная обработка всего поступающего материала, а также установление статистических приемов при собирании всеми местами и лицами необходимых статистических сведений.

Всех вышеприведенных мер для периодического получения различных статистических сведений * для собирания в течение самого непродолжительного времени почти всех наиболее необходимых статистических данных о настоящем положении края и экономических условиях его населения.

Несомненно, лучшим и едва ли не единственным средством представляется подворная опись всех населенных мест и однодневная перепись населения Болгарского княжества.

Не говоря уже о весьма разнообразных сведениях относительно личного состава населения в данную минуту, такая перепись может дать также самые богатые данные об инвентарном имуществе населения, принадлежащей ему недвижимой собственности, о количестве и качестве принадлежащей ему земли и т. п.

Однодневная перепись и подготовительные для нее работы — составление списков населенных мест и подворная опись — имеют для Болгарии особенно важное значение, так как при полном отсутствии сколько-нибудь достоверных статистических сведений за прежнее время собранные переписью данные могли бы послужить краеугольным камнем для всех будущих статистических работ и вместе с тем дали бы возможность применить к этому краю выработанный наукой и практикой сокращенный способ ежегодного собирания различных статистических данных.

* В тексте, вероятно, пропущено слово «достаточно».

Что касается порядка и способа производства такого рода переписи, то в случае принятия этой меры они должны быть выработаны особо, сообразно установленным для этих случаев формам, применяясь к многообразным совершенно исключительным условиям местной жизни¹.

АБАН, ф. 17, д. 57. Копия.

№ 244

1878 г. не позднее декабря 31 *. — Циркуляр Видинского областного суда председателю окружных судов о порядке ведения делопроизводства в окружных судах

№ 106

Видин

В заключение на рапортът, когото подир обревизирването, на съдовете представих в съдебния отдел при Управлението на императорский российский комиссар в България, беше казано: «за да не би съдовете, които според новия устав, относително до изборите, наскоро ще се преорганизирът тр ** по един аномален ред, ще трябва съвре[менно] да се снабдят с нуждните книги, а за [щото] това зависи от удобрението, поправк[ата] или изменението на препровождаемите форми, моля ваше превъсходителств[тво] да ме снабдите с нуждните инструкц[ии].

Препроводените форми, за които става дума горе, са същи[те], [кои]то са дадени на съдовете ***.

В ответът си от 20 ноембр[ий] 1878 год. под № 4071 съдебния отдел ме уведоми, че формите на книгите, които ще имат окръжните съдове, се приготвяват и в непродължително време ще се испратят. Наистина, в същия ответ е казано, че и представления от мене проект за формите ще се земе в[ъв] внимание; но защото от една страна това изражение, от друга — известието, че един от нашите чиновници — юристи, е бил испроводен в Россия да земе форми от тамошните съдебни учреждения, а от третя — смисълът на някои статии от временните съдебни правила, ми дават право да заключа, че съставените от мене форми ще се изменят, а може би, конечно заменят и защото, ако би следвали съдовете по тях и после 1 януарий 1879 год., ще се принудят всичко да преправят, което ще претовари канцеларийския бюджет с купуване на нови книги, — по тази причина счетов за дължност да известя съдовете за това, а същевременно да укажа, кои от книгите да ся задържат, кои изоставят и по коя система да се нареди писмена[та] част при разглежданието на делата, в случай, че до 1 януарий 1879 год. не са съобщят от областния съд или от г-да окръжните началници особени инструкции по този предмет. И така:

1. Шестях книги за описите, тритях книги на заседанията (протоколите), тритях книги на решенията и книгите за буквален опис на съдебните решения от 1 януарий нанататък да се не държат.

2. Реестрът на входящите бумага да си остане, както е показано само на край листът да ся отвори особна графа, каквато има в реестрът на входящите бумага, за да се бележи де е бумагата, на кое дело ся относи и на коя бумага служи за отговор и пр.

3. Книгите за распоредителните заседания (ст. 59), за актовете, които съсвидетелствуват в съдовете (ст. 531), за актовете, които се издават в съдо-

* Датируется по содержанию документа.

** Текст поврежден.

*** См. примечание к док. 147.

вете (ст. 530), за дневникът и касата на съдебните приходи, за арестантите и изходящите бумажки, да се водят по дадените форми.

4. Протоколите, за които става дума в (843—849 ст.), също и всеки протокол за изслушване на свидетели, вещи люде или люде, поместни изследвания и [при съ]ставявани на особни бумажки, приш[иват] се в делото, на което ся отнасят.

5. Резолюциите (ст. 268) и р[ешенията] в окончателна форма да се пишат на особни бумажки и да [се] дават в делото, [на което] се отнасят.

6. Непременно трябва да има една книга-общ дневник (ст. 63)

7. Да се държи една книга за записване словестний иск (ст. 102).

На конец присовокуплявам, че всичките окръжни съдове, които още не работят съгласно с наредбите на Временните съдебни правила, трябва непременно да захванат от 1 януарий да се съобразяват с тях защото всяко и най-малко отстранение влече подире си отговорност.

При това, за избягване на всяко недоумение, прилагам копие от едно журнално постановление, което трябва да направи всеки един съд, щом му се съобщи от г-н началникът новия състав на окръжните съдове; а защото от някои данни се заключава, че някои от окръжните съдове ще се преобразуват, за това препоръчвам настоящите г-да председатели да предадът още в първата минута на заместванието си това отношение на приемниците си.

Председателът на Видинския областен съд Илия Цанов
Секретарът Димитриев

НБКМ—БИА, Колекция 45, п. 4. Подлинник. Текст повреден.

ДОКУМЕНТЫ

1879 год

№ 245—390

№ 245

1879 г. января 3. — Предписание А. М. Дондукова-Корсакова
А. Д. Столыпину о продлении его полномочий в Восточной Румелии до окончания работы Европейской комиссии и назначения турецкого генерал-губернатора

На основании XVIII ст. Берлинского договора Международная европейская комиссия обязана была со дня ратификации названного договора в трехмесячный срок определить круг власти и атрибуты будущего генерал-губернатора Восточной Румелии, а также изготовить устав для административного, судебного и финансового управления этой областью. Ныне срок этот истек, но работы названной комиссии не окончены и, нужно полагать, могут продолжиться на неопределенное время.

Принимая обстоятельство это во внимание, а равно и отзыв вашего превосходительства от 22 минувшего декабря № 368 *, я в предупреждение могущих возникнуть каких-либо недоразумений признаю необходимым предложить вам объявить Международной комиссии, что до получения мною новых прежде данные мне правительством нашим инструкции остаются в полной силе и что на основании сих инструкций императорскому российскому комиссару в Болгарии по отношению к Румелии предоставлены нижеследующие права и полномочия:

1. Назначение русского генерал-губернатора, который должен состоять непосредственно в его ведении и прямом подчинении по всем делам внутреннего управления в Восточной Румелии. По всем сим делам, между прочим, управление генерал-губернатора есть посредствующая инстанция между российским комиссаром в Болгарии и Румелийскою комиссиею.

2. Высшее наблюдение за действиями установленной в Южной Болгарии (Восточной Румелии) русской администрации до тех пор, пока область эта не перейдет под управление турецкого генерал-губернатора, имеющего быть назначенным Портою по соглашению с державами, подписавшими Берлинский трактат,

и 3. Распространение изданных или издаваемых, за исключением по части финансов, всех распоряжений и постановлений центральным управлением Болгарии и на Румелию, до того времени пока в названной провинции не будут введены в действие различные уставы и положения, вырабатываемые Международной комиссией.

Императ[орский] российск[ий] комиссар
генер[ал]-ад[ъютант]
князь Дондуков-Корсаков

Д[иректор] к[анцелярии] г[енерал]-м[айор] Домонтович

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8817, лл. 89—90 об. Подлинник.

* См. то же дело, лл. 77—78 об.

1879 г. января 5. — Письмо А. К. Имеретинского А. Д. Столыпину с сообщением распоряжения Э. И. Тотлебена о назначении офицеров-болгар Действующей армии в восточнорумелийскую милицию *

№ 105

Адрианополь

Милостивый государь Аркадий Дмитриевич!

При предстоящем очищении нашими войсками Восточной Румелии милиция этой провинции будет выделена из общего состава Болгарского земского войска и получит самостоятельную организацию, причем находящиеся до сих пор в составе вышеназванной милиции русские кадры будут заменены офицерами и другими чинами болгарской национальности.

Ввиду изложенного для замены русских кадров главнокомандующий приказал назначить в румелийскую милицию из войск Действующей армии офицеров болгарского происхождения, если таковые офицеры еще найдутся, за последовавшими прежде назначениями их в болгарские дружины, и если, притом, они изъявят на то свое согласие.

Сообщая об изложенном по приказанию главнокомандующего, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не оставить распоряжением об отправлении теперь же в Филиппополь в распоряжение генерал-губернатора Восточной Румелии тех офицеров болгарского происхождения, состоящих в войсках вверенного вам корпуса, кои изъявят согласие быть назначенными в румелийскую милицию; при этом имею честь просить вас приказать доставить мне, в возможно непродолжительном времени, именно список офицеров IX армейского корпуса, получивших вышеупомянутое назначение.

Примите уверения в истинном моем к вам уважении и преданности.

Князь А. Имеретинский

Резолюция А. Д. Столыпина: По сему письму сделать все предварительные распоряжения о доставлении нужных сведений, но до получения предписания от имп[ераторского] комисс[ара] в приказе не отдавать.

Столыпин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 107, лл. 16—17 об. Подлинник.

1879 г. января 8 (20). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу об отношении дипломатических агентов европейских держав в Болгарии к предстоящему Учредительному собранию в Тырнове

№ 2

Sofia

La réunion prochaine des notables à Tyrnovo préoccupe singulièrement quelques-uns de mes collègues étrangers¹, l'agent diplomatique d'Autriche-Hongrie, quoique il soit très réservé dans ses entretiens avec moi, m'en a cependant parlé dernièrement et m'a dit qu'il regrettrait que le projet de Statut organique n'ait pas été communiqué au préalable aux délégués des Puissances signataires du traité de Berlin. Je lui ai fait observer qu'il y aurait eu impossibilité matérielle à le faire, car ce projet avait été rédigé et expédié au Ministère des affaires étrangères bien avant l'arrivée des délégués à Sofia et qu'en outre il n'y avait pas lieu, à mon avis, de faire de cette pièce l'objet d'une communication, car ce n'était qu'un projet dont l'acceptation par les Bulgares n'était nullement obligatoire. Mr. Swideneek a reconnu qu'il n'y avait pas obligation de le communiquer, mais a ajouté qu'il eût été plus pratique, selon

* См. док. 209 и примечание к нему.

lui, de s'entendre à l'avance sur quelques-uns des points de l'organisation définitive de la principauté ce qui aurait peut-être évité des discussions ultérieures. Il ne s'est pas expliqué sur les questions qu'il considère comme pouvant donner lieu à des contestations; d'ailleurs, il ne peut avoir des idées bien arrêtées à ce sujet, car le projet de Statut organique ne lui est pas connu, mais je crois savoir que les points auxquels il faisait allusion, en m'en parlant, étaient l'hérédité de la dignité princière et les forces militaires de la Bulgarie.

Les délégués ne sont pas d'accord sur l'attitude qu'ils auront à observer vis-à-vis de la réunion des notables.

Ceux de France et d'Angleterre considèrent que la discussion devant être entièrement libre, il n'y a pas lieu pour eux d'intervenir, ni isolément, ni collectivement; ils comptent, sauf instructions contraires de leurs gouvernements respectifs, assister à la cérémonie d'ouverture, quitter ensuite Tyrnovo et y revenir peut-être pour la clôture.

Le commissaire ottoman se considère comme obligé de rester sur les lieux tant que durera l'élaboration du Règlement organique de la principauté; il ne parle guère de ses projets, mais j'ai tout lieu de supposer qu'il se réserve de protester, même isolément, à titre de représentant de la Puissance suzeraine, s'il trouve que les intérêts de celle-ci sont lésés par les décisions de la réunion des notables.

Enfin le délégué d'Autriche-Hongrie se prépare à suivre attentivement la marche des débats à Tyrnovo et pense que le cas pourrait se présenter où il devrait saisir ses collègues de telle ou telle question; sur la base de l'article 6 du traité de Berlin ². Les projets de Mrs. Palgrave et Schefer lui sont connus et il est fort ennuyé de la perspective de ne pas les avoir à ses côtés au moment où il voudra engager une action collective. Je ne doute pas qu'il en avisera son gouvernement et cherchera à provoquer des démarches à Londres et à Paris pour faire donner à ses collègues des instructions conformes à ses vœux.

J'ai l'honneur d'être, etc.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2493-а, лл. 15—17. Копия.

*Перевод
София*

Предстоящее в скором времени собрание нотаблей в Тырнове в высшей степени тревожит некоторых моих иностранных коллег ¹; дипломатический агент Австро-Венгрии, несмотря на свою крайнюю сдержанность в беседах со мной, недавно говорил мне об этом и сказал также, что он сожалеет, что проект Органического устава не был предварительно сообщен делегатам держав, подписавших Берлинский трактат. Я заметил ему, что это было невозможно осуществить практически, так как проект был составлен и послан в Министерство иностранных дел задолго до приезда делегатов в Софию, и что, кроме того, по моему мнению, нет основания делать из этого документа предмет сообщения, потому что это всего лишь проект, принятие которого болгарами совсем не обязательно. Г-н Звиденек признал, что было не обязательно его сообщать, но добавил, что, по его мнению, было бы более практичным заранее договориться о некоторых пунктах окончательной организации княжества, что, возможно, устранило бы дальнейшую дискуссию. Он не разъяснил, какие вопросы он считает спорными; впрочем, у него не может быть установившегося мнения по этому вопросу, так как проект Органического устава ему неизвестен; но, мне кажется, что пунктами, на которые он намекал в разговоре со мной, были вопрос о наследовании княжеского престола и вопрос о вооруженных силах Болгарии.

Делегаты не пришли к соглашению по вопросу о позиции, которой они должны придерживаться по отношению к собранию нотаблей.

Делегаты Франции и Англии считают, что, так как обсуждение должно быть совершенно свободным, у них нет оснований вмешиваться ни отдельно, ни коллективно; они рассчитывают, если не поступит других инструкций от их правительств, присутствовать на церемонии открытия собрания, а затем уехать из Тырнова и вернуться, может быть, к его закрытию.

Оттоманский комиссар считает себя обязанным оставаться на месте, пока будет продолжаться выработка Органического устава княжества; он ничего не говорит о своих планах, но я имею основания предполагать, что он оставляет за собой право протестовать даже и отдельно в качестве представителя суверенной державы, если сочтет, что решения собрания нотаблей затрагивают ее интересы.

Наконец, делегат Австро-Венгрии готовится к тому, чтобы внимательно следить за ходом дебатов в Тырнове, и считает, что может представиться случай, когда он сможет передать на рассмотрение коллег тот или иной вопрос, на основании ст. VI Берлинского трактата². Планы гг. Пальгрева и Шефера ему известны, и его огорчает, что они не поддерживают его, когда ему понадобится организовать коллективное выступление. Не сомневаюсь, что он сообщит об этом своему правительству и попытается вызвать демарши Лондона и Парижа, чтобы снабдить своих коллег инструкциями, соответствующими его пожеланиям.

Имею честь быть и пр.

1. Еще в декабре 1878 г. А. М. Дондуков-Корсаков предупреждал Н. Г. Гирса, что турецкий комиссар и английский консул, уже прибывшие в Софию, «получили от своих правительств указания, руководствуясь коими они обязаны стремиться к возможному ослаблению нашего влияния как на установление главнейших принципов государственного устройства Болгарии, так и на избрание в князя того или другого кандидата». Он считал, что не следует допускать официального их вмешательства в дела, прямо касающиеся державных прав болгарского народа (см. 80, вып. 6, стр. 4—5).

В письме Гирсу от 13 января 1879 г. Дондуков вновь указывал на намерения иностранных консулов вмешаться и даже создать отдельную комиссию без участия турецкого комиссара и русского консула (там же, вып. 6, стр. 13) и отмечал возражения представителей Австрии и Турции против наследственных прав будущего князя.

2. Ст. VI Берлинского трактата о временном управлении Болгарии и о роли в нем иностранных консулов (см. 79, стр. 185).

№ 248

1879 г. января 8. — Письмо А. П. Давыдова вице-директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел А. А. Мельникову о распространении в Болгарии прокламации с протестом против решений Берлинского конгресса и о желании болгар продлить срок деятельности русского управления

№ 2

София

Милостивый государь Александр Александрович!

В письме моем от 25 декабря минувшего года * я упоминал о существующем, по дошедшим до меня слухам, намерении болгар отказаться как от выбора князя, так и от выработки или обсуждения Органического статута.

С тех пор слухи эти оправдались появлением печатной прокламации, экземпляр которой имею честь при сем приложить **. Из оной, ваше превосходительство, изволите усмотреть, что болгары призываются к торжественному протесту против постановлений Берлинского трактата; они должны высказаться в Тырнове в том смысле, что избиратели уполномочили их обсудить Органический статут для целой, а не для «берлинской Болгарии» и что за отсутствием представителей от Фракии и Македонии им остается заявить, что Придунайская Болгария может лишь остаться под властью русских, так как народ недостаточно силен ни в количественном отношении, ни по очертанию своих границ, чтоб защитить себя от внешних врагов, особенно же от турок.

В этой прокламации болгарскому народу не ограничиваются предложением одних пустых демонстраций, но советуют принять энергичные меры против занятия турками балканских проходов и ходатайствовать перед русскими властями об учреждении в крае национальной гвардии.

* См. АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 911, лл. 75—84 об.

** См. приложение.

Прокламация эта не имела большого успеха. Как только она появилась, собрались лучшие люди из болгар, проживающих в Софии, и решили противодействовать ее вредному влиянию. Напечатание ее в «Марице» не было допущено, и этим положен предел ее распространению.

Впрочем, желание, чтобы наша оккупация в крае была продолжена, проявляется и в среде самых серьезных болгарских деятелей, и на днях еще мне говорил один из них, что обсуждение Органического статута можно протянуть на целые месяцы и что едва ли войска будут иметь возможность уйти до окончательного устройства края. Весьма вероятно, что большинство Тырновского собрания будет следовать указаниям временного правительства, но не [следует] *, однако, упускать из виду различных проявлений общественного мнения, и я со своей стороны считаю долгом доводить до сведения императорского министерства наиболее выдающиеся из них, каково, на пример, появление препровождаемой при сем прокламации.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

А. Давыдов

Помета: Получено 21 января.

АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 913, ч. 2, лл. 713—715об. Подлинник.

Приложение

*1879 г. не позднее января 8 **.* — *Обращение Филиппопольского (Фракийского) комитета «Единство» к болгарскому народу с призывом к борьбе против решений Берлинского конгресса*

Какво трябва да са прави?

От как българския народ е подпаднал под турската власт, при сичките притеснения и насилия, които са правиха върху него, при сичките старания и козни на гърците и турците, да го раздробат, за да могат по-лесно да го погълтнат и претопят в себе си, той се е умял да запази своята народност и вяра, защото е намирал яка подпорка в своето единство. Соединен в едно неразделно тяло и в радост, и в скърб, българския народ е намирал в себе си доста нравствена и вещественна сила, за да противостои на сичките вътрешни и вънкашни посегателства и опитвания против неговото съществуване, като славянски и православен народ. Доказателства за горният ние виждаме в самостоятелната борба на нашия народ за своята духовна и политическа независимост. Народните деятели и водачи както в черковния вопрос, така и в политическия, винаги са имали пред вид народното единство и са старале да добиват еднакви и същи правдини за цял български народ. Секи знае, че българете са отрекоха категорически да приемат черковна екзархия само за Придунавска България, но като постоянноуваха в своята борба с фанариотите, успяха да добият екзархия за цяла България. В каквото испытание са намираше народа ни по черковния вопрос, когато му са предлагаше екзархия само до Балкана, в такова са намира и днес по политическия, когато са дава свобода само за Придунавска България. За това секи български патриотин, който проумява интересите на народа си, длъжен е неуморно и самоотвержено да работи за достигането на нашето политическо единство.

Когато нашите братя освободители, след ред безбройни скъпи жертви и бляскави победи, достигнаха до под стените на Цариград, те, като искаха да основат и оздравят за нас българете, един честит политически, економически и обществен живот, направиха с нашите вековни притеснители един мирен договор, известен под името Сан-Стефански, който, наистина, даваше възможност на нашия народ да се развива и успява в сяко отноше-

* Слово стерт.

** Датируется на основании док. 248.

ние. За тоя знаменит договор ходиха и представителите на народа да благодарят на руския цар-освободител, като му поднесоха общенароден благодарствен адрес.

Но заклетите славянски врагове, като искаха да развалят създаденото от нашата освободителка, а така също и да развалят нашето добро положение, пратиха своите пълномощници в Берлин и тия последните тамо раздробиха българското народно тяло на пет части и туриха сяка от тях под особени жизнени условия, а така също да убият още в зачалото неговата бъдущност.

Против несправедливия Берлинский договор цял български народ протестира енергически, като заяви, че той под никой начин няма да го приеме, а ще са старае всячески да достигне своето единство, защото само тогава той ще има възможност да живее, като независим самостоятелен народ. Както знаете, тоя протест са предаде в ръцете на европейските сили¹, и когато народа видя, че никой от тях не ще да обърне върху него нужното внимание, то почена да прилага в действие своите з[а]явления.

Първо дело против несправедливия Берлинския трактат беше Македонското въстание*, на помощ на което са притече цял български народ. Това въстание, както ви е известно, направи и продължава да прави доста голямо смущение и замешателства между европейските господарства, защото доказва неприложността и несъстоятелността на Берлинския мирен договор. Днес обаче против Берлинския трактат трябва да са направят още и други заявления, които ще да докажат на цяла Европа, че не е така лесно да са осъжда на смърт един млад и пълен с жизнени сили народ, който никога самоволно няма да вове главата си пак под турското иго, което за да са разруши беше пролята толкова благородна и юнашка славянска кръв. Тия протести необходимо е да станат час по-скоро, защото времето не търпи никакви отлагателства. Ето защо ние земахме смелостта да ви пишем за тях, като ва молиме да ни подадете своята братска ръка, за да можиме задружно да работиме за общото добро.

Първи протест, който е нужно сега да са направи пак против Берлинския трактат, е щом са съберат представителите на Придунавска България в Търново, като видят, че привременната гражданска власт в България им предлага да приглеждат и одобряват органически устав само за Берлинска България, а може би и да избират княз, то да заяват ясно и точно, че те не са упълномощени от своите избиратели да приглеждат и одобряват какъвто и да е устав за Берлинска България, но за цяла България, и че ако няма в народното събрание представители от Тракия и Македония, то те сами нищо друго не могат да работат, освен да заяват, че българете от Придунавска България са по-благодарни да останат под руска власт, защото съзнават че така както саоставени от Берлинския трактат малочислени и с неестествени граници, те не ще бъдат в състояние да са пазят и защитават от неприятелските нашествия на окружающите ги народи, а особено от турците, в ноктите на които Европа пак иска да изложи цял български народ. След горното заявление, което са длъжни да подпишат народните представители, те трябва да си разотидат по домовете. Но за да не бъдат народните представители безответни разпоредители с народната воля и съдба, то когато те ще заминават от градовете си за Търново, народонаселението трябва да им поръча, като ги изпраща, че те нямат право да разглеждат и одобряват никакъв органически устав, а също и да избират княз, ако тамо няма представители от Тракия и Македония, според Сан-Стефанския мирен договор.

Според както са научаваме скоро щял да доде турския гарнизон да залови балканските проходи. Ето кое ние не трябва да оставиме да стане под никой начин, защото тогава нашето микроскопическо княжество ще бъде сяка минута изложено на напрасна смърт, а нашите братя ще бъдат отделени от нас с плет на диви фанатически азиатски орди, така щото живота на цял

* См. док. 162, 164 и др., а также Г. Д. Т о д о р о в. *Временното руско управление в България през 1877—1879. София, 1958, стр. 406—431; К и р л, патриарх Български. Съпротивата срещу Берлинския договор. Кресненското въстание. София, 1955.*

български народ ще бъде пак под безумното разположение и воля на турското правителство. За това ние молиме сичките български патриоти да са постараят навред из нашето отечество да пишат и организират охотници, които да пазят балканските проходи и да не остават турците да ги заемат, за да не стане причина на нови жертви и кровопролития.

Но за да можат сичките горни неща да станат още по-значителни и по-успешни, нужно е от секи град наедно с окръжието, да са подадат до временната гражданска власт в България прошения, в които да са иска да са учреди в заетите от русите български страни народна стража (гварда национал). Не трябва да забораваме, че невооружения гражданин ще може някога да каже, че има някакви си правдини, нито пак, в случай на нужда, да ги пази от каквито и да е посегателства.

В тия предложения, братя, са заключава народната воля и интерес, за това молиме ва да ги земнете в сериозно внимание да ги приложите час по скоро на дело, за да не каже сетне за нас потомството ни, че ние сме проспале часа на освобождението си и че сами сме поврели главата си пак под турския ярем. Времето е много годно за достиганието на нашето единство, не трябва да са стои с кръстосани ръце, но да са работи. Нека всеблагий бог ни бъде помощник в нашите святи предприятия и дела ².

АВПР, ф. ГА, V — А₂, д. 913, ч. 2, л. 716; НБКМ—БИА, ф. 11, д. 27, л. 22. Типографски екземпляр.

1. Речь идет о меморандуме, врученном послам великих держав в Константинополе в октябре 1878 г. (см. док. 169).

2. Что эта прокламация была издана по инициативе Филиппопольского комитета «Единство», видно из док. 237 и прим. 1 к нему, а также из док. 291, где говорится о попытках действовать при открытии Учредительного собрания согласно прокламации.

№ 249

*1879 г. января 11. — Письмо А. Д. Столыпина А. Б. Лобанову-Ростовскому об увеличении численности турецких войск на занятых ими территориях Восточной Румелии и вооружении турецкого населения пограничных местностей **

Милостивый государь
князь Алексей Борисович!

В дополнение сообщения о занятии некоторых местностей Восточной Румелии турецкими регулярными войсками и башибузуками, о чем вашему сиятельству сообщено его высокопревосходительством главнокомандующим с приложением моей докладной записки от 17 декабря за № 5295 **, имею честь довести до сведения, что по занятии нами деревень Широко-Лыко и Чеперли турецкие регулярные войска не только не оставили Бедена и занятые ими селения румелийской территории, но, напротив того, усиливаются, и к ним недавно прибыли еще горные орудия и значительное число башибузуков. Из самого ответа начальника турецких войск, при сем прилагаемого в подлиннике ***, видно, что он, хотя и весьма миролюбиво, заявляет положительно, что не может оставить занятых деревень. Между тем присутствие в пределах Румелии регулярных турецких войск и особенно совместное с ними появление значительных отрядов башибузуков и поголовное вооружение жителей турецких селений в местности, прилегающей к границе Румелии, а также занятой турецкими войсками, производит сильное брожение умов в местном населении — как турецком, так и болгарском,

* См. док. 211, 255, 351.

** См. ЦГВИА, ф. ВВА, д. 7482, лл. 94—99.

*** В деле отсутствует.

и вынуждает меня к вооружению жителей-болгар, живущих в Родопских горах, так как иначе они остались бы совершенно незащитными.

До настоящего времени, впрочем, беспорядков не допускается благодаря примерной дисциплине наших войск, но беспорядки должны произойти, несомненно, при отозвании наших войск, и если не будет принято решительных мер к ограждению неприкосновенности румелийских границ и обезоружению жителей-гурок в пограничных с Румелией местностях, то я снимаю с себя всякую ответственность за могущие произойти кровопролития и беспорядки¹.

Приложение: Подлинное письмо — на турецком языке и перевод — на французском.

Прошу ваше сиятельство принять уверение в совершенном уважении и преданности вашего сиятельства покорного слуги.

Аркадий Столыпин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8817, лл. 96—97. Заверенная копия.

1. В связи с рапортом А. Д. Столыпина Э. И. Тотлебену от 3 января 1879 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7482, л. 67—67об.) последний просил А. Б. Лобанова-Ростовского предпринять дипломатические шаги к урегулированию вопроса. Кроме того, главнокомандующий имел встречу с делегатами Европейской комиссии по Восточной Румелии и обратил их внимание на напряженное положение на границах области. Однако переговоры эти не дали желаемых результатов, и были приняты меры военной защиты границ области.

№ 250

1879 г. января 11. — Циркуляр Видинского областного суда председателем окружных судов об изучении местных обычаев при судопроизводстве по делам о наследстве

На представлението на Видинский областной съд от 3 декем[ври] 1878 год. под № 51 за распределението на християнските насл[е]д[е]ния, негово превосходительство упр[а]вляющия съдебния отдел * съобщава [за] ръководство на съдовете, че при [от]съствието на завещания, то рас[пре]делението ще се извършва на ос[нова] на местните обичаи, а при нямане на такива, на основа обичаите, приети от целия народ. Под местни обичаи се разбира неприетите и усвоени начала от законите на бившето правителство, а тези, които са се изработили, развили и спазили независимо от сяко влияние, като кадийско и пр., в народа. Наприм[ер] има места, в които е прието; сичкото недвижимо имущество като ниви, ливади и пр., което остава после смъртта на бащата, принадлежи само на децата от мъжка линия, а в сичкото друго имат дял и децата от женска линия. В други е прието: преди да се раздели остатлото имущество после смъртта на бащата, който няма женска челяд, между женените му синове и най-малкий, неженений, отделя се една част от него (имущество) за свадбата на последния и после пристъпят при дележът. За изучаванието на тези и тем подобни обичай, съдът с получаванието на това, ще се отнесе непосредствено (66 и 67 ст.) до надлежния окръжен управителен съвет с просба да му се съобщят, колкото такива има спазени между населението в окръгът.

При това съобщавам, че съдът се обязва да представи за сведения и ръководство, при разглежданието въззивни жалби за наследство на Видинския областний съд, колкото обичаи изучи.

Председателът на Видинския областний съд И. Цанов

Секретарът Димитриев

НБКМ—БИА, Коллекция 45, п. 4. Подлинник.

* С. И. Лукьянов.

1879 г. января 11 (23). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о протестах некоторых групп населения Восточной Румелии против работы Европейской комиссии и намерении их не подчиняться ее решениям

№ 46

Philippopolis

Monsieur l'ambassadeur!

Pour compléter les renseignements sur l'état des esprits dans la Roumélie Orientale que j'ai eu l'honneur de fournir par mon rapport du 3 (15) Janvier sub № 44 *, je crois de mon devoir de soumettre ci-joint à votre excellence, en coupure, un article de la «*Maritza*» signalant des télégrammes parvenus à la rédaction de différentes villes à la suite de la publication dans ce journal du texte d'un des chapitres du Règlement organique auquel travaille la Commission européenne ¹. Ces télégrammes renferment des protestations véhémentes contre l'œuvre de cette commission et parlent de la résolution des Bulgares de mourir les armes à la main plutôt que de se soumettre à la souveraineté directe du sultan.

Afin d'être précis, je dois constater que la «*Maritza*» a publié, en les tirant des colonnes du «*Journal des débats*», non les dispositions du nouveau règlement telles qu'elles ont été définitivement arrêtées, mais les ébauches primitives préparées par les commissaires étrangers. Cette publication ne contenait donc aucune des modifications avantageuses pour les Bulgares que nous avons réussi à faire accepter; il est presque certain que ceci a été fait intentionnellement et dans le but d'exciter encore plus la population contre la Commission européenne.

J'ai considéré de mon devoir d'exprimer sans ambages aux rédacteurs du journal ma désapprobation d'un pareil acte de mauvaise foi; ils se sont hâtés de réparer leur faute en donnant à leurs lecteurs la traduction du texte authentique ².

Cet incident, ainsi que l'attitude très ferme du général Stolypine pendant la fête commémorative de l'entrée de nos troupes à Philippopolis célébrée le 4 Janvier, ont contribué à accentuer encore davantage les deux courants** d'opinion que j'ai signalés dans mon rapport précité. En effet, le parti avancé croit de plus en plus que le moment est venu de manifester par des actes la résolution des Bulgares de ne point se soumettre aux décisions de la Commission européenne; ainsi un télégramme du chef de l'arrondissement de Kazanlyk annonce que des désordres, peu graves d'ailleurs, ont eu lieu dans cette localité et que la population protestant contre le traité de Berlin, a voulu reprendre la caisse transmise à l'administration financière ³. Les Bulgares de ce parti continuent à nourrir des illusions sur la possibilité d'une réunion immédiate de la province à la Bulgarie; ils citent des nouvelles sur de prétendues négociations engagées à ce sujet entre les Puissances et maintiennent que garder le calme dans les circonstances actuelles serait admettre que les Bulgares de la Roumélie Orientale se soumettent de bonne grâce à la séparation.

Conformément aux instructions de votre excellence et du ministère impérial, je m'applique à faire comprendre à ces têtes chaudes que des désordres, sous quelque forme qu'ils se produisent, ne sauraient être tolérés par nos autorités et amèneraient inévitablement des malheurs incalculables pour la province déjà si cruellement éprouvée. Je leur ai conseillé de s'adresser aussi au général Stolypine et de lui demander quelles sont les intentions du gouvernement impérial dans cette question.

Les appréciations exprimées par le «*Journal de St. Pétersbourg*» ⁴ dans son № du 28 Décembre dernier sur la situation en Roumélie Orientale et sur

* См. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 16—18.

** См. прим. 3 к док. 373.

la ferme volonté de la Russie de ne pas laisser entraver l'œuvre pacifique des Puissances à laquelle elle s'est associée, ont fourni un appui à mes paroles et je les ai signalées à ceux des Bulgares qui se font encore des illusions sur les intentions réelles du gouvernement. Le «Journal de St. Pétersbourg» n'étant pas à proprement dire un organe autorisé, l'impression aurait été plus forte si des appréciations analogues se trouvaient consignées dans le «Messager officiel».

On prétend ici que la transformation des bataillons de l'armée territoriale en bataillons de la milice, telle qu'elle a été approuvée par notre auguste maître, va donner lieu à des manifestations de la part des Bulgares; je crois, pour ma part, que cette mesure, prouvant d'une façon évidente que la Roumélie Orientale se constitue avec le concours du gouvernement russe, fera une impression calmante et salutaire sur une grande partie de la population qui continue à croire que nous sommes en réalité hostiles à l'œuvre de la commission.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur
l'ambassadeur, de votre excellence le très humble et très
obéissant serviteur prince Tzérételew

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 21—23. Подлинник.

*Перевод
Филиппополь*

Господин посол!

В дополнение к моим сведениям о состоянии умов в Восточной Румелии, которые я имел честь приводить в своем донесении от 3 (15) января за № 44, считаю долгом препроводить при сем вашему высокопревосходительству газетную вырезку со статьей из «Марицы», сообщающей о поступивших в редакцию из различных городов телеграммах в ответ на публикацию в этой газете текста одной из глав Органического устава, над которым работает Европейская комиссия¹. Эти телеграммы содержат горячий протест против работы этой комиссии и говорят о решении болгар скорее умереть с оружием в руках, чем подчиниться прямой власти султана.

Чтобы быть точным, я должен отметить, что «Марица» опубликовала из «Journal des débats» не положения нового устава такими, как они были окончательно приняты, а первоначальные наброски, подготовленные иностранными комиссарами. Эта публикация, следовательно, не содержала ни одного из выгодных болгарам изменений, принятия которых нам удалось добиться; почти очевидно, что это было сделано преднамеренно и с целью еще более возбудить население против Европейской комиссии.

Я счел своим долгом без обиняков высказать редакторам газеты свое неодобрение подобного недобросовестного акта; они поснешили искупить свою вину, предоставив своим читателям перевод подлинного текста².

Этот инцидент, так же как и очень твердая позиция генерала Столыпина во время праздника 4 января в память вступления наших войск в Филиппополь, способствовал еще большему размежеванию двух тенденций, отмеченных мной в вышеупомянутом донесении. Действительно, крайняя партия все более думает, что настал момент действовать для осуществления намерения болгар не подчиняться решениям Европейской комиссии. Так, телеграмма начальника Казанлыкского округа сообщает, что в этой местности произошли беспорядки, впрочем, незначительные, и что население, протестуя против Берлинского трактата, пожелало вновь завладеть кассой, переданной финансовой администрации³. Болгары из этой партии продолжают питать иллюзии о возможности немедленного объединения провинции с Болгарией; они сообщают новости о предполагаемых переговорах, будто бы происходящих по этому вопросу между державами, и утверждают, что сохранять спокойствие в нынешних обстоятельствах означает допустить, чтобы болгары Восточной Румелии добровольно согласились на отделение от княжества.

В соответствии с инструкциями вашего высокопревосходительства и императорского министерства я пытаюсь убедить эти горячие головы в том, что беспорядки, в какой бы форме они ни происходили, не могут быть допущены нашими властями и неизбежно приведут к неисчислимым бедствиям для провинции, уже столь жестоко пострадавшей. Я им

посоветовал обратиться к генералу Столышину и спросить его, каковы намерения императорского правительства в этом вопросе.

Оценки, выраженные в «Journal de St.-Petersbourg»⁴ в номере от 28 декабря о положении Восточной Румелии и о твердом намерении России не допустить подрыва миролюбивого дела держав, к которому она присоединилась, поддержали мои слова, и я подчеркнул их перед теми болгарами, которые еще строят иллюзии относительно действительных намерений правительства. Ввиду того, что «Journal de St.-Petersbourg» не является, собственно говоря, официальным органом, впечатление было бы более сильным, если бы аналогичные оценки содержались в «Правительственном вестнике».

Здесь утверждают, что преобразование батальонов территориальной армии в батальоны милиции, одобренное нашим августейшим повелителем, явится поводом к манифестациям со стороны болгар; я же думаю, что эта мера, очевидно, доказывающая, что Восточная Румелия создается с содействия русского правительства, произведет успокоительное и благотворное впечатление на большую часть населения, продолжающего думать, будто мы действительно враждебны делу комиссии.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин посол, вашего высокопревосходительства нижайшим и покорнейшим слугой.

князь Церетелев

1. В газете «Марица» (№ 44 от 29.XII 1878 г., № 45 от 2.I 1879 г.) были перепечатаны из газеты «Journal des Débats» опубликованные там части проекта Органического устава Восточной Румелии (глава I — «Публичное право области»), выработанного западными комиссарами в Международной комиссии. Этот проект вызвал острую реакцию со стороны болгарского населения, которое боялось, что проведение в жизнь Органического устава превратит Восточную Румелию в обычный турецкий вилайет. В связи с этим «Марица» опубликовала письма и резолюции протеста (см. № 47 от 9.I 1879 г.; № 52 от 26.I 1879 г. и др.).

2. Редактором газеты «Марица» в это время был Ив. Ев. Гешов (см. 32, стр. 200). Он принадлежал к течению умеренных в общеполитическом движении против решений Берлинского конгресса.

3. Имеются в виду митинги и резолюции протеста против подчинения Восточной Румелии прямой власти султана, как того требовал Берлинский договор.

4. На стр. 1 в разделе «Nouvelles de l'extérieur» газета приводит выдержки из французской газеты «Temps» о работе Европейской комиссии по Восточной Румелии и заявляет о желании России закрепить миролюбивое дело держав, т. е. постановления Берлинского трактата.

№ 252

1879 г. января 13. — Журнал заседания Совета российского комиссара в Болгарии о распространении постановления совета относительно обеспечения болгарских переселенцев за счет турецких хлебных запасов на Филиппопольскую и Сливенскую губернии

№ 37

Председательствовал императорский российский комиссар генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков.

Присутствовали члены:

Генерал-майор Золотарев

Генерал-майор Домонтович

Генерал-майор Грессер

Действительный статский советник Лукьянов

Действительный статский советник Бух

Профессор Дринов

Начальник таможенного управления действительный статский советник Тухолка.

Слушали: Доклад члена совета, управляющего отделом внутренних дел генерал-майора Грессера по вопросу, возбужденному генерал-губернатором Восточной Румелии относительно применения к Филиппопольской и Сливен-

ской губерниям пункта 3-го журнала совета от 9 минувшего декабря *, по которому разрешено прибывающим переселенцам-христианам выдавать на удовлетворение их нужд как запасы хлеба, собранного с турецких полей, так и деньги, вырученные уже от продажи части этих хлебных запасов. Генерал-лейтенант Столыпин, находя, что упомянутые выше деньги, как входящие в состав условно поступивших сумм, подлежат передаче в самом скором времени Финансовому комитету в Румелии и частью, как, например, по Филиппопольской губернии, уже переданы по его распоряжению комитету, признает неудобным просить ныне Финансовый комитет ассигновать таковые деньги иначе, как на выдачу пособия законным их собственникам, т. е. беженцам-мусульманам, ныне уже возвращающимся, хотя, впрочем, и не в значительном количестве, на места их прежнего жительства. При этом генерал Столыпин присовокупил, что, по его убеждению, Финансовый комитет непременно откажет в таковом ходатайстве.

Постановили: Имея в виду, что вопрос об употреблении не только имущества, оставшегося после бежавших турок, но и всякого рода денежных сумм и доходов с таковых имуществ на восстановление беженцев-христиан разрешен еще бывшим главнокомандующим Действующей армии 3 ноября 1877 г. и что таковое повеление его высочества распространяется на все вообще местности Турции, занятые нашими войсками, а в том числе и на губернии Филиппопольскую и Сливенскую, журнальное постановление совета от 9 минувшего декабря относительно употребления турецких хлебных запасов и денег, вырученных от продажи таковых запасов и записанных казначействами Восточной Румелии по счету сумм, условно поступивших, применить во всей точности к губерниям Филиппопольской и Сливенской.

Что же касается соображений генерал-лейтенанта Столыпина ¹ о необходимости передачи означенных сумм в Финансовый комитет, то, по мнению совета, на основании XIX ст. Берлинского трактата на Международную европейскую комиссию Восточной Румелии возложено заведывание финансами этой провинции, т. е. доходами государственными, а отнюдь не частными; суммы же, условно поступившие, ни в каком случае не могут иметь характера государственных доходов, а составляют скорее приз, доставшийся как результат войны, располагать которым имеет безусловное право лишь главнокомандующий армией, а потому, если, по распоряжению генерала Столыпина, часть упомянутых выше денег уже передана Финансовому комитету, то таковые должны быть немедленно истребованы обратно.

Князь Дондуков-Корсаков
В. Золотарев
М. Домонтович
Грессер
Лукьянов
К. Бух
Дринов

АВПР, ф. Управление российского комиссара в Болгарии, д. 13, лл. 77—78 об. Подлинник.

1. А. Д. Столыпин и Э. И. Тотлебен были склонны отступить перед натиском комиссии и передать ей всецело финансы страны. Но Совет российского императорского комиссара во главе с А. М. Дондуковым-Корсаковым не согласился с этим и проявил твердость и особую гибкость в защите экономических интересов Восточной Румелии (см. 80. вып. 5, стр. 128—132, 254).

* См. док. 216.

№ 253

1879 г. января 13. — Телеграмма Н. К. Гирса А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости рассмотреть в Учредительном собрании Органический устав и избрать князя до вывода русских войск из Болгарии

Ответ на вашу телеграмму 12 января¹. Ввиду указанной вами невозможности собрать именитых людей ранее 10 февраля, государю угодно, чтобы вами заблаговременно были приняты меры для ускорения в помянутом собрании рассмотрения устава и избрания князя, дабы новый порядок вещей мог быть водворен в Болгарии ранее выступления наших войск.

АВПР, ф. ГА, 1-1, д. 55, л. 1. Отпуск; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8797, л. 31-а. Копия.

1. Видимо, в тексте ошибка. В архиве есть телеграмма А. М. Дондукова-Корсакова от 11 января 1879 г., адресованная Н. К. Гирсу, в которой А. М. Дондуков говорит о невозможности открыть собрание ранее 10 февраля, так как устав получен из Петербурга только 11 января, между тем его нужно перевести на болгарский язык и вызвать именитых людей в Тырново (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3249, л. 4).

№ 254

*1879 г. января 15 (27). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о беседе с турецким комиссаром в Болгарии Пертев-эффенди относительно возможных кандидатур на болгарский княжеский престол **

№ 5

Sofia

Le projet du prince Dondoukow de quitter Tyrnovo aussitôt après avoir ouvert l'assemblée des notables et de n'y rentrer que pour la clôture, est un sujet de préoccupation pour le commissaire ottoman.

Pertew effendi craint des démonstrations des notables en faveur de la réunion de la Roumélie Orientale à la Bulgarie ou de toute autre combinaison qui ne s'accorderait pas avec les stipulations du traité de Berlin et serait hostile à la Turquie; j'ai cherché à le rassurer tout en lui disant que sur trois cents individus dont pas un n'a l'habitude de la discussion publique des affaires de l'Etat, il pourra bien s'en trouver quelques-uns disposés à s'écarter des convenances qui malheureusement ne sont pas toujours observées même dans des assemblées plus expérimentées; j'ai ajouté que je ne pensais pas qu'il y ait lieu de s'alarmer de quelque propos malsonnant, car en aucun cas les démonstrations qu'on chercherait à provoquer ne seraient encouragées et ne pourraient influer sur les travaux de l'assemblée. Pertew effendi me parla ensuite de l'élection du prince de Bulgarie et me dit que sans me demander le nom de notre candidat, il désirerait cependant connaître mes idées à ce sujet.

Je lui répondis que, ainsi que l'exigeait le traité de Berlin, le prince serait librement élu par la population et que pour le moment la seule chose qui me semblait évidente, c'est que les suffrages de la nation ne se porteraient ni sur un Serbe, ni sur un Roumain, ni sur un Bulgare. Je trouvai inutile d'ajouter que ce serait surtout parmi leurs compatriotes que les Bulgares ne chercheraient pas de candidat à la dignité princière, parce qu'ils ne pourraient en trouver que parmi ceux qui ont pactisé avec le gouvernement turc. Pertew effendi me dit, que d'après ses informations, tel était en effet le cas et qu'il le regrettait, car à Constantinople on préférerait un Bulgare à tout autre candidat. Il me parla ensuite des candidatures du comte Ignatiev et du prince Dondoukow et me dit que la première surtout serait considérée par son gouvernement comme ne pouvant mener qu'à de nouvelles complications. Je répondis à Pertew ef-

* См. док. 307.

fendi que je croyais pouvoir affirmer qu'aucun Russe ne se porterait candidat au trône de Bulgarie et ne serait autorisé à accepter la couronne, même si elle lui était offerte spontanément.

Après m'avoir parlé des divers candidats, dont la presse européenne avait successivement fait mention, Pertew effendi m'a demandé ce que je pensais de la candidature du prince Battenberg; je lui ai répondu, qu'à mon avis, si la nation bulgare voulait lui confier ses destinées, il me semblait qu'il n'y avait pas d'objections sérieuses à y faire et que, d'après ce que j'en avais entendu dire, c'était aussi l'opinion de quelques-uns des cabinets européens.

L'impression que j'ai retirée de mon entretien avec le commissaire ottoman est qu'il venait de recevoir des instructions relativement à l'attitude qu'il devrait observer à la réunion des notables ainsi qu'à l'influence qu'il aurait à exercer dans l'élection princière.

Si tel est le cas, la Sublime Porte doit se faire de singulières illusions en supposant que Pertew effendi peut influencer, autrement que par des protestations stériles, sur la marche des événements en Bulgarie.

J'ai l'honneur d'être etc.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2493-а, лл. 25—27. Копия.

*Перевод
София*

Намерение князя Дондукова оставить Тырново тотчас же после открытия собрания нотаблей и вернуться только к его закрытию является предметом забот оттоманского комиссара.

Пертев-эффенди боится демонстраций со стороны нотаблей в пользу объединения Восточной Румелии с Болгарией и какой-либо другой комбинации, не согласующейся с условиями Берлинского трактата и враждебной Турции; я пытался успокоить его, говоря, что из трехсот лиц, среди которых ни один не имеет привычки к публичным обсуждениям государственных дел, могут найтись несколько человек, способных уклониться от приличий, которые, к сожалению, не всегда соблюдаются даже в собраниях людей более опытных; я добавил, что не считаю, что есть основание беспокоиться из-за нескольких непристойных речей, так как ни в коем случае демонстрации, которые попытаются спровоцировать, не встретят поддержки и не смогут повлиять на работу собрания. Пертев-эффенди заговорил затем об избрании болгарского князя и сказал, что, не спрашивая имени нашего кандидата, он, однако, желал бы знать мое мнение на этот счет.

Я ответил ему, что, как того требует Берлинский трактат, князь будет свободно избран населением и в настоящий момент единственное, что представляется мне очевидным, так это то, что голос нации не будет отдан ни сербу, ни румыну, ни болгарину. Я счел бесполезным добавлять, что болгары именно среди своих соотечественников и не ищут кандидата на княжеский престол, потому что они могли бы найти среди них только лиц, сотрудничавших с турецким правительством. Пертев-эффенди сказал мне, что, согласно его информации, дело обстоит именно так и он об этом сожалеет, потому что в Константинополе предпочли бы болгарина любому другому кандидату. Он заговорил затем о кандидатурах графа Игнатьева и князя Дондукова и сказал мне, что первая, в особенности, по мнению его правительства, способна лишь привести к новым осложнениям. Я ответил Пертеву-эффенди, что могу утверждать, что никто из русских не выдвинет своей кандидатуры на болгарский трон и ему не будет позволено принять корону, даже если бы ему ее непосредственно предложили.

Поговорив о различных кандидатах, упоминаемых европейской печатью, Пертев-эффенди спросил меня, что я думаю о кандидатуре князя Баттенберга; я ответил, что, по моему мнению, если болгарский народ пожелает верить ему свою судьбу, то, мне кажется, против этого не будет серьезных возражений и, судя по тому, что я об этом слышал, таково также мнение некоторых европейских кабинетов.

Я вынес из беседы с оттоманским комиссаром впечатление, будто бы он только что получил инструкции относительно позиции, которой должен придерживаться в собрании нотаблей, и того влияния, которое он должен оказать на избрание князя.

Если это так, то Блистательная Порга, по-видимому, предается странным иллюзиям, предполагая, что Пертев-эффенди своими бесплодными протестами может повлиять на ход событий в Болгарии.

Имею честь быть и пр.

№ 255

1879 г. января 15. — Приказ по войскам IX армейского корпуса об усиленном обучении сельских караулов в Восточной Румелии *

№ 13

Филиппополь

Ввиду появляющихся в Родопских и других горах шаек башибузуков и разбойников, а равно и вооружения магометанского населения в пограничных с Румелиею местностях, генерал-губернатор, начальник Филиппопольского отряда, сделал распоряжение об усилении сельских караулов, которые и приказано вооружить ружьями Крынка из складов **.

О получении нужного числа ружей из общих складов и раздаче оных в селах для сельских караулов вместе с патронами сделано уже распоряжение, и вся эта операция возложена на начальников округов.

В случае же надобности в большом числе ружей будет делаво распоряжение от начальника Филиппопольского отряда через штаб отряда, без чего заведующие складами не могут отпустить ружей и патронов.

Ружья, разрешенные таким образом к выдаче окружным начальникам, должны отпускаться непременно совершенно исправные, что лежит на прямой обязанности начальника склада.

Самое сохранение полученных ружей и патронов, на руках ли у людей сельских караулов или же в особых помещениях, лежит уже на обязанности и ответственности окружных начальников, у коих должен быть верный список людей, коим розданы ружья на руки.

Но так как может встретиться затруднение в обучении людей сельских караулов, то начальник Филиппопольского отряда приказал частным начальникам войск, расположенных в Филиппопольской губернии, и, с разрешения главнокомандующего, расположенных в Сливенской губернии, оказывать полное в этом отношении содействие *** как назначением в нужных случаях инструкторов, так и непосредственным наблюдением за правильностью обучения ближайшими начальниками.

Поэтому в тех селениях, где расположены какие-либо роты, обучение сельских караулов производить при самой роте, так сказать, под наблюдением самого ротного командира или субалтерн-офицера. В селения же, где не расположено никакой части, нужно командировать надежных инструкторов, примерно одного на 40 человек обучающихся. Исполнение сего без всякого замедления командир корпуса возлагает (равно и сделание нужных по сему распоряжений) в районе каждого полка — на командиров полков, а высшее наблюдение за немедленным исполнением сего — на бригадных командиров и начальников дивизий, именно: в Мустафе-паше и Германлы — на командира 1-й бригады 2-й пехотной дивизии; в Хаскиое и его районах — на начальника 2-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Белокопытова, в Станимаке и по передовой линии этого района — на командира района, и равно в Дерлюжском районе — на командира 2-й бригады генерал-майора Богадевича, в Гатар-Базарджикском районе и передовых его местностях — Пештере, Батак и других — на начальника Базарджикского района генерал-лейтенанта Лошкарева.

Необходимо при этом иметь в виду, что полковые командиры всех районов, если бы к ним обращались окружные начальники, обязаны оказывать

* См. док. 208 и примечание к нему.

** См. док. 211.

*** В тех местах, где не расположено наших войск, а есть дружины, должны в обучении сельских караулов принимать участие дружины (примечание документа).

возможное содействие, но всякий раз донося только об этом для сведения своих районных начальников.

Хотя ответственность за сохранение ружей не лежит на обучающих, но поэтому тем более следует отнестись серьезно к скорейшему обучению людей правилам сбережения ружей и о замеченных при обучении неисправностях делать замечания и сообщать начальнику округа или даже старшему местному жандарму.

Если же по неосторожности произойдет небольшая порча, то ружья из сельских караулов по уведомлению окружного начальника можно исправлять в мастерских того полка, в районе коего расположен сельский караул.

Самое обучение должно быть направлено главным образом к приучению обращения с ружьем и стрельбе из оного.

В коротких словах программа обучения следующая:

1. Правила половинной разборки, сборки, чистки и сбережения ружья (протирка железных частей тряпкой, просаленной топленным бараньим жиром, промывка ствола после стрельбы и сбережение ружья при носке и дома).

2. Прикладка с руки с отпущенным прицелом.

3. Правильный спуск курка, не теряя глазом прицельной линии. Для сего необходимо вставлять в дуло пробку, дабы шпилька имела упругий упор (если трудно сделать гильзу с пружинным дном).

4. Правильность и скорое заряжение ружья с пустою, но обнаженною гильзою.

5. Прицеливание на различные дистанции и в различном положении тела: сидя, с колена, из-за дерева и т. д.

По гимнастике:

1. Гимнастические первоначальные движения для упражнения рук, ног, туловища, головы.

2. Ходьба вольная в ногу, со счетом или под песни, без ружей и с ружьями, держа ружье вольно.

3. Бег без ружей и с ружьями (не более 2-х минут сряду).

4. Гимнастические игры: борьба цепью, чехарда и пр.

При обучении ни в каком случае не делать никаких приемов, даже при заряжении, лишь бы правильно заряжали. То же и при прикладке — лишь бы правильно выносили ружье для прикладки.

При ходьбе или беге держать ружье вольно или на правом плече, а при остановке и во всех других случаях держать у ноги, причем не требовать *, одним словом, обратить внимание на сущность обучения стрелковым делам и гимнастике.

Когда люди ознакомятся достаточно хорошо с прикладкою (приблизительно после 14-ти уроков), перейти к стрельбе практической, но сначала было бы полезно сделать хотя два выстрела холостыми патронами.

Обучающий должен перед стрельбою всегда напоминать, что стреляющий должен при спуске курка об этом не думать, а все внимание напрячь на то, чтобы глаз удерживал прицельную линию так, что когда раздастся даже выстрел, то еще некоторое время удерживать глаз на прицельной линии.

Практическую стрельбу производить 15 патронами в 5 стрельб: на 100, на 200, на 300, на 400 и на 600 шагов. Более дальняя стрельба совершенно бесполезна и требует особого приготовления, и потому лучше оную при первоначальном обучении не производить. Каждый урок — 2¹/₂ часа — нужно подразделить на следующие отделы:

¹/₂ часа гимнастические движения;

1 час обучение сборке, разборке, теории выстрела и прикладке с руки;

¹/₂ часа ходьба и бег;

¹/₂ часа игры гимнастические.

* Так в документе.

Более подробное наставление для обучения сельских караулов будет выслано вслед за сим.

Подлинное подписал Филиппопольского отряда начальник штаба генерал-майор Липинский
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7518, лл. 609—611 об. Заверенная копия.

№ 256

1879 г. января 15. — Циркуляр тырновского вице-губернатора П. Каравелова окружным начальникам о немедленном предъявлении болгарскими имущественных исков к бежавшим туркам-должникам

№ 239

Тернов

Имея в виду, 1) что всякие сделки по имуществам, принадлежащим туркам — местным жителям, — подлежат ведению окружных судов¹ и 2) что многие из этих турок-собственников состоят в долговых обязательствах у местных же жителей болгар, в большинстве случаев ожидающих возвращения должников для предъявления своих исков против них или принадлежащих им имуществ, я прошу гг. начальников округов и полицеймейстера г. Тернова объявить во всеобщее сведение, в ограждение прав и интересов подобных кредиторов, что последние заблаговременно и теперь же должны предъявить в суды свои иски к отсутствующим туркам, указав при этом и на движимые имущества, принадлежащие их должникам, на которые взыскание и имеет быть обращено, согласно п. 13 журнального постановления Совета императорского комиссара от 2 августа 1878 г.

Подлинное подписал: за отсутствием губернатора вице-губернатор Каравелов

ОДА—Ловеч, ф. 25 К, оп. 1, д. 15, л. 3. Заверенная копия.

1. Согласно «Временным судебным правилам» (см. 80, вып. 1, стр. 193 и сл.).

№ 257

1879 г. января 16. — Заявление горожан г. Ловчи городскому совету о желании безвозмездно уступить и огородить земельные участки, на которых находятся могилы русских солдат¹

Ловеч

По предложению на ловчанский окръжний началник подполковника М. Стабровски чрез градский управителний съвет да заградим и отступим с пари местата, гдето са погребани падпалите славно руски войници в превземанието на г. Ловеч, подписаните граждане заявяваме, че с благодарение отстъп[в]аме и заграждаме тия места без никакво възнаграждение. За това молим покорно да са приемне от началствата това наше скромно заявление.

Свещ[еник] Т. Миш[и]ков
Христо х. Славов
Георги Арnaudов
Илия Дочов
Каню П. Боров
Христо Фиков
Ефко Кочов
Калю К. Караконовски
Иоаким С. Шишков
Петю Мичов
Койно Маринов

ОДА—Ловеч, ф. 25 К, оп. 1, д. 725, л. 2. Подлинник.

1. В память о вечной признательности русским солдатам, погибшим при освобождении Ловчи, в городе, на Стратеше и Сырп Пазаре, в местности Червен бряг было воздвигнуто 12 памятников, которые прославляют боевые подвиги русских освободителей (см. док. 195 и прим. 1 к нему).

№ 258

1879 г. января 18 (30) — Телеграмма А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу об обсуждении в Европейской комиссии вопроса о составе Областного собрания Восточной Румелии

Pera
Secret

Tzerétélew télégraphie *: Глава о Народном собрании не прошла¹. Англичане и австрийцы держались с турками. Мы не согласились на назначение генерал-губернатором трети депутатов, что лишило бы собрание всякого значения. Французский комиссар высказался в заседании за назначение иностранца генерал-губернатором, но не верит в успешный исход работ, пока не будет решен вопрос этот и о гарнизонах.

Помета Александра II: Не предвижу, как мы выйдем из этой путаницы!

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 40, л. 133—133 об. Заверенная копия.

1. О разногласиях в комиссии при обсуждении проекта устава для Восточной Румелии см. 90, стр. 265—282.

№ 259

1879 г. января 19. — Циркуляр судебного отдела Управления российского комиссара в Болгарии председателям окружных судов о публикации судебных решений

№ 48

София

На основании статьи 60-й временных правил ** судебные заседания для решения уголовных и гражданских дел происходят публично, за исключением случаев, указанных в статьях 128 и 727. Публичность и гласность судопроизводства, составляя одно из существенных обеспечений правильного отправления правосудия, должны [иметь] самое широкое применение. Не следует ограничиват[ься] залогом заседания или тою [мест]ностью, для которой суд учрежден. Желательно, чтобы деятельность суда становилась известною как всем прочим судебным учреждениям края, так, по возможности, и целому обществу. Но, с другой стороны, существенно важно, чтобы и самые суды, и правительственные власти, и общество знакомились с отправлением в крае правосудия из источников достоверных, а не руководились случайными известиями и слухами. Прямой и единственно верный путь для достижения этой цели состоит в опубликовании подлинных мотивированных судебных решений, которые для всех будут иметь силу официальной достоверности.

В Болгарии, где нет цельного и систематического законодательства, где суды весьма часто принуждены будут при решении дел руководствоваться общими или местными обычаями, а за недостатком таковых — внутренним убеждением и совестью, опубликование судебных решений послужит, кроме того, средством для установления единообразной судебной практики и подготавливает материал для будущих необходимых законодательных работ ***.

* Церетелев телеграфирует (фр.).

** См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии с 1877—78—79 гг.», вып. 1, стр. 193—361.

*** См. док. 250.

Вследствие сего предлагаю вам, милостивый государь, препроводить в «Марицу» для печатания те мотивированные судебные решения, преимущественно по делам гражданским, кои вы найдете особенно важными и достойными всеобщего внимания. Решения эти должны быть печатаемы не в сокращении или в извлечении, а в окончательной форме, о коей говорят статьи 270, 274, 275 и 834 временных правил.

Управляющий судебным отделом
действительный статский советник Лукьянов

И. д. начальника отделения
Палаузов

НБКМ—БИА, Коллекция 45, п. 4. Подлинник. Текст поврежден.

№ 260

*1879 г. января 23 (февраля 4). — Донесение А. Н. Церетелева Н. К. Гирсу о протесте делегатов европейских держав в Европейской комиссии против участия представителей Восточной Румелии в работе Учредительного собрания **

№ 83

Philippopolis

Au debut de la séance d'aujourd'hui de la Commission européenne, les délégués de Turquie ont fait, d'ordre de la Sublime Porte, la communication suivante:

«Vous savez, messieurs, que les habitants de la Roumélie Orientale n'ont aucun droit de participer aux élections et à l'œuvre de l'assemblée des notables de la Bulgarie, prévues par l'art. III et IV du traité de Berlin, et que s'ils venaient à y prendre part, ce fait constituerait une atteinte au dit traité, atteinte à laquelle aucun de nous ne voudrait sans doute acquiescer.

Contrairement à la situation créée par le traité de Berlin à la nouvelle province que nous sommes spécialement chargés d'organiser, des élections viennent d'être faites ici de députés chargés de représenter les habitants de la Roumélie Orientale au sein de l'Assemblée de Tyrnovo **. Ces élections ont eu pour résultat la nomination de Mrs. Stoilow, Danow et Caradjow, ce dernier en remplacement du dr. Reasco, démissionnaire.

En présence de ce fait illégal, nous sommes autorisés à déclarer formellement que si les députés de la Roumélie Orientale prenaient part aux élections et généralement aux travaux de l'Assemblée de Tyrnovo, le résultat de ces élections et de ces travaux serait considéré par le gouvernement impérial ottoman comme illégal et par conséquent non-avenue».

Les commissaires de la Grande Bretagne et d'Autriche-Hongrie ont renchéri sur cette communication en insistant que le fait du départ de rouméliotes pour l'Assemblée de Tyrnovo constituait une violation flagrante du traité de Berlin ***.

Nous nous sommes bornés le colonel Schepelw et moi, à déclarer que cette question ne touchait en rien la commission et était complètement étrangère à son mandat.

Le commissaire de la Grande Bretagne est devenu depuis quelque temps d'une hostilité extrême à notre égard. Il prétend ne prévoir aucune issue aux travaux de la commission grâce à la manière d'agir de nos autorités vis-à-vis des menées des Bulgares et pour tout ce qui touche l'administration financière, et à notre attitude dans l'élaboration du Statut organique. C'est dans ce sens qu'il s'est exprimé dans une conversation qu'il a eue hier avec le commandant en chef et il dit s'être adressé à lord Salisbury pour demander à être rappelé.

Je suis porté à croire que sir H. Drummond-Wolff songe simplement à nous intimider vu l'opposition que nous lui avons faite dans l'élaboration du

* С.м. док. 261.

** С.м. док. 240.

*** С.м. док. 264.

chapitre qui traite de l'Assemblée provinciale *. Les travaux de la commission continuent en effet à marcher comme par le passé et ne se ressentent nullement de la prétendue opposition des autorités russes. Aujourd'hui même nous avons voté une dizaine d'articles.

J'ai l'honneur etc.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 44—45 об. Копия.

*Перевод
Филиппополь*

В начале сегодняшнего заседания Европейской комиссии делегаты Турции сделали, по повелению Блистательной Порты, следующее заявление.

«Вы знаете, господа, что жители Восточной Румелии не имеют никакого права участвовать в выборах и в работе собрания патаблей Болгарии, предусмотренных ст. III и IV Берлинского трактата, и что, если бы они попытались принять в этом участие, это явилось бы посягательством на вышеуказанный трактат, которого, несомненно, никто из нас не допустит.

В противоречии с положением, созданным Берлинским трактатом для новой провинции, организация которой специально поручена нам, здесь только что произошли выборы делегатов, которые будут представлять население Восточной Румелии в Тырновском собрании. В результате выборов были назначены гг. Стоилов, Данов, Караджов (последний — вместо отказавшегося доктора Рашко).

Перед лицом этого противозаконного акта мы уполномочены официально заявить, что, если депутаты Восточной Румелии примут участие в выборах и вообще в работах Тырновского собрания, результат этих выборов и этих работ будет рассматриваться оттоманским императорским правительством как незаконный и недействительный».

Комиссары Великобритании и Австро-Венгрии поддержали это заявление, настаивая на том, чтобы сам факт отъезда румелинотов в Тырновское собрание рассматривался как явное нарушение Берлинского трактата.

Полковник Шепелев и я ограничились заявлением, что этот вопрос никоим образом не касается комиссии и совершенно не входит в ее функции.

Комиссар Великобритании стал с недавних пор крайне враждебен по отношению к нам. Он утверждает, что работа комиссии зашла в тупик из-за образа действий наших властей в отношении болгарских интриг и всего, что касается финансовой администрации, а также из-за нашей позиции в вопросе о выработке Органического устава. Именно в этом смысле он выразился в беседе, которую имел вчера с главнокомандующим, и сказал, что обратился к лорду Солсбери с просьбой о своем отзыве.

Я склонен думать, что сэр Г. Друммонд Вольф из-за противодействия, нами оказанного ему при выработке главы, трактующей об областном собрании, просто рассчитывает нас запугать. Работа комиссии продолжает продвигаться, как и прежде, и несколько не страдает от мнимого противодействия русских властей. Сегодня мы уже утвердили десять статей.

Имею честь и пр.

№ 261

*1879 г. января 24. — Телеграмма А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости не допустить участия представителей от Восточной Румелии в работе Учредительного собрания ***

Chancelier télégraphie ***: Государю угодно, чтобы вы предписали комиссарам нашим остановить отправление в Тырново делегатов Восточной Румелии для представления протеста против отделения их от Болгарии ****,

* См. док. 258.

** См. док. 237, 240, 260.

*** Канцлер телеграфирует (фр.).

**** См. АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 474, л. 8; «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 3, СПб., 1904, стр. 238—239.

так как подобные действия болгар Восточной Румелии не соответствуют задаче императорского правительства, желающего точного выполнения условий Берлинского трактата. Благоволите сообщить об этом императорскому комиссару в Болгарии и генералу Тотлебену ¹.

Lobanow

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8797, л. 33. Копия. Дешифрованный текст.

1. А. Д. Столыпин запретил поездку экзарха и посылку делегатов от Восточной Румелии на Тырновское собрание. Однако, вопреки запрещению, 31 января (12 февраля) 1879 г. в Тырново прибыли несколько представителей Восточной Румелии, и они участвовали в частных собраниях депутатов. В связи с этим для входа депутатов Народного собрания в зал заседаний были выпущены особые билеты (см. АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 976. лл. 3—3 об., 4 об.).

№ 262

1879 г. января 26. — Предписание Г. И. Шигорина Самоковскому городскому совету об оказании помощи беженцам

№ 135

Самоков

Като изирацам совету при настояцето една тетрад ¹, моля да се командирова едно доверено лице, което да е совершенно безпристрастно, за да обходи всите беженци ², които живеят в г. Самоков, а също и по селата — така щото нищо от него, да не може да се укрие и да узнае, кой от беженците се нуждае в някаква помощ, особно в дрехи и обуца, като запиши против всяко семейство всичко оноа, что е по-необходимо. Ако някое семейство от беженците е в неудобно помещение, то да се преведе в друго помещение, по-удобно. Даже да се представят сведения и за тези беженци, които са болни и от каква болест. Тези сведения да ми се представят, по приложената форма, за 29 сего януарий.

При това прилагам и една книга за доброволни пожертвования в полза на беженците в Самоковский округ — не с пари, а непременно с някакви вещи. Собираието на пожертвованията възлагам на един от почетните членове, когото советът намери за благословно, а за ходът на работата да ми се известява чрез всеки три дена. Склад за вещите трябва советът да определи. Вообще за това дело советът е длъжен да се грижи неусипно — непрестанно.

Подполковник Шигорин
Секретар Г. Капанов

СГОДА, ф. 41 К, д. 629, лл. 5—6. Подлинник.

1. В этом же архивном деле находятся составленные в конце года ведомости о материальном положении населения Самокова и списки нуждающихся в помощи беженцев из Фракии и Македонии, которым бесплатно предоставлены лошади и др.

2. Русское гражданское управление было вынуждено во время войны и после подписания Берлинского договора организовывать помощь многочисленным беженцам. Только для размещения 20 тыс. беженцев из Македонии русская администрация учредила комиссии в Самокове, Кюстендиле, Горна Джумае и Душнице, которые, кроме муки и денег, распределяли полученные из России белье, одежду и медикаменты. Для оказания медицинской помощи беженцам в этих городах были открыты больницы (см. 24, стр. 65—66).

По вопросу о беженцах см. 80, вып. 3, стр. 124—181; вып. 5, стр. 55—56; док. 96, 140 и примечания к ним.

1879 г. января 27 (февраля 8). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову о подписании окончательного мирного договора с Турцией

№ 17

Péra

Monsieur le chancelier!

Ainsi que j'ai eu l'honneur d'en informer votre altesse par ma lettre du 22 Janvier — (3 Février)¹, le grand vézir m'avait promis de donner aux plénipotentiaires turcs l'ordre de terminer au plus vite la négociation de notre traité et pour cela d'accepter ma proposition concernant le terme de l'entretien des prisonniers turcs.

Haïreddin pacha me tint parole. Lorsque je me rendis à la réunion du 22 Janvier, je trouvai les plénipotentiaires turcs pour le moins aussi pressés que moi d'en finir.

La date que j'avais proposée pour arrêter les comptes des frais d'entretien des prisonniers turcs (art. VI.) fut acceptée sans discussion. Carathéodory pacha me proposa seulement d'introduire dans cet article deux modifications, — l'une établissant que les frais d'entretien des prisonniers russes en Turquie, s'il y en a eu, seraient déduits de la somme que la Porte aurait à nous payer, l'autre — que cette somme nous serait payée en *sept* années, au lieu de *six* années. Le peu d'importance de ces deux changements m'engagea à y consentir pour ne pas soulever de nouvelles discussions.

Nous passâmes alors à la lecture de notre protocole que nous avions ébauché dans une de nos précédentes réunions. Dans le second alinéa, relatif à l'art. II du nouveau traité, Carathéodory pacha a introduit au dernier moment une déclaration des plénipotentiaires turcs portant que cet article ne saurait se prêter à aucune interprétation contraire au caractère des engagements pris par la Turquie à Berlin. Cette rédaction assez obscure, comme toutes celles que Carathéodory pacha a successivement proposées pour l'art. II, doit, d'après l'idée qui ne cesse de le poursuivre, établir la supériorité du traité de Berlin sur toute autre transaction. Mais mon silence eut donné lieu de supposer que nous avions fait ou que nous avions l'intention de faire à la Porte quelque proposition contraire au traité de Berlin, et j'ai dû, à la suite de la déclaration turque, faire constater dans le protocole que le gouvernement impérial n'avait en vue que la stricte et fidèle exécution de ce traité dans sa lettre comme dans son esprit.

Le protocole séparé pour les affaires litigieuses des sujets russes avait déjà été convenu d'avance.

Le texte de toutes ces pièces ayant été révisé, nous relûmes pour la seconde fois la note que je devais adresser à la Porte au sujet de l'évacuation. Carathéodory pacha me dit qu'il n'avait absolument rien à y objecter, que la Porte elle-même reconnaissait la nécessité de prendre des mesures transitoires dans les territoires évacués, et que celles que je lui recommandais lui paraissaient en effet les plus pratiques et les plus efficaces pour y maintenir l'ordre et la tranquillité, mais en même temps il me fit observer que la première partie de cette note, comme devant tenir lieu d'un article du nouveau traité, avait un caractère tout différent de la seconde partie, qui contenait des conseils, et, par conséquent, il me demanda si je ne trouverais pas possible de faire de ces deux parties deux notes séparées.

Cette observation était incontestablement juste. Mais en outre je savais, sans que les plénipotentiaires turcs y eussent fait allusion, qu'en ce moment même de divers côtés on cherchait à exciter contre nous les défiances du sultan et de ses ministres. Les Turcs désirent tant la retraite de nos troupes qu'ils se refusent à y croire et qu'ils accueillent avec crédulité toute insinuation contraire à nos véritables intentions. Osman pacha lui-même partage ces défiances à notre égard. Elles avaient influencé les dernières résolutions du conseil, et lorsqu'on

y avait fait la lecture de ma note, la plupart des ministres avaient exprimée l'opinion qu'une fois le traité signé, nous ne nous retirerions plus, qu'en aucun cas Andrinople que nous continuons à fortifier ne serait évacué et que vraisemblablement nous saisirions le premier incident, quelque insignifiant qu'il pût être, pour arrêter notre mouvement de retraite, tout comme nous l'avions soi-disant fait en nous éloignant de San-Stéfano. A travers les paroles, du reste parfaitement correctes, de Carathéodory pacha, je voyais percer la crainte qu'en maintenant dans la même pièce l'engagement d'évacuer et le conseil de veiller au maintien de l'ordre, nous ne fassions de l'un une condition sine qua non de l'autre. Il me dit seulement qu'en accédant à sa demande je faciliterais et hâterais considérablement la conclusion de notre traité.

La demande de Carathéodory pacha n'affaiblissait en rien l'importance de la démarche que je me proposais de faire; mais elle réduisait à leur juste valeur les arrière-pensées que l'on nous attribuait si gratuitement et elle levait la dernière difficulté qui aurait pu retarder encore la fin de notre négociation. Il me parut, par conséquent, non seulement possible, mais encore utile de satisfaire sur ce point le désir des plénipotentiaires turcs.

Etant ainsi parvenu à concilier toutes nos divergences d'opinion, nous décidâmes que la signature du traité aurait lieu sans perte de temps, aussitôt que les copies authentiques en seraient faites. J'y étais, pour ma part, d'autant plus intéressé, que des bruits persistants de changement de ministère me faisaient craindre que le nouveau ministre des affaires étrangères (que l'on disait devoir être Arif pacha, ex-ambassadeur à Paris) ne voulût, avant de signer le traité, se mettre au courant de la négociation, ce qui aurait occasionné un retard d'au moins une semaine de jours. Ces bruits étaient tellement accrédités qu'en me rendant le 22 Janvier à la Porte, je n'étais pas sûr d'y trouver Carathéodory pacha en place. Fort heureusement ils ne se sont pas vérifiés, ou plutôt il faut les considérer comme prématurés.

La copie du traité et des pièces qui l'accompagnent, leur traduction et leur communication au sultan, ont pris plus de temps que Carathéodory pacha ne l'avait d'abord supposé. Le retard qui en est résulté pour la signature, a encore été augmenté par une observation que le sultan a faite relativement à ma note sur l'évacuation. Sous l'empire de sa défiance naturelle et des idées qui lui ont été inspirées du dehors, il a cru voir dans les mots «... à moins de circonstances indépendantes de toute volonté», un désir de notre part d'arrêter l'évacuation au premier mouvement d'émigration qui se manifesterait parmi les Bulgares. Il a fait venir au palais les deux plénipotentiaires turcs et leur a exprimé tout son mécontentement. C'était le jour même qui avait été fixé par nous pour la signature. Haïreddin pacha me fit aussitôt part de cet incident, et me rappelant qu'à deux reprises il avait obtempéré à mes demandes, me supplia de lui faire, à mon tour, une concession et de substituer à la phrase qui avait paru suspecte au sultan, une autre qui déterminât avec plus de précision la nature des obstacles qui pourraient être apportés à notre évacuation. Je remplaçai sans peine cette phrase par celle-ci: «... à moins d'empêchements matériels indépendants de toute volonté».

Comme il fallut faire connaître au sultan le changement que j'avais introduit, et en recevoir l'autorisation de procéder à la signature du traité, ce n'est qu'aujourd'hui que nous avons pu accomplir cette formalité; elle a eu lieu à la Porte, dans le local du Ministère des affaires étrangères.

J'en ai immédiatement informé le général Tottleben, et j'attends aujourd'hui même la nouvelle de la remise de Podgoritza et de Spouj aux Monténégrins.

Votre altesse trouvera sous ce pli les six pièces dont la nomenclature suit:

1) le traité de paix, revêtu de la signature des plénipotentiaires ottomans et de la mienne*;

2) le protocole séparé sur les affaires litigieuses, devant servir de complément à l'art. XI. du traité. La Porte désire que cette pièce ne soit point livrée

* «Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917». М., 1952, стр. 207—210, № 28.

à la publicité, afin de ne pas donner aux autres ambassades le droit de l'invoquer pour leurs affaires * 2.

3) Le protocole général, qui contient les déclarations des plénipotentiaires turcs et les miennes relativement à certains articles du traité ** 3;

4) une copie de ma note sur l'évacuation ***; 4

5) une copie de ma note sur les mesures transitoires à prendre dans les territoires évacués ****, et 5;

6) une notice, rédigée d'après les indications du général Totleben et contenant le plan de notre évacuation ***** 6.

Les trois dernières pièces ont été remises par moi aux plénipotentiaires turcs au moment de la signature du traité.

J'ai l'honneur d'être, avec le plus profond respect,

monsieur le chancelier, de votre altesse,
le très humble et très obéissant serviteur
Lobanow

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 37, лл. 256—260 об. Подлинник.

*Перевод
Пера*

Господин канцлер.

Как я имел честь сообщить вашей светлости в моем письме от 22 января (3 февраля) ¹, великий визирь мне обещал приказать турецким уполномоченным как можно скорее закончить переговоры о заключении договора и с этой целью принять мое предложение, касающееся срока содержания турецких пленных.

Хаїреддин-паша сдержал данное мне слово. Когда я отправился на заседание 22 января, я убедился, что турецкие уполномоченные так же, как и я, стремятся к скорейшему решению этого вопроса.

Дата, которую я предложил, чтобы определить издержки по содержанию турецких пленнх (ст. VI), была принята без дискуссии. Каратеодори-паша предложил мне только внести в эту статью два изменения: одно, устанавливающее, что расходы по содержанию русских пленнх в Турции, если таковые имеются, будут вычтены из суммы, которую Порты должна нам выплатить; второе — что эта сумма будет нам выплачена сроком в семь лет вместо шести. Незначительность этих двух изменений побудила меня на них согласиться, чтобы не вызвать новой дискуссии.

Мы перешли затем к чтению протокола, составленного нами на одном из предшествующих заседаний. Во второй абзац, относящийся к ст. II нового договора, Каратеодори-паша включил в последний момент заявление турецких уполномоченных, гласящее, что эта статья не может подлежать какому-либо истолкованию, противоречащему характеру обязательств, принятых Турцией в Берлине. Эта редакция, достаточно туманная, как и все редакции, предложенные Каратеодори-пашой для ст. II, должна, по неотступно преследующей его мысли, доказать превосходство Берлинского трактата над любым другим соглашением. Но мое молчание дало бы основание предполагать, будто бы мы сделали или намереваемся сделать Порте какое-нибудь предложение, противоречащее Берлинскому трактату, и я был вынужден вслед за турецкой декларацией констатировать в протоколе, что императорское правительство имеет в виду лишь строгое и точное выполнение как буквы, так и духа этого трактата.

Об отдельном протоколе для спорных дел, касающихся русских подданных, уже было договорено заранее.

Ввиду того что текст всех этих документов был пересмотрен, мы перечитали второй раз ноту, которую я должен был направить Порте по поводу эвакуации. Каратеодори-паша сказал мне, что он совершенно не намерен против этого возражать, что сама Порты признает необходимость принятия временных мер на эвакуируемых территориях и что реко-

* См. д. 37, лл. 267—268.

** См. то же дело, лл. 269—271.

*** См. то же дело, лл. 278—279 об.

**** См. то же дело, л. 283—283 об.

***** См. то же дело, лл. 280—282.

междуемые мной меры кажутся ему действительно наиболее практичными и действительными для поддержания там спокойствия и порядка, но вместе с тем он заметил мне, что первая часть этой ноты, предназначенная заменить одну статью нового договора, имеет характер, совершенно отличный от второй ее части, содержащей рекомендации, и поэтому он спросил меня, не считаю ли я возможным сделать из этих двух частей две отдельные ноты.

Это замечание было, бесспорно, справедливым. Но я и без намеков турецких уполномоченных знал, что в настоящий момент с различных сторон пытаются возбудить против нас недоверие султана и его министров. Турки столь же желают ухода наших войск, сколь и отказываются в это верить, и доверчиво встречают любые инсинуации, извращающие наши истинные намерения. Сам Осман-паша разделяет это недоверие к нам. Подобные настроения оказали влияние на последние решения совета, и когда была оглашена моя нота, большинство министров заявило, что как только договор будет подписан, мы прекратим вывод войск, что Адрианополь, который мы продолжаем укреплять, ни в коем случае не будет эвакуирован и что, по-видимому, мы воспользуемся любым незначительным инцидентом, чтобы приостановить наше отступательное движение так же, как мы якобы сделали при отступлении от Сан-Стефано. Высказывания Каратеодори-паши, впрочем, совершенно корректные, проникнуты опасением, что, подтверждая в одном и том же документе обязательство эвакуировать войска и принимая совет следить за соблюдением порядка, мы не превратим первое в условие *sine qua non* * другого. Он мне сказал только, что, согласившись на его просьбу, я бы значительно облегчил и ускорил заключение нашего договора.

Просьба Каратеодори-паши никак не уменьшала значение демарша, который я собирался предпринять, но она сводила к истинному значению те затаенные мысли, которые нам так бесосновательно приписывались, и устраняла последнюю трудность, которая могла бы еще более задержать окончание наших переговоров. Поэтому мне показалось не только возможным, но и полезным удовлетворить в этом пункте требования турецких уполномоченных.

Добившись, таким образом, примирения различных взглядов, мы решили, что договор будет подписан сразу же после того как будут сделаны с него аутентичные копии. Я был в этом тем более заинтересован, что настойчивые слухи об изменении состава министерства заставляли меня опасаться, что новый министр иностранных дел (которым, как говорят, должен стать Ариф-паша, бывший посол в Париже), прежде чем подписать договор, захочет войти в курс дела, что вызовет задержку по меньшей мере на неделю. Эти слухи казались настолько убедительными, что, отправляясь 22 января в Порту, я не был уверен, что найду Каратеодори-пашу на его месте. Но, к счастью, эти слухи не оправдались или, вернее, следует считать их преждевременными.

Изготовление копий договора и сопровождающих его документов, их перевод и передача султану заняли больше времени, чем предполагал Каратеодори-паша. Последовавшая задержка с подписанием договора была результатом замечания, сделанного султаном по поводу моей ноты об эвакуации. Находясь во власти свойственной ему недоверчивости и извне внушенных ему идей, он увидел в словах *«за исключением обстоятельств, не зависящих от чьей-либо воли»* наше стремление приостановить эвакуацию при первом же проявлении эмиграционного движения среди болгар. Он вызвал во дворец двух турецких уполномоченных и выразил им свое неудовольствие. Это было в день, назначенный нами для подписания договора. Хайреддин-паша мне тотчас же сообщил об этом инциденте, напоминив, что он дважды соглашался на мои просьбы, и умолял меня сделать в свою очередь ему уступку и заменить фразу, показавшуюся султану подозрительной, другой, которая бы с большей точностью определяла характер препятствий, могущих мешать нашей эвакуации. Я без труда заменил эту фразу следующей: *«за исключением материальных помех, не зависящих от чьей-либо воли»*.

Поскольку нужно было сообщить султану о внесенном мною изменении и получить разрешение приступить к подписанию договора, то мы смогли лишь сегодня выполнить эту формальность, имевшую место в Порте, в помещении Министерства иностранных дел.

Я немедленно сообщил об этом генералу Тотлебену и надеюсь получить сегодня известие о передаче Подгорицы и Служа черногорцам.

Ваша светлость найдете при сем письме шесть документов со следующей номенклатурой:

* *Непременное условие (лат.).*

1) мирный договор, скрепленный подписью оттоманских уполномоченных и моей подписью;

2) отдельный протокол о спорных делах, долженствующий служить добавлением к ст. XI договора. Порты желает, чтобы этот документ не был предан гласности, дабы не дать другим посольствам право ссылаться на него в своих интересах²;

3) общий протокол, содержащий заявления турецких уполномоченных и мои, касающиеся некоторых статей договора³;

4) копия моей ноты об эвакуации⁴;

5) копия моей ноты о временных мерах, которые следует принять на эвакуируемых территориях⁵,

6) записка, отредактированная в соответствии с указаниями генерала Тотлебена, содержащая план нашей эвакуации⁶.

Три последних документа были переданы мной турецким уполномоченным в момент подписания договора.

С самым глубоким почтением имею честь быть, господин канцлер, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугой.

Лобанов

1. В письме от 22 января (3 февраля) 1879 г. А. Б. Лобанов-Ростовский сообщал об умышленном затягивании турками переговоров. Лобанов заявил великому визирю, что если в течение двух дней Порты не даст ответа по пункту о содержании турецких военнопленных, Россия прекратит переговоры. Визирь его успокоил и обещал, что вопрос будет решен (АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 40, лл. 14—17).

2. Особый протокол о проведении в жизнь ст. XI мирного договора между Россией и Турцией.

3. Протокол, содержащий заявление турецких делегатов по ст. II договора и ответное заявление А. Б. Лобанова о строжайшем соблюдении Берлинского трактата русской стороной и об учреждении при русском посольстве в Константинополе комиссии по рассмотрению претензий по ст. V договора.

4. Копия ноты А. Б. Лобанова-Ростовского Каратеодори-паше от 27 января (8 февраля) 1879 г. сообщает о будущей эвакуации русских войск. Лобанов предупреждает о возможности беспорядков и дает рекомендации о мерах, которые должны быть приняты турецкими властями.

5. Копия ноты А. Б. Лобанова Каратеодори-паше с предложением о мерах турецких властей по обеспечению порядка в эвакуируемых русскими войсками местностях и о водворении там турецкой администрации.

6. Записка о порядке эвакуации русских войск с указанием сроков эвакуации и пунктов следования.

№ 264

1879 г. января 27 (февраля 8). — Донесение А. Н. Церетелева Н. К. Гирсу об обстановке в Восточной Румелии накануне открытия Учредительного собрания

№ 86

Philippopolis
Secret

Monsieur le sénateur!

Afin de compléter mon précédent rapport * au sujet de la députation que les Bulgares de la Roumélie Orientale se proposaient d'envoyer à l'Assemblée de Tyrnovo, je crois devoir fournir à votre excellence quelques détails retrospectifs qui caractérisent en même temps la situation telle qu'elle se présente ici.

Vers la fin du mois de Décembre les meneurs du parti bulgare à Philippopolis avaient commencé à comprendre que l'opposition persévérante quoique passive qu'ils faisaient à la Commission européenne et la persistance qu'ils mettaient à refuser de se placer sur le terrain du traité de Berlin n'amèneraient aucun résultat pratique. Les travaux de la commission continuaient en effet leur cours et l'éloignement dans lequel se tenaient les Bulgares ne pouvait que nuire à leur propre cause. Aussi plusieurs des chefs de parti inclinaient-ils à changer de politique et à tâcher de tirer le plus grand profit possible de la

* См. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, л. 65—65об.

situation qui était faite à la Roumélie Orientale par le traité de Berlin. Mais à une réunion qui a eu lieu le 28. Décembre une lettre de Mr. Drinow, directeur de l'instruction publique et des cultes auprès du commissaire impérial en Bulgarie fit changer tout le monde d'opinion et rejeta plus que jamais les Bulgares dans une opposition systématique aux décisions du traité. Mr. Drinow en son nom et en celui d'autres patriotes recommandait à ce qu'on dit de persévérer dans la voie de la résistance, promettait qu'à l'Assemblée de Tyrnovo il y aurait des démonstrations en faveur de la Roumélie Orientale, et engageait cette dernière à prendre part à cette assemblée en nommant des députés¹.

Ces conseils corroborés par d'autres indications verbales et écrites venant de Sofia enflammèrent les gens les plus modérés. Un des hommes marquants de ce nombre Mr. Grouew, allait jusqu'à proposer, pour l'anniversaire du 4 Janvier* une démonstration consistant à brûler devant la maison de la commission les chapitres du Statut Organique élaborés jusqu'ici. D'autres étaient d'avis qu'il fallait chasser les commissaires de la ville. On fit venir des villageois des environs et même de Tatar-Bazardjik. Heureusement les conseils modérateurs que nous prodiguâmes, le colonel Schepelew et moi, aux Bulgares et surtout l'attitude et le langage ferme du général Stolypine empêchèrent que l'ordre ne fût troublé. Les paysans arrivés de loin, indignés contre ceux qui les avaient appelés, les cherchèrent pour les battre et ce ne fut pas sans peine que l'on parvint à les calmer.

Depuis ce temps les Bulgares ne se sont pas départis de leur réserve hostile vis-à-vis de la commission. On a refusé, par exemple, des invitations fort aimables du commissaire de France et j'ai pu m'apercevoir que les personnes du pays qui me fréquentaient le plus s'éloignaient de moi, me voyant persévérer dans mes conseils de soumission aux volontés de l'Europe entière qui sont aussi celles du gouvernement impérial.

C'est dans ces circonstances qu'eut lieu la réunion des députés qui se proposaient de se rendre à Tyrnovo**. Un fonctionnaire bulgare venu de Sofia les engagea officiellement, au nom du prince Dondoukow-Korsakow, à abandonner leur projet. L'exarque appuya ces conseils de toute la force de son autorité morale. Pour ma part, je n'avais cessé, dès le début, de signaler cette combinaison comme parfaitement inutile et inopportune, mais n'ayant pas d'instructions spéciales à ce sujet, je n'ai pu parler qu'en mon nom propre. Les députés ne voulurent pas entendre raison et ne se séparèrent qu'après avoir signé un programme de leur future action à Tyrnovo.

C'est le jour du départ des députés que les commissaires de Turquie faisaient à la commission la déclaration que j'ai cru de mon devoir de porter à la connaissance de votre excellence par mon rapport du 23 Janvier (4 Février) sub. N° 83*** et le lendemain nous recevions le colonel Schepelew et moi, du prince Lobanow-Rostowski par télégraphe, l'ordre de contrecarrer le projet des Bulgares. Nous nous hâtâmes de communiquer cet ordre au général Stolypine qui appuya du poids de son autorité les remontrances que nous nous empressâmes de faire aux meneurs.

Le gouverneur-général que j'ai vu aujourd'hui m'a dit que des télégrammes ont été envoyés aux chefs des arrondissements afin que ceux-ci engageassent les députés à s'abstenir de leur voyage et que les congés fussent refusés à ceux des fonctionnaires qui auraient été désignés pour aller à Tyrnovo. Le général Stolypine a ajouté en même temps que l'homme le plus marquant de la députation, Mr. Stoïlow, docteur en droit et membre de la cour supérieure de Philippopolis, vient d'être appelé par un télégramme à Sofia pour occuper la place de président de la cour d'appel et que, dans cette qualité, il va siéger de droit à l'Assemblée de Tyrnovo. Un autre Bulgare de la Roumélie Orientale qui devait faire partie de la députation, Mr. Slaveïkow, litterateur connu et président du conseil administratif de Slivno, d'après ce qui annonce au gé-

* См. док. 251.

** См. док. 292 и примечание к нему.

*** См. док. 260.

néral Stolypine le gouverneur de cette ville, a été également appelé à Tyrnovo par un ordre des autorités centrales².

Il me revient de tous côtés que l'attitude que nous avons prise ici dans la question de l'envoi d'une députation à Tyrnovo a fait une impression très vive et très salutaire sur tous les esprits. Les plus incrédules parmi les Bulgares ont pu constater que le gouvernement impérial est décidé à n'encourager en aucune façon l'opposition de la population à l'exécution des arrêts du traité de Berlin. Un revirement, comme il s'en produit dans les esprits peu mûrs pour la politique, se fait jour. Dans les réunions de patriotes qui ont eu lieu hier et aujourd'hui, il a été décidé qu'on changerait d'attitude. On a sévèrement blâmé la rédaction de la «Maritza» pour un langage provocateur qui n'aboutit à aucun résultat et on a chargé le docteur Stoilow d'expliquer à Sofia les motifs pour lesquels les meneurs bulgares croyaient se départir de leur première ligne de conduite.

Ce revirement a été amené aussi en partie par les nouvelles qui viennent de province. Les sociétés de gymnastique et de tir sur lesquelles on comptait grandement ne prennent pas et ceux-là mêmes qui les fréquentent les envisagent comme un prétexte pour des démonstrations plutôt que comme un moyen d'organiser une défense sérieuse. Les illusions qu'on avait nourri quant aux forces que le pays pourrait opposer aux Turcs, se sont en majeure partie dissipées et l'on comprend que quelques bataillons de milice, surtout lorsqu'ils seront privés de cadres et d'officiers russes, ne pourront pas résister sérieusement aux armées ottomanes. Pour ce qui est de la population rurale, on ne compte que peu sur elle. Ainsi à Has-Keu et à Yeni-Zaghra, au bruit seul que des zaptiés turcs étaient arrivés, les paysans se sont hâtés de rapporter les fusils qu'on leur avait donnés, déclarant qu'ils n'en avaient pas besoin. Dans le district de Carlovo tous les gens aisés ayant entendu dire que l'émigration commençait à Philippopolis, se sont mis à faire leurs préparatifs de départ. Aussi cette fameuse opposition à main armée dont parlent tant les journaux étrangers n'est-elle qu'un mirage. Si l'on continue à exciter la population, il pourra bien y avoir des désordres insignifiants, mais c'est dans la soumission et dans la fuite que le plus grand nombre cherchera le salut. En effet, comme me disait un Bulgare intelligent, pour la masse de la population l'idée de l'union nationale n'a aucune importance; il s'agit pour elle surtout du retour du fez et du croissant, et si l'on parvenait à créer un état des choses empêchant ce retour, elle accepterait parfaitement la situation³. Aussi me paraît-il, monsieur le sénateur, qu'il est plus que jamais important pour nous d'amener les Bulgares à accepter pour le moment le sort qui leur est fait par le traité de Berlin* à la condition toutefois de sauvegarder d'une manière efficace leurs intérêts vitaux**.

Le développement ultérieur du nouveau courant d'opinion plus modéré et plus raisonnable que j'ai signalé plus haut est intimement lié avec ce qui va se passer à Tyrnovo.

Si l'assemblée prend une attitude légale et se maintient sur le terrain du traité de Berlin, les opinions modérées obtiendront rapidement le dessus en Roumélie Orientale; si par contre, elle débute comme on s'y attend par des démonstrations et des protestations ou surtout si elle s'ajourne, laissant les choses dans un état provisoire en refusant de voter le statut, ces actes auront un contrecoup certain dans la Bulgarie du Sud, donneront encore une fois la victoire à ceux qui prêchent l'opposition quand même, et nourriront, au détriment du pays, de vaines espérances.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le sénateur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

prince Tzeretelew

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 993, ч. 1, лл. 111—116об. Подлинник.

* На полях помета Александра II: Oui.

** Подчеркнуто Александром II. На полях его помета: Mais par quels moyens?

Господин сенатор!

Чтобы дополнить мое предшествующее донесение по поводу депутации, которую болгары Восточной Румелии собрались направить в Тырновское собрание, считаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству некоторые ретроспективные детали, в то же время характеризующие здешнюю ситуацию.

К концу декабря месяца вожаки болгарской партии в Филиппополе стали понимать, что упорное, хотя и пассивное, противодействие, оказываемое ими Европейской комиссии, и их упорный отказ встать на почву Берлинского трактата не приведут к какому-либо практическому результату. Действительно, работа комиссии продолжала идти своим ходом, и отчужденность, в которой пребывали болгары, могла только повредить их собственному делу. Поэтому многие вожди партии стали склоняться к изменению политики и попытались извлечь возможно большую пользу из ситуации, созданной Берлинским трактатом для Восточной Румелии. Но на собрании, состоявшемся 28 декабря, письмо г-на Дринова, директора народного образования и культов при императорском комиссаре в Болгарии, заставило всех изменить взгляды и снова толкнуло болгар на систематическую оппозицию решениям трактата. Г-н Дринов от своего имени и от имени других патриотов, как говорят, советовал упорно продолжать сопротивление, обещал, что в Тырновском собрании произойдут демонстрации в пользу Восточной Румелии, и призывал румелиотов назначить депутатов для участия в этом собрании¹.

Его советы, поддержанные другими устными и письменными указаниями из Софии, воспламенили даже самых умеренных людей. Один из известных деятелей этого направления г-н Груев дошел до того, что предложил в годовщину 4 января провести демонстрацию, во время которой перед зданием комиссии сожгли бы главы Органического статута, выработанные к настоящему времени. Другие считали, что нужно изгнать комиссаров из города. Призывали крестьян из Татар-Базарджика. К счастью, призывы к умеренности, с которыми полковник Шепелев и я обратились к болгарам, и в особенности твердая позиция и выступления генерала Столыпина помешали нарушению порядка. Пришедшие издалека крестьяне, возмущенные против тех, кто их призвал, разыскивали их, чтобы избить, и не без труда удалось их успокоить.

С того времени болгары не оставили своей враждебной настороженности по отношению к комиссии. Например, они отклонили весьма любезные приглашения французского комиссара, и я смог заметить, что здешние люди, часто меня посещавшие, отдалились от меня, видя, что я настаиваю на советах подчиниться воле всей Европы, которая является также волей императорского правительства.

При этих обстоятельствах состоялось собрание депутатов, намеревавшихся отправиться в Тырново. Один болгарский чиновник, прибывший из Софии, официально от имени князя Дондукова-Корсакова призвал их отказаться от этого плана. Экзарх поддержал его совет всей силой своего морального авторитета. Я со своей стороны с самого начала не переставал указывать на бесполезность и несвоевременность этой комбинации, но, не имея специальных инструкций по этому поводу, я мог говорить лишь от своего собственного имени. Депутаты не пожелали вникать доводам рассудка и разошлись только после того, как подписали программу действий в Тырнове.

В день отъезда депутатов комиссары Турции сделали заявление комиссии, которое я счел своим долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства моим донесением от 23 января (4 февраля) за № 83, и на следующий день полковник Шепелев и я получили по телеграфу от князя Лобанова-Ростовского приказ расстроить планы болгар. Мы поспешили передать этот приказ генералу Столыпину, который употребил свой авторитет на то, чтобы поддержать наши предостережения.

Генерал-губернатор, которого я сегодня видел, сказал мне, что окружным начальникам были направлены телеграммы, чтобы они обязали депутатов воздержаться от поездки и чтобы чиновникам, направляемым в Тырново, было отказано в отпусках. Генерал Столыпин вместе с тем добавил, что самый выдающийся человек из депутации, г-н Стойлов, доктор права и член Филиппопольского верховного суда, только что был вызван телеграммой в Софию, чтобы занять место председателя апелляционного суда, и что в этом качестве он будет по праву заседать в Тырновском собрании. Другой болгарин из Восточной Румелии, который должен был войти в состав депутации, г-н Славейков, известный литератор

и председатель административного совета Сливно, будто бы, как сообщил генералу Столыпину губернатор этого города, также был вызван в Тырново по приказу центральных властей².

Со всех сторон ко мне поступают сведения, что позиция, занятая нами в вопросе об отправлении депутации в Тырново, произвела очень сильное и благотворное впечатление на умы.

Самые недоверчивые из болгар смогли убедиться, что императорское правительство решило никоим образом не поощрять противодействие населения выполнению постановлений Берлинского трактата. Произошел поворот в настроениях умов, еще не созревших для политики. На происходивших вчера и сегодня собраниях патриотов было решено изменить позицию. Строго осудили редакцию «Марицы» за провокационный тон, не давший никакого результата, и поручили доктору Стойлову разъяснить в Софии мотивы, по которым болгарские вожаки считают нужным отказаться от первоначальной линии поведения.

Этот поворот частично был вызван сообщениями, поступающими из провинции. Гимнастические и стрелковые общества, на которые сильно рассчитывали, не получили распространения, и даже те, кто их посещает, рассматривают их скорее как предлог для демонстраций, чем как средство организации серьезной обороны. Иллюзии в отношении силы, которую страна сможет противопоставить туркам, по большей части рассеялись, и теперь понимают, что несколько батальонов милиции, особенно когда они будут лишены русских солдат и офицеров, не смогут оказать серьезного сопротивления оттоманским армиям. Что же касается сельского населения, то на него рассчитывают мало. Так, в Хасккое и Ени-Загре только при одном слухе, что прибыли турецкие запши, крестьяне поспешили отнести выданные им ружья, заявив, что они им не нужны. В Карловском округе все состоятельные люди, услышав, что начинается эмиграция из Филиппополя, принялись готовиться к отъезду. Таким образом, пресловутое вооруженное сопротивление, о котором столько говорят иностранные газеты, есть всего лишь мираж. Если будет продолжаться возбуждать население, то могут произойти некоторые беспорядки, но большинство будет искать спасения именно в повиновении и в бегстве. В самом деле, как говорил мне один интеллигентный болгарин, для массы населения идея национального объединения не имеет никакого значения; для них речь идет главным образом о возвращении фески и полумесяца, и если удастся создать препятствия для этого возвращения, население совершенно примирится с существующим положением³. Таким образом, мне кажется, господин сенатор, что более чем когда-либо для нас важно заставить болгар пока согласиться на участь, уготованную им Берлинским трактатом*, но *при условии реального соблюдения их жизненных интересов* **.

Дальнейшее развитие нового течения идей более умеренных и разумных, которое я отметил выше, тесно связано с тем, что будет происходить в Тырнове.

Если собрание займет законную позицию и будет придерживаться почвы Берлинского трактата, умеренные идеи быстро одержат верх в Восточной Румелии; если, напротив, оно начнется, как этого ожидают, с демонстраций и протестов или, особенно, если оно будет отсрочено, сохраняя положение во временном состоянии, и откажется голосовать за статут, то эти действия вызовут определенный отклик в Южной Болгарии и снова дадут победу сторонникам сопротивления во что бы то ни стало и поддержат, во вред стране, неосуществимые надежды.

Имею честь быть с самым глубоким уважением, господин сенатор, вашего высокопревосходительства нижайшим и покорнейшим слугой

князь Церетелев

1. Профессор М. Дринов принимал активное участие в деятельности русского гражданского управления еще в ходе русско-турецкой войны сначала в качестве советника гражданской канцелярии. С декабря 1877 по май 1878 г. он был вице-губернатором Софии, а затем — заведующим отделом народного просвещения при Совете русского комиссара.

Постановления Берлинского конгресса в отношении Болгарий и специально Македонии вызвали его возмущение. Он стал одним из руководителей движения против решений Берлинского конгресса. Он помогал комитету «Единство», был составителем меморандума, поданного Д. Грековым, Т. Икономовым и Г. Начовичем представителям великих держав в Константинополе. Об этом см. 92, стр. 60—62.

* На полях помета Александра II: Да.

** Подчеркнуто Александром II, на полях его помета: Но каким способом?

2. П. Славейков был не выборным депутатом Учредительного собрания, а входил в число депутатов «по назначению императорского русского комиссара» (см. 68, т. II, стр. 285).

3. Утверждение А. Н. Церетелева, что болгары Фракии не готовятся к вооруженному сопротивлению, не соответствовало действительности (см. док. 335).

№ 265

*1879 г. января 29. — Отношение Э. И. Тотлебена А. Б. Лобанову-Ростовскому о конфликте между Европейской комиссией и русской администрацией в Болгарии и о мерах по его урегулированию*¹

№ 1321

Доверительно

Впечатления, вынесенные мною из последней поездки моей в Филиппополь, представляют положение там дел весьма серьезным, заслуживающим особенного внимания, требующим всестороннего обсуждения и принятия обдуманых мер в отношении к единству и целесообразности действий нашей администрации для предупреждения и избежания замешательств и беспорядков как в последнее время, еще остающееся на нашу оккупацию, так по возможности, и по уходе наших войск.

Членов Международной европейской комиссии я нашел в высшей степени возбужденными против нас и нашей администрации императорского комиссара в Болгарии. Разумеется, во главе этой против нас оппозиции стоят наши явные недоброжелатели: комиссары — английский сэр Генри Друммонд Вольф и австрийский — Каллай, а с ними заодно турецкие комиссары. Сторону наших комиссаров держали, и то лишь до известной степени, только комиссары германский и итальянский, являющиеся более беспристрастными. В протоколах последних заседаний комиссии ваше сиятельство, конечно, обратили внимание на речь г. Каллая, представляющуюся вполне обвинительным актом против нашей администрации². Враждебность к нам Друммонда Вольфа не может составлять предмет сомнений; он сам неоднократно заявлял, как я это узнал из вполне достоверных источников, что принадлежит к партии, желающей во что бы то ни стало вовлечь Россию в новую войну.

Ввиду всего этого во всех высказываемых против нас обвинениях, во всем неудовольствии иностранных комиссаров, конечно, надо признать значительную долю преувеличения и недоброжелательства.

Но тем не менее нельзя отрицать вовсе основательность некоторых из жалоб. Между тем, мне кажется, для нас весьма важно было бы отнять у наших недоброжелателей поводы к обвинениям против нас и в особенности всякие аргументы, могущие служить в подтверждение сих обвинений.

Из совокупности получаемых мною высочайших повелений ясно видно, что его императорскому величеству угодно достижение точного и добросовестного выполнения Берлинского договора, который лежит ныне в основании нашей восточной политики. Заключенный в настоящее время вашим сиятельством отдельный мирный договор с Турцией будет служить как бы дополнением к Берлинскому трактату. С подписания этого договора и со сдачею Подгорицы черногорцам начинается эвакуация Действующей армии. Такова воля государя императора. Затем войска наши останутся лишь в Болгарии и Восточной Румелии в виде предусмотренного Берлинским трактатом оккупационного корпуса. Но и до окончания этой последней оккупации остается всего три месяца.

Весьма было бы прискорбно, если бы какие-либо неправильные с нашей стороны действия были причиною усложнений, недоразумений или волнений, могущих компрометировать спокойное выполнение предначертанной программы. Прискорбно было бы, если бы по нашей вине Европейская комиссия вследствие встречаемых ею затруднений не успела бы окончить к назначенному сроку возложенного на неё труда или разошлась бы ранее

окончания срока нашей оккупации. Напротив, желательно было бы, чтобы она успела беспрепятственно выработать Органический статут по крайней мере за месяц до окончания нашей оккупации, дабы избежать беспорядков при нашем отступлении. Желательно было бы, чтобы будущая администрация Восточной Румелии, основанная на выработанном Европейской комиссией статуте и имеющая заменить нашу временную, застала здесь порядок вещей, достаточно окрепший и обеспеченный, дабы не было причины опасаться анархии в будущем, которая могла бы быть выгодна лишь для врагов наших, компрометируя драгоценные результаты, добытые силою русского оружия и понесенными нами жертвами.

Ввиду всех вышеизложенных соображений, мне кажется, необходимо ныне же взглянуть прямо на взводимые против нас обвинения, отделить из них то, что составляет результат явного недоброжелательства и преувеличений, и затем принять решительные меры к устранению тех обвинений и к удовлетворению тех требований, основательность которых не может быть оспариваема.

Нас обвиняют в затаенном желании избежать добросовестного выполнения Берлинского трактата, в возбуждении всевозможных препятствий и в подстрекательстве болгар к сопротивлению. Враждебные нам европейские делегаты жалуются и на то, что администрация императорского комиссара продолжает считать Восточную Румелию как бы принадлежащею к Болгарии и чрез то, питая несбыточные надежды румелийских болгар, дискредитирует в глазах их Европейскую комиссию и возбуждает на всяком шагу препятствия к выполнению возложенной на нее задачи.

Посетивший меня в Филиппополе английский делегат сэр Генри Друммонд Вольф, с негодованием высказывая свои жалобы на образ действий болгарской администрации, заявил мне, что при таких условиях он считает дальнейшее участие в комиссии бесполезным и что он уже просил лорда Салисбюри о его отозвании. Против администрации нашего военного генерал-губернатора в Румелии я со стороны комиссаров жалоб не слышал. Напротив, они вполне довольны отношениями с генерал-лейтенантом Столыпиным, но жалуются на то, что он лишен достаточной самостоятельности, и что по всем вопросам, несколько серьезным, он должен обращаться за разрешением к императорскому комиссару, власть которого в Румелии они решительно не признают и считают вредною для вверенного им дела.

Поездка моя в Филиппополь имела, несомненно, полезные последствия и несколько успокоила до крайности возбужденных комиссаров.

Вслушав жалобы сэра Друммонда Вольфа и имея в виду проверить приводимые им факты, я пригласил к себе поочередно германского комиссара Брауншвейга и наших комиссаров. Переговорив обстоятельно с этими лицами, а равно и с генерал-лейтенантом Столыпиным, для меня сделалось вполне ясным положение дел.

Переходя от общих против нас обвинений к частностям, к тем аргументам, на которые ссылаются в подтверждение этих обвинений, оказывается, что дело сводится главным образом к четырем пунктам:

- 1) непередача до сих пор нашею администрациею финансов в полное ведение комиссии и недоставление по сему предмету требуемых сведений;
- 2) неотделение до сих пор в административном и финансовом отношении от Болгарии той части *Эхтиманского округа*, которая по Берлинскому договору принадлежит Румелии;
- 3) неотделение до сих пор организации румелийской милиции от милиции княжества;

4) неразделение в Румелии от Болгарии судебной части, так как [для] всех судов как в Болгарии, так и в Румелии до сих пор *кассационную инстанцию* составляет *Софийский центральный суд*.

Нельзя не согласиться, что жалобы Европейской комиссии в этом отношении вполне основательны и законны. Требования ее о передаче ей финансов, об отделении в административном и судебном отношениях всех местно-

стей, долженствующих войти в состав Румелии от княжества, основаны на точном смысле Берлинского трактата, и возражать против этих требований решительно нечего.

Не говоря уже о неблагоприятности непередачи, например, финансов и о недостатке необходимых по сему предмету сведений, мне кажется, что администрация наша, создавая препятствия к осуществлению вышеописанных 4 пунктов, не только бесполезно навлекает на нас нарекания, но и вредит самому делу. Вследствие такового образа действий окажется, что ко времени окончания нашей оккупации в Восточной Румелии *ничего не будет приготовлено*. До сих пор в этом отношении сделано слишком мало. Новая долженствующая нас заменить администрация, являясь в Румелию и не находя ни окрепшей местной администрации, ни устроенной судебной части, ни правильно организованной отдельной милиции, *задушит* тем легче *зародыши тех учреждений*, которых развитие было бы для нас желательным, пересоздаст все по-своему и направит будущее развитие автономной провинции на пути, противные нашим интересам. Через слепое преследование немислимого в настоящее время поглощения Румелии Болгариею можно лишь окончательно скомпрометировать осуществление этого результата в возможном и, конечно, не слишком отдаленном будущем.

По мнению моему, крайне необходимо ныне же отказаться от поддержания тесной административной связи между Румелиею и Болгариею, ибо связь нравственная во всяком случае сама собою сохранится в силу естественных народных стремлений и направит все усилия к скорейшему созданию отдельного от Болгарии, по возможности, прочного порядка вещей в Румелии, избегая бесполезные пререкания с Европейской комиссиею. Напротив, я полагаю, нам следует даже облегчить ее задачу, насколько она не будет идти вразрез с преследуемыми нами целями, и дать ей возможность беспрепятственно выполнить возложенный на нее теоретический труд до окончания нашей оккупации.

Что же касается до стремления комиссии вмешиваться в наше управление, то в разговорах моих с комиссарами я решительно отклонил всякие такого рода поползновения. Впрочем, я должен заметить, что со стороны комиссаров я и не встретил особенной в этом отношении настойчивости.

Остается еще один вопрос, по которому надо ожидать протестов со стороны враждебных нам европейских комиссаров, это вопрос *о складах оружия и о гимнастических дружествах*, в которых болгары также обучаются стрельбе. На этом предмете, по мнению моему, мы должны непременно настоять и выполнить с возможною осторожностью, но настойчивостью назначенную в этом отношении программу до нашего отступления. Только под этим условием можно будет считать независимость Румелии сколько-нибудь гарантированную, равно как и вообще достигнутые эту войною результаты. Вот почему вопрос этот я считаю особенно важным, и дальнейшие развития моих соображений по сему предмету я сообщу вам при личном свидании. Примирить же европейских комиссаров с этою мыслью, мне кажется, не слишком трудно. В разговорах моих с некоторыми из них я прямо указывал на невозможность оставить болгар безоружными ввиду общего поголовного вооружения мусульман. При этом я объяснил им, что тут имеется в виду дать болгарам средства лишь к самозащите, а отнюдь не к нападению. Генерал-лейтенант Столыпин заправляет этим делом с чрезвычайным тактом. Таким образом, он положительно объявил болгарам, что гимнастические собрания отнюдь не должны принимать политического характера и что при первом поползновении какого-либо из дружеств уклониться от этих условий оно будет немедленно закрыто. При том доверии, которым пользуется генерал-лейтенант Столыпин со стороны комиссаров, можно вполне надеяться, что при нем дело это будет доведено до конца, не давая повода к особым затруднениям. Опасения, возбуждаемые вооружением христиан в Румелии, могут быть серьезны лишь до тех пор, пока армия наша здесь; как европейские комиссары, так и турки очень хорошо понимают, что с отходом наших войск вооружение болгар, предоставленных самим себе, превращается в ору-

дие исключительно оборонительное, в орудие самозащиты, и опасаться с их стороны действий наступательных невозможно.

Имея в виду все вышеизложенные обстоятельства, я с своей стороны принял все зависящие от меня меры, дабы сколь возможно устранить встречающиеся затруднения.

Еще в прежнюю поездку мою в Филиппополь я предложил князю Дондукову-Корсакову выслать туда действительного статского советника Буха, заведывающего финансовым управлением в Болгарии, дабы при непосредственных сношениях разъяснить недоразумения с комиссиею по финансовой части. Князь Дондуков-Корсаков не нашел возможным прислать действительного статского советника Буха. Затем по финансовому же делу в Софию ездил, по моему предложению, полковник Шепелев, но и эта поездка не достигла результатов. До сих пор администрация императорского комиссара не доставила требуемых от нее сведений по финансовой части, и некоторые из касс до сих пор не сданы комиссии.

Ввиду сообщенной мне вашим сиятельством высочайшей воли государя императора о том, чтобы отклонить поездку выборных из Румелии в Тырново, я нашел нужным предписать генерал-лейтенанту Столыпину воспретить болгарскому экзарху присутствие на съезде именитых людей. Князь Дондуков вызывал его в Тырново, несмотря на то, что экзарх сам очень хорошо сознает, насколько присутствие его на съезде было бы неудобно, и сам желал уклониться от этой поездки.

По делу об организации милиции Восточной Румелии, ваше сиятельство, найдете при сем в копиях переписку по сему предмету, происходившую между военным министром, князем Дондуковым и мною *. Равным образом, ваше сиятельство, найдете при сем копию с письма моего императорскому комиссару от 23 января **, писанного из Филиппополя и заключающего указания мои по предмету жалоб и неудовольствия Европейской комиссии против затруднений, возбуждаемых нашею администрациею вообще и, в особенности, в вопросах финансовых. Все вышеизложенные соображения я считаю долгом сообщить вашему сиятельству с некоторою подробностью ввиду важности предмета, тем более что отныне я буду всецело поглощен делом эвакуации Действующей армии.

От вашего сиятельства будет зависеть сделать императорскому министерству те представления, какие вы признаете нужным для возбуждения точных указаний и инструкций, по мнению моему, крайне необходимых для достижения полного единства и целесообразности действий нашей администрации.

Примите уверение и пр.

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 37, лл. 304—314 об. Копия.

1. Получив отношение Э. И. Тотлебена, А. Б. Лобанов-Ростовский в записке от 5 (17) февраля 1879 г., адресованной А. М. Горчакову, солидаризировался с мнением Тотлебена и для урегулирования отношений с Европейской комиссией предлагал: 1) выделить Ихтиманский округ из состава Северной Болгарии и передать Восточной Румелии; 2) совершенно отделить администрацию Восточной Румелии от управления Болгарии; 3) отменить кассацию по судебным делам румелийцев в Софийский суд; 4) подчинение Столыпина русскому комиссару оставить лишь в отношении командования IX оккупационным корпусом (см. АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 37, лл. 301—303). 13 февраля 1879 г. А. Б. Лобанов телеграфировал А. М. Дондукову-Корсакову, что эти «предположения... удостоились высочайшего утверждения, о чем уведомляю ваше сиятельство для исполнения и руководства» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8792, л. 147).

2. Речь Каллая в заседании комиссии от 12 (24) января 1879 г. Каллай обвинил русские власти в том, что они морально не поддерживали комиссию в деле управления финансами Восточной Румелии (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3290, лл. 316 об. — 329).

* ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 36, лл. 59—65 об.

** См. АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 37, лл. 325—329.

1879 г. января 29. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова заведующему судебным отделом Управления российского комиссара в Болгарии С. И. Лукьянову о назначении его уполномоченным комиссаром в Учредительном собрании с инструкцией о его действиях

№ 56

Милостивый государь Сергей Иванович!

Назначив ваше превосходительство моим уполномоченным в Тырновском народном собрании, созванном для обсуждения Органического устава, я считаю необходимым дать вам следующие указания.

1. По прибытии в Тырново вы имеете прежде всего собрать в частное заседание наиболее почетных и способных членов и депутатов и обсудить с ними порядок составления отдельных комиссий для предварительной подготовки членов собрания к обсуждению проекта, для установления порядка ведения заседаний, т. е. порядка чтения проекта по статьям, порядка прений и речей, порядка голосования, составления протоколов и вообще всего, что касается внутреннего делопроизводства в собрании.

2. В качестве уполномоченного от императорского комиссара вы присутствуете в собрании исключительно с целью разъяснения всех могущих возникнуть при обсуждении устава недоразумений и для доставления справок, уклоняясь от какой-либо официальной роли вне заседаний.

3. Вам принадлежит голос чисто совещательный, и вы, давая собранию ответы на все предложенные в пределах Органического устава вопросы, ни в чем не должны стеснять свободы прений общих и мнений отдельных, но лишь постольку, поскольку прения сии и мнения отдельные не уклоняются от прямой задачи, возложенной на народных представителей.

4. В случае, если бы в прениях и речах члены и депутаты касались общего болгарского вопроса, т. е. Румелии, Македонии или иных политических и международных вопросов, прямого отношения к Органическому уставу не имеющих, то вам предоставляется право просить председателя призвать подлежащего члена или депутата к порядку.

5. Если бы со стороны большинства членов собрания обнаружались прямые и опасные для свободы прений отступления от указанной задачи, а тем более при явных стремлениях их перенести деятельность собрания на почву политической демонстрации, и характер настроения собрания был бы таков, что оно относилось бы к тому сочувственно, а это могло бы подать повод к беспорядкам внутри или вне собрания или же повести к новым дипломатическим осложнениям, вредящим тому законному направлению, которое дано болгарскому делу по высочайшей воле государя императора, то вы имеете руководствоваться при сем прилагаемую особо секретною инструкцією¹, причем вы должны воспользоваться предоставленным вам правом и средством лишь в случае крайней необходимости и с особою осмотрительностью.

6. Вы имеете представлять мне по мере хода заседаний протоколы таковых, а в ваших частных письмах уведомлять подробно о характере прений и настроении умов.

7. Так как поручение, вашему превосходительству данное, имеет характер чисто специальный и притом с голосом только совещательным, то вы имеете устраняться от всяких официальных сношений с делегатами *ad hoc* *, а равно с консулами и всеми вообще должностными лицами, принадлежащими к Министерству иностранных дел. Вы не должны принимать от них никаких заявлений, с коими они должны обращаться исключительно ко мне, и для сей цели сообщен будет мой маршрут тырновскому губернатору, кото-

* Для данного случая, для этой цели (лат.).

рый и будет все бумаги пересылать ко мне, согласно инструкциям, на сей конец данным.

Прошу ваше превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Князь Дондуков-Корсаков

АВПР, ф. Управление российского комиссара в Болгарии, д. 7, лл. 4—6 об. Подлинник.

1. С. И. Лукьянов был командирован А. М. Дондуковым-Корсаковым для наблюдения за работой Учредительного собрания, чтобы оно не выходило за рамки определенного Берлинским договором. В инструкции от 29 января 1879 г. А. М. Дондуков-Корсаков предписывал С. И. Лукьянову в случае появления «вредных для болгарского дела политических демонстраций» приостановить заседания впредь до его прибытия в Тырново через тырновского губернатора (см. АВПР, ф. Управление российского комиссара в Болгарии, д. 7, л. 7).

Кроме того, он ответил на вопросы депутатов и одновременно узнал их мнения по ряду вопросов об устройстве административных и судебных органов Болгарского княжества (см. 90, стр. 208—209).

№ 267

1879 г. января 30. — Письмо Н. К. Гирса А. М. Дондукову-Корсакову с просьбой сообщать А. Н. Церетелеву и А. А. Шенелеву ход обсуждения Органического устава в Учредительном собрании

№ 359

Милостивый государь князь Алексей Михайлович!

Комиссары наши в Международной румелийской комиссии обратились в Министерство иностранных дел с ходатайством о сообщении им проекта Органического устава Болгарского княжества для соображений при обсуждении в Международной комиссии такого же устава для Восточной Румелии*.

Сообщив, вследствие сего, комиссарам нашим пересмотренный здесь в особой комиссии под председательством статс-секретаря князя Урусова проект Органического устава для Болгарского княжества вместе с замечаниями, сделанными на него комиссией**, имею честь покорнейше просить ваше сиятельство, не признаете ли возможным сделать распоряжение, чтобы упомянутым комиссарам нашим сообщались те изменения, которые последуют в уставе по мере просмотра его Болгарским Народным собранием в Тырнове¹.

Примите уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности

Н. Гирс

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8792, л. 158—158 об. Подлинник.

1. Документ отражает стремление русского гражданского управления, вопреки решениям Берлинского конгресса, создать для княжества Болгарии и Восточной Румелии идентичное государственное устройство. Делегатам России в Европейской комиссии по Восточной Румелии даны были инструкции действовать в этом направлении. Например, в инструкции от 11 сентября 1878 г. за № 531 А. Б. Лобанов-Ростовский писал А. Н. Церетелеву и А. А. Шенелеву: «Цели, преследуемые нами в деле устройства Восточной Румелии, не могут совпадать с теми, к которым будет стремиться Порта и ее защитники. Для нас весьма желательно сохранить и поддерживать общение между 2-мя однородными частями Болгарии, разрозненными Берлинским трактатом с очевидным намерением не допускать между ними никакого сближения. Необходимо по возможности противодействовать подобным стремлениям и поддерживать при разработке организации области те постановления, которые будут клониться к сохранению болгарского единства» (см. 68, т. III, стр. 273).

* См. АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 991, лл. 6—7.

** См. И. В. Козьменко. Петербургский проект Тырновской конституции. «Исторический архив», вып. IV, 1949, стр. 196—324.

№ 268

1879 г. января 30. — Телеграмма Н. К. Гирса А. М. Дондукову-Корсакову с разрешением опустить в Органическом уставе вопрос о границах и административном делении княжества Болгарии

Ввиду неудобств, указанных вами в отношении № 34¹, государь разрешает вам не упоминать в Органическом уставе о границах и административном делении княжества, а изложить его в особой записке, которую предполагается представить нотаблям.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

Помета: Отправлено] 30 января 1879 г.

АВПР, ф. ГА, I-1, д. 55, л. 14. Отпуск; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8765, л. 267. Копия.

1. Имеется в виду письмо А. М. Дондукова-Корсакова к Н. К. Гирсу от 15 января 1879 г. за № 34, в котором между прочим говорилось, что обозначать административное деление княжества в самом Органическом уставе неудобно, так как разграничительные комиссии еще почти ничего не сделали (см. 80, вып. 6, стр. 17—18).

№ 269

1879 г. января 31. — Телеграмма А. М. Дондукова-Корсакова Н. К. Гирсу о нецелесообразности представления отчета о финансовом управлении Восточной Румелии Европейской комиссии *

Sofia
Secret

Посол уведомляет, что он сообщает вам о моем нежелании дать отчет Международной комиссии по румелийским суммам по 5 октября¹. По моему мнению, отчет по расходам подал бы повод к новым пререканиям, и представление его комиссии было бы равносильно признанию за ней права контроля над нашей администрацией. О таком моем взгляде сообщено главнокомандующему и князю Лобанову. Все приходо-расходные ведомости готовы, и если настоятельно нужно их передать в комиссию, то просил бы приказать сделать это не иначе, как через главнокомандующего, а не прямо от меня.

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 133, л. 14—14 об. Копия.

1. О конфликте А. М. Дондукова-Корсакова с Европейской комиссией по устройству Восточной Румелии по финансовым и прочим вопросам см. док. 265 и примечания к нему.

В письме Министерства иностранных дел от 30 января 1879 г. А. Б. Лобанову-Ростовскому от имени Александра II предписывалось скорее разрешить эти дела, так как постоянные столкновения делегатов Европейской комиссии с Дондуковым-Корсаковым «производят крайне неблагоприятное впечатление на иностранные правительства» (АВПР, ГА, I-1, д. 55, л. 12—12 об.). В этом же документе упоминалось, что Э. И. Тотлебен уже дал приказание Дондукову-Корсакову сообщить все сведения по финансовой части Европейской комиссии.

№ 270

1879 г. января 31. — Предписание О. К. Гибша фон Гросталья филиппопольскому вице-губернатору Т. Бурмову, городскому совету и губернским инженерам об активизации работ по реконструкции города

№ 383

Филиппополь
Циркулярно

Вам, милостивые государи, известна инструкция, данная его сиятельством императорским комиссаром комиссии по переустройству г. Филиппополя.

* См. док. 273, 274.

Для украшения города, а главное, для общего удобства князь комиссар приказал расширить улицы, и для того необходимо было произвести поломку домов соответственно плану, данному его сиятельством.

Для уплаты за разрушенные дома была произведена общая оценка и было ассигновано князем комиссаром 20 тыс. фр. при общей оценке на сумму 406 540 фр. Затем его сиятельство желал, чтобы уплатив из этой суммы 20 тыс. фр.— стоимость нескольких разрушенных домов, свободное место продать с аукциона; на вырученные за продажу деньги уплатить еще стоимость других домов и опять продать их места и т. д. Так как многие разрушенные дома не подлежат оплате, а их места могут быть проданы и тем самым увеличится первоначальная сумма в 20 тыс. фр., и так как действительная ценность многих мест гораздо выше оценочной стоимости того же места, то предполагалось, что этой суммы 20 тыс. фр. будет достаточно для оплаты всех домов посредством вышеуказанной торговой операции.

Работы по продаже мест возложены были на особую комиссию при городском совете; до сих пор операции по продаже еще не начинались.

Комиссия оправдывает свое бездействие тем, что гг. инженеры Михайлович и Белов не дали ей плана и указания, какие места могут быть проданы и какие должны быть оставлены под площади и расширения улиц.

Посему предлагаю к неуклонному и немедленному исполнению: гг. инженерам приступить к работам и дать требуемые указания сообразно проекта, составленного князем комиссаром.

Конечно, все планы потребуют много времени, но я требую, чтобы каждый из названных гг. инженеров представлял бы в комиссию планы по участкам, и первые экземпляры должны быть представлены каждым в комиссию в недельный срок от дня настоящего приказа.

Затем о продаваемых участках комиссия должна делать публикации с назначением дня аукциона через две недели после получения от инженеров плана участка и должных указаний. При этом инженеры обязаны для каждого участка назначить по своему усмотрению первоначальную стоимость для аукциона.

Каждый раз, как кто из инженеров представит в комиссию план какого-либо участка, инженер обязан сообщать о том г. вице-губернатору, которому я поручаю общий надзор и руководство всеми работами как гг. инженеров, так и комиссии, к которому и обращаться во всех случаях.

Городскому совету предлагаю оказывать всевозможное содействие как гг. инженерам, так и комиссии.

Расходы на наем рабочих при съемке планов, засвидетельствованные г. вице-губернатором, подлежат немедленной уплате из сумм городского совета.

Все вышеизложенное предлагаю к неременному и точному исполнению всем, до кого это относится, и притом под страхом отрешения от должности должностных лиц и взыскания штрафов, по моему усмотрению, с лиц недолжностных за всякое несоблюдение настоящего предписания.

Г-на вице-губернатора прошу представлять мне ежемесячный отчет по сему делу с приложением всех документов и с своим заключением.

Губернатор генерал-майор барон Гибш фон Гросталь
Правитель канцелярии ш[табс]-капитан *

НБКМ—ВИА, ф. 16, д. 364, лл. 3—4. Подлинник.

* *Подпись неразборчива.*

№ 271

1879 г. февраля 1.— Донесение русского вице-консула в Бургасе Н. Г. Гартвига А. Н. Церетелеву о тяжелом экономическом положении населения Сливенской губернии *

№ 1

При отъезде моем из Филиппополя вашему сиятельству угодно было поручить мне представить некоторые сведения об экономическом положении восточной части Южной Болгарии. Посетив г. Сливно и близлежащие села, я успел собрать следующие данные.

Положение этого края самое безотрадное. Кругом голые, незасеянные поля, обгорелые разрушенные села. Более всех пострадали жители Эски-и Эни-Загрских округов. Повсюду массы турецких и болгарских беженцев (особенно в Карнобате, Сегменли и окрестностях Ямболя). В Карнобате голодные крестьяне осаждают даже госпитали Красного Креста, прося хлеба. Местные власти решили раздавать им хлеб с оставленных турками полей за умеренную плату, которая поступит в казначейство для возврата впоследствии владельцам.

Несмотря на то, что многие уже уплатили десятину, Финансовая комиссия повсюду будет встречать немалые затруднения, тем более что она успела заслужить всеобщее недоверие. Болгаре никак не хотят верить, что эта комиссия распоряжается их финансами с согласия русского правительства. Почему, говорят они, комиссия начала собирать подати и десятину не с губернского города, где пребывает русский губернатор, а с мелких отдаленных селений. Они, очевидно, припоминают то время, когда турецкий сборщик податей начинал свой объезд с главного города санджака. Усилил недоверие к членам комиссии опубликованный ими тариф, где стоимость русских денег понижена; так, в этой местности полумпериа^{**} ходил по 22 фр., комиссия оценила его в 20 фр. 60 сант.; 20 коп. принимались за 6 галаганов^{***}, ныне объявлена им цена в 5 галаг[анов] и пр.

Особенно тяжело отзывается на экономическом положении болгарских селений обязательная поставка подвод для наших войск. Иной крестьянин, поставляя пару волов, а часто и корову, отдает, так сказать, все свое достояние. Это, без сомнения, не должно оставаться без влияния на посевы. Если теперь бедняки кое-как продержатся, к будущей осени голод неминуем.

Примите и пр.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1505, л. 5—5об. Копия.

№ 272

1879 г. февраля 1 (13).— Донесение Н. Г. Гартвига А. Н. Церетелеву о гимнастическом обществе в Сливно ¹

№ 2

Настроение умов в восточной части Южной Болгарии сильно возбуждено. Ближайшее удаление русских войск всеми ожидается со страхом. Никто не верит, что русское правительство желает осуществления^{****} Восточной Румелии. Они воображают, что Россия только не хочет высказаться, но что она вполне одобряет их намерение оказать сопротивление появлению турецкого губернатора и гарнизонов. А потому каждый, кто только может, спешит вооружиться.

* См. док. 301.

** Империа^л — русская золотая монета стоимостью в 10 рублей.

*** Медная монета.

**** Так в тексте. Вероятно: отделения.

Бойким центром всей этой агитации является Сливно. Около месяца тому назад здесь образовалось общество под названием «Гимнастическое дружество», в члены которого принимаются все без разбору: тут и почетные граждане, богатые купцы, лица, кончившие Московскую духовную академию, мелкие торговцы, беженцы — все они собираются два раза в неделю (по четвергам и воскресеньям) за город обучаться гимнастике и военному делу.

Четыре унтер-офицера расформированного Болгарского ополчения, направлявшиеся в Македонию принять участие в восстании, были задержаны жителями Сливно и приглашены в качестве учителей. Скоро, впрочем, они нашли своих учителей недостаточно подготовленными и обратились с просьбой к бывшему рядовому Нарвского гусарского полка Луканину принять на себя труд обучения их за известную плату. Луканин тоже служил в Болгарском ополчении, а в последнее время состоит в числе преподавателей Сливенского реального училища.

Из среды дружества выделилось несколько членов, по выбору, для учреждения совета, на обязанности которого лежат забота о приеме вновь поступающих членов дружества, о вооружении их и устройстве кассы, так как, кроме членов действительных, есть еще члены-жертвователи, которые обязались ежемесячно вносить известную сумму для образования фонда гимнастического дружества. Записаться в члены-жертвователи каждый считает для себя величайшим счастьем. Все от мала до велика спешат принести посильную лепту (взносы отдельных лиц доходят до нескольких полумперналов * в месяц). Именитые граждане записывают даже своих детей в члены-жертвователи.

Я имел случай присутствовать на одном из гимнастических упражнений дружества и поражен был успехами, каких достигли эти непривычные люди в ружейных приемах. С каким вниманием выслушивали и старцы, и юноши приказания своего учителя унтер-офицера и с каким усердием спешили тотчас же все исполнить!

Узнав, что у нас в военное время существует 6-недельный срок обучения, они просили Луканина, чтобы он приложил все свое старание пройти с ними весь курс учения в 5 недель, а 6-ю посвятить занятию практической стрельбой. Все дружество прекрасно вооружено турецкими пистолетами. Один из богатейших купцов г. Сливно обладает целыми складами ятаганов, ружей и патронов и раздает безвозмездно всем вновь поступающим членам. Число их первое время доходило до 500; во время учения, на котором я присутствовал, было свыше тысячи. Сначала, как говорят, они боялись губернатора, но, не видя с его стороны никаких репрессивных мер, число их стало возрастать с каждым днем. «Зачем вы занимаетесь гимнастикой?» — спрашивал я многих из толпы. «Прямой цели нет у нас. Но нам надо приготовить на всякий случай. Мы покойны, пока русские войска здесь, а уйдут они — бог знает, что нас ожидает».

На ученье дружества собирается целая толпа зрителей, из которой каждый день кто-нибудь да присоединяется к учащимся. Неявившиеся к назначенному часу для занятий платят штраф, размер коего с общего согласия определяется, смотря по состоянию провинившихся. Весть об образовании этого дружества быстро разнеслась по всей губернии, и из многих сел болгаре спешат на учение, чтобы быть готовыми встретить врага: так величают они будущих турецких администраторов. Осилит их — дело наше будет выиграно, не осилит — все уйдем в Болгарию, говорят они.

Примите и пр.

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 204, лл. 5—7. Копия.

1. Народное движение в Южной Болгарии против решений Берлинского конгресса привело в конце 1878 г. к возникновению массовых военных организаций под названием стрелково-гимнастических обществ (дружеств). К концу 1878 г. они объединяли более 18 тыс. человек, вооруженных главным образом трофейными винтовками, подобранными еще во время войны на поле боя. Главную массу участников обществ составляли трудя-

щеся города и деревни. По вооруженности среди городов выделялся Сливно. Главной задачей обществ была подготовка вооруженного сопротивления населения в случае вторжения турецкой армии в Восточную Румелию (см. 45, стр. 102—132).

Временное русское управление и командование армии осторожно относились к возникшим обществам. А. Д. Столыпин писал А. Б. Лобанову-Ростовскому, что во многих местах «все почти население вооружено ружьями Пибоди. . . и что, следовательно, нам предстояло либо разоружить их, что было бы весьма трудно и положительно трудно, или же дать этому вооружению хотя бы несколько правильную и разумную организацию» (там же, стр. 114). Правительство России, чтобы обеспечить автономию Южной Болгарии, вынуждено было пойти на то, чтобы оставить оружие обществам.

№ 273

1879 г. февраля 1.— Письмо А. Д. Столыпина А. М. Дондукову-Корсакову о конфликте между Европейской комиссией и русской администрацией Болгарии по финансовому вопросу

Филиппополь
Конфиденциально

Милостивый государь князь Александр Михайлович!

Только что приехал из Адрианополя; мир, уступки. . . * приготовления почетного караула для встречи нового вали, который должен был приехать вчера ...¹. Разумеется, я уехал прежде, чтобы не стоять на правом фланге почетного караула. . . Чего доброго. . . может быть, приказали бы. Уехал прежде и захватил с собою кассу и все книги до 1 января (около 2 миллионов пиастров).

Для текущих счетов оставил то, что поступило и поступит после 1 января. *Le tour est fait! . . . Nous sommes pourvus d'une caution respectable pour faire vos comptes de Schoumla et de Warna, à moins qu'ici de nouveau on ne fasse pas de la générosité (Ce n'est pas le terme voulu) **.*

Положение мое, вынудившее поездку мою в Адрианополь, было до того невозможное², что я ехал с тем, чтобы просить об увольнении от должности генерал-губернатора; до сих пор голова моя идет кругом, несколько раз собирался писать вам, но события шли и изменяли ход дел до того быстро, что писать было некогда, надо было действовать; постараюсь теперь дать вам понятие о положении дел, но не ждите от меня систематического изложения, так как во всем этом сумбуре нет никакой системы.

Каждое воскресенье приезжал сюда главнокомандующий и всякий раз имел свидание с комиссарами, которые постоянно жаловались на невозможность исполнения 19-го параграфа Берлинского трактата. В последнее воскресенье Drummond Wolff явился, чтобы объявить, что он телеграфировал Salisbury о своем отозвании, так как работы комиссии не могут продолжаться по неисполнению нами 19-го параграфа ***. Главнокомандующий, получая постоянные телеграммы из Петербурга о необходимости исполнения Берлинского трактата, дает обещание sir Wolf-у, что снесется с вами . . ., просит к себе Брауншвейга и наших комиссаров для проверки показаний Волфа. . . Они имеют тот же взгляд на дело ****.

Главнокомандующий уезжает, получаю предписание ваше по финансовому вопросу для передачи Шепелёву, передаю; он находит невозможным поставить комиссию в известность о содержании одного, говоря, что это произведет разрыв и несовместно с инструкциями, получаемыми им из Петербурга. Одновременно Хюбш ***** получает дерзкий ultimatum от Шмита— это было в субботу. Наши комиссары говорят мне, что в понедельник будет

* Одно слово неразборчиво.

** Решено! Мы теперь достаточно обеспечены, чтобы рассчитаться за Шумлу и Варну, если только здесь снова не начнут великодушничать (мягко говоря) (фр.).

*** См. примечание к док. 269.

**** См. док. 265.

***** О. К. Гибш фон Гросталь.

заседание, на котором решат протестовать о неисполнении 19-го параграфа, если желание комиссии не будет исполнено, и что даже Пруссия и Италия будет против нас. Для выигрыша времени, пока не получу от вас окончательного предписания, вместе с тем ввиду подписания мира, чтобы турки не завладели кассой по медленности (*il n'est pas le propre terme*) * Молостова — еду в Адрианополь. Главнокомандующий, не желая взять на себя единолично решение вопроса, едет в Константинополь и берет с собою для справок моего Неклюдова, меня оставляет одного. Приезжаю обратно в Филиппополь во вторник. Одновременно получаю ваше второе предписание по финансам и копию с телеграммы, посланной вам по этому предмету из Константинополя. Не предприиму ничего до получения положительного предписания от вашего сиятельства.

Не знаю, довольно ли ясно я дагерротипировал вам мое невозможное положение; чтобы еще более уяснить вам оное, прилагаю ряд документов, касающихся настоящего дела.

Свое мнение по полному незнакомству с финансовым делом я не высказываю, но вообще думаю, что ввиду крайней уступчивости нашего правительства и желания *à tout prix* ** отозвать в данный момент войска, *все вопросы, кроме вооружения жителей* (которое идет энергично), должны отойти на второй план.

Я неимоверно спешу окончить это письмо, ибо хочу отправить оное с проезжающим через Филиппополь сегодня Юзефовичем. *Pardonnez-moi donc mon style décousu et mon orthographe fantaisiste* ***.

По приезде я нашел такую кучу дел, что, простите меня, если на все официальные бумаги замедлю ответными донесениями, к тому же Неклюдов из Константинополя вернется только в субботу, он необходим для многих справок.

Коснулся я о вооружении (единственно, что разрешено *пока* нам государем императором): я уже раздал 10 тыс. [ружей] в Сливне, 8 тыс. — в Филиппополе, кроме прежде розданных 2500 и розданных по гимнастическим обществам; кроме того, у большинства жителей есть пибоди-мартини. Учение идет осмысленно и превосходно. Разоружить, если будет приказ *невозможно*, все убегут в горы. *Если будет ген[ерал]-губернатор не европеец и если не будут отменены караулы, в Балканах польются потоки крови.* Я это докладываю вам, докладывал главнокомандующему и прошу довести до сведения его императорского величества. . . *Возбуждение умов и решимость умереть скорее, чем подпасть под владычество Турции, дошло до бе-локаления.*

Начнется с Родопских гор, с одной стороны, где болгары нападут на ту-рок, с другой стороны — с Айдыга и Айроболя, где турки нападут на болгар. В Адрианопольском санджаке все меры приняты для удержания болгарского населения от эмиграции. С возвращением Неклюдова пришло вам экземпляр моего приказа по этому предмету ³.

С отъездом главнокомандующего надеюсь, что дело упростится, так как вы останетесь главой и мне придется лишь беспрекословно исполнять ваши предписания.

Напишите мне откровенно, довольны ли вы моими действиями, если нет, то лучше сейчас мне удалиться, потому что мое положение только возможно при полном вашем доверии.

С истинным уважением и неизменной преданностью имею быть вашего сиятельства покорный слуга

А. Столыпин

ЦГИА СССР, ф. 932, оп. 1, д. 226, лл. 22—25 об. Автограф.

* *Несвойственной ему (фр.).*

** *Любой ценой (фр.).*

*** *Извините меня за мой несвязный стиль и фантастическую орфографию (фр.).*

1. После ратификации окончательного мирного договора России и Турции 3 февраля 1879 г. началась эвакуация русских войск из Адрианопольского санджака, продолжавшаяся до 26 февраля 1879 г. В санджаке была введена турецкая администрация во главе с генерал-губернатором Реуф-пашой (см. 68, т. II, стр. 64).

2. Трудности в деятельности А. Д. Столыпина связаны с попытками Европейской комиссии с первых шагов поставить в зависимость русское гражданское управление области, контролировать и направлять его действия. Эта позиция комиссии вызвала ряд столкновений ее с русской властью: первое из них — по финансовому вопросу, второе — по поводу отказа генерал-губернатора принимать прошения местных жителей, подаваемые в комиссию и препровождаемые ею в распоряжение местных властей. Отказ А. Д. Столыпина основывался на том, что прошения эти представляли собой в большинстве своем ни на чем не основанные жалобы на русскую администрацию, подавались исключительно турками, без должных оснований считавшими европейскими комиссаров ходатаями за них. Русская администрация, исходя из позиций полного равенства всех народностей, не считала возможным делать исключение для турок. Кроме того, подобные действия могли создать впечатление, будто Европейская комиссия принимает жалобы на русскую администрацию, и тем возбудить недовольство болгар.

Русские власти во главе с А. Д. Столыпиным стремились не допустить вмешательства комиссии в деятельность администрации, но в вопросе о приеме жалоб им пришлось подчиниться решению комиссии, в которой русские комиссары вынуждены были уступить. Исходя из этого, А. Д. Столыпин в письме А. М. Дондукову-Корсакову так характеризовал 10 декабря 1878 г. свое положение: «Несмотря на мой протест, из Военного министерства мне велено подчиниться комиссарам и принимать просьбы мусульман, поступающие к нам; с другой стороны, Лобанов дает мне инструкции не допускать комиссаров в административные дела». «Комиссары хотели поднять вопрос о подчинении меня вам, думая, что я секретно только вам подчинен, но я уведомил их, что тут нет секрета, а я вам официально подчинен; теперь они хотят забрать в руки санджаковое казначейство, но я написал, что это зависит от вас, а что суммы эти не секретны, имеют свое назначение и с моей стороны не буду делать затруднений поставить их в известность о них» (см. ЦГИА, ф. 932, оп. 1, д. 226, лл. 2 об., 3—3 об.).

Подробнее об этом см. 80, вып. 3, стр. 248—256; вып. 5, стр. 136—139, 208—216; АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 676—677 об.).

3. 29 января 1879 г. А. Д. Столыпин обратился к болгарскому населению Адрианопольского санджака с призывом лояльно относиться к турецкой администрации, вводимой в санджаке после подписания окончательного мирного договора с Турцией, и оставаться на своих местах (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7482, л. 104). Приказ адрианопольского военного губернатора П. М. Молодцова от 1 февраля 1879 г. и распоряжения окружных начальников санджака предусматривали меры к ограничению переселения (там же, д. 32974, лл. 72—73; д. 33027, л. 4; д. 33029, л. 1).

№ 274

*1879 г. февраля 1. — Телеграмма Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому о предоставлении Европейской комиссии сведений по финансовому управлению Восточной Румелии **

Секретно

Reçu télégramme du 31 Janvier **

Шифром: Разделяя мнение главнокомандующего, что данные о расходах могут быть сообщены филиппопольской комиссии, министерство полагает, однако, что это сообщение должно быть сделано лишь для сведения, а не имело характера отчета за наше финансовое управление до 5 октября ***.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. ГА, I-1, д. 55, л. 15. Отпуск.

* См. док. 237.

** Получил телеграмму от 31 января (фр.).

*** См. прим. 2 к док. 273.

1879 г. февраля 1.— Журнал заседания Совета российского комиссара в Болгарии с правилами по отчуждению земельных участков бежавшего турецкого населения в Софии

№ 47

Председательствовал императорский российский комиссар
генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков

Присутствовали члены:

Генерал-майор Золотарев
Генерал-майор Домонтович
Генерал-майор Грессер
Действительный статский советник Лукьянов
Действительный статский советник Бух
Профессор Дринов
Начальник таможенного управления действительный статский
Советник Тухолка.

Слушали: Доклад члена совета управляющего отделом внутренних дел генерал-майора Грессера по возбужденному софийским губернатором ходатайству о предоставлении Софийскому городскому совету права отчуждать участки земли и усадьбы, брошенные бежавшим из г. Софии турецким населением, на основании составленных для того общим собранием Софийского окружного и городского советов с участием членов окружного суда и почетных жителей города правил.

Постановили: Вследствие ходатайства софийского городского общества установить, согласно с мнением управляющего отделом внутренних дел, нижеследующие правила по отчуждению земель в г. Софии:

1. Предложить городскому совету составить и представить на рассмотрение и утверждение императорского комиссара проект плана города с назначением новых улиц, площадей, кварталов и усадебных участков и с указанием на плане, в какой части города какого рода допускаются постройки.

2. Составить особую комиссию для определения, какие именно места необходимы городу для различных предполагаемых общественных сооружений, измерив и оценив как эти места, так и каждую из усадеб, принадлежавших бежавшим, но не возвратившимся туркам, вместе с находящимися на этих землях постройками, не подлежащими по ветхости сломке.

3. Поручить этой же комиссии сделать публикацию о вызове в месячный срок владельцев усадеб, подлежащих оценке, с тем, чтобы явившиеся и недовольные оценкой имели право, на основании п. 5 ст. 915 Временных правил об устройстве судебной части *, принести жалобы в установленном порядке.

4. Предоставить городскому совету независимо земель, отчуждаемых для общественной надобности, указанных во 2-м пункте сих правил, и на основании 1-го п. 52-й ст. Временного положения о городских советах приобрести также брошенные бежавшими турками земли по оценке с тем, чтобы причитающиеся за приобретаемые городом земли беженцев деньги были внесены в число сумм, условно поступивших.

5. Предоставить городскому совету все отчужденные в собственность города земли, которые не будут нужны для общественных сооружений, разделить на участки, сообразно новому плану города, и назначить в продажу с торгов.

6. При продаже таковых участков обязать покупателя подпискою в том, что он подчиняется всем установленным для возводимых построек правилам.

* См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 1, стр. 343—344.

7. В случае возвращения отсутствующих владельцев усадеб или заочного предъявления ими прав на эти усадьбы и признания судом этих прав предоставить таковым владельцам получить из числа денег, условно поступивших, оценочную за их усадьбу сумму.

8. Предоставить отсутствующим лицам в случае их возвращения и по признании судом их прав преимущественное право занимать принадлежавшие им участки, если таковые не будут еще проданы, с обязательством подчиниться изложенным в 6-м пункте сих правил условиям, причем если участок в полном размере окажется по ценности выше или ниже отчужденной усадьбы, то разница должна быть уплачена подлежащей стороной, а предоставленная городом в число сумм, условно поступивших, оценочная сумма этой усадьбы должна быть возвращена обратно в городскую казну.

9. Предоставить отсутствующим лицам в случае их возвращения, когда принадлежавшие им усадьбы уже проданы другим лицам, получить вместо причитающейся им за усадьбу суммы соответствующий участок земли в другом месте города с тем, чтобы разница ценности как этих участков, так и находившихся на них построек, если таковые не подлежали за ветхостью ломке, была внесена подлежащей стороной и чтобы лицо, приобретающее этот участок, не было освобождено от соблюдения вышеприведенных правил о постройках, возводимых на вновь образованных участках.

10. Внесенные городом деньги за приобретенные по оценке усадьбы в условно поступившие суммы, невытребованные в течение *семи* лет, обращаются в городскую казну.

11. Предоставить городскому совету допускать для отдельных лиц, без различия национальности, рассрочку в платеже денег за проданные участки, но не далее *трех* лет.

Изложенные выше правила применить, в пределах местных условий, и к другим городам княжества Болгарского.

Князь Дондуков-Корсаков
В. Золотарев
М. Домонтович
Грессер
К. Бух
Дринов
Л. Тухолка

АВПР, ф. Управление российского комиссара в Болгарии, д. 13, лл. 88—90. Подлинник.

№ 276

*1879 г. не позднее февраля 2. * — Телеграмма Н. К. Гирса А. М. Дондукову-Корсакову об отклонении намерения делегатов европейских держав принять участие в выработке проекта Органического устава княжества Болгарии ***

Можете сообщить турецкому комиссару и иностранным делегатам, что вверенная вам администрация занимается подготовительными работами для проекта Органического устава, выработка которого, по трактату, предоставлена собранию именитых людей. В подготовительных работах этих, как вообще в занятиях администрации, иностранные делегаты участия иметь не могут. Действия же именитых людей будут гласные и, следовательно, доступные наблюдению иностранных делегатов¹.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. ГА, I-1, д. 55, л. 16. Отпуск.

* Датируется по соседним документам дел.

** ... 280.

1. Эта телеграмма вызвана запросом А. М. Дондукова-Корсакова от 13 января 1879 г., можно ли надеяться, что иностранные представители не будут вмешиваться в обсуждение Органического устава (см. 80, вып. 6, стр. 10—16).

№ 277

1879 г. февраля 3.— Предписание начальника штаба Варшавского военного округа И. Ф. Шаховского командиру 3-й гвардейской пехотной дивизии В. Д. Дандевиллю предложить офицерам-болгарам перейти на службу в восточнорумелийскую милицию *

№ 42

Варшава
Секретно
Экстренно

Военный министр изволил приказать сделать неотлагательно распоряжение о приглашении служащих в войсках офицеров болгарского происхождения для поступления на службу в восточнорумелийскую милицию.

Вследствие этого, по приказанию командующего войсками, прошу ваше превосходительство сделать теперь же распоряжение о приглашении состоящих на службе в частях дивизии офицеров болгарского происхождения, не пожелает ли кто из них поступить на службу в восточнорумелийскую милицию, и о желающих сообщить мне в самом скорейшем времени с приложением кратких записок о их службе.

Начальник штаба генерал-лейтенант Шаховский
Старший адъютант майор Петров

Помета: Полки запрошены, есть ли у них на службе офицеры болгарского происхождения] и кто?

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8874, л. 60 — 60 об. Подлинник. Литографированный экземпляр.

№ 278

1879 г. февраля 5.— Телеграмма русского консула в Тырнове И. В. Белоцерковца Н. К. Гирсу о прибытии в город депутатов Македонии и Восточной Румелии и о разногласиях по поводу подачи протеста против решений Берлинского конгресса **

Тырново
Секретно

Здесь уже 15 депутатов Фракии, Македонии и Румелии. Появилось две партии: одна желает демонстрацию в начале собрания, не допуская и мысли пересмотра конституции или избрания князя до соединения Южной Болгарии, другая стоит за протест после принятия конституции. Большое сочувствие в среде северных. Просят меня указаний, выражая готовность следовать начертаниям правительства. Почетным председателем думают избрать экзарха Анфима. Князь Дондуков прибудет 8-го, указаний от него никаких не было.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3249, л. 8. Копия. Литографированный экземпляр.

* См. док. 209 и примечание к нему.

** См. док. 264, 292.

1879 г. февраля 7 (19). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о нежелательности перевода болгарских служащих из учреждений Восточной Румелии в княжество Болгарию

№ 58

Philippopolis

Monsieur l'ambassadeur!

Par mon rapport au ministère impérial en date du 27 Janvier (8 Février) 1879 sub № 86*, dont j'ai eu l'honneur de placer une copie sous les yeux de votre excellence, j'ai informé Mr. de Giers que le docteur Stoïlow, membre de la cour d'appel de Philippopolis, a été appelé à occuper le poste de président de la cour à Sofia. Mr. Stoïlow qui a fait ses études en Allemagne et qui est un des rares légistes de la Bulgarie du Sud est originaire de Philippopolis où il possède des propriétés. Aussi sa brusque permutation a fait ici une impression pénible. La «Maritza» a exprimé l'espoir que cette nomination n'est pas définitive et que Mr. Stoïlow, ainsi que d'autres natifs de la Roumélie Orientale qui se trouvent dans le même cas reviendront bientôt dans leur pays¹. Une adresse dans ce sens devait être de plus présentée au commissaire impérial en Bulgarie.

Si j'entretiens votre excellence de ce fait, c'est qu'il se rattache à la question de savoir à quel point il est légal et avantageux pour nous de transférer les fonctionnaires originaires de la Bulgarie du Sud, dans la principauté. Au moment où la Roumélie Orientale va être livrée à elle-même, il me semble tout à fait indispensable de laisser dans les différentes branches du service le plus grand nombre possible de Bulgares capables, afin d'empêcher que les postes de l'administration et de la magistrature ne soient occupés par des Grecs, des Turcs, ou bien encore par des aventuriers quelconques.

J'ose considérer mon opinion d'autant plus fondée que le gouvernement impérial s'est prononcé dans ce sens dans la question de la milice. Les Bulgares eux-mêmes m'ont exprimé leur étonnement de voir, d'un côté, attirer dans la Roumélie Orientale des officiers bulgares et, de l'autre, enlever à la province des juges instruits comme Stoïlow et des administrateurs capables comme Slaveikow, président du conseil administratif de Slivno. Ce dernier a été appelé à participer aux travaux de l'Assemblée de Tirnovo malgré la circonstance qu'il a depuis longtemps fixé sa résidence à Eski-Zaghra, où il possède des immeubles. Aussi le général Stolypine a-t-il été obligé d'insister pour que Mr. Slaveikow donnât sa démission avant de partir pour Tirnovo.

Je me rends parfaitement compte, monsieur l'ambassadeur, que la permutation des employés dont je me suis permis d'entretenir votre excellence tient à ce que l'administration de la Roumélie Orientale n'est pas complètement séparée de celle de la principauté de Bulgarie. Mais si l'on juge nécessaire de maintenir sous certains rapports cette unité, rien ne s'opposerait, j'ose le croire, à ce qu'on laissât dans la Bulgarie du Sud les fonctionnaires bulgares qui y sont déjà et dont le pays a un besoin véritable.

Pour ma part je regrette tout spécialement le départ du dr. Stoïlow sur le concours duquel je comptais beaucoup pour le moment où nous discuterons le chapitre du Statut organique touchant la justice, nous sommes privés aujourd'hui, le colonel Schepelew et moi, de l'avis d'un indigène compétent au sujet de ce point si important de la future organisation.

J'ai l'honneur d'être, avec le plus profond respect, monsieur l'ambassadeur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

prince Tzérételew

Помета А. Б. Лобанова-Ростовского: Mr. Опоу

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 82—83 об. Подлинник.

* См. док. 264.

Господин посол!

Моим допесением императорскому министерству от 27 января (8 февраля) 1879 г. за № 86, копию которого я имел честь передать вашему высокопревосходительству, я уведомил г-на Гирса, что д-р Стоилов, член апелляционного филиппопольского суда, был приглашен занять пост председателя суда в Софии. Г-н Стоилов учился в Германии, является одним из немногих юристов Южной Болгарии. Он происходит из Филиппополя, где имеет собственность. Поэтому его внезапное перемещение произвело здесь тягостное впечатление. «Марица» выразила надежду, что это назначение не является окончательным и что г-н Стоилов скоро вернется в свою страну, так же как и другие уроженцы Восточной Румелии, находящиеся в таком же положении ¹. По этому поводу должен быть представлен адрес на имя императорского комиссара в Болгарии.

Я сообщаю вашему высокопревосходительству об этом факте, так как он связан с вопросом, насколько законно и насколько выгодно для нас переводить чиновников — уроженцев Южной Болгарии в княжество. Когда Восточная Румелия будет предоставлена самой себе, мне кажется совершенно необходимым оставить в различных отраслях управления возможно большее число способных болгар, чтобы помешать занятию этих административных и судебных постов греками, турками или же какими-нибудь авантюристами.

Я осмеливаюсь считать свое мнение тем более обоснованным, что императорское правительство высказалось в этом же смысле по вопросу о милиции. Сами болгары выразили мне свое удивление, что, с одной стороны, в Восточную Румелию направляются болгарские чиновники, а с другой стороны, провинция лишается таких образованных судей, как Стоилов, и таких способных администраторов, как Славейков, председатель административного совета Сливно. Последний был призван участвовать в работах Тырновского собрания, несмотря на то обстоятельство, что он долго жил в Ески-Загре, где у него есть недвижимость. Поэтому генерал Столыпин был вынужден настоять на том, чтобы г-н Славейков подал в отставку, прежде чем он отправится в Тырново.

Я полностью отдаю себе отчет, г-н посол, что перемещение служащих, о коем я позволил себе сообщить вашему высокопревосходительству, связано с тем, что администрации Восточной Румелии не полностью отделена от администрации Болгарского княжества. Но если будет сочтено необходимым сохранить в каком-то отношении это единство, я смею думать, ничто не будет препятствовать тому, что в Южной Болгарии оставят уже находящиеся там болгарских служащих, в которых страна действительно нуждается.

Со своей стороны я особенно сожалею об отъезде д-ра Стоилова, на помощь которого я очень рассчитывал, на то время, когда мы будем обсуждать главу Органического статута, касающуюся юстиции, и сегодня полковник Шепелев и я лишены советов местного уроженца, компетентного в этом столь важном вопросе будущей организации.

С глубоким почтением имею честь быть, господин посол, вашего высокопревосходительства нижайшим и покорнейшим слугой

князь Церетелев

Помета А. Б. Лобанова-Ростовского: Г-ну Ону.

1. См. газету «Марица» № 53 от 30 января 1879 г. В данном случае газета исходила из соображения, что для будущего управления Восточной Румелии будут необходимы болгарские кадры интеллигенции. Однако К. Стоилов, как и другие болгары родом из Фракии, остался в княжестве Болгарии.

1879 г. не позднее февраля 8*.— Отношение Н. К. Гирса А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости не допускать протестов против решений Берлинского конгресса в Болгарии и о невмешательстве делегатов европейских держав в работу Учредительного собрания¹

№ 4

Я имел честь получить секретное отношение вашего сиятельства от 13 января за № 135** и счел долгом повергнуть его чрез государственного канцлера на воззрение государя императора.

В ответ на него поспеваю сообщить вам, милостивый государь, следующие сообщения и указания Министерства иностранных дел, удостоившиеся высочайшего одобрения.

Вашему сиятельству уже известно о твердо принятом решении государя императора соблюсти постановления Берлинского трактата касательно будущего устройства Болгарского княжества и Восточной Румелии.

Решение это остается неизменным, и потому министерство не может отнестись иначе, как с полным одобрением к принятому вами намерению не допускать, по возможности, со стороны болгар никаких манифестаций или протестов против решений Берлинского конгресса. Подобный образ действий болгар княжества или Восточной Румелии привел бы только к усложнению настоящего положения дел без всякой существенной пользы и отдалил бы на неопределенное время срок введения в обеих частях Болгарии гражданского порядка на новых началах. Но тем не менее министерство, согласно с выраженным вами мнением, в видах успокоения возбужденных умов в среде болгар находит возможным не отказывать выборным болгар в принятии вами от них некоторых заявлений политического характера, особенно если заявления эти будут сделаны в умеренной и сдержанной форме; но при этом вы, конечно, не преминете дать понять выборным, что все попытки со стороны болгар к изменению в настоящее время порядка вещей, установленного Берлинским трактатом для обеих Болгарий, были бы бесплодны ввиду принятого императорским правительством решения согласоваться в своих действиях с постановлениями этого трактата и что подобные попытки задержали бы только на первых порах дело возрождения болгарской национальности, между тем как в интересах самих болгар княжества было бы спешить с этим делом, чтобы представить Европе обязательные доказательства способности народа к восприятию новых форм гражданского устройства на начале самоуправления и этим путем привести ее к сознанию неудобств положения, созданного трактатом для Восточной Румелии.

Как вы изволите видеть, относительно сей последней части Болгарии, императорское правительство не изменило прежнего своего взгляда. Не желая оказывать какую-либо поддержку объединительным стремлениям болгар Румелии, оно озабочивается главным образом скорейшим введением в ней нового устройства и образования милиции для поддержания, в случае надобности, внутреннего порядка.

Что касается до выраженного вами опасения, что избрание болгарского князя может задержаться вследствие того соображения, что устав княжества должен быть предварительно подвергнут санкции держав и султана, то я считаю долгом повторить вам по этому случаю те же объяснения, которые я уже имел честь сообщить вам в бытность вашу в Ливадии.

* Датируется по документам дела.

** См. примечание к док. 276, а также «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 6. СПб., 1907, стр. 10—16.

Ни в Берл[инском] трактате, ни в протоколах его нигде не упомянуто о том, что Органический устав Болг[арского] княжества д[олжен] б[ыть] предварительно приведения его в исполнение утвержден державами и султаном. Хотя по трактату делегатам евр[опейских] держав и турецкому комиссару предоставлено наблюдение за действиями императорского комиссара, но им не дано права вмешательства в дела Народного собрания Болгарского княжества при составлении им Органического устава и при избрании князя. Поэтому деятельность упомянутых делегатов и турецкого комиссара относительно Болг[арского] собрания должна, по мнению министерства, ограничиваться только наблюдением за тем, чтобы к Органическому уставу применены были в точности постановления 5-й ст. Берлинского трактата, и сообщением вам или посольствам в Константинополе замечаний на выработываемый устав, так что при таких условиях едва ли может последовать какая-либо задержка в назначенном вами сроке для созыва Народного собрания, долженствующего избрать князя.

Вопрос о том, будет ли наш делегат допущен к участию в комиссии делегатов других держав с правом голоса, еще не выяснен окончательно, но в ожидании разъяснения его министерство пригласило посла нашего в Константинополе предложить действительному с[татскому] с[оветнику] Давыдову официально заявить о своем назначении делегатом. Если ему отказано будет в праве голоса или если комиссия, образованная без его участия, пригласила бы его дать ей какие-либо разъяснения, действительному с[татскому] с[оветнику] Давыдову предписывается категорически отказаться от исполнения подобного требования, как несогласного с достоинством нашим, но воздержаться пока от объявления, что мы не будем признавать решений комиссии, которые постановлены будут без участия нашего делегата.

В отношении вашем, вы, между прочим, сообщаете также, что предполагаете тотчас после открытия собрания болгарских выборных в Тырнове выехать из этого города и предпринять поездку по придунайской части Болгарии.

Министерство предоставляет вполне усмотрению вашему решить, насколько это будет удобно, в полной уверенности, что вы не замедлите возвратиться в Тырнов, лишь только присутствие ваше там окажется необходимым.

В заключение считаю долгом сообщить вашему сиятельству, что министерство так же, как и вы, озабочивается судьбою Македонии, в которой продолжает, как видно из отношения вашего, господствовать анархия. В силу 23-й ст. Берл[инского] трактата Порты обязалась выработать и для этой провинции Органический устав, сходный с уставом, выработанным в 1868 г. для острова Крита. Устав этот в числе других должен поступить на рассмотрение Румелийской комиссии по окончании ею настоящих работ. Мы имеем уже из Лондона сведения о том, что великобританское правительство смотрит именно так на дело будущей организации Македонии, и потому мы не преминем своевременно возбудить этот вопрос.

Революция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ГА, I-1, д. 55, лл. 19—25 об. Отпуск.

1. Это очень важный документ, характеризующий позицию русского правительства в отношении разделения Сан-Стефанской Болгарии на три части. Не будучи в силах противостоят решениям Берлинского конгресса, русское правительство стремилось максимально облегчить положение Южной Болгарии, о чем свидетельствовали усилия А. А. Шепелева и А. Н. Церетелева в Европейской комиссии (см. 43, стр. 254—255).

1879 г. февраля 9. — Телеграмма Д. А. Милютина Э. И. Тотлебену с указанием наблюдать за действиями русской администрации в Болгарии и Восточной Румелии¹

№ 335

Шифром: Государю императору угодно, чтобы ваше высокопревосходительство на то время, пока будете находиться на Балканском полуострове, имели высшее наблюдение за точным исполнением высочайшей воли по организации и управлению Болгарии и Восточной Румелии, согласно данным князю Дондукову инструкциям*.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7913, л. 88. Отпуск.

1. Телеграмма была послана Д. А. Милютиным перед открытием Тырновского собрания в связи с опасениями в Министерстве иностранных дел «какой-либо демонстрации, которая может расстроить весь план действий; недоверие к самому князю Дондукову заставило государя поручить генералу Тотлебену иметь высшее наблюдение за точным исполнением данных императорскому русскому комиссару инструкций» (см. 57, стр. 119).

1879 г. февраля 10 (22). — Письмо А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о настроениях делегатов Учредительного собрания накануне его открытия**

Tyrnovo

J'ai déjà été plus d'une fois dans le cas de signaler à votre excellence les dispositions de la nation bulgare relativement à l'exercice de leur droit d'élaborer un Statut organique pour la principauté de Bulgarie et d'élire un prince. Depuis longtemps déjà il était question de renoncer à ce double droit pour ne pas sanctionner le traité de Berlin et pour protester par une pareille abstention contre les décrets de l'Europe. Toutefois, ce n'était là l'opinion que d'un petit nombre d'écervelés¹, et l'on avait tout lieu d'espérer qu'on aurait facilement raison de leur résistance lorsque le moment serait venu. En dernier lieu, cependant, cette disposition de l'opinion publique s'accentua davantage; des excitations venant de Macédoine et surtout de la Roumélie Orientale poussaient les Bulgares à ne pas se constituer tant que ces deux provinces resteraient sous la domination directe du sultan***. Il s'agissait de prolonger autant que possible le statu quo actuel en Bulgarie dans l'espoir que des événements imprévus amèneraient un nouveau conflit sur la péninsule des Balkans et que les aspirations nationales des Bulgares triompheraient alors des difficultés qu'on opposait à leur réalisation. De Sofia, où l'action modératrice du gouvernement s'exerce plus directement, il m'était difficile, sinon impossible, de juger en combien la nation pouvait préférer les éventualités d'une résistance passive aux résultats déjà acquis et auxquels il ne s'agissait que de donner un corps en élaborant un Statut organique et en offrant la couronne à un prince librement élu; il me semblait que les gens sensés étaient en majorité et qu'il n'y avait pas trop à se préoccuper de quelques démonstrations patriotiques qui pourraient se produire pendant les travaux de l'assemblée. Aussi, fus-je très surpris en arrivant avant hier soir à Tyrnovo, d'apprendre que les députés,

* «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 3. СПб., 1904, стр. 288—297; док. 265.

** См. док. 264, 291 и примечание к нему.

*** См. В. Д. К о н о б е е в. Борьба болгарского народа за национальную независимость в 1877—1878 гг. «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М., 1953, стр. 120—121; И. В. К о з ъ м е н к о. Первоначальные проекты Тырновской конституции. Там же, стр. 254—256; Г. Д. Т о д о р о в. Временното руско управление в България през 1877—1879. София, 1958, стр. 302—431.

dans des conférences préliminaires, avaient décidé d'empêcher à tout prix l'ouverture de l'assemblée. Il paraît qu'à ces réunions, auxquelles avaient été admis les soi-disant députés de Thrace et de la Macédoine, on avait tenu les propos les plus extravagants; tous ceux qui s'avisèrent de parler le langage de la raison avaient été traités d'espions turcs et de traîtres. La seule concession qu'on semblait disposé à faire, c'était de laisser ouvrir l'assemblée à condition que les représentants de la Roumélie Orientale et de la Macédoine y soient admis à titre de députés*.

Le prince Dondoukow, arrivé à Tyrnovo en même temps que moi, passa sa soirée et la matinée du lendemain à recevoir les membres du haut clergé bulgare, les députés influents de toute nuance et les autorités locales. Le grand ascendant qu'exerce le commissaire impérial sur les Bulgares ne tarda pas à produire son effet; dès le milieu de la journée je fus à même de télégraphier à votre excellence que la disposition des esprits était plus satisfaisante. En effet, on avait abandonné toute idée de résistance à l'ouverture de l'assemblée, et on avait renoncé à l'absurde exigence de l'admission des rouméliotes et des macédoniens aux travaux d'élaboration du Statut organique. La journée solennelle pour la Bulgarie du 10 Février², d'où elle pourra dater son existence politique, a raffermi les bonnes dispositions qui, il faut l'espérer, iront en s'améliorant encore. J'ai la conviction pour ma part que c'est l'élément modéré qui domine dans l'assemblée; si on s'est laissé aller à des exagérations de langage, c'est qu'on a été entraîné par quelques énergumènes qui ont habilement exploité le désir général en Bulgarie de voir se prolonger notre occupation dans le pays.

Je ne m'aventurerai pas toutefois à prédire que nous arriverons à la clôture de la session sans nouvelles alertes et sans tentatives de provoquer dans l'assemblée des démonstrations politiques. Je crois que tout dépendra des événements dans la péninsule Balkanique. Si des massacres avaient lieu en Macédoine ou dans les régions réoccupées par les Turcs après le départ de nos troupes, ou bien s'il se produisait quelque fait qui serait interprété comme une menace contre la sécurité à venir de la principauté, le prince Dondoukow aurait bien de la peine à maintenir les députés dans la voie de la légalité.

Pour le moment, les représentants de la nation bulgare, sous l'impression des solennités émouvantes de la journée, ne sont pénétrés que d'un seul sentiment, celui d'une reconnaissance sans bornes pour leur auguste bienfaiteur, l'armée et le peuple russe, et sont sincèrement désireux d'observer une attitude correcte et de ne point susciter d'embarras par des démonstrations stériles. En tout cas, les extravagances qui ont été débitées dans des conférences particulières ne se reproduiront pas dans les séances de l'assemblée³.

J'ai l'honneur d'être, etc.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3249, лл. 149—151. Копия. Литографированный экземпляр.

Перевод
Тырново

Я неоднократно имел случай сообщать вашему высокопревосходительству о настроениях болгарского народа в связи с осуществлением его права выработать Органический статут для Болгарского княжества и избрать князя. Давно уже поднят вопрос об отказе от этих прав, чтобы тем самым не санкционировать Берлинский трактат и таким образом протестовать против постановлений Европы. Однако это было всего лишь мнением немногих безумцев¹, и имелось полное основание надеяться, что нетрудно будет в подходящий момент сломить их сопротивление. Тем не менее за последнее время это направление общественного мнения еще более усугубилось; волнение, охватившее Македонию и особенно Восточную Румелию, побудило болгар не составлять конституцию до тех пор, пока обе эти провинции остаются под непосредственной властью султана. Речь шла о том, чтобы, насколько возможно, продлить в Болгарии нынешний status quo в надежде, что непредвиденные события приведут к новому конфликту на Балканском полуострове и что национальные устремления болгар восторжествуют тогда над трудностями, препят-

* См. примечание к док. 292.

ствующими их осуществлению. Поскольку я находился в Софии, где умиротворяющая деятельность правительства проявляется более непосредственно, мне было трудно или просто невозможно судить, каким образом нация может предпочесть случайности пассивного сопротивления уже достигнутым результатам, которые оставалось лишь воплотить на деле, выработав Органический устав и предложив корону свободно избранному князю; мне казалось, что здравомыслящие люди находятся в большинстве и что не стоит чрезмерно беспокоиться из-за нескольких патриотических демонстраций, которые могли бы произойти во время работ собрания; поэтому я был очень удивлен, когда позавчера, приехав в Тырново, узнал, что депутаты на предварительных совещаниях решили во что бы то ни стало помешать открытию собрания. По-видимому, на этих собраниях, куда были допущены так называемые депутаты из Фракии и Македонии, произносились самые сумасбродные речи; на тех же, кто имел смелость говорить разумным языком, смотрели как на турецких шпионов и предателей. Единственная уступка, на которую они, по-видимому, готовы, это допустить открытие собрания при условии, что представители Восточной Румелии и Македонии будут в него допущены в качестве депутатов.

Князь Дондуков, прибывший в Тырново в то же время, что и я, вечером и утром следующего дня принимал членов высшего болгарского духовенства, влиятельных депутатов всех оттенков и местные власти. Огромное влияние императорского комиссара на болгар не замедлило сказаться; уже с середины дня я смог телеграфировать вашему высокопревосходительству, что настроение умов стало более удовлетворительным. В самом деле, уже отказались от всякой мысли сопротивления открытию собрания и от нелепого требования допустить румелиотов и македонцев к выработке Органического статута. Торжественный для Болгарии день 10 февраля², который она может считать началом своего политического существования, укрепил те положительные настроения, которые, надо надеяться, будут продолжать усиливаться. Я со своей стороны убежден в том, что именно умеренный элемент преобладает в собрании; если же в произнесенных речах были допущены некоторые преувеличения, то потому, что люди были увлечены несколькими одержимыми, которые умело использовали общее для всех болгар желание продления нашей оккупации.

Однако я не осмеливаюсь предсказывать, что мы придем к закрытию сессии без новых тревожений и попыток спровоцировать в собрании политические демонстрации. Я думаю, что все будет зависеть от событий на Балканском полуострове. Если после ухода наших войск произойдет резня в Македонии или в районах, вновь оккупированных турками, или же если случится какое-нибудь событие, в котором увидят угрозу безопасности княжества, князю Дондукову будет весьма трудно удержать депутатов в рамках законности.

В настоящий момент представители болгарской нации под впечатлением волнующих торжеств сегодняшнего дня проникнуты лишь чувством безграничной благодарности к своему августейшему благодетелю, к русской армии и русскому народу и искренне желают соблюдать корректность и не вызывать затруднений бесплодными демонстрациями. Во всяком случае, те эксцессы, которые имели место на частных собраниях, не повторяются на заседаниях ассамблей³.

Имею честь быть и пр.

1. Так называет А. П. Давыдов представителей партии «крайних».

2. День открытия Учредительного собрания в Тырново.

3. Предположения А. П. Давыдова не оправдались. После торжественного открытия Народного собрания начались совещания депутатов, борьба между «крайними» и «умеренными» (см. 90, стр. 211—217).

№ 283

1879 г. февраля 12. — Предписание Г. И. Шигорина Самоковскому городскому совету о выводе за пределы города скотобоен и кожевенных заводов для улучшения его санитарного состояния

№ 275

Самоков

По заповедта на г-на софийский губернатор, от 8 сего февруарий под № 833 с приложени при нея два екземпляра от циркулярът, издаден от Управлението на императорский российский комисар в България, по отделът на вътре-

пните дела от 3 сего февруарий под № 381 * относително за преместванието извън градът на съществуващите в неговият център касапници и заводи за обработка на кожи (табахани), а също и за дезинфектированieto (очистването с миене и проветриване) и совершенното унищожение, в случай на негодност, на помещенията, занети от казаните касапници и заводи, като изпращам, при настоящето, съвету един екземпляр на руский язык от гореозначеный циркуляр, предлагам му да се распоряди за неговото изпълнение в точност, като незабавно възпре обработването в упоменатите кожени заводи на нов материал освен тоя, който вече е захванат да се обработва. При това съветът да извести владелците на упоминаемите касапници и заводи да си устроят други извън градската черта по течението на реката, по-доле от жилищата градски, в които живеят человети.

За последующето при изпълнението на гореизложеното, да ми се събщи непременно в краят на текущий месец февруарий.

Подполковник Шигорин
Секретар Г. Капанов

СТОДА, ф. 41 К, д. 634, л. 7. Подлинник.

№ 284

1879 г. феврала 13. — Денеша Министерства иностранных дел А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости добиваться гарантии автономии Восточной Румелии и активизировать с этой целью работу Европейской комиссии

№ 6

Livadia

Les rapports de notre consul général à Philippopolis et les travaux de la Commission européenne siégeant dans cette ville ont attiré l'attention du ministère impérial sur les affaires de la Roumélie Orientale.

Les questions qui concernent cette province augmentent en importance, à mesure que le terme de notre évacuation définitive, fixé par le traité de Berlin, se rapproche.

Votre excellence a déjà été chargée de se concerter avec le général Todtleben sur les mesures les plus propres à prévenir les désordres, qui pourraient éclater à la suite de la retraite de nos troupes**. Elle ne manquera pas, sans doute, de donner à nos agents en Roumélie Orientale toutes les directions désirables pour les mettre à même de concourir à ce but en y préparant le terrain local.

En thèse générale, le fonctionnement assuré des institutions autonomiques promises aux Rouméliotes par le traité de Berlin, et dont la commission de Philippopolis s'occupe en ce moment, serait incontestablement le meilleur gage de l'ordre et de la tranquillité du pays après notre évacuation. Nos troupes pourraient alors se retirer en abandonnant au nouveau régime sanctionné par l'Europe le soin de veiller à la sécurité intérieure.

Mais pour obtenir ce résultat il faudrait activer, en tant que cela dépendra de nous, les travaux de la Commission européenne pour la Roumélie Orientale.

Les protocoles de cette commission constatent que ses travaux sont déjà assez avancés. Les chapitres concernant le droit public de la province, les droits des citoyens, le gouverneur-général, l'administration centrale et l'assemblée provinciale ont été examinés et adoptés presque en entier. Les dispositions relatives à la gendarmerie locale viennent d'être élaborées par une sous-commission.

Cependant nos commissaires ont réservé leurs votes sur certains points des lois organiques susmentionnées.

* См. то же дело, л. 8.

** См. АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 42, лл. 9—12; док. 298.

Ces points sont au nombre de deux: celui qui vise la destination de la milice locale en temps de guerre et celui qui règle le nombre des membres de l'assemblée provinciale nommés par le gouverneur-général.

Nos délégués ont protesté contre l'emploi éventuel de la milice rouméliote à la défense du territoire ottoman en Europe. Ils n'ont pas accepté l'amendement du commissaire français réduisant à 12 le chiffre des membres de l'assemblée provinciale, nommés par le gouverneur-général, primitivement fixé à 18, et ils ont insisté pour que le nombre de ces membres ne soit pas au-dessus de 8.

Sans contester la portée locale des considérations que nos commissaires ont fait valoir à l'appui de leurs opinions, nous ne saurions toutefois voir dans ces 2 questions un obstacle insurmontable à une entente définitive. La valeur d'une milice rouméliote comme force militaire nous semble sujette à caution, et la première mesure de la Porte, en cas de guerre sur sa frontière européenne serait probablement de la désarmer. L'éventualité d'une guerre pareille nous paraît elle-même fort éloignée. Il nous semble d'autre part que quatre membres de plus ou de moins, laissés à la nomination du gouverneur-général dans l'assemblée provinciale, n'en modifierait pas essentiellement le caractère.

En se plaçant à ce point de vue, nous pourrions abandonner à nos commissaires la faculté de se rallier à leurs collègues étrangers dans les questions de la milice et de l'assemblée provinciale s'il leur est impossible d'obtenir des transactions raisonnables, afin de hâter la conclusion des travaux de la commission.

Ce dernier résultat aurait d'autant plus d'importance à nos yeux qu'une organisation de la Roumélie Orientale approuvée par les Puissances, signataires du traité de Berlin, peut seule constituer la base légale de l'existence autonome de cette province. Mais ces concessions nous donneraient le droit d'insister sur les garanties accordées aux populations locales par l'Europe et de demander leur application sérieuse en pratique.

C'est là, à nos yeux, le point essentiel. Quelque imparfaite qu'elle soit, l'organisation de la province peut porter des fruits utiles pour la paix présente et le développement de l'avenir du pays, si l'exécution en est efficacement garantie. En cas contraire, tous les perfectionnements qu'on chercherait à y apporter seraient sans valeur pratique. Nous voudrions voir nos délégués se placer constamment sur ce terrain dans les débats qu'ils auront encore à soutenir au sein de la Commission européenne dont ils font partie.

Il ne nous semble pas inutile d'ajouter en même temps quelques mots sur deux autres questions dont nos délégués ont spécialement entretenu le ministère impérial: celle du contrat Maréchal*¹, et celle des garnisons turques dans les Balkans**.

Nos délégués prévoient que la Commission européenne discutera encore une fois la première de ces deux questions à propos des frais de notre occupation et nous demandent des instructions pour ce cas. Votre excellence trouvera ci-joint copie d'une dépêche adressée au comte Schouvalow sur le contrat Maréchal en réponse à une dépêche de lord Salisbury à ce sujet communiquée par lord A. Loftus***. Cette pièce vous mettra au courant de nos arguments pour défendre notre administration locale en Bulgarie. Quant à l'attitude que nos commissaires auront à assumer, il leur appartiendra de la régler sur les intérêts de cette administration en adoptant la ligne de conduite qui leur paraîtra le mieux concilier ces intérêts avec les droits et les attributions de la Commission européenne.

Quelques-uns des commissaires étrangers ayant abordé dans leurs conversations privées la clause du traité de Berlin concernant les garnisons turques dans les Balkans, le prince Tzérételew s'est borné à répondre que cette question était du domaine des relations directes entre cabinets et ne pouvait être débattue qu'entre eux****. Tout en approuvant entièrement la réserve de notre consul

* См. док. 141 и прим. 1 к нему; док. 143.

** АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 38—39 об.

*** См. АВПР, ф. ГА, 1-1, д. 55, лл. 36—37.

**** См. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 38—39 об., 70—71.

général à Philippopolis dans cette circonstance, nous ne pouvons que l'engager à continuer de nous transmettre, à titre d'information, tout ce que ses collègues étrangers auraient à lui communiquer sur la matière susmentionnée.

Резолюция Александра II: Быть по сему.
АВПР, ф. ГА, I-1, д. 55, лл. 30—35. Отпуск.

Перевод
Ливадия

Донесения нашего генерального консула в Филиппополе и работа Европейской комиссии, заседающей в этом городе, привлекли внимание императорского министерства к обстановке в Восточной Румелии.

Вопросы, касающиеся этой провинции, приобретают все большее значение по мере приближения срока нашей окончательной эвакуации, определенного Берлинским трактатом.

Вашему высокопревосходительству уже было поручено договориться с генералом Тотлебенем о принятии мер, наиболее способных предотвратить беспорядки, могущие возникнуть после ухода наших войск. Ваше высокопревосходительство, разумеется, не преминете дать нашим представителям в Восточной Румелии все необходимые распоряжения, чтобы они подготавливали местную почву для достижения этой цели.

Вообще говоря, обеспечение функционирования автономных учреждений, обещанных румелиотам Берлинским трактатом, которыми в настоящее время занимается филиппопольская комиссия, явилось бы, несомненно, наилучшим залогом установления порядка и спокойствия в стране после нашей эвакуации. Наши войска могли бы тогда уйти, представив новому режиму, получившему санкцию Европы, заботу о внутренней безопасности страны.

Но для достижения этого результата нужно активизировать, насколько это от нас зависит, работу Европейской комиссии по Восточной Румелии.

Протоколы этой комиссии показывают, что ее работа уже значительно продвинулась вперед. Главы о публичном праве провинции, правах граждан, генерал-губернатора, центральной администрации и областного собрания были рассмотрены и приняты почти полностью. Подкомиссия только что выработала постановления относительно местной жандармерии.

Тем не менее наши комиссары отказались голосовать по некоторым пунктам вышеупомянутых статей Органического статута.

Этих пунктов два: пункт, касающийся функций местной милиции во время войны, и пункт, регулирующий число членов областного собрания, назначаемых генерал-губернатором.

Наши делегаты выразили протест против возможного использования румелийской милиции при защите оттоманской территории в Европе. Они не согласились на поправку, предложенную французским комиссаром, согласно которой число членов областного собрания, назначаемых генерал-губернатором, первоначально установленное в 18 человек, сокращено до 12 человек, и добились того, чтобы их число не превышало 8.

Не оспаривая значения соображений, выдвигаемых нашими комиссарами в поддержку наших взглядов, мы не видим, однако, в этих двух вопросах непреодолимого препятствия к достижению окончательного соглашения. Значение румелийской милиции как военной силы нам кажется сомнительным, и первой мерой, которую примет Порта в случае войны на ее европейской границе, будет, по всей вероятности, разоружение милиции. Сама возможность подобной войны нам представляется весьма отдаленной. Нам кажется, с другой стороны, что если генерал-губернатор назначит в областное собрание на четыре человека больше или меньше, то от этого его характер существенно не изменится.

Придерживаясь этой точки зрения, мы могли бы предоставить нашим комиссарам право присоединиться к своим иностранным коллегам в вопросах о милиции и областном собрании, если они не смогут прийти к разумным компромиссным решениям для того, чтобы ускорить окончание работ комиссии.

Мы считаем, что этот последний результат особенно важен, так как сам факт согласия держав на организацию Восточной Румелии может явиться законным основанием

автономного существования этой провинции. Но эти уступки дали бы нам право настаивать на предоставлении местному населению гарантии со стороны Европы и требовать их серьезного осуществления на практике.

В этом, по нашему мнению, заключается основной пункт. Как бы ни была несовершенна организация провинции, она сможет принести пользу делу мира и будущему развитию страны, если выполнение ее будет действенным образом гарантировано. В противном случае все попытки ввести усовершенствования не имели бы практического значения. Было бы желательно, чтобы наши делегаты постоянно придерживались этой позиции в дебатах, предстоящих им в Европейской комиссии, в состав которой они входят.

Нам кажется полезным добавить при этом несколько слов о двух других вопросах, на которые наши делегаты обращали особое внимание императорского министерства: по вопросу о контракте с Марешалем¹ и о турецких гарнизонах на Балканах.

Наши делегаты предвидят, что Европейская комиссия будет снова обсуждать первый из этих вопросов в связи с нашими издержками по оккупации, и просят наших инструкций по этому поводу. Ваше высокопревосходительство найдете при сем копию депеши, направленной графу Шувалову относительно контракта с Марешалем в ответ на депешу лорда Солсбери по этому вопросу, переданную лордом А. Лофтусом. Этот документ введет вас в курс наших доводов в защиту нашего местного управления в Болгарии. Что касается позиции, которую должны занять наши комиссары, им надлежит согласовать ее с интересами этого управления, избрав такую линию поведения, которая им покажется наиболее приемлемой как с точки зрения интересов управления, так и с точки зрения прав и компетенций Европейской комиссии.

После того как некоторые иностранные комиссары затронули в своих частных беседах положение Берлинского трактата о турецких гарнизонах на Балканах, князь Церетелев ограничился ответом, что этот вопрос относится к области прямых отношений между кабинетами и может быть решен только ими. Полностью одобряя позицию нашего генерального консула в Филиппополе в подобных обстоятельствах, мы можем лишь просить его продолжать передавать в качестве информации все то, что его иностранные коллеги ему сообщают по данным вопросам.

1. Имеется в виду контракт, заключенный по решению Совета российского комиссара в сентябре 1878 г. между М. А. Домонтовичем (в качестве уполномоченного А. М. Дондукова-Корсакова) и французским купцом Марешалем, о покупке последним зерна, которое должно поступить в качестве десятинного налога с населения Филиппопольской и Сливенской губерний в 1878 г.; условия Марешала были весьма выгодны для казны. Подробности об условиях контракта см. док. 143; решения Совета российского комиссара см. АВПР, ф. Управление российского комиссара в Болгарии, д. 13, лл. 41—44 об.

Члены Европейской комиссии по Восточной Румелии (в частности, английский) рассматривали это как сдачу в аренду доходов Восточной Румелии и тем самым как посягательство русских властей на права Европейской комиссии в области финансового управления. Русские же власти рассматривали эту сделку как способ реализовать урожай и вернуть русскому правительству часть денег за содержание болгарского войска и русского оккупационного отряда в Румелии (см. 80, вып. 5, стр. 201, 238—244; 61, стр. 276).

№ 285

1879 г. февраля 13. — Письмо А. М. Горчакова П. А. Шувалову о необходимости выяснить позицию Англии относительно гарантий автономии Восточной Румелии и о пребывании английского флота в Мраморном море.*

Ma lettre du jour était écrite lorsque votre expédition confiée au lieutenant Poretchkine nous est parvenue.

Elle a produit sur l'esprit de l'empereur une impression aussi mauvaise que possible. Sa majesté a daigné approuver le langage que vous avez tenu¹.

Pour le moment, il est clair que la disposition hargneuse du gouvernement anglais et en particulier du marquis de Salisbury persiste.

* См. док. 295.

Vous trouverez dans les pièces du dossier de nombreux arguments pour lui démontrer la parfaite rectitude des actes du cabinet impérial et de ses agents. Vous verrez entre autres par les rapports du prince Tsérételew combien sa conduite est loin de justifier les accusations de lord Salisbury.

Vous en tirerez le meilleur parti possible. Mais il n'y a pire sourd que celui qui ne veut pas entendre.

Il est difficile de discerner dans l'attitude des Anglais ce qui doit être attribué à la ténacité des préventions et des rancunes personnelles, et ce qui se rattache à des calculs politiques ².

Nous ne saurions en tout cas nous laisser prendre à ses allusions à une période de 10 à 15 ans à assigner à la séparation de la Bulgarie. Nous croyons volontiers que si, durant ce temps d'épreuve, les Bulgares se montraient dociles à l'influence britannique et disposés à lui servir d'instrument dans son hostilité contre la Russie, comme les Grecs et le Roumains le sont devenus entre ses mains, le gouvernement anglais serait assez disposé à satisfaire leurs aspirations à l'unité nationale.

Mais ce serait un étrange moyen de les préparer à témoigner de leur vitalité politique que de les replacer en attendant sous les brutalités de l'oppression turque ³.

Or toutes les idées suggérées par le marquis de Salisbury ne tendent pas à autre chose. Je ne veux pas parler de la combinaison de garnisons turques en Roumélie ⁴. Elle a le premier inconvénient d'être en contradiction formelle avec le traité de Berlin, et cela prouve une fois de plus le cas que l'Angleterre fait des transactions qu'elle a signées, toutes les fois qu'elles dérangent ses calculs.

Mais il interprète à sa façon les paroles ambiguës dues à la rédaction de Mr. Waddington, quant au droit du gouverneur-général de la Roumélie Orientale d'appeler les troupes turques «sauf à porter cette mesure à la connaissance des cabinets ainsi que les motifs qui la justifient», cette interprétation ne tend à rien moins qu'à anéantir d'un coup toutes les garanties d'autonomie stipulées en faveur de cette province.

C'est là un danger des plus sérieux. Rien en effet ne serait plus facile au gouverneur-général que de provoquer des désordres qui l'obligeraient à faire entrer les troupes turques en Roumélie. Toute l'œuvre de transaction pacifique accomplie par l'Europe à Berlin reste donc livrée à l'arbitraire ottoman.

Il nous semble que si les cabinets veulent sérieusement l'exécution de cette œuvre, afin de mettre les Bulgares à même de montrer leur maturité politique, leur premier soin devrait être précisément de les soustraire aux caprices sanguinaires des Turcs. Ce but pourrait être atteint sans sortir du traité de Berlin, en élargissant le droit de contrôle de l'Europe sur les *motifs* qui pourraient justifier l'entrée des troupes ottomanes.

Mais dans les dispositions actuelles du marquis de Salisbury, il est douteux que ces précautions, de même que l'ajournement suggéré par sir Drummond Wolff lui-même de l'occupation des Balkans, aient chance d'être admises.

Nous attendrons l'arrivée de lord Dufferin pour apprécier ce que nous avons à attendre du gouvernement anglais. Vos impressions sur le nouvel ambassadeur sont rassurantes; il en est de même de ses antécédents.

Vous avez bien fait de l'encourager à aborder franchement les questions qui nous divisent. Nous lui répondrons avec la même franchise. Dans tous les cas nous tâcherons de faire jaillir la lumière sur une situation qui ne peut pas rester indéfiniment dans les ténèbres actuels.

Un des points qui demandent une solution immédiate, c'est la présence de l'escadre anglaise dans la mer de Marmara.

Motivée dans l'origine par la nécessité de protéger les résidents anglais, elle a été prolongée sous le prétexte de la proximité de nos troupes de Constantinople. Actuellement nos troupes, déjà éloignées de leurs lignes primitives, se retirent définitivement, et nous ne sachons pas que la sécurité des résidents anglais soit en péril.

Le moment est donc venu d'interpeller le cabinet de Londres sur ses intentions à cet égard.

Notre auguste maître vous en réserve le soin. Nous ne manquerons pas d'en parler à lord Dufferin et au besoin, d'en appeler aux décisions de l'Europe.

L'empereur approuve votre choix quant à l'alternative qui vous avait été réservée d'aborder ou non les explications sur l'expédition projetée dans la steppe Turcomane. C'était aussi notre idée.

Il n'entre pas dans les intentions de sa majesté de hâter la mesure. Mais elle doit être réglée d'après la saison, et le printemps est le moment favorable. Or, nous n'en sommes pas loin ⁵.

Si d'ici là, la paix pouvait être conclue, ce serait pour le mieux. Peut-être la maladie qui met en danger la vie de Shir-Ali-Khan servira-t-elle à l'accélérer ⁶. Toutefois, il est possible que cet espoir soit déçu ou que le bruit de nos préparatifs transpire. Nous devons donc nous tenir prêts à répondre aux interpellations probables du gouvernement anglais.

Recevez. . .

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 80, лл. 138—142. Отпуск.

Перевод

Мое сегодняшнее письмо уже было написано, когда мы получили вашу почту, отправленную с лейтенантом Поречкиным.

Она произвела на императора самое плохое впечатление. Его величество соблаговолил одобрить тон, которого вы придерживались ¹.

В настоящий момент очевидно, что английское правительство, особенно маркиз Солсбери, все еще пребывают в злобном настроении.

Вы найдете в документах досе многочисленные доводы, доказывающие совершенную справедливость действий императорского кабинета и его представителей. Вы увидите, между прочим, из донесений князя Церетелева, насколько его поведение не дает оснований для обвинений со стороны лорда Солсбери.

Вы извлечете из этого наибольшую пользу. Хуже глухого тот, кто не хочет слушать.

Трудно определить, насколько позиция англичан связана с упорными личными убеждениями и недоброжелательством и насколько с политическими расчетами ².

Мы не должны ни в коем случае поддаваться на их предложения о разделении Болгарии сроком на 10—15 лет. Мы охотно верим, что если за этот испытательный период выяснится, что болгары поддаются британскому влиянию и согласны служить орудием враждебных действий против России, каким стали греки и румыны в руках Англии, то английское правительство было бы весьма склонно удовлетворить их стремление к национальному единству.

Но это был бы странный способ дать им возможность проявить свою политическую жизнеспособность, снова поставив их под власть жестокого турецкого режима ³.

Но все высказанные лордом Солсбери идеи приводят именно к этому. Я не хочу говорить о комбинации с турецкими гарнизонами в Румелии ⁴. Ее неудобство прежде всего в том, что она формально противоречит Берлинскому трактату, а это еще раз доказывает, что Англия выполняет подписанные ею соглашения только в том случае, когда ее расчеты не оправдываются.

Но лорд Солсбери по-своему истолковывает двусмысленную редакцию г-на Ваддингтона относительно права генерал-губернатора Восточной Румелии призвать турецкие войска «при условии доведения этой меры, как и вызвавших ее причин, до сведения кабинетов»; эта интерпретация стремится не к чему иному, как к уничтожению одним ударом всех гарантий автономии, оговоренных в пользу этой провинции.

Именно в этом состоит наиболее серьезная опасность. В самом деле, для генерал-губернатора ничего нет легче, чем вызвать беспорядки, которые бы побудили его ввести в Румелию турецкие войска. Таким образом, умиротворение страны, предусмотренное решением Европы в Берлине, предоставляется оттоманскому произволу.

Нам кажется, что если бы кабинеты серьезно стремились к осуществлению этой задачи, чтобы дать болгарам возможность проявить свою политическую зрелость, то первой их заботой должна была бы быть именно защита болгар от произвола турок. Этого

можно достигнуть в рамках Берлинского трактата, если расширить права европейского контроля в отношении *причин*, которые могли бы *оправдать* введение турецких войск.

Но при нынешних настроениях маркиза Солсбери сомнительно, чтобы эти меры предосторожности, так же как и предложенная самим сэром Друммондом Вольфом отсрочка оккупации Балкан, имели шансы быть принятыми.

Мы будем ждать приезда лорда Дюфферина, чтобы понять, чего нам следует ожидать от английского правительства. Ваши впечатления о новом после и его политическом прошлом успокоительны.

Вы хорошо сделали, что побудили его прямо заговорить о разделяющих нас вопросах. Мы ответим ему такой же откровенностью. Во всяком случае, мы попытаемся добиться прояснения ситуации, которая не может бесконечно оставаться неопределенной.

Присутствие английской эскадры в Мраморном море является одним из пунктов, требующих немедленного разрешения.

Оправдываемое вначале необходимостью защищать английских резидентов, это присутствие было продлено под предлогом близкого расположения наших войск к Константинополю. В настоящее время наши войска, уже удалившиеся от своих первоначальных линий, окончательно отступают, и нам неизвестно, чтобы английским резидентам грозила опасность.

Итак, пришло время запросить лондонский кабинет о его намерениях на этот счет.

Наш августейший повелитель возлагает на вас эту обязанность. Мы не преминем говорить об этом с лордом Дюфферином и, в случае необходимости, обратимся к решениям Европы.

Император одобряет ваш выбор относительно намечаемой экспедиции в Туркменскую степь. Таково и наше мнение.

В намерения его величества не входит спешить с этой мерой. Но она должна быть осуществлена в соответствии с временем года; весна была бы для этого благоприятна. Но до весны уже недалеко ⁵.

Если к тому времени может быть заключен мир, то тем лучше. Возможно, опасная для жизни болезнь Шир-Али-Хана ускорит заключение мира ⁶. Но возможно, что эта надежда не осуществится или что распространятся слухи о наших приготовлениях. Поэтому мы должны быть готовы ответить на возможные запросы английского правительства.

Примите. . .

1. Письмо А. М. Горчакова было ответом на донесение П. А. Шувалова от 30 января (11 февраля) 1879 г. из Лондона, в котором он сообщал о своих конфиденциальных беседах с Дизраэли, Солсбери и другими крупными английскими деятелями по вопросу о Болгарии. На этом донесении П. А. Шувалова — помета Александра II: «Все это хуже, чем можно предположить, и особенно конец. Что касается ответа Шувалова (langage), я не могу не одобрить его» (АПВР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 79, лл. 30—47 об.). Эта помета почти дословно приведена в начале данного письма Горчакова. Ниже приводятся выдержки из донесения Шувалова.

2. Английское правительство и его представитель в Европейской комиссии по Восточной Румелии Г. Друммонд Вольф неоднократно жаловались на действия А. М. Дондукова-Корсакова и А. Н. Церетелева (см., например, ноту английского посла в Петербурге П. К. Гирсу от 12 (24) октября 1878 г. — Там же, 1878 г., д. 58, лл. 16—19 об.), пытались их скомпрометировать, видя в них лиц, сочувствующих болгарам и стремящихся облегчить тяжелое положение, созданное в стране Берлинским трактатом. Солсбери в беседе с Шуваловым жаловался, что «такие агенты, как князь Дондуков и Церетелев, не могут одновременно выполнять трактат и держаться того тона, который они приняли в отношении европейских делегатов и болгар». П. А. Шувалов возражил, что этот тон был продиктован Александром II и не привел ни к каким осложнениям. Через несколько дней Солсбери заговорил с Шуваловым о возможности нового англо-русского соглашения и, между прочим, спросил, «почему бы не отозвать князей Дондукова и Церетелева, заменив их лицами, менее скомпрометированными их предыдущими действиями?» Шувалов ответил, что у русского правительства нет намерения отзываться названных лиц и заменять их теми, кто не в курсе дела (см. там же, 1879 г., д. 79, лл. 30—47 об.).

3. Солсбери заявил П. А. Шувалову, что Англия склонна допустить временный характер управления Восточной Румелией на срок от пяти до десяти лет. «За это время «турок» станет еще слабее, так как он должен умереть, а «болгарин», наоборот, покажет, способен ли он к самоуправлению и пользованию политическими правами. Таким образом, акт независимости и единства Болгарии произойдет на несколько лет позднее, и тогда Европа не будет иметь возражений для признания». П. А. Шувалов ответил, что лишь дурак принял бы во внимание эти иллюзорные комбинации, тем более что

«кто же может гарантировать чувства Европы после пяти лет, и особенно чувства Англии» (см. там же, лл. 40—41 об.). В ответе А. М. Горчакова дана трезвая оценка этого маневра англичан.

4. Речь идет о предложениях Солсбери дать генерал-губернатору Восточной Румелии право призывать на помощь турецкие войска. Русская сторона путем переговоров с турками добивалась от Турции отказа от применения ст. XVI Берлинского трактата, так как появление турок в Южной Болгарии могло бы вызвать взрыв возмущения населения. П. А. Шувалов пишет в своем донесении, что англичане предлагают, чтобы к каждому турецкому полку, направленному в Восточную Румелию, был придан европейский уполномоченный для предотвращения беспорядков и волнений среди болгарского населения.

5. В записке П. А. Шувалова речь шла о проекте русского наступления в Средней Азии в направлении Мерва.

6. В сентябре 1878 г. афганский эмир Шир-Али-Хан не принял британское посольство в Кабуле. Назревал военный конфликт между Англией и Афганистаном. В ноябре 1878 г. Англия объявила войну Афганистану. В январе 1879 г. Шир-Али отправился в Петербург, но тяжело заболел в пути (см. 57, стр. 119).

№ 286

1879 г. февраля 14. — Донесение русского консула в Фиуме А. Д. Петковича Н. К. Гирсу об устройстве в Загребе литературно-музыкального вечера, посвященного открытию Учредительного собрания

Во всей Австро-Венгрии, несмотря на многочисленность ее славянского населения, доходящего до 17 миллионов, существует, как известно, только один славянский университет, а именно университет в Загребе, открытый в 1874 г.

В числе слушателей этого университета находится также несколько болгарских уроженцев, воспитывающихся частью на свой счет, частью на выдаваемое им пособие из университетских сумм, назначенных на поддержку несостоятельных студентов.

Эти учащиеся в Загребе молодые болгары, желая ознаменовать чем-нибудь день открытия Болгарского Народного собрания в г. Тырнове и высказать при этом случае свои чувства благодарности России, жертвам коей болгарский народ обязан своим политическим возрождением, устроили накануне открытия этого собрания в одной из гостиниц литературно-музыкальный вечер с участием лучших кроатских музыкальных талантов. Этот весьма интересный в своем роде вечер, как мне пишет мой корреспондент, удостоили своим присутствием, кроме профессоров университета с ректором во главе и учителей гимназии, также начальник жупании (губернии), почти все студенты университета и очень много представителей и представителейниц высшего общества и многие депутаты сейма.

Литературно-музыкальная часть программы вечера, состоявшая из пения народных болгарских песен, декламирования стихов патриотического содержания и исполнения нескольких нарочно на этот случай составленных кроатскими композиторами музыкальных пьес на болгарские народные мотивы, имела большой успех, а многое по желанию публики, в первый раз слышавшей болгарское пение и чтение на болгарском языке, очень удобнопонятном для нее, было повторено.

После этого следовал ужин и танцы. За ужином болгарин студент Сарафов, один из главных распорядителей этого празднества, предложил первый тост «за здравие русского народа и русского царя освободителя». Тост этот, как и следовало ожидать со стороны кроатов, не перестававших во все время последней войны высказывать всячески свои симпатии России и ее победоносному войску, боровшемуся за свободу балканских славян, был принят восторженными рукоплесканиями и громкими «живио». Затем следовал ряд тостов и речей с пожеланиями всякого преуспеяния вообще славянам. При этом прочитаны были полученные в этот день распорядительными *

* Так к тексту.

вечера от разных обществ поздравительные телеграммы, а также отправлены телеграммы в Тырново на имя председателя Народного собрания от студентов-болгар, кроатской университетской молодежи и разных клубов.

Этот вечер, говорит мой корреспондент, остается навсегда в памяти присутствовавших, и что чувства симпатии, высказанные на этом вечере освобождению болгар и их освободительнице России, разделяются целым кроатским народом.

С отличным почтением. . .

ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 36, лл. 288—289об. Копия. Литографированный экземпляр.

№ 287

1879 г. февраля 15. — Протокол заседания Ломского окружного и городского советов об изыскании средств на содержание сельских школ

№ 1

Лом

На заседанието държано на 15 февруарий 1879 година в присъствието на ломский окружный начальник майор Коренев, пълният състав на окружный и градский управителни съвети: Николчо Върбанчов, Гавриил Монов, Драган Първанов, Никола Попов, Тодор Киров, Ангел Йованов, Петър Лилов, Томо Трифонов и Алексей поп Ангелов.

В това заседание се разсъди: какви средства да се употребят за поддържанieto на селските училища в Ломпаланското окружие *.

След размишленията върху съдържанието на изложеното в бумага № 470 от г. видинского губернатора до г. окружного начальника и подир дълги разисквания по тоз предмет, подписаните дохождат до конечно заключение, че следующето средство за поддържание селските училища в Ломский округ е най-удобно за населението по доброволен начин и неотягчителен:

1. Като зимаме пред вид голямото пространство работна земля, която притежава всек[и] стопанин селянин в окружието ни, от която са обработва само $\frac{1}{4}$ част, а другите $\frac{3}{4}$ части от землята остават почти постоянно да лежат необработвани, то на мнение сме, че всякой, с добра воля без отягчение, ще може да отдели по една част за училището, съразмерно с нуждите за селското училище.

2. Отделената по тоя начин земля за училищата ще може, в определени празнични дни, с най-голямо удоволствие от страна на селяните да ся обработва; стига само да има училищни настоятели, двама или трима душ[и], от селото, за да водят и управят училищните приходи под надзора и распоряжението на едно централно окружно училищно настоятелство.

За председателя на град[ския] съвет Н. Върбанчов

За председателя на окруж[ния] съвет **

» » » окруж[ния] съд

Членове

ОДА — Михайловград, ф. 76 К, д. 1, л. 13. Подлинник.

* См. примечания к док. 59.

** Подписи отсутствуют.

1879 г. февраля 16. — Письмо председателя Петербургского славянского общества К. Н. Бестужева-Рюмина Ф. П. Корнилову с просьбой о пожертвовании русских книг для болгарских библиотек и читален *

№ 149

С.-Петербург

Пребывание русских войск в Болгарии и двухлетнее управление этою странюю послужили, между прочим, для многих болгар к увеличению знакомства их с русскою речью; политическое же возрождение Болгарии вызвало среди образованных болгар сознание, что знакомство с русской литературой может послужить средством к быстрейшему развитию просвещения по освобожденной стране, а вследствие этого обнаружился в Болгарии не только запрос на чтение русских книг, но и стремление к распространению русского языка вообще.

Совет С.-Петербургского славянского благотворительного общества, имея под рукою факты, свидетельствующие о вышеупомянутом стремлении, и будучи убежден, что распространение русских книг в Болгарии может, не вредя самостоятельному развитию болгарского народа, принести обоюдную пользу России и Болгарии в научном, торговом, промышленном и других отношениях, признал необходимым принять зависящие от него меры к оказанию болгарскому народу помощи в вышеупомянутом деле.

На первое время представляется преимущественно полезным: а) оказать пособие к образованию в Болгарии нескольких русских библиотек и читален, в особенности в городах: Софии — как столице Болгарии, Тырнове, где открыто высшее духовное училище, в Габрове, где открыта гимназия, и в Лом-Паланке, где имеет быть учреждено реальное училище; в городах же Виддине, Варне, Руссуке, Шумле, Систове, Самокове и Плевне — только читальни; б) оказать содействие учебным заведениям и школам Болгарии посредством снабжения их русскими азбуками, грамматиками, хрестоматиями и разными руководствами.

Для достижения этого совет общества счел себя обязанным обратиться за помощью к представителям русской литературы и ко всем вообще понимающим пользу просвещения русским людям.

Зная ваше сочувствие к общественнополезным стремлениям, совет С.-Петербургского славянского благотворительного общества поручил мне обратиться к вам, Федор Петрович, с покорнейшею просьбою не отказать, по мере возможности, в сборе пожертвований в кругу ваших знакомых русских книг для умственной помощи болгарскому народу.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать вам, милостивый государь, уверение совершенного моего уважения и преданности.

Председатель С.-Петербургского славянского
благотворительного общества К. Бестужев

ЦГИА СССР, ф. 970, оп. 1, д. 690, л. 1—1об. Подлинник. Типографский экземпляр.

1879 г. февраля 18. — Распоряжение начальника Главного управления по делам печати В. В. Григорьева о запрещении обсуждать в печати вопрос о выборах болгарского князя

№ 823

Государь император высочайше повелеть соизволил: воспретить печатание в повременных изданиях всякого рода суждений о предстоящем выборе князя народными представителями Болгарии ¹.

* См. док. 185, 224.

О таком высочайшем повелении Главное управление по делам печати по распоряжению г. управляющего Министерством внутренних дел поставляет в известность гг. редакторов нижепоименованных периодических изданий, прося их в прочтении сего распечататься ².

Начальник Главного управления
по делам печати В. Григорьев

ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 6, 1878 г., д. 397, л. 3. Подлинник.

1. Распоряжение Главного управления по делам печати было вызвано появлением в либеральной газете «С.-Петербургские ведомости» ряда статей об Учредительном собрании, болгарской конституции и выборах болгарского князя (№ 43, 44, 47 от 13, 14 и 17 февраля 1879 г.). В этих статьях приветствовался либеральный характер конституции и выражалась надежда, что эта конституция окажет влияние на жизнь и других славянских народов. Вместе с тем газета нападала на немецких принцев Рейсса и Баттенберга, кандидатуры которых выдвигались на болгарский княжеский престол, заявляя, что выбор этот будет очередной уступкой западным державам со стороны России. Эти высказывания вызвали недовольство Александра II, который распорядился не допускать в печати суждений о выборе князя (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 6, 1878 г., д. 397, л. 1).

2. Распоряжение было объявлено редакторам петербургских и московских газет и журналов — «Вестник Европы», «Голос», «Гражданин», «Молва», «Неделя», «Новое время», «Новости», «Отечественные записки», «Русская старина», «Русский мир», «Русские ведомости» и др., всего 32 издания.

№ 290

1879 г. февраля 19 (марта 3). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о возможности вооруженных столкновений болгарского и турецкого населения в Сливенской губернии в случае вступления на Балканы турецких гарнизонов

№ 63

Philippopolis

Monsieur l'ambassadeur!

Votre excellence n'ignore pas que dans les districts nord du gouvernement de Slivno la population turque, surprise par la rapidité des événements de la dernière guerre, n'a pas eu le temps d'émigrer. Certains cantons sont presque exclusivement musulmans et, d'après ce que prétendent les Bulgares, les habitants turcs y ont gardé leurs armes soigneusement cachées. C'est dans ces parages, dans le district d'Aïdos, qu'a eu lieu l'échauffourée ¹ dont j'ai eu l'honneur de rendre compte par mon rapport du 4 (16) Décembre 1878 № 27. Cette partie de la Roumélie Orientale qui se relie par une suite non interrompue de villages turcs à la contrée connue sous le nom de Déli-Orman, serait, paraît-il, le foyer de l'agitation musulmane et c'est de là que l'on s'attend à voir partir le signal des représailles le jour où les garnisons feront leur apparition dans les Balkans.

Je n'ai pas les moyens, monsieur l'ambassadeur, de vérifier l'exactitude de ces renseignements, mais, comme ils me sont parvenus à plusieurs reprises et de différentes sources, je crois devoir les porter à la connaissance de votre excellence. Les détails fournis par les Bulgares sur les méfaits qui se commettent par les Turcs et sur les plans de ceux-ci pour l'avenir sont naturellement empreints d'une certaine exagération; il me semble néanmoins hors de doute que ce n'est pas la bonne volonté qui manquera aux musulmans pour prendre leur revanche.

J'ai l'honneur d'être, avec le plus profond respect, monsieur l'ambassadeur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur
prince Tzeretelew

Помета: Copie du présent rapport a été transmise à Mr. de Giers.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 98—99. Подлинник.

Господин посол!

Вашему высокопревосходительству неизвестно, что турецкое население северных округов Сливенской губернии, захваченное врасплох быстро разворачивающимися событиями последней войны, не успело эмигрировать. Некоторые районы почти полностью мусульманские и, как утверждают болгары, там турецкое население сохраняет тщательно спрятанное оружие. В этих местах, в Айдосском округе, произошло вооруженное столкновение¹, о котором я имел честь сообщить вам моим донесением от 4 (16) декабря 1878 г. за № 27. Эта часть Восточной Румелии, соединяющаяся непрерывной чередой турецких деревень с местностью, известной под названием Дели-Орман, станет, по-видимому, очагом мусульманского брожения, и именно оттуда ожидают сигнала к репрессиям в тот день, когда турецкие гарнизоны появятся на Балканах.

Я не имею возможности, господин посол, проверить точность этих сведений, но, поскольку они доходили до меня неоднократно и из различных источников, я считаю долгом довести их до сведения вашего высокопревосходительства. Детали, сообщенные болгарскими злодеями, совершаемыми турками, и о планах этих последних на будущее, естественно, носят отпечаток некоторого преувеличения, но тем не менее мне кажется несомненным, что мусульмане не упустят возможности взять реванш.

С глубоким почтением имею честь быть, г-н посол, вашего высокопревосходительства нижайшим и покорнейшим слугой

князь Церетелев

Помета: Копия настоящего донесения направлена г-ну Гирсу.

1. 2 декабря 1878 г. А. К. Имеретинский в телеграмме А. Д. Столышину сообщал, что, по донесению этапного начальника г. Айдоса, в некоторых деревнях севернее Айдоса (Бурунджук, Агдамач и Гедык) началось восстание турок, которые хорошо вооружены, бросают селения и идут в балканские леса. Для подавления этих выступлений были посланы войска (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7479, л. 201—201 об.).

Из других данных следует, что восстания по сути дела не было. Так, 3 декабря 1878 г. И. С. Иванов телеграфировал А. Д. Столышину, что по сообщению айдосского окружного начальника в округе спокойно, имело место лишь небольшое столкновение (там же, д. 8817, л. 65; д. 7479, лл. 198—199). Очевидно, слухи о восстании в Айдосе, как и считал А. Д. Столышин, были преувеличены и неверны. Они распускались недоброжелателями России, чтобы доказать слабость русской администрации (68, т. III, стр. 126—127).

№ 291

1879 г. февраля 21. — Письмо С. А. Тумпарова Д. Коцеву о ходе работ Учредительного собрания в Търново

Търново

Драгий ми Димитри!

Много ти останах благодарен като получих писмото ти, и още по-благодарен ще бъда, ако и още някой път ся земеш да ми пишеш и особено, ако даваш мнения, кои може би и да ми не идат в главата от само себе. Аз от своя страна ти ся обещавам, че ще пиша постоянно, за да ви давам сведения от онова, що става тука в Народното събрание.

Ний затекохме тука няколко от депутатите, които се събирали на съвещание и то не само от Северна, но и от Южна България*. И затекохме ги разделени на две мнения¹: едните искаха да се испроводат до европейските кабинети депутати, за да просят присъединението на Тракия и Македония с Княжеството и до где тази депутация се завърне да донесе отговорите на Европа, да се отложи събранието; и то да стане преди отварянието на камарата. Представителите на това мнение бяха: Цанков, Каравелов, тракийските и македонските и други някой представители. Другото мнение беше да ся чака отварянието на камарата, подире да ся испроводи за същата цел депута-

* См. прим. 1 к док. 237.

ция в Европа и съ[ще] временно да ся разглежда Устава колкото се може бавно до завръщането на депутацията. Представителите на последното мнение бяха Греков, Вълкович и други. И догдето се чинеше, че на първото мнение е болшинството, в едно частно събрание от заминалата неделя, в петък, държано в училището, подложиха ся и двете на гласоподавание, последното мнение има големо вишегласие. И тъй на другия ден, на Тодоров-ден, стана второто заседание, на което се разглежда правилника на заседанията. Ще да ви го испроводя за любопитство, но защото не е свършено разгледаи, оставих за по-после. За отварянието на камарата, словото на княза и устават, ако не сте ги чели в[ъв] вестниците и ако любопитствувате, аз съм ги испроводил у дома, земи ги. Протоколите на заседанията, тоже ще се печатат, и ако те се печатат в големо количество, ще ви испровождам и тях за любопитство, когато ся намери случай. Днес ще стане третото заседание и мисля, че ще се свърши преглежданието и утвърждението на правилника.

Освен тези официални заседания няколко вечери наред прави [Грессер] съвещания с представителите на град[ските] и окр[ъжните] съвети; тъй беше поканката, щото ний не могохме и да знаем за тия събрания; едвам от после се научихме и ходихме два пъти. В тия събрания са се решавали някои въпроси за кметовете и работи непролижими. Решило се и да се дават квартири на офицерите (квартирната повинност); в предпоследното събрание ся искаше това и за началниците и за приставете, вишегласието отказа. В снощното последно събрание го питаха някои окр[ъжни] пред[седатели] за разни работи. Представих му и аз неудобството в съвета, ако се зимат пари и в съвета за увеличение на писарската платка и канцеларските разности. Той се поопре, па като настоявах, зеа в забележка и колко ще подеиствува, не зная. На мнозина от председателите стана кеф моето опиране, но нали не щат да възразяват на министър. Отвори се въпрос за земание войска от турци и еврей и бива ли последните — турци и еврей да се откупуват. Понеже Грессер забележи моето опиране, пита ме нарочно, аз им казах, че мнението в нас е да нема откуп за никого; не зная до колко съм угодил. Гласува се и с 2—3 гласа повече се поддържа мнението да нема откуп. В заключение Грессер посъветува председателите, за да има Княжеството помалко разноски, да се събират окрузи поне два в един. Той ни обади, че е повикал до 80 души доктори българи да занемат служба в България на губери[ски] и окр[ъжни] доктори, първите с 7, а вторите с 4 1/2 хиляди франка вече утвърдено съдържание, за да се освободи България от еврейски, немски и влашки доктори.

Исках още да пиша, но е твърде студено, па дойде време за отивание в събрание, затова в заключение ще те моля да накараш жена ми да пише и ми испроводи писмо.

Поздрави всичките си домашни и приятелите от страна на целующия те.

Твой Спас А. Тум[шаров]

ЦДНА, ф. 682, оп. 1, д. 402, лл. 1—2. Автограф.

1. В начале февраля 1879 г. депутаты Учредительного собрания княжества Болгарии вместе с представителями Фракии и Македонии собрались на неофициальное заседание, на котором обсуждали «общенародный вопрос», т. е. вопрос о полном освобождении и объединении указанных областей. Избрана была комиссия для выработки проекта решения. Однако она не могла достичь единодушия и представила два проекта: один проект, так называемых умеренных, которых представляли лица, ставшие впоследствии руководителями консервативной партии, и другой проект, так называемых крайних, во главе с руководителями будущей либеральной партии. «Умеренные» предлагали открыть Народное собрание, одновременно послать депутацию, снабженную меморандумом к великим державам с требованием отмены решений Берлинского конгресса. «Крайние» были против открытия парламента до благоприятного разрешения «общebolгарского вопроса». Однако большая часть депутатов присоединилась к первому проекту, и Народное собрание начало свою работу (см. 91, стр. 55—110).

1879 г. февраля 23. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова
Э. И. Тотлебену о начале работ Учредительного собрания *

№ 315

Милостивый государь Эдуард Иванович!

Лишенный возможности при настоящих обстоятельствах отлучиться из Тырнова и приветствовать вас на Шибке, чего так искренне желал бы, посылаю к вам адъютанта своего Трепова, который передаст вам все подробности всего здесь происходящего и вместе с тем передаст мне, что вы найдете нужным сообщить.

Вчера избран председателем собр[ания] бывший экзарх болгарский Анфим, человек, пользующийся здесь общим уважением и вполне благонамеренный; к сожалению, преклонные лета его вряд ли дадут ему возможность быть таким энергичным председателем, как митрополит Симеон, который временно в прежних заседаниях исправлял эту должность. Вице-председателями избраны два: Икономов и Коравелов, оба люди дельные и умеренные; сегодня выбирают бюро, комиссии и проч.¹ В субботу, надеюсь, будет прочитана собранию моя записка вроде отчета за временное мое управление страной, чтобы ознакомить депутатов с настоящим гражданским устройством. С будущей недели, надеюсь, начнется разработка и обсуждение самого устава. Промедление и приговорительные до сих пор работы собрания принесли свою пользу. Они дали возможность улесться страстям и образовать значительное большинство из умеренных людей. Ежели мне удастся провести или обойти первый пункт устава, где говорится о территории княжества, то, может быть, обсуждение других статей пройдет относительно спокойно, ежели какие-либо возбуждающие события в Румелии или готовящееся восстание в Македонии ** не повредят делу и не разрушат плоды всех трудов и усилий моих для удержания собрания в строгих границах законности и порядка. Между тем депутаты предполагают на днях подать как мне, так и иностранным делегатам, разумеется, вне собрания, подробную записку о неестественности созданного им Берлинским трактатом положения с выражением своих опасений за будущую политическую жизнь княжества, ежели Румелия вновь подпадает под власть Турции, а Македония хоть чем-нибудь не будет ограждена от настоящей анархии и совершающихся в этой несчастной стране над христианами ежедневных насилий и зверств турок.

Иностранные делегаты не только заявили депутатам свою готовность принять от них адрес (разумеется, за исключением оттоманского комиссара и сомнительного согласия австрийского), но даже в этом отношении поддерживают настроение болгар, особенно французский и английский делегат. Отношения мои к иностранным представителям настолько откровенны и даже дружественны, что не подают ни малейшего повода к каким бы то ни было недоразумениям, что при крайне трудном положении моем значительно облегчает мне неблагоприятную задачу мою.

Я поручил генералу Грессеру ревизовать губернии княжества Болгарского. Он вчера выехал в Руцук. Надеюсь, встретит вас в Варне, если какие-нибудь непредвиденные обстоятельства не изменят эти предположения. Благоволите в том случае передать ему ваши указания. Перед отъездом вашим не оставьте приказать продолжать уведомлять меня в Тырнове обо всем, могущем содействовать мне к исполнению данных мне высочайших инструкций.

С чувством глубокого почтения и искренней преданности имею честь быть

ЦГИА СССР, ф. 932, оп. 1, д. 228, лл. 51—52об. Черновик.

* См. док. 282.

** См. Г. Д. Тодоров. Временното руско управление в България през 1877—1879 гг. София, 1958, стр. 429—430.

1. Хотя официально Тырновское народное собрание для принятия конституции было открыто 10 февраля 1879 г., но фактически работа его не была начата. Делегаты бурно обсуждали вопрос о том, начинать или не начинать работу собрания в условиях разделения страны (см. примечания к док. 237). Лишь 22 февраля был избран постоянный председатель и выработан «Правильник» собрания (об этом см. 90, стр. 207—212; 78, стр. 38—39).

Не совсем понятно, почему А. М. Дондуков-Корсаков относит П. Каравелова к «умеренным», хотя он представлял как раз ту партию в Народном собрании, которая не желала мириться с существующим положением.

№ 293

1879 г. февраля 23 (марта 7). — Письмо Александра II Э. И. Тотлебену о намерении депутатов Учредительного собрания обратиться к европейским державам с протестом против решений Берлинского конгресса

После письма моего от 6 (18) февраля * получил я письма твои, любезный Эдуард Иванович, от 3 (15) и 10 (22) **, равно и телеграммы твои до 22 фев[раля] (6 марта) включительно.

Весьма рад, что при последнем свидании твоём с князем Лобановым и генералом Столыпиным вы пришли к единогласному заключению и дали сему последнему окончательные наставления. Слава богу, что спокойствие и порядок доселе нигде не нарушались. Адресы, поданные тебе от всех национальностей пред отъездом твоим из Адрианополя, служат лучшим доказательством, что они умеют ценить честные, бескорыстные и справедливые действия наших властей, равно и примерно добродушное поведение наших войск.

Открытие Народного собрания в Тырнове произошло, как тебе уже известно, в должном порядке. Слова, высказанные князем Дондуковым при этом случае, соответствуют инструкции, ему данной, но из его телеграмм явствует, что умы болгар находятся в большом волнении и что они не могут привыкнуть к мысли отчуждения от княжества Восточной Румелии и Македонии и хотят обратиться с протестом на решение Берлинского договора ко всей Европе, и будто бы в этом находят поддержку как в английском, так и в австрийском делегатах ***. Признаюсь, на эту поддержку я смотрю с большим недоверием и опасаясь намерения их вовлечь болгар в такие действия, которые могли бы оправдать в глазах Европы вооруженное вмешательство Турции, тем более что из секретных сведений мы знаем достоверно, что английское правительство советует туркам ускорить занятием и укреплением некоторых пунктов в Балканах. К сожалению, по Берлинскому трактату турки имеют на это право, но, однако, не прежде окончательного проведения пограничной линии между княжеством Болгарским и Восточною Румелиею, на чем я и настаиваю.

Радуюсь весьма благополучному прибытию в Одессу и Севастополь первых эшелонов возвращающихся войск. Дай бог, чтоб и остальные совершили плавание столь же благополучно.

На прошедшей неделе мы были внезапно поражены смертью младшего сына Константина Николаевича. Благодарю тебя сердечно за участие в нашем горе.

По совету Боткина мы решились отправиться в Ливадию 17 (29) марта и полагаем пробыть там до конца мая. Итак, буду весьма рад увидеть тебя в этом знакомом тебе месте при отъезде твоём из Варны.

ЦГВИА, ф. 430, д. 59, лл. 380—382. Копия. В значительной своей части цитировано в кн.: Н. К. Шильдер. Граф Э. И. Тотлебен, его жизнь и деятельность, т. 2. СПб., 1886, стр. 960—961.

* «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», вып. III. СПб., 1899, стр. 247—248.

** Там же, стр. 249—254.

*** См. док. 292.

1879 г. февраля 24. — Циркуляр тырновского губернатора Н. П. Щербинского окружным начальникам о направлении болгарской молодежи в русские военно-технические школы и с сообщением условий обучения

№ 784

Търново

С разрешението на императорския комисар в България, искат са 42 младежи на възраст от 15—20 години, и които да са получили първоначалното си образование не по-горе от 2-й и 3-й клас в български или други училища, за да са проведат от тях 8 в техническата школа, 4 в пиротехническата в С.-Петербург и 30 в оружейната школа в г. Тула¹.

Като съобщавам за това, моля г. г. окръжните началници да обявят по въверените тем райони, за да подканят желаящите да са възползват от реченото предложение със следующите условия:

1. Лицѣта, които желаят да постъпят в някоя от гореречените школи, трябва да подадат прошение на окръжния началник, като заявят в него, в коя именно школа желаят да постъпят.

2. При прошениято се прилага удостоверение, че желаящия е от 15—20 години и че навярно свършил 2-й или 3-й клас в първоначалните училища.

3. Окръжния началник ще определи где, кога и пред кого те са длъжни да се явят.

4. [Школн]иците са задължават по свършването на курса да послужат в българското военно ведомство по 1½ година за всяка година обучение.

5. Онези, които са свършили успешно курса на науките в означените школи и са излезли със звание «технически майстор, оружейний майстор или обер-фейервейкер» ще получават заплата за службата си не по-малко от 1200 фр. в год[ина].

6. Такива майстори и обер-фейерверкери за отличните си трудове и успех могат да са произведат в 1-й офицерский чин, след като послужат 2 години в звание майстор или обер-фейерверкера.

7. Онези, които са свършили курса не толкоз успешно, ще се зачисляват на служба като помощници на майстора или обер-фейерверкера, и те също на срок по 1½ год. за всяка година обучение.

За окончателний избор на исканото число лица, моля да ми са представят сичките прошения, заедно с писмените сведения, които сведения после ще са върнат и ще са покаже денят, лицето, мястото и кога трябва да са явят желающите.

Подписали:

И. д. губернатора камер-юнкер Н. Щербинский

И. д. правителя канцелярий Ростиславов

ОДА—Ловеч, ф. 25 К, оп. 1, д. 676, л. 2. Заверенная копия. Перевод с русского, современный подлиннику.

1. Еще до освобождения Болгарии от турецкого ига большая часть болгарской молодежи, которая хотела повысить свое образование, направлялась в Россию. Там эти молодые люди были в большинстве случаев стипендиатами русского государства или пользовались материальной поддержкой русских благотворительных организаций и частных лиц. И после освобождения, когда в администрации, учебном деле, войсках и пр. чувствовался большой недостаток в подготовленных кадрах, молодые болгары получили полную поддержку со стороны России в этом направлении. Одной из важнейших забот русского гражданского управления была подготовка квалифицированных командных и специальных кадров для Болгарского войска. Кроме открытия в Софии военного училища, в это время в Россию было направлено 90 человек для обучения в Елизаветградской юнкерской кавалерийской школе, а другие 42 человека — в пиротехническую школу в Петербурге и в оружейную школу в Туле (см. 76, стр. 365). В связи с набором слушателей в последние две школы было разослано настоящее циркулярное письмо.

1879 г. февраля 25. — Записка А. М. Горчакова Александру II о переговорах с английским послом в Петербурге Ф. Дюфферином относительно гарантий автономии Восточной Румелии *

J'ai dit à lord Dufferin que nous avons le sincère désir d'une entente solide et durable avec le gouvernement britannique, basée sur la dignité des deux pays; que chez nous, comme à Londres, on était sérieusement préoccupé des dangers qui résulteraient de l'antagonisme entre les musulmans et les chrétiens en Roumélie Orientale le jour où nos troupes en seraient parties;

qu'il faudrait chercher des garanties contre ces dangers, et que je demandais à lord Dufferin si son gouvernement l'avait chargé de m'en signaler.

Il m'a répondu que le gouvernement anglais partageait au même degré le désir d'une entente solide et durable avec nous; et qu'il se croyait aussi intéressé que nous à ce que le nouveau régime en Roumélie soit inauguré dans des conditions de sécurité favorables pour les habitants;

qu'au sujet des garanties à trouver, le compte Schouvalow avait émis, dans une conversation avec lui, une idée qu'il avait soumise à lord Salisbury, c'est-à-dire de mettre les garnisons turques dans les Balkans sous le commandement d'officiers européens, et qu'il était instruit par son gouvernement d'en causer avec moi et de me faire connaître que le cabinet anglais serait très satisfait de savoir jusqu'à quel point cette idée du compte Schouvalow rencontrerait notre agrément **.

J'ai répondu à lord Dufferin que, sans me refuser à l'examen de cette idée, il y avait quelques circonstances qui devraient être éclaircies: c'est-à-dire d'abord que la délimitation dans les Balkans soit achevée, car avant cela aucune troupe turque ne pourrait s'y rendre en traversant la Roumélie tant que nos troupes y seraient; qu'en outre, il serait désirable que le chiffre de ces garnisons turques soit convenu d'avance, vû que la position de la Porte devait être défensive et non agressive: et que les endroits où les Turcs tiendraient ces garnisons fussent également désignés.

J'ajoutai qu'une garantie qui ne me semblait pas à dédaigner, bien que ce ne fût pas la seule, serait la non-nomination de Rustem-pacha au poste de gouverneur général; que personnellement nous avions eu ici de bons rapports; mais que, quand je l'avais vu violer au Liban, au préjudice des chrétiens, le règlement, œuvre de lord Dufferin, je devais être persuadé que sa présence en Roumélie serait un fait qui y produirait une très grande exaspération et peut-être des désordres contraires au but des signataires du traité de Berlin;

que je savais d'ailleurs que Rustem-pacha avait été envoyé au Liban contre son gré, par ses adversaires, à Constantinople et qu'il m'avait dit à plusieurs reprises qu'il n'était pas administrateur mais diplomate.

J'ajoutais que la télégraphie privée venait d'annoncer qu'il avait décliné le poste de Bulgarie pour cause de santé et sollicité sa nomination comme ambassadeur à Rome.*** Lord Dufferin me dit qu'il regrettait beaucoup ce point de vue, parce qu'il avait pour instruction d'appuyer autant que possible la nomination de Rustem qui aux yeux du cabinet anglais serait un bon choix.

Je lui dis que l'essentiel était que la Porte acquit la conviction d'une entente réelle et solide entre l'Angleterre et nous, et qu'en pareil cas, elle perdrait toute velléité de jouer sur la rivalité supposée des deux gouvernements.

Lord Dufferin me répondit qu'il était convaincu que c'était la pensée de son gouvernement, que tant la Porte que les chrétiens fussent persuadés du ferme désir de son gouvernement que les garanties d'autonomie assurées aux chrétiens en Roumélie fussent respectées.

Je lui ai dit que c'était une idée que je trouvais pratique et que je soumettrais à votre majesté. J'ajoutai que de notre côté nous parlerions avec la même

* См. док. 285.

** См. там же и прим. 4 к нему.

*** См. док. 222.

énergie tant à Philippopolis qu'à Constantinople afin que ces garanties ne fussent violées ni d'une part, ni de l'autre; et que c'était déjà un terrain sur lequel nous nous féliciterions de nous placer à côté de l'Angleterre.

J'ai ajouté qu'à notre avis, il ne fallait pas que le gouverneur-général de la Roumélie Orientale eût la faculté d'appeler les troupes ottomanes sans l'assentiment des Puissances et qu'il serait bon que les Bulgares de la Roumélie en eussent connaissance; que si cela n'était pas dans la lettre du traité de Berlin, je croyais que c'était dans son esprit.

Lord Dufferin me répondit qu'il transmettrait cette opinion à son gouvernement, mais qu'il ne pouvait pas assurer qu'elle serait agréée.

J'ai terminé en informant lord Dufferin que nous insistions sur la retraite de la flotte anglaise de la mer de Marmara.

Gortchakow

Резолюция Александра II: J'approuve tout ce que vous lui avez dit, mais il faudrait préciser les endroits que les Turcs auront le droit d'occuper dans les Balkans.

На полях помета Александра II: Le nouvel ambassadeur m'a fait à tout prendre une bonne impression. Voyons quel sera le résultat de ce qu'il a entendu de votre bouche et de la mienne.

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 46, лл. 46—47об. Подлинник.

Перевод

Я сказал лорду Дюфферину, что мы искренне желаем установления прочного и длительного соглашения с британским правительством, основанного на взаимном признании достоинства обеих стран.

Нас, как и Лондон, серьезно тревожит возможность опасного проявления антагонизма, существующего между мусульманами и христианами в Восточной Румелии, в тот день, когда оттуда уйдут наши войска; нужно искать гарантий против этой опасности, и я спросил лорда Дюфферина, поручено ли ему его правительством обратиться на это мое внимание.

Он ответил мне, что английское правительство в той же мере разделяет стремление к достижению прочного и длительного соглашения с нами и что оно считает себя столь же, как и мы, заинтересованным в том, чтобы новый режим в Румелии был введен в условиях обеспеченной населению безопасности; что касается необходимых гарантий, то граф Шувалов высказал в беседе с ним идею, сообщенную им лорду Солсбери, о подчинении турецких гарнизонов на Балканах командованию европейских офицеров, и что его правительство поручило ему поговорить об этом со мной и сообщить мне, что английский кабинет был бы весьма рад узнать, насколько эта идея графа Шувалова встречает наше одобрение.

Я ответил лорду Дюфферину, что, несмотря на то, что я не отказываюсь от рассмотрения этой идеи, существуют обстоятельства, которые должны быть выяснены: т. е. прежде всего, чтобы было завершено разграничение на Балканах, потому что до этого никакие турецкие войска не смогут быть туда направлены через Румелию, пока там будут находиться наши войска; что, кроме того, было бы желательно, чтобы численность турецких гарнизонов была установлена заранее, так как позиция Порты должна быть оборонительной, а не агрессивной, и чтобы также были указаны местности, в которых расположены турецкие гарнизоны.

Я добавил, что гарантией, которой, как мне кажется, не следует пренебрегать, хотя она и не единственная, должен быть отказ от назначения Рустем-паши на пост генерал-губернатора; что лично у нас с ним здесь хорошие отношения, но когда мне стало известно, что он в Ливане нарушает во вред христианам устав, введенный лордом Дюффериним, то я пришел к выводу, что его присутствие в Румелии вызовет резкое обострение обстановки и, возможно, беспорядки, противоречащие цели держав, подписавших Берлинский трактат; что, впрочем, мне известно, что Рустем-паша был отправлен в Ливан против своей воли своими противниками в Константинополе, и он мне неоднократно говорил, что он дипломат, а не администратор.

Я добавил, что недавно частное сообщение по телеграфу уведомило о том, что он отказался от поста в Болгарии по состоянию здоровья и хлопочет о своем назначении послом в Рим. Лорд Дюфферин сказал мне, что весьма сожалеет о такой точке зрения, ибо

ему предписано по возможности поддержать кандидатуру Рустема-паши, которая английскому правительству представляется удачной.

Я сказал ему, что главное в том, чтобы Порта убедилась в действительном и прочном соглашении между Англией и нами, и что в этом случае она оставит всякую попытку играть на предполагаемом соперничестве обоих правительств.

Лорд Дюфферин ответил мне, что он убежден, что таково также мнение его правительства, что как Порта, так и христиане убеждены в непоколебимом стремлении его правительства к соблюдению предоставленных христианам гарантий автономии.

Я сказал ему, что нахожу эту точку зрения практически приемлемой и сообщу ее вашему величеству. Я добавил, что с нашей стороны мы так же энергично будем ее поддерживать как в Филиппополе, так и в Константинополе, чтобы гарантии не были нарушены ни одной, ни другой стороной, и что уже это является той почвой, на которой мы были бы счастливы стоять вместе с Англией.

Я добавил, что, по нашему мнению, не следует, чтобы генерал-губернатор Восточной Румелии получил право призывать оттоманские войска без согласия великих держав, и что было бы хорошо, чтобы болгарам Румелии стало об этом известно, и что если это не буква Берлинского трактата, то его дух.

Лорд Дюфферин ответил мне, что передаст это предложение своему правительству, но не может гарантировать, что оно будет принято.

В заключение я сообщил лорду Дюфферину, что мы настаиваем на выводе английского флота из Мраморного моря.

Горчаков

Резолюция Александра II: Я одобряю все, вами сказанное, но следовало бы уточнить места, которые турки могут занять на Балканах.

На полях помета Александра II: Новый посол произвел на меня хорошее впечатление. Посмотрим, к чему приведет то, что он услышал из ваших и из моих уст.

№ 296

*1879 г. февраля 25. — Нота Пертев-паши А. М. Дондукову-Корсакову о возвращении имущества бежавшего мусульманского населения прежним владельцам **

Tirnovo

Dans mes conversations particulières avec votre excellence comme aussi dans les communications que j'ai eu l'honneur de lui adresser, il fut souvent question des entraves que rencontrent les habitants musulmans à recouvrer leurs biens mobiliers et immobiliers, se trouvant dans les différentes parties de la Bulgarie.

Ces entraves que je croyais se rapporter à des cas spéciaux et provenir de malentendus ou du fait de quelque autorité subalterne, semblent malheureusement être la conséquence des dispositions et des ordonnances émanées de l'autorité supérieure.

N'ayant pas sous les yeux le texte même de ces dispositions et ordonnances dont il ne m'a pas été fait communication jusqu'ici, je suis obligé à me rapporter aux renseignements qui me sont fournis à ce sujet.

D'après ces renseignements, les conditions auxquelles les propriétaires musulmans pourraient revendiquer et obtenir la pleine puissance de leurs biens immobiliers, seraient les suivantes:

1. La présentation des titres de propriété soumis à certaines formalités rendues obligatoires.

2. Indépendamment des titres de propriété susmentionnés, ou à leur défaut, l'exhibition de certificats délivrés par les anciens des localités où se trouvent situées ces propriétés.

3. La constatation que des réclamations, de quelque nature que se soit, n'existent contre le propriétaire musulman.

* См. док. 83, 101, 130, 231.

4. L'obligation pour le possesseur musulman, qui aurait satisfait aux formalités ci-dessus, de présenter deux garants solvables, l'un Bulgare et l'autre Israélite, s'engageant à répondre à toute réclamation ultérieure, et ce, pour un délai de 15 ans.

Je n'ai pas à m'arrêter sur la valeur de la première de ces dispositions qui, certes, ne pourrait être sujette à aucune objection légale.

De même l'exhibition de certificats serait conforme à toutes les notions de droit et adaptée aux circonstances, si elle était exclusivement réservée aux cas où les titres authentiques feraient défaut, autrement cette formalité ne ferait qu'exposer les propriétaires légitimes à des recours superflus et aux difficultés inhérentes à cette procédure.

Je dois dire en passant qu'il m'a été affirmé que les certificats demandés étaient parfois refusés par les Bulgares à la suite d'un mot d'ordre les engageant à s'abstenir de tout témoignage en faveur des propriétés musulmanes.

Quant à la disposition relative aux réclamations éventuelles, elle serait sans précédent, à moins que l'action intentée dans un délai déterminé, ne se rapportât à la propriété revendiquée et non à la personne du propriétaire.

Le quatrième et dernier point ayant pour objet d'astreindre le propriétaire à fournir pour 15 ans deux garants solvables, il est à peine besoin de dire que tout vendeur, quelque honorable et solvable qu'il fût, serait, certes, dans l'impossibilité de fournir des garants, à cette condition. Aussi je n'hésite pas à déclarer que l'application de cette prescription exorbitante équivaldrait à une interdiction absolue pour les musulmans de jouir de leur droit de propriétaire.

L'article 12 du traité de Berlin est explicite en faveur du droit des musulmans de disposer librement de leurs propriétés, soit qu'ils restent en Bulgarie, soit qu'ils fixent leur résidence en dehors de la principauté. Toute mesure qui aurait pour effet de restreindre ce droit serait en contradiction avec l'esprit de cet acte international qui n'a fait du reste que confirmer un droit respecté dans tous les pays où la guerre a passé, et dans toutes les législations connues.

En passant maintenant à un autre ordre de faits, je dois faire mention des cas fréquents où des musulmans émigrés, privés de toutes ressources et éprouvés par les calamités de la guerre, au retour dans leurs foyers avec leurs familles, sont réduits à chercher un asile sous quelque toit hospitalier en vue et au seuil même des propriétés qui leur appartiennent. Leurs maisons, boutiques, fermes, moulins, etc., lors même qu'ils aient été épargnés d'une destruction complète ou partielle, sont occupés par des Bulgares, les unes en vertu de baux à vil prix passés avec l'administration, les autres, sans un titre quelconque, et qui en refusent maintenant l'accès aux propriétaires légitimes.

Pour ce qui est du soin attribué aux conseils des arrondissements, de gérer temporairement les biens abandonnés par les émigrés musulmans, on ne saurait certes assez apprécier le sentiment bienveillant qui a présidé à la rédaction de cette disposition. Il aurait été seulement à désirer que les demandes et recours des propriétaires, à leur retour reçussent satisfaction, et que le produit des locations ou celui des ventes des grains et autres marchandises qui se trouvaient dans leurs magasins et dépôts, leur fût rendu, soit en nature, soit en contre-valeur. Or, j'ai le regret de constater que les demandes à cet égard sont presque toujours écartées ou éludées.

Un des sujets de plaintes des musulmans est encore la démolition de leurs habitations qui auraient pu être restaurées à peu de frais et dont quelques-unes ayant été réparées en dernier lieu, n'ont pas échappé quand même aux démolitions qui n'ont pas définitivement cessé. A Sofia même, à Tyrnovo et dans les villes que j'ai traversées dernièrement, j'ai été témoin oculaire des dégâts de cette nature, et j'ai pu m'apercevoir que les matériaux de ces constructions étaient employés à en élever de nouvelles, ou servaient de bois à brûler.

Ces démolitions, le plus souvent sans motif avoué, ont, paraît-il, parfois pour cause l'alignement des rues et des embellissements projetés. Sous ce rapport, il n'est pas nécessaire de faire observer que ces sortes d'expropriations seraient justifiées alors seulement qu'une indemnité équitable était accordée aux propriétaires présents, et tenue à leur disposition, s'ils sont absents.

J'ai également le regret de signaler le fait encore plus grave de la destruction, dans certaines villes, des mosquées et autres édifices pieux. Les dégâts commis sur les édifices de cette nature ont eu lieu longtemps après que les hostilités eussent cessé et dans les localités occupées sans coup férir. La mosquée qui se trouvait encore intacte, il y a à peine deux mois, sur la place de Badjdarlyk à Tyrnovo, fut rasée au vu et au su de l'autorité. On m'a affirmé même que la démolition de quelques minarets à Sofia n'a pas eu précisément pour cause l'orage qui a éclaté dans le courant de cet hiver.

L'art. XII précité réserve expressément à une commission turco-bulgare le soin de régler les affaires relatives au mode d'aliénation, d'exploitation ou d'usage, pour le compte de la Sublime Porte, des propriétés d'Etat et des fondations pieuses. Il est tout juste qu'en attendant la formation de cette commission, les autorités impériales russes veuillent bien faire préserver ces édifices de tout dégât volontaire.

J'ai cru de mon devoir d'exposer en toute franchise à votre excellence les considérations et les faits qui précèdent. Je ne doute point que, dans les sentiments de justice et d'équité, elle ne veuille apprécier l'opportunité de remédier à cet état de choses regrettable.

Je prie donc votre excellence en ce qui concerne d'abord les propriétés musulmanes, de faire cesser, par de nouvelles instructions, les effets restrictifs des mesures et des dispositions qui ont pu être prises sous l'empire des circonstances aujourd'hui écartées.

J'ai lieu d'espérer également que votre excellence daignera renouveler à la même occasion ses ordres pour que les dépôts, tant en nature qu'en contre-valeur, revenant aux ayant-droits musulmans, leur soient consignés, et qu'il soit mis enfin un terme aux démolitions dont il vient d'être question.

Veillez agréer etc.
(Signé) Pertew

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2493, лл. 121—124об. Копия.

*Перевод
Тырново*

В моих частных беседах с вашим высокопревосходительством, как и в сообщениях, которые я имел честь вам направить, часто шла речь о затруднениях, с которыми встречается мусульманское население, когда оно хочет возвратить свое движимое и недвижимое имущество, находящееся в различных частях Болгарии.

Эти препятствия, которые я считал связанными с особыми случаями и происходящими по недоразумению или же по вине каких-нибудь второстепенных чиновников, являются, к сожалению, следствием распоряжений и постановлений, исходящих от высших властей.

Не имея перед собой самого текста этих распоряжений и постановлений, о которых мне до сих пор ничего не было сообщено, я вынужден ссылаться на сведения, полученные мной по этому вопросу.

По этим сведениям условия, по которым мусульманские собственники могут потребовать и обрести в полное владение свое недвижимое имущество, должны быть следующими:

1. Представление документов на собственность, что связано с некоторыми обязательными формальностями.
2. Независимо от вышеупомянутых документов на собственность или же за неимением их предъявление удостоверений, выдаваемых старшинами местности, в которой находится его собственность.
3. Подтверждение того, что не существует каких-либо рекламаций к владельцу-мусульманину.
4. Обязательство для собственника-мусульманина, удовлетворяющего вышеизложенным формальностям, представить двух платежеспособных поручителей, одного — болгарина, другого — еврея, обязующихся в течение 15 лет ответить на любую последующую рекламацию.

И не буду останавливаться на значении первого из этих постановлений, против которого, разумеется, не может быть никаких законных возражений.

Предъявление удостоверений также соответствовало бы всем правовым положениям применительно к обстоятельствам, если бы оно требовалось исключительно в тех случаях, когда нет подлинных документов; в противном случае эта формальность лишь создает для законных владельцев необходимость лишних ходатайств и трудностей, присущих этой процедуре.

Я должен, между прочим, заметить, что мне подтвердили, что иногда болгары отказывались выдать требуемые удостоверения из-за полученного ими приказа воздерживаться от каких-либо свидетельств в пользу мусульманских собственников.

Что касается распоряжения по поводу возможных рекламаций, оно было бы беспрецедентным, если только акт, возбуждаемый в определенный срок, относился к требуемой собственности, а не к личности владельца.

Так как четвертый и последний пункт имеет целью заставить владельца представить на срок в 15 лет двух платежеспособных поручителей, едва ли нужно говорить, что всякий продавец, как бы он ни был уважаем и платежеспособен, разумеется, не мог бы на этом условии представить поручителей. Поэтому я, не колеблясь, заявляю, что применение этого из ряда вон выходящего предписания равносильно категорическому запрещению для мусульман пользоваться правами собственников.

Ст. XII Берлинского трактата определенно поддерживает право мусульман свободно пользоваться своей собственностью как в том случае, если они остаются в Болгарии, так и в том случае, если они проживают вне княжества. Любая мера, ограничивающая это право, противоречила бы духу этого международного акта, который, впрочем, лишь подтвердил право, уважаемое во всех странах, затронутых войной, и во всех известных законодательствах.

Переходя теперь к фактам другого рода, я должен упомянуть частые случаи, когда мусульманские эмигранты, лишенные каких-либо средств к существованию и пострадавшие от войны, по возвращении к родным очагам вынуждены вместе с семьями искать гостеприимства вблизи или же буквально у порога им же принадлежащих владений. Их дома, лавки, фермы, мельницы и т. д., если даже и избежали полного или частичного разрушения, заняты за низкую арендную плату, введенную новой администрацией, или без всяких оснований болгарами, отказывающимися допустить к ним законных владельцев.

Что же касается вверенного окружным советам временного управления имуществом, оставленным мусульманскими эмигрантами, то, разумеется, нельзя было бы достаточно оценить благожелательные чувства, коими руководствовались при принятии этого постановления. Было бы только желательно, чтобы просьбы и ходатайства владельцев по их возвращении были удовлетворены и чтобы прибыль от сдачи земли в аренду или от продажи зерна и прочих товаров, находящихся в их складах и амбарах, была им возвращена либо натурой, либо деньгами. Но я с сожалением констатирую, что такого рода требования почти всегда отклоняются или отводятся.

Все еще поступают жалобы мусульман на разрушение их жилищ, которые могли бы быть восстановлены с небольшими затратами и из коих иные были, наконец, починены, но тем не менее не избежали разрушения, что не прекращается и по сей день. Даже в Софии, в Тырнове и в городах, через которые я недавно проезжал, я был очевидцем такого рода повреждений и смог заметить, что материал этих построек или употреблялся на возведение новых, или же использовался как топливо.

Эти разрушения, чаще всего не имеющие определенных мотивов, по-видимому, иногда производятся при выпрямлении улиц и осуществлении намеченных мер по благоустройству. Нет необходимости по этому поводу замечать, что подобные экспроприации были бы оправданы только при том условии, что проживающим на своих местах владельцам предоставлялась бы справедливая компенсация; в том случае, если они отсутствуют, компенсация должна сохраняться за ними.

Я также с сожалением отмечаю еще более серьезный факт: разрушение в некоторых городах мечетей и прочих церковных зданий. Повреждения этого рода сооружений производились много позднее прекращения враждебных действий и в местностях, занятых без единого пушечного выстрела. Мечеть на площади Бадьярлык в Тырнове, невредимая еще менее месяца тому назад, была скрыта на глазах и с ведома властей. Меня даже уверяли, что отнюдь не буря, разразившаяся этой зимой, была причиной разрушения нескольких минаретов в Софии.

Вышеприведенная ст. XII специально поручает турецко-болгарской комиссии заботу об урегулировании всех дел, касающихся способа отчуждения, эксплуатации или пользования, за счет Блистательной Порты, как государственного имущества, так и имущества, принадлежащего духовным учреждениям. Пока еще эта комиссия не сформирована, было бы весьма справедливо, если бы русские императорские власти соблаговолили предохранить эти здания от какого бы то ни было намеренного повреждения.

Я счел своим долгом совершенно откровенно изложить вашему высокопревосходительству все эти соображения и факты. Не сомневаюсь, что, руководствуясь чувствами справедливости и равенства, ваше высокопревосходительство соблаговолит принять меры для устранения этих достойных сожаления обстоятельств.

Поэтому я прошу ваше высокопревосходительство путем новых инструкций распорядиться о прекращении прежде всего в отношении имущества мусульман тех ограничительных мер и положений, которые могли быть приняты под давлением обстоятельств, более не существующих.

Я имею основание надеяться также, что ваше высокопревосходительство соблаговолит возобновить по этому случаю распоряжения, чтобы склады, возвращаемые как в натуре, так и в денежной стоимости мусульманам, имеющим на это право, были признаны их собственностью и чтобы, наконец, был положен предел разрушениям, о которых идет речь.

Соблаговолите принять и пр.
(Подписано) Пертев

№ 297

*1879 г. февраля 26 (марта 10). — Донесение А. П. Давыдова
Н. К. Гирсу о работе Учредительного собрания и о позиции
представителей европейских держав¹*

Ternovo

Plus de 15 jours se sont écoulés depuis l'ouverture de l'Assemblée et jusqu'à présent les travaux d'élaboration du Statut organique n'ont pas commencé. La semaine qui s'est écoulée a été employée aux élections du président et des vice-présidents et à la constitution du bureau. J'ai eu l'honneur de porter par télégraphe à la connaissance de votre excellence les noms de ceux qui tiennent maintenant entre leurs mains la direction des travaux de l'Assemblée.

L'élection de monseigneur Anthyme, ci-devant exarque bulgare, a été un hommage rendu au patriotisme éprouvé ainsi qu'à la position éminente de sa béatitude. Monseigneur Anthyme, âgé de 82 ans, et souffrant d'une paralysie partielle du côté gauche, n'est guère en état de supporter les fatigues de la présidence, aussi a-t-on cru devoir lui donner pour adjoints deux vice-présidents Mrs. Karavelow, vice-gouverneur de Ternovo et Yconomow, inspecteur des écoles dans le gouvernement de Varna. Tous deux sont des gens intelligents et instruits, grands patriotes et tout-à-fait à la hauteur de la tâche qui leur est confiée.

La semaine qui commence sera consacrée probablement en entier aux débats relatifs à la réponse de l'Assemblée au discours d'ouverture du commissaire impérial². On tient à faire un exposé des difficultés avec lesquelles la principauté aura à lutter et à exprimer publiquement, fut-ce même au prix d'un rappel à l'ordre, les aspirations à l'union avec la Roumélie Orientale. En même temps, on élaborera en dehors de l'Assemblée une adresse à l'Europe qui sera remise aux représentants des Puissances étrangères. Il est question également d'envoyer une députation aux cabinets des Puissances signataires du traité de Berlin, mais on n'est pas encore tout-à-fait d'accord à ce sujet; on attend demain ou après-demain Guechow de Philippopolis qui est un des meneurs de l'opposition rouméliote et le principal collaborateur de la Maritza, et ce ne sera qu'après s'être entendu avec lui qu'on décidera cette question.

Mais tandis qu'on ne songe qu'à des adresses et à des démonstrations politiques, le temps s'écoule et l'élaboration du Statut organique n'avance pas. Ce ne sera probablement qu'à la quatrième semaine du carême qu'on commencera à s'en occuper. Pour hâter les travaux, on veut partager le projet soumis à l'Assemblée en plusieurs chapitres qui seront confiées séparément à autant de com-

missions élues dans le sein de l'assemblée. Il serait essentiel d'avoir fini tout le travail avant la semaine sainte, afin que les députés puissent regagner leurs foyers pour Pâques. Ce résultat est bien difficile à atteindre si on veut s'occuper consciencieusement de ce travail. C'est à quoi d'ailleurs on songe le moins, car on ne s'occupe de l'élaboration de Statut organique que par acquit de conscience et à la suite de la pression exercée de tout part sur les députés. Si on ne finissait pas avant Pâques, l'assemblée devrait s'ajourner et cela équivaldrait à une dissolution car la grande majorité des députés ne voudraient plus revenir à Ternovo. La composition même de l'Assemblée rend une session trop prolongée impossible. Les membres du haut clergé ne sauraient rester longtemps hors de leurs diocèses, les présidents des divers conseils sont également nécessaires dans les endroits où ils résident, enfin les commerçants et les paysans qui se trouvent au nombre des députés, subiraient des pertes considérables s'ils faisaient un séjour de longue durée loin du centre de leur activité.

Une certaine lassitude se fait déjà sentir parmi les députés et de nombreuses demandes de congé ont été déposées aux bureaux; peut-être réussira-t-on à accélérer leurs travaux en profitant de ces dispositions, mais en admettant même que la clôture de l'assemblée puisse avoir lieu avant Pâques, il n'y aurait qu'un pas de fait, et il faudrait procéder sans délai à la convocation d'une nouvelle assemblée pour l'élection du prince. Or, toute la majorité intelligente de l'assemblée est décidée à déclarer péremptoirement que la nation refuse de profiter de ce droit, vu les conditions d'existence qui lui ont été faites par le traité de Berlin.

Les députés de toutes nuances avec lesquels je m'entretiens fréquemment de la question du jour, évitent de parler de l'élection du prince, et pour ma part, je ne touche pas non plus à ce sujet, qu'il est prématuré de soulever en ce moment.

Le bon sens l'a décidément emporté sur les tendances extrêmes, et l'excitation des premiers jours est calmée. A la dernière séance, 4 députés de Doubnitsa ont demandé un congé en se basant sur une lettre de Sofia par laquelle on leur conseillait de retourner en hâte pour veiller sur leurs propres intérêts, vu l'entrée prochaine des troupes turques dans la ville de Djoumaa. Cette lettre a été lue en pleine assemblée et n'a donné lieu à aucune manifestation tandis que quelques jours plus tôt on aurait certainement eu de la peine à contenir l'émotion des députés.

L'attitude des représentants étrangers se dessine de plus en plus. L'Allemand et l'Italien se tiennent à l'écart, mais ne manquent jamais, quand l'occasion s'en présente, d'exprimer leurs sympathies pour la cause bulgare.

L'Autrichien qui a, selon toute apparence, reçu une réprimande de son gouvernement pour l'isolement dans lequel il s'était placé, cherche à rendre sa position meilleure, mais n'a que peu de succès auprès des Bulgares. Les visites que lui faisait Mr. Balabanow ont été vues d'un mauvais œil par les autres députés, et l'on prétend que c'est pour se réhabiliter à leurs yeux qu'il a soulevé à l'assemblée l'incident de la non-signature du protocole par le délégué austro-hongrois³.

Le Français et l'Anglais ont encouragé le projet d'adresse à l'Europe et laissent sous-entendre qu'elle pourrait amener à quelque résultat positif. Ils ont l'air de s'observer avec une certaine jalousie et rivalisent d'expressions de sympathie et d'offres de bons offices⁴. L'Anglais surtout cherche à jouer un rôle prépondérant et à se rendre populaire. Il voit beaucoup de députés et affiche autant qu'il peut ses relations d'intimité avec le prince Dondoukow. Il prétend avoir reçu de lord Salisbury une lettre privée dans laquelle celui-ci lui dit que s'il n'y a pas encore entente cordiale avec la Russie au sujet de la question bulgare, on n'en est peut-être pas bien éloigné⁵.

J'ai l'honneur, etc.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3249, лл. 184—186. Копия. Литографированный экземпляр.

Со времени открытия собрания прошло более 15 дней, а до сих пор еще не приступили к выработке Органического статута. Прошедшая неделя была употреблена на выборы председателя, вице-председателей и состава бюро. Я имел честь сообщить вашему высокопревосходительству по телеграфу имена тех, кто держит сейчас в своих руках руководство работами собрания.

Избрание его высокопреосвященства Анфима, бывшего болгарского экзарха, было данью уважения его испытанному временем патриотизму и выдающемуся положению его блаженства. Его высокопреосвященство Анфим, 82 лет, страдающий частичным левосторонним параличом, совершенно не в состоянии выносить тяготы председательства, поэтому сочли должным дать ему в помощники двух вице-председателей — гг. Каравелова, тырновского вице-губернатора, и Икономова, школьного инспектора в Варненской губернии. Оба они люди умные и образованные, большие патриоты, стоящие на высоте вверенной им задачи.

Начинающаяся неделя, по-видимому, будет полностью посвящена дебатам по поводу ответа собрания на вступительную речь императорского комиссара². Намереваются изложить трудности, которые княжеству предстоит преодолеть, и публично выразить, даже если при этом будут призваны к порядку, стремление к объединению с Восточной Румелией. В то же время вне собрания будет составлен адрес к Европе, который передадут представителям иностранных держав. Речь идет также о том, чтобы послать депутацию к кабинетам держав, подписавших Берлинский трактат, но по этому вопросу еще не договорились окончательно; завтра или послезавтра ожидают из Филиппополя Гешова, одного из вождей румелийской оппозиции и главного сотрудника «Марицы»; этот вопрос будет решаться только после обсуждения с ним.

Но пока думают только об обращениях и политических демонстрациях, время идет, а выработка Органического устава не продвигается вперед. По-видимому, этим начнут заниматься лишь на четвертой неделе великого поста. Чтобы ускорить работу, хотя и разделить представленный собранию проект на несколько глав, которые будут в отдельности переданы соответствующим комиссиям, избранным из среды собрания. Было бы очень важно закончить всю работу до страстной недели, чтобы депутаты могли к пасхе вернуться домой. Если делать эту работу основательно, успеть будет очень трудно. Впрочем, именно об этом менее всего думают, так как выработкой Органического устава занимаются только для очистки совести и вследствие давления, со всех сторон оказываемого на депутатов. Если не кончат до пасхи, придется перенести собрание, что было бы равносильно его роспуску, так как большая часть депутатов не пожелает более возвращаться в Тырново. Самый состав собрания не позволяет слишком затягивать сессию. Представители высшего духовенства не смогут долго оставаться вне своих епархий, председатели различных советов также необходимы на местах, наконец, торговцы и крестьяне, находящиеся среди депутатов, потерпят значительные убытки, если слишком долго будут находиться вдали от мест своей деятельности.

Среди депутатов уже начинает ощущаться некоторая усталость, и в бюро были представлены многочисленные просьбы об отпуске; может быть, удастся ускорить работу, воспользовавшись этими настроениями, но даже если допустить, что закрытие собрания может состояться до пасхи, то останется еще одно дело: нужно будет без промедления приступить к созыву нового собрания для избрания князя. Но все разумное большинство собрания решило категорически заявить, что народ отказывается воспользоваться этим правом из-за условий, созданных для него Берлинским трактатом.

Депутаты всех оттенков, с которыми я часто беседую по злободневным вопросам, избегают говорить об избрании князя и, со своей стороны, я также не касаюсь этого вопроса, поднимать который в настоящий момент преждевременно.

Здравый смысл решительно одержал верх над крайними тенденциями, и возбуждение первых дней улеглось. На последнем заседании четыре депутата из Дубницы потребовали отпуск, сославшись на письмо из Софии, в котором им советовали срочно вернуться, чтобы заняться своими собственными делами в связи со скорым вступлением турецких войск в город Джумайю. Это письмо было прочитано в собрании и не дало повода ни к каким манифестациям, тогда как несколькими днями раньше было бы, несомненно, трудно сдержать волнение депутатов.

Позиция иностранных представителей обрисовывается все более отчетливо. Немец и итальянец держатся в стороне, но никогда не упускают случая выразить свое сочувствие болгарскому делу.

Австриец, который, по всей видимости, получил выговор от своего правительства за ту изоляцию, в которой он оказался, пытается улучшить свое положение, но имеет весьма малый успех у болгар. Визиты к нему г-на Балабанова не одобряются другими депутатами и утверждают, что Балабанов именно для того, чтобы восстановить свой авторитет в их глазах, поднял в собрании вопрос об инциденте с неподписанием протокола австро-венгерским делегатом³.

Француз и англичанин поддержали проект обращения к Европе и дали понять, что он может привести к некоторым положительным результатам. Они, кажется, ревниво наблюдают друг за другом и соперничают в выражениях симпатии и предложениях добрых услуг⁴. Англичанин в особенности пытается играть преобладающую роль и завоевать популярность. Он видится со многими депутатами и афиширует, как только может, свои дружеские отношения с князем Дондуковым. Он утверждает, что получил от лорда Солсбери частное письмо, в котором последний говорит ему, что если еще нет сердечного согласия с Россией по болгарскому вопросу, то от него, может быть, не столь далеко⁵.

Имею честь быть и пр.

1. Это донесение А. П. Давыдова было более достоверным, чем донесение А. М. Дондукова-Корсакова (см. док. 292), так как Дондуков не упоминает о целом ряде трудностей, сразу же возникших в связи с возбужденным настроением делегатов.

2. Имеется в виду речь А. М. Дондукова-Корсакова при открытии собрания 10 февраля 1879 г. Обсуждение началось на седьмом заседании 27 февраля. Одновременно обсуждался вопрос о содержании адреса к правительствам великих держав и о посылке делегации (см. 78, стр. 39—49).

3. Австро-венгерский представитель не подписал протокол открытия Народного собрания, мотивируя это тем, что он еще не знаком с содержанием протокола. Не подписывает рениям Берлинского конгресса, что в нем нет нотаблей и мало представлено турецкое меньшинство. Остальные представители лишь просили дать им перевод протоколов (см. донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу от 11 (23) февраля 1879 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3249, лл. 154—155). После того как депутаты Народного собрания дали заверения, что они не нарушат Берлинский договор, все иностранные представители подписали протокол (см. 78, стр. 28; 55, стр. 54).

4. А. П. Давыдов сообщает интересные сведения о поведении иностранных представителей, которые, демагогически поощряя болгар к протесту против Берлинского трактата, вели дело к срыву принятия конституции и утверждения государственности Болгарии. Эта тенденция была разгадана русским правительством (см. письмо Александра II Э. И. Тотлебену, док. 293, а также 90, стр. 216—217). Если сопоставить демагогические маневры английских, австрийских и французских представителей с англо-русской полемикой по вопросу о смешанной оккупации, о введении турецких гарнизонов по ст. XVI Берлинского трактата (см. док. 219, 285, 295, 384), то станет ясным истинный характер этих выражений «симпатий» и предложения «добрых услуг». Нельзя, конечно, не отрицать и того обстоятельства, что одновременно иностранные представители стремились в какой-то степени завоевать популярность в среде болгар, дабы противопоставить свое влияние русскому (см. 90, стр. 210). В условиях, когда русские оккупационные власти и русские дипломатические представители отговаривали болгар от протеста против Берлинского трактата, другие иностранные дипломаты, поощряя болгар к адресам и петициям, выглядели «добрее» русских.

5. Эти заявления английского дипломата были дезинформацией, что видно из сопоставления с требованием Англии об удалении А. М. Дондукова-Корсакова из Болгарии при переговорах Солсбери с П. А. Шуваловым. Об англо-русском соглашении речи не было (см. док. 285 и примечания к нему).

№ 298

1879 г. февраля 26 (марта 10). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову о необходимости скорейшей делимитации границ Восточной Румелии

№ 39

Péra

Monsieur le chancelier!

Votre altesse m'a fait l'honneur de m'informer que sa majesté l'empereur avait daigné approuver les différentes mesures que, d'accord avec Mr. le général Totleben, j'avais soumises au ministère impérial par ma dépêche du

5 (17) Février N 21 * dans le but de détacher entièrement l'administration de la Roumélie Orientale de celle de la Bulgarie, et, de mon côté, je n'ai pas manqué de transmettre aussitôt cet ordre suprême tant au prince Dondoukow qu'au général Stolypine.

Parmi ces mesures, il en est une cependant qui jusqu'à présent n'a pu être mise à exécution, — c'est celle qui concerne le district d'Ichtiman: jusqu'à présent l'administration de cette portion de la Roumélie continue à dépendre de l'administration de la Bulgarie.

Pendant le séjour que je viens de faire à Andrinople, le général Stolypine, qui s'y trouvait, nous a expliqué, au commandant en chef et à moi, les difficultés pratiques qui s'opposaient encore à l'exécution de la volonté de notre auguste maître. En l'absence d'une délimitation exacte entre la Bulgarie et la Roumélie, il aurait fallu tracer une frontière approximative, sauf à la rectifier plus tard, et le général Stolypine craint, non sans raison, que, dans l'état d'excitation où se trouve la population de ces contrées, ce double travail ne donne lieu à des malentendus et à des désordres de la part des villages qui devraient faire retour à la Roumélie. Il lui semble préférable que la frontière soit tracée en une seule fois, lorsque la commission de délimitation reprendra ses travaux. Quant aux intérêts financiers sur lesquels insiste la Commission européenne de Philippopoli, ce retard ne leur porterait aucune atteinte, attendu que l'administration de la Bulgarie tient un compte séparé des revenus du district d'Ichtiman et les remettrait à la commission aussitôt après la délimitation **.

Ces considérations nous ont paru, au général Totleben et à moi, mériter l'attention du gouvernement impérial et nous ont engagé à ne pas insister sur la séparation immédiate du district d'Ichtiman. Le prince Tzéréttélew, qui était présent à notre entretien, a été chargé par nous de fournir les explications qui précèdent, à la Commission européenne, si la question d'Ichtiman y était de nouveau soulevée.

Ce territoire n'est du reste pas le seul qui, tout en appartenant, en vertu du traité de Berlin, à la Roumélie Orientale, n'en fait pas encore partie. Toute une bande de terrain qui s'étend au Sud de Philippopoli et qui l'année dernière servait de refuge aux insurgés du Rhodope, est en ce moment occupée par les autorités et les troupes turques, qui n'y laissent pas pénétrer notre police et nos détachements. Les positions respectives sont indiquées sur la carte ci-jointe. Là aussi l'incertitude de la frontière ne permet pas d'insister, comme il le faudrait, sur la retraite des autorités et des troupes ottomanes.

Malheureusement la commission de délimitation s'est ajournée au 3 (15) Avril, et, à moins qu'elle ne soit invitée à reprendre ses travaux immédiatement, il n'est guère admissible qu'elle puisse les terminer jusqu'au départ de notre armée d'occupation ¹.

La question du Rhodope, plus encore que celle d'Ichtiman, est destinée à créer de sérieuses difficultés avec la Porte: sous prétexte de protéger la population musulmane, les Turcs chercheront par tous les moyens possibles à maintenir ou du moins à prolonger leur occupation dans cette contrée, qui par sa position montagneuse, semble avoir une importance stratégique.

J'ai l'honneur d'être, avec le plus profond respect, monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur

Lobanow

Помета Александра II: J'ai été très désagréablement surpris de voir sur la carte annexée que les troupes turques et même des bachibouzouks occupaient déjà à l'heure qu'il est des localités au Nord de la frontière de la Roumélie Orientale, ce qui est tout à fait contraire aux stipulations de Berlin, ce que nous ne pouvons pas laisser passer sans protester.

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 37, лл. 454—456. Подлинник.

* См. АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 37, лл. 301—303; прим. 1 к док. 265.

** См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—1879 гг.», вып. 5, стр. 128—132; Н. Р. Овсянны й. Русское управление в Болгарии в 1877—78—79 гг., т. III, стр. 205—206.

Господин канцлер!

Ваша светлость изволили сообщить мне, что его величество император соблагволил одобрить различные меры, кои в согласии с генералом Тотлебенем я представил на рассмотрение императорскому министерству в моей депеше от 5 (17) февраля за № 21. Целью этих мер является полностью обособить администрацию Восточной Румелии от администрации Болгарии. Со своей стороны я не преминул тотчас передать это распоряжение свыше как князю Дондукову, так и генералу Столыпину.

Среди этих мер есть одна, которая до настоящего времени не могла быть приведена в исполнение, — та, что касается Ихтиманского округа: до настоящего времени администрация этой части Румелии продолжает зависеть от администрации Болгарии.

Во время моего недавнего пребывания в Адрианополе находившийся там генерал Столыпин разъяснил главнокомандующему и мне те практические трудности, которые встречаются еще при выполнении воли нашего августейшего повелителя. При отсутствии точного разграничения между Болгарией и Румелией следовало бы провести приблизительную границу, с тем чтобы исправить ее позже, по генерал Столыпин не без основания опасается, что при том состоянии возбуждения, в котором находится население этих стран, эта двойная работа даст предлог для недоразумений и беспорядков в деревнях, которые должны отойти к Румелии. Ему кажется более целесообразным, чтобы граница была проведена за один раз, когда делимитационная комиссия возобновит свои работы.

Что касается финансовой стороны вопроса, на которой делает упор Европейская филиппопольская комиссия, эта задержка не причинит никакого ущерба, ввиду того что администрация Болгарии ведет отдельный учет доходам Ихтиманского округа и передаст их комиссии тотчас же после разграничения.

Эти соображения показали генералу Тотлебену и мне заслуживающими внимания императорского правительства и побудили нас не настаивать на немедленном отделении Ихтиманского округа. Мы поручили князю Церетелеву, присутствовавшему при нашей беседе, дать вышеуказанные объяснения Европейской комиссии, если снова будет поднят вопрос об Ихтимане.

Эта территория, впрочем, не единственная, принадлежащая по Берлинскому трактату Восточной Румелии, еще не входит в ее состав. Целая полоса земли, простирающаяся к югу от Филиппополя и бывший год служившая убежищем родопским мятежникам, в настоящее время занята турецкими властями и войсками, которые не дают туда проникнуть нашей полиции и нашим отрядам. Соответствующие позиции указаны на карте, при сем прилагаемой. Именно эта неопределенность границ не позволяет настаивать, как это следовало бы, на удалении оттоманских властей и войск.

К несчастью, работа делимитационной комиссии отложена до 3 (15) апреля, и если комиссии не будет поручено немедленно возобновить работы, то совершенно немислимо, чтобы она могла их закончить до ухода нашей оккупационной армии¹.

Вопрос о Родопах еще более, чем вопрос об Ихтимане, должен создать серьезные трудности в отношениях с Портой; под предлогом защиты мусульманского населения турки пытаются всеми возможными методами сохранить или по крайней мере продлить свою оккупацию этой местности, которая благодаря гористому характеру, по-видимому, имеет стратегическое значение.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин канцлер, вашей светлости инжайшим и покорнейшим слугой

Лобанов

Помета Александра II: Я был весьма неприятно поражен, увидев на приложенной карте, что турецкие войска и даже башбузуки занимают даже и сейчас местности к северу от границы Восточной Румелии, что совершенно противоречит условиям, принятым в Берлине, и против чего мы не можем не протестовать.

1. Представители западных держав в делимитационной комиссии стремились оставить в пределах Турции как можно больше болгарских сел, что вызывало решительный протест болгарского населения. Представителю России приходилось вести в комиссии борьбу за каждый клочок болгарской земли (см. 45, стр. 122—123). Однако и по окончании работы комиссии турецкие власти не передали Румелийской автономной области несколько болгарских сел в Родопах (см. 46).

1879 г. февраля 27. — Телеграмма Министерства иностранных дел А. Б. Лобанову-Ростовскому с согласием на обращение болгарской депутации к правительствам великих держав по вопросу о воссоединении Болгарии

Секретно

Получена телеграмма от 25 февраля*.

Шифром: Не противимся поездке депутатов для исходатайствования изменения положения болгар пред великими державами¹. Поездку они могут кончить Петербургом, если оно не окажется излишним после переговоров с державами.

Революция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 42, л. 279. Отпуск.

1. Правительство России сначала выражало сомнение в целесообразности поездки болгарской депутации в столицы западных держав с протестом против решений Берлинского конгресса, опасаясь, что подобный шаг болгар приведет к вооруженному вмешательству Турции (см. док. 293). Но, поскольку дипломаты западных держав, заигрывая с болгарскими политическими деятелями, поощряли их обращение к западным державам (см. док. 297), правительство России, можно думать, чтобы не противооставить себя в этом вопросе западным державам, согласилось на поездку болгарских депутатов. А главное, правительство России считало, как видно из данного документа, что поездка убедит болгар в лицемерии дипломатии западных держав.

№ 300

1879 г. февраля 28 (марта 12). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о позиции европейских делегатов и правительств европейских держав относительно возможности введения турецких гарнизонов в Восточную Румелию и о волнениях в связи с этим среди болгарского населения**.

№ 65

Philippopolis

Monsieur l'ambassadeur!

J'ai rendu compte à plus d'une reprise des idées de mes collègues étrangers sur la question des garnisons dans les Balkans. C'est là en effet «une question de vie ou de mort pour la province» comme me le disait aujourd'hui encore le commissaire de France qui n'a pas cessé d'écrire dans ce sens à son gouvernement. Le baron de Ring s'évertue à prouver dans ses rapports que l'ordre sera absolument impossible à maintenir si les troupes turques pénètrent dans le pays. Il a signalé aussi la difficulté que rencontrerait la Porte d'entretenir des forces considérables et l'impossibilité d'éviter des collisions entre les troupes et une population excitée***.

Mr. de Kallay m'a assuré avoir écrit dans le même sens au comte Andrassy, et les délégués d'Italie et d'Allemagne ont fait valoir devant leurs gouvernements toutes ces considérations contre l'établissement des garnisons turques. Enfin sir H. Drummond Wolff lui-même a admis à plusieurs reprises l'extrême difficulté, sinon l'impossibilité de l'exécution de cette clause du traité de Berlin et à plusieurs reprises s'est déclaré prêt à discuter toute proposition de notre part visant à un arrangement à ce sujet.

* См. АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 40, л. 152—152об.

** См. док. 219, 285, 295, 307 и прим. 2 к док. 312.

*** См. В. Д. Конобеев. *Борьба болгарского народа за национальную независимость в 1877—1878 гг. «Освобождение Болгарии от турецкого ига»*. М., 1953, стр. 131—132.

Mais il paraît que cette unanimité des commissaires des grandes Puissances dans la question des garnisons n'a pas impressionné les gouvernements occidentaux. «Il est fort curieux,— me disait le baron de Ring,— que tandis qu'ici nous sommes tous d'accord à constater que l'entrée des garnisons fera infailliblement échouer l'œuvre si précaire de l'organisation de la Roumélie Orientale — nos ministères prétendent que nous nous trompons. Mr. Waddington pour sa part considère le traité de Berlin comme une espèce d'arche sainte à laquelle il ne croit pas possible de toucher. Quant au gouvernement anglais il paraît qu'il n'a pas plus été convaincu par les arguments de son délégué dans la commission, que ne l'a été le comte Andrassy par les rapports de Mr. de Kallay. Ainsi les gouvernements qui semblent si désireux de maintenir le calme dans cette province ne parviennent pas à s'entendre sur ce point capital et engager la Porte à se désister d'un droit dont l'application ferait certainement éclater des désordres».

Je n'ai pu qu'abonder dans le sens du délégué de France et je l'ai vivement engagé à persévérer dans ses opinions, fondées sur une connaissance de la situation du pays, acquise par un séjour de plusieurs mois, et à user de son influence sur nos collègues pour qu'ils fassent de même. Nous nous sommes quittés en exprimant l'espoir que nos efforts réitérés finiront par dessiller les yeux à ceux des gouvernements qui semblent vouloir ignorer la gravité de la question des garnisons. Votre excellence connaît par mes rapports précédents toutes les méfiances et les terreurs qu'inspirent aux Bulgares les garnisons turques.

Les gens les plus modérés et les plus disposés parmi eux à accepter la situation faite à la Roumélie Orientale sont pourtant unanimes à vouloir s'opposer par la force des armes à l'entrée des troupes ottomanes; la conduite de ces dernières dans le sandjak d'Andrinople n'est pas de nature à dissiper les appréhensions. «Si les troupes turques sont dans le pays, elles nous attaqueront un jour ou l'autre», disent les Bulgares. «Vaut mieux alors accepter la lutte avant qu'elles ne soient entrées dans les Balkans et nous aient entourés».

Je m'applique naturellement à calmer les craintes des Bulgares, en exprimant l'espoir que la sagesse des cabinets trouvera une solution à cette difficulté. Je ne manque pas de faire observer en même temps que l'entrée des garnisons est tout à fait indépendante de la question de l'évacuation, que les troupes turques dans les Balkans ne doivent nullement se substituer à l'armée russe, et qu'il faut au préalable qu'une Commission européenne ait établi les points que les garnisons peuvent occuper, etc. Mais pour ma part j'ai été frappé par une observation de Mr. de Kallay à ce sujet qui disait qu'en commençant le 1(13) Avril, la Commission européenne de délimitation pourrait pour la fin de l'évacuation fixer, au moins dans les Balkans qui se rapprochent de la mer Noire, les points à occuper par les Turcs. Votre excellence voudra bien se souvenir que cette partie du pays est en majorité peuplée de Turcs et qu'on y craint un mouvement des musulmans, ainsi que je l'ai exposé dans mon rapport du 19 Février (3 Mars) № 63*.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur l'ambassadeur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

prince Tzeretelew

Помета: Copie du présent rapport a été transmise à son excellence Mr. de Giers.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 128—130 об. Подлинник.

Пересод
Филиппополь

Господин посол!

Я неоднократно сообщал о мнениях моих иностранных коллег по вопросу о гарнизонах на Балканах. В самом деле, для провинции это вопрос жизни или смерти, как мне говорил еще сегодня французский комиссар, который не перестает писать в этом духе своему пра-

* См. док. 290.

вительству. Барон Ринг прилагает все усилия, чтобы доказать в своих донесениях, что будет совершенно невозможно поддержать порядок, если турецкие войска войдут в страну. Он указывает также, что для Порты будет трудно содержать значительные силы и невозможно избежать столкновений между войсками и возмущенным населением.

Г-н Каллай уверял меня, что он писал в том же смысле графу Андраши, и делегаты Италии и Германии выдвинули перед своими правительствами все соображения против расквартирования турецких гарнизонов. Наконец, сам сэр Г. Друммонд Вольф не раз соглашался с тем, что крайне трудно или почти невозможно выполнить это положение Берлинского трактата, и неоднократно заявлял о своей готовности обсудить любое наше предложение, паправленное к достижению соглашения по этому вопросу.

Но, по-видимому, это единогласие комиссаров великих держав по вопросу о гарнизонах не произвело впечатления на западные правительства. «Весьма любопытно, — говорил мне барон Ринг, — что в то время, как здесь все мы готовы констатировать, что вступление гарнизонов неизбежно провалит столь непрочное дело, как организация Восточной Румелии, наши министерства считают, что мы ошибаемся. Г-н Вадингтон со своей стороны полагает, что Берлинский трактат — это святыня, которой нельзя касаться. Что касается английского правительства, по-видимому, его не более убеждают доводы его делегата в комиссии, чем графа Андраши донесения г-на Каллая. Таким образом, правительствам, которые как будто столь стремятся к сохранению спокойствия в этой провинции, не удастся прийти к соглашению по этому основному пункту и побудить Порту отказаться от права, осуществление коего несомненно вызвало бы беспорядки».

Я мог лишь присоединиться к мнению французского делегата и горячо призывал его отстаивать свои взгляды, основанные на приобретенном в результате многомесячного пребывания в стране знании ситуации, и воспользоваться своим влиянием на наших коллег, чтобы заставить их сделать то же самое. Мы расстались, выразив надежду, что наши постоянные усилия в конце концов откроют глаза тем правительствам, которые, по-видимому, не хотят отдать себе отчет в серьезности вопроса о гарнизонах. Вашему высокопревосходительству из моих предыдущих донесений известно, какое недоверие и ужас внушают болгарам турецкие гарнизоны.

Люди, наиболее умеренные и готовые принять порядки, созданные для Восточной Румелии, тем не менее единодушны в намерении оказать вооруженное сопротивление вступлению оттоманских войск; поведение последних в Адрианопольском санджаке носит такой характер, который не может рассеять опасений. «Если турецкие войска будут находиться в нашей стране, они рано или поздно нападут на нас, — говорят болгары. — Поэтому лучше начать решительную борьбу, прежде чем они вступят на Балканы и окружают нас».

Я, разумеется, стараюсь устранить опасения болгар, выражая надежду, что мудрость правительств найдет путь для решения этой проблемы. В то же время я подчеркиваю, что вступление гарнизонов совершенно не зависит от вопроса об эвакуации, что турецкие войска на Балканах отнюдь не должны заменить русскую армию и что прежде всего необходимо, чтобы Европейская комиссия определила пункты, которые гарнизоны могут занять, и т. д. Но я со своей стороны был поражен замечанием по этому поводу г-на Каллая, который говорил, что начиная с 1 (13) апреля Европейская комиссия по разграничению сможет к концу эвакуации определить, по крайней мере для частей Балкан, близких к Черному морю, пункты, которые могут быть оккупированы турками. Соблаговолите, ваше высокопревосходительство, вспомнить, что эти местности по большей части населены турками и что там опасаются движения среди мусульман, как я писал об этом в моем донесении от 19 февраля (3 марта) за № 63.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин посол, вашего высокопревосходительства нижайшим и покорнейшим слугой

князь Церетелев

Помета: Копия настоящего донесения направлена его высокопревосходительству г-ну Гирсу.

1879 г. февраля 28 (марта 12). — Донесение А. Н. Церетелева
А. Б. Лобанову-Ростовскому о тяжелом экономическом положе-
нии населения некоторых округов Южной Болгарии

№ 66

Philippopolis

Monsieur l'ambassadeur!

Pour faire suite à mon rapport du 19 Février (3 Mars) 1879, № 64*, et aux explications verbales que j'ai eu l'honneur de fournir à votre excellence à Andrinople sur la situation économique de la population rurale, d'une partie de la Bulgarie du Sud, je crois devoir consigner quelques renseignements que je viens de recevoir d'une personne digne de toute confiance.

Les champs dans les districts de Yeni et d'Eski-Zaghra n'ont pas été, en grande partie,ensemencés; la vallée de la Tundja et même celle de la Gjopsa sont dans le même cas. Le manque de bétail arrête non seulement les travaux d'agriculture, mais encore la reconstruction des maisons, car les habitants ne disposent d'aucun moyen pour transporter les matériaux. Les bourgs et les villages détruits, comme Schipka, Kalofer, Sopot, commencent à peine à se relever. Le bétail est devenu si rare que l'on se trouve obligé d'aller l'acheter en Serbie. D'autre part, la destruction des distilleries dans les environs de Kasanlyk a sensiblement réduit la production de l'huile de rose qui constitue la principale industrie de cette contrée. La présence de nos troupes soutient un peu les paysans, mais après l'évacuation ces derniers seront privés des différents gagne-pain que leur procure l'armée. Aussi dois-je réitérer, monsieur l'ambassadeur, les graves appréhensions que me cause cet état de choses pour l'automne prochain. Je dois également regretter que notre administration n'ait pas cru possible d'avoir recours à la commission pour porter en temps utile un secours réel à la population rurale. Ceci aurait été d'autant plus facile que la gestion des finances de la province par la commission va être close, selon toute apparence, avec un excédant assez considérable.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur l'ambassadeur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

prince Tzérételew

Помета: Copie du présent rapport a été transmise à son excellence Mr. de Giers
АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 131—132. Подлинник.

Перевод
Филиппополь

Господин посол!

Чтобы продолжить мое донесение от 19 февраля (3 марта) 1879 г. за № 64 и устные объяснения, которые я имел честь направить вашему высокопревосходительству в Адрианополь об экономическом положении сельского населения Южной Болгарии, считаю долгом привести некоторые сведения, только что полученные от лица, достойного полного доверия.

Поля в округах Ени- и Эски-Загра большей частью не были засеяны; долины Тунджи и даже Гиопсы находятся в таком же положении. Нехватка скота задерживает не только сельскохозяйственные работы, но и восстановление домов, так как жители не располагают какими-либо средствами для перевозки материалов. Разрушенные города и деревни, такие, как Шипка, Калофер, Сопот, едва начинают отстраиваться. Скота стало настолько мало, что его вынуждены покупать в Сербии. С другой стороны, разрушение перегонных заводов в окрестностях Казанлыка значительно сократило производство розового масла, составляющего основную промышленность этой местности. Присутствие наших войск несколько поддерживает крестьян, но после эвакуации они будут лишены различных источников заработка, которые доставляет им армия.

* См. то же дело, лл. 90—91.

Поэтому, господин посол, я должен вновь остановиться на серьезных опасениях, которые вызывало у меня это положение вещей в отношении ближайшей осени. Я также должен пожалеть, что наша администрация не сочла возможным прибегнуть к помощи комиссии, чтобы вовремя оказать реальную помощь сельскому населению.

Это было бы тем более легко, что управление финансами провинции будет закончено комиссией, по всей видимости, с весьма значительным остатком.

С глубочайшим почтением имею честь быть, г-н посол, вашего высокопревосходительства нижайшим и покорнейшим слугой

князь Церетелев

Помета: Копия настоящего донесения направлена его высокопревосходительству г-ну Гирсу.

№ 302

1879 г. марта 1 (13). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о турецких замечаниях на некоторые статьи проекта Органического устава княжества Болгарии

№ 22

Ternovo

Monsieur le secrétaire d'Etat!

Le prince Dondoukow m'a demandé ce matin au moment de se mettre en route pour Roustchouk et Varna de soumettre à votre excellence une communication que lui a faite hier fort avant dans la soirée Pertew effendi.

Le commissaire ottoman lui a dit qu'il était chargé par son gouvernement de lui adresser quelques observations sur le projet de Statut organique *. Elles portent sur trois points:

L'article I subordonne à l'assentiment de l'Assemblée Nationale le droit d'étendre ou d'aliéner le territoire de la principauté de Bulgarie — droit appartenant exclusivement à la Puissance suzeraine.

L'article III porte que la principauté de Bulgarie est une monarchie héréditaire — ce qui est contraire aux stipulations du traité de Berlin.

Enfin, ce même article constate à la vérité que la principauté est vassale de la Sublime Porte, mais les droits du suzerain ne se trouvent pas autrement mentionnés dans le Statut organique.

Le commissaire impérial a répondu que ce projet, n'ayant pas encore été adopté par l'assemblée des notables et pouvant être modifiée dans toutes ses parties, il pensait qu'il n'y avait pas lieu de le discuter. Comme Pertew-effendi insistait, le prince Dondoukow lui fit observer que le projet de Statut organique avait été approuvé par le ministère impérial des affaires étrangères.

Le prince ne refusa pas du reste d'entrer dans quelques explications au sujet des observations du commissaire ottoman. Quant au 1er article, il lui dit que probablement on ne le soumettrait pas au vote de l'assemblée, vu que les diverses commissions n'avaient pas procédé jusqu'à ce moment à la délimitation et que la principauté n'avait pas encore les frontières qui lui étaient assignées par le traité de Berlin. Pertew-effendi lui répondit que c'était alors une question ajournée et non résolue.

Pour ce qui est de l'hérédité, le prince observa que l'ordre et la stabilité ne pourraient que gagner à l'admission de ce principe et que l'Europe ne verrait probablement dans l'hérédité de la dignité princière qu'une garantie de plus de paix et de tranquillité.

* Текст Органического устава см. Н. Р. О с с я н ы й. Русское управление в Болгарии в 1877—1879 гг., т. II. СПб., 1906, стр. 242—274; см. также И. В. К о з ь м е н к о. Петербургский проект Тырновской конституции. «Исторический архив», вып. IV, 1949, стр. 184—324; о н а ж е. Персональные проекты Тырновской конституции. «Освобождение Болгарии от турецкого ига», стр. 252—261; Э. Г р и м м. История и идейные основы проекта Органического устава, внесенного в Тырновское учредительное собрание 1879 г. «Годишник на Софийския университет», III, Юридически факултет, т. XVII, 1920—1921. София, 1922.

Je crois avoir transmis fidèlement à votre excellence la teneur de l'entretien du commissaire impérial avec le commissaire ottoman, tel qu'il m'a été communiqué par le prince lui-même.

J'ai appris dans le courant de la journée que Pertew-effendi avait invité quelques-uns des délégués à ce rendre chez lui demain et qu'il comptait leur soumettre les observations de son gouvernement au sujet du Statut organique.

Je crois pour ma part que l'article 3 du traité de Berlin¹ pourrait être interprété dans le sens de l'hérédité de la dignité princière et ceux des délégués avec lesquels j'ai eu des entretiens académiques sur cette question bien avant qu'elle n'ait été soulevée officiellement par Pertew effendi, ont partagé mon avis.

Quant à la faculté d'augmenter son territoire ou d'en aliéner une partie, c'est un droit qui certes peut être considéré comme n'appartenant qu'à un Etat indépendant. Du moment qu'il est constaté que la principauté est vassale, certains de ses fonctionnements s'en ressentent nécessairement, et il n'y a pas lieu d'en faire une mention spéciale, mais il est essentiel en revanche de garantir l'Etat vassal contre des aliénations arbitraires de la part du suzerain.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le secrétaire d'Etat, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. Davydow

Помета о получении: Reçu le 12 Mars.

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 913, ч. 1, лл. 90—92. Подлинник.

*Перевод
Тырново*

Господин статс-секретарь!

Сегодня утром князь Дондуков перед своим отъездом в Русчук и Варну попросил меня передать вашему высокопревосходительству сообщение, сделанное ему вчера поздно вечером Пертевом-эффенди.

Оттоманский комиссар сказал ему, что его правительством ему поручено сделать некоторые замечания по проекту Органического устава. Они относятся к трем пунктам.

Ст. I право расширения или отчуждения территории Болгарского княжества — право, принадлежащее исключительно державе-сюзерену, — ставит в зависимость от согласия Народного собрания.

Ст. III гласит, что княжество Болгарское является наследственной монархией, что противоречит условиям Берлинского трактата.

Наконец, та же самая статья действительно констатирует, что княжество является вассалом Блистательной Порты, но права сюзерена в Органическом уставе нигде более не упоминаются.

Императорский комиссар ответил, что поскольку этот проект еще не принят собранием нотаблей и может быть изменен во всех своих частях, он считает, что нет основания его обсуждать. Ввиду того, что Пертев-эффенди настаивал, князь Дондуков заметил ему, что проект Органического устава был одобрен императорским Министерством иностранных дел.

Князь не отказался, впрочем, войти в объяснения по поводу некоторых замечаний оттоманского комиссара. Что касается I статьи, он сказал ему, что, по-видимому, она не будет передана на голосование собрания, принимая во внимание, что различные комиссии еще не приступили к разграничению и что княжество не имеет еще границ, определенных Берлинским трактатом. Пертев-эффенди ответил ему что в этом случае решение вопроса откладывается.

Относительно наследования престола князь заметил, что порядок и стабильность только выиграют от принятия этого принципа, и что в наследовании княжеского достоинства Европа, вероятно, увидит лишь еще одну гарантию мира и спокойствия.

Я думаю, что верно передал вашему высокопревосходительству содержание беседы императорского комиссара с оттоманским комиссаром, как мне это было сообщено самим князем.

Я узнал в течение дня, что Пертев-эффенди пригласил некоторых делегатов прийти к нему завтра, и что он собирается сообщить им мнение своего правительства относительно Органического устава.

Я со своей стороны считаю, что ст. III Берлинского трактата¹ может быть истолкована как утверждающая наследственность княжеской власти, и те делегаты, с которыми я имел серьезные беседы по этому вопросу, задолго до того, как он был официально поставлен Пертевом-эффенди, разделяли мое мнение.

Что касается права увеличения территории либо отчуждения части ее, оно, безусловно, может принадлежать только независимому государству. Поскольку установлено, что княжество является вассальным, отсюда по необходимости вытекают некоторые его функции, и нет оснований специально об этом упоминать, но зато главное — это обеспечить вассальное государство против произвольных территориальных отчуждений со стороны сюзерена.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин статс-секретарь, вашего высокопревосходительства низжайшим и покорнейшим слугой

А. Давыдов

Почта: Получено 12 марта.

1. Ст. III Берлинского трактата говорила о том, что, «если звание князя болгарского останется незамещенным, избрание нового князя будет произведено при тех же условиях и в той же форме» (см. 79, стр. 184), но в ней ничего не говорилось о наследовании престола или о том, что оно не должно иметь место. Поэтому претензии турецкого правительства были незаконны и на окончательной редакции устава не отразились.

№ 303

1879 г. марта 2. — Телеграмма А. М. Горчакова А. М. Дондукову-Корсакову об отношении Александра II к работе Учредительного собрания

Государь с удовольствием осведомлялся о первых действиях Болгарского собрания, присутствовавшего к рассмотрению устава, и надеется, что под вашим руководством оно не сойдет с той правильной, согласной с трактатом почвы, на которую стало.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8797, л. 81. Копия.

№ 304

1879 г. марта 4 (16). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о разногласиях среди депутатов Учредительного собрания в связи с составлением меморандума к европейским державам от имени собрания¹

№ 23

Ternovo

Dans la séance du 27 Février, dont j'ai eu l'honneur de joindre un compte-rendu à mon rapport du 1(13) Mars, № 20², il avait été décidé qu'une réponse serait adressée au discours d'ouverture du commissaire impérial, et une commission, composée de onze députés, a été nommée pour en faire la rédaction. Dès le lendemain le bruit se répandit en ville, que cette même commission était chargée de la rédaction de l'adresse à l'Europe. Les délégués vinrent tous voir le prince Dondoukow avant son départ et lui exprimèrent leurs hésitations sur la possibilité pour eux de transmettre à leurs gouvernements respectifs un document émanant de l'assemblée des notables et ayant un caractère politique. Le prince leur donna l'assurance positive que l'adresse aux Puissances serait une œuvre extra-parlementaire et qu'il ne serait pas donné lecture en séance de l'assemblée.

Les délégués, après avoir échangé leurs idées à ce sujet dans des entretiens particuliers, sont convenus d'accepter l'adresse ou le mémoire qu'on leur présenterait s'il n'émanait pas de l'assemblée et si on n'en faisait pas lecture en séance. Pour les autres détails, il y a eu quelques divergences d'opinions

insignifiantes; ainsi Mr. Palgrave a déclaré qu'il ne pourrait admettre de signatures rouméliotes, tandis que Mr. Schefer a dit qu'il n'était pas tenu à connaître le lieu d'origine de tous les signataires. Quant à Mr. de Zwiedinek, il a dit à ses collègues, qu'il tenait à ne pas se séparer d'eux dans cette circonstance.

La commission de rédaction, s'étant réunie dès le lendemain de la séance, décida de s'adjoindre encore neuf membres et l'on procéda à la rédaction de la réponse au discours du commissaire impérial et du mémoire à présenter aux Puissances. C'est alors que l'arrivée de Mr. Guechow de Philippopolis vint changer du tout au tout la disposition des esprits. Les modérés, qui sont en majorité, avaient gagné du terrain et espéraient pouvoir commencer bientôt l'élaboration du Statut organique, mais on en revint aux premiers errements aussitôt que l'on eût appris que Mr. Guechow arrivait porteur de lettre des membres de la Commission internationale de Philippopolis à leurs cabinets respectifs. Il ne fut plus question que de députations et de démonstrations de tout genre. On décida d'envoyer une députation composée de Bulgares proprement dits, de Rouméliotes et de Macédoniens en Occident et une autre députation à St.-Petersbourg; on procéda même à l'élection de ceux qui devaient faire la tournée des capitales; en même temps il fut résolu de lire en pleine séance le mémoire destiné aux cabinets européens.

Hier, un des députés vint me communiquer tous ces détails et me demanda si je ne pouvais pas voir quelques-uns des coryphés de l'opposition et leur expliquer la situation telle qu'elle se présentait. Je répondis que je n'avais pas mission de diriger les travaux de l'assemblée mais qu'en l'absence du prince et, comme il s'agissait d'une question qui touchait aux rapports avec la délégation européenne je ne voyais pas d'inconvénients à exposer ma façon de penser si on voulait me la demander. Je désignai en même temps une heure à laquelle on me trouverait chez moi.

Sept députés se présentèrent parmi lesquels se trouvaient Mrs. Balabanow et Karavelow, vice-président de la chambre. Ce dernier était avant l'ouverture de l'assemblée un des plus ardents parmi ceux qui demandaient une protestation éclatante contre l'ordre des choses qui allait être sanctionnée par l'élaboration du Statut organique. Il s'était amendé depuis, et je l'avais trouvé très raisonnable ayant eu un long entretien avec lui peu de jours auparavant. Mais les récentes excitations l'avaient ramené à ses premières idées et il était actuellement un des plus exaltés. Quant à Mr. Balabanow il avait rompu avec Mr. Tzankow et s'était rangé parmi les modérés.

Je m'appliquai pendant mon entretien avec les députés à leur représenter la situation sous son vrai jour. L'assemblée des notables avait un mandat défini — celui de l'élaboration du Statut organique; dès le début elle avait cherché à élargir sa sphère d'activité et à se donner un caractère politique. Grâce à la condescendance du commissaire impérial et aux bonnes dispositions personnelles des délégués étrangers, on avait trouvé une combinaison qui permit aux députés d'exprimer dans une réponse au discours d'ouverture leurs préoccupations patriotiques au sujet de l'avenir de la principauté, et de signaler dans une adresse extraparlamentaire à l'Europe les dangers, auxquels pouvaient les exposer certaines dispositions du traité de Berlin. Il s'agissait maintenant pour eux de profiter de la latitude, qui leur avait été donnée tout en se maintenant dans les bornes qui leur étaient assignées.

Sortir de ce cadre, — c'était braver l'Europe et se priver de propos délibéré du résultat pratique qu'ils avaient d'abord cherché à atteindre. Une adresse qu'on rédigerait dans des conditions telles que les délégués ne pourraient pas l'accepter non seulement manquerait son but mais prouverait qu'on pensait plutôt à de vaines démonstrations qu'à une action sérieuse et légale.

Notre entretien dura plus de deux heures, et je remarquai avec satisfaction que Mr. Karavelow, le plus récalcitrant de mes interlocuteurs était sinon vaincu, du moins très ébranlé dans son opinion. Je dis aux députés que je leur avais exposé le point de vue des représentants étrangers, parce qu'il me semblait essentiel qu'ils le connussent, mais que je les priais de ne pas me considérer comme l'organe de la délégation européenne et j'ajoutai qu'ils feraient bien

de se rendre chez l'un des délégués, par exemple chez celui de France, pour s'assurer par eux-mêmes de sa façon de penser à cet égard. Trois députés allèrent en effet voir Mr. Schefer en sortant de chez moi, et il leur tint un langage de tout point conforme au mien; il alla cependant plus loin que moi en leur disant que si la lecture de l'adresse en séance de l'assemblée était inadmissible avant sa transmission aux délégués et par ceux-ci aux cabinets respectifs, il ne voyait pas d'inconvénients à ce que cette lecture ait lieu plus tard.

On vint me dire ce matin que tout allait bien et qu'à la séance de demain toute fausse note serait évitée, mais dans le courant de la journée un nouvel incident vint à surgir qui changea complètement la situation.

En rédigeant le procès-verbal de la dernière séance, les six secrétaires dont se compose le bureau de l'assemblée, se trouvèrent en désaccord: quatre d'entr'eux soutenaient que la commission de onze députés avait été chargée uniquement de la rédaction de la réponse au commissaire impérial, tandis que les deux autres prétendaient que l'élaboration du mémoire destiné aux Puissances lui avait également été confié. La séance de demain commencera par la lecture du procès-verbal; s'il contient un passage quelconque qui établisse que l'adresse à l'Europe émane de l'assemblée, cela suffira pour empêcher les délégués de la recevoir.

La question n'est pas résolue jusqu'à ce moment et ne le sera probablement que fort avant dans la nuit. Les réunions des députés se sont succédés pendant toute la journée et la confusion des esprits est à son comble. C'est Mr. Tzancow qui dirige le mouvement et qui cherche à engager l'assemblée dans une fausse voie pour en amener la dissolution.

J'ai cru devoir communiquer à Mr. Loukianow, représentant du commissaire impérial à l'assemblée des notables, toutes les informations qui m'étaient parvenues. Il était du reste au courant de la situation et s'était entendu avec monseigneur Anthyme pour empêcher la discussion et la lecture en séance de l'adresse à l'Europe. Sa bêtitude usera de son autorité pour prévenir tout incident fâcheux ou y couper court s'il venait à se produire.

J'attirai également l'attention de Mr. Loukianow sur la rédaction du procès-verbal de la séance précédente et lui dis, qu'il me semblait très important; si cette pièce n'était pas correcte et que le bureau s'obstine à la laisser telle quelle, de constater publiquement que les secrétaires de l'assemblée en étaient seuls responsables et de décliner toute solidarité avec une manœuvre qui n'est peut-être qu'une maladresse, mais qui pourrait être considérée comme préméditée et compromettre le commissaire impérial.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le secrétaire d'Etat, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. Davydow

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 913, ч. 1, лл. 93—98. Подлинник.

*Перевод
Тырново*

На заседании 27 февраля, отчет о коем я имел честь приложить к моему донесению от 1 (13) марта за № 20², было решено направить ответ на вступительную речь императорского комиссара, и для его редакции была назначена комиссия в составе одиннадцати депутатов. На следующий день по городу распространился слух, что этой же самой комиссии поручена и редакция обращения к Европе. Все иностранные делегаты пришли к князю Дондукову перед его отъездом и высказали ему свои сомнения относительно возможности для них передачи своим правительствам документа, исходящего от собрания notableй и имеющего политический характер. Князь заверил их, что обращение к державам будет делом внепарламентским и что его не огласят на заседании собрания.

Делегаты, обменявшись в частных беседах мнениями по этому поводу, договорились принять обращение или мемуар, который будет им представлен, если он не исходит от собрания и если он не будет оглашен на заседании. Что касается других подробностей, существуют некоторые незначительные расхождения во мнениях: например, г-н Пальгрейв заявил, что не сможет допустить подписи румелиотов, тогда как г-н Шефер сказал, что он

не обязан знать место происхождения всех подписавшихся. Что касается г-на Звидишека, он сказал своим коллегам, что считает нужным в данном случае к ним присоединиться.

Редакционная комиссия, собравшаяся на следующий день после заседания, решила принять в свой состав еще девять членов и приступила к редакции ответа на речь императорского комиссара и мемуара для представления державам. Именно тогда прибытие г-на Гешова из Филиппополя совершенно изменило настроение умов. Умеренные, находившиеся в большинстве, упрочили свои позиции и надеялись вскоре начать выработку Органического статута, но все повернулось к старому, как только стало известно, что г-н Гешов прибыл с письмом от членов Международной филиппопольской комиссии к своим кабинетам. Теперь уже речь шла только о депутациях и демонстрациях разного рода. Решили отправить одну депутацию в составе собственно болгар, румелиотов и македонцев на Запад, и другую — в С.-Петербург; приступили даже к избранию тех, кто должен был совершить поездку по столицам. Одновременно было решено огласить на заседании мемуар к европейским кабинетам.

Вчера один из депутатов сообщил мне все эти подробности и спросил меня, могу ли я принять некоторых корифеев оппозиции и разъяснить им создавшуюся ситуацию. Я ответил, что не имею полномочий руководить работами собрания, но ввиду отсутствия князя Дондукова и поскольку затронут вопрос, касающийся отношений с европейской делегацией, я не вижу препятствий к тому, чтобы изложить мой образ мыслей, если меня пожелают о нем спросить. Одновременно я указал время, когда буду у себя.

Прибыло семь депутатов, среди которых находились г. г. Балабанов и Каравелов, заместитель председателя палаты. Последний был перед открытием собрания самым горячим из тех, кто требовал решительного протеста против положения, которое должно было быть санкционировано Органическим статутом. С тех пор он изменился, и я в длительной беседе с ним несколько дней назад нашел его весьма рассудительным. Но недавние волнения вернули его к прежним взглядам, и теперь он был одним из самых экзальтированных. Что касается г-на Балабанова, он порвал с г-ном Цанковым и присоединился к умеренным.

Во время моей беседы с депутатами я пытался представить им ситуацию в ее истинном свете. Собрание нотаблей имело определенную задачу — выработать Органический статут; с самого начала оно пыталось расширить сферу своей деятельности и придать себе политический характер. Благодаря снисходительности императорского комиссара и личному расположению иностранных делегатов была найдена комбинация, которая позволила депутатам в ответ на вступительную речь выразить свой патриотизм и тревогу относительно будущего княжества и во внепарламентском обращении к Европе сигнализировать об опасности, которой могут их подвергнуть некоторые решения Берлинского трактата. Теперь для них речь шла о том, чтобы воспользоваться свободой действий, которая была им дана в определенных пределах. Выйти из этих рамок — значит бросить вызов Европе и лишиться себя права свободного обсуждения практического результата, которого они сначала стремились достигнуть. Обращение, составленное в условиях, неприемлемых для делегатов, не только не попало бы в цель, но обнаружило бы стремление скорее к бесполезным демонстрациям, нежели к серьезным и законным действиям.

Наша беседа длилась более двух часов, и я с удовлетворением отметил, что г-н Каравелов, самый строптивый из моих собеседников, был если не убежден, то по крайней мере поколеблен в своем мнении. Я сказал депутатам, что я им изложил точку зрения иностранных представителей, потому что мне представляется важным, чтобы они ее знали, но что я прошу их не считать меня выразителем взглядов европейской делегации, и добавил, что они хорошо бы сделали, если бы отправились к одному из делегатов, например к французскому, и убедились в его образе мыслей по этому вопросу. И действительно, три депутата, попросившись со мной, пошли к г-ну Шеферу, и сказанное им полностью соответствовало тому, что говорил я; он, однако, пошел далее меня, сказав им, что если чтение обращения на заседании собрания неприемлемо до его передачи делегатам и через них соответствующим кабинетам, он не видит неудобств в том, чтобы это чтение имело место позднее.

Мне сказали сегодня утром, что все идет хорошо и что на завтрашнем заседании постараются избежать неправильных действий, но в течение дня возник новый инцидент, полностью изменивший ситуацию.

При редактировании протокола последнего заседания обнаружилось разногласие между шестью членами бюро собрания; четверо из них считали, что комиссии из одина-

дцати депутатов была поручена только редакция ответа императорскому комиссару, тогда как двое других утверждали, что ей также была вверена выработка мемуара, предназначенного для держав. Завтрашнее заседание начнется с чтения протокола; если в нем будет какое-нибудь утверждение, что обращение к Европе исходит от собрания, этого было бы достаточно, чтобы помешать делегатам его принять.

Вопрос не решен до настоящего момента и будет, вероятно, решен лишь очень поздно ночью. Собрания депутатов следовали одно за другим в течение всего дня, и путаница в умах достигла предела. Г-н Цанков руководит движением и пытается направить собрание на ложный путь, чтобы привести к его роспуску.

Я счел долгом сообщить г-пу Лукьянову, представителю императорского комиссара в собрании нотаблей, все дошедшие до меня сведения. Впрочем, он был в курсе дел и договорился с его высокопреосвященством Анфимом помешать обсуждению и чтению на заседании обращения к Европе. Его блаженство воспользуется своим авторитетом, чтобы предотвратить любой досадный инцидент или прекратить его, если он возникнет.

Я также обратил внимание г-на Лукьянова на редакцию протокола предыдущего заседания и сказал ему, что если этот документ окажется неверным, а бюро будет настаивать на том, чтобы оставить его в этом виде, мне представляется очень важным публично заявить, что за это отвечать только секретари собрания, и отвести какую-либо ответственность за поступок, который, может быть, является лишь проявлением неумения, но может быть сочтен преднамеренным и скомпрометировать императорского комиссара.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин статс-секретарь, вашего высокопревосходительства пийжайшим и покорнейшим слугой

А. Давыдов

1. В этом допесении содержатся интересные подробности о работе Тырновского собрания, дополняющие материалы С. Радева, Г. Тодорова и др., относительно деятельности М. Балабанова, П. Каравелова и Д. Цанкова, а также действий самого А. П. Давыдова в вопросе о подаче адреса правительствам великих держав.

2. А. П. Давыдов ошибся в дате: его допесение № 20 датировано 28 февраля (12 марта). См. АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 913, ч. 1, л. 57 — 57 об. Упоминаемый им отчет о заседании Народного собрания в Тырнове от 27 февраля см. там же, лл. 58—66.

№ 305

*1879 г. марта 5 (17). — Телеграмма А. М. Дондукова-Корсакова А. М. Горчакову о принятии мер к скорейшему утверждению Органического устава Учредительным собранием и о несвоевременности обсуждения вопроса о кандидатуре болгарского князя **

Varna
Secret

Clair: Reçu télégramme de votre altesse ainsi que celui du secrétaire d'Etat Giers. Demain quitte Varna, mardi serai Tirnowo, communiquerai commissaire ottoman dernier télégramme pour ce que se rapporte à celui de votre altesse **.

Chiffres: Употреблю все усилия для скорейшего утверждения устава собранием. Не ручаюсь, чтобы приняли оный без обсуждения после данного права свободно обсуждать статут, но полагаю возможным некоторыми приемами значительно сократить прения. Что касается вопроса о кандидатуре князя, то считаю при настоящем настроении несвоевременным и могущим повредить делу возбуждение оного между депутатами. Лично не позволяю себе назвать какого-либо кандидата. Ожидаю указания от министерства для влияния на собрание, ежели оно решится на выборы князя при неопределенном настоящем настроении.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3249, л. 30. Копия. Литографированный экземпляр.

* См. док. 254, 307.

** Открытым текстом: Получил телеграммы вашей светлости и статс-секретаря Гирса. Завтра покидаю Варну, во вторник буду в Тырнове, сообщу оттоманскому комиссару последнюю телеграмму в той части, которая связана с телеграммой вашей светлости (фр.).

1879 г. марта 5 (17). — Денеша А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову о предстоящем завершении работ Европейской комиссии по выработке Органического устава Восточной Румелии

№ 41

Péra

Votre altesse m'ayant demandé par son télégramme du 3, à quelle date la commission de Philippopolis pourrait avoir terminé ses travaux, je me fais un devoir de placer sous ce pli la copie d'un télégramme du prince Tzeretelew *, ainsi que celle d'un rapport ** qu'il m'a adressé sur cet objet.

Les commissaires pensent que dans deux ou trois semaines leur tâche sera achevée en ce qui concerne l'élaboration du Statut organique. Mais il restera encore l'obligation, imposée à la Commission européenne par l'article XXIII du traité de Berlin, de donner son avis sur les règlements qui doivent être introduits dans toutes les parties de la Turquie d'Europe pour lesquelles une organisation particulière n'a pas été stipulée. Les commissions indigènes préparatoires au sein desquelles devront être élaborées tous les détails de ces règlements, ne sont pas même instituées à l'heure qu'il est, et l'on se demande si la Commission européenne de Philippopolis devra attendre indéfiniment le bon plaisir de la Porte, ou bien se dissoudre sans avoir rempli cette clause du traité de Berlin.

Quant à l'administration financière de la Roumélie Orientale, la Commission européenne ne pourrait en être débarrassée que le jour où la nouvelle administration serait introduite dans la province. Ce moment dépendra du plus ou moins d'empressement que mettra la Porte à promulguer le Statut organique ¹; or comme il y a deux ou trois questions sur lesquelles les délégués ottomans n'ont pas voulu adopter l'opinion de leurs collègues, et qu'en général, d'après certaines appréciations échappées à Carathéodory pacha, la Porte envisage le Statut organique de la Roumélie comme une œuvre beaucoup trop libérale et trop compliquée pour le pays, la promulgation et l'introduction du nouvel ordre de choses pourraient souffrir des retards.

Il ne serait possible d'y obvier que si toutes les Puissances étaient unanimes à maintenir, telle quelle, l'œuvre des délégués et à s'opposer à sa révision.

Le prince Tzérételew prévoit que la question de savoir ce que deviendra la commission, après avoir achevé son travail principal, ne tardera pas à être soulevée, et il m'importerait de connaître à cet égard les vues du cabinet impérial.

J'ai l'honneur, etc.

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 559, лл. 247—248. Копия. Литографированный экземпляр.

Перевод
Пера

Так как ваша светлость запрашивает меня своей телеграммой от 3-го, к какому числу Филиппопольская комиссия сможет закончить свои работы, считаю долгом препроводить при сем копию телеграммы князя Церетелева, а также копию донесения, направленного им мне по этому предмету.

Комиссары полагают, что через две или три недели их задача будет выполнена в отношении выработки Органического статута. Но еще останется обязательство, предписанное Европейской комиссией ст. XXIII Берлинского трактата, высказать свое мнение об уставах, которые должны быть введены во всех тех частях Европейской Турции, для которых специальная организация не была предусмотрена. Подготовительные местные комиссии, которые должны разработать все детали этих уставов, в настоящее время даже не учреждены, и спрашивается, должна ли Европейская филиппопольская комиссия бесконечно

* См. АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 559, л. 249.

** См. там же, лл. 250—251.

ждать благоволения Порты либо она должна быть распущена, не выполнив этих условий Берлинского трактата.

Что касается финансовой администрации Восточной Румелии, Европейская комиссия сможет освободиться от нее только в тот день, когда в провинции будет введена новая администрация. Этот момент будет зависеть от того, насколько Порта поторопится обнародовать Органический статут¹, но так как существуют два или три вопроса, по которым оттоманские делегаты не пожелали присоединиться к мнению своих коллег, и так как в общем судя по некоторым выражениям, проскользнувшим у Каратеодори-паши, Порта считает Органический статут Румелии слишком либеральным и слишком сложным для страны, то обнародование и введение нового порядка вещей может быть задержано. Этого можно было бы избежать, если бы все державы единодушно поддержали труд делегатов, таким, каков он есть, и воспротивились его пересмотру.

Князь Церетелев предвидит также, что вопрос о том, что станется с комиссией после завершения ее основной работы, не замедлит всплыть на поверхность, и мне важно знать мнение императорского правительства по этому поводу.

Имею честь и пр.

1. Порта обнародовала Органический устав Восточной Румелии 14 (26) апреля 1879 г. в виде султанского фирмана (на основании ст. XVIII Берлинского трактата).

№ 307

1879 г. марта 5 (17). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову о намерении Турции ввести гарнизоны и укрепить Балканские перевалы и с оценкой кандидатуры А. Богориди на пост генерал-губернатора Восточной Румелии

Péra

Mon prince!

J'ai l'honneur de vous accuser réception de votre expédition du 24 Février. Le désir de la Porte d'occuper les Balkans *avant* notre évacuation ne m'était pas connu. Ni les ministres turcs ni aucun de mes collègues ne m'en ont parlé. Je sais seulement qu'au Séraskérat on songe dès à présent à cette occupation, et que l'on fait certains préparatifs. C'est ainsi que l'on a conçu le projet de fortifier le passage de Schipka et d'y placer 60 canons de gros calibre, de ceux qui se trouvaient à Varna. Ce projet semble être d'autant plus extraordinaire que, d'après l'opinion de nos militaires, depuis que le quadrilatère de Roustchouk, Silistrie, Schoumla et Varna n'existe plus, il n'y a pas un endroit où une armée ne puisse traverser les Balkans, et c'est une idée chimérique de vouloir les défendre au moyen de quelques forts. La ligne du Danube que la Turquie a perdue, ne peut être remplacée par celle des Balkans. Des garnisons turques sur la frontière de la Roumélie et de la Bulgarie ne serviraient qu'à entretenir l'irritation des populations contre la Porte. Cette vérité semble évidente, et pourtant je doute que l'on parvienne à faire renoncer le gouvernement turc au droit que lui accorde le traité de Berlin; aucun des ministres ne se décidera à soutenir cette idée devant le sultan.

Un télégramme de Havas nous a annoncé hier que sir H. Layard devait retourner à Constantinople pour le 1 Mai. Cette nouvelle, si elle est exacte, diminue sensiblement la valeur des assurances que nous donne le gouvernement anglais de son désir de s'entendre avec nous. Layard n'est pas l'homme de la conciliation. C'est lui qui, par rapport à la Roumélie, n'a cessé d'inculquer au sultan et à ses ministres l'idée de rétablir et de fortifier l'autorité de la Porte dans cette province, et il est probable que la promulgation du Statut organique, élaboré par la Commission européenne, ne se fera pas sans de grandes difficultés*. Je ne suis pas à même de vous dire quelles sont les instructions

* На полях помета Александра II: Et c'est cette même idée qu'il avait tâché de faire prévaloir pendant son séjour actuel à Londres.

que Malet reçoit en ce moment de Londres. Quoique le gouvernement anglais lui ait donné le titre de ministre (au lieu de celui de chargé d'affaires), il observe cependant une attitude très réservée et très effacée, et n'apporte aucune initiative dans les affaires. Ses opinions personnelles sont très raisonnables et souvent diamétralement opposées à celles de Layard; il pense, par exemple, que la nomination d'un gouverneur-général *étranger* pour la Roumélie ne serait nullement en contradiction avec le traité de Berlin, n'approuve pas le choix de Roustem pacha, et trouve que les garnisons turques dans les Balkans sont une absurdité. Je n'ai toujours eu qu'à me louer de mes rapports avec lui; aujourd'hui même je vous rends compte d'une démarche fort courtoise qu'il a faite auprès de moi à l'occasion du départ de la flotte anglaise *. Mais, ayant le sentiment de sa position provisoire, il se borne autant que possible à un rôle d'observateur, et je n'ai eu connaissance d'aucune démarche auprès des Turcs, d'aucun propos, qui m'autorise à vous signaler un changement quelconque dans les directions du Foreign Office. Le retour de Layard, au contraire, serait un indice non équivoque de la persistance du gouvernement anglais dans la voie qu'il a suivie jusqu'ici **.

J'ai télégraphié hier à Mr. de Giers au sujet d'Aleko Vogoridès. Ce serait en effet pour le poste de gouverneur-général de la Roumélie un choix beaucoup meilleur que Roustem-pacha ***. A. Vogoridès est, dit-on, un homme civilisé, ayant fait de fréquents séjours à Paris et à Londres. Il a été peu de temps au service turc et n'a occupé qu'un poste marquant, celui d'ambassadeur à Vienne. Pendant la guerre il s'est brouillé avec le grand visir Edhem pacha, qui l'a fait restituer et rappeler à Constantinople. Là-dessus grand scandale: Aléko pacha refusa d'obéir aux ordres du sultan et rendit publique une lettre qu'il avait écrite contre Edhem pacha et l'administration turque en général, mais dans laquelle la personne du sultan était, du reste, traitée avec ménagement. Depuis cette époque il n'a plus reparu à Constantinople, et se trouve en ce moment à Paris.

Ce Vogoridès a, en Roumanie, un neveu, fils de Konaki-Vogoridès (caïmacam de Moldavie en 1856), dont on me fait un grand éloge. Ayant par sa mère une grande fortune, très instruit et très civilisé, pas mal ambitieux, ce jeune homme voudrait devenir prince de Bulgarie; il apprend le bulgare avec acharnement, et l'on m'assure qu'il a pour lui un certain parti, outre les Bulgares de la Roumanie qui nécessairement lui sont dévoués. Il vaudrait peut-être encore mieux que son oncle pour la Roumélie, si le futur prince de Bulgarie était choisi dans une des maisons d'Allemagne¹. Malheureusement, la Porte pourrait opposer sa qualité d'étranger, car il est sujet roumain et n'a jamais pris du service en Turquie.

Veillez, mon prince, agréer l'hommage de mon respectueux dévouement

Lobanow

Помета о получении: 1e 11 Mars.

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 40, лл. 59—62. Автограф.

Перевод

Пера

Князь!

Честь имею уведомить вас о получении вашей почты от 24 февраля.

О желании Порты оккупировать Балканы до нашей эвакуации мне не было известно. Ни турецкие министры, ни мои коллеги не говорили мне об этом. Мне известно лишь, что в Сераскерате уже сейчас думают об этой оккупации и что делаются некоторые приготовления. Таким образом, был задуман план укрепления Шишкинского перевала и отправления туда из Варны 60 пушек крупного калибра. Этот план кажется тем более необычным,

* См. док. 309.

** На полях помета Александра II: Je le regarderai aussi de cette façon.

*** См. док. 222 и примечание к нему; док. 295.

что, по мнению наших военных, с тех пор как четырехугольника крепостей Русчук, Силистрия, Шумла и Варна более не существует, нет таких мест, в которых бы армия не могла перейти через Балканы. Химерическая идея пытаться их защитить с помощью нескольких фортов! Дунайская линия, потерянная Турцией, не может быть заменена Балканской линией. Турецкие гарнизоны на границе Румелии и Болгарии лишь усиливали бы раздражение населения против Порты. Эта истина представляется очевидной, но тем не менее я сомневаюсь, что удастся заставить турецкое правительство отказаться от права, предоставляемого ему Берлинским трактатом; ни один из министров не отважится защищать эту идею перед султаном.

Телеграмма агентства Гавас известила нас вчера, что сэр Лайярд должен вернуться в Константинополь к 1 мая. Эта новость, если она верна, значительно уменьшает цену заверений английского правительства о его желании прийти к соглашению с нами. Лайярд не тот человек, с которым можно договориться. Именно он не переставал внушать султану и его министрам мысль о восстановлении и укреплении власти Порты в Румелии, и возможно, что обнародование Органического статута, выработанного Европейской комиссией, повлечет за собой большие трудности *. Я не могу сказать вам, каковы те инструкции, которые Малет получает в настоящий момент из Лондона. Хотя английское правительство дало ему звание министра (вместо звания поверенного в делах), он придерживается очень сдержанной и двойственной позиции и не проявляет никакой инициативы в делах. Его личные взгляды весьма разумны и часто диаметрально противоположны взглядам Лайярда; например, он считает, что назначение генерал-губернатором Румелии иностранца несколько не будет противоречить Берлинскому трактату; он не одобряет также кандидатуру Рустем-паши и находит нелепой идею о размещении турецких гарнизонов на Балканах. Я могу только похвалиться своими отношениями с ним; еще сегодня я сообщу вам о его учтивом поступке по отношению ко мне по случаю отбытия английского флота. Но, сознавая, что занимаемое им положение имеет временный характер, он ограничивается, насколько возможно, ролью наблюдателя, и мне ничего не известно о каком-либо предпринятом им в отношении турок демарше или выступлении, позволяющих указать вам на изменения в инструкциях Форин-Оффиса. Возвращение Лайярда, напротив, явилось бы недвусмысленным признаком того, что английское правительство твердо следует политике, которой придерживалось до сих пор **.

Вчера я телеграфировал г-ну Гирсу по поводу Алеко Вогоридеса. Действительно, это был бы значительно лучший выбор на пост генерал-губернатора Восточной Румелии, чем Рустем-паша. Говорят, что А. Вогоридес — человек цивилизованный, не раз бывавший в Париже и Лондоне. Он непродолжительное время был на турецкой службе и занимал только один значительный пост — пост посла в Вене. Во время войны он поссорился с великим визирем Эджем-пашой, который добился его смещения и отъезда в Константинополь. За этим последовал крупный скандал: Алеко-паша отказался подчиниться приказаниям султана и опубликовал письмо, написанное им против Эджем-паши и турецкой администрации вообще, но в котором, впрочем, о личности султана было сказано весьма осторожно. С этого времени он не появлялся более в Константинополе и сейчас находится в Париже.

У этого Вогоридеса есть в Румынии племянник, сын Конаки-Вогоридеса (молдавского каймакама в 1856 г.), которого мне весьма хвалили. Унаследовавший от матери большое состояние, весьма образованный и просвещенный, довольно честолюбивый молодой человек желает стать болгарским князем. Он упорно учит болгарский язык, и меня уверяют, что на его стороне некая партия, не считая румынских болгар, которые, разумеется, ему преданы. Он бы, может быть, более подошел к Румелии, чем его дядя, если бы будущий князь Болгарии был выбран в одном из немецких домов ¹. К несчастью, Порта могла бы возражать против него на том основании, что он иностранец, так как он румынский подданный и никогда не был на службе Турции.

Соблаговолите, князь, принять уверение в моем глубоком почтении и совершенной преданности

Лобанов

1. На болгарский престол претендовало немало лиц: Божо Петрович из Черногории, князь Бибеско, Эмануил Богороди, принц Генрих XVII фон Рейсс из Германии, Воль-

* На полях помета Александра II: И именно на эту идею он пытался обратить внимание во время своего теперешнего пребывания в Лондоне.

** На полях помета Александра II: Я смотрю на это таким же образом.

демар Датский. Болгары не раз называли кандидатуры очень популярных в их среде Н. П. Игнатьева и А. М. Дондукова-Корсакова. Но из Петербурга был послан приказ — русских не выбирать (см. 68, т. II, стр. 80). Он был излишен, так как никто из русских своей кандидатуры не выдвигал. В конце концов из всех кандидатур наиболее приемлемой для держав оказалась кандидатура Александра Баттенбергского — сына герцога Гессен-Дармштатского, племянника русского царя, поручика драгунского Гессенского полка. Он был участником русско-турецкой войны, что привлекало к нему симпатии болгар, хотя сам он не питал к ним ни малейших чувств (см. 9, стр. 134—137). Вступая на болгарский престол, он не собирался придерживаться русской ориентации. Его отец, герцог Александр Гессенский, заверял королеву Викторию, что его сын «не русский в своей душе, и что он не намерен действовать в качестве русского орудия» (см. 9, стр. 139).

№ 308

1879 г. марта 5 (17). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову о согласии Турции освободить занятую турецкими войсками часть территории Восточной Румелии и о необходимости эвакуации русских войск из Джумайского округа

№ 44

Péra

Monsieur le chancelier!

Pour faire suite à ma dépêche du 26 Février № 39 *, j'ai l'honneur d'informer votre altesse que je n'ai pas manqué de faire auprès de la Porte les démarches nécessaires pour obtenir l'évacuation par les troupes ottomanes du territoire anciennement occupé par les insurgés du Rhodope.

La Porte m'annonce actuellement que les ordres ont été donnés aux autorités turques d'évacuer le territoire qui doit faire partie de la Roumélie Orientale¹, et de disperser les bandes des musulmans armées qui y avait été signalées par nos autorités, mais en même temps elle demande que nos troupes évacuent le district de Djoumaïa qui doit rester en dehors de la limite de la Bulgarie et faire partie de la Macédoine.

Je me suis empressé de faire part de ces dispositions à Mr. le général Stolypine, et, comme la demande de la Porte à l'égard du district de Djoumaïa se trouve, vérification faite, parfaitement fondée en droit, j'en informe le commissaire impérial en Bulgarie, afin qu'il prenne les mesures nécessaires pour la satisfaire.

J'ai l'honneur d'être, avec le plus profond respect, monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur

Lobanow

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 37, л. 505—505 об. Подлинник.

Перевод

Пера

В дополнение к моей депеше от 26 февраля за № 39 имею честь сообщить вашей светлости, что я не преминул предпринять перед Портой необходимые шаги, чтобы добиться эвакуации оттоманскими войсками территории, прежде занятой родопскими повстанцами.

Порта мне сейчас объявила, что турецким властям был дан приказ эвакуировать войска с территории, долженствующей войти в состав Восточной Румелии¹, а также рассеять вооруженные банды мусульман, о которых сообщали наши власти; в то же время Порта требует, чтобы паши войска эвакуировали Джумайский округ, который должен остаться вне границ Болгарии и войти в состав Македонии.

Я спешу сообщить об этих распоряжениях генералу Столыпину, и так как требование Порты в отношении Джумайского округа является, как показала проверка, юридически совершенно обоснованным, сообщаю об этом императорскому комиссару в Болгарии для того, чтобы он принял необходимые меры к его удовлетворению.

* См. док. 298.

С самым глубоким уважением имею честь быть, г-н канцлер, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугой

Лобанов

1. Это обязательство Порты не выполнила целиком, и 20 сел, относящихся к территории Восточной Румелии, были отрезаны от области и остались под турецкой властью. Формально эти села были присоединены к Турции в 1886 г. (см. 90, стр. 318).

№ 309

1879 г. марта 5 (17). — Денеша А. Б. Лобанова-Ростовского
А. М. Горчакову о выводе английского флота из Мраморного моря *

№ 45

Péra

Ainsi que votre altesse en aura été prévenue directement, le cabinet de Londres, par déférence pour le gouvernement impérial, avait ordonné à la flotte anglaise, stationnant dans la mer de Marmara, de repasser les Dardanelles, sans attendre que nos troupes eussent franchi la frontière de la Roumélie Orientale.

Le sultan ayant eu connaissance du prochain départ de la flotte, avait désiré donner à l'amiral Hornby et à ses officiers un dîner d'adieu; mais comme ce dîner devait avoir lieu après le jour fixé pour lever l'ancre, l'amiral, pour ne pas retarder son départ, avait cru devoir s'excuser auprès de sa majesté et en avait informé le gouvernement anglais.

Celui-ci, cependant, persuadé que le gouvernement impérial n'y verrait pas un manque de parole, a prescrit par télégraphe à l'amiral de s'arrêter dans les Dardanelles et d'accepter l'invitation du sultan.

Le dîner doit avoir lieu aujourd'hui.

Mr. Malet, ministre d'Angleterre, est venu me prévenir de cet incident, afin qu'il ne puisse donner lieu à aucun commentaire erroné sur les intentions de son gouvernement.

J'ai remercié Mr. Malet de cette communication et lui ai dit que je ne manquerai pas de la faire parvenir par télégraphe au gouvernement impérial.

J'ai l'honneur, etc.

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 559, л. 254—254 об. Копия. Литографированный экземпляр.

Перевод

Пера

Как ваша светлость будете об этом лично извещены, лондонский кабинет из уважения к императорскому правительству приказал английскому флоту, стоящему в Мраморном море, снова пройти через Дарданеллы, не дожидаясь, когда наши войска перейдут границу Восточной Румелии.

Султан, узнав о скором отбытии флота, пожелал дать адмиралу Хорнби и его офицерам прощальный обед; но так как этот обед должен был состояться после дня, назначенного для снятия с якоря, адмирал, чтобы не задерживать свой отъезд, счел долгом извиниться перед его величеством и известил об этом английское правительство.

Однако английское правительство, убежденное, что императорское правительство не усмотрит в этом нарушения данного слова, дало по телеграфу предписание адмиралу остановиться в Дарданеллах и принять приглашение султана.

Обед должен состояться сегодня.

Г-н Малет, английский министр, пришел уведомить меня об этом инциденте, чтобы он не мог дать повода к каким-либо ошибочным толкованиям насчет намерений его правительства.

Я поблагодарил г-на Малета за это сообщение и сказал ему, что не премину передать его по телеграфу императорскому правительству.

Имею честь быть и пр.

* См. док. 307.

1879 г. марта 5. — Письмо заведующего финансовым отделом Управления российского комиссара в Болгарии К. А. Буха А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости введения таможенных пошлин на ввозимые из Восточной Румелии товары и сокращения расходов по содержанию русской администрации *

София

Милостивый государь, князь Александр Михайлович!

Терновский губернатор обратился ко мне с вопросом, следует ли облагать бандерольным сбором в пользу болгарской казны табак, привозимый из Адрианополя и Восточной Румелии, а также приготовляемый в г. Котле? Я отвечал на это, что все табаки и табачные изделия, ввозимые в Болгарию из Адрианополя, Восточной Румелии, а также из г. Котла, если он остался вне болгарской территории, должны подлежать оплате бандерольным сбором¹. Между тем начальник Центрального таможенного управления передал мне, что по приказанию вашему граница, отделяющая Болгарию от Восточной Румелии, оставлена открытою для свободного от таможенных пошлин ввоза всяких товаров². Ввиду такого распоряжения считаю себя не вправе умолчать пред вашим сиятельством, что безакцизный ввоз в Болгарию чрез границу Восточной Румелии всяких товаров, но в особенности табаку и спиртных напитков, нанесет крайне чувствительный ущерб болгарским доходам и подрыв промышленности, а, главное, выиграют от этого не болгары Восточной Румелии и других турецких провинций, а турецкое правительство, потому что усилится ввоз в Болгарское княжество табаку и вина из Турции вообще, и оттоманское правительство настолько, насколько усилится ввоз, обогатится бандерольным и акцизным сборами. Так как вы изволите находиться в Тырнове, то не угодно ли будет вам дать по сему предмету указания тырновскому губернатору, и если указания ваши будут идти вразрез с ответом моим, то не оставьте сообщить мне ваш взгляд на это дело. Едва ли можно предоставить Турции эксплуатировать Болгарию, которая и без того должна будет платить ей дань.

Другой жгучий вопрос, находившийся здесь во время вашего отсутствия, касается содержания, определенного русским должностным лицам. Вы изволите помнить, что по поводу хищнического обращения с остаточными деньгами было сделано распоряжение, чтобы впредь заведующие отдельными частями, как то: губернаторы, полицмейстеры, окружные начальники располагали безотчетно только суммами, назначенными на канцелярские расходы, а также на разъезды, когда лица, получающие их, действительно находятся при исправлении должностей; когда же лица сии находятся в отпуску, то деньги разъездные наравне со всеми прочими остатками должны сдаваться в казну; в отношении же сумм, отпускаемых на экстраординарные надобности, представлять в расходовании документальную отчетность. Такой порядок принят во всех благоустроенных государствах, и ваше сиятельство, соглашаясь со мною, что иное обращение с кредитами, ассигнованными на надобности службы, мог[ло] существовать только при ненормальных военных обстоятельствах, изволили дать предложение губернаторам в таком смысле. Сыр-бор загорелся здесь, в Софии. Вице-губернатор Лукашов одолевает меня бумагами, одна другой злее, о том, что деньги, отпускавшиеся на экстраординарные расходы, на разъезды всегда почитались добавочным содержанием чиновников, что питаты, утвержденные е[го] в [ысочеством] главнокомандующим, не отменены и проч., в самом резком и мало-приличном тоне. От прочих губернаторов подобных представлений не поступало. Было бы весьма желательно устоять в единожды принятом направлении и не дать пищи недоброжелателям России говорить и писать, что

* См. док. 311.

русское управление обходится чересчур дорого. Должностные лица из русских получают без того очень значительное добавочное содержание, и нет никакой нужды усиливать его еще в виде экстраординарных *безотчетных* сумм.

В этом отношении я не могу примириться со штатами нашими, где полицмейстеру из русских даются деньги и на разъезды, и на экстраординарные расходы, тогда как *болгарину* ни того, ни другого не полагается: изволь, мол, обегать город и поспевать на пожары пешком; еще очень недавно, по докладу управляющего внутренним отделом, всем губернаторам ассигнованы деньги на экстраординарные расходы, кроме одного виддинского, потому что он болгарин, точно в Виддинской губернии не могут предстать непредвиденные экстраординарные расходы. Не дадим ли мы повода к нападкам на нас в будущем?

В Филиппополе до сих пор сандржаковое казначейство, и почему Столыпин не высылает денег и не упраздняет казначейство, тогда как при управлении его образовано счетное отделение, неизвестно; приказ о закрытии филиппопольского сандржакового казначейства состоялся в первых числах января, а вот уже март.

С глубочайшим уважением и искреннейшею преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою

К. Бух

ОР ГБЛ, ф. 43, п. 3, д. 24. Автограф.

1. Согласно Берлинскому договору, между Болгарским княжеством и Восточной Румелией устанавливалась таможенная граница.

2. Этим русское гражданское управление стремилось сохранить экономические связи между княжеством и Восточной Румелией.

№ 311

1879 г. не ранее марта 5.* — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова К. А. Буху о сокращении расходов на содержание русской администрации и о невозможности обложения таможенными пошлинами ввозимых из Восточной Румелии товаров

Многоуважаемый Константин Андреевич!

Письмо ваше 5 марта получил вчера, по возвращении в Тырнов, спешу отвечать на два возбужденные вами вопроса:

1. Относительно требования Лукашова и вообще поползновения нашей администрации к эксплуатации болгарской казны в виде добавочных и т. п. кредитов вполне разделяю ваш взгляд о необходимости положить конец этому направлению. Штаты, утвержденные главнокомандующим, и вызванные ими расходы имели отчасти свое оправдание в военном положении края; теперь условия изменились, и бережливость в финансах является не только необходимостью, но, скажу больше, вопросом достоинства и чести нашей администрации. В этих видах полагал бы пересмотреть, по приезде моем в Софию, все эти добавочные и проч. содержания и издать *положительный* приказ; прошу вас заготовить все потребные к тому сведения и данные. Кроме того, я занимаюсь здесь предположением о значительном сокращении расходов уничтожением мелких округов, а может быть и сокращением некоторых губерний¹.

По этому вопросу собираю мнения влиятельных депутатов, а Грессер в своих поездках проверяет на месте возможность и удобство исполнения моих предположений. Полагаю также, по приезде в Софию заменить значительное количество должностей болгарскими, откомандировав к месту их

* Датируется на основании док. 310.

прежнего служения русских. Прихожу также к убеждению о возможности уменьшить расходы по военной части; все это вместе может составить экономию против настоящего бюджета от полутора до двух миллионов франков.

2. Если в этом отношении так сочувствую мысли вашей о сокращении расходов, то, с другой стороны, не могу согласиться со вторым предположением вашим относительно увеличения таможенных доходов посредством взимания пошлины с товаров, идущих из Румелии в Северную Болгарию.

Вопрос этот обязан я рассматривать при сложившихся обстоятельствах и возбужденном состоянии умов с политической стороны, а финансовая — в планах моих уже играет совершенно второстепенную роль. Малейшее распоряжение или даже намек о фактическом отделении Румелии от Болгарии может подать повод к самым непредвиденным осложнениям и произвести самое неблагоприятное влияние на Терновское собрание, которое с таким трудом стараюсь удержать на почве законности. В этом случае, жертвуя несколькими сотнями тысяч франков, я приобретаю спокойствие и сохраняю симпатии болгар к настоящему порядку вещей, который желал бы предоставить изменять или уничтожать другой администрации. Что же касается до мнения вашего, что невзиманием пошлин мы можем поощрять ввоз турецких товаров из границ Румелии, то это отчасти совершенно верно. Я не думаю, чтобы при настоящем застое турецкой торговли и экономических условиях Турции ввоз этот был значителен, но даже в противном случае я решился бы пожертвовать доходами болгарской казны ввиду высказанных мною политических соображений, которые вы, вероятно, оцените, принимая во внимание события настоящей минуты.

Кроме того, не сомневаюсь, что Румелийская комиссия с своей стороны примет меры против ввоза турецких товаров в пределы Румелии. Генералу Столыпину сегодня же пишу, прося доставить мне сведения, почему филиппопольское санджаковое казначейство до сих пор не закрыто, и поторопиться прислать в управление отчеты по Адрианопольскому санджаку и тем округам Румелии, которые уже отошли к Турции.

Не вхожу в подробности всего, испытываемого мною здесь в непрестанной борьбе с естественным возбуждением депутатов, а также подстрекательствами извне, но не теряю надежды довести трудную задачу разработки Органического устава до желаемого конца.

Дружески пожимаю вам руку и остаюсь навсегда всею душою уважающий вас
князь Дондуков-Корсаков

P. S. Надеюсь, что к приезду моему черновой бюджет будет составлен; для меня очень важно скорейшее утверждение и опубликование оногo.

Князь Дондуков

Переселение болгар принимает сильнейшие размеры; делаю распоряжение о поселении их на севере Болгарии; телеграфировал вам об открытии губернаторам кредита на этот предмет; считаю нужным предупредить вас, что все эти расходы должны быть произведены из сумм Адрианопольского санджака.

ОР ГВЛ, ф. 43, п. 3, д. 25. Автограф.

1. Вопрос о сокращении штатов гражданского управления в Болгарии и уменьшении расходов на содержание администрации А. М. Дондуков-Корсаков поставил перед Д. А. Милютиным в докладной записке еще 8 ноября 1878 г. Александр II одобрил предложения А. М. Дондукова-Корсакова (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7900, лл. 413—416). В связи с окончанием срока оккупации эти мероприятия были осуществлены только частично (см. 90, стр. 117).

1879 г. марта 6. — Циркуляр Н. К. Гирса русским послам в Берлине, Вене, Лондоне, Париже и Риме о сообщении правительствам европейских держав русских предложений относительно мер по обеспечению порядка в Восточной Румелии после эвакуации русских войск *

En chiffres: Les désordres surgis à Slivno ¹ confirment les craintes générales sur les dangers, dont la surexcitation actuelle des esprits menacerait la tranquillité de la Roumélie Orientale le jour où les troupes russes l'évacueraient sans que la province ne soit encore pourvue d'une organisation autonome ni même délimitée dans ses frontières. De telles éventualités compromettraient gravement l'œuvre accomplie à Berlin dans l'intérêt de la paix générale.

Notre auguste maître s'inspirant de l'esprit de ce traité en vue d'un péril aussi imminent, est d'avis:

1) Que la commission d'organisation après avoir rempli sa tâche et avoir obtenu à Constantinople la sanction du sultan, retournât en Roumélie Orientale pour y surveiller la mise en vigueur des nouvelles institutions, achever l'organisation de la gendarmerie indigène, installer le gouverneur-général et l'assister de ses conseils et de son autorité;

2) conformément à la proposition faite par le comte Andrassy et appuyée par le comte de Beaconsfield (protocole 5 de Berlin) ** et comme mesure préventive contre les conséquences infaillibles du retour des troupes turques dans la province, une force militaire mixte ², formée de contingents européens s'élevant de 10 à 15 mille hommes, repartis entre celles des Puissances qui voudraient y contribuer, sera cantonnée dans la province pour appuyer l'autorité du gouverneur-général, garantir la sécurité de la commission de délimitation et prévenir des conflits.

3) le terme d'une année semble nécessaire pour la durée de la présence de ces contingents étrangers.

Vous êtes invité à communiquer ces idées à Mr. le ministre des affaires étrangères en lui en signalant l'urgence.

Si elles rencontraient en principe l'assentiment des Puissances, le cabinet impérial serait prêt à s'entendre sur les voies et moyens d'exécution.

Giers

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВНР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 28, лл. 278—280. Отпуск.

Перевод

Происшедшие в Сливно беспорядки ¹ усиливают всеобщий страх перед событиями, представляющими угрозу спокойствию страны и могущими из-за нынешнего крайне возбужденного состояния умов разразиться в тот день, когда русские войска эвакуируются из провинции, в то время как она еще не получила автономной организации и ее границы еще не определены. Такого рода случайности серьезно подорвали бы дело, совершенное в Берлине в интересах всеобщего мира.

Наш августейший повелитель, руководствуясь духом этого трактата и принимая во внимание столь непосредственно угрожающую опасность, считает:

1) что комиссия по организации, выполнив свою задачу и добившись в Константинополе санкции султана, должна вернуться в Восточную Румелию, чтобы наблюдать за введением в действие новых институтов, завершить организацию местной жандармерии, ввести в должность генерал-губернатора и помогать ему своими советами и своим авторитетом;

2) в соответствии с предложением, внесенным графом Андраши и поддержанным графом Биконсфильдом (протокол 5 Берлинского конгресса), и в качестве предупредительной

* См. док. 307.

** См. примечание к док. 82.

меры против неизбежных последствий возвращения в провинцию турецких войск смешанная военная сила ² численностью от 10 до 15 тыс. человек, образованная из европейских контингентов держав, которые пожелают в этом участвовать, будет размещена в провинции для поддержания власти генерал-губернатора, обеспечения безопасности делимитационной комиссии и предупреждения конфликтов;

3) для присутствия иностранных контингентов представляется необходимым срок в один год.

Вы приглашаетесь сообщить об этих идеях г-ну министру иностранных дел, указав ему на неотложность решения этих вопросов.

Если державы будут в принципе согласны, императорский кабинет готов договориться о путях и способах их выполнения.

Гирс

1. Волнения в Сливно вспыхнули в связи с прибытием туда директора финансов Шмидта, уполномоченного Европейской комиссией для ревизии окружных касс. Последний вел себя крайне вызывающе по отношению к местному населению и угрожал вводом турецких войск. А. Б. Лобанов-Ростовский доносил А. М. Горчакову 26 февраля (10 марта) 1879 г., что подобный гон способствует непопулярности Шмидта, вызывает недовольство не только против него лично, но и против всей Европейской комиссии в целом (АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 40, лл. 55—58 об.). О ходе этих событий см. 45, стр. 123—126.

2. Вопрос о смешанной оккупации возник в конце 1878 г. (см. примечание к док. 82 и док. 219). Позже он стал предметом обсуждения между правительствами. Англия настаивала на смешанной оккупации с непременным участием турецких войск, против чего решительно возражала русская сторона (см. док. 285, 295).

В конце февраля 1879 г. П. А. Шувалов выдвинул перед петербургским кабинетом компромиссное предложение — Россия может согласиться на смешанную оккупацию при непременном исключении из нее турок. Шувалова поддержал в этом Милютин. Горчаков в переговорах с английским послом Дюфферином в связи с событиями в Сливно пытался склонить английское правительство к совместным действиям и предложил объединенный демарш русского и английского правительства в отношении Порты с тем, чтобы она обеспечила права жителей Южной Болгарии.

Публикуемый циркуляр появился в результате предшествовавших переговоров между державами и решения особого совещания от 6 марта 1879 г. с участием П. А. Шувалова. Д. А. Милютин писал по этому поводу: «Гр. Шувалову поручено вместе с Гирсом редактировать циркулярную телеграмму в смысле согласия на приведение в исполнение предусмотренной Берлинским конгрессом меры для обеспечения Восточной Румелии по выстушении русских войск (occupation mixte)» (57, стр. 125). В заседании особого совещания 10 марта продолжалось обсуждение этого вопроса. Вскоре начали поступать отклики на циркуляр русского Министерства иностранных дел. В донесениях П. П. Убри из Берлина от 11 (23) марта 1879 г. за № 57 и 58 сообщалось, что Бисмарк одобрительно отнесся к идее смешанной оккупации, но заявил, что Германии будет трудно принять в ней участие. Ту же позицию заняли правительства Франции и Италии (АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 24, лл. 226—228 об., 230—231). Что касается Англии, то она, соглашаясь с русскими предложениями о смешанной оккупации, считала необходимым согласие на это Порты и участие турецких войск в оккупации. См. донесения управляющего русским посольством в Лондоне Бартоломей (Шувалов был в Петербурге) от 14 (26) марта 1879 г. № 25, 26 (АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 78, лл. 128—136 об., 138—140 об.). Австро-Венгрия ожидала ответа Англии. 15 марта Д. А. Милютин записал в дневнике: «До сих пор только Австрия и Англия изъявили согласие на посылку своих контингентов; прочие же одобряют наше предложение в принципе, но уклоняются от участия в оккупации. Мы же не можем допустить австро-английской оккупации; не можем допустить и турецких войск, так как главная цель нашего предложения в том именно и заключалась, чтобы устранить вступление их в пределы Восточной Румелии» (см. 57, стр. 127—128).

Окончательный ответ Порты по этому вопросу см. док. 327 и примечание к нему.

№ 313

1879 г. марта 7. — Докладная записка М. А. Домонтовича А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости сбора статистических сведений для изучения социально-экономического положения Болгарии *

№ 448

София

Ввиду предстоящего в скором времени окончания русского управления в Болгарии признавалось бы необходимым ныне же принять решительные меры к собранию хотя бы некоторых существенно важных статистических сведений о здешнем крае.

* См. док. 243.

Таковые статистические данные весьма полезно иметь не только для Болгарского княжества, но и для русского правительства как необходимый материал для определения экономического быта страны.

Работу эту, по соглашению с начальником штаба оккупационных войск, представляется возможным поручить офицерам, командированным от частей оккупационного отряда, при участии и содействии губернаторов и окружных начальников, а также особо назначенных лиц из числа местных уроженцев, знакомых с русским языком.

Для руководства при исполнении означенного поручения составлена мною особая инструкция с приложением к ней двух таблиц, при сем представляемая на утверждение вашего сиятельства *.

Всем означенным офицерам полагалось бы справедливым для покрытия неизбежных при подобном рода командировке расходов выдавать из представленной в ваше распоряжение суммы по восьми франков суточных денег и прогоны, по положению; лицам же, назначенным гражданским управлением, выдавать точно так же прогоны и суточные деньги в размере, определенном законом.

Представляя все вышеизложенное на утверждение вашего сиятельства, считаю долгом доложить, что вызываемый настоящим предположением расход с излишком покроеется тем сбережением, которое получается от неимения расходов на содержание чинов статистического бюро, положенного по штату центрального управления.

Директор канцелярии генерал-майор Домонтович

Резолюция А. М. Дондукова-Корсакова: Утверждаю. Князь Дондуков-Корсаков. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8823, лл. 49—50. Подлинник.

Приложение

1879 г. не ранее марта 25 **. — Записка подпоручика 30-й артиллерийской бригады В. П. Митурича со статистическими сведениями о социально-экономическом положении Ямбольского округа Сливенской губернии ¹

Пространство. Поверхность. Пространство включает в себе 1050 кв. верст и представляет волнистую поверхность с общим склоном к югу. В северной и северо-восточной части поверхность представляет широкие мелкие долины, идущие от О к W *** и разделяющиеся цепями пологих холмов. Следствием почти горизонтального дна долин являются частые болота, большей частью высыхающие во время продолжительных жаров. Из таких болот замечательно по величине Стралджинский гёл. Но чем дальше на юг и восток, тем долины уже, а холмы выше и круче, и у селений Чераган и Тернава являются уже цепью Бакаджикских гор, покрытых полуистребленным лесом. Несколько лет тому назад этот лес был до того густ, что в нем находила возможность укрываться в продолжении 4-х лет шайка разбойников, и только 4 года тому назад положен конец ее существованию. К востоку от Бакаджикской цепи идет местность, пересеченная глубокими долинами разных направлений; на крайнем востоке возвышается плоскость Каракая (Черный камень), на которой расположено сел. Каракая. Эта плоскость с запада очерчивается скалистым ущельем, которое, постепенно расширяясь к югу, переходит в широкую плодородную долину сел. Барганли. Это самое плодородное и живописное место во всем округе. К югу и западу отсюда мест-

* См. то же дело, лл. 10—17, 27—29.

** 25 марта 1879 г. В. П. Митурич был командирован в распоряжение 30-й пехотной дивизии для сбора статистических сведений в Восточной Румелии. Возвратился из командировки 30 апреля 1879 г. (ЦГВИА, послужной список № 122—285).

*** Ost и West (от востока к западу).

ность пересечена в разных направлениях глубокими долинами, из которых главная — долина р. Тунджи — проходит через весь округ в виде неправильного Г.

Орошение. Средняя глубина рек. Из значительных рек, кроме р. Тунджа (средняя глубина 13 ф.), можно упомянуть об Чешме Эйрем, Марошка, Куваклишка, Дипсис и Кумлуджа со средней глубиной 6—7 футов. Остальные же — не более как ручьи, хотя посредством искусственного поднятия воды они иногда приводят в движение мельницы, напр., у сел. Афгани. Настредин дере, протекая между скал, бросается в глаза своею отличною водою, совершенно прозрачною и безвкусною.

Население. Теперь население округа состоит из 18594 болгар, 519 цыган, из которых только 26 мусульмане, 450 евреев, 8 турок, 3 грека, 3 арнаута и 3 немки. Всего 19 606 человек *. По произведенной же 8 месяцев тому назад правительственной переписи оказывалось 18 639 человек, т. е. население увеличилось на 965 человек ** вследствие наплыва беженцев из южной части Румелии и Македонии. Рождаемость же почти повсюду в этом году была слабее смертности, главной причиной чего, вероятно, является малочисленность жилищ в отношении к количеству семей. Многие семейства жили зиму в шалашах из соломы, в особенности много бездомных в селах Исетли и Утманли. Восемь месяцев тому назад было: домов 1976, семейств 2478, т. е. семейств на 502 более нежели домов. Теперь: домов вновь выстроено 204, семейств прибыло 261, т. е. превышение числа семейств над числом домов еще увеличилось на 57—559. Теперь: домов 2180, семейств 2739.

Земледелие. Главнейшие занятия жителей-болгар — земледелие и скотоводство. Всего в округе в этом году возделывается 45 тыс. дюлюмов земли, из которых виноградн[иков] до 7100 дюлюмов; всего же пахотной земли более 185 600 дюлюмов. Система обработки земли везде двухпольная; средний урожай — сам 8. Следовательно, зерновой сбор средний (при условии посева на всей половине земли) будет 600 тыс. кил. Здесь сеются: 1) пшеница 100, 2) рожь, зимница 30, 3) овес, ячмень 50, 4) кукуруза 5, 5) пряности, овощи, фрукты 0,5, 6) виноград ***. Впрочем, местами отношения эти меняются в зависимости от племени жителей (так, цыгане предпочитают овес, турки не возделывают виноградников) или свойств и качеств почвы. Почва к северу от Ямболи и к востоку черноземная, к югу — супесок и к западу частью суглинок, частью известковая. До войны здесь существовало шелководство, но теперь от него только и осталось до 5 тыс. тутовых деревьев, шелковичные же черви совсем не разводятся.

Скотоводство. Главная статья скотоводства Ямбольского округа — овцеводство; разводится 52 480 овец, между которыми попадаются длинношерстные анатолийские, 8225 коз, буйволов и волов — 1527 и 1831, лошадей — 1413, 629 ослов.

Число подвод и вьюков. Так что округ может выставить 1259 пароконных подвод и 1545 вьючных животных. И скотоводство теперь пало вследствие смут последних лет: население лишилось более половины скота вследствие военных реквизиций турецкой армии, а более — от захвата турецких иррегулярных войск, которые отступали от линии Балкан через весь Ямбольский округ. Ими же разрушено множество домов как в селениях, так и в самом Ямболе.

Промышленность и торговля. В округе существует только кустарная промышленность, фабрик и заводов обрабатывающих нет; был водочный завод в Ямболе, и тот сгорел. Есть 4 шерстобойных мастерских в Ямболе и

* Сумма неверна. Следует 19 580 человек. В. П. Митурич, видимо, ошибся, прибавив к общей сумме количества населения число 26 (цыган-мусульман), в результате чего получилось 19 606 человек.

** Сумма неверна, следует 967 человек.

*** Цифры при названии хлеба означают (показывают) отношение, в котором он сеется к другим хлебам (примечание документа).

одна в Инджексарли, мельниц. . . * лавок. . . * из которых 461 находятся в Ямболе.

Торговля мануфактурными товарами существует только в Ямболе, предмет же торговли сельских лавок — главным образом местные вино и водка (рахия). Первые жизненные потребности жители сами производят. Из жизненных продуктов у них можно достать по средней цене:

<i>Цены жизненных продуктов</i>		}	Цены эти в обыкновенное время, теперь же вследствие наплыва войск они поднялись более чем вдвое	
Око хлеба	— 1 грош			
» мяса	— 3 »			
» соли (черной)	— 1 »			
» сала	— 12 »			
» свеч (сальных)	8 »			
» баран	40 »			
Кочан капуста белой	— 15—20 пари **			

Ремесла. Из болгар очень мало ремесленников; главным образом ремеслами занимаются цыгане, потом евреи; вообще виды ремесла здесь немногочисленны и служат только к удовлетворению насущных потребностей края. Домостроительное искусство не существует даже и в городе, и все дома и постройки отличаются несложностью и однообразием, 3—4 работы приезжих архитекторов (общественные) здания и мечети — исключение; материалы построек — камень, дерево, необожженный кирпич и хворост. Дома в селениях большею частью мазанки, только Ачлар выделяется обилием деревянных домов. Каменных построек — только церкви, школы и мечети. В городе заборы необожженного кирпича и такие же или деревянные изгороди, в селениях складываются из глок (т. е. терновника).

Образование. Только самое первоначальное дается в сельских школах, которых 16 с 515 мальчиками и 109 девочками (6 закрыто в последние два года, было 22). Именно школы в:

Ямболь: 2 с 150 учениками и 60 учениц[ами]

Аринуткой	— 20 учениками	Тюркмен	— 25	»
Ханово	— 17 »	Тавшан-тепе	— 17	»
Башили	— 40 »	Стралджа	— 30	»
Хасбигли	— 20 »	Хамзорен	— 15	»
Пандекли	— 27 »	Афтани	— 25	»
Караджилар	— 19 »	Гидекли	— 30	»
Тарашкиной	— 45—18 ученицами			
Иенимахле	— 35—11 »			
Церквей	10, священников 11			

Чифтлики:

1. Армянина Катебиана	{	в Кишлакой	10 000	(долюмов земли)
		в Ачлар	4 000	
2. Хафуз-Ага	{	в Дерменкой	4 000	
		в Инджексарли	2 000	
3. Римзи-бей	—	в Чинкудже	2 200	
4. Ассим-бей	—	в Чинкудже	1 200	
5. Гассан-эфенди	{	в Чераган	2 800	
		в Суруджили	600	
		в Инджексарли	1 200	
6. Галиб-бей	{	в Тернова	1 600	
		в Исетли	2 000	
		в Кадыкой	12 000	
7. Халид ага	—	в Караджиларе	200	
8. Али Шарлиова	—	в Гидекли	80	
9. Султана Мехмет-Гирея	{	в Убчили	800	
		в Пандекли (сарай)	800	

* В документе цифры не проставлены.

** Грош — 5 сереб[ряных] копеек; пари — $1/8$ коп. (примечание документа).

10. Садык-Гирея	— в Ханово	400
11. Нух-бея	в Урум-чифтлик	1200
12. Мустафа-ага	— в Урум-чифтлик	800
13. Риза-бея	— в Мидирис	800
14. Али-бея	— в Мансарли	800
15. Арнаут Абдуллах	— в Атлий	600
16. Исмаил-паша	— в Тавпан-Тепе	12 000
17. Чиркишлийский султан	— в Хамзорен	4 000

Итого 17 владельцев и 24 чифтлика с 65 080 дюлюмами земли, из которой более половины пахотной.

*ЦГВЦА, ф. 430, д. 211, лл. 97—100 об. Автограф *.*

1. Предлагаемая в публикуемой докладной записке работа по собиранию статистических сведений о Болгарии была осуществлена в конце марта—начале апреля 1879 г. Командированные для производства переписи строевые офицеры получали для заполнения три таблицы. Одна из них содержала сведения о национальном и половом составе каждого населенного пункта, вторая — о количестве земли под разными угодьями у жителей каждого населенного пункта и численности скота, третья учитывала земли и усадьбы, брошенные бежавшими во время войны мусульманами. В особых записках отмечались имевшиеся в каждом округе чифлики. К названным материалам прилагалось общее экономическое описание района, образец которого дан в приложении.

Перепись охватила (по делению того времени) губернии: Видинскую, Тырновскую, Рушукскую Варненскую, Софийскую, Сливенскую и Филиппопольскую.

В связи с последовавшей вскоре после осуществления переписи эвакуацией русских войск, а затем и прекращением деятельности гражданского управления материалы переписи не были подвергнуты необходимой обработке.

Подробнее см. 64; 49, стр. 188 и др.

№ 314

*1879 г. марта 7 (19). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости сохранения церкви княжества Болгарии в составе Болгарской экзархии и замены в Народном собрании экзарха митрополитом ***

№ 71

Филиппополь

По проекту болгарского устава экзарх, как известно вашему сиятельству, состоит членом Народного собрания. Между тем он же в качестве представителя болгарской церкви — турецкий сановник и турецкий подданный. Противоречие это было недавно выставлено г. Станишевым в «Московских ведомостях»¹ и дало повод к разным толкам.

По мнению здешних образованных болгар, настоящее положение в церковном вопросе должно быть сохранено, и церковь княжества не должна быть отделена от экзархата, представляющего духовное единство болгар; всякое изменение опасно как могущее дать повод к изменениям и со стороны Порты в пользу патриархата, добивающегося ограничить экзархат пределами княжества и порвать, таким образом, нравственную и духовную связь между Северной Болгарией, Южной и Македонией.

Что же касается замеченного г. Станишевым противоречия в двойственных обязанностях экзарха как главы паствы, из коей большая часть в подданстве турок, и члена Народного собрания полунезависимого княжества, оно, несомненно, существует. Но достаточно заменить в собрании экзарха одним из митрополитов княжества, и затруднение исчезает без ущерба единству болгарской церкви. Пример католикоса всех армян доказывает, что глава церкви может и не быть подданным государства.

С глубочайшим почтением и проч. проч.

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 993, ч. 2, лл. 266—267. Копия.

* Подпись В. П. Митурича в записке отсутствует, но имеется на таблицах, приложенных к ней.

** См. док. 104, 183 и примечания к ним.

1. Статья К. Станишева «По поводу Органического статута Болгарии» посвящена противоречиям касательно церковного вопроса в проекте Органического устава Болгарии. Он пишет, что в гл. I, ст. 38 (автор ошибается: в проекте это гл. IX, ст. 38; см. 68, т. II, стр. 248, I стлб.) говорится, что «княжество Болгарское в церковном отношении составляет часть болгарской церковной области, подчиняется высшему духовному начальству, где бы последнее ни пребывало». До сих пор болгарскую церковную область составляли те епархии Балканского полуострова, которые находились в зависимости от константинопольской болгарской экзархии. Ныне же часть этих епархий осталась под турецким владычеством, следовательно, в церковном отношении в зависимости от константинопольской экзархии, а другая часть вошла в состав Болгарского княжества. Далее автор пишет: «По смыслу 38 ст. предстоит одно из двух: или экзархийские епархии, оставшиеся под турецким владычеством, будут в церковном отношении зависеть от экзарха, пребывающего в княжестве и, следовательно, болгарского подданного, на что едва ли согласится турецкое правительство; или епархии, вошедшие в состав княжества, в церковном отношении будут в зависимости от константинопольского экзарха и, следовательно, от турецкого подданного, что едва ли желательно для княжества. Но допустим, что княжество по каким-нибудь соображениям соглашается зависеть в церковном отношении от константинопольского экзарха. Тогда сопоставим следующую 2 ст. устава: гл. XI ст. 61 (гл. XII, отд. II, ст. 61; см. 68, т. II, стр. 252, 1 стлб.): «Только болгарские подданные могут занимать должности [в княжестве] по государственной, общественной и военной службе». Гл. XIV, ст. 79 (см. там же, стр. 256, I стлб.): «В состав обыкновенного Народного собрания входят: 1) экзарх болгарский и т. д., следовательно, турецкий подданный, коль скоро он пребывает в Константинополе» (см. газету «Московские ведомости» 1879 г., № 41, 17. II стр. 3—4).

В конституции Болгарского княжества указанные К. Станишевым противоречия были устранены. Названная 38 ст. о вере (гл. IX, ст. 39 конституции; см. 68, т. II, стр. 248, II стлб.) гласит, что: «княжество Болгарское в церковном отношении, составляя нераздельную часть болгарской церковной области, подчиняется св. Синоду — высшей духовной власти Болгарской церкви, где бы власть сия ни пребывала, а посредством нее сохраняет единение с восточной церковью во всем, что касается догматов веры». Ст. 61 осталась в прежней редакции, став ст. 65 конституции (см. там же, стр. 252, II стлб.). Ст. 79 была уничтожена, т. е., согласно конституции, в Народном собрании не было депутатов по положению.

№ 315

*1879 г. марта 7(19). — Письмо А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости подготовки болгар к замещению должностей гражданской администрации в Восточной Румелии **

№ 72

Филиппополь

Милостивый государь
князь Алексей Борисович!

Переход от настоящего порядка вещей к оттоманскому управлению крайне озабочивает болгар Восточной Румелии и побуждает тех из них, которые убедились в неизбежности этого перехода, изыскивать средства, чтобы он совершился возможно успешно.

Потому некоторые из здешних влиятельных болгар, в том числе экзарх и митрополит, просили меня обратить внимание императорского правительства на необходимость заранее подготовить чиновников, которые могли бы, при уходе наших войск и управления занять места служащих из русских и, таким образом, помешать наплыву разных неизвестных личностей и особенно греков и армян, что неминуемо случится, если места останутся без готовых кандидатов.

В особенности указывалось при этом на места губернаторов, правителей канцелярий, полицеймейстеров и окружных начальников. По краткости остающегося до начала эвакуации времени было бы крайне желательно, по мнению болгар, чтобы к каждому из этих мест был немедленно прикомандирован кто-либо из здешних уроженцев, чтобы присмотреться и иметь возможность вступить в отправление этих обязанностей уже с знанием дела. При этом выражается желание, чтобы те из уроженцев Южной Болгарии, которые служат в княжестве, были переведены сюда. Называют особенно

* См. док. 353, 382, 388.

гг. Балабанова, Каравелова, Стоилова и других¹, которые, говорят, сами предпочли бы служить на родине.

Представляя вышеизложенные желания болгар на усмотрение вашего сиятельства, считаю долгом высказать мое скромное убеждение, что они заслуживают полного внимания, как несомненно способствующие к поддержанию порядка при выступлении и по выступлении наших войск.

От вашего сиятельства будет зависеть осуществить эти просьбы указаниями нашему управлению в Восточной Румелии и Болгарии.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства

покорнейший слуга князь Церетелев

Пометы: 1) Копия с сего донесения препровождена его высокопр[евосходительст]ву Н. К. Гирсу.

2) Кн. Дондукову 20 марта 1879 г., № 372.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 171—172 об. Подлинник.

1. В ответном письме от 26 марта 1879 г. А. М. Дондуков-Корсаков писал А. Б. Лобанову-Ростовскому: «По окончании задачи собрания я не вижу препятствий к предоставлению им должностей в Румелии и возвращению их в эту провинцию» при их желании (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8792, лл. 246—247).

№ 316

1879 г. марта 7. — Донесение И. С. Иванова А. Д. Столыпину с просьбой о выделении средств для постройки здания реального училища в Сливно

№ 836

Сливно

По распоряжению императорского комиссара в Болгарии в конце прошлого года в г. Сливно открыто реальное училище с ассигнованием на содержание его необходимой суммы на весь учебный год. Училище это помещено в весьма неудобном частном доме, в котором с большим трудом размещены три класса этого училища, но с открытием 4-го класса и с увеличением числа учащихся представляется совершенно невозможным дальнейшее оставление училища в этом доме.

Ввиду этого я распорядился о составлении плана на постройку здания в г. Сливне для реального училища, предполагая покрыть предстоящие расходы по возведению этой постройки из частных пожертвований, по недостатку городских и общественных сумм.

Для успеха этого предприятия я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство благоволить назначить на этот предмет пятьдесят тысяч (50 тыс.) фр. из сумм, имеющих в вашем распоряжении. Субсидия эта, как я надеюсь, положит прочное основание этому делу и весьма благотворно повлияет на успешный сбор частных пожертвований для доведения до конца предпринимаемого благотельного для края дела¹.

Губернатор Иванов
Правитель канцелярии Мищенко

Резолюция А. Д. Столыпина: Из условно поступивших сумм отошедших округов разрешаю выдать (20 000) двадцать тыс. фр.

Г[енерал]-а[дъютант] Столыпин

Помета правителя канцелярии генерал-губернатора Восточной Румелии П. Неклюдова: В счетное отделение для исполнения по резолюции и выдаче денег по присылке за оными нарочного от сливенского губернатора.

П. Н[еклюдов]

Расписка чиновника по поручениям сливенского губернатора: 1879 г. 29 марта. Двадцать тысяч франков получил согласно удостоверения г. сливенского губернатора от 26 марта за № 1318.

Чиновник по поручениям П. Дагоров

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 33243, лл. 51—52 об. Подлинник.

1. Согласно Временному уставу для народных училищ, местные общины должны были предоставлять средства на содержание училищ (§ 26). См. прим. 2 к док. 59.

№ 317

1879 г. марта 9(21). — Из письма Э. И. Тотлебена Александру II о состоянии народного просвещения в Болгарии и о ходе эвакуации русских войск

Варна

Всемиловейший государь!

Письмо вашего величества от 23 февраля (7 марта) * имел счастье получить по прибытии в Варну 3 (15) марта.

Во время переезда моего из Адрианополя на Шипку и далее на Сливно, Котел, Шумлу и Варну я доносил вашему величеству по телеграфу обо всем, чему я ежедневно был свидетелем. Считаю долгом дополнить эти телеграммы очерком общих впечатлений, вынесенных мною при проезде по В[осточной] Румелии и Болгарии.

Восторженные встречи со стороны народонаселения служили всюду лишь выражением беспредельной преданности и благодарности болгарского народа к царю-освободителю. Чувства эти выражались во всех городах и селениях самым трогательным образом.

К успокоению умов в Румелии много содействовали образование гимнастических обществ, обучение населения стрельбе и раздача оружия **. Все это подробно изложено мною в записке, представляемой при сем на благовоззрение вашего величества ***. Нет особенного повода опасаться, что оружие, назначаемое единственно только для самозащиты, будет употреблено населением во зло.

Болгары, находившиеся под гнетом Турции в течение нескольких столетий, по характеру своему скрытны, сосредоточены, скупы и негостеприимны. Среди них отсутствует то сердечное добродушие, которым преисполнен русский народ. Но при всем этом он чрезвычайно способен, весьма трудолюбив, умеренны, имеют твердый и настойчивый характер и вообще отличаются хорошою нравственностью.

Особенного внимания заслуживают устройство и распространение народных школ. Не только в городах, но и в каждой деревне выходили ко мне навстречу мальчики и девушки с их учителями и учительницами. В городах девушки являлись в белых платьях с шарфами из национальных цветов. Учителя и учительницы чрезвычайно добросовестно и усердно исполняют свои обязанности.

Преподавание в школах весьма простое и практичное, обучение детей обязательно для всех. В крае, который столько времени находился под гнетом мусульман, подобное явление невольно возбуждает удивление. Я не мог смотреть на этих благовоспитанных детей иначе, как с особенным удовольствием. Твердый, консервативный характер болгар, природные способности и школьная система их представляют собою богатые задатки для будущей самостоятельности и дальнейшего развития этого народа.

* См. док. 293.

** См. док. 272 и примечания к нему.

*** ЦГВИА, ф. 430, д. 59, лл. 370—379 об.

В Габрове и Казанлыке существовали до войны институты для образования учительниц. Я встречал также между наставниками и наставницами лица, получившие образование в России, другие же воспитывались в Вене, Берлине и преимущественно в Праге.

Для сохранения искреннего сочувствия и глубокой признательности, которые одушевляют болгар в отношении к России, мне казалось бы весьма важным облегчить и сделать по возможности доступным:

1) образование молодых болгар в наших военно-учебных заведениях, преимущественно в юнкерских училищах;

2) подготовку в России учителей, дабы болгары менее направлялись в Австрию с целью получения европейского образования;

3) воспитание в наших женских пансионах учительниц.

Кроме того, необходимо принять всевозможные меры для противодействия распространению унии и для поддержания и сохранения православия среди болгарского народа.

Отступление наших войск в пределы В[осточной] Румелии совершилось в полном порядке в назначенный по маршрутам срок времени.

Переселение христиан из Фракии невозможно было приостановить, несмотря на все предупредительные меры и увещевания. До настоящего времени уже выселились до 30 тыс. душ, общая цифра дойдет, может быть, до 50 тыс.

Во время отхода наших войск и выселения христиан порядок и спокойствие нигде не нарушались.

Перевозка войск идет весьма успешно, без всякого отступления от утвержденного мною плана. Из Бургаса остается отправить морем только одну 2-ю пехотную дивизию и разные предметы материальной части армии.

Я предложил г[енерал]-а[дъютанту] князю Дондукову по разъяснении обстоятельств по переселению немедленно отправить в Россию 12-ю пехотную дивизию с ее артиллерию.

Санитарное состояние войск превосходное. При перевозке больных, отправляемых в Россию, оказано весьма существенное содействие обществом Красного Креста благодаря неутомимой деятельности и опытности т[айного] с[оветника] Кабота, равно как и уполномоченных, и сестер милосердия.

Утешительно было видеть, с каким восторгом и весельем солдаты отправляются на родину после всех трудов и лишений, перенесенных ими в эту кампанию [...] *.

Генерал-адъютант Тотлебен

ЦГВИА, ф. 430, д. 59, лл. 349—353. Автограф.

№ 318

1879 г. марта 10 (22). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о беседе с делегатом Восточной Румелии И. Е. Гешовым относительно предстоящей ему поездки по странам Европы

№ 26

Ternovo

Monsieur le secrétaire d'Etat!

Mr. Guechoff est parti ce matin pour faire sa tournée en Europe. Il m'a dit qu'il commencerait par aller à Paris et réglerait son voyage ultérieur sur l'accueil qu'il y recevrait, tant auprès du cabinet français, que de la part des ambassadeurs des Puissances signataires du traité de Berlin¹.

Mr. Guechoff ne se fait pas d'illusions sur les résultats de sa mission, mais croit néanmoins de son devoir de tenter cette démarche. Il compte plaider la cause de la Roumélie Orientale, sans faire mention des aspirations de cette province à l'union avec la principauté de Bulgarie; il exposera la situation

* Опущен текст личного характера.

telle qu'elle est et représentera les dangers qui menacent sa patrie après la cessation de l'occupation russe; selon lui, on est fermement résolu dans la Roumémie Orientale à résister au fonctionnement du régime qui doit succéder à celui que nous y avons introduit; alors l'armée turque entrera dans la province et il s'en suivrait une répression avec l'accompagnement habituel de destructions et de massacres. Pour prévenir une nouvelle effusion de sang, Mr. Guechoff croit qu'il faudrait que la Turquie renonce au droit de mettre des garnisons dans les Balkans et à celui de nommer un gouverneur-général; si cela n'est pas faisable, il désirerait que nos troupes soient remplacées, lorsque le moment de leur départ sera venu, par un corps d'occupation composé de soldats suisses, belges ou hollandais; il pense qu'une occupation autrichienne ou française devrait être évitée, quoique, cependant, il vaudrait mieux en passer par là que d'être exposé aux représailles sanglantes d'une armée turque.

J'ai entretenu Mr. Guechoff des travaux de l'Assemblée de Ternovo. Il déplore le peu de sens politique dont on a fait preuve dans cette première réunion de représentants du peuple bulgare, mais comprend les hésitations des députés en présence de l'incertitude qui plane sur l'avenir et des dangers auxquels le futur gouvernement aura à faire face après notre départ. Il voudrait, et il m'a dit que c'était là le désir unanime des populations des deux côtés des Balkans, que l'occupation russe de la principauté se prolonge un an encore après que celle de la Roumémie Orientale aura cessé.

Je n'ai pas cru devoir cacher à Mr. Guechoff que cette dernière combinaison me semblait aussi peu pratique qu'irréalisable et j'ai ajouté que les députés s'engageaient, à mon avis, dans une fausse voie en cherchant à traîner en longueur les travaux d'élaboration du Statut organique et en résistant aux volontés de la Russie et aux vœux unanimes de l'Europe.

Ce n'est pas la première fois que j'ai entendu exprimer ce désir et j'ai toujours cherché à dissiper les illusions de mes interlocuteurs sur la possibilité d'en arriver à sa réalisation. Il me semble, en effet, que de toutes les combinaisons qu'on pourrait mettre en avant, celle d'une occupation au Nord des Balkans, tandis que la Roumémie Orientale se trouverait replacée sous la domination turque, serait la plus dangeuse. Toutefois, quoique les Bulgares ne l'avouent pas franchement, on s'aperçoit facilement qu'ils ont l'espoir de nous forcer la main. Là est le secret des lenteurs préméditées de l'assemblée actuelle et de la résolution d'un grand nombre de députés d'empêcher l'élection d'un prince.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect,
monsieur le secrétaire d'Etat,
de votre excellence
le très humble et très obéissant serviteur
A. Davydow

Помета о получении: Reçu le 27 Mars.

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 913, ч. 1, лл. 116—118. Подлинник.

*Перевод
Тырново*

Господин статс-секретарь!

Г-н Гешов уехал сегодня утром, чтобы совершить поездку по Европе. Он сказал мне, что начнет с Парижа и дальнейшее его путешествие будет зависеть от приема, который он там встретит как со стороны французского кабинета, так и послов держав, подписавших Берлинский трактат¹.

Г-н Гешов не строит иллюзий относительно практических результатов своей миссии, но тем не менее считает своим долгом предпринять этот демарш. Он намеревается защищать дело Восточной Румелии, не упоминая о стремлениях этой провинции к объединению с Болгарским княжеством; он изложит ситуацию такой, как она есть, и укажет на опасность, угрожающую его родине по окончании русской оккупации; по его словам, в Восточной Румелии твердо решили оказать сопротивление режиму, который должен сменить порядки.

введенные нами; тогда турецкая армия вступит в провинцию и произойдут репрессии, сопровождаемые, как обычно, разрушениями и убийствами. Чтобы предотвратить новое кровопролитие, г-н Гешов считает, что нужно, чтобы Турция отказалась от права размещения гарнизонов на Балканах и от права назначения генерал-губернатора; если это неосуществимо, он желал бы, чтобы наши войска к моменту своего ухода были заменены оккупационным корпусом, состоящим из швейцарских, бельгийских или голландских солдат; он думает, что следует избегать австрийской или французской оккупации, хотя это было бы все же лучше, чем подвергнуться кровавым репрессиям турецкой армии.

Я беседовал с г-ном Гешовым о работах Тырновского собрания. Он сожалеет о недостатке политического чутья, обнаружившемся в этом первом собрании представителей болгарского народа, но ему понятны колебания депутатов в обстановке неизвестности, нависшей над будущим страны, и перед лицом опасности, с которой будущему правительству придется столкнуться после нашего ухода. Он хотел бы, и он сказал мне, что таково также единодушное желание населения по обе стороны Балкан, чтобы русская оккупация княжества была продлена еще на год после того, как прекратится оккупация Восточной Румелии.

Я не считал пужным скрыть от г-на Гешова, что эта последняя комбинация мне представляется столь же непрактичной, сколь и неосуществимой, и добавил, что, по моему мнению, депутаты вступают на ложный путь, пытаясь затягивать разработку Органического статута и действуя наперекор воле России и единодушному желанию Европы.

Не впервые я услышал подобные высказывания и попытался рассеять иллюзии моих собеседников насчет возможности добиться осуществления этого. В самом деле, мне кажется, что из всех комбинаций, которые могут быть выдвинуты, наиболее опасной была бы оккупация севера Балкан, в то время как Восточная Румелия снова оказалась бы под турецким владычеством. Тем не менее, хотя болгары не признаются в этом открыто, легко можно заметить, что они надеются навязать нам свою волю. В этом разгадка умышленной медлительности нынешнего собрания и намерения большого числа депутатов помешать избранию князя.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин статс-секретарь, вашего превосходительства низжайшим и покорнейшим слугой

А. Давыдов

Помета: Получено 27 марта.

1. Экзарх Иосиф поручил И. Е. Гешову возглавить депутацию к правительствам, подписавшим Берлинский трактат, чтобы заявить европейским кабинетам о необходимости объединения Северной и Южной Болгарии. Члены Европейской комиссии дали ему рекомендательные письма. А. Н. Церетелев отговаривал его от этой поездки.

24 февраля Гешов выехал из Филиппополя, 27 прибыл в Тырново, где в это время обсуждали вопрос о меморандуме к европейским державам от Учредительного собрания. Но после предупреждения С. И. Лукьянова, что подобный адрес не входил в задачи собрания, от посылки его отказались (см. 19, стр. 102—110, а также док. 319 и примечание к нему).

№ 319

*1879 г. марта 13. — Обращение консервативных депутатов Учредительного собрания к А. М. Горчакову с протестом против решения Берлинского конгресса*¹

Тырново

Ваше превосходительство!

Долуподписаните представители на Българското княжество, събрани в Тырново за да поставим основите на господарственото устройство на това княжество, имахме честта, преди да престъпим към извършването на важното и трудното дело, за което сме свикани, да представим, в отговора си на словото, с което императорския комисар откри нашето събрание, мъчнотиите които срещаме, още от сега за трайното устройство на това Българско княжество, както и страховете, които ни обладават относително до неговата бъдущност. Ние считаме за наша свята длъжност, като знаем че от прочноста на нашето отечество зависи до голяма част трайността на мира в Изток, тъй горещо желаем от Европа, до изложим, [ние] събрани във от Народното

събрание, и на великите сили причините, които ни карат да питаем толкова слабо доверие към порядъка, който сте предприели да въведете в новорожденното княжество, а тъй също и безпокойтелните страхове, които ни вдъхват, от една страна, неудобното положение сътворено на това княжество от Берлинския тракт, а от друга новите и неизбежните смущения, които всеки може да предвиди в едно близко бъдеще.

Ваше превосходителство!

България в границите определени ней от Берлинския конгрес, не може да разполага с материалните средства, които са необходими за покриването нуждите на една що годе порядочно организирана държава, особено като са вземат в съображение малкото плодородие на една планиниста страна и разорението, което биде последствие на една дълга и жестока война, разорение от което за да се повдигне отечеството ни са потребни няколко десетки години.

Освен тежките нужди за администрацията Берлинския конгрес налага на Българското княжество да плаща годишен данък на Портата, да изпълнява задълженията на турското правителство към различни компании, и може би и дължността да изплаща част от дълговете му от които българския народ не се е никак ползувал.

Турските гарнизони поставени по върховете на Балкана, ще висят постоянно над слабото наше княжество като Дамоклов меч, ще въспират свободното му развитие в[ъв] всеко отношение ще държат населението в постоянна тревога и ще заплашват не само южните и средните страни, но даже и крайдунавското население, което едвали ще е на стотина километра далеко от тия гарнизони. По тази причина българското правителство ще е принудено, ще нещо да държи една военна сила несъразмерна с ограничените средства на княжеството в хора и пари.

При общепознатата умраза на турските войници, към християните тези гарнизони ще служат непременно за прибежище на всичките злодейци от каквато народност и да бъдат те; от друга страна, те ще насърчават към непокорство мюсюлманското население на княжеството, което е навикнато да владее над християнина, а не да се покорява на власти наредени от него; и така ще им дават възможност, а може би и нужните средства, за да въстават против наредения от сама Европа порядък. В такива случаи няма съмнение, че властите ще умеят и ще могат да усмиряват непокорните. Но човечеството, па и самите ние би имали голяма сгода, ако причините за употребленията на такива средства и онищотение, и то не само в интереса на Българското княжество, но и в полза на самия европейски мир.

Горезложените постановления не са обаче единствените, които ще спират напредването на Българското княжество, най-голямата част на нашите еднородци е останала от във границите на това княжество, и тия наши братия са подлъжени кои по-малко, кои по-много, под непосредствената власт на Портата. Няма съмнение, чем непоправимия турски режим ще принудява християнските населения, за защита на имота си и честта си, да прибегват към оръжието и да имат всякога очите си обърнати към братията си от княжеството. Не по-малко естествено е те да срещат едно пълно съчувствие в тия свободни братия, които никога правителствена мярка не ще е в състояние да въспре от да притекат на помощ на страждущите свои братия. Това е естественното течение на работите и това се е случвало и в други държави от дълго време организирани.

Несъмненните последствия на тия вълнения ще са всякога преселяването в княжеството на големи части от християнското население в Турция. На този час повече от тридесет хиляди жени, деца и старци, избягнали от турския ятаган през месец декемврий на миналата година, когато султановите редовни войски опустошаваха Македония, търпят в Софийската област най-големите оскудности, които човеческото въображение може да си представи. Няма съмнение, че скоро ще нахлуят в Княжеството не само шестдесет те хиляди беженци, гърци и българи от Одринската област, които намериха прибежище в Южна България след оттегляването на руските

войски от околностите на Цариград, но и много други челяди от тия страни когато турските войски започнат да сноват из Южна България под разни предлози *. Ако емигрантите от Босна и [X]ерциговина бяха, както е всекиму известно, една голяма тежест за финансите на една голяма и богата държава като Австро-Венгрия, не е ли вярно, че беженците в България ще опропадат конечно едно поворожденно княжество, още и не организирано добре, както е Българското княжество?

От друга страна тия беженци които ще са били принудени да напуснат имотите си в Турция само за да избавят живота си ще бъдат в княжеството един постоянен елемент за безпорядък и техните действия ще имат постоянно за цел освобождението на техните места от турското господство за да могат пак да се завърнат в любимите свои жилища. Това го видя цял свят в босненските и [x]ерцеговските беженци, които до последния час се стремяха към възвращението си в своите огнища и бяха един от най-главните елементи за поддържането на въстанието в тия две провинции.

Беженците в княжеството ще намират пълно съчувствие за своите стремления в своите свободни братия на това княжество, които дълго време няма да забравят тежчината на турския режим, позива за помощ на тия злощастници не може да остане без отзив в нашите сърца. Защото не само нашите сродни свързки с тях, но и самото чувство на човечината няма да ни позволят да останем безчувствени към техните страдания.

Такова едно положение на работите ще докара непременно на изток нови запитания, които могат да компрометират едва установения мир и, няма съмнение, че такъв един злощастен резултат е противен на човечината и на европейските интереси; той е противен на европейските интереси защото мирът, към когото се стремят великите в Берлин сили, остава проблематичен той е противен на човечината, защото пак отнова ще се разрази една от най-ужасните войни, както биват обикновено войните на Изток.

Ще ли бъде похвала за европейската цивилизация, ще ли да бъде достойно за европейската политическа мъдрост, издигането на един паметник от смущения, съзидан с кръв и сълзи, и надаряването на бъдещето поколение с едно наследство от ужаси и развалини? и до когато едно изкуствено разкъсване отделя брат от брата, роднина от роднина и до когато турския режим съществува, може ли да се очаква други резултат?

Българския народ не е никога искал и не иска и днес пространни територии, и присвояване на чужди места; той е искал, и иска да се постави цел в такива условия, в които да може да живее мирно, и да се развива безпрепятствено, без да докача правата на когото и да е. Онова, за което молим образованая Европа, е щото всичките принадлежащи на нашата народност, да бъдат, до колкото е възможно, в същото положение, което от една страна нашите вековни теглила и страдания, а от друга, жертвите на Россия, и благосклонността на Европа, мислим, да ни са спечелили; така щото, тяхното развитие да върви едновременно с нашето, техния напредък да съпътства нашия и нашето ощастливяване да съвпадне с [ъс] свършването на техните страдания.

Тези са единственните условия, които ще наложат една мирска основа за спокойствие и ред достатъчни да осигурят траен и честен мир, които Европа толкова много желае. Да се постави мирът на трайни основи не ще каже да се противоречи на постановленията, направени в Берлинския конгрес, но напротив, да ги допълни и увенчае.

Анфим, митрополит Видинский и бивший екзарх Българский
Кюстендилский митрополит Иларион

Доситей, митрополит Самоковский

Григорий, митрополит Доростольский и Червенский
и депутат от Русчук

Симеон, митрополит Преславский и Варненский, депутат от Шумен
Евстатий, митрополит Пелагонийский и Пиротский

* См. док. 216, 235 и примечания к ним.

Софийский митрополит Мелетий
 Митрополит Варны Кирилл *
 Климент, епископ Браницкий, управитель на Тырновската
 епархия и депутат от Русчук
 Архимандрит Константин, управитель на Врачанската
 епархия, депутат от Плевен
 Игумен Рылския обители архимандрит Пантелеймон
 Протопопийр Николай Икономов, предст[авитель] от Разград
 Марко Ф. Балабанов, член на Върховното съдилище и депутат
 от Свищов
 Г. Д. Начович, председател на Софийский губернский совет
 и представител от Свищов
 Д-р Г. Вълкович
 К. Стойлов, председател на Софийский апелативный съд
 Д. Греков, член на Върховното съдилище
 Лука Радулов, председател Раховского окружного съда
 М. Златанов, председ[атель] на Златицки окруж[ен] совет
 Т. Д. Шиваров, председател на гр[адския] совет в Орехове
 Д-р Ив. Манчев, председател Раховского округа
 Н. Неделчев, председател на Габровский окръжен съд **

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 913, ч. 1, лл. 142—148. Подлинник.

1. 22 марта (3 апреля) 1879 г. А. П. Давыдов переслал публикуемый мемуар и сопроводившее его письмо за подписью Балабанова, Грекова, Начовича и Стойлова. В последнем говорилось, что мемуар выработан специальной комиссией, но поскольку Тырновское собрание не имело мандата на выработку никаких иных документов, кроме Органического устава, то этот мемуар был отредактирован и подписан представителями Болгарии вне этого собрания («en dehors de cette Assemblée») (АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 913, т. 1. лл. 136—137).

О борьбе консервативной и либеральной партий по вопросу о подаче адреса европейским державам см. док. 291 и примечание к нему; 304, 305, 318, а также письмо А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о борьбе партий от 27 марта (8 апреля) 1879 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3249, л. 284 об.; см. также док. 340, 347 и примечания к ним; примечание к док. 358.

№ 320

1879 г. марта 14 (26). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому об окончании работы Европейской комиссии по выработке Органического устава Восточной Румелии ***

№ 112

Philippopolis

Monsieur l'ambassadeur!

Par mon télégramme d'aujourd'hui j'ai eu l'honneur d'informer votre excellence que la commission venait de terminer à sa 58me séance l'élaboration du Statut Organique pour la Roumélie Orientale. Mon rapport du 28 Février (12 Mars) № 105 ****. faisait prévoir la prochaine conclusion de nos débats, mais jusqu'au dernier moment je craignais de voir échouer l'entente sur les 32 articles ouverts, entente que j'étais à négocier secrètement.

Vous voudrez bien vous souvenir, mon prince, que dernièrement le commissaire austro-hongrois s'est beaucoup rapproché de nous. Le premier résultat en fut l'adoption en bloc du chapitre sur la justice. Profitant de ce rapprochement et de mes anciens rapports d'intimité avec Mr. de Kallay, je lui fis accepter un rôle de médiateur entre nous et les commissaires ottomans et anglais. Nous fixâmes à nous deux d'une façon toute confidentielle les textes des

* Подпись Кирилла на греческом языке.

** Далее следуют еще 92 подписи депутатов Народного собрания.

*** См. док. 342.

**** См. АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 559, лл. 250—251.

amendements qu'il devait proposer, comme venant de lui, et que nous devons accepter à notre corps défendant. Il espérait vaincre de cette façon la méfiance des Turcs et de sir Henry Drummond Wolff pour toute proposition venant des délégués russes. Mon collègue poursuivit avec autant de tenacité que d'habileté cette négociation au succès de laquelle j'attachais bien plus de prix qu'il ne croyait. Je m'inspirais en effet du désir du gouvernement impérial de nous voir au plus vite finir notre tâche et craignais que des articles laissés ouverts dans le Statut ne nécessitassent une entente entre les gouvernements et ne donnassent lieu à des négociations peut-être fort longues entre les cabinets.

Aussi ai-je été fort heureux d'avoir pu annoncer à votre excellence que le but que j'avais considéré dès le commencement des travaux comme le plus important est atteint: l'entente entre les délégués des grandes Puissances sur les stipulations du Statut est complète. Les six commissaires ont accepté *tous* les articles, et le Statut Organique pour la révision duquel, uniquement au point de vue de la forme, il nous faudra encore une séance ou deux — est prêt et peut être promulgué sur-le-champ. Les seules réserves qui restent sont faites par les commissaires ottomans: elles portent sur la question des langues, sur le chiffre de la quote-part de la province dans les dépenses de l'empire, sur le droit du gouverneur-général de donner des bérats d'investiture aux prélats, et sur le chapitre traitant de la propriété foncière et décrétant le rachat des vakoufs dans la province. Dans toutes ces questions les délégués de Turquie se trouvent en face d'un vote unanime des six commissaires des grandes Puissances.

Je ne manquerai pas de soumettre à votre excellence le protocole de la séance d'aujourd'hui lorsqu'il sera prêt; mais je m'empresse de constater dès à présent que l'entente s'est faite après de nombreuses concessions de la part de nos collègues. En voici les plus importantes: on a réduit à 10 le chiffre des membres nommés par le gouverneur-général dans l'Assemblée Provinciale (nous étions autorisés à en accepter 12); le nombre des membres du comité permanent a été fixé à 10, avec une majorité de 6 voix assurée aux Bulgares; un article fixant que le choix des fonctionnaires sera fait selon la majorité de la population a été introduit; dans les conseils généraux des départements le nombre des membres de droit a été réduit à trois chefs des communautés les plus nombreuses; on a admis la nomination des baillis sur des listes dressées par les conseils généraux et l'élection des maires; le nombre des cantons de la province a été porté à 28 et il a été établi que la division sera faite par une commission composée en majeure partie de notables; enfin la question de l'emploi de la milice en temps de guerre a été tranchée dans notre sens, grâce à l'acceptation par la commission du projet élaboré par le colonel Schepelew avec le concours du général sir Colingwood Dickson et du capitaine de Torcy.

En échange de toutes ces concessions nous avons accepté 10 membres nommés à l'assemblée et retiré nos réserves sur quelques questions d'un ordre secondaire.

Tels sont, monsieur l'ambassadeur, les résultats presque inespérés de notre travail prolongé. Dès aujourd'hui la responsabilité des retards dans la promulgation et l'application du Statut retombera entièrement sur la Porte.

J'ai l'honneur d'être, avec le plus profond respect, monsieur l'ambassadeur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

prince Tzérételew

Помета: Copie du présent rapport a été transmise à son excellence Mr. de Giers.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 178—180 об. Подлинник.

Перевод

Филиппополь

Господин посол!

Сегодняшней телеграммой я имел честь уведомить ваше высокопревосходительство о том, что комиссия только что закончила на своем 58-м заседании составление Органического статута для Восточной Румелии. Мое донесение от 28 февраля (12 марта) за № 105

позволяло надеяться на скорое окончание наших дебатов, но я до последнего момента опасался, что провалится соглашение о 32 открытых статьях, о котором я должен был вести секретные переговоры.

Соблаговолите вспомнить, князь, что в последнее время австро-венгерский комиссар весьма сблизился с нами. Первым результатом этого было принятие полностью главы о юстиции. Воспользовавшись этим сближением и моими прежними дружескими отношениями с г-ном Каллаем, я заставил его принять на себя роль посредника между нами и оттоманскими и английскими комиссарами. Мы совершенно конфиденциально выработали для нас обоих тексты поправок, которые он должен был предложить как бы от своего имени, а мы должны были принять как будто поневоле. Он надеялся таким образом побороть недоверие турок и сэра Генри Друммонда Вольфа к любому предложению, исходящему от русских делегатов. Мой коллега повел эти переговоры столь же настойчиво, сколь умело: я придавал их успеху больше значения, чем он полагал. Я руководствовался желанием императорского правительства, чтобы мы возможно скорее выполнили свою задачу, и опасался, чтобы несогласованные статьи статута не потребовали договоренности между правительствами и не стали предлогом к переговорам между кабинетами, быть может, весьма длительным.

Поэтому я был весьма счастлив иметь возможность сообщить вашему высокопревосходительству, что цель, которую я считал в начале работ наиболее важной, достигнута; установлена полная договоренность между делегатами великих держав о постановлениях статута. Шесть комиссаров приняли *все* статьи, и Органический статут, для редакции которого только с точки зрения формы нам потребуется еще одно или два заседания, готов и может быть немедленно обнародован. Остались некоторые замечания, сделанные оттоманскими комиссарами: они касаются вопроса о языках, об исчислении доли провинции в расходах империи, права генерал-губернатора выдавать инвестиционные бераты прелатам, а также главы о земельной собственности и выкупе вакуфов в провинции. Во всех этих вопросах делегаты Турции противостояли единодушно шести комиссарам великих держав.

Я не премину передать вашему высокопревосходительству протокол сегодняшнего заседания, когда он будет готов; но спешу уже сейчас отметить, что соглашение состоялось лишь после многочисленных уступок со стороны наших коллег. Вот самые важные из них: сократили до 10 число членов, назначаемых генерал-губернатором в областное собрание (нам было разрешено согласиться на 12); число членов постоянного комитета было определено в 10 человек с большинством в шесть членов, предоставляемым болгарам; была принята статья, определяющая, что выбор чиновников будет производиться в соответствии с большинством населения; в главных советах департаментов число членов по должности было сведено до трех старейшин наиболее многочисленных общин; согласились на назначение старост по спискам, составленным общими советами, и на избрание мэров; число каптопов провинции было доведено до 28, и было установлено, что разделение будет произведено комиссией, состоящей большей частью из нотаблей; наконец, вопрос об использовании милиции во время войны был решен в нашем смысле благодаря принятию комиссией проекта, выработанного полковником Шепелевым при содействии генерала сэра Колингвуда Диксона и капитана де Торси.

В ответ на все эти уступки мы согласились на назначение десяти членов в собрание и отказались от своих возражений по некоторым второстепенным вопросам.

Таковы, г-н посол, почти непредвиденные результаты нашей продолжительной работы. С сегодняшнего дня ответственность за проволочку в обнародовании и применении статута полностью возлагается на Порту.

С глубочайшим почтением имею честь быть, г-н посол, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугой.

Князь Церетелев

Помета: Копия настоящего донесения направлена его высокопревосходительству г-ну Гирсу (фр.).

1879 г. марта 15 (27). — Донесение П. П. Убри А. М. Горчакову о поддержке Германией статей проекта Органического устава княжества Болгарии относительно наследственности княжеской власти и права изменения границ

№ 67

Berlin

Monsieur le chancelier!

Mr. de Bulow m'a entretenu en passant ce matin des objections élevées par la Turquie contre certains articles du statut, soumis aux délibérations de l'Assemblée de Tyrnovo*.

Le cabinet allemand n'objecte pas, pour sa part, à la consécration du principe de l'hérédité pour le futur prince élu de la principauté de Bulgarie. Cela ne lui semble pas contraire au traité de Berlin.

Il ne trouve également pas fondées les réclamations turques quant à l'aliénation des frontières et du territoire de la principauté, puisque elles sont fixées par un traité européen et que les Puissances auraient dans ce cas leur mot à dire.

Mr. de Bulow a ajouté que ces réclamations du gouvernement ottoman étaient des arguties sans valeur.

Par contre, il lui semblait assez juste que le nouveau statut de la principauté de Bulgarie fit mention du suzerain.

J'ai répondu au secrétaire d'Etat, en me basant sur les données de votre dernier dossier, que nous n'y objecterions pas puisque tel avait été le cas naguère pour les principautés vassales de Serbie et de Roumanie; que nous partageons la manière de voir du cabinet de Berlin quant à l'hérédité, parce qu'aucune clause du traité ne stipulait le contraire; qu'il en était de même, quant aux autres objections de la Porte qui semblaient d'autant moins fondées que ces articles n'avaient même point encore été votés par l'assemblée.

J'ai l'honneur d'être, avec une très haute considération, monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur
P. Oubril

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 24, лл. 256—257 об. Подлинник.

Перевод
Берлин

Г-н канцлер!

Г-н Бюлов, беседуя со мною сегодня утром, мимоходом коснулся возражений, выдвинутых Турцией против некоторых статей статута, подлежащих обсуждению Тырновским собранием.

Германский кабинет со своей стороны не возражает против установления наследственности власти будущего князя, избранного Болгарией. Это не кажется ему противоречащим Берлинскому трактату.

Он также считает необоснованным турецкие требования в отношении отчуждения границ и территории княжества, ибо они определены европейским трактатом, и в этом случае последнее слово принадлежит великим державам.

Г-н Бюлов добавил, что эти требования оттоманского правительства являются бесполезными уловками.

Он находит, напротив, весьма справедливым, что новый статут Болгарского княжества содержит упоминание о сюзерене.

Я ответил статс-секретарю, основываясь на данных вашего последнего досье, что мы не будем возражать против этого, потому что в свое время в подобном положении были вассальные княжества Сербия и Румыния, и мы разделяем точку зрения берлинского кабинета.

* См. док. 302.

нета по вопросу о наследовании княжеской власти, ибо никакое условие трактата не утверждает противное; что так же обстоит дело и с прочими возражениями Порты, которые кажутся тем менее обоснованными, что эти статьи еще не были поставлены на голосование в собрании.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин канцлер, вашей светлости низжайшим и покорнейшим слугой

Убри

№ 322

1879 г. марта 15 (27). — Донесение А. Н. Цертелева Н. К. Гирсу о настроениях общественности Восточной Румелии, о позиции «умеренных» и «крайних» в вопросе сопротивления решениям Берлинского конгресса

№ 78

Philippopolis

Monsieur le sénateur!

J'ai tâché de rendre compte à votre excellence par mon rapport du 7 (19) courant, № 74 * des désirs et des craintes provoqués chez les Bulgares par la prochaine évacuation du pays. Je suis en mesure aujourd'hui de compléter ces informations en faisant un tableau plus détaillé des différents courants d'opinions dans la Bulgarie du Sud. Il existe, me disent les Bulgares, deux partis. Le parti modéré, composé en majorité des notables, propriétaires et commerçants, est prêt à soutenir la nouvelle organisation, à condition que celle-ci soit rendue possible par l'absence de garnisons turques dans les Balkans et par l'attitude conciliante du nouveau gouverneur-général. Le parti opposé qu'on pourrait désigner sous le nom d'exalté, se recrute principalement parmi les jeunes gens plus ou moins passionnés et a assez de force pour entraîner à un moment donné la populace, surtout dans les districts qui ont été ravagés avant ou pendant la guerre.

Tous les Bulgares de la Roumélie Orientale, sans distinction de nuance, tendent à la réunion de la province à la principauté, mais tandis que les modérés considèrent plus avantageux d'accepter la trêve actuelle que de se lancer tête baissée dans des aventures dangereuses, les exaltés proclament qu'il faut tout risquer pour ne pas laisser échapper le dernier moment favorable, c'est-à-dire les derniers jours de la présence de nos troupes, et propagent la conviction que des désordres auraient pour résultat d'arrêter l'évacuation et de provoquer une intervention européenne en faveur des Bulgares. Aussi cherchent-ils à semer les troubles par tous les moyens à leur portée. L'exarque et Mr. Ioachim Grouieff doivent être considérés comme les chefs du parti modéré; les exaltés se rangent autour de Mr. Zankoff qui a exposé dernièrement son programme à l'Assemblée de Tyrново.

Les récents événements de Slivno ** ont prouvé que le peuple échappe à l'influence du parti modéré. J'ai eu l'occasion de parler dans mes rapports antérieurs de la réunion des députés des districts de la Bulgarie du Sud qui a précédé l'envoi des représentants rouméliotes à Tyrново. Il avait été décidé à cette réunion de suivre une ligne de conduite plus raisonnable et de s'abstenir de tout acte de violence. Un comité de trois personnes avait été laissé à Philippopolis soit disant pour diriger dans le sens de cette résolution les opinions de la population; mais il paraît que le comité a continué les anciens errements, et ce n'est pas à son insu qu'a été préparée la résistance des habitants de Slivno à l'administration financière, résistance qui n'a pas cédé devant l'autorité même du gouverneur-général.

M'inspirant de la ferme intention du gouvernement impérial de laisser l'ordre dans le pays après le départ de nos troupes, j'ai tâché de m'éclairer sur

* См. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 160—162.

** См. прим. 1 к док. 312.

les mesures qui, d'après l'opinion même des Bulgares, seraient de nature à amener ce résultat. On m'a naturellement signalé tout d'abord l'impossibilité d'éviter des conflits dans le cas de l'arrivée des troupes ottomanes ou d'un gouverneur-général dans le genre de Roustem pacha. J'ai pu constater ensuite que même si ces deux points étaient résolus dans le sens désiré par le pays, il faudrait encore, pour que l'ordre fut maintenu, que le gouvernement impérial fit comprendre clairement et de manière à ne laisser aucun doute à la population qu'il ne soutiendra aucune résistance, que l'évacuation ne subira aucun arrêt et que la responsabilité pour tout malheur éventuel retombera uniquement sur le pays même. Tant que les illusions qui subsistent encore n'auront pas été entièrement détruites, il est dans l'intérêt évident des Bulgares de provoquer des complications qu'ils croient leur être avantageuses de toutes les manières.

Pour ce qui est de la force matérielle dont peuvent disposer les Bulgares et dont on s'est tant préoccupé dans la presse étrangère, ceux-là mêmes qui prêchent la résistance ne se font pas d'illusions sur sa valeur; il n'est un secret pour personne que les milices et les sociétés gymnastiques, capables au besoin de disperser des bandes de bachi-bouzouks ou de faire la guerre dans les Balkans, sont insuffisants pour arrêter une armée d'invasion turque qui occuperait les villes et ravagerait les campagnes en laissant les insurgés tenir la montagne.

Je crois inutile d'ajouter que je fais tout ce qui dépend de moi pour démontrer aux Bulgares de tous les partis le danger qu'il y aurait à chercher des issues violentes à la situation créée par le traité de Berlin. Mais le peuple ne pourra être réellement convaincu que lorsqu'il verra nos autorités prendre des mesures effectives en vue de préparer et de faciliter l'application du Statut organique élaboré par la Commission européenne. Aussi dois-je regretter que la milice rouméliote ne compte encore dans ses rangs ni Grecs, ni Turcs, ni officiers étrangers, ce qui amènera fatalement au moment même de l'évacuation des changements de personnel extrêmement désavantageux pour la seule force qui restera dans le pays. Je dois aussi désirer que notre administration trouve possible d'adjoindre aux employés russes, qui devront quitter en même temps que les troupes, des fonctionnaires bulgares destinés à rester aux différents postes devenus vacants. Cette dernière mesure est vivement souhaitée par les notables bulgares, ainsi que j'ai eu l'honneur de l'exposer dans mon rapport au prince Lobanow, en date du 7 (19) Mars № 72 *, dont une copie a été placée sous les yeux de votre excellence.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le sénateur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur prince Tzéréétélew

Помета о получении: le 27 Mars.

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 993, ч. 2, лл. 331—335. Подлинник.

*Перевод
Филиппополь*

Господин сенатор!

В моем донесении от 7 (19) текущего месяца за № 74 я пытался информировать ваше сиятельство о стремлениях и опасениях, вызываемых у болгар скорой эвакуацией. Теперь я в состоянии дополнить эти сведения, сообщив более подробно о различных течениях, распространенных в Южной Болгарии. Существуют, как говорят мне болгары, две партии. Умеренная партия, состоящая в большинстве из нотаблей, владельцев собственности и коммерсантов, готова поддержать новую организацию; она считает ее возможной при условии ухода турецких гарнизонов с Балкан и примирительной позиции нового генерал-губернатора. Оппозиционная партия, которую можно было бы обозначить словом крайняя, состоит главным образом из пылких молодых людей и имеет достаточно сил, чтобы в на-

* См. док. 315.

стоящий момент увлечь чернь, особенно в округах, опустошенных перед войной или во время войны.

Все болгары Восточной Румелии, без различия оттенков, стремятся к объединению провинции с княжеством, но в то время как умеренные считают более выгодным согласиться на нынешнюю передышку, чем бросаться очертя голову в опасные авантюры, крайние заявляют, что следует пожертвовать всем, чтобы не упустить последний благоприятный момент, то есть последние дни присутствия наших войск, и распространяют мнение, что беспорядки приведут к приостановке эвакуации и вызовут вмешательство Европы в пользу болгар. Поэтому они пытаются вызвать беспорядки всеми доступными им средствами. Экзарха и г-на Иоахима Груева должно рассматривать как вождей умеренной партии; крайние группируются вокруг г-на Цанкова, который недавно изложил свою программу в Тырновском собрании.

Недавние события в Сливно показали, что народ ускользает из-под влияния умеренной партии. Я имел случай говорить в предыдущих моих донесениях о собрании депутатов округов Южной Болгарии, предшествовавшем отправлению румелийских представителей в Тырново. На этом собрании было решено следовать более разумной линии поведения и воздерживаться от каких-либо насильственных действий. Комитет из трех лиц был оставлен в Филиппополе будто бы для того, чтобы направлять в духе этого решения настроения населения; но, по-видимому, комитет продолжал пребывать в своих прежних заблуждениях, и не без его влияния было подготовлено сопротивление жителей Сливно финансовой администрации — сопротивление, не отступившее даже перед авторитетом генерал-губернатора.

Руководствуясь твердым намерением императорского правительства оставить порядок в стране после ухода наших войск, я попытался разузнать о мерах, которые, по мнению самих болгар, могли бы привести к этому результату. Мне, разумеется, указали прежде всего на невозможность избежать конфликтов в случае прибытия оттоманских войск или генерал-губернатора типа Рустем-паши. Я смог затем отметить, что, если даже эти два пункта будут решены согласно пожеланиям страны, следовало бы для поддержания порядка, чтобы императорское правительство ясно, не оставляя никаких сомнений, дало понять, что оно не поддержит какой бы то ни было попытки к сопротивлению, что эвакуация не потерпит какой-либо задержки и что ответственность за всякие несчастные случаи падет только на самую страну. Пока существующие еще иллюзии не будут полностью рассеяны, в интересах болгар, очевидно, вызывать осложнения, которые они считают для себя выгодными во всех отношениях.

Что же касается материальной силы, которой могут располагать болгары и которой столь занята иностранная пресса, то даже те, кто проповедует сопротивление, не строят иллюзий о ее значении. Ни для кого не секрет, что недостаточно милиции и гимнастических обществ, способных при необходимости рассеять банды башибузуков или вести войну на Балканах, чтобы остановить нашествие турецкой армии, которая заняла бы города и опустошила деревни, оставив инсургентам горы.

Считаю излишним добавлять, что делаю все от меня зависящее, чтобы убедить болгар всех партий в том, насколько опасно было бы прибегать к насильственному выходу из положения, созданного Берлинским трактатом. Но народ действительно в этом убедится только тогда, когда он увидит, что наши власти принимают эффективные меры для подготовки и облегчения введения Органического статута, выработанного Европейской комиссией. Поэтому незначительно сожалеть, что румелийская милиция пока еще не имеет в своих рядах ни греков, ни турок, ни иностранных офицеров, что неизбежно привело бы к тому, что в самый момент эвакуации произойдут изменения в ее личном составе, крайне неблагоприятные для единственной силы, которая останется в стране. Я должен также пожелать, чтобы наша администрация нашла возможным к русским чиновникам, которые должны будут оставить страну одновременно с войсками, пока присоединить болгарских чиновников, которые займут различные освобожденные должности. Этой последней меры горячо желают болгарские нотабли, как я уже имел честь излагать в моем донесении князю Лобанову от 7 (19) марта за № 72, копия коего была передана вашему высокопревосходительству.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин сенатор, вашего высокопревосходительства нижайшим и покорнейшим слугой

князь Церетелов

Помета о получении: 27 марта.

№ 323

1879 г. марта 16. — Телеграмма М. Д. Скобелева А. Д. Столыпину
о маневрах гимнастических обществ Сливенского округа

Сегодня очередной день строевых занятий гимнастов*. Произвел им маневр¹, собралось до 3-х тыс. Сливенского округа на избранной позиции и окончились в течении 3-х часов. Для наглядности только что укрепленную позицию атаковал, гимнасты отстаивали окопы. Все население города — старцы, женщины и дети — любовались своими родичами.

Скобелев

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 107, л. 67. Заверенная копия. Дешифрованный текст.

1. Первыми учителями в стрелково-гимнастических обществах были болгарские ополченцы, демобилизованные из русской армии. В начале 1879 г. русские офицеры разработали специальную программу военного обучения членов обществ. От каждого полка русской армии было выделено по 60 человек инструкторов, которые занимались с гимнастами два раза в неделю. Учебная подготовка заканчивалась большими тактическими учениями совместно с частями русской армии. На учения в поле выходило иногда до 10 тыс. болгар (см. 31, стр. 200; 97, стр. 52—53). М. Д. Скобелев телеграфирует об одном из очередных занятий гимнастов Сливенского округа. Военные маневры обществ имели целью показать западным державам и Турции, какими возможностями располагает болгарский народ в борьбе за национальную независимость (см. 45, стр. 130—133).

В связи с эвакуацией русских оккупационных войск все обучение членов гимнастических обществ и руководство обороной области переходило к офицерам милиции (см. док. 362).

№ 324

1879 г. марта 17. — Протокол заседания Ломского городского совета со сведениями о землях, принадлежащих городу, и их доходности

Лом

Градский съвет в пълното си заседание, днес заедно с почетните си членове, като взима пред вид предписанието препроводено от окруж[ния] начальник за № 351, за да му се даде повторително ведомостта за землите: государственни, градски, церковни и монастирски и на които да се даде отметка по плодородието им, което да бъде верно и да може на него да се тури по-земленни налог то

Решават:

Понеже в градът ни земли: государственни, церковни и монастирски нема, а землята градска, която я имаме и се обработка, то $\frac{3}{4}$ от нея се сади с кукуруз, а $\frac{1}{4}$ се сея с ечимик и ръж, и от трита вида дюлумът и дава среден плод от 65 оки, усадебната земя дава дюлума приход 50 гр., сенокосната земя дава от 5 дюлума едни кола сено от 500 оки, земя фруктовими садами (бахчи с овощия) не дават никакъв плод, а се и не обработват, виноградските земли (лозя) дават среден плод, т. е. дюлума 400 оки плод.

За председател Н. Върбанчов
Действителни членове:

Г. Монов

Д. Първанов

Почетни членове:

К. Стаменов

... **

Т. Киров

Писар: Ц. Павлов

ОДА—Михайловград, ф. 76 К, д. 1, л. 15. Подлинник.

* Слова, набранные курсивом, в телеграмме были зашифрованы.

** Одна подпись неразборчива.

1879 г. марта 17. — Циркуляр судебного отдела Управления
российского комиссара в Болгарии председателям губернских и ок-
ружных судов о правильном ведении гражданского судопроизводства

№ 260

Тырново

Со введением в действие утвержденных его сиятельством императорским
российским комиссаром 24 августа 1878 г. временных правил для устройства
судебной части * болгарские суды, согласно ст. 945 тех же правил, обязаны
руководствоваться временными правилами и на них основывать свои рас-
поряжения, определения и решения во всем том, что касается уголовного,
гражданского, а равно и коммерческого судопроизводства.

Внешнее выражение и подчинение действию сих правил обыкновенно
проявляется в том, что суды все свои действия, распоряжения, определения,
решения и приговоры подкрепляют ссылками на подлежащие статьи закона,
служащие для судов оправданием правильности и законности того порядка,
которому суд следует при рассмотрении и разрешении дел, в него поступаю-
щих.

Между тем из решений, печатаемых в газете «Марица», а следовательно,
решений, наиболее тщательно составленных, судебный отдел усматривает,
что не везде и не всегда суды подкрепляют свои действия, распоряжения,
определения, решения и приговоры ссылками на соответствующие статьи
временных правил; однако такие ссылки, с одной стороны, существенно не-
обходимы для того, чтобы судебные решения и приговоры имели убедитель-
ность и авторитет как для частных лиц, так для правительства и общества,
а с другой — ссылки сии не могут представлять для судов особенных за-
труднений, если только суды будут сознательно обращаться к временным
правилам и внимательно с ними сообразоваться.

Весь порядок судопроизводства гражданского определяется шаг за ша-
гом ст. ст. 54—137 времен[ных] прав[ил], и судам весьма легко ими руко-
водствоваться, если только судьи внимательно в них вчитаются и их усвоят.

Наиболее важную и серьезную сторону представляет оценка доказательств
в суде, сторонами представленных. Но в этом случае ознакомление с вре-
менными правилами и ссылка на них особых затруднений представить не
может.

Из печатаемых в «Марице» решений видно, что при разрешении дел граж-
данских суды руководствуются именно теми доказательствами, которые
весьма подробно изложены во временных правилах, но суды не делают на
них ссылок.

1. Если суд руководствуется и постановляет свое решение на основании
свидетельских показаний, то должен тщательно обсудить сии показания,
согласно со ст. ст. 140—161 времен[ных] правил, и подкрепить свои сообра-
жения ст. 161, по силе коей свидетельские показания ** таким законным
средством доказательств и сила коего определяется судом. Следовательно,
признавая или опровергая свидетельские показания, суд должен сослаться
на ст. 161, которая его к тому уполномочивает (и на другие, идущие к делу
и его обстоятельствам).

2. Если суд руководствуется в своем решении показаниями окольных
людей, то должен сообразоваться со ст. ст. 162—166 временных правил и
в решении своем сослаться на ст. ст. 162 и 166, по силе коих достоверность,
сила показаний окольных людей равным образом предоставляется усмотре-
нию и благоразумию суда.

* См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии
в 1877—78—79 гг.», вып. I, стр. 193—361.

** В тексте, вероятно, пропущено слово «являются».

3. Если суд основывает свое решение на письменных доказательствах, то должен тщательно обсудить на основании ст. ст. 167—184, смотря по роду доказательств и времени, к которому они относятся, сослаться на ст. ст. 167, 168, 169 и другие, коими суду предоставляется право руководствоваться письменными доказательствами и где определяется их сила.

4. Если суд основывает свое решение на признании одной из сторон, что встречается весьма часто, то соображения свои должен подкрепить ст. ст. 185—188, по силе коих признание считается полным доказательством против лица, которое его учинило.

5. Если одна из сторон предложит другой присягу (ст. ст. 150—195) или если сам суд найдет необходимым предложить присягу одной из сторон (ст. ст. 196—198), или когда право стороны на вознаграждение или на возвращение ей спорного предмета судом признано и представляется лишь невозможным определить количество убытков или ценность утраченного предмета (ст. 199), то суд при постановлении решения должен подкреплять свои соображения ссылкой на подлежащие статьи, определяющие правила о присяге как судебном доказательстве.

6. Если суд признал нужным произвести поверку доказательств и руководствовался при постановлении решения фактами, почерпнутыми из осмотра на месте (ст. ст. 206—211), или мнением сведущих людей (ст. ст. 212—221), или обстоятельствами, обнаружившимися при поверке письменных доказательств (ст. ст. 222—228), то должен равным образом свои соображения подкреплять ссылками на соответствующие статьи временных правил.

В тех случаях, когда суд постановляет свое решение на основании нескольких доказательств, то следует делать ссылки на все подлежащие статьи временных правил.

7. Особенное внимание судов обращаю на решения заочные. Случаи, когда суд должен постановить заочное решение, весьма ясно изложены в ст. ст. 281—284. Между тем во многих судах в том случае, когда к разбирательству дела не явится истец (п. 2, ст. 281), вместо того чтобы вовсе прекратить дело и постановить о том определении со взысканием с истца в пользу ответчика судебных издержек и убытков, суд откладывает рассмотрение дела на неопределенное время. Такой обзор действий неправилен. Суд должен прекратить дело, постановить о том определении присудить ответчику с истца судебные издержки и убытки, а самое дело истец может возобновить подачею нового искового прошения, причем, согласно ст. ст. 957—960 временных правил, с истца следует взыскать вновь все искивые пошлины и другие законные сборы.

Что же касается судов губернских, т. е. апелляционных, то правила о заочных решениях к ним не относятся, так как на основании ст. 302 временных правил отсутствие тяжущихся в суде губернском не останавливает постановления решения.

8. Почти во всех решениях присуждение стороны, потерявшей процесс, к судебным издержкам не подкрепляется ссылками на временные правила. Между тем суд должен в этом случае сослаться на ст. ст. 972—977 временных правил, где подробно изложено, когда и в каком размере стороны к уплате судебных издержек могут быть присуждаемы.

Неуказанием на подлежащие статьи закона суды могут заслужить упрек в произвольных действиях, что весьма легко ожидать, особенно потому, что вопрос издержек живо затрагивает денежный интерес.

Циркуляр сей относится к гражданскому судопроизводству; о судопроизводстве по делам уголовным последует особое разъяснение.

В заключение считаю долгом обратить внимание, что многие суды в своих решениях употребляют терминологию, не известную временным правилам, и свою собственную, вследствие чего может появиться крайнее разнообразие в терминах, судами употребляемых. Я просил суды сообщать мне о всех тех недоразумениях, которые будут ими встречены при применении временных правил; замечания эти могут служить материалом для исправления их как

по существу, так и касательно языка, но до тех пор, пока текст временных правил неизменен, суды должны строго им руководствоваться и употреблять именно ту терминологию, которая усвоена временными правилами.

Управляющий судебным отделом действительный
статский советник Лукьянов
Начальник отделения Каченовский

НБИБ—БИА, Пловдив, ф. 19, д. 11, лл. 1—8. Копия.

№ 326

1879 г. марта 17. — Циркуляр судебного отдела Управления
российского комиссара в Болгарии председателям окружных су-
дов о разъяснении сторонам порядка обжалования судебных ре-
шений

№ 262

Тырнов

На основании п. 3 ст. 275 временных правил * в решении должно быть, между прочим, означено, подлежит или не подлежит оно обжалованию. Между тем и в решениях судов окружных, и в решениях судов губернских весьма часто о том не упоминается.

Вследствие сего предлагаю вам, милостивый государь:

1. Во всех делах, кои окружными судами на основании ст. 76 врем[енных] правил ** решаются окончательно, прямо и положительно, упоминать о том, что решение суда окончательное и не подлежит апелляции, но что недовольная сторона может на основании ст. 6, 8, 9, 10, 11 и других учреждений суда высшей инстанции подать кассационную жалобу. Причем следует объяснять сторонам словесно права их и все правила, для подачи кассационных жалоб установленные, а главным образом касательно срока.

2. Во всех делах, кои на основании статей 76, 77, 290 решаются окружными судами не окончательно и подлежат обжалованию в порядке апелляционном в губернский суд, следует равным образом в самом решении прямо и положительно, со ссылками на подлежащие статьи временных правил упоминать о том, что решение не окончательное и подлежит апелляции в губернский суд. Причем равным образом необходимо сторонам словесно разъяснять их права и все правила, апелляции касающиеся.

Управляющий судебным отделом действительный
статский советник Лукьянов
За начальника отделения В. Палаузов

НБКМ—БИА, Коллекция 45, п. 4. Подлинник.

№ 327

1879 г. марта 19 (31). — Нота турецкого Министерства ино-
странных дел министрам иностранных дел европейских держав
с возражением против смешанной оккупации Восточной Румелии
и с согласием на продление полномочий Европейской комиссии
на год ***

Le ministre de sa majesté britannique vient de communiquer à la Sublime Porte, que l'idée de l'occupation mixte de la Roumélie Orientale avait déjà obtenu l'assentiment des grandes Puissances, qu'à l'exception de l'Allemagne

* См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. I, стр. 240.

** Там же, стр. 207.

*** См. док. 219, 312.

et de la France, toutes les autres se sont déclarées prêtes à y prendre part, que le corps d'occupation serait de 10 000 hommes, et qu'il serait placé sous les ordres de la Commission internationale dont les pouvoirs seraient prolongés d'un an. Les instructions de Mr. Malet portent d'ailleurs que dans la pensée des gouvernements amis, cette mesure n'a d'autre but que de faciliter la tâche, qui incomberait au gouvernement ottoman, aussitôt après l'évacuation de cette province par les armées russes, tâche que les circonstances semblent avoir rendu très délicate et de prévenir l'explosion d'une rébellion contre l'autorité du sultan. L'armée ottomane occuperait de son côté quelques points importants et d'un abord facile sur les frontières de la province, et grâce au concours moral et matériel de l'Europe la Turquie se trouverait ainsi à même de s'épargner un déploiement de forces considérable et les fortes dépenses qui en seraient la conséquence¹. La Sublime Porte a attaché une valeur d'autant plus grande à ces explications du ministre de sa majesté britannique qu'elles tendent à démontrer que le désir des grandes Puissances est de lui prêter, dans cette conjoncture aussi, leur aide efficace pour l'exécution des stipulations du traité de Berlin concernant la Roumélie Orientale. Si en juger en effet par tout ce qui nous revient, la situation de cette province, présenterait une gravité qu'il importe de ne point dissimuler afin de dégager entièrement la responsabilité du gouvernement ottoman. Ayant fait de l'exécution du traité de Berlin l'objet de ses plus constants efforts, la Sublime Porte a non seulement assumé en pleine connaissance de cause tout devoir que ce grand acte international lui a imposé vis-à-vis de la Roumélie Orientale, mais il en a conscience de n'avoir rien négligé pour prévenir toute préoccupation de ce côté. Par contre, elle s'est vue déjà à plusieurs reprises dans la nécessité de signaler à l'attention des cabinets amis une série de faits, dont l'effet immanquable devait être de préparer dans cette province les éléments d'une crise regrettable. Contrairement aux stipulations du traité, la population non-bulgare s'est trouvée en Roumélie Orientale en butte à une persécution systématique que rien n'a pu faire fléchir. Les travaux de la commission qui d'après le traité auraient dû être terminés dans trois mois, ont rencontré des obstacles inattendus. L'administration financière de la province qui devait être remise à la commission a été en fait soustraite à son autorité. Et pendant qu'on se livrait à une distribution d'armes sur une grande échelle et à la formation hâtive de nombreuses milices, les autorités qui retenaient en mains l'administration civile de la province montraient envers les agitateurs une condescendance qui encourageait bien des mauvaises passions chez une grande partie de la population. Les choses arrivèrent à un tel point que l'on a vu s'organiser sur plusieurs points des manifestations turbulentes pour déclarer que la volonté des Bulgares était de s'opposer à l'exécution du traité de Berlin et à l'œuvre de la Commission européenne, sans se laisser émouvoir par ces agitations factices, la Sublime Porte n'en persista pas moins dans la voie que le traité lui avait tracée et afin d'assurer le rétablissement du fonctionnement régulier de l'administration provinciale, le gouvernement impérial faisait choix d'un gouverneur-général qui, à part une exception, réunit les suffrages de tous les cabinets. Un peu plus tard, les armées russes ayant évacué le vilayet d'Andrinople, la Sublime Porte s'attacha à y réinstaller ses autorités sans donner lieu à aucune plainte, à aucun désordre; une amnistie générale jeta le voile sur tous les méfaits commis dans les intervalles et toutes les mesures de la nouvelle administration furent empreintes d'un esprit de modération qu'on ne saurait méconnaître. Si donc malgré cela l'agitation n'en a pas moins continué dans la Roumélie Orientale et si à l'approche de l'évacuation russe on cherche à y épouvanter les populations par l'idée du retour du vali ottoman, il serait juste de n'y voir que la continuation de ce même système de manœuvres et d'intrigues au profit duquel les fauteurs de troubles ont su si bien exploiter jusqu'à présent la crédulité populaire. On a peine à s'expliquer en effet pourquoi et comment la présence du vali pourrait inspirer la moindre inquiétude aux populations rouméliotes. L'organisation élaborée par la Commission européenne pour tout service administratif de la province est maintenant connue. Elle est conçue dans le sens le plus libéral; elle assure à la Roumélie Orientale une autonomie

administrative des plus complètes. Au fond toute l'administration est confié à la population elle-même; l'ordre n'y doit être maintenu que par une gendarmerie et une milice locale. Aucune intervention illégitime de l'autorité centrale n'est à craindre et le représentant du sultan y trouvera ses pouvoirs si bien réglés et si rigoureusement définis qu'il n'est après tout chargé que de faire fonctionner le mécanisme administratif sans qu'il se puisse permettre le moindre excès, la moindre velléité d'arbitraire. Indépendamment des garanties morales que doit présenter dans la personne du gouverneur-général un choix approuvé par toute l'Europe, la population trouve dans les principes organiques mêmes de son nouveau statut les garanties les plus sûres et les plus efficaces. Le retour du régime ottoman dans la province de la Roumélie Orientale se résumant ainsi à l'installation d'un vali et la sphère d'action de ce vali se trouvant ainsi parfaitement limitée et acceptée par toute l'Europe, il semble qu'il soit superflu d'insister davantage pour faire voir combien les frayeurs, auxquelles on essaie de faire croire, sont difficiles à admettre et à expliquer. Que si maintenant on suppose que, rebelle à toute évidence, l'esprit d'une partie de la population rouméliote se trouve en proie à des idées toutes autres, et qu'on a peine même à concevoir, il y a lieu de craindre à plus forte raison que la présence d'un corps d'occupation étranger ne donne matière à des interprétations qui iraient à l'encontre du but qu'on se propose. Rien ne serait plus facile aux agitateurs que d'interpréter cette démarche comme une preuve de faiblesse de l'empire et du désir de l'Europe de modifier les stipulations du traité de Berlin et une fois entraînées dans cette voie, les populations rouméliotes pourraient être amenées à penser qu'elles ont tout à espérer et rien à redouter. Aussi en présence de cette éventualité, qui après tout n'est pas improbable et des graves inconvénients qu'elle ne manquerait pas d'amener, la Sublime Porte ne pense pas inutile de présenter aux cabinets amis certaines observations sur la manière dont on pourrait tirer parti de la mesure proposée sans donner prétexte aux inconvénients signalés plus haut et de manière à sauvegarder l'esprit et la lettre du traité de Berlin. La prolongation des pouvoirs de la Commission pendant un an et la présence de ce corps dans la province pour aider le vali par des délibérations, prises à la majorité des voix, à mettre pendant ce temps à exécution la nouvelle organisation, suffiraient pour entourer la nouvelle administration de tout le prestige moral qu'on pourrait désirer. D'un autre côté, l'armée ottomane se bornerait à occuper immédiatement Bourgas, un point du côté d'Ihtiman et quelques autres points d'un accès facile sauf à occuper successivement, et à mesure que les circonstances le permettraient sans lutte et sans effusion de sang, les autres points qu'il serait jugé nécessaire de fortifier sur les Balkans après que, bien entendu, la commission de la délimitation aura achevé son travail. D'ailleurs, et en présence de la gravité des événements, la Sublime Porte n'est pas disposée à faire de la personnalité de son représentant dans la province une difficulté insurmontable; et si l'Europe trouve nécessaire et indispensable de faire précéder l'entrée du vali ottoman par une période de transition, la Sublime Porte ne s'opposera pas à ce qu'un lieutenant de vali, sur le choix duquel les Puissances s'entendraient avec elle, prenne et conserve l'administration de la province pendant tout le temps pour lequel les pouvoirs de la commission auraient été prorogés. Chose qui semble pour le moment à la Porte de nature à calmer les inquiétudes les moins justifiées, et rien ne serait plus facile, que de convenir d'un commun accord de leur exécution. En se plaçant dans cet ordre d'idées, la Sublime Porte est d'avis que sa proposition est non seulement de nature à ne rien ôter à l'efficacité morale de la mesure arrêtée par les Puissances en principe, mais qu'elle sauvegarde l'esprit du traité aussi bien que tous les intérêts en cause, et qu'en même temps elle donne aux populations rouméliotes le temps d'une réflexion plus mûre, et servirait d'acheminement à l'établissement définitif. Elle dispense pour le moment les cabinets amis, à la bonne volonté desquels la Sublime Porte rend hommage des sacrifices et des embarras que peut-être la marche des événements même pourrait leur épargner. Veuillez communiquer ce qui précède à Mr. le ministre des affaires étrangères en développant les considérations qui en découlent naturellement, et me faire connaître

au plus tôt l'accueil que cette proposition aura trouvé auprès du cabinet près duquel vous êtes accrédité.

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 559, лл. 719—722 об. Копия. Литографированный экземпляр.

Перевод

Министр ее британского величества только что сообщил Блистательной Порте, что предложение о смешанной оккупации Восточной Румелии уже получило согласие великих держав, что, за исключением Германии и Франции, все остальные заявили о своей готовности принять в ней участие, что оккупационный корпус будет насчитывать 10 000 человек и подчиняться Международной комиссии, полномочия которой будут продлены на год. Инструкции г-на Малета, впрочем, указывают на то, что, по мнению дружественных держав, эта мера имеет своей целью лишь облегчение задачи, которая будет возложена на оттоманское правительство тотчас же после эвакуации провинции русскими войсками, — задачи, весьма затруднительной при существующей ситуации, — и предотвратить вспышку мятежа против власти султана. Оттоманская армия оккупировала бы со своей стороны несколько важных и легкодоступных пунктов на границах провинции, и благодаря моральной и материальной помощи Европы Турция смогла бы таким образом отказаться от использования значительных вооруженных сил, следовательно, сократить расходы¹. Блистательная Порта придает тем большее значение этим объяснениям министра ее британского величества, что их целью является доказать, что великие державы желают предоставить ей и в нынешней ситуации свою действительную помощь для выполнения условий Берлинского трактата, касающихся Восточной Румелии. Действительно, если судить по тому, что нам известно, положение этой провинции вызывает серьезные опасения, которые не следует скрывать, для того чтобы полностью выявить ответственность оттоманского правительства. Сделав выполнение Берлинского трактата предметом своих постоянных забот, Блистательная Порта не только взяла на себя совершенно сознательно тот долг, который этот великий международный акт возложил на нее в отношении Восточной Румелии, но также полагает, что сделала все, чтобы предотвратить возможные осложнения по этому вопросу. Напротив, она уже неоднократно оказывалась перед необходимостью обратить внимание дружественных кабинетов на ряд фактов, неизбежным результатом которых будет подготовка в этой провинции элементов прискорбного кризиса. В противоречии с условиями трактата неболгарское население Восточной Румелии подвергается систематическим преследованиям, {которые ничто не могло смягчить. Работы комиссии, которые, согласно трактату, должны закончиться через три месяца, встретили непредвиденные препятствия. Финансовое управление провинции, которое должно было быть передано комиссии, в действительности оказалось вне пределов ее власти. И в то время как занимались распределением оружия в широком масштабе и поспешным формированием многочисленных милиций, власти, имевшие в своих руках гражданское управление провинцией, проявляли по отношению к агитаторам снисходительность, поощрявшую дурные страсти значительной части населения. Дело дошло до того, что во многих местах были организованы шумные манифестации, чтобы показать, что болгары протестуют против выполнения Берлинского трактата и работы Европейской комиссии. Не давая себя запугать подобными искусственными волнениями, Блистательная Порта уверенно идет по пути, начертанному Берлинским трактатом, и для обеспечения регулярной деятельности провинциальной администрации императорское правительство избрало генерал-губернатора, получившего голоса представителей всех правительств, кроме одного. Немного позже, после того как русская армия эвакуировала Адрианопольский вилайет, Блистательная Порта принялась за восстановление в нем своей власти, не дав повода к каким-либо жалобам или беспорядкам; все преступления, совершенные в это время, подлежат амнистии, и все меры, принятые новой администрацией, были проникнуты духом умеренности, который нельзя не признать. Если же, несмотря на это, волнения в Восточной Румелии тем не менее продолжались и если с приближением русской эвакуации пытаются запугать население угрозой возвращения оттоманского вали, то было бы справедливо видеть в этом всего лишь продолжение все той же системы интриг и происков, с помощью которых зачинщики беспорядков до сих пор так ловко злоупотребляли доверчивостью народа. В самом деле, трудно объяснить себе, почему и каким образом присутствие вали может внушить малейшую тревогу румелийскому населению. Организация, выработанная Европейской комис-

сий для всей административной службы провинции, сейчас известна. Она была задумана в самом либеральном духе; она обеспечивает Восточной Румелии полнейшую административную автономию. По существу вся администрация вверена самому населению; порядок должен поддерживаться только жандармерией и местной милицией. Нет оснований опасаться какого-либо незаконного вмешательства со стороны центральной власти, а полномочия представителя султана столь хорошо и точно определены, что ему остается только приводить в действие административный механизм, поэтому он не сможет позволить себе какого-либо злоупотребления властью или малейшей попытки незаконных действий. Независимо от моральных гарантий в лице генерал-губернатора, выбор которого одобрен всей Европой, население найдет в самих органических принципах своего нового статута наиболее надежные и действенные гарантии. Возрождение оттоманских порядков в Восточной Румелии, таким образом, сведется к водворению вали, сфера действий которого санкционирована и строго ограничена всей Европой, поэтому излишне заранее настраиваться против тех ужасов, в которые нас пытаются заставить поверить. Их трудно допустить и объяснить. Напротив, сейчас полагают, что явно мятежное настроение части румелийского населения усугубляется влиянием совсем иных идей, которые трудно понять; есть тем большее основание опасаться, что присутствие иностранного оккупационного корпуса даст повод толкованиям, идущим вразрез с предполагаемой целью оккупации. Смутьянам было бы легче всего оценить этот шаг как доказательство слабости империи и желания Европы изменить условия Берлинского трактата; вовлеченное в подобную затею, румелийское население сможет прийти к мысли, что оно может на многое надеяться и ему нечего бояться. Итак, перед лицом этой возможности, которая в конечном счете не является невероятной, и серьезных затруднений, которые она непременно вызовет, Блистательная Порта считает полезным представить дружественным кабинетам некоторые замечания о методах, с помощью которых, не давая повода к возникновению вышеупомянутых затруднений и придерживаясь духа и буквы Берлинского трактата, может быть извлечена польза из предполагаемых действий. Продления полномочий комиссии на один год и присутствия этого органа в провинции для оказания помощи вали своими решениями, принятыми большинством голосов для внедрения за это время новой организации, было бы достаточно, чтобы создать новой администрации желаемый моральный престиж. С другой стороны, оттоманская армия ограничилась бы немедленным занятием Бургаса, пункта рядом с Ихтиманом, и некоторых других легкодоступных пунктов, с тем чтобы оккупировать постепенно и в той мере, как позволяют обстоятельства, — без борьбы и кровопролития, другие пункты на Балканах, которые будет сочтено необходимым укрепить, разумеется, после того, как делимитационная комиссия закончит свою работу. Впрочем, при столь серьезной ситуации Блистательная Порта не расположена превращать вопрос о личности своего представителя в провинции в непреодолимую трудность, и если Европа сочтет необходимым, чтобы вступлению оттоманского вали предшествовал переходный период, Блистательная Порта не будет возражать против того, чтобы наместник вали, о выборе которого державы договорятся между собой, взял бы на себя управление провинцией на все то время, на какое будет продлены полномочия комиссии. Пока Порта полагает, что это может успокоить все бесосновательные опасения, и нет ничего легче, чем сообща договориться об их выполнении. Придерживаясь подобных взглядов, Блистательная Порта считает, что ее предложение не только ни в чем не уменьшает моральной действительности мер, получивших принципиальное согласие держав, но что оно охраняет как дух трактата, так и затронутые интересы и что в то же время оно дает румелийскому населению время для зрелых размышлений и послужит ускорению окончательной стабилизации. Оно избавляет в настоящий момент дружественные кабинеты, доброй воле которых Блистательная Порта воздает должную признательность, от жертв и трудностей, от которых, возможно, ход событий сможет их оградить.

Соблаговолите сообщить вышеизложенное господину министру иностранных дел, подчеркивая соображения, прямо из него вытекающие, и уведомить меня по возможности скорее о приеме, который встретит это предложение у правительства, при котором вы аккредитованы.

1. Эта нота была ответом на русское предложение от 6 марта 1879 г. (см. прим. 2 к док. 312) и на английский запрос о мнении Порты относительно смешанной оккупации. Еще 15 (27) марта Бартоломеи телеграфировал, что Турция предпочитает продлить срок русской оккупации, чем заменить ее смешанной, а 19 (31) марта аналогичное донесе-

ние отправил А. Б. Лобанов-Ростовский (АВПР, ф. Канцелярия 1879 г., д. 79, л. 201; д. 38, лл. 3—8 об.; ф. ГА, V—A₂, д. 559, лл. 286—288).

А. Б. Лобанов-Ростовский сообщал, что Порта настаивала на занятии Бургаса, а великий визирь заявил ему, что Порта не имеет намерения когда-либо вводить свои войска в Южную Болгарию (АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 559, лл. 315—316 об. — Донесение от 26 марта (7 апреля) 1879 г. № 60; 57, стр. 130—131). Это место в донесении вызвало помету Александра II: «Это было бы особенно хорошо, если бы можно было доверять этим словам».

В заседании у Александра II 23 марта решили принять предложение Порты, но «при этом выторговать все, что возможно, для большего обеспечения Южной Болгарии от вторжения турок». Была послана телеграмма Столышину, чтобы «настойчиво велось дело вооружения болгар по обеим сторонам Балкан» (57, стр. 131—132). Об окончательном решении этого вопроса см. док. 367 и примечание к нему, а также приложение.

№ 328

*1879 г. марта 20. — Телеграмма А. П. Давыдова в Министерство иностранных дел о предложении английского комиссара возвести на болгарский княжеский престол принца Гогенцоллерна и отказе депутатов Учредительного собрания поддержать его кандидатуру **

Turnovo
Secret

Английский делегат, призвав трех из самых влиятельных депутатов умеренной партии, предложил им кандидатом на княжеский престол брата князя румынского, присовокупив, что сам говорил об этом с князем Карлом. Депутаты отказались поддерживать эту кандидатуру.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3249, л. 37, Копия. Литографированный экземпляр.

№ 329

1879 г. марта 21. — Полномочие, выданное Сливенским благотворительным комитетом «Единство» сливенскому митрополиту Серафиму и Р. В. Мирковичу на сбор сведений о гимнастических обществах и определение суммы взносов в пользу комитета

№ 69

Сливен

Носителите на настоящето, негово високопреосвященство сливенский митрополит г-н Серафим и г-н Р. В. Миркович, са опълномощават от страна на дружеството ни да съберат всичките поръчани на тях сведения и статистики¹ по гимнастическите дружества, въоружените обучения, числото на обучающите са, числото на пушките, които имат и които още трябват и пр., и пр., и да дадат още разни наставления и да съобщат на градът или селото ви сумата, която трябва да внесете в твърде краткото време в касата на дружеството си (ако го имате) и да бъде готова, или да я внесете тук, ако няма дружество.

Прочее, в който град или село са представят гореказаните, кметът и старейте са длъжни, под строга отговорност, да им дават всичките сведения, които поискат.

Председател Х. Д. Павлов
Деловодител М. П. Икономов

НБКМ—БИА, ф. 169, д. 58, л. 1. Подлинник. Печать: Благодетелно дружество «Единство». 1879. Сливен.

1. Эти сведения были необходимы комитету «Единство» для подготовки вооруженного сопротивления в случае введения турецких гарнизонов на Балканы. В связи с этим Центральный комитет Южной Болгарии выработал план обороны Восточной Румелии. Разра-

* См. примечание к док. 307.

боткой его занялся полковник К. И. Кесяков, который, хотя и был начальником милиции Восточной Румелии, являлся одним из руководителей «крайних». Генерал М. Д. Скобелев, командир IV армейского корпуса, штаб которого находился в Сливно, оказал практическую помощь болгарам, поручив капитану Георгию Мелнитскому, офицеру штаба, изучить местность для организации обороны и выяснить настроение народа (см. 35, стр. 211—213).

№ 330

1879 г. марта 21. — Донесение Ловчинского городского совета М. К. Стабровскому об организации противопожарной охраны города

№ 112

Ловеч

В отговор на предписанието на ваше високоблагородие от 21 февруария под № 291, призовах освен почетните членове и градските старей, на които прочетох предписанието на ваше високоблагородие, като какви мерки да се земат за предпазването на пожарите.

Решиха: че да се състави изискаемото пожарно тяло за градат, ще са нуждни около 15 000 гр. само за тулумбаджиите, която работа извършват и нашите граждане, понеже са привикнали да тичат по сред нощ да гасят пожара, гдето се яви; за това не става нужда за тулумбаджии, но да се приготвят потребните сечива за пожар, от които за сега има 9 канджи, 15 брадви, а за 10 кофи сме поръчали от Свицов да се купят и да се стегне маркучът на тулумбата, която е остала от турското управление.

ОДА—Ловеч, ф. 25 К, оп. 1, д. 502, л. 11. Отпуск.

№ 331

1879 г. марта 22. — Телеграмма А. М. Горчакова А. Б. Лобанову-Ростовскому о целях смешанной оккупации Восточной Румелии войсками европейских держав¹

Secret

Au clair: Reçu télégramme du 21 *. Communiquez à Stolypine et au prince Dondoukow **.

En chiffres: Смешанная оккупация имеет целью предупредить вступление турок в Восточную Румелию по выходе наших войск, а потому государю императору угодно, чтобы местному населению внушено было, что мера эта предпринимается единственно в его интересе и что сопротивление с его стороны было бы безрассудно ***.

Gortchacow

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 42, л. 305. Отпуск.

1. Телеграмма А. М. Горчакова была отправлена до получения им донесения А. Б. Лобанова-Ростовского от 26 марта (7 апреля) 1879 г. с приложением ноты Турции (см. док. 327 и примечание к нему; АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 38, л. 57).

* Телеграмма А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову от 21 марта (2 апреля) 1879 г. см. АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 40, л. 171.

** Получил телеграмму от 21-го. Сообщите Столыпину и князю Дондукову (фр.).

*** См. док. 219, 312, 327 и примечания к ним.

1879 г. марта 24. — Письмо М. А. Домонтовича А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости сбора сведений о вакуфных имуществах в княжестве Болгарии

София

Милостивый государь
князь Александр Михайлович!

Согласно желанию вашего сиятельства, посылаю с сегодняшней почтой письма на имя военного министра для вашей подписи о полковнике Янковском и г. Вероне. Формулярный список первого находится в Филиппополе, а потому я ограничился лишь письмом к военному министру и полагаю, что если пожелают произвести Янковского, то этого будет достаточно. Милютин лично знает Янковского и все время был доволен его сообщениями из Филиппополя. Сколько мне известно, одно из них было доложено государю императору.

Сюда прибыл полковник Носович из своего отпуска. К сожалению, он не имел права обратиться в наше посольство с просьбой доставить ему случай ознакомиться с положением вопроса по собранию сведений о вакуфных имуществах в центральном учреждении в Порте.

В последнее время, более подробно ознакомившись с разными отраслями статистических данных в Болгарии, я пришел к тому убеждению, что сведения о вакуфах могут быть добыты только при посредстве наших властей и что с уходом нашим эта весьма важная и существенная сторона государственного хозяйства останется надолго, а может быть, и навсегда в полной неизвестности и небрежении. Сами болгары не решатся обратиться к турецкому правительству с просьбой доставить княжескому правительству сведения о вакуфах, да если бы и обратились, то Порта, по всей вероятности, постарается не исполнить этой просьбы.

Между тем сведения о вакуфах тогда только могут иметь цену, когда будут собраны и проверены на основании документов. Достичь этого можно двояким образом: во-первых, можно было бы теперь же написать нашему послу в Константинополь, чтобы он снесся с Портой и просил бы ее составить в центральном вакуфном управлении список всех вакуфных имуществ, состоящих в нынешнем княжестве Болгарском, с передачей при этом княжескому правительству и всех документов на право владения вакуфами, так как с отделением княжества нет более оснований оставлять оные в руках Порты; во-вторых, командировать тотчас же полковника Носовича в Константинополь, снабдив его письмом к князю Лобанову, которого просить оказать Носовичу полное содействие в доступе в центральное вакуфное учреждение для разбора и приведения в ясность вакуфных документов.

По этому поводу я писал объяснение в наш финансовый отдел, ведающий и делами по вакуфам. Сколько могу судить, там не особенно сочувственно относятся к предложенным мною способам уяснения дел о вакуфах как потому, что не надеются на скорое окончание этого дела, так и потому еще, что, кажется *, не возлагают особенных надежд на известного вам Дервишафакира¹. Я несколько иного мнения. Нет спору, что работа по приведению в ясность вакуфов в княжестве потребует значительного времени и едва ли может быть окончена к нашему отсюда уходу. Но важно здесь не то, чтобы кончить ее непременно при нас, но то, чтобы положить работам этим начало именно при нас и тем дать возможность в будущем продолжать ее княжескому правительству как текущее и нами, так сказать, узаконенное дело.

Что же касается до странствующего Дервиша, то при всех его пунктиках вакуфный — самый сильный и солидный, и я вполне уверен, что при всей его бестолочи из его вакуфной монополии можно извлечь толк и пользу. При-

* Слово «кажется» читается предположительно.

том нельзя же его в самом деле вовсе оставлять без занятий, тем более что он сильно напрашивается на них и не раз письменно и словесно представлял свои соображения о том, как надобно повести дело о вакуфках, в котором он, судя по прежним его работам турецким, является сведущим специалистом. Пусть работает, как сам предлагает, а затем о результатах можно будет судить впоследствии.

Вполне надеюсь, что ваше сиятельство не посетуете на меня, что я вмешаюсь не в подлежащее моему ведению дело. Но я себе позволю это единственно потому, что сведения о вакуфках составляют также предмет статистики края ².

Приношу уверения в совершенном моем уважении и преданности

М. Домонтович

ЦГИА СССР, ф. 932, оп. 1, д. 228, лл. 137—138 об. Автограф.

1. Вероятно, это служебное лицо в управлении по вакуфкам в Константинополе, которое было заинтересовано систематизировать и представить сведения о вакуфных имуществвах в болгарских землях.

2. Вопрос о вакуфном недвижимом имуществе рассматривался потому, что турецкое правительство стремилось сохранить право собственности мусульманской церкви (см. док. 134 и примечание к нему).

№ 333

1879 г. марта 25. — Протокольная запись беседы А. М. Горчакова с Ф. Дюфферином о предложениях Англии по обеспечению порядка в Восточной Румелии после эвакуации русских войск

Prince Gortchakow: Votre gouvernement nous propose un plan qui n'est pas celui que nous avons combiné.

Une occupation mixte des Puissances signataires du traité de Berlin nous semblait une garantie contre le renouvellement des massacres des chrétiens.

Eh bien! Nous voulons vous donner une preuve de confiance en acceptant le plan que vous nous proposez, avec quelques nuances que nous devons y rattacher*.

Vous dites:

1. Acceptation d'Aleko pacha comme gouverneur-général de la Roumélie Orientale (That in accordance with the wishes of the russian gouvernement Aleko pacha should be accepted as the governor general of Eastern Roumelia).

Nous ne connaissons pas personnellement Aleko pacha. Mais nous adhérons à ce choix parce que celui de Rustem aurait infailliblement été le signal d'une vive agitation parmi les Bulgares.

2. Que la Porte ajourne à un an l'exercice de son droit de garnison dans les Balkans (That the Porte should postpone for a year the exercise of its rights to garnison the Balkans).

Nous acceptons—mais, bien entendu, à condition que la délimitation dans les Balkans soit préalablement achevée. En outre nous croyons désirable que le chiffre et l'emplacement de ces garnisons soient convenus d'avance.

3. Que les troupes turques occupent Bourgas et Ichtiman (That Turkish troops should occupy Bourgas and Ichtiman).

Nous acceptons une garnison turque dans la ville de Bourgas. Elle n'aurait pas besoin d'être nombreuse, puisqu'au fond il ne s'agirait que de constater des droits souverains du sultan.

D'ailleurs dans ses communications au prince Lobanow, le grand vézir n'a fait mention que de Bourgas. Sa majesté l'empereur vous a indiqué lui-même les inconvénients de la présence des Turcs à Ichtiman; elle n'est nullement né-

* См. док. 312 и прим. 2 к нему; док. 327.

cessaire pour affirmer les droits du sultan, puisque, je le répète, l'occupation de la ville de Bourgas aurait suffisamment rempli ce but.

En outre, nous désirons que les troupes turques n'occupent la ville de Bourgas non seulement lorsque nos troupes auront quitté la Roumélie Orientale et la Bulgarie, mais encore lorsque elles seront entièrement rentrées dans nos frontières le 3 Août.

4. Que le gouverneur-général ne soit pas compétent pour appeler l'assistance de troupes turques, en cas de besoin, excepté avec le consentement de la majorité de la Commission européenne. (That it should not be competent for the governor general to call in the assistance of Turkish troops in case of need except with the consent of a majority of the European commission).

Nous acceptons. Mais à la même condition que le N° 3, c'est-à-dire que le gouverneur-général ne soit compétent d'appeler l'assistance de troupes turques en cas de besoin et avec le consentement de la majorité de la Commission européenne que lorsque nos troupes seront entièrement rentrées dans nos frontières le 3 Août.

5. Que l'existence de la Commission européenne soit prolongée pour une année (That the existence of the European commission should be prolonged for another year).

Nous acceptons.

Nous voulons et devrions espérer que l'attitude unie et ferme des grandes Puissances réussira dans ces conditions à prévenir les complications que nous appréhendons. Si néanmoins elles se produisaient malgré nos efforts et ceux des Puissances, nous devons en décliner d'avance la responsabilité.

Lord Dufferin: fait observer qu'il doit être bien entendu que le plan, qu'il a eu ordre de communiquer, n'est suggéré que pour le cas où celui proposé par la Russie viendrait à échouer, et que le gouvernement de sa majesté britannique n'en reste pas moins désireux de voir réussir le plan d'une occupation mixte suggéré en premier lieu par la Russie. Il ajoute qu'il ne pouvait que transmettre à son gouvernement les nuances que je venais de lui communiquer.

Il considère en outre comme rationnel qu'en vue de l'antipathie présumée d'une partie de la population de la Roumélie pour l'introduction du nouveau régime stipulé par le traité de Berlin, la Porte puisse avoir des forces suffisantes préparées sur la frontière nord de la Roumélie afin que dans le cas où la Commission européenne jugerait indispensable d'appeler les troupes turques, ces troupes soient en mesure de réprimer à temps les tentatives possibles contraires à l'exécution du traité de Berlin.

Son gouvernement avait pensé que géographiquement Ichtiman serait un point convenable pour le cantonnement de ces troupes.

Prince Gortchakow: Nous ne saurions accepter qu'à la condition que la Porte ne puisse avoir des forces préparées que sur la frontière *méridionale* de la Roumélie Orientale. Quant à Ichtiman, l'empereur avait lui-même expliqué à l'ambassadeur pourquoi sa majesté ne saurait accepter Ichtiman pour le cantonnement de ces troupes.

Lord Dufferin: a encore fait observer que c'était une chose pour la Porte de renoncer volontairement à envoyer des troupes en Roumélie excepté en cas de nécessité absolue, et une autre chose d'abjurer son droit fondé sur le traité d'agir ainsi quelles que soient les circonstances; et pour le pouvoir exécutif et la commission en Roumélie d'être privés pour trois mois du droit d'appeler les troupes en cas de résistance à leur autorité; ce ne serait rien moins que proclamer à la partie remuante de la population qui a assailli Mr. Schmith à Slivno qu'elle peut commettre toute espèce d'outrage avec impunité, et inaugurer en fait une révolution sans que personne soit autorisé à s'interposer. Lord Dufferin a ajouté que presque toutes les propositions de lord Salisbury: la nomination d'Aleko pacha, la non-occupation des Balkans, pour une année la prolongation de l'existence de la Commission, étaient des concessions aux désirs exprimés par la Russie et qu'il en référerait à son gouvernement au sujet des modifications proposées, mais qu'il ne pensait pas qu'elles seraient acceptées surtout celle qu'il venait de mentionner.

Prince Gortchakow: fait observer à lord Dufferin que l'on ne saurait considérer les propositions de lord Salisbury comme une concession aux désirs de la Russie, mais comme un plan que le cabinet anglais substitue à celui proposé par la Russie, la plupart de ces propositions ont d'ailleurs été déjà acceptées par la Porte elle-même, ainsi elle a consenti à la nomination d'Aleko pacha que nous n'avons aucune raison pour désirer particulièrement; elle a déclaré elle-même qu'elle n'avait pas l'intention d'occuper les Balkans et enfin elle n'a fait aucune difficulté pour la prolongation des travaux de la commission. Ce ne sont pas là des concessions faites aux désirs de la Russie.

Nous croyons au contraire que c'est nous qui donnons un témoignage de confiance au gouvernement anglais en acceptant son plan.

Du reste la seule divergence essentielle qui paraît subsister entre nos appréciations et celles de lord Dufferin semble être le fait que les troupes turques ne pourraient pas être appelées par la commission avant la rentrée complète de nos troupes dans nos frontières, c'est-à-dire avant le 3 Août. Lord Dufferin y voit un intervalle pendant lequel il n'y aurait en Roumélie aucune autorité qui put maintenir l'ordre, nous y voyons au contraire une précaution pour empêcher une collision qui serait à craindre si les troupes turques entraient dans la province pendant que les nôtres y seraient encore ou à proximité. Il s'agit donc de discuter ce point de divergence et d'aviser d'un commun accord à un moyen d'éviter ces deux écueils.

Gortchakow
Dufferin

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 81, лл. 6—11. Подлинник.

Перевод

Князь Горчаков: Ваше правительство предлагает нам план, который не совпадает с нашим.

Смешанная оккупация держав, подписавших Берлинский трактат, казалась нам гарантией против возобновления резни христиан.

Итак, мы хотим дать вам доказательство доверия, принимая план, предлагаемый вами, с уточнениями, которые мы должны к нему добавить.

Вы говорите:

1. Принятие кандидатуры Алеко-паши на пост генерал-губернатора Восточной Румелии (That in accordance with the wishes of the russian government Aleko-pacha should be accepted as the governor general of Eastern Roumelia) *.

Мы лично не знаем Алеко-пашу. Но мы соглашаемся на этот выбор, так как избрание Рустема неизбежно явилось бы сигналом к сильному возбуждению среди болгар.

2. Пусть Порты отложит на год осуществление своего права иметь гарнизон в Балканах **.

Мы соглашаемся, но, разумеется, при условии, что прежде будет закончено разграничение на Балканах. Кроме того, мы считаем желательным, чтобы численность и размещение этих гарнизонов были заранее обусловлены.

3. Чтобы турецкие войска оккупировали Бургас и Ихтиман **.

Мы соглашаемся на допущение турецкого гарнизона в г. Бургас. Нет необходимости, чтобы он был многочисленным, так как по существу речь идет лишь о констатации суверенных прав султана.

Впрочем, в своей беседе с князем Лобановым великий визирь упомянул только о Бургасе. Его императорское величество сам указывал вам на неудобство, представляемое присутствием турок в Ихтимане, которое несколько не необходимо для подтверждения прав султана, так как, я повторяю, оккупация г. Бургаса в достаточной степени выполняла бы эту задачу.

* В соответствии с пожеланиями русского правительства Алеко-паша будет принят как генерал-губернатор Восточной Румелии (англ.).

** Далее идентичный текст на английском языке.

Кроме того, мы желаем, чтобы турецкие войска заняли город Бургас лишь после того, как наши войска покинут Восточную Румелию и Болгарию и когда они полностью перейдут наши границы 3 августа.

4. Чтобы генерал-губернатор не имел полномочий призывать на помощь турецкие войска в случае необходимости иначе как с согласия большинства Европейской комиссии *.

Мы соглашаемся. Но с тем же условием, что и в пункте 3, т. е. чтобы генерал-губернатор имел право обращаться за помощью к турецким войскам в случае необходимости и с согласия большинства Европейской комиссии только после того, как наши войска полностью перейдут наши границы 3 августа.

5. Чтобы существование Европейской комиссии было продлено на один год *.

Мы соглашаемся.

Мы хотим и должны надеяться, что благодаря единой и твердой позиции великих держав при этих условиях удастся предотвратить осложнения, которых мы опасаемся. Если тем не менее они произойдут, несмотря на наши усилия и усилия держав, мы должны заранее снять с себя ответственность.

Лорд Дюфферин замечает, что, разумеется, план, который ему было приказано сообщить, задуман только на тот случай, если план, предложенный Россией, не пройдет и если правительство ее британского величества тем не менее будет считать желаемым план смешанной оккупации, предложенный впервые Россией. Он добавляет, что может лишь сообщить своему правительству те оттенки мнений, которые я ему только что передал.

Он считает целесообразным, кроме того, чтобы ввиду предполагаемой антипатии части населения Румелии к введению нового режима, учрежденного Берлинским трактатом, Порты могла иметь достаточно вооруженных сил на северной границе Румелии, чтобы, если Европейская комиссия сочтет необходимым призвать турецкие войска, последние были в состоянии вовремя подавить возможные попытки сопротивления выполнению Берлинского трактата.

Его правительство считает, что в географическом отношении Ихтиман явился бы удобным пунктом для размещения этих войск.

Князь Горчаков: Мы могли бы согласиться лишь с тем условием, что Порты может иметь подготовленные силы только на южной границе Восточной Румелии. Что касается Ихтимана, сам император объяснил послу, почему его величество не мог бы согласиться на размещение там этих войск.

Лорд Дюфферин еще заметил, что Порте нелегко добровольно отказаться от посылки войск в Румелию, кроме как в случае абсолютной необходимости, и трудно также отказаться от своего права, основанного на трактате, действовать таким образом, каковы бы ни были обстоятельства; и для исполнительной власти и комиссии в Румелии также трудно лишиться на три месяца права призывать войска в случае оказания сопротивления их власти; это означало бы не что иное, как возвестить беспокойной части населения, которая напала на г-на Шмидта в Сливно, что она может безнаказанно допустить любой вид оскорбления и фактически совершить революцию, и притом чтобы никому не было дозволено вмешаться. *Лорд Дюфферин* добавил, что почти все предложения лорда Солсбери: назначение Алеко-паши, отказ от оккупации Балкан, продление на год существования комиссии были уступкой пожеланиям, выраженным Россией, и что он сообщит своему правительству о предлагаемых изменениях, но не думает, что они будут приняты, особенно те, о которых он только что упомянул.

Князь Горчаков заметил лорду Дюфферину, что следует рассматривать предложения лорда Солсбери не как уступку пожеланиям России, а как план, который английский кабинет выдвигает вместо плана, предложенного Россией; большинство этих предложений, впрочем, было уже принято самой Портой; так, она согласилась на назначение Алеко-паши, на кандидатуре которого мы не имеем никаких причин особенно настаивать; она сама заявила, что не намерена оккупировать Балканы, и, наконец, она не чинит никаких препятствий продлению работ комиссии. Так что все это совсем не уступка пожеланиям России.

Мы, напротив, полагаем, что именно мы даем доказательства доверия английскому правительству, принимая его план.

* Далее идентичный текст на английском языке.

Впрочем, единственное существенное расхождение между нашими взглядами и взглядами лорда Дюфферина вызывается тем, что турецкие войска не могли бы быть призваны комиссией до полного возвращения наших войск в наши пределы, т. е. до 3 августа. Лорд Дюфферин считает, что в этот промежуток времени в Румелии якобы не будет никакой власти, которая могла бы поддержать порядок; мы же, напротив, рассматриваем это как меру предосторожности, предпринимаемую для того, чтобы помешать столкновению, которого можно было бы опасаться, если турецкие войска войдут в провинцию в то время, как наши будут находиться еще там или поблизости. Следовательно, речь идет о том, чтобы обсудить этот пункт расхождений и сообща договориться о способе обойти эти два подводных камня.

Горчаков
Дюфферин

№ 334

*1879 г. марта 26. — Телеграмма Н. К. Гирса А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости избрать болгарского князя до окончания деятельности русского гражданского управления в Болгарии **

Секретно

Au clair: Reçu télégramme du 26 Mars **.

En chiffres: Государь император повелевает вам употребить все усилия, чтобы выбор князя состоялся заблаговременно, до срока окончания нашей администрации, то есть до 22 апреля. Вразумите болгар, что если к этому сроку выборы князя не состоятся, то последует немедленное вмешательство европейских держав, которое, конечно, не будет в пользу болгар. 15 апреля кажется нам сроком слишком отдаленным для открытия нового собрания, желательно было бы созвать его ранее.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3249, л. 43. Копия.

№ 335

*1879 г. марта 26. — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову об обстановке в Восточной Румелии и намерении населения оказать вооруженное сопротивление турецким войскам****

№ 59

Péra
Confidentielle

Monsieur le chancelier!

Par mon télégramme du 20 Mars j'ai eu l'honneur de soumettre à votre altesse les appréhensions qu'inspirait au général Stolypine la surexcitation des esprits dans la Roumélie Orientale.

Afin de me fournir de vive voix et en détail les développements qu'il ne voulait pas exposer par écrit, il vient de m'envoyer le général Skobélew qui m'a communiqué de sa part ce qui suit.

De jour en jour l'état des esprits devient plus alarmant. Les radicaux prennent un ascendant marqué sur les modérés (Grouiew et autres), qui sont loin d'être fermes dans leurs principes et conséquents dans leurs résolutions. On risquerait fort de se tromper si l'on jugeait la situation uniquement d'après les rapports des personnes qui n'ont pas quitté Philippopoli. Vu la présence de la Commission européenne, vu surtout sa population hétérogène, Philippopoli donne une idée très imparfaite des passions qui s'agitent au fond des provinces, par exemple à Slivno. Là la population ne pense qu'à recourir aux armes;

* См. примечание к док. 307.

** Получил телеграмму от 26 марта (фр.). См. АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 38, л. 44.

*** См. док. 290, 300, 322, а также 370, 373 и другие протоколы собрания представителей комитетов Южной Болгарии.

on y a formé avec de tout jeunes gens des détachements de volontaires, qui sont destinés à être conduits les premiers à l'attaque des canons turques pour que le sang versé témoigne à l'Europe de la ferme détermination des Bulgares de défendre leur nationalité à outrance.

Deux craintes semblent dominer la situation: l'entrée des troupes turques en Roumélie et leur occupation des Balkans.

Non seulement il ne saurait être question de l'entrée des troupes turques dans le pays, mais l'envoi même d'un corps d'occupation mixte, dont la nouvelle est parvenue à Philippopoli le jour de départ du général Skobelew (23 Mars), a frappé la population de stupeur. Tous, sans exception, ont décidé d'accueillir le contingent turc, quelque part qu'il se montre, par des coups de fusils. A l'égard des contingents anglais et autrichien, les avis sont partagés, et rien n'est encore décidé. La partie intelligente de la population craint qu'à l'abri de l'occupation mixte, les Turcs ne s'établissent dans la Roumélie Orientale, et que les Bulgares, bien qu'ayant en ce moment la force et les moyens de s'y opposer ne soient paralysés par l'Europe, dont la participation à l'occupation n'aurait pas d'autre but que celui de rattacher davantage la Roumélie Orientale à l'empire Ottoman.

Le même but est attribué à l'occupation des Balkans par les troupes turques. On est persuadé que la nécessité forcera les Turcs, surtout pendant la saison d'hiver, à descendre dans la plaine et à s'installer tout le long des Balkans sur la ligne de Bourgas, Aïdos, Karnabat, Slivno, Twerditza, Kazanlyk, Karlowo, Sopot et Ichtiman. Peut-être n'oseront-ils pas tout d'abord occuper ces villes et iront s'établir dans les villages situés aux pieds des montagnes; mais, dans ce cas, la discipline des troupes n'en sera que plus relâchée, et, de façon ou d'autre, la Roumélie n'en est pas moins condamnée à devenir une province turque.

L'occupation des Balkans serait en même temps une menace constante pour l'indépendance de la Bulgarie du Nord — menace d'autant plus redoutable que les troupes turques seraient sûres de trouver un point d'appui dans la population musulmane compacte du Touzlouk et du Déli-Orman.

Sous l'influence de ces préoccupations, des comités révolutionnaires se sont, depuis plus de deux mois, organisés dans tout le pays. Il y en a dans chaque arrondissement. Ils s'appellent comités pour l'organisation de la défense nationale, et se recrutent principalement parmi les membres des sociétés de gymnastique. Ce secret y est si bien gardé que la Commission européenne, malgré son séjour prolongé à Philippopoli, n'a pas eu connaissance de cette organisation. Cette discrétion est, du reste, caractéristique. Chaque Bulgare, dans les moments décisifs de son existence nationale, a, au plus haut degré, le sentiment du devoir que lui impose le patriotisme: le général Gourko a raconté que l'endroit désigné pour le passage de nos troupes par les Balkans, était connu longtemps à l'avance de plus de cent individus, et pourtant il ne s'est trouvé dans le nombre ni un traître ni un indiscret.

Hier, 25 Mars, sur un ordre du comité central, une réunion devait avoir lieu pour l'élection d'un gouvernement provisoire qui serait investi d'une dictature absolue.

Un soulèvement général est inévitable.

Toute la population armée est divisée en «дружини» et en «четы», dont chacune a déjà son chef secret. Il y a jusqu'à 70.000 hommes armés munis chacun de 120 cartouches. Le chiffre se décompose ainsi: milice — 10 000 hommes, gardes champêtres et autres — 20 000 hommes, sociétés de gymnastique — 40.000 hommes. Pour les désarmer, il faudrait entreprendre une guerre régulière. Le mot d'ordre est: «Union de la Roumélie et de la Bulgarie»; la devise: «Quiconque n'est pas avec nous, est contre nous».

Le Comité central a décidé qu'aussitôt après notre départ, on ne reconnaîtrait aucune autorité. Tout Bulgare, occupant actuellement une place, devrait, sous peine de mort, donner sa démission. Un impôt de 100 000 livres turques (2 300 000 francs) a été décrété et commence déjà à être versé.

Si les troupes turques n'entrent pas en Roumélie, l'ordre est donné de se borner à une résistance passive et d'éviter tout acte de violence.

Si, au contraire, elles devaient y pénétrer, elles rencontreraient partout une résistance désespérée. Tout un plan semble déjà arrêté en vue de cette éventualité. Il est basé sur la dislocation actuelle de l'armée ottomane dans le voisinage de la frontière de Roumélie.

Les principales forces turques sont groupées aux environs de trois points: Kirkilissi (18 tabors), Andrinople (de 30 à 40 tabors) et Ismilan (12 tabors). Cette disposition fait croire à la possibilité d'un triple mouvement qui serait exécuté simultanément: de Kirkilissi sur Bourgas, d'Andrinople vers l'intérieur et vers Slivno, d'Ismilan sur Philippopoli.

En prévision de ces mouvements les Bulgares auraient l'intention d'organiser entre Kyzylindji (Kyzylagatch) et la Mer Noire des bandes de partisans qui auraient pour objectif le chemin de fer de Constantinople à Andrinople, — de placer ensuite leurs principales forces à Sémenli-Tyrnovo, dans les fortes positions du triangle formé par le confluent de la Maritza et de la Sasly-Déré, pour s'opposer au gros de l'armée turque, qu'elle vienne d'Andrinople par la rive droite ou par la rive gauche de la Maritza, — et enfin de se retrancher à Stanimaki, pendant que les Bulgares du Nord viendraient par Sopot et Karlowo à Tatar Bazardjik.

La lutte serait acceptée par les Bulgares sans grand espoir de succès. Ils calculent qu'ils pourront se maintenir tout au plus deux ou trois mois, mais ils croient que leur sang est nécessaire pour éveiller les sympathies de l'Europe.

Rien ne donne mieux la mesure de l'état général des esprits que le changement qui s'est opéré dans les idées et le langage de l'exarque bulgare. Depuis quinze jours il a complètement passé dans le camp des radicaux. Il disait lui-même dernièrement au général Stolypine: «Si je ne me mets pas dans le mouvement, c'en est fait de mon autorité». Et de fait, l'abstention du parti modéré laisserait définitivement toute l'influence aux mains de gens à résolutions extrêmes. D'ailleurs les comités révolutionnaires commencent à acquérir un tel ascendant qu'il devient dangereux de se montrer froid ou indifférent à la cause nationale.

Le jour de son départ de Philippopoli, le général Skobélew a eu l'ordre de général Stolypine d'aller voir l'exarque. Celui-ci l'a chargé de me transmettre ces paroles: «Dites au prince Lobanow que tout notre espoir est dans l'empereur. Le peuple a pris la résolution de défendre ses droits et tout ce que lui est cher, — sa religion, sa langue, sa famille. Il a la conviction que les garanties accordées par le traité de Berlin sont illusoires et que, tôt ou tard, elles mèneront au rétablissement du régime turc. Comme représentant de la paix et de la concorde, je ne ferai rien pour le pousser dans la voie périlleuse qu'il s'est choisie; je ferai même tout ce qui dépendra de moi pour calmer les passions. Mais lorsque sonnera l'heure solennelle de l'épreuve, le clergé bulgare ne se séparera pas du peuple et saura obtenir avec lui la couronne du martyr. Oui, la couronne du martyr; répétez bien cette expression, car ce qui nous attend, ce n'est pas la guerre, mais le martyr de tout un peuple, condamné à succomber dans des souffrances imméritées».

Lorsque le général Skobélew demanda quelles seraient, selon lui, les conditions qui pourraient satisfaire les Bulgares, l'exarque répondit que le parti modéré consentirait à entreprendre une œuvre d'apaisement et de pacification aux conditions suivantes, qui sont le minimum des vœux de la nation:

1) la renonciation formelle de la Porte à l'occupation des Balcanes; on ne se fie pas à une simple promesse du sultan;

2) un gouverneur-général européen, ni Anglais, ni Autrichien, n'ayant pas été au service de la Turquie, nommé par les Puissances et confirmé par le sultan;

3) à l'expiration des cinq années, l'Assemblée nationale aurait le droit de demander que le même gouverneur-général fût de nouveau confirmé dans ses fonctions, afin qu'une plus grande solidarité pût s'établir entre lui et la population;

4) tous les officiers et fonctionnaires (à l'exception de ceux qui doivent être élus) — nommés par le gouverneur-général, et non par le sultan.

Tel est, mon prince, le résumé fidèle de ce qui m'a été communiqué par le général Skobélew.

Je lui répondis que j'avais déjà transmis au général Stolypine l'ordre de sa majesté l'empereur, contenu dans le télégramme de votre altesse du 22 Mars,* de faire comprendre à la population que l'occupation mixte avait justement pour but de prévenir l'entrée des Turcs en Roumélie; que cette mesure, dont l'initiative appartenait au cabinet impérial, lui avait été suggérée par sa sollicitude pour les Bulgares, et que toute résistance de leur part serait déraisonnable. Puis, après l'avoir mis au courant du dernier état des négociations qui se poursuivent entre les cabinets, je fis voir au général Skobélew qu'en réalité la plupart des vœux du parti modéré se trouveront accomplis: la Porte elle-même reconnaît la difficulté d'occuper les Balkans et se dispose à y renoncer; le Règlement organique abandonne au gouverneur-général la nomination des officiers et fonctionnaires. Il n'y a que les clauses concernant le gouverneur-général qui ne seraient pas conformes aux désirs des Bulgares; mais là aussi le gouvernement impérial, après avoir écarté la candidature de Roustem-pacha, a voulu satisfaire leurs vœux dans la mesure du possible et a proposé à la Porte de nommer Aleko Vogoridès. J'ai la presque certitude que ce choix sera définitivement agréé. Vogoridès, il est vrai, appartient à cette catégorie des Bulgares grécisés qui jadis étaient assez nombreux à Constantinople; mais, l'intérêt aidant, il ne manquera pas, une fois installé, de se souvenir de son origine, et pourra même servir de trait d'union entre les deux nationalités rivales. A l'exception du gouverneur-général, toute l'administration, la justice, la police, la milice, devront, d'après le Règlement organique, être constituées avec l'élément indigène. L'occupation mixte permettra au pays de faire tranquillement pendant une année l'expérience de ce nouvel ordre de choses, et ce serait de la part des Bulgares une suprême folie de repousser par une insurrection la protection que l'Europe se dispose à leur accorder.

Notre influence dans le pays est illimitée. J'ai même toujours été d'avis, ainsi que je l'écrivais à votre altesse dans ma lettre du 15 (27) Janvier que la présence seule de notre administration, sans corps d'occupation, était suffisante pour maintenir la tranquillité. Mais c'est à la condition que nos autorités, — j'entends surtout celles qui sont dans un contact incessant avec la population, — ne transigent pas avec leur devoir. Tout ce qui se passe me confirme davantage dans cette opinion. Le moment présent est d'une gravité exceptionnelle, et j'ai chargé le général Skobélew de dire au général Stolypine que je le priais instamment d'employer tous ses efforts pour prévenir des événements qui seraient non moins regrettables pour les intérêts bulgares que pour les intérêts du gouvernement impérial, car ce n'est pas au lendemain d'une guerre comme celle qui vient de finir, que nous pouvons rechercher de nouvelles complications. La volonté de notre auguste maître me paraissait formelle à cet égard, et l'évacuation de nos troupes en était la preuve.

Le général Skobélew repart demain pour Philippopoli.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur

Lobanow

Помета Александра II: Cela fait présager de jolies complications et nous ne parvenons pas à arrêter l'entrée des Turcs

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 38, лл. 49—55. Подлинник.

Перевод

Пера

Конфиденциально

Господин канцлер!

Своей телеграммой от 20 марта я имел честь сообщить вашей светлости об опасениях, которые вызывает у генерала Столыпина крайнее возбуждение умов в Восточной Румелии.

* См. док. 331.

Для того чтобы сообщить мне устно и в подробностях соображения, которые он не хотел излагать письменно, он прислал ко мне генерала Скобелева, передавшего от его имени следующее.

Состояние умов с каждым днем вызывает все большую тревогу. Радикалы оказывают заметное влияние на умеренных (Груева и прочих), которые весьма нетверды в своих принципах и непоследовательны в своих решениях. Мы бы сильно рисковали ошибиться, если бы судили об обстановке только по донесениям лиц, не покидавших Филиппополь. В связи с присутствием Европейской комиссии и особенно из-за разнородности населения Филиппополя этот город дает весьма несовершенное представление о страстях, бушующих в глубине провинций, например в Сливно. Там население думает лишь о том, чтобы взяться за оружие; там из совсем молодых людей были сформированы отряды добровольцев, которым предстоит первыми идти в атаку против турецких пушек, чтобы пролитая кровь доказала Европе твердую решимость болгар бороться не на жизнь, а на смерть, защищая свою нацию.

Двойная опасность преобладает в нынешней ситуации: вступление турецких войск в Румелию и оккупация ими Балкан.

Не может быть и речи не только о вступлении турецких войск в страну, но даже о самом отправлении корпуса смешанной оккупации, известие о котором пришло в Филиппополь в день отъезда генерала Скобелева (23 марта) и привело население в ужас. Все без исключения решили встретить турецкий контингент, с какой бы стороны он ни появился, оружейной стрельбой. По отношению к английскому и австрийскому контингентам мнения разделились, и еще ничего не решено. Интеллигентная часть населения боится, что под прикрытием смешанной оккупации турки водворятся в Восточной Румелии и что действия болгар, хотя и располагающих в настоящий момент силой и средствами воспротивиться этому, будут парализованы Европой, чье участие в оккупации не имеет иной цели, как еще сильнее привязать Восточную Румелию к Оттоманской империи.

Такие же цели приписываются оккупации Балкан турецкими войсками. Убеждены в том, что необходимость вынудит турок, особенно в зимнее время, спуститься на равнину и расположиться вдоль Балкан по линии Бургас—Айдос—Карнабат—Сливно—Твердица—Казанлык—Карлово—Сопот и Ихтиман. Может быть, они не посмеют сразу же занять эти города и устроятся в деревнях, расположенных у подножия гор, но дисциплина войск от этого лишь ослабевает, тем не менее Румелия обречена стать турецкой провинцией.

Оккупация Балкан была бы в то же время постоянной угрозой для независимости Северной Болгарии — угрозой тем более страшной, что турецкие войска уверены в поддержке сплошного мусульманского населения Тузлука и Дели Ормана.

Под влиянием этих опасений за два с лишним месяца по всей стране были организованы революционные комитеты. Они есть в каждом округе. Они называются комитетами по организации национальной обороны и состояются главным образом из членов гимнастических обществ. Это держат в такой тайне, что даже Европейская комиссия, несмотря на длительное пребывание в Филиппополе, не имела сведений об этой организации. Эта скрытность, впрочем, характерна для болгар. Каждый из них в решающие минуты своего национального существования в самой высокой степени обладает чувством патриотического долга. Генерал Гурко рассказывал, что место, назначенное для перехода наших войск через Балканы, было известно заранее более чем ста лицам и тем не менее среди этого числа не нашлось ни одного предателя, ни одного болтуна.

Вчера, 25 марта, по приказу Центрального комитета должно было состояться собрание для избрания временного правительства, облеченного абсолютной диктатурой.

Всеобщее восстание неизбежно.

Все вооруженное население разделено на дружины и четы, из которых каждая уже имеет своего тайного вождя. Вооружено до 70 тыс. людей, из коих каждый снабжен 120 патронами. Это число складывается из милиции — 10 тыс. человек, сельских и других караулов — 20 тыс. человек, членов гимнастических обществ — 40 тыс. человек. Чтобы их разоружить, пришлось бы начать настоящую войну. Их лозунг — «объединение Румелии и Болгарии»; девиз — «кто не с нами — тот против нас».

Центральный комитет решил, что тотчас после ухода русской армии никакая другая власть не будет признана. Всякий болгарин, состоящий теперь на государственной службе, под страхом смерти будет обязан подать в отставку. Установленный налог в 100 тыс. турецких лир (2300 тыс. фр.) начинает уже поступать.

Отдан приказ: в том случае, если турецкие войска не войдут в Румелию, ограничиться пассивным сопротивлением и избегать каких-либо насильственных действий.

Если же, напротив, войска вступят в Румелию, они повсюду встретят отчаянное сопротивление. В предвидении этой возможности уже, кажется, разработан целый план. Он основан на нынешней дислокации оттоманской армии вблизи румелийской границы.

Основные турецкие силы сгруппированы вблизи трех пунктов: Кирк-Килиссе (18 таборов), Адрианополя (от 30 до 40 таборов) и Исмилана (12 таборов). Это расположение предполагает возможность одновременного движения в трех направлениях: из Кирк-Килиссе на Бургас, из Адрианополя внутрь страны и к Сливно, из Исмилана на Филиппополь.

В предвидении этих передвижений болгары будто бы намерены организовать между Кызылиндже (Кызылагач) и Черным морем группы партизан, чтобы контролировать район железной дороги Константинополь—Адрианополь и затем сосредоточить свои главные силы в Семенли—Тырново в удобных позициях треугольника, образуемого слиянием Марицы и Саслы-Дере, чтобы противостоять основным силам турецкой армии, будет ли она двигаться из Адрианополя правым или левым берегом Марицы, — и, наконец, укрепиться в Станимаке, в то время как северные болгары будут двигаться через Сопот и Карлово на Татар-Базарджик.

Бой будет принят болгарами без большой надежды на успех. Они рассчитывают, что смогут продержаться, самое большее, два или три месяца, но считают, что их кровь необходима для того, чтобы пробудить сочувствие Европы.

Ничто так не характеризует общее состояние умов, как изменение, происшедшее в языке и взглядах болгарского экзарха. За две недели он полностью перешел в лагерь радикалов. Он сам недавно говорил генералу Столыпину: «Если я не примкну к этому движению, я погублю свой авторитет». И, действительно, воздержание со стороны умеренной партии отдало бы в конечном счете все влияние в руки людей крайних взглядов. Впрочем, революционные комитеты начинают приобретать такое влияние, что становится опасным проявлять холодное и равнодушное отношение к национальному делу.

В день своего отъезда из Филиппополя генерал Скобелев получил приказ от генерала Столыпина посетить экзарха. Экзарх поручил ему передать мне следующие слова: «Скажите князю Лобанову, что вся наша надежда на императора. Народ полон решимости защищать свои права и все, что ему дорого: свою религию, свой язык, свои семьи. Он убежден, что гарантии, предоставляемые Берлинским трактатом, иллюзорны и что поздно или рано они приведут к восстановлению турецкого режима. Как представитель мира и согласия, я ничего не сделаю, чтобы толкнуть его на тот опасный путь, который он избрал; я даже сделаю все, от меня зависящее, чтобы усложнить страсти. Но, когда пробьет торжественный час испытания, болгарское духовенство будет вместе с народом и сумеет вместе с ним принять мученический венец. Да, мученический венец: ибо то, что ждет нас, есть не война, а мученичество всего народа, обреченного на погибель в незаслуженных страданиях».

Когда генерал Скобелев спросил, каковы, по его мнению, условия, могущие удовлетворить болгар, экзарх ответил, что умеренная часть согласна взяться за дело успокоения и умиротворения на следующих условиях, представляющих минимум требований нации:

- 1) официальный отказ Порты от оккупации Балкан, ибо в простое обещание султана не верят;
- 2) генерал-губернатор должен быть европейцем, не англичанином и не австрийцем, человеком, не состоявшим на турецкой службе; он должен быть назначен державами и утвержден султаном;
- 3) по истечении пяти лет Народное собрание будет иметь право требовать, чтобы тот же генерал-губернатор был заново утвержден в своей должности с целью установления еще большего взаимопонимания между ним и населением;
- 4) все офицеры и чиновники (за исключением выборных) должны назначаться генерал-губернатором, а не султаном.

Таково, князь, краткое и точное изложение того, что мне было сообщено генералом Скобелевым.

Я ответил ему, что уже передал генералу Столыпину приказ его императорского величества, содержащийся в телеграмме вашей светлости от 22 марта, дать понять населению, что смешанная оккупация имеет целью именно предотвращение вступления турок в Румелию, что эта мера, инициатива которой принадлежит императорскому кабинету, была ему:

внушена его заботами о болгарях, и что всякое сопротивление с их стороны было бы неразумно. После того как я ввел его в курс последних переговоров, происходящих между кабинетами, я доказал генералу Скобелеву, что в действительности большая часть требований умеренной партии будет выполнена: сама Порта признает трудность оккупации Балкан и согласна от нее отказаться; Органический устав предоставляет генерал-губернатору право назначения офицеров и чиновников. И только положения, касающиеся генерал-губернатора, не соответствуют желаниям болгар, но и в этом императорское правительство, устранив кандидатуру Рустем-паши, пожелало в пределах возможного удовлетворить их требования и предложило Порте назначить Алеко Богориди. Я почти уверен в том, что этот выбор будет в конечном счете принят. Богориди действительно принадлежит к той категории эллинизированных болгар, множество которых жило прежде в Константинополе; но, если ему это будет выгодно, он не преминет, получив пост генерал-губернатора, вспомнить о своем происхождении, что сможет даже способствовать улучшению отношений между обеими соперничающими нациями. За исключением генерал-губернатора, вся администрация, юстиция, полиция, милиция должны будут в соответствии с Органическим уставом набираться из туземных элементов. Смешанная оккупация позволит стране спокойно в течение года испытать этот новый порядок вещей, и со стороны болгар было бы крайне безрассудно восстанием отвергнуть покровительство, которое Европа расположена им оказать.

Наше влияние в стране безгранично. Я всегда был того мнения, как я писал об этом вашей светлости в письме от 15 (27) января, что одного присутствия нашей администрации, без оккупационного корпуса, было бы достаточно для поддержания спокойствия. Но при условии, что наши власти — я имею в виду особенно тех, которые находятся в постоянном контакте с населением, — не будут пренебрегать своим долгом. Все происходящее еще более укрепляет меня в этом мнении. Настоящий момент имеет исключительную важность, и я поручил генералу Скобелеву сказать генералу Стольшину, что я его настоятельно прошу употребить все усилия для предотвращения событий, которые были бы столь же противны болгарским интересам, как и интересам императорского правительства, ибо нельзя на следующий день после войны, подобной только что закончившейся, стремиться к новым осложнениям. Воля нашего августейшего повелителя мне казалась совершенно определенной в этом отношении, и доказательством тому явилась эвакуация наших войск.

Генерал Скобелев отбывает завтра в Филиппополь.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин канцлер, вашей светлости низжайшим и покорнейшим слугой

Лобанов

Помета Александра II: Если нам не удастся предотвратить вторжение турок, последуют серьезные осложнения.

№ 336

*1879 г. марта 26. — Телеграмма секретаря русского генерального консульства в Филиппополе А. П. Извольского А. Н. Церетелеву о подготовке собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии **

Филиппополь

Экзарх ** утверждает, что будет полное спокойствие. Депутаты от округов собрались. Они решили действовать в смысле наставлений экзарха и противиться всяким демонстрациям. Решено также составить постоянный комитет для поддержания этого направления.

ЦГИА СССР, ф. 932, оп. 1, д. 243, л. 194. Копия. Литографированный экземпляр.

* См. док. 343, 344 и примечания к ним.

** Иосиф.

1879 г. марта 26. — Письмо М. А. Домонтовича А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости пересмотра капитуляционных прав иностранных подданных в княжестве Болгарии *

София

Милостивый государь
князь Александр Михайлович!

В последних двух письмах вы изволили поручить мне поторошить комиссию по рассмотрению прав иностранных подданных, проживающих в Болгарии и пользующихся льготами на основании капитуляций.

В письме моем от 24 сего марта я уже имел честь сообщить вам о положении названных выше занятий, насколько они мне были частным образом известны. Ныне, получив официальное донесение председателя сказанной комиссии полковника Лукашова, считаю долгом представить последнее на благоусмотрение вашего сиятельства ** и испрашивать дальнейших указаний ваших по сему предмету.

Что же касается личного моего мнения по сему вопросу, то, ознакомившись с выработанными материалами членами сказанной комиссии, я пришел к тому заключению, что, руководствуясь только ими, едва ли можно будет составить что-либо цельное и могущее устранить тот ненормальный порядок вещей, который с давних пор частью узаконен капитуляциями, частью вошел в нравы и обычаи проживающих на Востоке, в том числе и Болгарии, иностранных подданных.

По моему крайнему разумению, чтобы положить конец беспрепятственным столкновениям местной болгарской администрации и судебного ведомства, необходимо принять радикальные меры и возбудить вопрос о ненормальности капитуляций при новых христианско-европейских порядках в княжестве Болгарском.

Только таким отношением к делу можно было бы достигнуть каких-либо благоприятных результатов. Иначе все наши распоряжения как временные могут остаться без последствий, ибо возбудят протесты, подобно тем, которые так еще недавно подлили шуму по поводу попытки англичан не признавать консульской юрисдикции на острове Кипре. Как вашему сиятельству известно, англичане должны были уступить и отказаться от своих намерений. Оно и понятно, капитуляции принадлежат к международным актам, а потому и отмена или изменение может быть сделана только путем международных соглашений.

Казалось бы, все, что мы можем сделать своей властью, — это напечатать или наполиграфировать извлечение из главнейших капитулярий и разослать при циркуляре нашим местным властям для руководства и справок в случаях возникновения с иностранными подданными *** по различным административным и судебным вопросам¹, в то же время при посредстве нашего посла в Константинополе поднять этот вопрос в среде иностранных послов при турецком правительстве.

Во всяком случае ввиду важности, сложности и выгоды для иностранцев этого дела, мне кажется, оно должно подлежать серьезному и всестороннему обсуждению в среде лиц, вполне компетентных, и едва ли может быть решено обыкновенным бюрократическим порядком.

Как вашему сиятельству известно из моего доклада в совете записки по вопросу о капитуляциях в Турции, правительство сей последней несколько лет тому назад пыталось согласить иностранные державы на пересмотр и отмену капитулярий. Хотя попытка эта не привела ни к чему, но она важна для

* См. док. 220 и примечание к нему.

** В деле отсутствует.

*** Так в тексте. Вероятно, пропущено слово «столкновения».

нас как прецедент, и мы могли ею воспользоваться, быть может, с большей надеждой на успех ².

Из прилагаемого у сего другого доклада полковника Лукашова * вы изволите усмотреть, что на македонской границе опять дела грозят принять беспоконный характер, тем более что, по полученным сведениям, пока основанным на одних слухах, Калмыков снова появился в Кюстендже. Мною уже сделаны распоряжения о проверке этих слухов, и, если они окажутся верными, то кюстенджийскому начальнику округа приказано тотчас же заарестовать Калмыкова и выселить его в Софию **.

Прошу принять уверения в совершенном моем уважении и истинной преданности

М. Домонтович

Р. С. По вашему поручению г-н Геккель сообщает мне, что посылаемая отсюда корреспонденция доходит в Турцию в совершенно изорванном виде. Так как я более других, ввиду *любопытствующих*, заинтересован тем, чтобы посылаемые мною письма доходили к вам непрочитанными, то при отправлении почти каждый раз самолично смотрю пакеты и печатаю их собственноручно. Затем, если они вскрываются или треплются, то полагаю, что это уже вне моей ответственности, так как исправная доставка сданных под расписку пакетов, полагаю, лежит на обязанности почтового ведомства.

ЦГИА СССР, ф. 932, оп. 1, д. 228, лл. 139—140 об. Автограф.

1. Это было сделано, и «Свод капитуляции» на русском и болгарском языках был изготовлен и разослан в соответствующие учреждения (см. АВПР, ф. Политархив, д. 2131, лл. 368—377 об.).

2. Имеется в виду циркуляр Порты 1869 г. (см. там же, лл. 436—442).

Точка зрения М. А. Домонтовича не совпала со взглядами А. Б. Лобанова-Ростовского, который в письме А. М. Дондукову-Корсакову указал на неудобство формальной постановки вопроса об отмене капитуляций, так как право это иностранные государства получили на основе договоров. В то же время он определил задачу русского гражданского управления так: «Цель болгарской администрации в этом деле должна состоять в том, чтобы последовать примеру Сербии и Румынии, где капитуляции, не будучи отменены *de jure*, вышли из употребления *сами собою* до формального их уничтожения благодаря правильному устройству полиции и в особенности судебной части» (см. там же, л. 397).

Комиссия по рассмотрению прав иностранных подданных подготовила проект, который лег в основу циркуляра А. М. Дондукова-Корсакова губернаторам от 21 мая 1879 г. Признавая права экстерриториальности только за дипломатическими чиновниками, циркуляр указывал, что остальные иностранные подданные обязаны подчиняться законам княжества как в правовом, так и налоговом отношении. Для поднятия престижа местных властей консулам было указано на необходимость обращения к высшим властям княжества только «по делам первостепенной важности», а по прочим — в местные учреждения (см. там же, лл. 451—455 об., 362—400).

№ 338

1879 г. марта 27 (апреля 8). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о решении Учредительного собрания относительно состава Великого Народного собрания для избрания князя

№ 34

Терново

L'intention des députés de procéder dans les voies légales à l'élection d'un prince s'est manifestée pour la première fois dans le rapport de la commission chargée d'étudier le projet du Statut organique. Ce rapport ayant été rejeté sans discussion, il était à craindre qu'on ne remette au dernier moment la question de l'élection ¹.

Quelques délégués du parti modéré qui se rendent compte de la gravité de la situation voulaient leur proposer pour couper court aux hésitations de

* В деле отсутствует.

** О деятельности Калмыкова см. К и р и л, патриарх Български. Съпротивата срещу Берлинския договор. Кресненското въстание. София, 1955, стр. 77—78.

leurs collègues de voter d'urgence la loi qui réglerait la composition de la nouvelle assemblée.

Ce n'est qu'hier qu'ils ont fait ce pas décisif. Ils espéraient pouvoir faire adopter par l'assemblée la combinaison qu'on avait mise en avant dans le rapport de la commission et qui consistait à renforcer l'assemblée actuelle de deux députés par arrondissement, c'est-à-dire à lui adjoindre 66 nouveaux membres. Ils rencontrèrent toutefois une résistance opiniâtre de la part de Mr. Tsancow et de son parti qui voulaient que l'assemblée qui aurait à élire un prince ne soit composée que de députés élus et que ni le haut clergé, ni la magistrature, ni les employés du gouvernement n'y soient admis de droit.

Les modérés ont été obligés de céder, se considérant heureux d'avoir eu un demi-succès en obtenant que l'assemblée se prononçât enfin catégoriquement sur la question de l'élection d'un prince.

L'assemblée sera composée de représentants élus par la nation dans la proportion de trois députés par dix mille hommes de population mâle; on évalue approximativement à 280 le nombre total des membres de la future assemblée. Il a été décidé en même temps de faire auprès du commissaire impérial une démarche pour le prier de hâter autant que possible les nouvelles élections. Cela a eu lieu le soir même et le prince Dondoukow m'a dit aujourd'hui qu'il avait déjà pris des dispositions en conséquence et avait transmis par télégraphe ses ordres pour qu'on procède sans délai à la convocation des électeurs *. Il pense que l'assemblée pourra être ouverte le 15 Avril.

J'ai l'honneur de joindre ci-près le compte-rendu de la séance d'hier rédigé comme les précédents par Mr. Belotsercovets.

J'ai l'honneur, etc.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3249, лл. 270—271 об. Копия. Литографированный экземпляр.

Перевод
Тырново

Намерение депутатов законным путем приступить к избранию князя проявилось впервые в рапорте комиссии, которой было поручено изучить проект Органического статута. Так как этот рапорт был отклонен без обсуждения, приходилось опасаться, что вопрос об избрании будет отложен до последнего момента ¹.

Некоторые делегаты умеренной партии, сознающие серьезность положения, хотели предложить срочно вотировать закон, определяющий состав нового собрания, дабы положить конец колебаниям своих коллег.

Только вчера они сделали этот решительный шаг. Они надеялись, что смогут добиться принятия собранием комбинации, предложенной в рапорте комиссии, которая заключалась в увеличении числа членов нынешнего собрания на два депутата от каждого округа, т. е. в добавлении 66 новых членов. Это, однако, встретило упорное сопротивление со стороны г-на Цанкова и его партии, желавших, чтобы собрание, которое должно избрать князя, состояло лишь из избираемых депутатов и чтобы ни высшее духовенство, ни магистратура, ни правительственные чиновники не имели права входить в него.

Умеренные вынуждены были уступить, считая, что добились половины успеха, так как собрание в конце концов определенно высказалось по вопросу об избрании князя.

Собрание будет состоять из избранных народом представителей в соотношении три депутата на 10 тыс. человек населения мужского пола; общее число членов будущего собрания определяют примерно в 280. Одновременно было решено обратиться к императорскому комиссару, чтобы просить его по возможности ускорить новые выборы.

Это имело место в тот же вечер, и князь Дондуков сказал мне сегодня, что он уже принял соответствующие меры и передал по телеграфу распоряжения о том, чтобы немедленно приступили к созыву выборщиков. Он думает, что собрание может быть открыто 15 апреля.

Имею честь при сем приложить отчет о вчерашнем заседании, составленный, как и предыдущие, г-ном Белоцерковцем.

Имею честь быть и пр.

* См. док. 345.

1. Речь идет о предложениях избранной Учредительным собранием комиссии, где большинство составляли консерваторы (умеренные). Она предложила ряд изменений в проекте конституции: учреждение Сената, установление высокого имущественного ценза, ограничение всеобщего избирательного права, что вызвало бурный протест со стороны либеральной партии (крайних). См. 90, стр. 219—222; 26, стр. 96—98.

№ 339

*1879 г. марта 27. — Телеграмма Министерства иностранных дел русским послам в Берлине, Вене, Константинополе, Лондоне, Париже и Риме об ускорении работ комиссии по делимитации княжества Болгарии и Восточной Румелии **

№ 24

Secret

Je chiffres: Vu le danger que présenteraient les questions de délimitation de la Roumélie Orientale et de la Bulgarie après le départ de nos troupes, il nous semble indispensable de hâter les travaux de la commission de délimitation afin de les terminer avant notre évacuation complète. Veuillez-vous expliquer dans ce sens et provoquer de la part du gouvernement auprès duquel vous êtes accrédité des ordres en conséquence à son délégué.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 28, л. 284. Отпуск.

Перевод
Секретно

Шифром: Принимая во внимание опасность, которую может представить разграничение Восточной Румелии и Болгарии после ухода наших войск, нам кажется необходимым ускорить работу делимитационной комиссии, чтобы закончить ее до окончания нашей эвакуации. Соболаговолите объяснить в этом смысле и добиться от правительства, при котором вы аккредитованы, соответствующих распоряжений его делегату.

№ 340

*1879 г. марта 28. — Протест группы консервативных депутатов Учредительного собрания председателю собрания Антиму против принятия решений о свободе печати и ассоциаций в княжестве Болгарии ***

Нижеподписавшиеся члены Народного собрания имеют честь заявить вашему блаженству как председателю этого собрания, что во вчерашнем заседании оно произошло некоторые беспорядки и выходки, имевшие место и в другие разы, — действия, не только оскорбляющие нас и оскорбительные для самого собрания, но и преисполненные пагубных последствий для княжества, которое собрались мы устроить и укрепить.

В этом заседании были приняты без особенного обсуждения и с преданмеренною поспешностью такого рода предложения и решения, кои требовали бы более тщательного изучения, как, например, принято было предложение относительно допущения в стране образования всевозможных ассоциаций (дружеств), даже и политических, без предварительного разрешения правительства (властей); также допущена свобода печати, не обращая ни малейшего внимания на заявления архиереев относительно церковных и догматических книг.

В рассмотрении вопроса о Сенате одна часть депутатов сочла за нужное преднамеренно оскорбить с трибуны тех, которые поддерживали это учреждение, и когда таким способом последние были устранены от собрания,

* *См. док. 167, 298.*

** *См. док. 347.*

то эта партия поспешила отвергнуть предложение о Сенате и порешила окончить с этим вопросом поскорее, вопреки формальным заявлениям подписавших настоящее, настаивавших, чтобы вопрос был отложен до другого дня, так как время к закрытию заседания уже приблизилось, а мы имели о нем толковать¹.

Так как все это суть факты, последствия коих, по нашему мнению, могут быть весьма вредны и гибельны для будущности нашего отечества, то мы считаем своею обязанностью отклонить от себя всякую за них ответственность.

(Подписали)

Митрополиты: Доростоло-Червенский Григорий

Софийский Мелетий

Вареченский и Преславский Симеон

Самоковский Досифей

Кюстендильский Иларион

Пелагонийский и Пиротский Евстафий

Епископ Броницкий Климент

Архимандрит Константин

Доктор Георгий Велкович

Доктор прав Константин Стоилов

Тодор Икономов

Марко Балабанов

Андрей Стоянов

Димитрий Греков

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3249, лл. 300—301. Копия. Литографированный экземпляр. Пересод с болгарского, современный подлинник. Опубликовано в кн.: «Протоколите на Учредителното българско Народно събрание». Пловдив—София—Русчук, 1879, стр. 282—283.

1. О политической борьбе между представителями консервативной и либеральной партий при выработке конституции Болгарского княжества см. 91.

№ 341

*1879 г. марта 28. — Телеграмма А. М. Дондукова-Корсакова М. А. Домонтовичу о мерах по ускорению обучения и вооружения членов гимнастических обществ **

Тырнов

Прошу сейчас расшифровать, передать Юнакову, что нужно, и сообщить мне моим шифром телеграмму военного министра. Государю императору угодно, чтоб исполнились самым настоящим образом предписанные генерал-адъютантом Тотлебенем меры ** для (шифром) обучения гимнастических друществ содержанию в исправности оружия и прикладке. Необходимо пользоваться каждым днем, чтоб успеть пройти курс, окончить раздачу оружия и патронов до мая месяца, в особенности в тех местностях, где в соседстве болгар живет мусульманское население¹.

Князь Дондуков

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8792, л. 249. Копия. Дешифрованный текст.

1. В Восточной Румелии существовало 16 стрелково-гимнастических обществ, на вооружении которых находилось 64 900 ружей Крынка и 26 500 трофейных ружей (из них официально было передано Россией только 1429 штук). Об организации обществ и распределении оружия см. 45, стр. 134—135.

* См. док. 317 и примечание к нему; док. 323.

** См. записку Э. И. Тотлебена Александру II о гимнастических обществах (ЦГВИА, ф. 430, д. 59, лл. 370—379 об.).

1879 г. марта 29. — Инструкция Министерства иностранных дел
А. Д. Столыпину по делам Восточной Румелии *

Из сведений, получаемых из Восточной Румелии, Министерство иностранных дел усмотрело, что положение дел в этой стране возбуждает серьезные опасения, чтобы выход наших войск не послужил сигналом к беспорядкам и волнениям, имеющим целью воспрепятствовать мирному устройству Восточной Румелии, согласно с Берлинским трактатом. Вследствие сего министерство считает долгом снабдить ваше превосходительство необходимыми на этот случай указаниями. Вам известно, что императорское правительство придает особую важность точному исполнению Берлинского трактата, так как лишь таким путем возможно в настоящее время восстановление потрясенного порядка на Балканском полуострове. Как бы ни были неприятны болгарам условия, в которые они поставлены этим трактатом, но для них ничего не остается более, как принять в собственном же их интересе то, что усилиями и жертвами России могло быть для них выговорено при общем положении политических дел, так как собственными силами и средствами они не могут ничего достигнуть. Таким образом, главнейшею заботою русской власти в В[осточной] Румелии должно быть, с одной стороны, поддержание порядка и спокойствия в стране, до выхода русских войск, а с другой — подготовка страны к введению новой администрации с тем, чтобы переход от одной власти к другой мог совершиться без сильных потрясений.

В настоящее время особенное внимание вашего превосходительства должно быть обращено на это последнее обстоятельство, а потому вы примете все меры к успокоению населения и к убеждению его, что наше правительство, признавая ненарушимость Берлинского договора и твердо решившись исполнить условие о выводе русских оккупационных войск к назначенному сроку, не перестает прилагать все старания к тому, чтобы новые условия, в которые будет поставлена Вост[очная] Румелия, способствовали ограждению спокойствия и безопасности жителей и содействовали материальному их благосостоянию. Поэтому болгары Вост[очной] Румелии должны спокойно взирать на будущее и быть уверенными, что только благоразумным образом действий они могут принести пользу своей родине.

К сожалению, беспорядки в Сливно и других местах обнаружили, что народ слепо следует за некоторыми вожаками из крайней партии и что партия умеренных и благомыслящих болгар, хотя и весьма многочисленная — как показал пример Тырновского собрания, — недостаточно организована и руководима для того, чтобы иметь решительное влияние на народ. Кроме того, милиция до настоящего времени все еще не так устроена, чтобы она, соединяя в себе все местные элементы, способствовала своею дисциплиною и духом, в ней господствующим, успокоению умов и тем могла парализовать деятельность крайней партии.

Государю императору благоугодно, чтобы ваше превосходительство, пока есть еще время, устремили все ваши усилия к устранению этих недостатков и в особенности к разъяснению заблуждения болгар на счет того, что произведением беспорядков они могут отдалить срок выхода наших войск. Необходимо нужно, чтобы все органы власти, состоящие в вашем подчинении, приняли деятельное и энергическое участие в вразумлении болгар и в разъяснении им тех пагубных последствий, которые будут неминуемы, если болгары выкажут строптивость и сопротивление законным властям, имеющим явиться на смену нашей администрации согласно решениям Европы.

Для будущего устройства Восточной Румелии положены уже твердые начала: выработанный Европейской комиссией статут предоставляет стране

* См. док. 320.

широкую автономию и вводит удовлетворительное устройство Народного собрания, судов, податей и проч. При дальнейшем развитии этих начал страпа может получить стройную организацию, между тем как сопротивление и беспорядки легко могут разрушить все то, что с таким трудом уже сделано для правильного ее развития.

Министерство уверено, что ваше превосходительство энергическим образом действий успеете отвратить те пагубные последствия, которым болгары Восточной Румелии вследствие непонимания ими своего положения готовы подвергнуть свою страну¹. Дальнейшие указания по всем этим предметам вы получите от посольства нашего в Константинополе.

Революция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. ГА, I-1, д. 55, лл. 79—82 об. Отпуск.

1. Свое отношение к политической ситуации в Восточной Румелии А. Д. Столыпин изложил 6 апреля 1879 г. в телеграмме Н. К. Гирсу (см. АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 107, л. 6—6 об.) и в письме А. Б. Лобанову-Ростовскому от 7 апреля 1879 г. (см. ЦГВИА, ф. ВУА, ф. 8792, лл. 251—251 об., 262). В телеграмме на имя Н. К. Гирса А. Д. Столыпин сообщал, что народное восстание можно предотвратить только при одном условии — отказе от намерения ввести турецкие гарнизоны в Балканы. «Гарнизоны эти неминуемо будут встречены выстрелами, и восстание охватит тогда всю страну». Возможность народного восстания, которое могло привести к новым международным осложнениям, естественно, беспокоила царское правительство России. На полях телеграммы Александр II сделал помету: «Вот почему я так и настаивал на остановлении вступления тур[ецких] войск» (АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 107, л. 6—6 об.).

А. Д. Столыпин писал А. Б. Лобанову-Ростовскому, что отмена турецких гарнизонов в Балканах нейтрализует и деятельность «крайней» партии, так как «существующая ныне так называемая либеральная партия не будет в состоянии, да и притом, вероятно, и сама не захочет побудить народ к каким бы то ни было вредным и необдуманым действиям». И нет необходимости удалять «крайних» от всякого участия в движении: «Я предпочитаю видеть этих людей работающими на моих глазах и под моим влиянием, чем тайно агитирующими и возбуждающими народ» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8792, л. 251—251 об.). Подробно о взаимоотношениях А. Д. Столыпина и деятелей комитета «Единство» см. в «Отчетной записке» от 20 июня 1879 г. (80, вып. 3, стр. 239—242).

№ 343

1879 г. марта 29. — Телеграмма А. П. Извольского А. Н. Церетелеву о собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии

Филиппополь

Болгары созданы комитетом¹, оставшимся после первого съезда², но с согласия экзарха, который председательствует в собраниях. Цель созвания — окончательное решение направления, которое следует принять болгарам. Старый комитет имел в виду крайние меры. Экзарх настаивал на благоразумии и всеми силами старался убедить новых депутатов действовать по указаниям нашего правительства. Мнения экзарха получили одобрение большинства. Мои указания, согласные инструкциям, произвели должное действие. Наставления, данные сегодня Столыпиным, вероятно, довершат старания экзарха. Немедля сообщу результат ближайшего после них собрания. Центральный комитет еще не выбран, и деятельность его окончательно не определена, так как ждали указаний от генерал-губернатора. Экзарх силится дать направление согласно нашим видам. Успех, по его словам, зависит от того, насколько ясно будут объяснены болгарам намерения нашего правительства.

ЦГИА СССР, ф. 932, оп. 1, д. 243, л. 194—194 об. Копия. Литографированный экземпляр.

1. Имеются в виду заседания Центрального комитета Южной Болгарии совместно с представителями местных комитетов «Единство», на которых обсуждался вопрос, соглашаться ли на проведение в жизнь Органического устава Восточной Румелии и каким образом помешать введению турецких войск в эту область (см. 12, стр. 125—130).

2. Имеется в виду заседание, состоявшееся с 1 по 4 марта 1879 г. (см. док. 383).

1879 г. марта 30. — Телеграмма А. П. Извольского А. Н. Церетелеву о создании Временного центрального комитета Южной Болгарии

Филиппополь

В последнем собрании депутатов большинство под влиянием наставлений Столыпина и экзарха высказалось в пользу сохранения порядка. Центральный комитет не составлен, но выбран временный комитет из 12 членов с экзархом во главе. Завтра депутаты разъезжаются по округам с целью подготовить народ в смысле принятого направления. Они вернутся 12 апреля, и лишь тогда будет избран постоянный комитет для руководства населения. Во временном комитете есть несколько крайних, в том числе полковник Квисяков и три члена бывшего комитета. Экзарх надеется, что они не будут допущены в окончательный комитет¹.

ЦИА СССР, ф. 932, оп. 1, д. 243, л. 194 об.—195. Копия. Литографированный экземпляр.

1. Завершение работы Европейской комиссии по выработке Органического статута Восточной Румелии, приближение срока вывода русских войск усилили тревогу населения. Ожидалось прибытие «турецкого главного управителя», а вслед за ним и запятое турецкими гарнизонами балканских проходов. Еще 16 августа 1878 г. в Филиппополе был создан тайный комитет, который ставил своей целью подготовить в Южной Болгарии вооруженное сопротивление вводу турецких войск. В комитет вошли Д. Матевский, Д. Стамболов, Ив. Андонов, Д. Свештаров и Г. Крумов. В январе 1879 г. тайный комитет был преобразован в Центральный комитет Южной Болгарии. Председателем его был избран Драган Цанков. В постоянный состав комитета вошли Д. Цанков, К. Величков и Тилев — так называемые непримиримые. Решительные действия комитета встревожили представителей крупной буржуазии, высшего духовенства, колебавшиеся слои либеральной буржуазии. Они добились ввода в Центральный комитет своих единомышленников: экзарха Иосифа, Гешовых, Чомакова и др. с целью помешать комитету увлечь народ «по опасному пути». Для выработки общего направления действий было проведено три общих собрания представителей всех окружных комитетов гимнастических обществ Южной Болгарии. Первое заседание проходило с 1 по 4 марта, второе — с 25 по 29 марта и третье — 16 апреля (см. 12). Данная телеграмма, как и две предыдущие (см. док. 336, 343), относится ко времени двух первых собраний.

№ 345

1879 г. марта 31. — Предписание провадийского окружного начальника подполковника Виганта Провадийскому городскому совету о выборах депутатов в Великое Народное собрание *

№ 621

Провадия

На основании предписания г. варненского губернатора за № 4553 предлагаю совету сделать немедленное распоряжение в следующем:

1. На 8-е число будущего апреля к 9 часам утра собрать старых гласных и под моим председательством произвести выбор депутатов в Народное собрание для избрания первого болгарского князя.

2. Выборы должны быть произведены на основании порядка, по которому производились уже выборы депутатов для настоящего Тырновского собрания.

3. Выборы должны быть окончены непременно 8 апреля с тем, чтобы избранные депутаты были бы в Тырнове безусловно к 15 апреля.

4. Так как в Народном собрании не будет депутатов по званию и по назначению императорского российского комиссара, то от выбора в депутаты не исключаются ни высшее духовенство, ни председатели управительных советов и судебных учреждений, ни должностные лица всех вообще ведомств. Все они имеют право быть избранными, а равно и члены нынешнего Народ-

* См. док. 338.

ного собрания, заседающие в Тырнове, так как собрание для избрания князя будет совершенно новое, особое и вполне отдельное от Народного собрания для рассмотрения Органического устава.

Выбранные депутатами в Народное собрание для выбора князя должны быть вполне благонадежными и благонамеренными личностями из городского и сельского населения.

5. От вверенного мне округа должно быть избрано 6 депутатов.

6. Подъемные деньги на проезд депутатов в Тырново каждый имеет получить от меня шестьдесят (60) франков.

Начальник округа подполковник Вигант
Секретарь М. Л. Иванов

Помета: Произведен е избора 9 април. Габровски
ОДА—Варна, Отдельные поступления, № 71. Подлинник.

№ 346

*1879 г. марта 31. — Донесение русского вице-консула в Варне
Ф. К. Лисевича А. П. Давыдову о подготовке мятежа турецкого
населения в Варненской губернии после ухода русских войск*

№ 33

Секретно

По поводу предписания вашего превосходительства от 21 сего месяца № 20, полученного мною 29 числа, имею честь донести, что албанец Юсуф¹ в настоящее время находится в Шумле или Ени-Базаре и что по возвращении его отсюда я не премину войти с ним в непосредственные сношения и расспрашивать о подробностях, относящихся до тенденций мусульманского населения Варненской губернии.

Что касается до проверки сообщенных в письме его к императорскому комиссару сведений, то достигнуть этой цели *достоверным образом* весьма нелегко вследствие отсутствия наших тайных агентов в указанных им пунктах, плохого и недостаточного состава болгарской полиции (на приблизительно 145 217 душ муж[ского] населения губернии всего 415 жандармов) и крайней осторожности с нами турок.

В ожидании приезда Юсуфа Али-бея считаю долгом довести до сведения вашего превосходительства, что, судя по рассказам жандармов, двух-трех окружных начальников, знакомых мне турецких членов варнских правительственных учреждений и болгар, по поручению начальства ездивших по округу для собирания сведений о доброкачественности земель, количестве овец и проч., большинство сельского турецкого населения живет мирно и ничто со стороны его не дает повода подозревать, что ему известны планы вожаков партии восстания² после ухода отсюда русских войск.

Известный в округе и влиятельный турок Халиль-эфенди, хозяин занимаемого мною дома, уверял меня, что если бы с этого населения не требовали рекрутов и жандармы обращались с ним лучше и справедливее, то оно считало бы себя вполне довольным. Но сам Халиль-эфенди признавался, что простому народу легко вскружить голову и что известные своим фанатизмом сельские имамы способны побуждать его не только к выселению, но и к беспорядкам.

Ездившие по округу болгары заметили во многих турецких селениях неохоту заниматься полевыми работами и стремление к продаже имеющегося у жителей скота. На вопрос, почему они оставляют свои поля незасеянными, турки отвечали, что впереди еще много времени. Посещающих их деревни чиновных лиц, не исключая и жандармов, они принимают весьма почтительно и с радушием, предлагая им все, чего они пожелают.

Здесьнее городское население отличается более сдержанным обращением и, видимо, старается игнорировать не только болгар, но и многие правительственные распоряжения.

Во время проезда в течение сего месяца через Варну выселенных из Константинополя редифов и мустегафизов, прибывавших сюда партиями от 5 до 6-ти сот душ, местные турки встречали их с распростертыми объятиями, окружали их толпами и расспрашивали о новостях, но всегда острожно, оглядываясь по сторонам и рассеиваясь немедленно при виде военных, жандарма или болгарина. Местная полиция нисколько не наблюдала за бродившими по улицам и ханам редифами, а между тем, по словам достойных доверия лиц, многие из них проповедовали своим единоверцам, что «падишахское правительство вскоре будет введено в крае, подобно тому как оно уже введено в Едирне и его вилаете и как это вскоре случится в Румелии. В Стамбуле делаются на сей предмет приготовления». Разговоры на эту тему бесконечны и поддерживаются как отпусковыми солдатами, так и корреспонденциями уехавших в Константинополь семейств богатых турок с оставшимися в Варне родными и приятелями.

О существовании в этой области турецких агитаторов, намеревающихся по уходе русских возбудить восстание среди мусульман, заявляет также шумленский окружной начальник, о сообщениях которого варненский губернатор не преминет донести начальству в непродолжительном времени. Он собрал «неофициальные», впрочем, данные, по коим в Шумле уже образовался якобы тайный комитет, находящийся в сношении с константинопольскими агентами чрез Варну и Балканы. Цель его — завладеть сначала шумленскими позициями, горными проходами по направлению к Айдосу, возбудив затем бунт в «четырёхугольнике», и дать, таким образом, турецкому правительству повод вмешаться в это дело с целью добиться или протектората над преобладающим в «четырёхугольнике» турецким элементом, или выиграть для него какие-либо особые права.

То же самое передавал мне богатый и образованный болгарин Михаил Колони, ездивший недавно в Шумлу и Осман-Базар. Г. Колони, проживающий обыкновенно в Бухаресте, известен и тамошней нашей миссии как человек положительный и достойный доверия.

Шумленский начальник сообщает далее, что комитет подготавливает восстание с величайшими предосторожностями, не позволяя, напр., даже турецким женам делать покупки в христианских лавках или ходить в христианские семейства из опасения, чтобы они не проговорили чего-нибудь, что на днях приезжали в Шумлу бывший во время войны в турецком лагере корреспондент газеты «Standart» и английский вице-консул в Рущуке г. Дальциело, где посещали многих влиятельных турок с целью, конечно, послушать от них всевозможные и ни на чем не основанные жалобы на существующий порядок вещей в Болгарии. Зная направление означенного журнала и английских консулов в Турции, нетрудно себе представить, какого характера были разговоры этих лиц с шумленскими турками.

К сему имею честь присовокупить, что оружия у турок везде открыто очень много и что в случае нужды они удобно, как уверяют, могут быть снабжаемы им из Константинополя и Адрианополя или сухим путем, или чрез Черноморское побережье, не исключая и Варнского залива, ибо побережье слабо охраняется кордонами, а здешняя таможенная стража так организована, что она едва ли знает, что происходит по ночам на расстоянии двух-трех верст от таможни.

С отличным почтением и пр.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3249, лл. 327—329. Копия. Литографированный экземпляр.

1. Албанцу Юсуфу было поручено обойти Варненскую губернию и изучить настроение мусульманского населения.

2. Турецкие экстремисты, руководимые из Константинополя, готовили мятеж, чтобы скомпрометировать будущее болгарское правительство и затруднить его работу. После ухода русских войск в этом крае действовали турецкие отряды, которые терроризировали мирное население. В 1880—1882 гг. эти отряды были уничтожены (см. 71, стр. 98 и след.; 37, стр. 327—329).

1879 г. марта 31 (апреля 12). — Доклад А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о принятии Учредительным собранием решений о свободе печати, ассоциаций и о составе Великого Народного собрания *1

Je suis obligé de revenir sur la séance du 27 Mars dont j'ai rendu compte le soir même à votre excellence par mon rapport sub № 36 **.

Plus d'une fois j'ai déjà été dans le cas de signaler dans mes rapports combien la présidence de l'assemblée était défectueuse. Monseigneur Anthyme est un vieillard invalide tout à fait incapable d'exercer les fonctions importantes dont il est revêtu, le vice-président Caraveloff est un rêveur, peut-être de bonne foi, mais d'opinions extrêmes et se livrant à des débordements de langage tout à fait regrettables; il n'y a que le second vice-président, Ikonomoff qui soit un homme de tête, mais qui n'influe sur les débats que lorsque c'est son tour de les diriger; aussi est-ce toujours sous la présidence de monsieur Caraveloff qu'on passe les décisions les plus folles et qu'ont lieu les scènes les plus inconvenantes. Le bureau de l'assemblée est en harmonie avec la présidence, les protocoles se trouvent dans le plus grand désordre et l'on ne sait jamais après la séance au juste si telle ou telle proposition a été votée et dans quels termes.

C'est là la raison pour laquelle je n'ai pas pu entrer dans plus de détails le jour de la séance. Ce n'est qu'après avoir causé avec un grand nombre de députés et m'être fait donner par le vice-président Ikonomoff le texte même des résolutions passées le 27 Mars que j'ai pu réunir des données précises à ce sujet.

Les articles relatifs à la liberté de la presse ont été adoptés dans la forme suivante:

«La presse est libre, la censure ne pourra jamais être instituée; on ne pourra exiger de cautionnement ni de l'auteur, ni de l'éditeur ni de l'imprimeur. Quand l'auteur est connu et qu'il réside en Bulgarie, on ne peut poursuivre l'éditeur, l'imprimeur ou le colporteur».

Le § 75 a été maintenu tel quel et porte que:

«les délits de presse seront jugés par les tribunaux ordinaires».

Les évêques demandèrent qu'on donne au Synode le droit de censure pour les livres sacrés et les ouvrages traitant des dogmes de la foi. Mr. Zankow proposa d'admettre la censure ecclésiastique pour les livres dont on se servait à l'église et à l'école. Le clergé n'ayant pas accepté ce compromis, sa motion fut rejetée et Mr. Zankow retira alors son amendement.

La majorité des députés est fort mécontente de cette issue du débat, car un grand nombre d'entre eux avaient voté contre la motion du clergé se réservant d'appuyer celle de Mr. Zankow. Aussi croit-on en général qu'on pourra en arriver à une entente sur cette base, c'est-à-dire: en admettant la censure ecclésiastique pour les livres dont on se sert à l'église et à l'école.

Le droit d'association a été adopté sans donner lieu à de grands débats parce que la grande majorité de l'assemblée ne s'est pas rendue compte de la gravité de ce qu'on faisait. On a obtenu les suffrages du plus grand nombre des députés en leur persuadant qu'il fallait s'assurer le droit de pouvoir former des associations (дружества) pour venir au secours de la Roumélie Orientale et de la Macédoine.

Le haut clergé seul et quelques hommes éclairés du parti modéré ont compris que c'était admettre dans le pays la propagande politique sous toutes les formes et affaiblir un gouvernement qui doit être fort pour être à même de lutter contre les difficultés avec lesquelles il aura à compter dès le début ².

* См. док. 340.

** См. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, в. 3249, лл. 279—281 об.

Le point culminant de la séance a été le débat sur la représentation nationale. Le sénat a été rejeté et il a été décidé qu'il n'y aurait qu'une assemblée. Le clergé et les chefs du parti modéré sont partis avant la fin de la séance et n'ont pas paru à celle du lendemain. Ils ont adressé au président une lettre dont j'ai l'honneur de joindre ci-près une traduction russe par laquelle ils protestent contre l'abolition de la censure ecclésiastique, contre le rejet du Sénat*.

Dans la séance du 28 Mars on a réglé les détails de la représentation nationale. L'assemblée sera composée de membres élus dans la proportion de 1 par 10 000h, de population des deux sexes, ce qui formera un total de 150 à 180 députés. Tout individu âgé d'au moins 21 ans est électeur, et tous ceux qui savent lire, écrire et ont au moins 30 ans sont éligibles. Un député, s'il est soutenu par le quart de l'assemblée, a le droit de proposer des lois et des commissions d'enquêtes peuvent être formées dans le sein de l'assemblée pour contrôler le fonctionnement du gouvernement.

L'ensemble des dispositions arrêtées dans ces deux séances rend la constitution dont elles feront partie complètement inacceptable pour tout prince qui sera appelé à gouverner la Bulgarie. Il serait à désirer que par voie de compromis ou par l'autorité du commissaire impérial on introduise soit aux prochaines séances, soit dans la rédaction finale du Statut organique des modifications qui en faciliteraient l'adoption.

Il paraît hors de doute maintenant que c'est de la délégation d'Autriche que Mr. Zancow reçoit son mot d'ordre et qu'il a cherché à créer une constitution qui ne puisse être acceptée ni par le haut clergé, ni par les quelques hommes intelligents et honnêtes qui font partie de l'assemblée dans l'espoir que l'Europe aura à intervenir et que c'est l'Autriche-Hongrie qui en profitera³.

Quant aux causes qui ont amené à un résultat aussi inattendu, elles sont multiples et si Mr. de Zwiedinek a agi sous main dans cette direction, d'autres y ont contribué peut-être plus que lui quoique inconsciemment.

L'ignorance du plus grand nombre des députés et la demi-instruction de presque tous les autres ont mis l'assemblée à la merci de quelques démagogues qui ont su se servir de grands mots pour faire passer les idées les plus radicales. Le clergé de son côté n'a pas été à la hauteur de sa tâche. Il s'est tenu à l'écart dès le début, craignant de compromettre sa popularité et lorsqu'il a voulu intervenir pour sauvegarder ses intérêts il s'est trouvé débordé. Les modérés non plus n'ont pas été habiles; croyant avoir pour eux une forte majorité il ne se sont pas donnés la peine d'organiser leur parti et se sont trouvés pris au dépourvu au jour du combat en face d'une opposition compacte et peu scrupuleuse dans le choix des moyens dont elle se servait.

Enfin la liberté de discussion qui a été octroyée à l'assemblée par le discours d'ouverture du commissaire impérial et le droit qui lui a été également concédé de modifier le projet de Statut organique ont été compris dans un sens trop étendu; les députés ont cru qu'il suffirait d'une simple décision de la majorité pour faire admettre dans la constitution bulgare tout ce qui leur conviendrait; ils n'ont pas pris en considération qu'il y avait certains entraînements que le gouvernement impérial ne saurait tolérer et qu'une constitution élaborée sous les auspices de la Russie ne pourrait transformer la Bulgarie en foyer de propagande antireligieuse et démagogique.

J'ai l'honneur de placer ci-près sous les yeux de votre excellence ces procès-verbaux des deux dernières séances, rédigés par Mr. Belotserkovets.

J'ai l'honneur d'être, etc.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3249, лл. 293—298. Копия. Литографированный экземпляр.

* См. док. 340.

Я вынужден вернуться к заседанию 27 марта, отчет о котором я направил в тот же вечер вашему высокопревосходительству в моем донесении за № 36.

Я неоднократно уже имел случай указывать в моих донесениях, насколько несовершенно руководство собрания. Его высокопреосвященство Анфим — немощный старик, совершенно не способный исполнять возложенные на него обязанности; заместитель председателя Каравелов — мечтатель, по-видимому, преисполненный наилучших намерений, но придерживающийся крайних взглядов и позволяющий себе весьма предосудительную вольность выражений; и только второй заместитель председателя, Икономов, — человек трезвый, но оказывающий влияние на дебаты лишь тогда, когда наступает его очередь ими руководить; поэтому именно под председательством господина Каравелова принимаются самые безрассудные решения и происходят самые неподобающие сцены. Бюро собрания соответствует руководству, протоколы находятся в полном беспорядке; после заседания никогда не бывает известно, голосовалось ли то или иное предложение и в каких формулировках.

В этом причина, по которой я не мог более подробно осветить ход заседания. И только после того как я побеседовал со многими депутатами и заставил заместителя председателя Икономова дать мне самый текст решений, принятых 27 марта, я смог собрать точные сведения по этому предмету.

Статьи, относящиеся к свободе печати, были приняты в следующей форме: «Печать свободна. Никакой цензуры не допускается и никакого залога не требуется от авторов, издателей и типографов. Если автор известен и находится в Болгарии, то издатель, типограф и распространитель не могут быть подвергаемы преследованию».

Параграф 75, оставленный без изменения, гласит:

«Преступления по делам печати судятся по закону, в обычных судебных установлениях».

Епископы потребовали, чтобы Синоду дано было право на цензуру церковной литературы и произведений, трактующих о догматах веры. Г-н Цанков предложил допустить церковную цензуру для книг, используемых в церкви и в школе. Так как духовенство не приняло это компромиссное предложение, оно было отвергнуто, и г-н Цанков отказался от предложенной им поправки.

Большинство депутатов очень недовольно этим исходом спора, так как большинство из них голосовало против предложения духовенства, намереваясь поддержать предложение г-на Цанкова. Поэтому в общем считают, что на этой основе может быть достигнуто соглашение, т. е. будет допущена церковная цензура книг, которыми пользуются в церкви и в школе.

Право ассоциаций было принято без больших споров, так как подавляющее большинство собрания не отдает себе отчета в серьезности происходящего. Получили голоса подавляющего большинства депутатов, убедив их в том, что надо обеспечить право на образование ассоциаций (дружеств) для оказания помощи Восточной Румелии и Македонии.

Только высшее духовенство и некоторые просвещенные представители умеренной партии поняли, что это означает допустить в стране политическую пропаганду в любых формах и ослабить правительство, которое должно быть сильным, чтобы бороться с трудностями, с которыми ему придется встретиться с самого начала ².

Кульминационным пунктом заседания были дебаты о национальном представительстве. Идея учреждения Сената была отвергнута и было решено ограничиться лишь собранием. Духовенство и вожди умеренной партии ушли до конца заседания и не появились на заседании на следующий день. Они направили председателю письмо, которое в русском переводе имею честь при сем препроводить, где они протестуют против отмены церковной цензуры и против отказа от Сената.

На заседании 28 марта были разработаны детали национального представительства. Собрание будет состоять из членов, избираемых в соотношении 1 на 10 тыс. человек населения, что дает в общем от 150 до 180 депутатов. Каждый в возрасте не менее 21 года может быть избирателем, и каждый умеющий читать, писать и в возрасте не менее 30 лет может быть избран. При поддержке четвертой части собрания депутат имеет право предложить закон, и внутри собрания могут быть образованы комиссии для контроля над деятельностью правительства.

Совокупность постановлений, принятых на этих двух заседаниях, делает конституцию, в которую они включены, совершенно неприемлемой для князя, который будет призван управлять Болгарией. Было бы желательным, чтобы путем компромиссного соглашения или по распоряжению императорского комиссара были введены либо на ближайших заседаниях, либо при окончательной редакции Органического устава изменения, которые облегчили бы ее принятие.

Теперь представляется несомненным, что именно от австрийской делегации г-н Цанков получает указания и что он стремился к созданию конституции, которая не могла бы быть принята ни высшим духовенством, ни несколькими честными и интеллигентными людьми, входящими в собрание, что, как он надеялся, вызовет вмешательство Европы, а это сыграет на руку именно Австро-Венгрии³.

К столь неожиданному результату привели различные причины, и если г-н Звидинек тайком действовал в этом направлении, другие, может быть, способствовали этому больше, чем он, хотя и бессознательно.

Невежество большинства депутатов и малограмотность почти всех остальных отдали собрание во власть нескольких демагогов, которые с помощью громких слов сумели провести самые радикальные идеи. Духовенство, со своей стороны, не стояло на высоте своей задачи. Оно держалось с самого начала в стороне, боясь подорвать свою популярность, и когда оно пожелало вмешаться, чтобы защищать свои интересы, его уже опередили. Умеренные также не проявили достаточно умения; думая, что их поддерживает значительное большинство, они не позаботились о том, чтобы организовать свою партию, и однажды оказались захваченными врасплох в борьбе перед лицом сплоченной оппозиции, не стесняющейся в выборе средств.

Наконец, свобода обсуждения, предоставленная собранию вступительной речью императорского комиссара, и право изменять проект Органического устава были поняты слишком широко; депутаты думали, что достаточно простого решения большинства, чтобы включить в болгарскую конституцию все, что им будет угодно; они не приняли во внимание, что существуют направления, которых императорское правительство не допустит, и что конституция, выработанная под покровительством России, не может превратиться Болгарию в очаг антирелигиозной и демагогической пропаганды.

Имею честь препроводить при сем вашему высокопревосходительству протоколы последних заседаний, составленные г-ном Белоцерковцем.

Имею честь быть и пр.

1. Это донесение выражает взгляды А. П. Давыдова, явно сочувствовавшего консервативной партии в Учредительном собрании; Давыдов не одобрял позицию А. М. Дондукова-Корсакова, заключительный абзац документа явно направлен против последнего.

2. Решение Учредительного собрания встревожило и правящие круги России. Н. К. Гирс немедленно телеграфировал А. М. Дондукову-Корсакову, что Александр II требует, чтобы «право ассоциаций ни в каком случае не должно быть допущено». А. М. Дондуков-Корсаков вынужден был представить объяснение, в котором писал, что «в параграфе об ассоциациях отсутствует какая бы то ни была идея социализма» (см. 80, вып. 6, стр. 63—64, 83—84).

3. Вопрос о действительной политической ориентации Др. Цанкова в тот период окончательно не выяснен (см. 69, стр. 92—93, 316—317, 406—408, док. 63, 282, 366; 91, стр. 98—100).

№ 348

1879 г. апреля 2 (14). — Письмо Ф. Дюфферина Н. К. Гирсу с протестом против деятельности гимнастических обществ в Восточной Румелии и с утверждением о намерении болгар изгнать оттуда турецкое население¹

St.-Petersbourg

I called upon you today and had hoped to have caught you this afternoon, but I can well understand that the event of this morning should have occupied all your time and attention².

Sir Henry D. Wolff has reported to her majesty's government that a project is being entertained by the russian administration in Eastern Roumelia to «mobilise» some of the bodies of armed citizens of the province, who have

associated themselves together in what are called «gymnastic societies», and that bands of this description are to be sent to the Rhodope district.

I would venture to call your attention to the dangers which may arise out of these proceedings. There is nothing which the Russian government has so earnestly deprecated as the employment by the Porte of irregular troops; and more than once his highness the chancellor has expressed his detestation of forces of this description. These objections certainly are not likely to prove applicable to these armed gymnastic associations, whom the Mahometan population of the province will naturally be disposed to regard as mere partisans, and not as the legitimate guardians of peace and order.

Within a very few weeks we may expect to see promulgated the new constitution elaborated by the European commission and the irregular armed bodies, forming the gymnastic clubs will be a description of force unknown to that constitution.

Is it not very undesirable that unauthorized associations of this description, which are out of harmony with the new regime, should be permitted still further to complicate the administrative problems now awaiting solution in Eastern Roumelia.

There is another circumstance not altogether disconnected with this subject to which I should venture to draw your attention. There seems to be unmistakable evidence of a concerted intention on the part of the Christian inhabitants of certain districts in Eastern Roumelia to drive their Mohammedan fellow citizens from their homes³. The number of Mohammedan refugees that have recently come crowding into Philippopolis illustrated only too plainly the effects of the «mot d'ordre» which seems to have been issued to this effect by the local assistants, whose aim it would appear to be to impede to their utmost the settlement guaranteed by the treaty of Berlin.

When we consider how inextricably intermingled are the Christian and Mohammedan populations throughout the East, it is evident that if there is one thing more fraught with mischiefs than another it is the expulsion, whether under stress of terror or any other motive of the scattered sections of one community by those of the other.

In drawing your attention to these considerations, there is no need for me to assure you that I am fully sensible of the earnest desire of the Russian government to do every thing in its power to prevent acts of folly and of injustice of this description, which are sure to prove as prejudicial to the interest of the Christian populations of the East as to those of any other section of its inhabitants*.

Believe me. . .

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 205—206 об. Копия.

*Перевод
С-Петербург*

Я осведомлялся сегодня о вас и надеялся видеть вас после обеда, но понял, что происшествие этого утра заняло все ваше время и приковало к себе ваше внимание².

Сэр Генри Д[руммонд] Вольф донес правительству ее величества, что русская администрация в Восточной Румелии возбудила проект о мобилизации некоторой части вооруженных граждан этой страны, соединившихся в так называемое гимнастическое общество, и что такого рода шайки должны быть посланы в Родопские горы.

Я осмеливаюсь обратить ваше внимание на могущую возникнуть от этого опасность. Русское правительство как нельзя более осуждало употребление Портою иррегулярных войск, и его светлость канцлер неоднократно выражал свое отвращение к силам такого рода. Этот взгляд тем более может быть приложен к вышеупомянутому гимнастическому ассоциациям, к которым магометанское население страны, очевидно, будет относиться скорее как к партизанам, а не законным охранителям мира и порядка.

* См. док. 352.

Через несколько недель мы будем присутствовать на обнародовании новой конституции, выработанной Европ[ейскою] комиссиею, и иррегулярные вооруженные люди, образующие эти гимнастические общества, будут силой, совершенно не известной этой конституции.

Было бы далеко не желательно, чтобы недозволенные общества такого рода и идущие вразрез с новым порядком вещей могли бы дать повод к усложнению тех административных задач, разрешение которых там в настоящее время ожидается.

Но есть еще другое обстоятельство, находящееся тоже в связи с этим предметом и на которое я позволю обратить ваше внимание. Не подлежит сомнению, что христианское население некоторых частей Восточной Румелии стремится изгнать своих магометанских сограждан из их местожительств³. Число беженцев-магометан, увеличивающееся за последнее время в Филиппополе, служит наилучшим доказательством того лозунга, который, по-видимому, исходит от местных агитаторов, цель которых заключается, очевидно, в том, чтобы всеми силами помешать осуществлению постановлений, гарантированных Берлинским трактатом.

Если взять в соображение степень смешанности христианского и магометанского населения в восточной части страны, то станет вполне ясным, что единственным исходом из этого положения вещей будет в данном случае вытеснение посредством террора или другим каким способом одной слабейшей части общины другою.

Обращая ваше внимание на вышеизложенное, я не подвергаю сомнению серьезное намерение русского правительства приложить все свое старание к тому, чтобы предупредить всеми зависящими от него средствами какие бы то ни было проявления страсти и несправедливости, которые клонились бы во вред как христианскому населению страны, так и всякому другому элементу страны.

ЦГИА СССР, ф. 932, оп. 1, д. 243, лл. 252—253.

Перевод с английского, современный подлиннику.

1. Образование гимнастических обществ было враждебно встречено английским правительством. Оно пыталось оказать давление на Россию, чтобы добиться их роспуска. В начале декабря 1878 г. английский представитель в Европейской комиссии заявил Э. И. Тотлебену, что его тревожит стремление болгар к вооружению (ЦГВИА, ф. 401, оп. 5/929, д. 188, л. 285). В конце января 1879 г. он же официально поставил вопрос в комиссии о роспуске обществ, пытаясь запугать ее революцией: «Это есть начало революции», заявил он. Представитель России ответил английскому делегату, что Россия, согласно решению Берлинского конгресса, очистит провинцию в условленный срок, но разоружить болгарский народ не может, так как не может оставить его «связанным по рукам и ногам на милость туркам» (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 60—61).

В начале 1879 г. последовала официальная инструкция Солсбери английскому послу в Петербурге, в которой говорилось, что вооружение болгар Южной Болгарии недопустимо, поскольку она должна снова стать под политическую и военную власть султана (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8792, лл. 140—141 об). В результате этого и последовало комментируемое письмо Дюфферина к Н. К. Гирсу.

2. Видимо, имеется в виду покушение А. Соловьева на Александра II 2 апреля 1879 г.

3. Подобное утверждение Дюфферина не соответствует действительности. Болгарский народ не стремился изгнать вообще мусульманское население, а требовал запретить возвращение в страну турецких помещиков и всех тех, кто был повинен в зверствах над болгарями (см. док. 113, 117, 129).

№ 349

*1879 г. апреля 4 (16). — Письмо И. Е. Гешова Е. Георгиеву о своих встречах с государственными деятелями и представителями общественности Франции *¹*

Париж

Почитаемый господине Евлогие!

Във Виена, както знаете, аз нямах намерение да се представя на министерството, представих се само на г-на Новикова, руский посланик, който ма прие добре; не ми даде наистина големи надежди, но не ма и обезсърди,

* См. док. 354.

и ма съветова да тръгна по-скоро за Париж, защото можеше да се докачи австрийското министерство, ако се научи за дохожданието ми тука, без да му се представя.

Тука пристигнах преди две недели; в първите дни аз се запознах с някои журналисти, до които имах препоръчителни. Щом пристигна и г-н д-р Янколов миналия вторник, ния почнахме действията си. Г-н Вадингтон, както косвено се научихме, се е двумил да ни приеме. Но най-сетне завчера, в събота, прие ни и доста добре, изслушащ же изложението, което му направих, прие писменната нота, която му подадохме. Удостои ни же и със своите бележки, каза ни, че Берлинский трактат не може да се промени, че най-паче Франция не може да земе инициатива за такова нещо, но че Европа ще гледа, щото автономията, която се е дала на Румелия, да ѝ се оздрави. Ний, естествено му направихме нашите възражения, и той ни отговори, че за някакви второстепенни мерки, като например назначението на европеец губернатор, Франция няма да се противи, стига само другите сили да се съгласят; за това ни советва да идем в Лондон и Виена, за да видим тамо дано можем да сполучим нещо. Той ни даде още някои совети и заключи, че ако бъдем умни и добием симпатиите на Европа, ний ще сполучим по-скоро това що желаем. В това виждане от три-четверта на часа, г-н Вадингтон не беше тъй *gaide* *, както иска да го представи la République Française.

Завчера, в понеделник, дежъонирахме у г-на Edmond About, прочутий директор на «XIX siècle»; тамо между другите беше и г-н Gambetta, с когото аз можах да се разговоря за нашите работи. Той ми каза, че в началото той е мислил другояче, но че след по-здрави размисления, той е достигнал да бъде благоприятен на една голяма България, с условие, обаче да дадат българите доказателство, че няма да подпаднат изключително под влиянието на Русия. Напоследък г. Gambetta ни каза, че с благодарение ще ни приеме утре и с благодарение ще прочете и преписа на нотата ни, която аз му се молих да ни позволи да му поднесем утре.

Ний се запознахме вече с редакторите на най-влиятелните органи: «Journal de Débats», «Temps», «République Française» «France XIX siècle» и пр.; сичките имаха добрината да ни се укажат симпатични, с условие само българите да се покажат независими. Казахме им, разбирава се и ний, че българите ще знаят да са признателни секиму, който им направи добро.

Ний, утре след вижданието си с г-н Gambetta, ще тръгнем за Лондон, там ще теглим в Charing grose hotel и не мислим да се бавим повече от неделя, дано само лорд Солсбери ни приеме, защото друго яче не ще бъде приятно. Каквото стане тамо ще ви пиша, после ще се върнем пак тука.

Намерам се в невъзможност да пратя препис от настоящето си на Тинка в Галац, който ма беше молил да му съобщавам новините, които давам вам, за това направете, моля ви, вий това.

И. Е. Гешов

НБКМ—БИА, II В 10216. Копия.

1. Эти попытки не привели ни к каким результатам, кроме осведомления европейской общественности о желании болгарского народа достигнуть национального объединения. Франция, как и другие западные державы, не изменила свои позиции относительно выполнения Берлинского договора. Однако поездка болгарских представителей способствовала тому, что правительства западных держав стали учитывать до некоторой степени действительное положение в Восточной Румелии и согласились с требованием болгар не посылать туда турецкие гарнизоны (см. более подробно 19, стр. 487—543). Текст упоминаемого мемуара (ноты) опубликован там же, стр. 535—538.

* Сильный, твердый (фр.).

1879 г. апреля 6. — Письмо Д. А. Милютина А. М. Дондукову-Корсакову о порядке вывода русских войск из княжества Болгарии и Восточной Румелии

№ 81

Милостивый государь
князь Александр Михайлович!

Государь император, одоблив в общих чертах предположения вашего сиятельства, изложенные в письме вашем от 18 марта за № 1023¹, относительно порядка и направления в империю частей оккупационных войск, изволил признать необходимым, чтобы при подробнейшей разработке плана передвижения сих войск были приняты в основание следующие главные условия:

1. Чтобы движение войск началось непременно с 23 апреля ст. ст. и именно очищением таких пунктов, где наименее можно опасаться нарушения порядка и очищение которых наглядно выказало бы пред Европою начало нашего выступления из занятых нами доселе областей.

2. Напротив того, местности, где всего более можно ожидать столкновений между христианским и магометанским населением, надлежит очистить по возможности позже. В числе таких местностей следует иметь в виду в особенности южную пограничную полосу Восточной Румелии (к Родопским горам). Некоторая часть войск должна будет оставаться в этой стороне по возможности долее в виде арьергарда, прикрывающего с тыла постепенное движение всех других войск. Арьергард этот должен начать свое движение с таким расчетом времени, чтобы до выступления всех прочих войск из пределов Восточной Румелии не произошло в пределах сей последней столкновения между местным населением и турецкими войсками.

3. В случае, если введение новых учреждений и установление новых правительств как в княжестве Болгарском, так и в Восточной Румелии будут совершаться спокойно, так что не будет предвидеться повода к немедленному вступлению турецких войск в эту область, то очищение ее нашими войсками желательно было бы совершить в кратчайший срок, не растягивая движения наших войск до окончательного срока, назначенного Берлинским трактатом, к этому же сроку, т. е. к 23 июля ст. ст., во всяком случае не должно уже оставаться за границею ни одного русского солдата.

4. До окончательного очищения Восточной Румелии нашими войсками на нас ляжет обязанность охранения делимитационных комиссий как на пограничной линии между Болгариею и Румелиею, так и по южной границе сей последней. Для сего должны быть назначены небольшие части войск по ближайшему вашему усмотрению. Полагалось бы для сего достаточными казачьи полки Уральский № 1 и Донской № 4.

5. Кроме того, может потребоваться, по соглашению с новым правительством Восточной Румелии, держать во все время передвижения наших войск некоторую часть в гарнизоне самого Филиппополя для обеспечения спокойного введения новых учреждений.

Сообщая вышеприведенные главные условия для составления детального плана возвращения оккупационных войск в империю, имею честь почтительнейше просить ваше сиятельство не оставить доставлением выработанных на этих основаниях предположений ваших и, не ожидая утверждения оных, сделать все нужные распоряжения для своевременного приведения их в исполнение.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Гр[аф] Д. Милютин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7739, лл. 64—67. Подлинник.

1. 18 марта А. М. Дондуков-Корсаков представил общие соображения об эвакуации войск оккупационного отряда, согласно которым она должна была начаться в конце апреля и закончиться 22 июля 1879 г., как это было определено решением Берлинского конгресса. Последней должна была уйти 33-я пехотная дивизия, занимавшая район в треугольнике Шумла—Варна—Айважик, где население, преимущественно мусульманское, было неспокойно (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7739, лл. 1—14 об.).

№ 351

1879 г. не позднее апреля 7*.— Письмо А. Д. Столыпина генерал-губернатору Адрианопольского вилайета Реуф-паше о нападениях турок на болгарское население и о причинах эмиграции мусульман из Восточной Румелии**

№ 695

Philippopolis

Monsieur le maréchal!

Lors de mon départ pour Tirnovo j'avais chargé le baron Hübsch, gouverneur de Philippopolis, d'exposer à votre excellence les considérations qui rendaient, selon moi, inévitables les regrettables conflits se produisant journellement aux frontières de la Roumélie Orientale entre Turcs et Bulgares, qui, animés d'une haine séculaire et profitant de l'époque transitoire par laquelle nous passons — se livrent à des excès que ni l'autorité russe en Roumélie, ni l'autorité ottomane dans le vilayet d'Andrinople ne parviennent jusqu'à présent à réprimer.

Il n'y a, d'après mon avis, qu'un moyen de faire cesser cet état de choses, c'est de tranquilliser définitivement le pays en lui garantissant son autonomie, non en paroles, mais de fait. Il faut, à tout prix, que le gouvernement ottoman, de son propre chef, renonce non seulement *de facto*, mais *de jure*, à l'envoi de garnisons turques dans les Balkans. Tant que cette résolution ne sera pas prise, nous nous trouverons vis-à-vis d'un dilemme, dont il nous serait difficile de sortir.

Votre excellence veut bien me signaler de temps à autre des méfaits commis par les Bulgares. Je suis loin de mettre en doute la stricte véracité des faits signalés, et je ne manque pas de donner chaque fois aux autorités compétentes les ordres nécessaires pour réprimer ces abus.

Mais, de mon côté, je pourrais signaler à votre excellence bon nombre de faits non moins regrettables, commis par les Turcs au détriment des Bulgares. Il y a de cela quelques jours, j'ai reçu la nouvelle officielle qu'une bande de Turcs armés avait attaqué et tué deux émigrés bulgares, dans les environs d'Ouzoun-Kioi.

Dans la nuit du 29 Mars des villageois turcs armés ont enlevé vingt moutons d'un troupeau appartenant aux habitants du village Bounaris au Nord de la Maritza.

Dans le district de Haskeyu une bande de Turcs armés ont enlevé du bétail appartenant aux habitants du village de Kaschar et ont tué le pâtre.

De pareils méfaits se produisent journellement et, si je ne les ai pas signalés à votre excellence, c'est que suivant une politique de conciliation et d'apaisement, je ne voulais pas exciter davantage les passions en mettant au grand jour des abus, hélas! inévitables, tant que durera, oserai-je le répéter, l'état de choses actuel.

Une seconde question soulevée par les dépêches de votre excellence, se rapporte à l'émigration musulmane de la Roumélie Orientale.

Cette émigration, monsieur le maréchal, était facile à prévoir. Des milliers de chrétiens ayant quitté le vilayet d'Andrinople, il est bien naturel qu'il se trouve des amateurs à occuper les foyers et les champs délaissés. Telle est

* Датируется на основании письма А. Д. Столыпина А. Б. Лобанову-Ростовскому от 7 апреля 1879 г. (см. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3288, лл. 47—48 об.).

** См. док. 211, 249.

la cause visible de ce mouvement; mais si nous désirions en chercher la cause sérieuse, nous la trouverions dans une série de faits historiques suivant leurs cours et annulant tous les efforts humains qui tendent à entraver la marche des événements.

L'émigration musulmane actuelle est tout aussi naturelle que l'est et que l'était l'émigration chrétienne du vilayet d'Andrinople; et les efforts que ferait d'administration pour empêcher ce mouvement resteraient tout aussi infructueux que ceux qu'avaient faits l'administration ottomane pour prévenir et pour empêcher l'émigration des Grecs et des Bulgares.

Telle est ma sincère conviction; et je n'hésite pas un instant à vous la communiquer, vous sachant animé des mêmes idées de paix et de conciliation que moi. Il ne s'agit pas en ce moment de nous trouver mutuellement en faute; il s'agit, me semblerait-il, d'agir de concert pour maintenir la tranquillité dans le pays et pour calmer l'effervescence de deux races fatalement poussées à de regrettables excès.

De mon côté, je puis vous garantir que, tant que l'administration russe restera dans le pays et que j'aurai l'insigne honneur de me trouver à la tête de cette administration — toutes les nationalités et toutes les religions jouiront de privilèges égaux et les abus des uns seront réprimés avec la même sévérité que les méfaits des autres.

Je suis plus certain que le même sentiment de justice règnera dans le pays confié à votre sage administration, et que, d'un commun accord, nous tâcherons d'apaiser les esprits jusqu'à ce que des concessions réelles viennent faire cesser l'état de choses actuel qui ne saurait être considéré que comme déplorable.

Veillez agréer, monsieur le maréchal, l'assurance de ma haute considération

(signé) A. Stolypine.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3288, лл. 49—51 об. Заверенная копия.

Перевод

Филиппополь

Г-н маршал!

При отъезде в Тырново я поручил филиппопольскому губернатору барону Гюбшу изложить вашему высокопревосходительству соображения, доказывающие, как мне кажется, неизбежность достойных сожаления конфликтов, ежедневно возникающих на границах Восточной Румелии между турками и болгарами, которые, побуждаемые вековой ненавистью и пользуясь переходным состоянием, предаются злодеяниям, которые ни русским властям в Румелии, ни оттоманской власти в Адрианопольском вилайете до сих пор не удалось обуздать.

Существует, мне кажется, один лишь способ положить конец подобному положению вещей — окончательно умиротворить страну, гарантируя ей автономию не на словах, а на деле. Нужно, чтобы оттоманское правительство по собственному побуждению, любой ценой отказалось не только *de facto*, но также *de jure* от посылки на Балканы турецких гарнизонов. До тех пор пока это решение не принято, мы будем находиться перед дилеммой, из которой трудно найти выход.

Вы, ваше высокопревосходительство, время от времени изволите сообщать мне о проступках, совершаемых болгарами. Я далек от того, чтобы подвергать сомнению строгую достоверность отмеченных фактов, и не премину всякий раз давать компетентным властям необходимые распоряжения о пресечении подобных злоупотреблений.

Но со своей стороны я мог бы указать вашему высокопревосходительству на значительное число фактов, вызывающих не меньшее сожаление, о злодеяниях, совершенных турками против болгар. Несколько дней тому назад я получил официальное сообщение о том, что в окрестностях Узун-Кюя банда вооруженных турок напала на двух болгарских беженцев и убила их.

В ночь на 29 марта вооруженные турецкие крестьяне увели двадцать баранов из стада, принадлежащего жителям деревни Бунарис, находящейся к северу от Марицы.

В округе Хаскиой банда вооруженных турок угнала скот, принадлежащий жителям деревни Кашар, и убила пастуха.

Подобные злодеяния происходят ежедневно, и если я не сообщал о них вашему высокопревосходительству, то лишь потому, что, придерживаясь политики примирения и согласия, я не хотел еще более возбуждать страсти, выявляя правонарушения, увы, неизбежные до тех пор, пока, повторяю, существует нынешний порядок вещей.

Второй вопрос, поставленный в депешах вашего высокопревосходительства, касается мусульманской эмиграции из Восточной Румелии.

Эту эмиграцию, г-н маршал, легко было предвидеть. Так как тысячи христиан покинули Адрианопольский вилайет, то вполне естественно, что нашлись охотники до чужих домов и заброшенных полей. Такова видимая причина этого движения; но если бы мы желали искать его действительную причину, мы бы нашли ее в ряде исторических событий, идущих своим ходом и уничтожающих усилия людей, стремящихся воспрепятствовать их течению.

Нынешняя мусульманская эмиграция так же естественна, как и христианская эмиграция из Адрианопольского вилайета, и усилия, которые может предпринять администрация, чтобы помешать этому движению, остались бы столь же бесплодными, как и предпринятые оттоманской администрацией попытки воспрепятствовать эмиграции греков и болгар.

Таково мое искреннее убеждение; и я не колеблюсь ни минуты, чтобы сообщить его вам, зная, что вы руководствуетесь теми же идеями мира и согласия, что и я. В настоящий момент речь идет не о том, чтобы взаимно обвинять друг друга; мне кажется, речь идет о том, чтобы действовать согласованно для поддержания спокойствия в стране и успокоения ненависти обеих рас, роковым образом побуждаемых к достойным сожаления эксцессам.

Со своей стороны могу заверить вас, что пока русская администрация останется в стране и пока я буду иметь честь возглавлять эту администрацию, все национальности и религии будут пользоваться равными правами и правонарушения со стороны как тех, так и других будут караться с одинаковой строгостью.

Я совершенно уверен, что в стране, вверенной вашему мудрому правлению, будет царить такая же справедливость и что с общего согласия мы попытаемся успокоить умы, прежде чем действительные уступки положат конец ныне существующему и достойному сожаления порядку вещей.

Соблаговолите принять, господин маршал, уверения в моем глубоком почтении.

(Подписано) Столыпин

№ 352

1879 г. апреля 7. — Отношение Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому о недопустимости посылки отрядов из членов гимнастических обществ на границу*

Из препровождаемой при сем к вашему сиятельству копии с письма, адресованного мне лордом Дюфферином от 2 (14) апреля **, вы изволите усмотреть, что великобританский представитель, указывая на предположение нашей администрации в Восточной Румелии о вооружении *** некоторой части граждан этой области, соединившихся в так называемые гимнастические общества, для посылки их в Родопские горы, обращает при этом внимание на опасность, могущую произойти для спокойствия страны от выполнения такого предположения.

Хотя при личных объяснениях с английским послом по этому делу я объяснил ему, что в существовании гимнастических обществ в Болгарии и в Восточной Румелии императорское правительство не усматривает ничего противозаконного, так как общества эти поставили себе целью подготовле-

* Датируется на основании черновика данного отношения, хранящегося в АВПР, ф. Турецкий стол (старый), д. 1621, л. 124—124 об., и его копии, хранящейся в ЦГИА СССР, ф. 932, оп. 1, д. 243, л. 251—251 об.

** См. док. 348.

*** Слово вооружении вписано Александром II вместо зачеркнутого мобилизации.

ние молодых болгар к военной службе, но ввиду вышеизложенного предположения наших властей я считаю долгом покорнейше просить ваше сиятельство немедленно пригласить генерала Столыпина, чтобы он принял меры к недопущению формирования из гимнастических обществ каких-либо отрядов, а тем более посылки их на границу¹. Вообще вы поставите ему на вид необходимость поддержания в стране спокойствия и устранения всего того, что могло бы подать повод к нарушению его.

Резолюция Александра II: Быть по сему.
АВПР, ф. ГА, I-1, д. 55, лл. 83—84. Отпуск.

1. Имеется в виду граница в районе Родоп.

№ 353

*1879 г. апреля 7. — Телеграмма Н. К. Гирса А. Д. Столыпину о замене русских служащих в администрации Восточной Румелии местными уроженцами **

Секретно

Шифром: Государю императору угодно, чтобы вы обратили особое внимание на необходимую замену русских губернаторов и окружных начальников местными уроженцами, чтобы ко времени введения нового порядка управления не было в администрации русских властей¹.

Резолюция Александра II: Быть по сему.
АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 107, л. 25. Отпуск.

1. Исполняя это распоряжение, А. Д. Столыпин принял ряд мер по замене русских в администрации болгарам (см. приказ его от 11 апреля 1879 г. — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8792, лл. 258—261 об.; приказ от 22 апреля 1879 г. № 45 — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3288, лл. 93—94 об.; приказ от 10 мая 1879 г. № 55 — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 116, л. 93).

№ 354

*1879 г. апреля 7 (19) — Донесение Н. А. Орлова А. М. Горчакову о пребывании делегатов Восточной Румелии в Париже и беседе их с министром иностранных дел Франции В. Ваддингтоном ***

№ 21

Paris

Mon prince!

Les délégués de la Roumélie Orientale, dont la tournée en Europe a été signalé par notre agent à Philippopoli ***, sont arrivés à Paris il y a quelques jours ****.

Mrs. Guechoff et Yankoloff ont remis au ministre des affaires étrangères français un mémoire qui plaide la cause de la nouvelle province autonome¹.

Mr. Waddington s'est borné à leur répondre que le gouvernement français faisait des vœux pour le maintien de la tranquillité en Roumélie Orientale après le départ des troupes russes et qu'il s'associerait à toute mesure que les autres Puissances jugeraient propre à atteindre ce but tout en maintenant les bases du traité de Berlin.

* См. док. 315, 382, 388.

** См. док. 349.

*** См. док. 214; АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 95—96 об., 181—181 об.

**** См. док. 318 и примечание к нему.

Les deux députés rouméliotes m'ont remis, à titre d'information, la copie du mémoire qu'ils sont chargés de faire parvenir aux cabinets des grandes Puissances et je me fais un devoir de le placer ci-près, sous les yeux de votre altesse.

Le langage de Mr. Guechoff m'a paru modéré.

Il m'a fait observer que s'il n'avait pas été possible d'omettre dans le mémoire les vœux des rouméliotes quant à leur unification avec la principauté de Bulgarie — ce n'était là qu'une question de principe et que leurs explications verbales seraient de nature à faire comprendre aux cabinets que la Roumélie se résignerait provisoirement à la position qui lui était faite par le traité de Berlin, pourvu que des mesures efficaces la garantissent contre les dangers de nouveaux massacres et de nouvelles calamités.

Les délégués rouméliotes sont partis hier pour Londres.

Veillez agréer, mon prince, l'hommage de mon plus profond respect

Orloff

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 95, лл. 102—103 об. Подлинник.

*Перевод
Париж*

Князь!

Делегаты Восточной Румелии, о поездке которых по Европе сообщал наш агент в Филиппополе, прибыли в Париж несколько дней назад.

Г-да Гешов и Янколов передали французскому министру иностранных дел мемуар в защиту интересов новой автономной провинции¹.

Г-н Вадингтон ограничился ответом, что французское правительство от души желает сохранения спокойствия в Восточной Румелии после ухода русских войск и что оно, оставаясь на почве Берлинского трактата, присоединится к любой мере, которую прочие державы сочтут необходимой для достижения этой цели.

Оба румелийских депутата передали мне для информации прилагаемую при сем копию мемуара, который им поручено передать кабинетам великих держав.

Тон г-на Гешова показался мне умеренным.

Он заметил мне, что если невозможно было опустить в мемуаре пожелания румелиотов об объединении с Болгарским княжеством, то только из принципа, и что их устные объяснения будут такого характера, чтобы дать кабинетам понять, что Румелия временно подчинится положению, созданному для нее Берлинским трактатом, если только действительные меры защитят ее от опасностей новой резни и новых бедствий.

Румелийские делегаты уехали вчера в Лондон.

Соблаговолите принять, князь, уверения в моем глубоком почтении

Орлов

1. И. Е. Гешов и Г. Д. Янколов посетили Вену, Париж, Лондон (см. об этом 19, стр. 487—543). Текст их обращения к правительствам европейских держав опубликован там же, стр. 535—538. Один из экземпляров на французском языке хранится в АВПР, ф. Канцелярия 1879 г., д. 95, лл. 104—106 об.

№ 355

1879 г. апреля 7. — Выписка из письма А. Д. Столыпина А. Б. Лобанову-Ростовскому об условиях вступления в должность генерал-губернатора Восточной Румелии А. Богороди

Я берусь устроить Алеко-паше самую сочувственную встречу при следующих условиях:

1. Если предшествовать ему будет отмена турецких гарнизонов в Балканах и я в состоянии буду сказать, что он принял пост генерал-губернатора только при этом условии.

2. Чтобы он изменил свое турецкое название и титул; вместо Алекопаша наименовался бы князь или генерал Вогоридес.

3. Отнюдь не являлся бы в феске или турецком мундире, а лучше всего в мундире румелийской милиции или просто в европейском платье *.

Последние два пункта кажутся мелочью, но у болгар все основано на внешности и мелочах, как у всякого народа в детстве. Первый же пункт составляет необходимое условие для поддержания порядка и спокойствия в крае.

Алеко-паша без отмены гарнизонов в Балканах будет встречен пулями или должен войти во главе 70-тысячной армии.

Князь Вогоридес с отменой гарнизонов в Нармане может спокойно прибыть в Филиппополь без смешанной оккупации и без наших войск для поддержания порядка.

Вот дилемма, из которой выйти нельзя!

Фальшивого Вогоридеса мне удалось понизить, если не погубить в глазах болгар, выставив его за самозванца, интригующего против дяди (La columba) ¹.

Мне также удалось убедить румелийцев, что им нечего ждать помощи от болгар севера, которые, довольные своим освобождением, не только не примут участия в восстании, но даже при известной скупости своей и деньгами не помогут. В доказательство такового моего мнения я привел тот факт, что северные болгары почти ничего не пожертвовали при подписке в пользу Македонии (в Габрове собрали только 50 руб.). Вследствие этих моих доводов, высказанных по возвращении из Тырнова, которые произвели сильное впечатление на вожаков народа, ими решено не настаивать на присоединении к Болгарии, *которая желала бы румелийскими руками вынимать каштаны из огня (собственные их выражения), но ограничиться недопущением турецких гарнизонов в Балканы, ни в какое-либо другое место в Румелии.*

Итак, до появления хотя бы одной турецкой фески в Румелии я ручаюсь за порядок, ручаюсь также, что русский кандидат на г[енерал]-губернаторский пост будет принят сочувственно, но ручаюсь также, что с появлением первого турецкого солдата в пределах Румелии восстанет весь край.

Кроме всего вышесказанного, князь Вогоридес должен как русский кандидат:

1. Быть водворенным на свой пост мною, а не *Европейской комиссией*, следовательно, приехать в Филиппополь прежде ее возвращения; лучше всего, если бы эта комиссия, столь непопулярная румелиотам, вовсе не возвращалась, а предоставила бы свои наблюдательные права местным консулам.

2. Оставить начальство над румелийской милицией полковнику Кисякову, без чего русские офицеры не останутся в ней; по крайней мере он должен оставить Кисякова до того времени, когда Виталис успеет изучить болгарский язык и приобретет влияние на солдат и офицеров.

3. Настоять на выходе в отставку Шмита, вообще чтобы финансовое управление перешло бы обратно в руки администрации края.

Должен также заметить, что всего более бояться наплыва в край всей греческой родни Вогоридеса и его супруги, которая, говорят, многочисленна.

В заключение моего длинного и несколько бессвязанного письма, так как в рамки его трудно было мне втиснуть все, что хотелось бы вам высказать, выведу следующую формулу, которую я бы предложил для возможно спокойного введения в действие постановлений Берлинского трактата относительно Румелии:

1. Предложить Порте вместо занятия гарнизоном Больших Балкан, что ей фактически невозможно сделать, занять Балканы Родопские в местах, уже занятых ею. Этим буква трактата не нарушится.

2. Русским войскам отступить и очистить край в назначенный срок, не допуская смешанной оккупации **, так как с незанятием гарнизоном

* См. док. 388 и примечание к нему.

** См. док. 219, 312, 327 и примечания к ним; док. 331.

Больших Балкан достаточно одной милиции для поддержания порядка, но при этом милиция временно должна оставаться в том же численном составе и под тем же начальством, в каковом она в настоящее время находится.
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8792, лл. 253—255—255 об. Заверенная копия.

1. Имеется в виду племянник Алеко-паши Эмануил Богориди, который претендовал на княжеский престол в Болгарии (см. 62, стр. 52, 55).

№ 356

*1879 г. апреля 8. — Протокол заседания Центрального комитета Южной Болгарии о созыве собрания представителей местных комитетов «Единство» в связи с назначением А. Богориди генерал-губернатором Восточной Румелии **

Пловдив

Председател: н[егово] блаженство

Присъствуваха: н[егово] в[исоко]преосвященство Пловд[ивски] Панарет, с[вещеник] Г. Тилев, Г. Консулов, полковник Кесяков, х. Д. х. Петров, Ал. Людсканов, К. Величков.

Заседанието се отвори часът на 5 и 1/2 по пладне.

Н[егово] б[лаженство] съобщи на събранието, че по слуховете, които са достигнали до него, Алеко паша Богориди се назначил за генерал-губернатор на Южна България, а султанът, по съветите на силите се отказал за сега от правото си да прати гарнизони на Балкана. На ген[ерал] губернатора се давало правото да назначава висшите чиновници, граждански и военни, а Комисията европейска щяла да престои още една година в Пловдив, за да наблюдава приложението на изработения от нея устав. Н[егово] блаженство заключи, че положението на Южна България влиза в нова фаза и че е нужно да се повикат представители, за да обсъдят и решат каква линия на поведение трябва да се държи в новото положение.

Събранието припозна едногласно нуждата за свикване на събрание от представители и реши да се приканят окръзите да испратят по четирима представители за 16 того, на които да дадат най-обширни пълномощия — да могат да разискват и решат сичките въпроси те, които биха се представили-заключващи задължение от страна на населението да се подчини безусловно на решенията, които земе събранието.

Като зе пред вид, че след отстъпването на руските войски от Родопите, башибозуците може да нападнат пограничните б[ългарски] села и с тия си нападения да предизвикат бягането на населението по границата в тия гори, по предложение на г. полковника Кесяков, събранието помоли н[егово] блаженство да проси от н[егово] превъзходителство ген[ерал] Столипина разрешение за дигането на 4000 душ[и] новобранци, които ще се поддържат на средства на комитети и ще се испратят за пазене на родопските гори ¹.

Н[егово] блаженство се съгласи да говори за това на Столипина.

Х. Д. х. Петров направи следующето предложение: да се испратят няколко лица в България, за да изпитат духовете на населението там и да просят участието му в случай, че обстоятелствата принудят населението на Ю[жна] България да се реши на борба за свободата и правата си, и да се отпрати към него възвание за тая цел ².

След разискване това предложение се прие **.

НБКМ—БИА, II В 2268. Подлинник.

* См. док. 383.

** Подписи отсъствуют.

1. Русское гражданское управление содействовало комитетам «Единство» в деле мобилизации их членов. Однако дружины не были посланы на границу, а вместе с русскими войсками участвовали в показательных маневрах-смотре, продемонстрировавших готовность болгар бороться за свою свободу. Это обстоятельство было использовано Россией в переговорах с Турцией и Англией, чтобы помешать посылке турецких гарнизонов в Восточную Румелию (см. док. 323, 364 и примечание к ним, док. 381).

2. Сведений о том, были ли посланы представители в княжество Болгарию и было ли издано такое воззвание, не имеется.

№ 357

1879 г. апреля 9. — Предписание софийского губернатора М. И. Лукашова окружным начальникам о принятии мер к своевременной оплате учителей и финансированию школ

№ 19

София

По доставлените от управляющия отделът на народното просвещение и духовните дела, които се потвърждават от ревизията, произведена от генерала Гресера, в някои окрузи, учителите на много народни училища, преимущественно градските, по няколко месеци не са получили никаква платка. Такова неприятно явление, което заплашува някои градски училища с [ъс] затваряние, по доставлените сведения, произлиза от това, че както обществените управления, тъй и администрацията, не обръщат потребното внимание на училищните дела *. Негово сиятелство императорский российский комисар, като взел в соображение важно значение на народното образование и като желае да постави училищното дело в Българското княжество на най-високо място, благоволил да заповяда — да се показува всякакъв вид содействие за развитието на това дело в градовете и селата. А за да се отмахнат допуснатите до сега неисправности, при своевременните исплащание на платките на учителите, предлагам на окружните началници и полициймейстери да се потрудят:

1. Да се соберат най-точни и обширни сведения за средствата на народните градски и селски училища, както в материално, тъй и в учебно отношение, които да ми се представят *в най-кратко време*.

2. Тъй като из представените вече на утвърждение сметки от градските совети на: Самоковский, Пирдопский, Орханийский и Златицкий окрузи, се вижда, че ни един от гореспоменатите совети, на основание на 63 ст. от Положенията за градските совети ¹, не взел в [ъв] внимание разноските за содержанияето на училищата и като се има предвид, че и останалите градски и окружни совети може да направят упоменатата пропусака, то предлагам на советите, с участието на училищните настоятелства и окружни училищни совети, да обрънат особено внимание на упоменатата статия, по която трябва да се отпуска ежегодно определената в общото собрание сума за содержание на училищата, незабавно да обсъдат въпросът за средствата, които могат да се предоставят на училищата из градските и селските доходи.

3. Там, гдето отделяемите в полза на училищата из градските доходи суми не покриват всичките разноски по содержанияето на училищата, да предложите на градските и окружните совети да разпределят недостигащата сума между населението на града и селата, по особно расхвърляне, согласно с 27 ст. на Уставът за народните училища и да се земат мерки за своевременното расхвърляние на тази сума и предаванието ѝ в распоряжението на надлежачите училищни настоятелства.

4. За всичко, което всяки един от градските и окружните совети направи по гореизложеното, да ми се извести *в най-скоро време*.

Първообразното подписал председателът
на совета полковник Лукашев

СГОДА, ф. 41 К, оп. 1, д. 522, лл. 6—7. Заверенная копия.

1. Это положение предусматривало, что заботы о материальном обеспечении училищ займут первенствующее место в работе городских советов (см. 80, вып. 1, стр. 191).

* См. док. 59 и прим. 1 к нему.

1879 г. апреля 9.— Письмо группы депутатов Учредительного собрания от либеральной партии И. С. Аксакову о работе собрания

Тырново

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Между депутатами Народного собрания давно охарактеризовалась партия, главным образом состоящая из западных юристов. Группа эта, будучи мало знакома с народною жизнью, мало приравнивалась в своих стремлениях к нуждам массы, высказывала сомнения в способности нашего народа к конституционной жизни и всеми мерами старалась ограничить будущее Народное собрание, придав ему чисто совещательное значение, и развить бюрократический элемент.

Противовесом этой группы составляла более развитая часть депутатов, главным образом русские воспитанники. В маловажных предложениях лишь иногда возбуждались сильные пререкания, и они затягивались умышленно, с задними целями, и тогда как мы честно высказывали свои убеждения и открыто заявляли, что желаем и что не можем допустить, никогда не хитрили и не обманывали, противники пользовались безразборчиво всякими средствами. Потерпев неудачу своим рапортом¹, члены комиссии были хотя несправедливы, но крайне обижены, несмотря на веские и неопровержимые доказательства с нашей стороны. Мы не станем разбирать рапорт, обратимся к событиям позднейшим. В заседании 27 марта обсуждались вопросы о печати, свободе сходов и, наконец, о составе народного представительства*. По первому вопросу не было почти никаких возражений, признана свобода печати почти единогласно. Преосвященные архипастыри в лице софийского Мелетия сделали предложение о цензуре сочинений догматического содержания. Некоторые из депутатов возразили, что это понятие слишком обширное, под эту категорию можно подвести и такие сочинения, в которых лишь мимоходом трактуется о том или другом предмете религии. Авторам предлагали изменить свою формулу, ограничив ее символическими книгами и книгами св. писания, но они не согласились, и предложение их потерпело фиаско именно вследствие его неопределенности и обширности.

Относительно второго предложения — о свободе обществ, не вредящих добрым нравам, религии и общественному порядку, не было никаких прений, только один из депутатов предполагал, что это касается и коммерческих компаний, и лишь в этом отношении было объяснение.

Когда был предложен Сенат или верхняя палата и на предложение называющих себя умеренными повалился поток остроумных речей, они не могли выдержать и вышли из заседания. Большинство депутатов, однако, осталось, и прения продолжались. Узнав, что Сенат провалился с шумными рукоплесканиями, они в числе 12 человек послали заявление собранию** в таком смысле, что принятые собранием предложения о свободе печати и обществ вселяют в них опасения за будущее Болгарии. Спрашивается, почему же никто из них не возбудил прения по этому делу, а вне собрания вдруг явились опасения, ни на чем не основанные? Дело просто и ясно. Этим господам хотелось все устроить на свой лад; архиереям отделиться от общей болгарской церкви, от экзархата и, запретивши прозелитизм вместе с введением духовной цензуры в самых широких размерах, успокоиться и заниматься дипломатиею и т. п. делами, но никак не духовно-нравственным развитием народа.

Что бы была за вера такая, за спиною которой стоит стражник с ружьем? Разве мы не существовали пять веков без всяких стражарей и никто, слава богу, не уверовал религию нашего народа? Если есть прозелиты, они изме-

* См. док. 347.

** См. док. 340.

нили отцовской вере лишь из-за политических выгод, но никак по убеждению. Вместо того чтобы запрещать всякие протестантские книжонки, не лучше ли в миллион раз предлагать народу духовно-нравственные беседы, способные удовлетворить его, и мы положительно уверены, что редко найдется человек, которому придет охота рыться в книжонках, извращающих его религиозные нравы и предания, колеблющих правоту его верований. Мы не станем вдаваться в дальнейшие рассуждения и считаем вполне достаточным, что православная вера признана господствующею, чем вполне гарантируется конституциею ее неприкосновенность. Если бы кто вздумал вредить ей, то полиция, а тем более община или же пастыри могут употребить карательные меры судебным порядком просто как нарушителя общественного спокойствия. Не следует упускать из виду и того факта, что у болгар сильно развита община и против нее турки употребляли всевозможные меры, но ничего не могли сделать. В общине же и лежат всякие цензуры. Протестантов осмеивают, как сумасшедших, и они до сих пор ничего не успели сделать, а далее и того меньше будет почвы для их успеха. Наконец, если бы преосвященные сумели доказать пользу предлагаемых ими статей, неужели можно допустить, что мы настолько не поминаем или так враждебны к духовенству, состоящему из среды же нас самих, что станем отвергать полезные для нашей нации мероприятия?

Еще несколько слов относительно свободы обществ, хотя, мы думаем, вы убеждены из самой статьи, в чем дело. Мы хотели и желали избегнуть вмешательства администрации во всех общественных делах и никоим образом не давать ей возможность тормозить без нужды полезную деятельность. На каком основании, напр., нужно испрашивать предварительного разрешения об устройстве хотя бы обществ охотников и садоводства? Если бы функционирующее общество стало вдруг чем-нибудь вредным, администрация имеет право притянуть его к ответственности перед судом, но самой сделаться судьей — нам кажется абсурдом. Затем едва ли нужно давать свободу разным вредным обществам, они и без разрешения правительства устраиваются и функционируют при самых строгих запрещениях и преследованиях, лишь бы была почва для их возникновения. Общества убийц, социалистов, коммунистов и т. д. существуют в разных государствах без соизволения властей и преследуются весьма строго, а мы бы вдруг приняли их в Болгарию и стали плодить, с какою целью? Мы просто не понимаем. У нас положительно нет почвы для подобных обществ, правда, и у нас являются иногда шайки разбойников, но они судятся по уголовным законам, и мы не знаем, получили ли они когда-либо разрешение у министра внутр[ренних] дел на свободу своей профессии.

Всего, что мы желали, можно выразить коротко: хорошее и крепкое правительство, которое прямо бы сносилось с Народным собранием без посредников, причем законодательная инициатива бы принадлежала обоим; достаточно гарантированную частную и общественную жизнь от произвола помпадуров, к несчастью, появившихся и в нашем отечестве.

Доктор медицины Д. Моллов

П. Каравелов
А. Ковачов
Р. Каролев
А. Христов
Д. Каранфилович
Д. Енчев
П. Генчев
Хр. Стоянов
С. Илиев
И. Н. Гюзелев
Т. Кырков
Ц. Гинчов

ОР ГПБС—Щ, ф. 14, оп. 1, д. 225. Подлинник.

1. В Учредительном Народном собрании в Тырнове образовались две партии — консервативная и либеральная. Первая выражала интересы крупной (для болгарских условий) торгово-ростовщической землевладельческой буржуазии, а вторая — мелкой и средней городской буржуазии и крестьян. В разгоревшейся борьбе победили либералы. Выработанная конституция (названная Тырновской) была умеренной, носила буржуазно-демократический характер (см. 91).

Учредительное собрание избрало комиссию из 15 человек, в которую вошли главным образом консерваторы. Она должна была подготовить проект основных принципов, которые легли бы в основу будущей конституции. Комиссия представила доклад, в котором предлагала, чтобы конституция была основана на принципах консерваторов и были бы ограничены либерально-буржуазные свободы. Доклад был отвергнут собранием (см. 91).

№ 359

1879 г. апреля 10. — Донесение Н. Г. Гартвига А. Н. Церетелеву о настроениях населения Бургасского округа и массовом переселении в округ болгар из пограничных турецких областей

№ 389

Бургас

Я не имел возможности со времени первых моих донесений касаться политических вопросов вследствие массы текущих консульских дел. Беспрепятственные жалобы русскоподданных на греков и живейшее участие, которое греческий вице-консул принимал в защите последних, заставляли меня не покидать зала судебного совета.

С отъездом войск Действующей армии умственное брожение в округе резко дает о себе знать; местные власти не раз обращались ко мне с просьбой сообщить им утешительные известия, дабы они в свою очередь могли убедить местное население, что им с отходом русских вовсе не грозит резня. Я, конечно, не мог вполне удовлетворить их любопытство, так как самый существенный вопрос для них — вопрос о результатах трудов Европейской комиссии — и поныне остается тайной.

Немало содействует здесь тревожному настроению большой наплыв из смежных Румелии округов болгарских беглецов, которые, быть может, и несправедливо принесли знакомое всем известие о новых зверствах турок там, где последние уже успели водвориться по уходе русских войск¹. На днях были у меня председатели окружного, городского и судебного советов, чтобы узнать мое мнение по вопросу, как поступать с беглецами, число которых в последние дни достигло громадных размеров. «Место у нас для беглецов найдется, — говорят они, — но как посмотрит на это переселение русское правительство, одобрит ли оно наше если не содействие, то покровительство переселению, которое нам выгодно в том отношении, что оно значительно усилил болгарский элемент в нашем округе в борьбе с враждебными нам элементами — турецкими и греческими? В крайнем случае мы, конечно, всегда могли бы воспрепятствовать переселению».

Я вполне разделял их взгляд на выгоды, представляемые усилением болгарского элемента, но, с другой стороны, не мог не указать им на то обстоятельство, что болгарское население, покидая богатейшие местности, отошедшие туркам по Берлинскому договору, тем самым отказывается от всякой надежды когда-либо снова ими завладеть. Исчезновение болгарского элемента там, где водворяются мусульмане, вполне соответствует видам и целям турецкого правительства. Но очевидно опасение за близкое будущее и желание до последней капли крови защищать свою свободу от посягательства турецкого правительства, которое неминуемо, думают они, заставляет их предпочитать вербовать новое пришлое население в свои гимнастические дружества, чем мечтать о том далеком времени, когда все местности, населенные болгарами, будут составлять единое целое.

Я уже имел честь доносить вашему сиятельству о дружестве, организовавшемся в Сливно². В последнее время подобные дружества учредились во всех даже самых незначительных селениях. Все они строго подчинены

центральному дружеству в Филиппополе. От времени до времени в городе появляются прокламации, очевидно, печатаемые в Филиппополе или Сливно, — прокламации, призывающие болгарское население взяться за оружие и жертвовать всем для спасения свободы. Одну из этих прокламаций при сем имею честь препроводить*.

В одном из первых своих донесений я имел честь сказать несколько слов по поводу тех недоброжелательств, с которыми здесь относились местные жители к финансовой комиссии под председательством Шмидта.

Вашему сиятельству известны те беспорядки, которые произвело появление Шмидта в Ямболе. Вскоре после этого события ко мне в вице-консульство явился человек, на лице которого ясно были заметны следы побоев. Человек этот назвал себя Шолле, приказчиком магазина в Одессе. Шолле объявил, что, приехав по торговым делам в Карнабат, он остановился у одного из местных жителей на ночлег; не прошло и часу времени, как толпа болгар окружила здание, где поместился Шолле, и требовала с криком выдачи Шмидта, затем ворвалась в дом, несколько человек из толпы набросились на Шолле и начали его бить. Бог знает, как бы поплатился Шолле, если бы хозяин дома не успел убедить разъяренную толпу, что они имеют дело не с злополучным председателем комиссии. В Бургосе подобную же встречу готовили Шмидту. И лишь слухи о приезде генерал-губернатора Столыпина в Ямболь несколько умиротворили жителей.

Теперь вопрос дня, что будет с Румелией, когда уйдут последние оккупационные войска, а известно, что недалеко это время, повторяются решительно всеми. «Утешительные для нас, — говорят болгары, — слухи о смешанной оккупационной армии умолкли без результата; Европейская комиссия оставила Филиппополь; учреждение гарнизонов турецких в Балканах энергически поддерживается Англией; в окрестностях по гарнизонам на смену русских войск являются уже дикие башибузуки; таким образом, с отходом последней горсти русских нам грозит неминуемая опасность, и мы ничего не пожалеем для спасения нашей свободы, столь дорого купленной для нас Россией».

Примите и проч.

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 204, лл. 15—17. Копия.

Приложение

*1879 г. март**.* — *Воззвание Центрального комитета Южной Болгарии к болгарскому народу с призывом бороться против ввода турецких войск в Восточную Румелию*

Братия!

На границите на страдалческото ни отечество стоят вече хиляди предрешени башибозуци и черкези, гладни и голи, жадни за кръв, отмъщение и плячка.

Още месец и половина и тия разярени кръвници, уж да занемат проходите на Балкана, които Европа постави за да ни раздели от нашите братия, ще нахълтят в земята ни за да внесът в нея огън и разорение.

Месец и половина още тия диви азиатски ордии, предводими от паши и кадии, заптии и мюфтии ще нахлуят в земята ни, за да грабят изново и съблечат народът ни, комуто 500 години са пили кръвта и когото в последните години съвършено разсипаха с ужасните си бесилки и нечути звърства.

Още месец и половина и свободата, на която се радваме сега, тая свобода, испупена с неимоверни страдания и мъки и извоювана с такива огромни жертви, се застрашава да се потъпче и потопа в кърви и разорения и превърне в умразното 5-то вековно иго, в което нашия народ до скоро е плул.

* См. приложение к данному документу.

** Дата документа. Более точно датировать его не удалось.

Още месец и половина и над нас ще дойде да властвува турчина, който значи смърт.

Още месец и половина и пред нас ще са испрече неминуемо — въпроса на смърт или живот.

Подир месец и половина пред нас предстои борба велика, борба ужасна, борба за вера, борба за съществуване. . .

Братия, готови ли сме всички за тая борба?

Готвим ли се всички с належната сериозност и бързина, спрямо ужасаемата близост на борбата; готвим ли се да посрещнем и отблъснем нахълтването на диците азиатски орди, които идат да ликуват над гробът на свободата ни и пепелищата на нашите жилища?

Подир два месеца ние ще искаме да жертвуваме и имот и живот. Но уви! Ще бъде късно.

Братия, спасението ни лежи в наши ръце, ако ние побързаем да посрещнем бъдещето приготвени.

Искаме ли да упазим свободата си, искаме ли да нямаме чужд господар над себе си: нека всичко дадем, нека всичко жертвуваме, нека всичко прекалем и нека направим всичко щото е в ръцете ни, за да са приготвим.

Да бъде проклет — в името на мъчениците, които гният под развалините на Батак и Загора, в името на хилядите ратници, които паднаха за нашата свобода — той който стои равнодушен, който с дух упаднал гледа на бъдещето, и в денят на борбата каже: *не съм готов*.

Братия, денят приближава.

Нека тоя ден ни завари готови всички като един човек да пролеем кръвта си и да изгинем до последний, за да докажем на света че не сме стадо от овци, но че и ние сме народ, и познаваме какво значи да допуснем още веднъж да влезе турчинът да властвува и беснее в страната ни.

В тоя ден, в който ние ще бъдем опълчени против покушителите на свободата ни за нас изоставените сега, ще заехти един глас между деветдесет милиона славяни глас на братско състрадание, глас за помощ, и тия които са днес най-вражеско настроени против нас, в тоя ден ще трепнат пред неспособите на решението което са издали.

Братия, съдбата ни е в ръцете ни.

Пред бога и пред памятта на онези страдалци, които се измрели за нас; пред потомството и историята, пред славянството и човечеството ще бъдем отговорни, ако упаднем духом и пропуснем тоя случай, който уви! Никога не ще се представи втори път.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3288, л 77. Типографский экземпляр.

1. Имеются в виду болгарские беженцы из Адрианопольского округа Фракии.
2. Имеется в виду комитет «Единство».

№ 360

*1879 г. апреля не ранее 10 — не позднее 12 *. — Протокол заседания Центрального комитета Южной Болгарии о средствах на содержание новобранцев в пограничных с Турцией местностях*

Пловдив

Председател: н[егово] блаженство

Присъствуваха: с[вещеник] Г. Тилев, М. Кусевич, х. Д. х. Петров, полковник Кесяков, д-р Чомаков, Т. И. Кесяков, Ал. Людсканов, К. Величков, Г. Консулов.

Заседанието се отвори часът на 5 по пладне.

* Заседание состоялось между 10 и 12 апреля 1879 г. Протоколы предыдущего и последующего заседаний Центрального комитета датированы 9 и 13 апреля 1879 г.

Подигна се въпросът, за средствата и начина на поддържанието на новобранците, който предложи да се дигнат за защита на границите на Южна България¹.

След разискване, събранието реши да се поиска от окръжните комитети да внесът една четвърт от разхвърляните суми и избра за касиер г. Г. Консулова, като постанови, че комитетът ще има право да извършва контрола на касата.

Относително начина на поддържане на новобранците, събранието реши, учредението на интенданство под ведомството на един главен интендантин, спомаган от един помощник, и избра за гл[авен] интендант г. Руска Мирковича от Сливен, за негов помощник — г. Илия Калева от Пловдив.

Г-н полковник Кесяков прие да разпредели между разните окръзи — според членеността и състоянието на населението им — контингента, който ще се дигне от Южна България. Величков съобщи на събранието, че Сливенският комитет пита, дали може да усили караулите по границите на Сливенската губерния.

Това предложение надигна разисквания, които се продължиха без да се дойде до едно заключение.

След това заседанието се затвори*.

НВКМ—ВИА, II В 2268. Подлинник.

1. Имеется в виду мобилизация молодежи из гимнастических обществ, приведение их в боевую готовность для посылки на границу в целях сопротивления вступлению турецких войск (дальнейшее развитие этого вопроса см. в док. 381).

№ 361

1879 г. апреля 11. — Письмо Н. К. Гирса Д. А. Милютину с просьбой дать заключение на проект обращения Александра II к болгарскому населению Восточной Румелии и об установлении демаркационной линии между Северной и Южной Болгарией

Прокламация болгарам Восточной Румелии**¹ уже представлена государю императору для подписания, равным образом и письмо султану***. Мельников озаботится о передаче их генералу Обручеву сегодня же по утверждении их его величеством.

Что касается прокламации болгарам княжества, то спешу представить у сего**** вашему сиятельству проект оной на предварительное ваше рассмотрение*****. Мне кажется, что не будет никакого неудобства, если мы отложим представление этого проекта его величеству до *завтра*, так как генерал Обручев пробудет несколько дней в Константинополе и направится прежде в Восточную Румелию, почему прокламация болгарам княжества может быть отправлена ему в Царьград из Севастополя или Ливадии. Впрочем, если вы считаете это очень спешным, то можно будет представить еще сегодня вечером государю этот проект, если вы не сделаете в нем больших изменений.

Позволю себе сделать еще одно замечание: в проекте прокламации говорится об избранном уже князе. Если избрание не последует к приезду ген[ерала] Обручева или если государь останется при выраженной вчера мысли, что прокламация, будучи подписана теперь, не может говорить

* Подписи отсутствуют.

** См. Н. Р. Овсянников. Русское управление в Болгарии в 1877—78—79 гг., т. III, стр. 69—71; «Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1879—1880». St.-Petersbourg, 1880, p. 207—209.

*** См. док. 363.

**** Так в документе.

***** См. «Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1879—1880», St.-Petersbourg, 1880, p. 205—207.

о факте, еще не совершившемся, то не полагаете ли в сем последнем случае возможным изменить последние фразы прокламации, согласно пометам, сделанным мною карандашом.

Английский посол сообщил мне предложение насчет балканской делимитационной комиссии, о котором мы говорили вчера. Вот как, с разрешения Сализбури, выразил он его: «La commission de délimitation recevra l'instruction de prendre la séparation des eaux des Balkans comme principal guide de la ligne de démarcation entre la Bulgarie et la Roumélie Orientale excepté quand des déviations seront nécessaires pour assurer une frontière *défendable* à la Turquie conformément aux termes du traité — ces déviations devant être déterminées par la majorité de la commission *.

Дюферин *умаливает* меня принять эту редакцию, уверяя, что затем мы легко согласимся с англичанами по всем пунктам и что принятие этого предложения повлечет за собою (*impliquera*) окончательное соглашение по главным вопросам, изложенным в известной вам записке канцлера.

Чтобы не показать вида, что предложение нам уже известно, сказал я ему, что должен посоветоваться с вами и что отвечу сегодня вечером. Согласно принятому вчера решению, полагаю я ответить следующим образом: «*Afin de sortir de l'impasse nous préférons aussi abandonner la terminologie spécialement militaire en disant que la ligne frontière ne pourra dépasser la séparation des eaux, que là où les besoins purement défensifs de cette ligne l'exigeront, mais que si un doute s'élevait sur le caractère offensif ou défensif d'une position les délégués pourraient selon nous en référer à leurs gouvernements*» **.

Благоволите исправить этот проект ответа, если не найдете его правильным. Но признаюсь вам, что я очень порадовался бы, если вы нашли *возможным* изъявить простое согласие на английское предложение. *Personne d'ailleurs n'est meilleur juge que vous dans cette importante question ****, а потому вполне подчиняюсь вашему мнению.

Жду с нетерпением вашего ответа для отзыва Дюферину ².

Искренно уважающий Н. Гирс

ОР ГБЛ, ф. 169, н. 61, д. 1. Автограф.

1. Обращение Александра II к жителям Восточной Румелии было вызвано опасением волнений населения Восточной Румелии в связи с уходом русских войск и могущих возникнуть в результате этого осложнений. Оно было прочитано экархом Иосифом 25 апреля 1879 г. в Филиппополе в присутствии генерала Н. Н. Обручева при большом стечении народа. В этом обращении Александр II подчеркивал, что области гарантировано широкое самоуправление. Он предупреждал, что выступление против Берлинского трактата «может лишь навлечь новые бедствия на вашу страну». По поручению Александра II генерал Обручев успокоил болгар, опасавшихся турецкого нашествия по уходе русских оккупационных войск. Он сообщил об обещании султана не вводить войска в Восточную Румелию. Обручев заявил им: «Вы теперь не беззащитны. . . у вас есть хотя молодое, но brave войско, у вас есть значительное количество оружия. . . Относительно беспокоящего вас постановления Берлинского конгресса о турецких гарнизонах в Балканах Россия примет меры и употребит все свое влияние, чтобы оно не приводилось в исполнение». Целью прокламации и поездки Обручева по Восточной Румелии было успокоить возбужденное болгарское население и дать ему понять, что Россия не допустит возрождения турецкого режима (см. 68, т. III, стр. 68—72, а также 5, стр. 207—209).

* Делимитационная комиссия получит инструкцию принять балканский водораздел за основной показатель демаркационной линии между Болгарией и Восточной Румелией, за исключением тех случаев, когда будут необходимы отклонения, чтобы, согласно условиям трактата, обеспечить Турции оборону границ — эти отклонения должны быть определены большинством комиссии (фр.).

** Чтобы выйти из тупика, мы предпочитаем отказаться от специальной военной терминологии, говоря, что пограничная линия не сможет выйти за пределы водораздела, что диктуется необходимостью обороны, но что если возникнет какое-либо сомнение относительно оборонительного или наступательного характера той или иной позиции, то делегаты смогут, как мы думаем, снестись по этому вопросу со своими правительствами (фр.).

*** Впрочем, об этом важном вопросе никто не может судить лучше вас (фр.).

2. В дневнике Д. А. Милютина от 7 апреля 1879 г. записано: «Политика в застое. . . Продолжается только назойливое со стороны англичан препирательство с нами о том, что считать пунктами принципиальными при определении новых границ Болгарии и Румелии и что частностями (détails), предоставляемыми решению делимитационных комиссий большинством голосов. . . Мы считаем принципиальным условием проведение границы по гребню хребта (la crête), по водоразделу; англичане домогаются, чтобы мы предоставили большинству комиссии окончательно решать все вообще отступления от означенной нормальной линии, но мы не можем согласиться на такое широкое толкование слова question de détail. На этом пока и остановились препирательства между лордом Дюффеорином и Гирсом» (см. 57, стр. 136—137).

Видимо, Д. А. Милютин согласился с этим проектом, и 19 апреля 1879 г. Н. К. Гирс сообщил А. М. Горчакову из Ливадии, что Александр II принял предложение Дюффеорины о делимитации Восточной Румелии (АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д, 45, л. 23 об.).

№ 362

*1879 г. апреля 11. — Предписание начальника войск восточно-румелийской милиции К. И. Кесякова об организации обучения населения военному делу **

№ 895

Филиппополь
Конфиденциально
Циркулярно

Для придания сельским караулам и гимнастическим обществам необходимой организации и более прочного основания в обучении посылаемые до настоящего времени учителя от дружин, считая недостаточным для той массы обучающегося народа, которая оказалась по статистическим данным, а потому в отмену всех прежде данных распоряжений предписываю:

1. Так как обучение народной милиции возложено на 9 восточно-румелийских дружин, а Румелия в гражданской администрации подразделена на количество округов, превышающее число дружин, то на долю некоторых придется обучение жителей двух и более округов, для чего каждая дружина особо будет снабжена планом и расписанием района, который она должна обучать.

2. Каждый район, назначенный для дружины, разделяется на число участков соответственно количеству полурот в дружине; так, например, округ или два, доставшиеся на дружину, делятся на 8 частей; две такие части, непременно соседние, приходятся на роту. Ротный командир, получив назначенный ему участок, выбирает в нем (если в расписании не будет назначено) два центральных пункта по отношению сел своего участка и занимает оба эти пункта пополюротно, и затем разделяет между полуротами доставшееся количество сел соответственно количеству обучающихся.

3. Из назначенных для полуротоцентральных пунктов учителя расходятся по определенным для них селам, в которых, не отрывая людей от полевых работ, обучают ежедневно, выбирая для этого такие часы, в которые люди свободны, например по вечерам, т. е. по окончании полевых работ.

4. Ежедневно в рабочие дни на обучение употреблять один час.

5. Ввиду того что в Южной Болгарии от святой пасхи до вознесения по четвергам народ не работает в поле, то в сказанные дни, а также и по воскресеньям все обучающиеся жители должны быть сводимы учителями в центральные полуротные пункты для производства занятий под непосредственным наблюдением командира роты, для чего ротный командир и должен на одном сборном пункте присутствовать до обеда на учении, а в другом — после обеда, соблюдая при этом очередь с таким расчетом, чтобы собранной части, обучавшейся утром, в следующий сбор приходилось бы вечером. По окончании сводных учений люди распускаются по домам до следующего четверга или воскресенья.

* См. док. 323 и примечание к нему.

6. В программу ежедневных занятий ввести следующие:

а) прикладку;

б) сборку и разборку винтовки, чистку и правила сбережения ее, причем внушить людям, что несбереженное ружье в скором времени превращается в простую палку, а потому при несбережении его не будет достигнута цель, для которой назначается оно, и в день, когда потребуется защита отечества и себя от нападения врага, испорченное ружье не в состоянии будет защитить, вследствие чего, в данную минуту ружье является для народа драгоценностью, которую должно беречь, как глаз свой;

в) обучать рассыпному строю и окапыванию; на последнее обратить особенное внимание, так как с усовершенствованием огнестрельного оружия умение скоро окопаться, затрудняя действия противника, наносит ему большой вред и вместе с тем значительно уменьшает потери защищающегося, поэтому и приучать людей в самое незначительное время — от 15 до 20 минут — выкапывать стрелковые ровики по прилагаемой профили, для чего люди, рассчитанные на звенья, рассыпаются, и каждое звено должно выкопать для себя ложемент. Для снабжения людей необходимым инструментом с окружными начальниками будет сделано надлежащее сношение;

г) прикладке учить с двух положений: стоя и лежа, а из-за бруствера и с колена;

д) по проверке правильности прикладки и прицелки приступить к практической стрельбе, на прохождение каковой полагается по 15 патронов;

е) стрельба должна произойти на дистанции 200, 280, 400, 600 и опять на 200 шагов, считая на каждую дистанцию по три патрона, причем, как и на сбережение ружья, обратить внимание людей и на сбережение патронов, напоминая им, что количество патронов у нас весьма ограниченное, а потому каждый патрон, сохраненный своевременно, в критический момент будет стоить жизни врага.

7. Время на вышесказанные занятия будет дано от двух до трех недель; во всяком случае на прекращение их будет особое распоряжение.

8. Русских инструкторов, посланных для обучения жителей прежними распоряжениями, отнюдь не сменять, а пользоваться их содействием как учителями, уже ознакомившимися с предпринимаемым делом, и руководить их занятиями.

9. На учителей, старших в селе, возложить обязанность вести списки обучающимся с пометками, кто из них снабжен оружием и кто такового не имеет; на первых возложить и ответственность за сохранение патронов и оружия, заявив им, что за порчу и несохранение оружия на виновных будут возлагаться штрафы и починка производиться на их счет.

10. Ротные командиры должны озаботиться доставлением им статистических сведений от всех сел принадлежащих им участков. В сведения должно быть внесено количество жителей мужского пола взрослых, количество домов, лошадей и повозок. Сказанные в 9-м пункте списки и в настоящем статистические сведения должны быть представлены ротным командиром в дружину в двух экземплярах, из коих один должен быть доставлен мне.

11. Довольствие людям производить только тем, которые будут находиться при ротных дворах и исполнять обязанности, относящиеся к ротам; назначенных же учителями должны довольствоваться обыватели тех сел, в коих учителя обучают жителей; кроме того, в вознаграждение учителей выдавать им из приварочных денег, остающихся за недовольствием из котла: унтер-офицерам — по 18, а рядовым — по 12 коп. кредитными билетами в сутки и хлеб на них не требовать.

12. Собравши статистические данные, согласно пункта 10-го, на ротных командиров возлагается обязанность завести сельские почты между всеми селами обучаемого его ротою участка с таким расчетом, чтобы на сто жителей мужчин приходилось по пяти лошадей.

13. За всеми сведениями и содействием от гражданских властей обращаться к местным окружным начальникам, о чем им особо дано на этот предмет распоряжение.

14. Обучение жителей должно вестись усердно и энергически, почему и прошу гг. офицеров как начальников, под непосредственным наблюдением коих должны производиться сказанные обучения, приложить все свое внимание к этому делу, имея в виду, что в минуту необходимости защиты края обучаемая народная милиция должна будет вступить в отряды рот нашего войска для приведения их в состав дружины или другой какой боевой части; поэтому польза серьезных и обстоятельных занятий настолько очевидна для каждого из нас, что считаю излишним рекомендовать требовать усиленных занятий от гг. офицеров, своею кровью запечатлевших свободу Болгарии, и призванных солдат — оплот этой свободы в лице войска и народной милиции.

Остаюсь уверенным, что каждый поймет требуемое от нас и исполнит его с сочувствием и полною преданностью этому делу.

Присовокупляю, что при стрельбе в цель следует собирать гильзы и передавать в роты, а из роты в дружины для хранения.

Начальник войск восточнорумелийской милиции гвардии-полковник

Кесяков

Старший адъютант подпоручик Данулов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 113, лл. 38—41 об. Подлинник. Литографированный экземпляр.

№ 363

*1879 г. апреля 13. — Письмо Александра II турецкому султану Абдул-Хамиду о выполнении решений Берлинского конгресса относительно Восточной Румелии **

Sire, j'ai déjà donné à votre majesté l'assurance de mon vif désir de contribuer de tout mon pouvoir à l'apaisement des agitations qui ont survécu aux derniers événements de l'Orient. Je lui en offre un nouveau gage en confiant aujourd'hui à mon aide de camp général Obroutcheff la mission de se rendre à Constantinople afin de ne laisser à personne aucun doute sur mes vues pacifiques **. Il est chargé de parler dans ce sens en mon nom aux populations de la Roumélie Orientale et de leur faire clairement comprendre que mes intérêts, les leurs, ceux de la Turquie et de l'Europe exigent une loyale exécution du traité de Berlin; que je suis fermement résolu à le remplir pour ma part et qu'elles se nuiraient à elles-mêmes en y mettant obstacle. J'aime à espérer que dans ce moment décisif où, vu l'excitation des esprits, une étincelle pourrait allumer un incendie, votre majesté me secondera dans mes efforts d'apaisement, en ménageant les éléments modérés qui luttent, avec l'appui de mes autorités militaires temporaires contre les entraînements populaires et en évitant toute mesure propre à mettre aux prises les passions déchaînées. Je crois qu'en suivant de concert cette marche prudente, nous agissons dans l'esprit des transactions sanctionnées par nous, qui ont eu pour but de rendre la paix à l'Orient. J'espère que nous parviendrons ainsi à affermir cette paix et à éviter de nouvelles crises où les intérêts de votre majesté et les miens seraient fatalement engagés. Votre majesté peut compter sur moi comme j'aime à compter sur elle et je me féliciterai sincèrement si cette communauté de vues conciliantes et pacifiques rétablit entre nous une bonne entente qui est dans mes vœux et que je crois conforme à nos mutuels intérêts. Je recommande le général Obroutcheff à la bienveillance de votre majesté et la prie d'ajouter

* См. док. 385.

** См. Н. Р. Овсянныи. Русское управление в Болгарии в 1877—78—1879 гг., т. III, стр. 69—71.

foi à ce qu'il lui dira de ma part, ainsi qu'aux assurances qu'il lui portera de ma sincère estime et de ma haute considération.

Революция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 142, лл. 6—7 об. Отпуск.

Перевод

Ваше величество, я уже говорил вам о моем горячем желании способствовать, насколько это в моей власти, успокоению волнений, не прекращающихся со времени последних событий на Востоке. Представляю вашему величеству доказательство этого, доверяя сегодня генерал-адъютанту Обручеву миссию отправиться в Константинополь, чтобы ни у кого не оставить сомнений насчет моих миролюбивых взглядов. Ему поручено обратиться в этом смысле от моего имени к населению Восточной Румелии и дать ему ясно понять, что мои интересы, так же как и его интересы, интересы Турции и Европы требуют честного выполнения Берлинского трактата; что я со своей стороны твердо намерен выполнить его, что население причинит вред себе же, если будет этому противодействовать. Я хочу надеяться, что в этот решающий момент, когда из-за возбужденного состояния умов от искры может разгореться пожар, ваше величество поможет мне в моих усилиях по умиротворению, проявляя заботу об умеренных элементах, борющихся, при поддержке временных военных властей, против стихийных действий народа и избегая всяких мер, могущих привести к взрыву разбушевавшихся страстей. Мне кажется, что, сообщая следуя этим осторожным путем, мы будем действовать в духе утвержденных нами соглашений, имеющих целью восстановление мира на Востоке. Я надеюсь, что таким образом нам удастся укрепить мир и избежать новых кризисов, которые неизбежно затронули бы интересы вашего величества и мои. Ваше величество можете так же рассчитывать на меня, как я рассчитываю на ваше величество, и я буду искренне рад, если эта общность миролюбивых взглядов приведет к установлению доброго согласия между нами, к которому я стремлюсь и которое считаю соответствующим нашим взаимным интересам. Рекомендую благосклонному вниманию вашего величества генерала Обручева и прошу вас отнестись с доверием к тому, что он сообщает вам от моего имени, равно как и к его уверениям в моем искреннем уважении и глубоком почтении к вашему величеству.

№ 364

1879 г. апреля 15. — Приказ К. И. Кесякова командиру войск Сливенской бригады И. Доршпрунг-Целице о приведении дружин восточнорумелийской милиции в боевую готовность

№ 1343

Сливно

Предлагаю вашему высокоблагородию предписать командирам частей вверенного вам санджака выступить из мест настоящего их расположения:

18-го текущего месяца — 2-й Ямбольской дружине в полном составе и расположиться: одной роте в Гаване, штаб-квартире, и одной роте в Кизыл-Агач, одной роте в Буюк-Боялык и одной роте в Кизыл-Идуси-Клис.

Того же числа выступить и 3-й Бургасской дружине и расположиться одной роте в Алатино, штаб-квартире, и одной роте в Русо-Кастро, одной роте в Айдосе и одной роте в Бургасе, причем предлагаю в Алатино назначить самого способного и лучшего ротного командира.

1-я Сливенская дружина [имеет] выступить и занять двумя ротами Тырново-Сейменли и двумя ротами Германли, но относительно выхода этой дружины мною будет сделано особое распоряжение.

Ротным командирам в районе сел, расположенных около центральных пунктов, продолжать занятия с сельскими караулами, а в случае нужды притягивать к себе все вооруженное население, превращая при этом роту в дружину, смотря по численности людей.

Возложить на командиров дружин всю ответственность за всякое нападение и грабеж с нашей стороны как в районе дружин, так и за границей в турецких владениях, будь он произведен со стороны мирных жителей

или войск. Вменить им также в обязанность объяснить жителям, что в скором времени будет проходить Европейская комиссия, которой назначено провести границу между турецкими владениями и освобождаемой Южной Болгарией, т. е. Румелией, и что охрана этой границы составит святой долг всякого болгарина и каждый из нас должен лечь костью за защиту ее, дабы не допускать перехода хотя бы одного вооруженного турка. О времени прибытия и расположения рот в назначенных местах командиры дружин имеют донести мне по телеграфу ¹.

В случае сборов со стороны турок или нападения с их стороны давать немедленно знать прямо мне и вашему высокоблагородию по телеграфу и стараться во что бы то ни стало отразить нападение, каких бы жертв это ни стоило нам, а если силы неприятеля будут настолько велики, что мы не будем в состоянии устоять, то сборными пунктами рот 2-й Ямбольской дружины назначается Беижкой—Ямболь, а для 3-й Бургасской дружины—Русо-Кастро—Ямболь.

В случае столкновения и тем более отступления вменить в обязанность гг. дружинным командирам ни в каком случае не оставлять раненых и пользоваться для перевозки таковых в безопасное место всеми возможными средствами, назначив заблаговременно исключительно для этой цели подводы со всего района расположения частей, стараясь по возможности возложить эту повинность одинаково на всех жителей.

Конной сотне 17-го числа отправиться в полном составе в расположение 4-го драгунского полка и вступить в распоряжение командира его, которому явиться для изучения саперного дела.

Подлинный подписал начальник войск румелийской милиции
гв.-полковник Кесяков

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8908, ч. 113, лл. 43—45. Заверенная копия. Литографированный экземпляр.

1. Турция искала повода ввести свои войска в Южную Болгарию, для чего она, по данным западной печати, сосредоточила на границах Южной Болгарии I армейский корпус (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8792, л. 142).

№ 365

1879 г. апреля 16. — Протокол собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии о выработке программы действий и об отказе болгарского экзарха Иосифа от поста председателя Центрального комитета

11 часа преди пладне, Пловдив

В това заседание, в което присъствуваха председатели на Централния комитет и [егово] блаженство Българският екзарх, подпредседателя на комитета с[вещеник] Г. Тилев и членовете: архимандрит Методия Кусевич, д-р Чомаков, х. Димитър, х. Петров, Костадин Величков и Александър Людсканов. Н[егово] блаженство след като поблагодари на представителите на Южна България *, гдето са показали точни на призовката на Централния комитет и са се събрали на означеното време в Пловдив, обяви събра-нието на представителите на Южна България *отворено*.

Понеже времето приближава за идването на Европ[ейската] междуна-родна комисия ¹, която ще начне прилаганието в действие решенията на Берлинския конгрес, вий г. г. представители, каза и [егово] блаженство, сте свикани да решите линията на нашето поведение спрямо това ни положение. Без да искам да повлияя предрешението на тоя толкова важен въпрос, аз съм длъжен да ви напомня, че вие трябва да земнете във внимание желанието

* См. док. 356.

на Европа изобщо, на Русия частно — положението на нашата страна, и силата и средствата на неприятеля (турците). Вий, господа, трябва да обмислите тоже и последствията от всяка линия на поведението; тъй щото каквото решение и да земете да не бъде гибелно за страната и да се покажем умни пред Европа.

Негово блаженство заяви, че в това заседание, което е предварително, ще се прегледат само пълномощните, и на 17 того, по причина празника на раждането на императора *, заседанието няма да стане, а се отлага за 18-й. В това разстояние на един ден и половина, прибави н[егово] блаженство, вие г. в. представители, ще имате време да се срещнете с разни личности и да си съставите по-правилен възглед за положението ни.

След това н[егово] блаженство помоли събранието да приеме оставката му от председателството на Централ[ния] комитет на Южна България като се основа на заявлението, което той е направил на 28 марта, именно, че той тогава е приел председателството на Ц[ентралния] комитет, с условие да води делото само до днешното събрание, и че тогава още си е дал причините, по които той не може да бъде за повече председател на Ц[ентралния] комитет и които той мисли, че всеки представител ще ги намери за благословни. Н[егово] блаженство изяви, че е готов да помогне разискванията и решенията на всякой въпрос.

С[вещеник] Г. Тилев помоли н[егово] блаженство, от страна на членовете на Ц[ентралния] комитет, да се обясни по-напросто върху предмета на даването на оставката си, за да не би да са претълкува зле от страна на някого.

Целта на този комитет (Централ[ен]) е да работи против Берлинския трактат; понеже по-после аз ще трябва да защитавам правата на българите въвн от Източна Румелия и в Македония като се опирам на Берлинския трактат, [а] ако аз сега продължавам да бъда председател на Ц[ентралния] комитет, моите действия ще бъдат непоследователни и аз ще загубя правото си да защитавам тия българи, каза н[егово] блаженство, причина най-благословна, която може да убеди всекиго да ми приемни оставката.

След възраженията на няколко от представителите, въпросът за оставката на н[егово] блаженство остана висящ, да се разгледа в друго заседание.

След това н[егово] блаженство са оттегли от заседанието, понеже са чувствувал болен, като остави на мястото си подпредседателя с[вещеник] Г. Тилев.

Най-сетне прочетоха се пълномощните на представители-те, които се и намериха правилни и според които се намери, че са дошли и присъствуват:

П л о в д и в с к и й о к р ъ г

г. г. Иван П. Герджиков
Григор Караджов
Мамин Попов и
Костадин х. Калчов

Ч и р п а н с к и й о к р ъ г

Янко Т. Кочев
Бончо Савов
Данчо Георгиев
Михаил Попов

К а з а н л ъ ш к и й о к р ъ г

д-р Т. И. Стоянов
Стефан Карапетров
Стефан Костов
Христо П. Йосифов

К а р л о в с к и й о к р ъ г

д-р Л. Н. Дагоров
Христо М. Астарджиев
Иван Донков
Никола Богданов

С л и в е н с к и й о к р ъ г

Р. В. Миркович
д-р Н. Планински
Спас Кожухаров
Панайот Г. Попович

Я м б о л с к и й о к р ъ г

Киро Георгиев
Георги х. Панайотов
Курти Киров
Видю Монеv

* Александр II.

Ново-Загорский
окръг

г. г. Петър Едрев
Стоян Сивков
Иван Бошков
Димитрий Начев

Карнобатский
окръг

д-р К. Догоров
Минай Попов

Бургаский окръг

Иван х. Петров
Андрей Топраклиев
Сава х. Дечов

От следующие окръзи: Татар-Пазарджик, Хаской, Стара-Загора, Харманлий, Айтос, Казъл-Агач и Ахило-Месемврия представители още не са пристигнали за това заседание и след[ователно] отсъствуваха.

Заседанието се отложи за 10 часа преди пладня, 18 април *.

НБКМ—БИА, II В 2268. Подлинник.

1. Европейской комиссии было поручено ввести в действие выработанный ею Органический устав Восточной Румелии.

№ 366

1879 г. априля 17(29). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу
об избрании болгарским князем Александра Баттенберга **

№ 44

Ternovo

Monsieur le secrétaire d'Etat!

J'ai l'honneur de porter à la connaissance de votre excellence que le prince Alexandre Battenberg a été élu aujourd'hui à l'unanimité prince de Bulgarie ***.

Le commissaire impérial a ouvert l'assemblée à 11 heures en présence du commissaire ottoman et des délégués étrangers par un discours, dans lequel le prince Dondoukow a fait la déclaration officielle que sa majesté l'empereur notre auguste maître n'autoriserait aucun de ses sujets à accepter le trône de Bulgarie.

Le prince a relevé dans son discours l'importance de l'élection qui allait avoir lieu; il a dit qu'elle se ferait en toute liberté, a insisté sur la nécessité d'avoir terminé promptement et, si possible, le jour même, et a nommé Mgr. Anthyme président de l'assemblée en lui réservant le droit de désigner les vice-présidents et le bureau. En même temps, le prince a ajouté que pour assurer la liberté pleine et entière de la discussion, le président de l'assemblée aurait le droit de déclarer, s'il le jugeait convenable, que la séance se passerait à huis clos.

Le protocole d'ouverture a été signé par tous les délégués étrangers, quant au commissaire ottoman, il s'est réservé de signer plus tard à la réception d'instructions à ce sujet.

Le commissaire impérial se retira, suivi des représentants étrangers aussitôt après la signature du protocole.

Les formalités, telles que la nomination des vice-présidents et du bureau et l'appel nominal des membres de l'assemblée ayant été remplies, mgr. Clément, évêque de Ternovo, monta à la tribune et prononça un discours dans lequel il dit que l'on avait parlé de trois candidats sérieux pour le trône de Bulgarie: le prince Woldemar de Danemark, le prince Reuss et le prince Alexandre

* Следуют подписи 32 представителей комитетов.

** См. протокол Народного собрания в Тырнове от 17 апреля 1879 г. об избрании князем Александра Баттенберга (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3249, л. 342).

*** См. прим. 2 к док. 307.

Battenberg; après avoir dit quelques mots sur les inconvénients qu'offrirait l'élection de l'un ou l'autre des deux premiers candidats, il parla longuement du prince Alexandre, de sa proche parenté avec la famille impériale de Russie, des mérites personnelles qu'on se plaisait généralement à reconnaître au jeune prince et releva que seul de tous les candidats dont on avait parlé, il avait combattu pour la Bulgarie. Il conclut en disant, que ce serait sur lui que devraient se porter les suffrages unanimes de la nation. A ces dernières paroles, l'assemblée se leva comme un seul homme en criant: «Да живее князь Александр!»

Le son des cloches annonça aussitôt à la ville que l'élection avait eu lieu; une foule énorme se réunit devant le palais de l'assemblée et se porta, musique en tête, chez le commissaire impérial. Le prince Dondoukow harangua la foule qui l'interrompit à plusieurs reprises par les cris de: «Да живее царь Александр, да живее царь освободитель!» — Lorsque le prince eut achevé son discours, on acclama le nouvel élu de la nation, et la foule, s'emparant du prince Dondoukow, le porta à bras au palais de l'assemblée. Là encore il y eut discours et démonstrations bruyantes de joie et d'enthousiasme, après quoi le prince fut ramené chez lui en triomphe.

Un moment après l'assemblée se rendit auprès du commissaire impérial et Mgr. Anthyme soutenu par les deux vice-présidents, — Mgr. Grégoire, évêque de Roustchouk et Mr. Karavélow, — lui remit l'acte de l'élection et l'informa que l'assemblée le priait de désigner les membres de la députation qui se rendrait auprès du prince Alexandre Battenberg pour lui communiquer qu'il avait été élu prince de Bulgarie et recueillir de sa bouche son acceptation du trône qu'on lui offrait.

La foule qui stationnait devant la maison, non contente d'avoir déjà porté le prince Dondoukow en triomphe le força, lui et la princesse, à monter en calèche et les traîna au milieu de cris d'allégresse et sous une pluie de fleurs jusqu'à un endroit, où, sous le régime turc, on faisait subir aux Bulgares la peine capitale. Là encore il y eut discours, hourras enthousiastes etc. Pendant tout le reste de la journée, toute la ville a été en fête et ce soir il y a illumination.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le secrétaire d'Etat, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. Davydow

Помета о получении: Реçu le 22 Avril.

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 913, ч. 1, л. 241—243 об. Подлинник.

Перевод
Тырново

Господин статс-секретарь!

Имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что князь Александр Баттенберг был сегодня единодушно избран князем болгарским.

В 11 часов, в присутствии оттоманского комиссара и иностранных депутатов, императорский комиссар открыл собрание речью, в которой он официально заявил о том, что его императорское величество наш августейший повелитель не дозволит никому из своих поданных принять трон Болгарии.

Князь подчеркнул в своей речи важность предстоящего избрания; он сказал, что оно будет происходить при полной свободе, настаивал на необходимости закончить его скоро и, если возможно, в тот же самый день, и назначил его высокопреосвященство Анфима председателем собрания, предоставив ему право назначать вице-председателей и бюро. При этом князь добавил, что для обеспечения полной и широкой свободы обсуждения председатель собрания вправе заявить, если он сочтет нужным, что заседание будет происходить при закрытых дверях.

Протокол открытия был подписан всеми иностранными делегатами; что же касается оттоманского комиссара, он оставил за собой право подписать его позже, по получении инструкций по этому поводу.

Тотчас по подписании протокола императорский комиссар удалился в сопровождении иностранных представителей.

Как только такие формальности, как назначение вице-председателей и бюро и поименная переключка членов собрания, были выполнены, его преосвященство тырновский митрополит Климент поднялся на трибуну и произнес речь, в которой сказал, что стоит вопрос о трех серьезных кандидатах на болгарский трон: о князе Вольдемаре Датском, о князе Рейссе и князе Александре Баттенберге; сказав несколько слов о неудобствах, представляемых избранием того или другого из первых двух кандидатов, он долго говорил о князе Александре, о его близком родстве с российской императорской фамилией, о всеми признаваемых за молодым князем личных заслугах и подчеркнул, что он единственный из всех упомянутых кандидатов сражался за Болгарию. В заключение он сказал, что именно его (князя Александра) должен единодушно поддержать голос нации. При этих словах собрание встало как один человек, восклицая «Да живее князь Александр!»

Звук колоколов тотчас возвестил городу, что избрание состоялось, огромная толпа собралась перед дворцом собрания и двинулась во главе с музыкантами к императорскому комиссару. Князь Дондуков держал речь перед толпой, неоднократно прерывавшей его возгласами: «Да живее царь Александр, да живее царь освободитель!» Когда князь закончил свою речь, народ устроил овацию своему избраннику, и толпа, завладевшая князем Дондуковым, понесла его на руках к дворцу собрания. Там также была произнесена речь и состоялись шумные демонстрации радости и энтузиазма; после этого князя торжественно проводили домой.

Сразу же после этого собрание отправилось к императорскому комиссару, и его высокопреосвященство Анфим, сопровождаемый обоими вице-председателями — его преосвященством Григорием, митрополитом Руцукским и г-ном Каравеловым, передал ему акт избрания и сообщил ему, что собрание просит его назначить членом депутации, которая отправится к князю Александру Баттенбергу, чтобы сообщить ему о его избрании князем Болгарии и услышать из его уст согласие на предложенный ему трон.

Находившаяся перед домом толпа, не удовлетворенная оказанными князю Дондукову почестями, заставила его и княгиню сесть в коляску и повезла их с радостными криками и под дождем цветов до того места, где при турецком режиме предавали болгар смертной казни. Там также была произнесена речь, раздавались восторженные возгласы «ура» и пр. Весь день город ликовал, и вечером была устроена иллюминация.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господина статс-секретарь, вашего высокопревосходительства нижайшим и покорнейшим слугой

А. Давыдов

Помета: Получено 22 апреля.

№ 367

1879 г. апреля 17 (29). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу о намерении Турции соблюдать автономию Восточной Румелии¹

№ 69

Péra

Monsieur le secrétaire d'Etat!

J'ai eu l'honneur de recevoir la dépêche secrète que Mr. le chancelier de l'empire m'a adressée en date du 20 Mars *, et j'ai attendu, pour y donner suite, que le ministre d'Angleterre eût fait à la Porte la communication convenue entre son altesse et lord Dufferin relativement à la Roumélie Orientale **.

C'est hier que Mr. Mallet s'est acquitté des ordres de son gouvernement. Nous nous sommes rencontrés avec lui chez Carathéodory pacha, et celui-ci m'a montré, en sa présence, les copies textuelles de la note de lord Dufferin et de celle de Mr. le chancelier de l'empire, qui venaient de lui être remises.

Le ministre des affaires étrangères me donna à cette occasion l'assurance que la Porte avait la ferme résolution de respecter les privilèges accordés à la

* АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 42, лл. 30—31.

** См. док. 361 и прим. 2 к нему.

Roumélie Orientale et qu'elle se proposait de profiter de la promulgation du Règlement organique pour en faire la déclaration publique*.

Le même jour j'adressai à Carathéodory pacha la note ci-jointe à laquelle j'annexai les copies des notes russe et anglaise.

Aléko-pacha est attendu ici dans quelques jours. Les dernières nouvelles que l'on a de lui sont de Vienne. J'ai dit à Carathéodory pacha que, selon moi, la principale condition pour que la tranquillité de la Roumélie Orientale ne soit pas troublée, c'est que les troupes turques n'y entrent pas; les entretiens, que j'avais eus tant avec lui qu'avec le grand vézir, m'avaient donné la conviction que la Porte n'avait aucune intention de profiter des droits que lui accorde le traité de Berlin, mais cela ne suffisait pas: il fallait que dans la population même il n'y eût aucun doute à ce sujet, et pour cela je pensais que la Porte agirait prudemment en autorisant Aléko pacha à faire dès son arrivée dans le pays une déclaration qui rassure les esprits. Je ne voulais pas préjuger la forme de cette déclaration, mais il serait facile d'en trouver une qui satisfasse la population sans compromettre la dignité de la Porte; l'art. 16. du traité de Berlin n'autorisant l'appel des troupes ottomanes que dans le cas où la sécurité intérieure ou extérieure de la province serait menacée, Aléko pacha pourrait annoncer que la Porte n'a l'intention de recourir à ce moyen qu'à la dernière extrémité et qu'il dépendra de la sagesse de la population que cette éventualité ne se réalise jamais.

Carathéodory entra parfaitement dans cet ordre d'idées, et me promit d'en parler avec le grand vézir aussitôt qu'Aléko pacha serait arrivé.

Veillez agréer, monsieur le secrétaire d'Etat, l'assurance de ma haute considération

Lobanow

P. S. J'ai l'honneur de placer sous les yeux de votre excellence la copie du dernier rapport que j'ai reçu de Mr. le général Stolypine.

Ut in litteris

Lobanow

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 38, лл. 99—100 об. Подлинник.

Приложение

*1879 г. апреля 16 (28). — Нота А. Б. Лобанова-Ростовского
Каратеодори-паше о гарантии автономии Восточной
Румелии со стороны Англии и России*

№ 302

D'ordre du gouvernement impérial, j'ai l'honneur de communiquer à votre excellence les deux pièces ci-jointes qui ont été échangées le 17 (29) Mars dernier entre Mr. le chancelier de l'empire et Mr. l'ambassadeur d'Angleterre à St. Pétersbourg.

Elles constatent que le gouvernement impérial et celui de sa majesté britannique ont la ferme résolution d'insister sur l'inviolabilité des droits et privilèges administratifs octroyés à la Roumélie Orientale et que pour sa part le gouvernement impérial usera de toute son influence pour engager la portion bulgare de la population rouméliote à se soumettre sans résistance à l'organisation élaborée par la Commission européenne.

Je saisis cette occasion etc. etc.

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 38, л. 101. Копия.

* См. док. 327 и примечание к нему.

Господин статс-секретарь!

Я имел честь получить секретную депешу, которую государственный канцлер направил мне от 20 марта, но прежде, чем на нее ответить, я ожидал, когда английский министр сделает Порте заявление, о котором было условлено между его светлостью и лордом Дюфферином относительно Восточной Румелии.

Вчера г-н Малет выполнил приказание своего правительства. Мы встретились с ним у Каратеодори-паши, и последний показал мне в его присутствии текстуальные копии нот лорда Дюфферина и государственного канцлера, которые только что были ему переданы.

Министр иностранных дел в связи с этим заверил меня, что Порта твердо намерена уважать привилегии, предоставляемые Восточной Румелии, и собирается воспользоваться обнаружением Органического устава, чтобы сделать об этом официальное заявление.

В тот же день я направил Каратеодори-паше препровождаемую при сем ноту, к коей присовокупил также копии русской и английской нот.

Ждут прибытия Алеко-паши через несколько дней. Последние сообщения от него поступили из Вены. Я сказал Каратеодори-паше, что, по моему мнению, главное условие сохранения спокойствия в Восточной Румелии состоит в том, чтобы турецкие войска не были туда введены. Мои беседы как с ним, так и с великим визирем, убедили меня, что Порта нисколько не намерена воспользоваться правами, предоставленными ей Берлинским трактатом, но что этого не достаточно; нужно, чтобы у самого населения не было никакого сомнения на этот счет, и поэтому я думаю, что Порта поступила бы благоразумно, разрешив Алеко-паше сделать по прибытии в страну заявление, которое бы успокоило умы. Я не хочу заранее определять форму этого заявления, но было бы легко найти такую, которая удовлетворила бы население, не компрометируя достоинства Порты; ввиду того что ст. 16 Берлинского трактата позволяет призыв турецких войск только в том случае, когда внутренняя или внешняя безопасность провинции находится под угрозой, Алеко-паша сможет заявить, что Порта намерена прибегнуть к этому способу только в случае крайней необходимости и что от благоразумия населения зависит, чтобы эта возможность никогда не стала действительностью.

Каратеодори совершенно вошел в этот круг идей и обещал мне поговорить об этом с великим визирем сразу же, как только приедет Алеко-паша.

Соблаговолите принять, господин статс-секретарь, уверение в моем глубоком почтении
Лобанов

P. S. Имею честь передать вашему сиятельству копию последнего донесения, которое я получил от генерала Столыгина.

ut in litteris *
Лобанов

Приложение

Согласно приказу императорского правительства имею честь передать вашему сиятельству два при сем прилагаемых документа, коими обменялись 17 (29) марта с. г. государственный канцлер и английский посол в Санкт-Петербурге.

Они констатируют, что императорское правительство и правительство ее британского величества твердо намерены настаивать на нерушимости прав и административных привилегий, предоставленных Восточной Румелии, и что императорское правительство со своей стороны упребит все свое влияние, чтобы побудить болгарскую часть румелийского населения без сопротивления подчиниться организации, выработанной Европейской комиссией.

Пользуюсь случаем и пр.

1. Этим документом завершалась дискуссия по вопросу о смешанной оккупации (см. док. 219, 285, 295, 312, 327, 333).

* Подлинное написал (лат.).

1879 г. не позднее апреля 17 *. — Записка А. М. Дондукова-Корсакова о подготовке мятежа турецкого населения в княжестве Болгарии

Командированный для ревизии восточных губерний Болгарского княжества управляющий отделом внутренних дел генерал-майор Грессер, между прочим, доложил мне о том крайне возбужденном состоянии, которое замечено в последнее время в среде местного турецкого населения.

Повсюду среди турок замечается какое-то глухое брожение и какие-то приготовления, цель которых пока нельзя еще определить окончательно **.

Наиболее зажиточные из них, не скрывая, готовились к выселению из края, продавали поспешно принадлежащую им собственность и высылали свои семейства в Константинополь, оставаясь до времени лично на месте и даже продолжая иногда свои служебные занятия в различных административных и судебных учреждениях.

Собранные генералом Грессером в г. Варне кметы-турки при обсуждении вопроса о сельском общинном управлении, говоря о дошедших до них сведениях о предстоящей для турецкого населения воинской повинности¹, совершенно открыто заявили, что в болгарскую армию они детей своих не дадут, что они могут быть солдатами только в армии турецкого султана, что, наконец, они скорее огулом выселятся все из края, чем станут служить под начальством болгар, что, пока существует в крае русская администрация, они будут беспрекословно исполнять все ее требования, но что с болгарями совместное житье их невысказано и что по уходе русских им, по всей вероятности, придется окончательно оставить место настоящего жительства.

Почти то же подтвердили генералу Грессеру и явившиеся к нему в Силистрии местные мұллы с заявлением о мнимых притеснениях, делаемых им болгарями.

Из распросов местных властей оказалось, что такое настроение местного мусульманского населения вызвано главным образом весьма часто приезжающими из Константинополя тайными эмиссарами, которые привозят отсюда различные приказания и распоряжения каких-то неведомых и неизвестных, но, видимо, сильных властей.

Значительное число прибывших в последнее время в количестве до 7 тыс. бывших турецких солдат, семейства которых в большинстве случаев еще во время войны выселились из края, придавало такому настроению мусульманского населения еще более острый характер.

По донесениям из разных других источников, в Константинополе в настоящее время существует уже тайный комитет, цель которого поддерживать постоянно враждебное состояние в среде мусульманского населения Болгарии.

Такие же комитеты должны быть устроены также повсеместно и в княжестве. Немедленно по выступлении русских войск они предполагают разослать великим державам меморандумы с жалобами на различные со стороны болгар мнимые притеснения и несправедливости, которые вместе с тем должны служить оправданием и объяснением имеющего вспыхнуть в то же время восстания мусульман Болгарского княжества.

Между тем для восстания этого, как говорят, все уже совершенно готово.

Семь тысяч прибывших отставных турецких солдат, число которых, как говорят, должно возрасти до 12 тыс., составляет весьма солидный контингент будущих шаек.

* Датируется по донесению А. М. Дондукова-Корсакова Н. К. Гирсу от 17 апреля 1879 г., № 513 (см. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 6, стр. 97—101).

** См. док 346 и прим. 2 к нему.

Независимо сохранившегося в руках мусульман различного рода оружия в г. Шумле, по заявлению доносчиков, зарыто 12 тыс. ружей системы Мартини с патронами.

Вместе с тем подобные тайные склады, вероятно, существуют также и в других местностях Болгарии, как это уже и было открыто в г. Плевно.

Главная цель этого движения состоит в том, чтобы, пользуясь малейшими политическими замешательствами или даже без них, по уходе русских войск поднять всех мусульман Болгарии и вернуть ее под власть султана, если же это не удастся, предать все огню и мечу и удалиться в Константинополь.

Такие же сведения получены в последнее время и от варненского губернатора. В донесении от 6 апреля действительный статский советник Баумгартен сообщает, что во вверенной ему губернии среди мусульман повсеместно замечается сильное брожение, центром которого, по-видимому, является г. Шумла, куда направляются все тайные распоряжения из Константинополя и куда постоянно собираются все приезжающие для этой цели агитаторы.

Носятся слухи, что между мусульманским населением этих мест ходит по рукам письмо из Константинополя, предписывающее им быть благоразумными и не поднимать восстания впредь до особого приказания, стараясь в то же время, в пределах законности, постоянно раздражать и выводить из терпения болгар с целью доказать этим путем неспособность болгар к самоуправлению и законность восстания мусульман, вынужденных будто бы к тому необходимостью защищать как имущество, так и личность свою.

В этих видах турки в последнее время, видимо, избегают всяких прямых отношений с болгарам и даже стараются ничего не покупать в болгарских лавках, что конечно, при коммерческом настроении болгар крайне для них ощутительно и действительно заметно раздражает.

Кроме того, турецким женщинам, за исключением случаев крайней необходимости, запрещено даже ходить по улицам и посещать знакомых болгарок, чего, несмотря на предписание корана, до сих пор не соблюдалось.

Из совокупности всех этих обстоятельств можно предположить, что турецкие тайные комитеты уже существуют в Болгарии и находятся в прямых и непосредственных отношениях с Константинополем.

По замечаниям местных властей, брожение значительно усилилось после посещения г. Шумлы между 15 и 20 марта корреспондента английской газеты «Standart» Фицджеральда (Fitzgerald), который в качестве корреспондента долго жил в Шумле еще во время минувшей войны и прекрасно знает этот город.

В особенности же движение это усилилось после посещения Шумлы 25 марта английским консулом Дользела, который хорошо знает турецкий язык и сам непосредственно сносился со многими влиятельными турками.

Во главе движения в Шумле стоят следующие турки: Хаджи-Гусейн-эффенди, Сулейман-эффенди, Мехмед-Хюсни-эффенди и шейх проживающего в Константинополе Арифа-паши Ариф-эффенди, за которыми и установлен совершенно секретный надзор.

Вернувшиеся в Тырнов после пасхальных вакаций депутаты Народного собрания также нашли весьма заметную перемену в настроении мусульманского населения, и, по общему их мнению, центром движения следует считать не Шумлу, а Праводы.

Ввиду всех этих сведений безотлагательно приняты меры для уяснения на месте, посредством особо доверенного лица, действительного положения дел.

Независимо того, в округах Силистрийском, Русчукском, Разградском, Осман-Базарском, Эски-Джумском, Еленинском, Шумленском, Праводийском, Оглу-Базарджикском, Кюстендильском, Самоковском, Дубницком и Радомирском теперь же учреждены из местных, вполне благонадежных жителей сельские караулы под предлогом охраны селений от грабежей и раз-

боев и содействия чинам полиции к преследованию и поимке вооруженных злоумышленников.

Оружие и патроны для сельской стражи в количестве 11 тыс. ружей разрешено выдать из ближайших, еще прежде устроенных складов, и для обучения жителей обращению с оружием губернаторам и окружным начальникам предоставлено требовать из ближайших частей войск военных инструкторов.

Дальнейшие меры для прекращения возникающего движения будут приняты сообразно и, по мере получения сведений, собранных на месте особо командированным для этой цели лицом, причем в этом отношении будут, конечно, весьма полезны те добровольцы, которые еще прежде, согласно особому распоряжению, были допущены к обучению ружейным приемам и число которых в настоящее время доходит в Болгарском княжестве до 2 тыс. человек.

Генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков

АВПР, ф. Политархив, д. 2131, лл. 321—325. Подлинник.

1. Согласно Тырновской конституции, все болгарские граждане без различия народности и вероисповедания имели равные права и обязанности, в том числе и относительно воинской повинности.

№ 369

1879 г. апреля 18. — Предписание Г. И. Шигорина Самоковскому городскому совету объявить об открытии ежегодной ярмарки в Эски-Джуме

По заповедта на г-на софийский губернатор от 14 априлий под № 2317, като съобщавам съвету, че в Рушукската губерния, в г. Ески-Джумая, на 28 текущий априлий, са открива голям годишен панаир¹, предлагам му чрез обявление, да извести населението в града за всеобщо сведение.

Полковник Шигорин

Секретар К. Д. Тонджоров

СГОДА, ф. 41 К, оп. 1, д. 436, л. 46. Подлинник.

1. Со второй половины XVIII в. наряду с сотнями существовавших издавна еженедельных базаров в болгарских городах и городках стали возникать и быстро приобрели большое хозяйственное значение ежегодные ярмарки в Филиппополе, Узунджово, Сливно, Эски-Джуме, Неврокопе. Ярмарки как торговые центры привлекали участников и покупателей не только из всего Османского государства, но и из Европы. Непосредственно после освобождения традиция устройства ярмарок была восстановлена и распространена на другие селения Болгарии (см. 38, стр. 306 и след.).

№ 370

1879 г. апреля 18. — Протокол собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии о включении в повестку дня вопроса об отношении к определенному Берлинским конгрессом положению Восточной Румелии

№ 2

2 часа после обяд, Пловдив

Присъствували същите, които и в предишното заседание. Г-н председателят са отнесе до Централний комитет, като попита с каква цел той е свикал представители от цяла Южна България. Негово блаженство, като бивши председател на Централний комитет, пое думата. «Целта на това събрание е доста ясно изказана в призовките до окружните комитети. Това събрание, продължаваше негово блаженство, има да разгледва въпроси от гра-

мадна важност. Ще оставим ли Берлинският трактат да се приспособи, колкото се отнася до Южна България, или ще искаме съединение с княжеството. Ще оставим ли областта да се нареди като автономна или не. Този е въпросът. Да обмислим следствията, които могат да произлезат и от едната и от другата страна, да вземем под внимание настроението на Европа, да вземем под внимание още нашите собствени сили и силите на неприятелите ни и само тогава да решаваме».

П. Иванов повтори, че въпросът е важен и че се иска специалност за неговото решение. Г-н Иванов доста живостно се изрази върху положението на българския народ. «Обстоятелствата не ни помагат. Ний ще са бием с Турция, а зад Турция е и цяла Европа. Благоразумие се изисква от нас, за да не би да компрометираме и това което имаме».

Г-н Матакев, ако и да заяви, че «разрешението на въпрос от такава грамадна важност изисква хора много по-способни от представителите пак прибави, че въпросът е преждевременен и не трябва да го предрешаваме. Няма съмнение, продължаваше той, че на тая минута важни преговори са водят в кръговете на европейската дипломация относително до съдбата на нашето отечество — Южна България. Да предположим, че европейската дипломация клони да направи някои отстъпки от своите решения в Берлин, не ще ли тя отведнъж се остави от това си намерение щом и види, че ний сами се отказваме от това, което Европа би ни отстъпила, ако народните представители не приемеха такова решение. Най-после можем ли да решим въпросът за мир или за война, даже и да искахме. Пълномошните на някои от г-да представителите са толкова ограничени, щото законно не е възможно тия представители да разискват въпроси от такава важност».

Д-р Планински пожела да узнае от Централний комитет, какво вършат и какво са извършили нашите представители в Европа ¹.

Маджаров поиска отчет на Централний комитет. Д-р Дагоров призова вниманието на всички върху факта, че първият въпрос се свършено изостави.

Консулов се завърна на въпроса и говори в същата смисъл както и Матакев именно, че въпросът е преждевременен и че след[ователно] не трябва да го предрешаваме.

Негово блаженство говори в същата смисъл и прибави, че едничките причини, гдето турците за сега са отказват от правото си да изпратят гарнизони на Балкана са две: 1. Пътят, през който турският гарнизон трябва да мине, не [е] още начертан, и 2. че казармите за гарнизона още не са готови.

Иванчо х. Петров възрази на това като каза, че Европа е доста силна да направи заповедите си да се почитат.

После изражението на мнения от разни лица г-н председателят попита събранието, дали иска да разгледва въпроса, който негово блаженство първо положи.

Калчев каза, че въпросът си няма мястото по причина, че от само себе си се решава.

По желание на негово високопреподобие г-н Кусевич въпросът се ограничи и се положи както следва: дали Южна България отблъсква, за сега поне, идеята за обединение с княжеството или трябва да се склони на условна автономия?

Калчев пак повтаря това, което по преди заяви относително до тоя въпрос: «Не трябва формално да се произнасяме върху тоя въпрос по причина на печалните впечатления върху всички българи, не трябва най-сетне, продължаваше г-н Калчев, да решаваме [въпроси], които няма нужда да решаваме и които сами по себе си се решават».

Г-н Тилев предложи да се тури въпроса на гласоподаване. Това се поддържа от мнозина. Въпросът се предложи на гласоподаване, сформирован от Калчев както следва: «Да се остави ли предложенният въпрос и да се премине към разглежданието на четиритях нам познати точки. Изоставянието за разискване на тоя въпрос значи, че той от сабо себе си са отлага за сега».

Въпросът тъй положен са реши положително, т. е. въпросът се изостави. По желание на повечето представители прочетоха получените от българските депутати в Европа писма. Време за критики нямаше. Преди да се обяви заседанието сключено, г-н Тилев обяви необходимата нужда за тайност в разискванията по причина на деликатността на делото. За постижението на тая цел негово благоговейство предложи, щото всички представители да вземат клетва, как че всички ще държат разискванията тайни. Това са прие от всички. Остана само да са изпълни. Заседанието се сключи *.

НБКМ—БИА, ПВ2268. Подлинник.

1. Речь идет о делегации, состоявшей из И. Гешова и д-ра Г. Янколова, которая представила меморандум правительствам Англии и Франции относительно уступок при проведении в жизнь Берлинского договора (см. док. 349). Что комитет поддерживал связи с этими делегатами, видно из письма Ив. Е. Гешова в комитет (18, стр. 487—543). Об исторической оценке этой акции см. 90, стр. 378—379 и другие протоколы комитета, публикуемые в настоящем томе.

№ 371

*1879 г. не позднее апреля 18**.* — *Записка А. М. Дондукова-Корсакова об организации болгарской администрации после избрания князя*¹

ЗАМЕТКИ

О ПОЛОЖЕНИИ НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ БОЛГАРИИ ПО ИЗБРАНИЮ КНЯЗЯ

I. Относительно будущего князя

1. Желательно было бы, чтобы князь Баттенберг мог дать болгарской депутации, отправляющейся для объявления о его избрании, некоторые положительные уверения насчет румелийского вопроса, как, например, о невступлении турецких гарнизонов в Балканы и непризвании турецких войск в край без согласия Европы.

2. Успокоить болгар, что с его стороны будут приняты все меры, чтобы склонить европейские кабинеты к скорейшему обеспечению порядка и исполнению постановлений Берлинского трактата в Македонии².

3. Объявить депутатам, что намерение его будущую княгиню болгарскую избрать из православной русской семьи, чего настойчиво желают все болгары и сильно тревожатся выбором невесты князя не русской³.

Этими приемами мог бы князь Баттенберг с первого же шага произвести самое выгодное впечатление на депутатов и приобрести при приезде его в край общую популярность, обеспечивающую его будущее положение перед болгарами.

II. Вопросы администрации

4. Немыслимо на первых порах оставление администрации без содействия и направления русских. Все болгары сильно тревожатся этим переходным периодом и единодушно сознают, что только присутствие на время русской власти в центральном управлении может сохранить порядок и обуздать стремления и направления враждебных в крае интеллигентных партий⁴. Желания болгар: чтобы, по крайней мере до созвания осенью нового Народного собрания князем, в каждой части центрального управления оставить бы русских. Опасения эти совершенно основательны, и взгляд болгар неоспоримо верен.

В этом отношении казалось бы более практичным удовлетворить изложенную необходимость на следующих основаниях:

1. Каждому из начальников отделов теперь же прикомандировать в виде помощника лицо из болгар, имеющих в виду для будущих министров.

* Следует 37 подписей представителей комитетов.

** Датируется по документам дела.

2. Убедить русских начальников отделов хотя бы на время оставаться на своих местах. Не говоря о военном управлении, которое, несомненно, по недостатку военных лиц из болгар должно остаться все русское⁵, главное затруднение встретится на Министерстве финансов и внутренних дел. По этим двум отраслям управления хотя и имеются в виду личности из болгар, но необходимо будет и по уходе главных русских начальников оставить затем еще на время самых способнейших начальников отделений в помощь будущим министрам⁶.

Влиятельнейшие и благонамеренные болгары многократно высказывали мне свое желание и просьбу, чтобы правительство наше не оставляло созданную организацию края без дальнейшей, хотя временной поддержки частью нашей администрации. Я постоянно отвечал им, что подобная просьба и ходатайство должны исходить от будущего болгарского князя по сношению его с нашим правительством, но отнюдь не по инициативе настоящей администрации.

Ко всему вышеизложенному полагал бы в высшей степени необходимым, независимо дипломатического агента назначить при князе особое доверенное лицо, знакомое с краем, пользующееся доверием болгар и могущее быть беспристрастным советчиком князя среди ожидающих его недоразумений при незнакомстве его как с настроением населения, так и направлениями разнородных партий неокрепшего еще в самобытной политической жизни болгарского народа.

Со своей стороны полагал бы, что лицо, вполне соответствующее этим условиям, был бы полковник Шепелев, который мог бы быть назначен военным агентом или в другом каком-либо качестве при особе будущего молодого князя⁷.

С приездом и водворением болгарского князя, весьма естественно, роль императорского комиссара должна окончиться, и присутствие его в крае настолько же может стеснять князя ввиду прежнего значения и отношений комиссара к болгарам, как и подать повод европейским кабинетам к обвинению нашего правительства в явном намерении продолжать наше влияние в крае.

Поэтому следует:

а) предоставить императорскому комиссару по водворении князя, когда он сочтет свою задачу вполне законченной, оставить край;

б) указать императорскому комиссару крайний срок, к которому могут быть приглашены высшие чиновники одной центральной администрации, оставаться на занимаемых ими местах для приготовления будущих министров. Срок этот никак не полагал бы продлить более созыва 1-го Народного собрания при князе. В случае разрешения предлагаемых вопросов по администрации необходимо немедленно о том уведомить императорского комиссара для принятия соответствующих мер.

III. О положении императорского комиссара в переходное время от избрания князя до окончательного водворения его в Болгарию

С окончательным исполнением, согласно постановлениям и в назначенный срок, решений Берлинского конгресса казалось бы возможным хотя отчасти, выговорить на переходное это время обстановку, более нормальную временному главному представителю русской власти в крае.

Созданная недоверчивостью Европы и вместе с тем, с целью стеснения действий администрации и умаления ее значения в глазах освобожденного нами края комиссия ад гоков * иностранных делегатов pour assister à l'effet de contrôler ** не имеет, по-видимому, более поводов к своему существованию⁸.

* Так в тексте. С латинского ad hoc (для этой цели).

** Присутствующих для контроля (фр.).

Взгляд этот разделяется и некоторыми делегатами, так, напр., французский заявляет, что считает полномочия свои как делегата окончанными со времени избрания князя; австрийский смотрит также до возобновления полномочий; по крайней мере в частном разговоре он так выражается о возложенном на него поручении. Германский вполне разделяет тот же взгляд, так как он и австриец только делегаты, а не местные консулы. Один английский и итальянский генеральные консулы не высказываются. Неизвестно, в каком положении будет находиться комиссар Оттоманской Порты и какое значение будет иметь представитель Турции при новом князе.

Вопросы эти требуют положительного разрешения, и, казалось бы, теперь же можно было ограничиться в столице Болгарии одними генеральными консулами как представителями интересов своих держав.

Князь Дондуков-Корсаков

АВПР, ф. Политархив, д. 2131, лл. 326—329. Подлинник.

1. Документ представляет собой записку без точного адресата, но из его содержания и последующих событий явствует, что он был принят во внимание русским правительством и многие из предложений А. М. Дондукова-Корсакова были выполнены. Эти предложения отражали позицию болгарской буржуазной и мелкобуржуазной общественности, высказанную в тогдашней болгарской периодической печати (газета «Марица», г. Пловдив; газета «Българско знаме», г. Сливен; газета «Български лев», г. Тырново и др.).

2. Мы не располагаем сведениями, давал ли Баттенберг подобное обещание болгарской депутации. В своей последующей деятельности он не поставил этот вопрос перед великими державами.

3. Это требование не было осуществлено (см. 48, стр. 161—168, 181—186).

4. Вероятно, А. М. Дондуков-Корсаков имел в виду уже выявившиеся противоречия между болгарскими политическими партиями — либералами и консерваторами.

5. В болгарских войсках до сентября 1885 г. почти полностью сохранился русский командный состав, включая и военного министра.

6. Это мероприятие было в значительной степени проведено в жизнь, что и дало возможность укрепить административный аппарат княжества. В штат Министерства финансов был зачислен Гр. Д. Начович, а в Министерство внутренних дел — П. Каравелов.

7. Эта рекомендация была выполнена (см. 71, стр. 36, 70, 87).

8. После закрытия Учредительного и Великого Народного собрания представители западных великих держав и Турции перестали играть роль Европейской комиссии. Некоторые из них были назначены дипломатическими агентами в княжество Болгарию (например, Палгрейв).

№ 372

1879 г. апреля 19. — Протокол заседания Ломского городского совета с утверждением расходов на содержание школ

Протокол: на общото събрание в Ломский градский съвет на 19 април 1879 година под председателството на Николчо Върбанчов, и. д. председателя на градский съвет, в присъствието на постоянните членове: Драган Първанов, Гавриил Монов (и. д. секретар) на почетните членове: Тодор Киров, Коста Стаменов и Никола Петков Попов, а и на следующите граждане: Георги Косиди, Йончо Тончов, Младен Шавов, Петър Панчев, Цеко Николаев, Дико Горанов, Георги Кюсов, Йованчо Манчов и Коста Партепов.

В това заседание се прочете предписанието до градский съвет от г. окружного начальника, който, като провежда с предписанието си копии от циркулярно предписание на императорский российский комисар, с дата 28 марта 1879 год. за № 188, предлага на съвета да му рапортира «каква именно сума е определена за издържание на градските училища за 1879 година, и достатъчна ли е тая сума за издържание нужното число учители и въобще за удовлетворение на училищните нужди»*.

След сериозно размишление и разисквание върху този въпрос, като се зе пред вид, че за миналата година е исхарчено за градските школи с реал-

* См. прим. 2 к док. 59.

ного училище заедно гр. 60 000 или фр. 12 000 (дванадесет хиляди) при 2-ма учители в реалното, 2-ма в основното и пригответелното, 1 в Новата махала, 1 в Борун и 1 учителка, всичко 7 души учители и двама слуги училищни, — дохожда до заключение днешното събрание, че за 1879 година, понеже ще има в реалното училище 3-ма учители, в основното и пригответелното училище 3-ма, в Новата махала 1, в Борун 1 и учителки 2, показва се нужда за издържание на учителите, учителките, слугите (които ще бъдат 2—3) и други нужности за училищата, една сума от 20 000 франка (двадесет хиляди).

Вследствие на това, днешното събрание като взе пред вид приходите и разносните на градския съвет, предвиде възможност и постанови следующето:

1. Пятнадесет хиляди франка (15 000) да се определят за издържание на училищата, съгласно с[ъс] ст. 63 от «Временните правила за съветите в България»*, от градските доходи, а

2. Пятте хиляди франка (5000) що недостигат да се разпределят, в особно заседание, между оная част от градското население, които не са взимали «билети» за подържание училища и осветление града, които «билети» са издавани от градския съвет.

Присъствували:

И. д. председателя на град. съвет: Н. Върбанчов
Постоянни членове: Г. Манов

Почетни членове:

Д. Първанов
К. Стаменов
Т. Киров
Н. Попов

Граждане **

ОДА—Михайловград, ф. 76 К, д. 1, л. 19. Подлинник.

№ 373

1879 г. априля 19. — Протокол собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии с обсуждением решений Берлинского конгресса относительно Восточной Румелии ***

№ 4

2 часа после пладне, Пловдив

Присъствували същите, които и в предишното събрание. Преди всичко председателят покани негово благоговейнство г-н Тилев да сформира средството за решаването на въпроса — средство заявено от негово благоговейнство в края на предишното заседание. По повод на тая призовка от страна на председателят негово благоговейнство представи своя начин за решаването на въпроса на четиритях познати нам точки от Берлинский трактат в следующите думи: «Предлагам преди разискванието на четиритях точки, представителите от всякой округ да изкажат, как[к]то и инструкциите тъй и мнението на населението, което те представляват върху тоя въпрос, и после да са постъпи към разискванието на точките».

Негово високопреосвещенство г-н Панарет възрази на предложението тъй изразено, като каза, че е възможно щото някой от представителите да нямат положителни инструкции върху тия четири точки. Маджаров от своя страна каза, че му са види чудно как представителите на Южна България да нямат инструкции върху най-жизнените въпроси. П. Иванов ста на подир това и заяви, че населението като го е избрало за свой представител, вместо да му дава ограничени инструкции върху тоя или оная въпрос, му е дало най-

* См. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.», вып. 1, стр. 191; примечание к док. 357.

** Следует 9 подписей граждан.

*** См. док. 374, 376—378, 381.

широко право да решава и подписва всичко, което той намери за добро. «Ето защо, г-да, казваше той, аз мога да се произнеса върху тоя въпрос без да имам особени за това инструкции от населението на Старо Загорски округ». Матакев каза, че му се вижда чудно как е възможно да се презира до толкова мнението на тия, които ни са изпратили. Караджов говори в същата смисъл като прибави, че думите на Иванова са съвсем неуместни. Наумов изрази съмнение относително до справедливостта на думите на Иванова, но в същото време побърза да каже, че той като представител на Старо Загорски округ няма точни инструкции върху тоя въпрос. Г-н х. Петров пое думата и каза, че представителите имат право да изражават мнението си. Но то е всичко. От това повече представителите нямат право да говорят в свое име. Те са длъжни да изражават точно мненията и желанията на народа.

Консулов, с цел да тури край на въпроса, който захвана да зима един частен и личен характер, каза че няма никаква материална разлика между г-да старо загорските представители и останалото събрание, като се основаваше на факта, че пълномощното на старо загорските представители беше най-широко и по тая причина дава им пълно право да решават какъвто и да е въпрос. Хаканов пресече думата на Консулов и каза положително, че населението са е произнесло върху четиритях точки-това, което е в диаметрална противоположност с думите на Иванова.

Чомаков каза, че е на мнение да са постъпи по начина, който негово благоговейство [предложи]. Маджаров говори за в полза на предложението [на] Тилев, което след като са [подложи] на гласоподаване, отхвърли са. Йосифов направи едно изменение на предложението [на] Тилев — именно той каза: «Понеже всички представители нямат инструкции върху четиритях точки, то нека всеки представител си даде мнението за своя округ». Но и това предложение не са прие от вишегласието.

Войводов тогава предложи въпроса под тази форма: «Всекой представител да изкаже мнението на населението, което той представлява, върху положението, което чака Южна България, и после да са пристъпи към разискванието на четиритях точки». Но и това предложение, ако и подържано от няколцина, не намери по-добър прием от болшинството.

Иванчо х. Петров се тъй също опита да представи въпроса в друга една форма, която не беше по-сполучлива от предидущите. Иванчо х. Петров изрази в следущите думи: «Представителите като хора, които са радват на най-голямата довереност на народа, то да са постъпи без по-далечни забикалки към въпроса на четиритях точки». Това предложение, и формално отхвърлено, са прие като средство за излизането от безизходното ни положение.

Постъпи са към разглежданието на четиритях точки:

1. Относително до турски гарнизони на Балкана,
2. относително до назначението на генерал-губернатора от Портата,
3. правото, което Берлинский трактат дава на султана да назначава гражданските и военните чиновници и
4. правото, което генерал-губернаторът има, в случай на всякакво смущение в областта, да повика турски войски за омиротворението на страната.

Консулов пак се завърна на предмета, като каза, че тия четири точки да са разгледат отделно, всяка една по важността си. За лесното решаване на въпроса той предложи [този] въпрос да са раздели на две отделни части: 1. Да се реши дали приемаме четиритях точки, за които толкова са говори, или не. 2. В случай че не ги приемаме, дали трябва да турим в действие нашето решение по един миролюбив или военлюбив начин.

Негово високопреподобие г-н Кусевич помоли всички да са показват по-снисходителни към мненията на техните представители и да говорят умерено, тъй щото всекой да има случай да изкаже своето мнение. Хаканов говори в същата смисъл само забележи, че не е право да са ограничават представителите в говорението.

Преди разглежданието на четиритях точки негово блаженство помоли събранието да вземе под внимание факта, че абсолютното отхвърляние на четиритях точки е еднозначещо с отхвърлянието на автономията, под която

областта се нарежда от Европа¹. Матакев каза, че не може да споделя тоя възглед на негово блаженство. Хаканов пое думата и говори върху злините, които имат да произлезат в случай на приспособлението на четиритях точки. Подир това стана и попита представителите, кое е минимума на нашите желания в това отношение. Иванов говори за в полза на предложението [на] Консулов и прибави, че е съгласен с Консулов, но да просим от европейските кабинети или да чакаме завръщанието на нашите депутати * в Европа.

Герджиков: «Като разискваме четиритях точки не ще ли изложим делото на нашите депутати в Европа с умекчението на тия четири точки».

Дагоров и Хаканов говориха в същата смисъл. Най-после предложи се да се тури въпросът на гласоподаване, но това предложение не намери добър прием в събранието. Върху това стана Величков [и] попита на какво основание [се слага] решението с гласоподаване на тоя въпрос.

Иван х. Петров каза, че преди да разгледаме въпросът за гарнизони трябва да разгледаме въпросът за главния губернатор, който е по-належащ по причина, че вече всякой ден можем да очакваме генерал губернатора да пристигне тук. Искрев като призна, че въпросът за генерал губернатора е най-належащ, но в същото време прибави, че «всички които до сега говориха горвят все върху злините, които имат да произлизат в случай, че четиритях точки си останаха непокътнати, а никой не говори върху начина, по които тия злини ще могат да са отстранят». Трябва да размислим, продължаваше той, как да постъпим с генерал губернатора преди той да е пристигнал.

Негово благоговейнство Тилев каза, че генерал губернаторът щом като е одобрен от Европа и от Росия, трябва или да се приеме или не.

«Кой ни гарантира, че за в бъдещето генерал губернаторите все ще са назначават и удобряват от Европа. Работата не е за тоя или оня случай, а за принципа въобще».

Минимумът на нашите пожелания е унищожението на четиритях точки.

Въпросът за генерал губернатор е важен, каза Людсканов, и той е свързан с всичките други, за това предлагам да са реши въпросът за приемането или отхвърлянето на четиритях точки с гласоподаване. Караджов говори в същата смисъл. Ако е истина, каза Попович, че генерал губернаторът е назначен от Европа, то ний ще го приемем. Искрев помоли г-да представителите да решават за принципи, а не за изключения. Негово високопреподобие г-н Кусевич попита негово блаженство екзарха, как иска да са положи въпросът: «Дали ще приемем генерал губернатор назначен от Турция и само потвърден от Европа или искаме генерал губернатор избран от сили и утвърден от Портата. Кое от двете?» Негово блаженство каза, че сегашний генерал губернатор е избран по желанията ни и ний трябва да го приемем².

Консулов каза, че ний не трябва да обръщаме никакво внимание за сега поне върху делата на европейските кабинети. Ний трябва да разгледаме, можем ли да отстъпим нещо от четиритях точки или и кое е минимум-а на нашите искания. Именно, каза г-н Консулов, без голяма вреда на нашите интереси, ний можем да се съгласим с Европа, щото генерал губернаторът да са приеме [като също се приеме] и правото на Турция да изпраща войски в областта в случай на смущения само с едно съобщение на европейските кабинети, с това ограничаване, че вместо да съобщава, сама Турция да бъде длъжна да проси дозволенията на европейските кабинети. Наумов каза, че преди да разискваме въпроса за четиритях точки, трябва да размислим с какви средства разполагаме за турянieto в действие на нашите решения.

Най-после предложи се въпросът на гласоподаване. Въпросът се положи както следва: четиритях точки съставляват ли минимума на нашите желания или не. Въпросът единодушно се реши положително, т. е. че отхвърлянето на четиритях точки е минимума на нашите желания.

Прочетоха се после предложенията на Консулов и Хаканов, които въобще клоняха към умекчението на точката за главния губернатор и на точката

* И. Е. Гешов и Г. Д. Янколов.

за правото на Турция да изпраща войските си в областта в случай на смущение.

Тия предложения се подкрепиха от неколцина. Калчев стана и възрази на разискването на тия предложения като каза, че когато цялото е отхвърлено то разбира се, че и частите, които го съставляват са отхвърлени. Маджаров забележи, че можем да прием[ем] един въпрос по начало, а в същото време да изменим много от подробности.

Матакев попита приети ли са изменение върху четиритях точки вече, отхвърлени или не. С. Коларов стана и представи [разискванията] в по-друга форма. Той попита: ще приемем ли някое изменение върху четиритях точки, ако това изменение стане според желанието или не.

Искров каза, че е мъчно без да знаем изменението да гласоподаваме. Затова първо да разгледаме какви са именно измененията, а тогава да решаваме дали ще ги приемем.

Г-да представителите като не можаха да са съгласят върху тая точка, по причина на немание време, заседанието са закри като са остави в идущето събрание да са реши тоя въпрос *3.

НБКМ—БИА, ПВ2268. Подлинник.

1. Имеется в виду выработанный Европейской комиссией Органический устав Восточной Румелии.

2. Речь идет об Алеко Богориди, назначенном генерал-губернатором Восточной Румелии под натиском болгарского общественного мнения и России (см. док. 222 и примечание к нему).

3. На заседаниях представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии оформилось два течения, между которыми не было расхождения в отношении конечной цели — сохранения болгарского характера Восточной Румелии и ее большей независимости от Турции, по которые расходились в вопросе о методах и средствах для достижения этой цели. Вопреки патриотическим стремлениям народных масс Восточной Румелии, готовых к восстанию, участники собрания, происходившие преимущественно из среды мелкой и средней буржуазии, учитывали усложнение международного положения области, учитывали позицию России, так же как и результаты, достигнутые в происходившей до сих пор борьбе (обещание не вводить турецкие гарнизоны в область, назначение болгарина Алеко Богориди генерал-губернатором). Поэтому они искали приемлемых политических путей частичного улучшения положения области в рамках ожидаемого проведения в жизнь Берлинского договора. Именно по этому вопросу высказывались различные предложения о действиях, которые приводили к известным противоречиям и неясности в работе этого заседания.

№ 374

1879 г. апреля 20. — Протокол собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии с обсуждением проектов резолюции собрания, предложенных делегатами от Сливенской губернии и делегатом Консуловым **

№ 5

9 часа преди пладне, Пловдив

При присъствието на всичките представители, с изключение на едного, прочете са протокола от преждибившето заседание ***, за когото са направиха някои забележки: именно Петър Иванов каза, че д-р Хаканов и Наумов са съгласявали с неговото мнение относително до въпроса за мнението на населението за положението ни, а не както е казано в протоколът, което са потвърди от Хаканова и Наумова. Матеев, секретарят каза, че е записвал право всичко, което са е говорило, което са поддържа и от секретаря Калчева. Наумов говори, че ако и да няма право Петър Иванов да говори от негово име, при все това, той потвърди, че е бил съгласен с мнението на Иванова.

* Следует 38 подписей представителей комитетов.

** См. док 373, 376—378, 381.

*** См. док. 373.

Величков и Тилев предложиха да са пристъпи към дневния ред, като мислят, че тези бележки са достатъчни да са поправи протокола, което са и прие от събранието.

Преди да са пристъпи към дневния ред д-р Планински прочете следующата декларация:

Мнението и решението на представителите на окрузите от Сливенската губерния. Г-да, понеже като знаете, че за подобрене положението си изисква се от нас да имаме благоразумно поведение, благоразумие, което много пъти ни са е препоръчвало и препоръчва да имаме, заради това [от] досегашните заседания на всички представители от двете губернии, ние разбрахме, че в нашите събрания не са дири да изнамерим по законен път средства за нашето подобрене, но впускаме са да разискваме и гласоподаваме, за такива въпроси, които ние, освен като не сме в положение да ги решаваме, но не беше в положение нито и Велика Росия с храбрите руски войски да репи.

Г-да, да са разясниме. Ние не щем да са приспособят 4-тых точки по Берлинский трактат, това никои от нас не го желае, но ний за сега не можем ги измени, защото нямаме сила да искаме да ги измениме; ни[е] то правото или по законен път изявихме на Европа, че са убийствени тези 4-тых точки за българите *, затова и пратихме представители по Европа, следователно разискване, че трябва тези 4-тых точки да се изменят, за нас представителите от Сливенската губерния, е губене време; и напразно и Русия иска да ги измени като има и милион байонети, но не можа; ни[е] искаме да вярваме, че по какъвто начин и да измениме 4-тых точки, ще можем са послуша от Европа и тя ще ги приспособи. Европа вече знае гибелните следствия на тези 4-тых точки, заради това от високопоставени лица знаеме, че Европа прави преговори ¹, за да ги отблъсне или измени тези 4-тых точки. За наше спокойствие, за гаранции на мира, сяка наша постъпка незаконна ще докара гибелни следствия за нашето благо бъдеще, заради това гдето ни са препоръчва благоразумие и като имаме вече за положителна истина, че гарнизони на Балкана няма да има, че генерал-губернатор от Европа е избран и потвърден от султана само за форма ², ни[е] решаваме, че ще са водим по духа на времето и обстоятелствата. За сега ние трябва да бъдем мирни, кротки и благоразумни в поведението си, трябва да приемем генерал-губернатора, трябва да му принесем всичките почести, като на едно високопоставено лице от европейските кабинети, трябва да му изразиме нашата преданност и покорност и трябва да гледаме на него, като на облекчител на положението ни за в бъдеще, но разберете, че ни[е] не са съгласяваме никак да му се воспротивим. Г-да, ако постъпиме благоразумно, уверени сме напълно, че като са препоръчваме мъдри в поведението си, едно убеждение за Европа какъвто и за генерал-губернатора, че ние ще бъдем в положение да поддържаме този мир, когото Европа утвърди и желае да увековечи. Това ще бъде една подпорка на нашата освободителка, горда да се провъзгласи, че българите са способни да запазят мира, следователно гарнизоните са излишни и повикванието на войски в мирно време, и то ще са унищожи. Като не сме в положение да измениме трактата и устава ³ на Европа за нашата страна, то сме в положение и в правото си да направиме по законен път това, за което не можем са осъди и не можем оста отговорни. В положение и в правото си бяхме, да поддадем веднаж и дважд мемоари на силите за опасностите, които са предвиждат по Берлинския трактат, това и фактически го видя и Европейската комисия. В положение бяхме да си изпратиме и представители от Южна България по Европа и представителите днес тълкуват и изразяват нашето желание, желанието да бъдем спокойни, за да са отстранат 4-те точки, които ни угрожават. В положение и в правото сме си да направиме един вид прошение към европейските сили, в което да благодариме на Европа, за гдето ни е избрала генерал-губернатор от родът ни, с което тя засвидетелствува симпатиите си към нас и с което показва,

* См. док. 373.

че желае да не се разруши мира. В правото сме си в прощението да кажем, че ние още повече ще оправдаем надеждата на Европа за мира, ако има Европа благоволения да унищожи гарнизоните и да даде пълна власт на генерал-губернатора. В този случай ние гарантираме, че от наша страна няма да послужиме никак да разрушим тишината на страната си и ако има покушение от турците въз нас, остава на Европа да ни гарантира затова. Ние тогаз не ще бъдем отговорни, ако се случи и с оръжие да са възпротивиме. Г-да, по тоз начин ние решихме да заключеме в събранието си нашите разисквания върху бъдещето ни положение, но разберете, че ние няма да са отпускаме в приготвянето си, ние ще следваме гимнастическите ни упражнения и наред в страната ни ние ще следваме да събираме пари, ние ще бодрествуваме, и тогаз само [ще] сме решени да употребиме сила, когато обстоятелствата предизвикат, и тогаз ще имаме подпорка. Другояче нам ни са е казало, че ако постъпиме неблагодарно, нито гологан, нито солдатин ще имаме [в] помощ. Затова ние никак не одобряваме разисквание и решение във от силата ни и несъобразни по духа на времето и дипломацията, пълтвърдяваме с подписите си всички представители от окръзите: Сливенски, Бургаски, Енизагре[н]ски, Казъл-Агачески, Ямболски, Казанлъшки, Айтоски и от окръзите: Карнобатски, д-р Дагоров, от Старо-Загорски, Д. Наумов, П. Иванов, Г. С. Коларов, от Пловдивски, Мамин Попов, от Чирпански, Янко Кочев, Б. Савов и Димитър Петров.

Юруков говори, чудно ми е как след толкоз дълга опитност ние още са не научиме да върваме, че няма никаква помощ по мирен начин дипломатически; преди войната, както и подир, даваха се мемоари и протести и нищо са не свърши, всичко, което са свърши и е свършено [е] от сабята.

Маджаров като намира, че са състои декларацията от 5 точки, обръща се мисленно към едната, гдето е казано, че не са сплитали въпросите — била причина неговата страна, когато напротив той мисли, че е другата страна и забележава, че той не е скитник, както го мислят. За гарнизоните и за Алеко паша иска да му докажат фактически истината.

Матакев говори, че не можам да разумея какво иска да каже декларацията, когато от началото безусловно приемат Берлинския договор, а накрая казва, че искат да се бяят; той са чуди как е можало да се пише всичко, което има във вестниците, когато надали има в тях нещо положително. Той напомни, че сега Турция е слаба и е случай да са ползуваме, ако загубим тоя случай, отговорността е наша.

Войводов: Г-да, никак не искам да говоря против декларацията и решението и колкото и да е станало по най-незаконен начин, но искам да напомня на г-да подписавшите я целта [на] нашето събрание. Централний комитет ни свика тук, да решиме програмата на нашите действия за положението, което ни очаква. Ний трябваше всичко в събранието да решим, след голям хаос решихме вчера минимума на нашите искания, т. е. 4-тях точки. Днес трябваше да разискваме за средствата как ще поддържаеме нашите искания, т. е. това което са решили в декларацията. Г-да подписавшите, ви[е] имате вишегласието, защо репавате въвн, а не тук следствията, от туй ви поведение [те] са гибелни, затуй ви призовавам, от името на патриотизма ви, да пристъпиме тук да разискваме въпроса и да намерим спасителния път, което е нашата страна.

Консулов: Жално е г-да, че декларацията ни кани още от сега да се поклониме, когато съм уверен напълно, че положението ни сега е най-деликатно; преди да решаваме трябва здраво да обмислюваме и да се не делим. Аз след дълбоко размишление съставих една програма за нашите действия, затова ако благоволи почитаемото събрание да му я прочета. Събранието са съгласи на предложението на г-на Консулова, който изложи съдържанието ѝ както следва.

Представителите на Южна България, след дълги размишления и разисквания, като имат пред вид от една страна грозното положение, което създаде Берлинский трактат, общето мнение в Европа, направиението на европейската дипломация, за турението му в действие относително до Южна България,

доколкото те са известни, а от друга страна настроението на народа към условията, под които е осъден да живее и съществува както и гибелните следствия, които са предвиждат за него от самото естество на речените условия, и чувствата и настроението за народа, дойдоха до следующото решение:

1. Да се състави трайно представително тело под название народно представителство, състояще [се] от представители на всичките окръзи от Южна България, за да представлява законно страната и са старая чрез всякакъв вид постъпки във от кръга на военни действия да дири улучшението на положението и като има пред вид минимума от желанията и нуждите народни за удовлетворение, както по-долу се излагат.

2. Като първа постъпка от този вид, реши се да се направят две прошения: едно за посланиците на великите сили в Цариград, и едно до Европейската комисия, която има да дойде тук, в които, при постъпванието вече на времето за приложение на гибелните за народа решения, да са направи последно възвание към правдата и човеколюбието на Европа и да са иска в техно име, като са земаат пред вид неизбежните опустошения и ужаси, които води със себе си турението в действие на речените решения, следующите улучшения като необходими за [от]странение на злините и за обезпечението на съществуващото и мирен живот на народа.

Бележка: От тия прошения ще се даде едното или и двете, според както обстоятелствата го изискват, а ще се подпишат от всичките сега присъстващи представители:

а. Да са дигнат непременно и за всегда гарнизоните.

б. Да няма право турското правителство по исканието само на генерал-губернатора да въвежда войските си в Източна Румелия, като само известява на Европа, но да става това с дозволенията на Великите европейски сили.

в. Генерал-губернаторът да се избира от Европа и потвърдява от султана.

г. Гражданските и военните чиновници да се избират от г-н губернатора. Понеже във от тия условия представителите не виждат освен гибел, тия не земаат върху себе си отговорността да убеждават народа да се подчини на други условия, толко повече като предвиждат, че подобни съвети никак нямат да се послушат и че за въстанието на народа против несносните за съществуващото му условия не може да се гарантира. Вследствие на това представителите считат за нужно в най-кратко време да дадат на окрузите сведения верни, за положението относително до пригответленията, обученията и въоръжаванието изобщо. По причина на огромните следствия за приложението на решенията на Берлинския трактат, както и на една обявена борба с оръжие в ръка, против туй приложение, остава се на народа да вземе във внимание всичко и да реши в случай на удовлетворение на най-умерените му и праведни искания за обезпечение на съществуващото му, да реши за борба чрез нарочно за това изпратени свои поверенници, гдето и когато намира той угодно.

д. Вследствие на горните решения съществуващото на Централния комитет престава.

е. Понеже не са знае дали * желанията на народа ще са удовлетворят по един начин, който да направи излишно всяко съпротивление, остава на народа да следва пригответленията си; но като между тях са счита и събирането на определените [за] всякой окръг пари, ще следва и те да са събират и в случай, че не потребват за борба, ще са употребят за някое друго дело от общонародна полза. Трябва обаче да се внесат нужните количества за досегашните потреби на Централния комитет, и да са внася и за напред щото трябва за поддържанието на народното представителство.

ж. Народното правителство е длъжно да уведомява окръзите за течението на работите и за делата си.

Юрукос са обръща към г-да декларанти [те] и чуди са как лесно са можали да приемат без изменение Берлинския договор и призова всякой да си даде мнението за приемането му или не!

* В документе: ако.

Хаканов говори: Ако и да не съм подписал декларацията, но и да говоря против нея е губене време и предлагам да са приближат към програмата на Консулова.

Тилев пита: Кои са тези лица високопоставени, които са споменуват в декларацията.

Калчев говори: Трябва да уважаваме мненията на всички. Ако се делим в тия критически времена това искат нашите неприятели. Европа си промени мнението, че държим пушки, ний не сме вече неотстъпчиви както ни именуват, но искаме сигурен живот, имот и чест.

Хаканов предлага да са приеме Консулова проект.

Людсканов: Трябва да са прегледа декларацията, понеже се яви първо и после Консуловия проект. Лутахме са из хаоса, без да знаем защо? Тези въпроси можеха и тук да са решат, понеже имат вишегласието, както го каза един г-н по-преди. Тук се намира сега в Пловдив г-н Роз, член на английската либерална партия, който е дошел да събира сведения за положението на народа ни и за истинските му стремления против Лайярда и правителството му, а с туй ваше решение, какво ще помисли английският парламент. Развенчава причината на военнoлюбieto на приятелите си, говори, че в Пловдив имало партия от няколко надуени г-да, които с подлостта си са отишли до там, щото са писали писмо до княза Лобанова, като са очернявали Комитета централний, заради радикален (социалистически). Ако според предложението на г-да декларанти [те] приемем г-н губернатора, то онези г-да, за които ви говорих, какви още игри ще разиграват.

Величков: Предлагам да са приеме предложението на г-на Войводова, т. е. да са тури въпроса на зелената маса и да се разискат и намерят спасителните средства.

Искрев, Кесяков: Не зная дали има таквиз събрания нейде като нашето, вчера са решава едно, а днес противното, аз не съм ратoлюбoв, питам представителите, защо приеха пушките. Някои г-да предложиха тук изново да са разисква въпроса, но додето са не оттегли декларацията, не може да са разисква нищо.

Попов предлага да са избере комисия, която да отиде при г-н Столипина и да иска неговите наставления.

Калчев каза, че и дипломатите са много пъти лъжат и не казват какво ще стане; привежда за пример Новикова и Гамбета.

Искрев каза, че декларацията, която казва, че Европа не знам какво решила, е лъжа, защото до снощи нямаше никакви известия. Срам е за нас да предрешаваме въпроса. Подир това в събранието завладя голямо безредие, с което са и разваля *.

НБКМ—БИА, II В2268. Подлинник.

1. Имеются в виду переговоры между великими державами и, в частности, между Россией и Англией о так называемой смешанной оккупации Восточной Румелии (см. 90, стр. 387—391, 394—395).

2. Имеются в виду результаты переговоров между Россией и Турцией по этому вопросу (см. там же).

3. Берлинский трактат и Органический устав Восточной Румелии.

* Следует 27 подписей представителей комитетов.

1879 г. апреля 20 (мая 2). — Донесение П. П. Убри А. М. Горчакову о согласии А. Баттенберга на временную передачу своих полномочий А. М. Дондукову-Корсакову

№ 100

Berlin

Monsieur le chancelier!

Par un télégramme du 18 (30) Avril *, monsieur le secrétaire d'Etat de Giers m'a fait parvenir le conseil de sa majesté l'empereur au prince de Battenberg de déléguer provisoirement ses pouvoirs au prince Dondoukoff après avoir reçu la députation bulgare et être assuré de l'assentiment des Puissances.

Le prince Alexandre a accepté avec empressement cette combinaison qui évidemment répondait à une préoccupation personnelle ¹.

Il m'a déclaré en même temps qu'il serait heureux de se rendre à Livadia et de faire sa visite aux principales cours, ainsi que l'Assemblée de Tyrnovo en exprimait le vœu.

Malheureusement la dernière phrase de ce télégramme relative à ce vœu, était indéchiffrable. Je n'en avait qu'une partie tronquée, mais qui en laissait à peu près deviner l'esprit. Cette dernière circonstance me permit de pressentir sur ce point les intentions du prince de Battenberg.

Je m'empressai d'en faire l'objet d'un premier télégramme à Livadia, car je pouvait prévoir déjà les questions que me poserait le prince le lendemain.

En effet ce matin, après avoir déjà connaissance du texte complet du télégramme du 18 (30) Avril, le prince Alexandre me posa les questions résumées dans mon télégramme secret de ce jour adressé à Mr. le secrétaire d'Etat de Giers, et que j'ai l'honneur de joindre également ci-près **.

Enfin le jeune prince, qui part demain soir pour Darmstadt m'exprima encore le désir d'obtenir bientôt le texte de la constitution votée par l'assemblée de Tyrnovo et si possible encore avant l'arrivée de la députation bulgare.

Je me suis empressé de transmettre ce vœu à Livadia par le télégramme ci-joint en copie.

J'ai l'honneur d'être, avec une très haute considération,
monsieur le chancelier, de votre altesse
le très humble et très obéissant
serviteur

Oubril

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 24, лл. 364—365 об. Подлинник.

Перевод
Берлин

Господин канцлер!

Телеграммой от 18 (30) апреля г-н статс-секретарь Гирс сообщил мне о совете его императорского величества князю Баттенбергу: после приема болгарской депутации и заручившись согласием держав, временно передать свои полномочия князю Дондукову.

Князь Александр с готовностью согласился на эту комбинацию, безусловно, отвечающую его личным интересам ¹.

Он в то же время заявил мне, что будет счастлив отправиться в Ливадию и, согласно пожеланию Тырновского собрания, нанести визит главным европейским дворам.

К несчастью, последняя фраза телеграммы, касающаяся этого пожелания, была неразборчива. Я имел лишь ее урезанную часть, которая все же позволяла угадать ее мысль. Это последнее обстоятельство позволило мне предугадать намерения князя Баттенберга в этом отношении.

* См. АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 28, л. 14.

** См. там же, д. 24, лл. 366—368.

Я постарался изложить это в первой телеграмме в Ливадию, так как я мог уже заранее предвидеть вопросы, которые князь поставит мне на следующий день.

В самом деле, сегодня утром, ознакомившись с полным текстом телеграммы от 18 (30) апреля, князь Александр поднял вопросы, краткое содержание которых передает моя секретная телеграмма от сего дня, направленная г-ну статс-секретарю Гирсу, которую я имею честь при сем препроводить.

Наконец, молодой князь, уезжающий завтра вечером в Дармштадт, выразил мне также желание получить в скором времени текст конституции, принятой Тырновским собранием, и, если это возможно, до приезда болгарской депутации.

Спешу передать это пожелание в Ливадию телеграммой, при сем прилагаемой в копии.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин канцлер, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугой

Убри

1. Александр Баттенберг вступил на болгарский престол 19 июня 1879 г. (см. 68, т. II, стр. 96).

№ 376

*1879 г. апреля 20. — Из протокола собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии с постановлением о вооруженном сопротивлении турецким войскам в случае их ввода и об укреплении милиции **

№ 6

В 3^{1/2} часа подир пладне, Пловдив

[. . .]** Г-н Наумов казва, че толкоз дни тук си губил времето напразно, когато трябва да решим по-скоро какво трябва да работим и предлага да прочете един проект съставен от г-на полковника Кесякова. Събранието прие да са прочете проекта, който са заключава в следующите 5 точки.

1. Гарнизони, ако би турското правителство да прати на Балкана, когато и да е, ние, т. е. заедно южно-българский народ, решава единогласно със своите представители да се съпротиви с въоръжена сила.

2. Ако би генерал-губернаторът се възползува от правото, което му са даде по Берлинский трактат ¹ и ако би това право не се унищожи от европейските сили и извика, когато и да е и по която причина и да е, турските войски, ний южно българский народ ще срещнем с въоръжено съпротивление турските войски.

3. По *** никой начин, коумто и да е, пушките ² не трябва и няма да ги дадем и на самия даже генерал-губернатор.

4. За да можем да отговаряме пред нашата страна, пред турското правителство и Европа за вътрешното спокойствие и обезпечение себе си от разни нападения от страна на шахибозуците, ние са решаваме да поддържаеме в същата организация и численност на румелийската войска и сме готови да плащаме тоя данък за нашата войска до тогаз, до когато не са успокоят работите и в Народното събрание не са реши да се намали.

5. Желаем да са удържи същата физиономия и еднохарактерност във войската, сиреч всичките офицери, които би служили в [ъв] войската да знаят български язык и да се ползуват с пълно доверие от своите подчинени; както и да е, ако българските офицери не са достатъчни в число, то молим да останат настоящите командири и да не са приемат офицери от разни националности, за да са избегнат вавилоний, ако би Европа да желае действително доброто, ползата и преуспяванието на страната, а не деморализацията във войската.

След прочитането им г-н Хаканов отговори: Понеже положението е неизвестно, то тези 5 точки могат да бъдат като минимум на нашите искания.

* См. док. 373, 374, 377, 378, 381.

** Опущен текст, касающийся процедурных вопросов.

*** В документе: под.

Маджаров предлага, ако са приемат за разискване да са пристъпи към него, които са потвърди и от г-на Хаканова.

Киро: Ако са те мнението на меншинството, да пристъпим да ги разгледаме. Герджиков и по него Матакев говорят и се чудат как г-н Киро си мисли, че туй е мнението на меншинството, когато туй никой не го е казал и понеже туй е мнението на частно лице, то ако се удобри да се разисква.

Наумов: Г-да, ако зедем да разискваме дали частни лица имат право да предлагат на събранието въпроси за решение или не, то са отдалечаваме от същинския въпрос, за това предлагам да са тури разискване на точките.

Председателят подложи въпроса на гласоподаване и с вишегласие се прие от представителите за разискване, като са зе под въпрос първата точка:

Матакев: Каза, че зема най-трудната задача като зема да говори именно за първата точка на въпроса, който според неговото мнение и мнението на округа е да са възпротивят с оръжие, щом са опита Турция да проводи гарнизони.

Д-р Планински: Г-да представителите от Сливенската губерния имат инструкций от населението, че ще са противят с оръжие в ръка против гарнизоните, което мнение г-н Хаканов и Герджиков поддържаха.

Мирчо Попов: Каза че населението от нашия округ много пъти е казвало и сега пак каза, че ще са бие до крайност, ако султана проводи по Балкана гарнизони.

Коларов согласен с мнението на преждеговорившите, само добави, че в минутата, когато трябва да са предприеме делото за съпротивление, то трябва да са попита народа.

Астарджиев и Дагоров тоже согласни с мнението на говорившите.

Г-н Едрецов: Каза, че жителите от округа ни са дали инструкции, че ще са бият, ако гарнизоните са изпроводят за Балкана.

Димитров: Макар населението и да е расположено към мир, но то ще употреби всичките си сили, за да отблъсни ако гарнизони са изпроводят за Балкана.

Иванчо х. Петров: говори в същата смисъл.

Х. Димитър Петров: Съгласен с мненията на преждеговорившите.

Г-н Киро: Съгласен с мнението на г-на Коларова, който каза, че в минутата, когато трябва да са предприеме делото за съпротивление, трябва да са попита народа.

Въпросът са тури под гласоподаване, който са прие от представителите на Южна България едногласно:

1. Че ако турското правителство прати по Балканът, когато и да е гарнизони, то ний, южно-българский народ, решаваме едногласно чрез народните си представители да са възпротивим с оръжие в ръка.

Точка втора: Ако би генерал-губернаторът са възползува от правото, което му са даде по Берлинския трактат и ако би това право не са унищожи от европейските сили, и извика, когато и да е и по която причина и да е турските войски, ний, южно-българский народ ще срещнем с вооружено съпротивление турските войски.

Председателят подложи тая точка под гласоподаване, която са прие от страна на представителите едногласно.

Точка трета: По * никой начин, никога и никому няма да си дадем оръжието (пушките), даже и на генерал-губернатора.

Людсканов: Г-да, ако са земе това решение под гласоподаване, то трябва именно да знаем, че тая точка е една от най-важните.

Попович: Каза, че оръжието си никому не трябва да дадем.

Точката са тури под гласоподаване и са прие едногласно от страна на представителите.

Четвъртата точка: Да можем да отговаряме пред Европа за вътрешното спокойствие и обезпечение на страната си от разни нападения, ний, представителите решаваме да поддържаеме милицията в същата организация и

* В документе: под.

в същата численост, която има сега и решаваме да плащаме разносните за издържанието ѝ от доходите на страната, до когато Народното събрание не види за добро да я намали.

Матеев: Г-да, тъй като знаем от опит що са турците и като знаем турската сила спрямо нашата предписана по Берлинския трактат, от 1000 души милиция и 3000 души жандармерия, то е невъзможно да са удържи мира на страната ни, затова аз съм на мнение да са поддържа милицията в организацията си и в числеността си както е сега, а освен това като тя ще се поддържа от прихода на страната ни.

Герджиков за в допълнение на Матеева каза: Че ний, милицията, именно трябва да я имаме за в случай против турското правителство, защото ще стават размирици, а ний с 1000 души войска не ще сме в състояние да удържим мира в страната си, затова именно трябва да имаме тая милиция, като добави, че е на мнение да са умали жандармерията, а колкото за средствата согласен съм с предложението на Матеева.

Искрев: Согласен с мнението на преждеговорившите, като добави, че офицерите на милицията да са туземци.

Г-н Хаканов: Г-да, ний трябва да поддържа милицията особено като са мисли, че ще са поддържа от приходите на страната, а и доброволната помощ, която макар и трудно да събираме, но ний пак ще я дадем, и разносните от начало няма да ни плашат следователно колкото и да коштува ний, г-да, трябва да поддържа милицията.

Костов: Важността на милицията е много важна, но аз като представител на Казанлъшкия округ, смея да кажа, че много трудно се събират парите, които са наложени на округа ни и че не сме в състояние да са задължим да плащаме нова помощ, което [се] потвърди и от Исифова.

Матеев: Повтарям думите на Хаканова и Герджикова, че милицията ще се поддържа от хазната, а не от народа.

Д-р Планински: Г-да, ако тя се поддържа от хазната, то в такъв случай Сливенският округ ще са согласи, защото иначе населението на округа не ще може да отговаря материално.

Точката се тури под гласоподавание и са прие от страна на представителите едногласно.

Точка пета: Желаяем да се одържи същата физиономия и еднохарактерност във войската, сир[еч] всичките офицери, които ще служат във войската да знаят български език и да се ползват с пълното доверие на своите подчинени както и да е; ако българските офицери са в недостатъчно число, то да молим да останат сегашните командири и да не са приемат от разни националности, които не знаят български език, за да са избягнат вавилонии, ако Европа действително желае доброто и ползата на страната, а не деморализацията на войската.

Г-да представителите, по причина на нямание време, оставиха този въпрос относително към 5-тата точка на идущето събрание да я разискват и заседанието се закри*.

НБКМ—БИА, II В 2268. Подлинник.

1. Имеется в виду ст. XVI Берлинского трактата.
2. Речь идет о ружьях, розданных гимнастическим обществам и сельским караулам.

* Следует 28 подписей представителей комитетов.

1879 г. априля 21. — Протокол собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии с обсуждением вопросов о национальном составе милиции и выборности членов областного собрания *

№ 7

9¹/₂ часа преди пладне
Пловдив

При присъствието на всички представители, с изключение на 9 души, председателят, като отвори заседанието, попроси представителите да размислят за редовното посещение на представителите в заседанията. Подир, като са размениха няколко думи по това предложение, реши са, че представителите са задължават да присъствуват точно на определен час и да не излязват от заседанието без извинителни причини. Прочете се копие на писмото, което председателят от страна на събранието проводи в отговор на писмото на г-на кореспондента на «Дейли-Нюз»¹, с което му отказваме свободата да присъствува в заседанията, понеже в едно от предварителните си заседания събранието беше решило да държи тайно решенията си.

Продължи са разискванието на 5-та точка, която във вчерашното заседание са предложи заедно с други точки от г-на полковника Кесякова чрез г-на Наумова. Г-н д-р Хаканов представи на събранието, че за приемането на тази точка не са изискват големи размисления и страхове, понеже за удовлетворителното постигане на точката ще са действа по миролюбив начин. Г-н Войводов възрази Хаканову, че тази точка по важноста не е второстепенна, изискова обсъждане, понеже присъствието на иностранны офицери е твърде вредително за нас и за войската. Г-н П. Иванов предложи, че тази точка, която е вътрешна със сила изпълнена може да произведе стълкновение, което от наша страна не е желателно. Г-н Хаканов са съгласи с П. Иванов. Войводов напомни на преждеговорившите, че за решението на този въпрос трябва да са съобръзим с решените вчера точки относително до средствата, които ще се употребят за подържането им. Н[егово] благоговейство г. Тилев от страна на членовете на комитета обърна вниманието на представителите върху следующите думи на н[егово] превъзходителство генерал-губернатора г-на Столипина: преговорите, които за сега са водят между великите сили², са отнасят до Южна България, затова трябва да са вардим да не би да покажем малодушие от наша страна; да налягаме за задържането на всички българи офицери и настоящата численост на войската. Г-да Х. Димитър и г-н Калчев потвърдиха думите на г. Тилева. Хаканов попроси Тилева за разяснение да съобщи на събранието всичко, което генерал-губернатора им е казал. Г-н Наумов попита защо завчера не са прие предложението, да се проводи комисия да изчерпи сведения от генер[ал]-губернатора, за догде са достигнали преговорите за нашата страна? Г-н Х. Димитър каза, че членовете на комитета са отишле при генер[ал]-губернатора не от себе си, а по призовката му³. Това същото потвърди и негово високопреосвещенство г-н Панарет. П. Иванов каза, че въпросът [се] състои в това: бива ли за всяка наша решителна постъпка да са допитваме до русите и да слушаеме ли техните съвети? Негово в[исоко] преосвещенство приложи, че наистина трябва да слушаеме руските съвети, но не и сляпата да ги изпълняваме и с настоявание да налягаме, щото началникът на милицията да е непременно българин. Подир дълги размисления и разысквания петата точка са сформира ето как: «Да са удържи същата физиономия и еднохарактерност във войската именно: началникът на войската да бъде непременно българин; всичките офицери, които служат във войската да знаят български язык и да са ползуват с пълното доверие на своите подчинени. Ако българите офицери са в недостатъчно число, приемат са и европейци; но желателно е да останат сегашните командири, ако

* С.м. док. 373, 374, 376, 378, 381.

Европа действително желае доброто и ползата на страната, а не деморализацията на войската».

Г-н председателът предложи на събранието шестата точка, която г-н Т. Кесяков му съобщил. Ето тази точка: «Областното събрание трябва да се състои изключително от представители избрани от населението на страната, а не да има членове назначени от генер[ал]-губернатора и от членове по право». Г-н Калчев препоръчва на събранието, че положений въпрос е от голяма важност. Г-н Войводов каза, че да искаме изпълнението на тази точка по този начин ни дава право и самият Берлински договор, който препоръчва на Международната комисия 8-й протокол на Цариградската конференция извлечен от Критският устав, по който всичките представители са избират от народа. Г-н Тилев обясни в няколко думи, каква полза има ако подирим правото си, което Берлинският конгрес сам ни дава. Тази точка, с общо съгласие, са прие⁴. Г-н Хаканов предложи на събранието, че подир разглеждането и приемането на прегледаните вчера точки трябва да са пристъпи към издирването на средствата, с които ще ги приложим в действие; да си изберем, продължи той, представително събрание, на което да поверим * съдбата си. Това събрание с благоразумие да води длъжностите си, като са допитва на всяка стъпка до руското началство. Преди да получи нуждните наставления от русите, то не ще има право да пристъпи към никое решение. Г-н Планински напомни на събранието, че от страна на тридесет и трима представители предлага да са посрещне генер[ал]-губернатора с ласкавост. Г-н Тилев каза, че преди разотиването на представителите и преди избирането на Народното представителство, трябва да са назначи комисия, която да съчини прошениято, което, отправено до великите сили, да изражава последните наши желания и решения. Г-н Хаканов напомни, че желанията и решенията ни трябва да отговарят на средствата ни, които за зла чест, са свършено слаби. Г-н Калчев каза, че при всичките старания за събирането на парите, пак не са събрани. Г-н д-р Стоянов предложи, от страна на другарите си казанлъшки представители, съгласно с дадените им инструкции, че всичко което сме решили трябва да са приложи на дело с предварително споразумение с русите, и по-неже това мнение се поддържа и от няколко други представители, то тази точка ето как са сформулира: «В всякой случай, и за която и да бъде от разглежданите и до сега предложените от полковник Кесякова точки, ще са изисквана мнението и съизволение на руският двор преди да са пристъпи до действие». Г-н Хаканов каза, че за посрещането на генер[ал]-губернатора да са представи на Народното представителство да размисли. Г-н П. Иванов каза, че ний трябва да посрещнем генер[ал]-губернатора с външна ласкавост, по фарисейски, защото става нужда сегиз-тогиз да знаем и дипломатически да са обръщаме. Станаха размисления, за кое от горните предложения трябва да са даде по-напред решение. С пълно вишегласие са удобри да са реши предложението на г-на Хаканова, което г-н д-р Стоянов сформулира в горнята формула, именно: «В всякой случай, и за която и да бъде от разглежданите и до сега предложените от полковник Кесякова точки, да са изисквана мнението и съизволение на руският двор преди да са пристъпи до действие». Тази формула с пълно вишегласие са прие от събранието. След това заседанието са склучи от председателя, който извести че в 3 часа ще са почне заседанието пак **.

НБКМ—БИА, II В 2268. Подлинник.

1. Корреспондент газети «Дейли ньюс» Бакланд (E. Buckland). «Дейли ньюс» была в то время близка к английской либеральной партии, руководимой У. Гладстоном.

2. Имеются в виду переговоры между великими державами о способе проведения в жизнь Органического устава Восточной Румелии и об обеспечении сохранения порядка и спокойствия в стране после вывода русских войск.

* В документе: въверим.

** Следует 24 подписи представителей комитетов.

3. ЦК Южной Болгарии поддерживал постоянную связь с руководителями Русского гражданского управления. Эти непосредственные связи ясны и из док. 343.

4. Вопреки настояниям болгар и поддержке их русскими делегатами, Европейская комиссия установила в Органическом уставе Восточной Румелии, что областное собрание будет состоять из выборных членов (36), по положению (10) и назначенных (10).

№ 378

1879 г. апреля 21. — Протокол собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии по выборам членов народного представительства *

№ 8

3 часа след обед
Пловдив

В присъствието на всичките представители от 12 душ[и] председателят отвори заседанието, като прочете едно писмо, с което г-н Консулов, член на Централний комитет, даваше си оставката от да бъде за напред член в комитета, по причина на домашни нужди и грижи, за които друг от рода му не е имало да са старае, като препоръчваше в същото време на представителите да не гледат със зло или умишлено око на събратята му, останалите членове от комитета и на други някого, който по мнението си е противен на мнението на другите. Г-н Хаканов, в отговор на писмото на г-на Консулова каза, че не може да му прие[ме] оставката, понеже нуждата от подобни личности е твърде голяма. Това са подкрепи и от много други лица. Подир това са подложи на разисквание предложението на г-на Хаканова относително това: че руската дипломатия преди да даде съветите и съизволения си, Народното представителство да няма право да прилага в действие някоя от решените точки. Г-н Маджаров възрази на това, като каза, че не е нужно да се протоколира подобно задължение, достатъчно е устно да са задължи Народното представителство, което до известна степен трябва да е самостоятелно. Главното е, прибави [той], да се внимава в избора на лицата, които ще съставляват Народното представителство, което още от самото идване на генер[ал]-губернатора да се признай за такова ¹. Г-н Хаканов предложи, че в състава на Нар[одното] представителство не е нужно всички представители да влязат, достатъчни [са] седмина душ[и] човеци честни, дълговидни, патриоти и деятелни и те ще изпълнят по-голема работа, отколкото да са по-вече на брой. Освен това трябва да отбягваме и излишните разности, тъй като страната ни и без тях е твърде бедна. Г-н Матакев поддържаше думите на Маджаров, че не е до толкоз нужно да са забелезва в протокола подобно задължение, защото ако някой ден пропадне този протокол, то явно ще стане, че русите вредом ни поущряват, за което и сега цялата журналистика са пълни със статии, които проповедоват за руски между нас подстрекавания и внушения. Делото, по неговото мнение, вървяло би успешно, ако членовете на Народното представителство са деятелни, патриоти, с чисто и неопятнено минало, качества, които да ни вдъхват доверие към тях. П. Иванов предложи, че Народното представителство да са задължи да са допитва ** вместо изключително само до русите, до по-опитни човеци, [за] да не би неприятелите ни да са възползуват като са известят. Д-р Хаканов настояваше да са мине в протокола това задължение, защото няма от какво да са боим.

Д-р Стоянович сподели думите на д-р Хаканова, като науми на събраниято, че най-напред трябва да са определи: Народното представителство ще ли замести досегашния комитет; каква цел ще да има то и от койко члена ще да [се] състои. Х. Димитър предложи, че числото на членовете в Народното представителство достатъчно е, ако бъде 6 и 7, защото от опит узнали, че когато членовете на Централний комитет бяха *** по-малко, то делата му вървяха

* См. док. 373, 374, 376, 377, 381.

** В документе: препитова.

*** В документе: беше.

по-успешно и по-добре, от колкото когато са умножиха. При това забележи, че членовете на Народното представителство трябва да са занимават изключително със службата си. Не е полезно, прибави той, да назначаваме негово блаженство за официален председател, понеже той е занят постоянно с много работи, които всякога не ще му позволяват да присъствува на заседанията. Г-н Дагоров поддържа мнението, че е нужно във всякой случай да се запише в протокола, че Народното представителство са задължава да са допитва до русите.

Г-н Людсканов напомни на събранието, че то трябва да внимава в избора на лицата, които ще съставляват Народното представителство, защото времето тъй изисква и защото себе си не счита до там способен, то моли събранието да му приеме оставката от членството в Централний комитет. Подир него г-н Тилев каза, че до колкото той разбира от говора на преждеговорившите с избиранieto членове за Народното представителство Централний комитет пада и трябва да падне, но не намира за нужно да са задължава Народното представителство да изисква и изпълнява съветите на русите, защото и французите ни са спомогнали в последно време твърде много. Твърде често, прибави той, може да са случи, щото руските представители да отсъствуват от тук или пък да заболяят в това време, когато са представи важен случай и Народното представителство ще остане без изискваните наставления, въпреки тяхното задължение. Г-н Наумов в отговор на преждеговорившия каза, че ний не трябва да забравяме, че сме славяни, за това не трябва да отбягваме съветите им и в края помоли председателя, да даде край на въпроса. Председателят попита събранието дали е осветлено или не върху въпроса. Болшинството се отзова, че достатъчно е осветлено и след гласоподаване въпроса са прие от всички, освен [от] шестмина представители.

Величков попита събранието: Народното представителство ще замести ли комитета или не?

Матакев попита: с избиранieto на Народното представителство пада ли уставът на комитета?

Г-н Хаканов им отговори: че с избиранieto на Народ[ното] представителство действително комитетът пада, а устава по после ще са прегледа. Комитетът, прибави той, не изпълни своята длъжност към представителите, на които длъжен беше да даде отчет на делата си, щом те дойдоха. Колкото за числото на членовете на Нар[одното] представителство, притури Хаканов, те може да са най-малко шестмина из разни места на Южна България, без да |се| гледа, че от всякой округ не ще да има. Това мнение, с общо вишегласие, са прие и председателят попита г-на Тилева, подпредседателя на Ц[ентралния] комитет, дали това число е достатъчно. Тилев подтвърди като каза, че повече да са членовете, работата все едно ще върви. Събранието са съгласи, като реши да постави от начало 14 душ[и], а после 16 душ[и] кандидати, които да са избират по такъв начин: щом един представител посочи одного за кандидат и са подкрепи от трима * още, да са приеме. По такъв начин за кандидати са избраха: д-р Чомаков, Людсканов, Ив. Ев. Гешев, Тилев, Консулов, Величков, д-р Стоилов, Тод. Кесяков, х. Господин, Кожухаров, Г. Груев, Мих. х. Панайотов, Петър Михайлов, Калчев, Д. Наумов и Костаки Пеев. Когато са пристъп[в]аше към избиранieto на членовете, г-н Матакев, представител от Т[атар] Пазарджик, обяви на събранието, че са въздържа да гласоподава. Макар и да са попроси от председателя да обясни причините, но той отказа като излезе от стаята на заседанието. Г-н Войводов, т[атар]-пазарджийский представител, прибави, че т[атар]-пазарджийските представители писмено ще са обяснят затова, ако стане нужда. Независимо от това събранието едногласно прие за членове на Народ[ното] представителство негово блаженство българ[ския] екзарх г-на Йосифа, негово в[исоко]преосвещенство Пловдивский митрополит г-на Панарета и негово в[исоко]благородие полковника Кесякова, без да са вчислят в кандидатството. После това избраните кандидати са подложиха на гласоподаване, в което намериха

* В документ: тремина.

вишегласие следующие лица: г-н д-р Чомаков с 38 гласа; Консулов с 29 гласа; Ив. Гешев с 28 гласа; д-р Стойлов с 27 гласа; Людсканов с 24 гл[аса]; С. Кожухаров — 24 гл[аса]; К. Пеев — 21 гл[аса]; Г. Груев — 19 гл[аса]. Г-н Людсканов отказа да вземе на себя служба в Народното представителство, защото здравето му не позволявало, макар и да е имал голямо усърдие да послужи на страната. Цялото събрание, при всичко, че го помоли твърде убедително, за да не отказва, но той решително са отказа. По-голямата част от представителите приеха оставката на г-на Людсканова. Да замести Людсканова следваше г-н Т. Кесяков, който най-много гласове имаше после горезабележителните лица, но защото той преди гласоподаването още са отказваше, ако се избере за член, то са реши да са покани, както той, тъй и другите лица, които намериха вишегласие и са намираха в Пловдив, да дойдат на утрешното заседание, за да са помолят да приемат службата, която събраниято на представителите иска да им възложи. След това заседанието са склучи *.

НБКМ—БИА, II В 2268. Подлинник.

1. Желание ЦК Южной Болгарии превратиться в официальное народное представительство не осуществилось, так как был введен в действие Органический устав.

№ 379

1879 г. апреля 22. — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости определить направление работ Европейской комиссии в связи с введением в действие Органического устава Восточной Румелии и приездом генерал-губернатора¹

№ 120

Цера

Милостивый государь
князь Алексей Борисович!

Я имел честь изложить затруднительное положение делегатов ввиду приезда генерал-губернатора Богородиса, множества подымающихся при передаче управления вопросов и неизвестности касательно дальнейшей деятельности комиссии. Лишь один итальянский наш товарищ получил официальное известие, что комиссия должна вернуться в Филиппополь, но на какой срок и при каких условиях, неизвестно.

Большая часть комиссаров того мнения, что после выборов, созвания провинциального собрания и введения главных из требуемых статутом учреждений дальнейшее пребывание в Восточной Румелии комиссии будет скорее вредить, чем помогать делу, так как она может оказаться в противоречии и с генерал-губернатором и с собранием.

Что же касается круга и пределов деятельности комиссии, то делегаты сходятся в убеждении, что пределы эти должны быть означены правительствами заранее, иначе по всякому частному случаю будут возникать раздражительные и бесплодные пререкания.

По моему скромному убеждению, было бы удобнее и быстрее всего поручить самой комиссии выработать проект тождественной инструкции делегатам, указав ей по телеграфу общие основания; инструкция эта, по утверждении правительствами, связывала бы в одинаковой мере всех комиссаров и на первых же порах определила бы направление комиссии.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга

князь Церетелев

Помета: Копия с этого донесения представлена г. товарищу министра иностр[ан-ных] дел.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, л. 222, 222 об. Подлинник.

* Следуют 22 подписи представителей комитетов.

1. Международная европейская комиссия по Восточной Румелии была создана для выработки в трехмесячный срок Органического устава и начала свою работу 18 (30) сентября 1878 г. После пяти заседаний, проведенных в Константинополе, комиссия 21 октября переехала в Филиппополь.

В комиссии столкнулись две тенденции — стремление европейских держав превратить Восточную Румелию в полностью подчиненную Турции провинцию и стремление России создать автономное болгарское государство на юге, подобное княжеству Болгария (см. док 267 и примечание к нему).

П. П. Убри писал А. М. Горчакову 1 (13) марта 1879 г., что задачей России является создание жизнеспособного государства на севере — ядра будущей Болгарии — и автономной провинции на юге (см. АВВР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 26, л. 220).

Европейские державы интересовались главным образом решением финансового вопроса, связанного с их экономическими интересами в Турции. Россия главное внимание уделяла выработке Органического устава.

Русские делегаты в комиссии А. Н. Церетелев и А. А. Шепелев отклонили все попытки комиссии вмешаться в управление Восточной Румелией, которое на законном основании принадлежало только России. Им удалось добиться признания официальным языком провинции болгарского языка, но не удалось в силу противодействия представителей западных держав придать румелийской милиции характер постоянного войска. См. А. А. Шепелев А. М. Дондукову-Корсакову, 16 (28) марта 1879 г. — ЦГИА, ф. 932, оп. 1, д. 228, лл. 123—124 об.

10 мая 1879 г. выработанный комиссией Органический статут был утвержден султаном. Хотя последний сохранял право «вето» относительно решений областного собрания, Восточная Румелия фактически получила автономию. Устав создавал в области Народное собрание с законодательными функциями, управление страной осуществляли шесть министров (директоров). Турецкие законы отменялись, все права личности и все гражданские свободы гарантировались.

Порта считала Органический статут Румелии слишком либеральным и слишком сложным (см. АВВР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 37, л. 463 об.).

Наличие его способствовало самостоятельному развитию Восточной Румелии и ее последующему объединению с княжеством (подробнее о работе комиссии см. ее протоколы, — там же, ф. Посольство в Константинополе, д. 3290, а также 85, стр. 58—87; 90, стр. 245—301).

№ 380

1879 г. апреля 22. — Отношение А. Д. Столыпина А. Б. Лобанову-Ростовскому о беседе с представителями комитетов «Единство» Южной Болгарии относительно ошибочности их ориентации на немедленное объединение с княжеством Болгарией

№ 875

Конфиденциально

Вашему сиятельству уже известно из моих предыдущих сообщений о существовании повсеместно почти в Восточной Румелии комитетов, руководящих народным движением.

Комитеты эти за последнее время весьма часто меняли характер своей деятельности. То вместе с сведениями о вероятном удовлетворении заветных желаний румелистов брала в них верх партия умеренная, считающая во главе своей экзарха, то одновременно с мрачными известиями о вступлении турок в страну одерживала верх партия либеральная, или, другими словами, партия восстания.

Я хорошо знал о деятельности этих комитетов, знал лично наиболее влиятельных членов оных и потому предпочел установить отношения мои к ним на почве взаимного доверия бесцельному, вероятно, принятию решительных мер к их прикритию.

Тактика эта мне до сих пор удалась, и подтверждением тому может служить то обстоятельство, что до сего времени, несмотря на крайнее возбуждение умов, я мог сдерживать народную массу в пределах благоразумия и достиг того, что вожаки движения ходят ко мне за получением им нужного *mot d'ordre* *.

На сих днях, между прочим, узнав, что в Филиппополе собрались депутаты от комитетов для обсуждения мер, которые должны быть приняты при новом положении дел **, и для составления мемуара *** к представителям

* Указание (фр.).

** См. док. 373, 374 и др.

*** См. док. 381 и прим. 3 к нему.

великих держав в Константинополе, мемуара притом крайне резкого, я призывал к себе депутатов самой радикальной партии и имел с ними довольно продолжительную беседу.

Вам известно, господа, начал я, что государю императору угодно поддержание мира и что, следовательно, предприняв какие-либо действия, клонящиеся к нарушению этого мира, вы восстановите против себя не только остальные европейские державы, но и Россию и ее государя.

Становясь на эту безусловно необходимую мирную почву, я не одобряю последних прокламаций*, пущенных в народ комитетами, особенно не одобряю и той формы, которою вы вводите народ в заблуждение, обещая ему помощь 80 миллионов славян. Это положительно неправда, вам никто не поможет и вы решительно должны отказаться от надежды вовлечь Россию в новую из-за вас войну.

Мне также прискорбно, прибавил я, что вы, несмотря на ваши обещания не делать ни шага помимо меня, издали эти прокламации без моего ведома и согласия.

Депутаты мне отвечали, что прокламация была напечатана в Сливне и преждевременно распространена там помимо их воли, что написана была эта прокламация в то время, пока я был в Тырнове, что мне они намеревались ее показать по моем возвращении и что в Филиппополе ее не распространяли и распространять не будут.

После этого я передал моим собеседникам сущность последних инструкций, полученных мною как от вашего сиятельства, так и от статс-секретаря Гирса**.

На вашем месте, сказал я, я в настоящее время оставил бы в стороне всякую мысль о соединении с Северной Болгарией.

Да и притом, продолжал я, переходя уже на почву совершенно частного конфиденциального разговора, управление Болгарии чрезвычайно, по моему мнению, дорогое, выработанная конституция чересчур либеральна и пригодна разве для государства вроде Бельгии, а отнюдь не для славянского народа, которому еще нужен опытный и твердый руководитель. Вам же, по настоянию государя императора, дали в генерал-губернаторы человека опытного и болгарина родом. Издержки по управлению Румелиею, несмотря на то, что страна богаче Болгарии, гораздо ограниченнее болгарских, чего же вам более?

Словами своими я, как видно, затронул самую почти чувствительную струну болгарского сердца, а именно струну денежную.

Депутаты все в один голос согласились с моими доводами. Мы согласились уже, сказали они, оставить в стороне мысль о соединении с Болгариею; мы хотим прежде всего лишь одного — это чтобы дали ручательство, что турецкие гарнизоны не вступят в Балканы. Гарнизоны и не вступят, перебил я их, ибо Турция даже и при всем ее желании послать свои войска в Балканы не в состоянии этого сделать; если вы хотите представить мемуар по этому вопросу, то оставьте это намерение. Теперь между державами идут переговоры о том, как бы обойти этот пункт Берлинского трактата, не оскорбляя самолюбия султана. Вы же своим мемуаром, противным постановлениям трактата, только можете испортить все дело — султан может заупрямиться в опасении, чтобы не подумали, что он поддался вашим настояниям и действует под вашим давлением.

Вообще, господа, вы не должны задевать Берлинского трактата, не забывайте, что акт этот скреплен подписью и представителей государя императора: идя против трактата, вы идете против вашего же освободителя.

Теперь, повторяю, гарнизонов в Балканах не будет, а если чего, не дай бог и что невероятно, султан пожелал бы через год-другой воспользоваться своим на это правом, то не успеете ли вы восстать тогда?

И на это мы согласны, отвечали мне, но вопрос о милиции?

* См. приложение к док. 359.

** См. АВПР, ф. ГА, 1-1, д. 55, лл. 79—82об.; ЦГИА СССР, ф. 932, оп. 1, д. 243, лл. 203—204.

Про милицию я сам писал, следовательно, ваш мемуар будет только повторением моих настояний.

Заметив, что таковой ответ мой не удовлетворил моих пытливых собеседников, так как действительно вопрос о милиции есть вопрос жизненный для Восточной Румелии, я в заключение разговора посоветовал им, если они уже решились во что бы то ни стало послать мемуар к представителям держав в Константинополе, то редактировать его в форме благодарственного адреса за дошедшие до них вести о назначении князя Вогоридеса генерал-губернатором Восточной Румелии и о незанятии турецкими войсками Балкан.

К этой благодарности можете вы, если уже непременно того хотите, присоединить и выражение желания вашего, чтобы в видах приданий более силы симпатичному вам генерал-губернатору не приступали бы к преобразованию милиции впредь до совершенного успокоения края и оставили бы, хотя временно, настоящих ее начальников.

Депутаты еще раз заверили меня, что их искреннее душевное желание — поддержать мир и спокойствие в стране, и обещались не посылать мемуара иначе, как в сказанном мною смысле.

На другое утро после этого разговора был у меня экзарх и благодарил меня за советы, преподанные радикальной партии.

При этом его блаженство заметил, что слова мои произвели сильное на всех впечатление и что вследствие этого консервативная партия снова решительно взяла верх и движение ныне вполне в ее руках.

В заключение прибавлю, что депутаты дали мне слово повлиять на народ, чтобы не было более никаких враждебных демонстраций ни против г. Шмидта, ни против делимитационной комиссии.

Подобные демонстрации, сказал я им, являются лишь неосмысленными детскими выходками и могут только испортить дело и бесцельно раздражить против болгар европейские кабинеты.

Примите уверение и пр.

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 38, лл. 164—168 об.; ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 2, д. 17, лл. 368—372 об. Копия. Литографированный экземпляр.

№ 381

*1879 г. апреля 23. — Протокол собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии об охране границы с Турцией и о порядке ликвидации дел Центрального комитета **

№ 10

3 часа после обед
Пловдив

В присъствието на всички представители освен. . . ** душ[и] председателят отвори заседанието. След прочитането на трите последни протоколи, направиха се следующите поправки от следующите лица за най-последния протокол от 22 априлий по 5¹/₂ часа после обяд. Предложението на Панайот Попов, представител от Сливен: по наставленията му добре би било щото Народното правителство да поработи, за да не са възвръщат турците до 2—3 месеци, са поправи по следующий начин; Народното правителство да са постараете, щото на турското население¹ да са даде срок за възвръщание от 2—3 месеци, подир които те да не могат да са възвръщат вече назад. Изказаното мнение на Матакева: че по никакъв начин не приема д-р Чомакова за член на Народното представителство, защото е человек с компрометирано минало и още благодарен за буквалното приспособление на Берлинския договор² и като губернский врач, не ще може да посещава редовно заседанията, са поправи по следующия начин: по никакъв начин не приемам д-р Чома-

* См. док. 373, 374, 376—378.

** Пропуск в тексте.

ков за член на Народното представителство, понеже убежденията му, както аз зная, са да не стават никакви народни движения и понеже той желае да наложи своето мнение на народа, то той смята неговото участие в комитета като парализуване на делото. Подир са пристъпи на дневний ред. Най-напред Людсканов прочете мемоара³ съставен от избраната вчера комисия и след като станаха някои размисления по него с общо съгласие на цялото събрание са реши да остане след * два дена, за да са пообмисли по-добре. После това са попита подпредседателя на Ц[ентралния] комитет г-н Тилев, да изясни причините, по които са се свикали представителите. И действително Тилев представи на събранието, че две са главните причини. Първата причина е тази, че с оттеглянето на руските войски, явява се нужда да са тури военен кордон по южната граница от населението, което ще са размеси тъй: към всяка рота от дружините ще се причислят от населението толкова обучени и въоръжени, щото да съставят цял баталион; три таквизи баталиона ще образуват полк, а четвъртата рота на разчистената дружина, пак по същия начин, ще са допълни до баталион, който ще бъде резервний. Военните, продължи Тилев, намериха, че 7000 душ[и] са достатъчни да образуват военний кордон. Втората причина е въпроса за прехраната на тази войска или въпроса за парите⁴. При това нужно беше да са намери човек честен и добър комуто да са възложи доставлянето на цялото продоволствие на речената войска и за такъв Цент[ралния] комитет намери г-на Русча Миркович от Сливен. Подир това Наумов предложи на събранието, че е необходимо да са състави комисия, която да прегледа делата на комитета. Това предложение са потвърди от Хаканова, Тилева и Матакева и от събранието са прие. За членове на тази комисия са избраха по общо съгласие г-да Янко Кочев, Панайот Попов, Иванчо х. Петров и Димитър Наумов **. Кожухаров попита: с[ъс] заместването на Централний комитет с Народното представителство, какво ще са сторят архивите на първий? Матакев му отговори, че ще са предадат на Народното представителство⁵.

Полковник Кесяков предложи на представителите от Сливенската губерния, като са разотидат да увещаят населението да кротува; да не напада ни на турци, ни на гърци или на други, а напротив да уважават като свестен народ собствеността на другите, защо[то] получи са по телеграфа сведения, в които са е съобщавало за безчиния и неприятности извършвани на последно [време] от нашите върху другите племена. После това заседанието са склучи ***.

НБКМ—БИА, II В 2268. Подлинник.

1. Имеются в виду турецкие беженцы.

2. До освобождения страны д-р Чомаков стоял на туркофильских и прозападных позициях. В комитете «Единство» он выдвинулся как один из руководителей так называемого умеренного течения, представлявшего крупную и часть средней буржуазии. Он поощрял вооруженную борьбу против Берлинского договора и рассчитывал «вымолить некоторые уступки» у великих держав путем послышки меморандумов и делегаций при проведении договора в жизнь. Инцидент, отраженный в протоколе, показывает проявившиеся уже классовые противоречия среди руководящих кругов болгарской общественности Южной Болгарии (см. 90, стр. 373—374).

3. Мемуар к великим державам с требованием изменить Берлинский договор и сделать Восточную Румелию свободным болгарским государством. Но он не был послан, так как вопросы о расквартировании турецких гарнизонов в Восточной Румелии и о назначении генерал-губернатора были благополучно разрешены (см. и док. 373 и прим. 3 к нему).

4. Имеются в виду лица, мобилизованные гимнастическими обществами. Эта мобилизация вызывала вопрос о создании отдельного интендантства, независимого от милиции. Как видно из этого документа, члены обществ составляли отдельные подразделения, входившие в вооруженные силы области (см. док. 356, 360).

5. Из некоторых протоколов (см. док. 378) явствует стремление ЦК Южной Болгарии реорганизоваться в народное представительство. Но это было невозможно из-за проведения в жизнь Органического устава, согласно которому следовало провести очередные вы-

* В документе: на.

** См. док. 383.

*** Подписи отсутствуют.

боры народных представителей в областное собрание. В областное собрание были избраны в качестве депутатов почти все члены тогдашнего ЦК Южной Болгарии. В мае 1879 г. он прекратил свое существование, так как его основная задача была выполнена — Восточная Румелия создавалась фактически как самостоятельное болгарское государство, несмотря на вассальную зависимость от Турции. Необходимость обеспечения обороны Восточной Румелии, однако, обусловила дальнейшее существование гимнастических обществ, которые осенью 1879 г. превратились в резервы милиции. ими продолжал руководить центр, находившийся в Сливво (см. газету «Българско знаме». Сливен, г. I, № 16, от 26.V 1879 г.; 68, т. III, стр. 243—255).

№ 382

*1879 г. апреля 25 (мая 7). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу о переговорах с Каратеодори-пашой и А. Богориди относительно порядка назначения служащих-болгар взамен русских в Восточной Румелии **

№ 76

Péra

Monsieur le secrétaire d'Etat!

J'ai eu l'honneur de recevoir la dépêche que votre excellence a bien voulu m'adresser en date du 21 Avril et par laquelle elle me recommande la question de la remise de l'administration de la Roumélie par nos autorités à celles qui devront les remplacer.

Le protocole que la Commission européenne a consacré à cet important objet, m'avait été communiqué par notre commissaire, et je n'ai pas tardé à m'en entretenir avec Carathéodory pacha. Je l'ai prié de me communiquer ses idées là-dessus, afin que nous puissions, conformément au vœu exprimé par la Commission, établir sans perte de temps une entente entre nous**.

Votre excellence trouvera sous ce pli le projet *** qui m'a été remis par le ministre des affaires étrangères.

La Porte pense que le nouveau gouverneur-général peut, dès à présent, prendre la direction de l'administration provisoire actuelle et opérer successivement par voie de transformation la substitution des nouveaux services aux services existants.

Ce mode de procéder, ainsi que je l'ai fait observer à Carathéodory pacha, ne me paraît pas pouvoir être adopté immédiatement. A l'exception de la partie judiciaire, qui n'est composée que d'indigènes, tous les autres services ont encore un nombre assez considérable d'officiers et d'employés russes que nous ne pourrions laisser, même provisoirement, sous les ordres d'Aleko pacha. Il importe, avant tout, que tous les fonctionnaires russes soient remplacés par des indigènes. J'ai prié le général Stolypine d'accélérer autant que possible cette transformation, mais je comprends parfaitement les difficultés qu'il éprouve à trouver parmi les Bulgares des personnes qui consentent à accepter maintenant des places sans être sûres de les garder à l'arrivée du nouveau gouverneur-général. Une entente préalable et confidentielle sur le choix des futures fonctionnaires entre le général Stolypine et Aleko pacha, au moyen d'une personne jouissant de la confiance de celui-ci, me paraissait par conséquent devoir précéder l'entrée du nouveau gouverneur-général en fonctions.

Carathéodory pacha apprécia la justesse de cette observation, et comme cet entretien avait lieu la veille de l'arrivée d'Aleko pacha à Constantinople, il me proposa de remettre notre décision jusqu'au moment où il en aurait causé avec le gouverneur-général.

Aleko pacha est venu me voir hier matin, et nécessairement je lui ai demandé son avis sur la question qui nous préoccupe. Il s'en remet entièrement à tout ce qui sera convenu entre la Porte et moi. Il me dit qu'étant décidé à suivre tous nos conseils et toutes nos indications, il acceptait d'avance tous les choix

* См. док. 315, 353, 388.

** См. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, л. 219—219 об.

*** См. АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 38, лл. 184—185.

qui seraient faits par le général Stolypine, et m'a prié d'en prévenir notre gouverneur-général. D'ailleurs il ne veut pas que qui que ce soit aille avant lui à Philippopolis pour s'entendre en son nom avec le général Stolypine sur le choix des futures fonctionnaires, de crainte que cette personne ne s'en prévale plus tard au détriment de son autorité, à lui.

Le nouveau gouverneur-général m'a paru animé des meilleurs sentiments. Il comprend qu'il ne peut réussir qu'en s'identifiant complètement avec les intérêts de ses compatriotes; il en a la ferme résolution, et à propos de l'appel de troupes turques en Roumélie, il m'a dit que plutôt que de recourir à une pareille mesure, il donnerait sa démission. Avant hier il a été reçu par le sultan, et n'a pas hésité à annoncer à sa majesté qu'il lui serait impossible de garder le fez; le sultan a paru étonné. J'ai conseillé à Aleko pacha d'adopter dès son arrivée en Roumélie la coiffure et le costume des miliciens bulgares.

Jusqu'à présent je ne connaissais Aleko pacha que de réputation. S'il est tel qu'on me l'a toujours dépeint, c'est-à-dire obstiné et cassant, je suis persuadé qu'il agira comme il le dit. Pour ma part, je l'ai assuré qu'il pourrait en toute occasion compter sur mon appui.

Veillez agréer, monsieur le secrétaire d'Etat, l'assurance de ma haute considération

Lobanow

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 38, лл. 181—183 об. Подлинник.

*Перевод
Пера*

Господин статс-секретарь!

Я имел честь получить депешу, которую ваше высокопревосходительство соблаговолили направить мне 21 апреля и которой мне поручается передача управления Румелией нашими властями тем, которые должны их заменить.

Протокол, посвященный Европейской комиссией этому важному предмету, был мне сообщен нашим комиссаром, и я не замедлил обсудить его с Каратеодори-пашой. Я просил его высказать мне свое мнение об этом, чтобы мы могли, согласно высказанному комиссией пожеланию, не теряя времени, прийти к соглашению между нами.

Ваше высокопревосходительство найдете при сем проект, переданный мне министром иностранных дел.

Порта полагает, что новый генерал-губернатор может теперь же взять в свои руки управление нынешней временной администрацией и постепенно путем преобразований приступить к замене существующих учреждений новыми.

Я заметил Каратеодори-паше, что подобный образ действий, как мне кажется, не может быть принят немедленно. За исключением юридических учреждений, состоящих только из местных уроченцев, все остальные учреждения включают еще значительное число русских офицеров и чиновников, которых мы не могли бы оставить даже временно под начальством Алеко-паши. Прежде всего важно, чтобы все русские чиновники были заменены туземными. Я просил генерала Столыпина по возможности ускорить эти преобразования, но я прекрасно понимаю, как трудно найти среди болгар лиц, которые согласились бы теперь же занять эти должности, не будучи уверенными в том, что сохранят их при новом генерал-губернаторе. Поэтому я нахожу необходимым, чтобы вступлению в должность нового генерал-губернатора предшествовало конфиденциальное соглашение между генералом Столыпиным и Алеко-пашой при посредничестве лица, пользующегося доверием последнего, относительно выбора будущих чиновников.

Каратеодори-паша оценил справедливость этого замечания, и так как эта бебеда происходила накануне приезда Алеко-паши в Константинополь, он предложил мне отложить наше решение до того момента, когда он переговорит о нем с генерал-губернатором.

Алеко-паша пришел ко мне вчера утром, и я спросил его мнение по интересующему нас вопросу. Он целиком полагается на то, что будет достигнуто в переговорах между Портой и мной. Он сказал мне, что, решившись следовать всем нашим советам и указаниям, он заранее принимает любой выбор, который будет сделан генералом Столыпиным, и просил меня уведомить об этом нашего генерал-губернатора. Впрочем, он не хочет, чтобы

кто бы то ни было отправился прежде него в Филиппополь, чтобы договариваться от его имени с генералом Столыпным о выборе будущих чиновников, из опасения, чтобы это лицо в дальнейшем не воспользовалось этим в ущерб его авторитету.

Новый генерал-губернатор показался мне преисполненным наилучшими чувствами. Он понимает, что может достичь успеха, лишь полностью подчинившись интересам своих соотечественников; он тверд в этом намерении и сказал мне по поводу призыва турецких войск в Румелию, что скорее подаст в отставку, чем прибегнет к подобной мере. Позавчера он был принят султаном и без колебаний заявил его величеству, что он не может носить феску; султан был удивлен. Я посоветовал Алеко-паше с приездом в Румелию принять головной убор и костюм болгарской милиции.

До настоящего времени я знал об Алеко-паше только понаслышке. Если он таков, каким мне его всегда описывали, то есть упрям и резок, я убежден, что он будет действовать так, как говорит. Что касается меня, я убедил его, что он может в любом случае рассчитывать на мою поддержку.

Соблаговолите принять, господин статс-секретарь, уверение в моем глубоком почтении

Лобанов

№ 383

1879 г. апреля 25. — Акт комиссии по ревизии дел Центрального комитета Южной Болгарии с краткой характеристикой его деятельности и описью архива

Пловдив

А к т

Съставен от комисията, която са избра от представителите на Южна България в Пловдив¹, за да прегледат делата, приходи-расходите и архивите на Централния комитет в Пловдив.

Народните представители на Южна България в пребиваванието си в Пловдив от 15—22 януарий имали са случай в заседанията да обсъдят положението на страната и нуждите на населението и дошли до заключение да съставят настоящия Централен комитет като му и начертали устава и избрали персонала на Централния комитет, състоящ са от г. г. Цанкова, Величкова и х. поп Тилева.

Централний комитет обаче едвам на 1 февруарий зачева редовните си дела и то в отсъствието на председателя си Др. Цанкова, който заминал като представител до Народното събрание в Търново.

Двамата членове х. поп Тилев и Величков водили делото на Централния комитет през месец февруари, обаче те не са държали никакав протокол, нито на заседанията си, нито за размишленията, нито пък и за решенията си. Но от износната книга на Централния комитет са явява, че през февруари са са писали 5 окръжни писма до всичките окръжни комитети в Южна България, 19 писма до частни лица в разни места и 9 телеграми. Съдържанието на тези писма и телеграми са изложени в кратце в най-добър порядък в износната книга на Централния комитет, и ако г. г. представителите желаят в кратце да си съставят ясно понятие за писмените дела, от които са заключава и за всичките дела на Централния комитет, то ний рекомандуваме в такъв случай да са прочете износната книга.

През месец марта делото на Централния комитет са водили г-да х. поп Тилев, Величков и Людсканов и са распратили окръжни писма до всичките комитети в Южна България — 15; писма до частни лица в разни места — 28 и телеграми — 12, които тоже под редовен номер и дата са забележени в износната книга.

От първи априлия до 13 априлия е пратил 3 окръжни писма до всичките комитети; 14 писма до частни лица и телеграми, 17 всичко.

Дето ще са каже Централний комитет от 1 февруари до 13 априлий е написал 23 окръжни писма, 61 частни писма и 38 телеграми, което най-ясно

доказва, че делото е било твърде огромно и безпристрастно признаваме, че трудовете на членовете на Централний комитет [са] биле чрезмерни.

От вносната книга на Централни комитет намираме, че през туй временно разстояние, т. е. от 1 февруари до 13 априлий са получени от разни частни лица и окръжни комитети писма и рапорти — 116; телеграми — 71; всичките тия получени писма, както и копията на испратените писма, са пазят в най-добър порядък и точност с редовни номера и дати.

Централни комитет е свикал две общи събрания от представители на окръжните комитети в Южна България.

Първото събрание на представителите от Южна България, станало на 1 март и са продължавало до 4 март, в което време представителите, според протоколите им, под председателството на Централни комитет са държели 5 редовни заседания, които са разглеждали вървежат на окръжните комитети, като са търсили средства, за да са отмахнат всякакви препятствия, които би пречели върху успехите на комитети[те]. Освен това са е решило, че за да може сериозно да са предприеме какво годе дело, в случай на нужда да съберат 100 000 лири, които са са разхвърлели на всичките окръзи в Южна България, съгласно с представителите им. В тези заседания представителите избрали г-на Александра Людсканова за действителен член в Централний комитет и решили извън границите на Южна България да са не прави никакво въстание, нито пак да са правят демонстрации против Шмита.

Второто събрание от представителите на Южна България, станало на 25 март и са продължавало до 29 март, през което време според * протоколите са държели осем заседания, в които най-първо са разгледали събиранията на парите; второ — незгодите на Централний комитет по малочислеността в персонала си спрямо огромното дело, и видяло са за неизбежно да са увеличи числото на персонала на Централний [комитет], което е и станало с избирането на следующите гг. негово блаженство, д-р. Чомаков, полковник Кесяков, Тодор Кесяков, архимандрит Кусевич, х. Петров, Консулов, Павлов и Наумов, а негово преосвещенство Панарет за съвещателен член на Централни комитет. Още са решило по най-енергичен начин да са продължават обученията-въоруженията и преготовленията; и окръжните комитети, без съизволение на Централний комитет, да не дързват по никой начин на какви да е дръзки постъпки, а при събирането на разхвърлената помощ да са контролира най-строга, за да не са правят нередовности, или да са допустят най-малко злоупотребеение с[ъс] събраните пари.

III. Събрание от представителите на окръжните комитети от Южна България е свикано на 16 априлия и всичко каквото са е разисквало и свършило има си и протоколите и извлечения направени и от протоколите на туй събрание.

Централни комитет след преустройванието си в персонала от 1 априлия до 13 е имал четири редовни заседания, заедно с техните редовни протоколи и именно:

Приходи-расходите на Централния комитет

Касага да дава

От февруари 14 до априлия 13 на	
Татар [Пазард[жишкия] окръжен комитет	фр. 165, 24
Пловдивския » »	» 1303, 83
Тодору Чикрйову за 200 л[ири] т[урски]	» 4600

6069, 07

* В документе: спротив.

Касата да зема

От януари 22 до март 22 от жалование за	
П. Тилева, Людсканова и Величкова	— fr. 2600
Краичко Самоходову жалование	— 240
ревизии, телеграми и разни разноси	—1008, 24
Ивану Е. Гешеву л[ири] т[урски] 60	— 1280
	<hr/>
	5228, 24
За уравнение готови у Людсканова л[ири] т[урски] 36,52	— fr. 840, 80
	<hr/>
	6069, 04

Архивите на Централния комитет в Пловдив ²

Архивите са състоят от следуюците книги:

1. Книга за износните писма и телеграми под № 1—157
 2. Книга за входящите бумаги и телеграми под № 1—190
- Копията на исходящите бумаги са подразделени на дела
- I. По пригответленията:
 - а) за организацията;
 - б) за въоружаванието;
 - в) за храни и припаси.
 - II. Парично — дело (касата) и журнал квитанции и пр.
 - III. Дело по депутацията в Европа.
 - IV. Вънкашна кореспонденция.
 - V. Разни изходящи.

Входящите бумаги са подразделени:

а) от Пловдив	ж) Хаскою	л) Бургас
б) Пазарджик	з) Харманлий	м) Карнобат
в) Карлово	и) Сливен	н) А[н]хи[а]ло
г) Казанлък	й) Ямбол	о) Къзъл-Агач
д) Стара Загора	к) Нова Загора	п) Айтос
е) Чирпан		

Дело по депутацията в Европа

Дело по вънкашната кореспонденция

Дело по протоколите на общи събрание от представителите на окръжните комитети и уставът.

Дело по протоколите на Цен[тралния] комитет от 1 априлия.

Печат на Централни комитет

Д. М. Наумов
Я. Т. Кочев
П. Г. Попович
Иван х. Петров

НБКМ—БИА, II В 2268. Подлинник.

1. Согласно решению заседания представителей комитетов «Единства» Южной Болгарии, состоявшегося 23 апреля 1879 г. (см. док. 381).

2. Из этих архивов сохранились протоколы заседания представителей комитетов Южной Болгарии, книги исходящих и входящих писем Центрального комитета и полномочия для участия в собрании представителей того же 1879 г. Эти документы хранятся в НБКМ — БИА, II В 2266—2268.

№ 384

1879 г. апреля 25 (мая 7). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу о переговорах с Турцией относительно отказа ее от введения турецких гарнизонов в Восточную Румелию *

№ 74

Péra

Monsieur le secrétaire d'Etat!

Mr. l'aide de camp général Obrouitchew, après avoir eu en mer un accident qui l'a fait tarder de deux jours, est arrivé à Constantinople dans la matinée de samedi, le 21 Avril (3 Mai).

* См. док. 385 и примечание к нему.

J'avais déjà demandé pour ce jour une audience au sultan, et nous nous sommes rendus à Yildiz à 4 heures de l'après-midi.

Après avoir remis à sa majesté la lettre de sa majesté l'empereur *, le général Obroutchew fit valoir les sentiments d'amitié qui animaient notre auguste maître pour le sultan, et développa l'objet de sa mission, ainsi que les motifs qui devaient engager la Porte à prendre, de son côté, toutes les mesures qui dépendaient d'elle, pour consolider la pacification de la Roumélie Orientale. L'apparition de troupes turques dans cette province compromettrait gravement la tranquillité publique; personne ne songeait à contester à sa majesté les droits que lui accordait le traité de Berlin, mais il était de son intérêt de n'en faire usage qu'avec une extrême circonspection; des fauteurs de désordres agitaient la population en répandant le bruit qu'aussitôt après notre évacuation les troupes turques viendraient occuper le pays, et il importait de rassurer les habitants sur les véritables intentions de sa majesté en leur donnant la certitude qu'ils n'avaient pas à redouter le retour des troupes turques aussi longtemps que des désordres graves n'obligeraient pas la Porte à recourir à des mesures de répression.

J'ajoutai, de mon côté, que j'avais déjà appelé sur ce point la plus sérieuse attention des ministres de sa majesté et que je leur avais suggéré l'idée de profiter du moment où Aléko-pacha irait en Roumélie prendre possession de son poste, pour faire une déclaration dans le sens que venait d'indiquer le général.

Le sultan nous répondit par l'assurance de ses sentiments d'amitié pour notre auguste maître. Il avait le désir sincère d'en fournir la preuve à sa majesté impériale, en établissant avec elle des rapports de cordialité qui ne se ressentent en rien des dissentiments passés; il était profondément reconnaissant à l'empereur de tout ce qu'il avait plu à sa majesté de prescrire au général Obroutchew relativement à la Roumélie Orientale, et il ne manquerait pas, pour sa part, d'employer tous ses soins pour que la tranquillité ne fût pas troublée dans cette province.

L'entretien sur ce sujet se prolongea assez longtemps; mais en dehors d'assurances amicales et de promesses vagues, il ne fut pas possible de rien obtenir du sultan.

Namyk-pacha et Munir bey avaient assisté à cet entretien, — le premier sans y prendre aucune part et le second en qualité d'interprète.

A la fin de l'audience, je demandai au sultan la permission de lui présenter le général Bobrikow, le colonel Schepelew et le prince Tzérételew que nous avions pris avec nous et qui s'étaient tenus pendant notre conversation dans une pièce voisine.

Après leur avoir adressé quelques paroles bienveillantes, le sultan nous congédia; mais aussitôt se tournant vers moi, il me pria de ne pas partir.

Je restai seul avec le sultan. Mr. Onou, qui m'avait accompagné, nous servit d'interprète.

Dans la conversation tout-à-fait intime qui s'engagea entre nous, je revins avec plus de force encore sur la nécessité pour la Porte de dissiper tout malentendu et de ne pas amener par sa faute des complications dont on ne pourrait prévoir l'issue; je connaissais les intentions du gouvernement de sa majesté, mais il était indispensable que dans le pays même il n'y eut aucun doute à cet égard, et je pensais qu'Aléko-pacha devait, dès son arrivée en Roumélie, être chargé de donner les assurances les plus tranquillissantes. L'intérêt de sa majesté lui en faisait une loi.

Le sultan m'écouta fort attentivement. Il me dit ensuite qu'il appréciait parfaitement les considérations que je lui exposais, et qu'il ne manquerait pas d'en tenir compte.

Au sortir du palais, j'allai avec le général Obroutchew chez le grand vézir, que j'avais fait prévenir de notre visite.

Le général lui répéta, à peu près dans les mêmes termes, tout ce qu'il venait de dire au sultan. La conversation qui s'en suivit entre nous amena à préciser

* С.М. док. 363.

davantage les points de vue réciproques sur l'occupation des Balkans et l'entretien de troupes turques sur les frontières de la Roumélie. Haïreddin-pacha se prononça d'une manière bien plus franche et plus explicite que le sultan. Il dit que la Porte ne pouvait pas se désister de ses droits, mais qu'elle n'avait aucune intention d'en profiter et qu'il se passerait même bien du temps avant qu'elle en eut la possibilité. Sans s'arrêter à la valeur fort contestable d'une occupation des Balkans au point de vue militaire, la Porte ne se fait aucune illusion sur les difficultés pratiques de cette occupation et sur les sommes énormes que devrait engloutir la construction de forts et de casernes, ainsi que l'entretien d'une armée permanente sur une étendue aussi considérable et dans un pays où tout devrait être payé argent comptant. La nécessité d'apaiser des troubles pourrait seule obliger la Porte, bien malgré elle, à faire franchir à ses troupes les frontières de la Roumélie.

Je demandai alors au grand vézir s'il pouvait autoriser le général Obroutchew à déclarer que, d'après les assurances données par la Porte, les troupes turques n'entreraient en Roumélie que dans le cas où des désordres graves y éclateraient; car il est évident qu'à la suite des conseils que le général donnera aux Rouméliotes, ceux-ci, terrorisés par la possibilité de l'entrée des troupes turques, ne manqueront pas de lui demander quelles sont à cet égard les intentions de la Porte, et il importe que le général puisse donner une réponse immédiate et satisfaisante.

Le grand vézir répondit que pour donner une telle autorisation au général Obroutchew, il devait consulter ses collègues et soumettre l'affaire au sultan; mais il me promit de convoquer dès le lendemain matin le conseil des ministres, et de me faire connaître dans la journée la décision qui y serait prise.

Le conseil fut en effet réuni le lendemain. Haïreddin-pacha d'abord, ensuite Carathéodory-pacha vinrent m'en communiquer le résultat, revêtu de la sanction du sultan. La déclaration verbale qui m'a été faite, est celle-ci: «Mr. le général Obroutchew peut annoncer au nom de la Sublime Porte que, tout en réservant ses droits, elle n'a, quant à présent, aucune intention de faire pénétrer ses troupes dans la Roumélie Orientale. «C'est Carathéodory-pacha qui me communiqua cette formule telle que je viens de la transcrire. Le général Obroutchew a assisté à notre entretien. Tous les deux nous fîmes observer au ministre que les mots: «quant à présent», avaient un sens beaucoup trop restreint, et que ces deux seuls mots annulaient la valeur de toute la déclaration. Carathéodory-pacha nous dit qu'il n'avait pas le droit de les supprimer ou d'y substituer une autre expression, parce que le conseil avait trouvé, qu'en allant plus loin, la Porte pourrait être accusée d'enfreindre une des clauses essentielles du traité de Berlin.

Plus tard, il m'expliqua que le Congrès de Berlin en confiant au sultan la garde des Balkans, avait eu en vue non pas autant les ennemis intérieurs que les ennemis *extérieurs* de la Turquie et qu'en faisant dépendre l'occupation des Balkans de l'explosion de troubles intérieurs en Roumélie, la Porte s'exposerait infailliblement à des réclamations de la part des autres Puissances. Cette appréhension ne me paraît pas dénuée de fondement, et je viens d'en avoir la preuve dans ce qui m'a été confié par Aléko-pacha: «lorsqu'avant son départ de Vienne il est allé voir le comte Andrassy, ce ministre lui a dit qu'une des clauses du traité de Berlin auxquelles l'Autriche tenait *le plus*, c'était l'occupation des Balkans par les Turcs, et qu'il fallait songer à leur en faciliter les moyens.

Quoi qu'il en soit, je considère que, malgré cette restriction, la déclaration que le général Obroutchew est autorisé à faire au nom de la Porte, n'en est pas moins fort importante et qu'elle facilitera la tâche de pacification qui lui est confiée.

Le grand vézir m'a dit qu'Aléko-pacha, lorsqu'il se rendrait à son poste, aurait l'ordre de faire également une déclaration dans le même sens.

Le général Obroutchew est parti d'ici pour Philippopolis lundi matin, le 23 Avril (5 Mai).

En conclusion je crois devoir placer sous les yeux de votre excellence la copie d'une lettre confidentielle * que je viens de recevoir du général Stolypine. Elle témoigne des efforts que fait notre gouverneur-général pour calmer les esprits et de l'influence qu'exercent ses conseils.

Veillez agréer, monsieur le secrétaire d'Etat, l'assurance de ma haute considération ¹.

Lobanow

АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 38, лл. 159—163 об. Подлинник.

Перевод

Пера

Господин статс-секретарь!

Генерал-адъютант Обручев после несчастного случая в морском путешествии, вынудившего его задержаться на два дня, прибыл в Константинополь в субботу утром 21 апреля (3 мая).

Я попросил на этот день аудиенцию у султана, и мы отправились в Илдис в 4 часа полудни.

Передав его величеству султану письмо его императорского величества, генерал Обручев подчеркнул дружеские чувства, питаемые нашим августейшим повелителем к султану, и раскрыл как цель своей миссии, так и мотивы, которые должны побудить Порту принять все зависящие от нее меры, чтобы обеспечить умиротворение Восточной Румелии. Появление турецких войск в этой провинции серьезно подорвало бы общественное спокойствие; никто не намеревается оспаривать прав его величества, предоставляемых ему Берлинским трактатом, но было бы в его интересах пользоваться ими с крайней осторожностью; зачинщики беспорядков волнуют население, распространяя слух, что сразу же после нашей эвакуации турецкие войска оккупируют страну, и было бы важно успокоить жителей насчет истинных намерений его величества, уверив их в том, что у них нет оснований опасаться возвращения турецких войск до тех пор, пока серьезные беспорядки не вынудят Порту прибегнуть к репрессивным мерам.

Я добавил со своей стороны, что я уже обращал на этот вопрос самое серьезное внимание министров его величества и внушил им мысль воспользоваться тем временем, когда Алеко-паша отправится в Румелию занять свой пост и сделать заявление в том смысле, о котором только что говорил генерал.

В ответ султан заверил нас в своих дружеских чувствах к нашему августейшему повелителю. Он искренне желал доказать это его императорскому величеству, установив с ним теплые отношения и забыв о прошлых разногласиях; он глубоко признателен императору за все, что его величество благоволил предписать генералу Обручеву относительно Восточной Румелии, и не преминет со своей стороны приложить все старания, чтобы не было нарушено спокойствие в этой провинции.

Беседа по этому вопросу продолжалась довольно долго, но от султана было невозможно добиться чего-либо, кроме уверений в дружбе и туманных обещаний.

Намык-паша и Мюнир-бей присутствовали при этой беседе: первый — не принимая в ней никакого участия, а второй — в качестве переводчика.

В конце аудиенции я попросил у султана разрешения представить ему генерала Бсбрикова, полковника Шепелева и князя Церетелева, которых мы взяли с собой и которые во время нашей беседы находились в соседней комнате.

Обратившись к ним с несколькими любезными словами, султан отпустил нас, но тотчас же, обернувшись ко мне, он попросил меня не уходить.

Я остался наедине с султаном. Сопровождавший меня г-н Ону служил нам переводчиком.

В обстановке совершенно интимной беседы, завязавшейся между нами, я с еще большей настойчивостью вернулся к мысли о необходимости для Порты рассеять любое недоразумение и не приводить по своей вине к осложнениям, исхода которых нельзя предвидеть; мне известны намерения правительства его величества, но необходимо, чтобы в самой стране не было никаких сомнений на этот счет, и я думаю, что Алеко-паше должно быть поручено по его приезде в Румелию сделать самые успокоительные заверения в этом отношении. Этого требуют интересы его величества.

* См. док. 380.

Султан выслушал меня весьма внимательно. Он мне сказал, что высоко ценит соображения, мной изложенные, и непременно примет их во внимание.

По выходе из дворца я отправился с генералом Обручевым к великому визирю, которого я предупредил о нашем визите.

Генерал повторил ему почти в тех же самых выражениях все, что он только что сказал султану. В ходе дальнейшей беседы были уточнены взгляды обеих сторон на оккупацию Балкан и на содержание турецких войск на границах Румелии. Хайреддин-паша высказался значительно более откровенно и ясно, чем султан. Он сказал, что Порты не может отказаться от своих прав, но что она нисколько не намерена ими воспользоваться и что пройдет много времени, прежде чем она будет иметь к тому возможность. Не останавливаясь на весьма спорном значении оккупации Балкан с военной точки зрения, Порты не строит никаких иллюзий относительно практических трудностей, представляемых этой оккупацией, и огромных сумм, требуемых на строительство крепостей и казарм, так же как и на содержание постоянной армии на весьма значительном пространстве и в стране, где все должно оплачиваться наличными деньгами. Необходимость успокоить эти волнения могла бы единственно вынудить Порты, даже против ее воли, ввести войска в пределы Румелии.

Я тогда спросил великого визиря, может ли он позволить генералу Обручеву заявить, что, согласно сделанным Портой заверениям, турецкие войска войдут в Румелию, только если там произойдут серьезные беспорядки; так как очевидно, что в результате советов, данных генералом румелиотам, эти последние, терроризованные самой возможностью вступления турецких войск, не преминут спросить у него, каковы намерения Порты в этом отношении, и важно, чтобы генерал мог незамедлительно дать удовлетворительный ответ.

Великий визирь ответил, что дать подобное разрешение генералу Обручеву он может, лишь посоветовавшись со своими коллегами и передав дело на рассмотрение султану; но он обещает завтра же утром созвать совет министров и днем сообщить мне о принятом решении.

Совет действительно был созван на следующий день. Сначала Хайреддин-паша, затем Каратеодори-паша пришли сообщить мне о его результате, санкционированном султаном. Мне было сделано следующее устное заявление: «Генерал Обручев может объявить от имени Блистательной Порты, что, продолжая сохранять за собой свои права, она не имеет в настоящее время никакого намерения вводить свои войска в Восточную Румелию». Эту формулу в том виде, как я ее написал, сообщил мне Каратеодори-паша. Генерал Обручев присутствовал при нашей беседе. Мы оба заметили министру, что слова «в настоящее время» имеют слишком ограниченный смысл и что они зачеркивают значение всего заявления. Каратеодори-паша сказал нам, что не имеет права их вычеркнуть или заменить другим выражением, так как совет нашел, что в этом случае Порты может быть обвинена в нарушении одного из основных положений Берлинского трактата.

Позже он объяснил мне, что Берлинский конгресс, доверив султану охрану Балкан, имел в виду не столько внутренних врагов Турции, сколько *внешних* и что, ставя оккупацию Балкан в зависимость от взрыва внутренних беспорядков в Румелии, Порты неизбежно вызовет протест со стороны других держав. Это опасение показалось мне не лишним основанием, и я получил тому подтверждение в сообщении, мне сделанном Алеко-пашой: когда перед отъездом из Вены он пошел к графу Андраши, министр сказал ему, что *наиболее важным* с точки зрения Австрии положением Берлинского трактата является оккупация Балкан турками и нужно думать о том, чтобы облегчить им эту задачу.

Как бы там ни было, я считаю, что, несмотря на это ограничение, тем не менее заявление, которое генералу Обручеву дозволено сделать от имени Порты, весьма важно и что оно облегчит верную ему задачу умиротворения.

Великий визирь сказал мне, что, когда Алеко-паша отправится занять свой пост, он также получит приказ сделать заявление в этом духе.

Генерал Обручев уехал отсюда в Филиппополь в понедельник утром 23 апреля (5 мая).

В заключение считаю долгом передать вашему высокопревосходительству копию конфиденциального письма, полученного мною только что от генерала Столыпина. Оно свидетельствует об усилиях, приложенных нашим генерал-губернатором для успокоения умов, и об оказываемом им влиянии.

Соблаговолите принять, господин статс-секретарь, уверение в моем глубоком почтении ¹.

Лобанов

1. Д. А. Милютин писал по поводу отказа Турции от ввода турецких войск в Южную Болгарию: «Такое заявление много успокоит взволнованные умы болгар и, что весьма важно, делает вовсе излишними все неприятные объяснения с Англией и Австрией; обе они останутся в стороне с пахальными своими домогательствами» (см. 57, стр. 140—141).

Но султан ограничился лишь *устными* заверениями; в официальной ноте, присланной им с послом Намык-пашой 10 мая 1879 г., содержались лишь общие фразы (см. 57, стр. 143).

Тем не менее Турция, напуганная размахом национально-освободительного движения в Южной Болгарии, так и не посмела осуществить права, предоставленные ей ст. XVI Берлинского трактата.

№ 385

1879 г. апреля 25 *. — Обращение Н. Н. Обручева к населению Филиппополя об отказе Турции от введения войск в Восточную Румелию ¹

Слышали ли и уразумели ли вы слова государя императора Александра? Ясно ли вам чего он желает? Он надеется, что вы честно и мирно исполните все то, что на вас возлагается трактатом, и воздержитесь от всяких беспорядков.

Русскою кровью и пожертвованиями русского народа вам доставлены права, обеспечивающие ваше благосостояние.

Не все надежды ваши осуществились, но и то, что вам дано, есть великое благо: вы теперь полноправные граждане, полные хозяева своего дела и своего труда. Отныне от вас самих будет зависеть подготовить себе цветущую будущность.

Но помните, что это может быть достигнуто мирным путем. Ни Россия, ни Европа не желают пролития и капли новой крови. Вы должны доказать Европе, что способны к мирному развитию; и тогда к сочувствию, постоянно питаемому к вам Россией, присоединится и расположение к вам всей Европы.

Забойтесь прежде всего не утратить то, что вам дано; не давайте сами повода к вмешательству в ваши дела, и вам тогда нечего будет опасаться.

Посылая меня к вам, государь император поручил мне вместе с тем передать собственноручное его письмо султану, в котором он выразил надежду, что е[го] в[еличество] султан, верно оценив как свои собственные, так и общие европейские интересы, также поставит себе целью сохранение мира и спокойствия в вашей стране и упрочение ее благосостояния.

Из свидания с е[го] в[еличеством] султаном и бесед с его министрами я вынес положительное убеждение, что Порта воодушевлена относительно вас вполне честными и благими намерениями. Кроме генерал-губернатора, назначенного Портой с согласием великих держав из ваших же родичей, вы не увидите в вашей стране никаких турецких властей. Вам нечего опасаться и турецких войск; страна ваша ограждена от них трактатом, и Порта менее всего расположена искать каких бы то ни было поводов к нарушению вашего спокойствия. Порта не думает спешить даже занятием Балканов. Сохраняя за собой во всей неприкосновенности право пограничных гарнизонов, она в настоящее время не видит безотлагательной необходимости воспользоваться этим правом, и я уверен, что ваше поведение может иметь огромное влияние на практический исход этого вопроса. Комбинация о гарнизонах в Балканах, порожденная недоверием держав к новому порядку вещей на Балканском полуострове, падет, вероятно, сама собою, когда рассеются напрасные опасения, возбужденные последней войной. Стратегические достоинства этой комбинации, кажется, уже никем не защищаются; от вас будет зависеть, чтобы точно так же была признана и политическая ее бесполезность. Только держите себя смирно, не вызывайте сами необходимости присутствия в вашей стране турецких войск.

Порта сдержит регулярные свои силы; против вторжения же башибузуков у вас есть оружие; на то оно вам дано, чтоб вы могли защищать от зло-

* Документ датируется по кн.: И. Е. Гешов. Спомени из години на борби и победи. София, 1916, стр. 110.

доев ваши дома, ваших жен и детей и чтоб в вашей стране не могли уже повторяться те ужасы, от которых она страдала в течение многих веков.

Отныне ваше положение прочно, пользуйтесь его благами без всяких опасений, благодарите за них творца, благодарите русский народ и храните навсегда неизгладимую благодарность к великому царю — освободителю вашему.

Помолимся же о сохранении и продлении драгоценнейших дней его!

АВПР, ГА, V—A₂, д. 993, ч. 2, лл. 381—382об. Копия.

Опубликовано на болгарском языке: газета «Марица», № 77, 27.IV 1879 г.; И. Е. Геш о в. Спомени из години на борби и победи. София, 1916, стр. 110—113.

1. Этот документ связан с деятельностью русского правительства против ввода турецких гарнизонов в Восточную Румелию. В результате предварительных дипломатических переговоров было достигнуто положительное решение этого вопроса, хотя и не в окончательной форме. В связи с этим русское правительство послало в середине апреля 1879 г. генерала Н. Н. Обручева в Константинополь с личным письмом Александра II султану, в котором император призывал Турцию отказаться от своего права держать гарнизоны на Балканах. Султан Абдул-Гамид не принял полностью эту рекомендацию, но согласился, чтобы генерал Н. Н. Обручев объявил населению Восточной Румелии об отсутствии в настоящий момент у Турции намерения послать войска в область. Это было большим успехом болгарского народа и русской дипломатии в деле обеспечения безопасности и свободного национального развития Восточной Румелии.

Из Константинополя Н. Н. Обручев отправился по поручению русского правительства в Восточную Румелию и объявил обращение Александра II к ее населению, в котором тот призывал принять предоставленную области автономию, отраженную в Органическом уставе и обеспечивающую свободное развитие (опубликовано в газете «Марица» № 77, 27.IV 1879 г.). Настоящий документ представляет собой речь Н. Н. Обручева, произнесенную им в Филиппополе после прочтения обращения Александра II. Затем Н. Н. Обручев посетил все более или менее значительные города Восточной Румелии и всюду читал обращение и выступал с этой речью. Обращение Александра II и речь генерала Н. Н. Обручева способствовали успокоению болгарского населения. Миссия Н. Н. Обручева в Восточную Румелию приобрела еще более яркий политический характер благодаря проведенным им в некоторых городах демонстративным смотрам гимнастических обществ. В частности, в Сливне в смотре участвовало 11 тыс. гвардейцев, 2 тыс. бойцов милиции и русские военные части, насчитывавшие более 2 тыс. человек (см. газету «Българско знаме», № 14, 12.V 1879 г.; газету «Марица», № 77, 27.IV 1879 г. и др.). Эта акция русского правительства в сочетании с борьбой болгарского народа существенно способствовала мирному проведению в жизнь автономии Восточной Румелии, и оба крыла комитетов «Единство» единодушно ее поддержали.

№ 386

1879 г. мая 4 (16). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о распространении в Восточной Румелии прокламации с призывом оказать сопротивление введению турецких войск

№ 95

Буюкдере

Милостивый государь
князь Алексей Борисович!

Донесением моим от 27 апреля (9 мая) № 92 * я имел честь сообщить вашему сиятельству о противодействии некоторых болгар успокоению края, предпринятому генерал-адъютантом Обручевым; я надеялся, однако, что это противодействие, особенно на время пребывания в стране посланного государя, ограничится словами.

К сожалению, деятели комитета, продолжая обманывать наши власти мнимую покорностью, работают с целью возбуждения беспорядков. В день отъезда генерал-адъютанта Обручева в Тырново, отправляясь по приказанию вапего сиятельства в Константинополь, я на станции железной дороги увидел три тюка печатанных листов, посылаемых комитетом в Хаскей и Германлы. Листы, по наведенным справкам, оказались тою самою зажигатель-

* См. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 231—232об.

ною прокламациею, которая была распространена в Сливно и экземпляр которой я имел честь представить в императорское министерство *.

Хотя я накануне передал генерал-губернатору имевшиеся у меня сведения о деятельности комитетов, я и на этот раз поспешил уведомить его о случившемся. Вечером управляющий генеральным консульством получил от генерал-лейтенанта Столыпина отношение, в котором отвергаются совершенно сообщенные мною сведения. По сделанному расследованию тюки оказались-де с прокламацией государя императора.

Вполне уверенный в точности моих справок, я мог лишь сожалеть, что лица, делавшие расследование, случайно или намеренно ввели в заблуждение генерал-лейтенанта Столыпина. Обман был для меня тем более ясен, что все экземпляры прокламации его императорского величества хранились в генеральном консульстве и передавались в заделанных тюках не комитетам, а местным властям и в Хаскей и Германлы тюков еще отправлено не было.

Впрочем, все сомнения не замедлили рассеяться. Вчера я получил от титулярного советника Извольского следующие две секретные телеграммы.

Филиппополь, 2 (14) мая. «Зажигательные прокламации, о которых я сообщил по вашему приказанию генералу Столыпину, задержаны и доставлены филиппопольскому губернатору».

Филиппополь, 2 (14) мая. «По сведениям, доставленным болгарами, в некоторых местностях очень распространены зажигательные прокламации. Я сообщил об этом губернатору. Филиппопольский митрополит ** намерен разослать по своей епархии окружное послание *** с увещаниями не поддаваться пропаганде, противной желаниям государя императора».

В то же время находящийся в Константинополе генерал-лейтенант Столыпин получил из Филиппополя известия, что в Германлы был задержан один из тюков и что в нем оказалось воззвание комитета.

Продолжая не придавать особого значения деятельности кружка болгар, лишенного всякой почвы после заявления генерал-адъютантом Обручевым воли государя, я должен, однако, заметить, что деятельность эта поддерживает до некоторой степени брожение в умах. Потому намерение митрополита Панарета обратиться с посланием к своей пастве заслуживает, кажется, одобрения. Мысль эта была поднята мною при одном из последних свиданий с экзархом. Но блаженный Иосиф не придавал этой мере особенного значения, напоминая мне, что окружные послания обыкновенно писались под давлением турецких властей и потеряли влияние. С моей стороны могу добавить, что митрополит Панарет, бывший прежде другом с турками, потом ставший в числе рьяных членов комитета, не пользуется особым доверием.

Лучшим, несомненно, средством к полному успокоению края будет водворение нового генерал-губернатора. Увидав, что все управление остается в руках болгар и что турецкие войска не показываются, население примирится временно с совершившимся фактом, и даже горячие головы откажутся пока от непосильной задачи изменить, помимо воли императорского правительства, созданный Берлинским трактатом порядок.

С отличным почтением и таковою же преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга

кн. Церетелев

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 243—246. Подлинник.

* См. приложение к док. 359.

** Панарет.

*** См. док. 387.

1879 г. не позднее мая 12 (24) *. — Окружное послание филиппопольского митрополита Панарета по поводу обращения Александра II к болгарскому населению Восточной Румелии **

Филиппополь

Всероссийский император, под сенью которого мы увидели светлые дни и который потому справедливо всеми назван царем-освободителем, всемилоштивейше изволил нарочно послать одного из окружающих его сановников, генерал-адъютанта Обручева ***, чтобы принести нам высочайшую, собственноручно им подписанную прокламацию, которою его императорское величество благоволил известить всех, что автономные права нашего края вполне упрочены, что христианскому населению уже нечего опасаться и что вследствие этого он приказал храбрым своим войскам выступить отсюда в определенный срок, т. е. к ильину дню. В своей великодушной заботливости о нашем благе православный русский царь в то же время изволил указать нам, что впредь счастье наше в наших руках, что мы можем беспрепятственно наслаждаться благами, обеспеченными нам Россией ценою стольких громадных жертв, и что от нашего благоразумного поведения зависит укрепить и развить дарованные нам права; потому он советует нам мирно предаться нашим занятиям и не слушать тех людей, которые пришли говорить нам другое и повергнуть нас в пропасть.

Мы уверены, возлюбленные чада наши о господе, что каждый из вас уже прочел или слышал царскую прокламацию, которая напечатана как особо, так и в вестнике «Марица», и что всякий сохраняет в своем сердце как священное сокровище спасительные советы, которые православный царь-освободитель дает нам как милостивый отец. Мы уверены, что между вами не найдется никого, кто бы позволил себе отклониться даже на волос от спасительного пути, указанного нам освободителем нашего народа и великодушным нашим защитником. Покажем делами нашими, что мы глубоко признательны ему и народу его за великие благодеяния, которыми он осмысл наш народ, и, таким образом, мы будем и впредь достойны этих благодеяний.

Мы исполняем священную пастырскую обязанность, возлюбленные чада наши о господе, давая вам эти отеческие советы, так как мы узнали, что между вами были уже раньше распространены изданные и напечатанные листы и книжки ****, которые говорили нечто вполне противное спасительным царским советам. Не слушайте этих листов и книжек, не имейте никакого доверия к словам, не согласным с словами русского царя; всякий, кто после царской прокламации старается внушить вам иные мысли, иные стремления — враг ваш и хочет омрачить ваш разум и свергнуть вас в бедствия. Избегайте таких людей.

Вам достаточно слов русского царя, что наша страна будет управлять сама собою и что нам нечего уже бояться. К нам уже не придет других турецких властей, кроме главного управителя, который христианин и нам единокоронец, сын славного князя Стефанаки из Котла, который подарил дворец свой в Царьграде болгарской церкви. Порядок и тишина между нами будут охраняться местной жандармерией и милицией, составленной из ваших братьев и сыновей. Вам уже нечего бояться башибузуков и других злодеев, так [как] ни е[го] в[еличество] султан не допустит новых смут, ни

* Датируется на основании препроводительного донесения А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому от 12 (24) мая 1879 г. (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, лл. 255—257 об.).

** См. док. 386.

*** См. док. 385 и примечание к нему.

**** См. приложение к док. 359.

наши земские войска не позволят этим злодеям ворваться в нашу страну; наконец, для того вы и имеете оружие, которое вам роздано, чтобы обучаться и быть готовыми защититься в случае нужды от злых людей. Итак, имейте полное доверие к словам царя-освободителя, оставайтесь вполне спокойны и обращайтесь к вашим мирным занятиям, а когда вам нужно что-нибудь спросить, приходите прямо к нам.

От всего сердца и от всей души даем мы вам эти отеческие советы, которые, мы уверены, вы примете с таким же усердием, как и до сего времени принимали наши пастырские увещания, даваемые для вашего блага.

АВПР, ф. ГА, V—A₂, д. 993, ч. 2, лл. 390—392. Копия. Перевод с болгарского, современный подлиннику.

№ 388

1879 г. мая 23. — Письмо А. Д. Столыпина А. Б. Лобанову-Ростовскому о вступлении в должность А. Богориди и отчислении русских служащих из гражданского управления Восточной Румелии

№ 1118

Сливно

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Выехав из Филиппополя ранее, чем то можно было предвидеть, я не мог перед отъездом уведомить вас о последовавшей окончательной передаче мною управления Восточной Румелии вновь назначенному генерал-губернатору князю Вогоридесу.

Вступление Вогоридеса в должность совершилось вполне спокойно благодаря, конечно, во многом его личному благоразумию и тому, что он, вняв моим настоятельным советам, решился заменить феску болгарской шапкою¹.

Одновременно с моим отъездом из Филиппополя я отчислил от гражданского управления всех служивших по оному русских офицеров и чиновников*.

Для ликвидации дел, составления отчетности и окончания вообще деятельности вверенного мне до сих пор управления я временно оставил при себе трех лиц — помощника моего, бывшего филиппопольского губернатора барона Гибша-фон-Гросталь, правителя подведомственной мне канцелярии Неклюдова и чиновника особых при мне поручений графа Стейнбока.

Лица эти находятся еще в Филиппополе и заняты формальной передачей дел новому генерал-губернатору. Через несколько дней, как я надеюсь, они окончат свои занятия, и тогда князю Вогоридесу останется лишь действовать вполне самостоятельно от всякого даже косвенного влияния прежней администрации.

Я с своей стороны от души желаю ему полного успеха и убежден, что при умелости держать себя нового управления и при исполнении тех обещаний, которые почти формально были даны румелиотам, порядок в стране нарушен не будет, и Органический статут будет приведен в действие вполне спокойно и к общему удовольствию.

Примите, милостивый государь, уверение в глубоком уважении и совершенной преданности, с коими имею честь быть вашего сиятельства покорный слуга

Аркадий Столыпин

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3288, л. 100—100 об. Подлинник.

* См. док. 353 и примечание к нему.

1. Перед отъездом Богориди из Константинополя великий везирь приказал ему въехать в Восточную Румелию в турецком головном уборе — феске, и в случае недовольства и сопротивления болгар ему было предписано вызвать турецкие войска.

Болгарское население считало, что, принимая Богориди в турецком костюме, оно признает власть Турции. Поэтому оно потребовало, чтобы Богориди явился в болгарском национальном головном уборе — барашковой шапке (калпаке). Для переговоров с ним на пограничную станцию Германлы выезжали Чомаков, Е. Гешев и поручик Николаев, представлявший милицию. Они заявили Богориди, что не могут гарантировать его безопасность, если он появится в феске. Богориди сменил феску на шапку, и его появление перед народом было встречено криком «ура» (см. 78, стр. 126—127; 68, т. III, стр. 72—74).

№ 389

1879 г. июня 14 (26). — Донесение управляющего русским генеральным консульством в княжестве Болгарии К. Н. Лишина Н. К. Гирсу о торжественных проводах А. М. Дондукова-Корсакова в Софии.

№ 54

Le départ du prince Dondoukow de Sofia a donné lieu à des démonstrations solennelles et touchantes dont je tâcherai d'exposer une faible tableau à l'attention bienveillante de votre excellence.

La veille de quitter la capitale de la principauté, le commissaire impérial a assisté à un grand dîner offert à lui par la municipalité locale dans le club russo-bulgare. Après le toast porté par le métropolitain de Sofia à la santé de sa majesté l'empereur et suivi d'un hourrah sans fin, le commissaire impérial a proposé le toast à la santé du prince Alexandre de Bulgarie. La musique qui avait fini l'hymne national russe a entonné la «Maritza» bulgare.

Le gouverneur de la ville a porté le toast à la santé du prince Dondoukow qui répondit par quelques mots sur la stabilité de la force intérieure du peuple bulgare auxquelles qualités il disait d'avoir confiance avant même d'entreprendre la tâche difficile de l'organisation du pays éprouvé par tant de malheurs; il a ajouté que son succès lui était assuré grâce à ses collaborateurs qui ont fait tout leur possible pour lui faciliter l'exécution de son œuvre organisatrice. Le dîner a fini vers le tard et le prince était accompagné jusqu'à sa maison par une foule nombreuse de convives et de spectateurs qui chantaient la «Maritza» et dansaient le «choro». Ce dîner avait le caractère d'une fête de famille, et les consuls étrangers n'avaient pas été invités d'en prendre part.

Dimanche à 10 heures du matin, le prince s'est rendu à la cathédrale où, après un Te Deum solennel le métropolitain a prononcé une allocution dans laquelle il a fait ressortir la providence divine qui a donné la liberté aux Bulgares par l'oïnt de dieu le tsar Alexandre et qui a inspiré le libérateur de la Bulgarie d'envoyer ici un homme aussi digne et aussi éminent que l'est le prince Dondoukow. En prenant congé de lui le prince a répondu qu'il n'était que l'exécuteur fidèle des intentions magnanimes de notre auguste maître. Le commissaire impérial était accompagné par la foule compacte hors de la ville: à 7 kilomètres de Sofia sur le pont d'Isker un déjeuner préparé par la ville attendait le prince Dondoukow.

Ce n'est qu'à deux heures de l'après-midi que le repas a pris fin. Les Bulgares ont donné le nom de Dondoukow au pont historique par lequel les troupes russes sont entrées dans la ville et sur lequel la population de la capitale bulgare a fait ses adieux aux représentants de sa majesté l'empereur. «Portez, disait un orateur de la foule, aux pieds de notre libérateur nos sentiments de reconnaissance, de dévouement et de la tristesse, portez lui nos larmes et dites qu'il n'oublie pas ses enfants qui pleuraient en voyant partir de leur pays le représentant de leur père bien aimé».

Le prince Dondoukow ne pouvait pas retenir ses larmes qui coulaient abondamment sur son visage portant les traces d'un chagrin sincère. Les enfants, les vieillards l'entouraient; chacun voulait l'embrasser, chacun voulait le voir pour la dernière fois. C'est avec beaucoup de peine qu'il a réussi à s'ap-

procher de son équipage, — mais les chevaux ont été dételés et le peuple traînait longtemps celui qui a su laisser tant de bons souvenirs dans le pays qu'il a su si bien gouverné pendant une année.

J'ai l'honneur etc.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2493-а, лл. 240—242. Копия.

Перевод

Отъезд князя Дондукова из Софии вызвал торжественные и трогательные демонстрации, приблизительную картину которых я попытаюсь представить благосклонному вниманию вашего высокопревосходительства.

Накануне отъезда из столицы княжества императорский комиссар присутствовал на торжественном обеде, устроенном местным муниципалитетом в русско-болгарском клубе. После тоста, произнесенного софийским митрополитом за здоровье его величества императора, за коим последовало непрекращающееся «ура», императорский комиссар предложил тост за здоровье князя Александра Болгарского. Оркестр после русского национального гимна заиграл болгарскую «Марицу».

Губернатор произнес тост за здоровье князя Дондукова, который в ответ произнес небольшую речь о крепости духа болгарского народа, в чью достоинства он верил еще прежде, чем предпринял трудную задачу организации страны, подвергавшейся стольким несчастиям; он добавил, что успех был ему обеспечен благодаря его сотрудникам, сделавшим все возможное, чтобы помочь ему в организаторской работе. Обед окончился поздно, и князя проводила до дома многочисленная толпа гостей и зрителей, певших «Марицу» и танцевавших «хоро». Обед этот имел характер семейного праздника, и иностранные консулы не были на него приглашены.

В воскресенье в 10 часов утра князь отправился в собор, где после торжественного молебна митрополит произнес краткую речь о божественном провидении, давшем свободу болгарам через помазанника божьего царя Александра и внушившем освободителю Болгарии послать сюда столь достойного и столь выдающегося человека — князя Дондукова. Прощаясь с ним, князь ответил, что он был лишь верным исполнителем великодушных намерений нашего августейшего повелителя. Большая толпа проводила императорского комиссара за границы города; в семи километрах от Софии на Искерском мосту князя Дондукова ждал завтрак, приготовленный горожанам.

Только в 2 часа дня завтрак был окончен. Болгары назвали в честь Дондукова исторический мост, по которому русские войска вступили в город и на котором население болгарской столицы прощалось с представителями его императорского величества. Один оратор из толпы сказал: «Сложите к ногам нашего освободителя наши чувства благодарности, преданности и скорби, наши слезы и скажите, чтобы не забывал он о своих детях, которые плакали, видя, что уезжает из их страны представитель их горячо любимого отца».

Князь Дондуков не мог сдерживать слез, струившихся по его лицу, выражавшему искреннюю печаль. Дети и старики окружали его, каждый хотел его обнять, каждый хотел в последний раз на него взглянуть. С большим трудом удалось ему подойти к своему экипажу, но лошади были распряжены, и народ сам повез того, кто оставил столько добрых воспоминаний в стране, коей он смог так хорошо управлять в течение года.

Имею честь и пр.

№ 390

1879 г. июля 7 (19). — Донесение А. Н. Церетлева А. Б. Лобанову-Ростовскому о торжественных проводах последних частей русских войск в Филиппопле

№ 126

Philippopolis

Monsieur l'ambassadeur!

Dimanche passé les derniers échelons des troupes cantonnées à Philippopolis et dans les environs ont quitté la ville. La veille la municipalité avait offert un banquet aux soldats des deux régiments qui s'apprétaient à partir; un

Te-Deum solennel fut d'abord célébré par l'exarque sous une tente dressée dans la plaine avoisinante; le repas fut ensuite béni par sa béatitude qui prononça un discours dans lequel il se faisait l'interprète des sentiments de ses compatriotes voyant partir le dernier soldat russe. Un grand nombre de Bulgares étaient venus faire leurs adieux à nos troupes et des hurrahs enthousiastes accueillirent la santé de notre auguste maître et de sa vaillante armée. Le soir tous les officiers se réunissaient à un dîner donné en leur honneur par la ville.

Le général Poltoratsky, commandant de la 5-ième division de ligne a quitté le dernier Philippopolis; une foule énorme était venue le saluer à la gare, où était placée une garde d'honneur de la milice rouméliote. Des hurrahs et des bénédictions accompagnaient chaque train qui partait chargé de troupes. Au moment où il montait en wagon, le général Poltoratsky fut étroitement entouré par la foule composée des représentants de l'administration, du clergé et des toutes les classes de la population. Des discours chaleureux furent prononcés et encore une fois le nom de sa majesté l'empereur fut couvert par des hurrahs retentissants.

La presse bulgare se rend l'écho de la profonde douleur avec laquelle le pays se sépare de ses libérateurs.

Le général Poltoratsky universellement aimé a reçu toutes les marques d'une profonde sympathie. Le gouverneur-général lui a adressé une lettre dans laquelle il le remercie des efforts qu'il a faits pour lui faciliter sa tâche, et quand je suis venu voir le prince Vogoridi, son excellence m'a exprimé tout le regret qu'il avait de voir partir le commandant de notre arrière-garde, qui avait tant contribué au maintien de l'ordre et à l'apaisement des esprits.

J'ai l'honneur d'être, avec le plus profond respect, monsieur l'ambassadeur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

Tzérétélew

Помета: Copie du présent rapport a été transmise à son excellence Mr. de Giers.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 3303, л. 358—358 об. Подлинник.

Перевод
Филиппополь

Господин посол!

В минувшее воскресенье последние эшелоны войск, расквартированных в Филиппополь и его окрестностях, покинули город. Накануне муниципалитет устроил банкет солдатам обоих полков, готовящихся к отъезду; сначала экзарх отслужил торжественный молебен в палатке, воздвигнутой на соседней равнине, затем его блаженство благословил еду, произнеся речь, в которой он выразил чувства своих соотечественников, видящих, что уходит последний русский солдат. Множество болгар пришло попрощаться с нашими войсками, и восторженными «ура» было встречено провозглашение тоста за здоровье нашего августейшего повелителя и его доблестной армии. Вечером все офицеры были приглашены на обед, устроенный городом в их честь.

Генерал Полторацкий, командующий 5-й пехотной дивизией, последним оставил Филиппополь; огромная толпа пришла приветствовать его на вокзал, где находился почетный караул румелийской милиции. Возгласы «ура» и благословения неслись вслед за каждым уходившим поездом, переполненным войсками. Генерал Полторацкий в то время, как он поднимался в вагон, был плотно окружен толпой, состоящей из представителей администрации, духовенства и всех классов населения. Были произнесены горячие речи, и снова имя его величества императора было встречено оглушительным «ура».

Болгарская печать отражает глубокую печаль, с которой страна расстается со своими освободителями.

Всеобщий любимец генерал Полторацкий получил все возможные доказательства искренней симпатии. Генерал-губернатор направил ему письмо, в котором благодарит его за проявленные им усилия, облегчившие его задачу, и когда я посетил князя Богориди, его высокопревосходительство выразил мне свое сожаление по поводу отъезда командую-

шего нашим арьергардом, столь способствовавшему поддержанию порядка и умиротворению умов.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин посол, вашего высокопревосходительства низжайшим и покорнейшим слугой.

Цертелен

Помета: Копия настоящего донесения направлена его высокопревосходительству г-ну Гирсу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСПОЛЬЗОВАННОЙ В ПРИМЕЧАНИЯХ
К ДОКУМЕНТАМ**

1. А до В. И. Выступление И. С. Аксакова против Берлинского конгресса 1878 г. и отклики на него в России и Болгарии. «История СССР», 1962, № 6.
2. А к с а к о в И. С. Славянский вопрос 1860—1886. Полное собр. соч., т. 1. М., 1886.
3. А н д о н о в Ив. Съединението. Пловдив, 1929.
4. А н у ч и н а А. С. Берлинский конгресс 1878 г. СПб., 1912.
5. Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1879—1880. St.-Petersbourg, 1880.
6. Б и с м а р к О. Мысли и воспоминания, т. II. М., 1940.
7. Българската земска войска. Под ред. Вас. Попова, Цв. Иванова, Йонка Велкова. София, 1959.
8. Българското опълчение. Документи под ред. на М. И. Михов, т. II. София, 1959.
9. В л а с к С. Е. The establishment of constitutional government in Bulgaria. London—Oxford, 1943.
10. В а з о в Ив. Сборник от спомени, материали и документи. София, 1949.
11. «Васил Левски и неговите сподвижници пред турския съд. Документи из турските архиви», София, 1952.
12. В а с и л е в К. С. Борба българского народа против решений Берлинского конгресса 1878 г. «Вопросы истории», 1955, № 8.
13. Г а н д е в Хр. Н. Документи за финансовата политика на княз Дондуков в България. «Списание на Българското икономическо дружество», кн. 9, 1936.
14. Г а н д е в Хр. Н. К изучению деятельности русского оккупационного управления в Восточной Румелии 1878—1879 гг. «Записки научно-исследовательского объединения», т. VI (ст. сер. т. XI). Прага, 1937.
15. Г а н д е в Хр. Н. Переселението на тракийските българи и гърци в България през 1878—79 г. «Архив за поселения проучвания», 1938, г. 1, кн. 2.
16. Г а н д е в Хр. Н. Руската помощ за изграждането на българската държава през 1877—1879 гг. «Освобождението на България от турско иго. 1878—1958. Сборник статии». София, 1958.
17. Г е н о в Ц. Ал. Паметници на признателността. «Освобождението на България от турско иго 1878—1958. Сборник статии». София, 1958.
18. Г е ш о в Ив. Ев. Борбата за побългаряване на Източна Румелия и моята първа дипломатическа мисия. «Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София», кн. LXV, год. XVI, св. 7—8, 1904.
19. Г е ш о в Ив. Ев. Спомени из години на борби и победи. София, 1916.
20. Г о р я н о в С. М. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и Санкт-Петербургском главных архивах. СПб., 1907.
21. Г о с п о д и н о в Г., и А н г е л о в Г. Български червен кръст — цели, развитие и дейност. София, 1964.
22. Г р и м м Э. История и идейные основы проекта Органического устава, внесенного в Тырновское учредительное собрание, 1879 г. «Годишник на Софийския университет», т. III. Юридич. факултет, т. XVII. София, 1920—1921.
23. Г у р ь е в В. В. Письма священника с похода 1877—1878 гг. М., 1883.
24. Д а в и д о в а В. Т. История на здравеопазването в България. София, 1956.
25. Д и м и т р о в Г. Страданията на българите и освобождението на България през 1877—1878 гг. София, 1899.

26. «Дневници на Първото Учредително Н. събрание в Търново по изработването на Българската конституция», София, 1890.
27. Дьосеги И. Българският въпрос в австро-унгарската външна политика след Санстефанския мир (1878—1879 г.). «Исторически преглед», 1964, № 1.
28. «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswartigen Amtes. Im Auftrage des Auswartigen Amtes hrsg. von Johannes Lepsius», Bd. 2. «Der Berliner Kongress, seine Voraussetzungen und Nachwirkungen», Berlin, 1926.
29. Drandar Antoine Georgiev. La question des capitulations de leur suppression dans la principauté de Bulgarie. Paris, 1883.
30. Залышкин М. М. Новые архивные материалы о румыно-русских революционных связях в 1875—1878 г. «Вопросы истории», 1958, № 12.
31. Иванов И. С. Сборник статей о некоторых выдающихся событиях в современной жизни болгар. Кишинев, 1896.
32. Иванов Ю. Български периодически печат от възраждането му до днес (1844—1890), т. 1. София, 1893.
33. Игнатъев Н. П. Сан-Стефано. Пг., 1916.
34. Извори за българската история, т. V. «Турски извори за българската история», т. 2. Составители Христо Гандев и Гълъб Гълъбов, София, 1960.
35. Илев А. Т. Спомени. София, 1926.
36. Иовановић С. Сабрана дела, т. VIII, кн. 2. Београд, 1934.
37. Иречек К. Княжество България, ч. 1. Пловдив, 1899.
38. «История на България», т. 1. София, 1961.
39. Кесяков Б. Д. Принос към дипломатическата история на България 1878—1925. София, 1925.
40. Кирил, митрополит пловдивски. Натанаил, митрополит охридски и пловдивски (1820—1906). София, 1952.
41. Кирил, патриарх Български. Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX век, т. 1 (1859—1865). София, 1962.
42. Кирил, патриарх Български. Съпротивата срещу Берлинския договор. Кресненското въстание. София, 1955.
43. Козьменко И. В. Первоначальные проекты Тырновской конституции. «Освобождение Болгарии от турецкого ига», М., 1953.
44. Козьменко И. В. Петербургский проект Тырновской конституции. «Исторический архив», 1949, вып. IV.
45. Конобеев В. Д. Борьба болгарского народа за национальную независимость в период русско-турецкой войны 1877—1878 годов и против решений Берлинского конгресса. «Освобождение Болгарии от турецкого ига», М., 1953.
46. Константинов Хр. П. Непокорените села в Родопските планини, кн. I—II. Търново, 1886—1887.
47. Крушев П. Д. Началото на македонския въпрос в България. Благотворителните комитети «Единство». «Македонски преглед». София, 1940. г. XII, кн. 3.
48. Corti E. C. Alexander von Battenberg. Wien, 1920.
49. Левинтов Н. Г. Аграрные отношения в Болгарии накануне освобождения и аграрный переворот 1877—1879 гг. «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М., 1953.
50. Левинтов Н. Кресненское восстание. «Вопросы истории», 1951, № 4.
51. «Les protocoles du Congrès de Berlin». St.-Petersbourg, 1878.
52. Маджаров М. И. Източна Румелия (Исторически преглед). София, 1925.
53. Манфред А. З. Внешняя политика Франции 1871—1891. М., 1952.
54. Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций. Трактаты с Австрией, т. III (1808—1815). СПб., 1876.
55. Матвеев П. А. Болгария после Берлинского конгресса. СПб., 1887.
56. «Материалы для изучения Болгарии». Часть вторая, вып. III, IV. Букурещ, 1877.
57. Милютин Д. А. Дневник, т. III, М., 1950.
58. Михов Н. Населението на Турция и България през XVIII и XIX в. «Сборник на Българската Академия на науките», кн. IV, Клон ист.-филол. и филос.-обществен., кн. 3. София, 1915.
59. Молчанов А. Н. Между миром и конгрессом. СПб., 1878.
60. Монеджикова А. София през вековете. ч. 1. София, 1946.
61. Муратов. Документи за дейността на русите по уредбата на гражданското управление в България от 1877—1879 год. София, 1905.
62. Начов Н. Княз Стефан Богориди. «Сборник на Българската Академия на науките», кн. XXIV. Клон ист.-филол. и филос.-обществен., кн. 14. София, 1931.
63. Никитин С. А. Возникновение Московского славянского комитета., «Вопросы истории», 1947, № 8.
64. Никитин С. А. Материалы русской аграрной переписи 1879 г. в Болгарии и их научное значение. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г.» Кишинев, 1966.
65. Никитин С. А. Славянские комитеты в России. М., 1960.
66. Ников П. Възраждане на българския народ, църковно-национални борби и постижения. София, 1929.
67. Овсянник Н. Р. Болгарское ополчение и Земское войско. К истории гражданского управления и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг. СПб., 1904.

68. Овсяный Н. Р. Русское управление в Болгарии в 1877—78—79 гг. т. I—III. СПб., 1906—1907.
69. «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. 2. Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны. 1877—1878. Под ред. Никитина С. А., Конобеева В. Д., Косева Д. К., Тодорова Г. Д. М., 1964.
70. «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», вып. II, III. СПб., 1899.
71. Паренсов П. Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба. Часть 4-я. СПб., 1908.
72. Паскалева В. Икономическото проникване на Австрия в българските земи. «Известия на Института за българска история», т. VII. София, 1957.
73. Пенков М. Освобождение на гр. Шумен (Коларовград) — Шумен—Коларовград. «Сборник от статии и материали за миналото на града», кн. I. Коларовград, 1960.
74. «Петко Войвода (1844—1900). Сборник от статии, документи и материали». Под ред. на Никола Спиров и др. София, 1954.
75. «Письма Победоносцева к Александру III», т. I. М., 1925.
76. Попов В. Руската помощ за изграждане на българската армия. «Освобождението на България от турско иго 1878—1958. Сборник от статии». София, 1958.
77. «Протоколите на Учредителното народно събрание в Търново», Пловдив—София—Русчук, 1879.
78. Радев С. Строителите на съвременна България, т. 1. София, 1910.
79. «Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917». Составитель И. В. Козьменко. М., 1952.
80. «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.» Под ред. Овсяного Н. Р., вып. 1—6. СПб., 1903—1907.
81. «Сборник официальных распоряжений и документов по Болгарскому краю», вып. II. Търново, 1877.
82. Сенкевич И. Г. Из истории русского гражданского управления в период между Сан-Стефано и Берлинским конгрессом. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 40. М., 1964.
83. Сенкевич И. Г. Новые документы об освободительной борьбе в Западной Македонии и Косове в конце 70—начале 80-х гг. XIX в. «Славянское источниковедение. Сб. статей и материалов». М., 1965.
84. Силянов Хр. Освободителните борби на Македония, т. 1. София, 1933.
85. Стоянов М. Изработване на Органическият устав на Източна Румелия. «Исторически преглед», 1955, № 2.
86. Seton-Watson Robert William. Britain in Europe 1789—1914. Cambridge, 1938.
87. Sumner Benedict Humphrey. Russia and the Balkans 1870—1880. Hamden—London, 1962.
88. Гатищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. II. СПб., 1911.
89. Теплов В. Материалы для статистики Болгарии, Фракии и Македонии. СПб., 1877.
90. Тодоров Г. Д. Временното руско управление в България през 1877—1879. София, 1958.
91. Тодоров Г. Д. Към въпроса за произхода и същността на политическите програми на партиите в Учредителното събрание. «Известия на Института за българска история». т. 7, София, 1957.
92. Тодоров Г. Д. Обществено-политическата дейност на проф. М. Дринов по време на Освобождението на България от турско иго. Изследвания в чест на Марин С. Дринов. София, 1960.
93. Улунян А. А. Неопубликованные материалы по истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг. «Славянское источниковедение», М., 1965.
94. Ученолюбиво дружество «Развитие» 1869—1884—1934. Юбилеен сборник. Враца, 1934.
95. «Шувалов П. А. о Берлинском конгрессе 1878 г.». «Красный архив», 1933, т. IV (59).
96. Юзefович Т. П. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869.
97. Ящеров В. В. Записка о Восточной Румелии (Южной Болгарии), ч. I—2. М., 1883.

**СПИСОК ФОНДОВ,
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ТРЕТЬЕМ ТОМЕ
СБОРНИКА**

Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА)

- ф. ВУА — Военно-ученый архив.
- ф. 1 — Канцелярия Военного министерства.
- ф. 400 — Главный штаб.
- ф. 401 — Военно-ученый комитет Главного штаба.
- ф. 430 — Болгария.
- ф. 485 — Русско-турецкая война 1877—1878 гг.
- ф. 504 — Главное артиллерийское управление.
- ф. 970 — Военно-походная канцелярия императорской Главной квартиры.

Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА)

- ф. 560 — Общая канцелярия министра финансов.
- ф. 776 — Главное управление по делам печати.
- ф. 932 — Дондуков-Корсаков А. М.
- ф. 970 — Коршилов И. П.
- ф. 1614 — Адлерберг А. В.

Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (ЦГАОР)

- ф. 109 — Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии (III отд.).
- ф. 730 — Игнатъев Н. П.
- ф. 939 — Ионин А. С.
- ф. 1750 — Московское славянское благотворительное общество.
- ф. 1762 — Лавров П. П.
- ф. 7026 — Ралли Э. К.

Архив внешней политики России (АВПР)

- ф. Главный архив (ф. ГА).
- ф. Канцелярия.
- ф. Политархив.
- ф. Посольство в Берлине.
- ф. Посольство в Вене.
- ф. Посольство в Константинополе.
- ф. Посольство в Лондоне.
- ф. Секретный архив (ф. с. а.)
- ф. Турецкий стол (старый).
- ф. Управление российского комиссара в Болгарии.

Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО)

- ф. 400 — С.-Петербургское славянское благотворительное общество.

Государственный архив Ростовской области

- ф. 46 — Канцелярия войскового наказного атамана области Войска Донского.

**Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи
(АВИМАИВВС)**

- ф. 6 — Главное артиллерийское управление. Канцелярия, 1878 г.
- ф. 16 — Полевое артиллерийское управление Действующей армии.

Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ)

- ф. 43 — Бух К. А.
ф. 169 — Милютин Д. А.

Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБС-Щ)

- ф. 14 — Архив Аксакова И. С.

Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ОР ИРЛИ)

- ф. 325 — Хитрово М. А.

Архив при Българската Академия на науките (АБАН)

- ф. 11 — Иван Д. Шишманов.
ф. 17 — Михаил К. Сарафов.

Български исторически архив при Народната библиотека «Кирил и Методий» (НБКМ—БИА)

- ф. 2 — Любен Каравелов.
ф. 11 — Драган К. Цанков.
ф. 12 — Александър К. Людсканов.
ф. 16 — Тодор С. Бурмов.
ф. 19 — Тодор Икономов.
ф. 94 — Райна поп Г. Футекова.
ф. 111 — Марин С. Дринов.
ф. 112 — Светослав Н. Миларов.
ф. 113 — Николай Хр. Палаузов.
ф. 169 — Русчо Миркович.
ф. 298 — Никола Лазаров.
Коллекция 45
II A 6688
II B 2266-2268
II B 10216

Централен държавен исторически архив в София (ЦДИА)

- ф. 682 — Димитър х. Коцев.
ф. 700 — Евлоги и Христо Георгиеви.

Софийски градски и окръжен държавен архив (СГОДА)

- ф. 1 К — Софийско градско окръжно управление.
ф. 41 К — Самоковско градско общинско управление.

Окръжен държавен архив—Варна (ОДА—Варна)

Единично постъпление № 71.

Окръжен държавен архив — Велико Търново (ОДА—Велико Търново)

- ф. 661 К — Свищовска градска община.

Окръжен държавен архив—Враца (ОДА—Враца)

- ф. 28 К — Врачанско градско общинско управление.

Окръжен държавен архив—Ловеч (ОДА—Ловеч)

- ф. 25 К — Ловчанска градска община.

Окръжен държавен архив—Михайловград (ОДА—Михайловград)

- ф. 76 К — Градско общинско управление — г. Лом.

Окръжен държавен архив—Русе (ОДА—Русе)

- ф. 43 К — Доростолска и Червенска митрополия.

Централен музей на Народната армия, София (Архив ЦМНА)

- ф. Димитър п. Георгиев.

Български исторически архив при Народната библиотека «Иван Вазов», Пловдив (НБИВ—БИА)

- ф. 2 — Йоаким Груев.
ф. 19 — Временно руско управление.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

1878 год

№	1. Февраля 20.— Предписание и. д. филиппопольского губернатора А. А. Шепелева штабс-капитану л.-гв. Вольнского полка Н. С. Косовичу о введении гражданского управления в Татар-Пазарджикском округе	19
№	2. Февраля 21 (марта 5).— Донесение Н. П. Игнатьева государственному канцлеру А. М. Горчакову о мерах по ускорению ратификации Сан-Стефанского договора и выполнения некоторых его статей	21
№	3. Февраля 21.— Предписание самоковского окружного начальника Г. И. Шигорина Самоковскому городскому совету о принятии мер к возвращению книг и рукописей в турецкую библиотеку	23
№	4. Февраля 21.— Из письма А. Г. Футекова сестре Р. Футековой о праздновании в Панагюриште дня освобождения Болгарии	24
№	5. Февраля 22.— Из рапорта командира Руцукского отряда А. М. Дондукова-Корсакова главнокомандующему Действующей армией Николаю Николаевичу (Старшему) о введении гражданского управления в Руцукском санджаке	25
№	6. Февраля 23.— Отношение председателя Софийского городского совета М. Ташова софийскому полицмейстеру штабс-капитану Паулю о раздаче продовольствия беднейшему населению города	27
№	7. Февраля 24.— Рапорт временного коменданта Бунар-Гиссара поручика Яснопольского генерал-губернатору Адрианопольского военного округа А. И. Липинскому об обеспечении болгарского населения продовольствием и рабочим скотом	27
№	8. Февраля 26.— Телеграмма софийского губернатора П. В. Алабина, и. о. заведующего гражданскими делами при главнокомандующем Действующей армией Д. Г. Анучину о торжествах в с. Яблоницы по поводу заключения мира	28
№	9. Февраля 27.— Письмо военного министра Д. А. Милютина Николаю Николаевичу (Старшему) об усилении обороны западных границ России и боевых задачах Балканской армии в случае войны с Англией и Австро-Венгрией	29
№	10. Марта 1.— Прощение жителей Карлова и Сопота А. А. Шепелеву о возвращении им отобранного турками имущества	32
№	11. Марта 1.— Письмо управляющего дипломатической канцелярией при главнокомандующем А. И. Нелидова товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу о необходимости возвращения болгар—уроженцев Сливно из турецкой ссылки	32
№	12. Марта 2.— Обращение болгарского населения Разложского округа к Николаю Николаевичу (Старшему) с просьбой об освобождении из-под власти Турции	33
№	13. Марта 4.— Протокол совместного заседания окружного, городского и судебного советов Врацы с постановлением об открытии городской читальни	34
№	14. Марта 5 (17).— Донесение русского посла в Вене Е. П. Новикова А. М. Горчакову о стремлении Австро-Венгрии не допустить создания Болгарии в границах, определенных Сан-Стефанским договором	35
№	15. Марта 6.— Письмо А. М. Горчакова русскому послу в Лондоне П. А. Шувалову о возможности срыва конгресса ввиду враждебной позиции Англии по отношению к России и о бесполезности предварительных переговоров представителей великих держав	38
№	16. Марта 6.— Циркуляр и. д. сливенского губернатора Л. И. Ильишевича люле-бургасскому и бунар-гиссарскому окружному начальнику Н. Р. Овся-	

	ному о порядке выборов в окружные и городские советы и необходимости преобладания в них болгар	41
№ 17.	Марта 6. — Рапорт А. А. Шепелева Д. Г. Анучину о порядке возвращения населению отобранного турецкими властями имущества	42
№ 18.	Марта 7. — Циркуляр Л. И. Ильшевича окружным начальникам Славенской губернии о недействительности контрактов турецкого правительства с откущиками и о запрещении взимания сборов по откупам	43
№ 19.	Марта 7. — Письмо секретаря Систовского судебного совета В. Божинова И. Д. Шишманову о празднествах в Систове в честь офицеров русских войск и о службе в гражданском управлении	43
№ 20.	Марта 8. — Предписание Г. И. Шигорина Самоковскому городскому совету о составлении описи турецких земельных владений и сдаче их в аренду болгарскому населению	44
№ 21.	Марта 10. — Циркуляр П. В. Алабина окружным начальникам и софийскому полицмейстеру о наборе слушателей на курсы русского языка в Филиппополе	45
№ 22.	Марта 11. — Письмо А. М. Горчакова Е. П. Новикову о поездке Н. П. Игнатьева в Вену для переговоров с австро-венгерским правительством	46
№ 23.	Марта 11. — Телеграмма А. И. Нелидова А. М. Горчакову о стремлении Англии спровоцировать вооруженное столкновение между русскими и турецкими войсками	47
№ 24.	Марта 12. — Протокол заседания Врачанского городского совета о переименовании улиц и площадей города в честь полков и командиров русской армии	48
№ 25.	Марта 15. — Обращение жителей Ахи-Челебийского района к Н. П. Игнатьеву с просьбой о включении территории района в состав будущего Болгарского государства	49
№ 26.	Марта 17 (29). — Делеша П. А. Шувалова А. М. Горчакову об отставке министра иностранных дел Англии Э. Дерби в связи с усилением милитаристских настроений в правительстве и о беседе с ним относительно возможного исхода англо-русских разногласий	50
№ 27.	Марта 18. — Прощение жителей Пянецкого округа М. С. Дринову о введении в округе гражданского управления	54
№ 28.	Марта 21. — Обращение Николая Николаевича (Старшего) к болгарскому народу о создании самостоятельного Болгарского государства, его устройстве и о задачах временного русского управления	55
№ 29.	Марта 22 (апреля 3). — Донесение русского посла в Париже Н. А. Орлова А. М. Горчакову о намерении Франции сохранять нейтралитет в Восточном вопросе	56
№ 30.	Марта 23. — Протокол заседания Ломского городского совета о предоставлении помощи беднейшему населению города	57
№ 31.	Не ранее марта 25. — Письмо Н. К. Гирса русскому генеральному консулу в Рагузе А. С. Ионину с просьбой выяснить позицию Черногории в случае войны России с Австро-Венгрией	58
№ 32.	Марта 26. — Из рапорта полковника Маркова начальнику штаба XIII корпуса П. Г. Дукмасову о просьбе жителей Шумлы защитить их от насилий турецких войск	59
№ 33.	Марта 28. — Обращение населения с. Крушево Демир-Гиссарского округа к М. С. Дринову с протестом против национального угнетения со стороны греческого духовенства и греческой буржуазии	60
№ 34.	Марта 30 (апреля 11). — Инструкция А. М. Горчакова Е. П. Новикову о переговорах с Д. Андраши в связи с возражением Австро-Венгрии против некоторых статей Сан-Стефанского договора	61
№ 35.	Апреля 1. — Письмо А. М. Горчакова П. А. Шувалову об отношении России к претензиям Англии и Австро-Венгрии	68
№ 36.	Апреля 1. — Отношение П. В. Алабина председателю Московского славянского общества И. С. Аксакову с просьбой рекомендовать для работы в Болгарии врачей-болгар, проживающих в России	69
№ 37.	Апреля 3. — Протокол совместного заседания окружного, городского и судебного советов Врац о предоставлении продовольственного займа возвратившемуся турецкому населению	70
№ 38.	Апреля 3 (15). — Донесение П. А. Шувалова А. М. Горчакову с критикой посреднических действий О. Бисмарка в урегулировании англо-русских разногласий	71
№ 39.	Апреля 5. — Обращение Ловчинского городского совета к жителям Ловчи с призывом вступать в Болгарское войско	73
№ 40.	Апреля 6 (18). — Донесение Е. П. Новикова А. М. Горчакову о переговорах с Д. Андраши относительно некоторых статей Сан-Стефанского договора	74

Приложение

	Апреля 6 (18). — Памятная записка Е. П. Новикова о возможных уступках России в пользу Австро-Венгрии в вопросе об изменении некоторых статей Сан-Стефанского договора	76
--	---	----

№ 41. Апреля 6. — Письмо Д. Г. Анучина А. И. Нелидову о пособиях освобождаемым из турецких тюрем политическим заключенным болгарам для возвращения на родину	79
№ 42. Апреля 7. — Обращение представителей болгарской церкви в Македонии к Николаю Николаевичу (Старшему) с просьбой о введении русских войск	79
№ 43. Апреля 13. — Протокол заседания Ломского городского совета об устройстве праздничного обеда для русских солдат	81
№ 44. Апреля 15. — Записка Н. П. Игнатьева о новых требованиях Австро-Венгрии по изменению некоторых статей Сан-Стефанского договора и о неприемлемости их для России	81
№ 45. Апреля 15. — Протокол заседания Ломского городского совета о создании городской больницы	85
№ 46. Апреля 15. — Докладная записка Д. Г. Анучина Николаю Николаевичу (Старшему) о выдаче денежного пособия потерявшим трудоспособность болгарским ополченцам	86
№ 47. Апреля 16 (28). — Донесение П. А. Шувалова А. М. Горчакову о намерении Англии в случае войны с Россией занять проливы и высадить десант на Черноморском побережье Кавказа	86
№ 48. Апреля 20. — Инструкция Н. К. Гирса Е. П. Новикову о продолжении переговоров с Д. Андраши и о позиции России в отношении его требования раздела Болгарии	88
№ 49. Апреля 20. — Циркуляр Л. И. Ильашевича окружным начальникам Сливенской губернии о предоставлении сведений относительно состояния школ и церквей в связи с намерением славянских обществ принять участие в их восстановлении	92
№ 50. Апреля 24. — Отношение начальника штаба Действующей армии А. К. Имеретинского начальнику артиллерии Действующей армии Н. Ф. Массальскому об отпуске оружия Болгарскому ополчению	93
№ 51. Апреля 24 (мая 6). — Памятная записка П. А. Шувалова о беседе с министром иностранных дел Англии Р. Солсбери относительно характера автономии болгарских государств и о принципе свободного обсуждения Сан-Стефанского договора на конгрессе	93
№ 52. Апреля 27 (мая 9). — Телеграмма Е. П. Новикова А. М. Горчакову о несогласии Д. Андраши с проектом русско-австрийского соглашения и о необходимости удовлетворить требования Австро-Венгрии	96
№ 53. Апреля не ранее 28. — Памятная записка П. А. Шувалова о беседе с О. Бисмарком относительно переговоров России с Англией и Австро-Венгрией и об условиях созыва конгресса	97
№ 54. Апреля 30. — Предписание Д. Г. Анучина филиппопольскому вице-губернатору И. С. Иванову о выдаче голодающему населению хлеба из интендантских запасов	102
№ 55. Мая 5 (17). — Инструкция Министерства иностранных дел П. А. Шувалову о согласии России удовлетворить требования Англии относительно изменения Сан-Стефанского договора	102
№ 56. Мая 7. — Письмо А. К. Имеретинского начальнику тыла Действующей армии А. Р. Дрентельну о принятии мер против распространения в армии революционной литературы	105
№ 57. Мая 10. — Обращение М. С. Дринова к населению Софии об организации благотворительного общества помощи больным и раненым воинам	106
№ 58. Мая 11. — Циркуляр российского комиссара в Болгарии А. М. Дондукова-Корсакова губернаторам об учреждении окружных казначейств	107
№ 59. Мая 14. — Протокол совместного заседания окружного, городского и судебного советов Врацы о мерах по улучшению состояния городского училища	108
№ 60. Мая 16. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова русскому послу в Константинополе А. Б. Лобанову-Ростовскому с просьбой принять меры к освобождению из турецких тюрем политических заключенных болгар	110

Приложение

Не позднее мая 16. — Список политических заключенных болгар, находящихся в турецких тюрьмах и ссылке	110
№ 61. Мая 16. — Протокол заседания Врачанского городского совета об устройстве городской аптеки	112
№ 62. Мая 17. — Предписание А. М. Дондукова-Корсакова Л. И. Ильашевичу о порядке сбора урожая с полей турок	113
№ 63. Мая 20. — Обращение представителей 21 церковно-школьной болгарской общины Македонии к А. М. Горчакову с просьбой не отделять их от Фракии и Мизии и с протестом против действий греческого духовенства, направленных к сохранению status quo	114
№ 64. Мая 20. — Письмо А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Дондукову-Корсакову о намерении Министерства иностранных дел восстановить деятельность русских консульств в Болгарии	121
№ 65. Мая 22. — Отношение А. К. Имеретинского А. М. Дондукову-Корсакову о предании военному суду виновных в нарушении общественного порядка	121

№ 66. Мая 22. — Телеграмма А. М. Дондукова-Корсакова Д. А. Милютину о смотре болгарских дружин в Филиппополе и об успешном завершении призыва в Болгарское ополчение	122
№ 67. Мая 27. — Письмо Д. А. Милютинина главнокомандующему Действующей армией Э. И. Тотлебену о плане действий русской армии на Балканах в случае войны с Англией, Австро-Венгрией и Турцией	122
№ 68. Мая 27. — Инструкция особого совещания при Александре II русским уполномоченным на Берлинском конгрессе	126
№ 69. Мая 28. — Дополнение к инструкции особого совещания при Александре II русским уполномоченным на Берлинском конгрессе с учетом замечаний П. А. Шувалова	137
№ 70. Мая 30. — Записка Министерства иностранных дел о принципах автономии Болгарии и ее будущем государственном устройстве	145
№ 71. Мая 30. — Сообщение и. д. рушукского губернатора А. А. Тимофеева достосоло-червенскому митрополиту Григорию о получении денег, собранных населением Рушук для русского добровольного флота	148
№ 72. Июня 2. — Рапорт хаскийского окружного начальника поручика Заткалика А. К. Имеретинскому со сведениями об отрядах башибузуков в Родопских горах	148
№ 73. Июня 7 (19). — Письмо Н. К. Гирса А. М. Горчакову о позиции русского правительства в вопросе о возмещении России военных убытков	150
№ 74. Июня 8. — Прощение крестьян с. Узунджова Хаскийского округа Т. Вылканова и Д. Иванова А. А. Шепелеву о равномерном распределении земель бежавших турок между жителями села	152
№ 75. Июня 9. — Телеграмма Д. А. Милютинина А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости ускорить формирование Болгарского ополчения	153
№ 76. Июня 9 (21). — Телеграмма Н. К. Гирса представителям России на Берлинском конгрессе П. А. Шувалову и П. П. Убри об определении условий пребывания турецких войск в Южной Болгарии и о согласии Александра II на исключение из ее территории бассейнов рек Карасу и Струмы	153
№ 77. Июня 11. — Циркуляр заведующего отделом внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии В. Г. Золотарева губернаторам об организации медицинской помощи болгарскому населению	154
№ 78. Не позднее июня 11. — Инструкция начальника штаба войск, состоящих в распоряжении российского комиссара в Болгарии Л. А. Юнакова начальникам передовых линий о принятии мер для охраны населения от нападений башибузуков	155
№ 79. Июня 15. — Сообщение Н. К. Гирса П. А. Шувалову и П. П. Убри о позиции правительства России в отношении возможных результатов Берлинского конгресса	156
№ 80. Июня 16. — Телеграмма А. М. Дондукова-Корсакова Д. А. Милютину об успешном формировании Болгарского ополчения	158
№ 81. Июня 17. — Представление председателя Хаскийского окружного совета Б. Запрянова поручику Заткалику об аренде земель бежавших турок в с. Узунджове	159
№ 82. Июня 18. — Телеграмма Д. А. Милютинина А. М. Дондукову-Корсакову об ускорении формирования Болгарского ополчения в Северной и Южной Болгарии	160
№ 83. Июня 22. — Отношение и. о. заведующего отделом внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии М. С. Дринова адрианопольскому губернатору А. И. Липинскому о порядке возвращения в Болгарию беженцев-мусульман	160
№ 84. Июня 23. — Журнал заседания Совета российского комиссара в Болгарии с постановлением об определении поземельной подати на 1878 г.	162
№ 85. Июня 25. — Письмо И. С. Аксакова члену Одесского болгарского настоятельства Н. Х. Палаузову об отношении к решениям Берлинского конгресса	163
№ 86. Июня 28. — Рапорт и. д. мустафапашийского окружного начальника капитана Стахиева А. А. Шепелеву об отдаче в аренду чифлика бежавшего турка	164
№ 87. Июня 30. — Циркуляр и. д. сливенского губернатора И. С. Иванова окружным начальникам о сборе сведений для определения поземельной подати на 1878 год	164
№ 88. Июля 3. — Донесение полномочного представителя русских войск по переговорам с турками о сдаче крепостей Варны и Шумлы А. Д. Столыпина Э. И. Тотлебену о начале переговоров	165
№ 89. Июля 11. — Циркуляр директора канцелярии российского комиссара в Болгарии М. А. Домонтовича губернаторам о сборе сведений относительно имущества мусульманских духовных учреждений и о распределении доходов с них	167
№ 90. Июля 12. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова А. Б. Лобанову-Ростовскому о действительных целях международной комиссии по расследованию положения в Родопских горах и об условиях возвращения в Восточную Румелию турецких беженцев	167

№ 91. Июля 12. — Телеграмма А. М. Горчакова Э. И. Тотлебену о форсировании переговоров по сдаче крепостей Варны и Шумлы	170
№ 92. Июля 12. — Телеграмма И. С. Иванова М. А. Домонтовичу с рекомендацией о назначении окружными начальниками Сливенской губернии лиц болгарской национальности	171
№ 93. Июля 14. — Инструкция А. М. Горчакова А. Б. Лобанову-Ростовскому о переговорах с Турцией по заключению окончательного мирного договора и выполнению подтвержденных Берлинским трактатом условий Сан-Стефанского договора	171
№ 94. Июля 24. — Письмо охридского митрополита Нафанаила И. С. Аксакову о политическом положении Македонии после Берлинского конгресса	177
№ 95. Июля 25. — Журнал заседания Совета российского комиссара в Болгарии об улучшении состояния народного образования и о расходах на содержание губернских судов	180
№ 96. Июля 27. — Отношение В. Г. Золотарева А. И. Липинскому о запрещении переселения болгарам—жителям Адрианопольской губернии в пределы Восточной Румелии и княжества Болгарии	183
№ 97. Июля 27. — Записка И. С. Иванова А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости упорочения положения болгарского населения в Южной Болгарии	183
№ 98. Июля 28. — Письмо командира Гренадерского корпуса И. С. Ганецкого А. К. Имеретинскому со сведениями об отряде болгарского воеводы Петко Кирьякова	185
№ 99. Июля 28. — Предписание Г. И. Шигорина Самоковскому городскому совету о ремонте дорог и мостов	186
№ 100. Июля 29. — Протокол заседания Софийского городского совета по выборам членов училищного комитета	187
№ 101. Июля 30. — Предписание М. А. Домонтовича губернаторам об учете доходов с земель бежавших турок	188
№ 102. Июля 31. — Письмо Д. А. Милютина Н. К. Гирсу о мерах по организации в Восточной Румелии полиции и жандармерии	188
№ 103. Августа 5. — Деша Министерства иностранных дел А. Б. Лобанову-Ростовскому о приостановлении переговоров по заключению окончательного мирного договора с Турцией до разрешения вопросов о сдаче крепостей и возмещении военных убытков	189
№ 104. Августа 6. — Письмо М. С. Дринова А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости присоединения к Болгарской экзархии епархий с болгарским населением	190
№ 105. Августа 6. — Предписание Г. И. Шигорина Самоковскому городскому совету о привлечении к ответственности возвращающихся турок, совершавших в прошлом насилия над болгарами	191
№ 106. Августа 10. — Циркулярное письмо Ф. Л. Гейдена об организации саперных частей Болгарского земского войска	192
№ 107. Августа 12. — Предписание И. С. Иванова люле-бургас-баба-эскийскому окружному начальнику Н. Р. Овсяному о подготовке к открытию училищ и создании училищного настоятельства	193
№ 108. Августа 13 (25). — Донесение русского генерального консула в Белграде А. И. Персиани Н. К. Гирсу о провозглашении независимости Сербии и о наметившемся австро-сербском сближении	193
№ 109. Августа 19. — Письмо Д. А. Милютина А. М. Дондукову-Корсакову о средствах на содержание Болгарского земского войска	196
№ 110. Августа 19. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова М. А. Домонтовичу о задачах гражданского управления в княжестве Болгарии и Восточной Румелии	197
№ 111. Августа 21. — Предписание А. М. Дондукова-Корсакова П. В. Алабину о необходимости приостановить массовое переселение болгар из районов, отходящих к Турции	202
№ 112. Августа 22. — Докладная записка председателя комиссии по возвращению в Болгарию беженцев-мусульман М. А. Хитрово Э. И. Тотлебену о деятельности комиссия и о необходимости ее реорганизации	203
№ 113. Августа 22. — Обращение жителей Карлова, Калофера и Сопота к А. М. Дондукову-Корсакову с одобрением осуждения участников репрессий над болгарским населением Хаджи Арифа и Хаджи Шабана	205
№ 114. Августа 23. — Отношение А. М. Дондукова-Корсакова А. К. Имеретинскому о необходимости снабжения артиллерии Болгарского земского войска орудиями большого калибра	206
№ 115. Августа 26. — Инструкция Министерства иностранных дел русскому генеральному консулу в Филиппополе А. Н. Церетелеву о необходимости содействовать упорочению связей между Северной и Южной Болгарией	207
№ 116. Августа 26. — Прощение жителей Эски-Загры эски-загринскому окружному начальнику [Наботкову] не допустить возвращения беженцам-мусульманам их домов, занятых болгарами	208
№ 117. Августа 27. — Деша Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому о невозможности амнистировать мусульман — участников репрессий над болгарским населением	209

№ 118.	Августа 29. — Предписание И. С. Иванова бунар-гиссарскому окружному начальнику А. Цурикову о порядке ведения метрических книг	210
№ 119.	Августа 29. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о создании комитета и его задачах	210
№ 120.	Августа 30. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о посылке представителя комитета в Македонию для сбора сведений о нуждах повстанцев	211
№ 121.	Августа 30. — Донесение П. В. Алабина А. М. Дондукову-Корсакову о вооруженных столкновениях в Джумайском и Кюстендильском округах	212
№ 122.	Августа 30. — Донесение П. В. Алабина А. М. Дондукову-Корсакову о нападении башбузук на дер. Сушину Джумайского округа	213
№ 123.	Августа 31. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о подготовке устава и принятии мер к созданию благотворительных комитетов в других городах Болгарии	213
№ 124.	Августа 31. — Дешеша Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому о задачах русских представителей в Европейской комиссии по Восточной Румелии	214
№ 125.	Сентября 1. — Циркуляр филиппопольского губернатора О. К. Гибша фон Гросталья окружным начальникам об изъятии турецких печатей и замене их болгарскими	216
№ 126.	Сентября 4. — Циркуляр А. М. Дондукова-Корсакова губернаторам об употреблении в делопроизводстве болгарской терминологии	216
№ 127.	Сентября 4. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова Д. А. Милютину о невозможности закрытия кредита в 500 тыс. рублей на содержание гражданского управления в Болгарии и формирование Земского войска	217
№ 128.	Сентября 4. — Письмо А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу о возможности спорного толкования ст. VI Берлинского договора и о пособиях болгарскому населению на восстановление жилищ	218
№ 129.	Сентября 5 (17). — Нота А. Б. Лобанова-Ростовского великому визирю Турции Савфету-паше о невозможности предоставить амнистию мусульманам — участникам репрессий над болгарским населением и о пожизненной высылке Хаджи Арифа из Восточной Румелии	219
№ 130.	Сентября 5. — Отношение ловчинского окружного начальника М. К. Стабровского председателю Ловчинского городского совета И. Колеву о порядке устройства возвращающегося турецкого населения	221
№ 131.	Сентября 7. — Инструкция Министерства иностранных дел русскому дипломатическому агенту и генеральному консулу в Болгарии А. П. Давыдову о задачах его деятельности	221
№ 132.	Сентября 8. — Донесение командира IV армейского корпуса М. Д. Скобелева А. К. Имеретинскому о гуманных действиях русских войск по отношению к мирному турецкому населению	223
№ 133.	Сентября 9. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» с представителями населения губернии о задачах комитета и его деятельности	224
№ 134.	Сентября 9 (21). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу о неверном толковании турецким правительством ст. XXI Сан-Стефанского договора о недвижимых государственных имуществах	225
	<i>Приложение I.</i>	
	Августа 23 (сентября 4). — Письмо А. Б. Лобанова-Ростовского Савфету-паше о русской интерпретации ст. XXI Сан-Стефанского договора относительно недвижимых государственных имуществ	226
	<i>Приложение II.</i>	
	Сентября 5 (17). — Нота Савфета-паши А. Б. Лобанову-Ростовскому о целостности недвижимых имуществ турецкого государства	227
№ 135.	Сентября 9. — Циркуляр тырновского вице-губернатора Д. Цанкова городским, окружным и судебным советам с сообщением правил работы судебных советов	229
№ 136.	Сентября 11 (23). — Письмо члена Тырновского благотворительного комитета Д. Злагарского С. Миларову о создании и деятельности комитета	231
№ 137.	Не ранее сентября 12. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова А. Б. Лобанову-Ростовскому об учреждении русских консульств в княжестве Болгарии и в Македонии	232
№ 138.	Сентября 14. — Журнал заседания Совета российского комиссара в Болгарии об организации народного просвещения в Восточной Румелии	233
№ 139.	Сентября 16. — Предписание заведующего отделом внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии П. А. Грессера И. С. Иванову о порядке ликвидации дел русского гражданского управления в округах Сливенской губернии, отходящих к Турции	233
№ 140.	Сентября 17. — Телеграмма М. Д. Скобелева А. К. Имеретинскому о мерах по предотвращению массового переселения болгар из Адрианопольского округа	234
№ 141.	Сентября 17. — Письмо русского представителя в Европейской комиссии А. А. Шепелева А. М. Дондукову-Корсакову о стремлении членов комиссии расширить ее права по контролю за управлением Восточной Румелией	235

№ 142. Сентября 19. — Решение А. М. Дондукова-Корсакова о неподсудности Петко Кирьякова суду русских властей и о высылке его из княжества Болгарии и Восточной Румелии	237
№ 143. Сентября 20. — Журнал Совета российского комиссара в Болгарии о продаже десятинного зерна, поступившего от населения Филиппопольской и Сливенской губерний	237
№ 144. Сентября 21. — Циркуляр отдела внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии губернаторам с сообщением положения о выборах в городские и окружные советы	239
№ 145. Сентября 21. — Циркуляр И. С. Иванова окружным начальникам о порядке деятельности городских и окружных советов по благоустройству городов	242
№ 146. Сентября 25. — Предписание И. С. Иванова ахиоло-месемврийскому окружному начальнику штабе-капитану Чаплину о подборе болгар для работы на телеграфных станциях	243
№ 147. Сентября 27. — Предписание Г. И. Шигорина Самоковскому городскому совету о проведении выборов в старейшинские советы и окружные суды	244
№ 148. Сентября 27. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о сборе оружия, вещей и денег	244
№ 149. Сентября 28. — Телеграммы А. Б. Лобанова-Ростовского Э. И. Тотлебену о мерах для предотвращения эмиграции населения из оставляемых русскими войсками районов	245
№ 150. Сентября 29. — Циркуляр отдела внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии губернаторам об организации медицинского дела в болгарской армии	246
№ 151. Сентября 30. — Циркуляр И. С. Иванова окружным начальникам о создании окружных земледельческих касс	247
№ 152. Октября 1. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о создании благотворительных комитетов в княжестве Болгарии и их деятельности по оказанию помощи Кресненскому восстанию	248
№ 153. Октября 3. — Предписание П. А. Грессера О. К. Гибшу фон Гросталю о раздаче оружия болгарскому населению для защиты от нападения башибузуков	250
№ 154. Октября 4. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о помощи Кресненскому восстанию	251
№ 155. Октября 5. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова Н. К. Гирсу о необходимости разрешения вопроса относительно турецких государственных и вакуфных имуществ и права Болгарии заключать договоры с другими государствами	252
№ 156. Октября 5. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова А. Б. Лобанову-Ростовскому об отклонении предложения Л. Фарлея относительно установления англо-болгарских экономических связей	253
№ 157. Октября 5. — Дешеш Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому с одобрением действий русских представителей в Европейской комиссии	254
№ 158. Октября 6. — Отношение А. К. Имеретинского М. А. Дондукову-Корсакову о подготовке Софийского округа к возможным военным осложнениям	255
№ 159. Октября 6 (18). — Донесение А. А. Шепелева и А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о соглашении по финансовому устройству Восточной Румелии	256
№ 160. Октября 8 (20) — Донесение А. А. Шепелева Д. А. Милютину о работе Европейской комиссии	257
№ 161. Октября 8 (20). — Донесение Е. П. Новикова Н. К. Гирсу о переговорах с Министерством иностранных дел Австро-Венгрии относительно поддержки позиции России в вопросе об организации управления Восточной Румелией	262
№ 162. Октября 9. — Письмо Джумайского благотворительного комитета Софийскому благотворительному комитету об успешном ходе Кресненского восстания	265
№ 163. Октября 11. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о создании комиссии для сбора оружия	266
№ 164. Октября 11. — Письмо Джумайского благотворительного комитета Софийскому благотворительному комитету со сведениями о ходе Кресненского восстания	267
№ 165. Октября 11. — Ведомость численности болгарских переселенцев, отправленных из Адрианополя в княжество Болгарию и Восточную Румелию с 28 сентября по 11 октября 1878 г.	267
№ 166. Октября 12. — Прошение пленных турецких офицеров и солдат джумайскому окружному начальнику о разрешении перейти в болгарское подданство и поселиться в Болгарии	268
№ 167. Октября 12. — Письмо Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости ускорить делимитацию границ Восточной Румелии	269
№ 168. Октября 13. — Телеграмма Н. Г. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому о запрещении формирования на территории княжества Болгарии и Восточной Румелии вооруженных отрядов в помощь Кресненскому восстанию	270

№ 169. Октября 14 (26). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу о прощении болгар Джумайского округа включить территорию округа в состав княжества Болгарии и об отрицательном отношении представителей европейских держав к петиции населения Фракии, Македонии и Восточной Румелии с протестом против решений Берлинского конгресса	271
№ 170. Октября 14. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о создании благотворительных комитетов в Плевне, Елене и других городах Болгарии	272
№ 171. Октября 17. — Телеграмма Александра II Э. И. Тотлебену о запрещении формирования вооруженных отрядов и сбора средств среди русских служащих на территории княжества Болгарии и Восточной Румелии в поддержку восстания в Македонии	273
№ 172. Октября 18 (30). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о протестах населения Восточной Румелии против решений Берлинского конгресса	273
№ 173. Октября 19. — Письмо А. Филиппова Д. Георгиеву о деятельности благотворительных комитетов по отправке добровольцев и оружия в помощь Кресненскому восстанию	276
№ 174. Октября 20. — Инструкция Министерства иностранных дел П. А. Шувалову о переговорах с Д. Андраши относительно укрепления союза трех императоров и о причинах временного приостановления эвакуации русских войск с территории Европейской Турции	277
№ 175. Октября 20. — Предписание софийского полицмейстера Софийскому городскому совету о составлении избирательных списков и организации выборов в городской и окружной советы	281
№ 176. Октября 21. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о сборе и отправке оружия для участников Кресненского восстания	282
№ 177. Октября 22. — Обращение Тырновского благотворительного комитета «Единство» к митрополиту Панарету о поддержке борьбы против разделения болгарского народа и о помощи Кресненскому восстанию со стороны болгарской эмиграции в Румынии	283
№ 178. Октября 23. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о расходах по отправке добровольцев и оружия для Кресненского восстания	284
№ 179. Октября 23. — Циркуляр М. А. Домонтовича губернаторам о предоставлении сведений относительно благотворительных комитетов и о принятии мер к прекращению их деятельности	285
№ 180. Октября 24. — Предписание Э. И. Тотлебена генерал-губернатору Восточной Румелии А. Д. Столышину об устройстве болгарских переселенцев	285
№ 181. Октября 24 (ноября 5). — Донесение Е. П. Новикова Н. К. Гирсу о беспокойстве турецких и австро-венгерских правительственных кругов в связи с Кресненским восстанием	286
№ 182. Октября 27. — Письмо А. А. Шепелева Д. А. Милютину о работе Европейской комиссии и о стремлении населения Восточной Румелии не допустить восстановления турецкой администрации и гарнизонов	289
№ 183. Октября 28. — Отношение Н. К. Гирса А. М. Дондукову-Корсакову о позиции России в болгарском церковном вопросе в связи с решением Берлинского конгресса	291
№ 184. Октября 28. — Отношение М. А. Домонтовича в штаб Действующей армии об аресте А. И. Калмыкова и преследовании его в Софию	293
№ 185. Октября 28. — Доклад главного агента славянских благотворительных обществ П. В. Алабина Петербургскому славянскому обществу о своей деятельности в Болгарии	293
№ 186. Октября 30. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова А. Б. Лобанову-Ростовскому с просьбой ходатайствовать перед турецким правительством о направлении врачей-болгар на службу в Восточную Румелию	298
№ 187. Октября 31. — Из письма жандармского полковника Е. О. Янковского Д. А. Милютину об организации полиции в княжестве Болгарии и Восточной Румелии	299
№ 188. Ноября 1. — Предписание и. д. балчикского окружного начальника подполковника Рончевского Балчикскому окружному совету о принятии мер к упорядочению хлебной торговли	300
№ 189. Ноября 2. — Циркуляр финансового отдела Управления российского комиссара в Болгарии губернаторам о сдаче в аренду полей бежавших турок болгарскому населению и освобождении арендаторов от уплаты поземельного налога	300
№ 190. Ноября 4. — Письмо Д. А. Милютина А. Д. Блудовой о принятии мер к охране развалин древней столицы Болгарского царства Преслава	301
№ 191. Ноября 8. — Донесение И. С. Иванова А. Д. Столышину с просьбой об утверждении устава Сливенского общества Красного Креста	302
№ 192. Ноября 8. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о необходимости развертывания в Восточной Румелии деятельности в помощь Кресненскому восстанию	302

№ 193. Ноября 9 (21). — Донесение А. Н. Церетелева Н. К. Гирсу об обсуждении проекта Органического устава Восточной Румелии в Европейской комиссии	303
№ 194. Ноября 9. — Приказ А. Д. Столыпина о порядке взаимоотношений военной и гражданской администрации в занимаемом Филиппопольском отрядом районе	306
№ 195. Ноября 9. — Циркуляр отдела внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии губернаторам об увековечении памяти русских воинов, павших во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.	308
№ 196. Ноября 10. — Дешеша Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому об отрицательном отношении Австро-Венгрии к заключению окончательного мирного договора между Россией и Турцией и о необходимости скорейшего его подписания	309
№ 197. Ноября 10. — Дешеша Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости настаивать на заключении окончательного мирного договора с Турцией и о сумме военных убытков России	313
№ 198. Ноября 12 (24). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о толковании ст. VI Берлинского трактата относительно контроля представителей европейских держав за деятельностью российского комиссара в Болгарии	314
№ 199. Ноября 12 (24). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу об укреплении Турцией проливов и о переговорах ее с Англией относительно предоставления займа	317
№ 200. Ноября 15. — Предписание систовского окружного начальника Систовского городского совету предоставить сведения о возможности размещения переселенцев из Македонии и о количестве зерна, собранного с полей, оставленных турками	320
№ 201. Не ранее ноября 16. — Записка Министерства иностранных дел, составленная по донесениям А. Н. Церетелева, об отношении населения Восточной Румелии к деятельности Европейской комиссии и об организации восточнорумелийской милиции	320
№ 202. Ноября 16. — Обращение жителей г. Панагюриште к правительству России и русскому народу с благодарностью за освобождение Болгарии	321
№ 203. Ноября 17. — Рапорт А. М. Дондукова-Корсакова Э. И. Тотлебену о ходе Кресненского восстания и об укреплении демаркационной линии	322
№ 204. Ноября 22. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» об отправке собранных средств в Софийский благотворительный комитет и о составлении обращения к населению с призывом помочь Кресненскому восстанию	324
№ 205. Ноября 24. — Обращение населения района Малешеву к генеральному английскому консулу в Салониках с протестом против решений Берлинского конгресса	325
№ 206. Ноября 28. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова А. Б. Лобанову-Ростовскому о принятых мерах для обсуждения проекта Органического устава Болгарии представителями населения	326
№ 207. Ноября 28 (декабря 10). — Обращение представителей населения Восточной Румелии к Европейской комиссии с протестом против решений Берлинского трактата о введении турецкой администрации и гарнизонов в области	327
№ 208. Ноября 29. — Докладная записка А. Д. Столыпина Э. И. Тотлебену о нецелесообразности создания складов оружия в Восточной Румелии	331
№ 209. Ноября 29. — Докладная записка А. Д. Столыпина Э. И. Тотлебену о необходимости замены русских кадров в болгарских дружинах болгарам в связи с эвакуацией русских войск из Восточной Румелии	333
№ 210. Декабря 2. — Рапорт А. М. Дондукова-Корсакова Э. И. Тотлебену о распределении частей Болгарского земского войска по отрядам на случай военной опасности	334
№ 211. Декабря 3. — Предписание командира 5-й пехотной дивизии В. А. Полторацкого начальнику Дермендерийского отряда А. С. Беневскому о посылке отряда для освобождения занятых турецкими войсками румелийских деревень	336
№ 212. Декабря 3. — Протокол заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о расходовании средств комитета	337
№ 213. Декабря 4. — Циркуляр А. Д. Столыпина окружным начальникам с содействием введению нового финансового управления в Восточной Румелии	338
№ 214. Декабря 8 (20). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о намерении населения Восточной Румелии отправить делегацию к правительствам великих держав с ходатайством о воссоединении с княжеством Болгарией	339
№ 215. Декабря 8 (20). — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова Д. А. Милютину о возвращении гражданским управлением в Болгарии долга государственному казначейству	340
№ 216. Декабря 9. — Журнал заседания Совета российского комиссара в Болгарии об устройстве и обеспечении продовольствием болгар-переселенцев из Турции	340
№ 217. Декабря 9 (21). — Письмо А. А. Шепелева Д. А. Милютину о необходимости отделения восточнорумелийской милиции от Болгарского земского войска и о формировании ее командных кадров	344

№ 218. Декабря 11. — Отношение А. К. Имеретинского А. М. Дондукову-Корсакову о порядке замены русских воинских частей Болгарским земским войском	348
№ 219. Декабря 11 (23). — Донесение П. А. Шувалова А. М. Горчакову о намерении Англии осуществить смешанную оккупацию Восточной Румелии в случае сопротивления населения выполнению решения Берлинского конгресса	348
№ 220. Декабря 11 (23). — Письмо А. П. Давыдова А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости определения взаимоотношений между гражданской администрацией Болгарии и иностранными консулами	351
№ 221. Декабря 12. — Докладная записка А. Д. Столыпина А. М. Дондукову-Корсакову о порядке обучения военному делу населения Восточной Румелии	353
№ 222. Декабря 14 (26). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову о назначении Турцией генерал-губернатора Восточной Румелии	353
№ 223. Декабря 15. — Обращение Филиппопольского благотворительного комитета «Единство» к старейшинам с. Големо Конаре, Овчехолмского округа, с призывом организовать благотворительный комитет и оказать помощь Кресненскому восстанию	355
№ 224. Декабря 15. — Предписание М. А. Домонтовича Софийскому санджак-овскому казначейству о выдаче средств на переустройство здания для публичной библиотеки в Софии	356
№ 225. Декабря 17. — Отношение А. Д. Столыпина А. Б. Лобанову-Ростовскому о стремлении английского комиссара в Восточной Румелии Г. Друммонда Вольфа обвинить русскую администрацию в притеснениях турецкого населения	356
№ 226. Декабря 17 (29). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о стремлении некоторой части депутатов Учредительного собрания ограничить власть князя	357
№ 227. Декабря 18. — Записка Министерства иностранных дел о намерении Турции предоставить России в возмещение военных убытков право взимания подати с Болгарии и о неприемлемости этого предложения для России	360
№ 228. Декабря 19. — Протокол заседания Софийского городского совета с представителями населения города о праздновании годовщины освобождения Софии русскими войсками	363
№ 229. Декабря 21. — Письмо А. М. Горчакова П. А. Шувалову о необходимости гарантий автономии Восточной Румелии со стороны европейских держав после вывода русских войск	364
№ 230. Декабря 23. — Журнал заседания Совета российского комиссара в Болгарии с постановлением о сложении недоимок по податям и отмене взимания налога на свиней с населения Болгарии	369
№ 231. Декабря 23. — Журнал заседания Совета российского комиссара в Болгарии с постановлением о выплате возвращающимся беженцам-мусульманам половины доходов с их имущества	370
№ 232. Декабря 25 (1879 г. января 6). — Телеграмма А. Н. Церетелева Н. К. Гирсу об обнаружении составителя подложных жалоб на действия русских войск в Родопах	371
№ 233. Декабря 25 (1879 г. января 6). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову о стремлении Константинопольской патриархии не допустить совместных богослужений русских и болгарских священников	371
№ 234. Декабря 26. — Письмо А. М. Горчакова А. Б. Лобанову-Ростовскому о неприемлемости кандидатуры Рустем-паши на пост генерал-губернатора Восточной Румелии и о выводе русских войск из Болгарии при условии передачи Черногории Подгорицы и Служа	372
№ 235. Декабря 26. — Депеша Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому о приостановлении возвращения беженцев-мусульман в Восточную Румелию ввиду массового переселения болгар из Адрианополя и Родоп	375
№ 236. Декабря 27. — Отношение управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба Н. Н. Обручева Главному управлению иррегулярных войск с сообщением о предстоящей высылке А. И. Калмыкова в Область Войска Донского и установлении за ним полицейского надзора	376
№ 237. Декабря 28. — Письмо К. Стоилова М. С. Дринову о делегатах от Восточной Румелии в Учредительном собрании и о недовольстве населения Европейской комиссией	377
№ 238. Декабря 28. — Телеграмма А. М. Горчакова А. Б. Лобанову-Ростовскому о согласии России продлить мандат Европейской комиссии на три месяца	378
№ 239. Декабря 28 (1879 г. января 9). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о невыполнении Турцией решений Берлинского конгресса относительно Македонии	378
№ 240. Декабря 29. — Полномочие представителя Татар-Пазарджикского округа А. К. Людсканова на участие в Учредительном собрании в Тырново	379
№ 241. Декабря 31. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова А. Б. Лобанову-Ростовскому о переносе срока созыва Учредительного собрания на конец января 1879 г. и о намерении турецкого и австрийского комиссаров протестовать против принципа наследования болгарского княжеского престола	379

№ 242. [Декабрь]. — Справка Кашцелярии российского комиссара в Болгарии о численности мужского населения в округах Болгарского княжества и числе депутатов от каждого округа	380
№ 243. Декабрь. — Записка чиновника Управления российского комиссара в Болгарии В. Рогге с проектом сбора и обработки статистических сведений о социально-экономическом положении Болгарии	381
№ 244. Не позднее декабря 31. — Циркуляр Видинского областного суда председателям окружных судов о порядке ведения делопроизводства в окружных судах	385

1879 г.

№ 245. Января 3. — Предписание А. М. Дондукова-Корсакова А. Д. Столыпину о продлении его полномочий в Восточной Румелии до окончания работы Европейской комиссии и назначения турецкого генерал-губернатора	389
№ 246. Января 5. — Письмо А. К. Имсретинского А. Д. Столыпину с сообщением распоряжения Э. И. Тотлебна о назначении офицеров-болгар Действующей армии в восточнорумелийскую милицию	390
№ 247. Января 8 (20). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу об отношении дипломатических агентов европейских держав в Болгарии к предстоящему Учредительному собранию в Тырнове	390
№ 248. Января 8. — Письмо А. П. Давыдова вице-директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел А. А. Мельникову о распространении в Болгарии прокламации с протестом против решений Берлинского конгресса и о желании болгар продлить срок деятельности русского управления	392

Приложение

Не позднее января 8. — Обращение Филиппопольского (Фракийского) комитета «Единство» к болгарскому народу с призывом к борьбе против решений Берлинского конгресса	393
№ 249. Января 11. — Письмо А. Д. Столыпина А. Б. Лобанову-Ростовскому об увеличении численности турецких войск на занятых ими территориях Восточной Румелии и вооружении турецкого населения пограничных местностей	395
№ 250. Января 11. — Циркуляр Видинского областного суда председателям окружных судов об изучении местных обычаев при судопроизводстве по делам о наследстве	396
№ 251. Января 11 (23). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о протестах некоторых групп населения Восточной Румелии против работы Европейской комиссии и намерении их не подчиняться ее решениям	397
№ 252. Января 13. — Журнал заседания Совета российского комиссара в Болгарии о распространении постановления совета относительно обеспечения болгарских переселенцев за счет турецких хлебных запасов на Филиппопольскую и Сливенскую губернии	399
№ 253. Января 13. — Телеграмма Н. К. Гирса А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости рассмотреть в Учредительном собрании Органический устав и избрать князя до вывода русских войск из Болгарии	401
№ 254. Января 15 (27). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о беседе с турецким комиссаром в Болгарии Пертев-эффенди относительно возможных кандидатур на болгарский княжеский престол	401
№ 255. Января 15. — Приказ по войскам IX армейского корпуса об усиленном обучении сельских караулов в Восточной Румелии	403
№ 256. Января 15. — Циркуляр тырновского вице-губернатора П. Каравелова окружным пачальникам о немедленном предъявлении болгарскими имуущественных исков к бежавшим туркам-должникам	405
№ 257. Января 16. — Заявление горожан г. Ловча городскому совету о желании безвозмездно уступить и огородить земельные участки, на которых находятся могилы русских солдат	405
№ 258. Января 18 (30). — Телеграмма А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу об обсуждении в Европейской комиссии вопроса о составе Областного собрания Восточной Румелии	406
№ 259. Января 19. — Циркуляр судебного отдела Управления российского комиссара в Болгарии председателям окружных судов о публикации судебных решений	406
№ 260. Января 23 (февраля 4). — Донесение А. Н. Церетелева Н. К. Гирсу о протесте делегатов европейских держав в Европейской комиссии против участия представителей Восточной Румелии в работе Учредительного собрания	407
№ 261. Января 24. — Телеграмма А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости не допустить участия представителей от Восточной Румелии в работе Учредительного собрания	408
№ 262. Января 26. — Предписание Г. И. Шигорипа Самоковскому городскому совету об оказании помощи беженцам	409

№ 263. Января 27 (февраля 8). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову о подписании окончательного мирного договора с Турцией	410
№ 264. Января 27 (февраля 8). — Донесение А. Н. Церетелева Н. К. Гирсу об обстановке в Восточной Румелии накануне открытия Учредительного собрания	414
№ 265. Января 29. — Отношение Э. И. Тотлебена А. Б. Лобанову-Ростовскому о конфликте между Европейской комиссией и русской администрацией в Болгарии и о мерах по его урегулированию	419
№ 266. Января 29. — Письмо Н. А. М. Дондукова-Корсакову заведующему судебным отделом Управления российского комиссара в Болгарии С. И. Лукьянову о назначении его уполномоченным комиссара в Учредительном собрании с инструкцией о его действиях	423
№ 267. Января 30. — Письмо Н. К. Гирса А. М. Дондукову-Корсакову с просьбой сообщать А. Н. Церетелеву и А. А. Шепелеву ход обсуждения Органического устава в Учредительном собрании	424
№ 268. Января 30. — Телеграмма Н. К. Гирса А. М. Дондукову-Корсакову с разрешением опустить в Органическом уставе вопрос о границах и административном делении княжества Болгарии	425
№ 269. Января 31. — Телеграмма А. М. Дондукова-Корсакова Н. К. Гирсу о нецелесообразности представления отчета о финансовом управлении Восточной Румелии Европейской комиссии	425
№ 270. Января 31. — Предписание О. К. Гиша фон Гросталья филиппопольскому вице-губернатору Т. Бурмову, городскому совету и губернским инженерам об активизации работ по реконструкции города	425
№ 271. Февраля 1. — Донесение русского вице-консула в Бургасе Н. Г. Гартвига А. Н. Церетелеву о тяжелом экономическом положении населения Сливенской губернии	427
№ 272. Февраля 1 (13). — Донесение Н. Г. Гартвига А. Н. Церетелеву о гимнастическом обществе в Сливно	427
№ 273. Февраля 1. — Письмо А. Д. Столыгина А. М. Дондукову-Корсакову о конфликте между Европейской комиссией и русской администрацией Болгарии по финансовому вопросу	429
№ 274. Февраля 1. — Телеграмма Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому о предоставлении Европейской комиссии сведений по финансовому управлению Восточной Румелии	431
№ 275. Февраля 1. — Журнал заседания Совета российского комиссара в Болгарии с правилами по отчуждению земельных участков бежавшего турецкого населения в Софии	432
№ 276. Не позднее февраля 2. — Телеграмма Н. К. Гирса А. М. Дондукову-Корсакову об отклонении намерения делегатов европейских держав принять участие в выработке проекта Органического устава княжества Болгарии	433
№ 277. Февраля 3. — Предписание начальника штаба Варшавского военного округа И. Ф. Шаховского командиру 3-й гвардейской пехотной дивизии В. Д. Дандевиллю предложить офицерам-болгарам перейти на службу в восточнорумелийскую милицию	434
№ 278. Февраля 5. — Телеграмма русского консула в Тырнове И. В. Белоцерковца Н. К. Гирсу о прибытии в город депутатов Македонии и Восточной Румелии и о разногласиях по поводу подачи протеста против решений Берлинского конгресса	434
№ 279. Февраля 7 (19). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о нежелательности перевода болгарских служащих из учреждений Восточной Румелии в княжество Болгарию	435
№ 280. Не позднее февраля 8. — Отношение Н. К. Гирса А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости не допускать протестов против решений Берлинского конгресса в Болгарии и о невмешательстве делегатов европейских держав в работу Учредительного собрания	437
№ 281. Февраля 9. — Телеграмма Д. А. Милютина Э. И. Тотлебену с указанием наблюдать за действиями русской администрации в Болгарии и Восточной Румелии	439
№ 282. Февраля 10 (22). — Письмо А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о настроениях делегатов Учредительного собрания накануне его открытия	439
№ 283. Февраля 12. — Предписание Г. И. Шигорина Самоковскому городскому совету о выводе за пределы города скотобоев и кожевенных заводов для улучшения его санитарного состояния	441
№ 284. Февраля 13. — Денеша Министерства иностранных дел А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости добиваться гарантии автономии Восточной Румелии и активизировать с этой целью работу Европейской комиссии	442
№ 285. Февраля 13. — Письмо А. М. Горчакова П. А. Шувалову о необходимости выяснить позицию Англии относительно гарантий автономии Восточной Румелии и о пребывании английского флота в Мраморном море	445
№ 286. Февраля 14. — Донесение русского консула в Фиуме А. Д. Петковича Н. К. Гирсу об устройстве в Загребе литературно-музыкального вечера, посвященного открытию Учредительного собрания	449

№ 287. Февраля 15. — Протокол заседания Ломского окружного и городского советов об изыскании средств на содержание сельских школ	450
№ 288. Февраля 16. — Письмо председателя Петербургского славянского общества К. Н. Бестужева-Рюмина Ф. П. Корнилову с просьбой о пожертвовании русских книг для болгарских библиотек и читален	451
№ 289. Февраля 18. — Распоряжение начальника Главного управления по делам печати В. В. Григорьева о запрещении обсуждать в печати вопрос о выборах болгарского князя	451
№ 290. Февраля 19 (марта 3). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о возможности вооруженных столкновений болгарского и турецкого населения в Сливенской губернии в случае вступления на Балканы турецких гарнизонов	452
№ 291. Февраля 21. — Письмо С. А. Тумарова Д. Коцеву о ходе работ Учредительного собрания в Тырнове	453
№ 292. Февраля 23. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова Э. И. Тотлебену о начале работ Учредительного собрания	455
№ 293. Февраля 23 (марта 7). — Письмо Александра II Э. И. Тотлебену о намерении депутатов Учредительного собрания обратиться к европейским державам с протестом против решений Берлинского конгресса	456
№ 294. Февраля 24. — Циркуляр тырновского губернатора Н. П. Щербинского окружным начальникам о направлении болгарской молодежи в русские военно-технические школы и с сообщением условий обучения	457
№ 295. Февраля 25. — Записка А. М. Горчакова Александру II о переговорах с английским послом в Петербурге Ф. Дюффеином относительно гарантий автономии Восточной Румелии	458
№ 296. Февраля 25. — Нота Пертев-паши А. М. Дондукову-Корсакову о возвращении имущества бежавшего мусульманского населения прежним владельцам	460
№ 297. Февраля 26 (марта 10). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о работе Учредительного собрания и о позиции представителей европейских держав	464
№ 298. Февраля 26 (марта 10). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову о необходимости скорейшей делимитации границ Восточной Румелии	467
№ 299. Февраля 27. — Телеграмма Министерства иностранных дел А. Б. Лобанову-Ростовскому с согласием на обращение болгарской депутации к правительствам великих держав по вопросу о воссоединении Болгарии	470
№ 300. Февраля 28 (марта 12). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о позиции европейских делегатов и правительств европейских держав относительно возможности введения турецких гарнизонов в Восточную Румелию и о волнениях в связи с этим среди болгарского населения	470
№ 301. Февраля 28 (марта 12). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о тяжелом экономическом положении населения некоторых округов Южной Болгарии	473
№ 302. Марта 1 (13). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о турецких замечаниях на некоторые статьи проекта Органического устава княжества Болгарии	474
№ 303. Марта 2. — Телеграмма А. М. Горчакова А. М. Дондукову-Корсакову об отношении Александра II к работе Учредительного собрания	476
№ 304. Марта 4 (16). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о разногласиях среди депутатов Учредительного собрания в связи с составлением меморандума к европейским державам от имени собрания	476
№ 305. Марта 5 (17). — Телеграмма А. М. Дондукова-Корсакова А. М. Горчакову о принятии мер к скорейшему утверждению Органического устава Учредительным собранием и о несвоевременности обсуждения вопроса о кандидатуре болгарского князя	480
№ 306. Марта 5 (17). — Дешеша А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову о предстоящем завершении работ Европейской комиссии по выработке Органического устава Восточной Румелии	481
№ 307. Марта 5 (17). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову о намерении Турции ввести гарнизоны и укрепить Балканские перевалы и с оценкой кандидатуры А. Богориди на пост генерал-губернатора Восточной Румелии	482
№ 308. Марта 5 (17). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову о согласии Турции освободить занятую турецкими войсками часть территории Восточной Румелии и о необходимости эвакуации русских войск из Джумайского округа	485
№ 309. Марта 5 (17). — Дешеша А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову о выводе английского флота из Мраморного моря	486
№ 310. Марта 5. — Письмо заведующего финансовым отделом Управления российского комиссара в Болгарии К. А. Буха А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости введения таможенных пошлин на ввозимые из Восточной Румелии товары и сокращения расходов по содержанию русской администрации	487

№ 311.	Не ранее марта 5. — Письмо А. М. Дондукова-Корсакова К. А. Буху о сокращении расходов на содержание русской администрации и о невозможности обложения таможенными пошлинами ввозимых из Восточной Румелии товаров	488
№ 312.	Марта 6. — Циркуляр Н. К. Гирса русским послам в Берлине, Вене, Лондоне, Париже и Риме о сообщениях правительствам европейских держав русских предложений относительно мер по обеспечению порядка в Восточной Румелии после эвакуации русских войск	490
№ 313.	Марта 7. — Докладная записка М. А. Домонтовича А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости сбора статистических сведений для изучения социально-экономического положения Болгарии	491

Приложение

	Не ранее марта 25. — Записка подпоручика 30-й артиллерийской бригады В. П. Митурича со статистическими сведениями о социально-экономическом положении Ямбольского округа Сливенской губернии	492
№ 314.	Марта 7 (19). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости сохранения церкви княжества Болгарии в составе Болгарской экзархии и замены в Народном собрании экзарха митрополитом	495
№ 315.	Марта 7 (19). — Письмо А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости подготовки болгар к замещению должностей гражданской администрации в Восточной Румелии	496
№ 316.	Марта 7. — Донесение И. С. Иванова А. Д. Столышину с просьбой о выделении средств для постройки здания реального училища в Сливно	497
№ 317.	Марта 9 (21). — Из письма Э. И. Тотлебена Александру II о состоянии народного просвещения в Болгарии и о ходе эвакуации русских войск	498
№ 318.	Марта 10 (22). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о беседе с делегатом Восточной Румелии И. Е. Гешовым относительно предстоящей ему поездки по странам Европы	499
№ 319.	Марта 13. — Обращение консервативных депутатов Учредительного собрания к А. М. Горчакову с протестом против решений Берлинского конгресса	501
№ 320.	Марта 14 (26). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому об окончании работы Европейской комиссии по выработке Органического устава Восточной Румелии	504
№ 321.	Марта 15 (27). — Донесение П. П. Убри А. М. Горчакову о поддержке Германией статей проекта Органического устава княжества Болгарии относительно наследственности княжеской власти и права изменения границ	507
№ 322.	Марта 15 (27). — Донесение А. Н. Церетелева Н. К. Гирсу о настроениях общественности Восточной Румелии, о позиции «умеренных» и «крайних» в вопросе сопротивления решениям Берлинского конгресса	508
№ 323.	Марта 16. — Телеграмма М. Д. Скобелева А. Д. Столышину о маневрах гимнастических обществ Сливенского округа	511
№ 324.	Марта 17. — Протокол заседания Ломского городского совета со сведениями о землях, принадлежащих городу, и их доходности	511
№ 325.	Марта 17. — Циркуляр судебного отдела Управления российского комиссара в Болгарии председателям губернских и окружных судов о правильном ведении гражданского судопроизводства	512
№ 326.	Марта 17. — Циркуляр судебного отдела Управления российского комиссара в Болгарии председателям окружных судов о разъяснении сторонам порядка обжалования судебных решений	514
№ 327.	Марта 19 (31). — Нота турецкого Министерства иностранных дел министрам иностранных дел европейских держав с возражением против смешанной оккупации Восточной Румелии и с согласием на продление полномочий Европейской комиссии на год	514
№ 328.	Марта 20. — Телеграмма А. П. Давыдова в Министерство иностранных дел о предложении английского комиссара возвести на болгарский княжеский престол принца Гогенцоллерна и отказе депутатов Учредительного собрания поддержать его кандидатуру	519
№ 329.	Марта 21. — Полномочие, выданное Сливенским благотворительным комитетом «Единство» сливенскому митрополиту Серафиму и Р. В. Мирковичу, на сбор сведений о гимнастических обществах и определение суммы взносов в пользу комитета	519
№ 330.	Марта 21. — Донесение Ловчинского городского совета М. К. Стабровскому об организации противопожарной охраны города	520
№ 331.	Марта 22. — Телеграмма А. М. Горчакова А. Б. Лобанову-Ростовскому о целях смешанной оккупации Восточной Румелии войсками европейских держав	520
№ 332.	Марта 24. — Письмо М. А. Домонтовича А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости сбора сведений о вакуфных имуществах в княжестве Болгарии	521
№ 333.	Марта 25. — Протокольная запись беседы А. М. Горчакова с Ф. Дюфферином о предложениях Англии по обеспечению порядка в Восточной Румелии после эвакуации русских войск	522

№ 334. Марта 26. — Телеграмма Н. К. Гирса А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости избрать болгарского князя до окончания деятельности русского гражданского управления в Болгарии	526
№ 335. Марта 26. — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову об обстановке в Восточной Румелии и намерении населения оказать вооруженное сопротивление турецким войскам	526
№ 336. Марта 26. — Телеграмма секретаря русского генерального консульства в Филиппополе А. П. Извольского А. Н. Церетелеву о подготовке собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии	532
№ 337. Марта 26. — Письмо М. А. Домонтовича А. М. Дондукову-Корсакову о необходимости пересмотра капитуляционных прав иностранных подданных в княжестве Болгарии	533
№ 338. Марта 27 (апреля 8). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о решении Учредительного собрания относительно состава Великого Народного собрания для избрания князя	534
№ 339. Марта 27. — Телеграмма Министерства иностранных дел русским послам в Берлине, Вене, Константинополе, Лондоне, Париже и Риме об ускорении работ комиссии по делимитации княжества Болгарии и Восточной Румелии	536
№ 340. Марта 28. — Протест группы консервативных депутатов Учредительного собрания председателю собрания Антиму против принятия решений о свободе печати и ассоциаций в княжестве Болгарии	536
№ 341. Марта 28. — Телеграмма А. М. Дондукова-Корсакова М. А. Домонтовичу о мерах по ускорению обучения и вооружения членов гимнастических обществ	537
№ 342. Марта 29. — Инструкция Министерства иностранных дел А. Д. Столыпину по делам Восточной Румелии	538
№ 343. Марта 29. — Телеграмма А. П. Извольского А. Н. Церетелеву о собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии	539
№ 344. Марта 30. — Телеграмма А. П. Извольского А. Н. Церетелеву о создании Временного центрального комитета Южной Болгарии	540
№ 345. Марта 31. — Предписание провадийского окружного начальника подполковника Виганта Провадийскому городскому совету о выборах депутатов в Великое Народное собрание	540
№ 346. Марта 31. — Донесение русского вице-консула в Варне Ф. К. Лисевича А. П. Давыдову о подготовке мятежа турецкого населения в Варненской губернии после ухода русских войск	541
№ 347. Марта 31 (апреля 12). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу о принятии Учредительным собранием решений о свободе печати, ассоциаций и о составе Великого Народного собрания	543
№ 348. Апреля 2 (14). — Письмо Ф. Дюфферина Н. К. Гирсу с протестом против деятельности гимнастических обществ в Восточной Румелии и с утверждением о намерении болгар изгнать отсюда турецкое население	546
№ 349. Апреля 4 (16). — Письмо И. Е. Гешова Е. Георгиеву о своих встречах с государственными деятелями и представителями общественности Франции	548
№ 350. Апреля 6. — Письмо Д. А. Милютина А. М. Дондукову-Корсакову о порядке вывода русских войск из княжества Болгарии и Восточной Румелии	550
№ 351. Не позднее апреля 7. — Письмо А. Д. Столыпина генерал-губернатору Адрианопольского вилайета Реуф-паше о нападениях турок на болгарское население и о причинах эмиграции мусульман из Восточной Румелии	551
№ 352. Апреля 7. — Отношение Н. К. Гирса А. Б. Лобанову-Ростовскому о недопустимости посылки отрядов из членов гимнастических обществ на границу	553
№ 353. Апреля 7. — Телеграмма Н. К. Гирса А. Д. Столыпину о замене русских служащих в администрации Восточной Румелии местными уроженцами	554
№ 354. Апреля 7 (19). — Донесение Н. А. Орлова А. М. Горчакову о пребывании делегатов Восточной Румелии в Париже и беседе их с министром иностранных дел Франции В. Ваддингтоном	554
№ 355. Апреля 7. — Выписка из письма А. Д. Столыпина А. Б. Лобанову-Ростовскому об условиях вступления в должность генерал-губернатора Восточной Румелии А. Богориди	555
№ 356. Апреля 8. — Протокол заседания Центрального комитета Южной Болгарии о созыве собрания представителей местных комитетов «Единство» в связи с назначением А. Богориди генерал-губернатором Восточной Румелии	557
№ 357. Апреля 9. — Предписание софийского губернатора М. И. Лукашова окружным начальникам о принятии мер к своевременной оплате учителей и финансированию школ	558
№ 358. Апреля 9. — Письмо группы депутатов Учредительного собрания от либеральной партии И. С. Аксакову о работе собрания	559
№ 359. Апреля 10. — Донесение Н. Г. Гартвига А. Н. Церетелеву о настроениях населения Бургасского округа и массовом переселении в округ болгар из пограничных турецких областей	561

Приложение

Март. — Воззвание Центрального комитета Южной Болгарии к болгарскому народу с призывом бороться против ввода турецких войск в Восточную Румелию	562
---	-----

№ 3 ^о . Апреля не ранее 10 — не позднее 12. — Протокол заседания Центрального комитета Южной Болгарии о средствах на содержание новобранцев в пограничных с Турцией местностях	563
№ 361. Апреля 11. — Письмо Н. К. Гирса Д. А. Милютину с просьбой дать заключение на проект обращения Александра II к болгарскому населению Восточной Румелии и об установлении демаркационной линии между Северной и Южной Болгарией	564
№ 362. Апреля 11. — Предписание начальника войск восточнорумелийской милиции К. И. Кесьякова об организации обучения населения военному делу	566
№ 363. Апреля 13. — Письмо Александра II турецкому султану Абдул-Хамиду о выполнении решений Берлинского конгресса относительно Восточной Румелии	568
№ 364. Апреля 15. — Приказ К. И. Кесьякова командиру войск Сливенской бригады И. Доршпрунг-Целице о приведении дружин восточнорумелийской милиции в боевую готовность	569
№ 365. Апреля 16. — Протокол собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии о выработке программы действий и об отказе болгарского экзарха Иосифа от поста председателя Центрального комитета	570
№ 366. Апреля 17 (29). — Донесение А. П. Давыдова Н. К. Гирсу об избрании болгарским князем Александра Баттенберга	572
№ 367. Апреля 17 (29). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу о намерении Турции соблюдать автономию Восточной Румелии	574

Приложение

Апреля 16 (28). — Нота А. Б. Лобанова-Ростовского Каратеодори-паше о гарантии автономии Восточной Румелии со стороны Англии и России	575
№ 368. Не позднее апреля 17. — Записка А. М. Дондукова-Корсакова о подготовке мятежа турецкого населения в княжестве Болгарии	577
№ 369. Апреля 18. — Предписание Г. И. Шигорина Самоковскому городскому совету объявить об открытии ежегодной ярмарки в Эски-Джумае	579
№ 370. Апреля 18. — Протокол собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии о включении в повестку дня вопроса об отношении к определенному Берлинским конгрессом положению Восточной Румелии	579
№ 371. Не позднее апреля 18. — Записка А. М. Дондукова-Корсакова об организации болгарской администрации после избрания князя	581
№ 372. Апреля 19. — Протокол заседания Ломского городского совета с утверждением расходов на содержание школ	583
№ 373. Апреля 19. — Протокол собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии с обсуждением решений Берлинского конгресса относительно Восточной Румелии	584
№ 374. Апреля 20. — Протокол собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии с обсуждением проектов резолюции собрания, предложенных делегатами от Сливенской губернии и делегатом Консуловым	587
№ 375. Апреля 20 (мая 2). — Донесение П. П. Убри А. М. Горчакову о согласии А. Баттенберга на временную передачу своих полномочий А. М. Дондукову-Корсакову	592
№ 376. Апреля 20. — Из протокола собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии с постановлением о вооруженном сопротивлении турецким войскам в случае их ввода и об укреплении милиции	593
№ 377. Апреля 21. — Протокол собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии с обсуждением вопросов о национальном составе милиции и выборности членов областного собрания	596
№ 378. Апреля 21. — Протокол собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии по выборам членов народного представительства	598
№ 379. Апреля 22. — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости определить направление работ Европейской комиссии в связи с введением в действие Органического устава Восточной Румелии и приездом генерал-губернатора	600
№ 380. Апреля 22. — Отношение А. Д. Столыпина А. Б. Лобанову-Ростовскому о беседе с представителями комитетов «Единство» Южной Болгарии относительно ошибочности их ориентации на немедленное объединение с княжеством Болгарией	601
№ 381. Апреля 23. — Протокол собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии об охране границы с Турцией и о порядке ликвидации дел Центрального комитета	603
№ 382. Апреля 25 (мая 7). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу о переговорах с Каратеодори-пашой и А. Богориди относительно порядка назначения служащих болгар взамен русских в Восточной Румелии	605
№ 383. Апреля 25. — Акт комиссии по ревизии дел Центрального комитета Южной Болгарии с краткой характеристикой его деятельности и описью архива	607
№ 384. Апреля 25 (мая 7). — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского Н. К. Гирсу о переговорах с Турцией относительно отказа ее от введения турецких гарнизонов в Восточную Румелию	609

№ 385. Апреля 25. — Обращение Н. Н. Обручева к населению Филиппополя об отказе Турции от введения войск в Восточную Румелию	614
№ 386. Мая 4 (16). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о распространении в Восточной Румелии прокламации с призывом оказать сопротивление введению турецких войск	615
№ 387. Не позднее мая 12 (24). — Окружное послание филиппопольского митрополита Панарета по поводу обращения Александра II к болгарскому населению Восточной Румелии	617
№ 388. Мая 23. — Письмо А. Д. Столышина А. Б. Лобанову-Ростовскому о вступлении в должность А. Богориди и отчислении русских служащих из гражданского управления Восточной Румелии	618
№ 389. Июня 14 (26). — Донесение управляющего русским генеральным консульством в княжестве Болгарии К. Н. Липина Н. К. Гирсу о торжественных проводах А. М. Дондукова-Корсакова в Софии	619
№ 390. Июля 7 (19). — Донесение А. Н. Церетелева А. Б. Лобанову-Ростовскому о торжественных проводах последних частей русских войск в Филиппополе	620

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абдул-Хамид II (Абдул-Гамид, Гамид, Хамид) (см. I том) — 268, 568, 615
- Абро-эффенди, турецкий представитель в Европейской комиссии по Восточной Румелии — 304, 306
- Абу Эдмонд (1828—1885), французский писатель — 549
- Аврамов Нано, член Тырновского комитета «Единство» — 245
- Аврамов Пандили (Пантилей), член Тырновского комитета «Единство» — 211, 266, 272, 282, 284, 302, 337
- Аврамова Неда из Сопота — 32
- Адамов — 277
- Адил-паша, турецкий военачальник — 328, 330
- Аксаков Иван Сергеевич (см. I том) — 11, 69, 163, 177, 179, 559
- Алабин Петр Владимирович (см. I том) — 28, 45, 69, 70, 92, 202, 212, 213, 245, 265, 293, 298, 356
- Алеко-паша см. Богориди Александр
- Александр II Николаевич (1818—1881), с 1855 г. российский император — 11, 24, 25, 31, 34, 39, 46, 48, 56, 59, 62, 64, 65, 67—69, 72, 73, 75, 85, 92, 96, 101, 104—106, 122, 125, 126, 137, 153, 156, 157, 163, 174, 189, 208, 209, 215, 221, 222, 254, 279, 280, 289, 292, 300, 311, 313, 321, 349, 350, 359, 360, 373, 406, 425, 431, 433, 439, 444, 447, 460, 468, 469, 470, 476, 482, 484, 489, 498, 519, 529, 532, 537, 539, 546, 548, 553, 554, 564—566, 569, 571
- Александр Экзарх см. Экзарх Александр
- Алексиев Вурбан из Тырново, участник Кресненского восстания — 284
- Али-бей, владелец чифлика в с. Мансарли — 495
- Али, бинбаши — 336
- Али Шарлиов, владелец чифлика в с. Гидекли — 494
- Ангеларий, один из учеников Кирилла и Мефодия — 179
- Ангелов Алексей, священник, член Ломского городского совета — 450
- Ангелов Димитр из с. Крушево — 60
- Ангелов Димитр, член Тырновского комитета «Единство» — 266
- Ангелов Христо х. из Дряново, член Тырновского комитета «Единство» — 211, 224
- Андон[ов] Йорги, болгарин из Македонии — 117
- Андонов Васил из Софии — 187
- Андонов (Антонов) Иван, член Софийского городского совета — 187
- Андонов Иван (1854—1935) из Чирпан, активный участник национально-освободительного революционного движения. Один из основателей Фракийского комитета «Единство», а позже — БТЦРК (Болгарский тайный центральный революционный комитет), который подготавливал воссоединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством в 1885 г.; оставил мемуары об этих событиях — 355, 540
- Андонов Иван — 187
- Андонов Косто, член Софийского городского совета — 187
- Андонов Симеон из Софии — 187
- Андрапи Дьюла, граф (см. I том) — 35—37, 46, 47, 59, 61—68, 74—78, 81, 83, 88, 90, 96, 97, 99, 101, 126, 132, 139, 142, 160, 196, 263, 264, 277—280.
- Андреев Ат., член Тырновского комитета «Единство» — 211
- Анев Димитр Г. (см. II том) — 282
- Анков Костаки Ив., член Врачанского окружного совета — 34, 35, 70, 108, 109.
- Антим см. Анфим I
- Антонов Николчо х., председатель Врачанского городского совета — 34, 35, 48, 49, 70, 108, 112
- Антонов Панайот, член комитета «Единство» — 245

* Составлен А. Улунином при участии Н. Жечева и Р. Стояновой

- Антонов Стат, д-р, председатель Тырновского комитета «Единство» — 211, 213, 225, 231, 248, 266, 272, 282, 284, 285, 303, 324, 337
- Анучин Дмитрий Гаврилович (см. II том) — 25, 28, 42, 43, 55, 73, 79, 86, 102
- Анфим I (Антим) (светское имя Атанас Михайлов), (1816—1888) митрополит видинский. Председатель Учредительного Народного собрания и Первого Великого Народного собрания (см. также I, II тома) — 434, 455, 464, 466, 478, 480, 503, 536, 543, 545, 572—574
- Арабаджиев Константин (Костадин) Ст. — член Тырновского комитета «Единство» (см. также II том) — 211, 282
- Арборе-Ралли Земфир Константинович (1847—1933), участник русского революционного движения — 106
- Ариф-паша — 411, 413, 578
- Ариф-эффенди, житель Шумли — 578
- Арнаутов Георги из Ловчи — 405
- Арнаут Абдуллах, владелец чифлика в с. Атлий — 495
- Аристархи-бей, юрист, турецкий государственный деятель греческого происхождения (см. также II том) — 200
- Аро х., подписавшийся в качестве представителя болгар из Неготина — 116
- Ассим-бей, владелец чифлика в с. Чинкудже — 494
- Ассим Мустафа-паша, временно исполняющий обязанности министра иностранных дел Турции, с лета 1878 г. представитель Турции в Европейской комиссии по Восточной Румелии — 21, 23, 235, 257, 304, 305
- Астарджиев Христо М., представитель Карловского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571, 594
- Атанас Край из Рушуга — 111
- Афанасий Рабаджи из г. Мустафа-Паша — 112
- Ахтарджия Лазар — 266
- Ахмед бей, турецкий каймакам Рушукского санджака (до февраля 1878 г.) — 25
- Ахмед Вефик-паша, турецкий министр (см. также II том) — 21, 23
- Ацев Димко, подписавшийся в качестве представителя болгар из Битоля — 116
- Бабев Георги Н., член Тырновского комитета «Единство» — 266
- Базили Константин Михайлович (1809—1884), первый секретарь русского посольства в Константинополе, представитель в Международной родопской комиссии — 150
- Баклауд Е., корреспондент «Daily News» — 597
- Балабанов Марко Динчов (см. I том) — 477, 479, 497, 504, 537
- Бартоломеи, управляющий русским посольством в Лондоне — 491, 518
- Баттенберг Александр (1857—1893), князь болгарский с 1879 по 1886 г. Прусский офицер, племянник жены Александра II. Вступив на престол, проводил реакционную политику. В 1881 г. произвел государственный переворот и отменил действие Тырновской конституции (1879). Попытка Б. превратить Болгарию в оплот австро-германского влияния на Балка-
- нах привела его к конфликту с царским правительством. В 1886 г. болгарские офицеры-русифилы арестовали Б. и заставили отречься от престола — 402, 452, 485, 573, 574, 581, 592, 593
- Баумгартен Александр Карлович (см. I том) — 578
- Баялцали Георги, подписавшийся в качестве представителя болгар из Гевгели — 116
- Бедри, турецкий полковник — 269
- Безо Йован, подписавшийся в качестве представителя болгар из Водена — 116
- Бейкер-паша, английский инженер на турецкой службе — 317, 319
- Белалията Нико — 267
- Белов Георги, инженер в Филиппополе — 426
- Белокопцов Сергей Дмитриевич, генерал-лейтенант, начальник 2-й пехотной дивизии — 306, 403
- Белошитова Мария из Панагюриште — 24
- Белошитова Николица из Панагюриште — 24
- Белоцерковец И. В., тульчинский губернатор — 188, 379, 434, 535, 544, 546
- Бендерев Атанас (1859—1946), активный участник национально-освободительного движения и русско-турецкой войны, член Тырновского комитета «Единство». После Освобождения военный деятель, проявил себя в сербско-болгарской войне 1885 г. — 245
- Беневский Аркадий Семенович, полковник, командир 19-го пехотного Костромского полка, 5-й пехотной дивизии. Начальник Дермендерийского отряда — 306, 336
- Бенковский Георгий (см. I том) — 296, 297
- Берви Василий Васильевич (псевдоним Н. Флеровский) (1829—1918), русский социолог, публицист, писатель, профессор Казанского университета. Сотрудничал в журналах «Дело», «Отечественные записки» — 106
- Берг, курьер Министерства иностранных дел России — 348, 350
- Бестужев-Рюмин (Бестужев) Константин Николаевич, профессор, председатель Петербургского славянского благотворительного общества (с 1878 по 1882 г.) — 451
- Бибеско, князь — 484
- Биконсфильд см. Дизраэли
- Бисмарк фон Шенгаузен, Отто Эдуард Леопольд (см. I том) — 8, 39, 40, 68, 69, 71—73, 88, 90, 94, 95, 97—101, 103, 105, 129, 135, 160, 177, 278—280, 347, 491
- Блудова Антонина Дмитриевна, графиня (1812—1891) — 301
- Бобев Атанас, член Тырновского комитета «Единство» — 211, 266, 272
- Бобриков Георгий Иванович (см. I том) — 610, 612
- Богачевци, генерал-майор, командир 2-й бригады 5-й пехотной дивизии — 403
- Богбаков, полковник, комендант с. Яблоницы — 28
- Богданов Никола, представитель Карловского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571
- Богинаков Димитр — 34

- Боголюбов Андрей Андреевич (см. I том) — 21, 22, 92, 154
- Богориди (Вогоридес, Вогориди Александр, Алеко-паша) (1823—1910), болгарин по происхождению, находился на турецкой государственной службе. Генерал-губернатор Восточной Румелии (1879—1884) — 355, 483, 484, 522—525, 555—557, 587, 589, 600, 605—607, 610—613, 618, 619, 621
- Богориди Стефан (Стефанский князь), князь (1770—1859), болгарин, турецкий государственный деятель, отец Александра Богориди — 617
- Богориди Эммануил, внук Стефана Богориди, сын Николаки Конаки Богориди, видный чиновник в Молдавии — 484, 557
- Божинова Анна П. из Карлова — 32
- Божинов Владимир, секретарь Систовского судебного совета — 43, 44
- Божо Петро Петрович — 484
- Боню Кундурадзиата, член Тырновского комитета «Единство» — 245
- Боров Каноу П. из Ловчи — 405
- Босилков К. П., председатель Джумайского благотворительного комитета — 265
- Ботев Христо (см. I том) — 112
- Боткин Сергей Петрович (1832—1889), известный русский врач, профессор, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — 456
- Бошков Иван, представитель Ново-Загорского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 572
- Бошнаков Димитр, председатель Врачанского окружного совета — 108
- Бошнаков Павел Хр., председатель Врачанского городского совета — 70, 108, 112
- Боюв Димитраки — 111
- Бояджий Дмитрий — 112
- Бояджиолу П. — 267
- Браколов Димитр из Ямболя — 110
- Братанов Иван, подписавшийся в качестве представителя болгар из Сереса — 115
- Братиану Йон (см. I том) — 106
- Брауншвейг фон, представитель Германии в Европейской комиссии по Восточной Румелии — 259, 303, 305, 420, 429
- Брофи, английский консул в Бургасе — 337
- Бруннов Филипп Иванович, граф (1797—1875), русский дипломат — 40
- Буботинов Михаил К. (см. II том) — 187, 363
- Бурмов Тодор (Федор) Стоянов (см. I том) — 213, 251, 425
- Бух Константин Андреевич (см. I том) — 10, 340, 344, 369, 370, 399, 400, 422, 432, 433, 487
- Бюлов Бернгард (см. II том) — 98, 101
- Бычваров Христо Г. (см. II том) — 338
- Бянов Парашкева (см. II том) — 110
- Ваддингтон Вильям Генри (1826—1894), французский политический деятель и дипломат. В 1877 г. министр иностранных дел, в 1879 был премьер-министром, сохраняя за собой портфель министра иностранных дел. На Берлинском конгрессе возглавлял французскую делегацию — 56, 57, 446, 447, 549, 554, 555
- Вазов Иван Минчов (см. I том) — 14, 15, 282
- Вазова Сыба М. из Сопота, мать Ив. Вазова — 32
- Валасидис Кириак — 164
- Васил Победитель — 272
- Василев К. — 13
- Василев Николчо, член Врачанского окружного совета — 34
- Васильев Крстю х., член Врачанского окружного совета — 34
- Василев Тодор, член Тырновского комитета «Единство» — 211
- Василев Хаджи — 48
- Вацов Спас, болгарский общественный деятель и ученый — 282
- Веллеслей, полковник, английский военный атташе в Петербурге — 68
- Величков Георгий из Софии — 187
- Величков Константин (1855—1907), болгарский писатель, живописец, общественный деятель, участник национально-освободительного революционного движения. После Освобождения примкнул к либеральной интеллигенции — 276, 570
- Величков Крапчу, член ЦК Южной Болгарии — 540, 557, 586, 588, 591, 599, 607, 609
- Велкович Г. см. Вылкович Георги
- Верон — 521
- Веселинов Михаил, член Софийского училищного совета — 187
- Весов Х. И. — 179
- Ветюв Вуто из с. Вардара Орханйского округа — 111
- Ветюв Иван — 111
- Вигант, подполковник, провадийский окружной начальник — 540, 541
- Вильгельм I Гогенцоллерн (1797—1888), с 1861 г. король Пруссии и с 1871 г. император Германии — 71, 72, 98, 101
- Виталис-паша, начальник восточнорумелийской милиции — 556
- Витанов Н., член Тырновского комитета «Единство» — 272
- Владимиров Хр. из Севлиева, член комитета «Единство» — 224
- Вогоридес, Вогориди см. Богориди Александр
- Войводов Ив. С., участник собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 589, 591, 597, 599
- Вольдемар, принц датский — 572, 574
- Волков, капитан Генерального штаба — 158
- Вонлярлярский, штаб-ротмистр — 203
- Воронин Е. П. — 15
- Врангель, барон — 58, 59, 74, 76
- Вреде де, дипломат, представитель Австро-Венгрии в Белграде — 194—196
- Вылканов Тяню из с. Узунджово Хаскойского округа — 152
- Вылкович Георги (Велкович Г., Вулкович) (1833—1892), болгарский врач на турецкой службе, политический деятель; после Освобождения — министр и дипломат, сторонник консервативной партии — 339, 453, 504, 537
- Вылков Кирчо из Адрианопольского округа — 111
- Вылкова Мария из Сопота — 32

- Вырбанчов Николчо, член Ломского городского совета — 58, 81, 85, 450, 511, 583, 584
- Вулкович д-р см. Вылкович Георги
- Габсбурги, династия, правившая с 1273 г. в Австрии, с 1867 до 1918 г. в Австро-Венгрии — 36, 37
- Гаккель М. П. — 236
- Галиб-бей, владелец чифлика в селах Сырнова, Исетли и Кадыккой Сливенской губернии — 494
- Гальперт, русский офицер — 20
- Гамбетта Леон Мишель (1838—1882), французский политический деятель — 549, 591
- Гамид см. Абдул-Хамид II
- Гандев Х. — 9, 12, 15, 205.
- Ганев Никола из Руцука — 111
- Ганев Христо из Руцука — 111
- Ганецкий Иван Степанович, генерал-лейтенант, командир гренадерского корпуса — 185, 186
- Ганчев х. Георги из г. Мустафа-Паша — 112
- Ганчов — 179
- Ганчо Пазарджи Хаджи из г. Мустафа-Паша — 112
- Гартвиг Николай Генрихович (см. I том) — 427, 561
- Гассан-эффенди, владелец чифлика в селах Черагин, Суруджили и Инджекарли — 494
- Гвоздинский — 170
- Гейден Федор Логгинович, граф (1831—1900) (см. I том) — 156, 192
- Генчев (Ганчев, Гинчев) Петр, болгарский просветитель и общественный деятель, один из руководителей Габровского комитета «Единство», сторонник либеральной партии, депутат Учредительного Народного собрания — 251, 560
- Генчева Екатерина Ив. из Карлова — 32
- Геюкова Дона Х. из Сопота — 32
- Георгиев Кирило, представитель Ямболского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571
- Георгиев (Георгиев) Тодьо из Хасково — 152
- Георгиев Паскал, член Тырновского комитета «Единство» — 245
- Георгиев Тодор х., член Тырновского комитета «Единство» — 245
- Георгиев из с. Крушево Демир-Хиссарского округа — 60
- Георги поп из с. Крушево Демир-Хиссарского округа — 60
- Георги Пастух из Адрианопольского округа — 111
- Георги Унджик из г. Мустафа-Паша — 111
- Георги Хаджи, участник Кресненского восстания — 112
- Георги — 277
- Георгий, отец Митро — 117
- Георгиев Данчо, представитель Чирпанского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571
- Георгиев Димитр п. Беровски (1840—1907), учитель, активный участник болгарского национально-освободительного движения, один из организаторов Разложского восстания в 1876 г. В период русско-турецкой войны занимался организацией чет для защиты населения. Принимал активное участие в Кресненском восстании 1878 г. Позднее — активный участник борьбы за освобождение Македонии — 265, 276
- Георгиев Манол, член Софийского городского совета — 187
- Георгиев Никола, член Софийского городского совета — 187
- Георгиев Симо из Софии — 187
- Георгиев Евлогий Недев (см. I том) — 548
- Георгиев Стоян, подписавшийся в качестве представителя болгар из Петрича — 116
- Георгов Андрей, подписавшийся в качестве представителя болгар из Велеса — 115
- Георчев Н. Х., член Тырновского комитета «Единство» — 211, 337
- Герджиков Иван П., член Филиппопольского окружного училищного совета, представитель Филиппопольского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 594, 595
- Геров Найден Добрович (см. I том) — 204, 327
- Георгиев Исай, член Софийского городского совета — 187
- Гешанов Кръстю из Панагюриште, участник национально-освободительного движения — 24
- Гешов Евстратий из Филиппополя — 111, 619
- Гешов Иван Евстатиев (см. I том) — 276, 399, 464, 466, 477, 479, 499, 500, 540, 548, 549, 554, 555, 581, 586, 600, 609
- Гешов Стефан из Филиппополя — 111
- Гешов Христо Ев. из Филиппополя — 111
- Гибш фон Гросталь Огюст Казимирович, генерал-майор, филиппопольский губернатор — 216, 425, 426, 429, 618
- Гике Стефан Д., кмет квартала в Татар-Пазарджике — 379
- Гинчев Петр см. Генчев Петр
- Гинчев (Гинчов, Генчов) Цени Шкипырнев, помощник председателя Филиппопольского комитета «Единство», депутат Народного собрания (см. II том) — 211, 266, 284, 302
- Гирс Николай Карлович (см. I том) — 32, 58, 59, 85, 88, 90, 92, 142, 150—153, 156, 188, 193, 198, 200, 209, 214, 218, 225, 232, 252, 253, 262, 269—271, 286, 291, 309, 312, 313, 317, 326, 345, 357, 371, 372, 375, 379, 380, 390, 392, 401, 406, 408, 414, 424, 425, 431, 433, 435—437, 439, 448, 467, 474, 476, 480, 483, 484, 490, 491, 497, 499, 504, 508, 526, 534, 539, 543, 546, 553, 564, 572, 574, 577, 602, 605, 609, 619, 621
- Гирш Морц (см. II том) — 20, 21
- Гладстон Уильям (см. I том) — 253, 597
- Гологанов [Иван], представитель болгар из Демир-Хиссара — 116
- Головин, генерал-майор — 322
- Горазд, один из учеников Кирилла и Мефодия — 179
- Горанов Дико из Лома — 583
- Горбанов Петр, член Тырновского комитета «Единство», болгарский просветитель и публицист, член консервативной партии — 337

- Горчаков Александр Михайлович, возглавлял русскую делегацию на Берлинском конгрессе (см. также I том) — 8, 21, 35, 38, 46, 47, 50, 53, 56, 61, 67—69, 71, 73, 74, 85, 86, 88, 96, 150, 170, 171, 177, 196, 353, 364, 366, 368, 371, 372, 374, 378, 410, 422, 445, 448, 458—460, 467, 476, 480—482, 486, 491, 501, 507, 520, 522—525, 554, 566, 592
- Господин Х. — 599
- Гоцев Ангел из с. Трабатовиште Пиянецкого округа — 54
- Гоцев Тасе из с. Стевник Пиянецкого округа — 54
- Греков Димитр Г. (см. II том) — 271, 339, 418, 453, 504, 537
- Грессер Петр Аполлонович (1833—1892), генерал-лейтенант, в 1878 г. управляющий отделом внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии — 162, 184, 201, 217, 229, 233, 234, 237, 239, 242, 246, 250, 251, 309, 340, 344, 369, 370, 399, 400, 432, 433, 454, 455, 558
- Григорий, митрополит доростоло-червенский (см. I том) — 503, 537, 573, 574
- Григорьев Василий Васильевич (1816—1881) (см. I том) — 451
- Гримм Э.* — 13
- Грозданов Атанас, представитель болгар из Неврокопа — 116
- Громов, правитель канцелярии софийского губернатора — 212, 213
- Груев Пройчев Иоаким, член Филиппопольского окружного училищного совета (см. II том) — 276, 415, 508, 510, 526, 530, 599, 600
- Гурко Иосиф Владимирович (см. II том) — 27, 32, 48, 206, 276, 527, 530
- Гусни-паша — 26
- Гюзелев Иван Недев, депутат Учредительного Народного собрания (см. II том) — 266, 560
- Гюлмезов Михалки — 171
- Гяков Христов из с. Град Пиянецкого округа — 54
- Давыдов Александр Петрович (1838—1885), действительный статский советник, камергер, русский генеральный консул в Софии в 1878—1879 гг. — 93, 221, 314, 351—353, 357, 359, 390, 392, 393, 401, 439, 441, 464, 467, 474—476, 499—501, 519, 534, 541, 543, 546, 572, 574
- Давыдов Ф. В. — 93
- Дагоров К., д-р, представитель Карнобатского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 572, 580, 586, 589, 594, 599
- Дагоров Л. Н., д-р, представитель Карловского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571, 580
- Дагоров П. — чиновник по поручениям сливенского губернатора — 498
- Дальциело (Дользела), английский вице-консул в Русуке — 542, 578
- Дамянов М. из с. Крушево Демир-Хиссарского округа — 60
- Дандевиль Виктор Десидериевич, командир 3-й пехотной дивизии (см. также I том) — 434
- Данов Христо Г (см. II том) — 407, 408
- Данулов — 568
- Дашков Т., кмет квартала в Татар-Пазарджике — 379
- Деллингсгаузен Эдуард Карлович (см. II том) — 298
- Дели-Омер-ага из с. Герен, предводитель турецкого отряда в период Родопского мятежа — 149
- Демина Е. И.* — 15
- Денкоглу И., болгарский торговец — 298
- Дерби Эдвард-Генри Стэнли (см. I том) — 50—54, 69, 173, 176
- Дечов Сава Х., представитель Бургасского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 572
- Деянова Анастасия из Карлова — 32
- Джиджева Тона М. из Карлова — 32
- Джири-Оглу Юссин-ага, предводитель турецкого отряда в период Родопского мятежа — 148
- Джоноварлы Смаил, предводитель турецкого отряда в период Родопского мятежа — 148
- Джурми — 117
- Диамандаки из г. Мустафа-паша — 112
- Дивитаковы, братья — 245
- Дизразли Бенджамен (см. I том) — 50, 52—54, 139, 143, 160, 173, 176, 348, 350, 448, 490
- Диков Поп Георги из с. Вардара Орханийского района — 111
- Диксон Колингвуд — 505, 506
- Димитр Х., участник собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 596, 598
- Димитри Илия — 117
- Димитриев, секретарь Видинского областного суда — 396
- Димитриот Лазо х., представитель болгар из г. Штип — 116
- Димитров Георгий Михайлович (1882—1949), видный деятель болгарского и международного рабочего движения — 203
- Димитров Тодор, председатель Врачанского судебного совета — 34
- Димитров Хр., член Софийского городского совета — 187
- Димов Д. см. Македонский Д. Д.
- Димов Михаил х., член Тырновского комитета «Единство» — 245
- Димов Петр п., делопроизводитель и бухгалтер Тырновского комитета «Единство» — 211, 213, 231, 250, 266, 272, 282, 302, 324, 337
- Динов Михаил х., подписавшийся в качестве представителя болгар из г. Кукуш — 116
- Добрев Ризо, подписавшийся в качестве представителя болгар из Ватос — 116
- Добрев Тодор из Сливно — 111
- Добрев Хаджи Петр из Сливно — 110
- Добринов М. П., член Тырновского комитета «Единство» — 272
- Доброджану-Геря Константин (настоящая фамилия Кац) (1855—1920), социолог и литературный критик, деятель русского революционного народнического движения — 106
- Доганов Ичо, подписавшийся в качестве представителя болгар из Гевгели — 116
- Дользела см. Дальциело
- Домонтович Михаил Алексеевич (см. II том) — 10, 108, 162, 167, 171, 180, 188,

- 197—201, 204, 212, 213, 232, 233, 237—239, 265, 266, 285, 293, 340, 344, 356, 369, 370, 399, 400, 432, 433, 445, 491, 492, 521, 522, 533, 534, 537
- Дондуков-Корсаков Александр Михайлович, князь (1820—1893), генерал-адъютант. В период войны — командующий XIII армейским корпусом, а затем Восточным отрядом русской армии на Балканах. С мая 1878 по июнь 1879 г. русский комиссар в Болгарии и командующий оккупационным корпусом — 10, 12, 25, 26, 107—110, 113, 121, 122, 138, 141, 153, 158, 160—162, 167, 170, 179, 180, 182, 183, 188, 196, 197, 201—204, 206, 212, 213, 217—219, 232, 233, 235, 237, 239, 244, 252, 253, 255, 261, 265, 269, 273, 277, 291, 292, 298, 300, 322, 323, 326, 327, 332—335, 340, 344, 348, 351, 353, 359, 360, 369, 370, 376, 379, 389, 392, 399—402, 408, 415, 422—425, 432—434, 437, 439, 441, 445, 448, 455, 456, 460, 465, 467—469, 474, 476, 480, 487—489, 491, 492, 497, 526, 533, 534, 537, 546, 550, 577, 579, 581, 583, 592, 619, 620
- Донков Иван, представитель Карловского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571
- Донугмор, английский комиссар, член Финансового комитета по Восточной Румелии — 339
- Дончев Вырбан из Рудука — 111
- Дойчинов Д. из Ловчи — 224
- Доршпрунг-Целица И., подполковник, командир войск сливневской бригады восточнорумелийской милиции — 569
- Доситей (Досифей), митрополит самоковский — 503, 537
- Дочев (Дочов) Илия из Ловчи, член комитета «Единство» — 405
- Дмитриев, подполковник — 28
- Драгнев Петр, священник, член комитета «Единство» — 337
- Драгошинов Георги из Севлиево, член комитета «Единство» — 224
- Драсов Иван Тодоров (см. I том) — 224
- Дрентельн Александр Романович (см. II том) — 105
- Дрессе, французский инженер — 317, 319
- Дринов Марин Стоянов (см. I том) — 10, 54, 60, 106, 160—162, 180—183, 190, 233, 237, 239, 251, 298, 322, 340, 344, 356, 369, 370, 377, 399, 400, 415, 417, 418, 432, 433
- Друммонд-Вульф Генри сэр (род. 1830), английский представитель в Европейской комиссии по Восточной Румелии — 235, 257—259, 264, 290, 303—305, 347, 407, 408, 419, 420, 429, 446, 448, 470, 472, 505, 506, 546, 547
- Дукмасов П. Г., начальник штаба XIII корпуса — 59, 341, 343
- Дюльгеровы, братья, члены комитета «Единство» — 245
- Дюффери Фредерик, лорд, посол Великобритании в Петербурге с 1879 по 1881 г. — 446, 448, 459, 460, 522—526, 546, 548, 553, 565, 574, 576
- Едрцов Петр, представитель Новоагорского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 572, 594
- Евстатий (Евстафий), митрополит пелаганский и пиротский, болгарский церковный деятель — 503, 537
- Евфимий (Евтимий), болгарский архимандрит — 295
- Елена (247—327), мать римского императора Константина — 49
- Енчев Д., депутат Учредительного Народного собрания — 560
- Ефтим[ов] Трайчо, болгарин из Македонии — 117
- Ещенко, бухгалтер в Управлении русского комиссара в Болгарии — 356
- Жечев Н.* — 15, 647, 665
- Жечков Захарий из Сливно — 110
- Живков Георги Атанасов, член Тырновского комитета «Единство» (см. также II том) — 211, 213, 225, 231, 248, 249, 272, 284
- Жомини Александр Генрихович (см. I том) — 85
- Жуковская Н. П.* — 15
- Заблудовская Е. М.* — 15
- Зайончковский П. А.* — 11
- Запryanов Богдан (Божидар), председатель Хаскойского окружного совета — 159, 160
- Засулич Вера Ивановна (1849—1919), деятель русского революционного движения — 100
- Заткалик, поручик, начальник Хаскойского округа — 19, 148, 149, 153, 159
- Заяков М. Ив., член Тырновского комитета «Единство» — 284, 324, 337
- Звиденек (Звидянек), дипломатический агент Австро-Венгрии в Болгарии — 390, 391, 477, 479, 544, 546
- Зеленина Э. И.* — 15
- Зерница, поручик, ординарец А. М. Дондукова-Корсакова, впоследствии штабс-капитан, командир лейб-гвардии 4-го стрелкового батальона — 26, 203
- Зичи Франц, граф (род. 1811), в 1864—1869 гг. посол Австро-Венгрии в Константинополе — 22, 23, 64, 66, 74, 77, 190, 287, 288
- Златанов Антон из Сливно — 110
- Златанов М., председатель Златицкого окружного суда — 504
- Златарски Александр Н., член Тырновского комитета «Единство» — 211, 272
- Златарски Георги (Джорджо), член Тырновского комитета «Единство» — 211, 213, 231
- Златев Хаджи Илия из Ямболя — 110
- Золотарев Василий Григорьевич, генерал-майор (см. также I том) — 25, 154, 155, 180—183, 206, 233, 237, 239, 335, 399, 400, 432, 433
- Зубку-Кодряну Николай Петрович (1850—1878), румынский революционер, был связан с русским революционным народничеством — 106
- Зуева Н. В.* — 15
- Ианов — 171
- Иван, сын Андона — 117
- Иван, сын Илияна — 117
- Иван — 148
- Иванов Георги, подписавшийся в качестве представителя болгар из Неврокопа — 116

- Иванов Георги, священник, член Тырновского комитета «Единство» — 211, 282
- Иванов Димитр из с. Узунджово Хаскойского округа — 152, 171
- Иванов Димитр Павлов, секретарь Тырновского комитета «Единство» (см. I том) — 211, 213, 224, 244, 245, 249, 266, 272, 282, 284, 302, 324, 337
- Иванов Димитраки хаджи из Ямболя — 110
- Иванов Димо, подписавшийся в качестве представителя болгар из Куманово — 116
- Иванов Иван Степанович, и. д. сливенского губернатора, в дальнейшем губернатор (см. I том) — 10, 120, 164, 165, 171, 183, 185, 193, 210, 233, 243, 247, 302, 308, 453, 497
- Иванов М. Л., секретарь провадийского окружного начальника — 541
- Иванов Михаил, член комитета «Единство» — 245
- Иванов Петр из Габрово, представитель Старозагорского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии, участник Кресненского восстания — 324, 580, 586, 587, 597, 598
- Иванов Сергей см. Калмыков
- Иванов Христо Големия Книговец, член Тырновского комитета «Единство» (см. также II том) — 211, 272, 282, 284, 324
- Иванова Аница из Сопота — 32
- Игнатъев Николай Павлович (см. I том) — 8, 11, 21—23, 38, 46, 49, 53, 61, 64, 67, 69, 73, 81, 83, 85, 89, 91, 358, 359, 401, 402, 484
- Извольский Александр Петрович (1856—1919), секретарь русского генерального консульства в Филиппополе. С 1906 по 1910 г. министр иностранных дел России — 532, 539, 540
- Икономов Антон (см. II том) — 110
- Икономов Киро (см. II том) — 110
- Икономов М. П., делопроизводитель Сливенского комитета «Единство» — 453, 464, 466, 519
- Икономов Михайла — 171
- Икономов Никола — 504
- Икономов Н., кассир Тырновского комитета «Единство» — 211, 266, 282, 302
- Икономов П. из Трявны, член комитета «Единство» — 224
- Икономов Теофил из Дряново, член комитета «Единство» — 224
- Икономов Тодор (см. II том) — 418, 537, 543, 545
- Икономов Христо — 116
- Илларион, кюстендильский митрополит — 503, 537
- Илиев Атанас Т. (1852—1925), представитель Кызыл-Агачского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии, болгарский просветитель и общественный деятель либерального направления, позже член Болгарской Академии наук — 171
- Илиев Н., священник, член Врачанского судебного совета — 108
- Илиев Петр, член Софийского городского совета — 187
- Илиев Сава см. Сирманов Сава Илиев
- Илиев С., депутат Учредительного Народного собрания — 560
- Ильо см. Марков Илю
- Ильяшевич Л. И. (см. II том) — 41, 43, 92, 113
- Имеретинский Александр Константинович (см. II том) — 31, 93, 105, 121, 148, 185, 206, 223, 234, 245, 255, 348, 390, 453
- Иоаким, константинопольский патриарх — 371, 372
- Ионин Александр Семенович (см. I том) — 58, 62, 65, 125, 173
- Иосиф I, экзарх болгарский (см. II том) — 295, 378, 501, 532, 540, 565, 570, 599, 616
- Иотов Стоичко, член Софийского городского совета — 187
- Иречек Константин Йозеф (1854—1918), чешский буржуазный историк, специалист по истории южных славян. Автор книг «История Болгарии», «История Сербии». В 1879—1881 гг. секретарь Министерства народного просвещения, председатель Совета по делам просвещения — 377
- Исефов — 595
- Искрев Т. см. Кесяков Тодор Искров
- Исмаил-паша, владелец чифлика в Тавшан-тепе — 495
- Йедет-паша, Йедет-паша, см. Сенклер
- Йетов Велчо из г. Орхание — 111
- Йованов (Йованчев) Ангел (Аггелаки), председатель Ломского городского совета — 58, 81, 85
- Йонков Васил (1838—1889), активный деятель болгарского национально-освободительного движения, участник русско-турецкой войны — 224
- Йорги Андон — 117
- Йоргов Митро, болгарин из Македонии — 117
- Йосиф Христо П., представитель Казанлыкского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571, 585
- Йотов Велчо — 111
- Йотов Стоичко, член Софийского городского совета — 187
- Йоцов Ангел Д., член Врачанского городского совета — 34, 35, 48, 49, 70, 108, 112
- Кабакчиев Никола Георгиев (см. II том) — 282
- Кабот, тайный советник — 499
- Кавалджиев Иван, член Тырновского комитета «Единство» (см. также I том) — 211, 213
- Каллай Вениамин (1839—1903), австро-венгерский комиссар в Европейской комиссии по Восточной Румелии — 259, 260, 303, 305, 312, 331, 339, 419, 470—472, 504, 506
- Кален, сын Стояна — 117
- Каличе Генрих (см. I том) — 263, 264
- Калмыков Адам Иванович, капитан, сотник Войска Донского. В первый период русско-турецкой войны состоял добровольцем при 38-м казачьем полку в Рущукском отряде. Не добившись зачисления в армию, уехал на военную службу в Сербию. После перемирия служил в канцелярии Видинского губернатора. Принимал участие в Кресненском восстании. Убит в 1885 г. при попытке вторгнуться в Македонию

- с вооруженной четой — 249, 250, 265, 293, 376, 534
- Калпаков М., д-р, член Тырновского комитета «Единство» — 211
- Калчев Костадин (Константин) х., представитель Филиппопольского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571, 580, 587, 591, 596, 597
- Калонджи (Калянджи, Калянджиев) Павел (см. II том) — 171
- Капанов Г., секретарь самоковского окружного начальника — 409, 442
- Каравелов Любен Стойчев (см. I том) — 211, 272
- Каравелов Петко, тырновский вице-губернатор, депутат Учредительного Народного собрания (см. также II том) — 265, 405, 453, 455, 464, 466, 477, 479, 480, 497, 543, 545, 560, 573, 574, 583
- Карагеоргиевичи, династия, правившая в Сербии (1842—1858, 1903—1918) и Югославии (1918—1945) — 67
- Карагеоров Юван (Иван), подписавшийся в качестве представителя болгар из г. Скопия — 115
- Караджов Григор, представитель Филиппопольского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 407, 408, 571, 585, 586
- Каракановски Калю К. из Ловчи — 405
- Кара-Малаков Георги из Сливно — 111
- Караминов Христо-Бунито Малкия (1846—1892), активный деятель болгарского национально-освободительного движения, участник русско-турецкой войны. Член Тырновского комитета «Единство» — 211
- Карамихалов Георги из Адрианополя — 111
- Каранов Иван, участник Кресненского восстания — 277
- Каранфилович Д., депутат Учредительного Народного собрания — 560
- Каранетров Стефан, представитель Казанлыкского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571
- Карасев В. Г.* — 15
- Карастойлов Стоян, уроженец с. Старчишта Неврокопского округа, известный воевода периода национально-освободительной борьбы, один из руководителей Кресненского восстания — 212, 277
- Каратеодори-паша, турецкий дипломат, представитель Турции на Берлинском конгрессе — 354, 360, 361, 410—414, 431, 432, 574—576, 605, 606
- Каргалова М. В.* — 15
- Карл I Гогенцоллерн (1839—1914), румынский князь с 1866 г., король с 1881 г. — 519
- Каролов Райчо, известный учитель периода возрождения, депутат в Учредительное Народное собрание, в дальнейшем министр, член либеральной партии — 560
- Касабов Иван, член комитета «Единство» — 225
- Катебиан, армянин, владелец чифлика — 494
- Кац Константин см. Доброджану-Геря Константин
- Кацаров Г.* — 13
- Каченовский, начальник отделения судебного отдела Управления российского комиссара в Болгарии — 351, 514
- Кемиля Ст., член Тырновского комитета «Единство» — 266
- Кефов Ив.* — 13
- Кереков Григор Чернов из Адрианопольского округа — 111
- Кереков Матвей из Адрианопольского округа — 111
- Кереков Янако из Адрианопольского округа — 111
- Керим-паша — 112
- Кесяков Константин Искров (см. II том) — 556, 557, 566, 568—570, 593, 596, 597, 599, 600, 608
- Кесяков Тодор Искров, участник собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 276, 587, 591, 608
- Кетхудов Александр Игоревич, полковник — 48
- Кирович, д-р, член комитета «Единство» — 245
- Кириевски поп Димитр, подписавшийся в качестве представителя болгар из г. Демир-Хиссара — 116
- Кирилл (Константин) (827—869), славянский просветитель — 14, 15, 179
- Кирилл, варненский митрополит — 504
- Кирилл, болгарский патриарх — 13
- Кирков (Кыркв) Г., депутат Учредительного Народного собрания — 560
- Киркова Гана из Карлова — 32
- Киро, участник собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 594
- Киров Курти, представитель Ямбольского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 572
- Киров Тодор, почетный член Ломского городского совета — 450, 511, 583
- Кирьяков Петко, воевода (см. II том) — 185, 186, 237
- Кисалов Г., член Тырновского комитета «Единство» — 211
- Кисимов Тодор А., член Тырновского комитета «Единство» — 266
- Климент, епископ браницкий (Васил Друмев) (1840—1901), видный болгарский писатель, общественно-политический и церковный деятель либерально-буржуазного направления — 26, 504, 537, 572, 574
- Климент Охридский, славянский просветитель — 179
- Книговезец Христо см. Иванов Христо Големия
- Ковас Мехмед из с. Яхалий — 148
- Ковачов И. А., депутат Учредительного Народного собрания — 179
- Коев Коста, член Тырновского комитета «Единство» — 211, 282, 303.
- Кожухаров Спас, представитель Сливенского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571, 600, 604
- Козловский Георги — 110
- Козаров Ив. М., секретарь Джумайского благотворительного комитета — 265
- Козма, архимандрит пречистянский — 80
- Козьменко И. В.* — 13, 15, 379, 439, 474
- Коларов Илия Иванов, представитель болгар из г. Сереса — 115

- Коларов Г. С., представитель Старозагорского округа в собрании представителей комитета «Единство» Южной Болгарии — 171, 587, 589, 594
- Колев Иван из Ловчи, председатель Ловчинского городского совета, участник национально-освободительного движения, член комитета «Единство» — 221, 224
- Колев Костадин х., член комитета «Единство» — 245
- Колев Панайот х., член комитета «Единство» — 245
- Колони Михаил, болгарский общественный деятель, член болгарской «Добродетельной дружины» в Бухаресте (см. также I том) — 542
- Комаков Иван — 277
- Конаев В. Д. — 15, 439, 470
- Константин, архимандрит Плевны — 248, 504, 537
- Константинов Михаил х. из Рушук — 111
- Константин I (274—337), римский император (Кай Флавий Аврелий) — 49
- Константин Николаевич, великий князь (см. II том) — 85, 456
- Константинов Христофор, подписавшийся в качестве представителя болгар из г. Радовичи — 116
- Консулов Г., кассир ЦК Южной Болгарии — 557, 585—587, 589, 591, 598, 600, 608
- Коньяров З. П., и. д. правителя канцелярии сливенского губернатора — 302, 309
- Коньяров (Коньяров) Васил, сундукчи (ремесленник, изготавливающий сундуки) из Ямболя — 110
- Корнев, майор, ломский окружной начальник — 450
- Корнилов Федор Петрович (1809—1895), член Государственного совета — 451
- Корти Луиджи, граф (1823—1888), в 1875—1886 гг. посол Италии в Константинополе — 22, 23
- Корфузов Георгий, член комитета «Единство» — 251, 302
- Косиди Георги — 583
- Косович Н. С., штаб-капитан л.-гв. Волынского полка — 19
- Костадинов Пано — 322
- Костадин Терзията х., член комитета «Единство» — 245
- Костадинов Иван, член Тырновского комитета «Единство» — 266
- Костов Илия, учитель в с. Вардара Орханьского округа — 111
- Костов Стефан, представитель Казанлыкского округа на собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571, 595
- Костов Стоян — 179
- Коцов (Коцев) Димитр х. (1846—1895), участник национально-освободительного движения; после Освобождения председатель Софийского городского совета, позднее член либеральной партии — 187, 453
- Коцов Д. П., редактор и издатель газеты «Българин» — 338
- Кочев Янко Т., представитель Чирпанского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571, 589, 604, 609
- Кочов Ефко из Ловчи — 405
- Краухин Л., подполковник, и. д. правителя канцелярии сливенского губернатора — 41, 43
- Кристов Ненчо — 171
- Крумов Г., член Фракийского комитета «Единство» — 355, 540
- Крыжановский, титулярный советник, чиновник в Управлении российского комиссара в Болгарии — 356
- Крыстов Божил, член Софийского городского совета — 187
- Кузьма, дебарский архимандрит — 179
- Кулев Георги из Рушук — 111
- Кунчев Ангел из Ловчи, член комитета «Единство» — 224
- Кусевич (Кусев) Методий (Мефодий) (см. II том) — 302, 570, 580, 585, 608
- Кюсов Георги из Лома — 583
- Кюхельбекер, полковник — 293, 301
- Кынчев Никола, член комитета «Единство» — 245
- Лазар Ахтарджия, член комитета «Единство» — 266
- Лазаров Вучко, член Софийского городского совета — 187
- Лазаров Никола, болгарский общественный деятель и просветитель, секретарь Тырновского комитета «Единство» — 211, 213, 231, 266, 272, 282, 303, 324, 337
- Лазаров Симеон см. Подбалкански Симеон Лазаров
- Лайард Остин Генри (см. I том) — 47, 173, 176, 235, 317—319, 482—484, 591
- Лайонс Ричард-Бикертон-Помел, барон (1817—1887), английский дипломат, с 1867 г. посол в Париже — 56, 57
- Лангенау, барон, генерал от кавалерии, в 1871—1879 гг. — посол Австро-Венгрии в Петербурге — 39, 40, 61, 64, 66
- Левинтов Н. — 13
- Левицкий Казимир Васильевич (см. II том) — 149, 286
- Левский Васил (см. I том) — 112, 296—298
- Ленин Владимир Ильич — 11
- Леонидов Л. Б. — 15
- Леонов, генерал-майор — 48
- Лилов Христо х., подписавшийся в качестве представителя болгар из г. Прилеп — 116
- Лилова Евгения М. из Сопота — 32
- Лилов Петр, член Ломского городского совета — 450
- Липинский Александр Иосифович (см. II том) — 27, 160, 183, 405
- Липов Иван, учитель из г. Тетевен — 111
- Лисевич Ф. К., российский вице-консул в Варне — 541
- Липин Константин Николаевич, секретарь дипломатического агентства в Болгарии, управляющий генеральным консульством в Софии, представитель Международной родопской комиссии — 150, 351
- Лобанов-Ростовский Алексей Борисович, князь (1824—1896), посол России в Константинополе (1878—1879) (см. также I том) — 110, 121, 160, 166, 167, 170, 171, 179, 189, 190, 198, 201, 208, 209, 214, 216, 218, 219, 221, 225, 226, 228, 232, 235—237, 245, 253, 256, 257, 262, 269—273, 289, 298, 309, 312, 313, 317,

- 318, 320, 326, 339, 347, 351—353, 356, 371, 372, 374—376, 378, 379, 395, 397, 406, 408, 410, 412, 414, 415, 419, 422, 425, 429, 431, 435, 436, 442, 452, 467—470, 473, 481—486, 491, 496, 497, 504, 519, 520, 522, 524, 526, 528, 529, 531, 532, 539, 551, 553, 555, 574—576, 591, 600, 601, 605—607, 609, 612, 613, 615, 618, 620
- Лобко П. Л., помощник начальника штаба войск тыла — 106
- Логвенев, гвардии капитан — 25
- Лофтус Август, лорд, в 1871—1879 гг. посол Англии в Петербурге — 173, 176, 443, 445
- Лопкарев, генерал-лейтенант, начальник Татар-Пазарджикского района — 443
- Луканин, рядовой Нарвского гусарского полка — 428
- Луканов Илия, н. д. секретаря Ловчинского городского совета — 221
- Лукашев Михаил Иванович, полковник, врачанский окружной начальник, затем вице-губернатор Софии — 34, 48, 70, 108, 351, 487, 488, 533, 534, 558
- Лукина К. Н. — 15
- Лукьянов Сергей Иванович, действительный статский советник, заведующий судебным отделом Управления российского комиссара в Болгарии. Один из составителей проекта Органического устава княжества Болгарии — 10, 180, 182, 200, 233, 237, 239, 340, 344, 369, 370, 396, 399, 400, 423, 424, 478, 480, 501, 514
- Людяховски Георги, подписавшийся в качестве представителя болгар из Драмского, Мельникшского, Неврокопского и Сересского округов — 115
- Людсканов Александр Костадинов, представитель Татар-Пазарджикского округа в Тырновском собрании, член ЦК Южной Болгарии. В период русско-турецкой войны состоял переводчиком при штабе IV армейского корпуса. В дальнейшем буржуазный политический деятель, член либеральной партии — 570, 586, 591, 594, 599, 600, 604, 607—609
- Маджаров Михаил Иванов (1854—1944), член Фракийского комитета «Единство», впоследствии видный буржуазный политический деятель и публицист, один из руководителей Народной (соединистской) партии в Восточной Румелии, а позже народняцкой партии — 187, 580, 584, 585, 587, 589, 594, 598
- Мазаев В. И. — 15
- Мазахар-паша — 245
- Маймунков х. Ставри из Хасково — 152, 159
- Макарий Хаджи (1831—1906) (см. II том) — 282
- Макаров, капитан — 165
- Макеев, действительный статский советник — 203
- Макензи Уоллес, корреспондент газеты «Times» — 371
- Македонский Д. Л. (Димов Д.), член, а позднее председатель Софийского городского совета — 187
- Мак-Магон Марп-Эдм-Патрис де, герцог маджентский (1808—1893), французский маршал, в 1875—1879 гг. президент Франции — 56, 57
- Малэт, английский дипломат — 482, 484, 486, 515, 517
- Манов Гавриил, член Ломского городского совета — 450, 511, 583, 584
- Манов Д. Х., член Софийского городского совета — 187
- Манолев Божил, член Софийского городского совета — 187
- Манолев Димитр х. из Сливно — 111
- Манчев Ив., д-р — 504
- Манчев М. — 179
- Манчев Георги, член комитета «Единство» — 245
- Манчов Йованчо из Лома — 583
- Марешаль, французский коммерсант — 237—239, 443, 445
- Марини см. Рустем-паша
- Маринов Дочо из г. Тетевена — 111
- Маринов Койно из Ловчи — 205
- Марков Илю (Ильо, Илю-воевода) (см. II том) — 265
- Марков Нестер Демирев (1836—1916), болгарский учитель и общественный деятель периода возрождения. После Освобождения — член Народной (соединистской) партии в Восточной Румелии, активный деятель Фракийского комитета «Единство» — 273
- Марков Стоян поп, учитель из г. Мустафа-паша — 112
- Марков, полковник — 59, 60
- Маркозов Василий Иванович, полковник — 149
- Марито — 44
- Мария — 24
- Маринов Е., член Тырновского комитета «Единство» — 266, 282, 324, 337
- Массальский Н. Ф., начальник артиллерии Действующей армии — 93
- Матакев Я. Д., участник собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 580, 585—587, 589, 594, 598, 599, 603, 604
- Матеев С., участник собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 587, 595
- Матевски (Матовски) Димитр Н. (1835—1882) из г. Чирпан, активный деятель национально-освободительного движения — 355, 540
- Махмед Гирей, владелец чифлика в с. Урчели — 495
- Машелов, член комитета «Единство» — 266
- Медникаров Андрей, член Тырновского комитета «Единство» — 245, 272
- Мелетий [Заграфски], председатель Софийского комитета «Единство» (см. II том) — 107, 245, 249, 272, 284, 504, 537, 559
- Мелнитский Георги, офицер IV армейского корпуса — 520
- Мельников А. А., вице-директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел — 329, 564
- Мерклин, полковник жандармерии — 106
- Мефодий (825—885), славянский просветитель, брат Кирилла — 14, 15, 179, 298, 356
- Мехмед-Хюсни-эффенди из г. Шумла — 578
- Мидхат-паша (см. I том) — 318, 319
- Милан Обренович (1854—1901), сербский князь (1863—1882), затем (1882—1889) король Сербии — 67, 194—196
- Миларов Светослав (1850—1892), болгарский публицист — 231

- Милков Димитр из Сливно — 110
- Милютин Дмитрий Алексеевич, граф (1816—1912), генерал-адъютант, в 1861—1881 гг. военный министр России — 8, 29, 31, 67, 73, 85, 92, 97, 122, 125, 153, 158—160, 166, 188, 189, 196—201, 217, 257, 262, 273, 280, 289, 291, 299, 301, 333, 334, 340, 344, 347, 362, 376, 439, 491, 550, 564, 614
- Минир-бей, турецкий дипломат — 610, 612
- Минков Панайот из Сливно — 110
- Минчов Стефан, член комитета «Единство» — 245
- Мирков Сава, д-р — 302
- Миркович Русчо В., д-р, представитель Сливенского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии, главный интендант при ЦК — 515, 571, 604
- Мирчев Б. С.* — 15
- Митев Теню Хаджи из Ямболя — 110
- Митов Манол из Софии — 187
- Митов Таки П., член Софийского городского совета — 187
- Митро (Митри) Йорги — 117
- Митро — 171
- Митро Кристо — 117
- Митурич В. П., подпоручик 30-й артиллерийской бригады — 495
- Михаил Николаевич, великий князь (1823—1909), брат Александра II, главнокомандующий Кавказской армией в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (см. также II том) — 85, 225—228
- Михайлов Петр, участник собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 599
- Михайлов Димитри, член Софийского городского совета — 187
- Михайлов Георгий, помощник кассира и делопроизводитель при штабе повстанцев в период Кресненского восстания — 265
- Михайлов П. П., член Тырновского комитета «Единство» — 282
- Михайлович (Михайлов), филиппопольский губернский инженер — 426
- Михалев Н. П. из Ловчи, член комитета «Единство» — 224
- Мичов Петю из Ловчи — 405
- Мишайков К. — 179
- Мишиков Т., священник из Ловчи — 405
- Мишенок, чиновник канцелярии сливенского губернатора — 497
- Млякото Д. из Тырново, участник Кресненского восстания — 284
- Молоствов Порфирий Модестович, генерал-майор — 431
- Моллов Димитр, доктор медицины, депутат Учредительного Народного собрания (см. также II том) — 302, 560
- Моллов Иван из с. Беброво, член комитета «Единство» — 224
- Момчев Джорджо, член Тырновского комитета «Единство» — 211, 225, 231, 248, 249, 272, 282, 284
- Момчев Никола, член Тырновского комитета «Единство» — 211, 303
- Монев Витю, представитель Ямболовского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 572
- Монов Гавриил, и. д. секретаря Ломского городского совета — 511, 583, 584
- Мохсил-хан — 318, 320
- Муканд-оглу — 150
- Мулла Мурад, один из военных руководителей турецкого мятежа в Родопях — 149
- Муратов* — 12, 13, 187
- Мустафа-бей, майор турецкой армии — 149
- Мустафа Ассим см. Ассим Мустафа-паша
- Мустафа-ага, владетель чифлика в с. Урум-чифлик — 495
- Мустафов Хамид из с. Царево село Пиянецкого округа — 54
- Мустафов Осман из с. Звезгор Пиянецкого округа — 54
- Мячков Мих., член Тырновского комитета «Единство» — 324, 337
- Наботков Паптелей П. (см. II том) — 208
- Намык-паша, турецкий дипломат — 610, 612, 613
- Нарышкин Александр Алексеевич (см. I том) — 293, 294
- Наум, болгарский просветитель, один из учеников Кирилла и Мефодия — 179
- Науменкова Э. В.* — 15
- Наумов Димитр М. (1851—1884) из Эски-Загры, болгарский общественный и хозяйственный деятель, публицист. Активный участник общественной жизни Восточной Румелии, член Народной (соединительской) партии — 585, 587, 589, 594, 596, 599, 604, 608
- Наумов Йордан (Йордан), секретарь берковицкого окружного начальника — 248
- Нафанаил (Натаанаил), митрополит охридской (см. II том) — 177, 179, 248, 324
- Начев Димитр, представитель Ново-Загурского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 572
- Начев Начо из Ловчи, член комитета «Единство» — 224
- Начов Н. А., секретарь Мустафапашинского округа, впоследствии видный политический деятель в Восточной Румелии, был связан с Народной (соединительской) партией — 164
- Начович Григорий Димитров (см. II том) — 171, 249, 271, 339, 418, 504, 583
- Неделков Т. Х., член комитета «Единство» — 249
- Неделчев Н., председатель Габровского окружного суда — 504
- Недкова Лала из Сопота — 32
- Недо Бозаджи из Адрианопольского округа — 112
- Неклюдов П., правитель канцелярии генерал-губернатора Восточной Румелии — 286, 430, 497, 618
- Нелидов Александр Иванович (см. II том) — 32, 33, 47, 79
- Нейчов Георги из Панагюриште — 24
- Ненчов Ю., член Тырновского комитета «Единство» — 303
- Непов Иоан из Адрианопольского округа — 111
- Непокойчицкий Артур Адамович (см. I том) — 26, 31
- Нечасв П. Д., капитан, врачанский окружной начальник — 85, 112
- Нешев Кристо М., член Софийского городского совета — 187
- Ниворков Ангел, член комитета «Единство» — 245
- Никитин С. А.* — 12, 15]

- Ников Г., член Джумайского благотворительного комитета — 265
- Николаев, поручик — 619
- Николаев Цеко из г. Лома — 583
- Николаев Ив., председатель Врачанского окружного совета — 34
- Николай Николаевич (Старший), главнокомандующий Действующей армии с ноября 1876 по март 1878 г. (см. I том) — 25, 29, 31, 33, 48, 55, 79, 86
- Николай I Петрович Негош, черногорский князь (см. I том) — 58, 59, 62, 65, 82, 84, 127, 133, 139, 149, 173, 176
- Николич-Сербоградский, жандармский офицер — 106
- Николов Дончо из г. Джумая, участник Кресненского восстания — 284
- Николов Зафир, подписавшийся в качестве представителя болгар из Тетова — 116
- Николов Иванчо из с. Црыквенец Пянецкого округа — 54
- Николов Марин из г. Орхание — 111
- Николов Никола, член комитета «Единство» — 245
- Николов Райчо, член Тырновского комитета «Единство» (см. также I том) — 272, 282, 302
- Николов Христо, подписавшийся в качестве представителя болгар из г. Негоша — 116
- Николова Ана х. из Сопота — 32
- Николчев Костадин х., член Врачанского городского и окружного советов — 34, 48, 70, 108
- Ничев (Ничов) Сава Д., член Тырновского комитета «Единство» — 211, 266, 272, 282, 324, 337
- Новиков Евгений Петрович (см. I том) — 8, 11, 35—37, 46, 47, 61, 67, 74—76, 78, 88, 89, 92, 86, 97, 196, 262—264, 286, 288, 289, 548, 591
- Носович, полковник — 237
- Нух-бей, владелец чифлика в с. Урумчифлик — 495
- Обручев Николай Николаевич (1830—1904), генерал-адъютант, управляющий делами Военно-ученого комитета — 376, 564, 565, 568, 569, 609—616
- Обретенов Никола (см. I том) — 324
- Обши Димитр (см. I том) — 112
- Овсяный Николай Романович (см. I том) — 12, 41, 80, 92, 193, 233, 564
- Опу Михаил Константинович (1835—1901), действительный статский советник, первый драгоман русского посольства в Константинополе в 1878—1880 гг. — 610, 612
- Орлов Николай Алексеевич (см. II том) — 56, 57, 554, 555
- Осман-эфенди из г. Лома — 85
- Осман-паша (см. II том) — 47, 410, 413
- Павлов Х. Д., председатель Сливенского комитета «Единство» — 519, 608
- Павлов Ц., писарь Ломского городского совета — 511
- Павлович Николай (см. II том) — 251
- Пазарджи Хаджи Георги — 112
- Палаузов В. Н., чиновник судебного отдела Управления российского комиссара в Болгарии (см. II том) — 407, 514
- Палаузов Николай Христофорович (см. I том) — 163
- Пальгрев Жиффар, английский генеральный консул в Софии — 322, 380, 391, 392, 477, 479
- Панайотов Георги х., представитель Ямбольшского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 110, 571
- Панайотов Добри из Сливно — 111
- Панайотов Мано, подписавшийся в качестве представителя болгар из Штиба — 116
- Панайотов Михалаки х. из Сливно — 111
- Панайотов Михал х., участник собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 599
- Панарет, митрополит филиппополийский. Член ЦК Южной Болгарии (см. также I том) — 557, 584, 596, 599, 608, 616, 617
- Панарет Рапев (см. I том) — 283
- Паница Константин А., член Тырновского комитета «Единство». Впоследствии военный деятель и видный участник в движении за воссоединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством и освободительной борьбы в Македонии — 249, 250, 266, 272, 282, 285
- Панович Панайот из Сливно — 110
- Пантелеймон, архимандрит, игумен Рыльского монастыря — 504
- Панчев Петр из г. Лома — 583
- Панчев (Карапанчев) Кутю из Сливно — 110
- Парменов Коста из г. Лома — 583
- Пасков Калчо, член Тырновского комитета «Единство» — 211, 245, 249
- Пауль, штабс-капитан, софийский полицеймейстер — 27
- Паунчов Никола, подписавшийся в качестве представителя болгар из Салоник — 116
- Пеев Костаки, председатель Филиппополийского городского совета — 599, 600
- Пеев Сава из Тырново, участник четы Христо Ботева в 1876 г. — 112
- Пенов Вуто из с. Вардар Орханийского округа — 111
- Пенчев Георги — член Врачанского судебного совета — 34, 35, 70, 108
- Пенчев Йордан х., член Тырновского комитета «Единство» — 211
- Пенчев Ю. — 303
- Пенчов Георгий из Тырново, участник Кресненского восстания — 284
- Пенчов Геро из Адрианопольского округа — 111
- Пенчов Димитр из Адрианопольского округа — 111
- Пенчов И. — член Тырновского комитета «Единство» — 266
- Пенчов Стефан, д-р, член Тырновского комитета «Единство» — 225
- Пенчов Цончо из Габрово, член комитета «Единство» — 224
- Персиани Александр Иванович, русский генеральный консул в Белграде — 193—195
- Пергев-паша, турецкий комиссар, наблюдатель в Учредительном Народном собрании — 401—403, 460, 462, 464, 474—476
- Петев Спиридон из Севлиево, член комитета «Единство» — 224
- Петко Хаджи, подписавшийся в качестве представителя болгар из Битоля — 116

- Петко из Панагюриште — 24
- Петков Васил, член Тырновского комитета «Единство» — 272
- Петков Георги из с. Сухиндол Тырновского округа, участник Кресненского восстания — 284
- Петков Димо, учитель из г. Мустафа-Паша — 412
- Петков Марин из Плевны, участник Кресненского восстания — 284
- Петков Н. х., член комитета «Единство» — 266
- Петков Юр. х., член комитета «Единство» — 266
- Петков Янко из Горно Оряховицы, участник Кресненского восстания — 284
- Петкович Андрей Дмитриевич, русский консул в Фиуме — 449
- Петр — 112
- Петр Солунский, протоперей — 179
- Петров Атанас из Софии — 187
- Петров, болгарин из с. Цырварница Пиянецкого округа — 322
- Петров Д., член Софийского городского совета — 187
- Петров Давид х., член Тырновского комитета «Единство» — 245
- Петров х. Димитр, представитель Чирпанского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 557, 570, 585, 589, 594, 608
- Петров Иван (Иванчо) х., представитель Бургасского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии, в дальнейшем видный деятель либеральной партии в Восточной Румелии — 572, 580, 594, 604, 609
- Петров Иван — 171
- Петров Ил., член Тырновского комитета «Единство» — 266
- Петров Иосиф, священник из с. Вардар Орханийского округа — 111
- Петров Фильо, священник из с. Вардар Орханийского округа — 111
- Петров Христо, член Тырновского комитета «Единство» — 272
- Петров, майор, старший адъютант начальника штаба Варшавского военного округа — 434
- Печеняков Захари Н., член Врачанского городского совета — 34, 35, 48, 49
- Печо х. Оглу, подписавшийся в качестве представителя болгар из г. Драма — 416
- Пешов Тодор, член Софийского городского совета — 187
- Пигов — 296
- Пишнев Георги — 412
- Пишнев Евстати́й из г. Мустафа-Паша — 412
- Пишнев Стефан из г. Мустафа-Паша — 412
- Планинский Н., д-р, представитель Сливенского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 411, 571, 580, 588, 594, 595, 597
- Плец, майор, полицмейстер г. Рушук — 25
- Подбалкански Симеон Лазаров, председатель Врачанского судебного совета, активный участник национально-освободительного движения — 34, 35, 70, 108
- Полторацкий Владимир Александрович (1830—1886), генерал-майор, командир 5-й пехотной дивизии — 336, 337, 621
- Поляков, камер-юнкер, старший чиновник особых поручений при Управлении российского комиссара в Болгарии — 356
- Поп Георги — 60
- Попыко Д. Ф. — 15
- Попов Ангел, член Тырновского комитета «Единство» — 272
- Попов Г., член Тырновского комитета «Единство» — 337
- Попов Д. К., редактор и издатель газеты «Българин» — 338
- Попов Димитр, представитель Костурской епархии — 80
- Попов Димитрий, представитель Моглапской епархии — 80
- Попов Марин, представитель Филиппопольского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571, 589
- Попов Минай, представитель Карнобатского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 572
- Попов Мирчо П., секретарь Хаскнойского административного совета и представитель Хаскнойского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 160, 594
- Попов Михаил, представитель Чирпанского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571
- Попов П., член Ломского городского совета — 58, 81, 85
- Попов Никола Петков, почетный член Ломского городского совета — 450, 583, 584
- Попов (Попович) Папайот, представитель Сливенского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571, 586, 603, 604, 609
- Попов Ст. из Осман-Базара, член комитета «Единство» — 224
- Попов Христо, член Тырновского комитета «Единство» — 211
- Попова Ека Е. (1854—1957) из Карлово, болгарская общественная деятельница, дочь просветителя периода возрождения Райно Поповича, жена д-ра К. Попова, казненного туркам в 1877 г. — 32
- Поречкин, лейтенант — 445, 447
- Потанова В. И. — 15
- Пулев Денчо х. из Осман-Базара, член комитета «Единство» — 224
- Пырванов Драган, член Ломского городского совета — 450, 511, 583, 584
- Пырванов Николчо, член Врачанского судебного совета — 70
- Пышков Димитр (см. II том) — 224
- Раабе, венский аптекарь — 413
- Рагозинский (Рогозински) Иосиф, аптекарь г. Врацы — 412, 413
- Радев Симеон — 480
- Радецкий Федор Федорович (см. II том) — 298
- Радивоев Милан — 224
- Радков Папайот х., член Тырновского комитета «Единство» — 211, 249
- Радославов Васил Христов (см. II том) — 73
- Радославов Михаил (1849—1895) из Ловчи, болгарский просветитель и участник

- национально-освободительного движения — 224
- Радослав Радко (см. II том) — 249
- Радулов Лука, председатель Раховского окружного суда — 504
- Райнов Ненко х. из Сливно — 111
- Ралли З. К. см. Арборе Ралли
- Рашев В. Н. (см. I том) — 163
- Рашид-бей из Адрианополя — 164
- Рашко Стойчев х., д-р — 408
- Рейсс, принц (1825—1906), с 1867 г. по 1876 г. германский посол в России, с 1877 по 1878 г. посол в Турции. Один из кандидатов на болгарский княжеский престол — 452, 484
- Реуф-паша, турецкий генерал, в 1878 г. военный и морской министр — 23, 47, 48, 54, 431, 551
- Риза-бей, владелец чифлика в с. Мидирис — 495
- Ризов Мите, подписавшийся в качестве представителя болгар из г. Ватоп — 116
- Римзи-бей, владелец чифлика в с. Чинкудже — 494
- Римский-Корсаков, поручик — 267
- Ринг, барон, французский комиссар в Европейской комиссии по Восточной Румелии — 257—260, 303—305, 470—472
- Ристич Йован (см. I том) — 194—196
- Рихтер — 59
- Рогозински см. Раговянский Иосиф
- Рогге В., чиновник Управления российского комиссара в Болгарии — 381, 385
- Рожич, священник, подписавшийся в качестве представителя болгар из Куманова — 116
- Рожновская М. Г.* — 15
- Роз, англичанин, член английской либеральной партии — 591
- Рони П., чиновник отдела внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии — 309
- Рончевский, полковник, балчикский окружной начальник — 300
- Ростиславов М., и. д. правителя канцелярии тырновского вице-губернатора — 230, 457
- Рудановский, гвардии поручик, еленинский окружной начальник — 293
- Русович Костандин, подписавшийся в качестве представителя болгар из Струмицы — 115
- Русем-паша (граф Марини), турецкий военачальник и политический деятель, по происхождению итальянец — 199, 347, 353—355, 372—375, 458—460, 483, 484, 522, 524, 529, 532
- Сава-паша, адъютант Савфет-паши — 312
- Савва, один из учеников Кирилла и Мефодия — 179
- Савов Бончо, представитель Чирпанского округа на собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 571, 589
- Савфет-паша (см. I том) — 21, 22, 166, 219, 226, 227, 287—289, 312—314
- Садык-Гирей, владелец чифлика в с. Ханово — 495
- Саег Л. Я.* — 15
- Сажнер В. Н.* — 11
- Самоходов Пройчо из Панагюриште, участник национально-освободительного движения — 609
- Сарафиди Ст., член Тырновского комитета «Единство» — 282, 302
- Сарафов Д., д-р, член Тырновского комитета «Единство» — 211, 231
- Сарафов Михаил К. (1854—1924), активный участник национально-освободительного движения, член Тырновского комитета «Единство»; после Освобождения — министр и дипломат, член либеральной партии — 211, 231, 449
- Сара Иванов Стефан из Сливно — 110
- Сарынедялков, член Тырновского комитета «Единство» — 266
- Сахаров, подполковник, старший адъютант Генерального штаба — 348
- Свештаров Д., видный член Фракийского комитета «Единство» — 355, 540
- Севривеы, братья, члены комитета «Единство» — 245
- Секлариев Николай из Рущука — 111
- Селим — 54
- Семенов В., деятель русского революционного народного движения — 106
- Сенкевич И. Г.* — 232
- Сенклер (Сен-Клер Д. Б., Йедает-паша Оссин-паша), английский вице-консул в Варне и Бургасе. Руководитель Родопского мятежа в 1878 г. Сын богатого шотландца, жившего в Константинополе, и польской графини Потоцкой. В 1863 г. принял участие в польском восстании, командуя одним из отрядов, был пойман и приговорен к смертной казни, но по просьбе королевы Виктории помилован (см. также I том) — 149, 150, 237
- Серафим, митрополит сливенский (см. II том) — 302, 519
- Серафим Иконом, поп, подписавшийся в качестве представителя болгар из Тетеве — 116
- Сивков Стоян, представитель Новоагрского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 572
- Симеон, болгарский царь (893—927) — 301
- Симеон, митрополит преславский и варненский (см. также I том) — 245, 503, 537
- Симеонов Илия, член комитета «Единство» — 245
- Синейский Стобийский, болгарский архимандрит — 294
- Сирманов Сава Илиев, председатель Габровского комитета «Единство» — 211, 251, 266
- Скобелев Михаил Дмитриевич (см. II том) — 48, 223, 234, 235, 511, 520, 526—532
- Славейков Петко Рачов (см. I том) — 171, 415, 417, 419, 435, 436
- Славов Георги, член Тырновского комитета «Единство» — 272
- Славов Христо х. из Ловчи — 405
- Смилов Н. Д., член Тырновского комитета «Единство» — 211.
- Соболов Л. Н., полковник (см. II том) — 102
- Солсбери Роберт (см. I том) — 51—53, 68, 69, 88, 90, 93—96, 98—101, 103, 105, 127, 133, 139, 143, 158, 348—350, 356, 360, 361, 420, 429, 443, 445—448, 458, 459, 465, 467, 523, 524, 548, 565
- Соловьев Александр Константинович

- (1846—1879), русский революционер-пародник, примыкал к обществу «Земля и воля». 2 апреля 1879 г. Соловьев неудачно стрелял в Александра II в Петербурге на Дворцовой площади. Казнен 28 мая 1879 г. — 548
- Сорокин — 236
- Сотиров Неделчо — 110
- Сотиров Исаия, член Софийского городского совета — 187
- Спасев Костадин из с. Разловци Пиянецкого округа — 54
- Сперанский А. И.* — 15
- Спиридонов Христо (см. II том) — 224
- Спиридонов Ц. из Севлиева, член комитета «Единство» — 224
- Спириков Никола из Софии — 187
- Спространов Наум, представитель Охридской епархии — 80
- Ст. из с. Драганово Тырновского округа, почетный член Тырновского окружного совета — 249
- Стабровский Михаил Константинович, майор, начальник Ловчиского округа — 224, 405, 520
- Стамболов Д., член Фракийского комитета «Единство» — 355, 540
- Стамболов Стефан Николов, секретарь Тырновского комитета «Единство» (см. также I том) — 211, 213, 224, 251, 266, 267, 272, 282, 284, 302, 324, 337
- Стаменов Коста, почетный член Ломского городского совета — 511, 583, 584
- Стан (Стоян) — 117
- Станишев Константин Никол (см. I том) — 495, 496
- Станов Ленко, член Софийского городского совета — 187
- Станчев Дмитрий, член Тырновского комитета «Единство» — 111
- Станчев Никола Д., член Тырновского комитета «Единство» — 266, 324, 337
- Станчев Панайот, член Софийского городского совета — 245
- Станчев Петр, учитель из Адрианопольского округа — 111, 171
- Статов Стат, член Тырновского комитета «Единство» — 266
- Стахийев, капитан, и. д. начальника Муштапашинского округа — 164
- Стевков (Стефков) Тодор, подписавшийся в качестве представителя болгар из г. Скопле — 115
- Степков-Фермор, граф, поручик, дедеагачский окружной начальник, в дальнейшем софийский окружной начальник — 186, 618
- Степанов, студент — 32, 33
- Стерио, участник Кресненского восстания — 276
- Стефан — 117
- Стефан, архимандрит, почетный председатель Тырновского комитета «Единство» (см. также II том) — 211, 224, 245, 266, 272, 282, 337
- Стефанакис, князь, см. Богориди Стефан
- Стефанов М., кмет одно из кварталов Татар-Пазарджика — 379
- Стефанов Стефан из Сливно — 171
- Стоенчов Димитр — 266
- Стоилов Константин (1853—1901), юрист, видный болгарский политический деятель, один из лидеров консервативной партии в Болгарском княжестве — 296, 377, 407, 408, 415—418, 504, 537, 599, 600
- Стоиленов Сотир, кассир Джумайского благотворительного комитета — 265
- Стойков Андон х., подписавшийся в качестве представителя болгар из г. Кукуш — 116
- Столоков Петр из г. Мустафа-паша — 112
- Стольпин Аркадий Дмитриевич, генерал-лейтенант, первый генерал-губернатор Восточной Румелии — 32, 165, 166, 198, 285, 299, 302, 306, 308, 331—333, 338, 339, 344, 353, 356, 357, 389, 390, 395, 396, 409, 415—418, 420, 422, 429—431, 435, 436, 453, 456, 468, 469, 485, 497, 511, 519, 520, 526, 528, 529, 531, 538, 539, 551—555, 557, 562, 575, 576, 596, 601, 605—607, 612, 613, 616, 618
- Стояв Стата из с. Крушево Демир-Хиссарского округа — 60
- Стоян — 117
- Стоян-воевода см. Карастойлов Стоян
- Стоянов Ангел из с. Царево село Пиянецкого округа — 54
- Стоянов Андрей, депутат Учредительного Народного собрания — 537
- Стоянов Иван из г. Тетевена — 111
- Стоянов Йордан, член Софийского городского совета — 187
- Стоянов Кален, болгарин из Македонии — 117
- Стоянов Константин из с. Крушево Демир-Хиссарского округа — 60
- Стоянов Киро из г. Осман-Базара, член комитета «Единство» — 224
- Стоянов (Станев) Митро, болгарин из Македонии — 117
- Стоянов Насто, подписавшийся в качестве представителя болгар из Салоник — 116
- Стоянов Петр, член Софийского городского совета — 187
- Стоянов Стефан х. из Сливно — 110
- Стоянов Трайчо, подписавшийся в качестве представителя болгар из г. Воден — 116
- Стоянов Т. И. (д-р Стоянович), д-р, представитель Казанлыкского округа в собрании представителей комитетов «Единство» ЦК Южной Болгарии — 571, 597, 598
- Стоянов Христо Тодоров (см. I том) — 560
- Стоянов Цено, член Врачанского окружного совета — 70
- Стоянова Радка Д.* — 15, 647, 665
- Стоянович, д-р см. Стоянов Т. И.
- Струкова К. С.* — 15
- Судзиловский Николай Константинович (см. I том) — 106
- Сулейманов Мехмед из с. Град Пиянецкого округа — 54
- Сулейман-паша, турецкий военачальник — 168, 223, 224, 298, 299
- Сулейман-эффенди из Шумлы — 578
- Сулейманов Селим из с. Звезгор Пиянецкого округа — 54
- Султан Мехмет-Гирей, владелец чифлика в селах Учили и Пандекли — 495
- Сушиповский Кр. из г. Севлиево — 224
- Сяббев Иванчо из Сливно — 111
- Такелов — 32
- Танас Иван — 117
- Танилова Злата М. из Карлово — 32
- Танилова Хана М. из Карлово — 32

- Ташкиманов А. М., секретарь Тырновского комитета «Единство» — 225, 324
Танджеров — 296
Татищев С. С. — 11
Ташев — 171
Ташов М., председатель Софийского городского совета — 27
Теодосий, архимандрит, представитель Драмско-Сересской епархии — 80
Теплов В. — 80
Терапчиев Петр из Руцука — 111
Тилев Георги, член ЦК Южной Болгарии (см. также II том) — 540, 557, 570, 571, 580, 581, 585, 586, 591, 597, 599, 604, 607, 609
Тимов Ставрит, подписавшийся в качестве представителя болгар из г. Струмица — 115
Тимончев Митиш, болгарин из Македонии — 117
Тынка из Галаца — 549
Тодор Иконом поп, член Софийского городского и училищного советов — 187
Тодоров Г. Д. — 12, 15, 205, 439, 455
Тодоров Иван, житель с. Баньско — 323
Тодоров из Панагюриште — 24
Тодоров Йордан поп из г. Елены, член комитета «Единство» — 224
Тодоров Стоян, член Софийского городского совета — 187
Толстой Н. И. — 15
Томашевский Е. А., член Одесской судебной палаты — 163
Тонджоров К. Д., секретарь Самоковского окружного управления — 579
Тончов Йончо из г. Лома — 583
Топал-Юсуф, участник Родопского мятежа — 148
Топракчиев Андрей, представитель Бургасского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии — 572
Топракчиев Андрей Христоворов из Сливно — 111
Торси де — 505, 506
Тотев Колю, член комитета «Единство» — 245
Тотко, сын Ивана — 117
Тотлебен Эдуард Иванович, главнокомандующий Действующей армии с апреля 1878 г. (см. также I том) — 31, 106, 122, 125, 165, 166, 170, 172, 175, 192, 196, 198, 203, 221, 245, 273, 285, 311, 312, 320—322, 331, 333, 334, 336, 353, 357, 375, 390, 396, 400, 409, 411—414, 422, 425, 439, 456, 467, 498, 537, 548
Трайче Иставри (Ставри) — 117
Трайчо Ефким — 117
Трепов, адъютант А. М. Дондукова-Корсакова — 455
Трендафилов Иван, воевода — 212
Трифонов Томо, член Ломского городского совета — 450
Трифон из г. Мустафа-паша — 112
Тумпаров Спас А., член Софийского городского совета — 187, 453, 454
Туротский, чиновник канцелярии филиппопольского губернатора — 153
Тутев Иван из Панагюриште — 24
Тухолка Л., видинский губернатор, затем начальник таможенного управления — 265, 340, 369, 370, 399, 432, 433
Убри Павел Петрович (см. I том) — 40, 68, 153, 491, 507, 508, 592, 593
Узунов Атанас Цветков, начальник Кирк-Килисского округа (см. II том) — 243
Улуян А. А. — 15, 647, 665
Ульянов М. К., русский генеральный консул в Македонии — 320, 323
Урумов Георги, подписавшийся в качестве представителя болгар из г. Петрич — 116
Урусов Сергей Николаевич, князь (1816—1883), глас-секретарь Министерства иностранных дел России, впоследствии член Государственного совета и главноуправляющий II отделением — 424
Фазли-паша — 59
Фарлей Льюис, видный английский финансист, член правления Оттоманского банка, автор многочисленных публицистических сочинений о Турции, преимущественно о ее финансовом положении — 253
Фауссет (Фосет), английский представитель в Международной родопской комиссии — 169
Фахри-бей — 318, 320
Феодор П., протоиерей — 179
Федорсуво — 171
Фиков Христо из Ловчи — 405
Филипов Александр — 276, 277
Филинов Атанас из Софии — 187
Филинов В. В. — 15
Филчев Ив. (Фичев Иван), член Тырновского комитета «Единство» — 245, 266, 284, 324, 337
Фичов Савва, член комитета «Единство» — 245
Фицджеральд (Fitzgerald), корреспондент английской газеты «Standart» — 578
Флейшер, капитан, руководитель курсов военных переводчиков в Филиппополе — 45
Франц-Иосиф I Габсбург (1830—1916), император Австрии (с 1848 г.) и король Венгрии (с 1867 г.) — 47, 67, 97, 99
Фрейман, русский офицер, гв. капитан — 156
Фукара Христо, подписавшийся в качестве представителя болгар из Прилепа — 116
Фурнье, французский посол в Константинополе с 1877 по 1880 г. — 317—319
Футекова Райна поп Георгиева (1857—1917) из Панагюриште, болгарская учительница и общественная деятельница. Принимала участие в Апрельском восстании (1876 г.), была прозвана княгиней Райной — 24
Футеков Анастас поп Георгиев из Панагюриште — 24
Хаджи Ариф-ага — 205, 209, 210, 220, 221
Хаджи-Гусейн-эфенди — 578
Хаджи Шабан (Шабан-ага) — 205
Хайредин-паша — 410—412, 611, 613
Хаканов Георги Константинов, д-р, представитель Старозагорского округа в собрании представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии, впоследствии видный член Народной (соединительской) партии в Восточной Румелии — 585, 587, 591, 593—595, 597—599, 604
Халид-ага, владелец чифлика в с. Караджиларе — 494
Халил-эфенди из Варпы — 541
Хамид см. Абдул-Хамид II

- Хантов Илия из Панагюриште — 24
Харозанов Бою из Осман-Пазара, член комитета «Единство» — 224
Хасан (Гасан)-эфенди, владелец чифлика — 494
Хатцфельд, граф, германский посол в Константинополе — 271, 272
Хафуз-ага, владелец чифлика в селах Жерменской и Инджекарли — 494
Хвостов В. М. — 11
Хевролина В. М. — 15
Хитрово Михаил Александрович (см. I том) — 80, 203, 205
Хорнби, английский адмирал — 486
Хранов Димо В. (см. II том) — 171
Христева Мария П. из Карлово — 32
Христо Кундураджия, член Тырновского комитета «Единство» — 245
Христов, житель с. Сушица Тырновской губернии — 249
Христов Алекси, д-р из Габрово, член комитета «Единство» — 251
Христов А., депутат Учредительного Народного собрания — 560
Христов Байко из Скопле, участник Кресненского восстания — 284
Христов Мато, член Врачанского городского совета — 70
Христов Н. из Габрово, член комитета «Единство» — 224
Христов Стат — 251
Хусейн-хаджи-эфенди из Шумена — 578
Хусейнов Мустафа из с. Габрово Пиянецкого округа — 54
- Цанков Драган (см. I том) — 230, 245, 282, 294, 356, 453, 477—480, 508, 535, 540, 543, 607
Цанев Ганчо из Рушчука — 111
Цанев Хр., член Тырновского комитета «Единство» — 272, 284
Цанов Томов Илия (1835—1901), болгарский правовед и буржуазный политический деятель. В период русского гражданского управления председатель Видинского областного суда. После Освобождения член либеральной партии — 386, 396
Цветков Васил из Тетевена — 111
Цветков М., кмет одного из кварталов Татар-Пазарджика — 379
Цветков Стоянчо, член Софийского городского совета — 187, 363
Ценин И. Д., чиновник отдела внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии — 155, 161, 203
Черетелев Алексей Николаевич (см. I том) — 207, 214—216, 222, 236, 237, 256, 257, 303, 304, 306, 320, 321, 338, 339, 347, 371, 373, 378, 397—399, 407, 414, 418, 427, 435, 438, 443, 445—447, 452, 453, 470—474, 481, 495—497, 504—506, 508, 509, 532, 539, 540, 561, 600, 601, 610, 612, 615, 616, 620, 621
Циммерман Аполлон Эрнестович (см. II том) — 26
Цоков Петр, член Тырновского комитета «Единство» — 211
Цукич, сербский агент в Вене — 196
Цуриков А., бунар-гиссарский окружной начальник — 210
- Чанов Алекси, подписавшийся в качестве представителя болгар из г. Драма — 116
Чаплин, ахило-месемврийский окружной начальник — 243
Чекисова Е. И. — 15
Черкасский Владимир Александрович (см. I том) — 41, 48, 138, 141, 218, 293, 294
Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — 106
Чикрюв Тодор — 608
Чолак Георги, воевода — 212
Чомаков Апостолаки из Адрианопольского округа — 111
Чомаков (Чумаков) Стоян (1819—1893), врач и общественный деятель. Один из наиболее ярких представителей болгарской туркофильской и прозападной буржуазии, впоследствии видный деятель либеральной партии в Восточной Румелии — 327, 540, 570, 585, 600, 608, 619
- Шабан-ага см. Хаджи Шабан
Шавов Младен из г. Лома — 583
Шакир-паша, турецкий генерал, с 1879 по 1881 г. посол Турции в России — 373, 374
Шаманджиев Стефан, подписавшийся в качестве представителя болгар из городов Мелик, Драма, Неврокоп и Серес — 115
Шапкарев Кузман, деятель болгарского просвещения в эпоху возрождения — 179
Шатохина Е. М. — 15
Шаховской Иван Федорович, князь, генерал-лейтенант, начальник штаба Варшавского военного округа — 434
Швелль, барон, начальник коммерческого отдела австрийского Министерства иностранных дел, бывший генеральный консул в Константинополе — 36—38
Швейниц Ганс-Лотарь (1822—1901), прусский генерал, с 1876 по 1893 г. посол Германии в Петербурге — 97, 98, 100, 101
Шепелев Александр Александрович (1841—1887), генерал-майор генерального штаба. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в чине полковника занимал пост филишпольского губернатора; после войны состоял делегатом Европейской комиссии по Восточной Румелии — 19, 32, 42, 152, 160, 162, 164, 198, 214—216, 235—237, 256—257, 289, 290, 338, 344, 415, 417, 422, 424, 429, 435, 436, 505, 506, 582, 601, 610, 612
Шефер — 391, 392, 477—479
Шешекпева Купа М. из Сопота — 32
Шиваров Т. Д., председатель Оряховского городского совета — 504
Шигорин Геннадий Иванович, майор, самоковский окружной начальник — 10, 23, 24, 187, 191, 192, 244, 409, 441, 442, 579
Шильдер Н. К. — 456
Шир-Али-хан (1825—1879), афганский эмир с 1869 г. — 449
Шишков Йоаким С., житель г. Ловчи — 405
Шпшманов Асен Ставрев, д-р (см. II том) — 44
Шпшманов Иван Д. (см. II том) — 43, 44
Шпшманова Мария из Систова — 44
Шмидт Адольф, чиновник Оттоманского банка и директор Финансового комитета Европейской комиссии по Восточной Румелии — 320, 338, 339, 400, 429, 491, 523, 525, 556, 562, 603, 608

- Шолле, французский представитель в Родопской международной комиссии — 562
- Шувалов Петр Андреевич (см. I том) — 8, 11, 38, 40, 50, 68, 69, 71—73, 86, 87, 92, 93, 96, 97, 101, 102, 105, 137—144, 153, 154, 277, 280, 308, 309, 311, 348—350, 356, 360—362, 364, 443, 445, 448, 449, 458, 459, 467, 491
- Шулев К. — 179
- Шулев Саздо Петрушев, подписавшийся в качестве представителя болгар из г. Велес — 115
- Шумова Г. Б. — 15
- Щербakov-Нефедович, подполковник — 376
- Щербинский Н. П., тырновский губернатор — 457
- Эдхем-паша, турецкий государственный деятель — 483, 484
- Экзарх (Александр Стоилов) (1812—1891), видный болгарский публицист и общественный деятель. Один из основателей газеты «Цариградски вестник» (1847). После Освобождения был членом Верховного административного суда в Пловдиве — 374
- Эллиот Генри Джордж (1817—1907) (см. I том) — 173, 176
- Юзефович Трофим Павлович, заведующий дипломатическими делами при российском комиссаре в Болгарии (см. также I том) — 232, 236, 277, 285, 351, 430
- Юнаков Л. А., полковник, начальник штаба войск оккупационного отряда, находившегося в распоряжении русского комиссара — 155, 537
- Юрданов Юрдан, организатор сельских комитетов «Единство» — 324
- Юруков Данаил С., участник собрания представителей комитетов «Единство» Южной Болгарии, впоследствии видный деятель Народной (соединистской) партии в Восточной Румелии — 589
- Юсреф-паша из Самокова — 23
- Юсин Чауш, один из руководителей Родопского мятежа — 149
- Юссин-паша см. Сенклер
- Юсуф Али бей, албанец из Дебара, публицист. В конце 1878 г. написал брошюру на турецком языке, в которой выступал против сохранения турецкого ига над народами Балканского полуострова. В 1879—1881 гг. был в эмиграции в Болгарии — 541, 542
- Яковов Сава — 224
- Яни Наум — 117
- Янков Д. Х. из Софии — 187
- Янков Сава из Севлиево — 244
- Янковский Евгений Осипович (1837—1892), генерал-майор жандармской службы. После войны был командирован в распоряжение А. М. Дондукова-Корсакова для устройства полицейской и жандармской службы в Болгарии — 188, 200, 299, 521
- Янколов Георги (см. II том) — 549, 554, 555, 581, 586
- Янулов Димитр, член комитета «Единство» — 245
- Янчов Гоце из с. Вирче Пиянецкого округа — 54
- Яроцкий, начальник отделения канцелярии при Управлении российского комиссара в Болгарии — 188
- Яснопольский, поручик, временный командант Бунар-Гиссара — 27, 28

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Австро-Венгрия, Австрия — 7, 8, 11, 22, 23, 29—31, 35—40, 46, 47, 53, 54, 58, 59, 61—68, 75—78, 81—85, 88—91, 96—101, 122, 123, 125—127, 129, 132, 133, 135, 137—142, 144, 157, 158, 173, 176, 191, 193—196, 199, 258, 262—264, 269, 271, 273, 278, 287, 303, 309, 357, 359, 390—392, 407, 408, 449, 491, 499, 503, 544, 546, 611, 613
- Агдамач, с. севернее г. Айдоса (Болгария) — 453
- Ада-Кале, о-в у Железных ворот на Дунае — 21—23, 62, 64—66, 74, 76—78, 81, 83
- Адрианополь (Одрин, Эдирне, Турция) — 21—23, 27, 63, 69, 71, 72, 106, 111, 112, 123—125, 159, 161, 164, 167, 191, 204, 255, 267, 268, 285, 286, 308, 317, 331, 336, 341, 348, 371, 372, 375, 376, 390, 429—431, 456, 468, 469, 471—473, 498, 528, 531, 542, 551, 552
- Адрианопольская губ. — 183
- Адрианопольская область — 502
- Адрианопольская провинция — 66
- Адрианопольский вилайет — 248, 515, 517, 551—553
- Адрианопольский округ — 111, 112, 234, 235, 563
- Адрианополюский р-н — 30, 234
- Адрианополюский р-н Фракии — 234
- Адрианополюский санджак — 191, 430, 431, 471, 472, 489
- Адриатика см. Адриатическое побережье
- Адриатическое море — 65
- Адриатическое побережье — 59, 62, 75, 77
- Азия — 56, 57, 87, 88, 90, 94, 95, 98, 100, 103, 105, 126, 132, 156, 157, 226, 228
- Айважик, с. (Болгария) — 551
- Айдос (Айтос), г. в Сливенской губ. (Болгария) — 453, 527, 530, 542, 569, 609
- Айдосский (Айтосский) округ — 572, 589
- Айдиг, с. — 430
- Айробол см. Хайробол
- Аламедере, с. в Филиппопольском санджаке (Полковник Серафимово, Болгария) — 50
- Алатино, с. в Сливенской губ. (Болгария) — 569
- Алашкерт, г. в северо-восточной Турции — 103, 105
- Албания — 63, 66
- Аляяр см. Еллер
- Англия — 7, 11, 23, 29—31, 38—40, 46, 47, 50—58, 68, 69, 71, 72, 74, 77, 80, 86, 88, 90, 93—104, 122, 123, 125, 129, 132, 135, 137, 138, 140, 142, 143, 149, 150, 158, 161, 162, 177, 183, 199, 221, 253, 256, 260, 264, 269, 271, 304, 305, 317—319, 347, 361, 362, 365, 366, 368, 391, 407, 408, 446—449, 458—460, 486, 491, 522, 558, 562, 574, 575, 581, 591, 614
- Антивари (Бар), морской порт на побережье Адриатического моря (Черногория, Югославия) — 67, 75, 77, 83, 127, 133
- Анхиало, г. в Сливенской губ. (Поморие, Болгария) — 609
- Анхиало-Месемврийский округ — 572
- Арабаконак, перевал в Старой планине (Болгария) — 308
- Арда, р. в Южной Болгарии — 148, 149, 167, 168
- Арда, с. в Филиппопольском санджаке (Болгария) — 50
- Арнаут-кьой, с. в Сливенской губ. (Иречеково, Болгария) — 494
- Армения — 56, 57
- Артаки — 317, 319
- Арвин, г. в Турции — 177
- Атлий, с. в Сливенской губ. (Борисово, Болгария) — 495
- Афганистан — 449
- Афтани (Афтане), с. в Сливенской губ. (Недялско, Болгария) — 493, 494
- Ахи, крепость в Малой Азии — 111
- Ахи-Челеби, область в Родопах, около г. Смолян (Болгария) — 49, 149
- Ахи-Челебийский округ — 49, 149
- Ахыркиой, с. в Адрианопольском санджаке и вилайете (Неависи, Западная Фракия, Греция) — 164
- Ахялий см. Яхали
- Ачлар, с. в Сливенской губ. (Екзарх Антимово, Болгария) — 494

* Составлен А. Улуяном при участии Н. Жечева и Р. Стояновой.

- Бабашев, дер. (Болгария) — 323
 Бадьярлык см. Баждарлык
 Басво, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 306
 Баждарлык (Бадьярлык), р-н г. Тырново — 462, 463
 Базарджик (Пазарджик, Хаджи-оглу-Базарджик), г. в Варненской губ. (Толбухин, Болгария) — 24, 308, 609
 Базарджикский (Оглу-Базарджикский, Хаджи-оглу-Базарджикский) округ Варненской губ. (Болгария) — 342, 381, 578
 Бакаджинские горы (Болгария) — 492
 Балканский полуостров — 9, 29—31, 54, 64, 80, 124, 134, 151, 170, 206, 253, 269, 270, 355, 439, 441, 456, 496, 538, 614
 Балканы — 7—9, 11—13, 36, 55, 61, 67, 83, 90, 92—94, 96, 103, 104, 106, 122, 124—126, 129—132, 137, 141, 154, 169, 177, 207, 274, 275, 294, 296, 298, 360, 361, 365, 367, 368, 430, 443, 445, 446, 448, 452, 453, 458—460, 471, 472, 482, 483, 493, 500—502, 508, 509, 516, 518, 519, 522—525, 527—532, 539, 542, 555—557, 562, 565, 593, 594, 614, 615
 Балчик, г. в Варненской губ. — 300
 Балчикский (Бальчинский) округ Варненской губ. — 342, 381
 Банат, ист. область в Юго-Восточной Европе. Ограничена на Востоке Трансильванскими Альпами, на Западе р. Тиссой, на севере р. Муреш, на юге Дунаем. Западная часть входит в состав Югославии, восточная — в состав Румынии — 30
 Банско, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Банско, Болгария) — 34, 323
 Бания, с. в Пловдивской губ. (Велинград, Болгария) — 306
 Бания, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 34
 Барганли, с. в Сливенской губ. (Барган, Болгария) — 492
 Батак, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 117, 168, 306, 563
 Батуми, г. — 21, 22, 87, 94, 95, 100, 103, 105, 127, 128, 133, 173—177, 309, 311, 317, 319
 Бачево, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 34
 Бачково, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 306
 Башили, с. в Сливенской губ. (Пырвенец, Болгария) — 494
 Баязет, г. в Эрзерумском вилайете (Турция) — 103, 105, 173, 176
 Беброво (Бебрево), с. в Тырновской губ. (Болгария) — 225
 Бебровская нахия (Болгария) — 296
 Беден, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 336, 395
 Безикская бухта (Безика) у входа в Дарданеллы (Эгейское море) — 69, 71, 72
 Бейкой (Бейкей), с. в Пловдивской губ. (Болярино, Болгария) — 149, 570
 Бейоглу, с. — 117
 Бейрут, г. (Ливан) — 190
 Бела (Бяла), с. в Рушукской губ. (г. Бяла, Болгария) — 299, 308
 Белград — 193, 194, 196, 222, 376
 Белградчикский округ Видинской губ. (Болгария) — 342, 381
 Белица, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 34
 Белово, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 20
 Белорусская ССР — 14
 Бельгия — 602
 Берковица, г. в Видинской губ. (Болгария) — 49, 225, 248, 283
 Берковский округ Видинской губ. (Болгария) — 342, 381
 Берлин — 8, 10, 38, 40, 68, 69, 71, 72, 74, 82, 98, 99, 101, 171—174, 176, 189, 193, 196, 209, 214, 215, 254, 262, 263, 270, 273, 274, 277, 279, 280, 283, 303, 304, 309, 310, 313—315, 327—329, 347—350, 353, 354, 358, 360, 361, 364—366, 373, 374, 391, 401, 407, 410, 412, 414—416, 439, 442, 443, 446, 458, 461, 464, 465, 468, 471, 474, 475, 481, 490, 509, 515, 516, 523, 528, 536, 547, 568, 575, 592, 610, 611
 Бессарабия — 30, 126, 127, 131, 132, 136, 137, 156, 157
 Божю-дере (Буюкдере), населенный пункт на Босфоре, недалеко от Константинополя — 47, 117, 198, 218—220, 225, 227—235, 615
 Битоль (Монастир), г. (Битола, Югославия) — 114, 116, 117, 215, 216
 Битольский округ Битольского санджака (Македония, Югославия) — 114
 Бобошево, с. в Софийской губ. (Болгария) — 323
 Богот (Бохот), с. в Рушукской губ. (Болгария) — 293, 308
 Бока ди Каттаро (Бока Которская), территория, прилегающая к Которскому заливу, принадлежащему Австро-Венгрии (Югославия) — 65, 67
 Болгарени, с. в Рушукской губ. (Болгария) — 308
 Болгария — 7—13, 19, 21—26, 28, 30, 33—38, 41, 44, 46, 47, 49—55, 63, 66—69, 73, 75—86, 88—96, 99, 101, 103, 104, 107, 108, 113, 115, 117, 121, 123, 125, 126, 130, 132, 135—147, 151, 154—157, 159—163, 166, 167, 178—188, 192, 193, 197, 201—218, 220—222, 225, 227, 229, 230, 232, 233, 236, 238, 239, 241, 246—248, 251—253, 255, 264, 266, 268—275, 280, 281, 283—286, 291—302, 308—312, 314—317, 321, 326—328, 332—335, 341, 345, 349, 351—353, 355—362, 364—370, 372, 379—385, 389, 391—395, 399—401, 403, 406—409, 415, 417—425, 428, 432, 433, 435—441, 443, 445—449, 451, 454—460, 462, 463, 465, 467—470, 474, 475, 481, 482, 485, 487—489, 491, 492, 495—498, 501—504, 507, 512, 514, 521, 523, 525—527, 530, 533, 536, 539, 540, 542—546, 549, 553, 555—559, 564—566, 568, 570, 572—574, 577—579, 582—584, 601, 619, 620
 Болгария Восточная — 81, 83, 89—92, 123
 Болгария Западная — 30, 83—85, 89—91
 Болгария Придунайская — 180, 225, 392—394
 Болгария Северная — 13, 102, 123, 126, 130, 132, 136, 138, 141, 142, 150—154, 157, 158, 160, 162, 163, 185, 188, 200, 225, 229, 234, 326, 344, 422, 489, 495, 501, 527, 528, 530, 564, 602
 Болгария Южная (Забалканье) — 32, 38, 100, 102, 104, 129, 132, 136, 138, 141,

- 142, 147, 153, 154, 156—158, 160—162, 183—185, 188, 198, 206—208, 214, 215, 234, 262, 273—276, 327—331, 333, 337, 339, 344, 347, 427—429, 434—436, 438, 449, 473, 491, 495, 496, 501, 503, 508—510, 519, 526, 532, 539, 548, 557, 562—564, 566, 570, 571, 580, 584, 585, 587—590, 593, 594, 596, 598—601, 603—605, 607—609, 614
- Болгарский край — 41, 79, 182, 197
Болгарское государство (княжество) см. Болгария
Боло (Боли), г. в Малой Азии (Турция) — 110—112
Большые Балканы — 556, 557
Босния — 11, 22, 23, 62, 63, 65—67, 81—84, 98, 100, 123, 126, 127, 132, 139, 142, 144, 178, 191, 253, 264, 274, 275, 278, 280, 287, 289, 503
Босотино, с. — 50
Босфор, пролив между Мраморным и Черным морями — 29—31, 48, 51, 53, 54, 69, 87, 123, 125, 317—319
Бояна, р. в Черногории (Югославия) — 59, 76, 78
Брези, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 336
Брезница (Бресник), с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 265, 267, 322
Будапешт — 126, 287, 289
Будилци, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 267, 322
Буково, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 149
Булаир, с. в Галлипольском санджаке Адрианопольского вилайета (Восточная Фракия, Турция) — 71, 72, 317, 319
Булаткулу, с. — 117
Бунарис, с. (Болгария) — 551, 552
Бунар-Хиссар (Бунар-Гисар), г. в Адрианопольском санджаке Адрианопольского вилайета (Турция) — 27, 28
Бургас, г. в Сливенской губ. (Болгария) — 125, 150, 207, 337, 427, 499, 516, 518, 522—525, 527, 528, 530, 531, 561, 562, 569, 609
Бургасский округ — 561, 572, 589
Бурунджук, с. севернее г. Айдоса (Болгария) — 453
Бухарест — 106, 338
Буюк-Баялык, с. в Сливенской губ. (Шарково, Болгария) — 569
Буюкдере см. Бёюк-дере
- Вавклон — 38, 39
Валахия, область на юге Румынии между Карпатскими горами и Дунаем; делится р. Олт на Великоую В. (Мунтению) с главным г. Бухарестом и Малуую В. (Олтению) с главным г. Крайовой — 30, 63, 66, 88, 91, 124
Вардар, р. в Югославии — 36, 37, 82
Вардар, с. в Македонии — 111
Варна, г. Варненской губ. (Болгария) — 8, 14, 15, 21, 22, 25, 27, 60, 103, 105, 125, 154, 155, 165, 166, 172, 175, 190, 213, 225, 300, 309, 311, 317, 429, 451, 455, 456, 464, 474, 475, 480, 482, 483, 498, 504, 541, 542, 551, 577
Варненская губ. (Болгария) — 342, 369, 381, 466, 495, 541
Варненский залив — 542
Варненский округ (Болгария) — 342, 381
- Варненский р-н (Болгария) — 201
Варуш Магала, квартал в г. Плевна — 284
Варшава — 121, 434
Ватос — 116
Велес (Титов-Велес, Югославия), г. в Битольском санджаке Салоникского вилайета — 114
Велико Тырново см. Тырново
Велиош, с. в Северной Македонии — 323
Вена — 8, 11, 35, 37, 40, 46, 47, 52, 53, 59, 61—65, 67, 68, 74, 76—78, 81, 83, 90, 92, 97, 98, 101, 126, 196, 262—264, 280, 286, 288, 309, 311, 349, 350, 483, 484, 490, 536, 549, 555, 575, 576, 611, 613
Ветрен (Ветриново), с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 19, 20
Видин, г. Видинской губ. (Болгария) — 49, 83, 124, 225, 283, 385, 451
Видинская губ. (Болгария) — 85, 89, 146, 147, 180, 187, 343, 344, 369, 381, 495
Видинский округ (Болгария) — 342
Виза, г. в Родостском санджаке Адрианопольского вилайета (Восточная Фракия, Турция) — 268
Вирче, с. в Скопийском санджаке Косовского вилайета (Македония, Югославия) — 54
Владивосток — 31
Влахи, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 265, 266, 276, 323
Водеи, г. в Салоникском вилайете (Македония, Греция) — 114
Вологодская область — 14
Вольнь — 30
Восточная Румелия, часть Болгарии к югу от Балканского хребта — 7—10, 13, 147, 159, 161, 167, 174, 177, 183, 188, 189, 197—201, 203, 207, 214—216, 219—222, 233—238, 257, 261—264, 269—271, 273, 276, 278, 279, 285, 286, 289—291, 298—300, 302, 303, 305, 308, 310, 311, 320, 321, 327, 328, 330—334, 336—339, 345—350, 352—357, 364, 366, 367, 372—375, 377, 378, 389, 390, 395—403, 406—409, 414—425, 427, 429, 431, 434—437, 439—449, 452, 455, 458—460, 464, 466—472, 481—493, 496—501, 504, 505, 507, 508, 510, 514—520, 522—531, 536—540, 542, 543, 545—553, 555—558, 562, 564—566, 568—572, 574—576, 579, 584, 587, 597, 598, 600, 601, 603—607, 609—615, 617, 618
Вранци, с. в Северной Македонии — 323
Вранци, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Враня, Болгария) — 255
Враня, г. в Нишском санджаке Косовского вилайета (Югославия) — 196
Враца, г. Видинской губ. (Болгария) — 14, 34, 35, 48, 70, 108, 113, 225, 243, 283
Врачанский округ Видинской губ. (Болгария) — 342, 381
Вышеград, г. в Сараевском санджаке вилайета Босны (Вышеград, Югославия) — 81, 83
- Габрово, г. Тырновской губ. (Болгария) — 54, 149, 181, 213, 224, 251, 266, 299, 303, 308, 337, 451, 499, 556
Габровский округ Тырновской губ. (Болгария) — 381
Габруво (Габрово), с. в Скопийском санджаке Косовского вилайета (Болгария) — 50, 323

- Гавана — 569
 Галац, г. в Румынии — 30
 Галиция — 30
 Галлиполи, г. и санджак в Адрианопольском вилайете (Гелиболу, Турция) — 285
 Галлипольский полуостров — 317, 319
 Галлипольский р-н — 30
 Гацко (Метохия), населенный пункт в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 67
 Гевгелей, г. в Салоникском санджаке и том же вилайете (Македония, Югославия) — 114, 116
 Гельвеция см. Швейцария
 Гельк, с. севернее г. Айдоса (Болгария) — 453
 Герен, с. в Пловдивской губ. (Долно Ботево, Болгария) — 149
 Германия — 8, 21, 38—40, 97, 100, 101, 193, 263, 271, 373, 374, 435, 436, 465, 470, 472, 483, 484, 491, 507
 Герцеговина — 11, 22, 23, 59, 62, 63, 65—67, 76, 78, 81—84, 98, 100, 126, 127, 132, 139, 142, 144, 264, 278, 280, 287, 289, 503
 Гидеклий, с. в Сливенской губ. (Челник, Болгария) — 494
 Гиоспа, р. (Стрема, Болгария) — 473
 Годлево, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 34
 Голямо Конаре, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 355
 Горна Джумая (Джумая), г. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Благоевград, Болгария) — 203, 265, 276, 284, 323, 341, 409
 Горна Драглица, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 34
 Горнодзумаийский округ (Болгария) — 202, 212, 213, 271, 325, 485
 Горна Ориховица, г. Тырновской губ. (Болгария) — 225, 282
 Горно Деро Кюю, с. — 50
 Горно Райково, с. в Филиппопольском санджаке (Райково, Болгария) — 49
 Горный Студен (Горна-Студена), с. в Русчукской губ. (Болгария) — 308
 Град, с. в Скопийском санджаке Косовского вилайета (Македония, Югославия) — 54
 Градешница, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Горна Градешница и Долна Градешница, Болгария) — 322
 Греция — 12, 38—40, 90, 92, 140, 144, 174, 176, 200, 274, 278
 Гринчар, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 322
 Грузинская ССР — 14
 Гюмюрджина, г. в Галлипольском санджаке Адрианопольского вилайета (Комотины, Греция) — 150
 Гюргево см. Журжево
- Дальний Восток — 31
 Дания — 572
 Дарданеллы — 30, 51, 53, 69, 71, 72, 87, 317, 318
 Дармштадт, г. — 592, 593
 Даушкиной, с. (Болгария) — 155
 Деве-Багор (Деве баир, Велбышки), горный проход — 212
 Деде-Агач (Дедеагач), г. в Галлипольском санджаке Адрианопольского вилайета (Александрополис, Греция) — 150, 167, 186
 Деде-Агачский округ — 268
 Дели-Орман, область на северо-востоке Болгарии (Лудогорие) — 452, 453, 527, 530
 Демир-Гиссар (Демир-Хиссар, Демир Гиссар, Валовиште), г. и округ в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Сидерикастрон, Греция) — 60, 114, 116
 Демотикский (Димотикский) округ в Адрианопольском вилайете — 148, 267, 268
 Дерлюжский р-н, вероятно Дереджикской ский р-н (Добрашица, Болгария) — 403
 Дермендере, с. в Пловдивской губ. (Пырвенец, Болгария) — 156
 Дермендерский р-н — 306
 Дерменкиой, с. в Сливенской губ. (Водевичане, Болгария) — 494
 Джердап (Железные ворота) — сужение долины р. Дунай выше г. Турну-Северин на участке прорыва реки между Карпатами и Балканами — 196
 Джолтепе, горная вершина в Родобах — 89, 91
 Джумайский округ см. Горнодзумаийский округ
 Джумая см. Горна Джумая
 Джуранли, с. в Пловдивской губ. (Калитиново, Болгария) — 308
 Джюлюница, с. в Тырновской губ. (Болгария) — 225, 249
 Диярбекир, г., центр вилайета Диярбекир (Курдистан) (Диярбакыр, Турция) — 79, 111
 Димотикский округ см. Демотикский округ
 Дипсис, р. в Болгарии — 493
 Добри Лаки, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 322
 Доброско (Недоброско), с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 34
 Добруджа, область между нижним течением Дуная и Черным морем (Болгария, Румыния) — 83, 85, 283
 Доганово, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 50
 Долагилар (Долагир, Долна Ряховица), с. в Пловдивской губ. (Загражден, Болгария) — 155
 Долна Ориховица (Ряховица), с. в Тырновской губ. (Болгария) — 225, 245, 249, 282, 284
 Долне Деро-Кюю, с. — 50
 Долно Драглица, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 34
 Долно Райково, с. в Филиппопольском санджаке (Райково, Болгария) — 49
 Дон, р. — 376
 Драганово, с. в Тырновской губ. (Болгария) — 249
 Драгижево, с. в Тырновской губ. (Болгария) — 225, 249, 266, 282
 Драма, г. и каза в Сересском санджаке Сересского вилайета (Западная Фракия, Греция) — 83, 85, 89, 91, 114
 Дряново, с. в Тырновской губ. (Болгария) — 224
 Дубницкий (Дупницкий) округ Софийской губ. — 202, 212, 320, 343, 380, 578
 Дуганово, с. — 50
 Дульцино (Дульсино), г. и порт на Адриатическом море (Ульцини, Черногория, Югославия) — 82, 84

- Дунай — 22, 23, 29, 30, 33, 44, 55, 106, 123, 124, 131, 137, 154, 309, 311, 482
 Дунайские княжества (Валахия и Молдавия) — 103, 104
 Дунайский вилайет — 248
 Дуново, с. в Филиппопольском санджаке (Болгария) — 49
 Душница, г. в Софийской губ. (Станке Димитрово, Болгария) — 277, 323, 409, 465, 466
 Европа — 10, 29, 46, 47, 63, 66, 80, 83, 85, 87, 88, 90, 92, 94, 95, 100, 103, 104, 114, 115, 126, 128—130, 132—136, 138—144, 157, 158, 163, 171, 172, 174, 175, 178, 190, 223, 262, 276, 279, 280, 283, 349, 350, 364—368, 415, 417, 439, 440, 443—448, 456, 464, 466, 467, 474—481, 499—503, 527—532, 544, 546, 547, 549, 550, 554, 555, 562, 568, 569, 571, 579—582, 586, 590, 591, 593—595, 609, 614
 Европа Восточная — 12
 Европа Западная — 183
 Европа Центральная — 36, 37
 Египет — 57, 318, 319
 Эгри-Паланка см. Эгри-Паланка
 Елена, с. в Тырновской губ. (г. Елена, Болгария) — 213, 224, 272, 293
 Еленский (Еленинский) округ Тырновской губ. — 341, 381
 Елidere, р. (Чепинска, Болгария) — 306
 Еллер (Аляяр), с. в Пловдивской губ. (Стамболово, Болгария) — 306
 Ени-Базар, г. в Варненской губ. (Новипазар, Болгария) — 541
 Ени-Загорский округ см. Ново-Загорский округ
 Ени-Загра см. Новая Загора
 Ени-Махле, с. в Пловдивской губ. (Гарваново, Болгария) — 268
 Ени-Махле (Иени-махле), с. в Сливенской губ. (Люлин, Болгария) — 494
 Ески-Загра см. Стара Загра
 Ески-Стамбул см. Преслав
 Жабляк, населенный пункт и крепость в Скутарийском санджаке Албанского вилайета (Югославия) — 67
 Журжево (Гюржево), г. (Джурджу, Румыния) — 338
 Забалканье см. Болгария Южная
 Загора см. Стара Загора
 Загреб, г. в Хорватии (Югославия) — 231, 449
 Звегор, с. в Скопийском санджаке Салоникского вилайета (Македония, Югославия) — 54
 Зимница (Зимнич), г. на Дунае (Румыния) — 70, 293
 Златарица, с. в Тырновской губ. (Болгария) — 225, 249
 Златица, г. в Софийской губ. (Болгария) — 83, 85
 Златицкий округ Софийской губ. (Болгария) — 380, 558
 Иванна, с. в Тырновской губ. (Болгария) — 282
 Играллица, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 323
 Иениджикой (Индже кийой), с. в Пловдивской губ. (Тырково, Болгария) — 306
 Иени-Загора см. Новая Загора
 Иенимахле см. Ени-Махле
 Иерусалим — 178
 Ижаны, округ — 268
 Илдис — 610, 612
 Инджексарли, с. в Сливенской губ. (Окоп, Болгария) — 494
 Индия — 31, 51, 52, 87
 Исетли, с. в Сливенской губ. (Деветак, Болгария) — 493, 494
 Исмилан, с. — 528, 531
 Истевник, с. — 212
 Италия — 271, 284, 430, 470, 472, 491
 Иудея, раннерабладельческое государство в Южной Палестине (около 935 до н. э.) — 178
 Ихтиман, г. в Софийской губ. (Болгария) — 516, 518, 523—525, 527, 530
 Ихтиманский (Эхтиманский) округ (Болгария) — 420, 422
 Йено (Йени) см. Яна
 Кабул — 449
 Кавалла, г. и каза в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Греция) — 21—23, 149, 150
 Каванлык (Кованлык), с. в Пловдивской губ. (Пчеларово, Болгария) — 149, 306
 Кавказ — 29, 86
 Кадыккой, с. в Пловдивской губ. (Луличка, Болгария) — 306
 Кадыккой, с. в Сливенской губ. (Козарево, Болгария) — 494
 Казанлык, г. (Болгария) — 41—43, 102, 184, 272, 299, 332, 397, 499, 527, 530, 609
 Казанлыкский округ — 398, 571, 589, 595
 Казань — 295
 Казыл-Агачский округ Сливенской губ. (Болгария) — 572, 589
 Калофер, г. (Болгария) — 169, 184, 205, 344, 473
 Каменьца, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 322
 Канаглари — 249
 Кандия см. Крит
 Канлиндже — 262
 Карааляр, с. в Пловдивской губ. (Горна крепост, Болгария) — 148
 Кара-Бунар (Карабунар), с. в Филиппопольской губ. (Болгария) — 249
 Карагач, с. — 27
 Караджалар (Караджилар), с. в Пловдивской губ. (Попово, Болгария) — 306
 Караджилар, с. в Сливенской губ. (Сырнево, Болгария) — 494
 Каракая, местность в Ямбольшком округе (Болгария) — 492
 Каракая (Черный камень), с. в Сливенской губ. (Козаре, Болгария) — 492
 Кара-Кюю см. Кара-Хасан-кюю
 Карасу (Кара-Су), р., впадает в Мраморное море (Восточная Фракия, Турция) — 36, 37, 83, 85, 89, 91, 153, 154
 Кара-Хасан-кюю (Кара-Кюю), с. в Тырновской губ. (Лозен, Болгария) — 249
 Карахасан, местность в Восточной Македонии — 277
 Карлово, г. (Болгария) — 15, 32, 42, 102, 168, 169, 184, 344, 527, 528, 609
 Карловский округ (Болгария) — 571
 Карлуково, с. — 50
 Карнобат (Карнобад), г. в Сливенской губ. (Болгария) — 427, 527, 562, 609

- Карнобатский округ — 572, 589
 Карс, г. (Турция) — 94, 95, 103, 105
 Карши-Як (Каршияк) — 323
 Кастамуни, г. в Малой Азии (Турция) — 111
 Каттаро, г. и бухта в Боке Которской (Котор, Югославия) — 62
 Кашар, с. в Пловдивской губ. (Кладенец, Болгария) — 351, 353
 Каяличали, местность в Родопах (Болгария) — 306
 Кемана, округ — 268
 Кеprилью (Кьопрюлю), с. в Пловдивской губ. (Мост, Болгария) — 149
 Керен, с. (Болгария) — 306
 Кесарево, с. в Тырновской губ. (Болгария) — 225, 249
 Кизыл-Агач (Кызыл-Агач, Кызылиндже), с. в Сливенской губ. (Елхово, Болгария) — 528, 531, 569, 609
 Кизыл-Идуси-Клис (вероятно, Казылджиклий), с. в Сливенской губ. (Дряново, Болгария) — 569
 Кызылиндже см. Кызыл-Агач
 Кипр, о-в в восточной части Средиземного моря — 40, 79, 111, 190, 318, 319, 533
 Кирджали, г. в Болгарии — 148
 Кирк-Килисе (Киркилисс, Кирк Клисе), с. в Адрианопольском вилайете (Восточная Фракия, Турция) — 528
 Кирк-Килисский округ (Турция) — 243, 247
 Кшинев, г. — 70
 Кишлакой, с. в Сливенской губ. (Зимница, Болгария) — 494
 Клокотница, с. северо-западнее г. Хаской (Болгария) — 298
 Коаткой (Коват кий), с. в Пловдивской губ. (Силен, Болгария) — 306
 Кованлык, с. в Пловдивской губ. (Пчеларово, Болгария) — 149
 Константинополь (Стамбул, Царьград) — 12, 21—23, 36—38, 51, 53, 56, 57, 63, 64, 66, 69—72, 74, 77, 79, 82, 88, 89, 103, 111, 112, 117, 125, 130, 136, 138, 142, 150, 164, 166, 171—176, 179, 190, 199, 203, 204, 207, 215, 216, 222, 226, 229, 232, 236, 239, 256—260, 262, 271, 274, 285—292, 304, 309, 315, 317, 327, 328, 331, 337, 339, 351—354, 371—373, 378, 380, 401, 402, 408, 414, 422, 427, 430, 431, 434, 435, 438, 440, 443, 459, 460, 462, 465, 467, 471, 473, 480, 482—484, 490, 496, 497, 504, 505, 508, 521, 522, 526, 528, 529, 532, 533, 535—537, 539, 542, 548, 563, 564, 577, 578, 605, 606, 609, 612, 615—619, 621
 Константинопольская провинция — 66
 Константинопольский р-н — 30
 Коушка, округ Пловдивской губ. (Болгария) — 355
 Котел, г. в Сливенской губ. (Болгария) — 60, 266, 498, 617
 Котур — 103, 105
 Кочани, местность, смежная с Малешевской, расположена по среднему течению р. Брегалницы (Македония, Югославия) — 54
 Кочаш, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 148
 Крал-Бунар, с. в Тырновской губ. (Чапаево, Болгария) — 249
 Краснодарский край — 14
 Кремене, с. в Филиппопольском санджаке (Болгария) — 50
 Крещец, с. в Софийской губ. (Болгария) — 276
 Крепицево, с. — 322
 Креспа, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 165, 166, 268, 269, 277, 323
 Крестици см. Крыстилци
 Крестовая гора, в Восточных Родопах (Болгария) — 306
 Кризма Дерси (Кричим), р. в Родопах (Болгария) — 306
 Крит (Кандия), о-в — 87, 140, 143, 144, 245, 438
 Крушилка, с. — 323
 Крушево, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Ахладохорион, Македония, Греция) — 60
 Крым — 128, 201
 Крымская область — 14
 Крыстилци (Крестилци), с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 323
 Ксанти — 150
 Куваклишка, р. в Болгарии — 493
 Куйбшевская область — 14
 Кукуш (Кукошко), г. и округ в Македонии (Югославия) — 114, 116
 Кульский округ Видинской губ. (Болгария) — 381
 Куманово, г. и округ в Македонии (Югославия) — 114
 Кумлуджа, р. в Болгарии — 493
 Курша-Балкан (Куршан-Балкан) — 129, 135, 137, 141
 Кушалар, с. в Пловдивской губ. (Комунига, Болгария) — 149
 Кюстенджа, в Тульчинском санджаке Дунайского вилайета (Констанца, Румыния) — 534
 Кюстендил, г. в Софийской губ. (Болгария) — 54, 155, 177, 178, 231, 266, 282, 287—289, 322, 341, 402
 Кюстендилский округ Софийской губ. — 212, 343, 380, 578
 Кызылиндже см. Кызыл-Агач
 Кынглари, с. в Тырновской губ. (Асеново, Болгария) — 249
 Лазистан, область на северо-востоке Турции — 177
 Левант — 140, 144
 Левочево, с. в Филиппопольском санджаке (Болгария) — 49
 Ленинград — 14
 Ленинградская область — 14
 Лесковац, г. и округ в Сербии (Югославия) — 83, 85
 Лесковец (Лесковица, Лясковец), г. в Тырновской губернии (Болгария) — 180, 181, 225, 245, 249, 282
 Ливадия, летняя резиденция Александра II в Крыму — 197, 199—201, 207, 209, 214, 215, 221, 253, 254, 269, 270, 277: 279, 301, 309, 311, 313, 326, 351, 375, 442, 444, 456, 564, 566, 592, 593
 Ливан — 373, 374, 458, 459
 Лим (Лима), р. и г. Призренском санджаке Албанского вилайета (Югославия) — 62, 65, 67, 78, 127, 133, 139, 142
 Ловеч (Ловча), г. в Тырновской губ. (Болгария) — 15, 73, 155, 221, 224, 272, 294, 308, 337, 405, 457, 520

- Ловчинский округ Тырновской губ. (Болгария) — 341, 381
 Логос, о-в — 167
 Лом-Паланка (Лом), г. в Видинской губ. (Болгария) — 155, 450, 451, 511
 Ломский (Лом-Паланский) округ Видинской губ. (Болгария) — 342, 381, 450
 Лондон — 8, 11, 38, 39, 50, 52, 56—58, 68, 69, 71—73, 86—88, 97, 105, 141, 173, 176, 348, 350, 366, 408, 438, 448, 458, 459, 482—484, 490, 491, 536, 549, 555
 Любница, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 322
 Люле-Бургас, г. и каза в Адрианопольском санджаке (Люлебургас, Турция) — 21—23, 27, 296
 Македония — 7, 8, 10, 11, 13, 23, 79—85, 88—91, 96, 106, 114, 115, 117—120, 163, 178, 179, 184, 199, 200, 203, 210—212, 215, 216, 231, 232, 248, 249, 251, 255, 265—268, 270, 271, 273—275, 277, 280, 282—289, 292, 302, 317, 318, 322—325, 336, 366, 368, 371, 372, 376—379, 392, 423, 428, 434, 438—441, 453—456, 485, 493, 495, 502, 543, 545, 556, 571, 581
 Македония Северная — 323
 Малая Азия — 32, 33, 94, 95, 111
 Малая Валахия — 123
 Малгарайский округ (Восточная Фракия, Турция) — 267
 Малеве (Малково), с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 306
 Малешево (Пиинец), котловина в Македонии по верхнему течению р. Брегалница (главные села — Берово, Пехчево и Царево село) (Македония, Югославия) — 54
 Мальта, о-в в Средиземном море — 54, 87
 Манастир см. Битоль
 Мангалский округ Варненской губ. — 381
 Мангоф (Мангоф), с. в Пловдивской губ. (Сенокос, Болгария) — 148
 Мандра, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 149, 306
 Мансарли, с. в Сливенской губ. (Победа, Болгария) — 495
 Марица, р. в Болгарии — 124, 223, 291, 336, 464, 528, 531
 Марошка, р. в Болгарии — 493
 Мельник (Мелник), г. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 89, 91, 320, 322, 323
 Мельнический (Мелникский) округ (Болгария) — 266, 267, 269, 376
 Мерв — 449
 Мердана, с. в Тырновской губ. (Болгария) — 249
 Мехомия см. Разлог
 Мечка (Мечна), с. в Руссукской губ. (Болгария) — 308
 Мечкуль, с. в Мелникском округе (Болгария) — 376
 Мечна см. Мечка
 Мидирис, с. в Сливенской губ. (Калчево, Болгария) — 495
 Мизия (Северная Болгария) — 114, 115, 225
 Минде (Миндя), с. в Тырновской губ. (Болгария) — 225, 249
 Митлена, г. — 52, 53
 Митровица, г. (Югославия) — 36, 37, 62, 65, 67, 76, 78, 81, 83
 Михайловград, г. на северо-западе Болгарии — 14, 81, 85, 450, 511, 584
 Молдавия — 30, 63, 66, 88, 91, 483
 Моравска, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 267, 322
 Москва — 163, 178, 179, 253, 295
 Московская область — 14
 Мохале, с. в Северной Македонии — 323
 Мраморное море — 51, 53, 54, 56, 57, 69—72, 123, 170, 445, 446, 448, 459, 460, 486
 Мугла, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 336
 Мулла Мусаллар, с. в Пловдивской губ. (Даскалово, Болгария) — 149
 Мустафа-Паша, г. в Пловдивской губ. (Свиленград, Болгария) — 112, 164, 306, 403
 Мустафашахинский р-н (Болгария) — 306
 Наречен, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 306
 Нарман, г. — 556
 Насредин-дере, р. в Болгарии — 493
 Небелкой (Небылкой, Неби кий), с. в Пловдивской губ. (Ново село, Болгария) — 148, 149, 306
 Невестино, с. в Софийской губ. (Болгария) — 323
 Неврокоп, г. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Гоце Делчев, Болгария) — 89, 91, 114, 579
 Неготин, г. в Македонии (Югославия) — 116
 Николаев, г. в УССР — 170
 Николаевск, г. на Дальнем Востоке — 31
 Николаевская область на юге УССР — 14
 Николая св. гора — 83, 85, 90, 92, 322
 Никополь, г. в Руссукской губ. (Болгария) — 308
 Никопольский округ Руссукской губ. (Болгария) — 381
 Никшич, г. в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 67
 Ниш, г. (Югославия) — 83, 85, 196, 283
 Новая Загора (Ени-Загра, Иени-Загра), г. в Сливенской губ. (Болгария) — 168, 184, 224, 267, 285, 331, 339, 344, 416, 418
 Нови-Базар (Нови Пазар), г. (Югославия) — 67, 81, 83, 129, 135, 137, 141
 Ново-Базарский (Ново-Пазарский), санджак, вилайет Босны (Югославия) — 67, 77, 196
 Ново-Загорский (Ени-Загорский) округ (Болгария) — 344, 427, 473, 572, 589
 Новосело (Ново село), с. в Пловдивской губ. (Гыльбово, Болгария) — 306
 Ново село, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 225, 322
 Ново село, с. в Тырновской губ. (Болгария) — 249
 Овчехолмский округ Пловдивской губ. (Болгария) — 355
 Оглу-Базарджикский округ см. Базарджикский округ
 Одесса — 21, 22, 121, 163, 170, 197, 456, 562
 Одесская область — 14
 Одрин см. Адрианополь
 Ольты, г. (Турция) — 177

- Ольхова — 306
Оренбургская область — 14
Орман, с. — 322
Орманды, с. в Адрианопольском санджаке и вилайете (Восточная Фракия, Турция) — 234
Орта кий — 117
Орхание, г. в Софийской губ. (Ботевград, Болгария) — 24, 111
Орханийский (Ботевградский) округ Софийской губ. (Болгария) — 111, 112, 380, 558
Оряхово (Орехово), с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 155, 225, 504
Осеново (Осиново), с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 323
Осман-Базар (Осман-Пазар), г. в Тырновском санджаке Дунайского вилайета (Омортаг, Болгария) — 224, 266, 542
Осман-Базарский округ Тырновской губ. (Болгария) — 341, 381, 578
Отманли (Утманли), с. в Сливенской губ. (Симеоново, Болгария) — 493
Оштава, с. в Сересском санджаке и вилайете (Болгария) — 266, 323
Охрид, г. (Югославия) — 114
Охридское озеро (на границе Албании и Югославии) — 36, 37, 177
- Павлишко (Павелско), с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 306
Пазарджик см. Базарджик
Палаской, с. в Пловдивской губ. (Брезовица, Болгария) — 336
Палат, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 323
Палестина — 57
Панагюриште, г. (Болгария) — 20, 24, 296, 298, 321, 322
Пандекли (Пындакли), с. в Сливенской губ. (Тенево, Болгария) — 494, 495
Париж — 56, 69, 137, 138, 317, 373, 374, 411, 413, 483, 484, 490, 499, 500, 536, 548, 549, 554, 555
Паскалевец, с. в Тырновской губ. (Болгария) — 303
Папмакли, с. в Филиппопольском санджаке (Смолян, Болгария) — 49
Пера, р-н Константинополя — 21, 23, 406, 410, 412, 467, 469, 481, 486, 526, 527, 574, 576, 600, 605, 606, 609, 612
Перин-Шланинка, горы (Болгария) — 322
Персидский залив — 53
Персия — 103, 105
Перуштица, с. в Филиппопольском санджаке Адрианопольского вилайета (Болгария) — 205
Петербург — 21—23, 29, 31, 47, 52, 53, 61, 65, 71, 72, 88, 90, 94, 95, 99, 101, 105, 150, 151, 170, 232, 262, 270, 293, 372, 373, 375, 379, 397—399, 401, 429, 451, 457, 470, 477, 479, 484, 491, 546—548, 564, 575, 576
Петково, с. в Филиппопольском санджаке (Болгария) — 50
Петрич, г. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 114, 116
Пещера (Пештера), г. в Филиппопольском санджаке (Болгария) — 50, 306, 403
Пирдопский округ в Софийской губ. (Болгария) — 558
Пирин-Паланка, г. (Болгария) — 33
- Пирот, г., центр Пиротского санджака Косовского вилайета (Югославия) — 196, 283
Писаница, с. в Филиппопольском санджаке (Болгария) — 49
Пилянецк (Пилянечек), с. — 54
Пилянецкий округ — 54, 322
Плевна (Плевен), г. в Русцукской губ. (Болгария) — 15, 47, 206, 225, 252, 272, 282—284, 293, 294, 308, 333, 451, 504
Плевненский округ Русцукской губ. (Болгария) — 342, 381
Подгорица, г. (Титовград, Югославия) — 67, 173, 176, 373, 374, 411, 413, 419
Полски Трамбеш см. Трамбеш
Порта см. Турция
Порт-Саид, г. в ОАР — 87
Посъете, бухта на Дальнем Востоке СССР — 31
Поти, г. на берегу Черного моря — 87
Праводийский (Провадийский) округ Варненской губ. — 342, 381, 578
Праводы (Провадия), г. в Варненской губ. (Болгария) — 540, 578
Прага — 205, 499
Преслав (Преславль, Эски-Стамбул, Эски-Стамбул), г., древняя столица Болгарского царства — 301
Призрен, г. (Югославия) — 63, 66, 75, 77
Прилеп, г. и округ в Битольском санджаке и вилайете (Македония, Югославия) — 114, 116
Приштина, центр Приштинского санджака Косовского вилайета (Югославия) — 63, 66, 75, 77
Пруссия — 430
- Рагуза, г. в Далмации в Австро-Венгрии (Дубровник, Югославия) — 58, 173, 176
Радовичи, г. и округ в Македонии (Югославия) — 114
Радомир (Радомир), г. в Софийской губ. (Болгария) — 276, 295, 341
Радомирский округ Софийской губ. (Болгария) — 380, 578
Радомир см. Радомир
Разград, г. в Русцукской губ. (Болгария) — 59, 155, 206, 225, 333, 504
Разградский округ Русцукской губ. (Болгария) — 381, 578
Разловци, с. в Скопском санджаке Косовского вилайета (Македония, Югославия) — 54
Разлог (Мехомия), г. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 33—34, 265, 323
Разложский округ (Болгария) — 323
Райковче (Рейково), с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Кашнотипис, Македония, Греция) — 323
Рахово (Ряхово), г. в Видинской губ. (Оряхово, Болгария) — 49, 272, 306
Раховский округ Видинской губ. (Болгария) — 381, 504
Раховский (Видинский) санджак (Болгария) — 146, 147
Рейково см. Райковче
Рейхштатт, г., немецкое название чешского города Закупы — 67, 126, 132
Рила, с. в Болгарии — 276
Рим — 69, 158, 159, 458, 459, 536
Родошы — 7, 21, 150, 167—170, 185, 186,

- 204, 209, 223, 237, 251, 336, 371, 375, 396, 403, 430, 468, 469, 485, 547, 553, 554, 556
- Родос, о-в в юго-восточной части Эгейского моря — 79
- Россия — 7—12, 29—31, 33, 38—40, 48, 51—53, 57—59, 63, 66—70, 73, 76, 79, 81, 88, 91, 94, 95, 97, 98, 100—102, 104, 106, 123, 125, 126, 128, 129, 134, 135, 140, 141, 144, 148, 150, 153, 157, 158, 161, 163, 166, 171, 172, 175, 177—179, 183, 201, 206, 262, 270, 273, 290, 291, 295, 298, 332, 334, 348—350, 354, 357, 359, 360, 362, 364, 367, 368, 378, 385, 398, 399, 402, 414, 424, 429, 446, 447, 449, 450, 452, 465, 467, 469, 470, 491, 499—501, 503, 523—525, 538, 539, 544, 546, 548, 549, 565, 571, 586—588, 591, 602
- Ростовская область — 14, 376
- Румыния — 11, 99, 101, 105, 106, 124, 126, 131, 132, 136, 137, 156, 157, 252, 283, 293, 483, 484, 507, 534
- Русо-Кастро (Русокастро), с. в Сливенской губ. (Болгария) — 569
- Русук (Русчук), г. (Русе, Болгария) — 15, 25—27, 111, 112, 121, 148, 155, 213, 225, 272, 282, 283, 299, 337, 451, 455, 474, 475, 482, 483, 503, 504, 542, 573
- Русуцкая губ. (Болгария) — 25, 90, 92, 146, 147, 342, 369, 381, 495, 579
- Русуцкий округ (Болгария) — 342, 381, 578
- Ряховица см. Долна Оряховица
- Саделац (Седелец), с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 323
- Салоники (Солунь), г. (Греция) — 21—23, 36, 37, 67, 75—78, 83, 114, 116, 117, 177, 215, 216, 232, 323
- Салоникский вилайет — 248
- Салслы-Дере, р. — 528, 531
- Самара — 295
- Самоков, г. в Софийской губ. (Болгария) — 23, 44, 181, 186, 191, 244, 296, 341, 409, 441, 451
- Самоковский округ Софийской губ. (Болгария) — 343, 380, 409, 578
- Сан-Георгио, с. — 223
- Сан-Стефано, г. в Восточной Фракии на берегу Мраморного моря (Турция) — 21—23, 32, 47, 52, 55, 56, 61, 63, 67, 71, 76, 79, 81—83, 86, 88, 93, 94, 96, 102—106, 110, 113—115, 121, 127—129, 171, 172, 198, 203, 209, 219, 225, 226, 254, 287, 296, 310, 313, 360, 411
- Сарныдж (Сарныч), с. в Пловдивской губ. (Сырница, Болгария) — 306
- Севастополь — 170, 456, 564
- Севлиево (Сельви), г. в Тырновской губ. (Болгария) — 224, 248, 251, 282
- Севлиевский (Сельвиевский) округ Тырновской губ. (Болгария) — 341, 381
- Седелец, с. в Северной Македонии (Болгария) — 323
- Сейменли, г. (Болгария) — 427, 528, 531
- Сербия — 11, 21—23, 40, 61, 62, 64, 65, 67, 74—78, 81, 83—85, 89, 91, 96, 99, 101, 123—127, 132, 133, 156—158, 178, 194—196, 222, 255, 278, 280, 473, 507, 534
- Сербия Старая, Ново-Базарский санджак (Югославия) — 62, 63, 65, 66, 75, 77, 82, 85, 88, 91
- Серес, г., центр Сересского санджака Салоникского вилайета (Серре, Греция) — 89, 91, 114, 115, 277, 287, 376
- Сересский санджак (Греция) — 82—85, 89, 91
- Силиврийский округ (Турция) — 267
- Силиврия, г. в Родостском санджаке Адрианопольского вилайета (Восточная Фракия, Турция) — 267
- Силистрийский округ (Болгария) — 381, 578
- Силистрия, г. в Русуцкой губ. (Силистра, Болгария) — 26, 27, 155, 482, 483
- Сирия — 57, 234, 235, 318, 319
- Систово, г. (Свиштов, Болгария) — 19, 41, 43, 155, 225, 282, 308, 320, 333, 451, 504, 520
- Систовская губ. (Болгария) — 90, 92, 146, 147
- Сятовский округ — 342, 381
- Скопле (Скопие, Скопья), г. (Македония, Югославия) — 114, 284
- Скутари, г. (Шкодер, Албания) — 59
- Сливенская губ. (Болгария) — 43, 92, 146, 147, 159, 162, 164, 171, 233, 237, 250, 340, 343, 399, 400, 403, 427, 445, 452, 453, 492, 495, 587, 588, 594
- Сливенский округ (Болгария) — 511, 571, 589
- Сливница, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 322
- Сливници, с. в Софийской губ. (Болгария) — 267
- Сливно (Сливен), г. (Сливен, Болгария) — 10, 32, 33, 92, 110, 112, 183, 184, 193, 210, 233, 242, 243, 247, 268, 302, 332, 339, 341, 415, 418, 427—430, 435, 436, 490, 491, 497, 498, 508, 510, 519, 520, 523, 525—528, 530, 531, 538, 561, 562, 564, 569, 579, 583, 603—605, 609, 615, 616, 618.
- Сопот, г. (Вазовград, Болгария) — 32, 42, 184, 205, 296, 473, 527, 528, 530, 531
- Софийская губ. (Болгария) — 8, 20, 33, 83, 85, 146, 147, 153, 154, 159, 162, 163, 180, 187, 249, 294, 298, 340, 376, 380, 495
- Софийская область (Болгария) — 502
- Софийский округ (Болгария) — 202, 255, 369, 380
- Софийский пашалык (Болгария) — 37
- София (Средец), г., центр Софийской губ. (Болгария) — 9, 12—14, 27, 28, 36, 45, 69, 70, 73, 83, 84, 106, 107, 125, 155, 177, 181, 187, 200, 205, 208, 212, 213, 221, 225, 231, 237, 248, 251, 255, 272, 276, 277, 281—284, 292—297, 300, 308, 314, 315, 321, 322, 324, 327, 333, 334, 337, 340, 341, 357, 359, 363, 390—394, 401, 402, 406, 415—418, 422, 425, 432, 435, 436, 439, 441, 451, 457, 462, 463, 465, 466, 487, 491, 521, 533, 534, 558, 619, 620
- Спич (Спица), залив Адриатического моря в Далмации, в Австро-Венгрии (Югославия) — 67, 96, 127, 133
- Спуж, турецкая крепость и населенный пункт в Скутарийском санджаке Албанского вилайета (Югославия) — 67, 127, 372—374
- Средец см. София
- Средиземное море — 11, 69, 87
- Средняя Азия — 31, 449
- Ставропольский край — 14

- Стамбул см. Константинополь
 •Станимак, г. в Пловдивской губ. (Асеновград, Болгария) — 156, 403, 528, 531
 Станимакский округ (Болгария) — 306
 Станимакский р-н (Болгария) — 306
 Станимакское ущелье (Болгария) — 306
 •Стара Загора (Ески-Загра, Эски-Загра, Загора), г. в Пловдивской губ. (Старая Загора, Болгария) — 102, 164, 168, 184, 208, 209, 224, 267, 344, 435, 436, 563, 609
 •Стара-Загорский округ — 344, 427, 473, 572, 589
 Стевник, с. в Скопском санджаке Косовского вилайета (Македония, Югославия) — 54
 Страджа, с. в Сливенской губ. (Болгария) — 492
 Страджинский гел, ущелье (Болгария) — 492
 •Стратеш, р-н г. Ловчи — 406
 •Стремский округ Пловдивской губ. (Болгария) — 355
 •Стримон, долина, см. Карасу
 •Струма, р. в юго-западной Болгарии — 63, 66, 153, 154, 212, 323
 •Струмица, г. и округ в Сересском санджаке Салоникинского вилайета (Македония, Югославия) — 114, 115
 Султан-ери, область в Восточных Родонах — 148
 •Суруджили (Суруджалий), с. в Сливенской губ. (Чарда, Болгария) — 494
 •Сухин Дол (Сухиндол), с. в Тырновской губ. (Болгария) — 284
 •Сушица, с. в Тырновской губ. (Болгария) — 249
 •Сушица, с. в Сересском санджаке Салоникинского вилайета (Болгария) — 213
 •Суэцкий канал — 36, 37, 53, 253
 Сырнегорский округ Пловдивской губ. (Болгария) — 355
 •Сырп-Пазар, р-н г. Ловчи — 406
 Тавшан-тепе, с. в Сливенской губ. (Извор, Болгария) — 495
 Тарашкиной, с. в Сливенской губ. (Крушево, Болгария) — 494
 •Татар-Базарджик (Татар-Пазарджик), г. в Пловдивской губ. (Болгария) — 19, 20, 102, 267, 268, 528, 531, 599, 608
 Татар-Базарджикский (Татар-Пазарджикский) округ (Болгария) — 19, 290, 377, 379, 572
 Татар-Базарджикский р-н — 149, 306, 403
 Твердица, с. в Сливенской губ. (Болгария) — 527, 530
 Тернова, с. (Болгария) — 492, 494
 Терново см. Тырново
 Тетевен, г. в Тырновской губ. (Болгария) — 111, 276, 297
 Тетово, г. в Скопийском санджаке Косовского вилайета (Македония, Югославия) — 114, 116
 •Тиквеш, р-н в Македонии (Югославия) — 114, 116
 •Тифлис (Тбилиси) — 87, 121
 Тработовице, с. в Скопском санджаке Косовского вилайета (Македония, Югославия) — 54
 Тракия см. Фракия
 Трамбеш (Плоски Трамбеш), с. в Тырновской губ. (Болгария) — 225, 249
 Трансильвания — 30, 123
 Триполи, г. и порт в северо-восточной Африке (Ливия) — 111
 Трявна, г. в Тырновской губ. (Болгария) — 224
 Тузлук, область на северо-востоке Болгарии — 342, 527, 530
 Тула г. — 457
 Тульчинская губ. (Румыния) — 159, 160
 Тульчинский санджак — 146, 147
 Тунджа (Тунжа), р., левый приток Марицы (Болгария) — 169, 493
 Туртукайский округ Русуцкой губ. (Болгария) — 342, 381
 Турция (Порта) — 7—12, 21, 23, 29—31, 33, 36, 37, 40, 47, 48, 54, 56, 57, 62, 64, 66, 71—73, 75, 77, 79, 81, 82, 84, 90, 92, 94, 95, 103—105, 122, 123, 125—129, 131, 133, 134, 137, 138, 140, 142—147, 150—152, 155, 158, 161, 163, 167, 171, 172, 174—177, 185, 189—191, 202, 203, 219, 226, 228, 232, 234, 237, 245, 253, 256—261, 263, 269, 270, 273, 276—280, 291, 304, 305, 312, 313, 316, 318, 319, 328, 330, 337, 340, 352—354, 361, 362, 365—368, 375, 392, 400—403, 407, 408, 410—415, 417, 419, 424, 430, 431, 449, 455, 456, 458, 460, 462, 464, 468—472, 474, 481—487, 489, 498, 500—502, 505—507, 511, 515, 517, 519—522, 523, 525, 528, 532—534, 547, 558, 563, 565, 568—570, 575, 576, 589, 594, 601—603, 605, 609—614, 618
 Турция Азиатская — 111
 Турция Европейская — 21, 36, 37, 98, 100, 277, 481
 Турпан, с. — 50
 Турракан (Туртукай), г. в Русуцкой губ. (Болгария) — 26
 Тюркмен, с. в Сливенской губ. (Тамарино, Болгария) — 494
 Тырново, с. в Сливенской губ. (Болгария) — 492
 Тырново (Велико Тырново, Терново, Болгария) — 15, 19, 111, 155, 169, 185, 192, 200, 208, 210, 211, 213, 224, 225, 229, 231, 242, 251, 252, 266, 272, 282—284, 293, 299, 302, 308, 324, 326, 337, 345, 355—357, 359, 360, 377, 380, 390—392, 394, 401, 402, 405, 407—409, 415—418, 422—424, 434—436, 438—441, 451, 455, 456, 460—462, 465, 466, 476, 478, 480, 487, 499—501, 508, 510, 512, 519, 528, 531, 534, 535, 537, 540, 541, 543, 545, 551, 552, 556, 559, 561, 572, 573, 578, 583, 592, 607, 615
 Тырново-Сейменли, г. в Пловдивской губ. (Марица, Болгария) — 569
 Тырновская губ. (Болгария) — 146, 147, 180, 296, 324, 369, 495
 Тырновский округ (Болгария) — 341, 380
 Убчили (Упчели), с. в Сливенской губ. (Асеново, Болгария) — 495
 Узунджово, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 152, 153, 159, 579
 Узун-Кеприйский округ (Восточная Фракия, Турция) — 268
 Узун-кой, с. (вероятно с. Узунджово в Пловдивской губ., Болгария) — 551, 552
 Украинская ССР — 14
 Урум-чифлик, с. в Сливенской губ. (Стара река, Болгария) — 495
 Ускуп, с. — 27, 28

- Ускюдар, с. — 117
 Устово, с. в Филиппопольском санджаке (Болгария) — 49
 Утманли, с. — 493
- Фатово, с. — 50
 Февер, р-н Константинополя — 117
 Фере, с. в Адрианопольском санджаке и вилайете (Западная Фракия, Греция) — 267, 268
 Фессалия, область в вилайете Янина Центральной Греции — 90, 92, 140, 141, 144, 274, 275
 Филиппополь (Филибе), г. (Пловдив, Болгария) — 14, 24, 32, 42, 43, 45, 73, 82, 83, 85, 102, 111, 112, 122, 125, 141, 144, 150, 153, 155, 156, 160, 164, 167, 168, 179, 197, 198, 205—208, 211, 215—217, 232, 233, 236—239, 246, 250, 257, 258, 261, 267, 268, 272—275, 285, 289, 290, 294—296, 299, 303, 305, 306, 308, 320, 321, 326, 327, 329, 331, 332, 336, 339, 343, 344, 353—355, 371, 377, 378, 390, 397, 398, 403, 407, 408, 414—420, 422, 425, 427, 429, 430, 435, 436, 442, 444, 445, 459, 460, 464, 466, 468—471, 473, 477, 479, 481, 495, 496, 501, 504, 505, 508—510, 521, 526—532, 537, 539, 540, 547, 548, 550—552, 554—556, 562, 566, 579, 591, 593, 598, 600—603, 606—609, 511, 613—618, 620, 621
 Филиппопольская губ. (Болгария) — 41, 82, 84, 146, 147, 159, 162, 164, 237, 238, 250, 295—297, 399, 400, 403, 445, 495
 Филиппопольский округ (Болгария) — 20, 205, 290, 336, 377, 571, 589
 Филиппопольский р-н (Болгария) — 149, 306
 Финский залив — 31
 Фиуме, г. в Хорватии, в Австро-Венгрии (Риека, Югославия) — 449
 Фракия (Тракия), область на юго-востоке Балканского п-ва — 10, 33, 80, 114, 115, 117, 150, 163, 178, 186, 211, 234, 271—273, 277, 302, 371, 372, 377, 378, 392, 394, 409, 419, 434, 436, 440, 441, 453, 454, 499, 563
 Фракия Восточная — 183
 Фракия Южная — 7, 23, 163, 379
 Франция — 56, 57, 129, 135, 137, 256, 258, 260, 271, 317, 357, 359, 391, 392, 470, 471, 478, 491, 548, 549, 554, 581
 Фридрихсруэ, имение О. Бисмарка — 97, 99, 101
- Хабса — 306
 Хаджи-оглу-Базарджик см. Базарджик
 Хаджи-оглу-Базарджикский округ см. Базарджикский округ
 Хайробол (Айробол), г. в Родостском санджаке Адрианопольского вилайета (Восточная Фракия, Турция) — 430
 Хамзорец, с. в Сливенской губ. (Безмер, Болгария) — 494
 Ханово, с. в Сливенской губ. (Болгария) — 494
 Харманлий (Германли), г. в Пловдивской губ. (Болгария) — 307, 403, 569, 609, 615, 616, 619
 Харманлийский округ (Болгария) — 572
 Харьков — 295
 Хасбигли, с. в Сливенской губ. (Добриново, Болгария) — 494
- Хасевица, с. в Филиппопольском санджаке (Болгария) — 49
 Хаскёй (Хаской, Хасково), г. в Пловдивской губ. (Болгария) — 148, 152, 159, 223, 339, 416, 418, 609
 Хаскёйский (Хаскойский) округ (Болгария) — 19, 148, 152, 153, 572, 615, 616
 Хаскёйский (Хаскойский) р-н (Болгария) — 306
- Царево село, с. в Скопском санджаке, Косовского вилайета (Македония, Югославия) — 54, 212, 323
 Царьград см. Константинополь
 Царское село, г. в Петербургской губ. (Пушкин) — 153, 154, 156, 157
 Царство Польское — 30
 Церковна см. Черковна
 Церова курия, с. в Тырновской губ. (Болгария) — 249
 Цетинье, столица Черногории (Цетине, Югославия) — 65
 Цырварца, с. в Софийской губ. (Болгария) — 322, 323
 Цырвеник (Црывенец), с. в Скопском санджаке Косовского вилайета (Македония, Югославия) — 54
- Чаталджи (Чаталджа), с. в Родостском санджаке Адрианопольского вилайета (Восточная Фракия, Турция) — 71, 72
 Чаталджийский округ (Турция) — 267
 Чатыр гора — 89, 91
 Чеперли (Чепеларе), с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 395
 Чераган, с. в Сливенской губ. (Болгария) — 494
 Червен бряг, местность в р-не Ловеча (Болгария) — 406
 Черешница, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 322
 Черковна (Церковна), с. в Руцукской губ. (Болгария) — 308
 Черная скала, местность в Кюстендилском округе — 212
 Черно Вода — 297
 Черногория — 11, 22, 23, 49, 58, 59, 61, 62, 64, 65, 67, 75—78, 81—85, 89, 91, 96, 98—101, 123—127, 132, 133, 139, 142, 144, 157, 173, 176, 278, 280, 310, 312, 372, 484
 Черное море — 30, 31, 123, 137, 138, 141, 142, 471, 472, 528, 531
 Черноморское побережье — 29, 86
 Чешме Эйрем, р. в Болгарии — 493
 Чинкудже, с. в Сливенской губ. (Джинот, Болгария) — 494
 Чирпан, г. в Пловдивской губ. (Болгария) — 268, 339, 609
 Чирпанский округ (Болгария) — 571, 589
 Чокманово, с. в Филиппопольском санджаке (Болгария) — 50
 Чорлы (Чорлу), округ в Адрианопольском Санджаке (Турция) — 267
- Швейцария (Гельвеция) — 373, 374
 Шипка, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 179, 184, 206, 274, 275, 296, 299, 308, 455, 473, 498
 Шипкинский проход (перевал) — 178, 483
 Широка-Лька, с. в Пловдивской губ. (Болгария) — 336, 395
 Штип (Штиб), г. в Скопском санджаке

- Косовского вилайета (Македония, Югославия) — 114, 116
- Шумла (Шумен), г. в Руссукской губ. (Болгария) — 21, 22, 59, 60, 103, 105, 125, 165, 166, 170, 172, 175, 190, 225, 301, 309, 311, 317, 319, 333, 429, 451, 482, 483, 498, 503, 541, 542, 551, 578
- Шумлинский (Шуминский) округ Руссукской губ. (Болгария) — 342, 369, 381, 578
- Шумлинский р-н (Болгария) — 201
- Шустница — 323
- Эгейское море — 36, 37, 67, 74, 82, 89, 101, 102, 104, 126, 129, 132, 135, 191, 263, 264, 287, 288
- Эгри Паланка (Егри-Паланка), г. и округ в Македонии (Крива Паланка, Югославия) — 323
- Эни-Загрский округ см. Ново-Загорский округ
- Эпир, область вилайета Янина (Греция) — 92, 141, 144, 274, 275
- Эрзерум, г. и центр Эрзерумского вилайета (Эрзерум, Турция) — 173
- Эски-Джумайский округ Руссукской губ. (Болгария) — 342, 381, 578
- Эски-Джумая (Ески-Джумая), г. (Тырговиште, Болгария) — 579
- Эски-Загра см. Стара Загора
- Эски-Загринский округ см. Старо-Загорский округ
- Эски-Стамбул см. Преслав
- Эхтиманский округ см. Ихтиманский округ
- Юглюк, с. в Адрианопольском санджаке и вилайете (Дарец, Болгария) — 148
- Юруклеры, с. в Тырновской губ. (Владислав, Болгария) — 249
- Яблоница, с. в Софийской губ. (Болгария) — 28
- Яйнаджик, с. (вероятно, Яйледжик в Пловдивской губ.) (Висока поляна, Болгария) — 306
- Якоруда, с. в Сересском санджаке Салоникского вилайета (Болгария) — 34, 323
- Якурты см. Якоруда
- Ялта — 197, 232
- Ямбол, г. в Сливенской губ. (Болгария) — 110, 184, 268, 285, 331, 339, 427, 493, 494, 562, 570, 609
- Ямбольский округ — 492, 493, 571, 589
- Яна (Йено, Йени), с. в Адрианопольском санджаке и вилайете (Восточная Фракия, Турция) — 28
- Яхали (Ахялий), с. в Пловдивской губ. (Машиново, Болгария) — 149

ИСПРАВЛЕНИЯ

к II тому

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
218	1 св.	1. Хотя настоящий документ относится к территории Румынии, . . .	1. Хотя настоящий документ относится к территории современной Румынии, . . .
515	17—19 св.	1878 г. февраля 12. — Письмо архимандрита М. Кусева Н. П. Игнатьеву о необходимости объединения болгарского и македонского народов в политическом и церковном отношении	1878 г. февраля 12. — Письмо архимандрита М. Кусева Н. П. Игнатьеву о необходимости присоединения Фракии и Македонии к Болгарскому княжеству

к III тому

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
114	кол. спр. 23 св.	голяма	голема
114	кол. спр. 22, 7, 2 св.	от	од
115	кол. спр. 32, 33 св.	от	од
115	2—3 св.	«Болгарская община в Струмице.	«Болгарская община в Струмице. 1870».
173	17 св.	aigalement	également
267	7—13 св.	1878 г. 28 сент[ября] Силиври, 29 сент[ября] Чорлу Демотика 30 сент[ября] Феря, Демотика Малгара	1878 г. 28 сент[ября] Силиври Чорлу Чаталджа 29 сент[ября] Демотика Феря 30 сент[ября] Демотика Малгара
295	15 св.	в помощи скудостью	в помощи со скудостью
300	15 св.	поставление	постановление
379	6 св.	А. Д. Людсканова	А. К. Людсканова
460	3 св.	se	се
475	5 св.	се	се
484	4 св.	Богороди	Богориди
555	8 св.	А. Богороди	А. Богориди
557	10 св.	А. Богороди	А. Богориди
570	12 св.	х. Димитър, х. Петров	х. Димитър х. Петров

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	7
Документы	
1878 г. (№ 1—244)	17
1879 г. (№ 245—390)	387

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Список литературы, использованной в примечаниях к документам	625
Список фондов, использованных в третьем томе сборника	628
Перечень документов	630
Указатель имен	647
Указатель географических названий	665

**Освобождение Болгарии от турецкого ига,
т. III**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Л. М. Алексеева*

Технический редактор *А. П. Ефимова*

Сдано в набор 18/VIII 1967 г. Т-14823. Подписано
к печати 2/XI 1967 г. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага ти-
пографская № 1. Усл. печ. л. 59,5. Уч.-изд. л. 64,4.
Тираж 1200 экз. Тип. зак. 486. Цена 4 р. 26 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

4 р. 26 к.

ОСВОБОЖДЕНИЕ
БОЛГАРИИ
ОТ
ТУРЕЦКОТО
ЯТА

3